

СРАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ СЪ ТѢМЪ, ЧТОБЫ ПО ОТПЕЧАТАНІИ ПРЕДСТАВЛЕНО
БЫЛО ВЪ ЦЕНСУРНЫЙ КОМИТЕТЪ ЗАКОНЕННОЕ ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. С. ПЕ-
ТЕРБУРГЪ, МАЯ 11 ДНЯ, 1838 ГОДА.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

Въ типографіи Сахарова.

СВАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА,

СОБРАНИЕ И. САХАРОВЫХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ-

КНИГА ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Санктпетербургъ

1844-

Созвельте высущихъ, люди добрые, слово вѣстное,
прилоудѣте рѣчь лебединою слова немудрыя, какъ въ
стары годы, презеніе, жили люди старыя. А и то-то ро-
дникъ, бѣли вѣки мудрыя, вѣки мудрыя, народъ все пра-
вославный. Живали-то старики не по нашему, не по
иному, по ваярскому, а по своему, православному. А
ожитъ-то, ожитъ-то ~~было~~ все привольное, да раздольное.
Вставали раннѣ раненѣ, съ утренней варей, умыва-
лись княжевой водою со бѣлой росой, мазились вѣтъмъ свя-
тымъ и чудникамъ, кланялись вѣтъмъ роднымъ отъ восто-
ка до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшетог-
кой, созывали сущъ вѣрныахъ на добри дѣла. Старики
радъ радилъ, молоде сиушала; старики придумывали крѣп-
кія думушки, молоде бѣвали во посылушкахъ. Молодые
молодцы правили домкомъ, красныя дѣвицы авивали вѣн-
ки на Семикъ день; старыя старушки судили, радилъ и
сказки сказывали. Бывали радости великія на великѣ
день, бѣвали бѣды со кручинами на велико сиротство. А
это было, то было поросло, а это будетъ, то будетъ
не по старому, а по новому. Будниахъ людямъ долгое
ожитъ, а родимой сторонѣ долъ того.

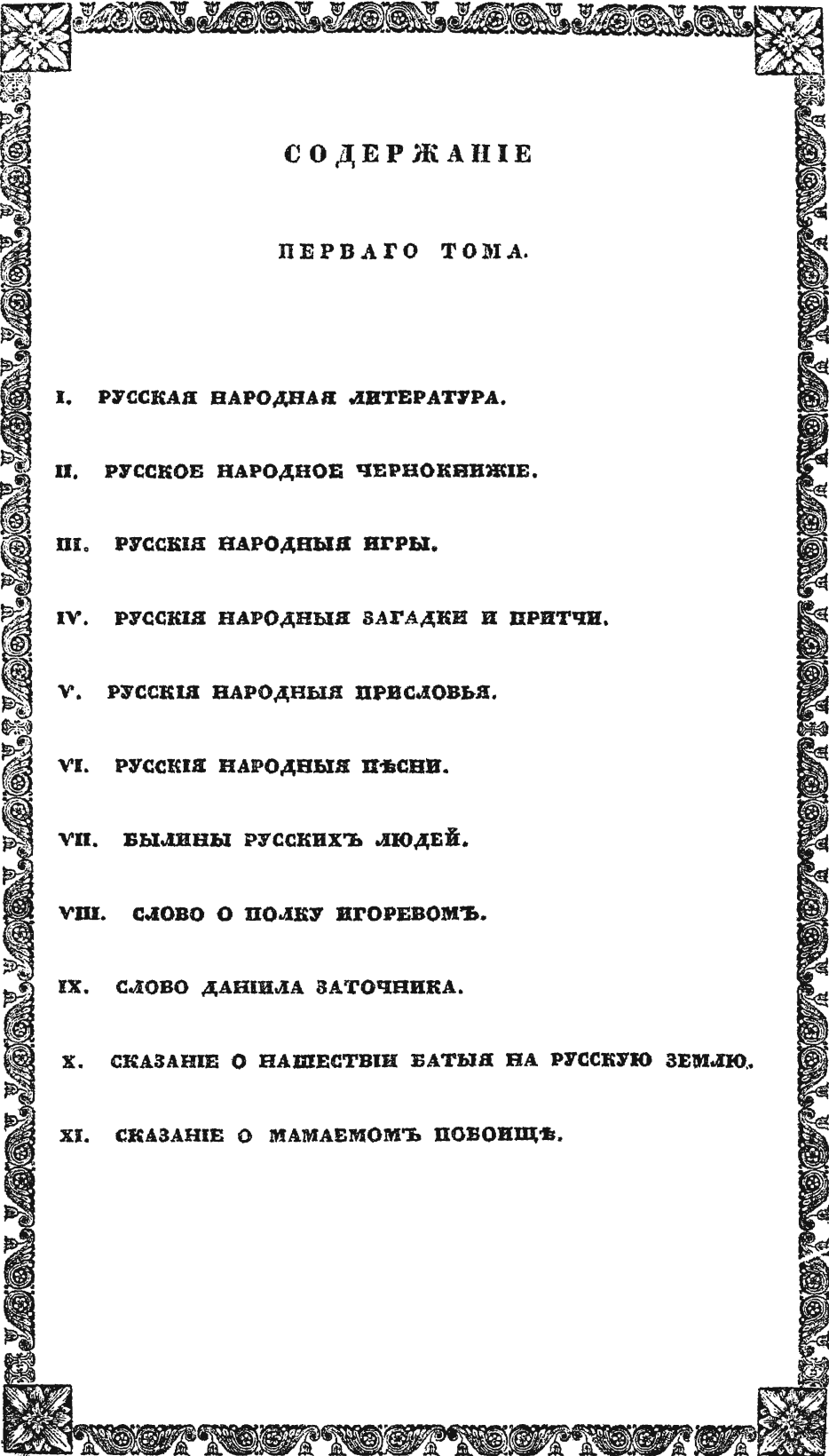
РОДИНЪ

И

ШРЕДКАМЪ

ПОСВЯЩАЮ МОЕ СОБРАНІЕ.

Первое мое слово обращаю къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ. Торжусь, какъ Русской, участвіемъ моимъ соотечей въ собраніи родныхъ преданій, и торжествую, что мой обѣтъ, данный родинѣ съ юныхъ лѣтъ, исполненъ при ихъ содѣйствіи. Съ радостію произношу имена моихъ соотечей, потѣвившихъ меня своимъ участвіемъ, и всемою за родину, что могу сказать Русское спасибо! добрымъ людямъ: А. К. Оленину, А. Х. Востокову, Кн. В. О. Одоевскому, Н. П. Воейкову, Н. П. Яковлеву, А. Н. Кастерину, В. Т. Анастасевичу, А. В. Терещенко, В. А. Акилову, Т. С. Попову, Ю. Н. Бартевеву, В. Н. Давю, Н. А. Камасеву, Т. Н. Париханину, Н. О. Афремову.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРВАГО ТОМА.

- I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.
- II. РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ.
- III. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ.
- IV. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.
- V. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.
- VI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.
- VII. БЫЛИНЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.
- VIII. СЛОВО О ПОЛЕУ ИГОРЕВОМЪ.
- IX. СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧНИКА.
- X. СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.
- XI. СКАЗАНИЕ О МАМАЕМОМЪ ПОВОИЩѢ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю,
Какъ бы въ старь годы, прежнiе,
До тѣхъ времена первоначальныя.

СЛОВО КЪ РУССКИМЪ ЛЮДИМЪ.

О Боине, ю стараго времени! Абы ты сіа плькы ушекоталъ,
ю по мысливу древу, летая уможъ подь облаки, снывая славы оба полы
его времени... Чили въспѣти было вѣщей Боине, Велесовъ внуче!

Въ исторіи Русскаго народа досель изображали только одну Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, которую бытъ, единственную въ жизни стверниахъ народовъ. Кто опишетъ намъ Русскую жизнь? Не урюели туюземецъ? Мы одни можемъ верно изобразить свою жизнь, представить свой бытъ со всеми измѣненіями; этого Россія ожидаетъ только отъ Русскихъ. Ни одинъ туюземецъ не пойметъ восторговъ нашей семейной жизни: они не разогрѣютъ его воображенія, они не пробудятъ такихъ воспоминаній, какими наполняется Русская грудь, когда ея бытъ совершается во огню. Отъ этого-то наши родные намъвы такъ сладко говорятъ Русской дущи о роднитъ и предкахъ; отъ этого-то наши бытмы такъ умильно воспоминають о горъ дѣдовскомъ; отъ этого-то наши счаски такъ утиши-

но радуют нас своим родным языком; от этого-то наши игры так утешают молодежь после тяжких трудов; от этого-то на наших свадьбах так ртзво веселится пыльная душа мужалющих поколений; от этого-то въ суетврныхъ повтрррррхъ нашего народа отражается общая мировая жизнь. Все это составляет нашу народность и въ этомъ вмщцается вся Русская семейная жизнь.

Жалрасно думаем, что только однгъ записи Летописцевъ могут служить основанемъ для исторш Русскаго народа. Развтъ наши пьсни, наши сказки, наши былинны, наши повтррррр были выраженемъ другихъ народовъ? И будто Русскш такъ можетъ думать? Жуть! Онъ знаетъ, что все это было въ его родной сторонъ, что все это высказывалось нашими предками, и обо всемъ этомъ забываютъ говорить въ исторрррхъ Русскаго народа. Если бы еужеземецъ спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостш пригласили его на Русскш Святки въ старинный боярскш домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантавш, сказали бы ему: Вотъ ея памятники! Вотъ наша старая Русская жизнь! Было время, когда всемъ этимъ дорожили, когда все это любилъ, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованные Европейцы восхищались нашими пьснями; но можно ли насъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей народной поэзш слышали только отголоски, высталивш изъ восторженной души; но они не могли постигать нашихъ былинъ, создаваемыхъ вдохновенемъ и восторгомъ въ полномъ наслажденш семейной жизни.

Много помбло на нашей землъ родныхъ преданш, драгоцщныхъ для исторш, незабвенныхъ для потомства. Краса

Русских князей, враг неправды и владычества, витязь отважный, ездо вѣтковое—Мстиславъ Удамый великаво красуется въ нашей исторіи и славится памятью въ былинахъ народныхъ. Исторіки объ этихъ былинахъ не знаютъ. Мы переводимъ вѣдорныя повѣсти, а не хотимъ вспомнить о думѣ: Иванъ-Озеро, думѣ неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для насъ памятники угаснувшей словесности: Пѣснь о Полку Игоревомъ и Сказаніе о Куликовской битвѣ. Если бы народныя быliny были изданы, вѣрно все непонятныя слова въ Пѣсни о Полку Игоревомъ сроднились съ нашими понятіями, и тогда, можетъ быть, постыдился бы говорить, что нашася Болановъ не бывало, это эта пѣснь: есть современное наше произведеніе.

Вспомните добрыя Русскіе люди, это наши предки любимыя, гдѣ они родились, гдѣ жили ихъ отцы, гдѣ стояли грудью за родину. Въ старину въ вѣчныхъ словахъ славилась родина, славилась хижина, славилась рѣка, близъ которой миковала свою побѣду дѣдъ и прадедъ. Рѣки: Волховъ, Москва, Волга, Ока, Донъ, Дунай, Днепръ—незабыты Русскими. Первое воображеніе, олицетворивъ богатырскою отвагою побѣдныя берега рѣкъ, произвело прелестные народныя созданія. Пѣснь о Донѣ имѣетъ свою неподражаемую оригинальность, свою вѣтковую самобытность, свою первобытную поэзію, свою исторію. Волховъ, безмолвный свидѣтель великихъ событій, воскрешаетъ забытые народы. Ока грустно припоминаетъ о набѣгахъ Татаръ, стѣсняетъ груду тѣсношѣвца и тяжельмѣ звукомъ навѣваетъ бывшее страданіе отизны. Волга, утѣлявшая южажду безчисленныхъ племенъ, памятна тѣснями и разбоями. Въ пѣсняхъ Днепровскихъ славится дворъ великаго Владимира, его могучіе богатыри, его отважныя походы. Дунай говоритъ

наль о другихъ, вабытыхъ Русскихъ походахъ. Это все ола-
нается и доселѣ въ разныхъ селеніяхъ; но объ этомъ немного
напетано.

Но я первый принимаюсь за описаніе Русской семейной
жизни; наши археологи уже прежде меня успѣли заслужить
лестное одобреніе отъ соотечественниковъ. За долго до меня
много было приготовлено Русскихъ изысканій; но еще болѣе
представляется надеждъ въ будущемъ

Въ Сказаніяхъ Русскаго народа я помѣстилъ все то, что
было собрано мною во время путешествія по губернямъ Туль-
ской, Калужской, Орловской, Ляванской и Московской. Въ
эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную
жизнь, я внимательно вслушивался во все разказы поселянъ,
съ тщательностію записывалъ все народныя преданія и повѣ-
рья, со словъ самихъ разсказчиковъ. Изъ этихъ-то записокъ
представляю на судъ Любезнымъ Соотечественникамъ Сказанія
Русскаго народа. Сознаю, что мои изысканія далеки
отъ полноты, которая должна бы находиться въ подобныхъ
собраніяхъ. Это я самъ вижу болѣе другихъ, и знаю, что для
совершенно полнаго описанія Русской жизни надобно отвѣхати
всю Русскую землю и неутомимые труды многихъ людей.

Благосклонное вниманіе къ моимъ трудамъ просвѣщенныхъ
соотечественниковъ доставило мнѣ возможность продолжать
предпринятое изданіе въ обширномъ объемѣ. Съ надеждою на это
вниманіе, распространяю планъ и въ Сказаніяхъ Русскаго наро-
да представляю Русскую семейную и общественную жизнь во
всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Вотъ программа, по которой я рѣшаюсь
нынѣ издавать Сказанія Русскаго народа:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ сей книгѣ излагаю современныя понятія о семейной жизни нашихъ предковъ, мнѣнія Русскихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ о Русской народности. Мнѣ хотѣлось этимъ обзорнымъ показать: какъ смотрѣли прежде на Русскую народность? Какъ думали объ ней самые Русские писатели? Что было сдѣлано до меня Русскими археологами для нашей народности?

КНИГА II. ОЧЕРКИ СЕМЕЙНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Русское народное Чернокнижіе*, 2. *Русскія народныя Пѣры*, 3. *Русскія народныя Загадки и Притчи*, 4. *Русскія народныя Присловья*. Соединяя въ одной книгѣ четыре разнородные предмета о чудной Русской жизни, я предполагалъ, что этимъ однимъ могу сколько нибудь объяснить заповѣданныя и явныя тайны нашей народности.

КНИГА III. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Здѣсь собраны пѣсни: 1. *Святогныя*:—подълюдныя, игорныя и обрядныя; 2. *Хороводныя*; 3. *Плосовыя*; 4. *Свадебныя*; 5. *Семейныя*; 6. *Разгульныя*; 7. *Удальныя*; 8. *Солдатскія*; 9. *Казацкія*; 10. *Историческія*; 11. *Обрядныя*; 12. *Кольбельныя*. Для объясненія присоединены къ нимъ: *Варианты*, *Сравненія съ другими Славянскими пѣснями*, *Примѣчанія и Объясненія*. Представляю будущимъ археологамъ рѣшить: кому въ Славянскомъ мѣрѣ принадлежитъ первенство пѣсновѣнія Русскимъ, или Сербамъ?

КНИГА IV. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ сей книгѣ собраны: 1. *Былины Русскихъ людей*; 2. *Слово о полку Игоревомъ*; 3. *Слово Данила Заточника*; 4. *Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю*; 5. *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Здѣсь вмѣщается вся наша древняя Литература, сохраненная въ письменныхъ памятникахъ. Самобытность ея уже болѣе не подлежитъ сомнѣнію: одна только наша многочисленная историческая школа сомнѣвается въ ней.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

КНИГА V. СТАРЫЕ СЛОВАРИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Словарь Лаврентія Зизанія*, 2. *Лексиконъ Памвы Беринды*, 3. *Сказаніе о неудобъ понимаемыхъ рѣчахъ*. Такихъ образомъ въ одной книгѣ будетъ соединена вся наша древняя лексикография. Начало нашихъ словарей мы находимъ въ спискахъ Болгарскихъ. *Сказанія*

о неудобопонимаемыхъ рѣчахъ и *Азбуковникъ* были продолженіемъ и дополненіемъ Болгарскихъ списковъ. Въ словаряхъ Зизанія и Беринды мы видимъ однѣ нарѣчія Бело-Русскія и Кіево-Переяславскія. Все это началось съ X вѣка и кончилось XVII—въ 1621 году.

КНИГА VI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СВАДЬБЫ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Русскія Древнія свадьбы*, 2. *Русскія Городскія свадьбы*, 3. *Русскія Сельскія свадьбы*. Соединяя въ одну книгу древнія и современныя свадьбы, я имѣю одну цѣль: указать, что дѣлалось на свадьбахъ въ старину и что видимъ теперь? что было у нашихъ предковъ и что осталось намъ отъ стараго? Въ свадьбахъ болѣе всего сохраняется наша народность; и потому-то каждая черта древности, сохраненная нами, должна быть безцѣнна.

КНИГА VII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГОДОВЩИНА.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Дневникъ народныхъ примѣтъ и поговѣй*; 2. *Народныя праздники и уселенія*. Таинственный міръ нашихъ предковъ, ихъ безусловныя вѣрованія въ неистовство-зудныя предметы помѣщены въ народномъ Дневникѣ. Въ народныхъ праздникахъ сохранилась наша стародавняя старина, міръ первобытный нашихъ предковъ, разгульная жизнь многочисленныхъ Славянскихъ племенъ. Мнѣ казалось, что самый удобный способъ для изображенія сего міра есть годовой Дневникъ.

КНИГА VIII. ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ сей книгѣ напечатаны тексты путешествій: 1. *игумена Данила*, 2. *леопарда о игуменіи Бесфросиніи*, 3. *іеродіакона Зосимы*, 4. *Московского гостя Казанца Василія Гагары*, 5. *Трифона Коробейникова*, 6. *инока Іоны*, 7. *Арсенія Сулханова*, 8. *діакона Арсенія Селунскаго*, 9. *Антонія архіепіскопа Новгородскаго*, 10. *старца Леонтія*, 11. *Новгородца Степана*, 12. *діакона Платія*, 13. *дѣла Александра*, 14. *иноки Симона Суздальскаго*, 15. *Тверскаго купца Адама Пашкина*, 16. *Ивана Петрова в Буриаши Ялгѣда*, 17. *Ивана Петлина*, 18. *Федора Байкова*. Такимъ образомъ въ одной книгѣ найдемъ впечатленія нашихъ предковъ въ продолженіи VI вѣковъ при взглядѣ на чужія земли. Путешествія и записки путешественниковъ были любимыми занятіями нашихъ отцовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА IX. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГІЯ.

Въ сей книгѣ представляю тайныя народныя сказанія: 1. о *Водяныхъ*, 2. *Доловыхъ*, 3. *Лешихъ*, 4. *Огневныхъ Змѣяхъ*, 5. *Вихряхъ*, 6. *Русалкахъ*, 7. *Вѣтрахъ*, 8. *Кикиморахъ*, 9. *Коровей смерти*, 10. *Гуекахъ*, или *Валнѣрахъ*, или *Исоть*, 11. *Лихоракахъ* и 12. о *Мертвецахъ*.

КНИГА X. СЛОВАРИ РУССКИХЪ ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ ПРЕДСТАВЛЯЮ СЛОВАРИ НАРѢЧІЙ: *Велико-Русскаго, Бѣло-Русскаго и Мало-Русскаго.*

ВЕЛИКО-РУССКОЕ НАРѢЧІЕ РАЗДѢЛЯЕТСЯ: НА 1. *Московское,* 2. *Новгородское,* 3. *Суздальское* и 4. *Заволожское.*

МОСКОВСКОЕ НАРѢЧІЕ СОСТАВЛЯЮТЪ: 1. *Московское,* 2. *Тульское,* 3. *Рязанское,* 4. *Калужское,* 5. *Тверское* и 6. *Владимирское.*

НОВГОРОДСКОЕ НАРѢЧІЕ СОСТАВЛЯЮТЪ: 1. *Новгородское,* 2. *Архангельское* и 3. *Онгжское.*

СУЗДАЛЬСКОЕ НАРѢЧІЕ СОСТАВЛЯЮТЪ: 1. *Суздальское,* 2. *Ярославское,* 3. *Костромское,* 4. *Галицкое* и 5. *Муромское.*

ЗАВОЛОЖСКОЕ НАРѢЧІЕ СОСТАВЛЯЮТЪ: 1. *Вологодское,* 2. *Перлское,* 3. *Устюжское,* 4. *Сибирское,* 5. *Обенское,* или языкъ *хоттевицкое.*

МАЛО-РУССКОЕ НАРѢЧІЕ РАЗДѢЛЯЕТСЯ: НА 1. *Кіево-Переяславское,* *Слободское* и *Волыно-Подольское.*

КІЕВО-ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ НАРѢЧІЕ РАСПРОСТРАНЕНО ПО ВСЕМУ *Запорожскому* и *Черноморскому* краю.

СЛОВАРИ БѢЛО-РУССКАГО НАРѢЧІЯ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВЪ ТРУДАХЪ ЗИЗАНІЯ И БЕРЫНДЫ.

КНИГА XI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ОХОТЫ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ БУДЕТЪ ПРЕДСТАВЛЕНО ОБОЗРѢНІЕ: I. *ОХОТЪ ПТИЧЬИХЪ:* 1. *Гусиной,* 2. *Пытушей,* 3. *Соловьиной,* 4. *Голубиной,* 5. *Жавороночной,* 6. *Перепелочной,* 7. *Соколиной,* 8. *Кинареичной,* 9. *Чижиной,* 10. *Скворцовой;* II. *ОХОТЪ ЗВѢРЬИХЪ:* I *Медвѣжьей,* 2. *Заячей,* 3. *Лисей,* 4. *Волчей,* 5. *Собачей.* III. *СОКОЛИНЫЙ УСТАВЪ.*

КНИГА XII. СКАЗАНІЯ О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ВРАЧЕВАНІИ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ ПРЕДСТАВЛЯЮ: 1. *Старья врачебная грамота;* 2. *обозрѣніе Русскаго народнаго леченія.*

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА XIII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ СИМВОЛИКА.

ЗДѢСЬ ПРЕДСТАВЛЯЮ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ О ПРИРОДѢ, МІРВЕНІЯ И ПОНЯТІЯ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ—О *Физикѣ* и *Астрономіи* любопытны. ЗДѢСЬ МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ ПЕРЕДАНЫЯ ГРЕЧЕСКИЯ И ЗАПИСИ ЗАПАДНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. ПОСЛАНИЕ СТАРЦА ФИЛОБЕА КЪ ДЬЯКУ МІСІРЮ О *Астрономіи* и *Астрологіи,* ВОЗРАЖЕНІЕ МАКСИМА ГРЕКА НА КОПЕРНИКА—на *Николая Пльмгина прелестнаго Звѣздохотца* ПРИНАДЛЕЖАТЬ КЪ КАТЕГОРИИ РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА XIV. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ БИБЛЮГРАФІИ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ БУДУТЪ ПРЕДСТАВЛЕНЫ: 1. *состояніе Русскихъ книгохранилищъ;* 2. *Каталогъ библиотекъ;* 3. *Указатель извѣстныхъ рукописей;* 4. *Указанія о переселеніи.*

кой, 4. Стряпчинской, 5. Четвертинской, 6. Погаевской, 7. Луцкой, 8. Рахмановской, 9. Супрасльской, 10. Чивеской, 11. Буйницкой, 12. Кременецкой. V. ГАЛИЦКИХЪ: 1. Краковской, 2. Галицкой, 3. Брылоской, 4. Дерманской, 5. Львовской СТАВРОНИЦАЛЬНАГО БРАТСТВА 6. Львовской Слезки 7. Львовской Ивана Оедорова Москвитянина 8. Львовской Войтеха Мельгевскаго, 9. Львовской Иосифа Шумлянскаго; VI. ЗАПАДНЫХЪ: 1. Венеціанской, 2. Прагской, 3. Българдской, 4. Тюбингенской, 5. Амстердамской, 6. Римской. VII. ЮЖНЫХЪ: 1. Зетской, 2. Цетинской, 3. Скадари, 4. Мнаешкой, 5. Угро-Влахійской. 6. Дельской, 7. Тергевницкой, 8. Ясской.

КНИГА XIX. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ сей лѣтописи будетъ изображена наша литература по сохранившемся памятникамъ до 1700 года.

КНИГА XX. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Здѣсь будутъ напечатаны тексты народныхъ сказокъ и указанія на умышленные передѣлки нашихъ современниковъ. Въ сказкахъ важенъ для насъ языкъ самобытный, чисто русский. Московскіе издатели печатаютъ любочныя изданія сказокъ съ своевольными вставками и передѣлками. Это черное пятно для нашей народности мы должны уничтожить изъ нашей современности, если не желаемъ подвергать себя суду потомства, если мы еще дорожимъ своимъ просвѣщеніемъ.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

КНИГА XXI. ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Послѣ лѣтописей, послѣ вставокъ въ хронографы, послѣ повѣстей злого умельныхъ, записки современниковъ составляютъ единственное изложеніе событій для исторіи. Само собою разумѣется, что критика прежде всего должна оцѣнить ихъ достоинство, указать степень ихъ вѣроятности. Для времени Грознаго мы имѣемъ единственнаго Курьскаго, для междоусобствъ Палицина и Филарета, для Алексѣя Михайловича Кошкина, для Феодора Алексѣевича почти никакого; по за то съ воцаренія Петра начинается непрерывный рядъ записокъ. Этотъ рядъ записокъ я предполагаю издавать.

КНИГА XXII. ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

Древнее Русское право, начиная съ Греческаго Номоканона до Судебника Царя Іоанна Васильевича, требуетъ строгаго критическаго осмотра. Три вѣковые памятника: *Русская Правда*, *Уложеніе* и *Судебникъ*, составляютъ торжество Русскаго Законоположенія, отдельный періодъ Европейскаго Права. За ними идетъ безчисленный рядъ грамотъ—право отдельное, несведенное досель въ одно историческое обозрѣніе. Таковы грамоты: *Жалованья*, *Душевные*, *Прощальныя*, *Крестныя*, *Льготныя* и *Тарханныя*, *Настольныя*, *Вис-*

ныя, Отликиныя, Царскыя и Безсудныя, Приставныя, Дерноватыя, Разметныя, Саладныя, Губныя, Судныя, Шершныя, Устасныя, Таможенныя Договорныя.
ИСТОРИЧЕСКО-КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ
VII СТОЛѢТІЙ БУДЕТЬ МОИМЪ ИССЛѢДОВАНІЕМЪ.

КНИГА XXIII. ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГЕРБОВЪ И ПЕЧАТЕЙ.

ГЕРБЫ РУССКІЕ СОСТАВЛЯЮТЪ ДВѢ ОТДѢЛЬНЫЯ КАТЕГОРИИ, РАЗЛИЧНЫЯ ПО СВО-
ЕМУ ПРОИСХОЖДЕНІЮ И ПОЯВЛЕНІЮ. КЪ ПЕРВОЙ ПРИНАДЛЕЖАТЪ ГЕРБЫ *Дворянскіе*,
къ второй *Городскіе*. ГЕРБЫ ДВОРЯНСКІЕ ТРЕБУЮТЪ СВОЕГО КРИТИЧЕСКАГО РАЗЛО-
ЖЕНІЯ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ГЕРБОВНИКАМЪ. ГЕРБЫ ДВОРЯНСКІЕ РАЗДѢЛЯЮ НА IV
РАЗРЯДА: 1. *Русскій*, ни откуда позаимствованный, 2. *Русскій смѣшанный*, 3.
Польскій, 4. *Немецкій*. ГОРОДСКІЕ ГЕРБЫ РАЗДѢЛЯЮ НА ДВА РАЗРЯДА: 1. на
Древній, до XVIII вѣка, 2. на *Новый*, заимствованный или съ полковыхъ
знаменъ или составленный въ тою же историческую личность. ПЕЧАТИ РУССКІЯ
ОСМАТРИВАЮ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ВИДАХЪ: КАКЪ ПЕЧАТИ *Государствен-*
ныя, Владимыя, Посадныя и Дворянскія.

КНИГА XXIV. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ОДЕЖДЫ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ БУДУ ОБОЗРѢВАТЬ: 1. *одежды древнія: Царскія, Болгарскія и*
Горожанскія. 2. *одежды современныя: Колошники, Кики, Шубейки, Растегаи,*
Городки, Тельогрейки, Сарафаны, Шапки—Мурманки, Кораблики, Рожнецы; Каф-
таны, Зипуны, Редники, Холодники, Шубы, Шуган, Шушунки.

ТОМЪ СЕДМЬЙ.

КНИГА XXV. РОДОСЛОВНАЯ КНИГА РУССКИХЪ ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СПИСКИ СТАРЫХЪ РОДОСЛОВНЫХЪ КНИГЪ ДОСЕЛѢ НЕ БЫЛИ ИЗ-
ДАНЫ КРИТИЧЕСКИ. ВЪ СВОЕОМЪ ИЗДАНІИ *Вся книга Родословная* КНИГИ РАЗДѢ-
ЛЯЮТСЯ НА ЧЕТЫРЕ ГЛАВНЫЯ РАЗРЯДА. ВЪ СОСТАВѢ ПЕРВАГО РАЗРЯДА ВХОДЯТЪ:
книги, составленныя въ царствованіе Царя Юліана Васильевича; въ составѢ
второго—видимыя книги, исправленныя при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ; тре-
тій разрядъ состоитъ изъ Бархатной книги; въ составѢ четвертаго входятъ:
книги семейныя—сборники, составленныя изъ родословія избранныхъ родовъ.
Первый разрядъ хотя самый важный, не составляетъ еще основанія книгъ
Родословныхъ, равно какъ и Бархатная книга. Въ редакціи первой мы ви-
димъ только начало огромнаго дѣла; въ редакціи второй находимъ пригото-
вленіе къ созданію важнаго дворянскаго родословія. Обѣ замѣчательныя ре-
дакціи, какъ нивольныя, не могутъ служить руководителями для родослововъ.
Нужно изъ всѣхъ четырехъ разрядовъ составить одно сводное изданіе;
потому это сводное изданіе должно сверять съ Литописями, Разрядными
Списками, со всеми доселѣ известными актами. После этого только можно
смѣло приступить къ историческому описанію дворянскихъ родовъ.

Для состава сводной Родословной книги у насъ есть безчисленные источники въ рукописяхъ, источники, до которыхъ еще не касалась археологическая рука. Такъ въ одной Императорской Публичной Библиотеке находится 15 списковъ [изъ Толст. рук. только 13], въ Румянцовскомъ Музее 4, въ Воскресенскомъ Ново-Иерусалимскомъ монастырѣ 3, въ моей Библиотеке 3 [изъ коихъ одинъ боярина Ромодановскаго]. Съ этими 25 списками смѣло можно приступать къ дѣлу и приводить въ исполненіе предложенный планъ.

КНИГА XXVI. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ НУМИЗМАТИКИ.

Всю летопись Русской Нумизматики раздѣляю на два отдѣла: на древній и новый. Въ первомъ отдѣленіи обобщаю монеты: *Велико-Княжескія, Городецкія, Удѣльные Княжескія и Царскія*. Во второмъ отдѣленіи представляю современное состояніе Русской Нумизматики въ XIX столѣтіи.

КНИГА XXVII. ОБРАЗЦЫ ВЕЛИКО-РУССКИХЪ, БѢЛО-РУССКИХЪ И МАЛО-РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Образцы Областныхъ Нарѣчій представляютъ Русскій языкъ совершенно въ другомъ видѣ. Можетъ быть, наше потомство будетъ счастливѣе насъ, когда успѣетъ составить Грамматики Областныхъ Нарѣчій. Русскія Областныя Грамматики будутъ верховъ совершенства Русскаго языка, будутъ торжествомъ Русскаго народа предъ всѣмъ міромъ. Въ эти только счастливые дни сознаются Европейцы, что такого совершеннаго языка, каковъ Русскій, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, не было и не будетъ на земномъ шарѣ. До тѣхъ поръ пускай они клеветаютъ на Русскій языкъ и на всю нашу Литературу.

КНИГА XXVIII. СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИФОЛОГІЯ.

Единственнымъ основаніемъ нашей Славяно-Русской Мифологіи составляютъ нѣсколько словъ Нестора и народныхъ преданій. Зато это основаніе, самое вѣрное и прочное—не много имѣло поборниковъ. Одни мифографы думали дополнять нашу Мифологію—выдумками, другіе переносили боговъ изъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. То и другое было несправедливо. Отъ однихъ и тѣхъ же причинъ въ нашей Мифологіи мы видимъ всякой сборъ чуждыхъ ей основаній. Въ наше время пора уже оставить все это. По какому-то темному и превратному догадкамъ вздумали обвинять нашихъ предковъ въ многобожій. Со всѣмъ не кстати съ Мифологіей смѣшивали и Демонологию. Наше обобщеніе Мифологіи будетъ основано на Несторѣ и Русскихъ преданіяхъ. Выдумки, предположенія и догадки предоставляемъ другимъ.

КНИГА XXIX. РУССКІЕ РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ.

Съ Разрядными списками я рѣшаюсь тоже предпринимать, что и съ Родословными книгами. И эти списки также должно издавать критически, въ сводномъ составѣ, раздѣляя ихъ по княженіямъ и царствованіямъ. Разряды и Дворцовыя записки въ составѣ своемъ составляютъ одну и ту же кате-

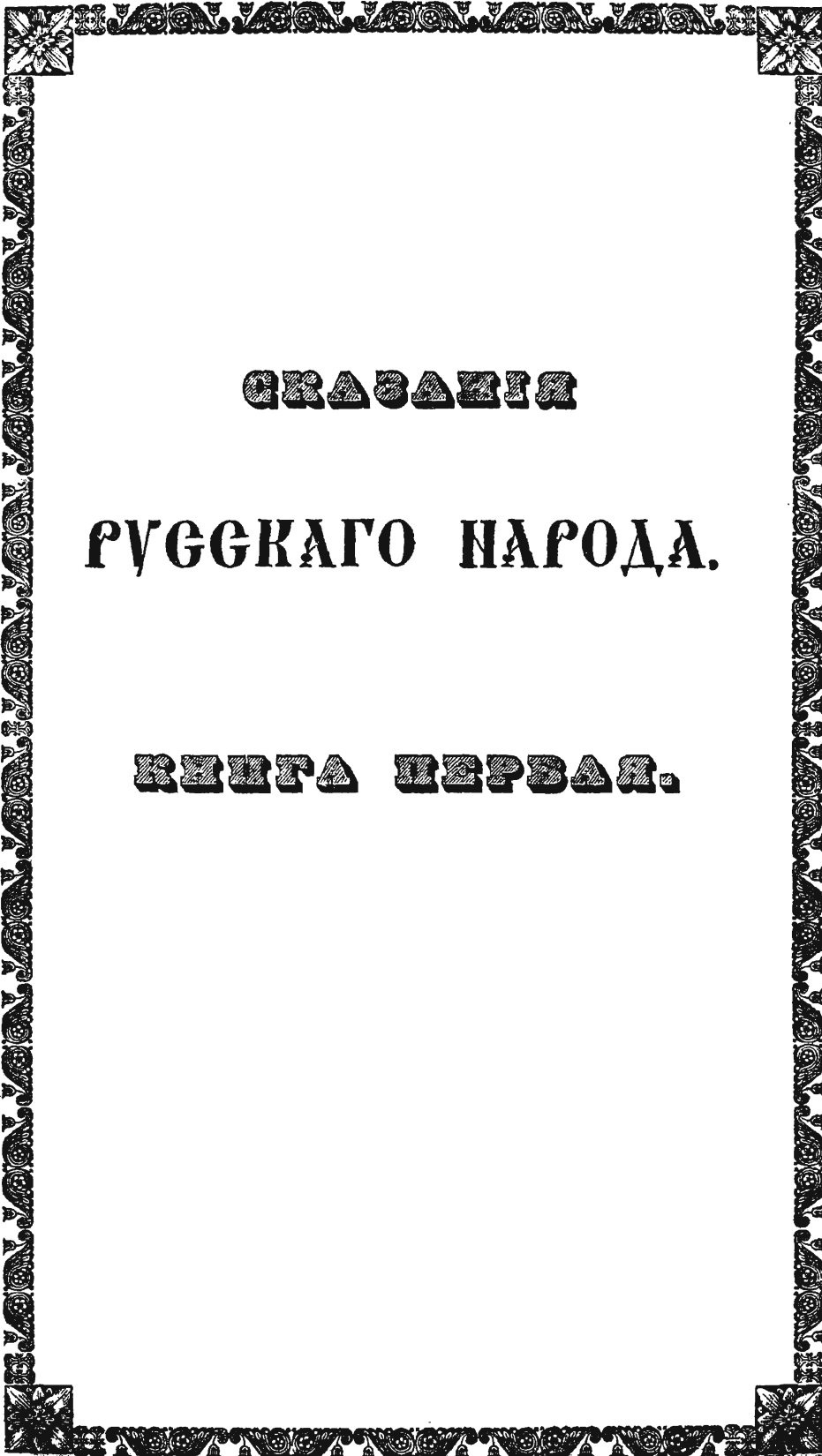
ГОРНО. КЪ НИМЪ ПРИМЫКАЮТЪ НЕРАЗДѢЛЬНО—СПОРЫ О МВСТНИЧЕСТВѢ. РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ Я РАЗДѢЛЮ НА 4 ОТДѢЛА. ВЪ ОТДѢЛѢ ПЕРВАГО ВОЙДУТЪ: РАЗРЯДЫ БЕЛГОГОРСКІЕ, БЕЛВІННУХЪ КНЯЗЕЙ: ІОАННА III ВАСИЛЬБЕВИЧА И ВАСИЛІА ІОАННОВИЧА. ВЪ ОТДѢЛѢ ВТОРАГО ПОМѢСТЯТСЯ РАЗРЯДЫ ЦАРСКІЕ: ЦАРЕЙ ІОАННА IV ВАСИЛЬБЕВИЧА И ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА. ВЪ ТРЕТІЙ ОТДѢЛѢ ПОМѢСТЯТСЯ РАЗРЯДЫ ЦАРСКІЕ: ЦАРЯ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА И ВАСИЛІА ІОАННОВИЧА; ПОТОМЪ РАЗРЯДЫ ЛЖЕДМИТРІА И МЕЖДУ-ЦАРСТВІЯ. ВЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛѢ ВОЙДУТЪ РАЗРЯДЫ ЦАРСКІЕ: ЦАРЕЙ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА, АЛЕКСІА МИХАИЛОВИЧА И ФЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА. КЪ КАЖДОМУ ИЗЪ СИХЪ РАЗРЯДОВЪ БУДЕТЪ ПРИЛОЖЕНО ОБЗОРНІЕ МВСТНИЧЕСТВѢ.

КНИГА XXX. ПРИЛОЖЕНІА И УКАЗАТЕЛИ.

ВЪ СЕЙ КНИГѢ БУДУТЪ ПОМѢЩЕНЫ *Приложенія и Указатели* ко всѣмъ 29 книгамъ *Сказаній Русскаго народа*.

Нѣтъ средины Русской земли выношу вамъ, мои добрые соотечени, нашу заветную народность. Я не ходилъ ва нею ни на Востокъ, ни на Западъ; она сама откликнулась мнѣ на родной землѣ, она сама заговорила со мной роднымъ языкомъ, она сама разсказала мнѣ чудныя быльи о родинѣ и предкахъ. Въ въ тысячаахътихъ быльиныхъ вся Русь воскресала предо мною. Это была уже не книжная исторія, выкроенная по чувству ва-морскому, повесть чуждая Русскому уму и Русскому сердцу; это была исторія родная намъ по мысли и слову, повесть про Русскую землю, про Русскихъ людей. За этою-то народностию водили и въ городѣхъ и велемъ; по домамъ и по полямъ. Вспомните, что скоро настанетъ тысячаахътихъ нашей народности; вспомните, сколько она въ эту тысячу лѣтъ претерпѣла гоненій. Были страшныя години на нашей родной землѣ, когда Русскій отстаивалъ свою народность. Золотомъ и трудами платилъ онъ Норману и Татарину, Французу и Нѣмцу ва свою вѣру, ва свой языкъ, ва лошимъ своихъ отцовъ. Вспомните свою народность и сохраните ее для себя самихъ, для своего потомства.

Н. Сахаровъ.

СРАВНЕНІЯ

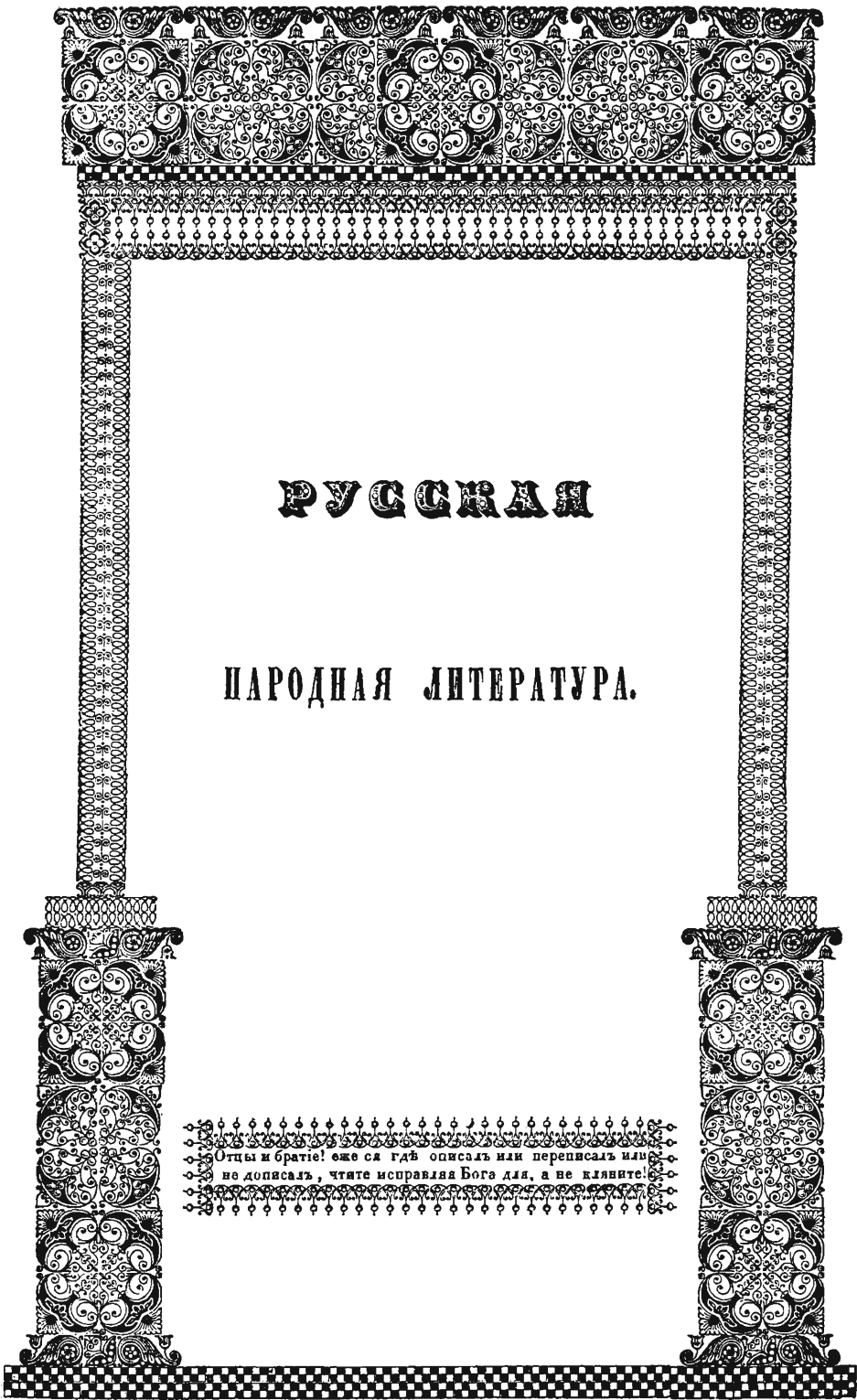
РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или переписалъ или
не дописалъ, чтите исправля Бога дѣя, а не кляните!

Русскія древности, столь близкія нашему сердцу, были любимыми занятіями многих почтенныхъ соотечественниковъ. Для нихъ старая Русская жизнь, сохраняющаяся въ народныхъ сказаніяхъ и быткахъ, была единственною цѣлюю всѣхъ изысканій. Не уже ли мы и теперь будемъ безмыслны, когда видимъ съ какою готовностію и самоотверженіемъ Русскіе и чужеземцы посвящаютъ этому лучшіе годы своей жизни, не обращая вниманія—будутъ ли ихъ занятія оцѣнены современниками? Рапо или поздно прервется это молчаніе, эта невнимательность. Мы постигаемъ, что все собранное неутомимыми трудами этихъ почтенныхъ труженниковъ, составляетъ сборникъ самыхъ любопытныхъ свидѣній, неисощимый запасъ для будущихъ дѣлателей, драгоценный для этущихъ свято въ своемъ сердцѣ Русскую землю.

Не принимая на себя смѣлости равняться въ своихъ изысканіяхъ съ трудами предшественниковъ, и представляя болѣе свои занятія на строгій судъ соотечественниковъ, осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе о всѣхъ сочиненіяхъ, выданныхъ Русскими и чужеземцами единственно только по однимъ сказаніямъ. Начинать обзорніе о каждой книгѣ, о каждой журнальной статьѣ отдѣльно — было бы не кстати и неумѣстно; это составило бы только пустой обзоръ, ничего необъясняющій, замѣчанія на избранные предметы, ничего неоткрывающія. Въ наше время уже довольно много сдѣлано стройнаго и важнаго, мы имѣемъ предметы болѣе или менѣе обработанные. Вотъ почему представляю свое обзорніе въ формѣ исторической, осматривая каждый предметъ въ трудахъ многихъ писателей. Опасаюсь одного только, чтобы подъ избраннымъ мною названіемъ: Русская народная Литература — не признавали мои сужденія за произвольныя и опрометчивыя, за рѣшимость выше силъ моихъ, за желаніе поставить на видъ одного себя. Въ такомъ случаѣ неожиданно для себя никакого снисхожденія отъ людей, сочиненія которыхъ были избраны мною для обзорнія. Зная, что мои замѣчанія сказаны беспристрастно, съ однимъ только желаніемъ открыть истину, указать на труды, заслуживающіе полную признательность соотечественниковъ, я увѣренъ въ правотѣ своей, не прѣшу извиненій, которыхъ никогда и ни чѣмъ не вымолишь для своихъ недостатковъ, но готовъ и защищать себя отъ несправедливыхъ обвиненій. Не думаю также, чтобы было дужно защищать избранный предметъ. Смѣшно было бы до пошлости отвергать нападенія на существованіе Русской народной Литературы, когда есть сотни сочиненій, изданныхъ по одному и тому же предмету.

Русская народная Литература будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій. Въ обзорніе перваго будутъ входить:

1. Славяно-Русская Мнѣологія.
2. Пѣсни Русскаго народа.
3. Русскіе народные праздники.
4. Пословицы Русскаго народа.
5. Русскія народные свадѣбны.
6. Сказанія Русскаго народа.

Второе отдѣленіе единственно посвящается на обзорніе Русскихъ областныхъ Нарѣчій. Этотъ предметъ, еще непочатый въ Русской Литературѣ, приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ. Неисощимость Русскаго языка, коренныя Русскія формы выраженій, жѣсткій выговоръ словъ—открываютъ въ нашей отчизнѣ людей съ особенными нарѣчіями, языкъ Славянскій почитаемый доселѣ забытымъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ языкъ нашихъ гѣтописей живыми и дѣйствующими, въ другомъ видимъ первоизданную Русскую народную поэзію во всей чѣлости, неиспорченную, непереработанную. Тогда увидать, что такъ бесцѣнная терзаемая Пѣсня о полку Игоревомъ окрестна чисто Русскимъ произведеніемъ, тогда все непонятныя въ ней слова, почитаемыя забытыми, чужими, представляются дѣйствующими, нашими; тогда мы не будемъ переселять это произведеніе изъ одного мѣста въ другое, или усвоить его другому Славянскому поколѣнію.

Не беру на себя отважной дерзости представлять грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій; это трудъ гнѣтатскій, трудъ многихъ людей и многихъ годовъ; я единственно принимаю на себя показать особенности: а) Волыно-Русскихъ Нарѣчій: Новгородскаго, Московскаго, Суздальскаго, Владимірскаго; б) Мало-Русскихъ: Подгавскаго, Харьковскаго, Кіевскаго; в) Бѣло-Русскихъ по старымъ памятникамъ; представляю Словари областныхъ нарѣчій; покажу сравнительныя сказанія каждого изъ нихъ.

ОТЪВѢЩЕНІЯ I.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИФОЛОГІЯ.

Исторія Славяно-Русскихъ мифографій представляетъ одно изъ рѣдкихъ явленій въ Русской Литературѣ, явленіе, исполненное разнообразныхъ вымысловъ, невѣроятныхъ догадокъ, ничтожныхъ предприятий. Начиная съ Нестора—до нашихъ временъ—мы насчитываемъ болѣе десяти Русскихъ мифографовъ; но, при всемъ томъ, смѣло можемъ сказать, что наша Литература не имѣетъ еще Славяно-Русской Мифологій. Кажется, что все это происходило отъ того, что наши мифографы впадали въ рѣшительныя крайности, уничтожавшія всѣ ихъ предприятия. Для подтвержденія нашихъ словъ указываемъ на эти крайности.

1. Усвоеніе Славяно-Русской Мифологій есть ли другихъ боговъ Славянскихъ покровѣній.

Писатели собирали все, что только находили у иностранныхъ писателей объ этихъ богахъ, безъ всякаго различія. Все чужое, не наше, приписывали Русскимъ, нашимъ предкамъ. Изъ этого вышло, что всѣ доселѣ известныя мифографіи не только не достигли своей цѣли, но еще лишили и насъ и иностранцевъ полнаго довѣрія къ Русской Археологій.

2. Открытіе происхожденія Славянскихъ боговъ въ Мифологійхъ другихъ народовъ.

Здѣсь выставляются ничтожныя догадки за историческую истину. Можетъ ли быть довѣріе къ такимъ трудамъ?

3. Филологическія розысканія.

Писатели доискивались Славяно-Русскихъ мифовъ въ именахъ боговъ всѣхъ

языческихъ народовъ. Здѣсь проявляются отчаянныя крайности, и удивительное незнаніе Славянскихъ племенъ. Неоспоримо, что этотъ источникъ заслуживаетъ особенное вниманіе; но онъ тогда только получаетъ свое достоинство, когда мы рѣшительно знаемъ происхожденіе народа. Но, кто намъ сказалъ, и кто скажетъ—откуда произошли Славяне? Знати это, мы бы знали: какихъ боговъ перенесли Славяне въ новое жилище изъ своей родины.

4. Безусловное вѣрованіе въ истинность.

Здѣсь рѣшительно мы не замѣчаемъ историческоі критики. Всѣ наши мифографы, кромѣ г. Строева, какъ вы согласились допускать всякое вздорное извѣстіе за правду. Стоитъ только сравнить источники историческо-критически, пересмотрѣть—откуда кто и что бралъ, и какъ тогда вполне узнаемъ ихъ достоинство. Наши мифографы вѣрятъ Стрѣйковскому, но не вѣрятъ Длугошу, изъ сочиненія котораго выписывалъ Стрѣйковский; вѣрятъ Гизелю, но не вѣрятъ Стрѣйковскому, изъ сочиненія котораго Гизель составилъ особенную главу о идолѣхъ въ Кіевскомъ Синодѣхъ. Всѣ знаютъ, что сказаніе Нестора есть вѣроятнѣйшее, и притомъ ближе всѣхъ по времени Славянамъ язычникамъ, но ему не вѣрятъ, а вѣрятъ позднѣйшимъ, которые списывали Нестора и прибавляли свое.

5. Произвольныя дополненія.

Писатели выдумывали мифы, увѣждали въ существованіе небывалыхъ Славяно-Русскихъ боговъ. Болѣе всѣхъ этимъ отличается мифографія Григорія Глинки.

ОСНОВАНИЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ МИЕОГРАФИЙ
СОСТАВЛЯЮТ ДВѢ ОТДѢЛЬНЫЯ СИСТЕМЫ: *Мно-*
божіе и Семібожіе.

ПЕРВАЯ СИСТЕМА, ОСНОВАННАЯ НА МНОГОВО-
ЖІИ, ОБРАЗОВАЛАСЯ ВЪ МИЕОГРАФІЯХЪ: *Гизе-*
ля, Ловова, Чулково, Глинки, Кайсарова.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ, АРХИМАНДРИТЪ КІЕВО-
ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ, СОСТАВЛЯЯ КІЕВСКІЙ
СИНOPSISъ ИЗЪ ТРУДОВЪ *Феоодосія Софю-*
новика, ИГУМЕНА КІЕВО-МИХАЙЛОВСКАГО
ЗОЛОТОВЕРХАГО МОНАСТЫРЯ, ПРИДѢЛАЛЪ ОСО-
БЕННУЮ СТАТЬЮ: *о идолѣхъ*. ОПИСАНІЕ
ЭТИХЪ ИДОЛОВЪ СОСТАВЛЯЕТЪ ПЕРВУЮ РУССКУЮ
МИЕОГРАФІЮ, ИЗЛОЖЕННУЮ ПО ИНОСТРАННЫМЪ
ПИСАТЕЛЯМЪ. ИСТОЧНИКИ, РУКОВОДИВШІЕ ГИ-
ЗЕЛЯ, БЫЛИ: СОЧИНЕНІЯ — КРОМЕРА, ГВАНЬИ-
НИ, СТРѢЙКОВСКАГО. СЛИЖАЯСЯ СЪ ЭТИМИ
ПИСАТЕЛЯМИ, ОНЪ ЗАБЫЛЪ, ЧТО ПИСАЛЪ НЕ-
СТОРОМЪ, И КЪ СЛАВЯНО-РУССКИМЪ БОГАМЪ ПРИ-
БАВИЛЪ: *Позвизда, Ладо, Леля, Полеля,*
Ладу, Кунало, Колладу, Услада или *Ос-*
лада. ЕГО ОПИСАНІЕ ПЕРУНА, НАПОЛНЕННОЕ
ВЫДУМКАМИ ПРОТИВЪ НЕСТОРА, ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ
ОБРАЗЧИКЪ ЧУЖЕЗЕМНЫХЪ ВНЕСЕНІЙ:

«ВО ПЕРВЫХЪ ПОСТАВИ (ВЛАДИМИРЪ) НА-
ЧАЛЬНѢЙШАГО КУМРА, ИМЕНЕМЪ *Перуна*, ВО-
ГА ГРОМУ, МОЛНИИ И ОБЛАКОВЪ ДОЖДЕВНЫХЪ,
НА ПРИГОРКУ ВЫСОКОМЪ, НАДЪ БУРИЧОВЫМЪ
ПОТОКОМЪ, ПО ПОДОБИЮ ЧЕЛОВѢЧЕСКУ. *Туло-*
вище БѢ ЕГО ОТЪ ДРЕВА *хитроснъ изъсѣчено*,
ГЛАВУ ИМУЩЕ СЛІЯНУ ОТЪ СРЕБРА, *уши злат-*
ны, нозь желѣзныя, въ рукахъ держаще
камень; въ подовико Перуна пылающа,
рубинами и карбукуллами украшенъ; а
ПРЕДЪ НИМЪ *огнь всегда горяше*. АЩЕ БЫ
ПО ВЕРАДНІЮ ЖРЕЧЕСКОМУ КЛЮЧИЛОСЯ ОГНЮ
УГАСНУТИ, ТОГО ЖРЕЦА, АКИ ВРАГА БОГА СВО-
ЕГО, СМЕРТІЮ КАЗНЯХУ..... ПЕРВѢЙШАГО БОГА
ИЛИ ИДОЛА ПЕРУНА ПОВЕЛѢ (ВЛАДИМИРЪ) КЪ
КОНСКОМУ ХВОСТУ ПРИВЯЗАТИ И ВЛЕЩИ ВО
ДНѢПРЬ, ПРИСТАВИВШИ ДВАНАДЕСЯТЬ ПАЛИЧ-
НИКОВЪ, ДА БІЮТЪ ЕГО ПАЛЦАМИ, НЕ ЯКО
ЧУВСТВЕННОЕ ДРЕВО; ВЪ ДѢ ПОРУГАЮТСЯ БЪСО-
НИ, ИЖЕ ЧЕРЕЗЪ НЕГО ПИРОДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ
ПРЕДСТАВИТИ. ПЕРВѢЖЕЖЕ ЖЕ ЕГО КЪ БРЕГУ,
ЖЕРТВОША ВЪ ДНѢПРЬ. И ЗАПОВѢДА ВЛАДИМИРЪ,
ДА НИГДѢ ЖЕ ПРИПУСТЯТЪ ЕГО КЪ БРЕГУ, ДОН-
ДЕЖЕ МИНЕТЪ ПОРОГИ; НИЖАЯ ЖЕ ПОРОГОВЪ

ИЗВЕРЖЕ ЕГО ВДТРЬ, ПОДЪ ЕДИНУ ГОРУ БЕЛЫ-
КУ, ЯЖЕ И ДОВЫНЪ ПЕРУНЪ ГОРА НАРИЦАЕТСЯ.
НОСИТЬ ЖЕ СЯ И СІЯ ПОВѢСТЬ ЕЩЕ ОТЪ СТА-
РЫХЪ ЛЮДЕЙ, ЯКО НѢКОЕГО ИДОЛА, ЕГДА ВЛЕ-
КОША НѢЦИ СЪ ГОРЫ УТОПИТИ ВЪ ДНѢПРЬ,
БІЮЩЕ ЕГО НЕЩАДНО, БѢСЪ ВЪ ТОМЪ ИДОЛѢ
ВОСКЛИЦАШЕ, РЫДАЯ ЗЛО. ВВЕРЖЕННЫЙ ЖЕ
ОНЪ БОЛВАНЪ ВЪ ДНѢПРЬ, ПОПЛАВЪ ВНИЗЪ,
А НЕВѢРНИИ ЛЮДИЕ ИДУЩЕ БРЕГОМЪ, ПЛАКАХУ
И ЗВАХУ, ГЛАГОЛЮЩЕ: «ВЫДЫБАЙ НАШЪ ГОС-
ПОДАРУ БОЖЕ, ВЫДЫБАЙ,» СИ ЕСТЬ—ВЫПЛА-
ВАЙ. ИДОЛЪ ЖЕ ТОЙ ВЫДЫВАЛЪ ИЛИ ВЫПЛА-
ВАЛЪ ТАМО НА БРЕГЪ... Но и ТАМО ЕГДА НЕ-
ВѢРНИИ ЛЮДИИ ХОТЯХУ ВЗЯТИ ТОГО ИДОЛА,
ВВѢРНИИ ЖЕ ПРИТЕКШЕ, КАМЕНЬ КЪ НЕМУ ПРИ-
ВЯЗАХУ И УТОПИША ИДОЛА.»

«ВТОРЫЙ ИДОЛЪ БЫШЪ *Волосъ* БОГЪ СКО-
ТОВЪ.

«ТРЕТІЙ *Позвизда*, ИНИИ ЖЕ ПРОЗВАХУ ЕГО
ПОХВЯСТЪ, НѢЦИ НАРИЦАХУ *Визромъ*, ИС-
ПОВѢДАЮЩЕ БОГА БЫТИ ВОЗДУХА, БЕДРА И
БЕЗГОДІА,

«ЧЕТВЕРТЫЙ ИДОЛЪ *Ладо*, СЕГО ИМѢЯХУ
БОГА ВЕСЕЛІА И ВСЯКАГО БЛАГОПОЛУЧІА, ЖЕР-
ТВУ ЕМУ ПРИНОШАХУ ГОТОВАЯЩІЯСЯ КЪ БРАКУ,
ПОМОЩІЮ *Лада*, МНЯЩЕ СЕБѢ ДОБРОЕ ВЕСЕЛІЕ
И ЛЮБЕЗНО ЖИТІЕ СТЯЖАТИ.

«*Леля* и *Полеля* ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ИДО-
ЛОСЛУЖИТЕЛЕЙ ПОЧИТАХУ ИЖЕ НѢКИИХЪ БО-
ГОВЪ, ИХЪ ЖЕ БОГОМЕРСКОЕ ИМЯ И ДОВЫНЪ
ПО НѢКИИМЪ СТРАНАМЪ НА СОМНИЩАХЪ ИГРА-
ВШЕВШЕХЪ ПРІЯЕМЪ ЛЕЛЕМЪ И ПОЛЕЛЕМЪ ВОЗ-
ГЛАШАЮТЪ.

«*Ладо*, МАТЕРЬ ЛЕЛЕВУ И ПОЛЕЛЕВУ, ПОЮ-
ЩЕ: *Ладо, Ладо*, ИДОЛИ ВЕТХУЮ ПРЕЛЕСТЬ
ДІАВОЛЬСКУЮ НА БРАЧНЫХЪ ВЕСЕЛІЯХЪ РУКАМИ
ПЛЕЩУЩЕ И О СТОЛѢ БІЮЩЕ, ВОСПѢВАЮТЪ.

«*Кунало* ПЯТЫЙ ИДОЛЪ, ЕГО БОГА ПЛОДОВЪ
ЗЕМНЫХЪ БЫТИ МНЯХУ, И ЕМУ ПРЕЛЕСТІЮ БЪ-
СОВСКОЮ ОМРАЧЕННЫИ БЛАГОДАРЕНІА И ЖЕР-
ТВЫ ВЪ НАЧАЛѢ ЖИТНЫИ ПРИНОШАХУ.»

«*Колладу* ИШЕСТЫЙ ИДОЛЪ, БОГЪ ПРАЗДНИЧ-
НЫЙ, ЕМУ ЖЕ ПРАЗДНИКЪ ВЕЛИИ МѢСЯЦЪ ДЕ-
КЕМБРІЙ ВЪ 21 ДЕНЬ СОСТАВЛЯХУ.

«РАЗЪ ТѢХЪ БЪСОВСКИХЪ КУМИРЪ, ЕЩЕ
ИНЫИ ИДОЛЫ МНОЗИ БЯХУ ПО ИМЕНИ: *Услада*

или *Ослазь*, *Корша* или *Хорса*, *Дашуба* или *Дажьль*, *Стриба* или *Стрибогъ*, *Семаргла*, или *Семаргъ*, и *Мокошъ* или *Макошь*, имъ же въсомъ помраченни люди, аки богу жертвы и хваления воздаваху. Ся же мерзость во всемъ государствѣ Владимировомъ по повелѣнью его содѣвахуся.»

Послѣ Гизеля явился Поповъ съ своею мифографіею. Его сочиненіе: *Краткое описаніе Славянскаго баснословія*, изданное въ 1768 году, было вторично перепечатано въ 1773 году, въ *Досугахъ или Собраніи сочиненій и переводовъ*, въ первой частп. Объ источникахъ нашей мифологіи онъ писалъ въ своемъ предъисловіи.

«Материю, составляющую сію книжку, выбирала я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ Россійскую Исторію, какія имѣлъ или какія могъ сыскать для прочтенія, также изъ простонародныхъ сказокъ, прѣсень, игръ, и оставшихся нѣкоторыхъ обыкновений. Я не вездѣ приводилъ Авторевъ, для того, что ни себя, ни другихъ тѣмъ не хотѣлъ отяготить; но ученые и любопытные и безъ того они извѣстны; а притомъ сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ, а больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ.»

Слѣдовательно: источники остались извѣстны только одному Г. Попову; но въ самомъ описаніи баснословія онъ ссылается на *Домоносова*, *Эмта*, *Тредіаковскаго*, *Мауро-урбина*, *Стурлезона*, на *иностранныхъ писателей безименныхъ*, и на такой-то *Нѣмецкой баснословный Словарь*. Сочиненіе Попова до 1815 года было руководствомъ для Русскихъ и иностранныхъ мифографовъ. Чулковъ буквально списалъ всѣ его описанія въ свой *Словарь*, Глинка и Кайсаровъ повторили въ другомъ видѣ сочиненіе Попова. Леклеркъ во всемъ основался на его въ Славянскомъ баснословіи. Напрасно Болтинъ и другіе вооружались противъ этого. Писатели ничего не хотѣли знать. Желаніе Попова дѣйствительно сбылось: Херасковъ его описанія внесъ въ свою *поэму*: *Владимиръ*, а стихи Хераскова Глинка внесъ въ свою мифографію, какъ

единственный историческій источникъ. Кайсаровъ съ негодованіемъ говорилъ о Поповѣ: «Г. Поповъ представилъ браткой чертежъ Славянскаго мифологіи. Хотя этотъ чертежъ такъ кратокъ, что содержится только въ двухъ печатныхъ листахъ, однако въ немъ находится довольно пустога. Авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это бесполезнымъ дѣломъ.» Замѣтимъ: всѣ извѣстные источники Кайсарова находятся въ сочиненіи Попова, только со многими прибавленіями.

Къ мифографіи Гизеля Поповъ прибавилъ 36 боговъ, такъ, что его Славянское баснословіе составилось изъ 51. Описанія боговъ Попова замѣчательны выдуманнми прибавленіями. Вотъ его описанія:

«Святвѣдъ, Святвѣдъ, а также и Святвѣдъ, богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахромѣ. Каждый годъ Ахромскіе жители, какъ мужчины такъ и женщины, приносили во храмъ подати по певязю. Истуканъ Святвѣдовъ былъ прегромныя величины; сотворенъ изъ древа крѣпкаго, о четырехъ лицахъ, на подобіе фонаря, такъ что отъ всякаго страны образъ его видѣнъ былъ: можетъ быть, это значило четыре времени года (стр. 201.)»

«Перунъ у другихъ Славянскихъ народовъ *Перкунъ*, начальвѣишій Славянскій богъ, почитался производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій и дѣйствъ, какъ-то: грома, молніи и облаковъ, дождя и прочаго; притомъ же нарицали его строителемъ громоотрапанія. Когда еще Святый В. К. Владиміръ, помраченъ былъ тмою идолослуженія, тогда воздвигъ сему Перуну въ Кіевѣ и прочимъ божествамъ истуканы и повелѣвъ приносить имъ жертвы, что было въ лѣто ⁶⁴⁸⁸/₉₈₀. Послѣдуя ему Добрыня, дядя его, находившійся въ Новгородѣ намѣстникомъ, воздвигъ также въ округѣ Новгородскомъ *премножество кумировъ*, и *принуждалъ силою, наводившихся жежду язычниками Христіанъ* поклоняться имъ и жертвовать. Въ Кіевѣ же храмъ Перуновъ стоялъ въ дворца *Теремнаго*

надъ Бурничовымъ потокомъ, на высокомъ холмѣ. Кумиръ его вырѣзанъ былъ изъ *немногаго дерева*, голову имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желтыя, въ рукахъ держалъ камень, на *поробіе пылающія молнія*, придававшійся отъ *древнѣхъ Юпитеру, рубинами и карбункулами украшенную*. Огнь пылалъ предъ нимъ идоломъ непрестанно; а когда случалось онѣму, по нераднѣю жреческому, угасать, то сжигали онаго жреца, какъ врага божескаго. Въ жертву приносили ему не только воловъ и пѣвниковъ, но единородныхъ своихъ дѣтей; и также имѣли иные обычаи, обрнѣвъ голову и бороду свою, жертвовать ему своими волосами. Индѣ посвящали ему лѣса и рощи, въ которыхъ запрещалось рубить подѣ казнію. Имя его Перунъ значитъ на *древнѣ-Славянскомъ* языкѣ: *Громя*, которое дано ему какъ производительно онаго.»

Сколько здѣсь произвольныхъ прибавленій въ описаніи одного Перуна! Гизель списалъ Стрѣйковскаго и Гваньини, и прибавилъ свое. Поповъ списалъ Гизеля, и прибавилъ также въ свою очередь. Время, въ которое жилъ Поповъ, цѣль, избранная имъ — *увеселятъ* — спасаютъ его отъ критики.

Въ 1782 году Чулковъ издалъ: *Словарь Русскихъ Сувейрій*, передѣланный имъ въ удивительное собраніе, подѣ другимъ заглавіемъ: *Абевега Русскихъ сувейрій, идроловъ, колдовства, шеманства* и проч. Сочиненіе Чулкова, выданное за Русское народное описаніе, было вмѣстѣлицемъ *всѣхъ сувейрій* — Русскихъ, Калмыцкихъ, Камчатскихъ, Тунгусскихъ, Татарскихъ, Якутскихъ, словомъ всего того, что онъ могъ гдѣ либо выписать. Выписки Чулкова подражательны до послѣдней возможности; онъ выписалъ буквально, подражалъ всему, собирая мало, прибавляя своего еще менше. Въ Русской Мифологіи путеводителемъ его былъ Поповъ. Какъ вѣрный его последователь, онъ принялъ въ Славянскую Мифологію многобожіе. Въ его сочиненіи не было избранной цѣли: это смѣсь *всѣхъ вслѣдствій*, бывшая въ его время въ большемъ употребленіи. Приводимъ эти подражательныя выписки въ сравненіи съ Поповымъ, Кайсаровымъ и Глин-

кою:

Поповъ.

(стр. 69.)

«Волоты. Сія страшница, по сказанію Ломоносова, то же значила, что у Грековъ Гиганты; и конечно уже получали жертвы.»

Чулковъ.

(стр. 183.)

«Волоты сіи страшница была Великаны и значили у Славянъ то же, что у Грековъ Гиганты, имъ приносили жертвы.»

Кайсаровъ.

(стр. 66.)

«Волотовъ сравниваютъ съ Греческими Гигантами. Удачно ли сравненіе, не смѣю рѣшить.»

Глинка.

(стр. 124.)

«Волоты исполнены немѣрной величавы и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно, что свергъ силы, имѣли они еще даръ неуязвимости.»

Поповъ.

(стр. 189.)

«Догода Славенскій Зефиръ, котораго призвали богами производителями тихаго и пріятнаго вѣтра и яснаго погоды.»

Чулковъ.

(стр. 191.)

«Догода, Славянскій Зефиръ, котораго признавали богами производителями тихаго и пріятнаго вѣтра и яснаго погоды.»

Кайсаровъ.

(стр. 139.)

«Погода или Догода былъ богъ прекрасной погоды, пріятнаго вѣтерка. Это Славянскій Зефиръ.»

Глинка.

[стр. 105.]

«Догода. Вотъ милое божество, противоположное свирѣпому Позвизду. Младый, румяный, русокудрый, въ васильковомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблестящей голубоогадой одеждѣ, держащей въ рукѣ шипокъ, и улыбающійся на цвѣты, летя надъ оными и поливая ихъ, есть Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени, тихій, прохладный вѣтерокъ, Догода. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цвѣтами, пѣснями и плясками.»

Чулковъ, кромѣ явной подражательности Попову, замѣтно старался быть и самобытнымъ. Онъ въ своей Мифологіи къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Дрѣдущко домовый, Лихорадка*; уничтожилъ: *Чудо морское, Донъ*; передѣлалъ: изъ Игла-баба — *Ляля-баба*, изъ Леля — *Лельо*, изъ Спѣльный богъ — *Кирпичный богъ*; убавилъ отъ Ладо — *Лада*, отъ Стриба — *Стрибогъ*; дополнилъ: къ Нія — *Ніамъ*, къ Позвизду *Вихрь*, къ Тригла — *Триглава*.

Въ 1804 году, Профессоръ Дерптскаго Университета, г. Григорій Глинка издалъ въ Митавѣ свою мнѳографію: *Древняя религія Славянъ*. Сочиненіе Глинки было совершенно отличное отъ предшествовавшихъ. Онъ, принявшій многобожіе, наполнилъ свою мнѳографію невѳротными выдумками, никогда не существовавшими въ Русской Литературѣ. Его введеніе, объясняющее причины дополненій, изумительно для исторической критики.

«Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ известнаго народа суть скоюкъ онаго (стр. 6). Описывалъ произведенія фантазіи для мечтательности, я думаю, что не погрѣшу если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ — буду дополнять собственною поудъ древиюю статью фантазіею (стр. 8). Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ, по нимъ стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и, и послѣднія сообразуясь пхъ устройенію, дополнять матеріалами сего царства, по законамъ соображенія или мечтанія [стр. 10]. Хотя происхожденіе боговъ или Теоогіи Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно надлежало бытъ; однакоже изъ свойства боговъ, или лучше естественныхъ вещей, или дѣяній и явленія, можемъ заключать о мечтаемомъ о нихъ происхожденіи. Впрочемъ, къ гистотъ разсудка Славянскаго народа можетъ отнести то, что изъ епра изъ многихъ азыгескихъ есть гистыйшая. Ибо ихъ боги суть естественныя дѣйствія, благотвореніемъ своимъ имвюція на человека вліянія и служація къ страху и казни беззаконія, равномерно какъ природныя свойства и совершенство обоженныхъ. Сіе проникнулъ творецъ Владимірады [Херасковъ] [стр. 15].

Мнѳологию Славяно-Руссовъ распредѣлять г. Глинка въ слѣдующихъ видахъ: 1) *Превыспренніе боги*, обоженные существа във земли находящіяся; 2) *Земные боги*, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ челоука потребъ; 3) *Присподніе*

боги, кои изображаютъ собою месть и казнь, послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ; 4) *Водяные боги*, коихъ власть простирается надъ водами. 5) *Духи*, 6) *Полубоги и богатыри*; 7) *Озера обоженныя*; 8) *Рѣкы*. Къ прежнимъ мнѳографіямъ онъ прибавилъ новыхъ боговъ *Животъ, Родомыслъ, Ясса, Водовики, Стпни, Лизуны, Куды, Черти, Бьсы, Рудотокъ, Ильмень, Славянъ*; измѣнилъ — изъ Семаргла *Зимцерла*, изъ Волхвъ сдѣлалъ еще другаго *Волховецъ*; отнялъ: отъ Даждь-бога — *Дашуба*, отъ Услава — *Осладь*; уничтожилъ: *Дрѣтинецъ, Змѣй, Ямалла, Роци, Туръ*.

Источники, служившіе основаніемъ древней Религіи Славянъ, не показаны сочинителемъ; но видно изъ примѳровъ, что лучшими образцами были сочиненія Хераскова. Онъ, описывая боговъ, приводитъ изъ Владимірады Хераскова. Такъ у него описанъ Перунъ на стр. 22, 25 и 26, и другіе. Въ честь Перуна г. Глинка написалъ особенный гимнъ, сочиненный имъ на древнюю статью. История Литературы обязана сохранить примѳры этого рода, поучительныя для насъ, современниковъ, удивительныя для потомства. Скажемъ откровенно: г. Глинка не зналъ Русскихъ древностей, и изъ самыхъ словъ видно, что ему не были известны наши старыя, письменныя памятники. Иначе бы онъ не рѣшился писать подобныя гимны. Приведемъ его:

« Боги велики; но страшень Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела стопа;
Какъ онъ въ предшествіи молній своихъ,
Мракомъ одѣянъ, вихремъ повить,
Грозныя тучи ведетъ за собой.
Ступить на облакъ—огни изъ-подъ пятъ;
Ризой махнетъ — побасурвѣтъ твердь,
Взглянетъ на землю—встрепенетъ земля;
Взглянетъ на моръ—котломъ закипитъ,
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Страшне, свой гнѣвъ ты отъ насъ отврати!
Бросивъ горсть граду во тысячу моръ

Только ступилъ, ужъ за тысячъ верстъ;
Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ;
Тяжка стопа гуль глухой издала,
Кой горы, море и землю потрясъ,
И лишь сверкнуло возграе ризъ.

Вотъ древность Русская, которую угощали въ 1804 году Русскую убанку. Кому неизвестна пучать Пѣсни о Полку Игоревомъ, Русской Правды, Древнихъ Славянскихъ Рунъ, которыхъ, когда-то издумали было составлять и дополнять прибавками во вновь изобрѣтенныхъ пергаменныхъ спискахъ. Но, тогда было такое время, и одна только История можетъ передать потомству о подобныхъ продолжкахъ.

Описанія другихъ боговъ, съ своими прибавками, взяты г. Глинкою изъ Гизеля, Попова, Чулкова, и вездѣ съ прибавленіемъ Херасковыхъ стиховъ, какъ единственнаго факта. Свѣдѣнія о богѣ: *Царь Морской* — взяты изъ Ломоносовой Петицы, а въ убѣреніе приложены и его стихи. Въ заключеніе сочинитель прибавилъ дивное созданіе — Храмъ Свѣтовида. Читая это описаніе, невольно спрашиваешь себя: не ужели г. Глинка, издавшій въ 1804 году свою мифографію, считается еще современникомъ Рюрика, Олега, жреца Боговѣда? Приводимъ это описаніе, выдуманное на древнюю статью:

«Марцана еще покоялся въ объятіяхъ воды; часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и пристояный Свѣтовидъ на золотомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рюрикъ съ Олегомъ восходить на священный холмъ, гдѣ возносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога славимаго въ немъ. Первосвященникъ Свѣтовида, Боговѣдъ, сонувъемый жрецами грядетъ ему во срѣтеніе. Рюрикъ приступаетъ къ вратамъ храма, не удивляется, видя ихъ затворенными. Храмъ былъ огромностию въ 1460 шаговъ. Двѣнадцать огромныхъ лѣнновыхъ столбовъ Коринтскаго чина поддерживаютъ навѣсъ его кровли; оглавія ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и

двѣнадцать вратъ его заключались мѣдными затворами. При каждахъ дверяхъ стояли два жреца съ трубами [стр. 131].»

Почти въ одно и то же время съ Мифографіею Глинки появилась въ Геттингенѣ другая, г. Кайсарова: *VERSUCH EINER SLAVISCHEN MYTHOLOGIE VON ANDREX VON KAUSAROW. GÖTTINGEN, 1807.* Эта мифографія была издана въ Русскомъ переводѣ въ 1807 году, а въ 1810 году вторично перепечатана въ Москвѣ, подъ названіемъ: *Славянская и Россійская Мифологія.*

Сочиненіе Кайсарова обращаетъ особенное вниманіе только по указанію источниковъ, но не по внутреннему достоинству. Здѣсь то же допущено многобожіе, тѣ же внесены выписки изъ Гизеля, Попова, Чулкова, съ выдуманными дополненіями, съ прибавленіемъ чужеземныхъ понятій, о которыхъ прежніе мифографы не имѣли свѣдѣнія. Наша Славяно-Русская Мифологія отъ этого сочиненія не только не усовершенствовалась, но еще болѣе затмилась.

Чужеземные источники, служившіе основаніемъ его мифографіи, суть: сочиненія Адама Бременскаго, Гельмольда, Кранциуса, Саксо, Длугоша, Кромера, Монфокова, Кранцеля, Шедля, Вагвера, Росса, Гроссиуса, Маша. Объ Русскихъ онъ говорилъ: «Въ Россіи все совершенно пропало, или по крайній мѣрѣ до сихъ поръ не обнаружилось. Можетъ статься, кой что скрывается еще въ углу какого нибудь монастыря, но кому до того нужда?» (стр. 5) Въ самой Россіи, въ отечественной исторіи, около 988 года, когда Владиміръ Великій ввелъ Христіанскую вѣру, говорили обыкновенно нѣсколько словъ о нашихъ богахъ, и очень недостаточно. Какъ историки наши не имѣли вниманія останавливаться за сѣмъ предметомъ, то упоминали они болѣею частію объ однихъ только именахъ Славянскихъ боговъ (стр. 43). Кромѣ сихъ, хотя и недостаточныхъ источниковъ, есть у насъ, Россіянъ еще два посторонніе источника, состоящіе въ нашихъ пѣсняхъ и такъ называемыхъ народныхъ сказкахъ... На многихъ пѣсняхъ остался отпечатокъ свѣдой древности; инныя-жъ изъ нихъ происходятъ,

вѣроятно, изъ языческихъ временъ, потому что въ нихъ упоминаются часто имена некоторыхъ Русскихъ боговъ. Простонародныя сказки составляли въ самомъ дѣлѣ басни, а другія небольшіе рыцарскіе романы.»

Жаль очень, что г. Кайсаровъ не побоялся о Русскихъ источникахъ: мы имѣемъ вѣрное свидѣніе въ Сказаніи Нестора и въ Пѣсни о полку Игоревомъ. Кромѣ этихъ свидѣній мы не признаемъ другихъ за Русскія. Гдѣ наши древнія Русскія пѣсни?—Мы ихъ не имѣемъ. Пѣсьнѣ о полку Игоревомъ не есть всеобщая народная пѣсня: она для насъ не болѣе какъ историческая поэма, подобная Сагамъ. Неужли мы должны почитать дополнительными источниками извѣстный припѣвъ къ пѣснямъ: «О Дидѣ-Ладо?» Дидѣ никогда не былъ богомъ Славяно Руссовъ: это позднѣйшія выдумки людей, непонимавшихъ значенія словъ: Дидѣ-Ладо. Пѣвецъ слова о полку Игоревомъ заставляетъ Ярославну называть супруга своего: *Ладою*. Въ одной старинной Русской пѣсни поется: «У мевя Ладо змѣя скороспѣя: Завѣсь женицѣлна говоритъ о своемъ мужѣ. Въ другой пѣсни сказано:

«Не утай, молодое, да что перва Лада?
Ой Дидѣ и Ладо! да что перва Лада?—
Какъ перва-то Ладо, *золотъ съ руки
перстень,*

Ой Дидѣ и Ладо! *золотъ съ руки пер-
стень.*

Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дидѣ и Ладо! да что друга Лада?—
Другая-то Лада *кунья съ плеча шуба,*
Ой Дидѣ и Ладо! *кунья съ плеча шуба.*
Не утай, молодое, да что третія Лада?
Ой Дидѣ и Ладо! да что третія Лада?
А третья-то Лада *другъ милой сердеч-
ной,*

Ой Дидѣ и Ладо! *другъ милой сердеч-
ной.*

Вотъ и старая пѣсня, гдѣ Ладо высказывается ясно. Русскія слова: *ладо, ла-
дитъ* имѣютъ совершенно другое значеніе. Не въ нихъ ли искать происхожденіе выдуманныхъ боговъ Дидѣ-Ладо? Такъ, вѣроятно, изъ пѣсеннаго припѣва: *Лели,*

Люли—составили—*Лели. Дидѣ* въ Мало-Русскомъ нарѣчии означаетъ: *ладо, старикъ*. У насъ нѣтъ и сказокъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть свидѣнія о Славяно-Русскихъ богахъ. Вся наши народныя сказки раздѣляются на два разряда: на *Русскія* и *Чужеземныя*. Въ нашихъ Русскихъ сказкахъ нѣтъ ничего о богахъ, извѣстныхъ Нестору, а о чужеземныхъ намъ и говорить нечего: это не наше. Чужія сказки имѣютъ собственное свое достоинство въ другомъ родѣ. Вѣроятно, г. Кайсаровъ не зналъ, что въ нашихъ народныхъ преданіяхъ есть свидѣнія только о *Перунѣ* и *Велесѣ*.

Сожалѣя о худомъ состояніи Славяно-Русской Мифологии, г. Кайсаровъ говоритъ: «такова была судьба нашей Славянской Мифологии, какъ я принялъ намѣреніе и съ своей стороны помочь ей нѣсколько... Одна только любовь къ отечественной исторіи и всѣмъ частямъ ея побудили меня написать сіи не многія страницы... Я со всѣмъ не думаю, чтобы оказалъ чрезъ то великую услугу; мнѣ принадлежитъ только нѣсколько мыслей и трудовъ въ перевертаніи некоторыхъ фоліантовъ... Алфавитный порядокъ избралъ я какъ способнѣйшій для легчайшаго обозрѣнія. Вообще, это не собственная Мифология, а только одинъ опытъ ея (стр. 46, 47, 216).»

Мифография г. Кайсарова *выпущаетъ* въ себя еще отдѣльныя статьи: 1) Происхожденіе и изображеніе боговъ, 2) Храмы, 3) Празднества, 4) Судьба Славянской Мифологии. Многобожие Славяно-Руссовъ у г. Кайсарова состоитъ изъ 57 боговъ. Онъ, въ свою очередь, прибавилъ: *Вода, Горыня, Дубыль, Кащей, Кродо, Поренугъ, Поревитъ, Ругевитъ, Святборъ, Флинцъ, Ютра-Богъ*; передѣлалъ изъ Чулкова *Ніамъ—Ніанъ*; прибавилъ къ Прово—*Прово*; къ Догода — *Погода*; уничтожилъ *Туръ*, и не призналъ боговъ допущенныхъ Глинкою, вѣроятно, потому что не зналъ о существованіи его мифографин. Самое описаніе боговъ у него изложено по другому способу, протовоположному прежнимъ мифографамъ, съ указаніемъ во многихъ мѣстахъ источниковъ. Вотъ его описанія:

«Горыня. Изъ дошедшихъ до насъ Славянскихъ преданій [такъ названныхъ народныхъ сказокъ], видно, что Горыня была Витязь, повергавшій дѣла горы на своихъ неприятелей. По своимъ подвигамъ получилъ онъ это названіе, происходящее отъ слова *Горы* (стр. 71).»

«Перунъ былъ первый богъ на ряду тѣхъ, конемъ Россіяне поклонялись. Думали, что дождь, молнія и всѣ другія воздушныя явленія ему поделаны. Особенно утверждали, что онъ повелеваетъ громомъ, отъ чего и получилъ онъ свое имя, потому что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ; словомъ: это былъ Римскій Юпитеръ (стр. 132).»

«Посвисть или Похвистъ. Какъ Русскіе, такъ и Поляки думали, что Похвистъ вожество бури. Г. Машъ ошивается, будто бы Погода и Похвистъ въ одно и тоже время были у Поляковъ, и еще понынѣ Масовяне называютъ большой вѣтръ *Похвицею*. Следовательно Погода остается Греческимъ Зефиромъ, а Похвиста мы можемъ сравнить съ Эоломъ (стр. 17).»

«Волосъ, также *Велесъ*. Волосу было предоставлено у Русскихъ владычество надъ скотомъ. Между нашими богами занималъ онъ первое мѣсто послѣ Перуна. Несторъ сообщаетъ намъ клятву которую давали предъ Волосомъ, какъ богамъ скота. Эту клятву произнесъ Олегъ, когда сей Великій Князь былъ въ Константинополѣ съ войскомъ своимъ и заключилъ мирный договоръ съ Императорами Львомъ и Александромъ. Истуканъ Волосъ былъ разгнѣвъ въ Киевѣ вмѣстѣ съ другими идолами, но спустя еще долгое время, остались служение и образъ его въ Ростовѣ; какъ наконецъ одинъ монахъ, по имени Авраамъ, низвергнулъ его, построилъ на томъ самомъ мѣстѣ церковь, и сдѣлалъ прочихъ язычниковъ Христіанами (стр. 64).»

Многочасы, допускаемые въ Славяно-Русской Мифологіи многобожіе, образовали следующую Θεогонию:

Инокентій Гизель.

Въ 1674 году.

1. Перунъ.	9. Колла.
2. Волосъ.	10. Усладь или Осладь.
3. Позвиздъ.	11. Корша или Корсъ.
4. Ладо.	12. Дашуба или Даждь.
5. Лель.	13. Семаергла или Се-
маргль.
6. Поель.	14. Магошь или Мокошь.
7. Лада.	15. Стриба или Стрибогъ.
8. Купало.	

Поговъ.

Въ 1768 году.

1. Бугъ.	28. Марпана.
2. Бѣлбогъ, Бѣлойбогъ.	29. Ніа.
3. Велесъ, Волосъ.	30. Перунъ.
4. Волоты.	31. Усладь или Осладь.
5. Волхвъ, Волховець.	32. Позвиздъ, Похвистъ.
6. Даждбогъ, Дашуба,
Дажба.	33. Полеля.
7. Дидиаліа.	34. Полканъ.
8. Дядо, Дидь.	35. Прове, Прона.
9. Догода.	36. Радегастъ.
10. Домовые, домашніе
духъ.	37. Роци.
11. Донъ.	38. Русалки.
12. Дѣтинець.	39. Свѣтовидъ, Свято-
видъ, Святовичъ.
13. Змицерла.	40. Семаергла, Семаергла.
14. Зми.	41. Сѣба, Сѣва.
15. Зничъ.	42. Сильный богъ, Крп-
кій богъ.
16. Золотая баба.	43. Стриба, Стрибогъ.
17. Зѣвана, Зивонія.	44. Студенець.
18. Јомалла, Јамалла.	45. Тригла.
19. Квикмора.	46. Туръ.
20. Колла.	47. Царъ морской.
21. Корша, Хорсъ.	48. Чернобогъ, Черно-
богъ.
22. Купало.	49. Чудо морское.
23. Ладо.	50. Чуръ.
24. Лада.	51. Яга-баба.
25. Леля, Лелю.	
26. Лѣшій.	
27. Магошь, мокошь, мо-
косль.	

Чулковъ.

Въ 1782 году.

1. Бугъ.	27. Лѣшій.
2. Бѣлбогъ.	28. Магошь, мокошь,
мокосль.
3. Велесъ, Велесъ.	29. Марпана.
4. Волоты.	30. Ніа или Ніамъ.
5. Волхвъ.	31. Осладь или Усладь.
6. Даждбогъ, Дашуба,
Дажба.	32. Позвиздъ, Похвистъ,
Вихрь.
7. Дидиаліа.	33. Полеля.
8. Дидь, Дидо.	34. Полканъ.
9. Догода.	35. Прона, Прове.
10. Домовой, Дѣдушка
домовой.	36. Радегастъ.
11. Дѣдушко, Водяной.	37. Роци.
12. Дѣтинець.	38. Русалки.
13. Змицерла.	39. Свѣтовидъ, Свято-
видъ, Святовичъ.
14. Зми.	40. Семаергла, Семаергль.
15. Зничъ.	41. Сѣба или Сѣва.
16. Золотая баба.	42. Сильный богъ.
17. Зѣвана, Зивонія.	43. Стриба.
18. Јомалла, Јамалла.	44. Студенець.
19. Квикмера.	45. Туръ.
20. Колла.	46. Царъ морской.
21. Корсъ, Хорша.	47. Тригла, Триглава.
22. Купало.	48. Чернобогъ, Черн-
богъ.
23. Ладо.	49. Чуръ.
24. Лада.	50. Яга-баба.
25. Лихорадки.	
26. Лелью.	

Глинка.

Въ 1804 году.

1. ПЕРВЫСПРЕННИЕ БОГИ.	28. Корса—богъ пьянства.
1. Перунъ — движение эфира, громъ.	20. Ясса.
2. Златая баба, златая мать—тишина, покой.	31. Догода—вещирь.
3. Свѣтовидъ — солнце, жизненная теплота.	32. Зимперла, Зимстерла — весна.
4. Зичъ — начальной огонь.	33. Зимерла—зима.
5. Бѣлбогъ — благое и доброе начало.	III. ПРЕИСПОДНИЕ БОГИ.
6. Сильный богъ.	34. Ній—владычествующій надъ преисподними странами.
7. Даждбогъ—благополучіе.	35. Чернобогъ—богъ отщепенія.
8. Животъ—сохраненіе жизни.	36. Стрибогъ — истребитель.
9. Лада—война.	37. Яга—баба.
10. Коляда—миръ.	38. Кикимора—богъ сна.
11. Усладъ — удовольствіе.	IV. ВОДЯНЫЕ БОГИ.
12. Лель—любовь.	39. Царь морской.
13. Ладю—красота.	40. Чудо морское.
14. Поледь—бракъ.	41. Русалки.
15. Дидь—супружество.	42. Водовики — водяные черти.
16. Дидилія — дѣторожденіе.	У. ДУХИ.
17. Марцана—зара, богиня жатвы.	43. Лѣшіе.
II. ЗЕМНЫЕ БОГИ.	44. Домовые.
18. Тригла—земля.	45. Стѣни.
19. Волосъ—богъ покровительствующій скотъ.	46. Лисуны.
20. Мокшъ.	47. Куды.
21. Купало—земные плоды.	48. Черти.
22. Родомышль — подаватель благихъ советъ.	49. Бѣсы.
23. Сѣва — богиня плодовъ.	VI. ПОЛУБОГИ ИЛИ БОГАТЫРИ.
24. Зевана—богиня звѣродовства.	50. Полканы.
25. Чуръ—богъ мелей.	51. Волоты.
26. Прове или Провъ — богъ прорѣзаній.	52. Славажъ.
27. Радегастъ — богъ страннопримства и городовъ.	53. Волхвъ.
	54. Волховецъ.
	55. Рудотокъ.
	56. Пымень.
	57. Студенецъ.
	VIII. РЪКИ.
	58. Бугъ.
	59. Дожъ.

Кайсаровъ.

Въ 1804, 1807, 1810 годахъ.

1. Бугъ.	22. Корша, Корса.
2. Бѣлбогъ.	23. Кродо.
3. Вода.	24. Лядо.
4. Волоты.	25. Купало.
5. Волхвъ, Волховецъ.	26. Лада.
6. Волосъ или Велесъ.	27. Лелья, Лелю.
7. Горыня.	28. Лѣшіе.
8. Даждбогъ, Дажба, Дашуба.	29. Макошь, Мокшъ.
9. Дѣлвенецъ.	30. Марцана.
10. Довъ.	31. Нія, Ніяжъ.
11. Дядо—Дидь.	32. Осладъ или Усладъ.
12. Дубыня.	33. Перунъ.
13. Домовые духи.	34. Прово, Прове, Прово.
14. Дидилія.	35. Посвиствъ, Похвиствъ.
15. Зевана, Дзевана.	36. Погода, Догода.
16. Зимперла.	37. Поледь.
17. Зѣти.	38. Полканы.
18. Золотая баба.	39. Поремучъ.
19. Кашей.	40. Поревитъ.
20. Кикимора.	41. Радегастъ.
21. Коляда.	42. Ругевитъ.
	43. Русадки.

44. Свѣтовидъ, Свѣтовидъ, Свято-	51. Финицъ.
видъ, Святозичъ.	52. Царь морской,
45. Семарглъ.	53. Чернобогъ.
46. Сива.	54. Чудо морское.
47. Сильный богъ.	55. Чуръ.
48. Стриба, Стрибогъ.	56. Ютра—богъ.
49. Святиборъ.	57. Яга—баба.
50. Триглава.	

Въ сихъ пяти мнѳографіяхъ представляются постепенныя дополненія и измѣненія Славяно-Русской Мнѳологии. Это живая летопись свѣдѣній и направлений духа мнѳографовъ. Здѣсь мы видимъ: кому что правилось? кто и что выдумалъ? когда совершались измѣненія?

Вторая система Славяно-Русской мнѳологии, основанная на *Семибожїи*, единственно по одному сказанію Нестора, образовалась въ мнѳографіяхъ: *Стрѳова, Руссова, Приюзжева*.

Преподобный Несторъ, предавший потомству Русскія событія, первый говоритъ о Славяно-Русскихъ богахъ. Въ его летописи, оконченной въ 1093 году, мы находимъ слѣдующія извѣстія:

Въ договорѣ Игоря съ Греками сказано:

«И елико ихъ есть не хрещено да не имуть помощи отъ Бога ни отъ *Перуна*.»

Въ утвержденіи сего же договора писано:

«И да будетъ клятвѣ отъ Бога и отъ *Перуна* яко преступи свою клятву.»

Въ договорѣ Святослава съ Греками сказано:

«Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ *Перуна* и въ *Волоса*, скотья бога.»

Въ утвержденіи клятвы Игоремъ съ Греческими послами, онъ записалъ:

«Затра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стоялъ *Перунъ*. Покладоша оружье свое, и щитъ, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси.»

Въ описаніи Княженія Владимира онъ сказалъ:

«И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ единый, и постави кумиры на холму въ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, и Дажь бога, и Стрибога, и Силарьела, и Мокошь. Жряху имъ, наричоще я боги, привожаху сыны своя и дщери, и жряху въсомъ, оскверниху землю теревами своими, и осквернися кровью земля Русска и холм-отъ.»

«Володимиръ же посади Добрыню уя своего въ Новгородъ; и пришедъ Добрыня къ Новгороду, постави кумира надъ рѣкою Вохомъ, и жряху ему люди Новгородсти, аки богу.»

«Иде Володимиръ на Ятвяги, и повѣди Ятвяги, и взя землю ихъ, и иде къ Киеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старцы и боляре: мчемъ жреби на отрока и дѣвицу; на него же падеть, того зарежемъ богомъ. Бяше Варягъ единый... въ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру Хрестиянску, и въ у него сынъ красенъ лицомъ и душою, на сего паде жреби... Рѣша пришедше посланнии къ нему: яко паде жреви на сынъ твой, изволиша бо и возъ соевъ; да створимъ потребу богомъ.»

«Повелъ кумиры испроврещи, овы оствчи, а другія огневи предати; Перуна же повелъ привязати коневы къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручаю, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на порученъе въсу, иже прельщаще симъ образомъ человека, да възмездъе приметъ отъ человекъ, и поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии люди, еще бо не блху прииди святаго крещенъя; и привлекше, вринута и въ Днѣпръ. И пристави Володимиръ, рекъ: аще гдѣ пристанеть, вы то отръвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь его. Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и проиде сквозъ пороги, изверже и вътри на гни, и оттолъ прослу Перуна гни, яко же и до сего дне словеть.»

Вотъ единственное и вѣрное основание Славяно-Русской Мифологии! Кроме сего

мы не находимъ ни чего, и едва ли что можемъ найдти. Послѣ сего нельзя не удивляться, рассматривая Русскія мифографіи, наполненныя выдуманнми и чужими богами, пересказанныя со многими невѣроятностями. Сочинители предпочитали болѣе позднѣйшихъ и притомъ чужихъ мифографовъ, незнавшихъ нашего отечества, забывали о Несторѣ, который зналъ Славянъ болѣе другихъ, изъ котораго заимствовалъ Польскіе Историки и иностранныя путешественники, бывшіе въ Русской землѣ.

Въ 1815 году г. П. М. Строевъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ — Современномъ Наблюдателѣ Россійской словесности — напечаталъ: *краткое обозрѣніе Мифологій Славянъ Россійскихъ*. Это обозрѣніе въ томъ же году было отдѣльно перепечатано, со многими перемѣнами и поправками.

Г. Строевъ свое обозрѣніе начинаетъ взглядомъ на происхождение Мифологии, и о Славянской говоритъ: «мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи Славянъ; не многія извѣстія дошли до насъ чрезъ иностранныхъ историковъ, а собственныя наши лѣтописи почти ничего не сохранили (стр. 9). Многіе изъ новѣйшихъ писателей хотѣли Славянскую Мифологию привести въ систему. Они собирали все, что имъ ни попадалось; но никто еще до сихъ поръ не старался обработать Славянскую Мифологию образомъ ученыхъ. Впрочемъ едва ли можно издать классическое сочиненіе о сей матеріи, не смотря на ея важность и даже необходимость (стр. 12 и 12).»

По этому понятію г. Строевъ необходимо долженъ былъ отвергнуть мифографіи: Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова — и отвергнувъ съ честью, онъ принялъ въ основаніе Нестора и первый допустилъ въ Славяно-Русскую Мифологию Семивожіе. Строевъ говорить, что:

«Каждое племя Славянъ имѣло собственную свою Мифологию, и что мѣтвія одного изъ нихъ ни мало не распространяются на всѣ прочіе, или, по крайній мѣрѣ, на нѣкоторыхъ. Мѣтвія религіи Сербовъ, По-

ляковъ, Моравовъ и другихъ народовъ Славянскаго покровенія ни мало не принадлежать къ Мифологии Славянъ Россійскихъ [стр. 16]. Владимиръ, поставивъ въ Киевѣ изображенія семи боговъ, кажется сдѣлалъ только то, что почитаемыхъ разными Славянскими, Финскими племенами боговъ, собралъ въ одно мѣсто, и, такъ сказать, объявилъ ихъ общими цѣлаго Государства и его покровителями [стр. 19]. Сии привезенные въ Киевъ боги суть: *Перунъ*, *Волосъ*, *Дажь-богъ*, *Стрибогъ*, *Хорсъ*, *Семаръла*, *Мокошь* (стр. 21).»

Исследования г. Строева о Славяно-Русскихъ богахъ основаны: на Несторѣ, Византійскихъ историкахъ: *Ирокопѣ* и *Константинѣ Багрянородномъ*, *Бакмейстерѣ* и *Шлецерѣ*. Слѣдствиемъ этого вышло, что *Перунъ* былъ главнѣйшій, и, по всей вероятности, единственный богъ первобытныхъ Славянъ; *Волосъ*, покровитель стадъ, неизвѣстно принадлежавшій какому изъ поколѣній Славянъ; *Стрибогъ*, согласно Пѣснѣ о полку Игоревомъ признанъ за Греческаго Эола; о *Дажь-богѣ* г. С. думаетъ, что едва ли онъ былъ не Перунъ, и не соглашается съ мнѣніемъ Графа Мусина-Пушкина; *Хорса*, *Семаръла* и *Мокоша* не признаетъ за Славянскихъ боговъ, а за Финскихъ или Скандинавскихъ. О богахъ мнѣмыхъ онъ говоритъ:

«Славяне почитали также и мѣсъ, духовъ горныхъ и лѣсныхъ. Преданія о Русалкахъ, вѣдьмахъ (баба-яга?), лѣшнѣхъ, домовыхъ и водяныхъ, дѣмонахъ и понынѣ еще существуютъ. Домовые не то ли же, что древніе Пенаты и Лары? Я думаю, что и Чуръ, если онъ только подлинно былъ божествомъ Славяно-Русскимъ, коего обыкновенно считаютъ богомъ границы, межей [Греческимъ Термомъ], былъ также богомъ домашнимъ, хранителемъ жилищъ, что доказываетъ извѣстное чуравье [стр. 33]. Не было ли также преданій о славныхъ войнахъ или богатыряхъ, отличившихся нѣкогда своею храбростію и подвигами. Отъ сего легко могли родиться повѣія о Полубогахъ и Ирояхъ. Да развѣ сказки наши не разсказываютъ столько чудесностей о Полканахъ, Дубыняхъ и проч. Но обо всемъ этомъ мо-

жно только догадываться, а не говорить утвердительно, какъ то сдѣлалъ г. Кайсаровъ [стр. 35].»

Мифографія г. Строева доселѣ остается одною изъ лучшихъ, потому что въ ней не встрѣчаемъ ни филологическихъ розысканій, столько же убійственныхъ, какъ старая Сколастия, не видимъ ложныхъ похвалъ, какими выполнены другія мифографіи — Попова, Чаикова, Глинки и Кайсарова. Мы увѣрены, что если бы г. Строевъ занялся теперь Славяно-Русскою Мифологіею, то онъ избавилъ бы себя отъ некоторыхъ понятій о происхожденіи Мифовъ, которые при нынѣшнемъ состояніи Археологіи представляются совершенно въ другомъ видѣ.

Въ 1824 году г. Руссовъ издалъ: — *Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Киевѣ поставленныхъ во время язычества, и сѣмъ же Великимъ Княземъ, сѣмъ уничтоженнымъ, когда онъ просвѣтился благодатныхъ ученіемъ Христіанской вѣры*. Эта новая мифографія, написанная въ противоположномъ духѣ прежнихъ писателей, допускаетъ семібожіе по сказанію Нестора, и основана на объясненіи Эллино-Римской Мифологіи. По изысканію г. Руссова открылось, что Славянскіе боги были родомъ изъ Рима и Греціи, а на Русь, въ Киевъ, перешли изъ Фривіи или Валлахіи Балтійской, а во Фривію они взошли изъ Финніи [стр. 18]. Затѣлливую, по словамъ г. Руссова, Славянскую Мифологію составили Фривіскіе первосвященники (стр. 19). *Сознатель* пѣснѣ о полку Игоревомъ *зналъ* Мифологію Славянъ *посредственно* (стр. 15. *Имена Киевской Мифологіи употреблены Славяно-Греко-Латинскія* [стр. 14]. О Славянскихъ мифографахъ онъ говоритъ: «Самые ученѣйшіе мужи и опытнѣйшіе изыскатели древностей принимались толковать, что значать сии божества; но всѣ доселѣ остались при однихъ догадкахъ [стр. 2]. Я заглянулъ въ Эллино-Римскую Θεогонію, и *ненарогно* вапалъ на Стреба и Стрѣва. Пускай она будутъ проводниками къ изъясненію самихъ себя и прочихъ *шести своихъ товарищей* [стр. 6.] Когда я думалъ что значить «*Мокошь*», «*Кашпѣ-*

ка, дочь хозяйина моей квартиры, кликала меньшого брата: «*Микоша, Микоша!*» Что такое значить Микоша? спросила я бывших тут людей. «Никофоръ» сказали они. А что такое будетъ *Макоша?* продолжала я. *Макарій*—отвѣчали они. Посмотримъ, что значить *Макарій* въ Эллино-Римской Мифологіи? У Гомера упоминается о *Макарин*... *Макошь* Славяпскій и *Макарій* Эллино-Римскій суть одно и то же [стр. 12 и 13].»

Слѣдствіемъ этихъ разысканій вышло то, что Славяно-Русскіе боги были сродни Греческимъ и Римскимъ богамъ. Для утверждения родства г. Руссовъ изъ Эллино-Римской Мифологіи сотворилъ покровенную роспись — Генеалогію Киевскихъ языческихъ боговъ (стр. 14):

1	Небо.	2	
Стрѣль.	Сатурнъ.	Тетисъ.	Онеанъ.
4	3	или Дажба,	
Семелія.	Юпитеръ.	Нептунъ.	Амевритта.
или Замперта. или Перунъ.			
5		6	
Бахусъ, Меркурій, Апполонъ. Эоль.		Стрѣль.	
или Хорсъ. или Стрѣвъ.		Бизенъ, Бель,	
	7	или Волосъ.	
	Макарій,		
	или Мокошь.		

Мы буквально списали эту генеалогію единственно для того, чтобы показать: какъ далеко г. Руссовъ увлекся отъ своего предмета. Избѣгая ошибокъ своихъ предшественниковъ, онъ рѣшительно перебралъ Славяно-Русскую Мифологію; и — безъ всякаго основанія. По его понятіямъ Перунъ происходитъ — отъ *Рендо*, *Ренсутіо* Перунъ. Стривогъ обращенъ въ Стрѣвъ, Семаргла передѣлана въ *Зимцерлу* или *Зимаерлу*, Дажь-богъ въ *Дажу*, Мокошь составился изъ Макарія. Не признавая ни одного понятія изъ Русскихъ и чужеземныхъ мифографій, до него бывшихъ, онъ составилъ свои. Къ счастью Перунъ, по неисповеданнымъ причинамъ, остался въ силѣ г. Руссова безъ разсматриванія; но за то другіе Славяно-Русскіе боги изуродованы до послѣдней возможности. Такъ: Славяно-Русскій Стривогъ у него есть не что иное какъ Эллино-Римскій *Стрѣвъ*;

Семаргла Эллино-Римская *богиня молніи Семелія*; Дажь-богъ есть не что иное какъ Эллино-Римскій Тетисъ (*Фетида*); Велесъ есть *Бель Ассирійскій*.

Въ 1827 году была напечатана въ Вѣстникѣ Европы мифографія г. Пріѣзжаго — *о Мифологіи Славянъ Россійскихъ*. Переглядывая эту мифографію внимательно, мы изумились: была ли эта совершенная пародія, или въ прямомъ смыслѣ, копія съ *краткаго обзоръ мифологіи Славянъ Россійскихъ* г. Строева? Отказываемся отъ рѣшенія. Скажемъ только, что г. Пріѣзжевъ списалъ буквально г. Строева. Удивляемся, какъ не замѣтили этого тогда и г. Издатель Вѣстника Европы и самъ г. Строевъ, и даже другіе журналы, сторожившіе въ тѣ дни крѣпко подобныя продѣлки. Докажемъ самымъ дѣломъ.

Строевъ.

Пріѣзжевъ.

[14 стр.]

(Съ перваго слова на стр. 195.)

Славяне явившіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе его нравы и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные челолюбія, не производятъ въ насъ никакого ужаса, но наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго удивленія.

Славяне, явившіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе нравы его и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные челолюбія, не производятъ въ насъ никакого ужаса, и даже наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго удивленія.

Г. Пріѣзжевъ продолжалъ свои выписки отъ слова до слова, начиная съ 14 стр. до 41, съ перемѣною выраженій ничтожныхъ, въ выпущеніемъ примѣчаній. Весь трудъ его состоялъ въ томъ, что онъ выкинулъ изъ мифографіи г. Строева первые 13 страницъ, списалъ буквально слѣдующія 38 стр. и оставилъ послѣднія 2 стр. безъ выписокъ. Мы объ этой мифографіи не должны болѣе говорить: Исторія Русской Литературы со временемъ предастъ ее должному осужденію.

Но этимъ четыремъ мифографіямъ Славяно-Русская Мифологія образовалась изъ слѣдующихъ боговъ:

<i>Несторъ.</i>	<i>Строевъ.</i>
въ 1093 г.	въ 1815 г.
Перунъ. Волось. Дажь-богъ. Стрибогъ. Семаргла. Хорсь. Мокошь.	Перунъ. Волось [Велесь]. Дажь-богъ [Дажба], Стрибогъ [Стриба]. Хорсь. Семаргла (Сема и Регла). Мокошь [Мокодь].
<i>Руссовъ.</i>	<i>Привъжеевъ.</i>
въ 1824 г.	въ 1827 г.
Перунъ. Велесь. Стрибогъ. Зимцерла. Хорсь. Дажь-богъ. Мокошь.	Перунъ, Волось. Дажь-богъ. Стрибогъ. Хорсь. Семаргла. Мокошь.

Кромѣ этихъ Славяно Русскихъ мифографій, мы имѣемъ еще два отдѣльных источника: 1] въ Русскихъ критическихъ изысканіяхъ и 2] въ исторіяхъ и запискахъ чужеземцевъ.

Въ числѣ Русскихъ изысканій обращаютъ особенное вниманіе: Разговоры о древностяхъ Новгорода Пресвященнаго *Евгенія*; о *Перунѣ*, отдѣльное описаніе г. *Калайдовича*, помѣщенное въ Вѣстникъ Европы 1807 года (№ 23 и 24); примѣчанія графа Мусина-Пушкина, приложенныя къ изданію Пѣсни о полку Игоревомъ; примѣчанія *Болтина* на исторію Деклерка; мнѣнія Ломоносова, *Татищева* и *Щербатова* въ ихъ исторіяхъ; Н. М. *Карамзина* во всеобщемъ обзорѣ Славянъ, помѣщенномъ въ первомъ томѣ его исторіи; *А. О. Вельтмана* — въ его письмѣ о великомъ Новгородѣ и изданіи Пѣсни о полку Игоревомъ.

Незавенный исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, обзрѣвая вѣру Славянскихъ народовъ, посвятилъ Славянской Мифологіи особенное описаніе. Сначала онъ обзрѣвалъ боговъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, а потомъ особенно Славяно-Русскихъ. Въ описаніи первыхъ онъ упоминаетъ: о *Бѣлѣ Богѣ*, имѣвшемъ храма; о *Чернобогѣ*, почитавшемся у Славянъ Балтійскихъ, по свидѣтельству Гельмольдовой хроникѣ; о *Святослудѣ* имѣвшемъ храмъ на островѣ Рюгенъ, почитавшемъ Вѣдами и Королями

Датскими; о *Рувенитѣ* или *Рувенитѣ*, *Поревитѣ*, *Радегасть* — имѣвшемъ храмъ въ городѣ Ретрѣ; о *Ситѣ*, въ честь которой находился храмъ въ городѣ Рацебургѣ; о *Фригитѣ*, уважаемой Далматскими Славянами и называемой въ Исландскихъ древностяхъ *Ванадисъ* или *Венецкою*; о *Перкунѣ* Прусскомъ, почитавшемся также и отъ Латышей; о кумирахъ: *Числобога* и *Набога*, *Пабога* или *Зембога* и *Немизы* — находившихся въ Ретрскомъ храмѣ, о *Триглавѣ*, бывшемъ въ Юліяѣ или Винетѣ; *Притекальѣ*, *Яровидѣ* или *Геровитѣ*, находившихся въ Гевельбергѣ и *Волгастѣ*; о *Протѣ* и *Подавѣ*, почитаемыхъ жителями Вагрии; о *Генитѣ*, уважаемомъ Мерзебургскими Вѣдами; *Даворѣ*, *Даморѣ* *добрый хригити*, *Ярѣ* и *Иикѣ*, прославляемыхъ доселѣ въ свадебныхъ пиршествахъ Морлаховъ; о Польскихъ богахъ: *Нитѣ*, имѣвшемъ храмъ въ Гвѣзпѣ, *Лестѣ*, *Ладонѣ* или *Лядѣ*, *Дзидзидитѣ*, *Зивонитѣ*, или *Зьванитѣ*, *Зиваго*, *Лельѣ*, *Полельѣ*, *Погодѣ*, *Похвистѣ*. О вторыхъ онъ писалъ: «Въ Россіи до введенія Христіанской вѣры, первую степень между идолами занималъ Перунъ, богъ молній, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ поклонялись (?), Обожая въ немъ верховнаго міроправителя. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ, на холмѣ, въ двора Владимірова, а въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усми. Автописецъ именуетъ еще идоловъ: *Хорса*, *Дажь-бога*, *Стрибога*, *Семаргла* и *Мокоша*, не объясняя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о Велесѣ, котораго именемъ и Перуновымъ клялись Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. Сии извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синописисѣ.»

Кромѣ сихъ, Несторомъ упоминаемыхъ, Н. М. Карамзинъ еще допускалъ: *Ладло*, *Купало*, *Лшшхѣ*, *Русалокѣ*, *Домовыхѣ*, *Кикиморѣ*. Это имъ было взято изъ Синописиса, Стрыйковскаго, Длугоша, Кромера и Гваньини.

Въ сочиненіяхъ г. Вельмана мы встрѣчаемъ описанія Славяно-Русскихъ боговъ. Его труды заслуживали бы особенное уваженіе, если бы онъ не слишкомъ увлекался Филологическими разысканіями, которыми невольно наводять сомнѣвіе. Подовные примѣры г. Руссова и другихъ представляются съ самой невыгодной стороны. Въ изданномъ имъ письмѣ о господствѣ Великомъ Новгородѣ, онъ говоритъ:

«Перуны есть *Бахусъ*, или *Бахъ Пирингенъ*, т. е. сынъ Пламени. Поклоненіе *Баху* и поклоненіе Ваалу сошлись на Сѣверѣ. Первое преимущественно нашло себѣ вѣрныхъ поклонниковъ въ Славянахъ; второе владычествовало на Сѣверѣ у Руссовъ; но подробности узнаешь изъ моихъ изслѣдованій древней Религии Славяно-Руссовъ (стр. 35).

«Вы полагаю я, вѣрнѣе тому, что имя Властось, Власій и Славянской *Владъ*, не есть то же что *Велесъ*, *Волосъ*, т. е. *Валалъ*, хотя можетъ быть происходить и отъ него, и значить *производитель*. Велесу, или Волосу поклонялись наши предки, и я со временемъ изложу мои доказательства, что поклоненіе *Ваалу* было не только въ Азии, но распространилось почти во всей древней Европѣ, и что *Völur*, *Биль-богъ*, *VELENUS* не случайные звуки, сходные съ именемъ Вела, но есть то древнее слово Халдеи, преобразованное нарѣчiami, которое означало на первомъ языкѣ Всевышняго Бога, и которое произносилось съ благоговѣніемъ всеми языками міра. Волосъ, скотій богъ, не значить, что онъ есть богъ воловъ, овновъ и проч.; но значить *Богъ земныхъ таурей*. Въ дополненіе слово *Скотъ* принадлежитъ, кажется, обрядамъ Вааловымъ [см. стр. 33 и 34].»

Понятія о происхожденіи Волоса отъ Вела Ассирійскаго было выдуманно еще въ 1824 году г. Руссовымъ, но почему Перунъ произведенъ отъ Бахуса, тогда какъ Руссовъ производилъ отъ него Хорса—мы не беремся рѣшить до появленія его подробной мифологіи. Замѣтимъ, что всѣ наши мифографы обѣщали со временемъ говорить подробнѣе о Славяно-Русской Мифологіи; но, кто дождется, когда эти

обѣщанія исполнятся. Сожалѣемъ очень, что г. Вельманъ принимаетъ для объясненія нашей мифологіи вздорную выдумку—*отрывокъ летописи Иоакимовой*, которую сто разъ опровергали, которая сама указываетъ, что въ ней все сказанное есть ложь. Мы увѣрены, что при полномъ изданіи его Славяно-Русской Мифологіи будетъ исключена вставка Иоакимовская, помѣщенная въ письмѣ о Новгородѣ на стр. 37, 38 и 39.—Довѣрие къ этому отрывку Попова, Чулкова, Кайсарова, Глинки—не оправдали ни какого ожиданія.

Источники иностранныхъ свѣдѣній представляютъ самое обширное поле для изслѣдованій, и вмѣстѣ самое опасное. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ нашихъ мифографовъ не принимался критически обозрѣть всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ чужеземцевъ о Славяно-Русскихъ богахъ. Исчислимы только некоторые изъ этихъ источниковъ:

1. *Саксо*, Историкъ XIII вѣка, прозванный *Грамматикомъ* по чистотѣ Латинскаго языка, въ своей HISTORIAE DANICI (LEPSIAE 1771) говоритъ о Славянскихъ богахъ Рюгенскихъ, основываясь на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ неизвѣстныхъ никому, кромѣ его. Его исторія ввела многихъ въ заблужденіе. Нашъ извѣстный Миллеръ повѣрилъ ему въ происхожденіи Скадинавинъ, и внесъ его вѣрны въ свою академическую рѣчь—о *народѣхъ обитающихъ въ Россіи*. У него Миллеръ отыскалъ въ сынѣ *Боуса*, пружатаго, по сказанію Саксо, Одиномъ съ Русскою Царственною Риндою—*Боу Королевича, сына Додона*, извѣстную Итальянскую сказку XVI вѣка. Боги, описанные Саксо: Ругевитъ, Поревитъ, Поревучъ, Свѣтовидъ—взошли въ мифографіи Глинки, Кайсарова и Попова.

2. *Гельмольдъ*, историкъ XII вѣка, въ своей CHRONICA SLAVORUM, s. ANNALES HELMODI PRESBYTERI BUZOVNIENSIS. FRANCOF. 1531—говоритъ о Биль-богѣ, Свѣтовидѣ, Пропе, Черно-богѣ.

3. *Дитмаръ Мерзебургскій*, писавшій въ самомъ началѣ XI вѣка свою Хронику, говоритъ также о богахъ Славянскихъ.

4. *Стурлезонъ Снорро* или *Снорри*, одинъ изъ достовѣрныхъ писателей Исландскихъ, жившій въ XII вѣкѣ — написалъ: *HISTORIA REBUM SEPTENTRIONALIUM*. Ему послѣдовалъ Карамзинъ.

5. *Иеддйй* въ своемъ сочиненіи—*DE DIIS GERMANORUM* — описывая Нѣмецкихъ боговъ, вмѣстилъ въ число ихъ и Славянскихъ: Бѣль-бога, Крода, Прово, Родегаста, Ругевита, Флинца, Черно-бога, Ютра-бога. Послѣдую Крапцусу, онъ смѣшалъ Венедовъ съ Вандалами.

6. *Михаилъ Френцель*, изъ Лаузица, написалъ въ 1638 году разсужденіе о Славянскихъ богахъ въ Виртембергѣ: *MICHAELI FRENCELLI DISSERTATIONES HISTORICAE DE IDOLIS SLAVORUM*. Братъ его Адамъ Френцель занимался филологическими изслѣдованіями о Славянскихъ богахъ. М. Френцель описалъ: Перуна, Марцану, Дидилію, Золотую бабу, Поревуча, Поревита, Бѣль-бога, Флинца, Черно-бога.

7. *Вагнеръ* издалъ въ 1698 году въ Лейпцигѣ: *DISSERTATIO DE IDOLATRIA VETERUM MISNIAE INCOLARUM*. Онъ описалъ: Святебора, Дидилію.

8. *Арнольдъ* къ сочиненію Александра *Росса*—о всеобщемъ богослуженіи—сдѣлалъ особенное приваженіе: *VON DEN UNTERSCHIEDLICHEN GOTTESDIENSTEN IN DER GANZEN WELT*. Онъ описалъ: Крода, Бѣль-бога, Флинца, Ютра-бога.

9. *Самуилъ Гроссеръ* въ описаніи достопамятностей Лаузица *LAUSITZISCHE MERKWÜRDIGKEITEN* описалъ имена боговъ Лаузица, съ 10-ю рисунками. Его Поревитъ и Крода были руководителями для Монфокона и Бане.

10. *Монфоконъ* въ своемъ сочиненіи: *ANTIQUITÉ EXPLIQUÉE* въ числѣ другихъ боговъ онъ описалъ и Славянскихъ.

11. *Банье* въ своей *LA MYTHOLOGIE ET LA FABLE EXPLIQUÉES PAR L'HISTOIRE* описалъ только то, что было у Монфокона.

12. *Шереръ* въ своемъ сочиненіи: *DE SIMULACRIS DEORUM IN RUSSIA CULTIS SUB WLADIMIRO DUCE* — описалъ: Ладо, Коляду и другихъ.

13. *Андрей Маиш* составилъ описаніе священнѣхъ древностей Обовритовъ и Меклебургскихъ Славянъ, найденныхъ въ Прильвицѣ—*HOPFREDIGERS MACH GOTTESDIENSTLICHE DIE ALTERNÜMER DER OBOWRITEN* раздѣлилъ Славянскихъ боговъ на боговъ и полубоговъ — Позвизда, Полея, Сива, Черно-бога.

14. *Гейнекуйй* въ своемъ сочиненіи: *SCRIPTORES REBUM GERMANORUM* написалъ особенную диссертацию о Кродѣ.

15. *Яковъ Толлій*, въ сочиненіи *JACOBAE TOLII EPISTOLAE ITERINARIAE* описалъ Крода.

16. *Докторъ Антонъ* въ своемъ сочиненіи: *ERSTE LIENEN EINES VERSUCHES ÜBER DIE ALTEN SLAVEN URSPRUNG, SITTEN* описалъ: *Ладо, Флинцъ*.

17. *Леклеркъ* въ своей *HISTOIRE DE LA RUSSIE ANCIENNE* помѣстилъ Славянскую Мифологию Попова.

18. Графъ Потоцкій въ своемъ: *VOYAGE EN BASSE SAXE* — описалъ Славянскихъ боговъ. Ему сѣдовалъ Карамзинъ. Нѣмецкій археологъ, доставлявшій графу свѣдѣнія, сѣзчался предъ цѣлымъ свѣтомъ въ обмалѣ (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г.).—Этой-то книгѣ сѣдуютъ мифографы!

19. *Кромеръ*, Польскій Историкъ, въ сочиненіи своемъ: *DE ORIGINE ET REBUS GESTIS POLONORUM* — описалъ: *Ладо, Позвизда, Погоду, змѣи и другихъ*.

20. *Шнейдеръ* въ своемъ *SARMATICAE EUROPAE DESCRIPTIO* описалъ: *Ладу, Марцану*.

21. *Гванъини* въ сочиненіи своемъ *MO-SKOVIA RESPUBLICA ET URBS LUGDUNI BATAVATORUM* описывалъ Славянскія вожества Марцану, Златую бабу.

22. *Гютри*—въ сочиненіи своемъ: *DISSER-*

TATIONS SUR LES ANTIQUITÉS DE RUSSIE A S. P. 1795. описалъ: Тура, Сильный богъ.

23. *Другошъ*, Польскій Историкъ XV вѣка, въ своей Польской исторіи, выбравшій извѣстія о Россіи изъ Кадлубека и Нестора, описалъ: Ниа, Марцану, Сиву, Погуду.

24. *Маттеи Стрыйковскій*, Польскій Историкъ, бравшій извѣстія о Россіи изъ Другоша, Кромера, Герберштейна—въ своихъ сочиненіяхъ: о происхожденіи Славяно-Русскихъ народовъ, Царствованіе Ивана Васильевича Грознаго и Хроникъ боговъ Латышскихъ—описывалъ Славянскихъ боговъ. Изъ нихъ выбиралъ Гизель, Кайсаровъ, Глинка.

25. *Гурманъ* въ своемъ сочиненіи: ÜBER DIE GOTTESDIENSTLICHE ALTERTHÜMER DER OBERITEN — описывалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

26. *Гебгардъ* въ своемъ сочиненіи: GESCHICHTE WENDEN UND SLAVEN—говорилъ о языческихъ обрядахъ Славянъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

27. *Шварцъ* въ своемъ сочиненіи — DIPLOMATISCHE GESCHICHTE — описалъ Ругевита.

28. *Герберштейнъ* — въ своихъ: *RECURUM MOSCOVICARUM COMMENTARIU* почерпалъ описанія Славянскихъ боговъ изъ народныхъ разсказовъ. Его сказка о Перунѣ Новгородскомъ—была принята Русскими и иностранными мифологами.

29. *Ранго* въ своей исторіи разныхъ Славянскихъ народовъ описалъ некоторые Славянскихъ боговъ у Сербовъ и Хорватовъ.

30. *Мауро-Урбинъ* въ своей исторіографіи народа Славянскаго занимался обзоромъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Цоповъ.

31. *Данилъ Князь Бахлау*, Императорскій посланникъ бывшій въ Москвѣ въ 1578 г. съ Ковенцелемъ, написалъ: *MOSCOVIAE ORTUS ET PROGRESSUS — GUBENAE* 1679, гдѣ говоритъ о Славянскихъ богахъ со всевозможными ошибками.

32. *Нарушевизъ*—въ первомъ и второмъ томѣ своей исторіи (*HISTORIA NARODU POLSKIEGO*) объясняетъ Славянскую Мифологию; по его разысканія требуютъ строгой оцѣнки источниковъ, которыми онъ пользовался.

33. *Павелъ Юсѣй Новокомскій*, историкъ XVI-го вѣка, въ описаніи Религіи Московитянъ, говоритъ: «За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Московитяне поклонялись языческимъ богамъ, какъ-то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ.» Такія свѣдѣнія доставлялъ Историкъ Іоанну Руфу, Архiepiscopу Копсентинскому, приближенному къ Папѣ Клименту VII-му, и по этому-то свѣдѣнію судила Европа о Русскихъ.

34. Сочиненія *Нарбутта* обращаютъ особенное вниманіе. Это трудъ, собранннй съ особенною рачительностію, изъ устъ народныхъ, переданный съ всею достовѣрностію. Здѣсь мы не видимъ такихъ повтореній, такихъ выписокъ, которыхъ достовѣрность при первомъ взглядѣ уничтожается. Здѣсь приводимъ два его сочиненія:

1. *DZIESE STAROZYTHNE NARODU LITWYNSKIEGO PRZEZ TEODORA NARBUTTA. WILNO. 1833.*

Еще издано только три первые тома, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ. Это сочиненіе должно открыть намъ многое, близкое къ нашей Мифологіи.

2. *Извѣстіе о древнемъ храмѣ Зевеса въ Вильнѣ.* Это изысканіе помѣщено было въ Сѣверномъ Арх. 1822 г. ч. I стр. 227. Нарбутъ говоритъ: «статья о храмѣ Зевеса взята изъ Нѣмецкой исторической рукописи: *CRONICA AUS EINEM UND ANDEREN CRONIKEN AUSGEROGEN UND ABTEN GESCHICHTEN AUSGESCHRIEBEN.* Рукопись сія внесена съ Латинскаго изъ неизвѣстной нынѣ Литовской лѣтописи Ротунды.» Нарбутъ отыскалъ рукопись въ Ревелѣ, въ 1808 году, и отдалъ тогда въ Библиотеку Виленскаго университета. О храмѣ Зевеса онъ говоритъ: «Въ Вильнѣ, гдѣ стоитъ теперь кафедральная Римско-Католическая церковь, былъ древній дубовый лѣсъ, посвященный языческимъ бо-

тамъ, при устьѣ Вилейки, впадающей въ большую рѣку. Возлѣ самаго лѣса находится огромный каменный храмъ Зевеса громовержца, или Перкуна, бога грома, построенный Княземъ Гереймундомъ въ 1255 году Внутри храма находился деревянный кумиръ, принесенный изъ лѣсовъ Полагенскихъ. — Здѣсь упоминается о неизвестной рукописи: DE ANNALIBUS RUTHEMIENSIBUS, гдѣ сочинитель — *Митрофанъ* изъ *Пинска*, говоритъ о Лятовскихъ богахъ.

Приступаемъ теперь къ самому трудному вопросу: какимъ образомъ Русскіе мифографы составляли Славяно-Русскую Мифологию? Внимательное изслѣдованіе открыло намъ, что первые мифографы выписывали все, что имъ было извѣстно, не разбирая критически источниковъ, вторые обращали вниманіе на Нестора и на Востока. Системы Славяно-Русскихъ мифографій, основанныхъ на многобожии, состоятъ: 1) изъ боговъ Славяно-Русскихъ, 2) изъ боговъ другихъ Славянскихъ племенъ, 3) изъ боговъ Рюгенскихъ, 4) изъ Русской Демонологии, 5) изъ Русскихъ сказокъ, 6) изъ произвольно выдуманыхъ мифовъ.

I. Описанія Славяно-Русскихъ боговъ у нашихъ мифографовъ составлены изъ невѣроятныхъ противорѣчій, и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ, сужденій.

Приведемъ для сличенія всѣ извѣстныя намъ описанія.

1. *Перунъ*. Несторъ говорилъ, что Перунъ сдѣланъ былъ изъ дерева, съ серебряною головою, съ золотыми усами. Гизель придѣлалъ ему: золотыя уши вмѣсто усовъ, желѣзныя ноги, въ руку вложилъ камень, воскурилъ предъ нимъ огонь и приказалъ жрецамъ караулить этотъ огонь. Поповъ отнял золотыя уши, и возвратилъ усы. Замѣтимъ, что наши мифографы сотворили изъ этихъ золотыхъ усовъ новаго бога: Услава. Вѣроятно переписчикъ лѣтописей написалъ: *Ус-златъ*, а изъ этого составилъ послѣ Уславѣ. Поповъ изобрѣлъ Перуну особенныя жертвы — волосы съ головы и борода. Онъ первый переименовалъ Перунъ въ *Перкуна*, а за Поповичемъ явились и другіе. Тунманъ Рюгенскаго Поревита признавалъ за Перуна. Кай-

саровъ говорилъ, что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ, и что онъ былъ точь въ точь Римскій Юпитеръ. Вмѣсто усовъ онъ придѣлалъ ему золотую бороду. Неизвѣстный авторъ сочиненія — *Religion der Moscoviten (Frankfurt und Leipzig 1717)* изобразилъ Перуна съ кошечею рожкою, съ раздутыми скулами. У Привца Бухлу вставлены невѣроятныя невѣщности. Глинка производилъ Перуна отъ слова *Торумъ* или *Торумъ*, означающаго на *Сарматскомъ языкѣ всевышнее существо, бога*. Онъ посвятилъ ему цѣлыя лѣса и роща, изъ коихъ, по его словамъ, почиталось святотатствомъ взять всякаго сучка. Гизель полагалъ, что Перунъ былъ *нагальнѣйшій* богъ грома, молніи и облаковъ дождевыхъ. Поповъ почиталъ его производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій и *строителемъ громострѣльницъ*. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ былъ первый богъ, ко-
ему Россіане поклонялись, и подчиняли ему дождь, молнію и всѣ воздушныя явленія. Глинка называлъ его *производителемъ* всѣхъ воздушныхъ явленій, *погонителемъ* облаковъ, и думалъ, что перво-селенцы Киевскіе, будучи Сарматскаго происхожденія и пришедши туда отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ. Эту мысль развилъ еще болѣе г. Руссовъ. Карамзинъ съ болѣею основательностію о Перунѣ говоритъ (т. 1. стр. 201): «Славянскій глаголѣ *Перу* значитъ не только *пру*, но и *бѣю*, *ударяю*. Валекъ, которымъ колотятъ вѣ-
лѣе, для того называется прѣльникомъ. Слѣдовательно имя Перуна означало *бога* разящаго.» Вельтманъ производилъ Перуна отъ *Базуса*, отъ *База Пирегенита*, и утверждалъ, что поклоненіе *Ваалу* пришло на Сѣверъ къ Руссамъ съ востока. Герверштейнъ, а за нимъ Петрей и другіе, выдумали сказку объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода, Несторъ ничего не сказалъ объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода, а Новгородскій лѣтописецъ (см. Продол. др. Вивл.) написалъ: «Прииде къ Новгороду Акимъ, Архіепископъ Корсуниинъ, и тревница разрушилъ, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ, поверзавше ужн володаху по кагу, вноще жезлемъ, и заповѣда-

ни камо ни гдѣ же не пріяти. И се иде пидьблянинъ равно на рѣку, хотя горьци вѣсти въ городѣ, и свецъ Перунъ приплы въ берегъ, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунице до сити еси пила и яля, а нынѣ плови уже проче. И плы съ свѣта въ окрешное.» Мисографы къ этому прибавили, что Новгородцы въ честь Перуна вились палками на мосту. Это есть и въ Степенной книгѣ. Строевъ говоритъ: «Самое названіе Перуна, кажется, доказываетъ, что онъ былъ управляющій громомъ и слова: РЮРУМ по Польски, РЕРКОННЕ по Латышски значать громъ. Руссовъ производилъ отъ РЕРСУТО, РЕРДО. Докторъ Антонъ отыскалъ въ Далмаціи лѣсъ: РІСІУН ДУВРАЧЕ. СѢБИРІЕВЪ, въ описаніи Святоскъ, приводитъ указаніе изъ Соннерата, путешествовавшаго въ Восточной Индіи, что у Индійцевъ въ Январѣ бываетъ праздникъ *Перунъ-Понголь*. Въ Старой Русѣ есть преданіе, что Перуна погрузили близъ села Грузина, — и что это село получило отъ него названіе. Въ 1812 г. г. Этеръ доставилъ въ Московское Историческое Общество печатный эстампъ Славянскаго идола Перуна [см. труд. ч. I. ст. 145]. Откуда это явленіе? —

2. *Велесъ*: Несторъ говорилъ, что Велесъ есть скотій Богъ. Гизель къ этому ничего не прибавилъ. Поповъ думалъ, что онъ имѣлъ храмъ въ Киевѣ. Кайсаровъ представилъ ему отъ Русскихъ владычество надъ скотомъ, какъ занимающему первое мѣсто послѣ Перуна. Глинка говоритъ: «самое имя Велеса означаетъ *величій*; иже Велесъ, чрезъ толкованіе слова, значить: *Велій есть*, т. е. *Великій* и *Велесъ-володѣющій* т. е. *обладатель*.» Онъ же выдумалъ и изображеніе его: «Велесъ съ вычальными рогами, въ простой одеждѣ, держитъ въ рукѣ чашу съ молокомъ. Въ жертву ему приносились коровы и быки.» Строевъ говоритъ: «Велесъ былъ именно богъ стада, а не животныхъ, какъ некоторые думали. Которое изъ Славяно-Россійскихъ племенъ особенно почитало сего бога, ему неизвѣстно. Митрополитъ Евгеній говорить, что Велеса обожали Моря; доказательствъ на это нѣтъ. Руссовъ говоритъ, что Велъ Ассирійскій есть тоже, что Ла-

тинскій и Славянскій Велесъ. Вельтманъ производилъ Велеса отъ Ассирійскаго Беля, и утверждалъ, что онъ, какъ богъ скотій не значилъ бога скотовъ, но бога земныхъ тварей. Объ Велесѣ мы имѣемъ слѣдующія историческія извѣстія: 1) въ Платеркѣ Киевскомъ, въ житіи Исаія чудотворца, сказано, что этотъ Святой разорилъ капища въ Ростовской волости (см. Ист. Кар. т. 1, пр. 225). 2) Въ Прологѣ находимъ, что Св. Авраміи крестилъ Ростовскую волость тогда, когда она была уже Владимірскою областью [см. Окт. 29 Прологъ и Миннео-четно]. 3) Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано [стр. 7]: «Тевъ бы испѣти было въщій Болне, *Велесовъ* внуче!» Мисографы это объясняли такъ: «Видно, что Славянскіе стихотворцы вели свое происхожденіе отъ Велеса.» Такъ думалъ Строевъ. Митрополитъ Евгеній говорить, что имя Велеса значить въ семь мѣстъ не бога Велеса, а только какого пибудъ изъ предковъ Болна. Руссовъ: «Сочинитель пѣсни о полку Игоревомъ называетъ Болна внукомъ Велесовымъ; но сіе значить по видимому, что *стѣверные ералмотпы полугили буквы отъ Даналя, Велесовъ внука и больше нитого.*»

3. *Дажь-богъ*. Поповъ догадывался, что онъ былъ подателемъ благъ, и что его можно почестъ богомъ *боггествъ*. Кайсаровъ утверждалъ, что Дажь богъ, также Дажба, и Дашуба — означаетъ одно и то же божество и соглашался съ Поповымъ. Гютри называлъ его Плутсомъ древнихъ. — Глинка: «божество благовожное, податели великихъ благъ, богатства, счастья, благополучія; жертвовали ему токмо усердными мольбами и испрошеніемъ у него милости. Онъ служилъ эмблемой *благополучія*, которое обоготворяли древніе Римляне.» Строевъ: «я думаю, что и въ понятіи о семъ богѣ заключается то же самое, что и въ понятіи о Перунѣ.» — Руссовъ: Славянская Дажба, Дажь-богъ есть не иное что, какъ Эллино-Римскій Тетисъ.» — Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Погнешеть жизнь Дажь-божа внуча, въ княжихъ крамолахъ вѣди чѣловкомъ сократилася.» — Графъ Мусинъ-Пушкинъ объ этомъ говорить: «Дажь-богъ почитаемъ былъ въ Ки-

Есть богомъ подателемъ всехъ благъ. Пользовавшиеся благоденствіемъ, какъ даромъ даждь-божйевымъ, назывались его внуками. Въ 1828 г. въ Московскомъ Вѣстникѣ № 8, кто-то Даждь-бога превращалъ въ Бодай, Богданъ, Deodatius, Dieudonné. Слово Дажба составлено изъ Божба и Спасиво.»

4. *Стрибогъ*. Поповъ: «Стриба, божество Киевское получало поклонение и жертвы.» Глинка: «божество, наказывающее беззаконныхъ въ преисподней и вичь злодѣяній въ семь мръ. Его мести предавались заслужившие проклятіе.» — Кайсаровъ: «мы знаемъ изъ пѣсни Игореву воинству, что онъ былъ богъ вѣтровъ, потому что въ сей пѣсни называютъ ихъ внуками Стрибога.» — Строевъ: «Стрибога почитали до сихъ поръ богомъ войны, но это несправедливо: онъ былъ у Славянъ то же, что у Грековъ Еоэль. — Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Се вѣтри, Стрибожи внуцы, вѣютъ съ мотя стрѣлами на хвалыре плѣки Игоревы.»»

5. *Хорсъ*. Поповъ говоритъ: «можно признать его Эскулапомъ, или богомъ болѣзней» и производить его отъ глагола: корчить. — Чулковъ прибавилъ къ этому, что Славяне жертвовали ему для отвращенія болѣзней. — Руссовъ: «Добросердечные Славяне произвели изъ Коримбифера Корса или Хорса, и наконецъ *Хорсъ*. Слѣдственно Татищевъ Хорса призналъ подобнымъ Бахусу правильно, хотя ненарочно.» — Кайсаровъ приводитъ только мнѣнія Попова, Деклерка, Татищева, обвиняетъ лѣтописцевъ за темныя понятія въ нашей мифологии, но самъ ничего не говоритъ. Глинка производитъ Хорса отъ ковшъ, называвшагося, по его мнѣнію, прежде коршъ, почему сему богу дано имя отъ этого орудія. Изъ сего составилось у него слѣдующее описаніе: «Корсъ покровитель охотниковъ до пива и меду. Нагой, одутловатой, вѣвокъ на немъ сплетенъ изъ хмѣлевыхъ плетей съ листьями; перевязъ на немъ хмѣлева-же. Въ правой рукѣ держитъ ковшъ, изъ него хочетъ пить.» Кажется, что въ этой выдумкѣ виноватъ былъ Татищевъ, переименовавшій Корса въ Бахуса. — Строевъ не признавалъ его за Славянскаго бога.

6. *Семаргла*. Поповъ и Чулковъ ничего не могли выдумать объ этомъ богѣ. — Руссовъ: «Эллино Римская богиня молній есть не что иное, какъ Зимцерла.» Г. Руссовъ образовалъ изъ Семарглы Зимцерлу; но почему? мы не знаемъ. — Кайсаровъ говоритъ: «о семь божествъ ничего почти не известно.» — Глинка: «Симаергла, Зимаергла, Симааргла, Зимааргла, Зимерзла — слова означающія все одно и то же, т. е. *зимлу* стереть. Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобіе шубы изъ сотканыхъ вѣтствъ виевѣв. А какъ она Царица зимы, то порфира на ней изъ снѣга, истканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяной вѣнецъ, увпзанный градомъ. Богиня сей молились о умѣреніи ея жестокости.» Не понимаемъ, откуда явилось описаніе Семарглы у г. Глинки. Кажется, что это его созданіе. — Строевъ не признаетъ сіе божество за Славянское, но думаетъ, что «переписчики не соединили ли въ семь словъ двухъ различныхъ боговъ: *Сема* и *Регла*, какъ то стоитъ въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ.»

7. *Мокошь*. Поповъ и Чулковъ только сдѣлали изъ него *Мокошъ*. — Руссовъ говоритъ: «Мокошь Славянскій и Макарій Эллино Римскій суть одно и то же.» — Глинка: «По разности произношеній Мокошь, Макошь, Мокосль истолковывается словомъ — *могушь*.» Но онъ изъ этого сдѣлалъ: Могошь, окаяеталъ Нестора, говоря, что онъ у него есть богъ скотовъ, и описалъ изображеніе его: «съ мохнатою козлиною бородою, съ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотъ; въ рукахъ палка или пастушій посохъ, а въ ногахъ у него можетъ положенъ быть барашекъ.» — Строевъ не признаетъ Мокоша за Славянскаго бога. — Гютри Русскаго Мокоша признавалъ за Библейскаго Магога. — Кайсаровъ отзывается объ немъ первѣдшемъ, какую должность отправлялъ онъ у Русскихъ.»

Вотъ какъ описывали наши мифографы Славяно-Русскихъ боговъ. Они, какъ изобрѣтатели, не представляютъ ни одного на чемъ либо утвержденнаго понятія: все основано на догадкахъ, выдумкахъ. Многие изъ нихъ изобрѣтали для этихъ боговъ жрецовъ. Ходаковский, при объясненіи слова: Князь (Сѣвер. Арх. 1834 № 11, стр. 228]

признавалъ Бел. Кн. Владимира Архе-Жрецомъ Перуна, обвинялъ Карамзина за то, что онъ не признавалъ его жрецомъ Перуна, а только *имѣвшимъ отлѣзное усердіе къ богамъ*. Полевой соглашается съ мнѣніемъ Ходаковскаго [Истр. Р. Н. Т. I. пр. 149]. Несторъ, упоминая о увѣненіи Варяга для жертвы Перуну, не говоритъ, что были жрецы. Во всемъ, что касается до Русской древней Исторіи, мы болѣе должны вѣрить Нестору, нежели современнымъ выдумкамъ. Безъ того, что будетъ наша Исторія?

2. Изъ боговъ другихъ Славянскихъ народовъ наши мифографы вносили все имъ известное, не разбирая справедливо ли это, или ложно. Часто видимъ въ ихъ описаніяхъ такія оубиженія въ исторической критикѣ, что превращаютъ всякую невѣроятность. Списывая Стрыйковскаго, они не замѣчаютъ, откуда онъ почерпалъ; вѣрять Герберштейну и Петрею, хотя послѣдній самъ выбиралъ изъ перваго-

Боги, принятые ими въ Славяно-Русскую Мифологию, суть: 1. Бѣль-богъ, 2. Черно-богъ, 3. Ютра-богъ, 4. Святи-боръ, 5. Триглава, 6. Дидега, 7. Зъвана, 8. Зимцерла, 9. Марцана, 10. Нѣй, 11. Снва, 12. Флинць, 13. Золотая Баба, 14. Кродо, 15. Прово, 16. Юмайла, 17. Радегастъ, 18. Погода, 19. Ясса, 20. Вода.

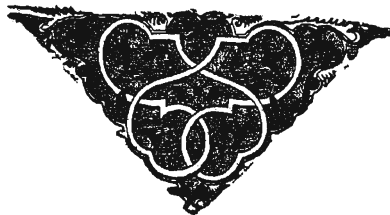
3. Изъ Рюгенскихъ боговъ внесены: 1. Святовидъ, 2. Поревитъ, 3. Ругевитъ, 4. Поренучъ.

4. Изъ Русской Демонологіи принято: 1. Домовой, 2. Водяной, 3. Лѣши, 4. Русалки, 5. Кикиморы. По видимому, къ этому разряду должно было отнести выдуманныхъ Глинкою: Стѣни, Лизуны, Куды, Черти, Бѣсы, но это произошло отъ его незнанія Русской семейной жизни. Наши Мифологія и Демонологія существовали въ отдельныхъ видахъ. Первая осуществлялась самымъ дѣломъ, вторая существовала только въ разсказахъ и преданіяхъ.

5. Изъ Русскихъ сказокъ сотворили богами: 1. Горыню, 2. Дубыню, 3. Полкановъ, 4. Кащей, 5. Царя морскаго, 6. Чудо морское, 7. Ягу-бабу, 8. Чура, 9. Эмзя, 10. Сильнаго бога.

6. Изъ произвольно выдуманныхъ мнѣній явились богами: 1. Усладь, 2. Донъ, 3. Бугъ, 4. Волховъ, 5. Посвистъ, 6. Ладъ, 7. Лель, 8. Полеель, 9. Коляда, 10. Купало, 11. Волоты, 12. Дѣтинець, 13. Славянь, 14. Волхъ, 15. Рудотокъ, 16. Ильмень, 17. Студенець, 18. Животъ, 19. Зничъ.

Оканчивая наши изслѣдованія о Славяно-Русской Мифологіи, надѣмся, еще поговорить въ другихъ мѣстахъ Сказаній Русскаго народа объ этомъ предметѣ. И кто бы не пожелалъ имѣть настоящую Славяно-Русскую Мифологию отъ будущихъ Археологовъ?

ПЬСНИ РУССКАГО НАРОДА.

1838 года Января 1 дня, нижеподписавшійся, перевербая всѣ сборники Русскихъ пьсень, печатанные въ Русской землѣ съ 1770 года по 1838, имѣлъ честь насчитать сто двадцать шесть изданій. Спрашивается: какъ издавали ихъ? по двѣ, по три, и даже по четыре тысячи экземпляровъ. Вѣрно этотъ грѣхъ на роду былъ написанъ издателямъ. Считая каждое изданіе, ограниченнымъ числомъ по 1000 экземпляровъ, мы найдемъ что 126,000 экземпляровъ, книгъ, книжечекъ, въ одной, въ двухъ, въ трехъ и даже въ 12 частяхъ, гуляютъ по Русскимъ городамъ и селамъ. Сколько же было читателей? Это такъ трудно исчислить, что трудно же ничего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Пьсенники читаютъ простолюдины и дочитываютъ до того, что не остается ни одного листа. Судя, по этимъ чрезвычайнымъ подвигамъ, мы полагаемъ, самымъ среднимъ числомъ, на каждый экземпляръ по 100 читателей и найдемъ, что ихъ было до 12,600,000. Что же стоятъ Русскіе пьсенники? Очень дешево. По нашему обыкновенію книги покупаютъ одинъ человекъ и, по своей добротѣ, раздастъ читать другимъ уже даромъ. Было время, когда пьсенники продавались по 1, по 5, по 12 рублей, а теперь другіе продаются и по 25. Такая цѣна существуетъ пьсенникамъ Чулкова и Новиковскаго. Мы положимъ самую низкую цѣну пьсенникамъ: по 1 рублю за каждый экземпляръ, и найдемъ, что Русскіе люди издержали на приобретение пьсенниковъ 126,000 рублей. Примѣръ сбыта книгъ единственный въ Русской литературѣ.

Послѣ сего, нижеподписавшійся, въ раздумьи спрашивалъ: за чѣмъ же люди

желаютъ новыхъ изданій пьсенниковъ? Ужь и этого имъ кажется мало! Пятьдесятъ лѣтъ для нихъ печатали пьсенники, пятьдесятъ лѣтъ они сами читали ихъ. Неужели такая охота у Русскихъ людей къ поэзи? Странное дѣло! Желать однихъ пьсень и болѣе ничего, ни на что не походить. Кажется, что такой охоты не бывало въ Греціи и Итали, гдѣ народъ съ утра до вечера пѣлъ и плясалъ; а наши православные и вѣдаютъ по баламъ, и торгуютъ, и святятъ хлѣбъ, и курятъ табакъ, да еще притомъ успѣли прочитать 126,000 экзем. однихъ пьсенниковъ. Вѣрно тутъ кроется что-то не доброе!

Въ 1833 году, нижеподписавшійся, проѣзжая селенія Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губернии, спрашивалъ поселянъ: за чѣмъ они говорятъ такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Ему отвѣчали: «нашей рѣчи цѣще въ свѣтѣ нѣту?» Тотъ же самый прислушивался къ желаніямъ православныхъ имѣть Русскія пьспи, заглянулъ въ пьсенники. Въ одномъ, напечатанномъ въ Санктпетербургѣ, 1819 года, въ 6 частяхъ, въ типографіи Н. Глазунова, онъ нашелъ на заглавномъ листѣ:

«Новѣйшій, всеобщій, полный пьсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пьсень, лучшихъ въ своемъ родѣ писателей, въ шести частяхъ. Съ приевокупленіемъ арій и хоромъ изъ оперъ Русаки 4-хъ частей, Жоконда, Сендрелионы, Любовной почты, Ладонски, Павла и Виргинія, Водовоза, Невидимки, Крестьяне или встрѣча незваныхъ, Посидѣлки, Оборотни, Алины, Юсифа прекраснаго, и изъ другихъ какъ прежнихъ, такъ и новыхъ»

шихъ оперъ; изъ балетовъ: Русскіе въ Парижѣ, Праздникъ въ ставѣ Русскихъ вояновъ, Русскіе въ Германіи, и проч. и проч. Раздѣленные на любовныя и нѣжныя, пастушескія, простонародныя, плясовыя и цыганскія, забавныя и критическія, военныя и патриотическія, свадебныя, хороводныя, святочныя и поделюдныя, театральныя, на арии и хоры изъ новѣйшихъ оперъ и на пѣсни разнаго содержанія и лучшихъ стихотворцевъ. П. Ш. »

Въ самомъ дѣлѣ г. П. Ш. собралъ все въ шести частяхъ, что сказалъ на заглавномъ листѣ. Кажется, что лучше этого и сдѣлать нельзя; но вышло напротивъ. Другіе издали лучше его. И этого было мало. Да отъ чего же мало? Отъ того, что ни одинъ издатель не хотѣлъ разгадать желаній православныхъ людей.

По силѣ таковыхъ недоумѣній, городскихъ и сельскихъ, нижеподписавшійся рѣшился принять осторожность въ своемъ дѣлѣ, рѣшился посмотреть на чужія изданія пѣсенниковъ, и открыть православнымъ людямъ всѣ неудачи издателей и собирателей Русскихъ пѣсенъ.

Въ Русской землѣ всѣ собиратели и издатели Русскихъ пѣсенъ были люди Русскіе, православныя; только въ изданіе пѣсенника замѣшалась чужеземщина. Изъ собирателей и издателей одни померли, не исполнивъ своего намѣренія; другіе еще живы, но ожидаютъ съ своими собраниями благопріятнаго времени; иные уже давно исполнили его, но исполнили такъ, что съ вѣрностью въ другой разѣ и смотрѣть на ихъ исполненія. Пятьдесятъ лѣтъ протекло въ преподобленіяхъ и опытахъ, а исполненія никто не видалъ. Съ перваго взгляда эта нерѣшительность представляется непонятною до невѣроятности; но, разсматривая внимательно всѣ исполненія редакторовъ, находимъ вѣрныя данныя, объясняющія всѣ неудачи. Препятствія заключаются въ самыхъ изданіяхъ: издатели не понимали своего предпріятія, а читатели не находили желаемого. Ни одинъ издатель не въ правѣ жаловаться на невниманіе къ его трудамъ: почитатели Русскихъ пѣсенъ приобретали одно изданіе за другимъ. Оправдали ли они себя изданіями? Рѣшительно нѣтъ!

Мы не говоримъ о тѣхъ людяхъ, которые приобретаютъ пѣсенники отъ скуки: этотъ классъ самый многочисленный, безъ всякихъ притязаній. Для нихъ издавались пѣсенники тысячами. Есть люди, желающіе изданія Русскихъ пѣсенъ истинно народныхъ, неподдѣльныхъ, во всей ихъ простотѣ и грубовости: для нихъ не было ни одного изданія.

Обращаемся и къ собирателямъ Русскихъ пѣсенъ и къ издателямъ пѣсенниковъ. Въ обзорѣ ихъ предпріятія мы увидимъ всѣ успѣхи и неудачи.

Первая честь собранія Русскихъ пѣсенъ принадлежитъ П. А. Демидову, жившему въ Тулѣ въ половинѣ XVIII вѣка. Съ его сборника два раза были напечатаны древнія Русскія стихотворенія гг. Якубовичемъ и Калайдовичемъ.

Незавѣстный историографъ, Н. М. Карамзинъ помышлялъ объ изданіи Русскихъ пѣсенъ. Современникъ Чулкова и Новикова, свидѣтель первыхъ изданій нашихъ пѣсенниковъ, охъ живо чувствовалъ всѣ недостатки, желалъ издать самъ и призывалъ другихъ. Мы не знаемъ ни о его собраніи, ни о планѣ изданія; знаемъ только, что его желанія не сбылись; знаемъ, что его желанія часто повторялись любителями Русской старины. Призванный къ великому дѣлу, онъ оставилъ свое предпріятіе, занявшись исключительно Исторіей Государства Россійскаго.

Сопиковъ, известный Русскій Библіографъ, занимался собраніемъ Русскихъ пѣсенъ, но не успѣлъ издать. Горькая участь постигла его сборникъ: по Русскому обычаю, онъ переселился на толкучій рынокъ. Здѣсь приобрѣлъ его г. С. Я лично слышалъ отъ него, что Сопиковъ составилъ его изъ старыхъ и новыхъ пѣсенъ. Г. С. передалъ его известному собирателю пѣсенъ П. В. К.

Князь Цертелевъ въ 1820 году объявилъ въ Вѣстникѣ Европы и Сынѣ Отечества о намѣреніи своемъ издать собраніе старыхъ Русскихъ стихотвореній. Въ 1822 году, онъ вторично объявлялъ о томъ же

ПРИГЛАШАЛЪ ДАЖЕ ЖЕЛАЮЩИХЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЕГО ИЗДАНИЕ: «Духъ Русской поэзии, или собрание старинныхъ стихотвореній.» Князь Цертелевъ раздѣлялъ свое собраніе на двѣ части: въ первой предполагалъ издать — пѣсни *хороводныя, святожныя, свадебныя*, во второй: *стихотворенія Элегическія, Анакреонтическія, краткія описанія и повѣствованія*. Для подписчиковъ онъ напечаталъ отрывокъ изъ своего собранія въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 17, стр. 399. Въ этомъ образчикѣ находятся пѣсни извѣстныя въ изданіяхъ Чулкова и его послѣдователей. Полнаго собранія князь Цертелевъ не успѣлъ издать.

Въ 1832 году Историкъ Русскаго Народа, Н. А. Полевой объявилъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, Московскомъ Телеграфѣ, [№ 13, стр. 115,] объ изданіи Русскихъ пѣсень. Имѣя тогда обширное собраніе — болѣе 600 пѣсень, онъ предполагалъ раздѣлить ихъ на десять *отдѣленій*: 1 — историческія думы, 2 — баллады, 3 — простонародныя пѣсни, 4 — солдатскія, 5 — казачкія, 6 — разбойническія, 7 — хоровыя, 8 — свадебныя, 9 — подблюдныя, 10 — сатирическія. Къ изданію обѣщался приложить: *варианты, примѣчанія*, а въ началѣ книги *историческое и критическое изслѣдованіе о древней народной Русской поэзіи*. Къ общему сожалѣнію, это драгоценное собраніе еще доселѣ не издано. Можетъ быть, мы увидимъ его со временемъ гораздо полнѣе и лучше.

П. В. Кирѣевскій давно уже занимается собраніемъ нашихъ народныхъ пѣсень. Въ 1834 году, онъ отдалъ г. Максимовичу въ альманахѣ Девница, на 1834 годѣ, пять пѣсень. Пѣсни напечатаны были съ примѣчаніями. Издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ (въ № 2, стр. 335, 1834 года,) возраженіе на эти примѣчанія: «*Историческая поправка замѣчанія къ Русской народной пѣснѣ*.» Въ своемъ замѣчаніи, Н. А. Полевой доказывалъ что пѣсня, сочиненная на осадѣ Пскова, по предложенію Кирѣевскаго, находится съ пропусками и состоитъ изъ двухъ разныхъ и притомъ не одного времени. Очевидцы говорятъ, что собраніе Г. Кирѣевскаго состоитъ изъ весьма драгоценныхъ пѣсень. Мы съ

нетерпѣніемъ ожидаемъ этого собранія. За чѣмъ медлить, почтеннѣйшій П. В. Кирѣевскій? Скорѣе, скорѣе дарите насъ своими сокровищами.

Г. Плеллинниковъ отыскалъ одну комыбельную пѣсню весьма замѣчательную по своимъ оборотамъ, мыслямъ и древности. Эта пѣсня была напечатана въ альманахѣ Девница на 1831 годѣ; а потомъ была перепечатана Н. А. Полевымъ въ Московскомъ Телеграфѣ [1831 г. № 4, стр. 542], Гурьяновымъ въ его пѣсенникѣ.

А. С. Пушкинъ имѣлъ у себя собраніе Псковскихъ пѣсень и передалъ ихъ покойному Дельвигу. Мы не знаемъ, гдѣ теперь находится это собраніе.

Въ 1836 году въ ученыхъ запискахъ Московскаго Университета № X, стр. 186. была напечатана статья: «о свадьбахъ и свадебныхъ обрядахъ и обычаяхъ Русскихъ крестьянъ», сообщенная Профессоромъ **И. А. Страловымъ**. При описаніи свадебъ были напечатаны и 14 пѣсень. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, гдѣ были собраны эти пѣсни.

И. М. Снегиревъ при описаніи народнаго праздника «Красной горки», напечатаннаго въ Московскомъ Вѣстникѣ (1827 г. ч. 3, стр. 114,) помѣстивъ одну Тульскую обрядную пѣсню.

А. Г. Глаголевъ помѣстивъ въ XIX томѣ трудовъ общества Любителей Россійской Словесности Тульскія обрядныя пѣсни, въ описаніи народныхъ праздниковъ.

И. В. Васильевъ представилъ въ общество Любителей Россійской Словесности описаніе народнаго праздника «Осень», съ двумя пѣснями, перепечатанными послѣ М. Н. Макаровымъ.

М. Н. Макаровъ, занимающійся съ дѣтнихъ лѣтъ Русскою стариною, предпринималъ изданіе Русскихъ пѣсень. Въ 1826 году онъ помѣстивъ въ Вѣстникѣ Европы двѣ пѣсни при описаніи народнаго праздника «Осень». Мы теперь не будемъ упоминать о его пѣсенникѣ, изданномъ въ 1809

году, въ Москвѣ, съ передѣлками и поправками народныхъ пѣсень.

1827 году, въ Московскомъ Вѣстникѣ (№ 23, стр. 351,) была напечатана статья: «о народныхъ праздникахъ», сочиненная В. Б. Броневскимъ. Здѣсь напечатаны были двѣ обрядныя Тульскія пѣсни.

Въ 1828 году было напечатано письмо какого-то *Архефила* въ Московскомъ Вѣстникѣ. Здѣсь находится одна Тульская обрядная пѣсня.

Въ 1831 году въ Московскомъ Телеграфѣ, [№ 24, стр. 386.] были напечатаны: «свадебныя обряды и обычаи крестьянъ Саратовской губернии». Это описание, составленное Г. Леопольдовымъ, было напечатано съ 13 свадебными пѣснями въ полномъ описаніи, Саратовской губернии 1839 г.

А. Х. Востоковъ собиралъ Русскія пѣсни, а въ 1817 году писалъ, что другія занятія отвлекаютъ его отъ исполненія. Съ тѣхъ поръ, мы ничего не знаемъ о его собираніи.

Вотъ все, что только могъ вспомнить о почтенныхъ собирателяхъ нашихъ народныхъ пѣсень. Можетъ были прежде и теперь есть другіе собиратели, мнѣ неизвѣстные; но пускай объ нихъ скажутъ будущіе издатели. Пѣсни, неизданныя собирателями, доселѣ составляютъ тайну, вѣренную портфелямъ. Что объ нихъ можно сказать? Пѣсни, напечатанныя уже собирателями, известны давно просвѣщеннымъ собственникамъ. Говорить объ нихъ, что онѣ хороши — это всякой знаетъ; достоинство ихъ неоспоримо; это созданіе Русскаго народа, великаго и высокаго въ своихъ дѣлахъ.

Редакція Русскихъ пѣсень началась съ 1770 года. Издатели въ огромныхъ массахъ предлагали свои сборники, стараясь вмѣстѣ съ ними все, что было имъ и дѣдамъ известно. Подписаніе такихъ сборниковъ употреблялось до послѣдней возможности; мы обращаемся только къ замечательнымъ. По большой части, редакція выполнялась мелкими книжными торговцами, въ надеждѣ на выгодный сбытъ; самая малая часть

удостоивалась только знатоковъ, принимавшихся за дѣло безъ всякихъ видовъ. Рыночныя издатели заботились только объ огромномъ заглавіи, многотомномъ собраніи: отъ этого зависилъ выгодный сбытъ. На нихъ не дѣйствовала ни критика, ни добросовѣстность. Вся собранія состояли изъ стараго и новаго. Старое выбиралось изъ старыхъ пѣсенниковъ; новое вносилося изъ современныхъ произведеній. Однимъ до этого не было нужды, что они перепечатываютъ; былъ бы только: *полный, полнѣйшій, самый полный пѣсенникъ, новѣйшее собраніе изъ оперъ, арій, хоровъ, и балетовъ*; другимъ, хотя и знавшимъ это, стыдно было объявить, что они выдаютъ чужое за свое: каждый мечталъ объ открытіяхъ. Этого мало: ни одинъ изъ такихъ издателей не хотѣлъ вполне передать народныя пѣсни. Для однихъ оны казались мужицкими, какими то чудовищными созданіями, неимѣвшими никакого достоинства; для другихъ, очищенныхъ вкусомъ чужеземныхъ произведеній, надобны были исправленія, сообразныя понятіямъ редакторовъ. Вотъ отъ чего въ пѣсенникахъ печатались народныя пѣсни въ обезображенномъ видѣ. Русское сокровище, пощаженное въками и Татарями, было уничтожаемо исправителями. Никто волею не предлагалъ такого усердія къ исправленію самобытныхъ Русскихъ пѣсень какъ Чулковъ, Поповъ, Макаровъ и Гурьяновъ. Подвигимся снисходительности читателей и пожалуемъ объ отважности издателей.

Все, сказанное нами объ редакціи народныхъ пѣсень было на самомъ дѣлѣ; для доказательства подтверждаемъ фактами и буквальными выписками изъ предисловій издателей.

Чулковъ, трудолюбивый собиратель Русской старины въ XVIII столѣтіи, первый приступилъ къ изданію Русскихъ пѣсень въ 1770 году. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ успѣлъ напечатать *семь* частей, а на шестой годъ его изданіе все было раскуплено. Въ 1776 году онъ вторично издалъ свой сборникъ, также въ четырехъ частяхъ. Предпріятіе Чулкова было самое замѣчательное; онъ первый осмѣлился къ новымъ

пѣснямъ тогдашнихъ *знаменитыхъ писателей* присоединить и старыя, народныя. Издавая свое собраніе, онъ писалъ въ *предисловіи*:

«Всякое дѣло требуетъ труда и прилежанія. Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсень, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которыми известны безграмотные писцы наши, кои что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство я находилъ почти во всякой пѣснѣ, такъ что и видѣ ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мнѣ было можно; для этого принужденъ былъ *употреблять догадки*. И многія пѣсни въ некоторыхъ мѣстахъ, по не разумѣнію переписчиковъ, служили для меня загадками, которыя не премѣнно *принужденъ я былъ отгадывать*; а *попалась ли я на сочинительскія мысли*, въ томъ заподлинно увѣрите мнѣ никого не возможно.

«Каждая часть сихъ пѣсень состоятъ будутъ изъ пѣсень разнаго сложенія какъ и сія первая; въ томъ числѣ будутъ: *театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, столовыя*, и словомъ всякаго рода.

«Въ разсужденіи малости страницы, въ какую мѣру печатается сія книга, принужденъ я былъ и видѣ *раздѣлять однихъ стихъ на дѣя разныя строки*, и другое дѣлать сему подобное убѣгая отъ частаго безпорядка словъ.»

Вотъ въ чемъ состояла редакция пѣсень Чулкова. Изъ его словъ видно, что онъ издавалъ пѣсни съ писаныхъ сборниковъ; исправлялъ пѣсни отъ того, что не находилъ въ нихъ ни стиховъ, ни рифмъ; раздѣлялъ стихи на двѣ строки для того единственно, чтобы въ маломъ форматѣ извѣжать безпорядка строкъ. Слѣдовательно Чулковъ самъ не свирялъ пѣсни, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ, а печаталъ прямо съ готоваго. Въ этомъ еще нельзя обвинять его; онъ, можетъ быть, имѣлъ свою цѣль. Но исправлять народныя пѣсни, *веревать по своему*—никто не вправе: это принадлежитъ дѣлу народу, для ко-

торого не осмѣлилось повредить и самое время.

Все исполненіе редакціи Чулкова состояло въ томъ, что онъ въ началѣ каждой части помѣщалъ новыя пѣсни, а потомъ старыя. Во всѣхъ четырехъ частяхъ его пѣсенника было напечатано: 800 пѣсень; во въ этомъ числѣ народныхъ было только: 336. Въ самомъ собраніи издатель не исполнилъ обѣщанія: нѣтъ пѣсень подблюдныхъ и хороводныхъ.

Въ 1780 и 1781 годахъ были напечатаны пѣсенники въ шести частяхъ, въ Московской университетской типографіи. Вотъ его заглавіе:

«Новое, полное собраніе Россійскихъ пѣсень, содержащее въ себѣ: пѣсни любовныя, пастушескія, шутивыя, простонародныя, хороводныя, свадебныя, святочныя, съ присовокупленіемъ пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ оперъ и комедій.»

Редакторы этого сборника *доселѣ неизвѣстны*; но, по общепринятому мнѣнію, онъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ *Новиковскаго пѣсенника*. Издатель скрылъ цѣль своего изданія; но не могли скрыть исполненія. Первые четыре части были перепечаны слово въ слово съ пѣсенника Чулкова, только послѣднія двѣ части составлены были изъ новыхъ. Вся тѣ же недостатки, какіе были въ собраніи Чулкова, повторились и въ этомъ сборникѣ. Эти два собранія пѣсень были образцами для всѣхъ послѣдующихъ изданій. Какъ пѣсенникъ Чулкова сдѣлался нынѣ чрезвычайно рѣдкою, то компиляторы болѣею частью выбирали старыя пѣсни изъ Новиковскаго, ни мало не подозрѣвая первоначальнаго источника.

Въ 1791 году извѣстный Русскій литераторъ, И. И. Дмитріевъ издалъ въ Москвѣ пѣсенникъ:

«Карманный пѣсенникъ или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсень. Часть I, II, III.»

Въ первой части издатель помѣстилъ: *пѣсни нѣжныя*, писанья его современниками; *пѣсни подражательныя простонародныя*; во второй части *веселыя; застольныя; военныя во вкусь простонародныя*. Вся эти пѣсни были новаго произведенія, считавшіяся тогда весьма достойными пѣня. Въ третьей части были напечатаны: *пѣсни тежнныя, былевыя, святочныя, свадебныя* одна и *хорошовая* — вся взятая изъ старыѣ народныхъ пѣсень.

Въ этомъ замѣчательномъ сборникѣ Русскія народныя пѣсни были изданы съ небольшими перемѣнами; но большая часть изъ нихъ уже напечатаны были въ пѣсенникѣ Чулкова. Почтенный издатель не началъ своего имени на пѣсенникѣ; но онъ действительно былъ изданъ имъ. Еще въ 1818 году писалъ объ этомъ К. О. Калайдовичъ [см. Древ. Рус. стих. стр. 8, пр. 4.].

Въ 1788 году издатель историкъ Ваньки Канна помѣстилъ 64 пѣсни, сочиненныя будто этимъ негодяемъ. Съ такимъ ложнымъ присвоеніемъ онъ до сихъ поръ извѣстенъ въ народѣ, хотя за долго до него были составлены. Что онъ ихъ пѣвалъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но чтобы онъ былъ современникъ Стеньки Разина — этому никто не поверитъ.

Въ 1792 году былъ изданъ въ Санктпетербургѣ Поповымъ сборникъ пѣсень:

«*Россійская эрата, или выборъ наилучшихъ, новѣйшихъ Россійскихъ пѣсень, по вынѣ сочиненныхъ; собралъ и сочинялъ Михайла Поповъ. 3 части.*»

Въ предисловіи г. Поповъ изъясняетъ всю цель своего изданія; а объ старыѣ пѣсняхъ говорилъ:

«*Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по личному опыту изъ огромныхъ стаи очень малато выбора, потщался въ некоторыхъ исправить не только разногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оныя въ нѣкихъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и*

смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я со всемъ безъ поправки, потому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство нашихъ пѣсень.»

Столь очевидное нарушеніе пѣсень уклавываетъ всю цель редактора. Русскія пѣсни помѣщены были имъ въ пятой книгѣ, второй части, съ особеннымъ заглавіемъ: «*пѣсни простонародныя, святочныя, подблюдныя.*» Свадебныя пѣсни съ особенными названіями: «*На хорошество жениха, прельщающаго свою невѣсту: на перекогъ невѣсты съ женихомъ; на зовъ невѣстникъ жениха своего на дѣвичникъ.*» Здѣсь въ первый разъ были напечатаны свадебныя пѣсни, только въ обезображенномъ видѣ.

Въ 1801 былъ напечатанъ свадебный сборникъ съ слѣдующимъ заглавіемъ.

«*Веселая эрата на Русской свадьбѣ, или новѣйшее и полное собраніе всѣхъ донынѣ извѣстнѣйшихъ свадебныхъ ста тридцати трехъ пѣсень, употребляемыхъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ.*»

Въ 1804 году А. О. Якубовичъ напечаталъ: «*древнія Русскія стихотворенія*», съ рукописи, доставленной ему отъ О. П. Ключарева. При редакціи Якубовичъ выбралъ только, по его мѣтню, лучшія стихотворенія изъ рукописи, а остальные предполагалъ издать во второй части со временемъ. Въ 1818 году К. О. Калайдовичъ вторично издалъ это собраніе:

«*Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва.*»

Безцѣнная рукопись сохранилась для насъ удивительнымъ образомъ, съ именами П. А. Демидова и Кирши Данилова. Де-

жидову приписали только свережение рукописи, а всю славу предоставили Киричу Данилову. Несправедливость этого усвоения так очевидна, что издатель самъ высказалъ. Мы обратимся къ его предисловію:

«За открытіе и сохраненіе сихъ старыѣхъ памятниковъ Русской словесности, мы обязаны покойному Дѣйствительному Статскому Советнику, Прокофю Акинѣевичу Демидову, для коего онъ, предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны; послѣ смерти его, рукопись перешла къ М. М. Хозикову, а имъ уже подарена въ 1802 году его превосходительству Федору Петровичу Ключареву. По разсмотрѣніи оригинала, онъ нашелъ ихъ довольно любопытными для просвѣщенной публики и поручилъ издать, служившему подъ начальствомъ его, воспитаннику Московскаго Университета, А. Ѳ. Якубовичу.»

«Въ 1816 году, знаменитый сапомъ, а еще болѣе любовію своею къ Русскимъ древностямъ, Государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румяцовъ, получивъ сію рукопись въ собственность, приказалъ мнѣ оную напечатать. Она писана въ листъ, на 202 стр. безъ наблюденія орфографіи, безъ раздѣленія стиховъ; подъ каждою статью, для игры на скрипкѣ, предложены ноты. Рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стевкѣ Разинѣ:

А по край было моря снѣга,
А на усть Дону тихаго,
На крутомъ красномъ берегу
А стоятъ тутъ славный Азовъ городъ.

«Сочинитель, или вѣрнѣе собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, былъ нѣкто *Киричъ*, безъ сомнѣнія, по Мало-Російскому выговору Кирилъ, такъ какъ Павша Павелъ, Даниловъ, вѣроятно казакъ, ибо онъ изрѣдка воспѣваетъ подвиги храбраго сего войска съ особеннымъ восторгомъ. *Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ листѣ древнихъ стихотвореній. За справедливость сего ругается г. Якубовичъ.* Въ 36 пѣснь: «да не жалъ добра молодца вѣтаго, жалъ похмѣльваго», гдѣ онъ самъ себя

имяуетъ: «Кирилломъ Даниловичемъ», посвящая сіе произведеніе вну и друзей. Мѣсто его рожденія или прибыванія означить трудно; ибо въ пѣснь: «три года Добрынюшка стольничалъ», на стр. 67 говорить сочинитель:

А не было Добрыня шесть мѣсяцовъ,
По нашему по Сибирскому словъ погода.

«По сему, не безъ вѣроятія, заключить можемъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Въ статьѣ: «Василій Буслаевъ» на стр. 73.

А и вѣтъ у насъ такого пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ,
Супотнѣвъ Василья Буслаева.

«И наконецъ, въ Чурилѣхъ игуменѣ, на стр. 383, представляеть себя жителемъ Киевскимъ:

Да много было въ Кіевѣ Божьихъ церквей,
А больше того почетныхъ монастырей;
А не было чуднѣе Благовѣщенія Христова.
А у нашего Христова Благовѣщеня чествова.
А былъ у насъ-де Иванъ пономаръ.

«Собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка.

«Ноты стихотвореній скрипичныя. Азбучныя ошибки ея исправлены Шпревичемъ, отцемъ, бывшимъ учителемъ музыки при Университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Знатоки находятъ въ ней пріятныя тоны.»

Вотъ полная исторія рукописи, собирателя, множества сочинителя, редакціи и издателей. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на множества сочинителя, Киришу Даниловича.

Издатели объявили, что древнія стихотворенія собраны были Киришою Даниловичемъ; что онъ даже есть сочинитель нѣкоторыхъ пѣснь; этого мало: они даже назначили приблизительно время жизни его, мѣстопребываніе. Вѣроятно, что они, не зная о семейной жизни собирателя этихъ стихотвореній, П. А. Демидовѣ, забыли сказать истину, столь очевидную и явную

Доселъ еще никто не разсматривалъ редакцію древнихъ стихотвореній; никто не хотѣлъ выкинуть въ присвоение. Право, усвоенное издателями Киршъ Данилову, осталось навсегда за нимъ; въ этомъ никто не сомнѣвался. Мнѣние, продолжающееся тридцать лѣтъ, трудно поколебать: но истина требуетъ своего. Вотъ почему осмѣливаюсь предложить противныя мнѣнія издателямъ, осмѣливаюсь сказать, что это усвоеніе Киршъ Данилову не справедливо. Предлагаютъ свои доказательства.

Пѣсни принадлежать многимъ вѣкамъ и многимъ людямъ. Что они не одного времени, въ этомъ удостовѣряютъ насъ пѣссы, лица, упоминаемыя въ нихъ, изложеніе мыслей, предметы; что они разныхъ людей, это доказываютъ персифкація стиховъ, принятая мѣра для оборота мыслей, даже разные историческія событія. Настоящій собиратель былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тулѣ въ половинѣ XVIII столѣтія, любившій собирать все рѣдкости. Рукопись перешла отъ него Хозякову, потомъ къ Ключареву и Калайдовичу. Я зналъ и доселѣ знаю обыкновенія Тульскихъ бояръ свирать пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники, такъ называли въ старину этихъ людей, принимали на себя все увеселительныя должности. Они за деньги нанмались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку; простоять недѣлю на одной ногѣ; бѣгать на прѣстѣжкѣ въ вѣстѣ съ лошадыю; выпивать непромерное число воды. Все рѣдкости записывались граматичныи дворянныи челоукомъ. Потѣшники страствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекалось толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего посмотреть на боярческія очи. Дворецкій предлагалъ бояриву искусство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ ввалился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и говорить разные прощанья. Въ свободное время умный дворянскій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣш-

никовъ. Въ скучные часы, дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками. Бояринъ назначалъ пѣсни и сказки, а дворецкій распоряжался боярскимъ приказаніемъ. Таковы были въ старину увеселенія у И. въ селѣ Дѣвцовѣ, у М. въ Яковлевскомѣ, у И. въ Высокомѣ у М. въ Горенкахъ. Это известно многимъ тысячамъ людей, и я привожу въ доказательство вѣстм известное дѣло. Вотъ какъ составлялись сборники пѣсенъ и сказокъ.

Калайдовичъ говоритъ, что собирателемъ древнихъ стихотвореній былъ Кирша Даниловъ. На чемъ это основано? На томъ, что имя его поставлено было на первомъ листу рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ говоритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ, который, по словамъ Калайдовича, ручается за справедливость этого известія. Вотъ на чемъ издатели основали усвоеніе древнихъ стихотвореній Киршъ Даниловъ. Кто видалъ старыя рукописи тому уже известно, сколько бывають приписей на поляхъ страницъ. Можетъ быть подобная припись и дѣйствительно находилась.

Калайдовичъ, въ доказательство своего предположенія, приводитъ одну пѣсню, гдѣ упоминается Кирша Даниловъ. Но это только сказано въ одной пѣсни, и болѣе нѣтъ въ этой рукописи, или въ 60 стихотвореніяхъ. Положимъ, что эта пѣсня сочинена Киршею Даниловымъ и то потому только, что здѣсь вставлено это имя; но сколько есть именъ въ остальныхъ пѣсняхъ? Не ужели мы будемъ каждому имени, упоминаемому въ пѣсни, присвоивать и сочиненіе? Этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Калайдовичъ прискалъ въ рукописи слова для подкрѣпленія: «у насъ; по нашему; у нашего.» Въ этихъ словахъ заключаются удивительныя разнорѣчія. Если будемъ заключать все выхъ, то Кирша будетъ Симбирскомъ, Новгородцемъ, Клевланномъ. Можно ли на этомъ основаться? Рѣшительно нѣтъ. Видно, что все эти лица были разные; а плачь одинъ и тотъ же челоукъ не могъ говорить о трехъ родинахъ.

Кромѣ того, у каждаго Русскаго есть своя замашка: хвастать своимъ городомъ, своею родиною. Самъ Калайдовичъ предполагалъ, что Дашковъ былъ Малороссiянинъ. Какой же Мало-Руссъ будетъ хвастаться Московскими городами? Въ старину, одно имя Москва было уже какимъ-то отчужденiемъ для Малороссiи.

Приведенъ еще одно важное доказательство. Древнiя стихотворенiя еще были извѣстны до перваго изданiя ихъ 1804 году. Въ 1770 году Чулковъ помѣстилъ въ своемъ вѣсненикѣ, ч. 2 № 128: «какъ князь Романъ жену теряетъ»; подъ № 121 — «какъ зачиналась каменна Москва.» Это было за 35 лѣтъ до изданiя Якубовича, за 48 лѣтъ до изданiя Калайдовича. В. А. Левшинъ имѣлъ у себя рукопись древнiхъ стихотворенiй, погибшую во время пожара. Изъ этой рукописи онъ напечаталъ нѣсколько стиховъ въ Русскихъ сказкахъ, изданныхъ имъ въ 1783 году, почти за двадцать лѣтъ до изданiя Якубовича. Въ 1792 году издатель исторiи Кална напечаталъ одну пѣсню подъ № 33—«Усы». Въ 1796 году И. И. Дмитриевъ напечаталъ въ своемъ пѣсненикѣ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское» и описанiе корабля Сокола. Можеть быть скажутъ, что все эти пѣсни, появившiяся до изданiя Якубовича, списаны съ одной и той же рукописи Демидова. На это отвѣчаю: въ пѣсняхъ, изданныхъ до Якубовича, находятся разнорѣчiя, а это самое и составляетъ различiе списковъ.

Не желая уничтоженiя имени Кирши, мы бы охотно уступили всѣ доводы, чтобы только имѣть вѣрную опору. Во всякомъ случаѣ имя сочинителя было бы для насъ безцѣнно; дорожа истинною, мы остаемся, до времени, при своемъ мнѣнiи. Грустно разставаться съ тѣмъ, къ чему мы привыкли тридцать лѣтъ, но грустнѣе быть обманутыми.

Что такое древнiя Русскiя стихотворенiя? это смѣсь народныхъ думъ, поэмъ, пѣсней, сказокъ и повѣстей. Къ повѣстямъ мы относимъ: «О князѣ Владимѣрѣ Киевскомъ; о могучемъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ; о

Чурилѣ Пленковичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ, о Васильѣ Богуславичѣ.» Источникъ этого произведенiя находится въ Русскихъ сказкахъ и преданiяхъ. Историческая достоверность погибла; народные производители дополнили событiя своимъ соображенiемъ. Соловей Будимировичъ и Никита Романовичъ составляютъ образчики народныхъ думъ. Князь Романъ, Илья Муромецъ, Сорокъ каликъ — выражаютъ только остатки народныхъ поэмъ. Дурень есть вѣрный идеалъ народныхъ сказокъ. За то пѣсни здѣсь соблюдены во всей цѣлостн. Многiя пѣсы, разныя по порядку издателей, составляютъ одно цѣлое, истинно народное произведенiе. Здѣсь заключаются такiе предметы, что паши рапсодин, вмѣстѣ взятыя, могутъ составить подобное въ родѣ Гомеровою Илиады. Соедините: «три года Добрынюшка столѣничалъ, Добрыня Чудь покорила, Добрыня купался, Илья ѣздилъ съ Добрынею», и выдетъ полная народная поэма. Или составте въ одно группу богатырей Владимировыхъ: Соловей Будимировичъ, Василiй Буславичъ, Алеша Поповичъ — и выдетъ богатырская повѣсть. Предвижу напередъ, что это назовутъ нововведенiемъ многи; но оно на самомъ дѣлѣ было такъ и только произвольныя измѣненiя редакторовъ ихъ разрознили по своему.

Въ 1810 году былъ изданъ въ Москвѣ сборникъ А. Калатилиннымъ съ удивительнымъ заглавiемъ:

«Новѣйшiй, вѣсненикъ, или полное собранiе лучшихъ всякаго рода пѣсней, какъ-то: любовныхъ, нежныхъ, пастушескихъ, театральныхъ, издѣвочныхъ, выговорныхъ, военныхъ, или солдатскихъ, простонародныхъ, веселыхъ или театральныхъ, плясовыхъ, цыганскихъ, хороводныхъ, святочныхъ, подблюдныхъ, свадебныхъ, Малороссiйскихъ, критическихъ, шутильвыхъ, и проч. съ приведенiемъ арiй и хоровъ, изъ оперы четырехъ частей Дюпрювской Русалки, Мѣльника, Свистеньщика, рѣдкой вещи, Давидна древа, Флейты, князя Невидимки, трубочиста, добрыхъ солдатъ, Калифа на часъ, Рорина и любимца, прикащика, своя ноша не тянетъ, двухъ охотниковъ, Феула съ дѣтми, свадьбы Волдырева, Матросскихъ шутокъ, крестьянши Маркизы; и другихъ лучшихъ оперъ,

съ означеніемъ нѣкоторыхъ какой голосъ пѣсни и на какой случай сочинена. Въ трехъ частяхъ, расположенныхъ на тринадцать отдѣленіевъ. Собранныя Афонасіемъ Калатилиннымъ.»

Не взыщите православные люди за выписку этого огромнаго заглавія; не воля заставляла выписывать. Чужеземные люди взяли издаііе Калатилина за образецъ и стали судить о народныхъ пѣсняхъ. Вацлавъ Олешка, издатель Галиційскихъ пѣсень во Львовѣ, говорилъ что Русскія пѣсни собраны и напечатаны были только Калатилиннымъ. Странная участь! Почему къ нимъ не дошелъ пѣсенникъ Чулкова? Надобно же этому быть, чтобы чужеземцы судили о Русскихъ пѣсняхъ по уродливому издаіію Калатилина, съ примѣсомъ всякаго новаго вздора.

Первая часть сборника Калатилина составлена изъ новыхъ пѣсней. Мы объ этомъ не говоримъ. Во второй части напечатаны пѣсни простонародныя, плясовыя и цыганскія. Нельзя вособразить себѣ до какой возможности изуродованы эти пѣсни. Издатель приписалъ и новыя пѣсни къ старымъ, безъ всякаго разбора. Въ третьей части помѣщены святочныя, хороводныя и свадебныя, прямо списанныя съ сборника Попова.

Съ наслажденіемъ и радостно переходимъ къ запискамъ о Сибирѣ, составленнымъ неизвѣстною Россіяноку. Почтенная соотечественница въ концѣ своей книги помѣстила Сибирскія пѣсни. Это одно и единственное на Руси издаііе Русскихъ народныхъ пѣсень, напечатанное со всевозможною точностію, имѣеть неоспоримое преимущество предъ всѣми сборниками. Въ невольшомъ ея собраніи находятся пѣсни хороводныя, святочныя, свадебныя. Сборникъ былъ изданъ въ Москвѣ, въ 1837 году. К. А. П. Хороводныя пѣсни имѣють въ призывкѣ древности; но святочныя отличаются необыкновенною простотою, народностію и неподдаваемою. Въ нихъ все говорить Русскихъ духомъ, Русскихъ языкомъ. Кажется, что это одно искупаетъ всѣ недостатки прежнихъ издателей. Пере-

читывая Сибирскія пѣсни, незамѣтно, какъ забываешь всѣ неудачи редакторовъ, невольно примиряешься со всѣми. Мы смѣло рекомендуемъ иностранцамъ этотъ сборникъ; они найдутъ здѣсь истинно народныя пѣсни, найдутъ пѣсни Русскія, которыхъ они напрасно искали въ собраніи Калатилина.

Въ 1837 году, въ Москвѣ изданъ былъ сборникъ:

«Народныя Русскія пѣсни, собранныя М. М.» Г. М. М. раздѣляя свое собраніе по отдѣленіямъ; въ первомъ находятся пѣсни *протлжныя*, во второмъ *скорыя, плясовыя, подблюдныя, свадебныя*. Всѣхъ пѣсень помѣщено 98. Мы объ этомъ собраніи ничего не можемъ сказать, потому, что издатель перепечаталъ ихъ изъ прежнихъ пѣсенниковъ; новыхъ мы не встрѣтили ни одной.

Въ 1835 году, въ Москвѣ, былъ изданъ сборникъ г. Гурьяновымъ съ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Полный новѣйшій пѣсенникъ, въ тринадцати частяхъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ лучшихъ пѣсень, извѣстныхъ нашихъ авторовъ, какъ то: Державина, Карамзина, Дмитріева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Барона Дельвига, князя Вяземскаго, Федора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слупушкина, и многихъ другихъ литераторовъ, расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждаго предмета. Собранный И-мъ Гурьяновымъ.»

Редакторъ, расположившій свое собраніе по отдѣленіямъ, помѣстилъ въ первомъ: *военныя*, во второмъ и третьемъ *простонародныя* и *хороводныя*. Здѣсь вмѣстѣ съ новыми пѣснями смѣшаны старыя. Такъ въ числѣ народныхъ хороводныхъ пѣсень находятся — сочиненія Пушкина, Райча, Жуковскаго, Ф. Глинки, Д. Новикова, Окритова, извѣстнаго намъ по Живописцу, вышему въ Московскомъ Телеграфѣ. Въ

четвертомъ «Малороссійскія»; но, къ удивленію, мы встрѣтили здѣсь вмѣстѣ съ Малороссійскими и Русскія пѣсни. Его Малороссійскія пѣсни, числомъ 16, взятія изъ разныхъ сборниковъ, извѣстны на Руси подъ названіемъ *Казаркиихъ*. Въ пятомъ и шестомъ *театральныя*; въ седьмомъ *любовныя*; въ восьмомъ *свадебныя, святожныя и хорводныя*; въ девятомъ *плтсовыя и пастушескія*; въ десятомъ *застольныя, дружескія и круговыя*; въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ избранныя новѣйшія; въ тринадцатомъ баллады старыя, новыя, и историческія. Всѣ эти старыя баллады и историческія пѣсни взяты изъ древнихъ стихотвореній, изданныхъ Калайдовичемъ. Во вступъ же тринадцати отдѣленій г. Гурьяновымъ напечатано 960 пѣсень.

Въ 1801 году былъ изданъ сборникъ: «Русскія пѣсни, сочиненныя въ селѣ Спаскомъ.» Издатель вмѣстѣ съ новыми пѣснями напечаталъ двѣ простонародныя № 31 и 36, съ сохраненіемъ въ правописаніи народнаго выговора. Таковы:

- 1—Ахъ! вѣкъ матушка годушка богать. —
2—Лужка! ты вѣра сманила.—

Всѣ прочія пѣсни этого сборника, кажутся, не имѣли ни какого достоинства для печатанія; въ нихъ нѣтъ ни смѣсла, ни правильности языка.

Въ 1803 году, издавался въ Москвѣ, въ видѣ журнала, пѣсенный сборникъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Русское національное пѣснопѣніе. Часть первая.»

Издатель не означилъ своего имени; но оно было тогда всѣмъ извѣстно. Въ 1833 году, изъ обозрѣнія Русскихъ сказокъ, напечатаннаго въ Телескопѣ, мы узнали, что это изданіе было М. Н. Макарова. Въ своемъ введеніи онъ писалъ:

«1. Издавать всѣ Русскія національныя пѣсни. 2. Когда только возможно, съ историческими подробностями о сочинителяхъ

обыхъ, и на какой случай пѣсня была сочинена и въ которое время. 3. Сохранять красоту слога, чувства писателей, сущность и плавность гармонии въ каждой пѣсни. 4. Стараться какъ можно, помѣщать пѣсни въ *костюмахъ* того времени, въ которое онѣ писаны были. 5. *Исправлять погрѣшности*, происшедшія въ оныхъ отъ разныхъ издателей и переписчиковъ; но такъ *исправлять*, чтобы *поправка въ слогъ или цѣлому рѣченію, вновь выданному*, сохранила всю оригинальность, правильность и плавность древней поэзіи. 6. Помѣщать пѣсни и со всѣмъ вновь передѣланныя; но которыя во всемъ согласовались бы съ *правилымъ*, и которыя, такъ сказать, заключали бы въ себѣ одно и тоже существо, только въ *лучшемъ, прилежательнѣйшемъ* видѣ.

Макаровъ, объявивши объ исправленіи пѣсень, выполнилъ его на самомъ дѣлѣ. Вотъ его исправленія.

Помѣстивъ подъ № 1 пѣсню, доставленную къ нему какимъ-то почтеннымъ любителемъ Россійскаго пѣснопѣнія, говорилъ: «для приведенія въ настоящій стихотворный размѣръ, рѣшился самъ выправить излишности, которыя какъ въ гармоніи, такъ и мелодіи дѣлаютъ нѣкоторую шероховатость. Вотъ онѣ:

Въ подлинникѣ:

«До чего доводитъ сильного!»

Переправлено:

«Сдѣлалъ слѣдующее повтореніе, которыя вообще всѣ составляютъ красоту древней поэзіи;

Ай ты безгодье, ты безгодье злое:»

Въ подлинникѣ:

«Во чужой землѣ мнѣ могила лужка.»

Переправлено:

«Во чужой странѣ могила мнѣ.»

Въ подлинникѣ:

«Ай какъ тошно братцы товарищи!»

Переправлено:

«Грустно, тошно мнѣ товарищи!»

Въ подлинникѣ:

«Ай какъ тошно, ай во чужби лужка!»

Подлинникѣ:

«Ай какъ тошко на чужбывушкѣ!»

Въ подлинникѣ:

«Въ поруганьцѣ.»

Переправлено:

«Въ поругань.»

Въ подлинникѣ:

«Ай дика Литва!»

Переправлено:

«Ты дика Литва.»

Все это напечатано самимъ издателемъ на 16 и 17 стр. Мы не понимаемъ цѣли исправления, потому что не находимъ ни какой надобности; но г. Макаровъ говоритъ: «подобныя перемѣны не могутъ обезобразить красоту сего творения, потому что въ немъ сохранена цѣль автора.»

Пѣсня, помѣщенная на 25 стр. подѣ № 4, совершенно передѣлана. Г. Макаровъ говоритъ: «здесь она помѣщена совсѣмъ переправленная, ибо и смыслъ и слова настоящей оригинальной сей пѣсни совсѣмъ неинтересны и составляютъ какой-то *пустой наборъ словъ*. Чтобъ дать какое нибудь попятіе объ оригиналѣ сей пѣсни, скажемъ, что въ ней только говорится: о фарфоровомъ стаканчикѣ, о серебряной воронкѣ съ коришневой водкой, что все вмѣстѣ составляетъ смѣшную безсмыслицу.» Въ пѣснь подѣ № VI, на стр. 37, сдѣланы удивительныя перемѣны:

Въ подлинникѣ:

«Молодому холостому

Назоду даетъ,

Молодой и холостой

Въ лужкѣ травушку прижалъ.

Переправлено:

«Молодецъ одинъ прекрасной,

Дѣвицъ знаемой,

Часто по лугу гуляетъ,

Травку переминаетъ.»

Довольно этихъ образцовъ, чтобы показать до какой степени заботились прежде объ исправленіи и какъ тогда понимали народныя пѣсни. Не возможно вѣрить, чтобы люди приходили въ такое отчаянное положеніе разрывать *символично въковыя созданія!*

Въ составъ Русскаго національнаго пѣснопѣнія, г. Макаровъ вмѣстѣлъ: пѣсни;

вѣртки историческія извѣстія о національномъ Россійскомъ пѣснопѣніи; краткое Славянское баснословіе, расположенное алфавитнымъ порядкомъ; что такое пѣть? Пѣсни выбраны г. Макаровымъ изъ пѣсенника Попова, о которомъ онъ говоритъ: «Изъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ національныхъ пѣсенниковъ можно почестъ исправными не болѣе двухъ или трехъ, изъ коихъ лучшимъ я считаю Россійское Эрато, изданное М. В. Поповымъ». Г. Макаровъ умалчиваетъ объ редакціи Попова, составленной изъ трудовъ Чулкова, въ самомъ обезображенномъ видѣ, и пѣснь своего произведенія. Другія пѣсни взяты: изъ истории В. К., изъ трудовъ его современниковъ. Въ число пѣсенъ вошли изъ древнихъ Русскихъ стихотвореній, изданныхъ Якуловичемъ, Иванъ Годиновичъ. — передѣланный г. Макаровымъ, по просьбѣ друзей, «въ обыкновенный размѣръ, употребляемой въ новѣйшихъ Русскихъ бѣлыхъ стихахъ.» Мы приведемъ для любозпытныхъ этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ.

Въ сворникѣ Дѣмидова, изданномъ Калайдовичемъ, на стр. 135—Иванъ Годиновичъ.

«Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударя, Князя Владиміра вечеринка
была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичъ,
Проговорить ему стольной Кіевской Владиміръ
князь!»

Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ!
А за чѣмъ ты Иванушка не женился?
Отвѣчаетъ Иванъ, сынъ Годиновичъ.
Радъ бы, Осударь, женился, да негдѣ взять:
Гдѣ охота брать, за меня не дають;
А гдѣ-то отдають, тутъ я самъ не беру.»

Въ предложеніи г. Макарова на стр. 350.

«Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Гдѣ владѣлъ Владиміръ князь,
Гдѣ доброты прославлялся
Осударя тако ласкова,
Гдѣ сіялъ онъ будто солнышко
Правотой души и милостью,
И любовью и согласіемъ.
Князь любилъ всегда веселу жизньъ;
Онъ давалъ пиры богатые,
Явствомъ, питьемъ наполены
И гостямъ изобильные,

Въ одинъ день, когда былъ пиръ таковъ,
 Къ нему съѣхались красавицы,
 Со всѣхъ странъ тогда всѣ лучші
 Чернобровы, черноглазыя,
 Бѣлолицы и румяныя,
 Станомъ, поступью прелестныя,
 Всѣ въ уборахъ драгоценнѣйшихъ,
 Такъ блистали, отличались,
 Что предъ ними гдѣ и солнышку
 Возсіять такъ въ жаркой вѣшней день!
 И во той же былъ въ компаніи
 Молодець, красивъ, удаленькой,
 Тетъ во Кіевѣ отличнѣйшій
 Богатырь Иванъ Годиновичъ.
 Князь любилъ его, какъ душеньку,
 Называлъ рукой правою:
 Во всѣхъ дивныхъ своихъ подвигахъ
 Онъ ему вездѣ соратой былъ,
 И во бранѣхъ и въ ристалищахъ,
 Онъ совѣтникъ, вѣрный другъ его!
 Князь Владиміръ между рѣчию
 Такъ къ Ивану обращается:
 Гой еси Иванъ Годиновичъ!
 Ты хорошъ, пригожъ и милосливъ,
 Ты дородень, добръ и храбръ душой;
 Для чего-жъ, мой другъ, не женишься?
 Аль красавицы всѣ Кіевски
 Недостойны твоихъ выборовъ,
 Чернобровы, черноглазыя,
 Бѣлолицы и румяныя?
 Отвѣчалъ ему Годиновичъ:
 Радъ бы князь душой жениться я,
 Радъ бы выбрать чернобровую,
 Черноглазу, бѣлолицую
 Бѣлолицу и румяную;
 Но Годиновичъ несчастливой:
 Его дѣвцы не жалуютъ,
 Къ нему матери не ласковыя,
 И при нихъ онъ всегда лишнимъ былъ.»

Все, что въ сборникѣ Демидова помѣ-
 щено въ 11 стихахъ, г. Макаровъ сдѣлалъ
 изъ этого 50; а къ полной пѣснѣ прибавилъ
 въ прозѣ еще содержание на 8 страницахъ.
 Кажется, что это приложение лишнее, въ
 этомъ никто не еудеть спорить. Въ исто-
 рическихкихъ извѣстіяхъ о Русскомъ пѣсно-
 пѣннн онъ писалъ: «Древность Россійскаго
 пѣснопѣннн терлется въ глубокомъ мракъ
 времяпъ. Мы знаемъ еще только о тѣхъ
 пѣснахъ, которыя сложены въ двѣнадца-
 томъ вѣкѣ... Древніе поэты наши мало
 заботились о сохраненнн плавности и мѣры
 въ стихахъ своихъ, и старались только о
 точности въ изображеннн предметовъ...»

Большая часть древнихъ и новѣйшихъ, на-
 циональных Русскихъ пѣсенъ составляетъ
 родъ какихъ-то плачевныхъ элегій, голоса
 ихъ протяжны и унылы до того, что нель-
 зя никакъ, слушая хорошаго пѣвца, не по-
 чувствоватъ всю цѣну или всѣхъ пѣтой имъ
 пѣсни.... Наши старинные пѣснопѣвцы не
 наблюдали ни слоговъ, ни стопъ; словомъ
 правила стихотвореннн, наука краснорѣчнн
 не были извѣстны ни одному изъ древнѣй-
 шихъ нашихъ поэтовъ.»

Мы просимъ читателей обратитъ внима-
 нн на сочиненн г. Востокова—о Русскомъ
 стихосложенн. Тамъ они увидятъ искусство
 Русскихъ пѣсенъ; тамъ они увидятъ всѣ
 правила, служившія нашимъ предкамъ для
 созданн пѣсенъ.

Славянское баснословіе выбрано г. Ма-
 каровымъ изъ сочиненн Чулкова: Абе-
 вега Русскихъ суеврѣій и мнѣологии Кай-
 сарова. Выписываемъ еще одно мѣсто, гдѣ
 г. Макаровъ невольнн вмѣстилъ отзывы
 современниковъ о Русскомъ пѣснопѣннн:

«Нѣкоторые пристрастники ко всему ста-
 гому и прежнему хотятъ увѣрнтъ, что Ка-
 щиннъ перемѣнилъ, даже испортилъ насто-
 ящій голосъ пѣсни. Чудаки не чувствуютъ,
 что онъ самый тотъ же, только гораздо
 лучше, чище прежняго, и любитель Рус-
 ской музыки должнъ сердечно благодар-
 ностно почтенному издателю журнала оте-
 чественной музыки.»

Редакція Русскаго пѣснопѣннн не произ-
 вела доселѣ ничего совершеннаго, сходнаго
 съ духомъ народнаго пѣннн. Издатели смо-
 трѣли на этотъ предметъ совершенно съ
 другой точки зрѣннн, ни мало не обраща-
 я вниманнн на народный характеръ. Все, что
 доселѣ сдѣлано для Русскаго пѣснопѣннн
 состоитъ въ слѣдующихъ изданняхъ.

Въ 1790 году Прачъ напечаталъ Русскія
 пѣсни съ голосами на музыку. Въ слабыхъ,
 невѣрныхъ мотивахъ издатель передалъ об-
 разчики разныхъ родовъ пѣснопѣннн, съ
 прибавленнмъ Итальянскихъ гуладочекъ.
 Этотъ первый опытъ имѣлъ весьма невы-
 годное влиянн на Русское пѣснопѣннн. По

изданию Прача Европа судила о Русском пѣснопѣнии, и какой же была судъ! Знаменитый музыкальный сочинитель, Пейзелло, не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было народное пѣснопѣние; онъ рѣшительно считалъ его произведениемъ искусныхъ композиторовъ. Незвѣстный сочинитель «*о Руссой церковной музыкѣ*», утверждаетъ, что трактатъ о пѣнии, напечатанный при изданіи Русскихъ пѣсень *Прага*, былъ написанъ Львовымъ. Изъ этого трактата докторъ Гютри составилъ сочинение: *о Русскихъ народныхъ пѣсняхъ*, съ прибавленіемъ другаго своего: «*о Русскихъ музыкальныхъ инструментахъ*». Фетисъ, въ своемъ сочиненіи — *Исторія Философіи Музыки* — заимствовалъ изъ брошюры Гютри о Русскомъ пѣснопѣнии. Вотъ каковы были слѣдствія этого изданія. Ни одно Русское слово не отозвалось въ защиту народнаго пѣснопѣнія; все тогдашніе и современные композиторы остались безмолвными. Замѣтно, что Прачъ изучалъ Русское пѣніе, видно, что онъ боролся съ исполнѣніемъ; но онъ какъ восторженный композиторъ, заботился о мелодіи и гармоніи сообразно своему вкусу. Неудовольствіе Русскіе мотивы, поражающіе его слухъ, остались навсегда собственностью народа. Пришлецъ посягнулъ на измѣненіе нашего пѣснопѣнія: вставилъ Русскія пѣсни въ нотныя рамки, заклеилъ ихъ роковыми четвертями. Все то, что казалось ему не музыкальныхъ, онъ дополнилъ Итальянскими мотивами; все то, что было въ его глазахъ страннымъ, онъ уничтожилъ. Въ его время жилъ гениальный Русскій артистъ, Хантошкинъ, удивлявшій своимъ искусствомъ знаменитый дворъ Екатерины, этотъ Хантошкинъ, неимѣвшій въ Европѣ соперниковъ, постигшій за полѣтка все музыкальныя тайны нашихъ современниковъ, жилъ въ одно время съ Прачемъ, разыгрывалъ Русскія пѣсни въ чертогахъ Екатерины, въ палатахъ бояръ и на площадяхъ. Прачъ не понималъ духа Хантошкина, основаннаго на чистомъ народномъ пѣснопѣнии.

Редакція Прача состояла въ следующемъ:

1 — раздѣлялъ пѣсни по времени народнаго употребленія; 2 — напечаталъ и текстъ пѣсень и нотъ на особенныхъ страницахъ;

3 — въ началѣ, вмѣсто предисловія помѣстилъ: *о Русскомъ народномъ пѣніи*. Въ этомъ обзорѣи сказано:

«Мы называемъ гармоническія пѣсни *протяжными*, а мелодическія *плясовыми*. Плясовые пѣсни у насъ по большой части веселаго содержанія, въ тонѣ мажорѣ, и поются скоро; протяжныя же почти все мажорѣ, и поются тихо и умеренно.

«Къ удивленію находимъ, что мы, въ народномъ пѣніи нашемъ наследовали отъ древнихъ Грековъ не только раздѣленіе онаго на двѣ части; но въ протяженныхъ пѣсняхъ есть некоторое ощутительное подобіе мелодіи и образъ сложенія оныхъ; ибо старинная наша пѣсня: «Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ» — и другія, начинаются выходкою одного голоса, а возвышаются потомъ общимъ хоромъ. Такъ точно расположена ода Пиндарова, имѣющая характеръ пѣни — *сольто-фермо*, Итальянцами называемаго. Большая часть нашихъ протяженныхъ пѣсень сей же самый характеръ имѣютъ.

«Протяженныя наши пѣсни старинныя суть самыя лучшія; сіе-то суть характерическое народное пѣніе, съ которымъ, при помощи даже искусства, въ наши времена сочиненныя, не могутъ равняться. Что же касается до плясовыхъ пѣсень, то старинныя не имѣютъ предъ вышедшими сего преимущества; и хотя нельзя точно означить, кои суть изъ нихъ самыя старыя, но известно то, что нынѣшнія пѣсни предпочитаютъ тѣхъ, коихъ признаютъ старинными, по начальной простотѣ ихъ.

«Между плясовыми пѣснями есть еще особенныя болѣе образомъ пѣнія нежели сложеніемъ своимъ: ихъ называютъ *Цыганскими*, поелику подъ сіи только одни можно плясать по-Цыгански». Не знаю я, Цыгане ли сочинили сіи пѣсни, или они умѣли выбрать изъ нашихъ, придавъ имъ пѣснью своимъ такой живой нарядъ, съ которыми они весьма отъ Русскихъ отличны, и для скорой пантомимной пляски стали несравненно удобнѣе, будучи и для голоса лучшіе многихъ простонародныхъ.

« Свадебныя и хороводныя пѣсни весьма древни; между оными нѣтъ ни одной въ наше время сочиненной. Свадебныя пѣсни во всемъ пространномъ Государствѣ нашемъ и словами и голосомъ столько единообразны, что изъ нѣсколькихъ тысячъ верстъ пришедшій по голосу оныхъ узнаеть, въ которой изътъ свадьба. Хороводныя пѣсни также одинаковы; въ нихъ еще и понынѣ употребляются припѣвы: *Дидо, Ладо*, и прочія имена языческихъ боговъ древняго Славянскаго поклоненія.

« Свойства Малороссійскихъ пѣсней и напѣвъ со всемъ отличны отъ Русскихъ; въ нихъ болѣе мелодія, нежели въ нашихъ; но мнѣ неизвѣстна ни одна гармоническая Малороссійская пѣсня, которая бы равнялась со многими нашими протяженными. Употребленіе изъ древнихъ временъ между народомъ ихъ бандуры, помогло къ совершенію ихъ пѣнія, и во множествѣ Малороссійскихъ пѣсней есть музыкальныя пріятности, есть нѣкоторыя правила въ сложении оныхъ, нѣкоторая ученость, но вообще меньше характера.

« Сколько трудно было собрать голоса народныхъ, неписанныхъ, на нѣсколькихъ верстахъ разсыпанныхъ пѣсней, и положить оныя на ноту, часто съ фальшиваго пѣнія неискусныхъ пѣвцовъ, всякой легко представить можетъ; но трудность еще не меньше предстояла въ томъ, чтобы, не повредя народной мелодіи, *сопроводитъ оную правильными басомъ, который бы и самъ былъ въ характерѣ народномъ*. Сие однако съ возможнымъ раченіемъ исполнено было, и былъ положенъ почти вездѣ такъ, а видѣ весьма близко, какъ при исправномъ хорѣ въ народныхъ пѣсняхъ поютъ оный.»

Вотъ цѣль и направленіе Прача, принятая имъ при изданіи Русскаго пѣснопѣнія. Мы не понимаемъ цѣли, для чего должно было придѣлывать басъ тамъ, гдѣ онъ не существуетъ. Съ этимъ дополненіемъ чистое народное пѣніе исчезло, характеръ разрушенъ и составила композиція редактора, а не цѣлаго народа.

Собраніе Русскихъ пѣсней Прача выдержало три изданія. Первое изданіе было напечатано въ восьмую долю листа, въ 1790 году. Въ немъ Прача помѣстилъ: *протяжныхъ 33, плясовыхъ 42, свадебныхъ 6, хороводныхъ, 9, святочныхъ 1, Малороссійскихъ 6*, а всего 97 пѣсней. Текстъ пѣсней, кромѣ не многихъ, перепечатанъ изъ пѣсенника Чулкова.

Второе изданіе пѣсней Прача было напечатано въ четвертую долю листа, въ 1806 году, въ двухъ частяхъ. Въ новомъ изданіи статья — о Русскомъ народномъ пѣніи превратилась въ Предувѣдомленіе, съ приложеніемъ слѣдующаго:

« Въ Россіи сочинители народныхъ пѣсней со всемъ неизвѣстны, и слѣдовательно оныя болѣе принадлежать всему народу. По содержанію нѣкоторыхъ изъ нихъ можно догадаться, что сочинители были: казаки, бурлаки стрѣльцы, старшихъ служебъ служивые люди, фабричные, солдаты, матросы, ямщики; но начало старинныхъ пѣсней, какъ-то: свадебныхъ и хороводныхъ скрывается во мракѣ древности.»

Въ первой и второй частяхъ втораго изданія было напечатано: протяжныхъ 48, плясовыхъ 60, хороводныхъ 10, святочныхъ 6, свадебныхъ 10, Малороссійскихъ 16. Второе изданіе, составленное изъ 150 пѣсней, отличается отъ перваго смѣшеніемъ: въ число святочныхъ вошли хороводныя, а хороводныя помѣщены въ протяжныхъ и плясовыхъ. Здѣсь болѣе показывается отступленія отъ Русскаго пѣснопѣнія. Многія мѣста написаны такъ, что нѣтъ ни одного Русскаго звука.

Современникъ намъ по редакціи пѣснопѣнія, ветеранъ по занятіямъ, Д. Н. Кашинъ, издалъ въ Москвѣ, въ 1833 году —

« Русскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортепіано.»

Труды почтеннаго Кашина извѣстны были еще въ концѣ XVIII столѣтія, какъ лучшаго тогда композитора. Было время, когда его пѣсни, пѣтыя Сандуновой, при-

водили въ восхищеніе всю Москву. Въ 1808 и 1809 годахъ онъ издавалъ музыкальный журналъ отечественной музыки. Здѣсь помещались сочиненія его и другихъ музыкальныхъ современниковъ. Но важный подвигъ и, кажется, окончательный состоитъ въ изданіи Русскаго пѣснопѣнія. Посвящая соотечественникамъ свои пѣсни, онъ писалъ :

«Долговременно почерталъ я изъ обильнаго источника наши лучшія народныя пѣсни, богатыя собственною, неподражаемою музыкаю; внимательно вслушивался въ ихъ гармонию, и передалъ бумагѣ во всей простотѣ напѣва народнаго, безъ украшеній, безъ вымысловъ, всегда разрешающимъ истинное достоинство такого рода музыки.

«Быть можетъ, что при всемъ попеченіи моемъ изложить вѣрно напѣвы не оправдалъ я точнаго хода оныхъ. Въ такомъ случаѣ да простятъ меня; я не переписывалъ пѣсенъ, а собиралъ вольшею частію съ голосомъ, что доказываютъ пѣсни, не токмо никогда непечатаемыя, но даже и къ нѣ ноты неположенныя. Къ сему неизлишне прибавить, что пѣвцы не всегда въ исполненіи единообразны.»

Вотъ отчетъ г. Кашина о своей редакціи. Онъ не объяснилъ намъ: гдѣ пѣли пѣсни, положеныя имъ на ноты? Гдѣ собраны были эти пѣсни? Въ каждой пѣсни видно, что редакторъ заботился о сохраненіи единообразія; ему непременно нужно было подвести всѣ пѣсни подъ одинъ извѣстный мотивъ. Справедливо ли это? Никто доселѣ изъ Русскихъ не говорилъ о томъ. Мы представляемъ свои мнѣнія, основанныя на мѣстныхъ наблюденіяхъ, и желаемъ, чтобы другіе указали намъ вѣрныя наблюденія.

Всѣ ошибки редакторовъ пѣснопѣнія происходили изъ двухъ источниковъ: 1 — украшать Русскія народныя пѣсни сообразно Итальяскимъ мотивамъ. Таково было направленіе Прача. 2 — Придерживаться одной извѣстной темы во всѣхъ пѣсняхъ. Такого было направленіе Кашина. Какъ гибельны такіа направленія, всякой можетъ представить, а что онъ не нужнъ, въ этомъ

никто не усомнится. Русскія пѣсни не имѣютъ никакой надобности въ исправленіи. Созданныя народомъ, подъ влияніемъ особенной жизни, неизвѣстныхъ обстоятельствъ, онъ имѣютъ свои красоты, несвойственныя другимъ народамъ, свои тоны, созданныя для Русскаго пѣснопѣнія самими Русскими. Заботясь о единствѣ пѣснопѣнія, мы легко можемъ увлечься въ крайности. Каждый городъ, каждая деревня имѣютъ свои напѣвы. Положимъ, что въ Россіи есть пятьдесятъ мѣстъ, гдѣ поютъ одну и ту же пѣсню въ различныхъ напѣвахъ. Редакторъ, избравши одну пѣсню для своего сборника, возьметъ эту пѣсню и положить ея голосъ на ноты, сообразно своей идеи. Будутъ ли тогда напѣвы этой пѣсни имѣть народный характеръ? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Въ такой редакціи всѣ пѣсни сольются въ одно мечтательное пѣніе; народное пѣснопѣніе, отличное мѣстными характерами, исчезнетъ. Положимъ, что редакторъ возьметъ напѣвъ пѣсни извѣстнаго мѣста и положить на ноты такъ, какъ онъ извѣстенъ тамъ. Съ перваго взгляда лучше этого и желать нельзя; но, вслушиваясь въ напѣвы этой же пѣсни другихъ мѣстъ, увидимъ, что есть какія-то различія: Съ такимъ условіемъ редакція становится неувѣрительною. Отсюда, само собою, возникаетъ необходимость различія народнаго пѣснопѣнія по областямъ. Этого необходимаго условія не встрѣчаемъ ни въ изданіи Прача, ни Кашина. По крайнѣй мѣрѣ надобно желать, чтобы редакторы пѣснопѣнія отличали въ своемъ сборникѣ напѣвы пѣсенъ, подслушанныхъ ими въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мы часто слышимъ жалобы, что нельзя положить напѣвы нашихъ пѣсенъ отъ того, что Русскіе люди поютъ ихъ различно и при томъ фальшиво и невѣрно. Сколько здѣсь несправедливо! Поютъ пѣсни различно отъ того, что каждая область имѣетъ свой особенный напѣвъ; поютъ фальшиво отъ того, что композиторъ, услышавши въ первый разъ Русскую пѣсню, полагаетъ уже за вѣрное, что только такой напѣвъ существуетъ для этой пѣсни; потому услышавъ во второй разъ напѣвъ этой же пѣсни изъ другой области, считаетъ его уже невѣрнымъ, фальшивымъ. Изучать Русское пѣснопѣніе должно по разнымъ городамъ, а не въ кабинетѣ. Въ

такое изучение можно еще встречать до сих пор незамысловатые отрывки — характер народного выговора. В песнопении областного выговора производят чрезвычайные изменения. Послушайте только Москвича, Суздальца, Олончанина, Сибиряка, и эти изменения будут поразительны до невероятности. Перейдите отсюда к Московским Цыганам. В них вы найдете совершенно иные мотивы. От чего это? Вникните только в выговор Цыган, и вы узнаете тайну их песнопения. Олончанин самую протяжную песню поет там скоро, что Москвич гораздо продолжительнее пропойет плясовую, как она ни скоро поется. В этом различии скрывается одно и то же условие — выговор местный. По теории гармония и мелодия должны бы все это уравнять; но с Русскими песнями выходит напротив: народный напев создает для теории свою мелодию, свою гармонию. Не думаем, чтобы кто-нибудь различил нам, что в нашем народном песнопении есть теория, и что даже мы это утверждаем. Напротив, наше песнопение имеет свою внутреннюю теорию, утвержденную в камне; но, к сожалению, ни один композитор не изучал нашей теории; этого мало, ни один из них никогда не говорил даже, что она существует.

Мы приведем только краткие замечания, извлеченные из опыта, указав на разности песнопения, как на действительное событие, современное нам; но такой обширный предмет, требует многотомного изложения, основанного на опытных доказательствах. Предоставляем эту завидную участь другим:

Мнения Русских литераторов о народной поэзии столько были различны, сколько были различны их понятия о народных произведениях. В постепенном сравнении их сочинений мы увидим всю разность.

В 1809 году было напечатано в Москве: «*разсуждение о древней Русской словесности*». Незвестный сочинитель начинает свое разсуждение с времен незапамятных, а в последствии, обращаясь к песни о подку Игоревом, говорит:

«Сия песнь писана самым древним, простонародным языком, который гораздо труднее понимать находящегося в нашей Библии. Не надобно развешать ее по правилам Аристотеля, Горация или Буало; она не есть правильная эпическая поэма, и не заключает в себя ни каких чудесных вымыслов. Сочинитель ее был, конечно, человек неученный, но ученик простой природы, с которой картины свои он описывал верно и удачно. Наше стихотворец любит сравнения и аллегории; он везде чрезвычайно краток, правилен и материалы для них все отечественные. Вообще слог фигурен и чрезвычайно стихотворен, часто встречаются одушевления. Дарование стихотворца нашего особенно является в описаниях.»

После этого он переходит к сборнику Демидова — Древняя Русская стихотворения. Любопытны понятия сочинителя об этом издании.

«Большая часть сих песен или повестей, писанных стихами, особливо те, в которых прославляется Владимир, суть ничто иное, как простонародная Русская сказка, и наполнены самыми нелпыми вымыслами. Думаю, что древность сих стихотворений никто защищать не станет. Кто бы ни был сочинитель сих сказок, но он должен быть без всяких познаний в древней истории своего отечества; следы испорченного вкуса и самого уродливого воображения, повсюду видны в его сочинениях. Хотя он писал и не в средних вѣках, но все он дышит духом сих варварских времен, которых грубость и жесткость всеяют к ним отпадение.»

«Только с одной стороны заслуживают он внимание критики и всех любителей Русской поэзии: в сопоставлении их находится большое расположение, которому даже соотечественники Гомера, говорившие самым музыкальным языком в свет, и называвшие все прочие варварскими, не могли бы не удивиться. И что всего чуднее: сочинитель никогда не слышал о Хоревых, Ямбах, Дактилях, однако же у него большая часть стихов»

выходят самые правильные и даже музыкальные.»

Мы избрали только сущность сего суждения, чтобы постепенно указывать направление наших писателей в начале XIX века. О вѣрности такихъ понятій, мы ничего не можемъ говорить; онѣ тогда были хороши и почитались даже важными. Еще въ 1818 году писалъ А. Х. Востоковъ: «отсылаю читателя къ разсужденію о древней Русской Словесности, въ которомъ находятся весьма справедливыя замѣчанія о древности, объ анахронизмахъ и о характерѣ преданій.»

Несправедливымъ понятіямъ о Русской народной поэзіи, вѣроятно, не будетъ конца. Доселѣ еще смѣшиваютъ даже самыя слова простонародныя пѣсни съ народною поэзіею! Что такое простонародныя пѣсни? Вообще полагали, что это самое низкое произведение черни, народа грубаго, непонятнаго. Думать такъ, будетъ очень несправедливо. Несовременная намъ червь сотворила Русскія пѣсни; она только сохранила ихъ, тогда какъ другіе классы совершенно ихъ забыли, даже гнушались, предпочитали имъ Французскіе вздоры. Русскія пѣсни принадлежать всему Русскому народу; онѣ произведение цѣлаго народа. Вотъ отъ чего писатели, смотрѣвши на народныя пѣсни, какъ на грубое произведение черни, впадали въ крайности и давали превратныя сужденія. Поэзія боярина, поэзія мужика — всегда будетъ одна и та же поэзія, если только она будетъ гениальнымъ произведеніемъ. Рыбакъ Левиносъ въ пѣснѣ не былъ поэтомъ, а онъ явился изъ простонародія. Такія ошибки мы находимъ общими въсколькихъ лѣтъ, гдѣ люди, какъ бы сговорились, говорить не справедливое на перекоръ всего справедливаго. Удѣлъ неизбѣжный для человечества!

Гораздо ошибочнѣе являются у писателей понятія о языкѣ народныхъ пѣсней. Это такая смѣсь воевой боячьины, что доселѣ никто не думалъ исправлять ихъ. Пѣсни наши новыя, старыя мы не имѣемъ — вотъ общее мнѣніе. Справедливо ли это? На чемъ основано? Гдѣ доказательства ихъ общаго? Гдѣ указанія на ихъ новостъ

явленія? Объ этомъ никто изъ Русскихъ не думалъ. Кажется, съ перваго взгляда, это такъ легко разгадать, что оно само собою выказывается; но это только будетъ хорошо для кабинетнаго занятія, гдѣ не нужны опыты сужденія, требующія повѣрки. Трудъ неимовѣрный, невѣроятный предостеречь тому, кто хотѣлъ бы судить по языку народныхъ пѣсней о времени ихъ произведенія. Для этого нужно имѣть понятія: о состояніи Русскаго языка въ разныхъ столѣтіяхъ; нужно знать до подробности Русскія областныя нарѣчія.

Во всѣхъ послѣднихъ семи столѣтіяхъ Русскій языкъ существовалъ въ двухъ отдѣльныхъ видахъ: въ книжномъ и разговорномъ. Языкъ книжной былъ языкъ Славянскій, составленный по формамъ Греческаго, Сервскаго и Русскаго. Первая отрасль его началась и созрѣла въ Кіевѣ, вторая родилась въ Новгородѣ, смѣшалась съ Русскимъ. Время составило изъ обоихъ этихъ отраслей нарѣчія областныя: Московское, Суздальское, Владимірское, Новгородское и Сѣверное — Архангельское, Сибирское, Заволожское. Каждое областное нарѣчіе имѣетъ свои подраздѣленія. Языкъ Славянскій, образованный въ Кіевѣ, сохраняется у Русскихъ доселѣ въ церковныхъ книгахъ; но онъ никогда не былъ языкомъ разговорнымъ, языкомъ живущаго народа. Въ областныя нарѣчія составляютъ нынѣ одинъ Русскій языкъ, которыми говорили прежде, говорятъ нынѣ и будутъ послѣ говорить. Самое общирное, самое многочисленное изъ областныхъ нарѣчій есть нарѣчіе Московское. Этимъ нарѣчіемъ говорили наши предки, говоримъ и мы, ихъ потомки. Для этого только нарѣчіе есть у насъ грамматики, словари и книги, писанныя этимъ однимъ нарѣчіемъ. Для всѣхъ другихъ нарѣчій мы ничего не успѣли приготовить; не знаемъ даже ихъ составныхъ частей.

Каждый писатель за нужное считаетъ сказать что нибудь объ языкѣ народныхъ пѣсней, но всѣ эти разсказы оканчивались общими выраженіями — старата нѣтъ, все вновь составленное. Всѣ ошибки происходили и будутъ происходить отъ незнанія областныхъ нарѣчій. Пѣсни народныя по

языку принадлежать къ Московскому областному нарѣчию, разговорному; въ нихъ вѣтъ отрасли Киевской, составленной по Греческимъ формамъ, которую мы привыкли видѣть въ Славяно-церковныхъ книгахъ. Наши писатели непременно хотѣтъ видѣть древность языка только въ Славяно-церковныхъ формахъ, а этого-то и не бывало въ пѣсняхъ.

Къ числу древнихъ мы относимъ пѣсни святочныя, хорошебныя, свадебныя, народно-праздничныя и часть историческихъ. Всѣ другія принадлежатъ XVII и XVIII столѣтямъ.

Въ 1812 году была напечатана статья въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ — о Русскомъ стихосложеніи А. Х. Востокова. Почтенный сочинитель въ 1818 году перепечаталъ свое сочиненіе отдѣльною книгою — подъ названіемъ: «опытъ о Русскомъ стихосложеніи.»

По нашему мнѣнію этотъ опытъ представляется однимъ изъ лучшихъ сочиненій о Русской народной поэзіи. А. Х. Востоковъ разсматривалъ только одну сторону нашей народной поэзіи — стопосложеніе. Мы приводимъ его сужденія.

Народныя наши пѣсни, говоритъ Востоковъ, принадлежатъ къ стихосложенію тоническому, сочиняющемуся по удареніямъ. Русской языкъ, по его повятію, принимаетъ только 9 стопъ: 5 *простыхъ* — Ямь, Хорей, Дактилъ, Анапестъ и Амфибрахій, и 4 *сложныхъ* — 4 хъ Пеоновъ. Объ Русскихъ стихахъ онъ пишетъ:

«Народное стихосложеніе Русское, т. е. складъ пѣсенъ, въ новѣйшія времена начинается перемѣняться. Пѣсни старинныя и тѣ кои сочинены въ позднѣйшее время, разпознать можно по разности стихосложенія. Къ стариннымъ принадлежатъ не только лѣтъ за сто сочиненныя, но даже и тѣ простонародныя пѣсни, кои лѣтъ 40 или 50 предъ симъ сложены; ибо онѣ всѣ отъ новѣйшихъ простонародныхъ же пѣсенъ отмѣняются Русскимъ размѣромъ. Первое, что замѣтить всякой въ стихахъ сего размѣра, есть то, что они изобилуютъ Пир-

рихемъ. Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ Русскаго размѣра, между которыми разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ, строеніе ихъ даже одинаковое — пиррихическое. Въ семъ стихѣ слышны только два, либо три долгие слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два, иногда три слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается дактилемъ либо трибрахемъ. Сія только стопы на концѣ остаются непремѣнными и образуютъ, такъ сказать, римоническую основу стиха, котораго прочія части т. е. начало и средина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложенія. Русской языкъ имѣетъ въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, т. е. одинъ только слогъ повышается удареніемъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ. Русское словоудареніе имѣетъ только два перехода, высокий и низкій. Когда слова занимаютъ свое мѣсто въ періодѣ, или въ стихахъ, тогда нерѣдко, по связи мыслей или изображаемыхъ, сливаясь однѣ съ другими какъ бы въ одинъ составъ, теряютъ онѣ усиливаніемъ свое удареніе на счетъ близстоящихъ. Такъ и цѣлое предложеніе или періодъ, когда изображаютъ одну нераздѣльную купу мыслей, принимаются какъ бы за одно большее сложное слово, коего составныя части должны по законамъ единства прозодическаго, подчиняться одной главнѣйшей; а сіе неизвѣстно можетъ произойти, какъ съ отнятіемъ у нихъ удареній. Главное удареніе почти приходится на первыя слогахъ рѣчи, и это обыкновенное его мѣсто. По сей-то причинѣ, хотя Русской языкъ изобилуетъ Ямбами и Анапестами, бывають однако сіи мѣры слышны только въ отдѣльныхъ словахъ, и еще развѣ въ короткихъ фразахъ; совокупленіе же нѣсколькихъ словъ оканчивается обыкновенно хореемъ, дактилемъ, трибрахемъ.

«Въ Русскихъ стихахъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. ударенія, по коимъ и должно размѣрять стихи старинныхъ Русскихъ пѣсенъ. Стихъ Русскій состоитъ изъ двухъ, либо трехъ прозодическихъ періодовъ. Мы опредѣлили обязательность прозодическаго періода до 7-ми или до 8-ми слоговъ; однакоже въ Русскихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ въ вы-

ваеть; а по самой большой мѣрѣ имѣеть до 6-ти слоговъ, обыкновенно же по 4, по 3, нерѣдко и по два только слога, такъ что самой большой стихъ Русскій о 3-хъ удареніяхъ имѣеть рѣдко болѣе 13 слоговъ и следовательно величиною будетъ съ шестистопный ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соответствуетъ четырехстопному.

«Разсматривая всѣ сн виды стиха Русскаго читатель согласится со мною, что ихъ употребили не безъ разбора во всякомъ родѣ стихотвореній; но, что каждый родъ, по крайней мѣрѣ два главные Лирическій и Эпическій, имѣеть также у Русскихъ свой опредѣленный размѣръ. И я дѣйстви-тельно осмѣлюсь раздѣлить стихи нашихъ старинныхъ пѣсень на лирическіе—пѣсенные, и эпическіе—сказочные. Отличаю же одна отъ другихъ вотъ чѣмъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть равночисленность удареній; но пѣсенные стихи бывають притомъ, по большой части, равнострожны и имѣють порядокъ удареній неизмѣняющійся; въ сказочныхъ же измѣняются какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній.

«Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бывають правильнѣе, или лучше сказать, единаобразнѣе повѣствовательныхъ, будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ Русскомъ. Русскіе стихи сего года имѣють поровну въ себѣ слоговъ, а оныхъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ ударенія. Мы раздѣляемъ Русскіе пѣсенные стихи, въ разсужденіи окончаній, на стихи дактилическаго, хорейческаго и тиребрайческаго окончанія.

«Русскіе стихи имѣють свои куплеты, какъ въ пѣсенныхъ стихахъ, такъ и въ сказочныхъ. Куплеты или строфы въ поэзи всѣхъ народовъ образуются колымаши пѣнія, въ такомъ случаѣ, когда колыма заключаетъ въ себѣ болѣе одного стиха. Въ Русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержатъ въ себѣ никогда болѣе 4-хъ стиховъ короткихъ, или 2-хъ длинныхъ, да и то послѣдствуймаго обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, каковы напримѣръ: «Ой Дядь и Ладю, ой Люли, люли, ой жги.» Другой образъ составленія куплетовъ Рус-

скихъ есть бѣзъ припѣва повтореніе только послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другаго, съ нѣкоторою пояснительною прибавкою. Напр.

Ахъ, чтожъ ты голубчикъ невеселъ сидишь,
Не веселъ сидишь и не радощень?
Ужъ какъ мнѣ голубчику веселому быть,
Веселому быть и радощному.

«Еще другимъ образомъ составляются куплеты въ Русскихъ пѣсняхъ повтореніемъ первыхъ словъ каждаго стиха, или вѣрнѣе половинъ онаго по два, по три раза и болѣе, чрезъ что половины сн уже особенными, довольно длинными стихами дѣлаются.—

По горамъ, по горамъ,
И я по горамъ ходила.—

«Гармонія стиховъ Русскихъ наиболѣе слышна въ старинныхъ пѣсняхъ, и даже безошибочно можно утвердить, что чѣмъ стариннѣе пѣснь, тѣмъ чище и правильнѣе въ ней соблюлась сн форма ударительнаго или Русскаго стихосложенія. Новѣйшія простонародныя пѣсни начинаютъ удаляться отъ онаго, приближаясь за то отчасу болѣе къ стопосложенію. и замѣняя уже складностью рѣчь или созвучныхъ окончаній прежнюю складность, состоявшую токмо въ удареніяхъ; напротивъ того стариннымъ пѣснотворцамъ Русскимъ рѣчь была незнакома; ибо ежели у нихъ и попадаются иногда созвучные слова, въ концѣ ли, въ срединѣ ли, или въ началѣ стиха, то оныя не съ намѣреніемъ приисканы, а случайно и непринужденно.

«Стихи о трехъ удареніяхъ дактилическаго окончанія употребляются въ Русскихъ народныхъ сказкахъ или повѣствовательныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печатное собраніе подъ именемъ древнихъ Русскихъ стихотвореній. Изъ 26 пѣсень, помѣщенныхъ въ оноу собраніи [перваго изданія] всѣ, кромѣ двухъ, сочинены симъ размѣромъ. Также и въ пѣсенникахъ печатныхъ, находящіяхся между прочимъ повѣствовательныя пѣсни или романсы Русскіе имѣють сей же размѣръ. Первое удареніе сказочнаго стиха Русскаго можетъ перехо-

дять съ 1 слога на 2, и такъ далѣе: даже на 5 слогъ. Второе или среднее удареніе отдѣльно отъ перваго по крайней мѣрѣ отнимать краткимъ слогомъ; но можетъ отдѣлять отъ онаго 4, 5 и даже 6 краткими, смотря по величинѣ стиха. Третье или послѣднее удареніе имѣетъ непремѣнное мѣсто на третьемъ отъ конца слогъ. Такимъ образомъ съ тремя частями своими Русской стихъ принимаетъ болѣе ста вариаций.

«Какоеъ ни есть Русской сказочной стихъ, но Русское ухо искони довольствовалося простою его гармоніею, которую любить оно еще и теперь, когда уже познакомились со стопами и римами. Сказочный стихъ, имѣя всегда дактилическое, либо трибрахическое окончаніе, вообще не терпитъ у себя въ концѣ ни ямба, ни хорей, и превращаетъ оныя въ пиррихіевъ.»

Мы буквально выписали изложенія А. Х. Востокова единственно для того, чтобы указать, какъ онъ смотрѣлъ на составъ Русскихъ стиховъ. Въ послѣдствіи увидимъ подражателей, принявшихъ за основаніе его понятія.

Князь Цертелевъ, занимавшійся собраніемъ Русскихъ пѣсень, напечаталъ двѣ брошюры:

1 — «О произведеніяхъ древней Русской поэзи.» Спб. 1820.

2 — «Взглядъ на Русскія сказки и пѣсни и повѣсть въ духъ старинныхъ Русскихъ стихотвореній.» Спб. 1820.

Объ Русскихъ пѣсняхъ Князь Цертелевъ писалъ.

«Всеобщіе пѣсенники, пѣсенники полные, новые и новѣйшіе суть не иное что, какъ безпорядочный сборъ всякаго рода стиховъ, весьма часто изуродованныхъ услужливыми книгопродавцами, которые перепечатываютъ одно и то же съ нѣкоторыми незначущими прибавленіями или выпущеніями; а иногда довольствуются даже перепечатываніемъ одного заглавнаго листка. Лучшее собраніе пѣсень есть изданное въ 6 частяхъ, въ

Москвѣ, 1780 года, подъ названіемъ: новое и полное собраніе пѣсень Россійскихъ. Хотя въ собраніи семь безъ разбора смѣшаны старинныя и новыя, Великороссійскія и Малороссійскія, печальныя и хороходныя, насмѣшливыя и военныя пѣсни; но изъ него можно бы было сдѣлать выборъ, составить довольно занимательную книжку для любителей старины.»

Князю Цертелеву, вѣроятно, не было извѣстно, что это новое собраніе пѣсень, извѣстное на Руси подъ именемъ Новиковскаго, было перепечатано съ изданія Чулкова, объ редакціи котораго мы уже сказали при началѣ.

«Кромѣ небольшого числа праздничныхъ и хороходныхъ пѣсень дошедшихъ до насъ, можетъ быть, отъ временъ язычества, вообще судя по языку, древность Русскихъ пѣсень, хранящихся въ себѣ духъ народной поэзи, едва ли можно положить далѣе царствованія Петра Великаго; многія же относятся къ позднѣйшимъ временамъ и суть подраженія первымъ. Старинныя Русскія пѣсни весьма различны отъ нынѣшнихъ. Сочинители ихъ смотрѣли болѣе на чувства и мысли, нежели на форму. Отъ сего иногда бываетъ въ нихъ одно живое описаніе какого либо предмета, иногда важная элегія, иногда шуточный романсъ, иногда страшная баллада.»

Князь Цертелевъ ни чего не говорилъ ни о святочныхъ, ни осадебныхъ пѣсняхъ. Ихъ голосъ, ихъ составъ рѣчи — принадлежатъ къ древности. Этого нѣтъ ни въ новыхъ, ни въ среднихъ пѣсняхъ. У насъ есть много пѣсень, которыя составлены за сто лѣтъ до Петра Великаго: на это есть историческіе факты.

Было на Руси удивительное время, когда наши литераторы старались сочинять въ духѣ древнихъ пѣсень. Эту несчастную страсть началъ Н. М. Карамзинъ съ своего Муромца. Князь Цертелевъ написалъ повѣсть: «Василій Новгородскій въ духѣ древнихъ Русскихъ стихотвореній.» Въ повѣсти сей — говоритъ онъ — старался я удѣржать не только духъ богатырскихъ Рус-

ских сказокъ, по самымъ выраженіямъ, оброты и гармонію оныхъ; въ послѣдней однако же приравнялся болѣе къ пѣснямъ; бракъ изъ тѣхъ и другихъ многе стихи. Я даже употреблялъ приличныя имъ вольности, желая представить читателямъ сколко можно вѣрный образчикъ старинной Русской поэзіи. » Вотъ начало этой повѣсти.

Какъ изъ славнаго Новгорода
Изъ-за быстрыя рѣки мутныя,
Что бѣжитъ, шумитъ въ Неву-озеро,
Черезъ широкіе луга зеленыя,
За собой ведетъ берега красныя.
Не бѣлой кречить вонъ выпаркивалъ,
Выѣжалъ удача молодець,
Сынъ боярина Новгородскаго,
Съ своимъ слугою вѣрнымъ;
А и ѣдетъ онъ во Кіевъ градъ,
Послужитъ хочеть вѣрой правдою
Свѣту-солнышку Владиміру.

Эта повѣсть составляетъ Вавилонское смѣшеніе, такъ что съ трудомъ можно разобратъ—откуда что взято. Вся повѣсть Василія Новгородскій составлена болѣе нежели изъ пятидесяти мѣстъ.

Въ 1828 году, въ Москвѣ, г. Дубенскій издалъ: «Опытъ о Русскомъ народномъ стихосложеніи.» Въ этомъ сочиненіи излагается одна только форма стихосложенія, какъ у Востокова; но старая народная поэзія разсматривается вмѣстѣ съ современною. Мы выпишемъ некоторые только его понятія о нашей поэзіи.

Понятія г. Дубенскаго о стопосложеніи и о формахъ стихосложенія одинакиа съ Востоковымъ; но есть и свои особенности. Таковы:

«Пеоническіе и амфибрахическіе стихи употребительны болѣе въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ. . . Различіе нашего стихосложенія со стихосложеніемъ древнихъ будетъ состоять въ томъ: они начинали болѣе свои стихи съ долгихъ гласныхъ, употребляли чаще спондическую мѣру, а мы за мѣрили последнюю своимъ ямбомъ или хореемъ и трибрахиями, и будемъ начинать свои стихи съ короткихъ слоговъ, чего требуетъ иррихическая плавность Русскаго

языка. Такъ древніе наши бояны умѣли сотворить въ немъ количество: окружа двумя, тремя или четырьмя тихими звуками слогъ долгій, они дали имъ протяженіе во времени. Народъ, следуя такту господствующей мысли, положимъ многосложной, пѣлъ смѣшанныя съ ними немногосложныя стопы подобно первымъ, т. е. протягалъ и сокращалъ слоги и не путался. Вотъ почему можно найдти въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ спондеи, естественно вытекающие изъ системы пѣсельнаго размѣра. Поставя два слога односложныхъ, ямба или хорей, тамъ, гдѣ слѣдовало стоять пеону или анапестопиррихию, наши слагатели пѣсень чрезъ то какъ указывали пѣвцу или читателю, что въ произношеніи должны они уравнивать количествомъ си двусложныя стопы съ трехсложными и другими многосложными стопами, подѣвъ которыхъ стоятъ.

«Народное Русское стихосложеніе сочилось по стопамъ особеннымъ, назову ихъ сложными: въ распредѣленіи ихъ слагатели пѣсень не держались ни какихъ теорій; вдохновение и чувство вели ихъ; напѣвъ, вѣрный имъ спутникъ, соразмѣрялъ слова по некоторому тайному закону: такъ образовались все наши стихотворные размѣры. Въ народномъ Русскомъ стихосложеніи рима дѣло постороннее; но попадаетъ такъ, что ей ни чѣмъ не жертвовали; она вытекала изъ созвучія языка сама собою и оканчивала полустипиша стиха или похояія стопы, не нарушая законовъ стихотворнаго размѣра. . . Народныя наши пѣсньи, по господствующимъ въ нихъ стопамъ бываютъ: 1—анапестическія чистыя и смѣшанныя, каковы: пеоническія, амфибрахическія; 2—дактилохорейческія одностопныя, двустопныя, трехстопныя, четырехстопныя, пятистопныя, шестистопныя—либическаго, хорейскаго, диктилическаго и трибрахискаго окончаній.»

Въ 1834 г. А. Г. Глаголевъ издалъ: «Умозрительныя и опытыя основанія словесности.» Въ трактатѣ — о средствахъ и способѣ отыскать средній языкъ Славянскій—говорить:

«Подъ именемъ лирической поэзіи разу-

нѣются однѣ народныя пѣсни, простое излияніе чувствъ, внушаемыхъ природою.

«Русскую народную поэзію можно раздѣлить на лирическую и повѣствовательную.

«Мѣра стиховъ нашей народной поэзіи тоническая, состоящая изъ повышенія и пониженія голоса и определяемая удареніями.

«Къ лирической поэзіи относятся такъ называемыя голосовыя и хороводныя пѣсни.

«Голосовыя пѣсни можно раздѣлить на лиро-эпическія и собственно лирическія.

«Лирическія пѣсни похожи иногда на романсы, иногда на элегию. Къ повѣствовательной поэзіи относятся: богатырскія повѣсти.

«Хороводныя пѣсни достопримѣчательны по красотамъ поэзіи и по своему содержанию, имѣющему характеръ древности. Хотя собственное предназначеніе хороводовъ въ продолженіи времени потеряно; однакожъ въ ихъ играхъ можно еще примѣтить слѣды праздниковъ Славянскихъ, и даже Латинскихъ и Греческихъ. Къ хороводнымъ пѣснямъ относятся также святочныя и свадебныя; первыя соединены съ гаданіями о будущемъ, а послѣднія отличаются трогательными чувствами и истинными красотами поэзіи.»

Таковы мнѣнія почтеннаго сочинителя книги, назначаемой для практическаго изученія юношества. Мы не входимъ въ разборъ ихъ; онѣ сами говорятъ о себѣ. Въ понятіяхъ о стихосложеніи Русскомъ мы встрѣтили одинаковыя съ Восточными и Дубенскимъ. Мы не понимаемъ значенія словъ: «голосовыя пѣсни», потому что ими не выражается ли одной мысли. Всякая пѣсня можетъ быть голосовою, если только ее поютъ. Несправедливо также понятіе: о раздѣленіи хороводныхъ пѣсенъ. Доселѣ нѣтъ ни какихъ доказательствъ на чужеземное происхожденіе нашихъ хороводовъ; а къ хороводнымъ никогда не при-

надлежали ни святочныя, ни свадебныя. Что онѣ совершаются въ одно и тоже время, то это еще не означаетъ принадлежності. На святкахъ бывають у православныхъ людей свадебныя пиры и поютъ пѣсни вмѣстѣ съ свадебными хороводными и святочными. Для отличія пѣсенъ—многаго не нужно; довольно только знать: мысль пѣсни, голосъ, составъ и употребленіе. Съ этими условіями назначеніе очевидно. Русскіе люди знаютъ сами какую пѣсню когда употребить. Выдумывать нечего: все готово; только нужно вѣрное наблюденіе. Основаніе такимъ положеніямъ г. Глаголевъ началъ еще въ 1818 году, въ своихъ отдѣльныхъ описаніяхъ: «о характерахъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ и о характерѣ Русскихъ застольныхъ и хороводныхъ пѣсенъ», помѣщенныхъ въ трудахъ общества Любителей Россійской Словесности Т. XI. стр. 53 и XIX. стр. 62.

Въ 1837 году г. Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Москвѣ: «взглядъ на старинную Русскую поэзію.» Сочинитель, отдавая полную справедливость нашей поэзіи, охуждая уваженіе и даже предпочтеніе къ чужеземнымъ, особливо Французской, говорить только о мысляхъ, о направленіи нашихъ пѣсенъ. Въ этомъ отношеніи его сочиненіе совершенно противоположно Востокову и Дубенскому. Г. Иванчинъ-Писаревъ вездѣ разсматриваетъ пѣсни съ эстетической стороны. Замѣтимъ одно, что онъ не придерживался ни чьей теоріи, за то очевидно и его собственной. Прочитавши всю его брошюру, нельзя дать точнаго отчета, потому что вся состоитъ изъ однихъ замѣтокъ. Вотъ его мнѣнія.

Въ Русскихъ пѣсняхъ, любовникъ, разлучаемый съ милою, долго смотритъ на нее, и твердитъ самъ себѣ: «наглядитесь мои очи про *запасъ!*»—и пусть улыбнутся въ нашихъ будуарахъ простотѣ этихъ словъ; ибо тамъ, выступивъ изъ простоты сердечнаго быта, не возвратились еще къ ней по эстетическимъ анализамъ.

«Гдѣ видимъ богатырство, удалство и силу болѣе соединенными съ великодушнымъ рыцарствомъ, съ нѣжнымъ вниманіемъ къ

полу, сильными лишь своими прелестями?— в древней Русской поэзии. Гдѣ отзываются тѣ звуки сердца, которые склоняютъ дѣву презрѣть и храбрость Добрынь, и силу Рохдаевъ и славу Гараальдовъ смѣлыхъ, прислушиваясь къ жалобамъ горемычнаго сиротенушки?— в древней Русской поэзии. Гдѣ все дышетъ какою-то атмосферою непорочности, и свиты первыя мечты сердца? гдѣ любовь и покорность къ родителямъ, скромность и въ чувствахъ самомъ страстномъ?— не въ отзывахъ ли, которыми оглашались наши терема! Въ это жили и въ пѣсняхъ дѣвическихъ бѣдъ и въ самыхъ играхъ.»

Вторая половина брошюры заключаетъ: «мысли и замѣчанія, относящіяся къ этому сочиненію.» Г. Иванчичъ-Писаревъ обращаетъ всю строгость свою на почитателей Французской литературы и предполагаетъ открывать ошечки.

«Уподобляя все горькое каливъ, все слад-

кое маливъ, пѣли: «Ой Дяди, калина, моя! Ой Ладо, малина моя!» Этотъ припевъ съ младенчества привыкъ я слышать у себя въ деревняхъ трехъ разныхъ губерній, въ уѣздахъ Серпуховскомъ, Каширскомъ и Мещовскомъ. Вотъ что рѣшило меня въ книгѣ: Отечественная Галлерей, Т. II, стр. 234, не согласиться съ историографомъ и другими, будто Дядя значило великій, а также и съ теми которые думали, что Дядя Ладо значило старый мужъ. Противъ послѣдняго заключенія предложу въ примѣръ два періода: первый—«мы просо съяли, о боги любви!» Здѣсь мы находимъ, какъ и у всѣхъ древнихъ, разрывъ стиха или фразы воззванемъ къ богамъ. Другой: «Мы просо съяли, о старый мужъ! съяли. Думаю, что послѣдній переводъ заставитъ лишь улыбнуться.»

Вотъ сужденія писателей о нашей народной поэзии. Мы не входимъ въ разборъ другихъ мнѣній, какъ всѣмъ известнымъ.

ПѢСНЬ

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

ИЗДАНІЯ.

Пѣснь о полку Игоревѣ открыта въ старинномъ сборникѣ графомъ Александремъ Ивановичемъ Мусинимъ-Пушкинымъ въ 1795 году. Кроме сего списка, старѣйшаго въ 1812 году, мы не знаемъ другихъ. Объ этомъ старинномъ открытій Мусинъ-Пушкинъ писалъ въ 1813 году, въ письмѣ къ К. О. Калайдвичу, что рукопись: «писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣгописи, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XI^в или къ началу XV^в вѣка. До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ Архьерейскій домъ, управленіе онымъ архіепископъ Юліанъ, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности, по уничтоженіи штата, остался оубъ въ томъ монастырѣ на общани до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случайно комиссiонеръ

мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хрониста, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревѣ. Во время службы моей въ С. Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и предложениемъ оныя пѣсни на вышній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было ее раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла: что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я, не бывъ предложениемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать

ошибки. По переезде же моемъ въ Москву, увидѣть я у **Θ. Малиновскаго**, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ неисправной перепискѣ, и по убедительному совету его и друга моего, **Н. Н. Б. Камевскаго**, рѣшился, обще съ ними, свѣрнугъ преложеніе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совета, что сѣлаовало, отдалъ въ печать» (Труды общ. Ист. и Др. ч. 2 стр. 35).

Въ 1797 году кто-то возвѣстилъ объ этой находкѣ въ **SPECTATEUR DU NORD** [Окт. стр. 35]: «два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: пѣсни Игоревыхъ войновъ, которую можно сравнять съ лучшими **Оссіановскими** поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ»

Шлецеръ до изданія пѣсни Игоревой сомнѣвался въ ея подлинности, но когда прочиталъ ее въ изданіи **Мусина-Пушкина**, признавался: «что это творение въ пѣтуческой прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь и болѣе не сомнѣваюсь» [Ист. Шлец т. I. стр. 384].

Въ 1800 году графъ **Мусинъ-Пушкинъ** издалъ въ Москвѣ это Слово подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Игровческая пѣснь о походѣ на **Половцовъ** удѣльнаго князя **Новгорода-Сверскаго Игоря Святославича**, писанная стариннымъ **Русскимъ** языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ преложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.» Издатель приложилъ къ ней: поколѣнную роспись **Россійскихъ** великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ; историческое содержаніе пѣсни; примѣчанія. Это изданіе текста было образцемъ для всѣхъ восьми изданій..

1-е изданіе было напечатано въ Москвѣ, въ 1800 г. въ **Сѣнатской** тип. въ 4, въ двѣ колоны; текстъ былъ отпечатанъ курсивомъ, а переводъ прямымъ шрифтомъ; примѣчанія помѣщены въ концѣ страницъ.

2-е изданіе напечаталъ **А. С. Шишковъ** въ I. ч. сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ **Россійскою Академіею** въ 1805 году,

въ Спб. Издатель присоединилъ особенно свой переводъ и примѣчанія.

3-е изданіе напечаталъ **Я. Пожарскій** въ Спб., въ 1819 г. въ 4. въ тип. департамента народнаго просвѣщенія, въ двѣ колоны, какъ первое изданіе. Въ концѣ книги было присоединено: Примѣчанія на преложеніе слова о полку **Игоря Святославича**, изданное **Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ** и примѣчанія **Александромъ Шишковымъ**.

4-е изданіе напечаталъ **Н. Грамматинъ** въ Москвѣ, вмѣстѣ съ переводомъ, въ прозѣ и стихахъ, въ 1823 году.

5-е изданіе было напечатано **А. С. Шишковымъ** въ его полномъ собраніи сочиненій, ч. XII, Спб. Спб. 1826 г., въ томъ самомъ видѣ, какъ мы означили выше.

6-е изданіе было напечатано **Н. А. Полевымъ** въ VI дополненіи къ третьему тому **Исторіи Русскаго народа**, въ 1830 году.

7-е изданіе напечаталъ **А. Θ. Вельтманъ** въ 1833 г., въ Москвѣ, вмѣстѣ съ прозаическимъ переводомъ, съ краткими въ концѣ примѣчаніями, въ 8.

8-е изданіе напечаталъ въ **Кіевѣ**, въ 1837 г., **М. Максимовичъ**, вмѣстѣ съ переводомъ на вывѣщенный **Русскій** языкъ, въ 12.

Изданія текста Слова о полку **Игоревомъ** были напечатаны различно. Съ изданія **Мусина-Пушкина** перепечатали точь въ точь: **А. С. Шишковъ**, **Я. Пожарскій**, **Н. Грамматинъ**, **Н. А. Полевой**. **Востоковъ** совѣтовалъ раздѣлить Слово на стихи, подобныя **Библейскимъ**, и этотъ совѣтъ мы встрѣчаемъ въ изданіи **Максимовича**, у котораго числами означены периоды. **А. Θ. Вельтманъ** раздѣлилъ Слово на периоды, совершенно въ другомъ видѣ, въ сравненіи съ раздѣленіемъ **Максимовича**.

Русскіе писатели, издавая текстъ Слова о полку **Игоревомъ**, объясняли его различ-

ными примѣчаніями, переводили, или, какъ говорили некоторые, перелагали на современный языкъ. Переводы эти были изданы въ прозѣ и стихахъ.

Прозаическіе переводы были изданы слѣдующими писателями.

1. Мусинъ-Пушкинъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малиновскимъ и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1800 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

2. А. С. Шишковъ издалъ свой переводъ, въ сочиненіяхъ издаваемыхъ Россійскою Академіею, въ 1805 г., а потомъ вторично перепечаталъ въ 1826 г., въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, ч. VII.

3. Я. Пожарскій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1819 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

4. Н. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

5. А. Ѳ. Вельтманъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1833 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

6. М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ Киевѣ, въ 1837 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

Переводы въ стихахъ были изданы слѣдующими писателями:

1. Свѣжковъ издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1803 году.

2. Палицынъ издалъ свой переводъ въ Харьковѣ, въ 1808 году.

3. Языцкій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1812 году.

4. Левитскій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1813 году.

5. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ и прозаическимъ переводомъ.

Какъ переводили наши писатели Пѣснь о полку Игоревомъ, мы приводимъ для сличенія ихъ переводы.

Переводъ Мусина-Пушкина:

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискоренную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то воснялся мыслию по деревьямъ, стрѣмъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подѣ облаками.

Переводъ А. С. Шишкова:

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствованія подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велеречивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслию по древамъ, стрѣмъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подѣ облаки.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича! Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслию по древу, стрѣмъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подѣ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря—Игорь-Святславича?

Былое воспѣть, а не вымысль, Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки, по древу:

Какъ стрѣмъ волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесье парилъ.

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами сворныхъ повѣстей

ПѢСНЬ ОПОЛЧЕНІЮ ИГОРЯ, ИГОРЯ СВЯТОСЛАВНА!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Бояному замыслу.

Боянь вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землі, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Левитскаго:

Намъ приятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ—слогомъ жалобнымъ
О походѣ славна Игоря,
Не веселую—печальную!
Мы начнемъ ее, какъ слышали,
Не по замысламъ Бояновымъ.
Намъ известно, что Боянь вѣщецъ
Прославлять когда хотѣлъ его,
То посылалъ всюду мыслію:
По деревьямъ легкой птицею,
Черезъ холмы будто сѣрой волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣти ли, любезны, мнѣ братья,
Мірой древней заунывной не воспѣти ли
О походѣ на Половцовъ Князя Игоря,
О походѣ неудачномъ Святославича?
Повѣсть, жалости достойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою.
Пѣснь когда хотѣлъ творити сладку пѣснь Боянь
Онъ по древу растекался: сѣрой мыслію,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землі,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Есть еще новый переводъ пѣсни М. Де-ла Рю: *пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова*, изданный въ Одессѣ, въ 1839 г. Новый переводъ сдѣланъ текзаметрами.

Слово о полку Игоревомъ обратило на себя вниманіе чужеземцевъ. Его перевели: на Нѣмецкій — Юнгманъ, въ 1810 г., и Мюллеръ; на Польскій — Куприанъ Годевскій; на Богемскій — Вацлавъ Гацка, который одно предисловіе написалъ на четырехъ языкахъ: Богемскомъ, Сервскомъ, Польскомъ и Русскомъ; есть еще переводъ Французскій. Изъ всѣхъ этихъ переводовъ заслуживаетъ вниманіе только одинъ — Вацлава Гацки.

Т. I. Ч. I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ КРИТИКОВЪ.

Съ первыхъ дней изданія возникли споры въ защиту и уничтоженіе Пѣсни о полку Игоревомъ. Объясняли, переводили, спорили, а Пѣснь доселѣ остается неразгаданною. Мы не можемъ назвать этихъ споровъ даже полемикою; они такъ мѣлочны и ничтожны, что въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго доказательства, ни одного умнаго взгляда на это древнее произведеніе народной Русской поэзіи. Обращаемъ вниманіе на главныя причины, произведшія въ недоразумѣніа.

Съ перваго извѣстія объ открытіи Слова возмущено было, что это что-то такое, что походить на Оссіановское. Припомните, что это было объявлено въ 1797 году, когда Слово не было издано, когда кроме Мусина-Пушкина, никто его еще не видалъ. Это было первое сомнѣніе, гдѣ мнимое сходство повлекло за собою толки, недостойныя критики. Съ начала говорили, что это есть новѣйшая выдумка — и это мнѣніе, умолкнувшее съ 1803 года, признаніемъ Шлецера, возобновилось опять, когда изыскатели вздумали не вѣрять нашей исторіи.

Второе сомнѣніе родилось изъ самого Слова: критики не знали — что это за языкъ, или, что это за нарѣчіе, на которомъ писано Слово? Здѣсь мы должны искать источникъ всѣхъ филологическихъ ошибокъ, превратныхъ понятій. Въ слѣдствіе этого, мы должны были встрѣчать въ каждомъ мнѣніи несообразности всякаго рода. Могутъ ли быть вѣрными всѣ изысканія, когда критикъ не понимаетъ главной мысли, той основной идеи, о чемъ онъ говоритъ? Можно ли было ожидать чего либо дѣльнаго, когда есть изысканія *начинались* и *оканчивались невѣдніемъ*.

Третье сомнѣніе составилось по необходимости изъ тогдашней Палеографіи. Издатель Пѣсни, Мусинъ-Пушкинъ, не извѣстилъ при выходѣ его: на чемъ писана? Когда? Какіе признаки древности? Какія были приняты правила для изданія ея?

Сохранены ли черты рукописного правописания при печатании? Припомним, что Слово было открыто в 1795 году, напечатано в 1800 г., рукопись сгорела в 1812, а письмо Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу о палеографических признаках рукописи, писанное в 1813 году, напечатано было в 1824 г. в 2 ч. в трудах общества Историк и Древностей Российских. Эта неизвестность была причиною, что многие сомневались в подлинности. Заметьте однако, что рукопись до сгорания не была тайною: ее видели: П. Н. Б. Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Ермолаев, Н. М. Карамзин, Р. Ф. Тимковский и Болтин. Вот сколько было свидетелей! Но, что же они нам сказали? Ермолаев говорил, что рукопись писана полууставом XV века; Калайдович почерк ее признавал Белорусским, не восходящим далее XVI века. Почерк Белорусский и полуустав — представляют совершенно разные понятия о рукописи. Мусин-Пушкин писал: «подлинник писан довольно ясным характером; разобрать его весьма трудно; есть ни правописания, ни раздвения слов, ни строчных знаков; по почерку письма и бумаге должно отнести переписку к концу XIV или к началу XV века.» Это третье свидетельство противоречит двум первым. В следствие этих недоразумений открылись новые сомнения между отвергающими древность Русской Истории.

Четвертое сомнение произошло от незнания Русского языка нашими предками. У всех тогда пред глазами был один Славяно-церковный язык, и по нем изъяснили все памятники. Правда, что старая Русская литература доселе еще не приведена в известность, не смотря на тысячи фолиантов рукописей; но не смотря на это, разные памятники указывали ясно, что они такое. Видели отличие рассказа в летописях, сказаниях, но не хотели отделить все эти разности: все сосредоточивалось в одну мысль: в общий Славяно-церковный язык. Народный язык, которого следы остались в летописях, дипломатических актах и писмах, как будто для тогдашних критиков не существовал. В Письме о полку Игоревом они не нахо-

дили Славяно-церковного языка, не понимали, что это за язык, забывая решительно народный общий разговор. Наши доморощенные скептики умели воспользоваться только этим сомнением; но не знали также отличия языка народного и книжного; а иначе они должны были высказать нам все, что есть резкого, замечательного в подложности. Сдѣлать этого не могли: мир не создал для них сомнений ложных доказательств.

Пятое сомнение, весьма важное для тогдашних критиков, явилось из смешных понятий о нашей народности. Неумышленное указание неизвестного в 1797 году на сходство Пьсны с пьснями Оссана — доставило критиком обширное поле деятельности. Пошли писать о сравнении, находили чужеземныя красоты, и сочинителя Слова поставили выше всех в свете. Для знакомых с Оссаном ничего говорить о сходстве; они знают, что пьсни Оссана столько же походят на наше Слово, сколько араб на благо Европейца. Впрочем скептики не могли воспользоваться этим сомнением. Они, чуждые всех сравнений, искали других средств убить Слово, и поражение их отражалось на других сомнениях. Защитники доискивались причин подлинности в красотах нашей поэзии; но какія тогда существовали понятия об этом? Мы знаем, как смотрело тогда наше старое поколение, воспитанное по чужеземным курсам, на народную поэзию — как указывали Братте, Лагарь и другие. Слово о полку Игоревом не подходило ни под один из этих курсов. Простая, без вычурных украшений, выказанная народным гением, наша поэзия создавалась столетиями, росла вместе с народом и увяла вместе с Русскою самобытною. Где еще курс нашей народной литературы? Об этом ни подумало еще ни старое, ни новое поколение. Может быть, одно только потомство будет в состоянии отделить все черты нашей народности для нас недоступныя; оно одно укажет, что мы могли сдѣлать для своего времени, и чего не могли.

Приступаем теперь къ обозрѣнію всех критических изслѣдованій Пьсны о полку Игоревомъ. Здѣсь мы увидимъ все, что су-

цели сдѣлать Русскіе писатели въ продолженіе сорока лѣтъ для оцѣнки одного изъ удивительныхъ памятниковъ нашей старейшей поэзии.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ къ своему изданію присовокупилъ вмѣсто предисловія — историческое содержаніе пѣсни, гдѣ мы прочитали на стр. 6: «Любители Россійской словесности согласятся, что въ семь оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣвъ духъ Оссіановъ; славдательно и наши древніе герои имѣли своихъ Бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу.» Въ этихъ словахъ изыскатели высказали весь понятія, принадлежавшія ихъ вѣку. Примѣчанія издателей состояли изъ историческихъ замѣтокъ. По преданію известно, что составленіемъ этихъ примѣчаній занимался известный тогдашній критикъ Болтинъ. Въ числѣ ихъ находятся и филологическія изслѣдованія. На примѣръ: «*Буй* значить дикій, а *туръ* воля. И такъ Буйгуромъ, или буйволомъ называется здѣсь Всеволодъ, въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. Впрочемъ, что изъ сихъ словъ составилось потомъ названіе: богатыря, ибо другаго произведенія оному слово до сихъ поръ не найдено. — *Сребрено стружје* — воинскіе почестные доспѣхи. — *Крѣсити* — ясное здѣсь названіе глагола крещу доказываетъ, что слово: воскресеніе точно отъ того происходитъ. — *Стаза* — Малороссійское названіе жагда. — *Болонь* значить порожекъ странства между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгона скота, для огородовъ. — *Тага* — уповательно тоже, что и Кошчакъ князь Половецкій. Шершеры — неизвѣстный нынѣ воинскій снарядъ. *Гоголь* — красивая утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отменно предъ прочими прыгаетъ. *Стрикусъ* — стѣновитное орудіе, родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго. *Изъ луку моря* — объяснено только лука кривизна, излучина. Мы выписывали все филологическія примѣчанія, чтобы показать образъ воззрѣнія изыскателей. Всего только они нашли замѣчательнаго 9 словъ; но только ли тамъ есть?

Недостатки этого изданія заключаются въ слѣдующемъ: нѣтъ палеографическихъ

извѣстій; нѣтъ снимка съ рукописи; не показано, точно ли то соблюдено правописаніе въ печатаніи, какое находилось въ рукописи; не означено: къ какому времени должно отнести произведеніе самого Слова; не раскрыты причины достовѣрности Слова въ отношеніи языка; невѣрность перевода съ самаго текста. Достоинство этого изданія заключается единственно въ изданіи текста Слова о полку Игоревомъ. Жаль очень, что издатели не успѣли напечатать другихъ пѣснь, помѣщенныхъ въ этомъ же сборникѣ, какъ-то: «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ челоувѣкъ о брѣзости, и о силѣ, и о храбрости. — Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгвевъ, и о всѣхъщени Стратиговщѣ.» Въ печатаніи этихъ пѣснь мы бы узнали образъ правописанія, и, можетъ быть, даже открылись бы варианты словъ. Такъ Н. М. Карамзинъ въ своей исторіи указываетъ намъ на списокъ свадьбы Девгвевой (см. И. Г. Р. т. 2, пр. 333, и т. 3, пр. 282).

Самое переложеніе или переводъ имѣетъ ощутительные недостатки. Такъ: «*Наведе* своя храбрыя плѣкы на землю Половецкую, на землю Русскую. — вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенія за землю Русскую.» Здѣсь издатели прибавили отъ себя слова: для отмщенія. Или: «Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступни, искусити *Дону* великаго. — *Пришло* князю на мысль пренебечь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на *Дону* Великомъ.» Это не переводъ, но собственное умствованіе. Или: «свѣсть звѣрнѣ въ стасви. — *Ревуть* звѣри стадамъ.» Слово: *стаза* не значить стадо, а пастбище, лугъ, гдѣ пасется скотъ.

А. С. Шишковъ въ 1805 г. напечаталъ вторично изданіе Мусина-Пушкина, съ прибавленіемъ примѣчаній и своего и новаго перевода. Въ примѣчаніяхъ А. С. Шишковъ показывалъ недостатки перевода Мусина-Пушкина, указывалъ на красоты изложенія самого Слова. Переводъ сдѣланъ былъ имъ съ новымъ взглядомъ на текстъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: «Изъ вышепредложенныхъ на сію пѣснь примѣчаній моихъ видѣли мы, что нѣкоторые въ ней

мѣста, или по древности слога или по известности упоминаемыхъ приключеній, или по ошибкамъ отъ переписокъ вкравшимся, во вся невразумительны; другія же такъ кратки, что для связи своей съ послѣдующими, требуютъ распространеній, вводимыхъ рѣчей, присовокупленій. Точное предложение сей пѣсни съ древняго Славянскаго на употребительное нынѣ нарѣчіе, при своей вѣрности, всегда будетъ столь же темно, какъ и самый подлинникъ. Сего ради разсудилось мнѣ предложить, или паче передѣлать оную такимъ образомъ, чтобъ оставая вся красоты подлинника безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста сократить или пропустить; прочія же, требующія распространенія, дополнить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умствованіями. Снимъ средствомъ пѣсня сія отъ начала до конца сдѣлается ясною, и я надѣюсь, что сколь бы ни были собственныя мои распространенія и присовокупленія славы, но сплетенныя съ сильными выраженіями и красотою подлинника, нѣчто приятное онѣ составятъ для чтенія.» Эти слова такъ ясны, что ихъ не для чего объяснять. Переводъ А. С. Шишкова есть просто—вольный переводъ—какъ тогда называли на Русн. Съ полнымъ уваженіемъ къ трудамъ нашего знаменитаго ветерана-писателя мы упоминали о его переводѣ и не почитаемъ за ошибочное мнѣніе принятый имъ способъ для перевода. Онъ въ свое время былъ прекрасенъ и необходимъ.

Г. Пожарскій напечаталъ въ 1819 году свой переводъ вмѣстѣ съ примѣчаніями на переводѣ графа Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова. Направленіе Пожарскаго въ объясненіи Слова было совершенно другое; онъ разгадывалъ темныя мѣста Слова по выраженіямъ Польскихъ писателей. Малѣйшее созвучіе въ словъ Польскомъ онъ принималъ за объясненіе. А. С. Шишковъ, недовольный его замѣчаніями, напечаталъ свои примѣчанія въ Русскомъ Инвалидѣ № № 157, 158, 159, 160, 161—въ 1819 г., гдѣ доказывалъ неосновательность возраженій Пожарскаго. Любопытные могутъ прочитать возраженія А. С. Шишкова въ полномъ собраніи его сочиненій, т. XI, стр. 382.

Какую пользу принесъ новый переводъ г. Пожарскаго. Объяснилось ли Слово о полку Игоревомъ указаніями на Польскія слова? Нимало! Слово осталось по прежнему, также неразгаданнымъ при всѣхъ новыхъ воззрѣніяхъ. Изъ всѣхъ изысканій г. Пожарскаго оказалось одно только достовернымъ: «каіють князя Игоря — жалѣють князя Игоря.» У Мусина-Пушкина были переведены эти слова такъ: «осуждаютъ князя Игоря;» у А. С. Шишкова: «но вопреки тому хулятъ, осуждаютъ князя Игоря.» А. С. Шишковъ призналъ переводъ этихъ словъ г. Пожарскаго справедливымъ. Вотъ несообразности, замѣтныя въ переводѣ г. Пожарскаго. Въ подлинникѣ: «истягну умъ крѣпостию своею»—въ переводѣ: «препоясаль умъ крѣпостию.» Вѣрно ли понять смыслъ словъ? Пожарскій вѣрность доказываетъ словами священнаго писанія: «и рука Господня бысть на Или, и стягне чресла своя.» Обратите вниманіе на слова: умъ и чресла—одно ли и тоже они значать? У насъ препоясываютъ мечъ къ чресламъ, опоясываютъ чресла кушакомъ, поясомъ; но кто опоясываетъ умъ? кажется, этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ. Или: хочу во, рече, копие приложити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русичи, хочу главу свою приложити, а любу испити шлемомъ Дову» — переведено: «Хочу, возопилъ онъ, копье приложить концемъ поля Половецкаго съ вами, Россичи, хочу главу свою приложити или напиться шлемомъ Дову.» Здѣсь переводъ вышелъ темнѣе подлинника. Или: «свѣсть звѣрнѣ въ стазви» — переведено: «звѣри воютъ по дорогамъ.» Здѣсь слово стазба — пастышце — отратилось въ дорогу.

Г. Грамматинъ напечаталъ въ Москвѣ, въ 1823 году, свой переводъ въ прозѣ и стихахъ. Его воззрѣніе на Слово видимо тогда отличалось отъ всѣхъ другихъ своею новостію. Онъ советовалъ привести въ единство правописаніе подлинника; думалъ, что для перевода самого Слова необходимо нужно употреблять сказочный размѣръ. То и другое мнѣніе онъ старался осуществить самыми дѣлами. Никто тогда изъ современныхъ критиковъ не обратилъ вниманія на это воззрѣніе; никто не сказалъ тогда о достоверности этой идеи. Журнальныя рецензіи, почти тогда несуществовавши,

провозглашали только о неправильном размещении точек и запятых, и съ ужасомъ смотрѣли на всякое нововведение. За идеалъ сказочнаго размера г. Грамматинъ принялъ стихотворение Карамзина — Илья Муромецъ — и въ этомъ состояла вся его ошибка. Жаль, что онъ не обратился къ народнымъ сказкамъ; онъ бы узналъ тогда, что наша народность имѣетъ совершенно другія стихии. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, усилія г. Грамматина заслуживаютъ вниманіе археологовъ; онъ первый высказалъ, что правописаніе должно привести въ единство, и его софеты были исполнены г. Максимовичемъ; онъ первый въ своихъ примѣчаніяхъ показалъ, что надобно каждое слово преслѣдовать критически, хотя этого самъ не могъ выполнить. Кромѣ полнаго изданія переводовъ Грамматина, онъ напечаталъ свое критическое разсужденіе въ Вѣстникѣ Европы 1822 года, № 18, стр. 113. Въ этомъ разсужденіи онъ писалъ: «Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, и потому не могъ свиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское, отъ этого вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь Славянскаго языка съ Русскимъ, которою писано Слово о полку Игоревомъ. Что Слово о полку Игоревомъ писано прозою, сіе не помѣшало бы назвать его эпическою поэмою, стихи съ римами или безъ римовъ, суть одна форма поэзіи; а душа ея, или сущность — мысли, выраженныя языкомъ фигуръ, но слѣдя общему употребленію, я назову его не эпическою, а историческою поэмою... Мы не знаемъ, кто таковъ пѣвецъ Игоря; видно только, что онъ былъ современникъ и патриотъ, что къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его отечества, познаніе, предпочтительнѣйшее всякой учености, даже въ писателѣ. Съ достовѣрностію можно сказать, что онъ не былъ какой нибудь презрѣнной домохвѣдъ или неизвѣстный простолюдинъ. Можетъ быть, украшалъ его высокій санъ воюрства и онъ бывалъ мирнымъ посломъ при княжескихъ дворахъ, или почтенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигъ копие брани на защиту воюемаго отечества... Еще первые издатели замѣтили, что въ немъ видѣнъ, духъ Оссіана; но въ

чемъ этотъ духъ или сходство, не сказали. Барды Каледовскій и Славенскій сходны между собою въ простотѣ, возвышенности, силѣ, краткости и живости слога, т. е. что оный чрезвычайно обилень смѣлыми и неискусными фигурами — отличительный признакъ первобытной поэзіи у всѣхъ народовъ, когда самая грубость и бедность языка сему способствуютъ.» Вотъ основныя пункты его о самомъ Словѣ и народной поэзіи.

А. Ф. Вельтманъ напечаталъ свой переводъ въ Москвѣ въ 1833 г. Мы обращаемъ вниманіе на его предисловіе, гдѣ онъ на вопросъ, предложенный Обществомъ Любителей Россійской Словесности: на какомъ языкѣ писано Слово о полку Игоревомъ? на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій? — отвѣчалъ: «на языкѣ, собственно пѣвцу принадлежащемъ; на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта; на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которую были исполнена его душа.... Предполагать, не доврять, что слово о полку Игоревъ писано въ XII столѣтіи, во время его жизни, значить не вѣрить всему прошедшему.... Что пѣснь Игорю писалъ современникъ его, это слишкомъ убѣдительно. Не современный пѣвецъ не обратилъ бы вниманіе на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его, могъ принадлежать только тому, кто зналъ Игоря лично, а не по преданіямъ, кто любилъ его. И сверхъ того, видимыя несогласія съ летописцами, совсѣмъ другой взглядъ на дѣла Князей и на положеніе Россіи того времени, твердая, тонкая рѣчь, ручающія за современность пѣвца съ событіями.» И эти мнѣнія ни мало не разрѣшили вопроса. Не можетъ быть, чтобы Слово было написано на соединеннѣй всѣхъ нарѣчій Славянскихъ: этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Гдѣ слова Сербскія? Гдѣ Виндійскія? Гдѣ Кроатскія? Гдѣ Хорватскія? Развѣ ссылки г. Вельтмана на Сербское слово — кметы, на Богемское — вале указываютъ, что Слово писано этими на-

рѣчи. Ни мало. Мы обращаемъ внимание читателей на прекрасную рецензию Н. А. Полеваго, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 419, при выходѣ въ свѣтъ перевода Вельтмана, гдѣ помѣщены довольно замѣчательныя сужденія объ этомъ переводѣ. Кромѣ самаго перевода, г. Вельтманъ въ концѣ присоединилъ: «примѣчавія и толкованія къ переводу Слово о полку Игоревѣ.» Здѣсь мы прочитали; что слово *туга* — значитъ судорога, корча, вѣсто прямаго значенія скорѣе, печаль, и когда самое слово ясно указывало, что оно происходитъ отъ глагола тужить. Или: *подъпрся о кони* — переведено: вперся въ предѣлы — въ границы свои. Слово *повелѣя*, которое Карамзинъ принималъ за *обиску* и читалъ: по сѣчѣ я, изъяснены словомъ валя и подкреплено ссылкой на древне-Богемское слово валя — гдѣ мы читаемъ совершенно иначе: *VALENO DEN, VALENO DEN WTERI* — вьются день, вьются другой [См. Краевдор. рукоп. изданіе Вацл. Ганки.]. Слово шестокрильци — переведено — Архангелы. *Бологъ* — переведено холмъ. Слова: *та преди пѣсь полше* переведено — предпѣсны, запѣвъ. Племена, окружавшія Черныговъ: *Были, могуты, Татраны*, — отвесены къ Финнамъ и Моравѣ совершенно несправедливо.

Что же касается до самаго перевода, то онъ, взятый отдѣльно, выполненъ прекрасно; но слѣдая его съ подлинникомъ, мы видимъ рѣзкія отступленія, и чувствуемъ, что это бесспорно съ нами А. Ф. Вельтманъ, а не Иванъ Игоя. Такъ слова: «начати же ся тѣхъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню; Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы» — переведены: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояня, котораго *мысли текли въ озимю, такъ какъ соки по древу; какъ сѣрыя вѣлки летѣли по пространству*; и сѣрымъ орломъ въ подлѣсныхъ *тирли*. Или: «начати старыми словесы трудныхъ повѣстий — воспѣть древнихъ лѣдомъ *высокихъ сказаний*.» Или: «пѣснь стовущи ему грозою птичь убуди — не бо

время полногъ... и стонетъ гроза... и птицы проснулись. Есть мѣста, выражены прекрасно: «Жены Русскія въплакашася аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію смыслити, ни думою судамати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.» — «И Русскія жены восплакали горько; о милыхъ намъ другяхъ не мыслію не мыслитъ, ни думой не думать, а бзоромъ ихъ памѣ неокпнуть, а златомъ и серебромъ намъ не бречать ужъ!» Пѣснь Ярославны, отвѣтъ Святослава выражены вполне, отчетливо.

А. Ф. Вельтманъ раздѣлилъ свой переводъ на періоды, и проза его вышла метрною; поэтическою рѣчью. Самый текстъ оставленъ безъ всякаго измѣненія.

М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ 1837 году, называя его «краткое, корректурное изданіе текста съ переводомъ.» Слѣдовательно, и мы на это изданіе должны смотрѣть съ этой точки зрѣнія, и ожидать общаго «полнаго изданія, съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ.» Текстъ самой Пѣсни г. Максимовичъ раздѣлилъ на XIV главъ, каждая глава раздѣлена на періоды, каждый періодъ отиъченъ цифрами. Самое правописание измѣнено, въ приближеніи къ подлиннику. Слѣдовательно совѣты гг. Востокова и Грамматина выполнены въ изданіи г. Максимовича, съ тою только равницею, что онъ слѣдовалъ своимъ понятіямъ. Въ самомъ переводѣ всякое отступленіе онъ отмѣчалъ особеннымъ шрифтомъ, переводилъ буквально, съ вѣрнымъ приближеніемъ къ подлиннику. Для примѣра мы выписываемъ два мѣста. Въ подлинникѣ: «помяшетъ бо рѣчь прѣвыхъ временъ усобицъ; тогда пуцаиетъ десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь полше.» Переведено: «какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ онъ усобицъ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедѣ падетъ, та лебедѣ первая и пѣснь запѣетъ.» Въ подлинникѣ: «Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заворолѣ, аркучи: о Днѣпрѣ словудицю! тѣхъ провѣдѣ еси каменныя го-

ры сквозь землю Половецкую, ты летяла еси на себя Святослави носады до пьлку Коякова; взлетай господине, мою ляду къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» Переведено: «Ярославна рано плачеть въ Путнвалъ городъ на оградѣ, говоря: о Дитьрь сынъ славы! Ты пробилъ каменные горы сквозь землю Половецкую; ты летяла на себя ляди Святославовы до войска Коякова: взлетай же, господинъ мой, ко мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.» Здесь мы видимъ невольныя отступления: слово — *словутитъ* — переведено — *сыць славы*; *рано* съ каждымъ утромъ. Намъ кажется, что самое раздѣленіе текста на главы не вездѣ отмѣчено вѣрно. Описание битвы раздѣлено на двѣ главы, тогда какъ это составляетъ одинъ нераздѣльный предметъ. Въ 11 главѣ, по его раздѣленію, вставленъ періодъ, который по изданію Мусина-Пушкина находился въ концѣ — *Рекъ Болнъ и ходы*, и проч. Если же г. Максимовичъ полагалъ необходимыми соединить этотъ вставокъ послѣ словъ, приписываемыхъ пѣвцомъ Игоря Болну, то куда же должно будетъ помѣстить и другія вставки съ именемъ Болна? Тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославѣ. Разница большая. Очень легко можно замѣтить, что въ Словѣ есть нѣсколько пропусковъ, ошибокъ въ перепискѣ, слияній двухъ словъ въ одно, сокращеній самыхъ словъ; и все это возстановить есть возможность; но какъ отгадать пропуски? Мы думаемъ, что послѣ словъ: Рекъ Болнъ и ходы — находится въ самомъ текстѣ пропускъ, и что переносить этотъ періодъ нѣтъ никакой надобности.

Въ измѣненіи самаго правописанія г. Максимовичъ, какъ видно, старался и приблизиться къ южному выговору словъ. Онъ пишетъ вмѣсто ѣ — ѣ. Такъ: прѣсты — прѣсты; прѣрвухъ — прѣрвухъ; умь — умь. Или вмѣсто: а — я: сіа — сіа, трупіа — трупіа, вопіа — копіа, зараніа — зараніа. Неравномерность въ правописаніи замѣтна повсюду, особенно смяшеніе двухъ словъ въ одно: *Небылонъ, аркуги*. Здѣсь небылонъ должно, кажется, читать такъ: не было нѣ; аркучи читать: а ркучи, признавая его за сокра-

щенное слово — ркучи. Г. Максимовичъ оставилъ слитыя слова безъ раздѣленія. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили, что г. Максимовичъ послѣдовалъ совету г. Буткова признавать въ выраженіи: «Уже не шеломянемъ еся» — частицу *не* вмѣсто *за*. Это такъ и должно быть. Въ выраженіи: «*по вель я*» — г. Максимовичъ послѣдовалъ чтенію А. О. Вельтмана, который въ словѣ *вель* букву *e* считалъ ошибкою писца вмѣсто *a*, и читалъ *валъ*.

Обращаемся теперь къ Археологическимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь мы увидимъ успѣхи исторической критики въ продолженіе тридцати шести лѣтъ, успѣхи, ознаменовавшие собою наше участіе въ кругу Европейскихъ познаній въ XIX вѣкѣ.

Общее участіе въ первомъ изданіи Пѣснъ Литераторовъ Мусина-Пушкина, Бантышъ-Каменскаго, Малюновскаго, Болтина составляетъ начало археологическихъ изслѣдованій. Все они полагали, что Слово о полку Игоревомъ писано «стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія.» Такъ было поставлено ими на заглавномъ листѣ; мнѣній же своихъ, подтвержденныхъ очевидными доказательствами, они не передали намъ. Вотъ ихъ понятія о другіхъ предметахъ: «Болнъ. Такъ назывался славявщій въ древности стихотворецъ Русскій, который служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ, въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его, явствуетъ, что Болнъ воспѣвалъ всегда важныя происшествія и пѣлъ оныя мысли свои возвышенно. Прп Рюрикѣ иль Святославѣ гремяла лира его, ни почему узнать нельзя; ибо не осталось намъ отрывка, прежде Великаго Князя Владимира Святославича писаннаго. Отъ времени же его дошла до насъ между прочими народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, каждаго слога въ стихотворствѣ называемое.» Житіе Болна возбудили критики слишкомъ отдаленно, безъ всякаго основанія; онъ жилъ, по словамъ пѣвца Игорева, во времена Олега Черниговскаго и Всеслава Полоцкаго. Вотъ доказательства: «Пѣти было пѣсь Игореву, того Олга внуку.» Эти слова поставлены

въ подлинникъ предъ обращеніемъ пѣвца Игоревъ къ Бояну. Игорь былъ внукъ Олега Святославича, Князя Тмутороканскаго и Муромскаго, скончавшагося въ 1096 году. «Всеславъ князь людемъ судяше... Тому вѣщій Боянъ и прѣвое припѣвку смысловый рече.» Этотъ Всеславъ Брячиславичъ былъ тотъ самый, котораго разбили на Невмѣнъ князья, который ограбилъ Новгородъ, княжилъ въ Полоцкѣ и умеръ въ 1101 году. Мы не знаемъ (да кто и знаетъ?) ни одной пѣсни Бояна, а критики увѣряютъ, что пѣсня Бояна существуетъ отъ временъ Владимира Святославича, и въ доказательство приводятъ самую пѣсню, которую мы читали въ сборникъ Демидова, Древнія Русскія стихотворенія. Критики сами писали въ примѣчаніи, на стр. 37: «Здѣсь ясно открывается, что Боянъ пѣлъ о Князѣ Всеславѣ», и въ то же самое время увѣряютъ, что Боянъ воспѣвалъ Владимира, умершаго въ 1015 году. Таковы были критически изслѣдованія первыхъ издателей.

Критическія изслѣдованія А. С. Шишкова начинались возраженіями противъ первыхъ издателей. Переводъ Мусина-Пушкина съ товарищами казался ему неполнымъ, невѣрнымъ, сбивчивымъ. Эти разборы назывались тогда эстетическими, гдѣ преслѣдовалось всякое слово, всякое выраженіе, замѣчались неправильныя обороты въ цѣломъ періодѣ. Для образца мы выпишемъ разборъ А. С. Шишкова.

«Не льпо ли ны вѣшеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пѣвцу Игоревѣ, Игоря Святославича. Въ предложениіи сказано: приятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискоренную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова. Здѣсь мысль, заключающаяся въ подлинникѣ, кажется, весьма различествуетъ отъ мысли, заключающейся въ предложениіи. Слово не льпо ли—ви мало не означаетъ понятія о приятности, и подѣ словомъ трудность отнюдь не разумется прискорбье. Отъ сего происходитъ, что рѣчь: приятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискоренную повѣсть о походѣ Игоря, содержитъ въ себѣ некоторую невѣроятность чувствованій; ибо, какъ можетъ быть приятно прискоренность повѣствовать о разбитіи предковъ нашихъ? Итакъ, если мы

подѣ словомъ: не льпо ли ны вѣшеть, разумѣть будемъ: прилично, пристойно намъ будетъ; а подѣ словами трудныхъ повѣстей сокращенное выраженіе повѣствованія о многотрудныхъ подвигахъ, тогда мысль выдетъ слѣдующая: не пристойно намъ будетъ, братіе, начать повѣствованіе наше о походѣ Игоря, тѣмъ слогомъ, какими въ древнія времена описывались многотрудныя подвиги... Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стада бѣжатъ къ Дону Великому.—Уподобленіе сие имѣеть въ себѣ нечто старинное: смѣшно бы было въ похвалу воиновъ сказать: не соколовъ сюда занесло, галки слетаются! Но сочинитель не сравниваетъ здѣсь свойствъ сихъ двухъ родовъ птицъ, а дѣлаетъ токмо подобіе между многочисленіемъ тѣхъ и другихъ, такъ какъ бы сказалъ: число воиновъ не подобно было малому числу занесенныхъ издали бурею соколовъ, но уподоблялось великому стаду галокъ; ибо сии послѣднія птицы дѣйствительно летаютъ всегда вмѣстѣ и часто составляютъ превеликое стадо (См. Собран. соч. и пер. А. С. Шишкова, ч. 7. стр. 38. 48.).

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ А. С. Шишкова замѣтно было особенное направленіе къ грамматическимъ формамъ; но въ изслѣдованіи Слова это направленіе болѣе всего высказывается. Русскіе глаголы занимали нашего ветерана болѣе всего, а на отысканіе ихъ корней посвящены были многіе годы. Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный трудъ намъ извѣстенъ не вполне.

Вотъ глагольныя изслѣдованія А. С. Шишкова: «Подѣ словомъ *распуцети* можно разумѣть двоякое: во первыхъ растянуты, во вторыхъ выпущены на волю... Глаголь *пасети* часто въ старинныхъ книгахъ значить питаеть. *Убуди* должно произволить отъ глагола убывать. Слово *тутнпль* долженствуетъ происходить отъ слова тутъ, слѣдовательно то же самое значить, что и глаголь туетъ, то есть тучнеть.

На раздѣленіе слитыхъ словъ А. С. Шишковъ также обращалъ вниманіе. Слова *небылонъ*, *тужа илтса* онъ читаетъ первое такъ: не было оно, а второе: мужайтса, полагая, что въ словѣ имѣся буква

и поставлена по ошибкѣ вмѣсто т. Г. Малксимовичъ воспользовался этимъ замѣчаніемъ, но напечаталъ въ текстѣ вмѣсто мужа имѣся—мужаймѣся. Въ выраженіи: «а не сороки вѣтроскоташа,» А. С. Шишковъ полагаетъ, что въ словѣ *а* не пропущена буква *ж*, и читаетъ такъ: «ажне сороки.»

Исследования К. Ф. Калайдовича представлены были въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, по случаю предложеннаго вопроса: «на какомъ языкѣ писана пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій?» Основные понятія К. Ф. Калайдовича заключались въ слѣдующемъ: «Пѣснь Игорева писана нарѣчіемъ сходнымъ съ Библейскимъ и лѣтописями. Слога пѣсни Игоревой тщетно будемъ отыскивать въ известныхъ языкахъ Славянскихъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчій. Словосочиненіе пѣсни, въ некоторыхъ мѣстахъ совершенно расположено по образу выраженій Греческаго языка. Примеры сего открываются изъ двойственнаго числа, заимствованнаго въ Славянскую грамматику отъ нашихъ учителей Грековъ. Пѣснь наша писана не какимъ либо диалектомъ обильнаго языка Славянскаго, не особеннымъ областнымъ нарѣчіемъ, но чистымъ языкомъ Славяно-Русскимъ. Писана она слогомъ XII вѣка, по вѣстмъ вѣроятіямъ; ибо сочинитель ея вездѣ является современникомъ повѣствуемыхъ происшествій. Мѣсто жительства его опредѣлить невозможно. Образъ выраженія пѣсни и самыя слова: кресити, болонье, смага, годана, неизвѣстные Великороссянамъ, и теперь употребляемыя въ Украинѣ, показываютъ, что сочинитель оной принадлежалъ къ нынѣшней Малороссіи, составлявшей тогда общее Русское выраженіе. Должны обратить вниманіе на сходство пѣсни Игоревой съ нынѣшнимъ языкомъ Польскимъ, которое удостоверяетъ насъ еще болѣе, что сочинитель оной принадлежалъ къ жителямъ Украинѣ. Почеркъ пѣсни есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ. Правописаніе пѣсни согласно со Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, чергаменнымъ Новгород-

скимъ лѣтописцемъ и прочими древними рукописями.» Исследования К. Ф. Калайдовича заслуживаютъ особенное вниманіе. Основная мысль его, что Слово о полку Игоревомъ писано Славяно-Русскимъ языкомъ опирается на очевидныхъ доказательствахъ. Примеры выраженій изложенныхъ двойственнымъ числомъ—ту ся брата разлучиста—два сокола сметѣста—вступита господина въ злата стремени—подтверждаютъ его мнѣніе. Но филологическія исследования не оправдываютъ предположеній, хотя они разсматриваются въ соединеніи съ священнымъ писаніемъ. Такъ для выраженія: «до Курь Тмутороканя» — онъ прискалъ изъ Синодальнаго Евангелія, писаннаго въ 1144-году, текстъ: «И авіе курь возгласи»—и изъ Вольинской лѣтописи слова: «и яко бысть въ курь [во время крика пѣтуховъ].» По этому исследованію слово курь значитъ пѣтухъ. Слова: трудный, трудъ—у него означаютъ прискорбный и скорбь — какъ у Мусина-Пушкина. Слово: хърсь у него значитъ Хорсь, языческій кумиръ поставленный Владиміромъ. Ошибочно такъ же было его направленіе—отыскивать въ Словѣ сходства съ Польскимъ нарѣчіемъ. Замѣтимъ, что это направленіе увлекло гг. Пожарскаго и Бѣликова къ превратнымъ заключеніямъ.

Продолженіе своихъ исследований К. Ф. Калайдовичъ написалъ въ *Летописи М. Мусина-Пушкина*, помещенной во 2 ч. записокъ Общества Исторій и Древностей Россійскихъ, гдѣ онъ говоритъ: «языкъ пѣсни Игоревой утвердительно можно назвать чистымъ Славянскимъ; слова въ оной встречающіяся едва ли не все можно прискасть въ языкъ священнаго писанія, а болѣе нарѣчій лѣтописей, граматъ.» Открытіе Калайдовичемъ въ припискѣ на Синодальномъ Апостолѣ 1307 года сходныхъ выраженій съ Словомъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Мы этою припискою должны дорожить какъ фактомъ; она намъ указываетъ на известность Слова въ началѣ XIV вѣка.

Критическія исследования г. Пожарскаго составляютъ примѣчанія, приложенныя въ концѣ перевода. Все это розысканія со-

стоять изъ возраженій на переводы Мусина-Пушкина съ товарищами и А. С. Шишкова, гдѣ онъ доказывалъ неправильность ихъ переводовъ, основываясь на Польскомъ нарѣчии. Въ этомъ отношеніи критика г. Пожарскаго важна какъ полемика, напоминающая намъ старыи бытъ Русскихъ критиковъ. Опроверженія г. Пожарскаго не принесли ни какой пользы, потому что не разрышили темныхъ мѣстъ Слова. Созвучныя слова, взятая изъ Польскаго нарѣчія, какъ отдѣльнаго въ области Славянскаго языка, никогда не могутъ быть достаточными доказательствами. Трудъ напрасный увѣрять людей, постигающихъ истину, превратными понятіями. Вотъ его замѣчанія: «Въ предложеніи вмѣсто — трудный сказано прискорбный. На Польскомъ и Богемскомъ языкахъ слово трудный значить затруднительный, мудреный, неудобный къ исполненію. По Польски говорится: *Trudna to rzecz, sprawa; nie wiadziec co tu rozszac* — трудна та вещь, дѣло; не знать, что тутъ начать.» Вотъ чѣмъ г. Пожарскій опровергалъ переводы Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова.

Н. М. Карамзинъ въ исторіи своей (т. 3, стр. 218) говоритъ: «слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія миряниномъ: ибо монахи не дозволили бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вероятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказаніямъ о дѣлахъ князей и богатырей: такъ сочинитель дѣлаетъ собою старое время, стихотворца Бояна, котораго вѣще персты, летая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ витязей... Сие произведение древности ознаменовано силою выраженія, красотою языка живописнаго и смѣлыми употребленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ.»

Критическія изслѣдованія нашего Исторіографа разсѣяны въ примечаніяхъ. Это томъ его исторіи. Мы выписали въ томъ, который составляетъ новыя отрывки въ кругу исторической критики. «Въ титулѣ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ вѣтви.

Кметлями назывались слуги, дружины. — Се во Готскія красныя дѣвы — со времени славнаго Германариха жили Готы въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.» Слово Шестокрыльци Н. М. Карамзинъ такъ объяснилъ: «Сравнивая спѣхъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ шестокрылыми для того, что у трехъ птицъ шесть крыльевъ.» Выраженіе: «отверзаетъ путь къ Киеву—переводилъ: «кого хочешь пускаетъ въ Кіевъ.» О словѣ: повелъ я — говоритъ: «издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: повелъ я, вмѣсто: по спелъ я, то-есть взялъ.» Слово Полочаномъ—въ выраженіи: Двина бологомъ течетъ онимъ грознымъ Полочаномъ—говоритъ, что здѣсь не должно принимать за Половчанъ. *Шеломъ* припираетъ въ смыслѣ возвышеніе, основываясь на выраженіи Киевской лѣтописи; *Капала* за кагалъникъ; *желъзные папорзи* за верхнюю часть брони; *Деремела* за одинъ изъ Латышскихъ народовъ; *Цельмитъ за квелитъ*, приводитъ въ слезы, огорчать, указывая на Богемское слово *kwilim* — выть, плакать, и на Польское *kwilic sie*.

Занявшись историческимъ описаніемъ другихъ событій, исторіографъ не могъ обозрѣть въ подробности Слово о полку Игоревомъ. Онъ видѣлъ рукопись и выписалъ изъ ней отрывки, оставшіеся единственными указаніями на современныи слогъ Слова. Выписки изъ Киевской лѣтописи о вѣтвѣ Игоря дополняютъ объясненіями темныя мѣста въ словѣ, и жалѣемъ, что онъ не успѣлъ издать вполне текстъ самой лѣтописи. Часто въ отрывкахъ мы видимъ не полныя указанія, и останавливаемся тамъ, гдѣ только начинаются наши изслѣдованія.

Критическія изслѣдованія г. Буткова заслуживаютъ особенное вниманіе. Идя своимъ путемъ, онъ самъ разыскивалъ, не вѣривъ чужимъ толкованіямъ. Эту самобитность г. Буткова встречаемъ мы во всѣхъ его изслѣдованіяхъ. Первое изслѣдованіе г. Буткова о словѣ Игоревъ полка было напечатано въ Вѣстникъ Европы 1821 года, № 21 и 22, второе въ Сынъ Отечества

1834 года № 52, стр. 616. Вотъ основныя его изысканія о Словѣ.

Слово *Лада* принимаютъ въ смыслѣ *супруга*; *тльмля хоти* за *супругу*, полагая, что это слово перешло отъ Хазарь или Половцовъ; *харалужный* производятъ отъ Ногайскаго слова — сдѣланный изъ *гернаго желѣза, булата. Чага*, по его мнѣнью, означаетъ потомковъ Хазарь, *Чагарь*, существующихъ доселѣ между кумыками Кавказскими. *Олега Гориславича* — онъ принимаетъ за Олега Святославича Тмутораканскаго, основываясь на томъ, что Олегъ, какъ правнукъ Рюрика, прозванной *Гориславою*, могъ быть названъ Гориславичемъ. Правда, что отъ временъ Рюрика до XIII вѣка у насъ не было князя Горислава. Слово *клока* онъ принимаетъ въ значеніи — *пасть, сажоловка, хитрость*; а *догтеся* производятъ отъ глагола *тегь, достигать*. Подъ словомъ *стружи*, принимаемое другимъ за древко отъ копья или отъ знамени, онъ понимаетъ, что это были *накры-бубны, литавры*, основываясь на томъ, что стружемъ называли ихъ потому, что они употреблялись къ возбужденію стражи, или по сходству вида съ водоходнымъ *стругомъ*. Мнѣніе г. Буткова о мѣстоположеніи Тмуторакани замѣчательно своею новостью изысканій отъ всѣхъ другихъ; онъ полагаетъ, что его должно искать не въ Тамани, а на пути изъ Киева къ Полоцку, на правой сторонѣ Остра, при соединеніи этой рѣки съ Десною, гдѣ теперь село Старогородки, въ одной верстѣ ниже города Остра, въ 60 верстахъ отъ Киева. Здѣсь, говоритъ онъ, князь Мстиславъ Тмутораканскій и братъ его, Великій князь Ярославъ, заключили миръ, поставя Днѣпръ границею. Въ рѣченіи *Хрѣсови*, онъ не находитъ, подобно другимъ изыскателямъ, ни города Херсона, ни Хорса, идола, а полагаетъ, что это ошибка переписчика, написавшаго Хрѣсови вмѣсто Днѣпрова, принимая за основаніе путь, лежащій изъ Киева къ Остру, гдѣ Всеславъ долженъ былъ перетѣзжать Днѣпръ. Въ чтеніи: «Съ тоя же каилы Святоплѣкъ *вовелля отца* своего между Угорскими иноходцы» — соглашается съ Карамзиннымъ и Пожарскимъ; но слово отца — говоритъ онъ — стоитъ здѣсь вмѣсто тѣстля, *тсля, цтл*

— *тестля*. Въ этомъ случаѣ его изысканія ничего не объяснили, и намъ кажется, что и г. Бутковъ не понялъ точнаго выраженія этого мѣста, какъ всѣ другіе. Объясненіе слѣдующаго чтенія, запутаннаго первыми издателями, разгадано вѣрно и удачно: «то же звонъ слыща давный Великій Ярославъ сынъ Всеволожъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ.» Этимъ объясненіемъ воспользовался Максимовичъ и его чтеніе перепечаталъ въ своемъ изданіи съ перестановкою словъ вмѣсто — а сынъ Всеволожъ Владимиръ — а Владимиръ сынъ Всеволожъ. Выраженіе: «уже не *Шеломянемъ* еси» — г. Бутковъ принимаетъ совершенно въ другомъ значеніи отъ другихъ изыскателей; онъ частицу *не* — принимаетъ за предлогъ *за*, а *шеломя* за Изюмскій курганъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игорева.

Самое Слово, по мнѣнью г. Буткова — «сочинено при жизни Ярослава Владимировича Галичскаго, умершаго 1187 года, и уже по возвращеніи изъ Половецкаго плѣна 1188 года князей Всеволода и Владимира, какъ видно въ Словѣ.» Мы не согласны въ этомъ съ г. Бутковымъ. Сочинитель нигдѣ не говоритъ о своей современности, а лица, упоминаемыя имъ, которыхъ такъ много мы находимъ, никогда не объяснятъ намъ этого вопроса, если будемъ смотрѣть на него съ этой точки зрѣнія.

Что же касается до непонятныхъ словъ, встречающихся въ описаніи Слова о походѣ Игоря, то г. Бутковъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Его изысканія о словахъ: *тльковиннъ, хотды, коганя, хотля, хинсом* — ничего не объясняютъ. Они любопытны, какъ гипотеза, и мѣлочны, какъ все недѣльное. Замѣчательно также предположеніе о словахъ: *братіе, дружина*, гдѣ г. Бутковъ старается доказать, что въ старину «поэты составляли сообщества, какъ члены.» Доселѣ ни ктописи, ни акты не представляютъ намъ ни какихъ доказательствъ. Н. г. Бутковъ отыскалъ что-то подобное въ поэмахъ Кабардинскихъ Черкесъ.

Въ 1825 году пасторъ Зедергольмъ издалъ въ Москвѣ: *DAS LIED VON HEERESZUGES IGORS, SOHNES SWĀTOSLAW ENKELS OLEGS*. Онъ перевелъ наше Слово стихами, выписалъ изъ Истории Карамзина о происшествіяхъ и его замѣчанія, перевелъ замѣчанія К. Ф. Калайдовича и прибавилъ свои парадоксы: будто бы Слово о полку Игоревомъ писано хорейми и амфибрахиями, и доказывалъ преимущество своего чтенія текста предъ всѣми археологами. Переводъ пастора Зедергольма не имѣетъ даже тѣни достовѣрности, и во многомъ уступаетъ Французскому переводу, помѣщенному въ журналѣ *Le SATOLIQUE* — барона Экшена.

Критическія изслѣдованія Н. А. Полевой о Словѣ Игорева полка помѣщены были въ его Историю Русскаго народа, ч. 2, и въ рецензию на изданіе Слова, напечатаннаго А. Ф. Вельтманомъ (въ Московскомъ Телеграфѣ, 1833 года, ч. 50, стр. 419). Мы обращаемся теперь къ его изслѣдованіямъ.

Н. А. Полевой полагаетъ, «что Слово о полку Игоревомъ есть неподдѣльное твореніе древней Русской Словесности. Народная поэзія Русская, при соединеніи Нормановъ съ Славянами, образовалась въ видѣ Сагъ, и поэмы, которыя были пѣты Русскими Боянами или Боюнами. Со введеніемъ Христіанской вѣры, мифологическо-героическая поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или они должны были облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ — мифо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ являютсѣ: Хорсы, Дажь-богъ — и Циргощца Богоматери; герои Христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ.... Языкъ, на которомъ писано сіе Слово, есть языкъ Русской, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Киевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопробываніи Олега и Игоря; но только языкъ его возведенъ въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаютъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ.... Въ Словѣ о полку Игоревомъ раздѣръ явленъ, и стоить только вспомнить, что тутъ счи-

тать надобно не стопами, вы тотчасъ поймете его разнообразную пѣвучую музыкальность.»

Въ словахъ и выраженіяхъ самаго текста Слова, Н. А. Полевой показалъ довольно замѣчательныя изслѣдованія. Такъ въ выраженіяхъ: тропу Трояню, вѣщи Трояни — полагаетъ, что не должно думать о Троянѣ Императорѣ, какъ думали другіе, но что Владимира называютъ въ одномъ Русскомъ памятникѣ Трояномъ, и что этихъ словъ не должно ли искать на Руси, или у Половцевъ.» Темныя мѣста подлинника: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля Ольгова Коганя хоти: тяжело ти головы, кромъ головы» — Н. А. Полевой читаетъ такъ: «Рекъ Боянъ и ходы [говоря о походахъ] на Святославля (по подобию) пѣвотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя: хотя тяжело ти голова, кромъ плеча; зло ти тѣлу безъ головы. Полагаемъ — говорить Н. А. Полевой — что имя: Коганъ, означаетъ пѣвца, жившаго при Ярославлѣ, и славнаго, подобно Бояну, Слово хоти, мы переводимъ здѣсь словомъ: хотя, относя его къ слову: *тяжко*, а не къ предшествовавшимъ словамъ.»

Подробности и критическія изслѣдованія какъ о самомъ Словѣ, такъ и о народной Русской поэзіи помѣщены Н. А. Полевымъ во 2 томѣ Истории Русскаго Народа, столь всѣмъ извѣстной, что мы не входимъ въ дальнѣйшія изслѣдованія.

Последнее критическое изысканіе о Словѣ Игорева полка было составлено профессоромъ М. Максимовичемъ, и какъ классическія лекціи его были напечатаны въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836, ч. X, стр. 1 и 439, и 1837 г. ч. XIII, стр. 29. Изслѣдованія г. Максимовича были раздѣлены на три отдѣльныя статьи.

Въ первой статьѣ онъ обозрѣвалъ исторію рукописей, разныхъ изданій Слова; слегка коснулся о гипотезахъ защитниковъ и вѣдоверчивыхъ; еще короче изложилъ доказательства о достовѣрности слова. Окончаніе этой статьи составляетъ изложене Слова и историческихъ событій. Самоѣ

Слово онъ раздѣляетъ на 12 главъ. Для примѣра мы выпишемъ его сужденія объ археологахъ Русскихъ.

«Г. А. О. Вельтманъ, 1833 года, пере-
велъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувст-
вомъ красотъ ея. Съ новыми видами объ
исторической важности ея писалъ о ней Г.
Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск.
Тел. 1838). Съ новымъ уразумѣнiемъ на-
родно-поэтическаго ея свойства писалъ о
ней Г. А. Глаголевъ. Съ другой стороны,
съ точки зрѣнiя Каченовскаго, г. профес-
соръ И. И. Давыдовъ, на основанiяхъ фи-
лологическихъ сомнѣвается также въ ея
подлинной древности и находить въ ней
сходство съ Исландскими Сагами.»

Напрасно вы будете доискиваться: въ
чемъ состоятъ новыя чувства красотъ Г.
Вельтмана? Какіе это новыя виды исто-
рической важности Г. Полевого? Что такое
новое уразумѣнiе Г. Глаголева? На чемъ
основаны подозрѣнiя Гг. Каченовскаго и
Давыдова? Этому Г. Максимовичъ нигдѣ
не излагаетъ.

Слово о полку Игоревомъ Г. Максимо-
вичъ называетъ историческою пѣснью, и
что оно есть первоуродный, изящный обра-
зецъ собственно Русской, настоящей исто-
рической поэмы.

Во второй статьѣ Г. Максимовичъ раз-
сматриваетъ духъ и форму Слова о полку
Игоревомъ. Этотъ духъ, по мнѣнiю Г. Мак-
симовича, заключается въ соединенiи двухъ
главнѣйшихъ началъ: «любови къ землѣ
Русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь при-
роды и глубокаго съ нею сочувствiя. Въ
подробномъ изслѣдованiи этотъ духъ по-
лучилъ у него подраздѣленiя: духъ любви,
духъ ратный. Тоска по родинѣ у него по-
лучила особенное названiе: «Любовь къ ми-
нувшему и скорбь о настоящемъ. Совер-
шенно поверхностны изложенiя предметовъ:
взвонанiя въ мiръ духовъ, чудесности зна-
менiя природы. Въ такомъ Лагарповскомъ
обзорѣ мы совершенно не замѣтили крити-
ческихъ изслѣдованiй, такихъ изслѣдованiй,
которыя выходятъ изъ-подъ пера опытнаго
археолога. Можетъ быть это и не входило

въ кругъ изысканiй Г. Максимовича. Мы
уже прежде указывали, какъ Г. Максимо-
вичъ удачно воспользовался трудами сво-
ихъ предшественниковъ, повторяемъ и те-
перь, что всѣ невѣрныя объясненiя преж-
нихъ критиковъ въ изслѣдованiяхъ его со-
вершенно удалены, и въ этомъ отношенiи
его воззрѣнiе на Слово имѣетъ предъ всеми
преимущество.

Въ третьей статьѣ Г. Максимовичъ изла-
гаетъ свои мнѣнiя: «Объ образѣ выраженiя
и языкѣ.» Въ своемъ обзорѣнiи онъ старал-
ся разсматривать четыре предмета: о подо-
бiяхъ, народно-поэтической символикѣ птицъ
и звѣрей, о повторенiяхъ, и языкѣ.» Въ
этой статьѣ мы встрѣтили самыя основа-
тельные лексикографическія изслѣдованiя,
замѣчательныя по внимательному изученiю
Слова о полку Игоревомъ.

Подобiе, по мнѣнiю Г. Максимовича, при-
нимаетъ разные обороты, кон можно при-
вести къ тремъ видамъ: положительному,
отрицательному и положительно-отрицатель-
ному. Подобiе при изображенiи какого либо
одного предмета, обыкновенно у пѣвца вы-
ражается творительными падежемъ того
предмета, отъ кого оно заимствуется; вто-
рой оборотъ подобiя выражается сравни-
тельными союзомъ: акы, яко, рци; третiй
оборотъ подобiя состоитъ въ сближенiи по-
добныхъ предметовъ, и есть простое соот-
вѣстiе.

Въ обзорѣнiи символикки, Г. Максимовичъ
говоритъ, что соколъ есть символъ храбрости
и быстроты въ нападенiи; лебедь есть сим-
волъ пѣнiя и звука вообще; соловей есть
эмблема пѣвца; парение сизаго орла выра-
жаетъ полетъ поэтическаго ума или замы-
шленiя Боянова; галка символъ разлуки;
туръ символъ храбрости и силы.

Повторенiя словъ и реченiй, говоритъ Г.
Максимовичъ, состоитъ въ постоянныхъ
эпитетахъ, усвоенныхъ разнымъ лицамъ и
вещамъ.

Наконецъ о самомъ важномъ предметѣ—
языкѣ Слова о полку Игоревомъ, онъ гово-
ритъ: «Языкѣ Пѣсни Игорю по составу

своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношеши, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Киевской и Волынской лѣтописи; но въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ нихъ, замѣтно бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Славянскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведение мірское, поэтическое, и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у насъ начиналъ уже пзмѣняться противъ первоначальнаго, древняго своего вида: и хотя на немъ писалъ, и вѣроятно, и говорили тогда книжные и духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже старшій языкъ... Во внутреннемъ составѣ языка пѣсни Игоревой видны сочетаніе двухъ стихій—книжной и народной. Языкъ пѣвца Игоря, столькожъ особенный и такъ составился, какъ и въ наше время изъ новаго—книжнаго и народнаго—Русскаго составляется особенный языкъ какаго либо даровитаго, самостоятельнаго писателя. Пѣвецъ именно хотѣлъ воспѣть походъ Игоря старыми словесы трудныхъ повѣстій, по обычаю тогдашнихъ писателей, а, можетъ быть по желанію приблизиться къ языку своего вдохновителя Бояна, потому что у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое намѣреніе воспѣть старыми словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Словенскаго, новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ Южно-Русскій (Сѣверной области, ибо пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и ~~сего языка слова и обороты~~ безпрестанно прѣбываются сквозь покровъ Словенскаго.»

Въ этихъ мнѣніяхъ мы прочитали уже прежде розысканіе Н. А. Полеваго, помещенное въ рецензій на изданіе Вельмана [въ Моск. Телегр. 1833 года, ч. 50 стр. 432]—«что Слово о полку Игоревомъ писано на Русскомъ языкѣ, какинъ въ XII вѣкѣ говорили въ Украйнѣ, Киевѣ, Черниговѣ, Курскѣ.» Встрѣтили старое замѣчаніе К. С. Калайдовича, помещенное въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности ч. 13, стр. 31—что пѣснь сочинена Славяно-Русскимъ языкомъ, подобнымъ

Библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамматами и другими историческими памятниками; что она сочинена по вѣснмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи.»

Въ изслѣдованіи склада языка Слова Игорева полка г. Максимовичъ повторилъ также старое. «Она могла быть пѣтою и не быть стихотвореніемъ: церковныя пѣсни наши, болшею частью не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные гласы.» Это еще было сказано А. Х. Востоковымъ въ 1818 году, въ опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, стр. 169: «неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено Слово, или только для чтенія, такъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменныя памятники, отъ которыхъ отличается оно только своею вѣтвѣтостію?.. Прозу можно пѣть, такъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковныя стихи, никакого опредѣленнаго размѣра неимѣющіе.»

Г. Максимовичъ допускаетъ, что въ Словѣ «есть стихи нестоль опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные Великорусскіе, но столько же разнообразныя и вольныя, какъ Украинскіе, особенно въ Думахъ.» Онъ приложилъ даже въ примѣчаніяхъ и образцы стиховъ:

Изъ пѣсни Ярославны:

Жаждо намъ луче съцрже,
Тутю намъ туди затче.

Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслию смислати,
Ни дукою судмати,
Ни очами сгладати,
А злата и сребра ни мало того потрепати!

Такое предположеніе допускали гг. Востоковъ, Дубенскій, Полевой. Вотъ ихъ опыты. Намѣреніе Г. Востокова привестъ въ стопы пѣснь о полку Игоревомъ, появилось прежде другихъ. Онъ говоритъ: «въ древнѣйшемъ, какое до насъ дошло, эпическомъ произведеніи Русской музы, въ

Словъ о полку Игоревѣ, не слышать никакого размѣра: въ немъ съ начала до конца какъ кажется голая проза. Неизвѣстно, для пѣнія ли сочинено сие, въ подлинникъ такъ называемое слово; или только для чтенія, такъ какъ летописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ оно отличается только вативатостію? Если для пѣнія оно сочинено, то въ стихахъ или прозѣ? И прозу можно пѣть, такъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные стихи, ни какого опредѣленнаго размѣра неимѣющие. Почему мы можемъ знать, что въ словѣ о полку Игоревѣ не было какого нибудь размѣра, который ежели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ, что весьма сомнительно, подѣ перомъ безтолковыхъ переписчиковъ; то мы, при всемъ томъ, не только судить объ немъ, ни даже примѣтить его теперь не могли бы, за его древностію; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно сколько нибудь перемѣнилась и просодія языка Русскаго... Замѣчу мимоходомъ, что не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, чтобъ облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ, при новомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ, раздѣлить сию древнюю поэму Русскую на стихи, подобныя библейскимъ, и означить оныя, какъ водится, числами.»

Г. Востоковъ предлагаетъ для образца и раздѣленіе на стихи этого слова. Вотъ они—

1. Небѣ ли бы башеть, братіе,
2. Начати старыми словесы трудныхъ повѣстий
3. О плъку Игоревѣ, Игоря Святъславича,
4. Начати же ся той пѣсни,
5. По быднамъ сего времени,
6. А не по замышленію Боляю.
7. Болнз бо вѣщій,
8. Аще кому хотяше пѣснь творити,
9. То растегаешься мыслію по древу.
10. Сѣрнз вѣкомъ по земан,
11. Шизымъ орложъ подѣ облакн.

Г. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ смыслѣ; онъ пѣснь о полку Игоревѣ размѣряетъ «шестистопнымъ дактилохореническимъ стихомъ или экзаметромъ.» Вотъ его раздѣленіе.

1. Не десять соколовъ лебедей на стадо пу-
щаше;

2. Нъ своя вѣщія прѣсты на живыя струны
вскладаше;
3. Они же сами княземъ славу роготашу.

1. Тогда Игорьъ взрѣ на свѣтлое солнце
2. И видѣ отъ него тьмою вся своя воля при-
крыты.
3. И рече Игорьъ къ дружины своей: братіе и
дружино!
4. Лучше бы потяту быти, неже полонену
быти:
5. А всядемъ, братіе, на свои брѣвныя конни,
6. Да поаримъ Дону синею.

1. Съ вами, Русьци, хошу главу свою прило-
жити,
2. А любю испити шелокомъ Дону. О Боляне,
3. Соловию стараго времени! А бы ты сіа
плъви
4. Ущекоталъ, скача славлю по мыслену древу,
5. Леталъ умомъ подѣ облакы; сивая славы
6. Оба помы сего времени, ршца въ тропу
Троляю
7. Чрезъ поля на горы.

1. Тому вѣщій Божій и прѣгов.
2. Припѣвку смысленный рече: ни хытру, ни
горазду,
3. Ни птицю горазду, суда Божіа не минути.
4. О стѣнати Русской земли, помануши прѣ-
вую годину
5. И прѣвнхъ князей. Того стараго Владимира
не лѣзѣ
6. Бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.

1. Сѣдлаи,
2. Брате, свои брѣвны конни, а мои ти го-
товы,
3. Осѣдани у Курьска на переди; а мои ти
4. Куряни свѣдоми вѣмети, подѣ трубами по-
вити,
5. Подѣ шелома възелѣяны, копецъ конія въ-
скрѣпленъ;
6. Пути нѣтъ вѣдожи, яруги нѣтъ вѣдени, лупи
7. У нихъ напряженя, тули отворени, сабли
пъострени.
8. Сами скачутъ акы сѣрымъ вѣлцы въ полѣ,
9. Ищучи себѣ чти, а Кілаю славы.

Н. А. Полевой, разбирая изданіе Вельт-
мана—«пѣснь ополченію Игоря Святосла-
вича»

ча» напечатанное въ Москвѣ, въ 1833 году, писалъ въ Московскомъ телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 429.—

«Въ словѣ о полку Игоревомъ размыръ явевъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, вы тутъ часть поймете его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

1. А встона, братіе, Кіевъ туюго, а Черниговъ
напастыи;
2. Тоска разлилася по Русской землѣ;
3. Печаль жирна тече среди земли Русскія;
4. Кляли сами на себя крामолу коваху,
5. А поганіи, сами нарышуще на Русскую зем-
лю,
6. Емляку данъ по бѣлѣ отъ двора.....

1. О Дийпрѣ словотипу!
2. Ты пробилъ еси каменные горы, сивозѣ
везию Половецкую,
3. Ты леглягъ еси Святослави насады до
плыку Кобякова,
4. Взлелѣй, господине, мою глуду ко мнѣ,
5. А быхъ не слава къ нему слезъ на море ра-
но!
6. О вѣтре вѣтрило! Чему, господине насильно
вѣши!
7. Нему мычещи Хановскія стрѣлки,
8. На свою не трудяю крыльце,
9. На мояа лады вою!
10. Мало ти бышеть горѣ, подъ облади вѣять,
11. Лелѣючи корабли на синѣ морѣ!
12. Чему, господине, мое веселіе по кавылію
развѣл!

Вотъ четыре различныхъ сужденія писателей безъ одного и того же предмета. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Въ различія проис- каютъ отъ образа воззрѣнія на предметъ.

Таковы были критическія изслѣдованія защитниковъ Пѣсни Игорева полка. Мы теперь обращаемся къ нашимъ Русскимъ скептикамъ, невѣрующимъ въ бытіе древней Руси, и въ полномъ сравненіи ихъ изслѣдованіи; можемъ только видѣть до- стоинство тѣхъ и другихъ.

Наши Русскіе скептики доселѣ еще не успѣли произвести ни одного полного со- чиненія, ни одного полного критическаго

изслѣдованія по Русской исторіи. Въ тру- ды ихъ состоятъ въ нѣсколькихъ сомнѣн- яхъ, высказанныхъ въ журнальныхъ ста- тейкахъ. Въ понятія о недостоверности древней Русской исторіи не приведены еще въ систему, хотя приверженцы успѣли уже провозгласить, что появилась на Руси но- вая историческая школа. Понятія скепти- ковъ, какъ чуждыя намъ по происхожде- нію, какъ намъ современныя, известны напе- чечеть, и потому мы не считаемъ ихъ само- бытными, созданными Русскимъ умомъ и Русскимъ человекомъ. Это мы потому го- воримъ, что ни одно сомнѣніе нашихъ скеп- тиковъ не утверждено доказательствами, что ни одно подозрѣніе не изслѣдовано кри- тически; что зародышъ критическихъ сом- нѣній и подозрѣній появился въ думѣхъ чужеземца по своему происхожденію.

Мнѣнія известнаго профессора Эверса были приняты Московскимъ профессоромъ М. Т. Каченовскимъ и составили основаніе такъ называемой новой исторической шко- лы. Сомнѣнія начались съ первой страницы Русской исторіи—съ вопроса? Откуда про- изошли Руссы? Отвергая вся изслѣдованія, вся древніе акты, первый составъ Несторо- вой лѣтописи, они заподозрили всю Рус- скую исторію до XIV вѣка. Въ слѣдствіе этихъ сомнѣній и Слово о полку Игоре- вомъ было предано сомнѣнію, какъ бле- стящій фактъ Русской грамотности XII вѣка.

Мнѣнія почтеннѣйшаго М. Т. Каченов- скаго известны намъ только по краткимъ выпискамъ его послѣдователей; самъ же онъ, какъ слышно, приготовляетъ еще свои критическія изслѣдованія по Русской исто- рии. Послѣдователи говорятъ, что вся критическія замѣчанія заимствуютъ они изъ лекцій М. Т. Каченовскаго, и какъ онъ самъ ни одного раза не протестовалъ противъ ихъ недостоверности, то мы и признаемъ ихъ за произведенія М. Т. Ка- ченовскаго. Мнѣніе его о Слово Игоревъ полка было внесено Г. Блинковимъ въ критическое изслѣдованіе, помѣщенное въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Мо- сковскаго Университета, ч. 5, стр. 457.

Г. Бяликъ говоритъ: «заклучимъ драгоцѣнными замѣчаниями, заимствованными мною изъ лекціи профессора Каченовскаго.

«Хощу... копіе приломити... съ вами.

«Фраза рыцарская! *ROMPRE UNE LANCE AVEC* и также *POUR QUELQU'UN*. Смотри Словарь. Странная встрѣча!

«*Чили*—или. Но это есть такое Польское слово, котораго употребленія невозможно приписывать тому времени. Какимъ былъ Польскій языкъ XIV столѣтія—никто не знаетъ.

«*Велесовъ вьуге*. Изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалого бога *волоса*, иначе *велеса*; въ такомъ же заблужденіи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (И. Г. Р. изд. 2, т. IV, пр. 337, стр. 207). Гражданинъ Волосъ, т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчѣ 1230 г. (Новг. лѣт. стр. 115.) Была и церковь Св. Власія или Волоса. Странно, что въ Новг. находилась и улица Бояна (лѣт. Новг. 177)! Авторъ частехонько бредитъ именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ!

«*Буй Туръ Всеволѣдъ*. Туръ—дикій баранъ горъ Кавказскихъ; отсюда: турій рогъ. (Прим. къ Инв. 1833, 62 № стр. 493) Изобрѣтатель пѣсни Игоревои, въ общемъ со всѣми заблужденіи, почитаетъ за вола.

«*Дравья Оксамиты*. Оксамитъ (слово Польское, но происхожденія Греческаго)—бархатъ и притомъ изъ шелку, ибо дорога оксамиты. Но въ XII или XIII столѣтіяхъ шелкъ былъ веществомъ еще весьма рѣдкимъ даже между Греками. Шелководствомъ начали заниматься въ Венеціи только съ 1309 г, въ Неаполѣ 1456; во Франціи шелковыя фабрики появляются около 1470 годѣ. (Бека Всеоб. Ист. IV. 858).

Связал а обьжал. Слова, употребительныя въ Польскомъ языкѣ. въ видѣ поговорки, какъ напримѣръ въ Нѣмецкомъ: *HANDELN UND WANDELN* и проч. Это пахнеть чѣмъ-то новымъ; ибо Польскій я-

зыкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ.

«*Давегя*—украдено изъ Великороссійскаго престонарчія новѣйшаго; ибо въ книгахъ его не находимъ.

«Упоминаемыя въ пѣсни Ногаты суть принадлежность сѣвера, а не юга.

«Наконецъ еще должно замѣтить, что нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи; на стр. 65 найдете: *учащеть*, *внещеть*. Весьма также замѣчательны выраженія, найденныя Карамзиннымъ въ одной рукописи и повторенныя въ Словѣ о полку Игоревѣ, а именно: *свѣшется* и *ростяше усобицами*; *гынѣше жизнь наша въ князехъ*, которыя вѣдци сократилися *человѣкомъ*.» [См. И. Г. Р. изд. 2. IV, пр. 228, 144.]

Вотъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго. Справедливы ли они? Это ли критика для таково гениальнаго произведенія, каково Слово о полку Игоревомъ? Не забудьте, что такъ думаетъ самъ основатель новой исторической критики, котораго мнѣнія послѣдователи принимаютъ за факты, отвергая настояще историческія факты, на которыхъ зиждется основаніе критикѣ въ ученое мѣрь. Мы рассмотримъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго.

Будто слова: «хощу.. копіе приломити... съ вами»—есть рыцарская фраза, мы не вѣрнемъ этому, и скорѣе согласимся, что выраженіе: «смотри словарь—не имѣетъ никакого вѣроятія. Критикъ не показалъ намъ, въ какіе словари мы должны смотрѣть, чтобы удостовѣриться въ его возраженіи; а безъ этого мы не вѣрнемъ, и самое его возраженіе считавмъ фразою новой исторической школы. Просимъ заглянуть только нашихъ читателей въ Русскія народныя стихотворенія, собранныя Демидовымъ, гдѣ вазказывается о богатырскихъ подвигахъ Русскихъ витязей. Тамъ Русскимъ языкомъ воспѣты богатыри наши. Неужели всѣ эти пѣсмы есть переводъ съ Французскаго? Неужели Святославъ, переселяясь изъ Кіева

въ Болгарію былъ рыцарь, когда поэтически описывалъ выгоды своихъ переселеній? Мы знаемъ отличие между наездами нашихъ князей на степи Подовейкія и рыцарскими подвигами, и потому самому не смѣшиваемъ въ одно понятіе рыцаря и богатыря, рыцарство и наездничество. И если Русской критикъ имѣетъ такіа неосновательныя понятія о семейной и политической жизни своихъ предковъ, то чего же ожидать намъ отъ чужеземцевъ? Мы бы желали знать: откуда взялъ почтеннѣйшій М. Т. Каченовской эту Французскую фразу? И если на это историческій фактъ, или только взято изъ какой нибудь исторической книги? Мы не будемъ входить въ исследование Славянской Мифологии и доказывать, что Велесъ существовалъ у Славянъ язычниковъ, зная, что почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій, по своимъ критическимъ соображеніямъ, уничтожаетъ въ Русской исторіи около четырехъ вѣковъ. Наши мнѣнія о Славянской мифологии изложены уже впереди, въ Сказаніяхъ Русскаго народа, и повторяемъ здѣсь, что мы вѣримъ сказанію Нестора, что Великій Владимиръ съ пріятіемъ Христіанства уничтожилъ Киевскихъ идоловъ, въ числѣ которыхъ былъ и Велесъ. Нашъ Несторъ первый сказалъ, что именемъ Велеса клялись наши предки-язычники, что Велесовъ кумиръ былъ въ кievѣ, а почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій изволитъ думать, что «изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго бога Волоса, иначе Велеса,» нимало не упоминая, что уже въ XII столѣтіи Св. Абрамъ Ростовскій уничтожилъ въ Ростовѣ языческое поклоненіе Велесу.

Мнѣніе неизвѣстнаго, что «Туръ—есть дикій баранъ горъ Кавказскихъ—не служить опроверженіемъ словъ пѣвца Игоря: «Буй Туръ!» Во первыхъ, не должно доискиваться слова Туръ на Кавказъ и выводить его отъ дикаго барана: это есть заблужденіе. Когда знакомились народныя праздники и образцовое сочиненіе историка нашего архидіакона, И. М. Снегирева, въ вѣрнѣе не будутъ возмущать невѣжливыхъ доносчиковъ на пѣвца Игоря.

Аксамитъ совсѣмъ не бархатъ изъ шелку:

это есть парчевая матерія. Мы также не понимаемъ, что аксими́тъ есть слово Польское, Греческаго происхожденія! Если Поляки могли усвоить себѣ это слово, то неужели Русскіе XII вѣка, еще болѣе знакомые съ Греками, не могли усвоить этого же слова? Мы не понимаемъ, какъ только можно въ XIX вѣкѣ называть эти невѣроятности драгоценными примѣчаніями!

Загляните въ Исторію Н. М. Карамзина т. 2, прим. 300, 393, 414, загляните въ летописи подъ годами 1147, 1159, 1164—и тамъ увидите, какъ наши князья дарили другъ друга Пардусами и аксамитами. Это Русское доказательство вѣрнѣе заморскаго. Для чего ссылаться на Бека, который толкуетъ о шелковомъ производствѣ, а не о пѣвцѣ Игоревѣ полка?.. Вотъ какіе факты новой исторической школы! Въ описаніяхъ церковныхъ ризницъ доселѣ находимъ слово аксамитъ, и тамъ парчевыя ризы называются аксамитными. Загляните въ старыя описи ризницъ Московскаго Успенскаго собора, или описи государскихъ имуществъ XVII вѣка, хранящихся въ Московской Оружейной палатѣ, и тамъ прочтете аксамиты.

Говоря, что слова: свѣчя и обычя—употребляются въ Польскомъ языкѣ, почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій приводитъ въ доказательство Нѣмецкую фразу, и говоритъ что это пахнетъ чѣмъ-то новымъ. Осмѣливается увѣрить, что эти слова коренныя Русскія, а не Польскія; и что они доселѣ употребляются въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Московской. Нимъ нѣтъ ни какой надобности, что Польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому невѣрственъ. Мы вѣримъ отъ души, что Іоаннъ Экзархъ Болгарскій переводилъ на Славянскій языкъ, что Остромирово Евангеліе, писанное въ половинѣ XI вѣка, также есть переводъ съ Греческаго на Славянскій.

Давеча—говоритъ почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій, нестарое слово, оно украдено изъ Великоороссійскаго престолярѣчія новѣйшаго. Смѣемъ увѣрить его, что вмѣсто—давеча, должно читать: далеча—это ошибка писца, или недосмотръ перваго издателя. Полагимъ, что слово давеча поставлено въ спи-

скъ безъ ошибки, и будемъ допускать, что это слово простонародное, и тогда мы не имѣемъ права отвергать его. Нашъ языкъ народный доселѣ еще неизслѣдованъ; нѣтъ у насъ областныхъ словарей и грамматикъ; никто не занимался еще сравненіями областныхъ выговоровъ. Языкъ народный имѣетъ въковыя постоянности, особенно языкъ господствующій; онъ остается неизмѣненъ, какъ самъ народъ. Со всемъ не то бываетъ съ языкомъ книжнымъ, который непрерывно измѣняется. Отвергать древнее произведение Слова о полку Игоревомъ потому только, что слова : давеча—нѣтъ въ книгахъ противно всякому логическому смыслу.

Почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій излагаетъ, что будто бы слова, найденныя Карамзиннымъ въ одной рукописи повторены въ одномъ мѣстѣ въ Словахъ о полку Игоревѣ. Здѣсь двойная неправда : рукопись отыскана Калайдовичемъ, а не Карамзиннымъ, и мы въ этомъ ссылаемся на статью, помѣщенную въ трудахъ Общества Истории и Древностей Россійскихъ, ч. 2. стр. 41, гдѣ говорить Калайдовичъ: «немаловажнымъ доказательствомъ древности ея послужить одно мѣсто, случайно найденное мною и сообщенное г. Историкографу.» Эта рукопись есть Апостолъ, писанный на ивранскѣ въ 1307 году. По смыслу лавному М. Т. Каченовскимъ, выходящемъ, что пѣвцы Игоря жившіи въ XII вѣкѣ, повторяли слова Цузмева Зосимы, жившаго въ XIV столѣтніи. И такіе изслѣдованія называются критикою!

Сильное гоненіе на Слово о полку Игоревомъ воздвигъ послѣдователь почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго, г. Бѣликовъ, въ статьѣ: «нѣкоторыя изслѣдованія Слова о полку Игоревѣ.» напечатанной въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (1834 г., ч. 5, стр. 395 и 448). Въ заключеніе всѣхъ своихъ умствованій, онъ говоритъ: «Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ своей первоначальной чистотѣ; она чрезъ нѣсколько вѣковъ уже писана имъ съ словеснаго преданія, сохранившагося въ сказкѣ, или пѣсни, или переложена съ иностраннаго языка. Въ XVI вѣкѣ, когда книгопе-

чатаніе породило въ Руссахъ чрезвычайную охоту къ чтенію, видно въ нашей исторіи вообще стремленіе грамматывъ списывать всѣ историческія преданія, и отечественныя и иностранныя. Въ это время, вѣроятно, нашелся и любитель изящнаго, которому, понравилась сказка, или пѣснь о походѣ Игоря, и который, чувствуя въ себѣ способность краснорѣчиво передавать свои мысли, рѣшился записать ее, и какъ бы хорошій начетчикъ старинныхъ книгъ, вздумалъ изложить оную стариннымъ языкомъ XII вѣка—старыми словесы; притомъ языкомъ сочинителя, который, по его мнѣнію, былъ южвый Русинъ. Это намѣреніе заставило его искать старинныхъ формъ языка, словъ южнаго нарѣчія и почерпать по невѣдѣнію слова изъ Польскаго и Серескаго языка. Безъ сомнѣнія чрезъ это онъ искалъ прекрасную пѣснь Игорю; но ему это казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его же усердіемъ вставлено отступленіе о междоусобіяхъ князей, заимствованныя имъ изъ другихъ преданій; можетъ статься, что писатель Слова о полку Игоревѣ и не былъ его славателемъ, а только переводчикомъ. Въ XII столѣтніи, какъ извѣстно, произошли къ нашимъ князьямъ Норманны, Греки; не удивительно, что изъ сихъ пришельцовъ кто либо, обрусѣвъ, записалъ, или воспѣлъ на своемъ языкѣ походъ Игоря, и эта записка дошла до грамматывъ XVI вѣка, которые переложили ее стариннымъ Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писаніямъ; но, не понимая хорошо подлинника, переводили буквально, посылая своему невѣдѣнію словами изъ разныхъ языковъ.»

Вотъ каковы понятія послѣдователя новой исторической школы о Словахъ Игоревыхъ полка. Всѣ эти предположенія основаны г. Бѣликовымъ на слѣдующихъ сомнѣніяхъ.

«Слогъ Игоревыхъ пѣсней далеко отъ вырженія, какое видимъ мы въ нашей древней библіоикѣ; онъ ниже и грубѣе нашихъ древнихъ монашескихъ писаній, а выше и чище слога ихъ граматъ. (стр. 307). Въ эстетическомъ отношеніи Слово о полку Игоревѣ возвышается предъ всеми нашими древними словесными произведеніями. Въ

нѣмъ красоты пинтическія разсыяны во множествѣ: прекрасныя сравненія, изящныя описанія, живописныя олицетворенія поражаютъ читателя. Отличительнымъ ея качествомъ, кажется, можно положить сильное погруженіе чувства поэта въ окружающую его природу (стр. 305).»

Вотъ какими доказательствами скептики убегаютъ Слово о полку Игоревомъ. Чему вѣрять, когда въ одно и тоже время говорить разное. Или слѣдующее: Слово при всей краткости, открываетъ величайшія несообразности въ Лексикологии и Этимологии слова, притомъ какъ въ историческомъ такъ и Этимологическомъ отношеніи.» Критикъ не показалъ этихъ несообразностей, не раскрылъ лексикологическихъ изслѣдованій XII вѣка, почему бы ему можно вѣрять. Когда критикъ приходитъ въ удивленіе: откуда пѣвецъ могъ знать Леопардовъ? Неужели они водились когда либо въ Россіи?—то мы не видимъ, чтобы онъ вникалъ въ историческое отношеніе. Просимъ критика заглянуть въ Киевскую летопись, гдѣ сказано, что Олегъ Святославичъ подарилъ Юрью Долгорукому пардуса, а Святославъ Олговичъ тѣмъ же дарилъ Ростислава: это было въ половинѣ XII вѣка. По мнѣнію критика материалы Слова въ статистическомъ отношеніи представляютъ еще болѣе загадочности. И какія же слова загадочны? Болонье, яругъ. Слово: болонье мы встречаемъ въ путешествіи Даниила Паломника; слышимъ доселѣ, какъ Киевляне называютъ этия слова мѣсто между валомъ и городомъ. Слово: яругъ тамъ часто встречается въ крѣпостныхъ запискахъ XV вѣка, что оно явно выражаетъ оврагъ, ровъ. Вотъ вамъ достовѣрности статистическія. Критикъ подозреваетъ даже, что слова: кровать тесова, дорога — отзываются чѣмъ то новымъ. Кто же теперь пишетъ: тесова кровать? Это мы встречаемъ въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ и въ Новгородскомъ нарѣчьи.

Еще въ 1834 году в. С. Руссовъ возразилъ г. Бялкову въ отдѣльный брошюрѣ о подлинности Слова о полку Игоревѣ; указывалъ также на его неправильныя изслѣдованія и г. Бутковъ въ Сынѣ Отечества

[1834 г. ч. 46, стр. 621]; говорилъ также въ свою очередь и г. Максимовичъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1837 г. ч. 13, стр. 44.], Любопытные могутъ прочитать всѣ эти возраженія, чтобы вполне раскрыть мнѣныя сомнѣнія и оцѣнить изысканія послѣдователей новой исторической школы.

П. М. Строевъ, извѣстный нашъ археографъ, приступившій недавно къ новой исторической школѣ, въ статьѣ: Хронологическое указаніе материаловъ отечественной истории, литературы и проч., помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1834 г. ч. 1, стр. 152], говоритъ: Слово о полку Игоревѣ и Слово Даниила Заточника—проблеммы Русской Словесности XII вѣка.» Болѣе этого мы не знаемъ, гдѣ бы г. Строевъ говорилъ что нибудь еще о Словѣ. Изъ приведеннаго нами его мнѣнія о Словѣ, мы, никакго не можемъ вывести заключенія; можетъ быть послѣдователи новой школы объяснятъ, со временемъ, эту фразу г. Строева.

И. И. Давыдовъ, профессоръ Московскаго Университета, по своимъ понятіямъ приближается къ послѣдователямъ новой школы, и также, какъ они, подозреваетъ Слово о полку Игоревомъ. Его мнѣнія о Словѣ были изложены въ лекціи: «составленія, начала, и направленіе древней отечественной словесности», напечатанной въ ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1834 г. ч. 3, стр. 281. Почтеннѣйшій профессоръ говоритъ, что «это произведеніе, смѣсь Христіанскихъ понятій съ языческими, представляетъ нѣкоторыя историческія воспоминанія, господствующія идеи того времени и повѣрья; языкъ же смѣсь древняго и средняго языка изъ разныхъ нарѣчій не подкрѣпляетъ мнѣнія о глубокой его древности. Слово о ополченіи Игоревомъ не походитъ на Греческія Рапсодіи: въ немъ болѣе сходства съ Исландскими сагами... Если встречается сочиненіе, о которомъ не говорятъ писатели послѣдующихъ вѣковъ, то достовѣрность онаго считается сомнительною... Сочиненіе, писанное на неправильномъ смѣшеніи разныхъ нарѣчій, притомъ изъ разныхъ

ВРЕМЕНЬ ДАЕТЪ ПРАВО СОМНѢВАТЬСЯ ВЪ ЕГО ДОСТОВѢРНОСТИ.»

РАЗБЕРЕМЪ ЭТИ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ.

Почтеннѣйшій профессоръ первое сомнѣніе основываетъ на томъ, что Слово писано языкомъ, составленнымъ изъ разныхъ нарѣчій. Во первыхъ, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, во вторыхъ, это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ то нарѣчію Малороссійскому, еще тогда не существовавшему, то видятъ въ нихъ фразы Польскія и Богемскія, забывая, что первоначальный Славянскій языкъ былъ общимъ для всѣхъ Славянскихъ поколѣній.

Если дѣйствительно Слово походить на Иславскія Саги, то это будетъ очень важное открытіе для нашей старой литературы. Весьма замѣчательныя мнѣнія нашего историка, Н. А. Полеваго, изложенныя имъ во 2. ч. стр. 266. Истории Русскаго народа, о Русскихъ Сагахъ, увлекли многихъ къ догадкамъ. Г. Давыдовъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ принимаетъ мнѣніе Бляикова, предполагавшаго, что Слово о полку Игоревомъ было прежде сложено Нордманномъ. Для критической достовѣрности, мы просимъ почтеннѣйшаго профессора указать намъ: съ какою Иславскою сагою имѣетъ сходство наше Слово?

Для большой ясности, намъ остается еще раскрыть одно важное обстоятельство, увлекшее г. Давыдова къ сомнѣнію. А. О. Вельтманъ, при своемъ изданіи Слова о полку Игоревомъ, сказалъ въ предисловіи, что оно писано «на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта.» Кромѣ г. Вельтмана никто не предполагалъ такой догадки. Эту гипотезу принялъ за основаніе почтеннѣйшій профессоръ въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ, и заподозрилъ Слово.

Неизвѣстный критикъ, разбирая сочиненія г. Глаголева: Умозрительныя и опыты основанія Словесности, говорить (Библиот. для чтенія на 1834 г. т. IV, стр. 3): «Мы сожалѣемъ, что онъ не применилъ

духа анализа къ слову о полку Игоря, которое слишкомъ опростетливо причислено имъ къ источникамъ Русскаго языка; что онъ не принялъ на себя труда сравнить его критически съ Галицкою поэзіею почтеннаго Мекферсона. Надъ словомъ о полку Игоря носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ; его фразы словно выкроены по Мекферсоновымъ; его обороты и выраженія болѣею частью принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшій Польской поэзіи, особенно слово вѣщій, въ смыслѣ поэтическій, весьма поздно созданное для Латинскаго чаете въ переводахъ Горация и Виргилія; быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, Сула, текущая серебряными струями, храбрал мысль, носящая умъ на дѣло, жемчужная душа въ храбромъ тѣлѣ, кровавыя его раны въ жестокомъ тѣлѣ, кровавыя зори, налаганіе вѣщихъ перстовъ на живія струны, прилетаніе мыслию издалеча, золотыя слова, смѣшанныя слезами, и цвѣты дюжны этого рода понятій, совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, совершенно противны духу ихъ краснорѣчій, и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій, уже, тутъ, изысканное сочетаніе между метью о! съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и т. д. напоминаютъ уроби Цицерона и Квинтиліана, а чистое употребленіе местоименія свой, столь рѣдкаго въ старинныхъ Славянскихъ писаніяхъ, показываютъ въ сочинителѣ чело-вѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галицизмы, напримѣръ: крпчать телеги полунощныя—тутъ и глаголь и прилагательное не старѣе насъ лѣтами. Всѣ эти обстоятельства подвергаемъ мы безпристрастію и разборчивости автора, не должно останавливаться тѣмъ, что уже много глубокомысленныхъ разсужденій писано о словѣ полка Игоря. Оссіанъ былъ переведенъ на всѣ языки, внесенъ во всѣ пятники, принять даже въ исторію, когда Малкольмъ Ленгъ разочаровалъ его обожателей своею безпощадною любовію къ истинѣ. Самое открытіе этого Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіаномъ, и что еще важнѣе, совершенное отсутствіе всѣхъ

кихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣннѣ, еслибъ даже не находилось другихъ слѣдовъ подлога въ самомъ произведеннн, впрочемъ искусно поддѣланномъ.»

Въ брошюрѣ, изданной г. Руссовымъ, въ опроверженнѣ неизвѣстнаго критика, читатели могутъ видѣть подробно — до какой степени доходить любопытныя сомнѣння новой исторической школы.

Изложивши главныя мнѣння Скептиковъ, мы старались съ тѣмъ вмѣстѣ указать и на ихъ поверхностныя изыскання въ трудахъ археологическиххъ. Вооружаясь невѣрнѣмъ, они насмѣшливо смотрѣли на занятня защитниковъ Слова о полкѣ Игоревѣ. Для примѣра мы приведемъ буквальный списокъ занятнй Р. О. Тимковскаго и К. О. Калайдовича, помѣщенныя въ Сынѣ Отечества (1838 г. № стр.). Калайдовичъ, въ письмѣ своемъ къ Тимковскому писалъ:

«Типографчикъ Семенъ Аннѣевичъ Селивановскнй говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи Пѣснь Игореву. Она написана, точно, въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, и Белорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго. Корректуру держали: А. О. Малиновскнй, Н. Н. Б. Каменскнй, а третью уже читалъ графъ Пушкинъ. Они дѣлали частыя поправки въ корректуру, съ точностию издавая подлинникъ, отъ чего печатаннѣ шло медленно. Графъ Пушкинъ не имѣлъ права помарывать корректуру.»

Стр. 34, *усобица*, не значить ли: *со-стѣнннѣ*?

Ник. лѣт. Ч. II, стр. 26. Василько говорить: *любо нильзу себѣ славу, любо и главу свою сложу за Русскую землю.* Стр. 30, *И Угры збнннѣ въ клубѣ, яко соколъ сбнннѣтъ галицы.*

Въ Малоросснн говорятъ: *утка каккае* (бикакутъ?)

Путь — каналы. Въ Малоросснн говорятъ: *путь лодочнннѣ*.

Слово: *убудн*, въ четырехъ мѣстахъ передано, на стр. 9 *пробуждаетъ*; на стр. 10 *умолкаетъ*; на стр. 16 *разбудила*, а на стр. 21 *возобновили*.

Лукоморнѣ, на стр. 22-й упоминаемое, значить здѣсь *Азовское море*. Въ одной летописи написано, что Татары, преслѣдуя Половцевъ, загнали до рѣки Днѣпра по Дону и въ *лукн морн. Лука*, значить *кривизна, извилина*.

Трудная повѣсть значить неприскореннал, а *пегалннѣ*.

На стр. 17 слова: *а сице и рати*, должно читать: *а сицей рати*. Вмѣсто: *розънося имъ*, кажется, читать надобно: *розънослящнмъ*.

Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникѣ Пѣсни Игоревой, вмѣсто: *елбн Троянн*, въ двухъ мѣстахъ было написано: *стбн Троянн*. Также летопись Волынская, по его словамъ, имѣетъ большое сходство по языку и выраженнямъ съ Пѣснью Игоревую, и обильна сравненнями, подобными находящимся въ первой.

Преосвященннй Евгеннй, въ письмѣ ко мнѣ, отъ 18-го Января 1814 года, изъ Калуги, пишетъ слѣдующее о Пѣснн Игоревой: «Овъ Игоревой пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давннѣя, и могла сочинена быть въ XV вѣкѣ, когда воображеннѣ и духъ Росснннѣ уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древннѣя до XIII вѣка, на это потребны доказательства яснѣ Игумена Зосимы (заключеннѣ Апостола 1307 года). Разтолкуйте вы мнѣ, къ чему авторъ патривалъ въ самомъ началѣ: «*ве лѣпо ли вы вѣстѣ старнннѣ словесы?*» Не значить ли это, что онъ согласился написать старннннѣмъ прежнннѣхъ временѣхъ слогомъ, а не современннѣмъ себѣ? Слѣдовательно, онъ не современннѣкъ бытнй. Много у насъ и Русскнхъ пѣсенъ, писанннѣхъ старннннѣмъ слогомъ, о временахъ даже Владимировыхъ. Ктожъ отнесетъ ихъ къ тѣмъ временамъ? Стѣверное пѣснопѣннѣ древнее (ссылаюсь на Скандинавскннѣ Саги и Эдды), никогда не было такъ высокопарно, какъ Пѣснь Игоревѣ. Это воображеннѣ Восточное, похожее на Аравскннѣ и Татарскннѣ пѣсни, а не на Греческннѣ.»

Графъ С. П. Румянцовъ не вѣрнѣтъ Пѣс-

ни Игоревой, почитая ее подложною, и основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя *Солтанова*, появившееся гораздо позже XII вѣка, новое названіе народа *Венедици*, и мѣстоимѣніе *которой*, неприличное будто бы тому времени. Объ имени Солтана и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Святел. слово: *батовъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Къ числу прежнихъ сомнѣній о Пѣснѣ Игоревой, графъ приводитъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогощю въ 1160 году, перенесенъ былъ изъ Киева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи Издательей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившись въ 1185 году изъ плѣна Половецкаго, могъ идти молиться въ Киевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе Игоря въ 1151 еще болѣе сіе запутываетъ. — Я не могши ничего припомнить, согласился было съ нимъ, но г. Карамзинъ сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощей и писанной Еванг. Лукою, коей перенесеніе изъ Киева должно, действительно, полагать въ 1160 году.

Я еще не справился, но графъ С. П. Румянцева уверялъ меня, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ истинически и у Татищева.

На стр. 3-й Пѣсни Игоревой видно что Боянъ жилъ во времена Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а на стр. 37, что онъ былъ современникомъ Всеслава. Что онъ былъ во время Ярослава, также видно и на 44 страницѣ.

Есть слово сходное съ *Стрикусами* — *Стрикало*, тоже что *Стрекило*, *бодило*. Церк. Словарь, Алексѣева.

Пресвященныи Евгений и архимандритъ Амросій уведомили меня, что они не въ силахъ объяснить *семь словъ* Пѣсни Игоревой. Евгений советуетъ справиться въ книгѣ: *SŁOWNIK JEZYKA POLSKIEGO PRZEZ SAMUELA BOGUMILA LINDE, W WARSZAWIE, W DRUCKARNI PIAROW, 1807, въ 4. Въ*

сей книгѣ слова Польскія объяснены разными диалектами языка Славянскаго.

Въ одной лѣтописи Синодальной Библиотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною, исключая того, что въ первой пропушены многія истинныя мѣста, находящіяся во второй.

Пѣснь Игорева имѣетъ много Малороссійскихъ выраженій на прим. *полняиеть, бяиеть, мужайиеться, на ниже ся годнии обратниа, свьгаи и обьгаи*. — Далѣе: *шерь* значитъ на какомъ-то сѣверномъ языкѣ *городъ*. *Харыль*, на Китайскомъ языкѣ значитъ *братъ* или *война*.

Изъ записокъ Р. Ф. Тимкобскаго о Словѣ Игорева пока сохранился слѣдующія замѣтки:

«1814 года, Октября 21 дня, слышалъ я отъ К. Ф. Калайдовича:

1. Что Н. М. Карамзинъ уверялъ его въ томъ, что хранящаяся у него *Волынская Лѣтопись* имѣетъ великое сходство въ языкѣ съ Пѣснью о походѣ Кн. Игоря, и что въ оной лѣтописи встрѣчаются слова: *харалужный* и *тлековина*.

2. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, *харалужный* значитъ *булатный*, а *тлековина* значитъ *раковина*, отъ слова: *тлекоть*, которое значитъ *устрица*.

3. Что Н. М. Карамзинъ уверялъ его, К. Ф. Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинимъ, сравненію, оказалось, что Пѣснь о походѣ Кн. Игоря со всею точностію напечатана противъ подлинника, выключая словъ: *вьги Трояни*, вместо которыхъ въ подлинникѣ стоятъ: *сьги Трояни*. Касательно же поставленнаго въ скобкѣ слова: *Олега*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.

4. Что городъ *Пльнскъ* встрѣчается въ печатной *Книгѣ большаго гертежа*, сочиненной около временъ Михаила Феодоровича; *Дудутки* же есть мѣстечко вблизи Новгорода Великаго, и что упоминается тамъ монастырь на *Дудуткахъ*.

5. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, помянутая Пѣснь о походѣ Кн. Игоря сочинена въ княженіи Новгорода-Сѣверскаго.

6. Что слово: *ортъма*, встрѣчается въ древнихъ грамматахъ Архивскихъ.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМЪ ПОВОИЩѢ.

Сказаніе о Мамаевомъ повоищѣ прежде всѣхъ было отыскано Р. О. Тимковскимъ, въ сборникѣ, писанномъ въ XVII вѣкѣ; но нынѣ известно уже такихъ восемь разныхъ списковъ. Въ однихъ спискахъ оно находится полное, въ другихъ сокращенное.

Историографъ Н. М. Карамзинъ полагалъ, что Сказаніе сочинено было въ исходе XV вѣка, Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, основываясь на подписи одной Толстовской рукописи. Съ такимъ усвоеніемъ это Сказаніе долго считалось произведеніемъ Софронія.

Сказаніе о Мамаевомъ повоищѣ было известно нашимъ старикамъ съ XV вѣка. Они вписали его въ свои *лѣтописи*, известные теперь у насъ подъ названіями: *Хльбниковской, Ипатьевской, Синодальной, Никоновскаго* списка, и въ свои *сборники*. Сие Сказаніе у нашихъ стариковъ имѣло слѣдующія заглавія:

1. *Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о повоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго*—въ спискѣ Тимковскаго.

2. *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агарями*—въ спискѣ Толстовскомъ.

3. *Сказаніе, како пришедрилъ на Русь Безбожный Царь Мамай на Великаго князя Дмитрія Ивановича*—въ спискѣ Толстовскомъ.

4. *Повѣсть зело изрядная о безбожномъ Татарскомъ Мамая Царѣ, како хотѣлъ Россійскую землю подѣ совою подвести*—въ спискѣ Толстовскомъ.

Сказаніе заключаетъ въ себѣ: вступленіе сочинителя. Распоряженіе В. К. Дмитрія къ битвѣ съ Мамаемъ. Походъ войска. Смущеніе Олега и Олгерда. Пеходъ Московскаго войска чрезъ Донъ. Яриготовленіе къ битвѣ. Примѣты. Битва. Заключеніе.

Историческій разсказъ сего Сказанія не всегда вѣренъ и часто отстѣпаетъ отъ истины; иногда смѣшанъ съ рѣчами и молитвами дѣйствующихъ лицъ. Н. М. Карамзинъ называлъ это Сказаніе баснословнымъ, а И. М. Снегиревъ всѣ анохронизмы приписывалъ позднѣйшимъ переписчикамъ.

Сказаніе было два раза напечатано. Первое изданіе было помѣщено въ Русскомъ Зрителѣ, № 14, И. М. Снегиревымъ. Оно было выполнено отчетливо, издано съ знаніемъ дѣла, при сличеніи съ разными списками. Второе напечатано отдѣльно, безъ всякаго сличенія съ другими списками.

Сочинителю Сказанія о Мамаевомъ повоищѣ была известна Пѣснь о полку Игоревомъ. Цѣлыя фразы, обороты выраженій, и сѣное расположеніе скопированы съ Пѣсни о полку Игоревомъ. Плачь Евдокии въ Сказаніи и плачь Ярославны въ Пѣснѣ указываютъ на явное подражаніе.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Исторія Русской Литературы доселѣ еще не имѣетъ полнаго собранія Русскихъ народныхъ праздниковъ. Все доселѣ изданное состоитъ или изъ предвѣрительныхъ приготовленій, или статей мелкихъ, журнальныхъ, мимолетныхъ замѣчаній. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ наши историки не касаются сего предмета въ исторіи Русскаго народа, для нихъ, какъ будто они не существуютъ. Правда что Исторія наша еще не имѣетъ полныхъ источниковъ, трудовъ, очищенныхъ здравою критикою, необходимыхъ для описанія народной жизни; но это еще не есть извиненіе. Русская археологія до сихъ поръ состоитъ должною во многомъ предъ современными требованіями. Мы не имѣемъ: ни древней Русской Топографіи, ни Грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій, ни Русской систематической Палеографіи, ни полныхъ Русскихъ актовъ, ни одной порядочно изданной летописи, ни Русскихъ сказокъ, ни Русскихъ областныхъ словарей. Мы не имѣемъ ни древнихъ, ни новыхъ оперъ, и для всего этого ничего не имѣемъ. Мы видимъ что у насъ есть Русскія исторіи. И что же въ нихъ есть?

Русскіе народные праздники представляютъ самыя разительныя черты изъ старой Русской семейной жизни. Но это сокровище, сохраняемое народомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, начало показываться въ нашей Литературѣ только въ XIX вѣкѣ. Мы не говоримъ о прежнихъ временахъ, когда на этотъ предметъ смотрѣли съ самой уничижительной стороны. Народъ не имѣлъ ни чѣмъ возгласать; онъ цѣнилъ свои праздники выше своихъ учителей, требовавшихъ ихъ уничтоженія. Наконецъ, явились люди, рѣшившіеся сохранить народные праздники въ письменахъ. Число этихъ людей такъ немного, какъ немного и самыхъ описаній. Засауи ихъ доселѣ

Т. 1. К. 1.

еще не оцѣнены, потому что мало обращаютъ вниманія на старую Русскую жизнь. Не удивляемся сему: не мы одни первые принимаемся медленно за подобные труды.

До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смѣшенія въ описаніяхъ Русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша Мифологія болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входитъ и Демонологія, никогда непривлежавшая не только Мифологіи, но и самой Русской жизни. Объ ней только Русскіе говорятъ; она никогда не осуществлялась у Славяно-Руссовъ, какъ Мифологія. Къ Мифологіи причисляютъ и Народные Праздники, совершенно безъ всякаго основанія. Несчастная ошибка Гизеля, вѣрившаго вѣтвоеводу Польскимъ запискамъ, ввела и Русскихъ писателей въ отчаянія крайности. Ладо, Купало, и другіе убѣдили описывателей народныхъ праздниковъ въ вѣрованіи небывалаго, Славяно-Русскихъ боговъ — языческихъ. Никто не хочетъ справиться съ сказаніемъ Нестора, а считаютъ необходимымъ указывать на Польскія записки, въ которыхъ встречается повтореніе одного и того же — небывалаго. Къ несчастію нашему видимъ ссылки на путешествія чужезмцевъ, бывшихъ въ Русской землѣ. Мы, Русскіе, изучая свою семейную жизнь, находимъ, что наши поселяне, жившіе всегда одинаково, въ неизмѣннѣныхъ обычаяхъ и повѣряхъ, сохранили нашу старую жизнь совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ путешественники-чужезмцы; незнание ни нашего языка, ни нашихъ повѣрьевъ, ни нашей жизни. Они описывали только то, что имъ пересказывали, и что они сами видѣли мелькомъ. Мы знаемъ, какой строгой при-
смотръ имѣли Русскіе за прѣзжавшими чужеземцами. Этого они и сами не скрываютъ. Мы даже теперь видимъ, какъ чужеземцы

жеземцы описывают насъ, современниковъ; что же было за 200 и болѣе лѣтъ? Правда, что нашимъ археологамъ предстоитъ невыполнимый трудъ — узнавать на мѣстѣ Русскую жизнь. Всего легче окружить себя книгами, и изъ нихъ выбирать свѣдѣнія о старой Русской жизни, нежели таскаться по селениямъ, собирать повѣрья и обычаи, подвергаться на каждомъ шагѣ тысячамъ неприяностей. Мы это говоримъ не въ обвинение нашихъ археологовъ; но лишь упоминаемъ о старой привычкѣ нашихъ писателей — пользоваться чужими источниками, очевидно неумными, перепечатывать сто разъ одно и то же, и выдавать за новое. Мы это доказываемъ самымъ дѣломъ. Пересмотрите всѣ наши археологическія изслѣдованія: вездѣ видимъ списываніе, а своего ничего. Вотъ почему наша Литература до сихъ поръ мало имѣетъ самобытныхъ сочиненій для Русской Истории. Что же сказать о Русской народной Литературѣ, действительность которой еще не многие признаютъ: многие-ли вѣрятъ, что она существуетъ на самомъ дѣлѣ?

Начнемъ свое обозрѣніе съ тѣхнхъ журнальныхъ статей, гдѣ впервые явились понятія о народныхъ праздникахъ.

Слова Русскихъ людей, возвышавшихъ важность Русскихъ народныхъ праздниковъ, раздались въ Московскихъ учебныхъ обществахъ. Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности заговорили объ этомъ: *М. Н. Макаровъ*, *А. Г. Глаголевъ*. Но это было предвѣстіе великаго дѣла. Въ Обществѣ Истории и Древностей Россійскихъ начались уже основательныя приготовленія. Дѣла въ этомъ отношеніи съ своими описаніями: *И. И. Снегиревъ*, *И. В. Васильевъ*. Программа *Г. Снегирева* о Русскихъ Народныхъ Праздникахъ съ начала возбудила вниманіе любителей старой Русской жизни; но потомъ объ ней забыли. *В. Б. Броневскій* помѣстилъ поверхностное описаніе Народныхъ Праздниковъ въ Московскомъ Вѣстникѣ. На это описаніе явилось замѣчаніе, печальное въ письмѣ къ издателю Московскаго Вѣстника въ 1828 году. Въ этому же разрядѣ мы должны причислить несколько другихъ журнальныхъ статей.

Въ XVIII части трудовъ Общества Лю-

бителей Россійской Словесности было напечатано сочиненіе *М. Н. Макарова*: *О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ*. Здѣсь находятся слѣдующія описанія:

1. *Овцарь или овегій праздникъ*, совершаемый поселянами въ 9 день Октября. Описыватель говоритъ, что этотъ праздникъ отправляютъ пастухи, играютъ на рожахъ, ходятъ съ поздравленіями по домамъ овцеводцевъ; приводятъ отрывокъ изъ пѣсни, напоминаетъ о посидѣлкахъ, и думаетъ, что эти посидѣлки есть *торжество невинности* — и только. Это было первое описаніе Русскаго Народнаго Праздника. Но узнали ли мы изъ него свой Русской Овцарь? Ожиданія остались впереди!

2. *Распутье, перекрестокъ, или пятница*. Описыватель говоритъ здѣсь о дорогахъ, пролегающихъ вѣдѣтъ крестъ на крестъ въ разныя стороны; рассказываетъ, что здѣсь ставили вдовцовъ, но какихъ? не рассказываетъ. *Коларинскую дорогу*, обыкновенный путь Татарскихъ набѣговъ, называетъ: *священною, илениною*, неизвестно почему. Говоритъ, что на священныхъ дорогахъ, къ счастью никогда несываемыхъ, *отлигались торжествомъ счастливыхъ вѣстрѣгъ и пегальныхъ провозовъ*. Приводитъ два отрывка изъ народныхъ пѣсней. Этими все и кончилось.

3. *Рѣка Донъ*. Рѣку Донъ описыватель, подобно Чулкову, Попову и Кайсарову, причисляетъ къ сонму боговъ Славянскихъ. Рассказываетъ по своему вѣдѣнн народную *Иванъ-Овсего*, приводитъ несколько стиховъ изъ народной пѣсни: *Донъ Ивановичъ*, гдѣ составляетъ несываемый стихъ: «Посмотрѣть на Ярилу!»

4. *Григниница, или день поста ерми*. Описыватель хотѣлъ изобразить народный праздникъ отправляемый въ 3 день Июня, при постѣ грѣхихи; но вмѣсто этого приводитъ пять стиховъ изъ какой-то *гудной басни о Крупеникѣ*; думаетъ, что Русскіе забыли *подлпанное или Нимфы, или божиши покровительницы цвѣтистой и муравейной ерми*. Но у насъ, Русскихъ, когда же были Нимфы? Ни народъ, ни пресвятыя памятки объ этомъ намъ ничего не говорятъ. Далѣе приводятся *для любознательныхъ содержаніе краткихъ ста-*

зотворной сказки о *Крупеникѣ*.

5. *Баба Яа, или Лаяя баба и Фалл*. Здесь встречается чудное описание: Баба Яа пожалована въ *Русскую Беллону, Сивиллу, волшебницу, колдунью, ворожею*. Говорить: «*Русскіе Донъ-Кихоты просили у бабы — оракула совета и помощи*». Думаетъ, что Московское урочище: «*Курьи ножки — не было ли жертвенникомъ, посвященныя: въ гестъ нашей Русской Сивиллы?*» Это предположение самъ описыватель послѣ отвергъ въ Телескопѣ, говоря о Русскихъ сказкахъ. Онъ увѣряетъ, изъ какой-то народной сказки, что *идолъ Бабы Яа состоялъ изъ одной только большой медной трубы, положенной на большомъ высокомъ камнѣ, и находится на мѣсть старой Рязани*; потомъ стоялъ при впаденіи потока Трубежа въ рѣку Оку, дальѣ около береговъ *Перелславль-Зальскаго озера, а въ послѣдствіи на Трубежѣ Малороссійскаго Перелславля*. Откуда взято это невѣроятное мнѣніе? Мы надѣемся, что Г. Макаровъ со временемъ откажется и отъ этого предположенія: этого требуютъ Русскія сказки. Заключаетъ описаніемъ, также по своему, народной сказки о Фаллѣ.

6. *Пол-козь, или Полканъ*. Это описаніе, разсказанное описывателемъ по своему, извлечено изъ народной сказки. Г. Макаровъ говоритъ, что *Полканъ былъ убитъ, красной, богатой, съятой, лебуди и великомъ нѣтъ-дѣлкомъ, обращенной колдуньей въ гудовище*. Здесь много несправедливаго. Жаль очень, что онъ не помѣстилъ вполне народную пѣсню о Полканѣ. Это было бы важное приобретение.

Объ Осемь, старинномъ Русскомъ праздникѣ. Г. Макаровъ, описыватель этого праздника, помѣстилъ свое описаніе въ Вѣстникъ Европы 1826 года. Сие описаніе состоитъ изъ приложенія народной пѣсни, и догадки, что *Осемь не былъ ли праздникомъ окончанія жатвы, собранія плодовъ и прог.; словомъ, уже не отъ ли наша Церера?* Вотъ еще новый подарокъ нашей Славяно-Русской Мифологіи! Не уже ли намъ непременно надобно переселить всѣхъ чужеземныхъ языческихъ боговъ въ свою Мифологію. Мы скоро встрѣтимся съ прототипомъ этого описанія, изданнаго И.

В. Васильевымъ. Вотъ что было сдѣлано Г. Макаровымъ для описанія Русскихъ народныхъ праздниковъ!

Послѣ сихъ прнуготовительныхъ описаній, М. Н. Макаровымъ приступилъ къ полному изданію Русскихъ Преданій, въ 1838 году. Въ своемъ предисловіи онъ писалъ: «издавая одну книжку Русскихъ Преданій, можетъ быть, я скоро издамъ еще нѣсколько такихъ же книжекъ. Предупреждаю читателей, что все здѣсь собранное было напечатано въ трудахъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Общества Любителей Россійской Словесности и въ журналахъ: С. П. Бургскихъ Новостяхъ Русской Литературы, изданъ А. Ф. Воейковымъ и В. И. Козловымъ, въ Вѣстникѣ Европы, ученомъ Журналѣ М. Т. Каченовскаго, въ Телескопѣ и въ другихъ.

«Нѣмцы весьма недавно издали свои преданія; другіе Европейцы дѣлаютъ тоже. Наши преданія имѣютъ много общаго съ Германскими. Печатаю нѣкоторыя изъ нихъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, я спрашивалъ: не могутъ ли онѣ быть въ числѣ другихъ историческихъ доказательствъ одного и того же Европейскаго происхожденія Европейскихъ народовъ? Не могутъ ли?»

«Въ этой книжкѣ преданія раздѣляются на самыя древнія—языческія. Такими я считаю Русскія преданія: о Русалкахъ, Лягушкѣ, о Падухѣ Пинжарѣ, Ярлѣ. Другіе относятся уже къ временамъ нашей Христіанской Эры; но и тѣ все еще перемѣшаны съ чѣмъ-то языческимъ: вся основа въ нихъ—основа временъ темныхъ, временъ непросвѣтленныхъ чистою истинною; они родились очень давно, какъ привычныя, ни какъ не могли быть у насъ покинутыми.

«Повѣсти о провалахъ церквей, монастырей, городовъ и проч. принадлежать къ чему-то непамятному въ нашихъ земныхъ переворотахъ; но преданія о городцахъ и городищахъ, не указавъ ли на странствованія по Русской землѣ первобытныхъ Славяно-Руссовъ?»

Въ сей первой книжкѣ помѣщены ровно 33 описанія: *Новый годъ у древнихъ Россіянъ, Баба Яа, Русалки, Лягушкѣ, Пинжарь, Ярло, Полканъ, Донъ и Духай*.

рпки, Трубежь, Проемный Кустъ, Бозатырскія кости, Смоленскій лѣсъ, Тростинская церковь, Поганое озеро подъ Суздалемъ, Овсгій праздникъ, Пятница, Коломенскій прудокъ, городъ Дюдиловъ, памятники о Кудяръ, залотая Лазьда въ лѣсу, Гроби проклятыхъ, Лѣстницы въ рай, городъ Берендѣевъ, Пронское бѣло, Чертово городище, Грътшиница, Свадебки—Урожище подъ Суздалемъ, Робя гора, Вертязинъ городецъ, нагало Данкова, казакъ Ерможокъ, Ростиславецъ городокъ, бояра—Покойники.

Во всѣхъ сихъ описаніяхъ встрѣчаемъ очень много новаго въ сравненіи съ прежними извѣстіями. Другіе предметы совершенно обработаны иначе. Отъ иныхъ мнѣній М. Н. Макаровъ решительно отказывается. Такъ въ описаніи ржи Трубежь (стр. 80) говорить: «кой кто, сказываетъ, что при Трубежь поклянялись Бавъ-Ягъ.» О покляненіи Бавъ-Ягъ на Трубежь было сказано самимъ М. Н. Макаровымъ въ XVIII части трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности, на стр. 123. Въ числѣ его новыхъ открытій мы нашли Славянскій лѣсъ (стр. 12) въ Данковскомъ уездѣ.

А. Г. Глаголевъ, какъ членъ Общества, доставилъ свое описаніе: *о характерѣ Русскихъ застольныхъ хороходныхъ пѣсней*, напечатанное въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ XIX т. Описыватель, разсматривая застольныя и хороходныя пѣсни, упоминаетъ: *О Красной горкѣ, Семицѣ, Троицкѣ днѣ, Петровѣ днѣ, Купалѣ, Осени.*

И. В. Вильямсъ доставилъ въ Обществу Любителей Россійской Словесности — описаніе Русскаго народнаго праздника: *Осень.*

Г. Арцыбашевъ, известный въ Русской Исторической Литературѣ, написалъ: *Взоргъ на обыгаи древнихъ Руссовъ*, напечатанное въ трудахъ Общ. Ист. и Дрес. Рос. ч. 2, стр. 9. Здѣсь описаны: *Старшинство, пострѣны, браки, общежитіе, нравы и управленіе, духъ народный, одежда, пища, дождь.*

Въ Северномъ Архивѣ 1822 г. № 24 помѣщена была статья Г-жи Черноцкой, перебранная съ Польскаго Глыбовицель: *остатки Славянской Мифологии, сохра-*

нишіеся у Бѣло Русскихъ поселенъ. Самое названіе, несоответствующее описаннымъ предметамъ, было дано по старому повѣрью—приписывать все древнее Славянскій Мифологии. Здѣсь описаны: *Купало, Радавница, Русалки, Добрологій.*

В Б. Броневскій, вызванный предложениемъ *И. М. Снегирева*, помѣстивъ свое описаніе въ Московскомъ Вѣстникѣ: *о народныхъ праздникахъ.* Г. Броневскій начинаетъ свое описаніе разговоромъ съ извопкомъ: *о коровей смерти*, потомъ — *о Красной горкѣ*, прибавляетъ только несколько словъ къ описанію Снегирева *о днѣ Св. Георгія, о недѣльѣ женъ Мирносицъ, Русальной недѣльѣ, Семицѣ, Троицкѣ днѣ, о Купалѣ, Аграфель Купальницѣ, о праздникѣ Солнца, Бабьелѣ лѣтъ, о каляхъ Башъ и Башиха;* далѣе проводитъ несколько *пословицъ и поговорокъ.*

На это описаніе Г. Броневскаго было напечатано въ 1888 г. въ Московскомъ Вѣстникѣ письмо къ издателю отъ *Тульскаго стирожила — Археофила.* Здѣсь встрѣчаемъ: дополненіе къ описанію коровей смерти, замѣчаніе на описаніе Красной горки и Русальной недѣли, о Семицѣ и бракахъ Майскихъ, о Аграфель Купальницѣ и Ивановѣ днѣ, о заговорахъ народныхъ, о Тульскихъ камняхъ и лсакахъ.

Совершенно въ другомъ видѣ являлись описанія *И. М. Снегирева.* Труды сего почтеннаго Русскаго археолога столько уважительны для нашей Литературы, что мы считаемъ не отвѣщающею жизнью Русскаго народа. Предпринимая полное описаніе Русскихъ Народныхъ Праздниковъ, онъ прежде всего обнародовалъ въ Московскомъ Вѣстникѣ (1827 года, въ № 3) программу. Вскорѣ послѣ сего появились въ периодическихъ изданіяхъ его отдѣльныя описанія Народныхъ Праздниковъ. Исчисляемъ ихъ:

1. *Старинныя народныя Святки и Купала.* Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1828 г. № 1.
2. *Русальная недѣля.* Напечатано была въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8.
3. *Красная горка.* Напечатано была въ Моск. Вѣстн. 1827 г. ч. 5 стр. 114.
4. *О древнемъ и новомъ Семицѣ.* На-

печатано было въ Москов. Вѣстн. 1829 г. ч. 5 стр. 164.

5. *Радунница, Радунецъ*. Напечатано было въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8. стр. 105.

6. *Иванъ Купало*. Напечатано было въ Атенеев.

7. *О Скудельницахъ или Убогихъ домахъ въ Россіи*. Напечатано было въ трудахъ Общ. Ист. и Древн. Россій. ч. 3, стр. 335.

Въ 1837 году почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ приступилъ къ полному изданію своихъ собраній о народныхъ праздникахъ. По принятому плану, онъ все свое собраніе издалъ въ 4 книжкахъ. Въ первой книжкѣ помѣщено: *Введеніе*, во второй: *Святки, Авсень, Масляница*; въ третьей: *Встрѣга весны, Красная горка, Радунца, Первое Апрелья, Свистопляска, Юрьевъ день весенній, Первое Мая, Праздникъ Кукушекъ, Семикъ, Троицынъ день, Власовъ праздникъ, Вербная суббота, Убогіе дома, Вьюнничикъ*; въ четвертой: *Русалки и Русалия, Купало и Купальница, Ярило, Петровки, Баша и Башаха, Земледѣльцескіе праздники, Семенинъ день, Осенняя родительская, Свадьбы*.

Въ его Введеніи изложено обзорное представленіе народныхъ праздниковъ и обрядовъ въ Россіи—*Бѣлой, Милой, Бѣлой, Черной и Красной* (стр. 6). Обзорное начинается отъ Славяно-Русской Мифологіи (стр. 10).

«Бѣлкій К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ стольномъ градѣ своемъ и семь главныхъ божествъ, именно: Перуна, Волоса, Даждь-Бога, Стривога, Хорса, Семаргла и Мокоша... Подъ влияніемъ Христіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только второстепенныхъ и особенно Мифы физическіе, кои имѣютъ предметомъ олицетворенныя явленія, и силы естества, или символы житейскихъ потребностей; каковы: Ярло, Купало, Лааъ, Чуръ, Авсень, или Трусень, Зничъ, Веснянки, Осенянки и Зимнянки, Водяны или Водяныя, Моряны, Огняны, известныя и Карпато-Руссамъ, Вѣтяны, также Русалки, Кикиморы, Карачуны, Яга-баба и Вѣдьмы. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владевала Лѣшій,

Т. I. К. I.

въ поляхъ Полевой, въ домахъ дѣдушка Домовой, который бывалъ и Постенемъ, а въ подпольяхъ Лизуномъ.»

Изъ этой основной идеи почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ выводитъ основаніе протонародныхъ праздниковъ, раздѣляя ихъ по времени и мѣсту (стр. 21). Въ первомъ случаѣ онъ раздѣляетъ праздники на *Древніе и новыя*—одни образованные въ язычествѣ и удержавшіяся до XVIII вѣка, другія появившіяся съ XVIII вѣка. Далѣе слѣдуетъ раздѣленіе праздниковъ на *весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе*, а по годовымъ временамъ на *подожжныя и неподожжныя*. Въ отношеніи обрядовъ нѣкоторые праздники у него называются *облѣчными*.

Предполагая, что праздники и повѣрія легко могли быть заимствованы отъ другихъ народовъ, онъ раздѣляетъ ихъ на *отечественныя и заимствованныя*. При такомъ взглядѣ на праздники, И. М. Снегиревъ обращается къ изслѣдованію Греческихъ мифовъ съ Индѣйскими. По этому ро- змискаяно, наше Перунъ възначенъ въ возгорченіи восточныхъ Индѣйцевъ, съ плазаніемъ на путешествіи по Индіи Савнерта (стр. 59). Купало имѣетъ сходство съ Индѣйскимъ *Копаломъ*. Перваго Мая есть праздникъ Греческій, наши хороводы, игры, родительскія, пятидесятидневныя, дѣтская въ воду, колдованіе—заимствованы отъ Грековъ. Греко-Римской мифологіи въ Россію, по мнѣнію И. М. Снегирева, образовало особенныя повѣрія и обычаи—въ быту, въ законахъ, въ календарѣ, и что такое влияние переходило къ намъ черезъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Самыя свадьбы наши, по его мнѣнію, имѣютъ много Римскаго (стр. 71).

Вліяніе Скандинавской Мифологіи, по его мнѣнію, находится въ Перунѣ, Волосѣ. Наше Суженой будто явился изъ Скандинавіи. Въ Семицкомъ четвергѣ онъ видитъ праяднество Торъ, или Трговъ день (стр. 74). 23 Апрель—день Егорьевъ съ своими обрядами существовалъ въ Скандинавіи въ празднествахъ Торъ.

Вліяніе Германской Мифологіи И. М. Снегиревъ допускаетъ въ обширномъ смыслѣ, и говоритъ, что Русь заморская принесла въ міръ Славянскій туземныя преданія, поговорки и пословицы, кой у насъ

11

обрусели [стр. 78]. Поклонение въ горахъ, заповѣданныхъ рощахъ, дремучихъ лѣсахъ, благоговѣнне предъ огнемъ, водою, поклонение подъ дубомъ и липою, большими камнями сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и Англо-Саксонскими [стр. 80].

Вліяніе Финскихъ племенъ на нашу Мифологию также допускаетъ И. М. Снегиревъ. Онъ находитъ у нихъ слѣды вѣрованія въ Перуна, Ивановскіе огни, Колдовства Кудесниковъ [стр. 89].

Вліяніе Литовской Мифологии, по его мнѣнію, отражается болѣе всего въ пашихъ обрядахъ. Литовскій Перкуни, Домовые, Злыдни, Постень, Мавки, благоговѣнне къ камнямъ, горамъ, рѣкамъ, рощамъ, Литовской календарь, Купало, Заживки, Помѣнки, Калѣда, Свадьбы—всѣма много имѣютъ сходнаго съ Славяно-Русскими повѣрьями.

Вѣрованія Чеховъ и Поляковъ, по основательному замѣчанію Банатке, перепутаны съ Римскими Мифами, и потому-то вліяніе ихъ на Славяно-Русскую Мифологию подвержено большому сомнѣнію. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ, слѣдуя указаніямъ Длугоша, Меховскаго и Бѣльскаго, старается отыскать сходства въ Ивановской ночи, Купалѣ, Бабьемъ лѣтѣ, Масляницѣ.

Послѣ такого обозрѣнія, почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ переходитъ къ разсмотрѣнію Славянскихъ Мифографовъ [стр. 131]. Въ ихъ описаніяхъ онъ явно отличаетъ истинныя и мнимыя божества. Полагаетъ, что изъ Рюгена и Ретра распространились повѣрья на Югъ и Северовостокъ, въ Перунѣ видитъ общіе божества Славянъ; въ Велесѣ находитъ сходство съ Скандинавскимъ Валласъ; приводитъ указанія изъ Длугоша и Банатке, что Фетишизмъ господствовалъ въ Пруси и Лѣтѣ [стр. 137].

Изъ означенія года и раздѣленія его на времена и мѣсяцы, онъ выводитъ раздѣленіе праздниковъ на весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе. Мѣстные праздники причисляетъ къ древнимъ Славянскимъ племенамъ. Отсюда опять переходитъ къ вторичному разсмотрѣнію народныхъ праздниковъ [стр. 139]. Калѣда, Купало, Бабьемъ лѣтѣ, Юрьевъ дня.

Въ названіяхъ Руси: Красной, Черной и Бѣлой онъ находитъ сходство съ Перуномъ, Черно-всомъ и Бѣль-всомъ, и полагаетъ,

что въ этой трехцвѣтной Руси остались болѣе замѣтные слѣды Славянскаго язычества; что идея о Красномъ, Руссмѣ, Черномъ есть господствующая въ Славяно-Русскомъ мирѣ; что Красная Русь была главнымъ расадникомъ Славяно-Русскаго богочужденія и богослуженія, и откуда онъ распространялся на Западъ и Востокъ Россіи. Эта идея привела почтеннаго изыскателя къ тому, что Владиміръ, собравши седмерицу боговъ въ Кіевѣ, долженъ былъ перевести ихъ изъ Красной Руси [стр. 153, 154].

Въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и мифахъ Черная Русь имѣетъ сходства съ преданіями Красно-Русскими и Волинскими. Бѣлая Русь совпадаетъ съ обычаями Польскими и Литовскими и есть одинаковые праздники съ Малороссійскими и Великороссійскими.

Остатки Украинской Мифологии, онъ полагаетъ, сохранились въ мифическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, поговоркахъ и обычаяхъ. Въ Веснянкѣ видитъ Польскую Марану, Велико-Русскую Радуніцу сравниваетъ съ Гробками, въ Криницѣхъ видитъ Русалокъ.

Послѣ сего почтенный изыскатель обращается къ вторичному обозрѣнію Велико-Русскихъ праздниковъ общихъ и мѣстныхъ [стр. 177], а потомъ къ новому раздѣленію праздниковъ на городскіе и сельскіе. Въ сельскихъ полагаетъ [стр. 191] сосредоточіе трѣбницъ, мольбищъ, штрищъ, и что погосты и городища составляли такое сосредоточіе. Время сельскихъ празднествъ опредѣляется лѣтними и зимними солнцестояніемъ, прилетаніемъ и отлетаніемъ птицъ, развертываніемъ и паденіемъ листьевъ, замерзаніемъ и вскрытіемъ рѣкъ, началомъ и концемъ полевыхъ работъ. Изъ этой категоріи возникли: праздники земледѣльческіе и пастушескіе.

Рожденіе, свадьба и смерть составляютъ особенныя народные праздники и обряды. Къ первому разряду принадлежатъ: родинны, размываніе рукъ, опоясываніе, пострѣги и посаженіе на коня, именины; ко второму: рукобиты, посадылки, стоворы, дѣвичники, вѣчанье, княжой столъ, баня, походы по роднымъ; къ третьему: похоронныя помѣнки, третѣны, девятѣны, полдоговичны, сорочѣны, полугодовичны, годовичныя.

Вот обширная канва, по которой почтенный И. М. Снегирев рѣшился изслѣдовать наши народные праздники. Онъ первый обратился къ сравнительнымъ объясненіямъ, первый положилъ начало критическаго изслѣдованія Славянскихъ преданій. При такомъ обширномъ объемѣ онъ невольно увлекался мнѣніями другихъ и допускалъ тождество Мифологии и Демонологии, въ его сравнительныхъ изслѣдованіяхъ Славянскихъ преданій видимъ неразработанные источники, материалы, ожидающе будущихъ дѣлателей. Будь это его Введеніе обработано систематически, оно было бы у насъ образцовымъ сочиненіемъ, книгою справочною для изслѣдователей. Теперь обратимся мы къ его частнымъ описаніямъ.

Святки. Название и большая часть святочныхъ игръ, онъ полагаетъ, перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи, и что самые Святки на Славянскихъ нарѣчіяхъ означаютъ праздники. Обзоръ Святковъ онъ начинаетъ съ Малороссійской Коляды, и возводитъ отъ Римлянъ, сравниваетъ съ Скандинавскимъ Юльскимъ, праздникомъ Тога и Одина, сличаетъ, съ подобными Англійскими, Голландскими и Германскими празднествами. Велико-Русскія Святки, по его мнѣнію, состоятъ изъ славленія, наряжанья, и загадыванья. Приводитъ изъ книгъ пѣсенъ, обрядовъ, гаданья и выписываетъ загадки. Въ хожденіи по домамъ съ вертепомъ и звездой находитъ сходство съ Западною Календою. Славленіе по домамъ допускаетъ только со временъ Алексѣя Михайловича. Въ описаніе святковъ приводитъ празднованіе новолѣтія, установленное Петромъ Первымъ. Изъ всѣхъ его выводовъ о Святкахъ вышло то, что Коляда перешла на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, что гаданья и перенаряжанья имѣютъ связь съ Демонологіею и Астрологіею, что предметъ святочныхъ мифовъ есть природа и жизнь. Въ дополненіе къ Святкамъ изыскатель приводитъ изъ печатныхъ книгъ пѣсни Колядскія, подблюдныя, круговыя. Подблюдный отдѣлъ пѣсенъ, рѣшительно не имѣетъ никакой связи съ Святками и самъ изыскатель признаетъ, что онъ свадебныя [стр. 102], хотя между ими находятся хороводныя и плясовыя.

Авсень. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ приурочиваетъ Авсень къ Святкамъ, и говоритъ, что такъ называется канунъ новаго года, Васильевъ вечеръ, и что въ некоторыхъ мѣстахъ онъ же составляетъ и Коляду. Онъ Авсень считаетъ стариннымъ Земледѣльческимъ праздникомъ, прообразовательнымъ обрядомъ освѣщенія, отчасти сходнымъ съ древнимъ обрядомъ осыпанія при бракосочетаніи молодыхъ. Къ описанію Авсеня присоединены пѣсни изъ печатныхъ книгъ. Соединяя съ Колядою Таусень, онъ считаетъ его только мѣстнымъ народнымъ праздникомъ, и что это сочетаніе намекаетъ на соединеніе мифовъ разномысленныхъ народовъ на Руси. Такое предположеніе доказательства не имѣютъ правдоподобія. Созвучіе и сходство въ словахъ увлекали у насъ на Руси многихъ къ ошибкамъ. Въ числѣ Авсеньевыхъ пѣсенъ мы опять подъ № 3 нашли пѣсню свадебную, а подъ № 4 не только не пѣсню, но причитываніе старушекъ въ дѣтскихъ играхъ.

Масляница. Масляницу нашъ археологъ называетъ годовымъ, разительнымъ праздникомъ народа. Потомъ слѣдуетъ номенклатура ея по-Французски и по-Нѣмецки, сравненіе съ Вахханаліями (стр. 116) и нынѣшнимъ карнаваломъ. Далѣе приложены выписки (118) изъ недѣлаго извѣстія о Московіи. Масляницу онъ раздѣляетъ на четыре части: встречу, разгулъ, широкій четвертъ и прощанья. Обряды Германіи Католической, приводимые имъ, со всемъ не нужны для сравненія Русской Масляницы. Выписка изъ Русской старины Корниловича о празднованіи Масляницы Петромъ 1 и мѣстные обряды по городамъ еще напоминаютъ, что нашъ археологъ говоритъ о Масляницѣ; но повѣрка этихъ мѣстныхъ обрядовъ въ Саксоніи Лаузицъ, Богеміи и Силезіи (стр. 130) затемняетъ только Русскую вытѣ, и указаніе на нихъ свадебно совсемъ не кстати. И здѣсь опять, на Масляницѣ, явилось празднованіе Коляды! Это явная натяжка по любимой идее археолога.

Встрѣча весны. Встрѣча весны составила у нашего почтеннаго изыскателя особенный праздникъ, отдѣльный отъ Красной горки. Начиная всегда своей изысканія номенклатуру, онъ прямо переходитъ отъ ней

къ допотопнымъ временамъ (стр. 2). Наконецъ на 12 стр. находить, что въ Смоленской губернии кличуть весну въ день Евдокеи, на *Сороки*, а въ Буйскомъ уездѣ въ великій четвертокъ, въ Тульской губернии съ *Омивой* недѣли. Изъ всего этого выходятъ, что праздникъ—*Встрѣча весны*—принадлежитъ къ Красной горки. Иначе и быть не могло.

Красная горка. Нашъ почтенный археологъ прямо говорить, что Красная горка есть одинъ изъ народныхъ праздниковъ Красной весны (стр. 18). Отселъ у него начинается розысканіе о горахъ и о словѣ красный, по которому выходитъ (стр. 24), что Красная горка значитъ красное и увеселительное местоположеніе. Игры *Борьба* также причислены у него къ Красной горки. Розысканія о призывѣ пресенномъ *Лада* увлекло нашего археолога къ Литовской *Мисологии*. Взглядъ на местные обряды очень любопытенъ и заслуживаетъ предпочтеніе всѣмъ изысканіямъ, тутъ приводимымъ. Къ Красной горкѣ отвесено у него *Святое проса* и игра *Сходбище*. Мы въ этомъ не согласны съ изыскателемъ, потому, что оба эти игры повторяются во все время года. Мы видали ихъ даже въ *Московскѣ* землекъ, на свадьбахъ, въ комнатахъ, и такія встречи попадались намъ и въ другихъ городахъ.

Радунца. Послѣ номенклатуры, археологъ нашъ называетъ Радунцу заукоичнымъ праздникомъ; его изысканія о мѣстности и древности Радунцы—показываютъ, что это не праздникъ народный, а простое *святѣе церковный*.

Первое Апрѣля. Мы не понимаемъ, почему почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ Первое Апрѣля причисляетъ къ Русскимъ народнымъ праздникамъ. Такого праздника нашъ народъ никогда не праздновалъ.

Свистопляска. Воспоминаніе жителей *Вятки* о несчастномъ событіи съ ихъ предками въ 1480 году—отправлять поминовеніе на *мѣстахъ*—подало поводъ нашему археологу составить народный праздникъ. Въ этомъ виноваты г. *Хетрово*, доставившій Московскому историческому обществу описание сраженія *Вятичей*.

Юрьевъ день весенній. Послѣ почти всемірнаго обзора народовъ, почтеннѣйшій

И. М. Снегиревъ переходитъ къ тому, что *Егорьевъ* день есть не только церковный, но и народный праздникъ, сопровождаемый у *Грековъ*, *Скандинавовъ*, *Нѣмцы* и *Славяны* разными примѣтами, обрядами и весельями. На *Сѣверной Россіи*, говорить онъ (стр. 74), въ этотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между *простолюдинами* онъ то же, что въ *городахъ* первое *Мая*.

Первое Мая. Первомайскій праздникъ, говорить намъ археологъ, у *городскихъ жителей* есть первое весеннее гулянье за городомъ въ *рощѣ*. Далѣе: это гулянье неизвѣстное въ *сельскомъ быту* на *Руси*, есть иностранное и новое. Послѣ этихъ словъ и мы не будемъ считать Первое Мая Русскимъ народнымъ праздникомъ.

Праздникъ Кукушко. Вотъ еще новый праздникъ для нашего народа. Почтенный изыскатель увлекался *взрваніями Римлянъ* и *Литовцевъ* въ *птицеволованіе*, придаетъ почти одинаковыя дѣйствія и нашимъ *Кукушкамъ*. Одинъ обрядъ изъ народного праздника *Семика*, совершаемаго въ *Тульской губернии*, когда *сходятся два кумы* для *кумованія*, послужилъ нашему археологу къ составленію особеннаго народного праздника.

Семика. Нашъ почтенный археологъ Семика называетъ *двѣничнымъ* праздникомъ [стр. 29]. Описание этого Семика не имѣетъ *мѣстныхъ, самыхъ любопытныхъ и важныхъ* для народности *подобностей*. Указаніе на *празднованіе Чремика* кажется совершенно лишнее [стр. 107], равно какъ и *Нѣмецкіе обряды* [стр. 110]. Къ концу приложены изъ *печатныхъ книгъ* обрядныя и *хороводныя пѣсни*, подъ названіемъ *Семицкихъ*.

Троицынъ день. Почтенный нашъ археологъ Троицынъ день почитаетъ *отдѣльнымъ* народнымъ праздникомъ—отъ Семика. Между тѣмъ, какъ далѣе говорить, что исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ (стр. 128). Въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что онъ *хороводныя игры* и *семицкіе обряды*, *отдѣльно* взятыя, почитаетъ за народный праздникъ. Все это вышло отъ того, что *мѣстные обряды и обычаи*, разбросанные по *разнымъ городамъ и селеніямъ*, имѣющія свои отличія, подали поводъ къ *отдѣльнымъ*

идеямъ; эти-то отдѣльные идеи, какъ особенныя черты Русской народности подали мысль нашему археологу считать ихъ за особенныя празднества. Семикъ, Троицынъ день и праздникъ Куклушекъ составляютъ одно народное празднество: разность только въ мѣстныхъ обрядахъ и хоровахъ.

Въ дополнительныхъ статьяхъ къ третьей книжкѣ, мы находимъ: Власьева праздникъ, Веревную субботу, Убогие дома и Вьюкишникъ.

Описание Власьева праздника мы скорѣе бы отнесли къ Славяно-Русской Мифологии, нежели къ народнымъ праздникамъ. Въ предположенія, здѣсь приводимыя о опаживаніи, Масляницѣ, о перепесевіи мифа заморскими выходцами на Югъ и Сѣверъ Россіи—ожидаютъ большихъ розысканій.

Вережная суббота принадлежитъ исключительно Русской церковной исторіи. Самъ археологъ описываетъ болѣе старинныя церковныя обряды.

Описание Скудельницъ или Убогихъ домовъ также неправильно отнесено къ народнымъ праздникамъ. Ямникъ, съ сараемъ наверху, куда свозили умершихъ, часовня, стоящая близъ ямника, крестный ходъ, совершаемый изъ ближайшей церкви къ ямнику въ Семицкой четвергъ—вотъ предметы, совершенно чуждые народныхъ увеселеній.

Вьюкишникъ принадлежитъ къ вселеннымъ обрядамъ Красной горки. Мѣстное торжество народа, начинающееся за день до Красной горки, въ одной Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ, не можетъ составлять особеннаго народнаго праздника.

Русалки и Русалия. Русалки, составляющія на Руси отдѣльный мифъ изъ Русской Демонологіи, существа, олицетворяемыя въ понятіяхъ народа въ известное время года, не могутъ входить въ число народныхъ праздниковъ. Объ нихъ можно было бы сказать только при описаніи Сятокъ и Семика. Въ это время мифъ о Русалкахъ проявляется въ суевѣрныхъ головахъ; но чтобы Русской народъ въ честь Русалокъ отправлялъ особенное празднество—этого никогда не бывало ни прежде, ни нынѣ.

Купало и Купальница. Народное празднество всего Славянскаго міра, известное

подъ именемъ Купальскихъ огней, Субботы. Прежніе наши Мифотрафы считали Купало за особеннаго Славяно-Русскаго бога. Нашъ археологъ находитъ начало Купальскихъ огней у Иудеевъ, Индѣйцевъ (стр. 23) Грековъ, Римлянъ, у Англо-Саксовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Финновъ, Поляковъ, Литовцовъ, ссылается на капитуляріи Карла Великаго, по указанію Ревваля, находитъ подобныя обряды у Мальтійскихъ рыцарей. Собственно Купальское празднество принадлежитъ исключительно у насъ Мало-Руссамъ, а у Велико-Руссовъ существуютъ только народныя игры, зарываніе травъ, доставаніе изъ дерева огня, изъ долины корня травы Палауна и Папоротникова цвѣта. И все это у насъ, Велико-Руссовъ, известно подъ именемъ Иванова дни, а не Купалы. Ивановской огонь у насъ былъ повсемѣстнымъ въ XVI столѣтіи и запрещался Стоглавымъ соборомъ. Нашъ археологъ въ Купальницѣ отыскиваетъ идею воднопоклоненія а въ Купалѣ идею травоволхвованія. Кажется, что это требуетъ большихъ доказательствъ, и по вѣрнѣйшему известнымъ фактамъ, не мало не подтверждается. Приложенныя имъ Купальскія пѣсни служатъ явнымъ доказательствомъ.

Ярило. Особенное мѣстное празднество народа, известное въ старину и во Стоглавѣ подъ именемъ Наливокъ было совершено въ Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. Мы благодарны почетнѣйшему нашему археологу за собраніе мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ празднества Ярилы. Замѣтимъ, что этотъ Ярило не вездѣ называется такъ. Въ Ярославлѣ его величаютъ Солониною, въ Нерехѣ Ковюховкою.

Петровка. Народное гулянье въ день Петра и Павла повсемѣстно въ Россіи. Петровскія хоровады, называемыя только по времени ихъ отправленія, и игры—не составляютъ особеннаго народнаго праздника. Но нашъ археологъ составилъ изъ мѣстныхъ празднествъ и увеселеній особенный праздникъ. Мы не вѣримъ, чтобы съ Петровками соединялись у простаго народа обряды и обычаи, носящіе на себя печать древняго быта и древнихъ повѣрій; не вѣримъ также тому, чтобы этотъ праздникъ совершался въ честь Солнца, боготворимаго подъ име-

нема Купало или Ладо (стр. 68). Начнемъ и кончимъ тѣмъ, что наши Славяно-Руссы не имѣли въ числѣ своихъ боговъ ни Купало, ни Ладо. Этого не говорить ни народъ, ни Несторъ.

Башъ и Башиха. Уваженіе къ большимъ и малымъ камнямъ, какъ къ памятникамъ народнымъ, разсѣяно по Россіи во многихъ мѣстахъ. Но чтобы Башъ и Башиха, такъ называемые два камня, находящіеся въ Тульской губерніи, Одоевскомъ уездѣ, въ селѣ Башевѣ—составляли народный праздникъ—никогда не слышано и не видано на Руси.

Земледѣльческіе праздники. Въ числѣ Земледѣльческихъ праздниковъ помѣщены: покосъ, жнитва, ошашка, замолоть, помочъ или толока. Въ легкихъ очеркахъ почетный археологъ представлялъ сельскіе обряды, совершаемые при сихъ празднествахъ. Празднество покоса, отправляемое въ нашихъ степныхъ губерніяхъ ускользнуло изъ видовъ изыскателя. Вообще, все это отдѣленіе не имѣютъ подробностей, даже нужныхъ для точнаго изображенія описываемыхъ предметовъ.

Семеновъ день. Начало новаго лѣта, первый день Сентября предки наши называли Семеновъ день. Здѣсь начиналось и Бабые лѣто. Первая недѣля новаго лѣта называлась Семинскою. Съ этимъ днемъ соединялось у нашихъ предковъ: встрѣча новаго лѣта, лѣвки на судъ, начало бабыихъ работъ и засѣтки, братчины, похороны мухъ и корободы. Почтенный И. М. Свєгиревъ обратилъ все вниманіе на описаніе встрѣчи новаго лѣта, какъ это изложено въ Чревникѣ 1639, въ Чревъ мѣтопровожденія, помѣщенномъ въ Древней Вивлюэжкѣ (ч. VI), и въ одномъ Нѣмецкомъ путешествіи. Огел-

рій также былъ свидѣтелемъ нашего новаго лѣта. Судный срокъ описатьъ очень кратко.

Осенняя родительская. Въ числѣ поминальныхъ обрядовъ отправляемыхъ осенью известны: Дмитревская и Покровская субботы. Первая назначена В. К. Дмитриемъ Ивановичемъ Донскимъ, а вторая известна только въ одной Сибири. Не знаемъ и не ведаемъ, почему почтенный археологъ рѣшился включить родительскія поминки въ число народныхъ праздниковъ.

Свадьбы. Взглядъ краткой и почти вѣдой о Русскихъ народныхъ Свадьбахъ самаго изыскателя предшествуетъ описаніямъ двухъ свадебъ Костромской губерніи, составленныхъ по запискамъ кн. Козловскаго и М. Я. Дѣва.

Таковъ обширный планъ описаній Русскихъ народныхъ праздниковъ, приводимый нынѣ въ исполненіе нашимъ первокласснымъ археологомъ. Богатство иностранныхъ источниковъ, посевія мѣстныхъ жителей и собственные наблюденія—были его основными матеріалами. Часто излишнее довѣріе къ иностраннымъ источникамъ, иногда словопроизводство затемняла разысканія и оглядка отъ настоящаго предмета. Чужія мѣстные наблюденія, принятые имъ за верныя источники, часто также грѣшатъ противъ достовѣрности; но все это такъ ничтожно предъ трудомъ его, что въ будущихъ изданіяхъ можетъ быть легко исправлено. Трудъ въковый, трудъ исполненный съ знаніемъ дѣла, составляетъ заслугу почтеннѣшаго И. М. Свєгирева выше всѣхъ предшественниковъ. Благодарность современниковъ, благодарность потомства будетъ лучшею наградою его заслугъ. Дѣло во славу родины, есть дѣло великой важности.

СРЪВАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ВТОРАЯ.

РУССКОЕ

НАРОДНОЕ ЧЕРНОКОШИЕ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

РУССІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ШЕРИТКИ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

РУССКОЕ

НАРОДНОЕ

ЧЕРНОЗЕМЬЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ О РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖИИ.

Народныя преданія; древнія Русскія сказанія; источникъ Русскихъ преданій.

СКАЗАНИЯ О КУДЕСНИЧЕСТВѢ.

Русскіе народныя заговоры:

Отъ недуговъ красной дѣвicy въ болѣзни полюбившаго молодца.

Красной дѣвicy о обереженіи въ дорогѣ полюбившаго молодца.

Отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитякою.

Охотника на постановныхъ влѣткахъ для зайцовъ.

На путь дороженку.

На укрощеніе родимой матушки.

На укрощеніе злобныхъ сердець.

На посаженіе пчелъ въ улей.

На утиханіе крови.

Отъ укушенія вѣи.

Отъ ужаленія козюльки.

На отгнаніе черныхъ муравьевъ.

Отъ червей.

Отъ глубокой скорби.

Отъ пашалей и стрѣлъ.

Отъ ратныхъ орудій.

Отъ пудъ свинцовыхъ, каменныхъ.

На желѣзо, уладѣ, сталь, вѣдь.

На карты.

Отъ осы.

Отъ жапоа.

На остановленіе руды.

Отъ лихорадки.

Ратнаго человѣка, идущаго на войну.

На любовь красной дѣвicy.

Отъ корѣа.

Отъ недуговъ.

На покраденную вещь.

Оборотня.

Для любви.

Родимой матушки въ наоспой тоскѣ своей дитяти.

Красной дѣвicy отъ тоски.

На любовь красной дѣвicy.

На воду.

Островника на зеленую дуброву

Отъ лихаго человѣка.

Красной дѣвicy отъ недуговъ полюбившаго молодца.

Охотника на утокъ, гусей, тетеревей,

На любовь.

Отъ черной немочи.

Отъ бѣшеной собаки.

Отъ родинца.

Молодушки отъ лютой бѣды.

Красной дѣвicy отъ призораковъ.

Отъ колотья и болѣстей.

На загнаніе съ островника вѣррей и гадовъ.

На подходъ.

На остуду между мужемъ и женой.

На удачную ловлю вѣррей.

На тоску доброму молодцу по красной дѣвicy.

Отъ грижа.

На остуду между молодцомъ и дѣвicyей.

СКАЗАНИЯ О ЧАРОДѢЙСТВѢ.

Преданія о народныхъ чарованіяхъ.

Чары на вѣтеръ.

— слѣдъ.

для колѣвъ.

на лошадей.

— подтежъ.

надъ вѣтелю.

— лягушкою.

— голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ вѣями и лягушками.

Чародѣйскій травникъ.

Заклипательная пѣсня надъ духами.

Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня вѣдьмъ.

Пѣсня вѣдьмъ на роковомъ шабашѣ.

Чародѣйская солнцевыхъ дѣвъ.

СКАЗАНИЯ О ЗНАХАРЬСТВѢ.

Преданія знахарей и колдуноевъ.

Пчельное дѣло.

Сбрыгиваніе,

Переполохъ.

Соляшница.

Открытіе колдуна.

Сгѣль.

Съ глазъ.

Хлѣбная завязка.

Зубы лечить.

Куринная слѣпота.

Морозъ.

Неразвѣнный рубль.

Кость пивидимка.

Свадебная поруха.

Вывѣдываніе жаны.

Развѣнный колдунъ.

Вѣдьмино селеніе.

Собачья старость.

СКАЗАНИЯ О ВОРОЖЬѢ.

Народныя гаданія.

Гаданіе на картахъ.

Козѣ.

Псалтырь.

Рѣшетѣ.

Янцахъ.

Иглахъ.

Воскѣ.

Свинцѣ.

Въ верналѣ.

Курицею.

Водогаданіе.

Святочныя гаданія.

Снотолкованія.

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ

О

РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖИИ.

Тайныя сказанія Русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни, и никогда не были мнѣнемъ общественнымъ, мнѣнемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями; но въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди, близкіе къ престолу, люди, участвовавшіе въ служеніи Церкви, люди, исполнявшіе общественныя должности по городамъ — болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но никогда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ? Они однѣ и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ: тамъ и здѣсь земледѣіе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь повѣрія. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрія, противныя образу ихъ дѣйствованій; люди, оставшіеся въ неизмѣнной жизни, никогда не забывали ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ рассказахъ поселенъ мы доселѣ слышимъ были о старой Русской семейной жизни.

Преданія Русскаго народа вмѣщаютъ въ себя всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляетъ указать народу на вредныя слѣдствія. Представляемъ здѣсь словесныя преданія Русскаго народа

Т. I. Ч. 2.

О ТАЙНЫХЪ СКАЗАНИЯХЪ ЧЕРНОКНИЖИЯ ИЗВѢСТНАГО ДОСЕЛѢ НАШНЕМЪ ПРОСТОЛЮДИНАМЪ.

Словесныя преданія Русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ Черноknижія, отрѣкались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Встарину олицетворителей тайныхъ сказаній оглашали разными названіями. Однихъ величали: Кудесниками, Чародѣями, Вѣдунами, Колдунами; другихъ называли: Волхвами, Ворожеями, Знхарями, Доками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ: Черноknижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось Черноknижіе нашихъ предковъ? Вероятно, что умственное образованіе сообщалось всѣмъ сословіямъ изгладію изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранитъ въ памяти преданіе о Черноknижіи, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о Черноknижникахъ, наши поселеніе увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ Чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, испещренную заговорами, чарами, обаяніями. Всякой Черноknижникъ умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрія, неоспориваемыя ни вѣками, ни людьми, повѣрія, что умершіе Черноknижники прихо-

дять въ полночь, одѣтые въ бѣлыя саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старйки рассказываютъ еще, что полночные поствителн шарятъ по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все, имъ предлагаемое. Другіе же, напротивъ, уверяютъ, будто они, приходя къ дому, стучатъ въ двери и окна, истребляютъ всякой домашній скотъ, и, при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ Черно-книжниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землю, гдѣ въ это время Дока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ основной колъ между плечами. Старйки рассказываютъ, что когда-то одинъ удалый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу по-сла Чародѣя. Во время чтенія явился къ нему Черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но Черти все являлись за новыми требованіями. Истомленный выдумками для отысканія работы, онъ не находилъ уже болѣе для нихъ занятія. Неотвѣстныя черти задушили удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣетъ пренебрегаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа одни только Колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживатьющихъ землю.

Народъ никогда не любитъ Черно-книжниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадьбѣ—онъ портитъ или жениха, или невесту, или гостей. Видитъ ли Кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ—онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли Знахарь съ поселянкою—онъ присаживаетъ ей на носъ *кнзу*. Обойдутъ ли Колдуня принашенемъ на свадьбу—онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проезжаетъ возка, и тогда свадьба свѣчается съ толку. Испортитъ ли Вѣдунъ женщину—она лаетъ собакою, мяучитъ кошкою, и когда

положить на нее запертой замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что Порчи, произведенныя Черно-книжниками, бываютъ: временныя и вѣчныя. Временныя Порчи отговариваются въ деревняхъ Доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что Чародѣи могутъ испортить человека за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые зализываютъ въ чрево, и тогда клыкуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пироги. Черно-книжникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и никого самъ собою не портитъ. Все это дѣлается по просьбѣ людей враждующихъ, по неотвѣстности молодежи, желающихъ навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, слыветъ напущеніемъ. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотой, говоритъ: это не-спроста—здѣсь замѣшалась чертовщина. Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить—при взглядѣ на непросыпнаго пѣльницу, записнаго игрока: «это напущено.» Кромѣ этого, Черно-книжникамъ приписываютъ: Обморочанье, Узорчанье, Обяленіе.

ОБМОРОЧИТЬ, слово столь часто употребляемое въ Русскихъ пѣсняхъ, выражаетъ собою полное могущество Черно-книжника. Ясно простодушнаго поселянина: обморочанье есть обманъ. Чародѣй, пѣльнившись какою нибудь вещью, утверждаетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить Чародѣю, знающему всю подонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а Чародѣй навсегда остается полнымъ ея владѣтелемъ. И это значитъ обморочить. Такъ точно Цыгане успѣваютъ увѣрить поселанокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвыя мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значитъ то же—обморочить. Въ народномъ рассказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдина увѣрятъ о предметѣ про-

тебѣ. Се же и высть ему; во едину убо
нощъ высть безвѣсти. Бѣси бо, подтокше,
на зло водятъ, по семъ же смѣются, вверг-
ши въ пропасть смертную, и научивши гла-
голати, яко се скажемъ бѣсовское науче-
ніе и дѣйство ¹.»

«Бывши бо единою скудости въ Ростов-
стей области, воста два Волхва отъ Яро-
славля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто
обвѣе держитъ. И идоста по Волзѣ и при-
идоста въ погостъ; ту лучшая жены нари-
чаше, глаголюще: яко сія жито держитъ,
а сія медъ, а сія рыбу, а сія скору. И при-
дожаху къ нимъ сестры своя, и мать и
жепа своя; они же въ мечтѣ прорѣзоваша
имъ за плечомъ, и вышаста любо жито,
любо рыбу, любо вѣлку. И увишаша мнози
жены, имѣнія ихъ отнимае за ся; и при-
идоста на Бѣлоозеро; и въ у нихъ мнѣхъ
людей триста.

Случися принти отъ Святослава дань ем-
люще Яву сыну Вышатину, и повѣдаша
ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли, и
ужа многихъ по Волзѣ и по Шекснѣ по-
губили, и пришли еще семо. Янъ же ис-
пыта, чья есть смерди; и увидѣвъ же Янъ
яко князя его, и посла къ нимъ, иже око-
ло его суть, и рече: выдѣйте Волхвовъ тѣхъ
семо, яко смердѣвъ князя моего и мой;
они же сего не послушаша. Янъ же самъ
пойде безъ оружія. И рѣша ему отроцы
его: не ходи безъ оружія: изсоромятъ тя.
Онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ, ес-
та бо съ нимъ 12 отрокъ, и пойде съ ни-
ми по лѣсу; они же сташа, испочинившися
противу. Яневи же идѣху съ топоркомъ,
выступивша отъ нихъ три мѣща, и привидѣша
къ Яневи, рекуще ему: види, что идеши
на смерть, не ходи. Яневи же повелѣвшу
бити я, къ прочимъ же поиде; они же су-
нушася на Яна, единъ же грѣшисъ топо-
ромъ. Янъ же оборота топоръ и удара ты-
льемъ, повелѣ отрокомъ своимъ съчи ихъ;
они же бѣгоша въ лѣсъ; увишаша же ту по-
паша Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Бѣ-
лозерцамъ, и рече имъ: аще не имете Вол-
хвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Бѣ-
лозерцы же шедше, янъ же и привидѣша
ихъ къ Яневи. И рече имъ Янъ: что ради
только погубиста чловѣкъ? Онемъ же

рекшимъ: яко ти держатъ обвѣе; да аще
истребимъ сихъ, да будетъ гобина; и аще
хощеши, предъ тобою вынемъ жито, или
рыбу, или иное что. Янъ же рече: по ис-
тинѣ жла то есть: сотворилъ есть Богъ че-
ловѣка отъ земли, составленъ костями и
жилами отъ крове и втѣсть въ немъ ничто
же, но токмо Богъ единъ втѣсть. Они же
глаголаста: вѣмы, како есть сотворенъ че-
ловѣкъ. Янъ же рече: како? Они же реста:
Богъ мысля въ мовницѣ, и вспотѣвъ отре-
ся втѣхомъ и сверже съ небеси на землю;
и распреся сатана съ Богомъ, кому въ немъ
сотворити чловѣка. И сотвори диаволъ че-
ловѣка, а Богъ душу въ онъ вложилъ;
тѣмъ же аще умреть чловѣкъ, въ землю
идеть тѣло, а душа къ Богу идеть. И ре-
че имъ Янъ: по истинѣ прельстивъ есть
васъ втѣсъ. Кому Богу вѣруете? И реста:
Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть?
Они же рекоша: сидитъ въ вездѣхъ. И рече
имъ Янъ: то кій-то Богъ сидитъ въ безд-
нѣ? той есть втѣсъ, а Богъ есть на небе-
ствѣхъ, свѣдѣть на престолѣ славимый отъ
Ангель, иже предстоитъ ему со страхомъ,
не могуще павъ зрѣти, а сихъ Ангель свер-
женъ высть за гордость съ небеси, его же
вы глаголете Антихриста, и есть въ безд-
нѣ, яко же вы того глаголете, жадуще, ег-
да свидѣть Богъ съ небеси, сего Антихри-
ста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ
огнь втѣнемъ съ слугами его, иже къ не-
му вѣрують; вамъ же и здѣ прити мука у
меня и по смерти тамо. Онемъ же глаго-
лющимъ: наши божи повѣдають—не може-
ши намъ сдѣлатъ ничесо же. Онъ же рече
имъ: жуть в амъ вози ваши. Они же реста:
намъ стати предъ Святославомъ въ Киевѣ,
а ты намъ не можеши сотворитъ ни чесо
же. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати
брады ихъ. Снмъ же вѣннымъ и потор-
ганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ вози ва-
ши скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: ста-
ти намъ предъ Святославомъ. И повелѣ
Янъ клепъ вложити во уста ихъ, и привя-
зати ихъ ко упругу, и спустити предъ со-
бою въ лодби, а самъ за ними поиде и
сташа на усть Шексны. И рече имъ Янъ:
что вамъ божи ваши повѣдають? Они же
реста: тако молвятъ божи наши — не быти
намъ живымъ отъ тѣля. И рече имъ Янъ:

то вамъ право повѣдали. Они же рекоша: аще наю пустыши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль примещи и зло. Янъ же рече: аще васъ пущу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убеетъ бысть отъ снхъ? Одни же рѣша: у меня мати; а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: мстите своихъ. Они понмше ихъ, виша и возгнѣша ихъ на дубѣ, отмѣстїе примѣше отъ Бога и о правдѣ Янѣви же идущу бо свояси, въ другую-жъ ночь медвѣдь взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погубоша напущенїемъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще глаголюще: а своя когнѣли не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, идѣ же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наученїе; бѣси бо не вѣдаютъ мысли человѣческія и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленїя человѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ обзоръ ихъ, и о немощи и обмороченїи ихъ».

«Ключися вѣрокому Новгородцу приидти въ Чудь, и прииде къ кудеснику, хотя волхованїи отъ него. Онъ же, по обычаю своему, хотя пачати, и пачатъ призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородецъ же той свѣдѣ на порогѣ той храмивны. Кудесникъ же лежаше, одененъ въ и шике имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣють приидти, вѣчто имаши на себѣ, его же боятсѣ. Онъ же воспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ храмивны тоя. Онъ же пачатъ призывать опять бѣсы; бѣсы же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ естъ? По семъ же пачатъ вопрошати его, его же носить на себѣ креста. Онъ же рече: то естъ знаменїе небеснаго Бога, его же наши бози боятсѣ. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имущѣ; восходятъ же и подъ небо, слышающе вашихъ Боговъ, ваши-жъ Боги на небесѣхъ суть; да аще кто умреть отъ вашихъ людей, то возносимъ естъ на небо;

аще ли кто отъ нашихъ людей умреть, то носимъ естъ къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо естъ и грѣшницы во адѣ ждуще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы. Сиде бо естъ бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельцають чловѣки, веляще имъ глаголати видѣнїя, являющиеся имъ, несвершениымъ вѣрою, во снѣ, инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученїемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская болшеенїя бывають; искони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщены бывають невѣрїи отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды²».

«Преднѣно бысть въ Полоцкѣ, въ мечтѣ бываше въ ноци, стояше тупно по улицѣ, акы чловѣцы ричущѣ вѣси. Аще кто влязаше изъ хоромны, хотя видѣти, и ульзленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ явою, и съ того умираху, и не смѣяху излзти изъ хоромъ. И по семъ во днѣхъ начаша являтсѣ на конѣхъ и не бѣ ихъ видѣти-самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако узвѣяху люди Полоцкїи и ихъ область, тѣмъ бо и чловѣцы глаголаху: яко на явъ еють Полочаны».

Въ посланїяхъ Русскихъ Архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространѣнїи въ простомъ народѣ тайныхъ сказанїй. Приводимъ нѣкоторыя указанїя:

Митрополитъ Фотїй въ посланїи своемъ къ Новгородскому Архїепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примовлеченїа, и гдѣ таковыя лихїя бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали³».

Новгородскїй Архїепископъ Геннадїй въ посланїи своемъ къ Нифонту, Епископу Суздальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются Христіанству: вьжутъ кресты на вороны и на вороны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вьзанъ, древянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ. Да приведи ко мнѣ попа, да діакона, а они крестьянину дали крестъ тѣльнїкъ; древо плакучъ, да на

КРЕСТЬ ВЪРЪЗАНЪ СОРОВЪ... А ХРИСТИАННЪ ДЕЙ СЪ ТЪХЪ МЪСТЪ УЧАЛЪ СОХНУТИ, ДА НЕ МНОГО БОЛЪЛЪ, ДА УМЕРЪ⁴»

ВЪ ГРАМАТЪ МИСАИЛА, МИТРОПОЛИТА БЪЛОГОРОДСКАГО И ОВОЛЯНСКАГО, ПИСАННОЙ ВЪ 1673 ГОДУ, КЪ НИКОДЕМУ, АРХИМАНДРИТУ КУРСКАГО ЗНАМЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ, СКАЗАНО: «ДА ВЪ ГОРОДЪХЪ ЖЕ И УЪЗДАХЪ МУЖЕСКАГО И ЖЕНСКАГО ПОЛУ БЫВАЮТЪ ЧАРОДЪИ И ВОЛХОВАНІЕМЪ СВОИМЪ И ЧАРОДЪІСТВОМЪ МНОГІХЪ ЛЮДЕЙ ПРЕМЪЩАЮТЪ. МНОГІЕ ЛЮДИ ТЪХЪ ВОЛХОВЕ И ЧАРОДЪВЕВЪ ВЪ ДОМЪ КЪ СЕБѢ, КЪ МАЛЫМЪ ДѢТЯМЪ И КЪ БОЛНЫМЪ МЛАДЕНЦАМЪ ПРИЗЫВАЮТЪ, А ОНИ ВСЯКОЕ ВОЛХОВАНИЕ ЧИНЯТЪ, И ОТЪ ПРАВОВѢРІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ ОТЛУЧАЮТЪ⁵».

ВЪ СТОГЛАВЪ, СОСТАВЛЕННОМЪ МОСКОВСКИМЪ СОБОРОМЪ 1551 ГОДА, НАПИСАНО: «НЪЦЫИ НЕ ПРЯМО ТЯЖУТСЯ, И ПОКЛЕПАВЪ КРЕСТЬ ЦѢЛУЮТЪ, НА ПОЛИ БЬЮТСЯ, И КРОВЬ ПРОЛИВАЮТЪ, И ВЪ ТЪ ПОРЫ ВОЛХВЫ И ЧАРОДЪІВНИКИ ОТЪ БЪСОВСКИХЪ НАУЧЕНІЙ ПОСОБИЕ ИМЪ ТВОРЯТЪ, КУДЕСЫ БЬЮТЪ, И ВО АРИСТОТЕЛЕВЫ ВРАТА И ВЪ РАФЛИ СМОТРЯТЪ, И ПО ЗВЪЗДАМЪ И ПО ЛАНИТАМЪ ГЛЯДАЮТЪ И СМОТРЯТЪ ДНЕИ И ЧАСОВЪ... И НА ТЪ ЧАРОВАНІЯ НАДЪЯСЯ, ПОКЛЕПА И ДВЕДНИКЪ НЕ МИРЯТСЯ, И КРЕСТЬ ЦѢЛУЮТЪ, И НА ПОЛИ БЬЮТСЯ, И ПОКЛЕПАВЪ УБИВАЕТЪ... ЗЛЫЯ ЕРЬСКИ, КТО ЗНАЕТЪ ИХЪ И ДЕРЖИТСЯ... РАФЛИ, ШЕСТОКРЫЛЪ, ВОРОНОГРАЙ, ОСТРОМІЙ, ЗОДІЙ, АЛЬМАПАХЪ, ЗВЪЗДОЧЕТЪИ, АРИСТОТЕЛЪ, АРИСТОТЕЛЕВЫ ВРАТА И ИНЫЯ КОВИ БЪСОВСКІЯ... ТЪХЪ ВСѢХЪ ЕРЕТИЧЕСКИХЪ КНИГЪ У СЕБЯ БЫ НЕ ДЕРЖАЛИ И НЕ ЧЛИ... ВЪ ДЕРВЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ ПЕТРОВА ПРОВА... ПОСЛѢ КОДЕКА И ВЪ ЧАЛЫКАХЪ БЪСОВСКИИ ПОГЪХИ ДѢЛЪТЪ... ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ ПО РАМУ САЛОМУ ПАЛЯТЪ И КЛЯЧУТЪ МЕРТВЫХЪ; НѢКОТОРИ ЖЕ НЕВЕГЛАСИ ПОПЫ ВЪ В. Ч. СОЛЪ ПРЕДЪ ПРЕСТОЛЪ КЛАДУТЪ И ДО ЧЕТВЕРГА ПО ВЕЛИЦЪ ДНИ ТАМЪ ДЕРЖАТЪ, И ТУ ОТДАЮТЪ НА ВРАЧЕВАНІЕ ЛЮДЯМЪ И СКОТОМЪ... ПО СЕЛОМЪ И ВОЛОСТЕМЪ ХОДЯТЪ ЛЖИВЫЕ ПРРОКИ, МУЖИКИ И ЖОНКИ, И ДЪВКИ И СТАРЫИ БАВЫ, НАИИ И БОСЫ, И ВОЛОСЫ ОТРОСТИИИ И РАСПЪСЪИ, СЪВѢТСЯ И УБИВАЮТСЯ, А СКАЗЫВАЮТЪ, ЧТО ИМЪ ЯВЛЯЮТСЯ С. ПЯТНИЦА И С. АНАСТАСІЯ, И ЗАВЪЗДАЮТЪ ВЪ СРЕДУ И ПЯТОКЪ ГУЧНАГО ДѢЛА НЕ ДѢЛАТИ

И ЖЕНАМЪ НЕ ПРЯСТИ, И ПЛАТЪЯ НЕ МЫТИ, И КАМЕНІА НЕ РАЗЖЕГАТИ⁶».

ВЪ 1552 ГОДУ, ВЪ НАКАЗЪ, ДАННОМЪ БЕРЪСЕВУ И ТЮТИНУ ЗА ТОЧНЫМЪ ИСПОЛНЕНІЕМЪ ПРАВИЛЪ МОСКОВСКАГО СОБОРА 1551 ГОДА, СКАЗАНО: «КЪ ВОЛХВОМЪ БЫ И КЪ ЧАРОДЪВЕИИ И КЪ ЗВЪЗДОЧЕТЦОМЪ ВОЛХВОВАТИ НЕ ХОДИЛИ, И У ПОЛЪ БЫ (ПРИ СУДЕБНЫХЪ ПОЕДИНКАХЪ) ЧАРОДЪИ НЕ БЫЛИ⁷».

ВЪ ПСКОВСКОЙ ЛѢТОПИСИ, ПОДЪ ГОДОМЪ 1570 О ДОКТОРЪ ЕЛИСЕѢ БОМЕЛИИ, ЗАПИСАНО: «ПРИСЛАША НЪМЦЫ КЪ ІОАННУ НЪМЦИИНА, ЛЮТОГО ВОЛХВА, НАРИЦАЕМАГО ЕЛИСЕЯ, И БЫСТЪ ЕМУ ЛЮБИМЪ ВЪ ПРИБЛИЖЕНІИ И ПОЛОЖИ НА ЦАРЯ СТРАХОВАНИЕ... И КОЧЕЧІЯ БЫЛЪ ОТВЕЛЪ ЦАРЯ ОТЪ ВЪРЪИ; ВА РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ВОЗЛОЖИЛЪ ЦАРЮ СВІРЪПСТВО, А КЪ НЪМЦАМЪ НА ЛЮБОВЬ ПРЕЛОЖИ: ПОНЕЖЕ БЕЗВОЖНИИ УЪНАЛИ СВОИМИ ГАДАНЫИ, ЧТО БЫЛО ИМЪ ДО КОНЦА РАЗОРЕННЫМЪ БЫТИ; ТОГО РАДИ ТАКОВАГО ЗЛАГО ЕРЕТНИКА И ПРИСЛАША КЪ НЕМУ: ПОНЕЖЕ РУССКІЕ ЛЮДИ ПРЕМЪЩЕИИ И ПАДКИ НА ВОЛХВОВАНИЕ⁸».

ВЪ КНИГЪ: *Згеніе и хитростъ ратнаго строенія пълотныхъ людей*, ИЗДАННОЙ ВЪ МОСКВѢ 1647 ГОДА, СКАЗАНО: «А НА СКАЗАННЫИ ИДОЛЬСКІИ МЪРЪИ И НА ВЪДОМСТВО НЕ НАДЪЯТСЯ, И ОТЪ ОРУЖІА, И ОТЪ ПРОКОЛОТІА, И ОТЪ СТРѢЛБЫ НЕ ЗАГОВАРИВАТЬСЯ, КОТОРОЕ ВСЕ ОТЪ ДІАВОЛА ЕСТЬ⁹».

ЦАРЬ ІОАННЪ ІV ВАСИЛЬЕВИЧЪ, ЛЮБИЛЪ ПЕРВОЙ СВОЕЙ СУПРУГИ АНАСТАСІИ, ВЪРНИЛЪ, ЧТО ОНА ПОМЕРЛА ОТЪ ЧАРОДЪІСТВА, ТАКЪ ОНЪ ОБЪ ЭТОМЪ ГОВОРИЛЪ ЛИТОВСКОМУ ПОСЛАНИЕЦУ ВОРОПАЮ ВЪ 1572 ГОДУ¹⁰; ТАКЪ ОБЪ ЭТОМЪ ПИСАЛЪ ОНЪ И КЪ КУРСКОМУ: «А СЪ ЖЕНОЮ МЕНЯ БЫ ПО ЧТО РАЗЛУЧИЛИ¹¹». КУРСКІИ ВЪ СВОЕЙ ИСТОРИИ КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО ПИШЕТЪ: «ТОГДА ЦАРЕВИ ЖЕНА УМРЕ: ОНИ (КЛЪВЕТНИКИ) ЖЕ РЪША АКИ БЫ ОЧАРОВАЛИ ЕЕ МУЖИ. ЦАРЬ ЖЕ, БУЙСТВА ИСПОЛНИВСЯ, АБИ ИМЪ ВЪРУЯЛЪ¹²». КЛЪВЕТНИКИ СЫЛЪВЕСТРА И АДАШЕВА ГОВОРИЛИ ЦАРЮ: «АЩЕ ПРИПУСТИШИ КЪ СЕБѢ НА ОЧИ, ОЧАРУЮТЪ ТЕБЯ И ДѢТЕЙ ТВОИХЪ... ХУДЫЕ ЛЮДИ И НИЧЕГО НЕГОДНЫЕ ЧАРОВНИЦЫ ТЕБЯ ГОСУДАРЯ... ДЕРЖАЛИ ПРЕДЪ ТѢМЪ, АКИ ВЪ ОКОДАХЪ... А ТО ТВОРИЛИ ОНИ СВОИМИ ЧАРОСТВЫ, АКИ ОЧИ ТВОИ ЗАКРЫВАЮЩЕ¹³». ВЪ 1572 ГОДУ ЦАРЬ

Юаннъ IV Васильевичъ, испрашивалъ на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракѣ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, вторую отравили, третью испортили злою отравою.¹⁴

Князь Курбскій, говоря о князѣ Василіи Юанновичѣ, записалъ: «Василій съ законопреступною женою, юною сущею, самъ старъ будучи, искалъ чаровникъ презлыхъ отсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашелъ, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Філія: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ къ нему... Яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смычалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и прызывающе его на помощь¹⁵». Рассказывая о Казанской осады 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомянуте достовѣ, яко Татары на войско Христіанское чары творили и великую плююно наводили: яко скоро по облажания града, егда солнце начнетъ восходити, въздутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопиати сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеса не благочиннѣ. Тогда абие востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясень зело начинался, и будетъ такий дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ а по сторонамъ вѣсть, но точно по естеству аера случашеса¹⁶». Говоря о Московскомъ пожарѣ Царь вспоминалъ Курбскому:

«наши измѣнники бояре наустипша скудожайшихъ умовъ народѣ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми сердца челоувческая выпшали и таковыми Чародѣйствомъ Москву поपालи¹⁷».

Царедворцы донесли на боярина Артамо на Сергеевича Матвѣева Царю Феодору Алексеевичу, что онъ съ Докторомъ Стефаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спосарій обучаетъ его и сына Черно книжню. Доносчиками были: карла Захарко и лекаръ Берло. Объ этомъ Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной 1677 года въ Царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чти Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Степану, ть нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ пѣвъ третій человекъ... А та де Черная книга въ полдестѣ, а толщиною въ палеца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сывишка моего, Андрюшку, Николая Спосарій¹⁸». Въ послѣдствіи открылось, что бояринъ Матвѣевъ читалъ лечебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михайла Феодоровича, говорить бояринъ Матвѣевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинута письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный думнаго дьяка Ивана Граматина. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе, въ Вологду.

ИСТОЧНИКИ РУССКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи грамотныхъ людей¹⁹, и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ Русскаго Чер-

нокнижія. Теперь удивившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: не уже ли это есть порожденіе думъ Русскаго народа? не уже ли все это создавалось въ Русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ;

БУДЕМЪ СОЗНАТЕЛЬНЫ ПЕРЕДЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПРОСВѢЩЕНЕМЪ ДЛЯ РАЗРѢШЕНІЯ СТОЛЬ ВАЖНАГО ВОПРОСА: РУССКІЙ НАРОДЪ НИКОГДА НЕ СОЗДАВАЛЪ ДУМЪ ДЛЯ ТАЙНЫХЪ СОЗДАНІЙ; ОНЪ ТОЛЬКО ПЕРЕНЕСЪ ИХЪ ИЗЪ ВСЕОБЩАГО МИРОВАГО ЧЕРНОКНИЖІЯ ВЪ СВОЮ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ. НИКОГДА НА РУССКОЙ ЗЕМЛѢ НЕ СОЗДАВАЛИСЬ ТАЙНЫЯ СКАЗАНІЯ; ОНА, КАКЪ ЧАСТЬ ВСЕЛЕННОЙ, ВМѢЩАЛА ВЪ СЕБѢ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, УСВОЯВШИХЪ СЕБѢ МИРОВОЕ МЫШЛЕНІЕ. ВЪ ЭТОЙ ИДЕИ УВѢЖДАЕТЪ НАСЪ ВНИМАТЕЛЬНОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВСЕОБЩАГО МИРОВАГО ЧЕРНОКНИЖІЯ. ДЛЯ ДОСТОВѢРНОСТИ СЕГО ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ, МЫ ПРИСОВОКУПАЕМЪ ИСТОРИЧЕСКІЕ ФАКТЫ, ОБЪЯСНЯЮЩЕ ПЕРЕХОЖДЕНІЕ ТАЙНЫХЪ МИРОВЫХЪ СКАЗАНІЙ ВЪ РУССКОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ. ЗДѢСЬ ОТКРЫВАЕТСЯ ОЧЕВИДНОЕ СХОДСТВО.

ВСЕОБЩЕЕ МИРОВОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ПЕРВЫМЪ ВѢКАМЪ МИРОЗДАНІЯ, ЛЮДЯМЪ ДРЕВНЕЙ ЖИЗНИ. ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ДЛЯ ТВОРЕНІЯ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ ВЫГОВОРІЛЪ ВПЕРВЫЕ ДРЕВНІЙ МІРЪ, А ЕГО ИДЕИ УСВОИЛІСЯ ВСЕМУ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ. ДРЕВНІЙ МІРЪ СОСРЕДОТОЧИЛІСЯ ВЕСЬ НА ВОСТОКЪ. ТАМЪ НАРОДЫ, СОЗДАВАЯ ИДЕИ ДЛЯ МНОГЪ, ДУМЫ ДЛЯ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ, РАЗСКАЗЫ О БЫВАЛОМЪ ДЛЯ ПОВѢРІЙ, ОЛИЦЕТВОРИЛИ ИХЪ ВИДѢНІЯМЪ. ВЪ ЭТИХЪ ВИДѢНІЯХЪ СУЩЕСТВОВАЛЪ БЫТЬ РЕЛИГІОЗНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ГРАЖДАНСКІЙ. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ ОСУЩЕСТВЛЯЛІСЯ ЭТИМИ БЫТАМИ. МІРЪ ДРЕВНІЙ ПРИШЕЛЪ, НАРОДОВЪ, СОСТАВЛЯВШИХЪ ЕГО БЫТІЕ, МЫ НЕ ВИДИМЪ; НО ПЕРЕДЪ НАМИ ОСТАЛИСЯ ИХЪ МНОГІ, ИХЪ ПОВѢРЬЯ, ИХЪ СКАЗАНІЯ. МІРЪ НОВЫЙ СВОЕГО НИЧЕГО НЕ СОЗДАЛЪ; ОНЪ, КАКЪ УСЫНОВЛЕННЫЙ НАСЛѢДНИКЪ, КАКЪ ВЛАСТЕЛИНЪ ОТЕЧЕСКАГО ИМУЩЕСТВА, ВСТУПИЛЪ ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ НАСЛѢДСТВЕННАГО ДОСТОЯНІЯ, ПЕРЕСОБРАДОВАЛЪ ПРЕДМЕТЫ, СУЩЕСТВОВАВШІЕ НЕ ВЪ ДУХЪ ЕГО ЖИЗНИ, ОТВЕРГЪ ПОНЯТІЯ, ПРОТИВНЫЯ ЕГО МЫШЛЕНІЮ; НО ПРИНЯЛЪ ОСНОВНЫЯ МЫСЛИ, ВОСХИЩАВШАЯ ЕГО ВООБРАЖЕНІЕ, ЛЬСТИВШАЯ ЕГО СЛАБОСТИ.

МНОГІ, ПЕРЕШЕДШИЕ ВЪ НОВЫЙ МІРЪ ОБРАЗОВАЛИ ДЕМОНОЛОГІЮ, СТОЛЬКО РАЗНООБРАЗНУЮ, СКОЛЬКО РАЗНОВИДУЮ, СКОЛЬКО РАЗНОВѢМЕННЫ БЫЛИ НАРОДЫ, СКОЛЬКО РАЗНОВІДНЫ ИХЪ ОЛИЦЕТВОРЕНІЯ. НЕ ДВЯМИ, НИ РОДАМИ, НО ВѢКАМИ УСВОИЛІСЯ МНОГІ ДРЕВНІЙ ЖИЗНИ ГЛЯДУЩИМЪ ПОКОЛѢНІЯМЪ. КАЖДЫЙ

НАРОДЪ ПРИНИМАЛЪ ИЗЪ НИХЪ ТОЛЬКО ТО, ЧТО МОГЛО ЖИТЬ ВЪ ЕГО ВѢРОВАНІЯХЪ; КАЖДЫЙ НАРОДЪ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЪ ПРИБАВЛЯЛЪ КЪ НИМЪ: ЧЕГО НЕ ДОСТАВАЛО ДЛЯ ЕГО ВѢРОВАНІЯ. ИЗЪ ЭТИХЪ-ТО УСВОЕНІЙ И ДОПОЛНЕНІЙ СОСТАВИЛІСЯ, МИЕОЛОГІЯ И СИМВОЛИКА. МИЕОЛОГІЯ ДРЕВНИХЪ ЛЮДЕЙ ОСТЯНІЛАСЯ ПРЕДМЕТАМИ БОЖЕСТВЕННЫМИ, ПРЕДМЕТАМИ ОЛИЦЕТВОРЕННЫМИ ПО ВОЛѢ КАЖДАГО ЧЕЛОВѢКА. СИМВОЛИКА ОТПЕЧАТЛЕВАЛАСЯ ЗНАМЕНІЯМИ, КОТОРЫХЪ НАРОДЪ НЕ ПОСТИГАЛЪ, КОТОРЫХЪ НАРОДЪ СТРАШИЛІСЯ. ПРЕДМЕТЫ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ВЪ СИМВОЛИКѢ НЕПОСТИЖИМОСТИЮ И БОЯЗНІЮ, ЗАКЛЮЧАЛИ ВЪ СЕБѢ ПОНЯТІЯ О ПРИРОДѢ. ИЗЪ ДУМЪ ДРЕВНЯГО МИРА СОСТАВИЛОСЯ ЧЕРНОКНИЖІЕ ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ВИДАХЪ КУДЕСНИЧЕСТВА, ЧАРОВАТІЙСТВА, ЗАПЯХАРЬСТВА, ВОРОЖЕБЫ. ВО ВСѢХЪ ЭТИХЪ СКАЗАНІЯХЪ МЫ ЧИТАЕМЪ ОПЫТЫ ЛЮДЕЙ, ИЗУЧАВШИХЪ ПРИРОДУ ДЛЯ ДОБРЫХЪ И КУДЫХЪ ДѢЛЪ.

РАЗСКАЗЫ О БЫВАЛОМЪ ОБРАЗОВАЛИ ПОВѢРЬЯ, НЕИСТОЦННЫМИ ДО ПОСЛѢДНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ, УДИВИТЕЛЬНЫМИ ДО НЕПОНЯТНАГО ОСЛАБЛЕНІЯ. ВЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРЬЯХЪ МЫ УЗНАЕМЪ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ СО ВСѢМИ ОБРЯДАМИ.

ТАЙНЫЯ СКАЗАНІЯ ДРЕВНЯГО МИРА ОСУЩЕСТВЛЯЛИСЯ ЛЮДЬМИ, ОЗНАМЕНОВАНЫМИ БЕЗЧИСЛЕННЫМИ НАЗВАНІЯМИ. ЭТИ ЛЮДИ, КАКЪ ОБРАЗОВАТЕЛИ, СВОИ УСТАНОВЛЯЕМЫЯ ТАИСТВА ОБЛЕКАЛИ ЧУДЕСНЫМЪ ВЫМЫСЛОМЪ, ПАХОДЯКИ ПЛОКРОВИТЕЛЕЙ И РАСПРОСТРАНЯЛИ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ. ПИСЬМЕНА САНСКРИТСКІЯ УВѢРЮЮТЪ НАСЪ, ЧТО ИНДІЯ ЕСТЬ ОТЧИЗНА ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ, ПЕРВОРОДНЫЙ ИДЕАЛЪ ВСѢХЪ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ИЗМѢНЕНІЙ. ИЗБРАННЫЕ ЛЮДИ ЕГИПТА И ПЕРСИИ, ПОСѢЩАЯ ИНДІЮ, ИЗУЧАЛИ ТАМЪ ТАЙНЫЯ СКАЗАНІЯ, И ВОЗВРАЩАЯСЯ НА СВОЮ РОДИНУ, ВЫСКАЗЫВАЛИ ИХЪ СВОИМЪ СОРОДИЧАМЪ. ГРЕЦІЯ ПОДСЛУШАЛА ВСѢ ЭТИ СКАЗАНІЯ И ПЕРЕДАЛА РИМУ И ЗА НИМЪ ГЛЯДУЩИМЪ ПОКОЛѢНІЯМЪ.

ОСМАТРИВАЯ ТАЙНЫЯ СКАЗАНІЯ СИХЪ СТРАНЪ, МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ ВЪ КАЖДОЙ ИЗЪ НИХЪ СВОИХЪ ОБРАЗОВАТЕЛЕЙ, СВОИ ПРОРИЦАЛИЩА, СВОИ ЧЕРНОКНИЖІЯ, СВОИ ГАДАНІЯ.

ОБРАЗОВАТЕЛИ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ ВЪ ДРЕВНЕМЪ МІРѢ СУЩЕСТВОВАЛИ ОТДѢЛЬНЫМИ КЛАССАМИ, ИМѢВШИМИ РАЗНЫЯ НАЗВАНІЯ. ТАКОВЫ

БЫЛИ: Астрологи, Авгурь, Прогностики, Мистагоги, Сортилеги, Гаруспеки, Пнеониссы.

АСТРОЛОГИ, облачаемые названиями Халдеевъ, Математиковъ, Волхвовъ почтиаются старѣйщинами въ образованіи Черноknижія. Наблюдая течение планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и домашнемъ быту. Ефемериды — твореніе Астрологовъ — вмѣщало въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣрие, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ Черноknижіе; но теперь оно, съ открытіемъ Санскритскихъ писемъ, уничтожается.

Въ Русскую землю перешли Астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темныя намеки о вліяніи планетъ на судьбу человека. Въ 1584 году Лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собрать Астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собравшіе тогда въ Москву числомъ до 60, предсказали изъ явленія сей кометы Царскую смерть³⁰.

Эта записъ и сказанія Курскаго о совѣщаніи Царя Іоанна Васильевича съ Волхвами открываютъ намъ, что Астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи, и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометы, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и Русская Народная Символика есть порожденіе Астрологовъ.

АВГУРЫ, птицеволшебствующіе, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, коршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло

военными успѣхами. Авгурология перешла въ Русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицамъ.

ПРОГНОСТИКИ разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Епименидъ Критскій, Аварисъ Скиосскій, Эмпедоклъ Агригентскій тамъ были лучшими Прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастье или несчастье семейной жизни объяснялось снами, возрѣніемъ животныхъ, звономъ въ ушахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія Прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе Прогностиковъ вѣтало въ Русскую семейную жизнь издревле, и продолжается доселѣ. Простолудинъ, объясняя примѣты по ученію Прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

МИСТАГОГИ, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли Афинянамъ таинственныя ученія въ святилище Цереры, при явленіи страшныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки Русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія Мистагоговъ. Люди вывалие, разсказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

СОРТИЛЕГИ — люди гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія Сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее дощечки, исписанныя знаками, и потомъ вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отвѣтными стихами.

Гаданіе Сортилеговъ доселѣ производится въ Русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣву-

шекъ. Старожолы еще запомнить, какъ Москвичи хаживали съ жребиями въ церковь Николы Голстунскаго.

ГАРУСПЕКИ, гадавшие по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Учение Гаруспекоевъ мало известно Русскимъ Чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе Кудесниковъ къ печени, вниманіе Знахарей къ дыму заставляеть подозрѣвать, что и оно когда-то было въ Русской землѣ.

ПИФОНИССЫ—Фессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Фессалии заволаживали угрызеніе скорпионовъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и изводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское Кудесничество и Чародѣйство составилось изъ преданій Фессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

ПРОРИЦАЛИЦА древняго міра изрекала людямъ будущее, предсказывала въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалица Аммона и Амфіарага, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ печаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоценными камнями, висѣлъ въ роту, гдѣ слышались вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей много вѣкъ, но во время Страбона оно ослабѣвало, а при Плутархѣ ему уже никто не вѣрилъ²¹.

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли влияние на Русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишаясь довѣрія къ вѣрованіямъ древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиналась Русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарага находилось на границахъ Вiotи и Атики. Тамъ Амфіарагъ являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что влияние Амфіарага достигло и Русской земли? Явленіе во снѣ суженаго-ряженаго, указывающаго просто-душной дѣвухкѣ на свою судьбу, носить на себѣ отпечатокъ вѣрованія Вiotіанъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пифійскаго, находился въ Вiotійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали Греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей; Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ, Цвоя, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растеніями, въ вѣшенствѣ, произносила слова вѣщательныя. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда Христіанская Религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ни чего не можемъ сказать рѣшительнаго о влияніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь Русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ Эпирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя вблизи пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясѣмыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; или приходили къ источнику, прислушивались къ звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нимъ разгадывали.

Повятіе Русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это влияние Додонскаго оракула, рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась вблизи Ливадии. Въ храмѣ, построенномъ среди рощи, стоялъ истуканъ, въ видѣ Ескулапія. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглащаемой воплемъ и стономъ

МУЖЕЙ И ЖЕНЪ, СИДѢЛИ ЖРЕЦЫ ДЛЯ ОТВѢТОВЪ ПРИХОДЯЩИМЪ.

НАМЪ НЕ ИЗВѢСТНО, БЫЛО ЛИ КАКОЕ ВЛІЯНИЕ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ ИЗЪ ПОВѢРІЙ ТРОФОНЕВЫХЪ ПЕЩЕРЪ.

ЧЕРНОКНИЖІЯ ДРЕВНЯГО МІРА СОХРАНЯЛИСЯ ВЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ. НАРОДЪ, БЛАГОГОВѢЯ КЪ НИМЪ, НЕ СМѢЛЪ ЧИТАТЬ НИ ОДНОГО ТАЙНАГО СКАЗАНІЯ. ЭТО ПРАВО ПРЕДОСТАВЛЕНО БЫЛО ЖРЕЦАМЪ И ЛЮДЯМЪ ИЗБРАННЫМЪ, СООБРАЖАВШИМСЯ СЪ НИМИ ДЛЯ РѢШЕНІЯ СУДЬБЫ И ДѢЛЪ. ТАКОВЫ БЫЛИ: ЧЕРНАЯ МАГІЯ, СИБИЛИННЫ КНИГИ, КНИГИ ОРФЕЯ И МУЗЕЯ, КАБАЛИСТИКА.

СКАЗАНІЯ О ЧЕРНОЙ МАГІИ СТОЛЬ ДРЕВНИ, ЧТО НѢТЬ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ОТКРЫТЬ ИХЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ. МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ МАГИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ ВСѢХЪ ИСТОРИЙ, И ВЛІЯНІЕ ИХЪ ПРОДОЛЖАЛОСЬ ДО РАСПРОСТРАНЕНІЯ УМСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ. ГОВОРИТЬ, ЧТО ОНА СУЩЕСТВОВАЛА ОТЪ НАЧАЛА МІРА И СОХРАНЕНА ПРИ ПОТОПѢ ХАМОМЪ ВЪ КАМНѢ. СЫНЪ ХАМОВЪ, ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ НАЗВАНІЯМИ: У ОДНИХЪ МИЗРАИМА, У ДРУГИХЪ ЗОРОАСТРА, У ТРЕТЬИХЪ ГЕРМЕСА, ПО ПРЕДАНІЮ СВОЕГО ОТЦА, НАШЕЛЪ ПОСЛѢ ПОТОПА СКРЫТУЮ КНИГУ ЕГО ОТЦОМЪ. КНИГИ ЭТОЙ ТЕПЕРЬ БОЛѢЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ: ОНА КОГДА-ТО БЫЛА ВСТРЕЛЕНА НЕБЕСНЫМЪ ОГНЕМЪ, ВЪРВАНІЕ ВЪ БЫТІЕ ЧЕРНОЙ МАГІИ СУЩЕСТВОВАЛО НА ВОСТОКѢ ВЪ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. СОСРЕДОТОЧІЕ МАГИКОВЪ НАХОДИЛОСЬ ВЪ ЕГИПТѢ. ФАРАОНЫ, ОКРУЖЕННЫЕ МАГІКАМИ, ПРОИЗВОДИЛИ РАЗНЫЯ ЛОЖНЫЯ ЧУДЕСА. ИЗЪ ЕГИПТА ПЕРЕНЕСЪ МАГІЮ ВЪ ГРЕЦІЮ ОРФЕЙ, ПЪМѢНИВШИЙ ТАЙНЫЯ СКАЗАНІЯ ВЪ ОРГІЮ И САББАТСТВО. ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ РУССКАГО НАРОДА ЧЕРНАЯ МАГІЯ ИЗВѢСТНА ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ЧЕРНОКНИЖІЯ. НАПРАСНО МЫ БУДЕМЪ ВОПРОШАТЬ ВѢКА И ЛЮДЕЙ О ПЕРЕСЕЛЕНІИ ТАЙНЫХЪ СКАЗАНІЙ ВЪ НАШЕ ОТЕЧЕСТВО. ТЕМНЫЕ НАМЕКИ НАШИХЪ ПОСЕЛЕНЬ О БЫТІИ ЧЕРНОКНИЖІЯ СОСТОЯТЪ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ОНА ПИСАНА НЕИЗВѢСТНЫМИ ПИСЬМЕНАМИ, ЧТО КОГДА-ТО БЫЛА ЗАКЛАДЕНА ВЪ СУХАРЕВУ БАШНЮ. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ НАШЕЙ ЖИЗНИ, МЫ ЕДВА ВСТРѢЧАЕМЪ ЛЮДЕЙ, ВЕСЕДУЮЩИХЪ О ПРЕДМЕТАХЪ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ ЧЕРНОКНИЖІИ; НО ПРЕДКИ НАШИ ГОВОРИЛИ ОБЪ ЭТОМЪ ЯСНѢ; ОНИ ДАЖЕ

ЗНАЛИ МНОГІЯ НАЗВАНІЯ ЭТИМЪ СКАЗАНІЯМЪ. ТАКЪ ОНѢ ИСЧИСЛЕНЫ ВЪ СТОГЛАВѢ.

КНИГИ СИБИЛЛЪ ХРАНИЛИСЯ ВЪ РУКАХЪ ЖЕНЩИНЪ—СИБИЛЛЪ, ИМѢВШИХЪ ДАРЪ ПРОРИЦАТЬ И ОТКРЫВАТЬ ВОЛЮ БОГОВЪ. ВЪ ДРЕВНЕМЪ МІРѢ ВСѢХЪ СИБИЛЛЪ СЧИТАЛОСЬ 12. ИСЧИСЛЯЕМЪ ИХЪ:

I. *Сивилла Персидская*, НАЗЫВАВШАСЯ САМБЕТОЮ, НЕВѢСТКОЮ НОЕВОЮ, ПРОРОЧЕСТВОВАЛА ДВУСМЫСЛЕННЫМИ СТИХАМИ ИЗЪ СВОЕЙ КНИГИ.

II. *Сивилла Ливійская*, ПУТЕШЕСТВОВАВШАЯ ВЪ САМОСЪ И ДЕЛЬФАХЪ, И, КАКЪ ГОВОРИТЬ, УПРЕКАВШАЯ ЛЮДЕЙ ВЪ ИДОЛОСЛУЖЕНІИ.

III. *Сивилла Дельфійская* НАХОДИВШАСЯ ВЪ ХРАМѢ ДЕЛЬФІЙСКОМЪ, И, ПО СКАЗАНІЮ ДІОДОРА, ПЕРВАЯ ПОЛУЧИЛА ИМЯ СИБИЛЛЫ. УЧЕНЫЕ ГОВОРЯТЪ, ЧТО ГОМЕРЪ ИЗВЛЕКЪ ИЗЪ ЕЯ ПРОРИЦАНІЙ НѢКОТОРЫЯ МЫСЛИ.

IV. *Сивилла Эритрейская* ПРЕДСКАЗЫВАЛА ПАДЕНІЕ ТРОИ, И, ПО УВѢРЕНІЮ ЕВСЕНІЯ И СВ. АВГУСТИНА, ЕЙ БЫЛИ ИЗВѢСТНЫ КНИГИ МОУСЕЯ.

V. *Сивилла Килмерійская*.

VI. *Сивилла Салосская*.

VII. *Сивилла Кумская* ПО ИМЕНИ ДЕНФОБА, ЗАМѢНИТЕЛЬНАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ, ИМѢЛА СВОЕ ПРИБЫВАНІЕ ВЪ КУМЪ. ГОВОРЯТЪ, ЧТО ЕЯ ОТЦЕМЪ БЫЛЪ АНТИМОНІЙ, А МАТЬ ГЛАВКА. ЭТА СИБИЛЛА ПРОДАЛА ЧАСТЬ СВОИХЪ КНИГЪ ТАРКВИНІЮ ГОРДОМУ. ВЪ РИМѢ КНИГИ СОХРАНИЛИСЯ ВЪ ХРАМѢ ЮПИТЕРА КАПИТОЛІЙСКАГО, ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ, ВЪ КАМЕННОЙ УРНѢ. КВІНДЕЦЕМВІРЫ, ЖРЕЦЫ, СПРАВЛЯЛИСЯ СЪ НИМИ ВЪ СОМНИТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ ГОСУДАРСТВА. ВО ВРЕМЯ СОЗЖЕНІЯ КАПИТОЛИИ, СГОРѢЛИ И СИБИЛИННЫ КНИГИ. ПОСЛѢ ЭТОГО ОТПРАВЛЯЕМЫ БЫЛИ ПОСЛЫ ПО РАЗНЫМЪ МѢСТАМЪ ДЛЯ СОБРАНІЯ СИБИЛИННЫХЪ ИЗРѢЧЕНІЙ, КОТОРЫЯ АВГУСТЪ ПОЛОЖИЛЪ У ПОДНОЖІЯ АНТИОХА ПАЛАТИЙСКАГО.

VIII. *Сивилла Геллеспонтская* ПРЕДСКАЗЫВАЛА ВО ВРЕМЯ СОЛОНА И КРЕЗА.

IX. *Сивилла Фригійская* ПУТЕШЕСТВОВАЛА СЪ СВОИМИ ПРЕДСКАЗАНІЯМИ ВЪ АНКИѢ И ГАЛАТІИ.

X. *Сивилла Тибюринская* или Альбейонская была обожаема в Тибурѣ.

XI. *Сивилла Эпирская*.

XII. *Сивилла Египетская*.

Въ Русскомъ Чернокунижи никакого не находимъ понятія о книгахъ Сивиллъ. Развѣ только то принять во вниманіе, что нашими колдуньями должно быть непременно старухи безобразныя и страшныя. За то дошли до насъ Западныя сказанія о Сивиллахъ ²².

КНИГИ ОРФЕЯ И МУЗЕЯ содержали въ себѣ заговоры, очущения, приговоры для усыпленія зми. Орфей, изобретатель Саббатства, учредитель Оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцелъ, занималъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состояли изъ гимновъ.

Русское Кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всѣ возможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ Кудесниковъ воспеваютъ объ одной только семейной жизни.

КАБАЛИСТИКА. Знаніе созданное Евреями для открытія таинственнаго смысла, состояло въ искусствѣ разлагать слова и въ способѣ производить ими словами чудеса, произнося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намеки въ Чернокунижи о присвоеніи кабалистическаго знанія Знахарями. Такъ мы видимъ въ Рунахъ Знахаря непонятныя слова отъ анхорадовъ, отъ укшепичевъ, отъ сованъ. *Ожда* *ивиласъ* *наша* *Тарабарская* *грамата*?

ГАДАНІЯ древняго міра, разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльныхъ таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію Гаданій:

АНТРОПОМАНТІЯ содержала въ себѣ таинственнаго прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе Императоры, Эногава и Имманъ, занимались смѣло гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до

внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

АЕРОМАНТІЯ объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ Русской Символикѣ Аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ, доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человека. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старинныя разсказываютъ о бываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мнѣніи основано уваженіе поселянъ къ камню: Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уездѣ ²³?

ГИДРОМАНТІЯ основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ Русскомъ Чернокунижи это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду для открытія похитителя вещей, выѣняется въ необходимость всякому Знахарю.

ГОНТІЯ совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское Чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызыванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный Чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

ДАКТИЛОМАНТІЯ. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное на ниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантія перешла и въ Русское Чернокуниже, только съ измѣненіемъ. Наши Чародѣи берутъ какое-то змѣиное кольцо, въшаютъ его на женскомъ половѣ и

дожидаются, куда его будет качать ветер, куда кольцо будет болте дѣлать наклоненій, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ загадываютъ.

КАПНОМАНТІЯ. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при начатіи дѣлъ.

Въ Русской Символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

КАТОПТРОМАНТІЯ. Гаданіе, производимое зеркаломъ разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ Русскомъ Черноокнижии зеркалогаданіе употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркаль объ суженомъ, о жизни и смерти отсутствующаго.

КЕРОМАНТІЯ. Гаданіе воскомъ составляло доброе и худое предзнаменованіе.

Въ Русскихъ святочвыхъ гаданіяхъ дѣвочки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

КЛЕРОМАНТІЯ. Гаданіе, основанное на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребию.

Гаданіе по жребию такъ усвоилось Русской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

ЛЕКАНОМАНТІЯ. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель кладъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоценные камни, тоненькія золотыя и серебряныя дощечки съ изображеніемъ знаковъ, и читалъ заговоры. Изъ воды выходилъ тихій звукъ подовный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ Русскомъ Черноокнижии сохранились многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ наши знахари, кидая въ воду уголь: замѣчаютъ—кипятъ ли вода?

ЛИВАНОМАНТІЯ. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смолъ, заключало въ себѣ рѣшеніе на благоприятныя и худыя ожиданія.

Въ Русскихъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнялись ладавомъ и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

МЕТЕОРОМАНТІЯ. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды Метеоромантіи сохранились въ Русской Символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весной въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучшій цвѣтъ ея лицу. Такъ, поселянинъ изъ многократнаго явленія въ лѣтнее время грома предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

МИОМАНТІЯ. Гаданіе, предсказывающее будущее, основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ животныхъ.

Въ Русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Плате поселянина, изгрызенное мышами, предвѣщаетъ ему вѣду неминуемую. При началѣ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожѣ.

НЕКРОМАНТІЯ производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ Русскомъ Черноокнижии существуетъ только одно повѣріе объ этомъ гаданіи. Наши Чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ умершихъ людей.

ОНИХОМАНТІЯ составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажкою, и заставляли держать ихъ предъ солнцемъ. Появившіяся изображенія разрѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнышки, являющіяся въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни человека.

ООСКОПИЯ. РАЗГАДЫВАЛИ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЯЙЦЪ, ПО ЖЕЛАНЮ БЕРЕМЕННЫХЪ ЖЕНЩИНЪ ДЛЯ УЗНАНІЯ, ЧТО РОДЯТЬ?

Въ Русской семейной жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ-подъ наскѣдки яйцо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, того же долженъ быть и будущій дитя.

ПСИХОМАНТІЯ. Гаданіе, основанное на призываніи тѣней умершихъ людей, составляло одно таинство съ Некромантиею.

ТЕРАТОСКОПИЯ составляла особенный родъ гаданій изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе возшло съ измѣненіями въ Русскую Символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя, наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

ТЕФРАНОМАНТІЯ. Гаданіе золою разрешало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ Русскомъ Чернокужии имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золою изъ семи печей и посыпаетъ ею слѣды человѣческой, когда совершаетъ Чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горстями золою, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

ЭНОТРОМАНТІЯ совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Фессалійскіе Чародѣи заставляли приходившихъ читать ответы, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіяся на другомъ тѣлѣ.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ Энотромантія осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго мира въ Русскую землю и о составленіи Русскаго Чернокужия. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ Русскій человекъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній. Люди бывали изъ нашихъ предковъ въ чужихъ странахъ, и чужеземщина, приходившая на нашу родину, раз-

сказывали въ семейныхъ бесѣдахъ о существованіи Чернокужия въ чужихъ земляхъ. Эти рассказы, западая въ сердца простодушные, переходили изъ рода въ родъ и клеймились суевѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдеть свое подтвержденіе въ самомъ описаніи Чернокужия.

Не смотря на то въ Русской жизни понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встречаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образованіе Русскаго народа, совершаясь независимо отъ вліянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменоваціями: *политическими общественными и семейными.*

Русскія общественныя понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи Христіанскаго Православія. Иерархи какъ пастыри церкви и учителя народа, Князья и Цари, какъ священныя Властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима Русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ, людьми являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянине сближался на Сѣверѣ съ Скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалѣбными пѣснями; далъ ему приютъ на своей землѣ, но не принялъ отъ него письменъ. Славянине, уклонялся на Востокъ, сближился съ Грекомъ; принялъ отъ него Вѣру, принялъ Греческихъ священниковъ, учился у него, чего не доставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ Славяниномъ. Никогда не ходилъ онъ на За-

надѣ. Люди Фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ участники. Равнодушный къ Западу, онъ чуждался и словъ и дѣлъ Фряжскихъ. Объ Югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Инди на землю сѣверной Европы, гдѣ онъ называлъ себя Славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ соседнихъ странъ, онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость Русскаго общественнаго понятія.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ, и поражавшіяся въ семействахъ, никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы Русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь Русскимъ словомъ въ гостеприимныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ одного селенія къ другому. Пришельцы и люди Бывалые были передавателями чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ Русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди не Русской крови, люди не Русской Вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его въ наши предкамъ. Хлѣбосолюство Русское давало приютъ всякому пришельцу. Старейшины семействъ, угощая забѣжатаго человека, любили слушать его рассказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то рассказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались Русской жизни, когда они снисходили славостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что правилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ рассказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и рассказы о бываломъ изъ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее ихъ воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее ихъ умъ, любили болѣе ужасное, оцѣнявшее ихъ чувства. При всемъ томъ

пришелецъ былъ всегда чужимъ для Русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми Бывалыми на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бѣсѣдами и старика и юношу. Рассказы бывалаго человека записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бѣсѣдахъ. Таковы были наши Паломники и Ходящики. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, советники въ семейныхъ назначеніяхъ, болѣе всего имѣли вліяніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участія пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга семейнаго, никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы понимаемъ какъ трудно было чужеземному мышленію взойти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ Русскою общественною жизнію. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы увидѣлись, что они перешли въ Русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для Русской семейной жизни. На этихъ то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки Русскаго Чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на мировое Чернокнижіе.

Русское Чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнобразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается *Куденигство*, во второмъ описывается *Чародѣйство*, въ третьемъ предлагается *Знахарство*, въ четвертомъ представляется *Ворожба*.

Русское Кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣны понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, неизмѣнный глаголь многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрьями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ кудесническіе заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для оболыщенья народа, то съ другой мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзии жившей въ пѣсняхъ и сказкахъ, у-слаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Здѣсь сохранилась наша родня, Русская поэзія; здѣсь блудутъ наши поэмы и были; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ.

Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, написаны изъ тетрадки, писанной Польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда Веневскому дѣду; нѣкоторые получены отъ Саратовскаго помѣщика, свиравашаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ Волжскихъ рыбаковъ; а другіе были присла- ны ко мнѣ изъ Тихвина отъ Г. Паркина.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Не ужели мы будемъ сомнѣваться, что этими нацѣвами оглашалась наша родина, когда въ ихъ звукахъ слышнеть Русской духъ, когда въ нихъ говорить Русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о вѣдѣ семейной, о любви дѣвчечьей красы, о зазнобѣ молодецкой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижину и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Следовательно: здѣсь человекъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни одного выраженія: все говоритъ Русскимъ языкомъ и объ Русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣній, что эта поэзія не была до предѣльной степени подражатель- ной; но совсѣмъ темъ въ ней есть и само- бытное; она воспѣвала по вѣковому Рус- скаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русской народъ, платяся предметамъ, очаровавшими его единенную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ и тайны сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незаметно сходился съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«LE MAGICIEN LEXILIS MENAIT FORT DUREMENT LES PUISSANCES DES TENEBRES, ET FAISAIT DRESSER LES CHEVEUX AUX ASSISTANS, QUAND IL HURLAIT SES EXECRABLES EVOCATIONS.

«DIVINITÉS FORMIDABLES, S'ECRIAIT-IL, HÂTEZ VOUS D'ACCOURIR, ET CRAIGNEZ D'OFFENSER SES CHEVEUX GRIS ET CETTE VERGE, QUI VOUS FERAIT BIENTÔT REPENTIR DE VOS DÉLAIS. . . JE VOUS EN AVERTIS D'AVANCE, OBÉISSEZ PROMPTEMENT, AUTREMENT JE FAIS PÉNÉTRER LE JOUR DANS VOS SOMBRES DEMEURES, JE VOUS EN TIRE TOUTES L'UNE APRES L'AUTRE, JE VOUS DESTITUE DE TOUT POUVOIR, JE VOUS POURSUIS PAR LES BUCHERS, JE VOUS CHASSE DES SÉPULCRES; ET JE NE PERMETTRAI PAS MÊME AUX DÉSERTS DE LA THÉBAÏDE DE VOUS RECELER DANS LEUR SOLITUDE. ET TOI, ARBITRE DES ENFERS, SI TU ME CRAINS COMMANDE À TES ESPRITS, COMMANDE A TES FURIES, COMMANDE A QUELQUES OMBRES D'ACCOURIR; POUSSE-LES HORS DES TES MAIROIRS A COUPS DES SCORPIONS, ET NE PERMETTRE PAS QUI J'INTERROMPE LE SILENCE DES TIENS PAR DES MENACES PLUS HORRIBLES.»

ORAISON DU LOUP: VIENS, BÊTE A LAINE; C'EST L'AGNEAU DE L'HUMILITÉ; JE TE GARDE. C'EST L'AGNEAU DU REDEMPTEUR, QUI A JEUNÉ QUARANTE JOURS, SANS RÉBELLIONS, SANS AVOIR PRIS AUCUN REPAS DE L'ENNEMI, ET FUT TENTÉ EN VÉRITÉ. VA DROIT, BÊTE GRISE, A GRIS AGRIBRENCE, VA CHERCHER LA PROIE, LOUPS ET LOUVETEAUX; TU N'AS POINT A VENIR A CETTE VIANDE, QUI EST ICI. AU NOM DU PÈRE ET DU FILS ET DU SAINT-ESPRITS. AUSSI: VA DE RETRO O SATANA!

«PRIÈRE DES BERGERS POUR PRÉSERVER LES TROUPEAUX DE LA GALE, DE LA ROGNE ET DE LA CLAVELÉE, TROUVÉE DANS UN MANUSCRIT RARE ET PRÉCIEUX.

CE FUT PAR UN LUNDI AU MATIN QUE LE SOLEIL PARUT, UN PASTOUREAU CHERCHANT SES TROUPEAUX, IL-DIT: MON TROUPEAU SERA SAIN ET JOLI, QUI ET SUJET A MOI ²⁴.

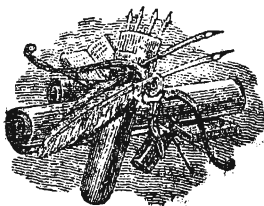
Русское *Чародѣйство* описываетъ ЧАРЫ совершаемыя въ селеніяхъ. Прилагая по возможности объясненія этимъ затѣйливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что простодушные люди поймутъ свое ослабленіе, хотя для нихъ обольстительное. Съ этою цѣлю избраны здѣсь только тѣ, которыя болѣе всѣхъ памятны. Люди, хотя нѣсколько епикавшіе въ народное суевѣрное поспліе, люди, знающіе доверчивость поселянъ къ чудесному, оправдываютъ цѣль, избранную нами.

Русское *Знахарство* излагаетъ отвѣдательные обманы знахарей, по которымъ, по непонятному стеченію обстоятельствъ, принимаются въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разсказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввѣтали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое, и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская *Ворожба* представляетъ народныя гаданія, распорстраняемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ.

Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленіе семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же напротивъ — какъ *святогныя гаданія* — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія — съ цѣлю разоблачить таинственные ожиданія простаго народа. Можетъ быть время и обстоятельства изгладятъ эти остатки суевѣрій, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ сельскихъ гаданій.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ мы часто сохраняли многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющихъ совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не думаемъ, чтобы насъ въ этомъ обвиняли: сами предметы говорятъ о такой необходимости. Кроме сего почитаемъ обязанностью предъувѣдомить почтенныхъ соотечественниковъ, что въ нашихъ Сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Такъ одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣжденію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ея домашній бытъ.

С К А З А Н І Я

0

О ЧУДЕСНИЧЕСТВѢ.

1. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣв-
вицы въ болѣзни колюбовнаго молодца,

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, светлымъ светло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окиавъ морю, на святъ островъ; отъ Окиавъ моря узрѣла и усмотрѣла, гласяючи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семивашенной домъ, а въ томъ семивашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ, уговариваетъ недуги, на колѣннхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я, раба такая-та, въ семивашенной домъ, смиреннымъ смиренхонокъ, головою поклонилась, сердцемъ покорилась, и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорникомъ обѣ раевъ такомъ-то, возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрежь ты у раба, такого-то, бѣлую мякоть, оцпи кругомъ его и обери: скорби, недуги, уроки, призорки, затяни кровавыя раны чистую и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго человека: отъ бабы вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца и отъ троюженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго.

Возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки въ Окиавъ море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ вѣлая рыбица ходитъ, и она бѣтъ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣдыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился бы недугъ у раба, такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ вечерня и утрення заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милаго вѣсьмъ бы недугамъ потухать, и чтобы недугъ не дужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего колюбовнаго молодца — такого-то — отъ мужика колдуна, отъ ворона кокуна, отъ бабы колдуньи, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга милаго вѣсьмъ по лѣсу ходить, вгольничкѣ братъ, по его вѣкъ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзорочилъ и не обпризорилъ.

2. Заговоръ красной дѣвицы о сбереженн въ дорогѣ колюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, поздымъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родителескимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ

ПОЛЕ ОХОРОШИЛАСЬ, НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ ПОКЛОПИЛАСЬ, НА ГОРИЮЧЬ КАМЕЛЬ АЛАТЫРЬ СТАНОВИЛАСЬ, КРѢПКИМЪ СЛОВОМЪ ЗАГОВОРИЛАСЬ, ЧИСТЫМЪ ЗЕЗДАМЪ ОБЫКАЛАСЬ, ТЕМНЫМЪ ОБЛАКОМЪ ПОКРЫЛАСЬ.

ЗАГОВАРИВАЮ Я, РАБА ТАКАЯ-ТА, СВОЕГО ПОЛЮБОВНАГО МОЛОДЦА — ТАКОГО ТО — О СБЕРЕЖЕНЬИ ВЪ ДОРОГѢ: КРѢПКО НА КРѢПКО, НА ПЪКЪ, НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

КТО ИЗЪ ЛУГУ ВСЮ ТРАВУ ВЫЩИПНЕТЬ И ВЫБЕТЕТЬ, ИЗЪ МОРЯ ВСЮ ВОДУ ВЫБЕТЕТЬ И НЕ ВЗАКАЕТЕТЬ, И ТОТѢ БЫ МОЕ СЛОВО НЕ ПРЕВОЗМОГЪ, МОЙ ЗАГОВОРЪ НЕ РАЗСТОРЕГЪ. КТО ИЗЪ ЗЛЫХЪ ЛЮДЕЙ ЕГО ОБЗОРЧИТЬ И ОБПРИЗОРЧИТЬ, И ОКОЛУДЕТЬ, И ИСПОРТИТЬ, У НИХЪ БЫ ТОГДА ИЗЪ ЛЕА ГЛАЗА ВЫБОРОТИЛО ВЪ ЗАТЫЛОКЪ; А МОЕМОУ ПОЛЮБОВНОМУ МОЛОДЦУ — ТАКОМУ-ТО — ПУТЬ И ДОРОЖЕПЪКА, ДОБРОЕ ЗДОРОВЬЕ НА РАЗЛУКѢ МОЕЙ.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ.

РАЗРЫДАЛАСЬ Я РОДИНА, РАБА ТАКАЯ-ТА, ВЪ ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМѢ РОДИТЕЛЬСКОМЪ, СЪ КРАСНОЙ УТРЕННЕЙ ЗОРИ, ВО ЧИСТО ПОЛЕ ГЛАГОЛИШИ, НА ЗАКАТѢ ЦЕНАГЛЯДНАГО ДИТЯТКИ СВОЕГО ЯСНАГО СОЛНЫШКА — ТАКОГО-ТО. ДОСИДѢЛА Я ДО ПОЗДНЕЙ ВЕЧЕРНЕЙ ЗОРИ, ДО СЫРОЙ РОСЫ, ВЪ ТОСКѢ, ВЪ ВѢДѢ. НЕ ВЪЗМЪДИЛОСЬ МНѢ КРУШНТЬ СЕБЯ, А ПРИДУМАЛОСЬ ЗАГОВОРИТЬ ТОСКУ ЛЮТУЮ, ГРОВОВУЮ. ПОШЛА Я ВО ЧИСТО ПОЛЕ, Взяла чапу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилаась чертою призорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ:

ЗАГОВАРИВАЮ Я СВОЕГО ЦЕНАГЛЯДНАГО ДИТЯТКУ, ТАКОГО-ТО, НАДѢ ЧАШЕЮ БРАЧНОЮ, НАДѢ СВѢЖЕЮ ВОДОЮ, НАДѢ ПЛАТОМЪ ВѢНЧАЛЬНЫМЪ, НАДѢ СВѢЧЕЮ ОБРУЧАЛЬНОЮ. УМЫВЪЮ Я СВОЕГО ДИТЯТКУ ВО ЧИСТОЕ ЛИЧЬКО, УТРАЮ ПЛАТОМЪ ВѢНЧАЛЬНЫМЪ ЕГО УСТА СЪХОРНЫЯ, ОЧЕ ЯСНЫЕ, ЧЕЛО ДУМНОЕ, ЛАННЫЯ КРАСНЫЯ, ОСВѢЧАЮ СВѢЧЕЮ ОБРУЧАЛЬНОЮ ЕГО СТАНОВЫЙ КАФТАНЪ, ЕГО ШАПКУ СОБОЛНУЮ, ЕГО ПОДПОЯСЪ УЗОРЧАТУЮ, ЕГО КОТЫ ШИТЬЕ,

ЕГО КУДРИ РУСЫЕ, ЕГО ЛИЦЕ МОЛОДЕЦКОЕ, ЕГО ПОСТУПЬ БОРЗУЮ. БУДЬ ТЫ, МОЕ ДИТЯТКО НЕНАГЛЯДНОЕ, СВѢТЛѢ СОЛНЫШКА ЯСНАГО, МИЛѢ ВЕШНАГО ДНЯ, СВѢТЛѢ КЛЮЧЕВОЙ ВОДЫ, ВЪДѢ ЯРАГО ВОСКА, КРѢПЧЕ КАМНЯ ГОРИЮЧАГО АЛАТЫРЯ. ОТВОЖУ Я ОТЪ ТЕБЯ: ЧЕРТА СТРАШНАГО, ОТГОНЯЮ ВИХОРИ БУРНАГО, ОТДАЛЯЮ ОТЪ ЛѢПШАГО ОДНОГЛАЗАГО, ОТЪ ЧУЖАГО ДОМОВАГО, ОТЪ ЗЛАГО ВОДНАГО, ОТЪ ВѢДѢМЫ КИЕВСКОЙ, ОТЪ ЗЛОЙ СЕСТРЫ ЕЯ МУРОМСКОЙ, ОТЪ МОРГУНЬИ РУСАЛКИ, ОТЪ ТРЕКЛЯТЫЯ БАБЫ-ЯГИ, ОТЪ ЛЕТУЧАГО ЗМЯЯ ОГЕННАГО, ОТМАХИВАЮ ОТЪ ВОРОНА ВЪЩАГО, ОТЪ ВОРОНЫ КАРКУНЬИ, ЗАСЛОНЯЮ ОТЪ КАШЕЯ-ЯДУНА, ОТЪ ХИТРАГО ЧЕРНОКНИЖНИКА, ОТЪ ЗАГОВОРНАГО КУДЕСНИКА, ОТЪ ЯРАГО ВОЛХВА, ОТЪ СЛѢПНАГО ЗНАХАРЯ, ОТЪ СТАРУХИ ВѢДУНЬИ. А БУДЬ ТЫ, МОЕ ДИТЯТКО, МОИМЪ СЛОВОМЪ КРѢПКИМЪ — ВЪ ПОЩИ И ВЪ ПОЛУНОЩИ, ВЪ ЧАСУ И ВЪ ПОЛУЧАСЬИ, ВЪ ПУТИ И ДОРОЖЕПЪКИ, ВО СНѢ И НА ЛВУ — УКРЫТЬ ОТЪ СИЛЫ ВРАЖИЯ, ОТЪ ПЕЧИСТЫХЪ ДУХОВЪ, СВЕРЕЖЕПЪ ОТЪ СМЕРТИ НАПРАСНЫЯ, ОТЪ ГОРЯ, ОТЪ ВѢДЫ, СОХРАНЕНЬ НА ВОДѢ ОТЪ ПОТОПЛЕНІЯ, УКРЫТЬ ВЪ ОГНѢ ОТЪ СГОРѢНІЯ. А ПРИДЕТЬ ЧАСЪ ТВОЙ СМЕРТНЫЙ, И ТЫ ВСПОМЯНИ, МОЕ ДИТЯТКО, ПРО НАШУ ЛЮБОВЬ ЛАСКОВУЮ, ПРО НАШЕ ХЛѢБЪ-СОЛЬ РОСКОПНЫЙ, ОБЕРЯИСЬ НА РОДИНУ СЛАВНУЮ, УДАРЬ ЕЙ ЧЕЛОМЪ СЕДМЕРИЖДЫ СЕМЬ, РАСПРОСТИСЬ СЪ РОДНЫМИ И КРОВНЫМИ, ПРИПАДИ КЪ СЫРОЙ ЗЕМЛѢ, И ЗАСНИ СНОМЪ СЛАДКИМЪ, НЕПРОБУДНЫМЪ.

А БУДЬ МОЕ СЛОВО: СМЯНѢ ВОДЫ, ВЫШЕ ГОРЫ, ТЯЖЕЛѢ ЗОЛОТА, КРѢПЧАТЪ ГОРИЮЧАГО КАМНЯ АЛАТЫРЯ, МОГУЧАТЪ БОГАТЫРЯ. А КТО ВЪДУМАЕТЪ МОЕГО ДИТЯТКУ ОБМОРОЧИТЬ И УЗОРЧИТЬ, И ТОМУ СКРЫТЬСЯ ЗА ГОРЫ АРАРАТСКІЯ, ВЪ БЕЗДНЫ ПРЕИСПОДНІЯ, ВЪ СМОЛУ КИПУЧУЮ, ВЪ ЖАРѢ ПАЛЮЧІЙ. А БУДУТЬ ЕГО ЧАРЫ — ЕМУ НЕ ВЪ ЧАРЫ, МОРОЧАНЬЕ ЕГО НЕ ВЪ МОРОЧАНЬЕ, УЗОРЧАНЬЕ ЕГО НЕ ВЪ УЗОРЧАНЬЕ.

4. Заговоръ лютника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.

ВСТАЮ Я, РАБЪ ТАКОЙ-ТО, ЗА СВѢТЛО, УМЫВАЮСЯ НИ БѢЛО, НИ ЧЕРНО, УТРАЮСЯ НИ СУХО, НИ МОКРО. ИДУ Я ИЗЪ ДВЕРЕЙ ВЪ ДВЕРИ,

*

изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанайловъ, двадцать дьяволовъ, двадцать лѣшнѣхъ, двадцать полкановъ — всѣ пѣше, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ роковые: стали предо мною тѣ сатанайлы, тѣ дьяволы, тѣ лѣшнѣ, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанайлы, дьяволы, лѣшнѣ и полканы — въ такой-то — островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на моя клѣвы поставные: сумеречные, вечерные, ночные, утренние и полуденные. Пригоните, остановите, и въ моихъ клѣвахъ прикиньте.

5. Заговоръ на путь дороженьку.

Бѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольные мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдяною росою, утираюсь солнцемъ, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами. Бѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растеть Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пещки и колоды. Иду я съ тобою, Одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежатъ вѣлы горючыя камни Алтырь. Какъ оны крѣпко лежатъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежатъ бы нмѣ крѣпко, какъ лежатъ вѣлы горючыя камни Алтырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки

На великѣ день я родилъ, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своей

родимой матушкѣ. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала моп кости, счипала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце лсное, звезды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя — всѣ вы стоите тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, въ нощи и полнощи. Какъ пчела поноску поситъ, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего роднаго сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуеть, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своему родпомъ сынѣ. Какъ студенецъ лѣетъ по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, до дни и нощи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердецъ.

Сажусь въ сани, крытыя вобрами и соболями и кунницами. Какъ лисицы и кунницы, бобры и соболя честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ. Бѣду на гадинѣ, ужъ поволяетъ, а самъ джожъ, у шановъ и судьевъ полонъ дворъ свиной, и я тѣхъ свиной переѣмъ. Судъ судомъ, вѣкъ въкомъ! Сюю макъ. Разыдутся всѣ суды, а ты сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съдятъ; у меня медвѣжьей ротъ, волчія губы, свиные зубы. Судъ судомъ, вѣкъ въкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадъ, а брошу кадъ въ Окіанъ море. Окіанъ море не высыхаетъ, кадъ моей никто не вынимаетъ, и макъ моего никто не подбираетъ. Судъ судомъ, вѣкъ въкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ море, въ свою желѣзную кадъ. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади

ПОДЯТЬ, ТОГДА МНѢ НЕ БЫВАТЬ. СУДЪ СУДОМЪ, ВЪКЪ ВЪКОМЪ!

8. ЗАГОВОРЪ НА ПОСАЖЕНІЕ ПЧЕЛЪ ВЪ УЛЕЙ.

ПЧЕЛЫ РОЯТСЯ, ПЧЕЛЫ ПЛОДЯТСЯ, ПЧЕЛЫ СМІРЯТСЯ. СТАНУ Я НА ВОСТОКЪ, ПРОТИВЪ ДОЛНЕЙ СТОРОНЫ, И СЛЫШУ ШУМЪ И ГУЛЪ ПЧЕЛЪ. БЕРУ Я ПЧЕЛУ РОЯ, ОКАРАЯ, САЖАЮ ВЪ УЛЕЙ. НЕ Я ТЕБЯ САЖАЮ, САЖАЮТЪ ТЕБЯ БѢЛЫЯ ЗВѢЗДЫ, РОГОНОГІЙ МѢСЯЦЪ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО, САЖАЮТЪ ТЕБЯ И УКРАЧИВАЮТЪ. ТЫ ПЧЕЛА РОЙСЯ У ТАКОГО-ТО, НА ОКРУГЪ САДИСЯ. ЗАМЫКАЮ Я ТЕБЯ МАТКА ВСѢ ПУТИ, ДОРОГИ КЛЮЧЕМЪ, ЗАМКОВЪ; А БРОСАЮ СВОИ КЛЮЧИ ВЪ ОКІАНЪ МОРЕ, ПОДЪ ЗЕЛЕНЫЙ КУСТЪ; А ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ КУСТѢ СИДИТЪ МАТКА, ВСѢМЪ МАТКАМЪ СТАРШАЯ, СИДИТЪ И ДЕРЖИТЪ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕМЬ ЖАЛЪ, А ЖАЛИТЪ НЕПОКОРНЫХЪ ПЧЕЛЪ. А БУДЕТЪ ВЫ ПЧЕЛЫ МОИМЪ СЛОВАМЪ НЕ ПОКОРИТЕСЯ, СОШЛОУ Я ВАСЪ ВЪ ОКІАНЪ МОРЕ, ПОДЪ ЗЕЛЕНОЙ КУСТЪ, ГДѢ СИДИТЪ МАТКА, ВСѢМЪ МАТКАМЪ СТАРШАЯ, И БУДЕТЪ ЗА ВАШЕ НЕПОКОРИЦЕ ЖАЛИТЪ ВАСЪ МАТКА ВЪ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕМЬ ЖАЛЪ. СЛОВО МОЕ КРѢПКО!

9. ЗАГОВОРЪ НА УТИХАНІЕ КРОВИ.

ДВА БРАТА КАМЕНЬ СВКУТЪ, ДВѢ СЕСТРЫ ВЪ ОКОНШКО ГЛЯДЯТЪ, ДВѢ СВЕКОРИ ВЪ ВОРОТАХЪ СТОЯТЪ. ТЫ СВЕКОРЪ ВОРОТИСЯ, А ТЫ КРОВЬ УТОЛИСЯ; ТЫ СЕСТРА ОТВОРОТИСЯ; А ТЫ КРОВЬ УЙМИСЯ; ТЫ БРАТЬ СМІРИСЯ, А ТЫ КРОВЬ ЗАПРИСЯ. БРАТЬ ВЪЖИТЬ, СЕСТРА КРИЧИТЬ, СВЕКОРЪ ВОРЧИТЬ. А БУДЬ МОЕ СЛОВО КРѢПКО НА УТИХАНІЕ КРОВИ У РАБА ТАКОГО-ТО ПО СЕЙ ЧАСЪ, ПО СЮ МИНУТУ!

10. ЗАГОВОРЪ ОТЪ УКУШЕНІЯ ЗМІИ.

ЗМІЯ МАКЕДОНЦА! ЗА ЧѢМЪ ТЫ, ВСѢМЪ ЗМІЯМЪ СТАРШАЯ И БОЛѢШАЯ, ДѢЛАЕШЬ ТАКИЯ ИЗЪЯПЫ, КУСАЕШЬ ДОВѢЖИХЪ ЛЮДЕЙ. СОВЕРИ ТЫ СВОИХЪ ТЕТОКЪ И ДАДЕЙ, СЕСТЕРЪ И БРАТѢВЪ, ВСѢХЪ РОДНЫХЪ И ЧУЖИХЪ, ВИНЪ СВОЕ ЖАЛО ИЗЪ ГРѢХОВНАГО ТѢЛА, У РАБА ТАКОГО-ТО; А ЕСЛИ ТЫ НЕ ВЫНЕШЬ СВОЕГО ЖАЛА, ТО НАЦІАМО НА ТЕБЯ ГРОЗНУЮ ТУЧУ, КАМЕНЬЕМЪ ПОБІЕШЬ, МОЛНІЕЙ ПОЖЕШЬ. ОТЪ ГРОЗНОЙ

ТУЧИ НИГДѢ ТЫ НЕ УКРОИШЬСЯ: НИ ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ, НИ ПОДЪ МЕЖЕЮ, НИ ВЪ ПОЛѢ, НИ ПОДЪ КОЛОДОЮ, НИ ВЪ ТРАВѢ, НИ ВЪ СЫРЫХЪ БОРАХЪ, НИ ВЪ ТЕМНЫХЪ ЛѢСАХЪ, НИ ВЪ ОБРАХЪ, НИ ВЪ ЯМАХЪ, НИ ВЪ ДУБАХЪ, НИ ВЪ НОРАХЪ. СПИМУ Я СЪ ТЕБЯ ДВѢНАЦАТЬ ШКУРЪ СЪ РАЗНЫМИ ШКУРАМИ, СОЖГУ САМОЮ ТЕБЯ, РАЗВѢЮ ПО ЧИСТОМУ ПОЛЮ. СЛОВО МОЕ НЕ ПРЕЙДЕТЪ НИ ВЪ ВѢКЪ, НИ ВО ВѢКЪ!

11. ЗАГОРЪ ОТЪ УЖАЛЕНІЯ КОЗЮЛКИ.

НА МОРЕ НА ОКІАНѢ, НА ОСТРОВѢ НА БУЯНѢ, СТОИТЪ ДУБЪ НИ НАГЪ, НИ ОДѢТЪ, ПОДЪ ТѢМЪ ДУБОМЪ СТОИТЪ ЛИПОВЫЙ КУСТЪ, ПОДЪ ТѢМЪ ЛИПОВЫМЪ КУСТОМЪ ЛЕЖИТЪ ЗЛАТОЙ КАМЕНЬ, НА ТОМЪ КАМНѢ ЛЕЖИТЪ РУБО ЧЕРНОЕ, НА ТОЙ РУНѢ ЛЕЖИТЪ ИНОРОКАЯ ЗМІЯ ГАРАФЕНА. ТЫ ЗМІЯ ГАРАФЕНА ВОЗЬМИ СВОЕ ЖАЛО ИЗЪ РАБА ТАКОГО-ТО, ОТБЕРИ ОТЪ НЕГО НЕДУГИ. А КОЛИ ТЫ НЕ ВОЗЬМЕШЬ СВОЕ ЖАЛО, НЕ ОТБЕРЕШЬ НЕДУГОВЪ, ИНО Я ВИНУ ДВА НОЖА БУЛАТНЫЕ, ОТРѢЖУ Я У ЗМІИ ГАРАФЕНЫ ЖАЛО, ПОЛОЖУ ВЪ ТРИ СУНДУКА ЖЕЛѢЗНЫЕ, ЗАПРУ ВЪ ДВА ЗАМКА НѢМЕЦКІЕ. КЛЮЧЪ НЕБЕСНЫЙ, ЗЕМНЫЙ ЗАМОКЪ. СЪ ЗТОГО ЧАСУ, СЪ ПОЛУДНЯ, СЪ ПОЛУЧАСУ, ДА БУДЕТЪ БЕЗДЫХАННА ВСЯКАЯ КОЗЮЛКА, И УЖАЛЕНІЯ ЕЯ ВЪ НЕУЖАЛЕНІЯ. А ВЫ ЗМІИ И ЗМІИЦЫ, УЖИ И УЖИЦЫ, МѢДЯНЦЫ И САРАЧИЦЫ—ВЪГНИТЕ ПРОЧЬ ОТЪ РАБА ТАКОГО-ТО ПО СЕЙ ВѢКЪ, ПО СЕЙ ЧАСЪ. СЛОВО МОЕ КРѢПКО!

12. ЗАГОВОРЪ НА ОТГНАНІЕ ЧЕРНЫХЪ МУРИЕВЪ.

ЗА МОРЕМЪ СИНІМЪ, ЗА МОРЕМЪ ХВАЛЫНСКИМЪ, ПОСРЕДИ ОКІАНЪ МОРЯ, ЛЕЖИТЪ ОСТРОВЪ БУЯНЪ, НА ТОМЪ ОСТРОВѢ БУЯНѢ СТОИТЪ ДУБЪ, ПОДЪ ТѢМЪ ДУБОМЪ ЖИВУТЪ СЕДЬМЕРИЦЕЮ СЕМЬ СТАРЦОВЪ, НИ СКОВАНЫХЪ, НИ СВЯЗАНЫХЪ. ПРИХОДИЛЪ КЪ НИМЪ СТАРЕЦЪ, ПРИВОДИЛЪ КЪ НИМЪ ТѢМУ ТѢМЪ ЧЕРНЫХЪ МУРИЕВЪ. ВОЗЬМИТЕ ВЫ СТАРЦЫ ПО ТРИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ РОЖНА, КОЛИТЕ, РУБИТЕ ЧЕРНЫХЪ МУРИЕВЪ НА СЕМЬДЕСЯТЬ СЕМЬ ЧАСТЕЙ.

ЗА МОРЕМЪ СИНІМЪ, ЗА МОРЕМЪ ХВАЛЫНСКИМЪ, ПОСРЕДИ ОКІАНЪ МОРЯ, ЛЕЖИТЪ ОСТРОВЪ БУЯНЪ, НА ТОМЪ ОСТРОВѢ БУЯНѢ СТО-

ить домъ, а въ томъ домъ стоять кади желѣзные, а въ тѣхъ кадяхъ лежать тенета шелковыя. Вы старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ мурьевъ въ кади желѣзные, въ тенета шелковыя, отъ раба такого-то.

За моремъ сниммъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окианъ моря, лежитъ островъ Буянь, на томъ островѣ Буянь сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ посомъ, съ мѣдными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоять кади желѣзные, а въ кадяхъ лежатъ черные мурин, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба такого-то, отъ черныхъ мурьевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черные мурин съядятъ. Слово мое крѣпко!

13. Заговоръ отъ червей.

Тараринъ, Тараринъ, злодѣйской породы, уроде изъ всѣхъ уродоевъ! За чѣмъ ты, Тараринъ, свешь червей у моей лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, какъ порошокъ. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

14. Заговоръ отъ зубной скорби.

Заря зарница, красная дѣвица, полунощница, въ носъ заяць, въ моръ камень, ни днѣ Лямарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбию своею фатою отъ проклятого Лямаря; за твоимъ покровомъ уцѣлуютъ мои зубы. Врагъ Лямарь откачнись отъ меля; а если ты будешь грысть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнля. Слово мое крѣпко!

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Возьми ты мѣсяць, серебряные тожен, злати твои тожен. Собери ты мѣсяць, сними мою зубную скорбь, увеси боль подъ

облака. Моя скорбь ни маля, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяць, ты мѣсяць, сокрой отъ меня зубную скорбь!

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустымъ пореулкамъ, по обрагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяць. Заяць, ты заяць гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, а темнымъ лѣсомъ, сырнымъ боромъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ твои мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба гдѣ твои зубы? Возьми ты волчи зубы, отдай мнѣ свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на крѣпко у раба такого-то, по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марфа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болят ли у тебя зубы? Не ломаютъ ли у тебя кости? Нѣтъ, сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болятъ кости, не ломали зубы, по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чуда Водяной! Возьми зубъ ломовой у раба такого-то. Не болятъ у раба такого-то зубы; болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисичи, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по вся часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пшцалей и стрѣль-

За дѣльными горами есть Окианъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣд-

ной, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ Востока до Запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пиццаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, боишой завѣтъ :

Подите вы: желѣзо, каменья и свинець въ свою мать землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А величь оны: ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пиццаламъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ: быте тихимъ и смиреннымъ. А величь оны: не давать выстрѣливать на меня всякому ратворцу изъ пиццалы, а величь схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпчай панциря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ вѣдгорючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣткы.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы подымля, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильной дождь, что имъ покорилась и поклонилась селятра-исрохъ, смиреннымъ смиренхоцько. Какъ дождь воды не провиля, такъ вы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не проиввали, тѣло мое было бы крѣпче вѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ, и пузыри вскакиваютъ, такъ вы отъ ратныхъ орудій прыдали мимо меня стрѣлы и порохъ-селятра. Слово мое крѣпко?

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высокомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица,

стоитъ покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отсери ружья: Турецкия, Татарскія, Нѣмецкія, Черкасскія, Русскія, Мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею, невѣдимою силою ружья вражя. Будуть ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, а често поле. А былъ бы я на войнѣ цѣль и несредимъ, и мой конь былъ бы цѣль и преведимъ; а была бы моя одежда крѣпче панциря. Замыкаю свои приговорныя словеса замкомъ, и ключъ кудаю въ Окуавъ море, подъ горючь камень Алатырь. И какъ морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать, до моего жнвота, по конецъ вѣка.

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди во своего матеръ землю, а ты дерево поди во своего матеръ древо, а вы перья подите во свою матеръ птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ морь, а мнѣ вы, рабу такому-то, было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите, ворочаетесь ушью и боками. Какъ ителица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приставать, такъ вы всемъ вамъ ни мочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ вы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и долготъ!

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья кумы и кумовья, сваты и сватѣя, дяди и теткы, отцы и матери, дочери и подчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золов-

кн, тестни и тещи, зятя и сволки: заловки и невѣстки, всѣ вы черныя, всѣ вы бѣлые, всѣ красныя, скажите мнѣ всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили дочерямъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будете не скажите вы сущей правды, не възмыщите моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будете вы скажите сущую правду, ино вамъ будетъ житье привольное, раздольное. Заговариваю я, раба така-та, на карты на выведываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ оссы.

Оса мать всемъ осамъ, ты мнѣ не мать. Осятки дѣтки, всемъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я Закрученъ траву, сушу на сыромъ бору, жу въ зеленомъ лугу. Осятки летите на дымъ; оса бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ!

24. Заговоръ отъ запоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба, тако-го-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяць ты красный, сойди въ мою клятву; а въ моей клятвѣ ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, возиди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба тако-го-то отъ вина; мѣсяць, отврати раба тако-го-то отъ вина; солнышко, усмири раба тако-го-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на остановленіе руды.

Бѣжалъ человекъ старъ, конь подъ нимъ каръ, по рѣкамъ, по дорогамъ, по прятаннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жилава, жидкая, тѣлесная, остановись, назадъ возвратись. Старъ человекъ тебя забираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не

стало, такъ бы тебя руда мать не бывало. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буланѣ стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридцать три дѣвнцы, колятъ камку иглами булатными. Вы дѣвнцы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нетъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты руда уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

27. Заговоръ на остановленіе руды.

Летитъ воронъ безъ крыль, безъ ногъ, садится воронъ къ рабу такому-то на главу и на плечо. Воронъ сидитъ, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты воронъ рану не клуй, ты руда изъ раны не бѣги. Идетъ старецъ, всемъ ставецъ, несетъ печать. Ты старецъ остановись, ты воронъ не каркай, ты руда не капни. Крови не хаживать, телу не баливать. Пужь земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Авовскихъ стоитъ дубъ моткредкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридцать старцевъ съ старцемъ Пафнутиемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвнцъ простоволосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнутіи, съ тринадцати старцами: кто син къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвнцъ: ксмы мы Царя Ирода дочери, идемъ на весь миръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутіи своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ вѣти по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Возмолишась двѣнадцать дѣвъ къ тринадцати старцамъ съ старцемъ Пафнутиемъ. И не почто же выстѣ ихъ мольба. И начаша ихъ старцы вѣти, глаголя: Ой вы еси двѣнадцать дѣвнцъ! Будьте вы тресуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ мирѣ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Повѣгоша двѣнадцать дѣвнцъ къ водѣ студеницъ, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, отъ псу-
шения лихорадки. Будьте вы прокляты дьв-
надесять дьвицъ въ тарь-тарары! отъидите
отъ раба, такого-то, въ лѣса темныя, на дре-
ва суха 25.

29. Заговоръ ратнаго человека, идуща-
го на войну.

Бѣду на гору высокую, далекую, по об-
лакамъ, по водамъ а на горы высокой
стоитъ теремъ боярской, а во теремъ бояр-
скомъ сидитъ завнова, красная дьвица. Ты
дьвица, завнова молодецкая, иду за тебя
во рать на супостатовъ монкхъ, враговъ-зло-
дѣевъ. Вынь ты, дьвица, отеческой мечъ-
кладенецъ; достань ты, дьвица, панцырь
дѣдовской; отомкни ты, дьвица, шлемъ бо-
гатырской; отопри ты, дьвица, коня ворона.
Мнѣ мечъ-кладенецъ будь другомъ, мнѣ
панцырь дѣдовской будь роднымъ братомъ,
мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ об-
ручальнымъ, мнѣ коня вороной будь уда-
лымъ молодцомъ. Выди ты, дьвица, во чи-
сто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать
могучая, а въ рати оружий нѣтъ силъты.
Закрой ты, дьвица, меня своей фатой: отъ
силы вражей, отъ пицали, отъ стрѣль,
отъ ворца, отъ кулачнаго бойца, отъ рато-
борца, отъ дерева Русскаго и заморскаго:
отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени,
отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длинна-
го, недлиннаго, четвертиннаго, отъ липы,
отъ жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ
яблони, отъ курслапу, отъ орѣшины, отъ
можжевельнику, отъ стна, отъ соломы, отъ
кости, отъ желѣза, отъ уклада, отъ ста-
ли, отъ мѣди красной, зеленой, проволоки,
отъ серебра, отъ золота, отъ птичьего пе-
ра, отъ невѣрныхъ людей: Нагайскихъ,
Нѣмецкихъ, Мордвы, Татаръ, Башкирцевъ,
Калмыковъ, Гулянцовъ, Бухарцовъ, Кобы-
тей, Вовуловъ, Бумирцовъ, Турчениновъ,
Якутовъ, Лунасовъ, Черемисовъ, Вотяковъ,
Либановъ, Китайскихъ людей.

Вы дерева отъ меня раба, такого-то, воро-
титесь, вы желѣзо и мѣдъ и сталь и злато
отлетайте, вы люди не вѣрные отвѣгайте.
А буде я ворочусь по живу и по здоровью,
мно буду красна дьвица тобою похваляти-

Т. I. Ч. 2.

ся, своею молодецкою поступью выказы-
ваться. Твоа фата крѣпка, какъ камень
горючъ Алатырь; моя молодецкая по-
ступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ
духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я
одинъ, по живу, по здоровью.

30. Заговоръ ратнаго человека, идущаго
на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря
Хвальнскаго, восходитъ мѣсяць изъ-подъ
синя неба, собирались облака изъ далека,
собирались сизы птицы во градъ каменный,
а въ томъ градѣ каменномъ породила меня
мать родная, раба такого-то, а рожала, при-
говаривала: будь ты, мое дитятко, цѣль
невредимъ: отъ пушекъ, пицалей, стрѣль,
ворцовъ, кулачныхъ бойцовъ; бойцамъ тебя
не требовать, ратнымъ оружіемъ не побивать,
рогатиную и копиемъ не колоть, топоромъ и
бердышемъ не стѣчь, обухомъ тебя бить не
убить, вожемъ не увязать, старожилымъ
людямъ въ сѣмляхъ не вводить, молодымъ
парнямъ ни чѣмъ не вредить; а бить тебя
передъ нимъ соколомъ, а имъ дроздами; а
а будь твоа тѣло крѣпче камня, рубаха крѣп-
че желѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а
будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во по-
лѣ молодцомъ, во рати удалцомъ, въ миру
на лювованѣ, во дѣвичемъ терему на по-
крашенѣ, на брачномъ пирѣ безъ малаго
ухищренѣя, съ отцемъ съ матерью во миру,
съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи-

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ
заповѣданіемъ; а бить ему во всемъ, какъ
тамъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать
могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ
всему превозмогъ.

31. Заговоръ ратнаго человека, идуща-
го на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зе-
леный лугъ, во зеленомъ лугу есть зелія
могучія, а въ нихъ сила видима, невидимая.
Срываю три былинки бѣлыя, черныя, кра-
сныя. Красную былинку метать буду за
Окіанъ море, на остронѣ на Буягъ, подъ
мечъ-кладенецъ; черную былинку покачу

ПОДЪ ЧЕРНАГО ВОРОНА, ТОГО ВОРОНА, ЧТО СВИЛЪ
ГНѢЗДО НА СЕМИ ДУБАХЪ, А ВО ГНѢЗДѢ ЛЕ-
ЖИТЬ УЗДЕЧКА БРАННАЯ, СЪ КОНЯ БОГАТЫРСКАГО;
БѢЛЮЮ БЫЛНКУ ЗАТКНУ ЗА ПОЯСЪ УЗОРЧАТЫЙ,
А ВЪ ПОЯСѢ УЗОРЧАТОМЪ ЗАВИТЬ, ЗАПНТЬ
КОЛЧАНЪ СЪ КАЛЕННОЙ СТРѢЛОЙ, СЪ ДѢДОВСКОЙ,
ТАТАРСКОЙ. КРАСНАЯ БЫЛНКА ПРИТАЩИТЬ
МНѢ МЕЧЬ-КЛАДЕНЕЦЪ, ЧЕГНАЛ БЫЛНКА ДО-
СТАНЕТЬ УЗДЕЧКУ БРАННУЮ, БѢЛАЯ БЫЛНКА
ОТКРОЕТЪ КОЛЧАНЪ СЪ КАЛЕННОЙ СТРѢЛОЙ. СЪ
ТѢМЪ МЕЧЕМЪ ОТОВЬЮ СЛАУ ЧУЖЕЗЕМНУЮ, СЪ
ТОЙ УЗДЕЧКОЮ ОБРАТАОУ КОНЯ ЯРАГО, СЪ ТѢМЪ
КОЛЧАНОМЪ СО КАЛЕННОЙ СТРѢЛОЙ РАЗОВЬЮ ВРА-
ГА СУПОСТАТА.

ЗАГОВАРИВАЮ Я РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ТАКОГО-
ТО, НА ВОЙНУ СИМЪ ЗАГОВОРОМЪ. МОЙ ЗАГОВОРЪ
КРѢПОКЪ, КАКЪ КАМЕНЬ АМАТЫРЬ.

32. ЗАГОВОРЪ РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ИДУ- ЩАГО НА ВОЙНУ.

ПОДЪ МОРЕМЪ ПОДЪ ХВАЛЫНСКИМЪ СТОИТЬ
МѢДНОЙ ДОМЪ, А ВЪ ТОМЪ МѢДНОМЪ ДОМѢ ЗА-
КОВАНЪ ЗМЯЯ ОГНЕННЫЙ, А ПОДЪ ЗМЯЕМЪ ОГ-
НЕННЫМЪ ЛЕЖИТЬ СЕМИПУДОВОЙ КЛЮЧЪ ОТЪ
КНЯЖЕВА ТЕРЕМА, ВОЛОДИМЕРОВА, А ВО КНЯ-
ЖОМЪ ТЕРЕМѢ, ВОЛОДИМЕРОВОМЪ, СОКРЫТА
СЕРУИ БОГАТЫРСКАЯ, БОГАТЫРЕЙ НОУГОРОД-
СКИХЪ, СОРАТНИКОВЪ МОЛОДЕЧЕСКИХЪ.

ПО ВОЛГѢ ШИРОКОЙ, ПО КРУТЫМЪ БЕРЕ-
ГАМЪ ПЛЫВЕЕТЪ ЛЕБЕДЬ КНЯЖАЛЪ, СО ДРОГА
КНЯЖЕВА. ПОЙМАЮ Я ТУ ЛЕБЕДЬ, ПОЙМАЮ,
СКВАТАЮ. ТЫ ЛЕБЕДЬ ПОЛЕТИ КЪ МОРИЮ ХВА-
ЛЫНСКОМУ, ЗАКЛЮИ ЗМЯЯ ОГНЕННАГО, ДОСТАВЬ
КЛЮЧЪ СЕМИПУДОВОЙ, ЧТО КЛЮЧЪ ОТЪ КНЯЖЕ-
ВА ТЕРЕМА ВОЛОДИМЕРОВА. НЕ МОИМЪ КРЫЛЬ-
ЯМЪ ДОЛЕТАТЬ ДО МОРИЯ ХВАЛЫНСКАГО, НЕ МО-
ЕЙ МОЧИ РАЗКЛЕВАТЬ ЗМЯЯ ОГНЕННАГО, НЕ МО-
ИМЪ НОГАМЪ ДОТАЩИТЬ КЛЮЧЪ СЕМИПУДОВОЙ.
ЕСТЬ НА МОРѢ НА ОКЛЯНѢ, НА ОСТРОВѢ НА
БУЛАНЪ ВОРОНЪ, ВСѢМЪ ВОРОНАМЪ СТАРШІЙ БРАТЪ;
ОНЪ ДОЛЕТИТЬ ДО МОРИЯ ХВАЛЫНСКАГО, ЗА-
КЛЮЕТЪ ЗМЯЯ ОГНЕННАГО, ПРИТАЩИТЬ КЛЮЧЪ
СЕМИПУДОВОЙ; А ВОРОНЪ ПОСАЖЕНЪ ЗЛОЮ ВѢДЬ-
МОЮ КИЕВСКОЮ.

ВО ЛѢСУ СТОЯЧЕМЪ, ВО СЫРОМЪ БОРУ СТО-
ИТЬ ИВУШКА, НИ ПИЩАЛЪ, НИ СТРЕЛЫ, А ВЪ
ИВУШКѢ ЖИВЕЕТЪ ЗЛАЯ ВѢДЬМА КИЕВСКАЯ.

ПОЙДУ-ЛЪ Я ВО ЛѢСЪ СТОЯЧІЙ, ВО БОРѢ ДРЕ-
МУЧІЙ, ВЗОЙДУ-ЛЪ Я ВЪ ИЗБУШКУ КЪ ЗЛОЙ
ВѢДЬМѢ КИЕВСКОЙ. ТЫ, ЗЛАЯ ВѢДЬМА КИЕВ-
СКАЯ: ВЕЛИ СВОЕМУ ВОРОНУ СЛЕТАТЬ ПОДЪ МО-
РЕ ХВАЛЫНСКОЕ, ВЪ МѢДНОЙ ДОМѢ, ЗАКЛЕ-
ВАТЬ ЗМЯЯ ОГНЕННАГО, ДОСТАТЬ СЕМИПУДОВОЙ
КЛЮЧЪ. ЗАУПРЯМИЛАСЬ, ЗАКОРАЧИЛАСЬ ЗЛАЯ-
ВѢДЬМА КИЕВСКАЯ О СВОЕМЪ ВОРОНѢ. НЕ МОЕЙ
СТАРОСТИ БРОДИТЬ ДО МОРИЯ ОКЛЯНА, ДО ОСТРО-
ВА ДО БУЛАНА, ДО ЧЕРНАГО ВОРОНА. ПРИКАЖИ
ТЫ МОИМЪ СЛОВОМЪ ЗАПОВѢДНЫМЪ ДОСТАТЬ
ВОРОНУ ТОТЪ СЕМИПУДОВОЙ КЛЮЧЪ. РАЗВЕЛЪ
ВОРОНЪ МѢДНОЙ ДОМЪ, ЗАКЛЕВАЛЪ ЗМЯЯ ОГНЕН-
НАГО, ДОСТАЛЪ СЕМИПУДОВОЙ КЛЮЧЪ.

ОТПИРАЮ Я ТѢМЪ КЛЮЧЕМЪ КНЯЖОЙ ТЕ-
РЕМѢ, ВОЛОДИМЕРОВЪ, ДОСТАЮ СЕРУЮ БОГА-
ТЫРСКУЮ, БОГАТЫРЕЙ НОУГОРОДСКИХЪ, СОРАТ-
НИКОВЪ МОЛОДЕЧЕСКИХЪ. ВО ТОЙ СЕРУИ НЕ
УБѢЕТЪ МЕНЯ НИ ПИЩАЛЪ, НИ СТРЕЛЫ, НИ
ВОЙЦЫ, НИ БОРЦЫ, НИ ТАТАРСКАЯ, НИ КА-
ЗАНСКАЯ РАТЬ.

ЗАГОВАРИВАЮ Я РАБА, ТАКОГО-ТО, РАТНАГО
ЧЕЛОВѢКА, ИДУЩАГО НА ВОЙНУ, СИМЪ МОИМЪ
КРѢПКИМЪ ЗАГОВОРОМЪ. ЧУРЪ СЛОВУ КОНЕЦЪ,
МОЕМУ ДѢЛУ ВЪНЕЦЪ!

33. ЗАГОВОРЪ РАТНАГО ЧЕЛОВѢКА, ИДУЩА- ГО НА ВОЙНУ.

НА МОРѢ НА ОКЛЯНѢ, НА ОСТРОВѢ НА БУЛ-
АНЪ СИДИТЬ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ, ВО НЕВОЛѢ ЗА-
ТОЧЕНЪ. КЪ ТЕБѢ Я ПРИХОЖУ, ДОБРЫЙ МОЛО-
ДЕЦЪ, СЪ ПОКОРИЩЕМЪ. ВЫДАЮТЬ МЕНЯ РОД-
НЫЕ БРАТЯ ВО КНЯЖОУ РАТЬ, ОДИНОКОГО, НЕ-
ЖЕНАТАГО, А ВО КНЯЖЕЙ РАТИ МНѢ ПО ДОБРУ
НЕ ЖИТИ. ЗАГОВОРИ МЕНЯ СВОИМЪ МОЛОДЕЧЕ-
СКИМЪ СЛОВОМЪ. РАДЪ ВЫ СТОЯТЬ ВО ПОЛЕ ЗА
ТЕБЯ, ГОРЬКАГО СИРОТИНУ, ДА КРѢПКА МОЯ
НЕВОЛЯ, ДА ГОРЬКА МОЯ ИСТОМА. ЗАГОВАРИВАЮ
Я ТЕБЯ РАБА, ТАКОГО-ТО, ИДТИ НА ВОЙНУ ВО
ВСЕМЪ ПО ТОМУ, КАКЪ ЗАПОВѢДЫВАЛЪ МНѢ
РОДНОЙ ОТЕЦЪ. А БУДЕШЬ ТЫ РАТНЫМЪ ЧЕЛО-
ВѢКОМЪ, ИНО БУДЬ СВЕРЕЖЕНЪ: ОТЪ ТОПОРА,
ОТЪ БЕРДЫША, ОТЪ ПИЩАЛИ, ОТЪ ТАТАРСКИЯ
ПНКИ, ОТЪ КРАСНАГО БУЛАТА, ОТЪ БОРЦА, ЕДИ-
НБОРЦА, ОТЪ ВОЙЦА ВРАГА-СУПОСТАТА, ОТЪ
ВСЕЙ ПОГАВНОЙ ТАТАРСКОЙ СИЛЫ, ОТЪ КАЗАН-
СКОЙ РАТИ, ОТЪ ЛЯТОВСКИХЪ БОГАТЫРЕЙ, ОТЪ
ЧЕРНЫХЪ БОЖИХЪ ЛЮДЕЙ, ОТЪ БАБЬИХЪ ЗА-

зорь, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пицаль не въ пицаль, Татарская пика не въ пикю, поганая Татарская сила не въ сплу, Казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, Литовские богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь, отъ топоровъ, бердышей, пицалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, Татарской силы, Казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день.

34. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрюсь сырой землей, залвлюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты стѣна, Кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ Татаръ, злыхъ Татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣль, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росъ, встану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри, княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте Татаръ, полоните всю Татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣль, невредимъ. Иду я во кровавую рать Татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль, невредимъ. Вы, раны тяжелыя не болятъ, вы, удары бойцовъ меня не губите, вы, пицали меня не десятирите; а былъ бы я цѣль, невредимъ.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человека, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

35. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ такой-то, по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пицалахъ, лукахъ, и всякомъ ратномъ оружїи. Вы узлы заградите стрѣльцамъ все пути и дороги, замкните все пицали, опу-

тайте все луки, повяжите все ратныя оружїя. И стрѣльцы бы изъ пицалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, все ратныя оружїя меня не побивали. Въ моихъ уздахъ сила могуча, сила могуча змѣнная сокрыта, отъ змѣя двенадцать главаго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ со Окианъ моря, со острова Буяпа, со мѣдвѣаго дома, того змѣя, что убитъ двенадцать богатырьми подъ двенадцать Муромскими дубами. Въ моихъ уздахъ зашиты злою мачихою змѣинныя головы.

Заговариваю я раба, такого то, ратнаго человека, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко.

36. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.

На моръ на Окианъ, на островъ на Буяпъ лежитъ доска, на той доскѣ, лежитъ тоска. Бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ польмия выбѣгаль сатанина, кричить: Павушка Романел, бѣги поскорѣе, дуи рабъ, такой-то: въ губы и въ зубы, въ ея кости и чакости, въ ея тѣло вълое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба, такая-та, тосковала всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полувочамъ, тла бы, не зашла, пила бы, не запела, спала бы, заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднаго отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окианъ море, подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ огонить тоску.

37 Заговоръ отъ поръза.

На моръ на Окианъ, на островъ на Буяпъ лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ Алатырь сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, защищаетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба, такого-то, отъ поръзу. Бу-

ЛАТЬ ПРОЧЬ ОСТАВЬ, А ТЫ КРОВЬ ТЕЧЬ ПЕРЕ-
СТАТЬ.

38. ЗАГОВОРЪ ОТЪ НЕДУГОВЪ.

ЗАГОВАРИВАЮ Я У РАБА, ТАКОГО-ТО, ДВНАД-
ЦАТЬ СКОРЕННЫХЪ НЕДУГОВЪ: ОТЪ ТРЯСАВИЦЫ,
ОТЪ КОЛЮЧКА, ОТЪ СВЕРБЕЖА, ОТЪ СТРЕЛБЫ,
ОТЪ ОГНЕВИЦЫ, ОТЪ ЛОМОТЫ, ОТЪ КОЛОТЬЯ, ОТЪ
ДЕРГАНІЯ, ОТЪ МОРГАНІЯ, ОТЪ СЛѢПОТЫ, ОТЪ
ГЛУХОТЫ, ОТЪ ЧЕРНОЙ НЕМОЧИ. ТЫ, ЗЛАЯ ТРЯ-
САВИЦА, УЙМИСЯ, А НЕ ТО ПРОКЛЯНУ ВЪ ТАРЬ-
ТАРАРЫ; ТЫ НЕУГОМОННАЯ КОЛЮЧКА ОСТАНО-
ВИСЬ, А НЕ ТО СОЩЛЮ ТЕБЯ ВЪ ПРЕСПОДНІЯ
ЗЕМЛИ; ТЫ, СВЕРБЕЖЪ ПРЕКРАТИСЬ, А НЕ ТО
УТОПЛЮ ТЕБЯ ВЪ ГОРЯЧЕЙ ВОДѢ; ТЫ, СТРЕЛБА
ОСТАВОНИСЬ, А НЕ ТО ЗАСМОЛЮ ТЕБЯ ВЪ СМО-
ЛЪ КИПУЧЕЙ; ТЫ, ОГНЕВИЦА ОКЛАДИСЬ, А НЕ
ТО ЗАМОРОЖУ ТЕБЯ КРЕЩЕНСКИМИ МОРОЗАМИ;
ТЫ, ЛОМОТЪ СОЖМИСЬ, А НЕ ТО СОКРУШУ ТЕ-
БЯ О КАМЕНЬ; ТЫ, КОЛОТЬЕ ПРИТУПИСЬ, А НЕ
ТО РАСПІАЮ ТЕБЯ НА МЕЛКІЯ ЧАСТИЧКИ; ТЫ,
ДЕРГАНЬЕ ВОРОТИСЬ, А НЕ ТО ЗАПРУЖУ ТОВОЮ
ПЛОТНУ НА МЯЛЬНИЦЪ; ТЫ, МОРГАНЬЕ ОКРУ-
ТИСЬ, А НЕ ТО ВЪ ПЕЧИ БАННОЙ ЗАСУШУ; ТЫ,
СЛѢНОТА СКОРЧИСЬ, А НЕ ТО УТОПЛЮ ТЕБЯ ВЪ
ДЕГТЮ; ТЫ, ГЛУХОТА ИСЧЕЗНИ, А НЕ ТО ЗА-
СМОЛЮ ВЪ БОЧКУ И ПО МОРЮ ПУЩУ; ТЫ, ЧЕР-
НАЯ НЕМОЧЬ ОТВЯЖИСЬ, А НЕ ТО ЗАСТАВЛЮ
ВОДУ ТОЛОЦЪ.

ВСѢ ВЫ НЕДУГИ ОТКАЧНИТЕСЬ, ОТВЯЖИТЕСЬ,
УДАЛИТЕСЬ ОТЪ РАБА, ТАКОГО-ТО, ПО СЕЙ ЧАСЪ
ПО СЕЙ ДЕНЬ, ПО ЕГО ЖИЗНЬ, МОИМЪ КРѢП-
КИМЪ СЛОВОМЪ.

39. ЗАГОВОРЪ НА ПОКРАДЕННУЮ ВЕЩЬ.

НА МОРѢ НА ОКІАНѢ, НА ОСТРОВѢ НА БУЯН-
НѢ СТОИТЬ ЖЕЛѢЗНОЙ СУДУКЪ, А ВЪ ЖЕЛѢЗ-
НОМЪ СУДУКѢ ЛЕЖАТЪ НОЖИ БУЛАТНЫЕ. ПО-
ДПТЕ ВЫ, НОЖИ БУЛАТНЫЕ КЪ ТАКОМУ И СЯКО-
МУ ВОРУ, РУБИТЕ ЕГО ТѢЛО, КОЛИТЕ ЕГО СЕРД-
ЦЕ, ЧТОБЫ ОНЪ ВОРЪ ВОРОТИЛЪ ПОКРАЖУ ТА-
КОГО-ТО, ЧТОБЫ ОНЪ НЕ УТАИЛЪ НИ СІЯ ПО-
РОКА, А ВЫДАЛЪ БЫ ВСЕ СПОЛНА. БУДЬ ТЫ,
ВОРЪ, ПРОСІАТЬ МОИМЪ СИЛЬНЫМЪ ЗАГОВО-
РОМЪ ВЪ ЗЕМЛЮ ПРЕСПОДНЮЮ, ЗА ГОРЬ
ДВРАТСКІЯ, ВЪ СМОЛУ КИПУЧЮЮ, ВЪ ВОДУ
ГОРЮЧЮЮ, ВЪ СІНУ ВОДОУЧЮЮ, ВЪ ПЛОТНУ
МЯЛЬНИЧЮЮ, ВЪ ДОМЪ БЕЗДОМНЫЙ, ВЪ КУВ-

ШИНЪ БАННЫЙ; БУДЬ ПРИБИТЬ КЪ ПРИТОЛКЪ
ОСНОВНЫМЪ КОЛОМЪ, ИЗСУШЕНЪ СУШЕ ТРАВЫ,
ЗАМОРОЖЕНЪ ПУЩЕ ЛЬДА, ОКРИВѢЙ, ОХРОМѢЙ,
ОПАЛѢЙ, ОДЕРВЯНЕЙ, ОДУРЕЙ, ОБЕЗРУЧЕЙ, ОГО-
ЛОДАЙ, ОТОЦАЙ, ВАЛЯЯСЯ ВЪ ГРЯЗИ, СЪ ЛЮДЬ-
МИ НЕ СВЫКАЙСЯ И НЕ СВОЕЮ СМЕРТНЮ УМРИ.

40. ЗАГОВОРЪ ОБОРОТНИ.

НА МОРѢ НА ОКІАНѢ, НА ОСТРОВѢ НА БУЯН-
НѢ, НА ПОЛОЙ ПОЛЯНѢ, СВѢТИТЬ МѢСЯЦЪ НА
ОСИПОВЪ ПЕНЬ, ВЪ ЗЕЛЕНЪ ЛѢСЪ, ВЪ ШИРОКОЙ
ДОЛѢ. ОКОЛО ПНЯ ХОДИТЕ ВОЛКЪ МОХНАТЫЙ,
НА ЗУБАХЪ У НЕГО ВСЕ СКОТЪ РОГАТЫЙ; А ВЪ
ЛѢСЪ ВОЛКЪ НЕ ЗАХОДИТЬ, А ВЪ ДОЛѢ ВОЛКЪ
НЕ ЗАБРОДИТЬ. МѢСЯЦЪ, МѢСЯЦЪ — ЗОЛОТЫЕ
РОЖКИ! РАСПЛАВЬ ПУЛИ, ПРИТУПИ НОЖИ, ИЗ-
МОЧАЛЪ ДУБИНЫ, НАПУСТИ СТРАХЪ НА ЗВѢРЯ,
ЧЕЛОВѢКА И ГАДЫ, ЧТОБЫ ОНИ СТРАГО ВОЛКА
НЕ БРАЛИ, И ТЕПЛОЙ БЫ СЪ НЕГО ШКУРЫ НЕ
ДРАЛИ. СЛОВО МОЕ КРѢПКО, КРѢПЧЕ СНА И
СИЛЫ БОГАТЫРСКОЙ.

41. ЗАГОВОРЪ ДЛЯ ЛЮБВИ.

ИСПОЛВЕНА ЕСТЬ ЗЕМЛЯ ДИВНОСТИ. КАКЪ
НА МОРѢ НА ОКІАНѢ, НА ОСТРОВѢ НА БУЯНѢ
ЕСТЬ ВЪЛѢ ГОРЮЧЕ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ, НА ТОМЪ
КАМНѢ УСТРОЕНА ОГНЕПАЛЕНАЯ БАЯ, ВЪ ТОЙ
БАИ ЛЕЖИТЪ РАЗЖИГАЕМАЯ ДОСКА, НА ТОЙ
ДОСКѢ ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ. МЕЧУТСЯ ТОСКИ,
КИДАЮТСЯ ТОСКИ, И БРОСАЮТСЯ ТОСКИ ИЗЪ
СТѢНЫ ВЪ СТѢНУ, ИЗЪ УГЛА ВЪ УГОЛЬ, ОТЪ
ПОЛА ДО ПОТОЛКА, ОТТУДА ЧЕРЕЗЪ ВСѢ ПУТИ И
ДОРОГИ И ПЕРЕПУТЬЯ, ВОЗДУХОМЪ И ЛЕРОМЪ.
МЕЧУТСЯ ТОСКИ, КИНАЮТСЯ ТОСКИ И БРОСЬ-
ТЕСЬ ТОСКИ ВЪ БУИВНУЮ ЕЯ ГОЛОВУ, ВЪ ТѢЛѢ,
ВЪ ЛИКѢ, ВЪ ЯСНЫЕ ОЧИ, ВЪ САХОРНІЯ УСТА,
ВЪ РЕТИВОЕ СЕРДЦЕ, ВЪ ЕЕ УМЪ И РАЗУМЪ, ВЪ
ВОЛЮ И ХОТѢНІЕ, ВО ВСЕ ЕЕ ТѢЛО ВЪЛОЕ И ВО
ВСЮ КРОВЬ ГОРЯЧЮЮ, И ВО ВСѢ ДѢЛ КОСТИ, И
ВО ВСѢ СОСТАВЫ: ВЪ 70 СОСТАВОВЪ, ПОЛУСО-
СТАВОВЪ И ПОДСОСТАВОВЪ. И ВО ВСѢ ЕЯ ЖИ-
ЛЫ: ВЪ 70 ЖИЛЪ, ПОЛУЖИЛЪ И ПОДЖИЛКОВЪ,
ЧТОБЫ ОНА ТОСКОВАЛА, ГОРЕВАЛА, ПЛАКАЛА БЫ
И РЫДАЛА ПО ВСЯКЪ ДЕНЬ, ПО ВСЯКЪ ЧАСЪ,
ПО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ, НИГДѢ БЪ ПРОБИТЬ НЕ МО-
ГЛА, КАКЪ РЫБА ВЕЗЪ ВОДЫ. КИДАЛАСЬ БЫ,
БРОСАЛАСЬ БЫ ИЗЪ ОКОШКА ВЪ ОКОШКО, ИЗЪ
ДВЕРЕЙ ВЪ ДВЕРИ, ИЗЪ ВОРОТЪ ВЪ ВОРОТА, НА
ВСѢ ПУТИ И ДОРОГИ, И ПЕРЕПУТЬЯ СЪ ТРЕЩ-

томъ, тужениемъ, съ плачемъ и рыданиемъ, зъло спышно шла бы и бѣжала, и пробыть безъ него ни единыя минуты не могла. Думала-бъ объ немъ, не задумала, спала-бъ, не заспала, вѣла бы, не завѣла, пила-бъ, не запла, и не боялась бы ничего, чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту вълаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сву своего, по всякое время: на молоду, подъ полнь, на перекровъ и на исходъ мѣсяца. Сие слово есть утверждение и укрѣпленіе, имъ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ человекъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищъ ореховомъ. И ни чѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурей, ни водою дѣло сие не отмыкается ²⁶.

42. Заговоръ родимой матушки въ наносной тоскѣ своей дитятки.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буянь, на полонъ полянь, подъ дубомъ мокрецимъ сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоскѣ невдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной. Идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незваныхъ, непрошевыхъ. Гой ты еси, дѣвица красная, со утра до вечера кручиня! Ты что, почто сидишь на полонъ полянь, на островѣ на Буянь, на морѣ на Окианѣ? И рече дѣвица семи старцамъ съ старцемъ: нашла вѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемить, болитъ головушка, не милъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцевъ съ старцемъ, грознымъ грозно, учали ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста, и ни гдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островѣ на Буянь, на морѣ на Окианѣ, подъ дубъ мокрецикой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, свою ненаглядную дитятку, такую-то, отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ, по сю минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ.

43. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья пролегла путь дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожке шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли они во мѣр кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣли тоска со кручиной, а сидѣли они, да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить?

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди вълокаменной Москвы стоитъ теремъ боярский, въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой вѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы не ходите по пути и дороженькѣ на мѣр кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на той травушкѣ, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы они изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабъ такой-то, наносную тоску, а не покорится вамъ тоска со кручиной, и вы учините жить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко. А кто мой заговоръ воздолѣеть, и ему провалиться сквозь таръ-тарары.

44. Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.

За моремъ за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодець, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ семь цѣпей, за семьдесятъ семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью крюками. Никто добраго молодца изъ неволи не ослободитъ, никто добраго молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка, такая-та, во слезахъ горючихъ, поила молодца сытой медовой,

КОРМИЛА МОЛОДЦА БЪЛСНЪГОВОЙ КРУПОЙ, А
А КОРМИВШИ МОЛОДЦА, САМА ПРИГОВАРИВАЛА:
НЕ СКАКАТЬ БЫ МОЛОДЦУ ПО ЧИСТУ ПОЛЮ, НЕ
ИСКАТЬ БЫ МОЛОДЦУ ЧУЖОЙ ДОБЫЧИ, НЕ СЫБ-
КАТЬСЯ БЫ МОЛОДЦУ СО БУЙНЫМИ ВЪТРАМИ,
НЕ РАДОВАТЬСЯ БЫ МОЛОДЦУ НА РАТЬ МОГУЧУ,
НЕ ПУСКАТЬ БЫ МОЛОДЦУ КАЛЕНУ СТРЕЛУ ПО
ПОДНЕВЕСЬЮ, НЕ СТРЕЛЯТЬ БЫ ВО БЪЛЫХЪ ЛЕ-
БЕДЕЙ, ЧТО ЛЕБЕДЕЙ КНЯЖИНЪХЪ, НЕ ДОСТАВАТЬ
БЫ МОЛОДЦУ МЕЧЪ-КЛАДЕНЕЦЪ ВРАГА СУПОСТА-
ТА, А ЖИТЬ БЫ МОЛОДЦУ ВО ТЕРЕМУ РОДИ-
ТЕЛЬСКОМЪ, СЪ ОТЦЕМЪ СО МАТЕРЬЮ, СЪ РО-
ДОМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ. УЖЪ, КАКЪ ВОЗГОВОРИТЬ
ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ: НЕ ЧИСТО ПОЛЕ МЕНЯ СГУ-
БИЛО, НЕ БУЙНЫ ВЪТРЫ ЗАНЕСЛИ НА ЧУЖОЮ
ДОБЫЧУ, НЕ КАЛЕНОЙ СТРЕЛОЙ ДОСТАВАЛЪ Я
БЪЛЫХЪ ЛЕБЕДЕЙ, НЕ МЕЧЕМЪ-КЛАДЕНЦОМЪ ХО-
ТЪЛЪ Я ДОСТАТЬ ВРАГОВЪ СУПОСТАТОВЪ, А
СГУБИЛА МОЛОДЦА ВОЛЯ МОЛОДЕЦКАЯ, ВО КНЯ-
ЖЕМЪ ТЕРЕМУ НАДЪ ДЪВИЦЕЙ КРАСНОЙ ТА-
КОЙ-ТО.

ЗАГОВАРИВАЮ Я, РОДНАЯ МАТУШКА, ТАКАЯ-
ТА, ПОЛЮБОВНАГО МОЛОДЦА ТАКОГО-ТО, НА ЛЮ-
БОВЪ КРАСНОЙ ДЪВИЦЫ, ТАКОЙ-ТО. ВЫ, ВЪТ-
РЫ БУЙНЫЕ, РАСПОРИТЕ ЕЕ БЪЛУ ГРУДЪ, ОТ-
КРОЙТЕ ЕЯ ГЕТИВО СЕРДЦЕ, НАВЪЙТЕ ТОСКУ СО
КРУЧНОЙ; ЧТОБЫ ОНА ТОСКОВАЛА И ГОРЕВАЛА;
ЧТОБЫ ОНЪ ЕЙ БЫЛЪ МЛАДЪ СВОЕГО ЛИЦА,
СВЪТЛАЕ ЯСНАГО ДНЯ, КРАШЕ РОДУ ПЛЕМЕНИ,
ПРИВЪТЛИВТЕ ОТЦА СЪ МАТЕРЬЮ; ЧТОБЫ ЕЙ
ОНЪ КАЗАЛСЯ БО СВЪТЪ И НА ЯВУ, ВЪ ДЕНЬ И
ПОЛДЕНЬ, ВЪ НОЧЬ И ПОЛНОЧЬ; ЧТОБЫ ОПЪ
ЕЙ БЫЛЪ ВО ПРИГОЖЕСТВО КРАСНОЕ, ВО ЛЮ-
БОВЪ ЗАЛУЧНУЮ; ЧТОБЫ ОНА ПЛАКАЛА И РЫДА-
ЛА ПО НЕМЪ, И БЕЗЪ НЕГО БЫ РАДОСТИ НЕ
ВИДАЛА, УТЪХЪ НЕ НАХОДИЛА. КТО КАМЕНЬ
АЛАТЫРЬ ИЗГЛОЖИТЬ, ТОТЪ МОЙ ЗАГОВОРЪ ПРЕ-
ВОЗМОЖЕНЪ. МОЕМУ СЛОВУ КОНЕЦЪ ВО ЛЮБОВИ
КРАСНОЙ ДЪВИЦЫ ТАКОЙ-ТО.

45. Заговоръ на воду.

Во черной извѣ, за дубовымъ столомъ
стоитъ трясавица на полицѣ. Ты трясави-
ца, не вертись, а ты притолка, не свих-
нись. Вертлось бы, свихнулось зелено ви-
но въ чашѣ, и вертѣло бы вино, и свихну-
ло бы вино все притомливое, невѣдомое,
да что неслыхано, да что не сказано въ
такомъ-то дому, на такомъ-то вѣду. А бу-
де ты, трясавица, завертѣшься, а буде ты

притолка свихнешься, ино будетъ вамъ
отъ меня лютово неволие, да злово том-
ленье, а на иново вамъ будетъ все по доб-
ру, по здорову, какъ бывало доселево. Сло-
во мое крѣпко.

46. Заговоръ островника на зеленую дуброву.

Хожу я, рабъ такой-то, кругомъ остро-
ва, такого-то, по крутымъ обрагамъ, буг-
ракамъ, смотрю я чрезъ весь лѣсъ: дубъ,
березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость,
орѣшину, по всемъ сучьямъ и вѣтвямъ,
по всемъ листьямъ и цветамъ. А было бы
въ моей дубровѣ по живу, по добру, по
здорову. А въ мою бы зелену дуброву не
заходили ни зверь, ни гадъ, ни лихъ че-
ловѣкъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домо-
вой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я
большой на большой; а было бы все у ме-
ня во послушаньи, а былъ бы я цѣлъ и
невредимъ.

47. Заговоръ отъ лихаго человека.

Иду я по чистому полю, на встрѣчу въ-
гутъ семь духовъ съ полудухами, все чер-
ные, все злые, все нелюдимые. Идите вы,
духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ,
держите ихъ на привязи, чтобъ я отъ нихъ
былъ цѣлъ и невредимъ во пути и дороги,
во дому и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во
землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ
сладбѣ и на вѣдѣ. Мой заговоръ дологъ,
мон слова крѣпки. Кто мое слово испро-
вержетъ, ино бытъ во всемъ наивово, по
худу, по недобру, какъ вопреки сказано.

48. Заговоръ красной дѣвицы отъ не- дуговъ любовнаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-та, изъ воротъ въ
чисто поле, въ Окианъ море, становлюсь я,
дѣвица такая-та, на бѣлѣ горячѣ камень
Алатырь, опоясываюсь бѣлой пвеной, за-
говариваю своего любовнаго молодца,
такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ принеду-
гами, полунедугами. Вы, злые недуги, не
ведите раба такого-то. Отсылаю я васъ
въ Окианъ море, въ бездны пренесподнѣя,
въ котлы кипуче, въ жаръ палочій, въ
сѣру горячую, по сей день, по сей часъ,

по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбивный молодецъ былъ и хорошъ; а милѣ бы его не было во всемъ свѣтѣ; а при вѣтнѣ бы его не было и во теремѣ княземъ; а залучивъ бы его не было во всей околицѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всемъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамату неписанную, и велитъ она всемъ птицамъ слетатися на такая-та озера и водота, и велитъ всемъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зарн, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки венарушимо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Окианѣ есть былъ горючъ камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея вѣду грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ такой-то красной дѣвицѣ несходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь къ такому-то полюбивному молодцу. А была бы красная дѣвица, такая-та, во всемъ послушна полюбивному молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ни чѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человекъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ былъ горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозможъ, силу могучу не улежъ.

51. Заговоръ отъ черной немочи.

Летитъ птица за моря, бѣжитъ звѣрь за лѣса, бѣжитъ дерево въ дерево, мать земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать тарь-тарары, во тѣму кромечную, а бѣжала-бъ назадъ не ворожаючи, а былъ бы такой-то человекъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, моимъ рѣчамъ покорница не дашь, вею тебя птицъ за моря унести, звѣрю въ лѣсъ затащить, мать землѣ въ свою мать во сыру землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будетъ тебѣ горе великое, а такой-то человекъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, нмѣ же замыкается все недуги, съ полунедугами, все болѣсти съ полуболѣстями, все хворобы съ полухворобами, все корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человека отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнь.

52. Заговоръ отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окианѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старца, а держитъ она жало. Ты старца возьми свое жало и приди къ рабу, такому-то, вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны волочия на рукахъ, на ногахъ, на головахъ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ, и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакъ черной, свѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Окианѣ, посреде моря Бѣлаго стоитъ мѣдной столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ волѣстей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тотъ мѣдной столбъ, что на морѣ на Окианѣ, и заповѣдаю ему моимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія такой-то цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь.

54. Заговоръ молодухи отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкѣ дворѣ заборчатой, гляжу я по всемъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьицы задержите моего мужа, такого-то; вы, звѣзды ясныя затемните свой свѣтлояркой свѣтъ, чтобы безъ ваше-го свѣтлушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, забытье со безпамятью; а былъ бы онъ и глухъ и пѣтъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бѣдою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55. Заговоръ красной дѣвицы отъ при- зороковъ.

Посреди Окианъ моря выходила туча гроз-ная съ буйными вѣтрами, что вѣтрами съ-верными, подымалась мятель со снѣгами, нагонялись волны на высокѣ теремъ, налетали орлы черны на широкѣ долъ, выхо-дила красная дѣвица къ загорному студен-цу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилась крас-ная дѣвица вокругъ студенца, а сама гово-рила такovy рѣчи: Гой ты, туча грозная, со буйными вѣтрами! умчи ты, туча гроз-ная, тоску со печалью отъ красной дѣви-цы, рабы такой-то, на Окианъ море, засте-ли ей путь и дороженьку мятелью со снѣ-гами, прикрой призорки бѣлострыми вол-нами, приставь въ сторожи черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водою; сти-раю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узороки съ призораками; отмахиваю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ во-роновъ съ воронихами, съ ворончатами; от-говяю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что за-рѣнилъ призорки въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, что того врага, что зат-милъ очи ясны, что того врага, что пору-дилъ красоту дѣвичью, что того врага, что стувилъ семью почетную, что стувилъ дочь отъ матери, что сокручилъ отца безвременъ-емъ дочернимъ.

Заговариваю мон заповѣдныя словеса снимъ монѣ крѣпкимъ заговоромъ на от-пгнаніе призороковъ отъ рабы такой-то, по сей дѣнь, по сей часъ, по ея жизнь. А бу-детъ заговоръ ни чѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни аеромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А бу-де кто покусится порудить мой заговоръ, ино ему провалиться въ бездны пренспод-нія, въ яму угольную, а красной дѣвицы, такой-то, быть по добру, по здорovu.

56. Заговоръ отъ колотья и болѣстей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотье и болѣсти снимъ монѣ крѣпкимъ заговоромъ; и заповѣдаю вамъ колотье и болѣсти та-скаться по міру отъ востока до запада, отъ озера до болота, отъ горы до дола, отъ мо-ря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣсья, отъ стара до мала человѣка, отъ звѣря до гада, отъ города до пригоро-довъ, отъ села до погоста, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣсяца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со боло-томъ утонуть, а съ дола на гору не влѣсть, отъ моря до моря не перебродить, и въ лѣ-су съ перелѣсьемъ зацѣпиться, а отъ стар-ца до мала человѣка быть новину, и отъ звѣря до гада быть зацѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть по одалю, отъ деревни до ста-на быть за каналомъ, отъ звѣзды до мѣся-ца не дослѣчь. Мси словеса велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ человѣкъ порушитъ мой словеса, кто задумаетъ рас-торгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть во всемъ по моему.

57. Заговоръ на изгнаніе съ островни- ка звѣрей и гадовъ.

Хожу я по заливью утрепней росой, со-бираю я травы земельныя, варю травы зем-ныя во мѣдленной ростъ, поливаю травами земельными со водою по всемъ кустамъ, по всемъ полямъ, по всемъ межамъ. Вы, звѣ-ри лютыя, выходите, вы гады выбѣгайте, вы, недобрыя люди, отбѣгайте. Во моемъ островникѣ звѣрямъ не живатъ, гадамъ не бывать, недобрымъ людямъ не захаживатъ,

А БЫТЬ БЫ МНѢ БОЛЬШИМЪ ПАБОЛЬШИМЪ ; А ЗВѢРИ БЫ ВЪ МОЕМЪ ОСТРОВНИКѢ МЕНЯ СЛУШАЛИСЬ, А ГАДЫ БЫ СЪ МОЕГО ОСТРОВНИКА ПРОЧЬ ОТВѢГЛИ БЫ. МОЕ КРѢПКОЕ СЛОВО ДА БУДЕТЬ ВСЕМУ ПРЕВОЗМОГЪ. КАКЪ МОГУЧИ ТРАВЫ ЗЕЛЬНЫЯ, ТАКЪ БЫ МОГУЧЕЙ ТОГО БЫЛЪ МОЙ ЗАГОВОРЪ ПОДЪ МОЛОДУ, ПОДЪ ИСХОДЪ, ПОДЪ ПЕРЕКРОЙ, ПО ВОСХОДЪ И ПО ЗАКАТЪ СОЛНЦА; ПОДЪ ПОЯСЪ САЖАРА И КУЧЕКРОЯ, ПОДЪ ЗАМЕЖУЯ, ПОДЪ ОТВОРИ ВОРОТА, ПОДЪ НАСКОЧА, ПОДЪ ЗЕМЕНЦА, ПОДЪ ЗВѢЗДЫ ЯСНЫЯ И ТЕМНЫЯ СО ВСѢМИ ЗВѢЗДАМИ И ПОЛУЗВѢДАМИ.

58. Заговоръ на подходъ.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. *Акиры* и *Оры*, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, такожде и на меня раба, такогото, не думали бы зла и лиха какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба, такогото, увидѣли бы цари, царицы, короли королицы, князи, княгини и всѣ православные роды христіянскіе, возвеселились; и какъ не видятъ мати отлученнаго дидя много летъ, а увидитъ возвеселятся и возрадуется зело весело и радостно такожде меня, раба такогото, увидѣвъ, возрадовалась бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ вельможи и всѣ православные роды христіянскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, такожде бы меня и моихъ словъ, не могли-въ превратить, во вѣки вѣковъ 27.

59. Заговоръ отъ скорой доспѣшки.

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ чистомъ полѣ три дороги. Я пойду въ правую дорогу, въ правую дорогу къ Колонію со восточную сторону, къ Океанъ морю. Въ Океанъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ человекъ; онъ стрѣляетъ по чисту полю, а убиваетъ всякия воли. Прошу я, рабъ та-

кой-то, не стрѣлять по чистому полю, а стрѣлять раба, такогото, отъ скорой болѣзни, отъ доспѣшки, отъ осудища, отъ отъ чернаго волоса, отъ бѣлаго волоса, отъ русаго волоса, отъ темнаго волоса, и отъ всякаго нечистаго взгляда. Пойду, зайду я рабъ, такой-то, въ домъ къ красной дѣвицѣ, у ней топится свѣча восковая, за темьяномъ, за ладаномъ, за кутьей. По прошу я у красной дѣвицы здорovia отъ доспѣшки, отъ вешней, полувешевой, отъ лѣтней, полулѣтней, отъ осенней, полуосенней, отъ зимней, полужимней, отъ земляной доспѣшки, водяной доспѣшки, вѣтряной доспѣшки, отъ стрѣчника и порѣчника.

60. Заговоръ на отступу между мужемъ и женою.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дыннымъ окномъ да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пату, подъ пату, не на сыру землю, не на сыру землю да въ черной чоботъ; а въ томъ чоботу повѣгу я въ темной лѣсъ, на ~~болыно~~ озерицѣ, въ томъ озерицѣ плыветъ челнище, въ томъ челнище, сидятъ чортъ съ чертищей; швырну я съ подъ паты шапку въ чертища. Что ты чертище, сидишь въ челнищѣ, съ своей чертищей? Сидишь ты чертище прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты, чертище къ людямъ въ челнищѣ, посели чертище свою чертищу такому-то въ извищѣ, а въ той извищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертищей живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любить; чужихъ не невидятъ.—Ты чертище вели чертищѣ, чтобъ она чертища, распустела волосища; какъ жила она съ тобою въ челнищѣ, такъ живъ бы такой-то со своей женою въ извищѣ. Чтобъ онъ ее не навидѣлъ. Не походя, не поступа, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по телу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивила бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ теломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступитъ отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерищѣ; тебѣ чертищу хранишь шапку въ озерищѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна.

Чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбаки достать, ни злой колдун отколдовать, на мирь и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

61. Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, раба такой то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ бравымъ полотеничкомъ утрюсь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣсницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяць, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одынусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опычусь; пойду я, раба такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпцомъ въ темные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣлая горячъ камень, стану я, раба такой-то, къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Посовите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и стрѣлыхъ зайцовъ ловити; куницъ, и лисницъ, и стрѣлыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залучати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ, безопасно, на сторону не отматывались и взадъ не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣзнымъ кляпцомъ отъ урока и презра, отъ стрѣшника и попережника, отъ колдуна, и отъ вѣдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ двоеженныхъ и троеженныхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третьей булатной; замки замкните, отнеситесь ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно, какъ ели къ хвоя, такъ къ кляпцамъ желѣзо! А мнѣ, рабу такому-то, скорѣе вѣрнопѣ и жестоко! Въ снѣгѣ морь синій камень, въ черномъ морь черной камень, въ бѣломъ морь бѣлой камень. Сей мой заговоръ.

62. Заговоръ на тоску доброму мольцу по красной дѣвницѣ.

Стану я, раба такая-та, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дождался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева, не можетъ жить, такъ бы раба, такой-то, безъ рабы, такой-то, не могъ бы жить, не быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въвайся тоска въ грудь, въ сердца, во весь животъ рабу, такому-то, разросись и разродись по всемъ жиламъ, по всемъ костямъ ноетой и сухой по рабѣ, такой-то.

63. Заговоръ отъ грыжи.

Стану я раба, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ подвосточную сторону, къ морю къ Окиану, въ морь Окианъ лежитъ Алтырь камень, на томъ камнѣ Алтырь стоитъ домъ. Попрошу, я раба, такой то, здоровля, обь такой-то болѣзни, обь наличномъ мясѣ, отъ грызоты, отъ болаты, отъ ломоты. Бѣжить рѣка огненная, черезъ огненную рѣку каминовой мостъ, по тому каминову мосту идетъ старъ матеръ чловѣкъ; несетъ въ рукахъ золотое блюдечко, серебряно перышко, мажетъ у раба, такой-то, семдесятъ жилъ, семдесятъ костей, семдесятъ суставовъ; зваляетъ съ раба, такого-то, семдесятъ болѣзней. Не воли, и не лопи, и не отрыгай, и не откidyвай, и ни на концѣ, ни на вѣткѣ никогда.

64. ЗАГОВОРЪ НА ОСТУДУ МЕЖДУ МОЛОДЦОМЪ И ДВѢЩИЦЕЙ.

КАКЪ МАТЬ БЫСТРА РѢКА ВОЛГА ТЕЧЕТЪ КАКЪ ПЕСКИ СО ПЕСКАМИ СПОЛАСКИВАЮТСЯ, КАКЪ КУСЫИ СО КУСТАМИ СВѢВЮТСЯ, ТАКЪ БЫ РАБЪ, ТАКОЙ-ТО, НЕ ВОДИЛСЯ СЪ РАБОЙ, ТАКОЙ-ТО, НИ ВЪ ЦЛОТЬ, НИ ВЪ ЛЮБОВЬ, НИ ВЪ ЮНОСТЬ, НИ ЯРОСТЬ; КАКЪ ВЪ ТЕМНОЙ ТЕМНИ-

ЦѢ И ВЪ КЛЕВНИЦѢ, ЕСТЬ НѢЖИТЬ ПРОСТОВОЛОСА, И ДОЛГОВОЛОСА, И ГЛАЗА ВЫПУЧИВШИ; ТАКЪ БЫ РАБА, ТАКАЯ-ТА, КАЗАЛАСЬ РАБУ, ТАКОМУ-ТО, ПРОСТОВОЛОСОЙ И ДОЛГОВОЛОСОЙ, И ГЛАЗА ВЫПУЧИВШИ; КАКЪ У КОШКИ СЪ СОБАКОЙ, У СОБАКИ СЪ РОССОМАХОЙ, ТАКЪ БЫ У РАБА, ТАКОГО-ТО, СЪ РАБОЙ, ТАКОЙ-ТО, НЕ ВЫЛО СОГЛАСЬЯ НИ ДНЕМЪ, НИ НОЧЬЮ, НИ УТРОМЪ, НИ ВЪ ПОЛДЕНЬ, НИ ВЪ ПАВЪДОКЪ. СЛОВО МОЕ КРѢПКО.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1. Старыя записки взяты изъ лѣтоп. Рост. и Кенгг. Рук. листъ 103, 105, 106.

2. Это единственный разсказъ, открывающій слѣды Русской Мивеологін. Вѣрованіе Скандинавовъ живо отражается въ Кудесникахъ Ростовскихъ.

3. Воровба Чудскаго Кудесника указываетъ прямо на Финское происхожденіе См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.

4. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.

5. Тамъ же, т. VI, прим. 324.

6. Русск. Вавилое. Н. Н. Полеваго т. 1. стр. 29.

7. Въ Царскихъ предложеніяхъ, для рѣшенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый Соборъ, были вопросы: 23 о колдованіи и гаданіи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о клячѣхъ на Радунцѣхъ, 26 о Четверговой соли, 27 о воровбѣхъ въ понедѣльникъ послѣ Петрава поста.

8. Надатели Законовъ В. К. Іон. В. и Судебника помѣстили этотъ наказъ, подъ именемъ *вытиси* 1552 г. на стр. 113.

9. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.

10. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.

11. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 216.

12. Сказ. Курб. ч. II, стр. 112.

13. Сказ. Курб. т. 1, стр. 101.

14. Сказ. Курб. т. 1, стр. 102.

15. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.

16. Сказ. Курб. т. 1, стр. 133.

17. Сказ. Курб. т. 1, стр. 33.

18. Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.

19. Ист. о Зат. Болъ. Матъ. стр. 11, 161, 162.

20. Очень многого о Чернокижїи мы не помѣстимъ здѣсь; одиѣ свѣдѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говоримъ за излишествомъ.

21. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 328.

22. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 1.

23. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 2.

24. LE MAGICIEN LEXILIS, QUI FLORISSAIT A TUNIS, ÉTAIT FORT MAUVAIS PRISONNIER. V: CHRONIQUES ET CONTES DE MOUCHENBERG. ANCIENNE CHRONIQUE DE LA ODRE. JAQUES MEYER. CARDAN DANS SES CONTES.

25. Преданія Русскаго народа о Лихорадахъ заимствованы отъ Павлякиавъ. Православною Церковію были преданы проклїтію: *Вопросы къ Богородицѣ о недугѣхъ Естественномъ, еже иллануется трясавица*. См. Іоанна, Эка. Будгарскаго, изд. *Калайдовичемъ*.—стр. 210.

26. Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедїи: *Чародѣйство, или дядя обманушійся колдунъ*, стр. 51 Москва 1831 года.

27. Последніе семь заговоровъ были сообщены г. Парижскимъ.

С К А З А Н И Я

О

ЧАРОДЪЙСТВЪ.

1. ЧАРЫ НА ВѢТЕРЬ.

Чары на вѣтеръ известны были въ Русскомъ Черноокнижии еще въ XVI столѣтнн. Курскій, участникъ славы Царя Иоанна IV Васильевича, описывая Казанскую битву, говоритъ, что Казанскіе Татары, желая очаровать Русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ Русскою семейною жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курскаго за это извѣстие. Чтобы увѣриться — дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ, стоитъ только заговорить съ первымъ Русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ Чародѣевъ такому ремеслу, когда отройвшіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, разсматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены Казанскими Чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокую мсть въ оскорбленнн. Желая отомстить своему врагу, поселане отправляются къ Чародѣю, разсказываютъ свою обиду, просятъ его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстинну, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живеть твой супостатъ?» — «Вотъ въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живеть мой супостатъ!» — Выходятъ вмѣстѣ на дорогу и ова смотрять: есть ли туда попутный вѣтеръ? Если есть вѣтеръ, тогда пристаютъ къ совершенно обрида. Обиженный поселанинъ беретъ съ дороги свѣтъ

или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ Чародѣю. Этотъ принявши пыль, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе:

«Кула, Кула! Ослави такого-то, черные, вороные, голубые, каріе, бѣлые, красные очи. Раздуи его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе зми мѣдваницы!»

Проговоривши проклятіе, Чародѣй глубоко задумывается, потомъ разсказываетъ видѣ, примѣты, мѣсто—куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ корчило этого чело-вѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утровою; какъ началъ чахнуть; какъ теперь томится недугомъ смертнымъ.

Поселане увѣждены, что если ихъ врагъ попадетъ подъ проклятіе Чародѣя, то онъ непременно будетъ жертвою чарованнн. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній чело-вѣкъ, сходный лицомъ и вѣсти примѣтами съ его врагомъ. Впрочемъ, что извиненнн высказываются напередъ самими чародѣями, въ оправданнн своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеннн къ чудесамъ составляютъ основу всякаго чарованнн. Знавши простоту поселане, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать Чародѣямъ. Мнѣ известны многія усилія, предпринимаемыя для истребленнн сего обмана, но къ сожалѣнію, увеличившнн еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣй-

ствительности этих чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благодѣтельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ вѣдству — могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русской поселянинъ тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, повѣрливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствие, онъ лишается этихъ наследственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

2. ЧАРЫ НА СЛѢДЪ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разуверить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ погнѣшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на Русскую землю это чарованіе? Что оно не Русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Люди, занимающиеся этимъ ремесломъ, суть: Цыгане, Литовцы, Татары, Молдованы, сельскіе Русскіе коновалы, бродящіе по Русскимъ селеніямъ съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся въ накладъ-простодушнымъ поселянамъ. *Спрашивай бывалаго* — Русское повѣріе — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ диковинкахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалаый, какъ опытный обманщикъ, научааетъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ничто другое, какъ обыкновенная болѣзнь, известная въ медицинѣ подъ именемъ: *Старгескаго уелданія* — *Marasmus*. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою минутою жизненныя отправления, лишается умственныхъ способностей, и въ истощеніи постепенномъ, медленномъ, умираетъ. Поселяне, непонимающіе свойства болѣзни, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдъ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдъ употребляются: въ любовныхъ интригахъ, во раз-

мовкѣ сосѣдей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ будто они накопляютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человека до послѣдней возможности, и доводятъ не рѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдъ, стараются подмѣтить слѣдъ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закрываютъ его, чтобы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатаны: на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ особенностяхъ тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдуманно, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный Чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ со ступени. Для этого они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они же, окровавленный вихремъ. Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда Чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдъ въ банн.

Зло, совершенное Чародѣями надъ подвергшимся этому чарованію, можетъ быть и уничтожено. Замѣтивши тоску, поселяне призываютъ или *Докю*, или *Въ-дука*, или *Знахаря*, и просятъ его, съ подарками, излечить больного отъ недуга. Докю, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ известно: сколько у каждаго человѣка есть волосъ, и что вылезавшіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда объявляютъ излеченіе. Когда же объявленіе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроят-но, принадлежали другому. Это условіе есть

приготовленное оправдание для неудачи. Дока выносить найденный слядь на улицу и бросает на дорогу, по направлению ветра. Этим самым сгоняется тоска. Когда Дока не отыщет сляда, тогда предлагается больному сжечь вьюлье подь Благовещение, уверяя, что только это средство избавить его от недуга.

Всякой благомыслящий человек, конечно, будет сожалеть о заблуждении поселян, и без сомненья, пожелает истребления этого поврия. Что чары на слядь есть обманъ, въ этомъ нѣтъ сомненья. Кю, кромь помѣщиковъ, приходскихъ священниковъ, можете истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи общаго желанія!

3. ЧАРЫ ДЛЯ КОЛѢВЪ.

Чары для колѣвъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолюдинъ рѣшительно вѣритъ, что колѣвки, люди, обезображенные разными болѣзнями, суть несчастливцы, очарованные Доками, Вѣдунками. Можно ли придумать нехуже сего заблужденія? Русской поселянинъ, при взглядѣ на колѣвъ, сожалѣетъ оъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе негистой силы. Не лѣзя обвинять поселянина за это последнее предположеніе: достовѣрныя извѣстія оъ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни тошны оловныя, водовы съ изуродованными людьми? До сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слядами и колѣвками, для благовиднаго собиранія мелостыни, чары для колѣвъ действительно находятся въ Русскомъ Чернокожикѣ. Чтобы утвердить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, рассмотримъ совершеніе самаго обряда. Это можно овно можетъ доказать, что Русской поселянинъ не былъ безъ изобретателя.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ землю съ свѣжей могилы, вынимаютъ золу изъ семи печей, собираютъ соль изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи, или въ чулки, или кладутъ въ лапти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомненья, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для колѣвъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себя или частицы слитренныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и будучи растворимъ его, овлаживаетъ, такъ сказать, своею сыроствю сопрякосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человеческой организаціи всасывать влажностъ, то легко уверимся, что составъ Чародѣевъ для колѣвъ основанъ на всасываніи испареній, и, что въ слядствіе этого неизбѣжно долженъ образоваться: *искусственный ревматизмъ*. Простолюдинъ, не понимая законовъ природы, не вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ уверять, что то дѣлаютъ злостные мертвецы, ненавидящие живущихъ людей, за то, что они, будто бы на перекоръ судьбы, остаются въ замѣнъ ихъ наслаждаться мірскими удовольствіями.

Военные врачи, въ мирное время, должны обращать особенное вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для колѣвъ.

Невозможно допустить чтобы Русскій поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобретателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для колѣвъ. Если есть изъ Русскихъ, занимающихся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они испол-

няютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйстви веществъ на человеческое тѣло. Послѣ сего мы смѣло можемъ оказать: чары для колѣкъ есть изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ Русскую землю. Доселѣ еще остаются темныя понятія о клѣкшахъ, которыхъ всегда выдаютъ за вѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: *искусственная Истерика*. Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искусственное состояніе *Нервнаго Электричества*, что врачи ни какъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенныя законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человеческій организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе облеченное разными таинствами, обрядами, обманами всегда употребляется ими во зло. Отъ сего произошло образованіе многихъ искусственныхъ болѣзней.

4. ЧАРЫ НА ЛОШАДЬ.

Чары на лошадь, сопровождаемая глубокимъ вѣрованіемъ въ мщеніе мертвецовъ, нашла для себя приютъ въ сельской жизни. За достоверное можно принять, что основателями сего чародѣйства были Цыганы, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманъ, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, дѣлаются вмѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Чтобы совершить надъ лошадью чары, поселяне, по совѣту Чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни, и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослабленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики

прикрывая это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на мщеніи мертвецовъ.

Пастухи изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вѣснваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невѣрное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ увѣрившій простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, придя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиною сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія Чародѣя.

5. ЧАРЫ НА ПОДТЕКЪ.

Чары на подтекъ принадлежатъ болѣе къ домашнимъ вѣдствіямъ, нежели къ чудесамъ, неизъяснимымъ ни законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣріе, что такимъ чарованіемъ обладаютъ мѣльники.

Мѣльникъ Русской для своего заведенія выдаетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотины для мельничнаго пруда есть верхъ его искусства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавидящіе придумали разрушать плотины, устраиваемыя въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣя явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содержащія въ большой тайнѣ. Призванные злобнымъ мѣльникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣритъ, что это такъ, какъ увѣряетъ его Знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко Чародѣя есть — *живая ртуть*. Кроме змѣиного молока, Чародѣя совѣту-

ють бросать въ осминномъ мѣшкѣ золу по зарямъ вечернимъ и утреннимъ, увѣряя, что зола выгоняетъ изъ пруда Водянаго Дѣвущку. Чернь слѣпо вѣритъ и въ зори и въ Водянаго.

Могутъ ли Чародѣи разрушить этими средствами плотину, рѣшить невозможно; но, что это зло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Облекая его мнѣми и чудеснымъ разсказомъ о выходѣ Водянаго изъ воды—обманщики обольстили простодушныхъ сердца поселянъ, часто недоступныхъ къ состраданію.

6. ЧАРЫ НАДЪ ЗМѢЮ.

Чары надъ змѣю изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ склонить человѣческое сердце къ любви *неволею*. Недовольствуясь одними заговорами, они прибѣгли къ чарованію, и знахаря явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованій, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ обольщеніе старой жизни, украсивъ ее восторженными разсказами, роскошною жизнью. Русская земля получила всѣ любовныя чарованія отъ Грековъ, съ первыхъ дней сношенія съ этимъ народомъ.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣю заключается въ суевѣрномъ вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастіями. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣренная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены надъ нею для любви такого-то, вѣритъ безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя затѣи Знахарей, содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія ча-

ровъ надъ змѣю, вручаютъ деревянную рагульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рагулькою придавить его къ землѣ. Въ это время падбно стараться продѣть сквозъ змѣиные глаза иголку съ ниткою, и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ чтобы раба, такая-то, любила меня и жалѣла.»

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ, должно продѣть эту иголку съ ниткою платью такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается до тѣхъ, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе къ любви, тогда должно зажечь змѣиную свѣчу и любовь снова возгорится. Когда же вся сгоритъ свѣча—тогда любовь на вѣки простываетъ.

Чары надъ змѣю совершаются во многихъ Русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большею тайною и покупаются дорогою цѣною.

7. ЧАРЫ НАДЪ ЛЯГУШКОЮ.

Чары надъ лягушкою принадлежатъ къ любовнымъ чарованіямъ занесены въ Русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъестественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разумія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой дѣвицей*, всегда прибѣгаетъ къ Знахарю за

советами — *пособить своей тоскѣ*. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продыравленный кубшинъ, и бѣжать неоглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику — то нечистая сила можетъ его сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила по неволѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ, но если неопытный будетъ оглядываться, то она жестоко мститъ за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто либо устоялъ противъ искушеній и сберегъ такую заповѣдь. Притомъ часто случается, что посторонние люди, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ *вилку и крючокъ*. Эти орудія дѣлаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ — и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тягость — то стоитъ только оттолкнуть вилкою — и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человека чары надъ лягушкою есть совершенной вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣрить этому, но и съ большою готовностію обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно глупо для дѣятельности сельской. Часто простолюдинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслию, забывая свои обязанности.

8. ЧАРЫ НАДЪ ГОЛУБИНЫМЪ СЕРДЦЕМЪ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодыхъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старые же

Т. I. Ч. 2.

полагаютъ, что съ такимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Рассматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, невозможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и Римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Альбертъ въ своемъ сочиненіи о таинствахъ — сказалъ: *Si tecum habueris cor columbis, omnes te ament*. Слѣдовательно это повѣріе занесено на Русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаровъ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзываетъ внутренности, она вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и потомъ засушиваютъ въ печѣ. Эти сердца, высушенные и завязанные въ холстинку, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непрошцаемою тайною, и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыганъ, коваловъ и старушекъ лечеекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки лечейки толкутъ голубиное сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страдающимъ злыми недугами — корчами. Поселяне вѣрятъ, что отъ этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старки и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ намѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселянки придумали и противъ этого зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепелъ кладутъ подъ порогъ, на попираніе всѣмъ проходящимъ людямъ

9. ЧАРЫ НАДЪ ЗМЪЯМИ И ЛЯГУШКАМИ.

ВЪ РУССКИХЪ СЕЛЕНІЯХЪ ПОЧИТАЮТЪ ЗА ДОСЛОВЬНОЕ—ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ЗМЪЙ И ЛЯГУШЕКЪ НЕ ТОЛЬКО ВЪ ДВОРЫ, ДОМА, ЖИТНИЦЫ—НО И ВЪ ЖИВЫХЪ ЛЮДЕЙ. КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТО МЯВНІЕ, КАКЪ ВЗДОРНОЕ, НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТЪ И УПОМИНАНІЯ; НО, КАКЪ ОНО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТЪ И ПРИТОМЪ ВЪ ПРИБРАТНОМЪ ВІДѢ, И КАКЪ ЕСТЬ САМОЕ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗЛО ВЪ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ, ТО ЗДѢСЬ УПОМИНАЕТСЯ ИЗЪ ОДНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ВЪ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ ПРОСТОДУШНЫМЪ ПОСЕЛЯНАМЪ.

ЧАРЫ НАДЪ ЗМЪЯМИ И ЛЯГУШКАМИ СОСТАВЛЯЮТЪ САМОЕ ОТЧАЯННОЕ ЧАРОВАНІЕ ВЪ РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖІИ. РАЗГЪВАННЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ, ОЖЕСТОЧЕННЫЙ ДО ПОСЛѢДНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ, ЛИШЕННЫЙ ВСѢХЪ СРЕДСТВЪ КЪ ОТМЩЕНІЮ, ПРИНЕВГАЕТЪ СЪ ПРОСЬБОЮ КЪ ЧАРОДѢЮ: СОВЕРШИТЬ ЧАРЫ НАДЪ ЗМЪЯМИ И ЛЯГУШКАМИ. ЭТО ЗНАЧИТЪ, ЧТО ЧАРОДѢЙ ДОЛЖЕНЪ НАПУСТИТЬ ЗМЪЙ И ЛЯГУШЕКЪ ВЪ ДВОРЪ ЕГО ВРАГА. УГОВОРІВШИСЯ ЗА ДОРОГУЮ ДѢНУ, ЧАРОДѢЙ ИСПРАВЛЯЕТЪ ПРОСЬБУ СЕЛЯНИНА.

ЧАРОДѢИ СОВЕРШАЮТЪ ЭТОТЪ ОБРЯДЪ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ: БЕРУТЪ ЗМЪЙ И ЛЯГУШЕКЪ, ЗАСУШИВАЮТЪ ВЪ ПЕЧИ, ПОТОМЪ ТОЛКУТЪ ВЪ МЕЛКІЙ ПОРОШЕКЪ И ХРАНЯТЪ ВЪ СУХОМЪ МѢСТѢ. КОГДА БЫВАЕТЪ КОМУ НУЖНО НАПУСТИТЬ ЭТИХЪ ЖИВОТНЫХЪ, ОНИ ЗАВЯЗЫВАЮТЪ ПОРОШЕКЪ ВЪ ХОЛСТИНУ И КЛАДУТЪ ВЪ НАВОЗЪ. ПО ПРОШЕСТВІИ ИЗВѢСТНАГО ИМЪ ВРЕМЕНИ, ВЫНИМАЮТЪ ХОЛСТИНУ, ВЪ КОТОРОЙ, ПО ИХЪ УВѢРЕНІЮ, ИЗЪ КАЖДОЙ ПЕЛМІНКИ ОБРАЗУЕТСЯ НОВОЕ ЖИВОТНОЕ. ТАКИХЪ-ТО, ЕДВА ОБРАЗОВАВШИХСЯ ЖИВОТНЫХЪ, ЧАРОДѢИ РАЗБРАСЫВАЮТЪ ПО ДВОРАМЪ, ГДѢ ОНИ РАЗМНОЖАЮТСЯ ДО ПОСЛѢДНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ.

КЪ НЕСЧАСТІЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА, ЕСТЬ ТАКИЕ ЖЕСТОКІЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ РѢШАЮТСЯ ПОВѢТЬ ЭТИМЪ ПОРОШКОМЪ СВОИХЪ ВРАГОВЪ. ПРОТИВЪ СЕГО ЗЛА ПОСЕЛЯНЕ УПОТРЕБЛЯЮТЪ СВЯЗІЮ МАЛІННУ И ЗЕМЛЯНИКУ. НЕСЧАСТНЫЕ СТРАДАТЕЛЬНЫ КЛАДУТЪ ВКРУГЪ СЕБЯ ЯГОДЫ ЭТИХЪ РАСТЕНІЙ, И ЖИВОТНЫЕ, ПРИБЛИЖАЮСЯ КЪ НИМЪ, БУДУТЪ ВЫПОЛЗАЮТЪ.

ОБНАРОДЫВАЯ ЭТО ЗЛО СЪ ИСТИННЫМЪ ЖЕЛАНІЕМЪ ЕГО УНИЧТОЖЕНІЯ, МЫ УВѢРЕНЫ, ЧТО СОСТРАДАТЕЛЬНЫЯ СЕРДЦА ОБРАТЯТЪ ВСЕ СВОЕ СТАРАНІЕ КЪ ЕГО ИСКОРЕНЕНІЮ. ЭТОГО ТРЕБУЕТЪ ОТЪ ВСѢХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

10. ЧАРОДѢЙСКІЙ ТРАВНИКЪ.

ВЪРОВАНИЕ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ ТРАВЫ БЫВАЕТЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНО РАЗНООБРАЗНОЕ. КРОМЪ БЛАГОДѢТЕЛЬНАГО ИХЪ ВЛІЯНІЯ, УНИЧТОЖАЮЩАГО БОЛѢЗНЕННЫЯ СОСТОЯНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА, ОНИ ДОПУСКАЮТЪ, ЧТО ВЪ ТРАВАХЪ СКРЫВАЕТСЯ НЕЧИСТАЯ СИЛА, ВЪДОМАЯ ТОЛЬКО ЧАРОДѢЯМЪ. ПЕРЕСЧИТЫВАЕМЪ ЛИШЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ТРАВЫ ИЗЪ ЧАРОДѢЙСКАГО ТРАВНИКА.

1. ТРАВА КОЛЮКА.

ТРАВА *КОЛЮКА* СБИРАЕТСЯ ЧАРОДѢЯМИ ВЪ ПЕТРОВКИ, ВО ВРЕМЯ ВЕЧЕРНЕЙ РОСЫ, ЗАСУШИВАЕТСЯ, ХРАНИТСЯ ВЪ КОРОВЬИХЪ ПУЗЫРЯХЪ И РАЗДАЕТСЯ ПО ОСОБЕННОМУ РАСПОЛОЖЕНІЮ ПТИЦЫМЪ ОХОТНИКАМЪ. ПОСЕЛЯНЕ ДУМАЮТЪ, ЧТО РУЖЬЕ, ОКУРЕННОЕ ЭТОЮ ТРАВОЮ, МѢТКО СТРѢЛЯЕТЪ И НИ ОДНА ПТИЦА НЕ УСКОЛЬЗЕТЪ ОТЪ ЕГО ВЫСТРѢЛА, И ЧТО ТАКОЕ РУЖЬЕ НЕЛЬЗЯ УЖЕ ЗАГОВОРІТЬ КУДЕСНИКУ НИ КАКИМЪ ЗАГОВОРОМЪ.

2. АДАМОВА ГОЛОВА.

ТРАВА *АДАМОВА ГОЛОВА* НАХОДИТСЯ ВЪ БОЛЬШЕМЪ УВАЖЕНІИ У ПОСЕЛЯНЪ. ЧАРОДѢИ СБИРАЮТЪ ЕЕ ВЪ ИВАНОВЪ ДЕНЬ И ХРАНЯТЪ СКРЫТНО ДО ВЕЛИКАГО ЧЕТВЕРГА. ПО НАРОДНОМУ БОНЯТІЮ ЧАРОДѢЙСКАЯ СИЛА АДАМОВОЙ ГОЛОВЫ ПРОСТИРАЕТСЯ ТОЛЬКО НА ДИКИХЪ УТОКЪ. ОХОТНИКИ, ПОЛУЧИВШЕ ЭТУ ТРАВУ ИЗЪ РУКЪ ЗАПИСНАГО ЧАРОДѢЯ, ОКУРИВАЮТЪ ВСѢ СНАРЯДЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ИМИ ПРИ ЛОВЛѢ УТОКЪ—ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРТОКЪ.

3. ТРАВА ПРИКРЫШЪ.

ТРАВА *ПРИКРЫШЪ* СОБИРАЕТСЯ ЧАРОДѢЯМИ ВЪ ВЕЛИКОДЕНСКОЙ МЯСОВѢ, ОТЪ 15 АВГУСТА ДО 1 ОКТЯБРЯ. ЛЮДИ, СВДУЩИЕ ВЪ ЧАРОВАНІЯХЪ, УПОТРЕБЛЯЮТЪ ЭТУ ТРАВУ ПРОТИВЪ СВАДЕБНЫХЪ НАГОВОРОВЪ. КОГДА НЕВѢСТУ ПРИВЕЗУТЪ ИЗЪ ЦЕРКВИ ВЪ ЖЕНИХОВЪ ДОМЪ, ТОГДА ЗНАХАРЬ ЗАБѢГАЕТЪ ВПЕРЕДЪ, КЛАДЕТЪ

траву Прикрышь подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напередъ родными о дѣйствии Знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть черезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою: въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствие обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ.

4. Сонъ-трава.

Сонъ-трава свирается Чародѣями въ Малѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою — предсказывать соннымъ добро и зло. Собранныя Чародѣемъ съ утреннею россою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи, и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ-траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастію, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представляется молодая дѣвушка или молодой мужчина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5. Кочедыжникъ.

Кочедыжникъ или *Папоротникъ* срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтѣ Кочедыжника; онъ цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описываютъ цвѣтене Кочедыжника. Повторимъ ихъ разсказъ:

Въ глухую полночь изъ куста пирколистнаго Папоротника показывается цвѣточная почка. Она то движется впередъ и взадъ, то заколышется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая итничка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людскаго взора дорогой цвѣтъ. Потомъ ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ какъ горячій уголь. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ разбѣтывается цвѣтъ, какъ зар-

ница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рывившійся сорвать цвѣтъ Кочедыжника, долженъ ранѣе придти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться разцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть всѣ искушенія, быть равнодушнымъ противъ всякъ превращеній нечистой силы. Если онъ огиается на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурчиваетъ на всю жизнь. Доселѣ еще въ деревняхъ нѣтъ примѣра, чтобы кто внигудь могъ сорвать цвѣтъ Кочедыжника, кромѣ Чародѣевъ. Цвѣтъ Кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимкою. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ этого цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладокопатели бросаютъ цвѣтъ Кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ, какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6. Трава Тирлицъ.

Трава Тирлицъ свирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Двѣпра, подъ Киевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ Вѣдмамъ. Изъ Тирапча выжимается сокъ, которымъ натираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдмы, духи-оборотни проницательные, зная свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и Чародѣи дорожатъ Тирапчемъ, какъ сокровищемъ.

7. Разрывъ-трава.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: *Прыгуно*, *Скакуно*. Это растеніе, столь рѣдко, что люди, только посвящаемые въ таинство Черноknижія могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, у кого есть корень

Плакуна, то всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разныя свойства: разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мѣлкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старшки, разбойники зарывали награвленное имущество въ землю на известное число лѣтъ, запирали желѣзными дверями съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ; потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ воротиться съ нечистою силою? Русской поселянинъ бѣжитъ отъ такой борьбы. Кладкопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе Разрывъ-травы.

8. Трава Плакунъ.

Трава Плакунъ пользуется во вѣсѣхъ дѣревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мифъ, противный религіи, и обставили обрядами, достойными сожалѣнія.

Чародѣи свирая Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолудны полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводить въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирать ихъ и приводить въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія Домовыхъ Вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можеть быть, наши слова дойдутъ до сердца благодѣтельныхъ помѣщиковъ, и можеть быть, принесутъ пользу истребленіемъ народного зла въ вѣрованіи къ этой травѣ. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ

неволью приводить въ негодованіе. Выкопавши трѣту Плакунъ съ корнемъ, являютъся въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на Востокъ, въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, Плакунъ! Плакала ты долго и много, а выплакала мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не развонись твоей вой по синю морю. Будь ты страшнѣе злымъ вѣсамъ, полувѣсамъ, старымъ Вѣдьмамъ Клевскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а уйдутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ недовольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упомянуть.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ Русскую землю изъ Бѣлоруссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травою Плакуномъ, обрядахъ противныхъ Христіанской Религіи. У записныхъ знахарей травники сохраняются письменные, Польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они токъ въ токъ произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время Самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были уничтожены, или по крайней мѣрѣ, чтобы простолудны увѣрились въ ихъ ничтожность?

9. Трава Нечуй-вѣтеръ.

Трава Нечуй-вѣтеръ, по сказанію Чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолудины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можеть: остановить вѣтеръ на водѣ, избавиться себя и судно отъ потопленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы Нечуй-вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го Января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую

полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву Нечуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зряче не могутъ находить это растѣнiе; одни только слѣпые отъ рожденiя чувствуютъ присутствiе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза кто-то колятъ иглами. Если они успѣютъ поднять и схватить ее руками, а потомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность получения этой травы однимъ только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованiя суть слѣпцы, бродящiе по деревнямъ, кочующiе всю жизнь на счетъ ближняго. Добвренность къ словамъ слѣпыхъ людей в жалкое состоянiе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованiе въ траву Нечуй-вѣтеръ, принимаемое всеми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная пѣсня надъ душами.

Говорятъ, что заклинительныя пѣсни зашли въ Русскую землю изъ Бѣлоруссии, Польши, Остзейскихъ губернiй и Швеции. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а рассказамъ не вѣрятъ. Безъ сомнѣнiя можно полагать, что они представляютъ только собою остатки древней Восточной жизни, переходившiй въ народы и здѣсь дожившiй до нашихъ временъ. Пересказываю одну пѣсню.

С.	А.	Т.	О.	Р.
А.	Р.	Е.
Т.	Е.	П.	Е.	Т.
О.	П.	Е.
Р.	О.	Т.	А.

Что значить эта пѣсня, досихъ поръ еще никто удовлетворительнаго не сказалъ. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенiя. Говорятъ, чтобы узнать истинный смыслъ ея, должно перевести все слова по способу известному однимъ заклинятелямъ духовъ. Замѣчательно, что эта пѣсня имѣетъ такой складъ

въ словахъ, что можно читать сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и то же

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ Русскую Демонологию, и наши Вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядахъ по святительномъ. Къ удивленiю нашего времени, есть еще люди, вѣрующiе въ эти бредни, и страшашцися ихъ дѣйствiя.

Антонiй Дюбуръ въ сочиненiи своемъ: *DICTIONNAIRE DES MENAGES — REPERTOIRE TOUTES LES CONNAISSANCES USUELLES*, PARIS 1836, Том. I, pag. 13, говорить:

SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS. LE LABOUREUR AREPO CONDUIT AVEC SOIN LA CHARRUE.

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S.

*DE QUELQUE COTÉ QU'ON LISE, ON RE-
TROUVE CONSTAMMENT LES MEMES MOTS.*

Въ одномъ сборникѣ Румянцовскаго музея, писанномъ въ XVII вѣкѣ, на стр. 65, находится изображенiе этихъ словъ, названное:

Ся печаль премудраго Царя Соломона, протолковася отъ мудраго пѣкогго ретора. Толкъ же ея сице расположенъ, яже здѣ, ниже сего предложися. Зри опасно, увѣждъ известно. Въ среднѣхъ страницы изображенъ кругъ, въ кругу четвероугольникъ, раздѣленный на шесть квадратовъ, въ каждомъ квадратъ помѣщено по одной буквѣ, написанной красными чернилами. На оборотѣ страницы въ 25-ти стихахъ приложено объясненiе.

12. Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ Демонологию, при полетѣ Вѣдьмъ на шавашъ къ Лысой горѣ. Русскiя Вѣдьмы вѣрятъ безусловно въ этотъ

здорья и стараются въ немъ увѣрять поселенцевъ. Въ Русской Демонологии она имѣетъ слѣдующую форму:

А.
 А. Б.
 А. Б. Р.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А.
 А. Б.
 А.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Наши поселенцы вѣрятъ и этому вздорному сказанью.

Слово Абракадабра давно известно въ Европѣ и Азии. Еврейскіе магики вмѣсто Абракадабра принимали слово *Аеракаланъ*. Одни производили его отъ имени Сирийскаго идола, другіе отъ Персидскаго *Аериссетъ*, означающаго бога солнца, митру. Нѣкоторые составляли изъ этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200 — которыя, вмѣстѣ сложенныя, составляютъ сумму 365, или число дней солнечнаго года. Каббалисты и магики полагали, что въ словѣ Абракадабра скрывается сила изцѣленія отъ лихорадки, произнося его известнымъ таинственнымъ образомъ. Врачъ XI столѣтія, К. Серень Саммоникъ говорилъ, что въ Абракадабра имѣла свою силу, должна быть написана въ видѣ треугольника правого, видъ разсѣченнаго. Наши Чародѣи форму слова Ав-

ракадабра имѣютъ въ видѣ или двухъ прямыхъ треугольниковъ, или въ видѣ четырехъ разныхъ треугольниковъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

13 Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣднхъ сказаніяхъ поселенцевъ есть повѣріе, что какой-то казакъ, забравшись на Лысую гору, подслушалъ пѣсню Вѣдьмъ; но шавашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по вѣлому свѣту и передается Чародѣями одному только Вѣдьмамъ. Нѣтъ почти ни какой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ. Это какая-та смѣсь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго, и, можетъ быть, никогда небывалаго.

Кумара

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.
 Эшохохо, лаваса, шиббода.

Кумара.

А. а. а.—о. о. о.—і. і. і.—э. э. э.—
 у. у. у.—е. е. е.

Ла, ла, собъ, ли, ли, собъ, лу, лу, собъ!

Жунжанъ.

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ.
 Диффа, пррадда, гуятунъ, гуятунъ.
 Напцалитъ, вашиба, бухтара.
 Мазиганъ, гуаханъ, гуятунъ.

Жунжанъ.

Яндра, кумайнеми, яндра,
 Яндра.

14. Шавашная пѣсня Вѣдьмъ.

Шавашная пѣсня Вѣдьмъ, говорятъ поселенцы, открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ Вѣдьмъ въ прежнее состояніе.

Гутцъ!

Алегремось!

Астаротъ, Бегемоть!

Аксафатъ, Саватанъ!

Тенемось!

Гутцъ!

Маяла, на, да, кагала!

Сагана!

Веда, шуга, ла, на, да, шуга!

Сагана!

Гулла, гулла, на, да, лаффа!
Сагана!
Шиха, эханъ, рова!
Чухъ, чухъ!
Крыда, эханъ, соха!
Чухъ, чухъ, чухъ!
Гутцъ!

15. Пѣсня Вѣдьмъ на Роковомъ шабашѣ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ Цыганъ! Пользуясь этою пѣсню, наши старухи-колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сей часъ обогатить того, кто только можетъ прожить ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бывають совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!
Шагадамъ, магадамъ, вигадамъ.
Невазгинъ, доюлазгинъ, фиказгинъ.
Бейхаманнъ, гейлулашаннъ, эламаннъ.

Ликалу!
Шю, шю, данъ,—ба, ба, банъ, ю.
Шю, шю, нетоли—ба, ба, згинъ, ю.
Шю, шю, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.

О вилла, вилла, дамъ, юхала!
Гирава, наюра, юхала!
Каравша, гуттай, юхала!

Захива, ванилши, схабатай, янаха.

Захива, гирйи, гирйи, довила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мяу! згинъ згинъ!

Глашь! згинъ, згинъ!

У—у—у! згинъ, згинъ!

Бя,—бая!—згинъ, згинъ!

Кво—кво! згинъ, згинъ!

Бду, бду! згинъ, згинъ!

Карра! згинъ, згинъ!

Тили, тили! згинъ, згинъ!

Хивъ, чивъ! згинъ, згинъ!

Жу, жу! згинъ, згинъ!

Згинъ, згинъ, згинъ!

16. Чародѣйская пѣсня Русалокъ.

Поселяне, приписывая Русалкамъ обя-

тельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну *Чародѣйскую пѣсню Русалокъ*, приводящую въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно не понятенъ, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе всю *подноготную*, не умѣють пользоваться этою пѣсню.

Шивда, винза, каланда, миногама!

Ийда, ийда, якуталма, батама!

Нуффаша, знзама, охудо, ми!

Копоцо, копоцамъ, копоцама!

Ябудала, виггаза, мейда!

Ю, ю, о—ю, ю цокъ! ю, ю, паццо! ю,
ю, пипаццо!

Зоокатама, зоосцома, никамъ, нивамъ,
шолда!

Паць, паць, паць, паць, паць, паць,
паць, паць!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, чиходамъ, виггаза, мейда!

Боцоно, хондыремо, боцоно, гале-
мо!

Рухадо, рындо, рындо, галемо!

Ю, ю, о! ю, ю, цокъ! ю ю цокъ! ю,
ю цокъ!

Нипшуда, боалтамо, гелтовека, шолда!

Кожудамо, шираффо, сохалемо, шолда!

Шоно, шоно, шоно!

Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ, по сказанію Чародѣевъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ дѣвучкою. Смѣшеніе Русскихъ словъ со звуками совершенно неизвестными, заставляетъ думать, что она передѣлана Русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ — гилло магаль—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой — шингафа—искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй. — Лифъ лифъ зауцапа калапуда. | А броня не мѣдiana, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а камена стрѣла

НЕ ИЗЪ ДѢДОВСКАГО ЛАРЦА — ПИЦАПО ФУКАДА-
ЛИМО КОРОНТАЛИМА КАНАФО. — ПОЛКАНЪ, ПОЛ-
КАНЪ! РАЗБЕЙ ТЫ ОГНЕННАГО ЗМѢЯ; ТЫ СОБЛЮ-
ДИ ДѢВИЧЬЮ КРАСУ СОЛПЦЕВОЙ ДѢВЫ — ВИ-
ХАДПМА ГИЛЛО МОГАЛЪ ДПРАФЪ. — ИЗЪ-ЗА
ХВАЛЫНСКАГО МОРИ ЛЕТѢЛЪ ОГНЕННЫЙ ЗМѢЙ
ПО СИНЕМУ ВЕЗУ, ВО ДАЛЬНОЮ ДЕРЕВУШКУ,
ВО ТЕРЕМЪ КЪ ДѢВЪ. МОГУЧЪ БОГАТЫРЬ —
ШИЛЛА ШИБУЛДА КОЧИЛЛА БАРАЙЧИХО ДОЙ-
ЦОФО КИРАЙХА ДИНА. — ВО МАЛИНОВОМЪ СА-
ДУ КАМКА ВОЛЖСКАЯ, А НА КАМКѢ ДѢВА МЕРТ-

БАЯ, СО ЖИВОЙ ВОДОЙ, СО ЛЮТОЙ СВЕКРОБЬЮ,
СО ЗЛЫМЪ СВЕКРОМЪ. УБИТЬ ОГНЕННОЙ ЗМѢЙ,
РАЗСЫПАНЫ ПЕРЬЯ ПО ХВАЛЫНСКОМУ МОРИЮ, ПО
СЫРОМУ БОРУ МУРОМСКОМУ, ПО МѢДЯНОЙ РОСЪ,
ПО УТРЕННЕЙ ЗАРЬ. — ЯНИХА ШОЙДЕГА БИРАХА
ВИЛДО. — А НАЪХАЛЪ ЗЛОЙ ТАТАРИНЪ, И УЗЯЛЪ
ВО ПОЛОВЪ СОЛПЦЕВУ ДѢВУ, ВО ЗОЛОТУЮ ОРДУ,
КО ЛЮТОМУ МАМАЮ, КО НЕХРИСТУ БАСУРМАНСКО-
МУ, КО ПРОКЛЯТОМУ БАХАДВЮ. — УАХАМА
ШИРОФО. »

С К А З А Н І Я

О

ЗНАХАРЬСТВО.

1. ПЧЕЛЬНОЕ ДЬЛО.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ и, сверхъ того, не для всѣхъ доступнымъ занятіемъ. Люди зажиточные, хозяйственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистой силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями св. Угодниковъ, другіе обрѣкаютъ Водяному Дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ: *Вѣдунами, Дѣдами, Знахарями*. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственные понятія, приобретаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою Водянаго Дѣдушки. Матка, какъ первооудъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ Чародѣемъ за тридцать головъ Знахарьскихъ и передана въ улей одного Вѣдуна, по повелѣнію нечистой силы. Этотъ Вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда пчельникъ Вѣдунъ устраиваетъ гдѣ нибудь пасику, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрѣкаетъ Водяному Дѣдушкѣ самый лучший улей. Между Вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пасикѣ, или бросать его въ трясиное мѣсто въ болото? Если, которые оставляютъ об-

Т. I. Ч. 2.

реченный улей на пасикѣ, то Дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопятъ въ болото этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможные средства къ размноженію пчелъ, но еще заставляетъ пчелъ летать на чужую пасику для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отравились отъ лошади, заведенной Водянымъ Дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчелъ началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то Знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе отъ ужаленія пчелъ, Водяной Дѣдушка передалъ навсегда пчелъ въ руки Знахарей. Получивъ въ свое покровительство пчелъ, они изобрѣли разные способы для охраненія ихъ. Пересчитываемъ:

Для размноженія пчелъ Знахари советуютъ поселянамъ: когда ударятъ къ утру ни на Великъ день; быть на колокольнѣ, и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасику и кладутъ въ сердо-вой улей.

Варятъ растенія Дурманъ съ Тысячели-ственникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строения, съ цѣлю истребить соседнихъ

пчелъ и отучить своихъ отъ полета на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно готовятъ улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жучей крапивною, украшенные разными *притосками*, получаемыми отъ проходящихъ высалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ—такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположение ульевъ пчельники считаютъ важнымъ дѣломъ, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведение, пзвѣщаютъ его. Это дѣлается большею частью изъ подозрѣнія и недоверчивости. Подозрѣние основывается на томъ, что могутъ устроить подобнымъ образомъ такое же заведение; а отъ этого опасаются упадка на цѣны. Опасность ожидается на странномъ мнѣнии: будто бы пчельникъ-Знахарь можетъ дать приказаніе своимъ пчеламъ вытаскать медъ.

Для усыпленія чужихъ пчелъ Знахари свираютъ маковыя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное палетною пчелою, можетъ причать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Дѣды-пчельники въ селеніяхъ почитаются всевѣдущими въ сношеніяхъ съ пчелами: это просто караульщики. Но простолюдинъ уважаетъ и боится оскорбить Дѣда-пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта Дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. СБРЫЗГИВАНІЕ.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія Знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселяне прибѣгаютъ къ Знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность Знахарей приобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача наговоровъ сопровождается священными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселянинъ, желающій получить право отъ Знахаря на Сбрызгиваніе, долженъ три вечера парится въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посѣщать Знахаря. Въ пустой извѣ Знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ, пришедши къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенныя по угламъ соль, золу, уголь, и, при каждомъ глоткѣ, прихлебывать изъ мисы воду. Въ это время Знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты соль услади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крепка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, упадутъ все недуги; кто съестъ мою соль, отъ того откачнутся все болѣзсти; кто полизаетъ мою золу, отъ того отбегутъ лихія болѣзсти; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узорки со всеми призраками.»

Поселянинъ, наученный Сбрызгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою поспѣить отъ недуга ея внучки, онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность Знахаря, и идетъ въ домъ больной. При входѣ его, всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его въ передній уголь, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченныя глаза подъ лобъ, маханіе кнута, голова подпертая локтемъ, суть верныя речательства въ его званіи. Въ полномъ разгулѣ, онъ проситъ показать больную, и, какая бы то ни была съ нею болѣзнь, рѣшаетъ однимъ названіемъ: *недугъ*. Это слово понятно поселянамъ. Требуешь въ ковшѣ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ больную и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогѣ, прислонясь къ притолкѣ, пить остальную воду позарямъ.

Болѣзни, лечимыя Знахарями, суть слѣ-

дующия: *Лихоманки* — лихорадки, *Лихия болѣсти* — судорги, *Родимецъ*, *Колотье*, *Потрисица* — ревматизмъ тѣлвный, *Зазноба молодегеская*, *Тоска наносная*, *Ушибика* — паучья болѣзнь, *Черная немощь*, *Езороки*, *Призороки*. Всѣ эти болѣзни именуются у Знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: *недугъ*.

3. Перепологъ.

Перепологъ, по значенію Знахарей, есть *отгадъ всякаго искуга*, совершеннаго добромъ и зломъ. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти: но не зная, кто бываетъ причиною испуга, прибегаютъ къ Знахарямъ. Знахарь непременно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридцать земель, въ тридесятomъ царствѣ. На то онъ и Знахарь. Да ему ли въ трудномъ положеніи оставаться? Всѣ Знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты, и всегда стараются показать *на убылаго*. При томъ, прежде нежели произнесутъ *отгадъ*, выпрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ рассказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія Переполоха, требуетъ: мису воды, олова и Боговяленскую свѣчу, а когда испуганные бываютъ еще женатыми и обручальную свѣчу, если эта особа не будетъ овдовѣвшая. Надъ обручальною свѣчею растапливается олово, выливается его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «Смотрите; — вотъ въжить нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающие законовъ физическихъ, сѣпо вѣрятъ въ рассказы Знахаря. После того начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: «вотъ кто испугалъ вашего больного!» Потомъ подводитъ больного смотрѣть на примѣты. Призванный на смотрѣ долженъ непременно согласиться съ рассказомъ Знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. После этого подходятъ смотрѣть, по одному, всѣ домашніе, съ под-

тверженіемъ словъ о разсказѣ Знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этымъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ больного спадетъ, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ больной, долженъ страдать во всю свою жизнь такимъ недугомъ.

Переполохъ, кромѣ явнаго обмана Знахарей, оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вечную и мстительную. Одно уже семейное несчастье заставляетъ желать истребленія Переполоха по селамъ.

4. Соняшница.

Соняшница, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ Знахарей важное лекарство въ врошннхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности Соняшницы поселяне твердо увѣрены, не смотря на мученія, притерпѣваемыя отъ ней больными.

Призванный Знахарь къ совершенію Соняшницы, требуетъ: миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставятъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная после того остается обожженною въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученные отъ обжога, Знахари приписываютъ *высхождение водъ изъ тѣла*. Пеньку после сего кладетъ въ кружку, а кружку ставятъ въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопиетъ отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдальцы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, Знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣть ли больная или нѣтъ, Знахарю все равно; онъ получитъ плату, наградитъ увѣреніемъ и скроется. Вся еда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, Знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ Соняшницы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. ОТКРЫТИЕ КОЛДУНА.

СУЕВЕРНЫЕ ПОСЕЛЯНЕ полагают, что колдунъ есть существо отрѣкшееся отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистою силою на пагубу людей. Но, какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть своихъ губителей. Знахари предложили средства для узнанія.

Поселянинъ, подозрѣвая своего соседа въ колдовствѣ, приходитъ къ Знахарю за советами. Большая часть людей, выпадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющие больныхъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну, советуетъ ему дожидаться 25 Марта. Въ роковой день онъ долженъ, послѣ утренни, свѣсть на лошадь, *какую нежаль*, лицемъ къ хвосту, ѣздить по селенно, не оборачиваясь назадъ. Когда выѣдетъ за околицу, то долженъ смотреть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внзъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или вѣчно сумасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но, какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую повѣдку, и проситъ повѣздить за себя Знахаря. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за повѣзку, и получивши подарки, обѣщаетъ открыть злого колдуна. Жреій открытія всегда падаетъ на того, кого подозрѣваетъ поселянинъ, хотя Знахарь никогда и не думалъ ѣздить по селу за открытіемъ колдуна.

Открытие колдуна почитается верхомъ искусства Знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силенъ, что узнаетъ всѣ мысли, и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы.» Къ счастью человечества, что наши Знахари бываютъ люди безграмотные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько вѣстожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. СТѢНЬ.

Простолюдинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человека, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностію, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. *Изнурительная сухотка дѣтей* — *Tubercula infantum* называютъ въ селахъ — *Стѣнь*. Не прибѣгая съ довѣренностію къ врачевнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, съ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ вѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродящія обманщицы, успѣвши овладѣть воображеніемъ напихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простодушіемъ, и не мучаютъ людей, къ нимъ добрыхъ, но варварски ихъ терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполне семейныя вѣдствія, простекающія отъ разныхъ толковъ Знахарей, Кудесниковъ, Вѣдуновъ, Ворожей, Чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ семейныя болѣзни. Бродячій Знахарь укажетъ имъ средство, утвердитъ въ его возможности и оно переходитъ изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Въ средствѣ, предложенномъ ему за тайну отъ Знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность.

Въ селахъ дитя, страдающее Стѣнью почитается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю Царей о помилваніи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніемъ, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолять объ исцѣленіи Знахарей. Призванный Знахарь, какъ Дока, какъ знающій всю подноготную, беретъ за вра-

чевание. Большое дитя, по его совету, несутъ въ лѣсъ, пилятъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое, или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. После этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ или колодезей, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признак исцѣления, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъдыханіе подѣ обливаніемъ холодной воды. Советъ Знахаря, это явное убійство, почитается въ деревняхъ благодѣяніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ мифами и разныя заблужденія. Народное повѣріе: будто взглядъ челоуѣка лихаго, злобнаго, хитраго, сообщаетъ болѣзнь, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешедо въ Русскую землю съ Востока, по преданію, отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе названо: *Съ глазу*. Наши простолюдины не имѣютъ еще повѣнія о глазномъ Месмеризмѣ,

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается *порожденіемъ съ глаза*. Нѣтъ недуга, которой бы непроизходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ всего средства, употребляемыя въ сельской и городской жизни, и ихъ средства, по большей части приводятся въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ:

Берутъ: воды непитой, неотвѣданной ни кѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. После сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца; заставляють рубашкою обтирать лице, а остальную

воду выливаютъ подѣ прилолку. Нѣкоторые къ такому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки, Знахари велѣтъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣва то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить на телегу, запретъ невѣженую лошадь и скакать къ полю во весь скокъ. Если поклажа упадетъ съ телеги, то это недобрый признакъ. Прихавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку сѣно поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой, не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. После этого запрягаютъ вѣжальную лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого вся бѣда, замышляемая злыми людьми, обращается на ихъ головы. Часто случается, что поселяне изъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ Знахаря сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе въ *симпатіи* такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла, по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ, отъ Знахарей, леченіе зубовъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая свѣя

симпатями, обмазывают палец наркотическими мазями, известными имь однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ рассказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Лечение зубъ прикосновениемъ пальца будто зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка *Крота* и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шопотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаютъ.»

Когда призываютъ Знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шопотомъ приведенный наговоръ. После сего заставляютъ полоскать ротъ по утру и въ вечеру кислымъ уксусомъ. Вѣроятно, что здѣсь дѣйствуютъ наркотическія вещества въ соединеніи съ уксусомъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвившій крота.

10. Куринная слѣпота.

Болезнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ, или на солнцѣ, или передъ водою, названа Знахарями: *Куринною слѣпотою*. Для обольщения поселянъ, они создали повѣрье: будто Куринная слѣпота есть напущение злыхъ людей, что она соскабливается ножомъ, которыми резываютъ старыхъ курницъ, и что эту слѣпоту злоди пускаютъ по вѣтру, кому хотѣтъ отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *Ногную слѣпоту* — *Немералограмъ*, болезнь переименованную Знахарями въ *Куринную*.

Люди, страдающіе Куринною слѣпотою, по совету Знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадѣшкою, и говорятъ шопотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куринную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазюшки.»

Народъ думаетъ, что деготь доводится съ родни куринной слѣпоты, и только изъ жалости беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту. После сего больной долженъ идти на перекрестокъ, свѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, то тебѣ отдамъ.» Потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, исчезаетъ Куринная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что веурожан льна, овса и канопли происходятъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣремъ:

Въ Русской народной Символикѣ принято за основаніе, что Морозъ происходитъ отъ выходения злыхъ духовъ. Зимомъ, когда установятся большіе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житіе. Въ это время они вылетаютъ на вѣлый свѣтъ, вѣгаютъ по полямъ и дуютъ себѣ въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдвливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ, и отъ подутья въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелюю, или иней садится на дерева. Для отвращенія сего зла, Знахари выдумали проклятіе на Морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные Знахарями, приступаютъ къ заклятію Мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, влезаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно, и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ! Приходи кисель ѣсть.
Морозъ, морозъ! Не вей нашъ овесъ.
Лень да канапи, въ землю вколоти.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избе, и старшая изъ женщинъ въ домъ, окатываетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слезаетъ съ печи. Старушки уверяютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на лень и канопли, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольство-

важный киселемъ, не убиваетъ ни льва, ни кабаня, ни овса.

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущие на счетъ ближнего, въ деревняхъ понимаютъ съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты *неразмѣнный рубль*. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прельщаются къ Знахарямъ для приобретения рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ и покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запрса, безъ всякаго торга. Принесши его домой, онъ такъ сдавликаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь, и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развилку дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряной.» Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложениемъ разной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавятъ нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получивши желаемый рубль, долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратитъ рубль, кричитъ за нимъ въ слѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! За чѣмъ же оторвалъ ему голову, уверяя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать такихъ разсказовъ; онъ обязанъ скорѣе вѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется, или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезаетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ ему продовольствовать всю жизнь. Знахари советуютъ такимъ обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль

погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлезаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольститъ обладателя, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глиняной. Въ другой же разъ неразмѣнный рубль не дается въ руки.

Здѣсь Знахари совершаютъ явный обманъ надъ поселянами. Часто этотъ неразмѣнный рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ дворянъ обманщиковъ: Знахари безъ этого подарка не открываютъ способа приобретения.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любовнымъ предметомъ — за кость невидимку? Это, или что нисудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, виднѣя.

Кость невидимка, по разсказу Знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатель сего тайнаго открытѣя крадетъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного вѣлаго волоска: вся шесть должна быть черная. Въ этомъ поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то Знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ такомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, обѣщаетъ выщипать вѣлую шерсть, и держать до тѣхъ поръ, пока вырастетъ новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари — въ кошкѣ не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а Знахарь правымъ. Кошка, признанная Знахаремъ за одношер-

стину, варится въ чугунном котлѣ, по полночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но, какъ варение продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣние, а особенно если Знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и такіе, которые съ большимъ терпѣніемъ проспиваютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остаются. Въ такомъ случаѣ все таки остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ прийти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утѣнть что нибудь отъ Знахаря, или торгуясь съ Знахаремъ пожалѣлъ барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго — кость невидимку. Въ другой разъ невозможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вывари, все будетъ ничего, говорить Знахарю.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемою Знахаремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностію они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя все прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество Знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь, вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависитъ отъ Знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особенно зажиточный, идетъ къ Знахарю съ большими подарками, съ поклонами, съ просьбами — защитить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь то Знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь то робкій поселянинъ, устранный до послѣдней возможности, дѣлаетъ *поселенные посулы* за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сель-

ской свадьбѣ есть первый гость: его зовутъ на пирושку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленого вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его все болтается; при немъ все покойны. Удивительно ли, что послѣ этого все свадебныя проказы Знахарей оболыщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія князя и княгини. Такъ величаютъ въ деревни этими именами новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ все углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обметаетъ потолокъ, оскабливаетъ верей, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, срызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бунзою, и вручаетъ свату вѣтку девятизерноваго стручка. Эта вѣтка есть верьхъ искусства. Если ее будутъ держать за пазухой попеременно то свать, то сваха, то все умыслы враговъ обратятся ни во что. Если поведетъ поѣздъ, забьютъ лошади отъ злонаго наговора, то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирושкѣ, развѣдись кушакъ у молодого, отвались что нибудь отъ киви молодой, оторвись супонь у лошади, все исправить эта одна вѣтка. На третій день Знахарь беретъ свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Такимъ окончивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ *вывѣдываніе жены*. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ

Знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости Знахарей.

Старухи-свекрови всегда биваютъ нерасположены къ невесткамъ, а особливо если находятся въ семьѣ старья, незамужнія дѣвицы. Внучия всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи женъ, онѣ прибѣгаютъ за откровенными совѣтами къ Знахарямъ: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву *Кануперь*, имѣющую свойство усыплять женщинъ подѣ вечеръ, по сказанію Знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невесткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствіе недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ Кануперь, недужную кладутъ на печь. Свекровь съ зажженною лучиною пробуетъ свою невестку по пяткѣ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая на разные способы былое и небылое. Мужъ такихъ распросовъ не обязанъ слушать. После этого идутъ ночью къ Знахарю, и свекровь во услышаніе мужа, рассказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, рассказываетъ по водѣ примѣты оболстителя. Съ этого времени начинается *семейная разладица*.

Въ старину Русскіе бояре содержали обширную дворню, среди которыхъ всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни дворовыхъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскалась по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ вспотѣть на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцемъ. Когда же придетъ домой, то потное полотенце положить тайно отъ жены подѣ подушку. Едва жена засыпаетъ, уже мужъ слышитъ, какъ она, сонная, рассказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такіа подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и

Т. I. Ч. 2.

не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ Знахарю для распросовъ о примѣтахъ оболстителя. Къ счастью своему догадливыя жены напередъ провѣдываютъ Знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

16. РАЗЪВѢННЫЙ КОЛПАГЪ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей Черноокнижю. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ рассказовъ Знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ потомству. Въ сельскихъ рассказахъ всегда приводятся примѣры, случившіяся съ разными людьми при наученіи Черноокнижю. Здѣсь приводимъ для любознательства одинъ сельской рассказъ, записанный слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малой. Собой не великъ, а прытъкъ въ немъ было воевъ на десять. Уже коли издумаетъ, бывало, потѣшиться, то вся деревня стономъ стонетъ. Живалъ не трудясь, а хлѣбецъ бѣлой вѣдалъ; за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка, вся идутъ къ нему. Просватуютъ ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто, посылаютъ къ нему на утѣху. Одна вѣда съ нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Нашъ миръ больно на него зубы грызѣ. Дѣлатъ въ окласку никто не посмѣлъ; отъ того-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло, вишь какъ было.

«Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подѣ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ, шелъ за ними издали, не въ домекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней, окаянные; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху,

ДАВАЙ ЗАРЫВАТЬ ВЪ ЗЕМ. ПО, ДАВАЙ КЛАСТЬ ПРИМЪТЪ. ЛЪСНИКЪ СЕБЪ ДАВАЙ ЗАПРИМЪЧАТЬ. ПРОШЛА ЗИМА. ВЫРОСЪ ГОРОХЪ. НАШЪ МАЛОЙ ПОХАЖИВАЕТЪ СЕБЪ ВЪ ЛЪСЪ, ДА ЛЮБУЕТСЯ СЕБЪ ГОРОХОМЪ. А ЛЪСНИКЪ ВСЕ ЗА НИМЪ ПРИМЪЧАЕТЪ. ВОТЪ ЗАЦВЪЛЪ ГОРОХЪ. УДАЛОЙ НАШЪ ПРИШЕЛЪ ПОЛЮБОВАТЬСЯ. КАКЪ ЗАМЪТНЪЛЪ ЦВЪТЪ, И НУ КРИЛЯТЬСЯ КРУГОМЪ. КРИВЛЯЯСЯ, КРИВЛЯЯСЯ, ДА И ДАВАЙ ВЫРЫВАТЬ ГОРОХЪ СЪ КОРНЕМЪ. КАКЪ ВЫДЕРНУЛЪ, НУ СВИВАТЬ КОЛЬЦО ИЗЪ ТРАВЫ. ВОТЪ ОНЪ, ВИДИШЬ, СЕБЪ И ПОШЕЛЪ ВЪ СТАДО. ЛЪСНИКЪ ВЫСКОЧИЛЪ ИЗЪ ДУПЛА, ДА И СЕБЪ СВИЛЪ КОЛЬЦО. ВОТЪ КАКЪ УДАЛОЙ ПРИШЕЛЪ ВЪ СТАДО, ПРИЦУРИЛЪ ЛЪВОЙ ГЛАЗЪ, А ПРАВЫМЪ НУ СМОТРЕТЬ ВЪ КОЛЬЦО. ЛЪСНИКЪ СЕБЪ ТОЖЕ ДЪЛАЕТЪ. ВИШЬ, КАКЪ САРАВЧА ПОДЛЕТЪЛА КЪ УДАЛОМУ НЕЧИСТАЯ СИЛА. ВСЪ БЫЛИ ВЪ ШАПКАХЪ, А ОДИНЪ ВЪ КРАСНОМЪ КОЛПАКЪ. ВСЕ ПОДОБРАНЪ МОЛОДЕЦЪ КЪ МОЛОДЦУ. ЛЪСНИКЪ БЫЛО И СТРУСИЛЪ; ДА СПАСИБО У НЕГО ВЪ ГОЛОВЪ ЗАКАЧЕНО БЫЛО. ПОДЪЪЖАЛЪ ВЪ КРАСНОМЪ КОЛПАКЪ, И ДОЛГО СПОРИЛЪ СЪ УДАЛЫМЪ. ЧУТЬ БЫЛО ДЪЛО НЕ ДОШЛО ДО ДРАКИ. БЪ КРАСНОМЪ КОЛПАКЪ ЗАПЛЯСАЛЪ СЕБЪ ТРЕПАКА. УДАЛОЙ ТУТЪ-ТО ВСКОЧИЛЪ НА ЦЫПОЧКИ, ПОДКРАЯСЯ, ТЯПЪ ДА ЛЯПЪ, И СОРВАЛЪ КРАСНОЙ КОЛПАКЪ. КАКЪ ВЗМОЛИЛСЯ ОНЪ, КАКЪ НАЧАЛЪ ПРОСИТЬ СВОЙ КОЛПАКЪ. УДАЛОЙ НИ ГУГУ. СТОИТЬ ДА И ТОЛЬКО. ВОТЪ И ДАВАЙ ТВЕРДИТЬ О ПОСУЛАХЪ. УДАЛОЙ ЗАПРОСИЛЪ ЧЕРНУЮ КНИЖКУ, ЧТО ЗАПЕРТА НА СУХАРЕВОЙ БАШНЬ. ДОЛГО ОТЪЪЖИВАЛСЯ ОНЪ ОТЪ МЪНЫ; ОДНАКО ПОСКАКАЛЪ ЗА ЛЪСЪ. УДАЛОЙ ПОХАЖИВАЕТЪ СЕБЪ, ДА ЛЮБУЕТСЯ КОЛПАКОМЪ. ВИДНО ЖАЛЬ СТАЛО, А ПРОМЪВЯТЬ ЕГО БОЛЬНО НУЖНО. ВОТЪ ИДЕТЪ ВСЕЪ ИЗЪЕТОЙ. ВИДИШЬ, НЕЧИСТАЯ ТА СИЛА ДОЛГО НЕ ВПУСКАЛА ЕГО НА БАШНЮ. А ОНЪ ПРОБРАЛСЯ СКВОЗЪ ЩЕЛОЧКУ; ХОТЪ ИЗОДРАЛЪ СЕБЪ МОРДУ, ДА ЗА ТО ДОСТАЛЪ. ВИДНО, ВЕЗЪ КОЛПАКА ТОШНОЕ ЖИТЬЕ. ДАВАЙ КОЛПАКЪ, А ТОТЪ ДАВАЙ СЕБЪ ТРЕБОВАТЬ КНИЖКУ. МАЯЛИ, МАЯЛИ ДРУГЪ ДРУГА, ДА И РАЗМЪТНИЛСЯ. НЕЧИСТАЯ СИЛА СКРЫЛАСЯ СЪ КОЛПАКОМЪ РАЗМЪТНЫМЪ; А НАШЪ УДАЛОЙ ЗАКЛЪЛЪ СЪ ЧЕРНОЮ КНИЖКОЮ. СЪ ТЪХЪ-ТО ПОРЪ ОНЪ ОВЛАДЪЛЪ НЕЧИСТОЮ СИЛОЮ, ХИТРЕЛЪ ПО СВОЕМУ НАДЪ ПРАВОСЛАВНЫМИ, ДА И ПРОПАЛЪ КЪЗЪ ВЪСТИ. ЛЪСНИКЪ ТО БЫЛО СЕБЪ ЗАДУМАЛЪ, АНЪ НЪ ТУТЪ-ТО БЫЛО. ЦИ-

ЧЕГО НЕ ВЫЖДАЛЪ: ТОЛЬКО У НЕГО ВО ДВОРЪ ВСЯ СКОТИНА ПЕРЕВЕЛАСЯ.

17. ВЪДЬМИНО СЕЛЕНИЕ.

ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ ВЪРЯТЪ КАКОМУ-ТО ОСОБЕННОМУ ПРЕДЧУВСТВЮ, ПО КОТОРОМУ ПОСЕЛЯНЕ БУДТО БЫ УЗНАЮТЪ О ПРЕБЫВАНИИ СРЕДИ НУХЪ ВЪДЬМЫ. ЛЮДИ, СВЪДУЩЕ ВЪ ПРИМЪТАХЪ, ЛЮДИ, УМЪЮЩЕ ВСЕ РАСТОЛКОВАТЬ, ПРИДУМАЛИ ПРИЗНАКИ, УКАЗЫВАЮЩЕ ПРЯМО НЕ НА ЛЮДЕЙ, А НА ЗЕМЛЮ. ПО ЭТИМЪ ПРИЗНАКАМЪ ВЛАДЪТЕЛЬ ЗЕМЛИ ИЛИ САМЪ ПМЪЕТЪ СООБЩЕНИЕ СЪ ДУХАМИ, ИЛИ ЕГО ЖЕНА ЕСТЬ ВЪДЬМА. ТАКИЕ ПРИЗНАКИ, ПО УВЪРЖЕНЮ ЗНАХАРЕЙ, СУТЬ СЛЪДУЮЩЕ:

ВЪ ЛЪТНЕЕ ВРЕМЯ, ПОСЕЛЯНЕ ВЫХОДЯ ПА РАБОТУ, ЧАСТО ЗАМЪЧАЮТЪ НА ЛУГАХЪ ИЛИ ЗЕЛЕННЫЕ ИЛИ ЖЕЛТЫЕ КРУГИ. УВИДЪВШИ ЭТО, ОНИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО УЗНАЮТЪ, ЧЕЪ ЭТЪ ПОЛЕ? МНОГО ЛИ ИЗЛОМАЛОСЪ НА ПЕМЪ КОСЪ? ПОТОМЪ РАСПУСКАЮТЪ МОЛВУ, ЧТО КРУГИ ПОЯВИЛИСЯ НЕДАВНО, А ПРЕЖДЕ ИХЪ НЕ БЫВАЛО; ЧТО САМЪ ХОЗЯИНЪ, ЕСЛИ ОНЪ СТАРИКЪ, ПОВЕРСТАЛСЯ ВЪ КОДУНЫ НА ЭТИХЪ КРУГАХЪ; ЧТО СТАРШАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ СЕМЕЙСТВЪ ЕГО ПОКУМИЛАСЯ СЪ ВЪДЬМАМИ; ЧТО ВЪДЬМЫ СБИРАЮТСЯ СЮДА КАЖДУЮ НОЧЬ ПЛЯСАТЬ. НО КАКЪ МУЖЧИНЫ ВСЕГДА СКОРО ИЗБАВЛЯЮТСЯ ОТЪ НАРЪКАНИЙ, ТО ВСЯ ВПНА ПАДАЕТЪ НА ЖЕНЩИНЪ. СЛЪДСТВИЕМЪ ТАКОГО ПОДОЗРЕНИЯ БЫВАЮТЪ ВООБЩЕ: ОТЧУЖДЕНИЕ, НЕНАВИСТЬ, МЩЕНИЕ, ХУДЫЕ ТОЛКИ, ПЕРЕСУДЫ. ТАКАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ ЗНАХАРЕЙ ЕСТЬ ЗОЛОТОЙ КЛАДЪ. ЛЮДЕЙ, ПРИЕВЪЖАЮЩИХЪ КЪ НИМЪ ЗА СОВЪТАМИ, ОНИ ПРЕДЪСТЕРЕГАЮТЪ ОТЪ БЪДЪ, ИХЪ ОЖИДАЮЩИХЪ, УВЪРЯЯ, ЧТО ОНИ САМИ ВЪДЬЛИ, КАКЪ ИХЪ НОВАЯ ВЪДЬМА ХОЧЕТЪ ИЗВЕСТИ ВСЮ ДЕРЕВНЮ. РАСПУСКАЯ ТАКИЕ СЛУХИ, ЗНАХАРИ КАЖДЫЙ ВЕЧЕРЪ ПРИНИМАЮТЪ ПОСВТИТЕЛЕЙ СЪ ПОКЛОНАМИ, СЪ ПОДАРКАМИ И ПРОСЬБОЮ ЗАЩИТИТЬ ИХЪ ОТЪ ВЪДЬМЫ. ЗНАХАРЪ, СОБРАВШИ СО ВСЕЙ ДЕРЕВНИ ПРИНОСЫ, ИДЕТЪ ВЪ ПОЛЕ, СКАПЫВАЕТЪ КРУГИ СЪ ЗЕМЛЕЮ, И ТЪМЪ ДЪЛО ОКАНЧИВАЕТСЯ.

СОЖАЛЪ ОБЪ ЭТОМЪ ЗАБЛУЖДЕНИИ ПОСЕЛЯНЪ, МЫ СМЪЛЪ ИХЪ УВЪРЯЕМЪ, ЧТО ЭТИ КРУГИ СУТЬ ОБЫКНОВЕННЫЯ ЯВЛЕНИЯ ВЪ ПРИРОДЪ, И ПРОИСХОДЯТЪ ПО ОПРЕДЕЛЕННЫМЪ ФИ-

зическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣеть подземные источники. Отъ отдѣленія влажности, земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары отдвляясь отъ влажной земли, сгущаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнечномъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу, они исчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы Зяхаря выставляють за пляску Вѣдьмъ. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ, въ утреннее время, происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ въ видѣ клейкой и смолистой матеріи, и по своей тяжести, стеклая, образуетъ около себя кругъ, сообразной высотѣ. Вся поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдяная роса, но никогда не обращаютъ вниманіе, какъ она стекаетъ съ деревъ на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

18. Собачья старость.

Собачья старость будто выпадаетъ въ деревняхъ на дѣтей одногодокъ, предъ прорываніемъ зубовъ, по большей части, лѣтомъ. Старушки-лечейки, замѣтивши болное дитя, объявляютъ, что дитя, не доживя вѣку, умретъ; что къ нему прикочнулась злая болясть — собачья старость. Несчастные родители вѣрятъ этому вздору и просятъ лечейку изгавить отъ болясти. Къ назначенному дню отыскиваютъ маленькую собачку, однолѣтку, вѣлошерстную; топятъ къ ночи печь *жарко на жарко*, и съ пріемъ первыхъ пѣтуховъ приступаютъ къ дѣлу. Лечейка связываетъ собаку ноги, и кладетъ въ топленьую печь, потомъ принимаетъ изъ полы отъ матери болное дитя, и кладетъ рядомъ съ собакою. Послѣ этого начинаетъ парить дитя и собаку. Родители увѣрены, что чѣмъ большее дитя кричитъ, тѣмъ скорѣе съ него скодитъ болясть. Пленіе кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полувзмученное, и невѣдко умирающее. Собаку всегда стараются въ эту же ночь утопить.

С К А З А Н И Я

О

В О Р О Ж Е Ъ .

1. Гадание на картахъ.

Ворожить на картахъ такъ усилилось въ городской жизни, что сдѣлалось особенною принадлежностью людей, посвятившихъ такому занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба сего рода известна болѣе въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, завѣжие изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для нихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь рассказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Следовательно: ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытію гаданія на картахъ, мы не намѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей, и разнообразны до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ гаданія на картахъ.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записныя гадательницы, люди, имѣющіе связь со всеми дворовыми людьми, съ торговками, посѣщающими многие дома, съ разнощиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточивая себя всегда въ эту сферу, они ежедневно собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадательницъ, всегда бываетъ известна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, они напередъ знаютъ: кто и за чѣмъ придетъ? что должно сказать каждому? Все посѣтителю вѣрятъ имъ на слово, не требуя ни какихъ

доказательствъ. За то все отвѣты ворожекъ бывають двусмысленны. Главныя основанія гаданія на картахъ сосредоточиваються на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожекъ, по большей части, бывають влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказывають отгадъ благоприятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгоряченные, несвязные въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй отрядъ людей, посѣщающихъ ворожекъ состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разными образами. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горесть, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбочкою при добромъ для нихъ рассказѣ, нетерпѣливость, безпрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удавленіе отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любовныхъ предметовъ, всегда указывають ворожейкамъ: за чѣмъ явились къ нимъ люди, носяще на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій отрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, непредвѣщающая большого достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; распросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разные предпріятія, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, безпрерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ — вотъ вѣрные указатели для ворожекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается гаданіе на

картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти звездъ берутъ перебѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами бѣгутъ въ покои обманщицы и втравятъ въ карты.

Довѣренность къ картамъ, происшедшая отъ страстей и худаго направленія духа, можетъ быть только истреблена однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Всѣхъ предпріятія для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственнаго образованія.

2. ГАДАНИЕ НА КОФЕѢ.

Гаданіе на кофеѣ образовалось въ родахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣренность къ такому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; отъ того то люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофе; одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаются на это. Повѣріе, что гаданіе на кофеѣ всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ такой ворожбы.

Главные основанія ворожбы на кофеѣ также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливныя, расторопныя, и часто пьяныя, по Русскому народному повѣрію, пьющими отъ ума.

Кофейницы свою ворожею производятъ открыто, одною густотою варенаго кофея. Принимая къ себѣ посѣтителей, они эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. За симъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столъ, на блюдечко наливаютъ воды; взявши чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погружая

троекратно, при произношеніи словъ: *вѣрность, дружба и согласіе*. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ примѣты условныя, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь голубка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ свиданіе, лишенымъ имущество вѣчную пропажу.

Тѣни зданийъ всегда предсказываютъ богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ печальное обогащеніе.

Тѣни земель и растений предсказываютъ: вѣчныя раздоры, худыя замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худыя обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ: опасность отъ злыхъ людей, неблагоприятную дорогу, огорчительныя письма, извѣстія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

3. ГАДАНИЕ НА ПСАЛТЫРЬ.

Гаданіе на псалтырь принадлежитъ вмѣстѣ и сельской и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явво, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырь рѣдко встрѣчаемъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Приступая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ винтовымъ концемъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человека держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайбо какой то псаломъ. Если въ это время завертнется псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хорошій признакъ и гаданіе бываетъ удивительно. Если псалтырь не вертнется

то это худой признакъ, гаданіе, необвѣщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служить въ пользу обманщиковъ. Такой родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ приходящихъ читать. После каждаго чтенія начинается толкованіе. Всякой благоразумный человекъ можетъ напередъ представить: какое выдаетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, приписываютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни приходящаго человека.

Сей способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о Германцахъ, упоминая о соборѣ Епископа Бургарда, приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырь. Слѣдовательно: это гаданіе не принадлежитъ собственно Русской жизни; но оно передано на свой ладъ, по подобию другихъ гаданій.

4. Гаданіе на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всемъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большою довѣренностью при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отличаютъ отъ рѣшета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде съютъ этимъ рѣшетомъ сыгъ, потомъ встряхиваютъ его при лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по рассказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двойнымъ образомъ. Берутъ рѣшето, удерживаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону, и потомъ на-

чинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если причѣмъ имени посятитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается иначе: Наверху рѣшета привязываютъ ножницы. Приглашаютъ въ свидѣли двухъ постороннихъ человекъ. Эти свидѣтели ставятъ концы ножницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: «Бѣлый укралъ? Черный укралъ! Рыжий укралъ? Сѣдой укралъ? Светлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?» При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не заветрѣлось ли рѣшето? Если рѣшето заветрѣлось при вопросѣ: бѣлый укралъ? — то похититель есть бѣлый человекъ. После чего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣетъ такіа та примѣты. Само собою разумется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сравнено обстоятельствамъ и времени.

5. Гаданіе на яичкахъ.

Гаданіе на яичкахъ принадлежитъ въ сельской жизни однимъ дѣвкамъ; но въ городахъ оно имѣетъ разныя принагобленія. Такимъ производствомъ почти всегда занимаются бродящія старухи, а изъ домашнихъ пьетки. Толкованія старухъ и нянекъ принимаются за самую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ яичной бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка отражаются различныя *фигуры*. По этимъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

Фигура, выражающая церковь предвѣщаетъ: дѣвушкѣ скорую свадьбу, пожилой смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвушкѣ отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчине отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаетъ опаснымъ бѣд-

СТВЕННЪ, СМЕРТНО, ПОЖАРОМЪ, ВЪЧНОЮ НЕЗАМУЖНЕЮ ЖИЗНЮ.

Объяснение сего гаданія основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, неслыхавшіе объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. ГАДАНИЕ НА ИГЛАХЪ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвицъ жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда поносится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ съ какими предразсудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхождение гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ двѣ иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонуть, то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ, то это предвѣщаютъ скорое вступленіе въ замужество; если онѣ разошлись одна противъ другой, то это означаютъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разные стороны, то это предсказываютъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намеками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ пытаются отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. ГАДАНИЕ НА ВОСКЪ.

Гаданіе на воскъ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совѣту нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночныя часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый, подкупая нянюку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаётъ къней, вру-

чаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ; падаетъ въ обморокъ, а послѣ подсылаются свахи, женихъ является на *смотринѣ* и дѣло слагивается безъ дальнихъ хлопотъ.

Гаданіе на воскъ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытыя няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тороватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благоприятное; напротивъ того бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ неистинности разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейныя раздоры.

8. ГАДАНИЕ НА СВИЦѢ.

Гаданіе на свичѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, производится въ родахъ и селахъ, подъ рукою нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, перенесывавшія всѣ прочія роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для занятія.

Ворожейки растапливаютъ свинецъ, вливаютъ его въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары, на той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ показывать гробъ, то это предвѣщаетъ скорую смерть.

9. ГАДАНИЕ ВЪ ЗЕРКАЛѢ.

Самое дѣйствительное гаданіе *въ зеркалѣ* совершается на дворѣ при лунномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости, совершается и въ домѣ, а притомъ во всякое время. Лучшее время для этого гаданія признаютъ

ся полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркалѣ не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній Русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные Греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней Восточной жизни, ссуществовали его своими тайнствами, приравливали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обояніе, оно пережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждаго ворожеи. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и Русской жизни.

Наши ворожеи, собираясь гадать въ зеркалѣ, избираютъ уединенную комнату, будутъ два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столѣ, противъ него маленькое; гадательница садится предъ зеркаломъ, обставленномъ свѣчами. Всѣ окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадательница смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большемъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркаловъ. Какъ скоро будутъ *наведены зеркала*, то въ последнемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный по неволѣ этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало черезъ плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его примѣты. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чурани привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старшій уверяютъ, что если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столѣ, вынимаетъ изъ кармана что-нибудь, кладетъ на столѣ. Догадливыя гадательницы въ разговоръ мигъ начинаютъ чурать; привидѣніе исчезаетъ, а оставленная

на столѣ вещь остается въ ея пользу. Последствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой, ряженой! Покажись мнѣ въ зеркалѣ» и мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительность сего гаданія, заслуживаетъ сожалѣніе о заблужденіи людей, доступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркала, отражающаго мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ Оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая разказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предрасудковъ, служить основными началами этой ворожеи. Истинное образованіе ума, непреклонная вѣра въ Бога, усилія людей благомыслящихъ, можетъ быть, со временемъ, избавятъ нашихъ соотечественниковъ отъ явнаго заблужденія.

10. Гаданіе курицею.

Гаданіе зерною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго Европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія винули правого, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечемъ въ рукѣ защищалъ свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ Русскую землю, доказать не возможно. Наши ворожеи употребляютъ его для открытія похитителей.

Въ семействахъ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подозрѣваютъ многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ собираютъ вечеромъ въ одну избу, тушатъ огонь, и выпускаютъ курицу, осыпанную сажеею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричитъ, вѣжитъ прочь и не подпускаетъ его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые, по необходимости, окрашиваются сажеею; одинъ только похититель не удо-

стоит эта почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашенъ сажеею, и кто вѣтъ? Если есть человекъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная сладствія, не ужели не захочетъ оправдать себя? Онъ, способный на всъ роды хищения, не ужели будетъ равнодушенъ къ курице? не ужели побоятся ея прикосновения, особливо поселяннѣ, грубые и безстрашный? Мы извѣстены случаи, гдѣ производилось открытіе похитителя такимъ гаданьемъ. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Принегли къ гаданію курицею. Вся собранная была окрашена сажеею; одинъ только четырехъ-лѣтній мальчикъ былъ пощажень курицею. Истинный похититель — работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія; а мальчика вся деревня признавала виновнымъ дотолъ, пока открылось, чрезъ восемь мѣсяцовъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытіе не могло облагоуразумить поселянъ въ ослабленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предрасудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

II. Водогаданіе.

Водогаданіе въ Русской семейной жизни присвоили себѣ ворожейки, женщины, распоряжающія всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всѣ возможные вздоры, находятъ, утѣшеніе въ бредяхъ въ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записныя ворожейки, выдавая Водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семейныхъ тайнъ, всегда говорятъ, что онѣ научены этому отъ страшнаго колдуна, и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, чтобы имъ не предлагали. Въ званіе Водогадательницы всегда вступаютъ женщины, ни къ чему неспособныя, по большой части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумшечкы», извѣстныхъ на Руси своею расторопностію въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что *это*

ремесло на роду не приходитъ, а только передается. *За передагено* женщины прибѣгаютъ къ Знахарю, или старой колдуньѣ. Знахарь требуетъ посуловъ: штофъ вина, скатерть, двѣ рубашки, кушакъ, и полотенцо. Это все заранее приносится, потому что требованіе Знахаря извѣстно всему селенію. Знахарь становится будущую Водогадательницу къ загибткѣ, накрываетъ лице полотенцемъ, ставитъ на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и луетъ на водѣ; потомъ снимаетъ полотенцо съ Водогадательницы. Наговоренная вода выливается подъ берего, а въ мису вливается вино. Знахарь накрывшій мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась: «во саму утреннюю зорю.» Водогадательница является не съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже Знахарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія Водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣлѣ: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вѣроятно, что это предпочтеніе ведется по преданію, безъ всякаго отчета. Русскіе люди Водогаданіе распространяютъ на многіе вѣды; но его, по большей части, употребляютъ для открытія похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ грамотнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ доскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожей беретъ записки и бросаетъ по одной въ водѣ. Чья именная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполне этому гаданію; другіе считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на студенцѣ, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность такого гаданія представляется такъ очевиднымъ, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ водѣ, то удобно можетъ скользить по поверхности, точно также, какъ скользитъ камень, брошенный въ рѣку угломъ.

12. ГАДАНИЕ НА БОБАХЪ.

Гадание на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо ключницы, няньки и эконимки, *по волю или неволю барской*. Олицетворяя бобы частями человеческого тѣла, онѣ разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благоую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собравными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ ворожеи всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, излагаемые ими, изучаются по преданію.

Ворожейки для этого гаданія берутъ *сорокъ одинъ бобъ* и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на *три части*. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ первой части. Потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ *вторую линію*, подлѣ третьей части. Послѣ того составляютъ *вторую линію* изъ бобовъ, откладываемыхъ въ сторону, также въ три подарка. *Третья линія* составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ *отгадкѣ на бобахъ*.

Второй порядокъ въ первой линіи Ворожеи называютъ: *головою*, третій въ этой же линіи *рукою*, второй порядокъ во второй линіи *сердцемъ*, третій порядокъ въ третьей линіи *ногою на погоду*.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; *рука* предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; *сердце* говорить: печаль или радость; *ноги на погоду* означаютъ: пріездъ и отъездъ въ путешествіе, полученіе, посылку, исполненіе желанія.

Ровное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожеи въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ.» Неровное число бобовъ — *негетъ* въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благоприятное. Ворожеи тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожеи такъ разнообразятъ его, что почитатели всегда измѣняютъ свои намѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ сердца, то онѣ не по мысли. Все это они разгадываніемъ подтверждаютъ, и оканчивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожеи.

13. СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНИЯ.

Никогда Русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздѣли, какъ на Святочныхъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселіи, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій вывѣриваютъ для себя сужевыхъ; старики разсказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достоверность гаданій. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ. Женщины *позываютки* обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ летѣтся ненаглядное дятяtko, краса дѣвичья, зазноба молодецкая.

Вся важность Святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Отыскивать первоначальное появленіе этихъ гаданій, нѣтъ никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорятъ объ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ не-Христіанскимъ Русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполне объяснимыми. Мы оставимся при одномъ мнѣніи, что Святочные гаданія усвоивались Русской жнзніи

въ продолженіи многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ соседними народами. Если бы была возможность тщательно прослѣдовать отдѣльныя повѣртія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы могли съ точностію означать: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣртія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она проникаетъ изъ дѣйствительнаго бытія мѣровъ древней восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои періоды, столь льно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаемъ бытіе Велико-Руссовъ, мы постигаемъ бытіе Мало-Руссовъ, мы видимъ отдѣльное существованіе бытія Бѣло-Руссовъ; не можемъ ли мы смѣло сказать, что они отдѣльны одинъ отъ другаго? Ихъ разнообразныя проявленія заставляютъ думать: будто они никогда не сливались одинъ съ другимъ, будто никогда жизнь Велико-Русская не селилась на поляхъ Мало-Русскихъ, если бы Исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль при содѣйствіи другаго. Отъ чего мѣромъ, повѣртія, семейныя сказанія Бѣло-Руссии отличаются отъ мѣровъ, повѣртіевъ, семейныхъ сказаній Велико-Руссии? Отъ чего Мало-Руссы вѣрятъ въ повѣртіе, едва известное Велико-Руссу, о которомъ совершенно не знаютъ Бѣло-Руссы? Въ чемъ заключается основная причина переселенія мѣровъ отъ одного народа къ другому? Отъ чего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной и семейной жизни? Подробное обзорѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предположеніе о переходѣ повѣртія въ Русскую жизнь въ продолженіи многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святогныя гаданія, совершаемая доселѣ въ Русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 Декабря по 5 Января, и притомъ въ разное время. Такъ одни

совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи готовятся ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщается огнемъ комната. Исчисляемъ здѣсь цѣмъ-тогорыя изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ, двѣицы выходятъ на улицу: здѣсь каждая изъ нихъ должна спрашивать о имени перваго; встрѣтившагося ей человѣка. Онъ вѣрятъ, что такимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это самое *окликаніе* производится подѣ Новый годъ; двѣишки тогда выкладываютъ на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подѣ окны чужихъ домовъ, и внимая разговорѣ веселому или скучному, предвѣчаютъ себѣ такую же жизнь въ замужествѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣнницы, и потомъ въ покояхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хогошій; а если кому упадетъ сукватое, (совѣнно съ трещинами), то онъ будетъ дурной и сердитой.

Выводятъ изъ конюшни лошадей чрезъ оглоблю. Если, которая зацѣпитъ оглоблю ногами, то мужъ будетъ серантой; если же перескочитъ чрезъ нее, то мужъ будетъ тихій и смирный.

Подходятъ къ амбарамъ: если услышать пересыпку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подѣ церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: «Со святыми упокой», то это предвѣщаетъ смерть; если услышать что нибудь свадебное, то оплачуетъ, что въ томъ же году выдутъ замужъ.

Снимаютъ съ настѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ вѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое, то мужъ будетъ богачъ; если серебряное, то мужъ будетъ ни богатъ ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ двѣицахъ бѣдасы,

*

говоря: «Вдовецъ, молодецъ», и доходя до послѣдней, смотрятъ: на какомъ словѣ остановились, то такой будетъ и мужъ.

Выходятъ къ забору и говорятъ: «Залай, залай собаченька, залай ствринькой волчегъ.» Въ которой сторонѣ услышите дѣвущка лай, въ той сторонѣ будетъ жить замужемъ. Если лай раздастся близъ дома, то это показываетъ, что отдадутъ замужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышный, то будетъ выдана замужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки чрезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ. Худой призракъ для дѣвущки, когда ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей замужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окна сосѣдей во время ужина. Если замѣтятъ сидящихъ за столомъ съ головами, то предвѣщаютъ себѣ, что будуще родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ вымрутъ.

Послѣ подвѣдунныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвущекъ, отливая нѣсколько этой воды подъ вереву, беретъ въ горсть снѣгу. Приходи въ покой, смотреть: какого цвѣта снѣгъ, то таковъ будетъ и суженый.

Полночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12 часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослые дѣвщцы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гаданіи дѣвущки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «Суженый ряженый! Поезжай мимо окна.» Если которая услышитъ поездъ съ крикомъ, съ свистомъ, то предвѣкаетъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поездъ будетъ тихой, то обрѣкаетъ себѣ замужнюю жизнь въ бедности.

Вызываютъ за окно ключи, щетку. Кто изъ проходящихъ ихъ пошевелиитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Берутъ скорлупы Грецкихъ орѣховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на малевккіе кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ дѣвущекъ зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Затѣмъ замѣчаютъ: которая потонетъ, та умретъ не замужнею; у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выдетъ замужъ; а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать замужемъ.

Отчаянная дѣвущка накрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «Суженый, ряженый! Приди ко мнѣ поужинать.» Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она, оставшись одна, запираетъ двери, окна, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтеръ жужжитъ подъ окнами, съ свистомъ; удары въ окна, въ двери; смрадный запахъ. Потомъ является суженый. Дѣвущка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платья. Суженый садится за столъ, начинаетъ говорить. Дѣвущка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «Какъ звать?» Суженой сказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвущка должна говорить: «Чуръ моего мѣста! Чуръ моей загадки!» Суженой исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную. Если она сровветъ и не зачураетъ, то суженой производить разныя проказы.

Дѣвущки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка всыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ: «полю, полю въль снѣгъ среди поля. Залай, залай собаченька; дознай, дознай суженый!» Въ это время каждая дѣвущка прислушивается, какъ лаютъ собаки. Хриплый лай означаетъ суженаго старика, звонкой молодого, толстой вдовца.

Дѣлаютъ съ вечера изъ воску стадо лебедей по числу дѣвицъ. Лебедку окрашиваютъ румянами, а лебедь остается вълымъ. Гадальщицы выбираютъ для себя лебедя съ лебедкою, опускаютъ въ чашку съ во-

дою и накрываютъ платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложится спать, смотреть: какъ плаваютъ лебедь съ лебедкою? Если плаваютъ вмѣстѣ, то замужняя жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самыя отчаянныя и пожилыя дѣвушки выходятъ въ лунную ночь на рѣку послушать въ прорубь. Нянюшки стелятъ воловью шкуру. Дѣвушки садятся слушать и смотреть въ воду. Которая выдетъ въ этотъ годъ замужъ, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придетъ на сговоръ; которой же сидитъ въ дѣвкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера въ рюмку воды, опускаютъ кольцо и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ нянюшки приносятъ рюмку и смотрятъ сколько бугорковъ, столько родится сынковъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Нянюшки съ вечера обвязываютъ золой башмаки и прячутъ подъ кровати, будто скрытно отъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается объ этомъ. Дѣвушки встаютъ и смотрятъ: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, тѣмъ предсказывается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели пряжу, начесываютъ на гребень и спускаютъ за окно. Предъ сномъ смотрятъ: какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старушекъ, и, для большою дѣйствительности, людьми посторонними.

Свиряютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ подъ подушку. Дѣвушка ложась спать говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ.» Суженый является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженый! Причеши мнѣ голову.» Суженой является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ и дѣлятъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подастъ.» Суженой является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четыре короля и говорятъ: «Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ приснишь мнѣ во снѣ.» Суженой снится во снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

14. СНОТОЛКОВАНІЯ.

Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки въ нашихъ городахъ и селеніяхъ, которыя бы не вѣрили снамъ. Въ старину бывало, со всякимъ сномъ хаживали женщины къ ворожейкамъ. И тогда Русскіе сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что не увидятъ во снѣ, все сбывалось на яву. И какъ такимъ снамъ не вѣрить! Нынѣ уже со всѣмъ не то. Увидятъ ли что во снѣ, сей часъ наводятъ справку съ Московскимъ оракуломъ, чуднымъ оракуломъ. Въ немъ объяснены всѣ сновидѣнія. Не отъ того-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени ихъ появленія. У нихъ сны бывали: *вечерніе, полуночныя, утренніе*. Вечерній сонъ не имѣлъ ни какой важности; ему мало вѣрили; объ немъ даже не ворожили. Сонъ полуночный почитался важнымъ; объ немъ-то заботились болѣе всего; онъ-то и привлекалъ женщинъ къ ворожейкамъ. Сонъ утренній былъ особенною принадлежностію *молодыхъ*, мужа съ женою, на первомъ году ихъ бракосочетанія. *Этимъ сномъ* только забавлялись старики, когда *молодая* начнетъ, бывало, рассказывать своимъ роднымъ. Сонъ дѣвушки уважался только во время святочныхъ ночей.

Разгадываніемъ Русскихъ сновъ промышляли кумушки, старыя няньки, сосѣдки старухи, живущіе въ одиночествѣ и особенный классъ людей — лечейки, женщины бродящія съ узелками травъ по улицамъ въ селахъ и городахъ, а по суетѣ тамъ исправлявшіе званіе акушерокъ въ баняхъ. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркамъ. Богатымъ всегда снились сны хорошіе, а бѣднымъ, что ни увидятъ, все окончивалось бѣдою. Мы приводимъ здѣсь городскіе сны, записанные слово въ слово съ объясненіями ворожейекъ.

Сонъ молодой, богатой Русской женщины. «Вотъ какъ теперь, вижу гору выскокую. Гора та не то, что наши горы земляныя; не то что мой Парамонъ Филимонычъ дѣлалъ для Мппи прошлою зимою; гора была вся хрустальная; на горѣ стоялъ теремъ. Да какой же теремъ-то? Весь золотой, весь горить, какъ солнышко, весь полонъ людей. Вотъ и думаю: идти ли мнѣ во теремъ? Пойду же, когда такъ придумалось. Иду по дорожкѣ, а гора растетъ выше, теремъ выше того. Билась, билась, а все стою на одномъ мѣстѣ. Придумала снова, какъ дѣлу быть. Не пойду, когда такъ! Сказала и сдѣлала. Вдругъ вижу — и что же? Съ горы идетъ мой Парамонъ Филимонычъ. Я бы было его и не узнала. Да и какъ было узнать? Видишь, онъ былъ молодецъ молодецъ; кафтанъ на немъ золотой парчи, шапка черного бобра; кудри русыя развѣвались по плечамъ ключевой волной. А идетъ то онъ не по сырой землѣ, а по ковру узорчату. Какъ подошелъ ко мнѣ, да и раскланялся, да и взялъ за руку. Я-де тебя давно жду, моленъ онъ. Какъ пошли мы, гора стала опускаться, теремъ сталъ растворяться, весь народъ по кланяться. Тутъ-то я проснулась.»

Разъяснение сна молодой, богатой женщины. «Ахъ, ты моя дорогая голубушка! — Ду какой же сонъ твой славной. Видно кому счастье на роду написано, тому и на лбу и во снѣ сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богатство твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взглядаешь считатьъ его, то веростеть выше нашей поповой горы. Что теремъ-то золотой, то твое Парамонъ Филимоныча. А что народъ во теремъ, то товари золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамонъ Филимонычъ молодецъ молодецъ, во кафтанъ золотой парчи, то утѣха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золотъ теремъ растворяется, что народъ покланяется, то богатство расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сонъ твой, бобровъ да согласіе съ Парамономъ Филимонычемъ.»

Сонъ старой, богатой женщины. «Живу, будто я, какъ было прежде, съ своимъ Агафономъ Карпычемъ, на первомъ году, во любви, во согласіи. Домъ нашъ полнымъ волонъ; семья-то все красная и почетная. Гостей то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было! Были молодыя молодухи, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки. Ни одной-то не было красной дѣвушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпычъ не сидитъ, не ходитъ — а все гостей подчаеетъ; ужъ и я ли молодая за столомъ не сижу, а все гостей подчаю. Вдругъ на дворѣ стемнело, и во покояхъ тожь. Не вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна одинокочка. Тошнымъ тошно стало мнѣ въ одиночествѣ. Вдругъ солнышко засвѣтило на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня, калина съ малиной, да розовой кустъ. Тутъ я и проснулась. Ко добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу.»

Разъяснение сна старой богатой женщины. «Къ добру и къ радости твоей дорогой сонъ, золотая моя голубушка. А видѣла-то ты все старое житье, когда здравствовала твой Агафонъ Карпычъ. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодыя молодухи, твои замужныя дочки; что пожилыя, въ твою пору, то родимыя сестрицы твои; что старыя старушки, то твои сватьюшки; что не было ни одной красной дѣвушки, то ты одна во дому. А что на дворѣ затемнилось и во покояхъ тожь, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Ужъ какъ солнышко взошло, то на радость тебѣ, во твоёмъ одиночествѣ. А зелень твой садъ, то красная семья, то радость твоя. Калина съ малиной, то твой сынъ со невѣсткой, то утѣха твоя. Ужъ какъ розовой кустъ, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорошо твой сонъ, и не встѣмъ на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будетъ ихъ. Береги свой кустъ, покой калину съ малиной. Счастье твое при тебѣ.»

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

НА НАШЕЙ УЛИЦѢ ПРАЗНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГОЛУБИ.	ЛАПТА.
КУМА.	ПЫЖЪ.
ГОРЬДЕН.	СВАЙКА.
МЫШКА.	АГАРУШНИКЪ.
БЕЗЪ СОЛИ СОЛЬ.	ВЪТЧИНА.
ЖМУРКИ.	СУЧЬКА.
КУЛЮЧИ.	ЯША.
СОРОКА.	БАБКИ.
БЕРЕВОЧКА.	КУЛАЧНОЙ ВОЙ.
СЪРЫЙ ВОЛКЪ	РЪДЬКА.
ПЕРВЕНЧИКИ.	КРЫНОЧКИ.
КАМУШКИ.	ЛАСКИ.
ЗАХАРКА.	СИЖУ ПОСИЖУ.
ДЕРГАЧИ.	ЧЕТЬ НЕЧЕТЪ.
ЖГУТЫ.	ЧЕТКИ.
ЧУЖИЕЪ.	КОЛЕЧКО.
УШНИЦЫ.	КОЗА.
КОРИЧУДЪ.	ГУСЕКЪ.

С К А З А Н И Я

0.

РУССКИХ НАРОДНЫХ ИГРАХЪ.

1. ГОЛУБИ.

Голуби, любимая игра дѣтей, представляет собою пѣвительную картину къ семейной жизни Русскаго народа. Голубь, голубка, дѣти ихъ, вотъ существа, оживляющія эту игру. Наши предки въ олицетвореніи этой группы изобразили семейство — *красное догерьми, поетное сыновьями*. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая предсмотрительность отца увлекла въ старину дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ домашнимъ занятіямъ, не имѣя въ виду пзмѣненій своего быта. Чѣмъ же мы болѣе можемъ захотѣть дѣтей къ такимъ занятіямъ? Дѣти любятъ играть. Дайте имъ такія игры, въ которыхъ бы отражались: или ихъ будущая жизнь, или занятія, ожидающія ихъ. Наши предки заботились о нравственномъ воспитаніи, и вотъ почему подарили дѣтей такою прелестью игрою?

Въ игрѣ Голуби — дѣти избираютъ: *Голубя, Голубку*, а всѣ прочія остаются подъ именемъ *Дѣтей* ихъ. Голубь съ голубкою свиваютъ гнѣздо, живутъ любовно, на потѣшеніе всѣмъ. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Голубь отлетаетъ на промисль, а голубка остается съ дѣтьми. Съ добычею голубь прилетаетъ въ семейство, и раздѣляетъ съ нимъ пищу. Дѣти-голуби оперились, выросли, дѣлаютъ уже по вѣлomu свѣту. Люди добрые — по народному вѣрью — имѣютъ враговъ. Тоже самое создаетъ фантазія и въ этой игрѣ. Здѣсь является врагомъ *Ястребъ*. Какъ онъ страшитъ голубиное семейство! Какъ онъ живо изображаетъ собою нарушителя семейнаго благополучія, врага благоденствія добрыхъ людей! *Ястребъ* въ этой игрѣ бываетъ: *огненный*, не-

смыняемый до конца игры, или съ *хвостикомъ*, смыняемый при каждой добычѣ. Онъ должевъ: переловить всѣхъ дѣтей-голубковъ, извести мать-голубку, разбить на лету отца-голубя. Какъ жаловно тоскуетъ голубка о потерѣ своихъ дѣтей! Какъ уныло воркуетъ голубь о расхищеніи своего семейства! Русское семейное горе выражается здѣсь въ яркихъ краскахъ. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда. Нередко случается, что отважный Ястребъ, залетѣвшій въ голубиное гнѣздо, дѣлается добычею голубя. Какъ ужасно побѣдителемъ Ястребъ развѣдываетъ голубиныя нѣрѣя — доказываютъ остатки изорваннаго платья и побой вѣчнаго ястреба.

2. КУМА.

Кума — игра пожилыхъ женщинъ и дѣвицъ — живо описываетъ собою сельскій обычай — *кумитъся*. Въ Русской жизни *Кумовство* столь бываетъ почтительно, что безъ *Кума* и *Кумы* не существуетъ семейнаго веселія. Для кума всегда есть *брага*, для кумы есть *медъ осотовый*, а для кумы водятся въ *кутъ паренья грущи*, для кумы есть *квасъ сызеной*, *макъ поужаренной* и *герныя пранижки*. Настала *Прощенный день*. Кумъ является къ кумѣ съ мыломъ, а кума идетъ къ нему съ пряниками. Кумъ можетъ цѣловать куму при всей деревнѣ, и все это считается почтениемъ, дружбою, приветіемъ. Что знаетъ кумъ, то знаетъ *кумова жена*, тоже самое знаетъ и вся деревня. Безъ кумы не ладится свадьба, безъ кума не совершаются похороны. Вотъ бытъ *Русскаго Кумовства*! Впрочемъ, игра Кума изобрѣтена въ честь этого

важнаго обычая, которому никто и никогда не измѣнилъ въ семейной жизни нашихъ предковъ.

Поселяне говорятъ, что *городскія кумы спесивы, а водить кумовство въ городѣ стало не въ обычай*; но игра Кума тѣшитъ горожанъ не менѣе всякой. Старая Русь не умерла; ея бытѣ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ въ современной нашей жизни. Лѣтописцы записали жизнь политическую нашихъ предковъ, а преданія и обычаи сохранились въ жизни семейной безъ записей, пережили вѣка, и существуютъ доселѣ. Напрасно говорятъ, что Русская Исторія многого лишилась: этой Нѣмецкой пѣсни доселѣ еще многие вѣрятъ. Мы не только не успѣли осмотрѣть свои материалы — письменные и словесные — но не знаемъ еще всего, что и какъ писали чужеземцы объ нашихъ предкахъ. Чужеземныя описанія требуютъ строгой повѣрки. Они, какъ люди мимоѣзжіе, незнакомые съ Русскимъ языкомъ, не могли вѣрно передать всего, видѣннаго ими. За ними строго смотрѣли, держали въ заперть, чуждались съ ними словъ и дѣлъ. Не мы, люди XIX вѣка, виноваты въ отчужденіи отъ предковъ, родины и обычаевъ. Были за долго люди до насъ, успѣвшие заглянуть въ чужія земли; съ ними принесли къ намъ чужіе обычаи, и мало по малу вытѣснили старую нашу семейную жизнь изъ городовъ въ села.

Игра Кума совершается двумя отдѣльными періодами. Одно бываетъ въ определенное время и въ определенномъ торжествѣ, другое же можетъ происходить во всякое время, и притомъ во множественности.

Поселяне Тульской губерніи, на третей недѣлѣ по Пасхѣ, въ день жень Мироносицъ, выходятъ въ лѣсъ, какъ они говорятъ — *кумушку кстать*. Дѣв подруги, обреченныя въ кумовство, нагибаютъ молодыя березки, связываютъ ихъ вѣтвями, палочками, полотенцами. Сдѣлавши изъ вѣвей вѣнокъ, принадеваютъ къ нему два креста, сдѣлавшыя изъ вѣтвей. Въ то са-

мое время, какъ кумы ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и цѣлуются сквозь вѣнокъ крестообразно, по три раза, прочія женщины поютъ:

Ты, кумушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши пѣснь, кумы мѣняются крестами, величаются подругами, живутъ въ мирѣ и согласіи. Въ этой игрѣ не участвуютъ мужчины; оди только женщины присутствуютъ. Кумовство заключается завтракомъ и хороводными пѣснями.

Въ селеніяхъ Московской, Рязанской и частью Тульской губерній совершается игра Кума въ Семики. Тамъ, въ это время, поселяне собираются въ рощи, нагибаютъ молодыя березы — *палугия* — свиваютъ изъ нихъ вѣнки, обвѣшивая ихъ разноцвѣтными лоскутами и лентами. Потомъ, подходятъ по парно, цѣлуются сквозь вѣнки, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся.
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

Въ это время дарятъ другъ друга *желтыми* яйцами. Въ Костромской губерніи, вмѣсто этихъ словъ, говорятъ: «здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замѣчательно, что здѣсь, въ этой игрѣ, участвуютъ и молодые люди, неженатые, вмѣстѣ съ дѣвчанами. Веселыя пѣсни и вѣчно одинакія пляски — сопровождаютъ и здѣсь игру Кума. После того собираются: *развивать вѣнки* тѣ, которые *покумимы* Семики *березкою* и сходятся въ лѣсъ *разкумитыся*. Тогда кумовья, развивая вѣнки съ поцѣлуями, поютъ:

РАЗКУМИМСЯ, КУМА,
 РАЗКУМИМСЯ.
 НЕ СВАРЯСЬ,
 НЕ БРАВЯСЬ,
 ЛАДНО ЖИВУЧИ,
 ПРИПЬВАЮЧИ.

Кроме этого рода игры Кума, поселяне отправляют еще другой вид, совершенно непохожий на вышеписанный. Сварясь играть, поселяне выбирают куму, садятся по два в ряд, в кругами. Кума *охлаживает* круг, выглядывая пригожих и милых видных. Едва она своим *сердцем выведает Доброхотную, и уже заводит с нею руги:*

Кума. «Что это за дитя!

В это время Доброхотная встает, и указывает на сидящую с ней особу, говорить:

Доброхотная. Твое и мое?
Кума. Кому его кстять?
Доброхотная. Тебя и мнѣ.
Кума. Что ты мнѣ за это дашь?
Доброхотная. Шильцо, мыльцо,
 Бѣлое вѣльцо,
 Да зеркальцо;
 Руль да дѣвѣчку,
 Да красную дѣвчуну.

Съ окончаніемъ этихъ словъ — *Кума* и *Доброхотная* развѣгаются въ противоположныя стороны, и обжавъ три раза кругомъ сидящихъ, останавливаются. Та, которая успѣетъ изъ нихъ завять прежде мѣсто, остается въ выигрышъ—сидѣть покойно, а другая опять идетъ *заводить руги*. Въ этой игрѣ кума должна быть смѣлива: здѣсь есть обманъ. Въ то время, какъ кума съ кумою *кумается*, другіе сосѣди успѣваютъ пересѣсть на дорожное мѣсто. Если одна изъ нихъ, незамѣтившая сосѣднѣго обмана, сядетъ на чужое мѣсто, тогда со всѣхъ сторонъ начинается: *гурагье; «Чуръ съ мѣста! Чуръ съ мѣста!»* Отъ этого часто случается, что въ большомъ кругу ходятъ по двѣ и по четыре кумы.

Т. I. Ч. 2.

Для кумы въ селахъ поется особенная пѣсня:

КАКЪ КУМА-ТО КЪ КУМѢ ВЪ РѢШЕТЬ ПРИПЬЛА,
 А Я ТАКЪ УХОМЪ НЕ ВЕДУ, Я ТАКЪ ГЛАЗАМИ НЕ ГЛЯЖУ.
 ЕЩЕ ЧѢМЪ-ТО МНѢ КУМУШКУ ПОДЧИВАТИ?
 ДА КАКЪ ЕСТЬ ПРО КУМУ ВОРОБЕЙ ВО САДУ,
 ВОРОБЕЙ ВО САДУ, И ТОТЪ БЕЗЪ ЗАДУ;
 РАЗЛОЖУ Я ВОРОБЬЯ НА ДВѢНАДЦАТЬ ВЪЛОДЪ:
 ДУШКУ, ГОЛОВКУ ВЪ ПИРОГЪ ЗАГНУ,
 Я ЗАПЕЙНУЮ ЧАСТЬ НАПЕРЕДЪ ПОШЛУ,
 САМАГО ВОРОБЬЯ ЖАРКИМЪ НАРЯЖУ.
 ЕЩЕ КУШАЙ-КО, КУМА, НЕ ЗАСАЛИВАЙ УСА;
 НЕ ВЕРТИ, КУМА, ВЪ РУКАХЪ, НЕ НОСИ,
 КУМА, ДОМОЙ.

3. ГОРЬЛКИ.

Рѣзвое, милое созданіе—дѣвушка въ 16 лѣтъ—получила завидную долю въ Русской семейной жизни. Краса семьи, утѣха отца и матери, дѣвица красная жила на устахъ молодыхъ и старыхъ. Цѣлымъ лѣтнимъ дѣвсидѣньемъ въ свѣтлѣмахъ, гдѣ только одна необозрима дѣль веселитъ ее сердце, прискучить всякому, прискучить даже самой старушкѣ. Не за то ли самое наши старушки-бабушки предоставили своимъ дѣтямъ самую рѣзвую, милую игру — *Горьлки*—порхать по дугу съ подругами и молодцами. Любовь, столь безцѣдно отгоняемая бабушками, вкрадась здѣсь. Для ней не существуетъ роковаго: *Нѣтъ!* Во всей Велико-Русси отдаютъ преимущество этой игрѣ. Наши сородичи—отъ поселянина до боярина—равно забавляются Горьлками. Съ тѣхъ поръ, какъ чужеземщина заполонила нашихъ дѣтей, отбыла у насъ воспитаніе Русское, родное, благочестивое, все наши народныя игры опостыляли людямъ, чуждающимся роднаго языка. Въ современной жизни мы часто слышимъ, какъ Русскія игры называютъ *мужичками*, тѣ самыя игры, которыя въ старой жизни забавляли Русскихъ, нашихъ предковъ, отцовъ и матерей. Во многомъ потомство будетъ обвинять нашихъ сородичей. Напрасно мы будемъ воображать, что старая Русская жизнь

10

существовала безъ отрады: тогда увеселеній еще было больше, и при томъ увеселеній общественныхъ. Правда, тогда не было театровъ; но за то цѣлая площадь, усвященная народомъ, была свободною для увеселеній, для забавъ, для восторговъ; за то цѣлые дворы наполнялись веселыми игроками, которыхъ радушно сзывалъ отецъ къ своей семьѣ, которыхъ привѣтливо встрѣчала мать, которыхъ ласково принимали дѣти. На площадяхъ веселились люди всѣхъ сословій; здѣсь были игры затѣйливыя, обшпрныя; на дворахъ забавлялись больше, люди торговые, больше всѣхъ дѣвушки богатыхъ отцевъ. Всѣмъ было весело, все жила раздольно, по Русски.

Горьлки, называемыя въ другихъ мѣстахъ: *Разлуками*, *Разгарами*, отправляются лѣтомъ. *Играетъ изъ Горьлки* свираются больше вечернею порою, на широкой дворѣ, или на лугѣ, или на улицѣ предъ домомъ. Люди молодые, больше дѣвцы и *молодые* мужчины, берутъ первенство въ этой игрѣ. Игроки обрезаютъ одного изъ среды себя, по жребию, *горьтъ* — въ должность тяжкую. Все прочее *спариваются*, т. е. становятся парами, одна за другою. *Горьльщицы* становятся впереди паръ, неподвижно, не обращаясь ни назадъ, ни впередъ, ни на бокъ. Въ это время игроки разбѣгаются въ разныя стороны. Горьльщикъ преслѣдуетъ ихъ. Если онъ успеетъ разлучить ихъ, схватить оплошного, то его должность больше не продолжается, или, за свою вѣдучу, онъ долженъ вновь горьтъ, хотя бы игра повторилась до 100 разъ. *Въ игру не безъ обману* — говорятъ старушки — и тогда чуждымъ образомъ хитростей придумано для несчастнаго горьльщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя въ этой игрѣ людей разнаго возраста, сближала завѣтныя тайны любви. Здѣсь *люди молодые*, *слобляясь*, смѣло рассказываютъ все сердечныя тайны, не смотря на то, что старики, съ *всѣхъ сторонъ*, сторожатъ ихъ забавы.

4. МЫШКА.

Мышка составляетъ домашнюю вечернюю игру дѣтей и взрослыхъ, увеселеніе,

повсюду употребляемое въ Велико-Русси. Съ давнихъ временъ, говорятъ старушки, установленъ въ этой игрѣ *негетъ*, по которому приходится насчитывать игроковъ — *троихъ, пятерыхъ*. Если нечетъ состоитъ изъ троихъ игроковъ, то двое становятся по угламъ, представляя каждый изъ себя *Мышку*. Третій, признанный по жребию — *водырь*, обязанъ ходить по угламъ, и говорить: *«Мышка, мышка! продай уголокъ?»* Въ волѣ всякой мышки находится продавать ли свой уголокъ, или удерживать за собою? Если водырь услышитъ: *«не продаженъ»* — звукъ довольно для него тягостный, то онъ долженъ переходить къ другому углу. Когда же здѣсь отвѣтятъ на его вопросъ: *«обернись задомъ»* — онъ тотъ-часъ обертывается къ этимъ угламъ задомъ, и, едва касаясь ногами пола, готовъ, при первомъ шорохѣ, летѣть въ чужой уголокъ. Мышка, рѣшившаяся продать свой уголокъ, должна имѣть проворство самое отважное, должна быть увѣрена въ готовности своей сосѣдки, также готовой перемѣниться съ нею углами. Внимательный водырь всегда успѣваетъ захватить уголокъ. Мышка, прогулявшая свое мѣсто, принимаетъ на себя должность водыря, а съ этимъ вмѣстѣ начинается опять та же игра — *Мышка*.

5. БЕЗЪ СОЛИ СОЛЬ.

Безъ соли соль есть любимая игра городскихъ дѣвушекъ, управляемыхъ въ своихъ забавахъ пожилыми нянюшками. Эта игра выказываетъ какую-то игривость предковъ, теперь намъ непонятную.

Дѣвушки, собравшіяся въ *досужій часъ порываться*, мечутъ жеребьи: *кому сидѣть*. Среди широкаго двора, или обшпрной поляны, садятся двѣ дѣвушки, одна противъ другой, съ протянутыми ногами. Все прочія *столмлются* на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдаетъ, чтобы сидѣли дѣвушки съ руками сложенными за спиною, и съ зажмуренными глазами. Дѣвушки переходя одна за другою чрезъ ноги сидѣщихъ, приговариваютъ: *«Безъ соли соль»*. Сдѣлавши три перехода, останавливаются. Въ это время передняя дѣвушка, съ выстротою молніи, перескакива-

Есть через поги сидящихъ, а за нею и вся другия. Часто случается, что сидящая ловить дѣвушекъ на всемъ ихъ лету. Отъ этой провоности заводятся споры, споры кончатся ссорами, ссоры переходятъ въ брань и слезы. «Она поймала меня отъ того — говорить огорченная — что смотрѣла глазами, и прямо мѣтила въ меня.» Добро-совестная побѣдительница всегда бываетъ уступчива; одни только вздорные спорять. *Пойманная* дѣвушка садится на мѣсто побѣдительницы — и игра начинается снова.

6. ЖМУРКИ.

Жмурки, или *Слепой козелъ* есть игра домашняя, игра дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, въ большіе зимніе вечера. Дѣвушки, съ завязанными глазами, какъ бы лишенные зрѣнія, стараются болѣе *поудаваться* въ руки любезныхъ, молодыхъ мужчинъ, а о мужчинахъ и говорить нѣчего. Влюбленные, подъ видомъ оплошности, только одни и играютъ во весь вечеръ эту игру, тогда какъ другия только посмѣиваются ихъ незваную прятаться отъ поисковъ Козла. Нѣтъ сомнѣнія, что эту игру избрала любовь: вѣдь наши предки любители не хуже насъ.

Игроки *Слепного Козла*, обреченнаго въ это званіе *по жеревью*, водятся съ завязанными глазами, къ запертой двери, гдѣ онъ начинаетъ стучать. Игроки спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» Его отвѣтъ: «*Слепой Козелъ.*» Тогда одинъ изъ отважныхъ игроковъ подходитъ къ Козлу и говоритъ:

Слепой Козель!
Не ходи къ намъ погой;
Поди въ кутъ,
Гдѣ холсты ткутъ,
Тамъ тебѣ холстынь дадутъ.

Козель, недовольный симъ отвѣтомъ, начинаетъ бить въ дверь ногами. Игроки снова спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» слышенъ отвѣтъ: «*Аванасъ!*» Тогда вся игра говоритъ:

Аванасъ!
Не бей насъ.
Аванасъ!
Ходи по насъ!

Съ послѣднимъ словомъ отважный игрокъ ударяетъ ладью Козла по спинѣ и бѣжитъ прочь. Обиженный начинаетъ искать виноватаго по угламъ, по столамъ, стульямъ. Всякой, пойманной Козломъ, считается виноватымъ, и за свою оплошность долженъ играть *Слепного Козла*.

7. КУЛЮЧКИ.

Игра *Кулючки* также принадлежитъ къ числу тѣхъ домашнихъ увеселеній въ коихъ любовь нашихъ предковъ успѣла скрыть себя отъ укоризненныхъ очей. Какъ игра домашняя, болѣе зимняя, она всегда считается возможною; въ ней участвуютъ и мужчины и дѣвицы, говорятъ тайно, что хотять, идутъ прятаться также вѣствъ, и никто ни кого не думаетъ подозрѣвать. Вся говорятъ одно: «*этого требуетъ игра*», и всякое сомнѣніе уничтожается.

Одинъ изъ игроковъ садится въ уголѣ — *кулюкать*; другіе закрываютъ ему лице, глаза, всего самого — платками, разными платьями, а онъ скороговоркою причитываетъ:

Кулю, кулю — баба!
Не выколи глаза,
Сынъ подъ окошкомъ,
Свинья подъ лукошкомъ.
Пора, что ли?

Въ это время, вся другіе игроки скрываютъ себя во всевозможныя, незаметныя мѣста. Когда же услышатъ: «*Пора, что ли?*» Отвѣчаютъ ему только: «*Нѣтъ!*» снова начинается кулюканіе, снова вопросъ: «*Пора, что ли?*» снова отвѣтъ: «*Нѣтъ!*» Это продолжается до трехъ разъ, а иногда и болѣе, пока вся игроки успѣютъ скрыться. Не получая отвѣта на свое: «*Пора, что ли?*» онъ отправляется въ поискъ. Первый, отысканный имъ, долженъ смѣнять его. Часто случается, что играющие по неважности

къ *Кулюкты* заставляють его отыскивать
всѣхъ до одного.

8. СОРОКА.

СОРОКА, КАКЪ ИГРА ДѢТСКАЯ, УВЕСЕЛЯЕТЪ
ТОЛЬКО ДѢТЕЙ И МАТЕРЕЙ, И СВАТО СОБЛЮ-
ДАЕТСЯ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. ЭТА ИГРА ВВО-
ДИТСЯ ТОГДА, КОГДА КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ
СМѢНЯЮТСЯ ИГРАМИ.

МАТЬ ИЛИ НИНЯ БЕРЕТЪ РУКУ ДИЯТИ, ВО-
ДЕТЬ СВОИМЪ УКАЗАТЕЛЬНЫМЪ ПАЛЬЦЕМЪ ПО
ЕГО ЛАДОНИ. НЕТЕРПѢЛИВОЕ ДѢЯ, ПРИУЧЕННОЕ
КЪ ЭТОЙ ИГРѢ, СТОИТЬ ВЪ РАДОСТНОМЪ ТОМАЕ-
НИ, А ВЪЗЖАЯ МАТЬ ГОВОРИТЬ:

СОРОКА, СОРОКА,
КАМУ ВАРИЛА,
НА ПОРОГЪ ПОСКАКИВАЛА,
ГОСТЕЙ ПОСМАТРИВАЛА:
НЕ ВДУТЬ ЛИ ГОСТИ?
НЕ ВЕЗУТЬ ЛИ ГОСТИНЦЫ?
ПРИѢХАЛИ ГОСТИ,
ПРИВЕЗЛИ ГОСТИНЦЫ.

ПОСЛѢ ТОГО ДѢЙСТВІЕ ИГРЫ ПЕРЕВОСИТСЯ
СЪ ЛАДОНИ НА ПАЛЬЦЫ. УКАЗЫВАЯ НА КАЖ-
ДЫЙ ИЗЪ НИХЪ, ГОВОРИТЬ:

ЭТОМУ КАШКВ,
ЭТОМУ БРАЖКИ,
ЭТОМУ ПИВЦА,
ЭТОМУ ВИНЦА,
А ЭТОМУ НЕ ДОСТАЛО.
ПОДИ ТАМЪ,
ЕСТЬ КОЛОДЕЦЪ
НАВѢСЯ ВОЛКЪ.

ПОТОМЪ, УКАЗЫВАЯ НА ЛАДОНЬ, ГОВОРИТЬ:

ТУТЬ ПЕНЬ,

ПОКАЗЫВАЯ НА МѢСТО КРЕСТИ —

ТУТЬ КОЛОДА,

ПОДЪИЖАЯСЯ КЪ ЛОКОТНОМУ СГИБУ —

ТУТЬ ВОСКЪ,

ПРИВѢЖАЯСЯ КЪ ПОДЪИЖЕНІЮ —

ТУТЬ БОЛОТЪ,

ЩЕКОЧА ПОДЪ МЫШКОЮ —

ТУТЬ СТУДЕНАЯ ВОДИЦА.

СМѢХЪ ДИЯТИ, ЛАСКОВЫЕ ПОЦѢЛУИ НЯ-
ВЮШКИ, ВЪЗЖНОСТЬ МАМЕНЬКИ ОКОНЧИВАЮТЪ
ИГРУ,

9. ВЕРЕВОЧКА.

ВЕРЕВОЧКА, СТАРИННАЯ СВАДЕБНАЯ ИГРА,
УВЕСЕЛЯЕТЪ НА *сговорахъ* ЛЮДЕЙ ЖЕНАТЫХЪ
И СЕМЕЙНЫХЪ, НА *посидѣлкахъ* и *молодег-
никъ* ДѢВУШЕКЪ, ОДНѢХЪ, БЕЗЪ МУЖЧИНЪ.
НО ЭТО БЫВАЛО ПРЕЖДЕ; ВЪНѢ ЗАВЛАЮТСЯ
ВЕРЕВОЧКОЮ БЕЗЪ РАЗБОРА ВСѢ *свадебныя*
сговорцики.

Сваха ВНОСИТЬ ВЪ *горницу веревочку*,
КОНЦЫ КОТОРОЙ *сватъ* ИЛИ *дружка* ЗАВЯЗЫ-
ВАЕТЪ ОДНИМЪ УЗЛОМЪ. ИГРОКИ *хватаются*
ЗА ЭТУ ВЕРЕВКУ ОБЪИМИ РУКАМИ, СОСТАВЛЯЯ
ИЗЪ СЕБЯ КРУГЪ ОКОЛО ЕЯ. ВЪ СРЕДНУЮ КРУГА
СТАВОВАЕТСЯ СВАТЪ ИЛИ СВАХА ДЛЯ *загнну*.
ОБХОДЯ КРУГОМЪ ВСѢХЪ, СВАХА — КОМУ ГОВОРИТЬ
красное слово, КОМУ *поетъ присказку*,
ИЛИ *заводитъ* СКАЗКУ, СТАРАЯСЯ ВЫСКАЗАТЬ
ВЪ НЕЙ ХАРАКТЕРЫ СГОВОРИЦКОВЪ. ЕЯ СЛО-
ВАМЪ, ХОТЯ ИНОГДА ДОВОЛЬНО ОБИДНЫМЪ, ОТ-
ВѢЧАЮТЪ ПОХВАЛОЮ, УЛЫБКОЮ И ДОБРЫМЪ
МОЛОДЕЧЕСТВОМЪ. *Круговой* — ТАКЪ НАЗЫВА-
ЮТЪ СВАТА, СТОЯЩАГО ВЪ СРЕДНѢ ИГРОКОВЪ,
СРЕДИ *рассказней*, ЗАМѢЧАЕТЪ: КТО СМОТРИТЬ
ПО СТОРОНАМЪ, И, ПОДКАРАУЛИВЪ, ТОТЪ-ЧАСЪ
ВЪЕЕТЪ ЕГО ПО РУКЪ. *Оплошій* СТАВОВАЕТСЯ
ВЪ КРУГЪ, ПРИ ВСЕОБЩЕМЪ СМѢХѢ, И ЗАВО-
ДИТЪ СВОИ РОССАЗНИ. ИНОГДА, ВМѢСТО *поба-
сенюкъ*, ИГРОКИ ПОЮТЪ СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.
ИГРА ОКОНЧИВАЕТСЯ ПО ЖЕЛАНІЮ ИГРОКОВЪ.

10. СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ, ИГРА ОЛИЦЕТВОРЕННАЯ, НО-
СИТЪ НА СЕБѢ ОТПЕЧАТОКЪ ДРЕВНОСТИ. ВОЛКЪ,
ВЫРАЖАЯ СОБОЮ НАРУШИТЕЛЯ УВЕСЕЛЕНІЯ,
ЕСТЬ ЛИЦЕ СЕМЕЙНОЕ ИЗЪ СТАРОЙ РУССКОЙ
ЖИЗНИ. НЕ ВЫРАЖАЛОСЯ ЛИ ЭТИМЪ ОЛИЦЕТВО-
РЕНІЕМЪ ВЪ СЕМЕЙСТВѢ СТРОГОЕ ВЪЗЫСКАНІЕ
СТАРѢЙШИНЫ? ВРЕМЯ ВСЕ СКРЫЛО. ПРЕДЪ НА-
МЪ ОСТАЛОСЬ ОДНО: ИГРА СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Въ игрѣ СѢРЫЙ ВОЛКЪ участвуютъ только двѣ. Кто нѣбудь изъ нихъ, по жеребью, играетъ *Волка*, а всѣ прочіе *Дѣтки*. Волкъ, поджавъ рукамп лице, сидитъ согбившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣтки щиплютъ передъ нимъ траву, и всѣ вмѣстѣ, скороговоркою причитываютъ:

Щипу, щипу по ягоду,
По черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикѣ,
Матушкѣ въ ругавчикѣ,
СѢрому Волку,
Травки на лопату.
Дай Богъ умыться,
Дай Богъ увратиться,
Дай Богъ въжать!

Съ послѣднимъ словомъ дѣтки встаютъ, бросаютъ въ Волка траву и бѣгутъ. Волкъ обиженный долею, бросается за дѣтками. Дѣтки разными *увертками* обманываютъ Волка, а онъ своею хитростью ловитъ ихъ. Пойманный играетъ СѢРАГО Волка.

11. ПЕРВЕНЧКИ.

Первенчики, игра дѣвушекъ - вѣдьсть, есть, въ полной мѣрѣ, игра отъ нѣчего дѣлать. Встарь, наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сидѣвали съ своими внучками въ свѣтѣ свѣчъ и вышкажъ. Когда въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое нибудь занятіе — и вотъ наши бабушки обучили своихъ внучекъ *Первенчикамъ*. Спասибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.

Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полу, въ кружкѣ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою *поговаривать*:

Первенчики,
Друженчики,
Трышцы,
Волышцы,
Поповы
Ладашцы,

Цыкень,
Выкень.

Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одну изъ протянутыхъ пальцевъ, и на которой *достается* слово *выкень*, тотъ палецъ и *выкидывается*. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ прежде, нежели будетъ произнесено роковое: *выкень*. Отклоняя такимъ образомъ приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающие эту игру въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чьей останется одна палецъ, та должна и начинать игру.

Старушки рассказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали вмѣстѣ съ своими бабушками. Вѣрно имъ бѣднымъ было усладительно!

12. КАМУШКИ.

Камушки есть игра лѣтняя, занимающая собою всегда дѣвѣцъ по подвѣямъ, рѣдко вечерами. Вѣроятно, что и эта игра изобрѣтена бабушками; она такъ скучна, что утомляетъ собою самую бодрую дѣвѣцу. Въ Тулѣ, на Оружейной Стронѣ, цѣлыя семейства сидятъ по улицамъ *кружками*, занимаясь усердно Камушками. Тамъ, въ Гончарской Слободѣ, поставляется въ достоинство играть удачно въ эту игру, а знаменіе ставилось на ровнѣ съ женскими искусствами. Замѣчательно одно: въ позоръ и въ поношеніе ставили мужчинъ, когда онѣ играли въ Камушки. Укоризненные слова, произносимыя дѣвушками, выражаютъ какую-то зависть.

Сбираясь играть въ Камушки, дѣвушки приносятъ съ собою по пяти глиняныхъ камушковъ, гладкихъ, округленныхъ, росписанныхъ разными красками, Эти камушки продаются въ числѣ другихъ товаровъ на городскихъ ярмаркахъ. Голышевыя камушки считаются роскошью: ихъ приносятъ въ подарки богомольщики изъ Кіева и Ростова. Готовыя играть по двое и болѣе сутокъ, дѣвѣцы садятся у воротъ кружками, и причитываютъ: «*Уговорецъ, родъ*

ной *братъ есть въ дѣлѣ.* Чудесное дѣло: это родъ какой то клятвы, свято храняемой дѣвушками. Вотъ онъ:

Чуръ!
Играть,
Не воровать,
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Раздѣляясь на нѣсколько *приемовъ*, она имѣетъ особенныя дѣйствія. Первой приемъ называютъ: *пять просфоровъ*, второй *четыре просфора*, третій *три просфора*, четвертый *два просфора*, пятый *одинъ просфоръ*, и послѣдній — *отбиваться*.

Дѣвушки, играющія въ пять просфоровъ, берутъ въ правую руку всѣ пять камней, изъ конхъ одинъ бросаютъ вверхъ, а другіе четыре кладутъ на землю, и, въ тотъ же мигъ, ловятъ на лету брошенный вверхъ камень. Потомъ опять бросаютъ этотъ же камень, схватываютъ съ земли прежніе четыре, и съ ними подхватываютъ на лету брошенный вверхъ камень. Это дѣйствіе дѣвушки называютъ *просфоръ*. Добродушные Греки — кто васъ здѣсь не узнаетъ! Вы, изгнанные изъ Царяграда, несли на Западъ Европы всю ученость Еллинскую, избѣгая побоевъ Мусульманъ, а къ намъ являлись съ камушками, хотя наши дѣды выкупили ваши подарки дорогою цѣною! Второе дѣйствіе этого же приема называютъ: *Тройки*. Здѣсь одинъ камушекъ бросаютъ вверхъ, а другіе раскидываютъ такъ, чтобы одинъ ложился въ сторону, а прочіе три вѣсть. Игравщица бросаетъ вверхъ одинъ камень, потомъ схватываютъ съ земли одинъ и ловятъ брошенный; далѣе снова бросаютъ вверхъ, схватываютъ съ земли три камня и ловятъ брошенный. Третье дѣйствіе этого приема называютъ: *Двойки*. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, другіе же раскидываются по парамъ, и схватываются точно также, какъ въ первомъ дѣйствіи. Четвертое дѣйствіе называется *Однѣйки*. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, всѣ прочіе разбрасываются

ся порознь, и точно такимъ же образомъ схватываются, какъ въ прежнихъ дѣйствіяхъ.

Приемъ въ *четыре просфора* отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ вмѣсто того, чтобы бросать пять разъ боевой камень вверхъ, бросаютъ только четыре. Прочее все остается тоже.

Приемъ въ *три просфора* отличается отъ втораго тѣмъ, что здѣсь боевой камень бросается вверхъ только три раза. Прочее все тоже.

Приемъ въ *два просфора* состоитъ въ двукратномъ бросаніи камня вверхъ. Все прочее сходно съ другими приемами:

Приемъ въ *одинъ просфоръ* заключается только въ одновременномъ бросаніи камня вверхъ.

Отбиваться составляетъ особенный, окончательный приемъ игры. Здѣсь дѣвушка за одинъ *приемъ* должна бросить двадцать разъ камень вверхъ и двадцать разъ схватить его на лету, не считая уже просфоровъ.

Если въ игрѣ этихъ приемовъ дѣвушка сдѣлаетъ *промахъ*, или неосторожно зацѣпитъ за другой камень, то лишается права играть далѣе. Сосѣдка вмѣсто ея начинаетъ *по новую* свою игру.

Въ игрѣ счастливой, удачной, завистливый дѣвушки стараются развлечь вниманіе своей *подруги*; онѣ разными приговорами *поддерживаютъ* подъ руку. Игравщица негодуетъ, руки трясутся, кумни падаютъ. Проигрышъ производитъ невыносимую досаду, ссоры, *упреки*. Ссоры всегда оканчиваются прекращеніемъ игры и становятся предметами раздора многихъ семействъ. Для любопытныхъ выпишемъ приговоры, приводящіе игроковъ въ вѣстество, а семейства въ многолѣтніе раздоры:

Кума тарара!
Не связай со двора,

Съѣдешь, потужишь,
Домой не приѣдешь.

Гуси-лебеди летѣли,
Черезъ камушки глядѣли.
Либо ворохъ, либо промохъ,
Либо отщелкъ.

Бара, барабашки,
На сивой кудряшки,
И туды и сюды,
И взадъ и впередъ,
Идутъ, скачутъ,
Съ печи не слвзутъ.
Стой! Стой! Стой!

Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не ѣдать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.

У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вотъ не такъ,
Вотъ ни сякъ,
Ни на право, ни на лѣво;
Бухъ, бухъ,
Камень вдругъ!
Полетѣли въ бутъ:
Э! что взяли?
Э! что взяли?

13. ЗАХАРКА.

Захарка, игра дѣтская, веселитъ дѣтей и *изъ ума выжившихъ старушекъ*. Не имѣя ни одной самобытной идеи, она за то и не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ Русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижинныя *поселенья* освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Отъ того мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливую, указывающую прямо на дѣтскія щалости и на неосторожную беззаботность дряхляющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая *потѣшить* дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

ГОРИ, ГОРИ ЖАРКО!
ПРИВХАЛЪ ЗАХАРКА,
САМЪ НА ТЕЛѢЖКѢ,
ЖЕНА НА КОБЫЛКѢ,
ДѢТКИ НА САНКАХЪ,
ВЪ ЧЕРНЫХЪ ШАНКАХЪ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока кончатся дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и свираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу *позабавить-ся Захаркою*.

14. ДЕРГАЧИ.

Дергачи есть игра зимняя, увеселяющая молодежь въ скучные осенніе вечера, въ кругу всѣхъ возрастовъ. Въ этой игрѣ есть много сходнаго съ жмурками и много отличнаго. *Посмѣяться отъ бездѣлья*—любимая поговорка нашихъ предковъ—кажется, изобрѣла эту игру.

Собираясь играть въ Дергачи, игроки садятся по мѣстамъ около стѣны, а *Водырь*, обреченный по жеребью, съ завязанными глазами, ходитъ по комнатѣ. Отъ игроковъ требуется: *не сходитъ съ мѣста*. Нарушитель этого постановленія занимаетъ мѣсто Водыря. Какъ скоро всѣ услышась, а это дѣло очень трудное и, при множествѣ споровъ, едва выносимое для постороннихъ зрителей, начинается игра. Въ одной сторонѣ игроки говорятъ: «Дергъ! Дергъ!» а въ другой шевелятъ ногами по полу, и если можно, *дергаютъ* Водыря за полы платья. Онъ, *ходя* по комнатѣ, долженъ отгадывать—кто говоритъ: «Дергъ!»—назвать по имени того, кто дернулъ за полы. Счастлирое открытіе избавляетъ его отъ долгихъ поисковъ. Тогда онъ передаетъ игру *Дергальщику*.

15. ЖГУТЫ.

КАКАЯ - ТО НЕПОСТИЖИМАЯ ЗАТѢЛНОСТЬ ИЗОБРЕЛА РУССКУЮ ИГРУ ЖГУТЫ, ИГРУ *битую*, ОТЪ КОТОРОЙ ЧАСТО ИГРОКИ ДИИ ПО ТРИ И ПО ЧЕТЫРЕ ЛЕЖАТЪ БИТЫМИ И РАЗБИТЫМИ НА ПЕЧАХЪ. НАДОБНО ИМѢТЬ ОТЧАЯННОЕ ТЕРПѢНІЕ, ЧТОБЫ ВЫДЕРЖАТЬ ЭТУ ИГРУ. ПУСКАЙ БЫ ОДНИ МУЖЧИНЫ ВЕСЕЛИАНСЯ, А ТО И ЖЕНСКІЙ ПОЛЪ САДИТСЯ ЗА ЭТУ ИГРУ СЪ ВОСТОРОГЪМЪ. РУССКАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЕЩЕ ЗАГАДКА.

ВЪ ЗИМНІЕ *дождіе* ВЕЧЕРА, КОГДА СБИРАЮТСЯ ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ НА ПОСИДАКИ ВЪ ОДНУ ИЗБУ, ЗАТѢВЮТЪ ВЪ ЭТО ВРЕМЯ *жеуты*. ВСЯ САДИТСЯ ВЪ *кружки* НА ПОЛУ. ВЪ СРЕДИНѢ ЛЕЖИТЪ ШАПКА, КОТОРУЮ ДОЛЖНО ДОСТАВЛЯТЬ ИГРОКАМЪ СЪ ОГОРОДА. ЗА СПИНАМИ ИГРОКОВЪ ХОДИТЪ *Жеутова* СЪ ЖГУТОМЪ, И КАРАУЛИТЪ НА ДОРОГѢ ВОРОВЪ. КАКЪ ДОБРЫЙ СТОРОЖЪ, ОНА ВЕСЕЛО КРИЧИТЪ:

Кому разь,
Кому два,
Кому ничего.

ЕДВА ЛИШЬ КТО ПРОТЯНЕТЪ РУКУ ЗА ШАПКУ, ЖГУТОВКА ТОГО БЬЕТЪ ЖГУТОМЪ ПО СПИНѢ. КТО ЗАДРЕМЛЕТЪ СНАД, ОНА КЛАДЕТЪ ЗА ЕГО СПИНОЮ ЖГУТЪ, А БОДРЫЙ СОСѢДЪ УЧИТЪ ЕГО ХОРОШИМИ УДАРАМИ БОДРСТВОВАТЬ. КОГДА ПОЙДЕТЪ КУТЕРЬМА ВО ВРЕМЯ БРОСАНИЯ ЖГУТА, ЖГУТОВКА ВЕРЕТЪ ШАПКУ И НАДѢВАЕТЪ НА КОГО НИБУДЬ. *Кого окликнуть* ВЪ ШАПКѢ, ТОТЪ ДѢЛАЕТСЯ ЖГУТОВОЮ. ЕСЛИ ЖЕ ИГРОКИ ПОХИТИТЪ СЪ ОГОРОДА ШАПКУ, ТОГДА КАЖДЕЙ ИЗЪ НИХЪ, СМОТЯ ЧТО СДѢЛАННОМУ УСЛѢДЮ, *раздается раскрасъ* СЪ ЖГУТОВОЮ ВЪСКОЛЬКИМИ УДАРАМИ.

16. ЧИЖИЖЬ.

ЧИЖИЖЬ, ИГРА ДѢТСКАЯ, ВЕСЕЛИТЪ ДѢТЕЙ УДАЧНО И НЕЧАЛІТЬ НЕЧАЛІВЫМИ ПОВОЛІЯМИ. ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ ЭТОЙ ИГРЫ ПРОСТА — УТВѢЖДЕТЬ, НО ОНА ДАЛЕКО НЕ ДОСТИГАЕТЪ СВОЕЙ ЦѢЛИ. ВОЗНІЕ, ВСѢ ДѢТСКІЯ ИГРЫ СОБРАЖЕННЫ НА РУСИ СЪ ОБАЩЕСТВЕННЫМИ, И КАЖЕТСЯ, ЧТО ТОЛЬКО ОДИНЪ КОМЪМУНИКАТИВЪ ПОНАКАЗЫВАЮТЪ ПРЕВОСХОДСТВО СЕМЕЙНЫХЪ УВЕСЕЛЕНІЙ.

СТАРШІЙ ИЗЪ ДѢТЕЙ ОЧЕРЧИВАЮТЪ НА ПОЛУ МЯЖКОМЪ ЧЕТВЕРУГОЛЬНИКЪ — *Клятку*, ВЪ СРЕДИНУ КЛАДЕТЪ КАМЕНЬ, НА КОТОРОЙ ПО ОТВѢСУ ПОЛАГАЕТСЯ ПАЛОЧКА — *Чижижъ* — ДЛИННОЮ ВЪ ОДНУ ЧЕТВЕРТЬ. КТО НИБУДЬ ИЗЪ ДѢТЕЙ ПОДХОДИТЪ СЪ ДРУГОЮ ДЛИННОЮ ПАЛОЧКОЮ КЪ КЛЯТКѢ, БЬЕТЪ ПО ЧИЖИЖУ, КОТОРЫЙ ОТЪ УДАРА ЛЕИТЪ ВВЕРХЪ. ТОГДА ДРУГІЯ ДѢТИ СТАРАЮТСЯ ВІТЬ ЧИЖИЖА НА ЛЕТУ, И ТОТЪ ОСТАЕТСЯ ВЪ СТОРОНѢ, КТО УСПѢЕТЪ ЗАГНАТЬ ЕГО ВЪ КЛЯТКУ. ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДО ТОГДѢ, ПОКА ЛЯТЯТСЯ КТО НИБУДЬ ИЗЪ ИГРОКОВЪ СЪ РАЗБИТЫМЪ ЛИЦЕМЪ, И СЪ КРИКОМЪ НАЧИНАЕТЪ ДОИСКЫВАТЬСЯ ВИНОВАТАГО. НО, КАКЪ ПОВОИ СКОРО ЗАБЫВАЮТСЯ ДѢТЬМИ, ТО ИГРА ЧИЖИЖЪ СКОРО ВОЗВНОВЛЯЕТСЯ.

17. УЖИЩЕ.

ИГРА УЖИЩЕ СОСТАВЛЯЕТЪ САМОЕ ВЕСЕЛОЕ РАЗДОМЬЕ ПОСЕЛЕНЬ И ПОСЕЛЯНОКЪ КОСТРОМСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЙ. НИГДѢ НЕЛЬЗЯ ВИДѢТЬ ТАКОЙ РУССКОЙ *оборотливости*, КАКЪ ВЪ ЭТОЙ ИГРѢ. ЗДѢСЬ ЖЕЛАНІЕ ВЫКАЗАТЬ СВОЕ УДАЛЬСТВО ПОДЧИНЯЕТЪ СЕБѢ ВСѢ ДВИЖЕНІЯ, И СКАЧКИ ТОЛДЪ БЫВАЮТЪ УДАЧНЫ, ЧТО ПРЕВОСХОДЯТЪ ВСЯКОЕ ВТРОЯТІЕ. ГЛЯДЯ НА ИГРУ УЖИЩЕ, НЕВОЛЬНО СКАЖЕШЬ, ЧТО РУССКАЯ НЕУСТРАШИМОСТЬ СВЫКАЕТСЯ СОВСѢМЪ; ЕЙ ВСЕ БЫВАЕТЪ СВОЕ, ВСЕ БЛИЗКОЕ; ОНА КО ВСЕМУ ВЛЕЧЕТЪ РУССКАГО МУЖИЧКА, ГОТОВОГО СПОРИТЬ СВОИМЪ ТЕРПѢНІЕМЪ СО ВСЕЮ ПРИРОДОЮ.

СБИРАЯСЯ *играть Ужище*, КОСТРОМИТЯНЕ ВЕРУТЪ ВЕРЕВКУ — УЖИЩЕ, И ТОЛПАМИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ПУСТОШЬ. ТАМЪ, ДВОЕ ДЕРЖАТЪ ВЕРЕВКУ ЗА КОНЦЫ И ВЕРТАТЪ ЕЮ ВОКРУГЪ ПО ВОЗДУХУ. ВЪ СРЕДИНѢ ИХЪ СТАНОВИТСЯ ТРЕТІЙ, И НЕ ОТХОДЯ СЪ МѢСТА, ПРЫГАЕТЪ ВВЕРХЪ ТОГДА, КОГДА ДРУГІЕ ИЗЪ ВЕРЕВКИ ДѢЛАЮТЪ КРУГИ. ЭТО ЗАНЯТІЕ ИЗДАЛИ ПОКАЗЫВАЕТЪ, ЧТО ЧЕЛОВѢКЪ СТОИТЪ КАКЪ ВЫ ВЪ КРУГѢ. ЧТОБЫ СЫГРАТЬ УЖИЩЕ НАДОБНО ИМѢТЬ ЛОВКОСТЬ СВОЕГО РОДА: УМѢТЬ ВО ВРЕМЯ ПРЫГНУТЬ, УМѢТЬ КСАТАИ СОГНУТЬ ГОЛОВУ, УМѢТЬ ПРИСЛѢДОВАТЬ. НЕОБЫТНЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СЪ РАЗБИТОЮ ГОЛОВОЮ И РАСПИБЕННЫМИ НОГАМИ. БОЛѢЕ ВСЕГО СТРАДАЮТЪ КОСТРОМСКІЯ УШИ.

Въ Тульской губернии эту же самую игру совершаетъ одинъ мальчикъ, безъ всякаго вреда. Беретъ въ руки коротенькую веревочку, голову сгибаетъ къ коленнымъ, дѣлаетъ вверхъ прыжки, и въ тоже самое время вертитъ веревку кругомъ себя. Издали эта игра представляетъ видъ обращающагося колеса.

18. КОРШУНЪ.

Какой-то добрый гений внушилъ нашимъ предкамъ Коршуна, игру, любимую всеми сословіями. Можетъ быть олицетвореніе, переданное въ этой игрѣ, веселитъ Русское сердце. *Коршунъ* — строгій, въискательный семьянинъ, *Насвѣдка* — *сердолобивая* мать, скрывающая всѣ недостатки своихъ дѣтей, *Цыплята* — шаловливыя, мелодивныя дѣти — вполне выражаютъ старую Русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность Русской народности.

Въ хороший лѣтній вечеръ, когда семейства *столпляются* у воротъ, молодежь начинаетъ игру Коршунъ. Безъ затѣвъ въ Русскихъ играхъ ничего не бываетъ. Выбираютъ Коршуна съ большими затѣями и спорами — всякому хочется *поважничать*; меньше всѣхъ кричатъ о выборѣ *Насвѣдки* — это должность тягостная. Всѣ прочіе по неволѣ играютъ изъ себя *Цыплятъ*. Коршунъ сидитъ *одинъ одиноконекъ*, въ отдаленномъ мѣстѣ, въ положеніи довольно любопытномъ. Онъ долженъ со злобою смотрѣть на насвѣдку съ дѣтьми, скрежетать зубами, кусать себя пальцы, и покрикивать, довольно неудачно, по птичью, какъ коршунъ. Матка подходитъ къ Коршуну, за нею вытягивается длинный рядъ дѣтей. Картина Русская, неподдѣльная! Это народъ всѣхъ возрастовъ, это сцѣпленіе существъ, забывшихъ все земное, существъ — игривыхъ, добрыхъ, людей семейныхъ, Русскихъ. Коршунъ роетъ землю; насвѣдка *заводитъ* съ нимъ *рѣгги*:

Н. Коршунъ, Коршунъ! Что ты дѣлаешь?

К. Что? Рою землю, да ямку.

Т. I. Ч. 2.

Н. На что роешь ямку?

К. Чтобы денежку найдти.

Н. На что тебѣ денежку?

К. Иголку купить.

Н. На что тебѣ иголку?

К. Мѣшечекъ спитъ.

Н. На что тебѣ мѣшечекъ?

К. Соли купить.

Н. На что тебѣ соли купить?

К. Щи послать.

Н. На что тебѣ щи солить?

К. Одну половину съесть, а другою твоимъ дѣтямъ глаза залить.

Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?

К. Они мою городьбу разломали.

Н. А какъ высока была твоя городьба?

К. Вотъ смотри: Коршунъ бросаетъ вверхъ камень такъ высоко, сколько позволяютъ силы.

Н. Мою городьбу козель бородой достанетъ, да и той они не могутъ разломать.

К. Они буяны. Я ихъ истереблю.

Н. Они мол. Не дамъ. Шя! Шя! Злой Коршунъ! Долой злой Коршунъ! Шя! Шя! Шя! —

Раздосадованный Коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насвѣдка защищаетъ ихъ, дѣти укрываются за матерью. Шумъ, крикъ, визгъ, бѣганье; всѣ мѣры малосильной Насвѣдки противъ похителя остаются ничтожными. Коршунъ улаживаетъ дѣтей въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, онъ съ ними кидается на Насвѣдку щипать — за ея строптивый нравъ. Этимъ оканчивается игра.

19. ЛАПТА.

Игра Лапта составляетъ особенное увѣленіе мужчинъ, преимущественно лѣтомъ. Женскій полъ здѣсь отчужденъ: *всеобщій слѣхъ огласилъ бы дробушку въ глазахъ* подругъ, если бы разнеслась объ этомъ вѣсти въ *околодѣть*. Игру Лапту мы должны отличать отъ всѣхъ другихъ: это особенной родъ какой-то войны, гдѣ проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признаетъ эту игру за старинную, давность которой незапамятна дѣламъ и правдѣмъ. Ар-

ГЕОГРАФІЯ ПРИ ВСѢХЪ ОТКРЫТІЯХЪ, НИЧЕГО НЕ ГОВОРИТЬ О ПИСЬМЕНАХЪ, СОХРАНИВШИХЪ СЛѢДЫ ИГРЫ. РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ СОСРЕДОТОЧИВАЛАСЬ ВЪ ЖИЗНИ СЕМЕЙНОЙ, И ИЗМѢНЯЛАСЬ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ИЗМѢНЯЛАСЬ САМАЯ ЖИЗНЬ. ВЪ КОМЪ ТЕЧЕТЪ РУССКАЯ КРОВЬ, ВЪ КОМЪ БЬЕТСЯ РУССКОЕ СЕРДЦЕ, ТОТЪ СЪ ГОРДОСТІЮ УКАЖЕТЪ ЧУЖЕЗЕМЦУ НА СТАРУЮ РУССКУЮ ЖИЗНЬ, СУЩЕСТВУЮЩІЮ ВЪ БЫТУ СЕМЕЙНОМЪ. КОНЕЧНО, МНОГІЕ СЕМЕЙСТВА УДАЛИЛИ ОТЪ СЕБЯ МНОГО РУССКАГО, СТАРАГО; НО ОНО ПЕРЕСЕЛИЛОСЬ ВЪ СЕЛЕНІЯ И ГОРОДА, ГДѢ ЕЩЕ СОВРЕМЕННЫЯ ОБНОВЛЕНІЯ НЕ КАСАЛИСЬ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ, ГДѢ ИЗМѢНЕНІЯ ПОЧИТАЮТСЯ СВЯТОТАТСТВОМЪ, ГДѢ ВЛЮДУТЪ СТАРИНУ, КАКЪ СВЯТЫНУ. ВСЯ ЛЕСТНАЯ НАДЕЖДА ЧУЖЕЗЕМЦОВЪ РАЗОБРАТЬ ИСТОРИЧЕСКИ РУССКУЮ НАРОДНОСТЬ — ДОСЕЛѢ ОСТАЕТСЯ БЕЗЪ ИСПОЛНЕНІЯ. ЭТО ПРОИСХОДИЛО ЕДИНСТВЕННО ОТЪ ТОГО, ЧТО ДУМАЛИ ОТЫСКАТЬ НАРОДНОСТЬ ВЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ. ПРОСТИМЪ ЧУЖЕЗЕМЦАМЪ ЗА НЕЗНАНІЕ НАШЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ. МЫ ЗНАЕМЪ, ЧТО НАШИ ПРЕДКИ ЗАПИСЫВАЛИ ТОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ; ВСЕ ПРОЧЕЕ ХРАНИЛОСЬ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПО ОБЫЧАЮ И ПЕРЕДАВАЛИСЬ, ИЗЪ РОДА ВЪ РОДЪ. ПОКА МЫ НЕ ИЗУЧИМЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ, МЫ НЕ УЗНАЕМЪ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ. САМОЕ ЖЕ ИЗУЧЕНІЕ ДОЛЖНО СОВЕРШИТЬСЯ НАИПОДРОБНѢЙШИМЪ ОПИСАНІЕМЪ ОБЫЧАЕВЪ И ПОВѢРІЙ. БЕЗЪ ЭТОГО ВСЕ БУДЕТЪ НИЧТОЖЕ; БЕЗЪ ЭТОГО ВСЕГДА ИСТОРИЯ РУССКАГО НАРОДА БУДЕТЪ БЕЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ИГРА ЛАПТА, КАЖЕТСЯ, ПОЛУЧИЛА СВОЕ НАЗВАНІЕ ОТЪ ДЕРЕВЯННОЙ МАЛЕНЬКОЙ ЛАПТОЧКИ, УПОТРЕБЛЯЕМОЙ ИГРОКАМИ, А *лапта* И *мячъ* — КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИГРЫ СОСТАВЛЯЮТЪ ГЛАВНЫЯ ОРУДІЯ. ЧТОБЫ РАЗЫГРАТЬ ЛАПТУ, ИГРОКИ РАЗДѢЛЯЮТСЯ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ *матки* НА ДВА *половина*, ИЗЪ КОИХЪ ОДНА *служить*, А ДРУГАЯ *водитъ*.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВЫБИРАЮТЪ МАТОКЪ, ПОСЛѢ ВСѢХЪ ВОЗМОЖНЫХЪ ОПОРОВЪ. БЕРУТЪ ЛАПТУ, ПЛАКОУТЪ НА ЕЯ ОДНУ СТОРОНУ, БРОСАЮТЪ ВВЕРХЪ, ГОВОРИЯ: «*сухаго или мокраго тебѣ каздобно?*» ЕСЛИ ЛАПТА УПАДЕТЪ НА ЗЕМЛЮ СТОРОНОЮ СООБРАЗНО ТРЕБОВАНІЮ, ТОГДА ЭТОГО ИГРОКА ВЕЛИЧАЮТЪ *маткою*. МАТКИ НАЗНАЧАЮТЪ СВОЮ ПОЛОВИНУ. ИГРОКИ РАЗСТАВЛЯЮТСЯ ВЪ СТОРОНЫ ДЛЯ *согласія*. ПОДХОДЯ ПО ПАРНО КЪ МАТКАМЪ, ОНИ ЗАСТАВЛЯЮТЪ ЕЕ ВЫБИРАТЬ ИЗЪ СЕБЯ ТОЛЬКО ПО УСЛОВ-

НЫМЪ СЛОВАМЪ, НЕ ВЫРАЖАЯ ИМЕННО, КОМУ ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТЪ. ЭТО ДѢЛАЕТСЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МАТКА НЕ МОГЛА *подобрать* СВОЮ ПОЛОВИНУ ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ИГРОКОВЪ. НАБРАВШИ ПОЛОВИНЫ, МАТКИ НАЧИНАЮТЪ МЕТАТЬ ЖРЕБИИ: *кому служить? кому водить?* ГДѢ *быть германъ* ДЛЯ ИГРЫ?

ПОЛОВИНА ОБРЕЧЕННАЯ ЖЕРЕБЬЕМЪ *служить*, РАЗСЫПАЕТСЯ ПО РАЗНЫМЪ МѢСТАМЪ. ОДИНЪ СТАНОВИТСЯ У *игральной* ЧЕРТЫ—ОНЪ ДОЛЖЕНЪ *подавать* МЯЧЪ; ДРУГОЙ ИДЕТЪ НА *сердцевину*—ЛОВИТЬ МЯЧЪ; ТРЕТІЙ СТАНОВИТСЯ ПО *ловлямъ*—БОКАМЪ—ТАКЖЕ ЛОВИТЬ МЯЧЪ; ЧЕТВЕРТЫЙ КАРАУЛИТЪ ПОСЛѢДНІЮ *коновою* ЧЕРТУ. ПЕРВЫЙ, СТОЯЩІЙ НА ИГРАЛЬНОЙ ЧЕРТѢ, БРОСАЕТЪ ТОЛЬКО МЯЧЪ ВВЕРХЪ ИГРОКАМЪ; ВСѢ ПРОЧІЕ, ПОЙМАВШИ МЯЧЪ, ДОЛЖНЫ БИТЬ ИГРОКОВЪ, БѢГУЩИХЪ КЪ НОВОЙ ЧЕРТѢ.

ПОЛОВИНА, ОБРЕЧЕННАЯ ПО ЖЕРЕБЬЮ *водить*, СТАНОВИТСЯ ВЪ КРУЖЕКЪ НА ИГРАЛЬНОЙ ЧЕРТѢ. ОДИНЪ ВЕРЕТЪ ЛАПТУ, И БЬЕТЪ ЕЮ НА ЛЕТУ МЯЧЪ. ПРОВИВШИ, ИДЕТЪ НАЗАДЪ. НА ЕГО МѢСТО СТАНОВИТСЯ ДРУГОЙ, И ТО ЖЕ ДѢЛАЕТЪ. ВЪ ТО САМОЕ ВРЕМЯ КОГДА МЯЧЪ ОТЪ УДАРА ВТОРАГО БОЙЦА ЛЕТАЕТЪ ПО ПОЛЯНѢ, ПЕРВЫЙ БОЕЦЪ БѢЖИТЪ КЪ КОВОВОЙ ЧЕРТѢ, ИЗВѢГая ВСЯЧЕСКИ, ЧТОБЫ ЛОВИЛЬЩИКИ НЕ *поймали* ЕГО УДАРОМЪ ЭТОГО МЯЧА. ЕСЛИ ЭТО СЛУЧИТСЯ, ИГРА КОНЧАЕТСЯ.

КАЖДАЯ ПОЛОВИНА ОБЯЗАНА ВЪ СТРОГОСТИ ИСПОЛНЯТЬ СВОИ УСЛОВІЯ.

Половина служить ВМѢНЯЕТСЯ: ПОДАВАТЬ МЯЧЪ БОЙЦУ ТОЛЬКО ДО ТРЕХЪ РАЗЪ, ЕСЛИ ОНЪ НЕ УСПѢВАЕТЪ ЕГО ПОДБИВАТЬ ЛАПТОЮ; СТАРАТЬСЯ МЯЧЪ ЛОВИТЬ НА ЛЕТУ; ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ПОЛЬЗА ВСЕЙ ПОЛОВИНЫ—*перевести служить*. ЕСЛИ УСПѢВАЮТЪ ПОЙМАТЬ МЯЧЪ НА ЛЕТУ, ТО СТАРАЮТСЯ СХВАТИТЬ ЕГО КАКЪ МОЖНО СКОРѢЕ И БИТЬ ИМЪ БѢГУЩИХЪ ИГРОКОВЪ.

Половина водить ВМѢНЯЕТСЯ: БИТЬ ПО МЯЧУ ЛАПТОЮ НѢСКОЛЬКО ВРОСЬ, И КАКЪ МОЖНО СИЛЬНѢЕ; ОТЪ ЭТОГО ЗАВИСИТЪ НЕУДАЧА ЛОВИЛЬЩИКОВЪ. БѢЖАТЬ ОТЪ ЧЕРТЫ ДО ЧЕРТЫ СКОРѢЕ; НЕ ПОДАВАТЬСЯ МЯЧУ; ВЪ НЕУДАЧАХЪ ОБРАЩАТЬСЯ НАЗАДЪ, ПОКА ЛОВЦЫ ПЕРЕДАДУТЪ ПОДАВАЛЬЩИКУ МЯЧЪ. ЕСЛИ БОЕЦЪ

ПОЛУЧИТЬ МЯЧЕМЪ УДАРЪ НА ЧЕРТЪ, ТО ЭТО СЧИТАТЬ *не въ погетъ*; УДАРЪ НА ДОРОГЪ ЗАСТАВЛЯЕТЪ ПРИНИМАТЬ ПЕРЕДАЧУ.

20. ПЫЖЪ.

ПЫЖЪ, ИГРА ОПАСНАЯ, СЛУЖИТЬ ЛѢТНИМЪ УБЕСЕЛЕНІЕМЪ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ. ЭТА ИГРА, ОТПЕЧАТОКЪ КАКОГО-ТО БОЯ, ВЪРОЯТНО, ЗАВЕСЕНА КЪ НАМЪ СОСѢДЯМИ. НЕ ТАТАРЫ ЛИ ПРИНЕСЛИ ЭТОТЪ ГОСТИНЕЦЪ НАШИМЪ ДѢТЯМЪ?

ВЫХОДЯ НА ЛУГЪ ИЛИ ПУСТОШЬ, МАЛЬЧИКИ ВООРУЖАЮТСЯ ПАЛКАМИ, ДЛИНОЮ ВЪ 12 ВЕРШКОВЪ, ДОВОЛЬНО ТОЛСТЫМИ. ДЛЯ КОНА ОЧЕРТЫВАЕТСЯ ЧЕТВЕРУГОЛЬНОЕ МѢСТО, ВЪ СРЕДИНѢ КОТОРАГО СТАНОВИТСЯ *Пыжъ*, ПАЛОЧКА ОТРУБЛЕННАЯ ВЪ 3 ВЕРШКА ДЛИНОЮ. ВЪ ЭТОЙ ИГРѢ УЧАСТВУЮТЪ *игроки* и *вожатый*. ВЫБОРЪ *въ вожатые* ПРОИЗВОДИТСЯ ПО ОСОБЕННОМУ ЖЕРЕБЬЮ: КАЖДЫЙ ИГРОКЪ ДОЛЖЕНЪ ВЗЯТЬ ВЪ ПРАВУЮ РУКУ СВОЮ ПАЛКУ, А ВЪ ЛѢВУЮ ПЫЖЪ; ПОТОМЪ, БРОСИВЪ НА ПАЛКУ ПЫЖЪ, НАЧИНАЕТЪ *заковать*, И ТОТЪ, КТО СДѢЛАЕТЪ БОЛЬШЕ УДАРОВЪ ПАЛКОЮ О ПЫЖЪ, ОСТАЕТСЯ ИГРОКОМЪ, А КТО МЕНЬШЕ ВСТЪХЪ, ТОТЪ ВОЖАТЫМЪ.

ИГРОКИ СТАВЛЯЮТСЯ НА ОДНУ СТОРОНУ — *на гертю*, УСЛОВЕННУЮ ОТЪ КОНА. ВОЖАТЫЙ ОТХОДИТЪ ВЪ СТОРОНУ. ИГРОКЪ БРОСАЕТЪ ПАЛКУ ВЪ ПЫЖЪ, А ВОЖАТЫЙ БѢЖИТЪ ЗА ПЫЖЕМЪ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ ИГРОКА ВЗЯТЬ ПАЛКУ И СКОРѢ ВОРОТИТЬСЯ КЪ КОНУ. ВЪ ЭТОЙ ИГРѢ СОБЛЮДАЮТСЯ СВОИ УСЛОВІЯ:

ИГРОКЪ ДОЛЖЕНЪ ТАКЪ СБИВАТЬ ПЫЖЪ, ЧТОБЫ ОНЪ НЕ ОСТАВАЛСЯ ВЪ ЧЕТВЕРУГОЛЬНИКѢ, ЛЕТѢЛЪ ВЪ СТОРОНУ, НАРУШИТЕЛЬ СЕГО УСЛОВІЯ — ДѢЛАЕТСЯ ВОЖАТЫМЪ.

СБИВШИ ПЫЖЪ, ИГРОКЪ ДОЛЖЕНЪ БѢЖАТЬ ЗА СВОЕЮ ПАЛКОЮ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬ ЕЕ И ВОЗВРАТИТЬСЯ КЪ КОНУ ДО ПРИХОДА ВОЖАТАГО; ЕСЛИ ОНЪ НЕ НАДѢТСЯ СДѢЛАТЬ ЭТОГО, ТО ДОЛЖЕНЪ ОТБРАСЫВАТЬ ПАЛКУ НА ДАЛЬНЕЕ РАЗСТОЯНІЕ, И ВЫЖДАТЬ СЧАСТІЯ.

ВОЖАТЫЙ НЕ ДОЛЖЕНЪ ДОПУСКАТЬ КЪ КОНУ ИГРОКА СЪ ПАЛКОЮ; ОНЪ ДОЛЖЕНЪ СКОРѢ БРОСИТЬ НА КОНЪ ПЫЖЪ.

ВОЖАТЫЙ ДОЛЖЕНЪ ЗАМѢЧАТЬ: КТО ИЗЪ ИГРОКОВЪ, ПОСЛѢ ПРОБИТІЯ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ *на гертю отъ кона, не обмогивши палку въ четверугольничъ?*

ВЫЖИДАЮЩИЙ СЧАСТІЯ ИГРОКЪ НЕ ДОЛЖЕНЪ БРАТЬ ПАЛКУ ПРЕЖДЕ ПРОБИТІЯ ДРУГАГО, А ИНАЧЕ ОНЪ СДѢЛАЕТСЯ ВОЖАТЫМЪ.

ЕСЛИ ВСѢ ИГРОКИ НЕ УСПѢЮТЪ СБИТЬ СЪ КОНА ПЫЖЪ, ТОГДА ВОЖАТЫЙ БЕРЕТЪ ЕГО ИЗЪ ЧЕТВЕРУГОЛЬНИКА, ОТВѢРЯЕТЪ ШАГИ ПО УСЛОВІЮ, И БРОСАЕТЪ ЕГО ВЪ ПАЛКИ. НА ЧЬЮ ПАЛКУ УПАДЕТЪ ПЫЖЪ, ТОТЪ ДѢЛАЕТСЯ ВОЖАТЫМЪ.

ЕСЛИ БЫ КТО ИЗЪ ИГРОКОВЪ ЗАДУМАЛЪ СПОРИТЬ, ТО ИЗЪ НЕГО *выжимаютъ масло*. ЭТО ДѢЛАЕТСЯ ТАКЪ: ОДИНЪ ИЗЪ ИГРОКОВЪ ПРИЖИМАЕТЪ СПОРИЩИКА КЪ СЕБѢ, А ДРУГОЙ КЪ СЕБѢ — ПАЛКАМИ. СПОРИЩИКЪ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ СОГЛАШАЕТСЯ ПРОДОЛЖАТЬ ИГУ.

При *Чакowaniu* ПЫЖЕМЪ, ИГРОКЪ ДОЛЖЕНЪ ГОВОРИТЬ:

Чаки, чакочичи,
Маковы головочки,
Малечина, Калечина,
Сколько часовъ
До вечера, до зимняго.
Разъ, два, три [и далѣе].

21. СВАЙКА.

ИГРА СВАЙКА, КАЖЕТСЯ, ОДОЖЕНА СВОИМЪ БЫТИЕМЪ ТУЛЬСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ СЛОБОДѢ, ЖИВУЩЕЙ ОТДѢЛЬНОЮ СФЕРОЮ ОТЪ ВСѢХЪ ДРУГИХЪ СОСЛОВІЙ, ИМѢЮЩЕЙ СВОЮ ОСОБЕННОЮ ВЫГОВОРЪ СЛОВЪ, СВОИ ПРИВЫЧКИ, НЕЗАМѢТНЫЯ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ, СВОИ УБЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ ЗАНЯТІЯ, НЕДОСТУПНЫЯ ДРУГИМЪ ЛЮДЯМЪ. ВЪ РѢДКИХЪ МѢСТАХЪ ДРУГИХЪ ГУБЕРНІЙ МОЖНО СЛЫШАТЬ ОБЪ ЭТОЙ ИГРѢ.

ИГРОКИ ЗАПАСАЮТСЯ ДЛЯ ЭТОЙ ИГРЫ: *Свайкою*, ОРУДИЕМЪ СДѢЛАННЫМЪ ИЗЪ ЖЕЛѢЗА ВЪ ВИДѢ ОСТРАГО ГВОЗДЯ, СЪ ТОЛСТОЮ ГОЛОВКОЮ, ВЪСОМЪ ОТЪ 1 ДО 20 ФУНТОВЪ, И *кольцомъ желѣзнымъ*. ВЪ ТУЛѢ ИГРОКИ СБИРАЮТСЯ У ВОРОТЪ, И ИЗБРАВШИ МЯГКОЕ МѢСТО, НАЧИ-

иаютъ игру. Вся игра заключается въ условныхъ приемахъ.

Бросать свайку такъ, чтобы она прямо упала въ центръ кольца, или, воткнувшись въ землю, оттолкнула бы его на дальшее разстояние.

Свайка, воткнутая въ землю съ ударомъ о кольцо—считается за одинъ разъ, въ самое кольцо за два раза, а если она отероситъ его далеко, тогда пространство отъ свайки до кольца измѣряется *пирогами* — пяденью.

Если свайка попадаетъ въ кольцо и съ нимъ упадетъ, не воткнувшись въ землю, тогда игрокъ лишается всѣхъ выигранныхъ. Эту неудачу игроки называютъ: *захлебнулся, хомутъ на отца надъльзъ*.

Выигрышь считается до десяти и болѣе разовъ, смотря по сдѣланному условію, и кто ихъ болѣе сдѣлаетъ — говорятъ: *вышелъ*. Но, кто не сдѣлаетъ десятка, тогда какъ другіе *вышли*, долженъ *подавать свайку*.

Подавать свайку—значитъ—каждому игроку онъ долженъ, какъ виноватый, подавать это орудіе до десяти разъ, а тотъ, какъ ему только лучше, берется за свайку и глубоко вбиваетъ въ землю. Если игрокъ послѣ подачи попадаетъ въ кольцо, тогда проигравшійся снова долженъ подавать свайку до тѣхъ поръ, пока всѣ игроки пробьютъ *уреганиые разы*, пока никто изъ нихъ не попадетъ въ кольцо.

Проигравшійся подвергается большому насмѣянкамъ. Ему говорятъ: *«масло потекло»*—когда онъ отъ большихъ усилій запотѣетъ; *тильцо къ бильцу подползло*—когда онъ не можетъ вытащить свайку, глубоко забитую въ землю; *потный франтъ, до вѣзды говей, а леца подавай*—когда онъ вырывается изъ силъ и отказывается отъ игры; *не шорюкомъ шорю, проползай въ пору*—когда онъ беретъ щипки или что-нибудь другое для раскапыванія земли вокругъ свайки; *свѣтъ блѣду, какъ состоюу жему*—когда окончатъ свои труды. Глубо-

ко вонзившаяся въ землю свайка называется: *рылькой*.

22. АГАРУШКЪ.

Всматриваясь въ игру Агарушкѣ, (Огарышекъ?) мы невольно робѣемъ за дѣвицу старой Русской жизни. Зависть, злая утѣха пожилыхъ и некрасивыхъ дѣвицъ, кажется, избрала эту игру. Дѣвицы, снражась играть въ Агарушкѣ, напередъ обрѣкаютъ для себя *послѣднице* — тихихъ, скромныхъ, сиротливыхъ подругъ. Видно, что интриги и въ старину волновали сердца нашихъ бабушекъ.

Молодые дѣвицы и женщины сходятся играть на пустошь передъ вечеромъ. Садясь въ кружокъ одна подлѣ другой, выбираютъ изъ среды себя раскащницу, по большей части изъ богатыхъ, которая, обхаживая ихъ, приговариваетъ:

За черема,
За беремя,
За старого,
Петръ,
Петровичъ,
Егорычъ,
Трусъ,
Пеня,
Князь,

На которую достается слово: «Князь», та выходитъ изъ *сѣдалокъ*. Раскащница снова обходитъ ихъ съ присказкою, пока останется одна, съ которою она должна говорить по очереди. И та, которая изъ нихъ послѣдняя провнесетъ: «Князь», въжить. Подруги оставшіяся величаютъ:

Агарушкѣ!
Черной камушкѣ,
Ненадѣшкѣ,
А послѣдшкѣ.
Агарушкѣ!

Дѣвица—Агарушкѣ, осмѣиваемая игроками, бѣгаетъ за ними, и ловитъ ихъ. Пойманная дѣвица дѣлается помощницею ловилицы. Въ волю игроковъ бываетъ: переловить ли всѣхъ, или только двухъ?

23. ВЪТЧИНКА.

Игра *Вьтчинка* олицетворяет собою какое-то народное поучение. Не хотѣли ли этою игрою наши предки отучить молодежь отъ похищенія? Если она введена была въ старую Русскую жизнь съ этою нравственною цѣлю, то мы должны имѣть высокое понятіе о семейной жизни нашихъ предковъ.

Въ этой игрѣ молодежь прежде всего биваетъ въ землю *кольшекъ* и къ нему привязываетъ *веревочку*, длиною до 2 и болѣе аршинъ. Около кольшка кладутъ разныя старыя вещи. Въ деревняхъ употребляютъ для этого всегда старыя лапти. *Водырь*, обреченный по жеребью *водить*, беретъ въ одну руку веревку, а въ другую пруть. Игроки, подходя къ Водырю, спрашиваютъ:

Игроки. Поспѣла ли Вьтчинка?
Водырь. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Вьтчинка?
В. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Вьтчинка?
В. Кипитъ!
И. Поспѣла ли Вьтчинка?
В. Кипитъ.
Шевелеть,
Продаваться
Ведеть.

Съ послѣднимъ словомъ начинается расхищеніе Вьтчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается *изловить* похитителей прутьомъ. Если кто получитъ ударъ, тотъ заступаетъ мѣсто водыря. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока игроки растаскаютъ всю Вьтчинку. Когда же не будетъ *открыто до прѣма* похитителей, а Вьтчинка *несь, дождо жьмъ* растаскана, тогда *посльдуетъ порушаніе водырю* — наказаніе. Всѣ игроки берутъ по *пруть*, становятся въ два ряда. Водырь *вѣжитъ по шпринкъ*, преслѣдуемый игроками. Пощады въ этой игрѣ никогда не бываетъ.

24. СУЧКА.

Играетъ въ сучку, вѣроятно, ввели наши предки съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при-

учить дѣтей своихъ къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь все говорить о войнѣ. *Яма* изображаетъ собою *городъ*, *лунка* — *жилище*, *игроки* — *жителей*, защищающихъ свою собственность, *палки* — *оружіе* вообще, *вожатый* — *неприятеля*, *сучка* — какое-то *орудіе* неприятельское. Не много Русскихъ игръ, которыя бы выражали такъ отчетливо защиту собственности отъ пришельца, какъ эта.

Игроки выкапываютъ на пустоши *яму*, глубиною въ пол-аршина и столько же въ поперечникъ. По краямъ ямы каждый игрокъ выкапываетъ для себя маленькую ямку — *лунку*. Игроки всѣ должны быть вооружены палками, длиною въ 1½ аршина. Выкапываніе ямы и ямокъ совершается безъ домашнихъ орудій. Двое изъ игроковъ *скрецаютъ* къ землѣ палки, и кружатся до тѣхъ поръ, пока концами палокъ выколютъ яму. Для игры готовятъ еще маленькой чурбачекъ — *Сучку*. Вся эта игра, заключающаяся въ нападеніи и защитѣ, состоитъ въ строгомъ соблюденіи правилъ своего рода.

Для избранія *вожатого* игроки ставятъ палку на ногу, и потомъ бросаютъ ее съ ноги въ даль, какъ казаки пику. Чья палка ляжетъ дальше, тотъ игрокъ, а чья ближе, тотъ *вожатый*.

Игроки обязаны стоять у своихъ лунокъ, съ опущенными въ нихъ палками.

Вожатый стоитъ на условной чертѣ, бросаетъ въ яму сучку, говоря: «овсы!»

Игроки отбиваютъ сучку на условленной чертѣ палками. Этотъ отбой они называютъ: *заковка!*

Если вожатый такъ будетъ счастливъ, что съ перваго разу попадетъ въ яму, то онъ смѣняется другимъ.

Если игроки не *дадутъ вожатому на лету заковки*, и въ это время кто нибудь изъ нихъ побѣжитъ отъ лунки отбитать сучку, тогда вожатый въ правѣ занять чужую, пустую лунку, и быть игрокомъ.

Игроки изъ состраданія смѣняютъ вожа- того, если онъ, по неловкости своей, вы- вааетъ причиною долгой игры. Это назы- вается: *вытущаэкою*.

25. ЯША.

Свободные люди въ селеніяхъ съ боль- шимъ удовольствіемъ посвящаютъ время игрѣ *Яша*. Молодчики, красныя моло- дчики, стынныя дровушки только допу- скаются въ эту игру; старики, старушки, дѣти стоятъ и радуются на *потыгу дъ- вушекъ*. Люди опытные замѣчаютъ, что изъ этой игры *невидимо какъ-то стря- паются свадьбы къ Великоденскому мл- соуду*.

Яшу разыгрываютъ почти всегда осе- нью, иногда и весною, на лугу. Яша, из- бираемый всегда изъ молодчиковъ, садит- ся на землю; кругомъ его игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и приговариваютъ:

Сиди, сиди Яша,
Въ ракиотовѣ кусть;
Грызи, грызи Яша
Ореховы зерны.
Лови себя Яша,
Бога тебѣ нада;
Лови дѣвку
За русую косу,
Лови красну
За алую ленту.

Игроки, проговоривъ, разбѣгаются. Яша встаетъ и выираетъ себя дѣвицу съ ру- сою косю, съ алую лентою. Игроки окру- живъ Яшу, начинаютъ смѣяться надъ его выборомъ, приговаривая:

Выбралъ себя Яша
Рябую куклушку;
Выбралъ себя Яша
Черную кошку.
Уф! черную кошку!

26. БАБКИ.

По мнѣнію Грегора Русскіе обучились играть въ бабки. Древняя игра нѣхъ Астри- галось приняла у Русскихъ свое зна-

ченіе, и переименована въ разные приемы. Въ Русской семейной жизни эта игра за- нимаетъ самое почетное мѣсто, и нѣтъ мѣ- стечка, гдѣ бы она не существовала. Раз- нородность игры, своеобразныя названія вы- казываютъ вполнѣ изобрѣтательность на- шихъ предковъ усвоивъ себѣ чужое.

Въ игрѣ Бабки Русскіе употребляютъ надкопытную говяжью кость, которая по городамъ и селамъ составляетъ особенный родъ промышленности мальчиковъ. При про- дажѣ они считаютъ бабки: *гнѣздыми* — по двѣ кости, *шестерами* — по шести ко- стей, *битками* — самую большую бавку, *свинчатками* — бабки, налитыя свинцомъ для тяжести и ловкости, *гузунками* — вы- литыя изъ чугуна на подобіе бабокъ, *ку- дачками* — обтесанныя костяныя бабки для особенной игры. Самыя игры бабки, раздѣляются на безчисленные виды. Исчи- сляемъ нѣкоторые изъ нихъ,

Конъ за конъ. Игроки ставятъ на ров- номъ мѣстѣ по гнѣзду на битку. Потомъ опредѣляютъ условное разстояніе — *конъ*. Кому прежде начинать игру — *бить* и ко- му послѣ, о томъ мечутъ жеребьи. Для это- го игроки бросаютъ вверхъ бабки, съ осо- бенными уловками — *выстѣлкою*. Если бабка, упавшая на землю, ляжетъ на пра- вый бокъ, то это будетъ *плоцка* — стар- шая по игрѣ; если ляжетъ на спину, то будетъ *жогъ* — вторая по игрѣ; если ля- жетъ бабка на лѣвый бокъ, то это будетъ *ничка*, моложе всѣхъ. Игроки становясь на черту бьютъ битками по старшинству. Если спибутъ бабки, на кону стоящія, то ихъ считаютъ своимъ выигрышемъ. Когда они все проебютъ, тогда каждый переходитъ за конъ къ своимъ биткамъ, и бьетъ съ то- го мѣста, гдѣ лежитъ его битокъ; чья да- лѣ лежитъ: тотъ прежде начинаетъ и вѣль, а остальные доканчиваютъ игру по разсто- янію своихъ битковъ.

Плоцки. Игроки ставятъ на конъ по гнѣзду на битку, и потомъ мечутъ битка- ми, у кого ляжетъ — плоцка, жогъ, ничка. Игроки здѣсь плоцку называютъ *прави- номъ*, ничку *льенкомъ*. Если битка ля-

жеть ничкою, то игрокъ долженъ бить ею въ конь *съ левой руки*. Дальняя плочка даетъ право игроку на первенство бить прежде всѣхъ другихъ. Въ этой игрѣ игроки не переходятъ на конь бить во второй разъ.

Кудачекъ. Игроки собираютъ вмѣстѣ битки, потомъ мечутъ ихъ вверхъ, и чья ляжетъ жогомъ, то хозяинъ этой начинаетъ *отбивать гуля битки*. При отбивкѣ онъ говоритъ: *«разъ на кудачъ, два на кудачъ, три на кудачъ.»* Если онъ ударитъ по неосторожности другая битки, тогда перемѣтываютъ слова бабки, а если сбываетъ промахъ, то считаютъ проигрышъ.

Объ стѣнку. Игроки приходятъ къ забору и ударяютъ по очереди бабками объ стѣнку. Если второй игрокъ положитъ бабку такъ близко къ чужой, что пространство будетъ на одну *пядь*, тогда онъ выигралъ.

У коню. Игроки ставятъ на конь на каждую битку по *шестеру* бабокъ, потомъ мечутъ битки, и чьяхъ больше ляжетъ жогомъ, тотъ первый подходитъ къ коню и бьетъ по гвздамъ. Вся имъ свитыя бабки считаются его выигрышемъ. Успѣхъ въ этой игрѣ зависитъ отъ подтесаной битки.

Городокъ. Игроки ставятъ по гвзду изъ бабокъ — *городокъ*, въ видѣ *шестиугольника*, а въ серединѣ его помещаютъ три гвзда — *сердцевину*. После сего идутъ къ чертѣ и мечутъ битки. Плочка, жогъ даютъ право играть, а ницка оставляетъ игрока въ *домостьдажъ* т. е. безъ ничего. Здѣсь употребляютъ свинчатки и чулупки. Игрокъ долженъ свить прежде отъ черты городню, а если онъ *дотронетъ сердцевину*, тогда платятъ *пеню* по шестеру. Сердцевина, если останется по разбитіи городка *непогатово*, предоставляется въ пользу домосдвовъ

27. КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Кулачный бой въ Русской семейной жизни считался удалствомъ, приводившимъ некогда въ гордость и раздоры цѣлыя

селенія и города. Подвергать себя изъ доброй воли побоямъ, бить другихъ безъ пощады — было роскопнымъ веселиемъ для нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Дѣлность этой жестокой потѣхи остается на Руси незапмятною, такъ что старшинство ея усвоилось прежде многимъ городамъ. Было время, когда Русскіе бояре, собравшись побеселиться, свозили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для потѣшенія. *Бойцы Казанскіе, Калужскіе, Тульскіе* славилась предъ прочими, выдерживали сильный бой предъ Татарами, привѣзавшими въ Москву съ икрою и рысами, выигрывали больше залогъ, платили верѣдко за свою отважность жизнью. Кулачные бои начинались съ *зимлаго Николы* и продолжались до *Сборнаго Воскресенія*; но самый веселый разгулъ бывалъ на масляницѣ. Лѣтомъ рѣдко бывали бои, и то по приглашенію бояръ. Городскіе бойцы всегда брали преимущество предъ сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Больше всѣхъ почитался: *бой одинъ на одинъ*, за нимъ — *стѣна на стѣну*, а менѣе всѣхъ *сирмаллажъ-свалка*.

Лучшими бойцами одинъ на одинъ считались Тульскіе. Тамъ: *Алеша родимой, Никита Долговязъ, братья Походкинъ, семейство Зубовыхъ, Тереша Кункинъ* почитались чудо-богатырями, и съ почестью развозились по городамъ. Они *пярляли свои силы* съ Татарами, Калужанами, Москвичами. Замѣчательная черта этихъ бойцовъ состояла въ томъ: пить вино, за безчестье почитать подарки, предлагаемые боярамъ, и не *ходить стѣна на стѣну*.

Лучшими бойцами стѣна на стѣну доселѣ прославляются Казанскіе суковички. Всегдашніе ихъ враги были Татары. Въ Туль бой стѣна на стѣну бывали только у оружейниковъ съ посадскими. Бои формально назывались по днямъ. Охотники за долго поняи бойцовъ, однихъ *сманивали* подарками на свою сторону, другихъ *страшивали* угрозами. Охота къ такому бою походила на отъявленную страсть. Старики *по-задоривали* молодыхъ разсказами и обещаніемъ вѣтсья, молодые, въ ожиданіи *испытъ винца*, переходили съ стѣнъ изъ двора во дворъ, дѣти выходили

на *затравку*, и составляли предвѣстниковъ *сцѣплялки* изъ старыхъ и молодыхъ бойцовъ. Когда вѣлишь стѣна на стѣну, тогда записные бойцы *выдерживались* въ сторону съ толпою людей, угovarивавшихъ стоять за ихъ стѣну, и выпускались только тогда, когда неприятели пробивали стѣну. *Надежа боецо* лѣтъ въ шапкою въ зубахъ, вѣлъ груды на ось стороны, *лежага* не трогалъ; а пробивши стѣну, возвращался съ толпою *лѣтценовъ* прямо къ кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали въ рукавцы бабки чугунокъ для пораженія противниковъ.

28. РЪДЬКА.

Рѣдка считается любимую игрою женщинъ, дѣвицъ и молодчиковъ, послѣ *Оминой недѣли*, до *Петрова дня*. Любовь втерлась и здѣсь. Посидѣть на козляхъ у милой женщины — здѣсь не считается въ позоръ, и мужъ равнодушно смотритъ, когда его жена сидитъ у *молодаго парня на козляхъ*, когда онъ крѣпко сжимаетъ его жену. Этого требуетъ игра.

Любители игры выходятъ на лугъ, садятся одинъ къ другому на козляхъ, сѣдясь одинъ съ другимъ въ видѣ длинной гряды. Передній получаетъ названіе *бабушки*, а всѣ прочіе считаются за *рѣдку*. Является купецъ покупать рѣдку.

Купецъ. Бабушка! Продай рѣдичьки?
Бабушка. Купи, батюшка.

Купецъ осматриваетъ Рѣдку, пробуетъ на всѣ манеры, ощупываетъ, и старается *выдернуть*.

Купецъ. Бабушка! Нѣтъ ли щуплявой рѣдки?

Бабушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая, одна къ одной; выдерни себѣ любую на пробу.

Купецъ начинаетъ выдергивать — сколько есть сидѣт.

Купецъ. Бабушка! Твою рѣдку не выдернуть по доброй воле: уроста. Дай-ко косарикъ выкопать съ корнемъ.

Бабушка. Что ты, свѣтъ мой, позорить мою гряду. Потряси: выплыветъ, словно какъ изъ воды.

Купецъ начинаетъ трясти игроковъ, кого за голову, кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого либо изъ игроковъ, начинаетъ стряхивать объ землю, вытрясая будто изъ него соръ. Въ это время встаютъ всѣ игроки и пригоняютъ повоями купца.

28. КРЫНОЧКИ.

Крыночки — игра сельская, затѣйливая и чудная изображаетъ собою дѣтскія проказы. Здѣсь олицетвореніе высказало полную сельскую жизнь и сохранило занятія отжившаго поколѣнія.

Дѣйствующія лица въ этой игрѣ: *котъ*, *котова бабушка*, *дѣтки*; предметы: *крыночки* съ молокомъ, *изба*, *баня*. Котова бабушка, старая *доможилка*, сидитъ съ котомъ и караулитъ молоко. Голодные дѣтки, ея внучата, увибаются вокругъ *крыночекъ*; но надежда тщетная. Дѣтки приегаютъ къ обману. Одни подходятъ къ бабушкѣ, а другія садятся на *палатяхъ*.

Дѣтки. Бабушка! Гдѣ твой котъ?

Бабушка. Пошелъ глотать кости на поповъ дворъ.

Дѣтки. Чья это нога?

Бабушка. Натальяна жениха, ворачлута.

Дѣтки. Бабушка! Не хочешь ли ты въ баньку?

Бабушка. Какая у насъ банька?

Дѣтки. Наша баня золотая, каменка кашлинная, топилъ ребята по семи дней, а пару въ ней для семи деревень.

Бабушка. Какой вѣникъ?

Дѣтки. Вѣникъ шелковой, шелку Шамаханскаго, отбѣтъ у Татарины въ орду; заброшенъ на боярской дворъ, съ боярскаго принесть земчій.

Дѣтки снимаютъ котову бабушку съ пачки и относятъ въ баню. Бабушка парится; дѣтки выпиваютъ молоко и выютъ *крыночки*.

ки. Приходить котъ и мяучить. Бабушка *погуляй бѣду* и бѣжитъ изъ бани. Дѣтки разбѣгаются. Бабушка ловить ихъ съ котомъ, Кого прежде поймаютъ, тотъ дѣлается бабушкой; а потомъ ловятъ другаго, и этотъ превращается въ кота.

29. ЛАСЫ.

Игра *Ласы* занимаетъ дѣтей зимою. когда кончаются всѣ лѣтнія увеселенія. Эта игра выражаетъ родъ какой-то странной промышленности.

Когда выпадетъ первый снѣгъ, дѣти выдѣлываютъ изъ снѣгу шары, и обливаютъ ихъ водою. Эти шары называются Ласами. Соскучившись сидѣть дома, дѣти выходятъ на улицу и *похваляются* Ласами. *Замысловатые парни* продаютъ свои Ласы *дурнымъ* за бабки, по два и по три шестера за каждую. Потомъ начинаютъ играть. Избравши мѣсто, торгуются: *«продай коровку?»* — *Продажна* — отвѣчаетъ прокъ. Потомъ бросаетъ каждый изъ нихъ погою свою Ласу. После этого съ дальнею Ласою начинаютъ по договору за ударъ вѣть въ чужія Ласы. Если онъ попадетъ, то беретъ за выигрышъ условленную плату бабками; если же сдѣлаетъ промахъ, то самъ платитъ вдвое. Игра продолжается по желанію, всегда возве до чистаго проигрыша.

30. СИЖУ ПОСИЖУ.

Стелется на полу коверъ, сестрицы съ братцами садятся въ кружокъ. Дѣвушка, съ завязанными глазами, ходитъ въ серединѣ и приговариваетъ:

БРАТЦЫ, СЕСТРИЦЫ!
Прините меня.
БРАТЦЫ, СЕСТРИЦЫ!
Возьмите меня.

Дѣвушки отвѣчаютъ ей: *«Иди по насъ,»* — Дѣвушка подходит и садится къ кому нибудь на колѣни, приговаривая: *«Сижу — посижу.»* У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать. Посторонніе спрашиваютъ: *«У кого?»* — Если дѣвушка отгадаетъ это

лице, то ему передаетъ свою обязанность. Часто случается, что дѣвушка *сидитъ на посиживаетъ* на чужихъ колѣняхъ, особенно на братцовыхъ, притворяясь недогадливою.

31. ЧЕТЬ НЕЧЕТЬ.

Гостиницы, приносимыя отъ матушекъ, пакопляются въ такомъ количествѣ, что дѣвушки рѣшаются проигрывать ихъ будто на тѣ, какихъ у одной нѣтъ, а у другой много. Дѣвушки садятся за столъ, раскладываютъ гостиницы кучками и накрываютъ ихъ платкомъ. Начинается розыгрышъ. Одна спрашиваетъ: *Четъ или нечетъ?* Если другая отгадаетъ то или другое, тогда беретъ гостиницы себѣ, какъ выигрышъ, если не отгадаетъ, то сама отвѣчаетъ платежемъ въ такомъ же количествѣ. Затѣмъ ливья иногда закрываютъ пустое мѣсто, и та, которая не замѣтитъ обмана, расплачивается всѣми гостиницами.

32. ЧЕТКИ.

Нянюшки приносятъ пукъ тростниковыхъ палочекъ по числу дѣвицъ, и раздаютъ дѣвушкамъ для замѣтокъ. Опытная въ этой игрѣ, обираетъ палочки у *подругъ* и складываетъ ихъ вмѣстѣ съ *шумомъ* — палочкою длиннѣе прочихъ, Дѣвицы садятся на полъ въ кружокъ. Въ серединѣ ставятъ пукъ палочекъ вертикально, придерживая его за среднюю правую рукою, а лѣвою за верхушку *шума*, потомъ принимаютъ вдругъ правую руку, и палочки разсыпаются въ разныя стороны. Игра требуетъ, чтобы дѣвица поднимала *по одинакѣ* всѣ палочки, не трогая другихъ. *Удага* собирать осторожно палочки считается *дѣвечьимъ проворствомъ*. Завистливыя находятъ время говорить *разныя разности*, съ намѣреніемъ отвлечь ловкую дѣвушку. Проигравши въ этой игрѣ наказываютъ чѣмъ нибудь, смотря потому, какое напередъ было сдѣлано условіе.

33. КОЛЕЧКО.

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдаетъ нянюшкѣ, которая въ

кольцо продвѣваетъ длинную ленту, и связываетъ концы. Дѣвушки становятся въ кружокъ и держатся обонми руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью *кружиться*, ходитъ въ срединѣ отыскивать: «*у кого кольцо?*» Дѣвушки потихоньку передаютъ кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлеченія отыскивающей кольцо, производятъ непрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо, тотъ смѣняетъ кружившуюся дѣвушку.

34. КОЗА.

Дѣвушки выбираютъ изъ среды себя одну подружку *Козу*, которая, отдѣлясь отъ толпы, приближается къ стѣнѣ въ задумчивости. Игроки, подходя къ ней, *задаютъ рѣши*:

Дѣвушки. Коза, коза бя,
Гдѣ ты была?
Коза. Коней стерегла.
Дѣвушки. И гдѣ кони?
Коза. Они въ лѣсъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тотъ лѣсъ?
Коза. Черви выточили.
Дѣвушки. И гдѣ черви?
Коза. Они въ гору ушли.
Дѣвушки. И гдѣ гора?
Коза. Быки выкопали.
Дѣвушки. И гдѣ быки?
Коза. Въ воду ушли.
Дѣвушки. И гдѣ вода?
Коза. Гуси выжили.
Дѣвушки. И гдѣ гуси?
Коза. Въ тростникѣ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тростникѣ?
Коза. Дѣвки выломали.
Дѣвушки. И гдѣ дѣвки?
Коза. Замужъ вышли.
Дѣвушки. И гдѣ мужья?
Коза. Они померли.
Дѣвушки. И гдѣ гроба?
Коза. Они погнели.

Дѣвушки разбѣгаются въ разные стороны; коза преслѣдуетъ ихъ. Если она которую нибудь изъ нихъ поймаетъ за ленту косы, тогда пойманная получаетъ названіе козы, и игра начинается снова.

35. ГУСЕКЪ.

Гусекъ составляетъ отрадное утѣшеніе пожилыхъ людей лѣтомъ и зимою. Охотники до этой игры предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ, даже шахматной, наслаждаются Гуськомъ лучше всѣхъ утѣшеній. Для игры Гусекъ охотники покупаютъ въ щепныхъ рядахъ готовую доску, на которой красками изображена, двойною линіею, извилистая дорога, въ видѣ улочки. Между линіею, на условныхъ мѣстахъ, означены въ кружкахъ предметы: числа, гуси, постоялый дворъ, темница, кружало. Предъ началомъ игры, игроки мечутъ костями: кому сколько достанется очковъ.

Большинство очковъ даетъ право игроку ходить прежде, и ежели онъ успѣетъ поставить шашку на гуська, тогда можетъ ходить взадъ и впередъ, сколько есть знаковъ. Меньшее число очковъ заставляетъ часто заходить игрока или на постоялый дворъ, или въ темницу. Если онъ зайдетъ на постоялый дворъ, то обязанъ платить пеню за постой по условію; если же очутится въ темницѣ, то лишается уже очереди метать костями и обязанъ оставаться безъ игры до тѣхъ поръ, когда тоже сдѣлается съ другимъ. Выигрываетъ всегда остается за тѣмъ, кто по опредѣленному числу очковъ, имѣя право ходить взадъ и впередъ, дойдетъ до послѣдняго знака.

Безъ всякаго сомнѣнія, Гусекъ занесенъ къ намъ съ чужой стороны и, какъ кажется, подаренъ намъ Нѣмцами. Здѣсь только и есть Русскаго: постоялый дворъ и кружало, въ которыхъ замѣтно Русское удалство.

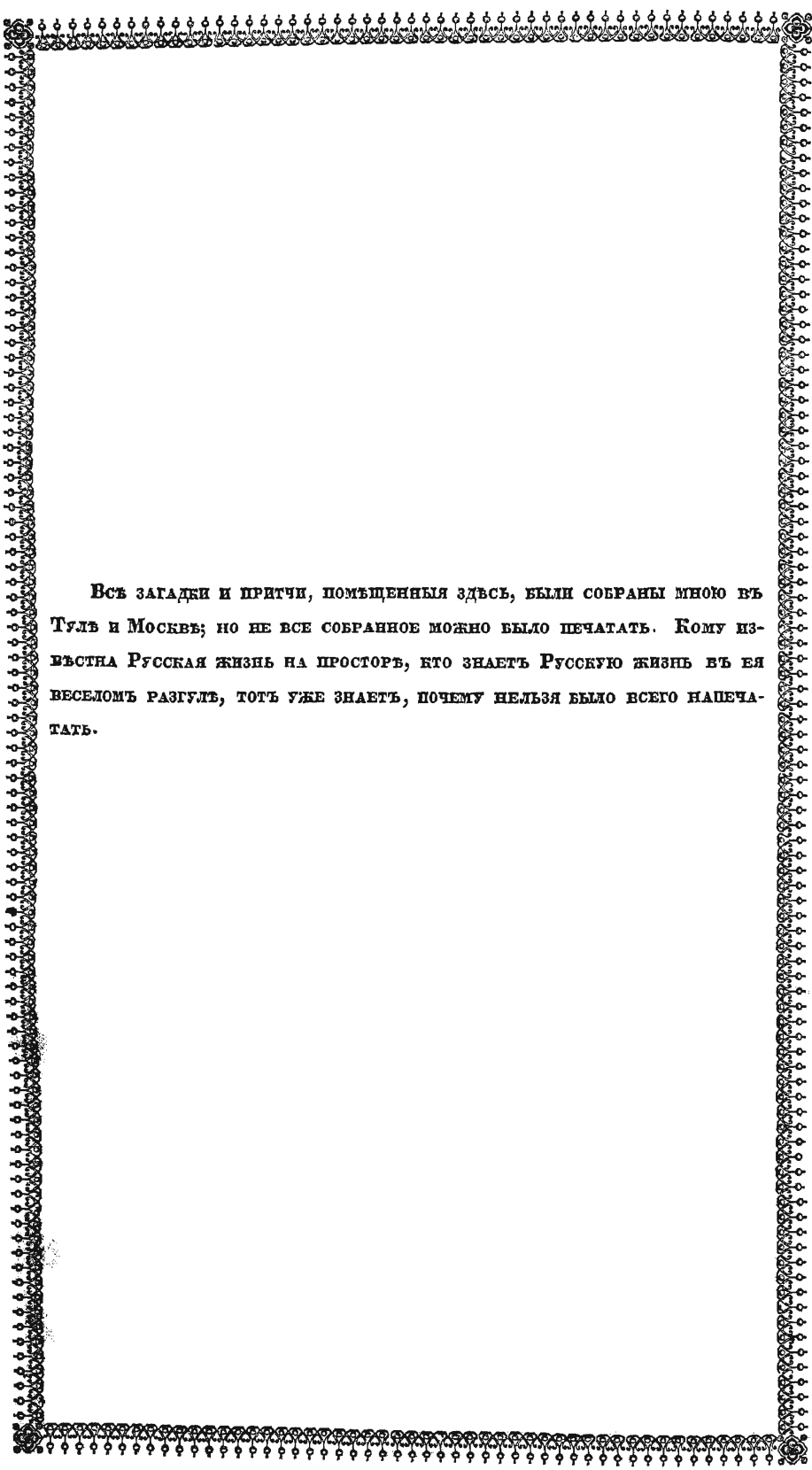

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРІТЧИ.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, семь загадокъ?
Загадай ты, сынь гостинной, хоть десятокъ.

A decorative border with a repeating floral or geometric pattern surrounds the text.

Всѣ загадки и притчи, помещенныя здѣсь, были собраны мною въ Тульѣ и Москвѣ; но не все собранное можно было печатать. Кому извѣстна Русская жизнь на просторѣ, кто знаетъ Русскую жизнь въ ея веселомъ разгулѣ, тотъ уже знаетъ, почему нельзя было всего напечатать.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ.

1. Смерть.

На морѣ на Окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала.
Видала Царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитя въ колыбели;
А того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало.

2. Роза-штовникъ.

Древо древоданское,
Листья лихохавскіе,
Цветы ангельскіе,
Когти дьявольскіе.

3. Булага и писецъ.

Ни небо, ни земля,
Видомъ свѣтла,
Садятся на ней
Темнообразныя птицы.
Два созирають,
Два сожидаютъ,
Одинъ повѣствуетъ.

4. Буйный вперъ, туза грозная, солнце ясное, сердце страстное.

Безъ крылъ летѣть,
Безъ ногъ бѣжить,

Безъ огня горѣть,
Безъ ранъ болѣть.

5. Слей, пчелы, жало, воскъ, медъ.

Стоитъ градъ на востокъ
Широкими дверьми,
Около его много воинства,
У каждаго война по кобыю.
Идетъ родъ Адамля,
Отпялъ у нихъ все имѣніе.
Вышнему слава, земному также!

6. Грудой младенецъ.

Живая живучечка,
Сидитъ на живомъ стулечкѣ,
Живое мясо терѣбитъ.

7. Грузи.

Бѣлый лебедь,
На блюдѣ не былъ,
Ножемъ не рушенъ,
А всякъ его кушалъ.

8. Махъ.

Маленькой крошка
Сквозь землю пронесетъ,
Красну шапочку напелетъ.

9. Перо.

Летѣлъ пань,
На воду палъ,
Воды не взмучилъ.

10. Небо, звезды, мѣсяцъ.

Взгляну я въ окошко,
 Раскину рогожку,
 Постю горошку,
 Положу хлѣба краюшку.
 Всякой видить,
 Да не всякой чуетъ.
 Кому светло,
 Кому темно,
 А мнѣ голуво.

11. Похороны.

Бѣгутъ бѣгунчики
 Ревутъ ревунчики,
 Не дышать,
 Не пышать,
 По сухому берегу вѣжать.

12. Казань капуста.

Подъ дубкомъ, дубкомъ,
 Подъ карабдышкомъ,
 Свилося клубкомъ,
 Да не камышкомъ.

13. Бѣлокъ съ желткомъ.

Во бѣломъ городѣ,
 Во темномъ подвалѣ,
 Стоять въ одной бочкѣ:
 Царево вино,
 Царицынъ медъ,
 Розно, несмѣшано.

14. Наперстокъ.

Шла свинья изъ волота,
 Вся исколота.

15. Серви.

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
 Колесы висять,
 Дѣвицъ красять,
 Молодцевъ пѣвять.

16. Мышь.

Подъ поломъ, поломъ
 Ходить барыня съ коломъ.

17. Вѣтрякъ.

Скручень, свѣднѣ
 По извѣ пляшеть.

18. Пѣсла и восковая свѣца.

Летитъ зѣврокъ
 Чрезъ Божій домокъ,
 Самъ съ собой говоритъ:
 Вотъ моя свѣца горитъ.

19. Огурецъ.

Безъ оконъ, безъ дверей
 Полна хранина людей.

20. Орѣхи.

Махотка маленька,
 Кашка сладенька.

21. Сито.

Сивая кобыла
 По торгу ходила,
 Къ намъ пришла,
 По рукамъ пошла.

22. Понеса.

Отъ поясицы до ногъ
 Семьдесятъ пять дорогъ.

23. Колесы.

Четыре брата на свѣтѣ:
 Два меньшіе впереди
 Два большіе позади,
 Спѣшать, бѣгутъ,
 Другъ друга не догонять.

24. Лодка.

Вду, вду,
 Слѣда нѣту;
 Рѣжу, рѣжу,
 Крови нѣту.

25. Звонъ колокольный.

Звонко звякнеть,
 Утка крякнеть,
 Свѣрайтесь дѣтки
 Къ одной маткѣ.

26. Припелюки.

Двѣ сестры страдаютъ,
 Въ каморку забираютъ,
 Взойдти не смѣютъ.

27. *Пегъ, оеонъ, дъльмъ.*

МАТЬ ТОЛСТА,
ДОЧЬ КРАСНА,
СЫНЪ ХРАБЕРЪ,
ПОДЪ НЕБЕСА УШЕЛЪ.

28. *Крестины.*

ПОДЪ ГОРОДОМЪ ПОДЪ БРЯНСКИМЪ,
ПОДЪ ДУБОМЪ ПОДЪ ЦАРСКИМЪ,
ДВА ОРА ОРАЮТЬ,
ОДНО ЯИЧКО БАЛЮТЬ.

29. *Зубы.*

ОКОЛО ПРОРУБКИ
СТОЯТЬ БѢЛЫЯ ГОЛУБКИ.

30. *Орѣхи, скорлупа, зубы.*

СТОЯТЬ КРѢПКО,
ВПСИТЬ СЛАВКО,
ОКОЛО НИХЪ ГЛАДКО,
У ВСѢХЪ ЕСТЬ СНАСТЬ,
ИМЪ ЖЕ ЕСТЬ СЛАСТЬ.

31. *Часы.*

СТУЧИТЬ, ГРЕМИТЬ, ВЕРТИТСЯ,
НИКОГО НЕ БОИТСЯ,
СЧИТАЕТЪ СВОЙ ВЪКЪ,
САМЪ НЕ ЧЕЛОВѢКЪ.

32. *Великой постъ.*

СТОИТЬ МОСТЪ
НА СЕМЬ ВЕРСТЪ,
НА МОСТУ СТОЛЕБЪ,
НА СТОЛЕБУ ЦВѢТЪ,
ВО ВЕСЬ СВѢТЪ.

33. *Дверь съ прилоками.*

ДВОЕ СТОЯТЬ,
ДВОЕ ЛЕЖАТЬ,
ПЯТОЙ ХОДЯТЬ,
ШЕСТОЙ ВОДИТЬ.

34. *Звонъ церковный.*

ВЫДУ НА ВЫВОЙ,
УДАРУ ВО БИЛБЕРДЫ,
УТВЪШУ ЦАРЯ ВЪ МОСКВѢ,
РАЗБУЖУ КОРОЛЯ ВЪ ЛЯТВѢ,

МЕРТВЕЦА ВЪ ЗЕМЛѢ,
ИГУМЕНЬЮ ВЪ КЕЛѢВѢ,
МАЛУ ДУПЮ ВЪ КОЛЫБЕЛѢ.

35. *Пожницы.*

ДВА КОНЦА,
ДВА КОЛЬЦА,
ПО СРЕДИНѢ ГВОЗДЪ.

36. *Игла съ ниткой.*

БѢЖИТЬ СВИНКА,
ЗОЛОТАЯ СПИНКА,
ЛЪННЯНОЙ ХВОСТОКЪ.

37. *Хлѣбъ.*

ЗАГАЮ Я ЗАГАДКУ,
БРОШУ ЗА ГРЯДКУ,
ВЪ ГОДЪ ПУЩУ,
ГОДОВИКЪ РОЩУ.

38. *Токъ.*

ДѢДУШКА ЛЫСЬ
НА НЕБО ГЛЯДИТЬ,
ВВУЧЕКЪ ЧЕРНОВРЪСЬ
ПО ЛЫСНИИ КЛЫЦѢ.

39. *Вилы.*

ШЛА СВИНЬЯ ИЗЪ АВИНУ,
РАЗМЫКАВШИ СЪНО ПО РЫЛУ.

40. *Варъги.*

РАЗМЫХЪ, РАЗМЫХЪ
МАЛУ МАХНУШКУ,
ПУЩУ БѢЛУ ГОЛЫШКУ.

41. *Казань.*

СТОИТЬ ПОПОКЪ,
САМЪ НИЗОКЪ,
СТО НА НЕМЪ РИЗОКЪ.

42. *Столъ.*

НА ШИРОКОМЪ ДВОРѢ,
НА ГЛАДКОМЪ ПОЛѢ,
СТОЯТЬ ЧЕТЫРЕ ПОПА
ПОДЪ ОДНОЮ ШЛЯПОЮ.

43. *Корова.*

ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРКИ,
ДВѢ РАСТОПЫРКИ,
СЕДЬМОЙ ВЕРТУНЪ,
ДВА СТЕКЛУШКА ВЪ ПЕМЪ.

44. *Сельга.*

САМЪ НАГЪ,
РУБАШКА ВЪ ПАЗУШКѢ;
САМЪ БѢЛЪ,
ДѢТКИ КРАСНЫ.

45. *Жукъ.*

ЧЕРЕВЪ ДА НЕ ВОРОНЪ,
РОГАТЪ ДА НЕ БЫКЪ,
ШЕСТЬ НОГЪ БЕЗЪ КОПЫТЪ,
ИДЕТЬ—ЗЕМЛИ НЕ ДЕРЕТЪ.

46. *Краснъ.*

РАСКИНУТЫ ТЕНЕТКИ,
ПРИЛЕТѢЛИ ЛЕБЕДКИ,
ТРУТЬ, МНУТЬ,
РАЗДВИНУТЬ, ВОТКНУТЬ.

47. *Пары водляны.*

БЕЗЪ РУКЪ, БЕЗЪ НОГЪ
НЕ МАЛЪ КЛОЧЕКЪ
КЪ ВЕРХУ ПОЛЗЕТЪ.

48. *Вльникъ.*

СТОИТЬ БРОФЕЙКА,
ПОДПОЯСАНЪ КОРОТЕНЬКА.

49. *Рубо-жойникъ.*

НАДЪ КИСЛОЙ РЪЖОЙ
КОЛОКОЛЬЧКИ ЗВОНКИ.

50. *Солнце.*

ИЗЪ ОКНА ВЪ ОКНО
ЗОЛОТО ВРѢВНО.

51. *Паутина.*

СТАРИКЪ ВѢЗЕТЪ ПО ГОРНИЦѢ,
МЕЛЫ ЛЕТАЮТЪ ПО ОКОЛАНЦѢ.

52. *Лошадь, корова, лодка.*

ПРИЛЕТѢЛИ НА ХОРОМЫ
ТРИ ВОРОНЫ;
ОДНА ГОВОРИТЬ:
МНѢ ВЪ ЗИМѢ ДОБРО,
ДРУГАЯ—МНѢ ВЪ ЛѢТѢ ДОБРО
А ТРЕТЬЯ—МНѢ ВСЕГДА ДОБРО.

53. *Котелъ съ водою.*

ПОДЪ КЛѢТОМЪ, ПОДЪ НАМЕТОМЪ,
СТОИТЬ БОЧКА СЪ ВОРОНЫИМЪ САЛОМЪ.

54. *Годъ.*

ОДИНЪ ДО ДВѢНАДЦАТИ РОДИЛЪ,
А ДВѢНАДЦАТЬ СЕМЬ ПОРОДИЛО,
ИЗЪ СЕМЕРЫХЪ ЧЕТЫРЕ ВЫРОСЛО.

55. *Мутовина.*

СТОИТЬ ИВИНА
ВСЯ ВЪ СУЧЬЯХЪ.

56. *Книга.*

ИДЕТЬ НИ МУЖИКЪ, НИ БАБА,
НЕСЕТЪ НИ СТИВЕНЪ, НИ ПИРОГЪ,

57. *Замокъ.*

МАЛЕНЬКОЙ ДА ГНУТЕНЬКОЙ
ВСЕШ ДОМЪ СТЕРЕЖЕТЪ.

58. *Зеленой лукъ.*

СИДИТЬ БАБА НА ГРЯДАХЪ,
ВСЯ ОДЕЖА ВЪ ЗАПЛАТАХЪ.
КТО НЕ ВЗГЛЯНЕТЪ,
ТОТЪ ВСПЛАЧЕТЪ.

59. *Коса.*

МАЛЕНЬКОЙ ДА ГНУТЕНЬКОЙ
ВСЕШ ЛУГЪ ОВОЩЕЛЪ.

60. *Перо писавъ.*

СОРВУ КОСМАТОМУ ГОЛОВУ,
ВЫВУ СЕРДЦЕ,
ДАМЪ ПИТЬ,
СТАВЕТЪ ГОВОРИТЬ.

61. *Богка съ краномъ.*

Стоитъ старикъ надъ рѣкой,
Самъ не пьетъ, другихъ поить;
Воду льетъ ни громъ,
Ни ковшомъ, а долотомъ.

62. *Овинъ.*

Стоитъ миронъ,
Полна голова воронъ.

63. *Грегиша.*

Черно, расколано,
Беретъ оскомина.

64. *Сонъ.*

Мила, перемила,
Свои очи насадила,
Хоть грѣхъ, жоть два,
А смерть хочется.

65. *Черемуха.*

Черненька, маленька,
Всему свѣту мленька.

66. *Вино и похмелье.*

Стоитъ море
На пяти столбахъ,
Царь говоритъ:
Потѣха моя,
Царица говоритъ:
Погябелъ моя.

67. *Сорока.*

Бѣла — какъ свѣтъ,
Зелена — какъ лугъ,
Черна — какъ жукъ,
Поетъ — какъ быкъ,
Повертка въ лѣсъ.

68. *Горшокъ.*

Жилъ нероня,
Умеръ нероня.
Никто его не хороня,
Ни попы, ни дьяки,
Ни мы дураки.

69. *Соль.*

На водѣ родится,
На огнѣ вырастаетъ,

Съ матерью увидится,
Опять умретъ.

70. *Ленъ прядутъ.*

Пять овечекъ стогъ подвѣдаютъ,
Пять овечекъ прочь отбѣгаютъ,

71. *Табакъ.*

Не пекутъ, не жуютъ,
Не глотаютъ, а все вкусно ѣдятъ.

72. *Колоколь.*

Кричитъ безъ языка,
Поетъ безъ горла,
Радуетъ и бѣдуетъ,
А сердце не чувствуетъ.

73. *Ракъ.*

Идетъ въ баню черенъ,
Выходитъ красенъ.

74. *Тынь.*

Ходитъ безъ ногъ,
Рукава безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.

75. *Денюги.*

Кругло, мало,
Всякому мило.

76. *Комаръ.*

Остро, негованѣ,
Коснусь поволово.

77. *Винилъ.*

Спжу на теремъ,
Мала, какъ мышъ,
Красна, какъ кровь,
Вкусна, какъ медъ.

78. *Дхо.*

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ.

79. *Шитосникъ.*

Сидитъ колюка на виллахъ,
Одѣта во багрянецъ,

Кто подойдет
Того кольнетъ.

80. *Уль.*

Ни тѣло, ни духъ,
А съ крыльями вокругъ,
Къ кому подлечу,
Какъ разъ научу.

81. *Муха.*

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ,
Кто взглянетъ,
Всякой угадаетъ.

82. *Орѣхи.*

Росло, повыросло,
Изъ куста повызло,
По рукамъ покатилося,
На зубахъ очутилося.

83. *Солнечный свѣтъ изъ окна.*

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

84. *Рыцарь съ дѣвицею.*

Бѣдетъ ораа,
Оглобя одна,
А дуги ни одной.

85. *Коса, трава, конна стѣна.*

Щука двинетъ,
Дѣсь вянетъ,
На томъ мѣстѣ городъ станетъ.

86. *Корова, ноги, рога, хвостъ.*

Четыре ходоста,
Два водоста,
Седьмой хвѣстунъ.

87. *Безменъ.*

Самъ худъ,
А голова съ худъ.

89. *Имя.*

Дорогой капиталъ
Всѣ души наплатитъ.

89. *Рыба.*

Кругла, да не дѣвка,
Съ хвостомъ да не мышъ.

90. *Лягушка.*

Безъ рукъ, безъ ногъ,
На всѣ стороны клонится.

91. *Птица въ клеткѣ.*

Не грѣшна
А повѣшена.

92. *Церковь.*

Клѣть плетена,
Она вверхъ сведена,
Сто рублей дана.

93. *Окошко.*

Дерну, подерну,
По вѣлому полотну.

94. *Мѣслацъ.*

Сивой жеребецъ
Подъ ворота глядитъ.

95. *Корзина.*

Вписитъ баба на грядкахъ
Вся въ заплатахъ.

96. *Въ огородѣ рожь.*

Косо, непрямо,
Куда ты идешь?
Тебя стерещи,
Зелено, кудряво,
Тебя стерещи.

97. *Игла.*

Маленькой; сухенькой
Всѣхъ одѣваетъ.

98. *Задвижка.*

У насъ, у васъ
Поросенокъ увязъ.

99. *Имя.*

На водѣ не тонетъ,
На огнѣ не горитъ,
Въ землѣ не гниетъ.

100. *Выты.*

БЪГУНЬКИ БЪГУТЬ,
СКРЫПУЛЬКИ СКРИПАЮТЪ,
РОГОВАТИКИ ВЕЗУТЬ,
МАХОВАТИКИ КОЛОТЯТЪ.

101. *Рышето.*

ДЫРЪ МНОГО,
ВЫЛЪСТЬ НЕ КУДЫ.

102. *Соплы.*

БЪДНЫЙ НА ЗЕМЬ КИДАЕТЪ,
БОГАТЫЙ СЪ СОВОЙ СВИРАЕТЪ,

103. *Погта.*

ВЪ ГОРОДАХЪ РУБАЮТЪ,
ВЪ ДЕРЕВНЮ ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ.

104. *Глаза.*

БРАТЬ СЪ БРАТОМЪ
ЧЕРЕЗЪ ДОРОЖКУ ЖИВУТЪ,
ОДИНЪ ДРУГАГО НЕ ВИДАЮТЪ.

105. *Ложки къ заикъ щей.*

БЪГУТЪ ГОЛУБОЧКИ,
КЪ ОДНОЙ ПРОЛУБОЧКЪ.

106. *Казанъ капуста.*

ЛАПНИКЪ НА ЛАПНИКУ,
А НГЛА НЕ БЫЛА.

107. *Письмо.*

БЪЛОЕ ПОЛЕ,
ЧЕРНОЕ СЪМЯ,
КТО ЕГО СВЕТЬ,
ТОТЪ РАЗУМВЕТЪ.

108. *Сердцевина древесная.*

РАВЕНЬ СЪ СВЪТОМЪ,
А СВЪТУ НЕ ВИДЕТЬ.

109. *Перо.*

ЧЕГО ЧЕРЕЗЪ ИЗЪЗУ НЕ ПЕРЕКНУЕШЬ?

110. *Дорога.*

ЧЕГО КЪ ИЗЪЗВ НЕ ПРИСТАВИШЬ?

Т. I. Ч. 2.

111. *Вода въ рышетъ.*

ЧЕГО КРУГОМЪ ИЗЪЗЫ НЕ ОБНЕСЕШЬ?

112. *Береза: 1 лугина, 2 сокъ, 3 вльмикъ, 4 береста для оплетенія горшка.*

СЪ ОДНОГО ДЕРЕВА
ДА ЧЕТЫРЕ УГОДЬЯ:
ПЕРВОЕ—ОТЪ ТЕМНОЙ НОЧИ СВЪТЪ,
ВТОРОЕ—НЕКОПАНОЙ КОЛОДЕЗЬ,
ТРЕТЬЕ—СТАРОМУ ЗДОРОВЬЕ,
ЧЕТВЕРТОЕ РАЗВИТОМУ СВЯЗЬ.

113. *Серпъ.*

МАЛЕНЬКОЙ, ГОРБАТЕНЬКОЙ,
ВСЕ ПОЛЕ ПРОСКАКАЛЪ,

114. *Ногсы, лотокъ.*

ЛЕЖИТЬ СВИНЬЯ
О ДВУХЪ РЫЛАХЪ.

115. *Вльмикъ.*

ПОДЪ ЛАВКОЙ ГУДОКЪ,
НА ПОЛУ ГУДОКЪ,
НАИГРАЕТСЯ ГУДОКЪ,
СЯДЕТЬ ВЪ УГОЛОКЪ.

116. *Лапки.*

ВЪ ЛЪСЪ ИДУ КЛѢТКИ,
ИЗЪ ЛЪСУ ИДУ КЛѢТКИ.

117. *Вячу.*

СТОИТЪ ГОЛЕННИЦЕ,
ВЪ ГОЛЕННИЦЕ СУСЛОЕ МАСЛО.
СМЪЛОСТЬ, БОДРОСТЬ,
И СМЕРТЬ НЕ ДАЛЕКО.

118. *Блота.*

МИЛОЙ МОЙ,
СПИТЬ СО МНОЙ,
ВЪ ТРАУРЪ ХОДИТЬ,
НЕ ЗНАЕТЪ ПО КОМЪ.

119. *Чужой клопъ.*

СТОИТЪ СЕДОРА,
ПРОСИТЬ СТОЯ,

13

МОЙ КУЛИКЪ ВЕЛИКЪ,
А ДЫРА ТО МАЛА.

120. *Блѣдность.*

НИ ДРОВЪ, НИ СВѣЧЕЙ,
ЧѢМЪ ИСПОНИТЬ ПЕЧЕЙ,
ВЪ ПРАВОМЪ СОЧЕЛЬНИКЪ,
ВЪ ЛѢВОМЪ ЧИСТОЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

121. *Блѣны.*

ПО ПЛѢШИВОМУ ХЛОПНУ,
НА ПЛѢШИВАГО КАПНУ,
ВЫНУ СТО ХОЛСТОВЪ,
НА СТО КОНЦОВЪ.

122. *Жернова.*

ДВА БАРАШКА ГРЫЗУТСЯ,
ПРОМЕЖЬ ИХЪ ПѢНА ВАЛИТЬ.

123. *Масло коровье.*

ЖЕЛТЕНЬКАЯ СОБАЧЬКА
ВЪ ПРОМЕЖУТОЧКЪ ЛЕЖИТЬ.

124. *Молоко.*

ЧИСТА ДА НЕ ВОДА,
КЛЕЙНА ДА НЕ СМОЛА,
СЪ ТРУДОМЪ ЕГО ДОСТАЮТЬ,
У КОГО НЯТЬ РАЗДАЮТЬ.

125. *Лука.*

ВОЗЬМУ Я ЗЕЛѢ,
БРОШУ ВЪ ЗЕМЛЮ,
КАКЪ ВЪ ВЕРХЪ ПОВѢЖИТЬ,
ТУТЬ ЕГО БУДУ КОСИТЬ.

126. *Дерево.*

И ЛѢТОМЪ ВЕСЕЛО,
И ОСЕНЬЮ СЫТНО,
И ЗИМОЙ ТЕПЛО.

127. *Пыльцъ.*

НЕ КНИЖЕЧЕЦКОЙ ПОРОДЫ,
А ХОДИТЬ СЪ КОРОВОЙ,
НЕ РАТНОЙ ѲЗДОКЪ,

А СЪ РЕМНЕМЪ НА НОГЪ,
НЕ СТОРОЖЕМЪ СТОИТЬ,
А ВСТЪХЪ РАНО БУДУТЬ.

128. *Каша.*

ЧЕРНА, МАЛА КРОШКА,
А УГОДЬЯ МНОГО ВЪ НЕЙ,
ВЪ ВОДѢ ПОВАРЯТЬ,
РЕБЯТА СЪѢДАТЬ.

129. *Ружье.*

ЛЕТИТЬ ОРЕЛЬ,
ДЫШЕТЪ ОГНЕМЪ,
ПО КОНЕЦЪ ХВОСТА
ЧЕЛОВѢЧЬЯ СМЕРТЬ.

130. *Хрипцъ.*

СОБОЮ НЕ ОРГАНЪ,
А ВЪ ЗУБАХЪ ИГРАЕТЪ.

131. *Собака.*

НА ДВОРѢ КАЛАЧЕМЪ,
А ВЪ ИЗБѢ ПИРОГОМЪ.

132. *Прозвоніе.*

КАКЪ НЕ БРОШУ,
КО ВСЕМУ ЛЬНЕТЬ.

133. *Силъ.*

ЗИМОЮ ГРѢТЬ,
ВЕСНОЮ ТЛѢТЬ,
ЛѢТОМЪ УМИРАЕТЪ,
ОСЕНЬЮ ОЖИВАЕТЪ.

134. *Блоха.*

МАЛА, А ПРОВОРНА,
ГДѢ БЫВАЕТЪ
ТАМЪ ПОВЕЛѢВАЕТЪ;
ВЪ ШАТЕРѢ ВЗОЙДЕТЬ,
БОГАТЫРЯ ПЕРЕВЕРНЕТЬ.

135. *Пирогъ.*

ВОЗЬМУ ПЫЛЬЮ,
СЪѢЛАЮ ЖИДКО,

Брошу въ пламень,
Будеть какъ камень.

136. *Солнце.*

Чего со стѣны не вырубилъ?

137. *Звѣзды.*

Взгляну въ окошко,
Стоитъ рыбы лукошко.

138. *Яцо.*

Кругла соловейка,
Кто тебя гладилъ?
Я сама гладка.

139. *Матица.*

Лютая свекровь,
Семейство стережетъ,
Свекровь разсердится,
Все семейство развѣжится.

140. *Огонь отъ сѣки.*

Днемъ спить,
Ночью глядеть,
Утромъ умираетъ,
Другой его смѣняетъ.

141. *Хлѣбъ.*

Временемъ разсѣваю,
Временемъ собираю,
Самъ есть бываю,
И людей кормлю.

142. *Миса съ ложками.*

Полно корыто
Людей набито.

143. *Богенюкъ.*

Безъ души родился,
Народу пригодился.
Дамъ пить — пьетъ,
 Попрошу — отдастъ.

144. *Собака.*

Собой не птица,
Пить не поетъ,
Кто къ хозяину идетъ,
Она знать даетъ.

145. *Подарки кумъ на прощеньный день.*

Семъ пересемъ,
Семущку носилъ,
Травушку купилъ,
Кумушку дарилъ.

146. *Квасная кадка въ подвалъ.*

Подъ поломъ поломъ
Стоитъ бабушка съ котломъ.

147. *Заслонка пегная.*

Двое парятся,
Третій толкается,
Когда открывается,
Вся сласть подымается.

148. *Глаза.*

Сидитъ птица Салоса,
Безъ крыльевъ, безъ хвоста,
И космата и горбата,
Куда ни взглянетъ,
Правду скажетъ.

149. *Яцо.*

Что въ стѣну не воткнешь?

150. *Ухватъ.*

Рогать да не быкъ,
Хватаетъ да не сытъ,
Людыжѣ отдастъ,
А самъ на отдыхъ идетъ.

151. *Садится верхомъ на лошадь.*

Лезу
По желѣзу,
На мягкую гору.

152. *Безменъ.*

У дѣда подъ крыльцомъ,
Виситъ дубина съ кольцомъ,
Налита свиномъ.

153. *Ленъ.*

Били меня,
Колотили меня,
Во вся чины производили,
И на столъ посадили.

154. *Чело у пегки.*

По сторону бѣлецъ,
По другую бѣлецъ,
По середки чернецъ.

155. *Рукомойникъ надъ логанкою.*

На морѣ невѣстка колыблется,
На небѣ деревья дивуются:
Какъ она, чортъ, не оборвется?

156. *Топоръ.*

Въ лѣсъ идетъ, свѣтитъ,
Изъ лѣсу идетъ, свѣтитъ.

157. *Дверь.*

Елка смахнется,
Вся люди оглянутся.

158. *Корецъ.*

Шуга на морѣ,
Хвостъ на горѣ.

159. *Уголья въ жаровню.*

Полный застычекъ,
Красныхъ яичекъ.

160. *Человѣкъ.*

Стоять вѣлы,
На вѣлахъ бочка,
На бочкѣ кивало,
На кивалѣ зѣвало,
На зѣвалѣ мѣгало,
На мѣгалѣ островъ,
На островѣ козы ходятъ.

161. *Морозъ.*

Самъ Самсонъ,
Самъ мостъ мостилъ,
Безъ топора, безъ клинья,
Безъ подклинья.

162. *Озимь.*

Подъ мостомъ,
Подъ яриномъ,
Лежитъ сѣно одногладомно.

163. *Комаръ.*

Летитъ птица,
Не крылата,
Не горвата,
Носикъ долгой,
Голосъ тонкой,
Кто ее убьетъ,
Человѣчью кровь прольетъ.

164. *Дорога.*

А се!
Я разлеглася.
Кабы я встала,
Такъ небо достала,
Кабы руки да ноги,
Я бы вора связала,
Кабы ротъ да глаза,
Я бы все рассказала.

165. *Роса.*

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Къ церкви ходила,
Ключи обронила,
Мѣсяць увидѣла,
Солнце скрало.

166. *Рукомойникъ.*

Курница съ хохломъ
Всякому поклонъ.

167. *Годъ.*

Стоутъ дубъ,
На немъ двѣдцать гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ
По четыре янца,
Въ каждомъ янцѣ
По семи цыпленковъ.

168. *Ластогла и гнѣздо.*

Шило,
Мотрошило,
Безъ угловъ изву сомшило.

169. *Рѣка.*

Между горъ,
Бѣжитъ конь вороной.

170. *Звѣзды на небѣ.*

Разсыпался корабль
По мхамъ, по морямъ,
По всѣмъ городамъ;
Не собрать того корабля,
Ни князьямъ, ни попамъ,
Ни думнымъ дьякамъ.

171. *Зубы.*

Полю подполье,
Бѣлыхъ лебедей.

172. *Домъ, бревна, мозгъ.*

На полъ на Романовъ
Стоять кони отобранны,
Пьютъ воду ключевую,
Бдять траву болотную.

173. *Глаза.*

Кругло, горбато,
Около махнато,
Придетъ бѣда,
Потечетъ вода.

174. *Сапогъ на ногъ.*

Кожана красонка,
Мутовка мясна.

175. *Мутовка.*

Ходить баранъ по подполью,
Тычетъ рогомъ по уголью.

176. *Грудь и дитя.*

Два комка,
Третья лакомка.

177. *Прорубь.*

Шува нова,
На подолъ дыра.

178. *Шитье сапогъ.*

Сквозь коня и коровъ
Свиньи ленъ волочать.

179. *Горьба.*

Три брата,
За панібрата,
Однимъ кушагомъ подпоясаны.

180. *Вороба для разматки пряжи.*

Четыре сестры
Бѣгать пустры,
Одна за другой,
Не догонять одной.

181. *Скоба въ зверякъ.*

Стару бабу,
За пубъ да за пубъ.

182. *Горшокъ.*

Вился, родился,
Мучился, встился,
Пошелъ, заплася,
Весь миръ засмѣлся.

183. *Дуга.*

Стану—такъ выше коня,
А лягу—такъ ниже kota.

184. *Мельница.*

Залаяла собачка
На Мурманскомъ,
Заревѣлъ медвѣдь
На Романскомъ,
Затопали кони
На Кирриловомъ полъ.

185. *Хлѣбъ въ пегм.*

Въ печурки
Два чурки,
Два гуса, два утки,
Два тетерева.

186. *Вязъ веревки.*

У нашего Дениса,
Сломилась ось,
И таратайка врось.

187. *Пряжа съ куделью.*

По локоть горбато,
По локоть мохнато,
По локоть въ кулакъ ушло.

188. *Грохъ.*

Мотовило,
Котовило,
По поднебесью
Ходило,
Встѣхъ устранило.

189. *Птичье гнѣздо.*

БЕЗЪ РУКЪ, БЕЗЪ ТОПОРЕНКА,
СОСТРОЕНА ИЗБЕНКА.

190. *Оконница.*

ПОЛОСЫ ОЛОВЯННЫ,
А МЕЖИ ДЕРЕВЯННЫ.

191. *Ружье.*

ДУДКА, ДУДА;
НА ДУДКѢ ДЫГА,
ДУДА ЗАТРЕЩИПТЪ,
СВННЬЯ УБѢЖИТЪ.

192. *Хлѣбъ.*

КОМОВАТО, ПОЗДРЕВЕТО,
И ГУБАТО, И ГОРБАТО,
И ТЯСЛО, И КИСЛО,
И ПРЕСНО, И ВКУСНО,
И КРАСНО, И КРУГЛО,
И ЛЕГКО, И МЯГКО,
И ТВЕРДО, И ЛОМКО,
И ЧЕРНО, И БѢЛО,
И ВСѢМЪ ЛЮДЯМЪ МЯЛО.

193. *Снѣгъ, земля, вѣтеръ.*

ОТЦОВА СУНДУКА НЕ ПОДНЯТЬ,
СЕСТРИНА ТОЧИВА НЕ СОРВАТЬ,
БРАТНИНА КОНЯ НЕ ПОЙМАТЬ.

194. *Глаза.*

ВОЗЖЕЧКИ НЕ ДОЛГИ,
~~НЕ КОРОТКИ~~
КРУГЪ ПОЛЯ ВСТАЛИ,
А КРУГЪ ГОЛОВЫ НЕ ДОСТАЛИ

195. *Оводъ.*

ЛЕТИТЬ ПО ПТИЧЬЮ,
РЕВЕТЬ ПО БЫЧЬЮ.

196. *Нозъ.*

НЕ СТУПАЕТЪ,
НЕ ВЪКЛЮЧАЕТЪ,
КО ВСЯКОМУ ПОДОЙДЕТЪ.

197. *Сынокосъ и стога.*

ЩУКА КОБУРА
ПО ЛѢСА ГУБИЛА,
ЛѢСА ПАЛИ
ГОРЫ ВСТАЛИ.

198. *Мѣсяцъ.*

ШЕЛЪ Я МЯМО,
ВИДѢЛЪ ДИВО:
ВИСИТЬ КОТЕЛЪ
О ДЕВЯНОСТО ВЕДЕРЪ.

299. *Вязъ геловтгескій.*

СТОИТЬ СТОЛЕБЪ,
НА СТОЛЕБЪ ЦВѢТЫ,
ПОДЪ ЦВѢТОМЪ КОТЕЛЪ,
НАДЪ ЦВѢТОМЪ ОРЕЛЪ,
ЦВѢТЫ СРЫВАЕТЪ,
ВЪ КОТЕЛЪ БРОСАЕТЪ,
ЦВѢТОКЪ НЕ УБИВАЕТЪ
И ВЪ КОТЛѢ НЕ ПРИВЫВАЕТЪ.

200. *Ведро съ коромысломъ.*

ДВОЕ КУПАЮТСЯ,
ТРЕТІЙ ДИВУЕТСЯ.

201. *Рукомойникъ.*

СЪЛА УТОЧКА НА ВЯЗЪ,
КТО ПОПРОСИТЬ, ТОМУ ДАСТЬ.

202. *Берега и ледъ.*

ОГЛОБИ ОСТАЛИСЬ,
А ДРОВНИ ПОМЧАЛИСЬ.

203. *Вѣтчикъ.*

ДНЕМЪ КУРИЦА РЕВРИТСЯ,
А КЪ НОЧИ ВЪ УГОЛѢ САДИТСЯ.

204. *Игла.*

МАЛЕНЬКА БОЛЫРНЬКА
ВСЕЪ МІРЪ ПОКРУЧАЕТЪ.

205. *Змѣя и ружье.*

ПОЗЛО ЗЛО,
ЗЛО СКВАТИЛОСЬ,
У ЗЛА ЖИЗНЬ ПРЕКРАТИЛАСЬ.

206. *Годъ тьсяцъ, перзья, день, ногъ.*

Выросъ кустъ изъ четырехъ мѣстъ,
На томъ кусту двѣнадцать гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы,
У каждой синицы по четырнадцать
яецъ:

Семь бѣленькихъ, да семь черненькихъ.

207. *Небо и земля, солнце и тьсяцъ,
день и ногъ, огонь и вода.*

Двое стоячихъ,
Да двое лежачихъ,
Да два здорника,
Да два разбойника,
Разорителя.

208. *Впникъ.*

Маленькой, горбатенькой
Весь полъ обьгаля.

209. *Кисель гороховой.*

Въ печь понесутъ жидко-горячо,
Изъ печи несутъ густо-холодно.

210. *Плотина, вода, работа.*

Замокъ водяной,
Ключъ деревяной
Зялецъ ушолъ
Ловець утонулъ.

211. *Постъ, мясопѣ, Пасха.*

Поддуба сухова,
Поддуба сырова,
Да макушка золотая

В А Р І А Н Т Ы

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ЗАГАДОКЪ.

Для 14.

Шла коза изъ Питера,
Вся спина истыкана.

Для 30.

Кругомъ гладко,
Въ середкѣ сладко,
На ту сласть
У всѣхъ есть сласть.

Для 34.

Взойду я, взойду на гой, гой, гой,
Ударю я, ударю во бигюль, рюль, рюль,
Утѣшу я, утѣшу Царя въ Москвѣ,
Царя въ Москвѣ, Короля въ Литвѣ.

Выду я, на гой, гой, гой,
И ударю я гой, гой, гой!
Разбужу Царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дятю въ колыбели
Попа въ терему.

Для 36.

Штучка одноручка,
Носичекъ стальной,
А хвостикъ льняной.

Для 37.

Загану загадку,
Кину чрезъ грядку
Годъ я жду,
Годовникъ возьму.

Для 58.

Стоить чудо
Въ семи углахъ,
Кто не взглянетъ,
Тотъ заплачетъ.

Для 98.

Клять плетена,
Въ верхъ ведена
На сто угловъ,
На полтретьяста рублей.

Для 108.

Съ лѣсомъ равенъ
А не видно его.

Для 129.

Летитъ птица орелъ,
Несетъ въ зубахъ огонь,
По перекъ хвоста
Человѣчья смерть.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИТЧИ.

1. Горшокъ.

Взять отъ земли, яко Адамъ,
Вверженъ въ печь, яко три отрока,
Посажень на колесницу, яко Фараонъ,
Повезень на торжище, яко рабъ,
Проданъ за двѣ лепты, яко хворостъ,
Пострадалъ отъ братій, яко Иосифъ,
Вывезень на догогу, яко земле страдное,
И поверженъ въ ровъ на посмѣяніе, яко

Давидъ.

Шла вѣтка двовица, зѣло увогая,
Подвѣла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и стала жить.

2. Притча Дарія Царя Персидскаго.

И повѣда Царь Персидскій притчу во всѣхъ странахъ.

«Стоять щить, на щить сидитъ заяцъ; прилетѣлъ соколъ и взялъ зайца; прилетѣла сова на щить и съѣла вмѣсто зайца.»

Аще вгадаете, людие, мою притчу, дамъ вамъ три кади злата и сребра.—И не вгада сию притчу ни единъ отъ человекъ. Приде въсь о единомъ окъ, повѣдая всемъ существимъ на землѣ: повѣдаю притчу вамъ, людие, за кадъ сребра и злата.» И приступиша людие къ въсу. И глагола имъ въсь о единомъ окъ:

Щить во—естъ земля; на щить сидитъ заяцъ—то есть правда на землѣ; прилетѣлъ соколъ и взялъ зайца—то взята правда съ земли на небо; прилетѣла сова вмѣсто зайца на щить—то съѣла на землѣ кривда.

Послаша людие къ Дарію, глагола: «Се отвѣтъ нашъ!» И присла Дарій людямъ три кади злата и сребра.

И почаша людие дѣлти злато и сребро по кадамъ, а въсу здѣ предстоящу. Насыпаша людие едину кадъ злата, и рѣкоша въсу: «Се наша кадъ есть.»—Добро есть вамше, людие—отвѣщава имъ въсь.—Насыпаша людие другую кадъ злата, и рѣкоша

въсу: «Се наша кадъ есть.»—Добро есть вамше, людие—отвѣщава имъ въсь.—Насыпаша людие едину кадъ сребра, и рѣкоша въсу: «Се наша кадъ есть.»—Добро есть вамше, людие—отвѣщава имъ въсь.—Подвѣлиша людие добро: овъ злато взя, овъ сребро. И ничто же оставя въсу. И обратиша людие кадъ, суцу пусту, вверхъ дномъ, и насыпаша златомъ дно, и рѣкоша: «Се твою есть добро.»—Видя въсь толику хитрость, отвѣщава: «Кривду дѣете, людие.»—И рѣкоша людие: «Кривой въсь! самъ рекъ еси ты, что взята бысть правда не небо, а здѣ кривда оставя.»

3. Трое.

Батѣка съ сыномъ, да батѣка съ сыномъ, да дѣдушка со внукомъ. Много ли стало?

4. Четверо.

Мать съ дочкой, мужъ съ женой, бабушка со внукомъ, отецъ съ сыномъ. Много ли стало?

5. Кумь.

Здравствуйте, братцы, моей жены дѣтки. Кланяйтесь своему отцу и моему отцу; скажите, что его жены мужъ пришелъ.

6. Сынъ.

Шуриновъ племянникъ, какая зятю родная?

7. Замыслы.

Звалъ Ячмень Пшеничку: «пойдемъ туда, гдѣ золото родится; мы тамъ будемъ съ тобою водиться.» Пшеничка сказала: «У тебѣ, Ячмень, длиненъ усъ, да умъ коротокъ; за чѣмъ намъ съ золотомъ водиться? оно къ намъ само привалится.»

8. Благоразуміе.

Шелъ мужикъ. На встрѣчу ему идуть мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. Мужикъ мужикамъ поклонился, по середѣ дороги становился. Послѣ того, мужикъ сплѣлъ шапку доловъ, да и Вѣтру поклонъ. Солнце сказала: «постой, мужикъ, вотъ я те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя не допущу.» Морозъ промолвилъ: «постой, мужикъ, я те заморожу.» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя отдую.»

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

**КАВЪНЪ ВОРЪ ПЕРЕКОВОРЪ
ДА ТЪВЪ ВО ДВОРЪ.**

Народныя преданія о старой Русской жизни сохранили намъ и бытъ семейный и заповѣданныя тайны нашихъ отцовъ. Въ старыя времена наши дѣды жили просто, безъ затѣвъ, жили по своему, не зная, что дѣлается въ другомъ городѣ, не заботились о томъ, что говорятъ объ нихъ другіе люди. Такая жизнь, въ свою очередь, сопровождалась приключеніями, и что ни городъ, то была пороть. Смѣшное и любопытное рѣзко разграничивалось и выставлялось на показъ. Въ дѣлахъ домашнихъ, гдѣ не касалось чужихъ людей, гдѣ каждый думалъ и гадалъ о себѣ, все было скрыто; но когда дѣла выходили изъ обыкновеннаго круга, тогда они были общественными, явными во всей Русской землѣ. Тогда-то заповѣданныя тайны разглашались повсюду, какъ угрозна, какъ городское посѣишище. Изъ этого источника родились народныя Присловія.

Въ наше время трудно доказывать, когда начались въ Русской землѣ народныя Присловія. Народныя преданія указываютъ только, что они когда-то существовали въ Русской землѣ. Преданія не Исторія, указываютъ на бывшее, но не назначаютъ времени. Достоверность ихъ не подвержена сомнѣнію. То, что переходитъ столѣтія безъ измѣненій, что говоритъ бывшее безъ преувеличаній, всегда справедливо. Таковы преданія.

Исторія нашей родины указываетъ намъ, что междоусобныя войны Удѣльныхъ Князей доводили города до непримиримой вражды: ожесточеніе и ненависть превосходили тогда всякое изображеніе. Обратите вниманіе на войны Москвичей съ Новгородцами, Рязанцами и Тверянами, когда народная ненависть управляла духомъ войны, и вы найдете въ нихъ источники народныхъ Присловій. Въ эти-то несчастныя времена, озлобленные, бессильные горожане выдумывали Присловія про другіе города. У нихъ сильный Князь и защита крѣпкая—говорили старики, когда имъ рассказывали о тишинѣ другаго города. Да можно имъ жить съ Татарами въ ладу, имѣя въ кладовыхъ награбленное богатство, говаривали Тверитяне, стѣсненные поборами, немогшіе удовлетворять Татарскихъ Баскаковъ, какъ Рязань и Москва. Городскія ожесточенія начались всегда съ того времени, когда дѣлки прѣзжали съ разнѣнными грамотами. Нарушеніе мира предоставляло полную свободу горожанамъ доискиваться чужихъ пороковъ.

Въ наше время народныя Присловія принадлежать уже Исторіи. Народныя преданія сохранили ихъ и передали намъ, какъ бывшее, какъ когда-то волновавшее сердца нашихъ предковъ. Смѣшно было бы, если мы принимали ихъ за современный намъ бытъ, когда они не только не принадлежать нашей жизни, но и всему нашему времени. Нельзя уже вѣрять, чтобы ослѣвленное самолюбіе могло еще дорожить ими и усвоивать ихъ своей мѣстности: для нихъ время прошло. Исторія ~~не можетъ~~ ~~всманя~~ ~~идеологич~~, равнодушно смотритъ на ослѣвленное современника и одну ~~бытъ~~ ~~передать~~ ~~потомству~~. Для народныхъ Присловій давно наступило потомство.

Не я первый принялся за обзоръ Русскихъ народныхъ Присловій; задолго до меня были люди, старавшіеся приурочить ихъ къ Исторіи. Въ XVIII вѣкѣ рассказывалъ объ нихъ мой дядя сородичамъ Березайскій въ анекдотахъ Пошеховцовъ, въ XIX И. М. Снегиревъ, въ своихъ Пословицахъ. Оба они глядели на этотъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и каждый изъ нихъ достигъ своей цѣли. Я же, что слышалъ про старину отъ стариковъ, то и рассказываю для будущаго времени.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

АРЗАМАЗЦЫ.

Гусятники.

АРХАНГЕЛЬЦЫ.

*Моржедьы. — Ивановиць, Ивановиць!
Слезь съ крыши; я къ тебѣ приѣхала.*

ЖЕНА КАКОГО-ТО АРХАНГЕЛЬСКАГО ПОСЕЛЯНИНА, СОСКУЧАЛАСЬ ПО МУЖЬ, РЪПНИЛАСЬ ИСКАТЬ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. ЗНАЯ, ЧТО ЕЯ МУЖЬ ПРОМЫШЛЯЕТЪ КРОВЛЕЮ КРЫШЕКЪ, ОНА НЕ СПРАШИВАЛА ЕГО ВЪ ДВОРАХЪ И ДОМАХЪ, А ВЫСМАТРИВАЛА ВСЕ ПО КРЫШАМЪ. ВДРУГЪ ЕЙ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО НА ОДНОЙ КРЫШѢ СТОИТЪ ЕЯ МУЖЬ. ДА, ЭТО ОНЪ, ТОЧНО ОНЪ, КАКЪ ЖИВОЙ СТОИТЪ, ДУМАЕТЪ ОНА. «ИВАНОВИЧЪ, ИВАНОВИЧЪ! СЛЕЗЬ СЪ КРЫШИ; Я КЪ ТЕБѢ ПРИѢХАЛА.» ПРОХОДИЩЕ БУДТО ЕДВА МОГЛИ УВѢРЯТЬ, ЧТО НА КРЫШѢ СТОИТЪ НЕ МУЖЬ, А СТАТУЯ.

БОЛХОВИТЯНЕ.

Рака съ звономъ встригали. Вотъ евоода къ намъ ползеть, щетинку въ зубахъ несетъ.

БОРИСОГЛЪБЦЫ.

Кислогляздые.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ЖИТЕЛЕЙ БОРИСОГЛЪБСКА Состоила прежде изъ сюрняковъ и клешичковъ. Дома и дворы ихъ, наполненные сими фабричными заведениями, издавали самый неприятный запахъ. Прохожие, проходя Борисоглѣвскъ, съ досады говаривали: Кислогляздые. Нынѣ этотъ цоврекъ совершенно уничтожился, и осталось одно преданіе.

БОРОВИЧИ.

Луковники. Луку, луку зеленаго!

ПОСЕЛЯНЕ БОРОВСКАГО УЕЗДА ИСКОНИ ЗАНИМАЛИСЬ ОГОРОДНОЮ ПРОМЫШЛЕННОСТІЮ, И ОСЕНЬЮ, ПРОВѢЗЖАЯ ПО СЕЛЕНІЯМЪ СЪ СВОИМИ ТОВАГАМИ, КРИЧАЛИ ВО УСЛЫШАНІЕ ВСѢХЪ: «ЛУКУ, ЛУКУ, ЗЕЛЕНАГО!»

БРЯНЦЫ.

Куралесъ. — Брянская каза.

ВЪ СТАРИНУ БРЯНСКІЕ ПОСЕЛЯНЕ СЧИТАЛИСЬ СТРАННЫМИ ЛЮДЬМИ У НАШИХЪ СТАРИКОВЪ. БЫВАЛО, ПОЕДУТЬ ЛНА ТОРГѢ, А ПРИѢДУТЪ ИЛИ КЪ КРУЖАЛУ, ИЛИ НА ГУМНО. ВЪ ЭТОМЪ ВИНОВАТЫ БЫЛИ ИХЪ ЛОШАДКИ, А ПОСЕЛЯНИНЪ, КАКЪ ВЫѢЗЖАТЬ ИЗЪ ДВОРА, ТАКЪ УЖЕ СПОКОЙНО ЗАСЫПАЛЪ. ПРОѢЗЖАЕ, ВИДЯ ИХЪ БЕЗПЕЧНОСТЬ, ПРОЗВАЛИ ИХЪ: КУРАЛЕСАМИ.

БѢЖЕЧАНЕ.

Колокольню рожкомъ подколотили.

ВЪ НЕЗАПАМЯТНОЕ ВРЕМЯ, ПО РАЗСКАЗАМЪ СТАРИКОВЪ, ПОСЕЛЯНЕ БѢЖЕЦКАГО УЕЗДА, БЫЛИ СТРАСТНЫЕ ОХОТНИКИ ДО ТАБАКУ И ДЕРЖАЛИ ЕГО ВЪ РОГѢ. КОГДА ЖЕ ХОТѢЛИ НЮХАТЬ ТАБАКЪ, ТО ВЫНИМАЛИ РОЖОКЪ И БЫЛИ ЕМЪ О ЛАДОНЬ ИЛИ САПОГЪ. КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТОТЪ ЦОВРЕКЪ ПРИПИСАЛИ БѢЖЕЧАНАМЪ РАСКОЛЬНИКИ, ГОНИТЕЛИ ТАБАКА.

БЪЛОЗЕРЦЫ.

Бьлозерскіе сметки.

Извѣстные Бѣлозерскіе сметки, продаваемые въ Русскимъ годамъ, доказали Бѣлозерцамъ это прозвание.

БУЕВЦЫ.

Буй да Кадуи горятъ три года искалъ, а Буй да Кадуи у воротъ сидѣлъ.—Буй городокъ отбей кошелекъ.—Долостыри. Лѣсники.

Есть народное преданіе, что когда-то Татары хотѣли разорить городъ Буй; но, не зная къ нему дороги, шатались изъ лѣса въ лѣсъ. Бувцы, смѣясь Татарскимъ Баскакамъ въ Москвѣ, говорили шутъ: «Буй да Кадуи чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуи у воротъ сидѣлъ.»

ВИТЕБЦЫ.

Волынка и гудокъ сбереги наши домокъ; сажа и борода разорили наши дома.

ВАРНАВИНЦЫ.

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ.

Санники.—Санникъ да телѣжникъ, а выпитъ не на земь.

ВИЧУГОВЦЫ.

Сафетошники.

ВЛАДИМИРЦЫ.

Клюковники.—По клюкоу, по клюкоу, по краснуо клюкоу.

Многіе изъ Владимірскихъ поселянъ хаживали зимою по городамъ съ клюковою и причитывали разныя присказки о своей клюковѣ. Горожане подмѣтили нхъ слова и обрели въ попрекъ.

Собирались гуляемъ на болотъ сидюги, они Суздальцы и Владимірцы и солнышко и гудокъ.

Эти присказки составлены изъ народной пѣсни въ селѣ Гуслицы про Владимірцовъ.

Деревянные печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.

Есть народное преданіе, что Владимірцы прѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвалы Володимиірскія, да съ досады и говорили: «Охъ вы, плотники! У васъ и всего де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.» Деревянная печь действительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ близъ Успенскаго собора; золотыя Владимірскія ворота получили свое названіе отъ золотой главы; желѣзная церковь, стоявшая тамъ близъ Рождественскаго монастыря, уничтожена была въ концѣ XVIII вѣка.

ВОЛОГОДЦЫ.

Теленка съ подковой съѣли.—Толоконники.—Толоконю Вологу замѣсили.

Старинная сказка о Вологодцахъ — какъ они толокно мѣсили въ Волгѣ—досель сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Говорятъ, что когда-то они собрались въ дорогу, и взяли съ собою вмѣсто хлѣба—толокна. Подходятъ къ Волгѣ; время было обеденное. Вотъ и расположились на берегу объѣдать. Кашеваръ вынулъ мѣшокъ съ толокномъ и сталъ разводить Дежень въ Волгѣ. Мѣшалъ, мѣшалъ ложкой, и сталъ подчивать земляковъ. Взяли ложки дружно Вологодцы, принагнулись и полезли въ Волгу за Деженемъ. Попробуютъ: вода, водой. Гдѣ Дежень? Никто не знаетъ, не въдаетъ. Пристали къ кашевару. Бѣдной, сколько не увѣрялъ, а долженъ былъ опустяся въ Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнетъ ни съ чемъ. Земляки не пускаютъ его на берегъ. Догадался кашеваръ, что дѣлать, а догаданнымъ, сказалъ: Водяной съѣлъ. На Водяномъ не будешь отыскивать, сказали Вологодцы, и воротились объѣдать въ свою деревню. Вадъ не голоднымъ же было идти въ путь?

ВЯЗМИЧИ

Пряничники — Ковершица съ анисолью. — Мы люди неграмотные, тырлим пряники неписанные.

ВЯТИЧАНЕ.

Вятская баталія. — Слѣпороды. — Вятка всему богатству мать.

Вятская баталія, говорятъ, происходила между Вятчанами и морскимъ чудовищемъ. Неизвестно, кто эту баталію перенесъ на лубочныя картинки.

Слѣпородами Вятчанъ прозвали по сль несчастной ихъ битвы съ Устюжанами. Это было въ 1480 году, когда къ нимъ они пришли, какъ сосѣди, на помощь противъ Татаръ. Вятчане открыли сраженіе противъ Устюжанъ ночью, подъ предводительствомъ Михаила Разсохина, а Устюжанами управляя Новгородскій выходець Аноаль. Съ разсвѣтомъ дня увидѣли они, что были своихъ сосѣдей, а не Татаръ.

ГАЛИЧАНЕ.

Корову на баню тащили. — Городъ Галичонъ, озеро Миронъ, а люди кривизги. — Овгичижи. — Тольконо весломъ ездить лѣтали, а толозна не достали.

Галичанъ наши дѣды называли кривичами по ихъ хитрости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ. Сказка о толокнѣ почти одинаковая съ Вологодскою.

ГЛУХОВЦЫ.

Полчиный табакъ.

ДАНИЛОВЦЫ.

Любимые ловцы Даниловцы невѣдавы. — Кошкодавы: кошку не купили, а на базиръ задавили.

ДѢДНОВЦЫ.

Масторы.

Есть народное преданіе, что Дѣдновцы, Рязанской губернии, отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ и солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе, спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: «хорошо.» Потомъ спросилъ и другихъ объ имени. Дѣдновцы, будто вообразили, что имя старосты ихъ направилось Царю, все до одного назвали Макарами. Государь, смѣясь, сказалъ: «Будьте же вы все Макарами.» Съ тѣхъ поръ Дѣдновцы слывутъ Макарами.

ДМИТРОВЦЫ.

Лягушечники.

Болота, окружающія Дмитровъ, всегда бывають наполнены лягушками. Прохожие и проезжие, проезжая чрезъ сей городъ, бывали оглушены бваканіемъ лягушекъ, и въ негодованіи провали и самыхъ жителей лягушками.

ЕЛЬЧАНЕ.

Сыгужики. — Радуга ушатъ воды вытла. Унасъ, въ Ельцѣ, на Сосятъ рѣцѣ, курица етенка [утенка] выела.

Одна Ельчанка когда-то лѣтомъ поставила на дворѣ ушатъ воды, чтобы солнышко нагрѣло воду, а сама занялась хозяйствомъ. Въ это время пришла корова и выпила воду. Приходитъ сынъ съ базара. Мать посылаетъ его посмотреть воду. Сынъ выходитъ на дворъ и видитъ: воды нѣтъ, а радуга распространилась надъ ушатою. Вотъ онъ и кричитъ своей матери: «МАТУШКА, МАТУШКА! Радуга ушатъ воды вышела.»

ЕФРЕМОВЦЫ.

Въ кашель кашу варили.

Ефремовцы много ходять съ обозами въ Москву, и всю съестную провизию кладутъ въ лычныя, плетеные кашели. Когда-то у нихъ вышелъ весь запасъ

каши; а безъ каши, известное дѣло, мужику жить нельзя. Въ чѣмъ же варить? Гдѣ горшокъ взять?—думали мужики, собравшись въ кружокъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «будемъ же, ребята, варить кашу въ кашель.» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Налъютъ воды въ кашель, засыпять крупы, посмотрятъ: крупы жѣлы, воды нѣтъ. Снова нальютъ воды, а вода опять пропадетъ. Выбѣлисы Ефремовцы изъ силъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «а що, ребята, невольтъ себя! будемъ варить кашу безъ воды?» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Разложили огонь, повѣсили надъ нимъ кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-Русски, вспомнили про кашу, да и всѣ пошли къ огню. Приходить—нѣтъ ни каши, ни кашеля — все стогрѣю.

ЕГОРЬЕВЦЫ.

Самъ ножъ тогитъ, а говоритъ: не бось!—Рудоменты.

ЗАДНЬПРОВЦЫ.

Задриганы.

Такъ Клевляне въ старину величали Запорожцевъ за ихъ неопрятность.

КАДУЕВЦЫ.

Бодошники.

КАЛУЖАНЕ.

Калужанинъ поужинаетъ, а Туликъ такъ ляжетъ.—Щагольщики: щаголь щалуетъ на осиновожъ дубъ, да воскогурнетъ: ткау! ткау!—Наша Калужа Москвы болтъи не болтъи, а калагами да квасомъ удаитъ.—Козла въ тѣстѣ соложомъ утопитъ.

Говорятъ, что старые Калужане, свираясь когда-то въ дорогу, дожидались какавиряной погоды. Свираться Русскому мужику неловко; другое дѣло кабы свора. Свора собралась мужики Калужане. Всякой гадалъ о погоду по

своему. Вотъ досталось одному по жеребью посмотреть: куда дуетъ вѣтеръ? Выходитъ на двогъ, вѣтра нѣтъ; идетъ на улицу, вѣтра нѣтъ; подходитъ къ погосту, сидитъ ворона на осиновожъ деревъ и кричатъ. Тутъ мужикъ вспомнилъ примѣты старыхъ людей, и бѣжитъ къ извѣ съ крикомъ: «О, ребята, буде, буде ведрушко. Щаголь щагуетъ на осиновожъ дубъ, а воскогурнетъ: ткау! ткау!»

КАЛЯЗИНЦЫ.

Сеиню за бобра купили. У нашего Макарья по три денгеи Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

КАШИНЦЫ.

Собаку за волка убили, да денгеи заплатили.

Когда-то Кашинцы собрались поохотиться. Своры были долги: да за то собрались всѣмъ городомъ. Вотъ и спрашиваютъ другъ у друга: что бить? Чѣ ловить? Миръ придумалъ, пригадалъ: бить волковъ. Далека ходитъ было некуда; лѣсъ росъ подъ ногами. Стали по облавамъ и ждуть звѣря. Бѣжитъ звѣрь немудрой. Кашинцы вскрикнули разомъ, подняли дубины, да и давай мачалить звѣря. Лежитъ звѣрь убитой, а какой? Тутъ только миръ спозналъ, что убита воеводина собака. Съ воеводой даромъ не сладить; собрали со всѣхъ дворовъ окупъ, да и помирились съ нимъ.

КАШИРЦЫ.

Шапку долой. А що? Глянь: все бо бопре.

КАШИРСКИЕ ПОСЕЛЯНЕ, ПРОѢЗЖАЯ СЪ БАРИЩИНЫ ПО КАШИРСКОЙ ДОРОГѢ, ПОВСЮДУ ВСТРѢЧАЛИ ИЗБЫ СЪ ТРУБАМИ, ВОРОТЫ СЪ РАСТВОРАМИ, САНИ СЪ КОЗЫРЯМИ, ТОЧЬ ВЪ ТОЧЬ КАКЪ НА БАРСКОМЪ ДВОРѢ. СТАРСТА АРТЕМА ОДЛАТЬ ПРИКАЗЪ МУЖИКАМЪ: «КОГДА ВЪЕДУТЬ ВЪ ТАКУ ДЕРЕВНЮ, ТО СНИМАТЬ ВСѢМЪ ШАПКИ.» СТАРО-

СТА БЫЛЪ МУЖИКЪ СМУШЛЕННОЙ И ДОГАДЛИВОЙ; ОНЪ ПРЕЖДЕ СЛЫХАЛЪ, ЧТО ВЪ ТАКИХЪ ДЕРЕВНЯХЪ ЖИВУТЪ ТОЛЬКО ГОСПОДА, И ПОТОМУ-ТО ВЕЛѢЛЪ МУЖИКАМЪ СНИМАТЬ ШАПКИ. ЛИШЬ ТОЛЬКО ВЪѢДУТЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ, МУЖИКИ УЖЕ ДРУГЪ ДРУГУ КРИЧАТЬ: «ШАПКУ ДОЛОЙ. А ЩО? ГЛЯНЬ: ВСЕ БО БОЯРЕ.» ПОСЛѢ ОТКРЫЛОСЬ ДѢЛО, ЧТО ВЪ ТАКИХЪ ДЕРЕВНЯХЪ ЖИЛИ НЕ БОЯРЕ, А ОДНОДВОРЦЫ.

Про Кашпирскихъ однодворцевъ въ народѣ известна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились предъ чортомъ. Чортъ, собравши виноватыхъ со всѣхъ деревень, положилъ ихъ въ рѣшето да и понесъ на базаръ продавать. Известное дѣло, что онъ не ходитъ, не ѣдитъ, а только летаеть. Поднялась буря. Чортъ давай разгонять бурю. Въ это время рѣшето повернулось, а однодворцы посылались на Кашпирскія поля. Съ тѣхъ поръ говорятъ, они живутъ тамъ цѣлыми селениями.

КИНЕШЕМЦЫ.

Суконщики. — Кинешма да Ргшма-кутша да мутша, а Сологда убитши платитъ.

К.ЛИНОВЦЫ.

Лопотники.

КОСТРОМИЧИ.

Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла. — Костромичи екугу, Ярославцы прогъ; они на руку не гисты; лавки растерлаи, по двораиъ искаи; было шестъ, сыскали семь.

КОЛОГРИВЦЫ.

Делтярники.

КОМОЕНЦЫ.

Чернонобые.

КРАПИВЕНЦЫ.

Стно съ колокольнымъ звономъ встрѣгали, а воеводы не видали.

Прослышали Крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились миряне въ праздничные кафтаны и съѣли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать воеводу, то послали десятскаго на колокольню, съ наказомъ: «какъ будетъ подѣвззать воевода, звони.» Заблудилась пыль по дорогѣ. Десяткою затрезвонилъ. Вышли миряне съ хлѣбомъ солью. Глядятъ: ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему-то миряне и ударилъ челомъ.

ЛИВЕНЦЫ.

Соломатой мостъ обломали.

Въ какое-то незапамятное время приѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводитчъ. Ливенцы наворили саламаты по горшку съ двора и повезли въ подарокъ воеводитчу. Поѣхалъ обозъ съ саламатой по мосту, а мостъ, никрытой, нишитой, възъ тычинокъ собранной, хворостомъ прикрытой, подъ соломатой провалился.

ЛЮБИМЦЫ.

Козу прыликомъ корми. — Водохлебы. — Не уги козу, сама стлнетъ съ вога, а прегиста рука все пригиститъ. — Девянацатой гасъ, а матушка съ миру не бывала.

Въ старину Любимскіе поселяне не живали дома, а переселялись въ поднощики по кружаламъ и харчевнямъ, гдѣ они, какъ страстные любители чаю, получили прозвание водохлебовъ и бухваловъ.

Въ незапамятную старину, двое Любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обонхъ были одни сапоги, да и тѣ надъли на разные ноги. Выѣхала лошадь. Дуга золоченая,

збруя ременная, лошадь некормленная. Будутъ, да останются: будто конь изъ хомута вонъ, будто конь горячь; а конь отъ голоду ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнуты: подь гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы въ десять. Конь все стоитъ тѣтъ же.

Шуку съ лицъ согнали.

Разнощники.

Мазепинцы. — Хохлы. — Чубы. — Хохолъ глупѣ воробы, а хитрѣе горта. — Москаль продалъ съ хохла понесъ на ярмаркѣ за три денъи, а хохалъ съ придагу пошолъ ни за калагъ, ни за денежку. — Цапъ едетъ сто барановъ на базаръ, а Татаринъ сто хохловъ въ Крымъ. — Чю сы за люди? Мы бо не люди, а Малороссіане. Козакъ, коли ни нѣе, такъ воши бѣе, а все таки не еуле.

Можайскій вѣтеръ.

Москвичи доселѣ такъ величаютъ Можайскихъ поселянъ людьми вѣтренными, въ торговыхъ дѣлахъ. Кажется, что это предовѣе дано было Можайцамъ еще въ старину, когда они переходили отъ Москвичей къ Шемьякъ и Полякамъ протѣвъ Князя Василья Васильевича Темнаго.

Гуторы: гуторили, гуторили, да и загуторили всеводу. — Матушка Заура! Не пошолъ нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то Мосали отправленъ цѣлымъ миромъ вѣстѣ старосту Гаврюшку прѣвѣдать въ Москву, почему проводящныя принимаютъ людей на заботки?

Староста въѣхалъ на саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрь. Время было на ростопели; рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ; съль въ сани, махнулъ кнотомъ по лошади да и въѣхалъ прямо на льдину, а Мосали провожали его вѣстѣ миромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ; икры пошли за икрами; старосту затерло во льдинахъ. Взвѣхались Мосали, припали къ берегу и стали голосить: «Матушка Заура! не пошолъ нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.»

Амчинина бы те въ дворѣ!

Когда-то Мецняне, обивенные льтомъ проѣзжими, вадумали зимой отыскивали виноватыхъ. Льтомъ было не до того имъ: то снѣжокъ, то жатва. Зимой другое дѣло: съ печи да на полати, съ палатей да на печь. Собрались миромъ и стали толковать: гдѣ же искать проѣзжихъ? Извѣстное дѣло: на постолыхъ дворахъ. Долго не думали, собгались вѣстѣ миромъ на однихъ саяняхъ, да отправились въ дорогу. Куда не прѣдутъ, вездѣ находятъ виноватыхъ. Расправа коротка: въ кнуты да въ дубины. Съ тѣхъ поръ Мценскіе дворники не могутъ равнодушно слушать, когда имъ говорить: «Амчинина бы те во дворѣ!»

Рака со звономъ встригали. — Московскій гасъ положилъ. — Съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи. — Москаль не великъ словескъ, да бѣ! [онасенъ]. — Правда Московская. — Москаля верти [обманывай]. — Вѣдь Москаля, полы срижи, да стейки. — Мать: кто иде? Дочь: Чортъ. Мать: Добре, догулика, а бы не Москаль. — Отъ горта открестись, а отъ Москаля дубиной не отобьешься. — Въ Москаль толсто звонять, да тонко пѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а болыше

деревенскаго пѣдѣть. — Вино какъ на Москвитинѣ, что изъ пидѣ живаго пѣты рѣжитъ. — Видно великъ городъ, это семь воеводъ.

Многие Московскія присловья принадлежатъ временамъ историческимъ. Такъ присловье: *Правда Московская* вышло отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ были челомя въ своей покорности. — *Видно великъ городъ, это семь воеводъ* — указываетъ прямо на Семивоярщину. Другіе же выдуманы Малороссіянами. Такъ присловье: *Московский гасъ пождди* — произошло отъ медленности въ дѣлахъ. Поговорка Москвичей: *сей часъ!* — надобла Малороссіянамъ.

МУРОМЦЫ.

Калашники. Вертягіе бобы. — Святоины.

Последнее присловье осталось за Муромцами съ того времени, когда они выгнали изъ своего города Епископа Василия, въ XIII вѣкѣ.

ПЕРЕХОНЦЫ.

Село Лутино, Арменки глупые, а Нерехта на умѣ наставитъ. — Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ. — Нерехонтскіе бѣгуны.

ПЕРЕХОНТСКІЕ ПОСЕЛЯНЕ ПОЛУЧИЛИ ПРОВАНІЕ БѢГУНОВЪ ОТЪ ТОГО, ЧТО ОНИ ЗИМОЮ ХОДЯТЪ СЪ БЕЗМЕНОМЪ ПО СЕЛАМЪ ПОКУПАТЬ ПРЯЖУ,

НОВГОРОДЦЫ.

Долбежники. — Гуцетъды. — Упрямъ, какъ Новгородецъ. — Ты вѣдь не Новгородской дворянинъ.

ДОЛБЕЖНИКАМИ МОСКВИЧИ НАЗЫВАЛИ НОВГОРОДЦЕВЪ ПО ИХЪ ДУБИНАМЪ, СЪ КОТОРЫМИ ОНИ ВЪ СТАРИНУ ХОДИЛИ НА

БОЙ. ГУЦЕЪДАМИ ПРОЗВАЛИ НОВГОРОДЦЕВЪ ЗА ПОСТНОЕ КУШАНЬЕ, ВО ВРЕМЯ ПОСТА ПРИГOTOВЛЯЕМОЕ ИЗЪ ОБОДРАННАГО ЯЧМЕНЯ, СВАРЕННАГО ВЪ ОДНОЙ ВОДѢ. ВЪ СТАРИНУ ХЛѢБОСОЛЬНЫЕ МОСКВИЧИ, ВЫГОВАРИВАЯ СПѢСЬВОМУ ГОСТЮ, ЧТО ОНЪ НЕ ПРИВЪЖАЛЪ КЪ ОБѢДУ, ГОВОРИЛИ: ТЫ ВѢДЬ НЕ НОВГОРОДСКОЙ ДВОРЯНИНЪ.

НИЖЕГОРОДЦЫ.

Бородка Нижегородка, а усъ Макарьевскій.

ДРУГІЕ ЭТО ПРИСЛОВЬЕ ИЗМѢНЯЮТЪ ИНАЧЕ: УСЪ МАКАРЬЕВСКІЙ — УСЪ АСТРАХАНЕЦЪ.

НОВОТОРЫ.

Города Коростеня, владѣе Олгино, народъ кривичи.

ВЪ НОВОГОРЖСКѢ ЕСТЬ ЕДИНЪ ГОРОДА ГОРОДИЩЕ, А ЖИТЕЛИ ЖЕЛАЯ ОСТАВИТЬ ЗА СОБОЮ СТАРШИНСТВО, ГОВОРЯТЪ: «МЫ ЛЮДИ СТАРЫЕ; ПРЕЖДЕ БЫЛИ ПОСАДСКІЕ ГОРОДА КОРОСТЕНЯ, ВЛАДѢНЬЕ ОЛГИНО, НАРОДЪ КРИВИЧИ.»

Новоторы воры.

ТАКЪ СЪ НЕЗАПАМЯТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ НОВОТОРОВЪ ВЕЛИЧАЮТЪ ОСТАШИ, А НОВОТОРЫ ОТВѢЧАЮТЪ ИМЪ ТОГДА НА ЭТОТЪ ПОПРЕКЪ: «И ОСТАШИ ХОРОШИ!»

ОЛОНЧАНЕ.

Олонцы добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто большіе съѣсть, тотъ и молодецъ. — У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все съ творогомъ. — Одинъ молодецъ пѣлъ хлѣба мяека, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатила, до рыкн тикалъ ногой, а воидл въ рыку, погулялъ, это-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло? подумалъ. Глядитъ: брюхо цѣло, ремень лопнулъ. Голову нагнулъ и шапку надѣлъ.

Всѣ эти старинныя присловья остались только въ народныхъ преданіяхъ Москвитей. Нынѣ только за Олончанами осталось одно присловье: добрыя молодцы.

ОНЕЖАНЕ.

Прохоровы дѣти. Прохоряты. — *Прохоръ письмо прислать, а лодырному велеть деньги собирать. — Во всей Олонеци нѣтъ тельги. — Лютюжъ воеводу на саняхъ возили по городу.*

ОРЛОВЦЫ.

Проломленныя головы. — *Орелъ да Бромъ перья соры, да и Караги на подрагу.*

ОДОЕВЦЫ.

Молодець, молодець! Продай за грошъ постныхъ яицъ?

Когда-то Одоевцы приѣхали въ Москву за товарами. Пришло время обеденное, вотъ они нарядили молодца—купить все нужное къ обѣду. Молодець идетъ на рынокъ и видитъ огурцы. Дивится Одоевецъ огурцамъ, а не знаетъ какъ ихъ назвать. Молодець! что-то за товаръ!—спрашивалъ Одоевецъ у Москвитча. Москвитя догадался, что птица налетѣла съверху, и давай говорить: «Постные яйца, снесли птицы заморскія, а къ намъ въ Москву приѣхали по Москвѣ рыкъ.» Да! подумалъ Одоевецъ, теперь Петровка; оно и кстати. Куплю же ихъ. И сталъ торговать: «Молодець, молодець! продай за грошъ постныхъ яицъ?»

ОСТАНИ.

Въ томъ обманѣ — Ермилъ. — Оловорити, оловорити да глѣ же? Ужъ и не говорити!

ПСКОВИЧИ.

Небо кольями подпирали.

Когда-то во Псковъ было долго несчастное время, тучи ходили низко, такъ низко, что православные думали небо валится на землю. Собрались на мирскую сходку подумать—какъ бы отбыть бѣду? Три дня Псковичи думали, а на четвертой приладили дѣло: «разобрать городъбы, да кольями подпереть небо. Разобрали городъбы и стали съ кольями по всемъ концамъ города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идетъ Посацкой по городу, самъ борода по кручивааетъ, на народъ поглядываетъ, посередь площади становится, а самъ говоритъ: «здорово-те православны!» Отбыла бѣда; идите по домамъ

Хочу, вскоцу, не хочу, не вскоцу.

Будто въ старину, когда просватывали невѣсту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередь полу, а невѣста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать: «Хочу, вскоцу, не хочу, не вскоцу.» Если она соглашалась, то становилась въ кругъ, а если нѣтъ, то начинала плакать.

ПЕНЕЖАНЕ.

Покупала по четыре денежки, продавала по деи грошкѣ. Барыша куца, куцей, а денегъ ни копеечки.

Одна Пенежанская крестьянка приѣхала когда-то изъ деревни въ городъ Пенегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда мужъ спрашивалъ у ней, что она дѣлала въ городъ? Жена ему отвѣчала вышеприведенными словами.

ПОШЕХОНЦЫ.

Слыпорды: въ трехъ соснахъ заблудились.— За сѣмъ веретъ комара искали,

а комаръ у Пошехонца сидѣлъ на носу. — На сосну лазили Москву смотрѣть.

О старинныхъ проказахъ Пошехонцевъ у насъ, на Руси, была издана особенная книга: Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ. Соч. Василія Березайскаго. Спб. 1798. Второе издание было напечатано въ 1821 году, съ прибавленіемъ Словаря. Но это собраніе Пошехонскихъ анекдотовъ состоитъ болѣею частью изъ произвольныхъ вымысловъ, а часть даже переведена съ Польскаго.

РЖЕВЦЫ.

Батьку на кобеля прогнали.

РОМАНОВЦЫ.

Схорони копы. — Барана въ зыбку казати.

Когда-то въ старину одинъ изъ Романовскихъ поселянъ угралъ ягненка. Встасковался хозяинъ по ягненку! нельзя жить безъ него—всѣмъ онъ говорилъ. Наложу рубя на себя—кричала его жена. Сжалились православные надъ вѣдниками, ударили въ набатъ. Сошлись миряне на сходку. Вотъ миръ и придумалъ: идти съ ковальнымъ обыскомъ по домамъ, а какъ виноватаго найдутъ—такъ безъ пощады въ рѣку утопить. Приходятъ къ вогу съ обыскомъ. Романовецъ, прослыша про мирской приговоръ, спеленалъ пеленка и положилъ въ колыбель. Входятъ миряне. Романецъ качаетъ барана, будто своего дитя. «А гдѣ, родимой, ты спряталъ-то барана?» говорилъ ему старикъ. «Вотъ вамъ правая рука! даю чрезъ мѣсяцъ дитя, и чтобы ему съ матерью на ножъ поторчать» — отвѣчалъ Романовецъ старикамъ.

РОСТОВЦЫ.

Вислоухіе. Лапшедьды. — Озеро соломою зажжати. У насъ ты, въ Ростовѣ,

геспоку ты, лука-ты много, а навозъ-ты все коневій.

Вислоухими—старики прозвали Ростовцевъ за зимнюю шапку съ длинными ушами; лапшедьдами—за любимое ихъ кушанье, лапшу.

Когда-то въ Москвѣ понадобилось много рыбы. Послали батраковъ съ наказомъ по городамъ: свозить рыбу въ Москву. Такія прибыльные вѣсти дошли до Ростова. Въ то время на дворѣ стояли Крещенскіе морозы. Озера всѣ замерзли. Думаютъ Ростовцы: гдѣ же взять рыбы? Не стать изъ снѣгу валить. Думали день, не придумали; на другой собрались и порѣшили: снѣгъ съ крышъ солому, да соломою и растопить озеро. Снесли солому съ крышъ и принесли на озеро. Ну, ребята, говорить староста, зажгай на счастливую!—Запылала солома, что твой Ивановъ день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ.

Кособрюхіе. — Мъшикомъ солнышко ловили. — Блинами острогъ конопатили.

Когда-то Рязанцы воевали съ Москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться ни кому не хочется. Вотъ Москвичи и догадались: пустить солнышко на Рязанцовъ: «остыпнуть де они. Тогда и безъ бою одолѣемъ ихъ.» Засвѣтило солнышко съ утра, а Москвичи и стали махать шапками на Рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце поворотило свой лѣвъ на Рязанцовъ. Догадались и Рязанцы: выскочили изъ мѣшочковъ толокно, и стали лѣвить солнышко. Поднимутъ мѣшочки вверхъ, наведутъ на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглядятъ вверхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопаное. Не одобровать намъ, говорили Рязанцы. Попросимъ миру у Москвичей; пускай солнце возьмутъ назадъ! Сдумали и сдѣлали.

Когда-то прогневался воевода на Рязанцовъ и грозилъ имъ большою вѣдой. Проходить годъ, проходить два, а воевода все не выдумаетъ большой вѣды. Наступила масляница. Запировали Рязанцы. Бьетъ воевода въ набатъ; сбѣраются православные на базаръ. Идетъ воевода, не кланяется, а подошеть къ людямъ, молвилъ: Вы, де и забыли, что острогъ не замощенъ. Канопатить скорѣй. До того ли Рязанцамъ вышло; у всѣхъ одно на умъ: бѣсны. Вотъ и придумали мужики всѣхъ бѣсновъ не повдигъ; постъ на носу. Законопатимъ острогъ бѣннами. Сдумали и сдѣлали. Идетъ воевода смотреть острогъ. Смотритъ: вездѣ крѣпко. Давно бы такъ то, говорилъ воевода Рязанцамъ, слушались меня.

СМОЛѢЯНЕ.

Якой губерни? Смоленской. Якого уезда? города Драгобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого боярина? Про то не вѣдали.

СТАРИЧАНЕ.

Плутуха встрѣгали съ яльбомъ съ солю.

Прослышали Старичане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозень посоль. Надо умягчить грознаго посла — говорили старики на мирской сходѣ. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь отъ васъ.» Придумали старики: напечь пироговъ съ яцами и идти за городъ съ поклономъ на встрѣчу къ послу. По сказанному, какъ по писанному, все было сдѣлано. Прибѣжали ребята съ поля, повѣдали всѣмъ: пришелъ грозень посоль, стоитъ у города; шуба на выворотъ; самъ низенекъ, а пошегетъ о пяти охватахъ, сжогъ не молвить, а шипеть только: «То не грозень посоль подходитъ къ старичамъ, а заде-

тель Индѣйской пѣтухъ. Вышли Старичане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали по старому, всѣ безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху: «Вотъ тебѣ пироги и яцы, не погуби гашь горо,» Старичи.»

СПАСЦЫ.

Откуда ты молодежь? Спаской купецъ? Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: салыными свѣщами и гнстымъ дехтемъ.

СТАРОРУССЦЫ.

Лошадь съгнали, да съ Новгорода писали, чтобъ еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ.

Грибовики.

СОЛИГАЛИЧАНЕ.

Бревенчики. — Известьяки.

СУЗДАЛЬЦЫ.

Мизенники. Мазаль. —

ТВЕРИТАНЕ.

Ряпушники. — Забьгай, забьгай! А кто? Не видишь, это куница бѣжитъ. Это собака съ Клементѣва деора. Ну, такъ пуская себя бѣжитъ.

ТИХВИНЦЫ.

Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.

ТОРОПЧАНЕ.

Таботерь. — Торопганина обманетъ Цыганъ, Цыганъ Жидъ, Жидъ Грекъ, а Грекъ горъ.

Говогать старики, что такое Новгородское присловье о Торопчанахъ

разошлось из Новгорода по всемъ городамъ, когда цыганъ выменялъ лошадей на лапти во всемъ Торопце.

ТУЛЯКИ.

Стальная душа. — Блоху на чутъ присяжи. — Бабука присядь, присядь, жижи летятъ. — Хорошъ залцъ, да тумагъ; хорошъ малой, да Тулягъ.

Очень, очень давно было, когда Тульские оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всемъ распросамъ, никто уже не помнитъ, тогда, говорятъ старожилы, они любили сидеть подъ мостомъ и встречать проезжихъ гостей. Въ эти-то времена они заслужили себѣ присловье «хорошъ малой, да Тулягъ.»

Въ старину Тульские оружейники бывали больше охотники до чужей и словесевъ. Съ начача весны они отплавлялись ловить по лѣсамъ пѣвчихъ птицъ. Когда-то отецъ съ сыномъ долго бродилъ по лѣсамъ, безъ всякой удачи. Отецъ влезъ на дерево посмотреть, а сынъ разставлялъ тенета и сыпалъ для приманки семячко. Вдругъ полетѣли чижки. Отецъ этого не видалъ: Сынъ кричитъ ему: «Бачика! присядь, присядь, чижки летятъ.» Отецъ все поспрашиваетъ вдалѣ. Съ досады и отчаянія потерять чижей, сынъ беретъ дубинку и сталкиваетъ отца съ дерева.

УСОЛЬЦЫ.

Огуречники.

УГЛИЧАНЕ.

Не бось, не бось, батюка! Вѣдь это не наше.

Было время, говорятъ старики, котораго давно никто не помнитъ, ненастное и голодное; въ это-то время

собрались Углицкіе мужики, отецъ съ сыномъ поворовать съ горы. Ночь была темная, а отецъ на вѣду еще былъ и подслышовать. Кѣтъ вышли изъ двора, то и дорога пропала. Провѣли третью пѣтухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. Поди, батько, такъ говорилъ сынъ отцу, ты посмѣльи меня. Какъ на вѣду, отецъ, куда не придетъ, вездѣ мерещится ему свой домъ. Сынъ указалъ отцу чужой домъ. Лезетъ старикъ на сыновнихъ плечахъ, и за что не дотронется, все какъ будто свое беретъ, а сынъ ему кричитъ: «Не бось, не бось, батько! Вѣдь это не наше!»

ХОЛМОГОРЦЫ.

Заугольники.

Когда-то Петръ Великій проезжалъ въ Архангельскъ, то Холмогорскіе старовѣры, изъ страха, боясь приблизиться къ Государю, смотрѣли на него изъ-за угла. Съ тѣхъ поръ будто сосѣди стали ихъ называть Заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ.

Чухломской рукосур! Рукалицы за пазухой, а другиля щецъ.

ШУЯНЕ.

Кабы миль кряпкаго мыльца.

КОРЬЕВЦЫ.

Китайшники.

ЯРОСЛАВЦЫ.

Блательцы. Ярославъ городокъ, Москвы уголокъ. — Пудъ мыла извели, а родилаго пятна у сестры не смыли.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Г. КНИГИ СИВИЛЛЪ.

Книги Сивиллъ, известныя нашимъ предкамъ, доселѣ сохраняются въ спискахъ, различныхъ по содержанию и по составу. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на старые списки.

1. ТРОИЦКІЙ СПИСОКЪ: О СИВИЛЛАХЪ, koliko ихъ было. Историкографъ, Н. М. Карамзинъ полагалъ, что этотъ списокъ написанъ Максимомъ Грекомъ [Н. Г. Р. т. VIII прим. 241]. Онъ находится въ Библиотеке Московской Троицкой Лавры.

2. РУМЯНЦОВСКІЙ СПИСОКЪ, находящійся въ Семъ Музеумъ, отличается изяществомъ изображеній Сивиллъ и письмомъ. Заглавіе его: *«Книга о Сивиллахъ, koliko быша, и кими именованы и о предсказаніяхъ ихъ.»*

ТОЛСТОВСКІЕ СПИСКИ, числомъ семъ, находятся въ Императорской Публичной Библиотеке. Изъ нихъ:

1. ПРОРИЦАНІЕ СИВИЛЛЪ. Списокъ помѣщенъ въ хронографъ отдельною статью на 938 листъ. См. Росп. Телст. отдѣл. I. № 129.

2. СКАЗАНИЕ О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХЪ, СИРЬЧЬ ПРОРОЦІАХЪ. Списокъ помѣщенъ отдельною статью въ рукописи на 306 листу. См. Росп. отдѣл. I. № 141.

3) СКАЗАНИЕ О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХЪ, СИРЬЧЬ ПРОРОЦІАХЪ. Списокъ помѣщенъ въ полууставной рукописи отдельною статью на 177 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 65.

4) ИЗЪ КНИГИ МУДРЕЦА МАРКУСА О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХЪ. Списокъ помѣщенъ отдельною статью въ рукописи на 260 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 140.

5) ИЗЪ КНИГИ МУДРЕЦА МАРКУСА О ДЕСЯТИ СИВИЛЛАХЪ. Списокъ помѣщенъ отдельною статью въ рукописи на 237 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 18.

6) ПРОРИЦАНІЯ ДРЕВНИХЪ СИВИЛЛЪ, съ разкрашенными ихъ изображениями. Списокъ помѣщенъ отдельною статью въ рукописи на 413 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 217.

7) МУДРЕЦА МАРКУСА ИЗЪ ЕГО КНИГИ О ДЕСЯТИ СИВИЛЛАХЪ. Списокъ помѣщенъ отдельною статью въ рукописи на 48 листу. См. Росп. отдѣл. III, № 86.

Списокъ Румянцовскій писанъ на толстой Александрійской бумагѣ, въ полуставѣ, крупнымъ полууставомъ. Заглавныя буквы въ отдельныхъ описаніяхъ написаны золотомъ, а въ срединѣ кинноварью. При этомъ списокъ приложены изображенія двѣнадцати

Сивилль, писанныя масляными красками на холстѣ, съ золотыми полями. Въ концѣ книги, на листу 92, находится следующее послѣсловіе:

«Богу въ Троицъ славному, благопоспѣшествующему, совершися и издася сія новая книга повелѣнемъ Великаго нашего монарха, Царя и Августа Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ лѣто 715¹, мѣсяца Октоврія въ 1 день.»

Судя по этому послѣсловію, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотѣли печатать. Эпиграфъ, писанный на оборотѣ заглавнаго листа, объясняетъ побудительныя причины къ изданію:

СИВИЛЛЯ ЕРІФРЕА ПРЕДРЕЧЕ:

Горе, горе тебѣ Гогъ, и всѣмъ вкупѣ родо Магогъ. Марсонъ и Аггонъ, елика зла вамъ жребій воздасть.

Т О Л К О В А Н І Е .

Горе тебѣ Гогъ: сирѣчь Скиве, Татаре, Варваре.
Горе тебѣ Магогъ: сирѣчь невѣрный Варваре, Турче.
И тебѣ Марсонъ и Аггонъ: сирѣчь Сарацине и Арапе.
Жреби бо вамъ—много зла всѣмъ невѣрнымъ уго-
товляется,
Сѣверный уже двоглавый орелъ в благовѣрный
Поразить васъ всѣхъ Махметановъ, погановъ,
И оружіемъ креста царства и страны вашихъ возо-
долѣтъ.

Содержаніе этого списка следующее:
Предисловіе, писанное на 14 поллистахъ, вмещаетъ въ себя мнѣнія разныхъ писателей о Сивиллахъ; съ 15 поллиста начинается: *О Сивиллахъ предсказаніе*. Текстъ начинается:

«Прензрядное видится быти древнее оное верховнаго Аристотеля реченіе, еже пишеть во своихъ *Метафисикахъ*: се есть вси человѣцы естественно вѣдати желаютъ желаніе сіе о свѣдѣніи всѣхъ вещей, аще и многообразно бываетъ, обаче Философи въ четыре опредѣленія вопросительная сопрягаютъ, сирѣчь: аще есть? что есть? каково? и чего ради есть? Сирѣчь въ образѣ и намъ начинать предложеніе наше о Сивиллахъ подобаетъ, яко да чиновны и несмѣшена будетъ повѣсть наша. Чинъ бо святъ

есть по Философу всѣхъ вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зело темно и неудобъ разумно является; что же чиновно и во своихъ мѣстахъ положено, удобъ разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо опредѣленіе философское: аще есть? Сирѣчь отвѣцаемъ:

«Вопрошается во первыхъ: аще есть или бысть Сивилля? Понеже о ней, иже не суть во естество вопрошеніе, и отвѣтъ не дается.

«Во прошедшая времена убо Сивиллямъ быти и не единой, по различнымъ и различнымъ именамъ нарцаніе явѣ есть. Быти же нынѣ женъ сирѣчь Сивилль, аще и не обрѣтается, понеже не грѣбъ есть намъ ихъ.

«Второе опредѣленіе есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всѣхъ Философовъ, о всѣхъ вещахъ спросити: что есть? И то именуется у Грековъ: оросъ, у Латинцевъ: дефиниціо, сирѣчь опредѣленіе, или оканчиваніе; понеже оканчиваетъ существо и естество вещей.

«Мы о Сивиллахъ сирѣчь отвѣцаемъ: Сивилля есть женскій полъ человѣкъ, дѣвственней, чрезъ мавовеніе предречительней; чловѣка бо именуемъ Сивиллю. Понеже и жена, яко Аристотель во *Метафисикѣ* пишеть: несовършенный мужескій полъ есть, зане жена студенши имать и мокротійши, нежели мужескій полъ сложеніе. Сего ради скорое ростеть, и скорое исчезаетъ, и разумъ имать мягчайши и непостоянши. Дѣвственную именуемъ Сивиллю, понеже дѣвницамъ быти, вси исторци согласно пишуть, и на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется, яко пишеть Иеронимъ; предречительную же именуемъ повеже вси Сивилли предречкоша и предреченія ихъ исполняхуся.

«Третье опредѣленіе: каково есть Сивилля именуется: *Фебули*; у Римлянскихъ языковъ: пророчица именуется, сего ради пророчицы Сивиллы нарцанхуся. Сама Сивилля Ерифреа о себѣ еще рече, глаголютъ ищцы: яко Сивилля ложная и юрода есть, егда же всякая исполнена будетъ, тогда пакы воспоминають о мѣхъ.

«ЧЕТВЕРТОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ЧЕГО РАДИ ЕСТЬ СИВВИЛЛА? ОТВѢЩАЕМЪ СЯ: ЯКО ДА ВЯЩЕ ПОСТРАМЛЕНЫ БУДУТЬ, НЕ ТОКМО ЕвРЕИ. ПРОРОКОВЪ СВОИХЪ НЫНѢ ЗАВЪ ТОЛКУЮТЬ И ПРИБРАЩЕННО РАЗУМЬЮТЬ, НО И ЯЗЫЧНИ, ИЖЕ НА БОГОВЪ СВОИХЪ И ВОЛКОВЪ ВЕЛИКУЮ НАДЕЖДУ ИМѢША. СЯЦЕ РОДИСЯ ПЬ ВО КНЯЗѢ 14 ПИШЕТЪ: ЯКО ДАРУИИЪ ЦАРЬ ПЫДЕ ОТЪ ОСТРОВА САМОСА, И ДЩЕРИ ПИВКА ЦАРЯ ВЪ ЖЕПЫ ПОЯ, ИМЕНЕМЪ: НИСУ И ВАТНО; ОТЪ ПЕРВЫХЪ РОДЯСЯ ЕМУ ДЩИ, ИМЕНЕМЪ СИВВИЛЛА, ОТЪ НЕЯ ЖЕ ИМА ТОЕ ВЪ ВСѢХЪ УМНОЖИСЯ И ДАДЕСЯ. ВЪ ДРЕВНИИ ВРЕМЕНА КНИГИ СИВВИЛЛЪ И НИХЪ ПРЕДРЕЧЕНІЯ ВЪ СОКРОВИЩАХЪ РИМСКИХЪ ЦАРЕЙ ХРАНИШАСЯ, ЯКО ПИШЕТЪ ЮАННЪ ЗОВОРАСЪ, ИСТОРИКЪ ГРЕЧЕСКІЙ ИСТИННЫЙ; ЯКО И ВО СОКРОВИЩАХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ЦАРЕЙ ХРАНИИ БЫША КНИГИ СИВВИЛЛСКІЯ, ВЪ НИХЪ ЖЕ БЫША НАПИСАНЫ НЕ ТОКМО СТИХИ, НО И ОБРАЗЫ РАЗЛИЧНЫИ ЧЕЛОВѢКОМЪ И ЗВѢРЕМЪ.

«ПОНЕЖЕ УБО ЗЪЛО ДРЕВЛЕ БЫША ТЫЯ СИВВИЛЛИ, ТОГО РАДИ И СМУЩЕНІЕ ВЕЛИКОЕ ЕСТЬ, НЕ ТОКМО МЕЖДУ СТИХОВЪ И ПРЕДРЕЧЕНІЯХЪ, НО П МЕЖДУ ИМЕНЪ НИХЪ, ЯКО МУДРИИ ВСИ ДРЕВНИИ ПМЕНА СИВВИЛЛЪ ВОСПОМИНАХУ, И ВЪ НИХЪ ЖЕ ОБВѢЩАЕТСЯ ПРЕДРЕЧЕНІЕ. СЛАВНѢЙШАЯ И БЛАГОРОДНѢЙШАЯ СИВВИЛЛА ЕРПОРЕА, ЯКО НВѢЩИИ ГЛАГОЛЮТЬ: ТОГДА НАЧА ПРОРОЧЕСТВОВАТИ, ЕГДА НАЧА СОЗИДАТИСЯ СЛАВНѢЙШІИ ГРАДЪ ГРОАДА. МНОГИЯ УБО И РАЗЛИЧНЫИ СИВВИЛЛИ ОБВѢЩАЮТСЯ ВО ИСТОРИЯХЪ, ТА ЖЕ И СТИХИ И ПРЕДРЕЧЕНІЯ НИХЪ НЕ ИСПИСАНА СЯ. СОИЩАЮТСЯ ЖЕ МЕЖДУ ИНЫХЪ СИВВИЛЛЪ: РОДИЙСКАЯ СИКЕЛІЙСКАЯ, ЛЕВКАНИЙСКАЯ, САРДИНСКАЯ, ТА ЖЕ СИВВИЛЛА ИМАНУЕТСЯ ОЕСИРОТИЙСКАЯ, И КАСАНДРА, И БЕРЕЕННИИ, И ХАЛДЕЙСКАЯ, И ЕЛИСА, И ФЕТТАЛІЙСКАЯ И ТАРАКСАНДРА, И САМОНЕЯ, ИЖЕ ПРОРОЧЕСТВОВА, ЕГДА ВІЗАНТІЯ СОЗИДАШЕСЯ. МНОГОЯ ЖЪ ТАЯ ИМЕНА ИМѢ ОБВѢЩАЮТСЯ, ПОНЕЖЕ КАЖДО ОТЪ НИХЪ МНОГИИ И РАЗЛИЧНЫИ ИМЕНА ИМАНУЕТСЯ. ДРЕВНИИ УБО ВСИ ЧИСЛО ВСѢХЪ СИВВИЛЛЪ И ИМЕНА НИХЪ НА ДЕСЯТОЕ ЧИСЛО СОИЩАЮТЬ; НЫНѢШНІИ ЖЕ ПОСЛѢДНИИ МУДРИИ ДАЖЕ ДО ДВАНАДЕСЯТОГО ЧИСЛА НИХЪ ПРОСТИРАЮТЬ; СЕГО РАДИ И МЫ ПОСЛѢДУЕМЪ ТОЙ ПРОХОДНѢЙШІИ ПУТЬ, И ДАЖЕ ДО ДВАНАДЕСЯТОГО ЧИСЛА НИХЪ ПРОСТИРАЕМЪ.»

НА 25 ПОДЛІСТЬ НАЧИНАЕТСЯ: *повѣсть о Сиввиллѣхъ и о именованъхъ и о пророкѣхъ*

ни ихъ. Глави I, Сиввилла I Персидская.
ИЗВЕКАЕМЪ ОПИСАНІЕ ЭТОЙ СИВВИЛЛЫ:

«АЩЕ УБО И МНОГИИ И РАЗЛИЧНЫИ СИВВИЛЛИ БЫША ВО РАЗЛИЧНЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ И СТРАНАХЪ, ОБАЧЕ МЕЖДУ ВСѢХЪ ДРЕВНѢЙШАЯ И СЛАВНѢЙШАЯ ПЕРСИДСКАЯ БЫСТЬ, ЯЖЕ И ХАЛДЕЙСКАЯ НАРИЦАЕТСЯ. СВОЙСТВЕННОЕ ЖЕ ИМА ЕЯ БЪ САМНОИ, ЯКО СНИДА ВО СВОИХЪ ЛЕКСИКОНАХЪ ПИШЕТЪ, ВО РЕЧЕНИИ СИВВИЛЛА ПОВѢЩУЕТЪ: ПЕРСИДСКАЯ ЖЕ НАРИЦАЕТСЯ, ПОНЕЖЕ ОТЪ СТРАНЫ ПЕРСИДСКІЯ БЫСТЬ; ИНИ ЖЕ НАРИЦАЮТЬ ЕЕ ХАЛДЕЙСКОЮ; ОТЪ НВѢЩИИХЪ ЖЕ ИМАНУЕТСЯ И БЕРЕЕННИИ. ОТЕЦЪ ЖЕ БЫСТЬ ТОЯ СИВВИЛЛИ ИМЕНЕМЪ: ВИРОСОСЪ, ИЖЕ ХАЛДЕЙСКУЮ ИСТОРИЮ НАПИСА, МАТИ ЖЕ ЕЯ БЪ: ЕРИМАНЕА. ХОДИЛА ВО ЗЛАТЫХЪ РИЗАХЪ, ЗРАКУ БЫЛА МЛАДОБРАЗНАГО, КРАСОТОЮ ЗЪЛО ДОБРА. А БЫЛО ПРОРЕЧЕНІЕ ЕЯ ДО Р. Х. ЗА 1248 ЛѢТЬ. КНИГИ-ЖЪ ОТЪ НЕЯ НАПИСАНЫ СЯ ЧИСЛОМЪ 24, О ВСѢХЪ ЯЗЫЦЪХЪ И СТРАНАХЪ ОБЪЯВЛЯЮЩІИ. ГИСТРИНЪ ФИЛОСОФЪ, ВЪ СЛОВѢ СВОЕМЪ КЪ ЯЗЫКОМЪ, ПИШЕТЪ: СЯ СИВВИЛЛА ОТЪ ВАВИЛОНА РОДОСЛОВИТИСЯ ГЛАГОЛЕТЪ, СУЩАЯ ДЩИ ВИРОСА ХАЛДЕЯНИНА; НЕ ПЪЛАЮ УБО, КАКОВО ОНА ВО СТРАНУ ИТАЛІЙСКУЮ ВО КАМБАННО ПРИДЕ, ПРОРЕЧИТЕ ПРЕДГЛАГОЛА, ВЪ ПЪВКІИ ГРАДѢ ИМАНОВАНЪ КУМА, ИДѢ-ЖЕ ЕСТЬ БАНИ, СВЯЧЪ ТЕПЛАМЕ ИСТОЧНИКИ. МЫ-ЖЪ САМИ ПРИШЛИ ВЪ ТОЙ ГРАДѢ, И ЗРЯХУ ПЪВКОЕ МѢСТО, ВЪ НЕМЪ ЖЕ ПАЛАТА ЦАРСКАЯ ВЕЛИКА, ИЗЪ ЕДИНАГО КАМЕНИ УСВѢЩЕНА ВИДѢХОМЪ: ВЕЩЬ БЕЛІЧАЙШАЯ И ВСЯКАГО ЧУДА ДОСТОЙНАЯ, ИДѢ-ЖЕ ПРОРЕЧЕНІИ ОНАЯ СИВВИЛЛА СОДѢЛА, ЯКО ГЛАГОЛАХУ НАМЪ ГРАЖДАНЕ ТОГО ГРАДА, ЯКО ОНИ ОТЪ ПРАОТЕЦЪ СВОИХЪ ОТЪ ПРѢДАНІЯ СЛЫШАХУ. ПОСРЕДѢ ЖЕ ПАЛАТЫ ТОЯ ЦАРСКІЯ ПОКАЗАША НАМЪ ТРИ КОРЫТА, ИЗЪ ТОГО ЖЕ КАМЕНИ РЪЗАНЫИХЪ, ИЖЕ ИСПОЛНЕНА ВОДОЮ, ГЛАГОЛАШЕ: ЯКО ОПАЯ ВЪ НИХЪ УМЫВАШЕСЯ, И ОДЕЖДОЮ ОДѢВАННА ВО ВНУТРЕННѢЙШІИ ХРАМЪ ПАЛАТЫ ТОЯ ВХОДЯЩЕ. ПОСРЕДѢ ЖЕ ХРАМА ТОГО НА ВЫСОКІИ СТЕПЕНЬ И ПРЕСТОЛЪ СЪДЕ, И ПРОРЕЧЕНІЕ ГЛАГОЛА. ПОКАЗАША НАМЪ МѢСТО ТО, ИДѢ-ЖЕ СИВВИЛЛА ПРОРЕЧЕНІА ДѢША, И СОСУДЪ ПЪВКІИ ОТЪ МѢДИ СОТВОРЕНЪ, ВЪ НЕМЪ ЖЕ ОСТАТКИ ТѢЛА ЕЯ ХРАНЯТСЯ, ГЛАГОЛАХУ. ВО КНЯЗѢ ЖЕ НАРИЦАЕМОЙ ТУРКОГРЕЦИ, О МѢСТѢ ОБИТАНІЯ ТОЯ ЖЕ СИВВИЛЛЫ СЯЦЕ ПИШЕТЪ: СЛѢДУЕТЪ ДРЕВНІИ ХРАМЪ ЯЗЫЧЕСКІИ И ПОТОМЪ ОЗЕРО, ИЖЕ ИМЕНУЕТСЯ АВЕРПЪ, БЛІЗЪ ЖЕ ЕГО, НА ОНУЮ СТРАНУ, ГОРА ПРЕДЕЖИТЬ, ВО

той же горѣ пещера еще пространна, яко мало что не въ мялю Италианскую устечна есть; въ ней же множайше храмы суть малотелли, яко въ вѣкиих и потствовать возможно. Тамо обитаніе Сивилли быти глаголють.»

На листахъ 31, 32 и 33 помещены стихи этой Сивиллы, а на 35 листъ начинается описание второй Сивиллы: *Ливика*.

«Вторая Сивилла Ливянина, или Ливика именуется, понеже отъ Ливии еѣ, яже есть третья часть вселенныя, Африка отъ Латиновъ именуется, вѣнъ же Барбарія отъ Турковъ речется; была взору средняго и зѣло черна, нося же всегда въ рудѣ масляную вѣтвь. Сія Сивилла еще чрезъ стихи глагола:

«Придетъ день свѣтлости,
И разгонитъ вся темности,
За вся грѣхи посланъ будетъ,
И на вселенную новый даръ да будетъ,
Придите и не ищите темности и мрака.
Солнце сладкозрачное, се свѣтъ изрядно сіяеть.»

Всѣ эти стихи, какъ сказано, выписаны изъ сочиненій Климента Александрійскаго.

На 37 листъ слѣдуетъ описание: *Сивиллы третія Делфиска*.

«Сивилла Делфика или Делфійская именуется, понеже во Делфис, Греческомъ градѣ родилася, идѣ же великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемисъ наречена есть. Бысть же прежде Троаскія брани, и писа пророченія чрезъ стихи, отъ нея же большую часть стиховъ Омръ, славный стихотворецъ, во своихъ книгахъ сложи. Сія Сивилла носяще во своихъ рукахъ всегда вѣтвь Делфию, сирѣчь Бобковное древо, имѣла главу связану власы своими, была младобразнаго лица. Бысть же отъ страны Фригис и во волхвища Делфійская приде, и снѣ поя чрезъ стихи:

О Делѣи служители, далекострѣльному Аполлову,
Приидошъ азъ пророчествовати Зевсови ужъ страшнотитному.

Возьарихся бо на своего брата Аполлона.

«Климентъ Александрійскій, во книгахъ своихъ Строматахъ, пишеть: есть же иная Сивилла Ернореа, именоватая Ерофилия, ея-же воспоминаеть Ираклій Понтійскій, во книгѣ своей о пророченіяхъ. Во Делфисѣ же показуется камень, на немъ же глаголется перво сидѣти Сивиллѣ, яже отъ Геликона горы приде, идѣже отъ Мусы воспитана бысть. Ини глаголють яко отъ градовъ малыхъ приде, и въ дщи Ламіа Сидонианина.

На листу 41 слѣдуетъ описание: *Сивиллы четвертая Химерійская*.

«Четвертая Сивилла Химерійская, или Химерія именуется, понеже въ Химерии градѣ Италианскія страны родилася. Климентъ Александрійскій во книгѣ первой Строматахъ своихъ пишеть: яко обита въ Римской горѣ, именемъ Кармалъ, и сынъ ея бысть Евандръ, яже храмъ Папу созда, иже Илуперкаліонъ именуется. Сія Сивилла всегда въ рукахъ своихъ цвѣтъ рожу нося. Историцы повѣствуютъ, яко Ипкифовъ Царь Греческій посломъ Одона, Кесаря Нѣмецкаго, спсѣвое предложение между вѣнхъ предложилъ: обрѣтаются ли во ихъ странахъ Овагри, сирѣчь осли дѣвни? Послы же отвѣщаху: яко у нихъ, во странахъ ихъ, Овагри не обрѣтаются, по токмо славное пророченіе Сивиллское есть, въ немъ же написано: яко Овагри суть Ассириве и Срацины, сирѣчь Турки, противъ же тыхъ Римляно-Греки не могутъ брани творити, яко Ипполитъ Сикеманинъ согласуется со Сивиллскою рѣчею, яже рече: Левъ и Скимвъ, сирѣчь Львовы дѣти, вкупѣ изгоняють Овагру. Вы убо, Греки, Льва мните быти вашего Самодержца, а Скимва краля Французскаго, есть же не тако; понеже вси Овагра толкують Князя Срацинскаго, его же мы, Французы, во послѣднее время покорити будемъ. Снѣ послы глаголали.

На листу 43 начинается описание: *Сивиллы пятая Ернореа*.

«Пятая Сивилла Ернореа, яже отъ вѣнхъ именуется Ерофилия; родители же ея быша Аполловъ и Ламіа; иши же глаголють быти отца ея Кривагора, иши же, яко Ермивъ пишеть, Теодору мать ея именують. Сія

же Сивилля прорече Грекомъ о Троадской брани, яко Троада погнѣнетъ и Омнръ тво-рець ложная писать будетъ. Ерифрея же именуется понеже родился во веси Ерифронъ, иже именовашеся быти, сирѣчь купина, не далеко отъ острова Хю. Нынѣ же тая весь во градъ устроена есть, именуется Ерифори. Ини же глаголють яко она въ Вавилонъ родися, и того ради Ерифрея именуется, понеже въ томъ островѣ и веси стихи ея изобрѣтены суть. Многочисленна сѣ Сивилля есть: понеже ея Сицилійскою именуютъ, ини же Сардиану, ини же Гергифу, ини же Родійскою, ини Ливійскою, ини же Левканийскою, ини же Самію нарицаху. Бысть же она прежде плѣвения Троадскаго града за 483 лѣта. Пишуть о ней яко житіемъ разумна и честна бысть, носила же въ рукахъ своихъ агнца; ини же пишуть яко въ рукахъ носила всегда мечъ голый и яблоко кругло, яко звѣздамъ украшено; мечемъ же подпиралася, а яблоко всегда подъ ноги свои метала; сложила же книги различныя, и видѣ гуслей треугольный въ первыхъ она изобрѣте, и многи стихи сложи, обаче между всѣхъ стиховъ ея 33 стихи Прости суть преславны, иже по своему имени, перва краеграніе собираетъ на Греческій языкъ; на Славенскій же языкъ тому быти не возможно, скудости ради стихомъря; сего ради и Греческіе тыя древніе и истинныи стихи противъ Славянскихъ стиховъ предлагаемъ. Написавы суть стихи тыя изъ древнихъ харатейныхъ книги Еллинскія. Аще збо нѣцыи глаголють тымъ стихамъ быти Кумейскія Сивилли, мы большеи части послѣдуемъ и Ерифрею воздаемъ.»

Въ Румянцовскомъ спискѣ написаны Греческія изрѣченія Сивилли вмѣстѣ съ Славянскимъ переводомъ, на четырехъ листахъ.

На 53 листу слѣдуетъ описание: *Сивилля шестая Самійская.*

«Шестая Сивилля Самійская, или Самія нарицается, свойственное же имя ей бысть Фито и Самюта; Самійская же именуется, понеже отъ острова Греческаго, иже Самосъ именуется, рождена бысть. Соносъ же естъ и нынѣ Греческій островъ славный во Бѣломъ морѣ.

«О сей Сивилль писалъ Ератостень Философъ, и зѣло ея похваляетъ. Ходила же во цвѣтномъ одѣяніи, и книгу и вѣнецъ терновый въ рукахъ нося. Была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Сѣ Сивилля 9 родовъ человѣческихъ предрече, иже Сивилля Ерифрея и Кумел иначе истолковаша; она сицевый толкъ сложи: яко 9 родовъ человѣческихъ на 9 рудъ отпесе, сирѣчь: 1 родъ золотый, 2 родъ серебряный, 3 мѣдный, 4 родъ оловянный, 5 родъ желѣзный, и прочихъ по числомъ рудъ.»

На 57 листу находится описание *Сивилля Кумійская.*

«Седмая Сивилля Кумійская, иже Аманфа и Ерофила нарицается, Кумейская же именуется понеже отъ града Кума, иже есть во Камбанин, во странѣ Италійской; написала же она многое прореченіе, сего ради и живописуется: носила въ рукахъ книгу и знамя. О ней пишетъ Авлъ Геллій въ первой книгѣ повѣсти своей, сицевымъ образомъ: Старица нѣкая, незнамая, яже Сивилля Кумейская быша, ко Тарквинію древнему Царю Римскому три книги, или девять, яко ини историцы пишуть, принесе. Въ тыхъ же книгахъ написано бысть предреченіе о будущихъ вѣщахъ и о правилѣхъ Римскихъ. Цѣну же за оныя книги 300 золотыхъ проси; или яко ини пишуть: 300 пенязей Филиппійскихъ золотыхъ, иже сочисляють 10,000 золотыхъ; ини же пишуть яко тысячу золотыхъ проси. Царь же Тарквиній небреже о книгахъ тыхъ, ради великия цѣны. Она же возъярися и при быти зрѣвнѣ его сожже 3 книги. И за прочія книги ту же цѣну проси. Понеже збо она, видя отъ Царя яко юрода поругается, паки иныя три книги сожже. И тую же цѣну за оставшыя три книги просила естъ. Ини пишуть яко четырежды по двѣ книги сожже и осталася токмо едина книга. И туоужде цѣну Царь даде единыя книги ради, яже она о первыхъ всѣхъ просила. Царь же, видя великодушне жены, три оставшыя книги за триста Филиппійскихъ золотыхъ покупи. И повелѣ тыя книги во Капитоліи сохранить. Капитолія же естъ въ Римѣ славный храмъ бога Зевсова. И по-

ВЕЛЪ ЦАРЬ, ЯКО ВЪ ТЫЯ КНИГИ ВО ДВѢХЪ
НУЖНЫХЪ И СУМНИТЕЛЬНЫХЪ ОТЪ 15 МУЖЕЙ
ПЕРВЫХЪ ИЗЪ СИНКЛИТУ СМОТРИТСЯ.»

На 71 листу начинается описание:
Сивилля осьмая Еллиспондйская.

«Осьмая Сивилля Еллиспондйская, или
Еллиспондйца, именуется же Еллиспондй-
ская, понеже отъ Еллиспондосъ Греческия
страны бысть; Еллиспондосъ же есть по-
токъ или гортань Блага моря, недалеко
отъ Царяграда. Родися же отъ веси Мар-
мисо, недалеко отъ града Троады; бысть
же во время Кыя Царя и Солона филосо-
фа; была до воплощения Божия за 530 леть;
въ рукахъ своихъ носила класы жетни.»

На 73 листу слѣдуетъ описание: *Си-
вилля девятая Фригянина.*

«Девятая Сивилля Фригянина, или
Фрига, яже и Колофонская, отъ града
Греческаго Колофона наречеся. Свойствен-
ное имя ей бысть: Ламбуса, отъ родословія
Калхандо волхва, иже бысть во брани Гре-
ческой, противъ града Троады, и о семъ
предрече. Обита же и предрече во градѣ
Ангирѣ, иже есть во Асир; въ рукахъ же
своихъ нося всегда голый мечъ. Видѣ же
ея бысть старообразенъ, суть же и стихи
елъ въщій древни, пройстив, ихъ же она
написана о девятописменномъ имени.»

На листу 78 находится описание:
Сивилля десятая Тивуртца.

«Десятая Сивилля Тивуртца, или Тивур-
тина, свойственное же имя ей бысть Аль-
буна, была же во время Августа Кесаря, до
Р. Х. за 19 леть; родомъ отъ страны Ита-
лійския, носила въ рукахъ своихъ вѣтвь
феникую.»

На листу 82 слѣдуетъ описание: *Си-
вилля первая-надесять Египтянина.*

«Первая-надесять Сивилля Египтянина,
или Египтца, именуется же Египтца, по-
неже во Египетстѣй странѣ родися, свой-
ственное же имя ей бѣ: Агрипина, или
Тараксандра; носила же въ рукахъ своихъ
книгу; возраста была средняго, ходила во
одѣяніи красномъ.»

На листу 86 находится описание:
Сивилля вторая-надесять Европея.

«Вторая-надесять Сивилля Европея или
Европеянина, свойственное же имя ей
бысть Самонея, была до Р. Х. за 133 лѣ-
та, лицемъ красна, ходила во золотѣ одѣ-
яніи, власы имѣла распростерты, носила въ
руцѣ своей книгу и скипетръ.»

«Сия Сивилля о падѣніи Царяграда отъ
Италиановъ и Французовъ предрече чрезъ
снѣ стихи:

Сыновъ Еніи слава во Византию придетъ,
И Елліны будутъ во мягкой смѣхъ,
Даже до льва ногъ шестьдесятъ,
Даже до того времени, яко пищу его медвѣдь по-
аетъ;

На сего же медвѣда небрегаемый орехъ возрѣтъ,
И орла козель обвѣять и птица орла низвержетъ,
И пѣное знаменіе великое будетъ:
Собраніе во Адриадское море,
И подъ сълпыиъ вождемъ козу изгонять,
Византию осквернать, и козель большое не возо-
пѣтъ,

Ниже алекторъ возгласитъ,
Даже егда шестьдесятъ и три ноги
И девять перстовъ соизясатъ.

«Снѣ стихи знаменуютъ пришествіе Фран-
цузовъ и Венеціановъ, егда Царьградъ падъ-
нища. Толкують ся же сыне: яко Римское
Царство преведено будетъ отъ великаго
Константина во Византию и преведетъ во
миръ, даже до времени Греческаго Царя
Мануила, иже поживе шестьдесятъ леть.
Егда убо дѣти его оскудѣють, и Андро-
никъ къ себѣ Царство привлечетъ, и Исака
внука Мануилова, иже ни въ чемъ сочи-
сленъ бѣ. Прежде Андроникова сына уби-
етъ и Алексіа брата Исакова, великою бра-
дою преукрашенна, навѣтуеть, и ослабнетъ
и во темницу затворитъ, отъ связанія же
разрѣшится связанный Алексій, и ко вла-
дѣтелю Адриадскому Благю моря пойдетъ,
и Венеціанъ съ Французы совокуплены бу-
дутъ, и корабленачальствующему Дандулу,
его же лукавство Мануила Царя ослабнетъ, и
во Грецію придетъ, и Византиемъ возва-
дѣють, и Грековъ отъ Царства отгонятъ,
и тогда ниже Царь будетъ. Но Французъ,
иже яко козель толкуется, и ино глагола-

тельно наречется, и пребудутъ Грецы въ отъ Царяграда 63 лѣта и 9 мѣсяць.

«Сія вся исполнися тогда, егда Царьградъ отъ Французовъ палъ. Паки сія же Сивилла произвѣствовала, яко во время павленія Царяграда отъ Турковъ кроволитіе неисчисленное будетъ, и о семъ чрезъ сія стихи прорече:

Не умолчу, по объявлю умъ отъ
Словеса безсмертна тлѣннымъ вѣдати:
Фраки родитъ великій вредъ.
Родъ же ея нѣсть далеко,
И возбудитъ чядо злое, и злая ранъ будетъ,
И зло возмущеть, и скоро раздерется,
И великая кровь возтечетъ.

«Сии стихи предзнаменоваша павленіе Царяградское отъ Султана Мехмета Турскаго и кроволитіе, яке тогда неисчисленное бысть.»

Обращаемъ вниманіе на три Толстовскіе списка, замѣчательные уже только по переводу и по языку.

Въ третьемъ Толстовскомъ спискѣ, писанномъ полууставомъ, въ XVII вѣкѣ, помещено о Сивиллахъ:

«Сии пророчествоваша въ различныя времена до Р. Х.; аще суть и невѣрны, но чистаго ради житія ихъ открылося имъ земныхъ ради благодати предбудущая.

«Первая Сивилла, именемъ Персика, яке отъ Персїи страны бысть, ходила во златыхъ ризахъ или одѣяніи, зрака была младаобразнаго, красотою зело добра, а было пророчество ея до Р. Х. за 248 лѣтъ.

«Вторая Сивилла, именемъ Любика, яке отъ страны Африкїйска, отъ града Любика. Взору была средняго, ходила въ зеленомъ вѣщѣ, а была радостна, и смѣялася всегда.

«Третья Сивилла, именемъ Делвика, была младаобразнаго лица, ходила во одѣяніи черномъ, имѣла главу обвязану власы своими и въ ризахъ всегда носила воловий рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хивика, или Химера, родомъ страны Волоцка, ходила распустивъ власы свои, въ синемъ одѣяніи.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила во цвѣтномъ одѣяніи и мечъ голой подъ ноги метала, а была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Шестая Сивилла, именемъ Демофила, была старообразна лицомъ, ходила въ простомъ одѣяніи.

«Седьмая Сивилла, именемъ Елиспона, была въ Троядской странѣ, возраста средняго, ходила въ простомъ одѣяніи, а была до воплощенія слова Божія за 530 лѣтъ.

«Осьмая Сивилла, именемъ Оригата, была отъ града Трой, до Р. Х. за 1005 лѣтъ; лицомъ была старообразна, и нравомъ гнѣвлива, а ходила просто, власы свои распустя.

«Девятая Сивилла, именемъ Европія, была до Р. Х. 133 лѣта, лицомъ красна, ходила во златомъ одѣяніи.

«Десятая Сивилла, именемъ Тыбуртыня, родомъ страны Волоцка, ходила въ красномъ одѣяніи, а на главѣ своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ.

«Первая-надесятъ Сивилла, именемъ Агрифа, возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ, и прижавъ держала къ грудемъ руцъ свои.

«Вторая-надесятъ Сивилла, именемъ Естрия, или Ерофила. Пишуть о ней, что житіемъ разумна была и честна, а ходила въ черномъ одѣяніи, а въ рукахъ всегда носила мечъ голой и яблоко кругло, аки звѣздами украшено, мечемъ ся подпирала, а яблоко всегда подъ ноги себѣ метала, а была въ лѣто Гедеона Судьи, иже во Израилѣ.»

Шестой Толстовскій списокъ, писанный въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, не имѣетъ ни заглавія, ни начальныхъ

листовъ. Первый листъ представляетъ изображение Сивиллы, писанное, какъ и всѣ другія, самыми грубыми образомъ, водяными красками. Описание начинается съ 414 листа:

«А была всеродовичъ; ходила въ червчатой одеждѣ, руки приймаючи къ сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, такъ се полюбило, чтобы ее слово тѣломъ стало, что человекъ уродился, а грѣшники вмѣстѣ были.»

На оборотъ этого же листа находится изображение второй Сивиллы, также безъ подписи, а на 415 листу описание:

«Изъ всѣхъ лучшихъ была. Про тою сказывалъ Аполлоторусъ Ерытрейсь, что изъ его города посадскаго человека жинка была; писала та много о городѣ Троѣ, что было тому городу взяту быти, и выпустопшениу. Ходила въ хитовѣ одѣянии, была всеродовичъ и кручиновата; а подѣ богами яблоко круглое звѣздами, тѣмъ образомъ, что небо.»

На оборотъ 417 листа находится третье изображение Сивиллы, съ подписью вверху: *Персика*:

«Персика наречена бысть, родомъ изъ Перскаго земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишеть о ней Философъ Мираидиле, до Р. X. за 1248 лѣтъ. О ней писалъ Философъ Никаноръ Греческій, которой великаго Александра дѣяние писалъ: ходила въ золотомъ одѣянии, свѣту умильново и хороша лицомъ, была молода, красоту свою съ чистотою держала.»

На оборотъ 419 листа находится четвертое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 418 описание:

«Того для ее называютъ Ливикою, что была изъ Ливии и изъ Африи, въ тѣ поры, какъ Персика, и о ней говоритъ книжникъ Еврипидеъ: была всеродовичъ, ходила въ вѣнцу цвѣту зеленого, въ ризѣ вѣдой и въ честной сѣдинѣ, была весела.»

На оборотъ 421 листа находится пятое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 420 описание:

«А зовуть ее потому, что и она въ коствѣ Аполоновомъ уродилася, у Дельфѣ, то иная, а не та, которая людямъ черезъ черту указывала, была она въ третьемъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежь объявила, и сказала, что королевство Троянское будетъ разорено. И о той Сивилѣ писалъ Кривень во своихъ книгахъ, что она, будучи молода, ходила въ черномъ платьѣ, обвѣзавъ волосы около главы, а въ рукахъ держала рогъ. А иные пишутъ такъ объ ней: что и сватался на ней король, имя ему Отреусъ, и посылае къ ней кубокъ золотъ въ поминкахъ, и она за него не похотѣла, и не пошла.»

На оборотъ 423 листа находится шестое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 424 описание:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на Троянской вотчинѣ, въ мѣстѣ Герциомъ, въ тѣ поры жила, какъ была Цырюсь Король Перскій. Была женщина стара, не хороша, въ простой одеждѣ, охульна. О той писалъ Хераклидъ Повтыкусь.»

На оборотъ 425 листа находится седьмое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 426 листу описание:

«А была со Фрадии, гдѣ была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголивъ плеча, распустивъ волосы, голову наклоня, пальцемъ указывала.»

На оборотъ 427 листа находится восьмое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 428 описание:

«Пишуть о ней се, что родилася во второмъ вѣку свѣта до Р. X. за 2000 лѣтъ, при философѣ добръ ученомъ, невѣрномъ, имя ему Трезмисъ Гитана, ходила нарядно и хорошею паметкою голоу покрывъ, а подѣ ногами мечъ имѣла безъ ноженъ, для того знамени, что быти войнамъ на свѣтѣ. О томъ писалъ философъ Еростотарнеъ,

что написать въ ея книгахъ о Александрѣ Македонскомъ.»

На оборотъ 429 листа находится девятое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 430 описание:

«Умѣя Сивилла, или Демофила, невѣдомо откогда была, а была она въ четвертомъ вѣку свѣта. Была стара, ходила въ платьѣ простомъ, не хороша лицомъ была, а взглядъ былъ кручиноватой. Та одного часу пришла до Короля Тарквиніуса, и принесла ему девять книгъ писаны на хартѣхъ, а говорила ему, чтобъ онъ купилъ книги. И спросилъ ее король: что за нихъ хочешь? И она ему молвила: триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся. И она сдѣлала огонь предъ его очами и сожгла ихъ трои книги. И молвила опять Королю: Король, купи ты другія трои книги? И пыталъ ее. Молвила ему за триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся, и думалъ, что она шалѣна. И она другія трои книги сожгла. И молвить опять: Король, купи ты трои книги; будетъ тебѣ польза того жалъ. И попыталъ ее, что дать. И молвила: триста золотыхъ великихъ. Король видѣлъ ея крѣпость и мудрость, что хотѣла остаточныя трои книги сжечь, и далъ ей триста золотыхъ, а книги взялъ. И какъ сталъ въ нихъ честь, и тужилъ о томъ Король, что всѣхъ не купилъ, и скоронилъ тѣ книги.»

На оборотъ 432 листа находится десятое изображение Сивиллы, а на 433 описание:

«А се родилася во Уроне до Р. Хр. лѣтъ за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицомъ чиста, ходила въ золотомъ бархатѣ.»

На оборотъ 433 листа находится одиннадцатое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 434 описание:

«Напоследѣвшая та была родомъ изъ Италіанскія земли, только до Р. Х. была въ Римѣ за 19 лѣтъ, при Октовьяне Цесарѣ. С той то Солгусъ пишетъ: коли Римляне захотѣли хвалить Юлиана Октовьяна, что при немъ была покой во всемъ свѣтѣ, и хотѣли другой костель поставити

ему. И позвалъ къ себѣ Сивиллу Тыбуртинну, и сказалъ ей ту рѣчь. И она у него просила сроку до трехъ дней не сказывать ему. Пишутъ: ходила она въ красной одежѣ, а кожу козлову носила на плечахъ.»

«Пятый Толстовскій списокъ, писанный скорописью въ XVII вѣкѣ, содержитъ въ себѣ братнія выписки изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Выписываемъ:

«Первая именемъ Персика отъ страны Персидскія, ходила во золотомъ одѣяніи до вѣку своего въ доброй красотѣ, за 1148 лѣтъ до Христова воплощенія.

«Вторая Сивилла изъ Авривии, града Любска, имя ей было Люенка, а была вѣку средняго, ходила въ вѣщѣ зеленомъ, а всегда была радостна, смѣялася.

«Третья Сивилла имя ей Делфонка, а была младобразна, ходила въ черномъ одѣяніи, обвязавъ свои власы около головы своей, а въ рукахъ своихъ носила рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хнеика, или Химера, родомъ Словеской земли, ходила въ синемъ одѣяніи, и власы распустила.»

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила наряжаясь цвѣтно, а мечъ голой подъ ноги метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила въ простомъ одѣяніи. Принесла къ Царю Тарквинію 9 книгъ, чтобы у нея тѣ книги Царь купилъ. И Царь спросилъ у нее: чего за книги хочешь? И она сказала цѣну 3 ста золотыхъ великихъ. И царь тому посмѣялся. И она сожгла три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила Царю, чтобы у нея Царь и остаточныя 6 книгъ купилъ, а просила ту же цѣну. И Царь ей опять посмѣялся. И она сожгла другія три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила Царю, чтобы у нея купилъ послѣднія 3 книги, а далъ бы ту же цѣну, а не дастъ на нихъ тѣхъ золотыхъ великихъ, и она и тѣ сожжетъ. Царь же удивился тому, и призвалъ философовъ, и вопросы ихъ о книгахъ тѣхъ: который разумъ имѣють? Они же сказали Царю, что тѣ книги прореченія Сивиллы,

РАЗУМЪ ВЕЛИКЪ ИМУТЬ О БЛИЖИВЪХЪ ДѢЛѢХЪ И НАШЕМОУ УЧЕНИО. ЦАРЬ ЖЕ МНОГО ОСКОРБИЛСЯ О СОЖЖЕНІИ РАДИ КНИГЪ, И ПОВЕЛѢ ЕЙ ДАТИ ЦѢНУ, ЕЖЕ СПЕРВА ПРОСИЛА.

СЕДЬМАЯ СИВИЛЛА ЕЛАНСПОНТІЙСКАЯ БЫЛА СЪ ТРОИЯНСКОЙ ЗЕМЛИ ЗА 53 ЛѢТА ДО Р. Х.; А БЫЛА ЖЕНЩИНА ПРОСТАЯ, ХОДИЛА ВЪ ПЛАТЬѢ ПРОСТОМЪ.

ОСЬМАЯ СИВИЛЛА ИМЕНЕМЪ ОРИГИЯ. И ТА БЫЛА ОТЪ ТРОИЯНСКА ГРАДА, БЫЛА СТАРА, КРУЧИНОВАТА, СЕРДИТА, ХОДИЛА ВЛАСЫ РАСПУСТЯ.

СИВИЛЛА ДЕВЯТАЯ БЫЛА ВЪ ЕВРОПИИ ЗА 133 ГОДА ДО Р. Х.; РОСТОМЪ БЫЛА КРАСНА, А ХОДИЛА ВЪ ЗОЛОТѢ.

ДЕСЯТАЯ СИВИЛЛА ИМЕНЕМЪ ТИБУРТИНА, БЫЛА ИЗЪ ВОЛОГѢ, А БЫЛА ДО Р. Х. ЗА 19 ЛѢТЪ, ПРИ ОКТОВЬЯНѢ ЦАРЬ, ХОДИЛА ВЪ КРА-

СНОМЪ ОДѢЯНИИ, А ВОСПЛА НА ГЛАВѢ КОЗЛОВУЮ КОЖУ.

ПЕРВАЯ-НАДЕСЯТЬ СИВИЛЛА БЫЛА СРЕДНЯГО ВЪКУ, ХОДИЛА ВЪ КРАСНОМЪ ОДѢЯНИИ, РУКИ ДЕРЖАЛА НА ГРУДѢХЪ.

ВТОРАЯ-НАДЕСЯТЬ СИВИЛЛА, ИМЕНЕМЪ ЕРИТРИЯ ИЛИ ЕРОФЕЯ, БЫЛА ВСѢХЪ ЧЕСТИВѢ, А БЫЛА ЕЩЕ ПРИ ИЗРАИЛЬСТВѢ СУЖЪ ГЕДЕОНЪ, СРЕДНЯГО ВЪКУ, А ВОСИЛА ПЛАТЬѢ ЧЕРНОЕ, КРУЧИННА ОБЫЧАЕМЪ БЫЛА, А ВЪ РУКАХЪ НОСИЛА ГОЛОЙ МЕЧЪ, И ПОДПИРАЛАСЬ ИМЪ, ДЕРЖАЛА ЯБЛОКО КРУГЛОЕ СО ЗВѢЗДАМИ.

ВОТЪ, ЧТО ДУМАЛИ О СИВИЛЛАХЪ НАШИ СТАРЬКИ ПО ЗАПАДНЫМЪ СКАЗАНИЯМЪ. СЪ ЧЕГО ПЕРЕВЕДЕНЪ ТЕКСТЪ РУМЯНЦОВСКАГО СПИСКА, ДОСЕЛѢ, ЕЩЕ НЕИЗВѢСТНО; НО ТЕКСТЪ ОДНОГО ТОЛСТОВСКАГО СПИСКА ПЕРЕВЕДЕНЪ ИЗЪ ХРОНИКИ БѢЛЬСКАГО.

II. БАШЪ И БАШИХА.

УВАЖЕНІЕ КО ВСЕМО НЕОБЫКНОВЕННОМУ, ОГРОМНОМУ ВЪ ПРИРОДѢ НАЧАВШЕЕСЯ НА ВОСТОКѢ, ПЕРЕШЛО И ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ. У НАСЪ ЕСТЬ СВОИ ИДЕАЛЫ ДЛЯ ПОСЕЛЯНЪ: *КОНЬ КАМЕНЬ*, *КОРОГУНОВЪ КАМЕНЬ*, *ТУГОВЪ КАМЕНЬ*—два камня *Башъ и Башиха*. Каждый изъ сихъ камней имѣетъ свой мифъ семейный, указывающій прямо, что онъ не нашъ, доставшійся намъ по наслѣдству. У Литовцевъ, Финновъ, Нѣмцовъ—язычниковъ, огромные камни замѣняли кумиры и служили трепещами для боговъ. Если бы наши камни имѣли такое же назначеніе у Славяно-Руссовъ, то мы вмѣсто мифа семейнаго объ нихъ знали бы мифъ религиозный. Этого нѣтъ у насъ.

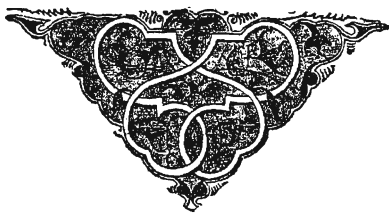
Камни Башъ и Башиха находятся въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губернии, въ селѣ Башевѣ, въ 25 верстахъ отъ Одоева, вблизи дороги, среди поля. Фигура камней почти квадратная, небольшого размѣра. Лежатъ одинъ отъ другаго на $1\frac{1}{2}$ аршина. Поселяне не запакиваютъ мѣсто кругомъ камней, опасаясь бѣдъ.

Семейный мифъ о камняхъ Башъ и Башиха состоитъ въ слѣдующемъ: Башъ былъ Татаринъ, а Башиха жена его. Другіе же говорятъ, что они были кумъ и кума. Башъ переселился на Русь, жили и померли. Добрые люди схоронили ихъ на этомъ мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того приплыли два кам-

ня изъ Оки въ Упу, а изъ Упы пришли прямо на ихъ могилы и остановились тутъ. То были тѣни Башей, нежелавши разстаться съ ними и по смерти. Когда-то разсердился Башъ на Башиху и ударилъ ее сапогомъ. На камнѣ Башихи осталась ступня. Было время, когда любопытные хотѣли вырыть камни, и посмотреть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Баши не желали этого; а когда начали обрывать ихъ, они уходили въ землю. Православные, сколько не трудились, бросали съ досады. Одинъ изъ нихъ съ горя, началъ рубить камни топоромъ, и вскорѣ показались пятны красныя. За такую дерзость Баши начали мстить: поля не плодородили, животныя умирали,

люди еднали. Съ тѣхъ поръ Баши начали людямъ являться во снѣ и помогать имъ уже добромъ, если думали объ нихъ хорошее.

Почтенный нашъ Археологъ И. М. Снегиревъ говорить, «сія чета лѣтоморфовъ двойственностію своею соответствуетъ дуализму въ Славянской мнѣологии, а по приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ, представляетъ какія-то божества.... Название же Баши Татарское, или Монгольское; ибо у Монголовъ, бывшихъ Ламайской вѣры, Башъ и Башка значили голову, начало. И такъ Баши есть остатокъ отъ Татарщины (выпускъ IV, стр. 74).»

СРЪВАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ПѢСНИ СВАТОЧНЫЯ.

къ нимъ:

РУССКІЯ СВАТКИ.
ВАРИАНТЫ ПѢСЕНЪ.
СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.
ПРИМѢЧАНІЯ.

2. ПѢСНИ ХОРОВОДНЫЯ.

къ нимъ:

ВАРИАНТЫ ПѢСЕНЪ.
СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.
ПРИМѢЧАНІЯ.

3. ПѢСНИ ПЛЯСОВЫЯ.

къ нимъ:

ВАРИАНТЫ ПѢСЕНЪ.

4. ПѢСНИ СВАДЕВНЫЯ.

къ нимъ:

СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.
ВАРИАНТЫ.

5. ПѢСНИ СЕМЕЙНЫЯ.

6. ПѢСНИ РАЗГУЛЬНЫЯ.

7. ПѢСНИ УДАЛЫЯ.

8. ПѢСНИ СОЛДАТСКІЯ.

9. ПѢСНИ КАЗАЦКІЯ.

10. ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

11. ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

12. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Всѣ помѣщенныя здѣсь и всѣ однѣ собраны были мною
въ губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской, Мо-
сковской, Орловской и Тверской; а другія доставлены:
Помѣщонскія А. Н. Кастериннымъ, Санктпетербург-
скія и Ярославскія Н. П. Яковлевымъ, Плавин-
скія Парисиннымъ, Уральскія В. Н. Далемъ.

РУССКІЯ СВЯТКИ.

Иногда Русская жизнь не является въ такомъ раздольи, какъ на Святкахъ: въ эти дни вся Русскіе веселятся. Всмотрѣвшись въ Святочные обычаи, мы всюду видимъ, что наши Святки созданы для Русскихъ дѣвъ. Въ посадкахъ, гадающихъ, играхъ, пѣсняхъ все направлено къ одной цѣли — къ сближенію суженыхъ; въ городахъ и селеніяхъ люди заживаютъ одной семьей — и все для суженыхъ. Именно тогда только и видимъ, какъ веселый разгулъ шевелитъ Русскими сердцами, какъ родное раздолье представляетъ на яву нашу народный бытъ. Только въ Святочные дни юноши и дѣвы сидятъ за просто, рука объ руку; суженныя явно гадаютъ при своихъ суженыхъ, старики весело рассказываютъ про старину и съ молодыми сами молодятъ; старушки грустно вспоминаютъ о житіи дѣвчьемъ и съ радостію под-сказываютъ дѣвушкамъ пѣсни и загадки. Наша старая Русь воскресаетъ только на Святкахъ.

Вѣрно каждый изъ Русскихъ пожелалъ бы знать: когда начались наши Святки? Тщетное желаніе въ наши дни! Посмотрите только, какъ наши старыя обычаи, незаписанные, необъясненныя, скрывались вмѣстѣ съ старыми людьми, исчезали вмѣстѣ съ прошлыми годами, и потомъ посудите сами, какъ поздно юное поколѣніе вздумало собирать преданія отцовъ и дѣдовъ. Кто, послѣ этого, дорожа родными обычаями, осмѣлится прибѣгать къ ничтожнымъ предположеніямъ, когда нѣтъ вѣрнаго указанія, когда нѣтъ стараго повѣствованія. Въ наше время уже стыдно приписывать всю необъяснимую старину временамъ нехристианскимъ Русскаго народа. Зачѣмъ думать о невѣдомомъ, зачѣмъ помышлять, что вся данная нашей народности объяснена? Этого нѣтъ, и вотъ почему мы не можемъ сказать: изъ какой страны перешли къ намъ Святочныя преданія? гдѣ они приняты и усвоены? гдѣ они измѣнились и временемъ и людьми? такъ ли эти

Святки забавляли нашихъ бабешекъ, какъ теперь утѣшаютъ нашихъ дѣвъ? Предъ нами только люди говорятъ и поютъ о быломъ по памяти; а памятниковъ, объясняющихъ нашу народность, не существуетъ. Мы, Русскіе, такъ богаты своимъ народностию, что ни одно Славянское по-колѣніе не можетъ сравниться съ нами; но такъ бедны предъ ними описательными собраніями, что стыдно и вспоминать. Можетъ быть, со временемъ, и мы соберемъ заветныя были нашихъ отцевъ и дѣдовъ; а теперь:

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю,
Какъ бы въ стары годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя.

Въ старину Русскія Святки бывали не въ тѣ годовыя времена, какъ нынѣ приходится намъ пировать на нихъ. Прежде наши дѣды праздновали Святки въ послѣднихъ дняхъ десятаго мѣсяца; а это бывало тогда, когда они считали свой годъ съ Марта. Послѣ нихъ жили другіе люди съ своими обычаями, и тогда дѣдушки начинали пировать Святки въ концѣ четвертаго мѣсяца; а это измѣнилось тогда, когда они начали считать свой годъ съ Сентября. Послѣ и этой перемены выпило новое постановленіе: наши дѣды стали праздновать Святки въ концѣ двѣнадцатаго мѣсяца; а это совершилось тогда, когда Великій Петръ заблагодарсудилъ начинать новый годъ съ Января. Въ этомъ заключается вся исторія Русскихъ Святокъ, и здѣсь-то конецъ книжному сказанію. Правда, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ Русскихъ Святокъ; но они сохраняются въ словесныхъ преданіяхъ. Какъ не велики, какъ не обширны эти преданія, но Русскія Святки еще обширнѣе, такъ что нѣтъ ни словъ, ни рѣчей пересказать всего.

Правдивая сказка сказывается про Святки Московскія, Тульскія, Калужскія и Рязанскія.

Подъ конецъ Филипповою, когда ста-
Т. I. Ч. III. 1

рники начинали подумывать о закупкѣ скорогомаго, старушки уже раздумывали про-шлогодною думою: въ чемъ-то домъ праздновать Святки? кого-то съзывать на Святочные вечера? какихъ дѣвушекъ съ-рвать погостить къ своимъ дочкамъ? Эти думы гадались не въ своемъ домѣ и не съ одной своей головой. На Руси изстари велось посѣщать во время Филипповоѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Молодые женщины съ утра хаживали на весь день къ роднымъ съ работами, а пожилыя приходили за ними уже послѣ вечеренъ, посо-ветывать и потолковать со старушками. Въ этихъ-то совѣтахъ матушки болѣе всего хлопотали о своемъ задумываньи и, какъ опытыя, ссорились съ молодыми невестками; когда онѣ твердили о своей роднѣ. Очень часто добрый совѣтъ оканчивался словами: «еще далеко до Всплѣва вечера; успѣемъ послѣ попридумать; не во гнѣвъ вашей милости, скажемся тогда;» но это бывало только тогда, когда матушки хотѣли поставить на своемъ. Послѣ совѣтовъ начинались пересылки. Нянюшки и бабушки ходили изъ двора во дворъ, улаживали дѣло миромъ да согласиемъ.

Домъ богатый, зажиточный, гдѣ есть невеста, «гдѣ живутъ довольно,» всегда выбирался для празднованія Святкоѣхъ. Изъ богатаго дома матушка заблаговременно начинала посѣщать родныхъ, приглашать старыхъ и малыхъ на Святки; всѣхъ по-менно, по отечеству, съ поклонами и просьбами: За ними, на другой день, снаряжалась нянюшки «наряднымъ дѣломъ» по домамъ: «просить такую-то дочку погостить на Святки.» Филиппокѣ съ наряднымъ дѣломъ принимали со всею почестью. Въ то время, какъ онѣ «по наряду раздавали поклоны» поименно отъ каж-даго и объявляли приглашение, хозяйка хлопотала объ угощени. За чарою шва нянюшки высказывали: какихъ пригла-шаютъ суженыхъ и какихъ нѣтъ побывать на посидѣлкахъ. Въ числѣ званыхъ всег-да бывали изъ суженыхъ сестрички и братья. Они чужихъ нянюшки не вы-сказывали ни въ чемъ и даромъ. Это толь-ко разсказывалось на проводахъ, когда до-гадывая хозяйка вводитъ нянюшку въ ка-кую-то тамъ, за какою-то вѣсточку, надѣляла

узельочками съ Украинскими привозами. Дѣвушки въ это время помыслили о своемъ: онѣ посматривали и примѣри-вали матушкины наряды, а стороной засы-лали добрую бабушку развѣдать о товаркѣ: въ чемъ она придетъ на Святки и съ кѣмъ? Всѣ эти пересылки и наряды оканчивались за три дни до звѣзды. Таковъ были обычаи, и дѣлалось ни раньше, ни позже.

Наставала «Великій день». Всѣ право-славные разговлялись въ своихъ домахъ, въ своей семьѣ. Это бывало очень рано, и такъ рано, что старики высыпались до полудня. Едва только старики начинали просыпаться, молодые входили къ нимъ съ просьбами: сыновья просились поздра-вить тестя съ тещею, невестки упрости-вали поклониться отцу съ матерью. Све-кровь, отпуская дѣтей, на проводахъ при-казывала невесткѣ поразвѣдать о суже-ныхъ. За ними вслѣдъ являлись, въ ве-черу, матушкины задушевные гости «бабки-позыватки.» Этими гостямъ пред-лагались всѣ возможные угощенія, потому что матушки страшились ихъ зловѣщаго языка. За угощеніями и распросами о чужихъ домахъ, поручалось имъ побывать у всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, попросить по усердью и по ласковѣ всѣхъ гостей къ себѣ въ такой-то день. Получивши подар-ки, бабки-позыватки рано утромъ начинали обходить дома. Послѣ такого почетнаго приглашенія, всѣ званыя женщины начи-пали снаряжаться. Для убора дѣвушекъ при-глашались осовѣшно родные и знакомые.

Отцы семействъ также не оставались безъ дѣла; они заранѣе приглашали къ себѣ Хожалыхъ Сватовъ, людей опытныхъ и свѣ-дущихъ. Женщины въ это дѣло не вмѣши-вались. Сватъ всегда выходилъ утромъ, съ палкою въ рукахъ, для приращеній. Входя въ домъ, онъ молится поклонамъ, кланялся хозяйкамъ и говорилъ:

«Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна кланяются вамъ, батюшка, Ар-тамонъ Трифоновичъ, и вамъ, матушка, Атафья Неландова.»

Проговоривши, Сватъ кланялся въ поясъ, а ему отвечали съ поклонами:

«Благодаримъ покорно Филимона Спи-ридоновича и Анну Карповну.»

Свять снова начиналъ:

«Приказали де они васъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ и васъ, матушка, Агафья Нелидовна покорно просить: на вечеръ посидеть, на красныхъ дѣвущекъ посмотреть, хлѣба соли откушать, гуся порушить.»

На приветныя слова Свата отвѣчалъ:

«Напрасно Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна беспокоятся; мы, то есть, люди свои, и безъ этой чести стараемся побывать.»

Свась говорилъ:

«Приказали де они вамъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ и вамъ, матушка, Агафья Нелидовна, вспомнеть: ужъ такъ испоконъ вѣка заведено; не нами началось, не нами кончится. Не порушайте пира, не вводите въ пѣзьянъ добрыхъ людей. Безъ васъ-то нѣтъ у Филимона Спиридоновича пира; безъ васъ-то нѣтъ у Анны Карповны дѣвчьиго веселья.»

«Правда, правда, Сватушка! Для пира у Филимона Спиридоновича достанеть всего и будутъ гости» — говорилъ хозяинъ.

«Вѣдь, мы не первые гости у Анны Карповны; и безъ нашихъ дѣтокъ составится дѣвчье веселье» — говорила хозяйка.

«Что же прикажете сказать Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ?» — говорилъ Свась.

«Кланяйся, Сватушка, Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ. Побываемъ, непременно побываемъ.»

Наставалъ первый Святочный вечеръ. По улицамъ тянулись повозы; у воротъ стояли толпами женщины. Повозамъ вели дѣвущекъ въ званый домъ погостить на Святкахъ. Дѣвущку-невесту провожали: матушка, нянюшка, подружки-дѣвчѣ, бабушки и знакомыя. Къ повозу присоединялись и постороннія женщины, изъ любопытства посмотреть на повозъ; на комъ какіе наряды, какъ будутъ принимать гостей въ званомъ домѣ. Во первыхъ саняхъ повозжанъ сажались: матушка съ дочкою, въ ногахъ любимая подруга, какаки нибудь бѣдная дѣвущка; въ другихъ саняхъ наклады были въ разныхъ углахъ наряды, гостиницы и подарки, сидѣли провожатыя. Чѣмъ болѣе былъ повозъ, тѣмъ болѣе славы, тѣмъ почетнѣе для званого дома. Впе-

реди повоза шла бабка-позыватка. Гости, подѣзжая къ воротамъ званого дома, стучались и дожидали встрѣчи, не выходя изъ саней. Хозяинъ съ хозяйкою выходили встрѣчать прошенныхъ гостей къ воротамъ. Пока хозяйка чрезъ порогъ калитки приглашала гостей, провожатыя вынимали изъ саней узелки. По окончаніи всѣхъ приветствій, гости вступали на дворъ и здоровывались другъ съ другомъ. Въ огромныхъ саняхъ встрѣчала гостей дочка съ подружками и нянюшкой. Гости входили въ покой, молились, кланялись, цѣловались и ни какъ не хотѣли садиться. Для гостей не то было время. Почетныхъ гостей приглашали не хотя и гости не обижались. Таковъ былъ обычай. Во время этихъ споровъ нянюшки сдавали на руки наряды, бабушки раздавали дѣтямъ гостиницы, а матушки обдѣляли сѣнныхъ дѣвокъ подарками. Матушка, оставляя дочку въ званомъ домѣ, со слезами просила: «принте своего ненаглядную дитятку, утѣшать и млжовать.» Увѣренія хозяйки дома «не осрамите себя, удоволните дѣтнице, не бросите себя въ грязь,» — сопровождали прѣзжихъ до воротъ. Таковы были встрѣчи для всѣхъ дѣвущекъ.

Званыя дѣвущки тотчасъ дружились. Встарину дѣвущки иначе не пазывали другъ дружку какъ подруженьками, а хозяйка и вся домашняя челядь красными дѣвущками. Съ перваго вечера подруженьки придумывали разные затѣи: что дѣлать на Святкахъ? чему быть днемъ, чему вечеромъ? Новыхъ гостей угощали всѣми возможными яствами, вареными и печеными; укладывали спать на пуховыхъ перинахъ, посреди комнаты, на полу, съ разными гадашями.

Съ ранней зари всѣ православныя поднимались; у всѣхъ былъ въ головѣ Васильевъ вечеръ. Въ званомъ домѣ сидѣлись всю ночь.

Матушки снаряжали посылки къ соседямъ узнать: къ кому прѣзжали вчера повозы? сколько было саней? сколько было людей? въ чемъ были наряжены? какъ много вынимали изъ саней узелковъ? какъ встрѣчали повозъ? кого дарили повозжане? Всѣ эти распросы были необходо-

дими, потому что изъ нихъ заключалось уваженіе ко званому дому.

Бабушки ссорились со всеми; нянюшки готовили взварецъ; вся дворня, еще до свѣта, упивалась зеленымъ виномъ и, не видя Божьяго дня, ходила ошупью.

Въ другихъ домахъ матушки насыпали кулечки съ гостинцами и снаряжали нянюшекъ провѣдывать дочекъ. Однѣ только дѣвицы спали до обвѣденъ.

Хозяйка съ нетерпѣніемъ ожидала обвѣденъ, чтобы поднять своихъ гостей. Едва только послышался колокольный звонъ, она уже изъ двери приговаривала:

«Пора, пора, красныя дѣвицы вставать! Ваши суженые давнымъ давно встали; три овена обмолодели; на двухъ базарахъ побывали; трехъ свеней продали; на вороньихъ коняхъ проѣзжали; своихъ суженыхъ искали. Что снилось? что во снѣ видѣлось?»

Съ послѣднимъ словомъ, растворяя двери, входила она съ бабушками къ краснымъ дѣвицамъ разгадывать сны. Въ числѣ этихъ бабушекъ всегда находились: свахи, подосланныя отъ суженыхъ, бабки-позыватки, подговоренныя съ вечера матушками замѣчать за свахами и разгадывать сны, когда откроются недоброедѣтели. Хозяйка не могла отказывать свахамъ и бабкамъ-позывкамъ: это значило бы нарушать старыя обычаи и ссориться со всемъ городомъ. Дѣвичьи сны и отгадывали бабушекъ повторяются отъ слова до слова на всѣхъ святкахъ. Вотъ дѣвичій сонъ.

«Послушай, Ивановна, мой сонъ» — начинала прежде всѣхъ разгадывать богатая дѣвушка.

«Ну, ну, говори молъ ягодка малиновая; Аграфена Федосеевна;»

«Вотъ видишь, Ивановна. Только что я вздремнула, и уже вижу: взошелъ мѣсяцъ, да гдѣ же? у батюшки въ терему. Золотыя рога глядятъ во зеленъ садъ, а въ зеленомъ саду прѣтутъ цвѣты алые, растутъ яблочки малиновыя, поютъ птички малиновыя. Какъ увидала все это, да такъ испугалась, что зеленушка съ полѣнышки»

«Ока ты видѣла женька! Ты бы зачтулась» — говорила дѣвушка.

«Страшно было, дѣвушки! Хочу сказать, языкъ не воротится; хочу пристать, ноги подкатываются. Слышу кто-то душить меня подушкой. Встаю. Что же вижу? По саду гуляетъ Жарь-птица. Я въ садъ иду, она на встрѣчу мѣвъ; я отъ ней бѣгу, она за мной летитъ, я къ батюшкѣ во теремъ, она за мной. Вхожу въ покои, а Жарь-птица взлетѣла на мѣсяцъ, свѣла на золотомъ рогѣ, и манитъ меня къ себѣ. Не помню, какъ я поднялась къ мѣсяцу, какъ свѣла рядомъ съ Жарь-птицею.»

«Что же дальше?» — спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна.»

«Ты не хватала ли рукой за голову?»

«Не знаю.»

«Мы все видѣли, Ивановна, какъ Аграфена Федосеевна положила руку подъ голову и заснула крепко.»

«То-то и есть, красныя дѣвицы; сами виноваты, что ващи сны забываются.»

«Скажи намъ лучше, Ивановна, что значить сонъ Аграфены Федосеевны?»

«Да какой же хорошій сонъ, красныя дѣвицы. Слушайте только! Свѣтелъ-то мѣсяцъ, то батюшка родимый, Федосей Ивановичъ; что золоты-то рога у мѣсяца, то дѣтки у Федосея Ивановича, Аграфена Федосеевна да Иванъ Федосеевичъ; что зеленой-то садъ, то чужой дворъ; что въ зеленомъ-то саду цвѣтутъ цвѣтки алые, то молодья молодушки, почетныя невѣстушки; что яблочки-то малиновыя, то молодыя дѣверьюшки; что поютъ-то птички малиновки, то красныя дѣвушки; что Жарь-птица-то во зеленомъ саду, то суженый у себя во двору; что Жарь-птица-то у Федосея Ивановича во терему, то у него зять во пирю; что Жарь-птица сидитъ на золотомъ рогѣ, что Аграфена Федосеевна на другомъ, то быть замужемъ. Право такъ!»

«А какъ скоро, Ивановна, случится сонъ?»

«Ахъ, родимыя мои голубушки! Въдѣ сонъ-то не доснился. Въстимъ скоро, такъ скоро, что не увидишь, какъ и Святки пройдутъ, не заметишь, какъ свахи придутъ, не заметишь, какъ росписи укрѣпятъ; не увидишь, какъ рукобитыя прѣвѣютъ и за духовый столъ посадятъ; не увидишь, какъ подъ вѣнецъ поставятъ, а только опом-

нипшся, какъ во княземъ пиру возвели-
чать. Вотъ какъ скоро!»

«Ужъ ты всегда такъ, Ивановна, го-
воришь. Мой сонъ совсѣмъ не то озна-
чаетъ. Я тебѣ не вѣрю.»

«Охъ, ты, Аграфена Федосѣевна, вѣдь,
ты у насъ съ весны заневѣстилась; вѣдь
суженные-то давно ужъ заглядывали ро-
списи.»

«Что ты, что ты, Ивановна?» — шепта-
ла хозяйка бабушкѣ. «Не пускай въ огла-
жку дѣло Федосѣя Ивановича. Можетъ быть
что и разладится.»

«Ужъ что знаю, такъ знаю; а припа-
маннаго ни кому не открою. У насъ свадьба...

Соболежъ Аграфешушка всѣ дѣса прошла,
Крыла дѣса, крыла дѣса чернымъ бархатомъ,
Въ путь катала, въ путь катала золотымъ кольцомъ.

«Будетъ, будетъ пѣть, Ивановна. Дѣ-
вущикамъ пора вставать; ужъ взварецъ про-
стытъ.»

Дѣвущики вставали, одѣвались и шли
взварецъ. Бабка-позыватка отправлялась
изъ званнаго дома просить: матушекъ по-
смотреть на забавушки ненаглядныхъ до-
чекъ; батюшекъ посидѣть на вечеринки; те-
тушекъ, бабушекъ, кумушекъ, нянюшекъ и
всю домашнюю челядь въ гостяхъ побы-
вать. За чарою вина бабка высказывала:
какіе суженные приглашены; а сама спраши-
вала: съ кѣмъ они намѣрены побывать на
посидѣлкахъ. За всякое извѣстіе награж-
дали ихъ дѣвѣтамъ платками, гостинцами.
Вслѣдъ за бабкой-позываткой, отправля-
лись въ званый домъ нянюшки съ гостин-
цами, съ наставлениями: «такъ-ли одѣта
ихъ дочка, весело ли ей, не скучаетъ ли
она, не надобно ли ей чего.» По секрету
поручалось ей сказать, «съ какимъ суже-
нымъ она должна быть привѣтливѣе», тай-
но отъ всѣхъ развѣдать, «какіе суженные
ихъ проводывали.»

Нянюшекъ всегда принимали ласково.
Сначала хозяйка гѣвдалась, «зачѣмъ при-
носятся гостинцы.» Нянюшка уговаривала
принять гостинцы и лакомить дѣвущекъ.
Хозяйка доказывала, что въ ея домъ ве-
село гостямъ и всего вдоволь. Споры
оканчивались принятиемъ клечка и уго-
щениемъ нянюшки. Дѣвущики окружали по-
сидѣлку, спрашивали о родныхъ и зна-
комыхъ. Нянюшка рассказывала «о тоскѣ

матушкиной, грусти батюшкиной, скукѣ
братчовой». Бывало не рѣдко, что дѣвущи-
ки плакали отъ этихъ рассказовъ, и то-
гда только «развеселивались», когда по-
друженьки начинали утѣшать. Заботливый
нянюшкѣ, исполняя въ точности поручение
матушекъ, увеселяли дѣвицъ прибаутками,
загадками, гаданіями. При нянюшкахъ
хозяйка являлась съ завтракомъ. Вся яства
подавалась на оловянныхъ блюдахъ. Дѣ-
вущики только отвѣдывали; онѣ много не
ѣдали: зоркіе глаза нянюшекъ разнесли бы
злыя вѣсти по городу. За сытными блю-
дами начинались совѣщанія, «какія бы съ-
играть игры. Дѣвущики-причудившимъ сю-
рели, соорились и отъ досады прекраща-
ли завтракъ. Нянюшки подслушивали и
передавали вѣсти матушкамъ съ разными
дополненіями, догадками сосѣдей, съ сво-
ими намеками. Встарину часто бывало,
что мать обиженной дѣвущикѣ пріѣзжала
нечаянно въ званый домъ, брала съ собою
дочь, приговаривая «будто бы по ней всто-
сковался отецъ, а она сама видѣла дур-
ные сны». Догадливые люди понимали и
судили посвоему.

Если завтракъ оканчивался мирно, ня-
нюшки прощались съ дѣвущиками. На про-
водахъ нянюшка уводила «хоженую» въ
уголокъ распросить кой-о-чемъ. Дѣвицы про-
вожали нянюшекъ «съ наказаніями»: «кла-
няться батюшкѣ и матушкѣ, всѣмъ род-
нымъ и домашнимъ»; хозяйка приказывала:
«просить родителей навѣдать дочекъ, по-
бывать на вечеръ». Нянюшекъ провожали
до воротъ всего семейю.

Крѣпкими запорами затворялись ворота;
ни одно постороннее лицо не впускалось
на дворъ; въ это время красныя дѣвицы
катались съ горъ, бросали снѣжками другъ
въ дружку. Эти утѣхи недолго продолжа-
лись: холодъ загонялъ дѣвицъ въ комнаты.

Старшая нянюшка предлагала дѣвущи-
камъ святочные игры; но дѣвицы не рѣ-
шались на игры; каждая поджидала брат-
ца. Это была роковая минута для нихъ.
Каждая дѣвущка предполагала въ чу-
жомъ братѣ суженаго, вспоминала матуш-
кинѣ наставленія: когда братцы приходи-
ли проводывать сестрицъ, тогда начина-
лись игры. Въ числѣ самыхъ важныхъ игръ
почтались: «сичку-посичку», потому что

въ этой игрѣ часто приходилось дѣвушкамъ сидѣть на колыняхъ братцовыхъ, «коза и сивой козель.»

Съ окончаніемъ игръ, братья прощались съ сестрицами и уходили. Дѣвушки однѣ начинали загадывать загадки, продолжая ихъ разгадывать до самаго вечера. Наши народныя загадки высказывались только въ одно это время. Между загадками старушки рассказывали сказочки, были о старомъ житьѣ-бытьѣ. Важность этихъ рассказовъ превосходить всякое вѣроятіе. Надобно быть Русскимъ, надобно дорожить всеми обычаями, чтобы оценить ихъ достоинство. Рассказы чужеземцевъ о нашей старинѣ до невѣроятности жалки и ничтожны предъ Русскими воспоминаніями. Кто разъ былъ внимательнымъ очевидцемъ Святка, тотъ никогда не повѣритъ чужеземнымъ описаніямъ; онъ увѣренъ, что только на Святкахъ можетъ встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ забытою, старою Русскою жизнью: въ это время она воскресаетъ со всеми ея прелестями и причудами, со всеми восторгамъ и вѣрованіями. Народная память, сохраняя заветныя были, олицетворяла ихъ въ преданіяхъ. Вотъ почему наши загадки и пословицы, не бывъ вписаны въ сказанія, не гнѣли, какъ сгнѣли памятники времени минувшихъ — летописи...

Въ сумерки начинали съѣзжаться званные гости. Хозяйка встрѣчала у воротъ гостей, хозяйка дождалась у крыльца, дѣвочки выѣжали въ сѣни. После длинныхъ привѣтствій, всѣхъ возможныхъ пожеланій, упрековъ за сѣсивость, хозяйка сажала гостей по мѣстамъ. Въ размѣщеніи гостей соблюдался строгій выборъ: въ комъ прочли добро, того сажали выше; въ комъ мало нуждались, того отводили въ сторону. Богатые старежки всегда занимали первыя мѣста по правую сторону; часто рядомъ саживали съ ними пожилыхъ женщинъ. Въ богатомъ домѣ всегда бывали женщины здоровыя, плотныя, дорогныя; гостя съ такими преимуществами была красна пиря; для ней хозяйка отводила почетное мѣсто съ низкими поклонами. Молодыя женщины саживали по лѣвую сторону; сохраняя глухое молчаніе имъ дозволялось только заниматься «переворочкомъ», т. е. поворачивать руки на колѣни, сложить пальцы съ пальцами, и вертѣть

однимъ большимъ пальцемъ около другаго. Женщина въ такомъ положеніи почиталась самою степенною; свекрови и матери взирали на нее съ улыбкою; мужа и братья гордились такою важною; посторонніе перешептывались отъ зависти. Молодые люди, особенно суженыя, сидѣли въ уголкахъ на одной сторонѣ съ мужчинами. Дѣвцы усаживали чиннымъ порядкомъ, пониже молодущекъ; имъ дозволялось перешептываться между собою, (вслухъ нельзя имъ было ничего говорить), по временамъ выходить за гостинцами въ другія комнаты, откуда выглядывали нянюшки. Гости могли только изрѣдко смотрѣть на дѣвцы, но вмѣшиваться въ дѣвичьи разговоры никто не дерзалъ.

Гости привѣжали «въ тяжкихъ нарядахъ», въ праздничныхъ уборахъ. Русскіе наряды отличались всегда своею постоянною и вѣковою прочностію. Платье, шитое отцомъ, доставалось на жизнь сына и внучатъ. Мужчины не развѣвали, долго ли сидѣть кафтанъ на талии, коротки, или длинны рукава: платье всегда шивалось длинное и широкое; съ такими удобствами оно бывало всемъ впору. Эта прочность характеризовала семейство и, при богатомъ состояніи, почиталась родовымъ достоинствомъ. Большая бобровая шапка, соболя или лисья шуба, кафтанъ съ мѣдными или серебряными пуговицами, съ шнурами, наштыми на спинѣ, шелковая Персидская или кумачная подпояска — составляли нарядъ праздничной, нарядъ богатаго гостя. Женскіе наряды сохраняли еще болѣе постоянства и характеризовали не только женщинъ, но даже цѣлые города. По кокошнику или сворнику можно было узнать изъ какаго кто города. Таковы были кокошники Калужскіе, Бѣлевскіе, Остажскіе, Торжковскіе, Московскіе; сворники Тульскіе, Московскіе, Орловскіе, Мценскіе, Ярославскіе. Кокошники и сворники дѣлывались изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, или изъ краснаго и малиноваго бархата, съ позументами по краямъ, съ жемчужными узорами. Сѣрѣи и шейные уборы, составляя важную часть приданаго, считались вѣковыми; шейные уборы состояли изъ жемчужныхъ нитокъ, поясковъ, веревочекъ и пузырей. Нитки ванизывались изъ вурмитскаго жемчуга,

БЕРЕВОЧКИ И ПУЗЫРИ ИЗ САМОГО МЕЛКАГО ЖЕМЧУГА, ПОВЯЗКИ ВЫНИЗЫВАЛИСЬ ЖЕМЧУГОМЪ ВЪ ВИДѢ ШИРОКОЙ ТЕСЕЖИ. ЭТОЮ РАБОТОЮ ЗАНИМАЛИСЬ ДѢВУШКИ-НЕВѢСТЫ ПОСТАМИ, КОГДА СБИРАЛИСЬ РОДНЫЯ И ЗНАКОМЫЯ ЖЕНЩИНЫ «ПОСПИДѢТЬ НА ДЕНЬ». КРОМѢ ТОГО, НА РУКИ НАДѢВАЛИСЬ ЖЕМЧУЖНЫЕ ПАРУКОВНИКИ. САРАФАНЫ ПАРЧЕВЫЕ, ЕПАНЧИ ШТОФНЫЯ СЪ СОБОЛЪЮ ОПУШКОЮ, БѢЛЫЕ КИСЕЙНЫЕ НАКРАХМАЛЕННЫЕ РУКАВА ДЛИННОЮ ВЪ ТРИ АРИШИНА, СЕРЕБРЯНАЯ ЦѢПОЧКА НА ШЕЮ, КОСЫНКА, БѢЛАЯ КИСЕЙНАЯ ФАТА НА КОКОШНИКѢ, КАСТРОВЫЕ ЧУЛКИ, БАШМАКИ СЪ БОЛЬШИМИ КАБАУКАМИ ИЛИ ЧЕРЕВИЧКИ — УКРАШАЛИ ЗАМУЖНИХЪ БОГАТЫХЪ ЖЕНЩИНЪ, ЯВЛЯВШИХСЯ НА ОБѢДЫ И ВЕЧЕРИНКИ. УБОРЫ КРАСНЫХЪ ДѢВУЩИЦЪ СОСТОЯЛИ ИЗЪ ДУШЕГРѢЙКИ, САРАФАНА, КОСЫНКИ, АЛОЙ ЛЕНТЫ ДЛЯ РУСОЙ КОСЫ; ПО ВСѢ НАРЯДЫ БЫЛИ НИЧТОЖНЫ, ЕСЛИ ДѢВУШКА ИМѢЛА БОЛЬШУЮ, РУСУЮ КОСУ; ЭТОМУ СОКРОВИЩУ НЕ ПОЛАГАЛОСЬ ЦѢНЫ.

ЕЩЕ ДО ПРІѢЗДА ГОСТЕЙ СТАВИЛИ ПОСРЕДИ КОМНАТЫ, ВСЕГДА БЛИЖЕ КЪ ПЕРЕДВѢМУ УГЛУ, СТОЛЪ СЪ ЗАКУСКАМИ ИЗЪ ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ. НА ОЛОВЯННЫХЪ ТАРЕЛКАХЪ БЫЛИ НАСЫПАНЫ: ОРѢХИ — ПРОСТЫЕ, КАМЕННЫЕ, СИБИРСКІЕ, ГРЕЦКІЕ, ВОЛОШКІЕ; ЖАМКИ — ГРУЗДНИКИ, КРУТЛЯКИ, УГОЛЬЯНИЧКИ, СЕРДЕЧКИ, ГОРОШКИ, ПРЯНИЧКИ; ПРЯНИКИ — ВІЗЕМСКІЕ, БѢЛЫЕВСКІЕ, ТУЛЬСКІЕ, ПАПУШНИКИ; ЯБЛОКИ — СВѢЖІЯ, РАЗНЫХЪ СОРТОВЪ, СВИНЦОВКИ, БОРОВНИКИ, ГРУШОВКИ, ОПОРТОВЫЯ, ДУХОВЫЯ, НАЛИВНЫЯ, АРАПКИ, СКРИЖАНАЛЬ, ПЛОДОВИДКИ, ЗИМОВКИ, ЯБЛОКИ МОЧЕНЫЯ, СУШЕНЫЯ; УКРАИНСКІЯ, ПАРЕНІЯ СЪ КВАСКОМЪ; ИЗЮМЪ — КРУПНЫЙ И МЕЛКІЙ; КОРНИКА; ВИННЫЯ ЯГОДИ; ЧЕРНОСЛИВЪ — УКРАИНСКІЙ И ЗАМОРСКІЙ; ГРУШИ-МОЧЕНЫЯ, СВѢЖІЯ, СУХІЯ; ДУЛИ; КАЛУЖСКІЕ БЕРГАМОТЫ; СУШЕНЫЯ ВИШНИ — ВЛАДИМИРСКІЯ, РОДИТЕЛЕВКА, ВАСПЛЕВКА, БѢЛЪ И УКРАИНСКІЯ; ВАРЕНЬЯ-СМОРОДИННЫЯ, КРУЖОВНИЧНЫЯ, ВИШНЕВЫЯ, МАЛИННЫЯ (САХАРНЫЯ И МЕДОВЫЯ); СЛНВЫ-ЗЮЗНЕСКІЯ И МОЧЕНЫЯ; КОСТЕНКА МОЧЕНАЯ КИСТОЧКАМИ; БРУСНИКА МОЧЕНАЯ; КАЛИНА СЪ МЕДОМЪ, УНАРЕННАЯ; ШЕПТАЛА; ПОСТИЛЫ КОЛОМЕНСКІЯ — КАРКОВЕННЫЯ И ЯБЛОЧНЫЯ; КЛЮКВА МОЧЕНАЯ. ВЪ БОГАТЫХЪ ДОМАХЪ ВСѢ ЭТИ ГОСТИНЦЫ ЗАГОТОВЛЯЛИСЬ ВПРОКЪ, НА ЦѢЛЫЙ ГОДЪ.

УГОЩЕНІЕ ГОСТЕЙ НАЧИНАЛОСЬ ТОТЧАСЪ ПОСЛѢ ИХЪ ПРІѢЗДА. ХОЗЯИНЪ НА ДЕРЕВЯННЫХЪ ПОДНОСАХЪ, ВЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ КУБКАХЪ, ВЫНОСИЛЪ ВАШЕНКИ-СМОРОДИННЫЯ, ЯБЛОЧНЫЯ,

МАЛИНОВКІ, ЯБЛОНОВКІ; МЕДЪ-БѢЛЫЕ, КЛЮКОВЕННЫЕ; ПИНО-БАХАТНОЕ, ДУШНОЕ; ЭТАГУ МАРТОВСКУЮ. КАЖДАГО ГОСТЯ ХОЗЯИНЪ ПРОВОЗГЛАШАЛЪ ПО ИМЕНИ СЪ ПРОШЕНІЕМЪ ОТКУШАТЬ, А ХОЗЯЙКА, СТОЯ СЗАДИ ЕГО, КЛАНЯЛАСЬ ВЪ ПОЯСЪ. ЛЮБИМЫЙ ГОСТЬ НЕ ВПРАГЪ НАПИТКА ИЗЪ РУКЪ ХОЗЯИНА: ОНЪ ТРЕБОВАЛЪ СЪ НАСТОЙЧИВОСТЮ, ЧТОБЫ ЕГО УГОЩАЛА ХОЗЯЙКА. МУЖЪ ПЕРЕДАВАЛЪ ЖЕНѢ СВОЕЙ ПОДНОСЪ. ГОСТЬ, ПРИНИМАЯ КУБОКЪ, ГОВОРИЛЪ ТЫСЯЧИ ПОЖЕЛАНІЙ КАЖДОМУ ВЪ СЕМЕЙСТВѢ, И ВЫПУСКАЛЪ ДЛЯ ВАЖНОСТИ СЪ РАЗСТАНОВСКОЮ. ТАКОМУ ГОСТЮ ДОЗВОЛЯЛОСЬ ПОЦѢЛОВАТЬ ХОЗЯЙКУ. ПОЧЕТНОЕ УГОЩЕНІЕ НАПИТКАМИ ДОСТАВАЛОСЬ ТОЛЪКО НА ДѢЛЮ СТАРИКОВЪ И СТАРУШЕКЪ. ВЪСЛѢДЪ ЗА НАПИТКАМИ, ХОЗЯЙКА ОБНОСИЛА ГОСТЕЙ ЗАКУСКАМИ, И ВСЕГДА СЪ ЖАЛОБАМИ, ЧТО ЧИННЫЕ ГОСТИ МАЛО БЕРУТЬ. МОЛОДЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ НЕ ПОДНАШИВАЛИ ВИНА; ОНѢ ЧАСТО САМИ ВЫХОДИЛИ ВЪ ДРУГІЯ КОМНАТЫ ВЫПИТЬ КВАСКУ. ТАМЪ ХОЗЯЙКА УГОЩАЛА ИХЪ ИЗЪ ТЕМНАГО СТАКАНА, НАПОЛНЕННАГО ВИШНЕВКОЮ ИЛИ ГОДОВАНЫМЪ КРѢПКИМЪ МЕДОМЪ. ДѢВУЩИЦЪ НЕ УГОЩАЛИ: ОНИ ИМѢЛИ ВЪ УЗЕЛКАХЪ МАТУШКИНЫ ГОСТИНЦЫ. СУЖЕНЫЕ ВСЕГДА СЧИТАЛИСЬ НЕПІТУЩИМИ.

ПОСЛѢ ВЕЗЧИСЛЕННЫХЪ УГОЩЕНІЙ ЯВЛЯЮСЬ ШУТЫ ПОТВѢЩИТЬ ГОСТЕЙ. НАРЯЖЕННЫЕ ВЪ РАЗНОЕ ПЛАТЬЕ, ОНИ НАЧИНАЛИ ПЛЯСАТЬ, РАЗСКАЗЫВАТЬ ПРИБАУТКИ, БАСЕНКИ, СКАЗОЧКИ, ЧАСТО НАМЕКАЯ НА ХАРАКТЕРЫ ГОСТЕЙ И СЛАБОСТИ МАТУШЕКЪ ВЪ ОТЫСКАНИИ СУЖЕНЫХЪ. НАТѢШИВШИ ГОСТЕЙ, ХОЗЯЕВА ОТПУСКАЛИ ИХЪ СЪ ГОСТИНЦАМИ И ПОДАРОКАМИ. ЗА НИМИ ВЪСЛѢДЪ, СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ ХОЗЯЕВЪ И ПОЧЕТНЫХЪ ГОСТЕЙ, ВХАЖИВАЛИ «НАРЯЖЕННЫЕ». ВЪ ЧИСЛѢ ЭТИХЪ НАРЯЖЕННЫХЪ ВСЕГДА БЫВАЛИ СУЖЕНЫЕ ИЗЪ ОСОВЪ ПОСТОРОННИХЪ, НЕПРИГЛАШЕННЫХЪ НА ВЕЧЕРИНКИ. САМЫЕ ЗАБАВНЫЕ УБОРЫ НАРЯЖЕННЫХЪ БЫВАЛИ: МЕДВѢДЬ, КОЗА, СЛѢПЫЕ ЛАЗАРИ, БОЙЦЫ. ВМѢСТО МАЗОКЪ, НАТРАЛИ ЛИЦО САЖЕЮ, ПОДРУМЯНИВАЛИСЬ КИРИЦЕМЪ. НА ГОЛОВУ НАДѢВАЛАСЬ БЕЗОБРАЗНАЯ ШАПКА. КОЗУ И МЕДВѢДЯ ОДѢВАЛИ ВЪ ОВЧИНЫЕ ТУЛУПЫ НА ВЫВОРОТЪ. СЛѢПЫЕ ЛАЗАРИ ЯВЛЯЛИСЬ ВЪ ОБОРВАННЫХЪ КАФТАНАХЪ, СЪ ПЯКОЮ ВЪ РУКАХЪ. ВМѢСТО ГОРБОВЪ ПОДКЛАДЫВАЛИ ПОДЪ КАФТАНЫ ПОДУШКИ. ГОСТИ УПРАШИВАЛИ НАРЯЖЕННЫХЪ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ, И НАРЯЖЕННЫЕ ИСПОЛНЯЛИ ПРОСЬБУ ГОСТЕЙ. КОЗА СЪ МЕДВѢДЕМЪ ПЛЯСАЛА, ЛАЗАРИ ПѢЛИ СТИХЕРЫ, БОЙЦЫ БИЛИСЬ И БО-

ролись, старухи караулили на огородах горохъ и ловили воровъ. Въ числѣ воровъ всегда бывали суженые гости. Если они пѣли враговъ, то эти враги, въ одеждѣ старухи, проговаривали разные упреки подъ видомъ сказки. Овижаться никто не смѣлъ, если только не величали въ сказкѣ поминно гостей. Нескромныхъ наряженныхъ тотчасъ удаляли. Нередко случалось, что близкіе родственники званого дома бывали въ числѣ наряженныхъ, и если ихъ узнавали, то они тотчасъ перемѣняли свой уборъ. Хозяинъ всегда обязанъ былъ угощать наряженныхъ напитками. Непитущихъ гостей считали за важныхъ людей и провожали съ честью. Когда же они прикупили напитки, тогда дворовые, при уходѣ, обязаны качать ихъ: таково было обычай.

Послѣ всѣхъ увеселеній вносили столъ и ставили посреди комнаты. Старички, старушки вставали и давали просторъ молодышкамъ и суженымъ обоюго пола. Являлась почетная сваха съ скатертью и накрывала столъ. Старшая нянюшка приносила блюдо съ водою и ставила на столъ. Красныя дѣвочки, молодушки, старушки, суженые снимали съ себя кольца, перстни, серьги и клали на столъ, загадывая надъ ними «свою судьбу». Хозяйка приносила скатерть-столечникъ, а сваха накрывала ею блюдо. Гости усаживались. Въ срединѣ садилась сваха прямо противъ блюда. Нянюшки клали на столечникъ маленькие кусочки хлѣба, соль и три уголька. Сваха запѣвала первую пѣсню: «Хлѣбу да соли». Всѣ сидящіе гости пѣли подъ ея глосъ. Съ окончаніемъ первой пѣсни сваха поднимала столечникъ и опускала въ блюдо хлѣбъ, соль, угольки, а гости клали туда же свои вещи. Блюдо снова накрывалось. За этимъ начинали пѣть святочные подблюдныя пѣсни. Во время пѣнія сваха разводила въ блюде, а съ окончаніемъ пѣсни трясла блюдомъ. Каждая пѣсня имѣла свое значеніе; но всѣ эти значенія были невездѣ одинаковы. Такъ во многихъ мѣстахъ одно и то же значеніе прилагалось къ разнымъ пѣснямъ, смотря по мѣстному обычаю. Это значеніе къ скорому замужеству къ свѣдѣнью; замужество съ ровненью; замужество съ чиновинымъ; въ свѣтлицѣ; къ вѣдросли; къ сытой жизни; къ свадьбѣ; къ богатству; исполненіе

желанія; веселая жизнь; дѣвушка къ замужеству, молодцамъ къ женитьбѣ; счастливая доля; дорога; замужество съ мнлымъ; прибыль; замужество во дворъ; несчастіе; къ смерти; къ болѣзни; къ радости. По окончаніи каждой пѣсни пѣлся особенный припѣвъ:

Да кому мы спѣли, тому добро.

Слава!

Кому вынется, тому сбудется.

Слава!

Скоро сбудется, не минется.

Слава!

Последнему кольцу теперь въ около-Московныхъ губерніяхъ не поютъ подблюдной пѣсни: ему обрекаютъ горькую участь. Напротивъ того поступаютъ въ Сибири и Заволжскихъ мѣстахъ. Тамъ последнему кольцу поютъ свадебную пѣсню, а послѣ его уже катаютъ по полу, смотря въ какую сторону оно покажется: если дѣвушкѣ покажется кольцо къ дверямъ, то къ замужеству, мужчине къ дорогѣ.

Въ селеніяхъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи совершенно напротивъ совершаются подблюдныя и.ры. Тамъ приносятъ въ покон пустое блюдо, безъ воды, и ставятъ его на столъ; также приносятъ хлѣбъ, уголь и золу, завязываютъ ихъ въ платки и опускаютъ въ блюдо. Послѣ этого каждый изъ присутствующихъ дѣлаетъ изъ платковъ, шпирнокъ, полотенецъ разныя фигуры: лошадей, коровъ, ребятъ, птицъ, звѣрковъ, и это все опускаютъ въ блюдо. Игроки становятся кругомъ стола и поютъ первую пѣсню: «Царь-Слава!» Во время пѣнія игроки поднимаютъ вверхъ руки, а при концѣ каждаго стиха приотпываютъ ногою. Въ это время почетный гость садится на высокую скамью, и когда пропоютъ первую пѣсню, то игроки поднимаютъ его со скамьи и начинаютъ качать. Качаніе кончилось. Игроки подебаютъ къ столу и съ проворствомъ вынимаютъ изъ блюда, кто что успеетъ. Послѣ этого складываютъ вещи кучками по угламъ. Игроки завязываютъ глаза, и потомъ ходятъ попарно, мужчина съ женщиною, кругомъ стола, и поютъ сначала Святочные пѣсни, далѣе Хороводныя. Во время пѣнія игроки стараются схватить вещи со стола. По окончаніи игры развязываютъ глаза и смо-

ТЯТЬ, КОМУ ЧТО ДОСТАЛОСЬ. ПО ЭТОЙ ВЕЩИ НАЧИНАЮТЪ РАЗГАДЫВАТЬ.

ПО ОКОНЧАНИИ СВЯТОЧНЫХЪ ПОДЕЛЮДНЫХЪ ПЪСЕНЬ НАЧИНАЛИ ХОРОНИТЬ ЗОЛОТО. ОСТАВШЕЕСЯ КОЛЬЦО ОТЪ ПОДЕЛЮДНЫХЪ ПЪСЕНЬ ОДНА ИЗЪ ДЪВУШЕКЪ БРАЛА ВЪ РУКУ И ХОДИЛА ОКОЛО ДЪВУШЕКЪ, КОТОРЫЯ СИДѢЛИ, СЛОЖИВЪ РУКИ НА КОЛѢНЯХЪ. ПОКА ПѢЛИ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ СТИХА, ОНА ПОТЦХОНЬКУ КЛАЛА КОЛЬЦО ВЪ ЧЬИ ИБУДЬ РУКИ, А ДЪВУШКИ ПЕРЕДАВАЛИ ЕГО ОДНА ДРУГОЙ. ПЪСНЯ КОНЧИЛАСЬ. КТО ХОРОНИЛЪ ЗОЛОТО, ТОТЪ ДОЛЖЕНЪ ОТГАДАТЬ У КОГО ОНО. ЕСЛИ ОТГАДАЕТЪ, ТО ОКОНЧИВАЛАСЬ ИГРА; ЕСЛИ ЖЕ НѢТЬ, ТО ОПЯТЬ НАЧИНАЛИ ХОРОНИТЬ ЗОЛОТО.

НЕ ИМѢЯ НИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХЪ, НИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ СВѢДѢНІЙ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКИХЪ СВЯТОКЪ, МЫ И НЕ ДОВСКИВАЕМСЯ ЭТОГО; НО НАШИ ПОДЕЛЮДНЫЯ ИГРЫ СЪ ПЪСНЯМИ ЗАШЛИ КЪ НАМЪ ИЗЪ ГРЕЦІИ. ТАМЪ ПЪВЪСТНА БЫЛА ИГРА И ПЪСНЯ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ: КЛИДОНА. ГРЕЧАНКИ УПОТРЕБЛЯЛИ ЭТУ ИГРУ ТОГДА, КОГДА ЖЕЛАЛИ УЗНАТЬ БУДУЩЕЕ СЧАСТІЕ ИЛИ НЕСЧАСТІЕ ВЪ ЖЕНИДЬБѢ, ЛЮБОВИ. СОБІРАЯСЬ ВМѢСТѢ, ОНѢ КЛАЛИ ВЪ СОСУДЪ, НАПОЛНЕННЫЙ ВОДОЮ, КОЛЬЦА, ПЕРСТНИ, МОНЕТЫ, И ПОТОМЪ ВЫНИМАЛИ ИХЪ ПРИ ПѢНІИ ПЪСЕНЬ. ПРОИГРЫВАЯ ПЪСНЯ РЫПАЛА УЧАСТЬ ГРЕЧАНКИ ПО ЕЯ ВЕЩИ. ГРЕКИ НЕ УПОТРЕБЛЯЛИ ПРИПѢВА «СЛАВА!»; ЭТО ТОЛЬКО СУЩЕСТВУЕТЪ У РУССКИХЪ.

ПОСЛѢ ВСѢХЪ УТѢШЕНІЙ ГОСТИ НАЧИНАЛИ ЧИННО ПОДНИМАТЬСЯ ДОМОЙ. ХОЗЯЕВА ОБЯЗАНЫ БЫЛИ УПРАШИВАТЬ ГОСТЕЙ ПОСИДѢТЬ. ПРОВОДЫ И ПРОЦАНІЯ ПРОДОЛЖАЛСЯ ПО ЧАСУ И БОЛѢЕ, ДО ВОРОТЬ.

ДЪВУШКИ ПОСЛѢ ГОСТЕЙ, НАЧИНАЛИ КЛИКАТЬ СУЖЕНАГО И ВОРОЖИТЬ РАЗНЫМИ СПОСОБАМИ, ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ОПЫТНЫХЪ НАНЮШЕКЪ. ГЛУБОКАЯ ПОЛНОЧЬ ПРЕКРАЩАЛА ВСѢ СВЯТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

ПОСЛѢ ПЕРВОЙ ВЕЧЕРИНКИ ЗНАКОМЫЕ И РОДНЫЕ СГОВАРИВАЛИСЬ ПО ПИРОВАТЬ ВЪ СВОЕМЪ КРУЖКУ. ЗДѢСЬ МУЖЧИНЫ ВСТУПАЛИ ВЪ СВОИ ИГРЫ И РАСНОРЯЖАЛСЯ ПО СВОЕМУ. ВЪ ОДИНЪ ВЕЧЕРЪ НАЗНАЧАЛОСЬ ДВА ПИРУШЕКЪ ПЪСКОЛЬКО ДОМОЙ. ВЕЧЕРНЕЮ ПОРОЮ ЗАПРЯГАЛИСЯ САНИ, И МОЛОДЫЕ: МУЖЕ СЪ ЖЕНОЮ, ПЕРЕРЯЖЕННЫЕ, СЪ ЗАКРЫТЫМИ ЛИЦАМИ, ОТПРАВЛЯЛИСЬ ПИРОВАТЬ. СКРЫТЫХЪ ГОСТЕЙ СЪ РАДОСТІЮ ПРИНИМАЛИ, ЛАСКОВО УГОЩАЛИ, А МЕЖДУ-ТѢМЪ СТАРАЛИСЬ СТОРОНОЮ УЗНАВАТЬ ОБЪ НИХЪ. ЕСЛИ ДОЛГО НЕ СПОЗНАВАЛИ ГОСТЕЙ, ТО НАЧИНАЛОСЬ КАЧА-

Томъ III. Ч. I.

НИЕ: ГОСТЯ ПОДХВАТЫВАЛИ НА РУКИ И БРОСАЛИ ВВЕРЬ, ПОКА ОНѢ ПОКАЕТСЯ. ГОСТИ ОТКРЫТЫ—И СНОВА ПИРУШКА. ПОТОМЪ ОТПРАВЛЯЛИСЬ ПИРОВАТЬ ЦѢЛЫМЪ ПОВЪЗДОМЪ ВЪ ДРУГІЕ ДОМА, И ПРАЗДНОВАЛИ ДО ЗАУТРЕНИ.

ВЪ ГОРОДАХЪ И СЕЛАХЪ СВЯТОЧНЫЯ НОЧИ ПОСВЯЩЕНЫ БЫЛИ РАЗЪѢДАМЪ И ПИРУШКАМЪ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНІЯ РОДСТВА, ПРИЙСКАНІЯ НЕВѢСТЪ И СУЖЕНЫХЪ. ПОСАДСКІЕ ЛЮДИ ВЪКОГДА НЕ ОСМѢЛИВАЛИСЬ КАТАТЬСЯ УТРОМЪ, КАКЪ БОЯРЕ, ѢЗДИВШЕ ВЪ ОГРОМНЫХЪ САЕЯХЪ БОЛЬШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ, ДО ОБѢДА, НО УЛИЦАМЪ.

ЛЮДИ БѢДНЫЕ, НИЧЕГЪ НЕ БОГАТЫХЪ РОДНЫХЪ, НИКОГДА НЕ ПРИЗЫВАЛИСЬ НА ВЕЧЕРИНКИ ВЪ ЧИСЛО ПОЧЕТНЫХЪ ГОСТЕЙ, ЗАБАВЛЯЛИСЬ НА УЛИЦАХЪ КРУЖКАМИ. НАРЯЖЕННЫЕ ВО ВСѢ ВОЗМОЖНЫЕ КАРРИКАТУРНЫЕ ВИДЫ, ОНИ ЗАБАВЛЯЛИ САМИ СЕБЯ. ОТВАЖНЫЕ, ПРЕВОДИМЫЕ КАКИМЪ-НИБУДЬ СКРЫТЫМЪ СУЖЕНЫМЪ, ОСМѢЛИВАЛИСЬ ВХОДИТЬ ВЪ ЗВАНЫЕ ДОМЫ КАКЪ ПОТЪШНИКИ. ТОЛЬКО ОДНѢ БѢДНЫЯ ДѢВУЦЫ НЕ ЛИПАЛИ СЕБЯ СВЯТОЧНЫХЪ НАСЛАЖДЕНІЙ: ПОДЕЛЮДНЫХЪ ПЪСЕНЬ, ГАДАНІЙ И ЗАГАДОКЪ

ВЪ ГОРОДАХЪ—КРЕСТЦАХЪ, ТИХВИНѢ И НОВОГОРОДѢ СВЯТОЧНЫЕ ПОТЪШНИКИ НАЗЫВАЮТСЯ ОКРУТНИКАМИ, НАРЯЖЕННЫМИ. ТАМЪ СЪ ВЕЧЕРА 28 ДЕКАБРЯ ВСѢ СОСЛОВІЯ, ПОДЪ ВИДОМЪ ОКРУЧЕННЫХЪ, ХОДЯТЪ И ѢЗДЯТЪ ТОЛПАМИ ПО НОВОГОРОДУ, ОТЫСКИВАЯ СВѢЧУ. СВѢЧА, ПОСТАВЛЕННАЯ НА ОКНО, ПОКАЗЫВАЛА ПРИГЛАШЕНІЕ; ТА ЖЕ СВѢЧА, СНИТая СЪ ОКНА, СЛУЖИЛА ДЛЯ НИХЪ ОТКАЗОМЪ. ВООБЩЕ, ГДѢ ЖИВУТЪ СУЖЕНЫЯ, ВСЕГДА УЖЕ СТАВЯТСЯ СВѢЧА; ИНАЧЕ ПОСОРЪ НАДЕЕТЪ НА ДОМЪ, НА ВСЕ СЕМЕЙСТВО. ОБЫКНОВЕННЫЕ НАРЯДЫ ОКРУЧЕННЫХЪ: КАФТАНЪ, СПИТЫЙ ИЗЪ РОГОЖИ, НА КОТОРОМЪ, ВМѢСТО ПУГОВИЦЪ, ВИСЯТЪ ВЛАДАЙСКІЯ БАРАНКИ; КАЗАКИНЪ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ РАЗНЫХЪ, ЦВѢТНЫХЪ ДОСКУТОВЪ СУКНА И ХОЛСТИНЫ; ПОЛОТЕНЦО, ПОВЯЗАННОЕ ЧЕРЕЗЪ ПЛЕЧО СЪ ВИСЯЧИМЪ КОСАРЕМЪ; КРАСНЫЙ КУПАКЪ СЪ ДЕРЕВЯННЫМЪ ОХОТНИЧЬИМЪ НОЖЕМЪ. ВЪ ЧИСЛѢ ОКРУТНИКОВЪ БЫВАЛИ ОСОБЕННЫЕ ЛЮДИ: РОЛЬНИКИ, РАЗСКАЗЫВАЮЩИЕ ГИСТОРІИ, СКАЗКИ, НОЮЩИЕ ПЪСНИ.

РУССКІЯ СВЯТКИ ВЪ ТОРОПЦѢ, УВѢДОМЪ ГОРОДЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ СОХРАНИЛИ ОСОБЕННОЕ НАЗВАНІЕ: СУБЪОТКИ. СХОДСТВОМЪ ВЪ НАЗВАНІИ СЪ СВЯТКАМИ БОГЕМСКИМИ, ГАЛИЦІЙСКИМИ, КАРПАТО-РУССКИМИ, ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОБРЯДОВЫМИ ПОЛОЖЕНІЯМИ. ТОГДА

пещицами субвотками распорядятся честины вдовушки, известные своимъ нездоровымъ поведениемъ. Въ среднихъ комнаты вдовушка вѣшаетъ бумажный цвѣтный фонарь, украшенный лентами. Въ этомъ фонарь горятъ сворныя свѣчи. Встарину за рапте дѣвушки приносили къ вдовѣ свои свѣчки, съ особенными замѣтками. Чья свѣча долѣе прогоритъ, та дѣвушка болѣе всѣхъ проживетъ. Если свѣча горитъ ровно, не плаваетъ, то дѣвушка будетъ имѣть покойную жизнь; если чья свѣча плаваетъ, то замужняя жизнь будетъ безпокойная, несчастная. Для дѣвушекъ устроивались скамейки уступами, отъ пола до потолка, въ видѣ полукруга; а по другимъ сторонамъ ставились скамейки для мужчинъ.

Прежде вечеромъ дѣвушки-Торопчанки собираются къ вдовушкѣ на субвотки въ пышныхъ старинныхъ нарядахъ. Пока производится своры, услаживанія, ворота запраются на крѣпко: ни одинъ мужчина не выпускается. Когда оканчиваются всѣ распорядки, дѣвушки поютъ пѣсни. Въ это время отпращаются ворота и начинаютъ входить холостые мужчины. Величальными пѣснями дѣвушки встрѣчаютъ гостей. За величаніе каждый даритъ щедро дѣвушекъ. Величальные своры отдаются дѣвушками въ пользу вдовушки за ея хлопоты и уборы. Женатымъ мужчинамъ и замужнимъ женщинамъ прежде не имѣли права присутствовать на субвоткахъ: имъ дозволялось только смотреть изъ другой комнаты или съ улицы въ окошки; но нынѣ это постановленіе измѣняется. Субвотки для Торопчанокъ приносятъ неисчислимыя выгоды. Здѣсь невесты высматриваютъ своихъ жениховъ, а женихи выжидаютъ невесты.

Таковы были на Руси Святочныя увеселенія православныхъ людей, нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Самый важный вечеръ былъ Васильевъ; онъ составлялъ украшеніе Русскихъ Святковъ; для него дѣлалась вся приготовленія и почетныя и семейныя вечеринки; въ этотъ только вечеръ все гаданія почитались важными и сбыточными.

Русскія святки оканчиваются къ Звонскихъ гурьмахъ вечеромъ четвертаго Января. Въ этотъ вечеръ матушки притѣжали

наряднымъ дѣломъ въ званый домъ, и, по слѣ гаданій, увозили съ собою дочекъ.

То старина, то и дѣянье...

Русскія святочныя пѣсни, называемыя подблюдными, игральными, по принаровленію къ игрѣ, и обрядными, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, для опредѣленія которыхъ нѣтъ доказательствъ. Какъ созданіе народное, пѣсни носятъ на себѣ особенный отпечатокъ нацѣвъ, отличающійся отъ всѣхъ другихъ мѣрною расчетливостію въ тонахъ.

Русскія святочныя пѣсни бываютъ: анапестическія, дактилохоренческія, съ окончаніемъ трибрахическимъ, хоренческимъ, дактическимъ, ямбическимъ; или состоятъ: изъ анапестопиррихевъ. Размѣръ стиховъ бываетъ: двухстопный, трехстопный, четырехстопный. Вотъ примѣры:

Цѣ́лка шла́ | изъ Но́ва | горо́да.
О́на хвостъ | воло́кла | изъ Бѣла-
озера.

Ка́къ на щу́ | къ чешу́й | ка́ серебря́ная.
Здѣсь трехстопный анапестическій стихъ имѣетъ трибрахическое окончаніе.

Ра́створу́ | я́ квашо́н | ку́ на доны́шкѣ.
Здѣсь тотъ же трехстопный анапестическій стихъ имѣетъ дактилическое окончаніе.

А́хъ ты сѣ́й, | ма́ти, му́чи | цу́, пекѣ́ |
широ́ги;

Къ тебѣ́ бу́—дуть го́ | сти́ неча́ | ян-
ны́е;

Къ тебѣ́ бу́ | дуть въ ла́птяхъ | ко́ мнѣ́
въ сапо́гахъ,

Здѣсь четырехстопный анапестическій стихъ имѣетъ Ямбическое окончаніе.

И́ я́ зо́лото | хоро́ю, | хоро́ю;
Чи́сто сере́бро | хоро́ю, | хоро́ю.

Эти трехстопные стихи состоятъ изъ анапестопиррихы и 2 анапестовъ.

Жемчу́жина | о́катная́,
До́ чего́ тебѣ́ | до́кайти́ся?

Здѣсь 1 стихъ состоитъ изъ 2 пеоновъ, а 2 есть анапестопиррихическій; по по нѣвшему стихосложенію эти же стихи со-

ставляют чистые ямбические трехстопные, дактилического окончания.

Русские Святочные песни были собраны мною в разных местах. Песни подблюдныя, означенныя № 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, 30, — напечатаны со словъ Тульскихъ псаленниковъ; песни № 5, 11, 18, 27 — сообщены мнѣ изъ Казани; песни № 6, 10, 12, 20, 22, 23, 26, 28, 29 — напечатаны со словъ Московскихъ псаленниковъ; песни № 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, доставлены мнѣ изъ Рязанской губернии. Песни игорныя напечатаны со словъ Тульскихъ псаленниковъ. Что же касается до разнорѣчій одной и той же песни, то онѣ все означены въ примѣчаніяхъ.

Варианты Святочныхъ песенъ, представленныя для открытія вѣсѣхъ злоупотреблений, допущенныхъ издателями псаленниковъ, указываютъ на постепенныя измѣненія нашей народности. Уверенъ твердо, что любители нашихъ песенъ обратятъ на это вниманіе и постараются уничтожить все своеволю издателей псаленниковъ. Иначе разрушеніе можетъ довести наши песни до совершеннаго уничтоженія.

Приобрѣтеніе псаленниковъ другихъ Славянскихъ поколѣній сопряжено съ невѣроятнымъ затрудненіемъ; къ намъ доходить только книги Французскія, Нѣмецкія, Англійскія, а изъ Славянскихъ едва одна изъ тысячи, и то завозится по случаю. Теперь для сравненія Святочныхъ песенъ я представляю только: Мало-Русскія и Сербскія. Святочныхъ песенъ нѣтъ въ псаленникахъ Шаффарика, Караджича, Вацлава Олешки и Войцѣйскаго.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краще солнца сѣтла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣкамъ до мельницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе!
Слава!

2.

Катилось зерно по баркату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Слава!

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Шубенка на немъ худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей,
Слава!
Другая пола въ тысячѣ;
Слава!
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Слава!
Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
Слава!
У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.
Слава!

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота.
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Слава!
Мнѣ въ томѣ вѣнецъ вѣнчаться,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою уберусь притыкать³.
Слава!

5.

Еще ходитъ Иванъ по погребу,
Слава!
Еще пьетъ Иванъ неполнаго,
Слава!
Что неполнаго, непокрытаго,
Слава!
Еще хочетъ Иванъ дополни
Слава!
Своего братицу зельевымъ виномъ⁴.
Слава!

6.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой,
Слава!
Слетались, дворовались,
Слава!
Сизыми крыльями обнимались.
Слава!
Ужъ и имъ добрые люди дворовались
Слава!
Какъ соколъ съ голубушкой уживались⁵.
Слава!

7.

Скачетъ грузочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ грузочекъ бляночку,
Слава!
Не грузочекъ скачетъ, а воярской сытъ,
Слава!

Не вбляночку ищетъ, а воярщиною⁶.
Слава!

8.

Ужъ, какъ вышло пузище на рѣпище,
Слава!
Вынесло пузище осмигу вшей,
Слава!
Осмигу вшей, полъ-осмины блохъ.
Слава!

9.

Растворю я квапонку на доньшкѣ,
Слава!
Я покрою квапонку чернымъ соводемъ,
Слава!
Опяшу квапонку яснымъ золотомъ;
Слава!
Я поставлю квапонку на столбчикъ.
Слава!
Ты взойди, моя квапонка, съ краями ровна,
Слава!
Съ краями ровна и со вѣзмъ полна.
Слава!

10.

У Спаса въ Читасахъ за Язуюю,
Слава!
Живуть мужики богатые,
Слава!
Гребуть золото лопатами,
Слава!
Чисто серебро лукошками.
Слава!

11.

Я брошу подушку черезъ ворота,
Слава!
Ты пади, моя подушка, черезъ ворота,
Слава!
Что черезъ ворота, во высокъ теремъ,
Слава!
Изъ высока терема на тесовую кровать.
Слава!
Да кому на той подушкѣ спать, почивать?
Слава!
Спать отроку съ отроичею,
Слава!
Еще молоцу съ дѣвицею.
Слава!

12.

Золота парча развивается,
Слава!
Кто-то въ путь въ дорогу собирается.
Слава!

13.

Расцвѣли на небѣ двѣ радуги,
СЛАВА!
У красной дѣвицы двѣ радости:
СЛАВА!
Со мнѣмъ другомъ советъ
СЛАВА!
И растворень подклѣтъ.
СЛАВА!

14.

Щука шла изъ Новгорода,
СЛАВА!
Она хвостъ волокла изъ Бѣлоозера,
СЛАВА!
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
СЛАВА!
Что серебряная, позолоченая;
СЛАВА!
Какъ у щукѣ спина жемчужомъ сплетена,
СЛАВА!
Какъ головка у щуки унизаная,
СЛАВА!
А на мѣсто глазъ дорогой алмазь.
СЛАВА!

15.

На корытѣ сижу,
СЛАВА!
Я корысти гляжу,
СЛАВА!
Я еще посижу,
СЛАВА!
Я еще погляжу;
СЛАВА!
Я глядь-поглядь
СЛАВА!
И корысть пришла на дворъ,
СЛАВА!
И корысть на дворъ, женихи за столъ.
СЛАВА!

16.

Чарочка поилыбушечка,
СЛАВА!
До чего тебѣ доцѣлывать?
СЛАВА!
Пора тебѣ вонь выплывать,
СЛАВА!
Князьямъ, боярамъ вино подносить.
СЛАВА!

17.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
СЛАВА!

Какъ къ тебѣ будутъ гости печальные,
СЛАВА!

Какъ печальныя и незваныя.
СЛАВА!

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
СЛАВА!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ
сапогахъ.
СЛАВА!

18.

Лѣнивая лѣнивица,
СЛАВА!

Лѣнилася она
СЛАВА!

Часто по воду ходитъ;
СЛАВА!

Она таяла снѣгъ
СЛАВА!

На печномъ столбѣ;
СЛАВА!

Она вытаяла
СЛАВА!

Золотъ перстень,
СЛАВА!

Золотъ перстень
СЛАВА!

О трехъ ставочкахъ.
СЛАВА!

Да кому перстнемъ обручатися?
СЛАВА!

Обручатися отроку съ отроницею,
СЛАВА!

Еще молодцу со дѣвицею.
СЛАВА!

19.

Жемчужина окатная,
СЛАВА!

До чего тебѣ докатитися?
СЛАВА!

Пора тебѣ выкатитися
СЛАВА!

Князьямъ и боярамъ на шапочку.
СЛАВА!

20.

Стоять сами снаряженныя,
СЛАВА!

И полостью они подернуты,
СЛАВА!

Только състь въ сани, да повхати.
СЛАВА!

21.

Ужъ, какъ кланчетъ котъ кошурку:
Слава!
Ты поди, моя кошурка, въ печьку спать;
Слава!
У меня, у кота, есть склянница вина,
Слава!
У меня, у кота, конецъ пирога,
Слава!
У меня, у кота, и постели мягка.
Слава!

22.

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычпники серебряныя;
Слава!
Такъ бы вилась князя и бояре
Слава!
Около Царя православнаго.
Слава!

23.

Покачу я колечко кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Слава!
И сама пойду, суженаго пайду.
Слава!

24.

Ласточка, касаточка,
Слава!
Не вей гвѣзда во высокомъ терему;
Слава!
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывать,
Слава!

25.

Самочки самочки,
Слава!
Они сами катать, сами вѣхать хотятъ.
Слава!

26.

По огороду хожу, полотенцы стелю;
Слава!
Я еще нохожу, я еще постелю.
Слава!

27.

Курочки, поребучица!
Слава!

Да греблася она на заваленку,
Слава!
Еще выгребла золотъ перстень,
Слава!
Золотъ перстень о трехъ ставочкахъ,
Слава!
Да кому перстнемъ обурчатися?
Слава!
Обурчатися отроку съ отропичею,
Слава!
Еще молодцу со двинцею.
Слава!

28.

Ахъ, ты гнупое деревцо, черемышка!
Слава!
Куда клонишься, туда склонисься.
Слава!

29.

Ты, мати, мати, порога моя!
Слава!
И ты взгляни, мати, въ окончико,
Слава!
И выкни, мати, опущинку,
Слава!
Чтобы было чѣмъ опущить ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, то моего жениха.
Слава!

30.

Ужъ, какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости;
Слава!
Что первая-то радость — сына женить,
Слава!
Что другая-то радость — дочь замужъ от-
дасть.
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли вѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везуть.
Слава!

31.

Медвѣдь пыхтунъ,
Слава!
По рѣкѣ пльветъ;
Слава!
Кому пыхнетъ во дворъ,
Слава!

Тому зять во теремъ.

СЛАВА!

32.

Пойду млада къ веревонитъ,

СЛАВА!

Брякну, млада, во колечушко;

СЛАВА!

Какъ колечко скажется,

СЛАВА!

Такъ суженой откликнется.

СЛАВА!

33.

Сидитъ воробей на перетородъ,

СЛАВА!

Глядитъ воробей на чужу сторону.

СЛАВА!

34.

За столомъ сижу,

СЛАВА!

Я на чашу гляжу,

СЛАВА!

Я петернею божу,

СЛАВА!

Золото кольцо пишу;

СЛАВА!

Я еще посижу,

СЛАВА!

Я еще повою,

СЛАВА!

И суженого найду.

СЛАВА!

35.

Бѣжитъ коберъ за кувницею,

СЛАВА!

Бѣжитъ, бѣжитъ,

СЛАВА!

Да все къ себѣ манитъ;

СЛАВА!

Еще побѣжитъ,

СЛАВА!

Со всемъ утащитъ.

СЛАВА!

36.

Рылся кочетокъ на заваленькѣ,

СЛАВА!

Вырылъ кочетокъ жемчужнику.

СЛАВА!

37.

Катлася одонья ржи,

СЛАВА!

Кому прикатится тому добро.

СЛАВА!

ПѢСНИ ПГОРНЫЯ.

1.

И я золото хороноу, хороноу,

Чисто серебро хороноу, хороноу,

Я у батюшки въ терему, въ терему,

Я у матушки во **высокомъ**, во **высокомъ**.

Паль, паль перстень

Въ калину, въ малину,

Въ черную смородину.

Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!

Въ коей рукѣ былиця?

И я рада бы гадала,

И я рада бы отгадывала,

Кабы знала, кабы вѣдала.

Черезъ поле пдучи,

Русу косу плетучи,

Шелкомъ первиваючи

Златомъ приплетаючи,

Ахъ, вы **кумюшки**, вы **голубушки**!

Вы скажите не утайте,

Мое золото отдайте;

Меня мати хочетъ бити,

По три утра, по четыре,

По три прута золотые,

Четвертымъ **жемчужнымъ**.

Еще дѣвица гадала,

Еще красная гадала,

Да не отгадала.

Паль, паль перстень

Въ калину, въ малину,

Въ черную смородину.

Очутлася перстень

Да у боярина, да у молодого,

На правой на ручкѣ,

На маломъ мезинцѣ.

Еще дѣвица гадала,

Да не отгадала,

Еще красная гадала,

Да не отгадала.

Наше золото пропало,

Чистымъ порохомъ запало,

Призапидивило, призапеснивало.

Молодайка, отгадай-ка!

2.

Пошли гусли вдоль по горнищу,
Ай вдоль да по скамбечкѣ;
Дошли гусли до столечника,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми умница
Со правой руки золотъ перстень,
Со своей ли головы золотъ венецъ⁷.

ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.
ПѢСНИ КОЛЯДСКІЯ.

1.

Виноградѣ красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатныя,
Подворотнички рыбыя зубья⁸.
На дворъ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяць,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяць, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да, дай Боже, Устину Хавроньеву
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего поль-аатына⁹.

За ржкою, за быстрою,
Ой колодка! ой колодка!
Лѣса стоять дремуче,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе,
Вокругъ огней скамьи стоять,
Скамьи стоять дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвцы,
Помощь пѣсни калоданщи.
Ой колодка! ой колодка!
Во сѣдмѣ верстахъ, да въ сѣдмѣ столбахъ,
Онь точилъ свой бугатной возъ.

Котель кипить горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колодка! ой колодка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой колодка! ой колодка!

3

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунъ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По вѣтвѣ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзный тынъ:
Среди двора три терема стоять,
Во первомъ терему свѣтелъ мѣсяць,
Во другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяць — Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце — Анна Кирилловна;
Часты звѣзды — то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяйинъ съ хозяйошкой,
На долге вѣки, на многія лѣта.

4.

Прикажи, сударь хозяйинъ, ко двору придти,
Виноградѣ красно зеленое.
Прикажитко ты, хозяйинъ, коляду проска-
зать,
Виноградѣ красно зеленое.
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю
городу,
Виноградѣ красно зеленое.
Ужъ ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградѣ красно зеленое.
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
Виноградѣ красно зеленое.
На седьми верстахъ, на осьмидесяти стол-
бахъ,
Виноградѣ красно зеленое.
Что же около двора, да желѣзной тынъ,
Виноградѣ красно зеленое.

Что на всякой же тычинкѣ по макоткѣ,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что на всякой же по крестикѣ;
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что на всякомъ же крестикѣ по жемчужку,
 Виноградѣ красно зеленое.
 А среди того двора, что три терема стоятъ,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что три терема стоятъ златоверховаты,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что въ первомъ терему красно солнце,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Красно солнце, то хозяйни въ дому,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Что во третьемъ терему часты звѣзды,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Часты звѣзды, то малы дѣтушки;
 Виноградѣ красно зеленое.
 Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на гаю,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду,
 Виноградѣ красно зеленое.
 Малы дѣтушки, какъ олябнышки.
 Виноградѣ красно зеленое.

5.

По Дунаю, по рытъ,
 По берегу по крутому
 Лежать гусли ненамуженныя.
 Коляда!
 Кому гусли намаживати?
 Коляда!
 Наладитъ гусли
 Зензевею Андрияновичу.
 Коляда!
 Зензевея дома нѣтъ;
 Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
 Суды судить, ряды рядить;
 Коляда!
 Онъ жеръ-то шлетъ
 Кутью ниву.
 Коляда!
 Сыновьямъ-то шлетъ
 По добру коню.
 Коляда!
 Дочерямъ-то шлетъ
 По черну совоюю.
 Коляда!

Ч. I. Т. III.

6.

Ужъ какъ шли ребята колядовщнки,
 Виноградъ, красно зеленая моя!
 Колядовщнки, все фабрищнки.
 Виноградъ, красно зеленая моя!
 Мы искали двора господина своего,
 Господиноѣ дворѣ на семи верстахъ,
 На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
 Посреди двора, посреди широка,
 Стоять три терема,
 Три терема златоверхіе:
 Въ первомъ терему красно солнышко,
 Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
 Во третьемъ терему часты звѣздошны.
 Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
 Хозяйюшка въ дому, госпожа въ высокому,
 Молодыя дѣтушки въ дому, какъ орѣшки
 въ меду.
 Виноградъ, красно-зеленая моя!
 Благодарствуй, хозяйни, на хлѣбъ, на соли
 и на жалованьи!
 Виноградъ, красно-зеленая моя!
 Накормилъ, напоилъ, съ двора спустилъ.
 Виноградъ, красно-зеленая моя!

ВАРИАНТЫ СВЯТОЧНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПѢСНИ ПОДЪЛЮДНЫЯ.

Ни одна пѣсня не потерпѣла такого измѣненія, какъ помѣщенія нами подъ N I. Намъ известны только четыре варианта этой пѣсни, которые и помѣщаемъ здѣсь.

1.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ,
 Государю нашему долъ того.
 Государь нашъ не старѣется,
 Его добрые кони не ѣздятся,
 Его цвѣтное платье не носится,
 Его вѣрные слуги не старѣются.

Мы этотъ вариантъ взяли изъ книги:
 Записки и замѣчанія о Сибирѣ...ы...ой. М.
 1837, стр. 122.

2.

Слава Богу на небѣ!
 Государю на сей земли!
 Чтобъ нашему Государю не старѣлся,
 Его цвѣтному платью не изнашиваться,
 Его добрымъ конямъ не извѣживаться,

3

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.

Въ томъ самомъ видѣ этотъ вариантъ былъ помѣщенъ намъ во второй части Сказаній Русскаго Народа. Такъ эта пѣсня записана была еще въ 1828 въ Туль; помѣщенная же теперь въ собраніи намъ была неизвестна при печатаніи Сказаній.

3.

Ужъ какъ слава тебѣ Боже на небѣ!
Слава нашему Государю на сей землѣ!
Нашъ Государь не старится,
Его цвѣтно платье не носится,
Его добрые кони не тѣдятся.
Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Еще хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.

Такъ этотъ вариантъ мы слышали неоднократно въ Москвѣ. Наше современное, новое поколѣніе болѣею частью начинаетъ забывать старыя преданія. Пренебрегая разсказами пожилыхъ людей, они смотрятъ въ пѣсенники, когда думаютъ что-нибудь спѣть, и тамъ повторяютъ старое въ изуродованномъ видѣ. Это часто происходитъ отъ того, что нашъ народъ вѣрится печатному, какъ правдѣ. Не рѣдко бываетъ, что дѣвочки-причудницы по своему измѣняютъ народныя пѣсни. Это случается на Руси только тогда, когда сбѣгаются для пѣнія дѣвушки изъ разныхъ городовъ.

4.

Ужъ какъ слава тебѣ Боже на небеси!
Государю нашему на сей землѣ!
Его цвѣтное платье не носится,
Его вѣрные слуги не старятся,
Его добрые кони не тѣдятся.
Мы пѣсню сию Государю поемъ,
Государю поемъ, ему честь воздаемъ.

Такъ этотъ вариантъ былъ помѣщенъ въ собраніи пѣсень Прача. Смотри изданіе второе, Ч. II. стр. 65. Что здѣсь перемѣнено Прачемъ, читатели могутъ сами понять.

Пѣсня, означенная подѣ № 2, имѣетъ также незначительныя измѣненія. Мы приводимъ одинъ только вариантъ, слышанный нами въ Калугѣ.

Калужское зерно по бархату,
Что по бархату Кизыльбашскому;

Ужъ и было то зерно бурмѣтское.
Прикатилось зерно ко яхонту,
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Хорошъ женихъ со невѣстою.

Пѣсня, напечатанная подѣ № 4, находитъ въ пѣсенникахъ въ измѣненіи и перестановками въ стихахъ.

1.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй вѣнецъ и златъ и новъ,
Золотъ перстень изъ остаточковъ,
А булавочку изъ обрѣзочковъ.
Мнѣ въ томъ ли вѣнцѣ вѣнчаюсь,
Мнѣ тѣмъ ли перстнемъ обручуся,
Мнѣ той ли булавкой уберусь притыкаться.

2.

Идетъ кузнецъ до кузницы,
Куетъ кузнецъ въ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ скуй мнѣ вѣнецъ,
Вѣнецъ золотой, дорогой
Со яхонтами, со камнями!
Скуй изъ золота золотъ перстень,
Изъ чиста серебра булавочку.
Во томъ ли вѣнцѣ вѣнчаюся,
Тѣмъ ли перстнемъ обручуся,
Той ли булавочкой уберусь притыкаю.
Такъ этотъ вариантъ записанъ былъ мною въ Дядиловѣ, селеніи Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи. Очевидное измѣненіе во второмъ стихѣ, прибавленіе пятого, измѣненіе седьмого, указываетъ прямо на разрушеніе стараго. Трудно отдать преимущество въ спорномъ дѣлѣ, когда нѣтъ вѣрнаго указанія.

Пѣсня, напечатанная мною подѣ № 5, сходна съ Сибирскою, помѣщеною въ запискахъ о Сибири на стр. 122; но въ С. Петербургѣ я слышалъ съ измѣненіями.

Ходилъ Иванъ по погребу,
Ходилъ Иванъ по боярскому,
Искалъ Иванъ дополнити
Неполное, непокрытое,
Хочетъ Иванъ дополнити
Зеленое вино со медомъ.

Въ Сибирской пѣсни вѣтъ послѣдняго стиха, помѣщеннаго въ нашемъ въ собраніи. Пѣсня, напечатанная подѣ № 6, имѣетъ свои измѣненія.

ТОЛЬКО ВАРИАНТЪ, ПОДСЛУШАННЫЙ ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ :

Ласточка, касаточка,
Не вей гвезда подлѣ терема!
Тебѣ лѣто тутъ не лѣтывати
И зимушку не зимовати.

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ сборникѣ подлѣ № 27, сходна съ Сибирскою, помѣщенною въ запискахъ о Сибирѣ, гдѣ есть некоторыя отличія: Такъ вмѣсто «золотъ перстень» — напечатано — «позолотъ перстень.» Въ пятомъ стихѣ прибавлено: «этимъ»; въ шестомъ вмѣсто: «обручались отроку съ отроцицею» — напечатано такъ: «еще отроку съ отроцицею.»

Для пѣсни, напечатанной въ нашемъ сборникѣ подлѣ № 30, пѣвѣсны два варианта:

Ужъ какъ на небѣ дѣв радуги,
У вогатаго мужика дѣв радости:
И онъ сына-то женить, дочь замужь
отдаеть.

Въ запискахъ о Сибирѣ напечатана эта иначе, съ растановкою стиховъ и прибавленіемъ словъ.

Еще на небѣ
Да дѣв радуги,
Какъ у нашего хозяина
Дѣв радости:
Еще первая радость-
Сына женить,
А другая-то радость-
Дочь замужь отдасть;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Судушки везуть.

ПѢСНЯ ИГОРНАЯ.

Русской Святочнѣй обѣщай—золото хоронить—безъ всякаго сомнѣнія принадлежить къ древности. Его сопровождали особенною пѣснью, въ видѣ игры; но эта пѣсня претерпѣла значительныя измѣненія. Мы помѣщаемъ три варианта.

Вотъ какъ была напечатана эта пѣсня въ запискахъ о Сибирѣ, на стр. 121.

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у ватюшки въ терему,
Я у матушки во високомъ.

Паль, паль перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица,
Въ чужой рукѣ былица.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Очутился перстень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ приплетаючи,
Златомъ увиваючи.
Куда утка шла,
Туда пыль прошла;
Куда я молода,
Туда рожъ густа:
Овиниста, примолотиста,
Еще изъ зерна коврига,
Изъ полу зерна пирогъ,
Въ голенище широкъ,
Въ топорнище высокъ.

И я золото хороню, чисто серебро хороню,
Я у ватюшки въ терему, я у матушки во
высокомъ.

Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная:
Въ коей рукѣ былица, змѣнная крылица?
И я рада бы гадала, какъ бы знала, вѣдала
Черезъ поле идучи, русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи, златомъ приплетаючи.

Ахъ, вы кумушки! вы голубушки!
Вы скажите, не утайте; меня мати хочеть
вѣсти

По три утра, по четыре, по три прута зо-
лотые,
По три прута золотые, четвертымъ жем-
чужнымъ.

Паль, паль перстень въ калину, въ ма-
лину.

Въ черную смородину, въ зеленъ вино-
градчекъ.

Очутился перстень да у дворянина, да у
молодого

На правой на рукѣ, на лѣвомъ мизинцѣ.

Дѣвочки гадали, да не отгадали,
Красныя гадали, да не отгадали.

И я золото хороно,
 Чисто серебро хороно,
 Я у батюшки въ терему
 Я у матушки въ високомъ.
 Гадай, гадай дѣвица,
 Въ коей рукъ былица
 Змѣнная крылица?
 И я рада бы гадала,
 Кабы знала, кабы вѣдала,
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ прививаючи,
 Златомъ прищетаючи.
 Ахъ вы кумушки! вы голубушки!
 Вы скажите, не утайте.
 Меня мати хочеть бити
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 Четвертымъ жемчужнымъ.
 Паль, паль перстень
 Въ черную смородину.
 Очутился перстень
 Да у дворянина,
 Да у молодого,
 На правой на ручкѣ
 На лѣвомъ мизинцѣ.
 Дѣвушки гадали,
 Да не отгадали,
 Красныя гадали,
 Да не отгадали.
 Еще съѣла рыба
 Проглотила рыба
 Еще соля солонку.

Въ такомъ обезображенномъ видѣ печатались оба эти варианта въ пѣсенникахъ. Первая напечатана была въ пѣсенникѣ, изданномъ въ 1819 году въ типографіи Глазунова, вторая въ пѣсенникѣ Калатилина. Больше всѣхъ была изуродована эта пѣсня въ изданіи Прача. Такъ:

Ужъ я золото хороно,
 Чисто серебро хороно
 Я у батюшки въ терему
 Я у матушки въ високомъ.
 Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная
 Въ коей рукъ былица, змѣнная крылица.
 Ужъ я рада бы гадала,
 И я рада бы отгадывала.
 Черезъ поле идучи,

Русу косу плетучи,
 Шелковъ прививаючи,
 Златомъ прищетаючи.
 Ахъ вы кумушки, вы голубушки,
 Вы скажите, не утайте,
 Мое золото отдавайте!
 Меня мати хочеть бити
 По три прута, по четыре,
 По три прута золотые,
 Четвертой жемчужной.
 Вечерь, вечеръ молоденька
 Съ дворяниномъ пропала,
 Съ руки перстень потеряла.
 Паль перстень
 Въ камину, въ малину,
 Въ черную смородину.
 Очутился перстень
 Да у дворянина,
 Да у молодого,
 На правой на ручкѣ
 На пальцѣ мизинцѣ.
 Дѣвушки гадали,
 Красныя гадали, да не отгадали.
 Наше золото пропало,
 Да и порохохъ запало,
 Да и мохохъ заросло, презандиньво.
 Молодаякка отгадаякка?

ПѢСНЯ ОБРЯДНАЯ.

Для русскихъ обрядныхъ пѣсень такъ мало встрѣчается вариантовъ, что едва на десять приходится одна. Кажется, что это происходитъ отъ того, что праздничныя пѣсни, исчезая вмѣстѣ съ обрядами народными, почти позабыты поселянами. Приведемъ къ этому еще важное обстоятельство: мы не вездѣ успѣли еще осмотрѣть наши преданія; едва ли изъ ста повѣрій могли узнать одно. Можетъ быть, современемъ, и откроются. Для второй пѣсни мы имѣемъ только одинъ вариантъ, напечатанный Срезневскимъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ, въ 1817 году. Вотъ эта пѣсня.

За рвкою, за быстрою, ой калюдка!
 Лѣса стоять дремучіе,
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоятъ
 Скамьи стоять дубовыя;

На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвнцы
Поютъ пѣсни калодушкѣ;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ;
Возлѣ его козель стонетъ.

Въ этой обряднѣ пѣснѣ чего-то не достаеъ. Пѣсня, помѣщенная въ нашемъ собраніи, дополняетъ все пропуски и при томъ имѣетъ какое-то сходство съ одною колыбельною, старою пѣснею.

СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

Для сравненія Русскихъ Колядскихъ пѣсень мы имѣемъ до десяти Мало-Русскихъ, совершенно разныхъ и по мысли и по составу. Это разнорѣчіе мыслей указываетъ болѣе на разность обрядовъ. Въ первомъ изданіи Мало-Русскихъ пѣсень, напечатанныхъ Максимовичемъ въ Москвѣ, 1827 года, помѣщено было на стр. 173—177 шесть слѣдующихъ пѣсень:

1.

А у пана Ивана, да на его дворѣ
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке—листомъ широке.
Изъ того древа церковка рублена;
А въ той церковцѣ стоятъ три престола:
На первомъ престолѣ—святое Роздо,
На другомъ престолѣ—святого Василя,
На третьемъ престолѣ—Иванъ Креститель.
Святое Роздо—намъ радость принесло,
Святой Василя—новый годъ принесъ,
Иванъ Креститель—воду переверстивъ.

2.

Ишовъ, перейшовъ мѣсяць по небу;
Да стрався мѣсяць зъ ясною зарею.
Ой зоря, зоря! Де въ Бога була!
Де въ Бога була—де маешъ стати? —
—Де маю стати? у пана Ивана,
У пана Ивана—да на его дворѣ,
Да на его дворѣ—да у его хатѣ.
А у его хатѣ да двѣ радости:
Первая радость—сына женити,
А друга радость—дочку оддавати;
Сына женити—молодця Евминя,
Дочку оддавати—молодцу Настусю!

Бувай-же здоровъ, молодче Евминку,
Да не самъ зъ собою—зъ отцемъ зъ матерью?
Изъ милымъ Богомъ, и зо всѣмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ!

3.

Да чому ты, дѣвчино, гуляти не идешъ?
Ой якъ же минѣ гуляти пойти,
Що мон братки зъ войська прѣхали?
Привезли минѣ три подарочки:
Першій подарокъ—золотый перстень,
Другой подарокъ—зеленая сукня,
Третій подарокъ—перлова нитка.
Золотый перстень—якъ огонь слеъ,
Зеленая сукня—слеъдъ заматае,
Перлова нитка—головку обвлязе.

4.

Ой гула, гула крутая гора:
Що не вродила шовкова трава;
Тольки вродило зелене вино.—
Красная панна вина стерегла,
Вина стерегла—крьпко заснула.
Якъ налетѣли райскіи пташечки,
Обдзбали зелене вино,
Да пробудили красную панну.
Ой скоро-жъ вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула!
Ой шуги въ луги! райскіи пташки,
А минѣ вина самой надобно:
Брата женити, сестру давати,
Сама молода зарученая!

5.

А въ сего пана скамья заслана,
Да на сей скамѣ три кубки стоять:
Въ першому кубцѣ—медокъ-солодокъ,
У другомъ кубцѣ—крьпкее пиво,
У третьемъ кубцѣ—зелене вино.
Зелене вино—для пана сего,
Крьпкее пиво—для жонки его,
Медокъ-солодокъ—для его дѣтокъ.

6.

Ой въ Киевѣ да на рыночку,
Да на жовтомъ песочку,
Тамъ дѣвочка садъ сажала,
Садъ сажала—поливала,
Поливаючи примовляла:
Рости, саду! высче мене,
Высче мене—красче мене!
Въ тому суду три користоньки:
Перша користь—то орывеньки,

Друга корысть—то вишенки,
Третья корысть—то яблочки:
Огъшками—чечоватися,
Яблучками—подкнудатися.
Да бубай здова зъ батькомъ зъ матерью,
И зъ милымъ Богомъ, и зо всъмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Рожествомъ!

Въ 1836 году были изданы въ С. Петербургъ: «Мало-Россійскія и Червонороссія народныя думы и пѣсни.» Въ этомъ собраніи, въ числѣ обрядныхъ Малороссійскихъ пѣсней были помѣщены четыре Колядскихъ. Вотъ оны:

1.

Ой заказано и зарадано,
Святый вечеръ! или славень еси наше
милый Боже!

Всѣмъ козаченькамъ у войско итти:
Пану...ку короговъ нести;

А у его невка,
Вельми старенька,
Выпивожала
И научала:

«Ой сыне мой, сынку!
Не попережай у передъ войска,
И не оставайся позадъ войска:
Держися войска—все середняго
И козаченька все статечного.»
Молодой...ко не послухай нени своей,
У передъ войска коземъ играе,
А позадъ войска мечемъ махае.
Угляне, се, самъ царь на креслѣ:
«Ой колизъ я знавъ,
Чій то сынъ гулявъ:
То я-бъ за его, свою дочь отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ.»

2.

Изъ-за горы, изъ-за каменной,
Святый вечеръ!

Да воттоль выпуна велике войско,
А по переду панъ...ко иде,
Панъ...ко иде, коника веде,
Хвалится конемъ передъ королемъ,
Да нема у короля токого коня,
Якъ у нашего пана...ка.
Хвалится стрѣлю
Передъ дружиною,
Да нема у дружины,—
Такой стрѣлы,

Якъ у нашего пана...ка.
Хвалится лукомъ
Передъ гайдукомъ,—
Да нема у гайдука,
Такого лука.
Якъ у нашего пана...ка.
Да бубай же здоровъ, пане...ку!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ съ матерью:
Со всъмъ родомъ
Живите съ Богомъ.

3.

Ой рано, рано, куры зацѣли,
Святый вечеръ!
А еще раньше панъ...ко вставъ,
Лучкомъ заоряцавъ,
Братьевъ побужавъ:
«Да вставайте, братья, кони сѣддайте,
Кони сѣддайте, хорты сканкайте:
Да повѣдемъ въ чистее поле, па про-
гулянье,
На розгляданье.

Да найдемо, братья, куну въ деревъ,
Дѣвку въ теремъ...
Отъ-се вамъ, братья,—куна въ деревъ,
А мниъ, братья,—дѣвка въ теремъ.

4.

Ой ясна, красна, калина у лузъ,
А ще красѣйша... а у домъ,
По двору ходитъ,
Якъ заря сходитъ;
Въ свночки войшла,
Якъ зоря зашла.

Въ свѣтловку войшла—паны вста-
влютъ,
Шанки нсвимають, еи пытають:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Я...кова дочка, ...чка.»

Въ 1832 году были изданы въ Харько-
вѣ: «Словацкія пѣсни.» Здѣсь мы мы на-
шли пять Колядскихъ пѣсней, которыя
и помѣщаемъ.

1.

Боже мой, Боже мой
Высокаго неба!
Не дай-же мѣ всти
Жобраного хлѣба!

2.

СЕМЬ, СЕМЬ КРАДЕЙ,
СЕМЬ ЦЕЗАРЕЙ,
ЗЪ ДОВѢРНОСТЬЮ ПОСПѢХАЙТЕ!
ВШИСЦЫ СЯ МУ ПОНИЖУЙТЕ,
ГОСПОДИНУ МАЛЕНЬКЕМУ,
ЛЮДА СПАСИТЕЛЮ.

3.

Я БУВЪ СО ХИМЕ РАЗЪ,
НЕ ПОЙДЕ ДРУГІЙ РАЗЪ;
ЛЕ-БО МЪ ТИГАМИ
ЗА ВЛАСЫ СЪ ПОВАЛИ.

4.

Боже мой, Боже мой!
Претивъ мя опустилъ!
Влкъ мѣ жену забилъ,
Ле со му вопъ пустилъ.

5.

ПАСЛИ ОВЦЫ ВЕЛЕСЫ
ПРЯ БЕТЛЕМСКОМЪ САЛАНЬ.
АНЬЕЛЪ СЯ ИМЪ ОКАЗАВЪ
—ДО БЕТЛЕМА РОСКАЗАВЪ—
СТАНЬТЕ ГОРЬ И ПОДЪТЕ,
ПАВА ХРИСТА НАЙДЕТЕ!
НАЙДЕТЕ ЕГО ВЪ ВЪСЛНЦКАХЪ,
ПОВИНУТА ВЪ ПЪВНОЦКАХЪ;
МАРІА ГО КОЛЕБЕ,
«НИНИ, НИНИ!»—МУ СПѢВА—
НИНИ, НИНИ, НИНИЧКА!
СПИ, МОЙ СЫНКУ, МАЛЕНЬКІЙ!»

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Первая подблюдная пѣсня имѣеть все признаки древности. Какая-то торжественность въ тонѣ, тепере нѣмъ непомятая, означать ее отъ всѣхъ другихъ. Въ ней сказано все, что дорого Русскому сердцу, что онъ самъ любить болѣе всего въ свѣтѣ. Бывшій очевиднымъ свидѣлемъ болѣе сотни посидѣлокъ, слыпалъ каждый разъ ее съ измѣненіями. Въ концѣ 1837 года было получено мною изъ Бѣлва новый списокъ этой же пѣсни, совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ она напечатана была въ Сказаніяхъ Русскаго народа. После этого вторично смилалъ ее уже отъ Новороссійскихъ дѣвушекъ, живущихъ въ С. Петербургѣ. Эти два факта

заставили издателя сдѣлать предпочтеніе встмъ другимъ, означеннымъ въ вариантахъ.

2. Издатели пѣсенниковъ часто относили эту пѣсню къ числу свадебныхъ, нѣ имѣя ни какого основанія. Кажется, что это происходило единственно отъ того, что они слышали ее на свадьбахъ, и, можетъ быть, по этому самому и причисляли къ свадебнымъ.

3. Мы помѣстили эту пѣсню, основываясь на всеобщемъ употребленіи. Варианты, съ замѣчательными измѣненіями, казались намъ явно передѣланными. Это очевидно будетъ всякому при сличеніи.

4. Нѣсколько разъ мнѣ случалось слышать эту пѣсню съ особенною припляскою и какимъ-то отважнымъ напѣвомъ, совершенно отличнымъ отъ напѣва святочныхъ подблюдныхъ.

5. Эта святочная подблюдная пѣсня употребляется на свадебныхъ вечеринкахъ при величаніи молодыхъ, и при томъ безъ припѣва: «Слава!»

6. Во всѣхъ изданныхъ пѣсенникахъ издатель печаталъ вмѣсто — «волярской сынъ» — «дворянской сынъ» — а вмѣсто балрыпню — «дворяночку». Здѣсь очевидно новое измѣненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ слово воляринъ начало исчезать, вторично, издатель пѣсенниковъ почиталъ неприличнымъ употреблять эти слова. Это-то самое ввело въ ошпбку Г. Плавчина-Писарева, сдѣлавшаго ошибочное заключеніе объ старыхъ Русскихъ обычаяхъ въ своемъ взглядѣ на народную поэзію.

7. Эта иторная святочная пѣсня употребляется на свадебныхъ посидѣлкахъ, съ перемѣною словъ и съ прибавленіемъ величальныхъ стиховъ. Вотъ какъ она поется на свадьбахъ:

Пошли гусли въ домъ по лавкѣ,
Впередъ по скамѣйкѣ;
Дошли гусли до умника,
До разумника Ивана Ивановича!
Ты пожалуй нашъ, умникъ,
Съ правой руки золотъ перстень,
Съ вѣной головы золотъ венецъ.

8. Пѣсни Колыдскія принадлежать къ незапамятнымъ временамъ. Что такое Колыда? Рынительнаго опредѣленія никто еще не сдѣлалъ; различныя мнѣнія на-

пнхъ писателей объ этомъ предметѣ не произвели еще положительнаго результата. Чулковъ и его послѣдователи говорятъ: «Коляда, идолъ его былъ въ Кіевѣ и и почитали его богомъ мира; праздникъ его совершали 24 Декабря игравіемъ, веселіемъ и пированіями, въ конхъ не оставляли употреблять обрядовъ, и идолу Туру принадлежащихъ; но и нынѣ по нѣкоторымъ городамъ и деревнямъ память идола коляды не оставляютъ. Въ день, называемый Сочельникъ, т. е. 24 Декабря въ вечеру, собираются нѣсколько дѣвокъ, и, приходя подѣ окно къ каждому, поютъ особую для того пѣсню, упоминая имя Коляды, что называется: «колядуютъ»—за что обыватели даютъ имъ по нѣсколку денегъ. См. Абенегга, стр. 223.»

Мы уже въ 2 части Сказаній Русскаго народа, въ обзорѣни Исторіи Русской на годной Литературѣ—подробно говорили о мифографіяхъ, выдумывавшихъ небывалыя Славянскія божества. Любопытныя могутъ сами прочесть всѣ помѣщенныя тамъ разысканія о Славянской мифологіи.

Гнѣдичъ, въ введеніи своемъ къ Ново-Греческимъ пѣснямъ, писалъ на стр. 32: «Праздникъ и пѣсни Коляды, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснять Холядесъ. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишекъ колбасы, холядесъ, въ это время простолодныи ходятъ подѣ окнами домовъ колядовать, такъ сказать, вынрашивать колбасы: ибо въ пѣснѣ, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ—«кильцо колбасы.» Гнѣдичъ не помѣстилъ этой пѣни; но она слѣдующая:

Щедрникъ, ведрикъ!

Дайте вареникъ.

Грудочку кишки

Кильцо килбаскы.

Максимовичъ, въ примѣчаніяхъ къ Малороссійскимъ пѣснямъ, перваго изданія, на стр. 222, писалъ: «Колядки, суть пѣсни, которыя поютъ вечеромъ 25 Декабря, обыкновенно подѣ окнами, называя по именамъ хозяевъ, его дѣтей и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакожъ колядуютъ и цѣлую недѣлю, которая и называется колядами.»

И. М. Снегиревъ, въ описаніи Русскихъ простонародныхъ праздниковъ, во второй Т. I. Ч. III.

части, пишетъ о Колядѣ: «по сродной человечеству олицетворяемости и Коляда праздникъ, по примѣву Римскаго двуличнаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее и начиналось новое; но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Дажба, или Волоса, предъ которыми клялись, полагая золото, на которыхъ намекаетъ хороненіе золота и гаданіе. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ мнѣчское лице и, какъ укоренившійся давностью, обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной (стр. 60)... Многие производятъ коляду отъ Римскихъ календъ потому, что празднованіе оной приходится въ одно почти съ ними время и самыя слова созвучны между собою; но календы у Римлянъ были не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ. Чтожъ касается до замѣчнаго нами сходства въ нѣкоторыхъ частяхъ этого праздника Януса съ Славяно-Русскимъ; то вѣроятно оно произошло отъ Славянскихъ племенъ, бывшихъ подѣ Римскимъ владычествомъ, и въ послѣдствіи передавшихъ этотъ обычай своимъ переселенцамъ на западъ и югъ Россіи, гдѣ донынѣ воспріяется Коляда и продолжается колядованіе; а на Сѣверѣ, полагать надобно, она перенесена Балтійскими Славянами.»

Н. М. Карамзинъ, въ 1т. стр. 101 своей исторіи, писалъ: «Декабря 24 язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунъ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются колядовать подѣ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ коляды и просятъ денегъ. Святочныя игрища и гаданія кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.»

Коляда есть замѣчательное явленіе въ преданіяхъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. Велико-Руссы почти рѣшительно истребили память о Колядѣ. Изъ всѣхъ преданій только сохранились колядскія пѣсни, и то въ рѣдкихъ семенихъ. Пѣсни поютъ дѣти и старики, известные тамъ подѣ именемъ «побиршикъ» нищихъ. Вечеръ предъ Рождествомъ Христовымъ называются у Велико-Руссовъ—«Сочельникъ.» Мало-Руссы вѣрятъ въ бытіе Коляды; дѣти ихъ вѣдѣтъ

съ молодыми ходятъ колядовать подъ окнами; колядчики поютъ пѣсни, ударяя въ бубны и колокольчики, съ величаниемъ хозлина. Словаки празднуютъ Трехъ царей, и обрядами сопровождаютъ благословеніе домовъ. Виндйцы считаютъ Каляду вожествомъ празднествъ съ особенными обрядами; дѣти колядуютъ по домамъ съ пѣснями и плясками. Сербы и Болгары ходятъ колядовать и поздравляютъ съ новымъ годомъ; хозяева награждаютъ колядовщиковъ подарками.

Велико-Русскія колядскія пѣсни, напечатанныя въ нашемъ собраніи, далеко не достигаютъ своей полноты. Каждая пѣсня имѣетъ свои отпѣчя и въ оборотахъ словъ и въ мысляхъ; а это самое указываетъ намъ на разные обряды въ Русскихъ областяхъ. Безъ сомнѣнія, если бы были сфор-

мы всѣ Колядскія пѣсни, мы не прѣвѣгли бы къ догадкамъ.

17. Рыбій зубъ есть замѣчательная примѣта у Русскихъ. Старушки наши Щучьи зубы сбравотъ для предохраненія отъ змѣя. Непонятно, почему нашъ народъ почитаетъ болѣе большіе зубы, нежели малые, и даже въ числѣ рыбьихъ зубовъ считаетъ моржевые.

18. Велико-Русскія Колядскія пѣсни, взошедшія въ наше собраніе: подъ № 1. выписана изъ Абебега—Чулкова, № 2 и 3 записаны со словъ Тульскихъ поселенъ, № 4 выписана изъ книги Фриза—Руководство къ физическому описанію областного города Устюга великаго; № 5 списано со словъ Муромскихъ пѣсельниковъ; № 6 списана со словъ поселенъ Ярославскаго узда.

РУССКІЯ

ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвочекъ прѣбываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужь, какъ вы холостые не глядите:
Вамъ глядѣльницемъ дѣвушекъ не взять,
Ужь, какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

2.

1. А мы просо сваян, сваян;
Ой Дидъ, Ладо, сваян, сваян!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вамъ надоено, надоено?
Ой Дидъ, Ладо, надоено, надоено!
1. Намъ-то надоено дѣвицу, дѣвицу.
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
1. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
2. А нашего полку прибыло, прибыло.
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

3.

Ай на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ, такъ!
Маки, маковочки,
Золотыя головочки!

Стань-те вы въ рядъ,
Спросимъ-те про макъ³.

4.

Заплетися плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися камка круцатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утужа домой!
Тига сврля домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сврля утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Во меду, да во патоку,
Да во яствъ сахарномъ,
Да во пнтѣ медяномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодикамъ
Шелковую плетку;
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлила да румянь.

Расплетися плетень, расплетися;
Ты развейся труба золотая,
Ты развернися камка круцатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утужа домой!
Тига сврля домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сврля утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ,
Изъ пнтѣ медянаго³.

5.

Селезень сизъ голубчикъ, селезень,
Хохлатой селезень!
Селезень догоняй утку,
Молодой договяй утку.
Поди утужа домой,
Поди сврля домой!
У те семеро дѣтей,
Осмой селезень⁴.

6.

Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива все вкруг собремся;
Ладо мое, Ладо, все вкруг соберемся!
Мы съ этого пива все разодемся;
Ладо мое, Ладо, все разодемся!
Мы съ этого пива все присядемъ,
Ладо мое, Ладо все присядемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ,
Ладо мое, Ладо, спать ляжемъ!
Мы съ этого пива опять встанемъ;
Ладо мое, Ладо, опять встанемъ!
Мы съ этого пива все въ ладоши ударимъ;
Ладо мое, Ладо, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этого пива все перепьемся;
Ладо мое, Ладо, все перепьемся!
Теперь съ этого пива все передеремся;
Ладо мое, Ладо, все передеремся!

7.

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ дѣвщцы ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ молодцы ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ!

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ старушки ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодые сидятъ.

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ злые люди ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ добрые сидятъ.

8.

Какъ пошелъ нашъ молодець
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Ахъ, какъ звали молодца
Позывали улицу!

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Какъ во первъ иговать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ, какъ мнѣ-ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодець,
На свой новый на крылецъ,
Закричу я, молодець,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ есть ли у меня
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку;
Вы подайте гусли,
Звончатые мои?

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець
Ко вдовушкѣ на ковецъ.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Какъ садился молодець,
Какъ садился удалецъ

Противъ вдовушки на скамьѣ.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Молодецъ вдовъ челомъ,
Уронилъ шапку долой.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,

Подними шапку мурмашку?

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Не твоя, сударь, слуга,
Я не слугаю тебя.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ,

Какъ пошелъ нашъ молодець
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Ахъ, какъ звали молодца,
 Позывали удалца!
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Какъ во пиръ пригвать,
 Во бесѣдушку сидѣть,
 На игрище поиграть.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Какъ пошелъ нашъ молодець
 Къ дѣвушкѣ на конецъ.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Какъ садился молодець,
 Какъ садился удалецъ
 Противъ дѣвушки на скамьѣ.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Заигралъ онъ во гусли,
 Заигралъ во звончатые свои.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Молодецъ дѣвицъ челоуь,
 Уронилъ шапку долой.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Ужъ, ты, дѣвушка моя,
 Ты, красная моя,
 Подними шапку мурманску?
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!
 Я твоя, сударь, слуга,
 Я слушаюсь тебя.
 Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ, Донъ!

9.

Посмотрите добрые люди,
 Какъ жена меня, молодца, не любитъ,
 Душа, сердце мое, ненавидитъ!
 Я поведу во Китай городъ гуляти,
 Молодой женѣ покупку покупати:
 Саму, саму придиговинну юнку,
 Саму, саму придиговинну кофту.
 Жена моя, женушка,
 Сердитое мое сердце!
 Ты постой-ка, жена,
 Я примѣрю на тебя,
 Я примѣрю, приложу,
 Я на женушку погляжу.
 Посмотрите, добрые люди,

Какъ жена меня, молодца, не любитъ,
 Душа, сердце мое, не навидитъ!
 Я поведу во Китай городъ гуляти,
 Молодой женѣ покупку покупати:
 Саму, саму придиговинну плетку.
 Жена моя, женушка,
 Сердитое мое сердце!
 Ты постой-ка, жена,
 Я примѣрю на тебя,
 Я примѣрю, приложу,
 Я на женушку погляжу.
 Посмотрите добрые люди,
 Какъ жена меня, молодца, любитъ,
 Душа, сердце мое, поцѣлуется!

10.

Занька вьленькой!
 Хожу я по хорооводу,
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу богатаго тества.
 Нашель я, нашель я
 Богатаго тества.
 Будь ты мнѣ тестникъ,
 А я тебѣ зятникъ!
 Занька вьленькой!
 Хожу я по хорооводу,
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу.
 Ищу я ласкову тещу.
 Нашель я, нашель я
 Ласкову тещу.
 Будь ты мнѣ тещца,
 А я тебѣ зятникъ!
 Занька вьленькой!
 Хожу я по хорооводу,
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу я богатаго шуррина.
 Нашель я, нашель я
 Богатаго шуррина.
 Будь ты мнѣ шуринъ,
 А я тебѣ зятникъ!
 Занька вьленькой!
 Хожу я по хорооводу
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу я ласкову свояченину.
 Нашель я, нашель я
 Ласкову свояченину.
 Будь ты мнѣ свояченина,
 А я тебѣ зятникъ!

Зайняка въленькой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу себя ладу милую.
 Нашелъ я, нашелъ я
 Себя ладу милую.
 Будь ты мнѣ лада невѣстой,
 А я тебѣ женихомъ!
 Я выпивши пива,
 Ударю тебя въ рыло;
 Я приѣвши пироги,
 Пуцую тебѣ-матушку въ толчки.
 Осъдай шуринъ коня,
 Повежай шуринъ съ двора.
 Ласковой своячинѣ
 Подарю подарочекъ:
 Шелкову платку.
 Веселье я, веселье,
 Что одинъ остался,
 Что одинъ остался
 Съ своей ладо милой,
 Съ своей ладо милой
 Три раза поцѣляюсь¹⁰.

11.

Я малешенекъ у матушки родился,
 Я малешенекъ у батюшки женился;
 Привелъ себя жену молодую,
 Слово грушу зеленую,
 Слово яблочко надитое.
 А жена-то молодчика не влюбила,
 Негодяемъ молодчика называла.
 Какъ пошла жена молодая,
 Какъ сама загуляла безъ меня,
 Ровно десять денечковъ
 Ко мнѣ, мужу, не бывала,
 На десятой денечкѣ
 Ко мнѣ жена приходила,
 Не дошедши, остановилась,
 Мнѣ, негодню, поклонилась.
 Ахъ, ты, мужъ негодный!
 Будешь ли кормить хлѣбомъ?
 Сударыня жена!
 Буду кормить калачами.
 Будешь ли, негодный,
 Мнѣ пить квасомъ?
 Буду я пить сырой,
 Сырой медовою.
 Будешь ли, негодный,
 Пускать меня въ гости?
 Сударыня жена!
 Ступай во все!¹¹

12.

Какъ подѣ льсомъ, подѣ темнымъ
 Выростала трава шелковая;
 Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
 Завѣжій гость;
 Онъ во дудочку игралъ,
 Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
 Невѣсту себя.
 Выходила красна дѣвка,
 Тонка, висока,
 Тонешенка, бѣлешенка,
 Собою хороша.
 Охъ, ты, дѣвушка душа,
 Подѣ замужъ за меня!
 Не пойдешь спокоешься,
 Вспомнишь меня.
 Сосѣдушки, собранушки!
 Скажите вы мнѣ:
 Каковъ человекъ?
 Онъ пьяница, пропойца,
 Удалая голова;
 Онъ пропьетъ и тебя.

Какъ подѣ льсомъ, подѣ темнымъ
 Выростала шелковая трава;
 Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
 Завѣжій гость;
 Онъ въ дудочку игралъ,
 Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
 Невѣсту себя.
 Выходила красна дѣвка,
 И толста и кругла,
 И толстехонька, и круглехонька,
 Собою дурна.
 Охъ, ты, дѣвушка душа,
 Подѣ замужъ за меня!
 Не пойдешь, вспокоешься,
 Вспомнишь меня.
 Сосѣдушки, собранушки!
 Скажите вы мнѣ:
 Каковъ человекъ?
 Сосѣдушки, собранушки
 Спохвалили молодца.
 Ужъ, ты молодецъ,
 Завѣжій гость!
 Вино кури, пиво вари,
 Иду замужъ за тебя!¹²

13.

Ты не пой, соловей,
 Ты не пой, молодой,
 При долняхъ;
 Ты не вей гвѣзда,

Ты не вѣй гнѣзда

При теремъ.

Какъ во теремъ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ ;
Она золотомъ коверъ вышивала ,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужь, кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ

Старому мужу.

Я могу ковра убавить ,
Я со всѣхъ сторонъ, со чetyрнхъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотынхъ.
Какъ во теремъ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ ;
Она золотомъ коверъ вышивала ,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужь, кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ

Ладу мному.

Я могу ковра прибавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со чetyрнхъ ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотынхъ¹⁴;

14.

Черезъ кругъ летить утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За крестьянскаго-ль сына?
Калина, малина моя!

У крестьянскаго сына
И толочъ и молотъ,
Рѣшетомъ подсывать.
Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летить утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За боярскаго-ли сына?
Калина, малина моя!

У боярскаго сына
Окошки косылъ,
Лакеи босые,
Собаки борзые.

Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летить утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ ,

Калина, малина моя!

За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!

У старостина сына
Прянички сладенькіе ,
Медъ сыченой.

Калина, малина моя!

А мы свѣли, да съвѣли¹⁴.
Калина, малина моя!

15.

Какъ у насъ было за дворьемъ
Росла трава шелковая:
Ой люди, шелковая!

По той травѣ лада шла,
За ладой мужъ бредетъ.
Ой люди, шелковая!

Ты постой, лада моя,
Ты подожди, лада моя!
Ой люди, шелковая!

Я, сударь, не твою,
Я родимаго батюшки.
Ой люди, шелковая!

Какъ у насъ было за дворьемъ
Росла трава шелковая!
Ой люди, шелковая!

Какъ шли молодцы изъ Москвы,
Вели коня подъ ковромъ,
Ой люди, шелковая!

Подъ золотымъ чепракомъ.
Конь копытомъ землю выбивалъ,
Ой люди, шелковая!

Былъ камень выбивалъ.
Въ очью камня нѣтъ,
Ой люди, шелковая!

Въ моемъ мужъ правды нѣтъ;
Съ чужой женой водится,
Ой люди, шелковая!

Со мной, молодой, ссорится,
Нудо мной, молодой, издѣвается.
Ой люди, шелковая!

Чужой женѣ башмаки,
А мнѣ молодой котикъ.
Ой люди, шелковая!

Ужь, я ли мужа подарю,
Сошью мужу рубашку,

Ой люли, шелковая!

Изъ товкаго полотеница,
Изъ дерюжного конца¹⁵.

Ой люли, шелковая!

16.

Ай вдоль, да по улице,
Ай вдоль, да по широкой,

Ой люли, ой люли по широкой!

Шли тутъ дѣвушки,

Шли тутъ молодушки.

Ой люли, ой люли молодушки!

Меня, младу, съ собой звали,
Меня, младу, съ двора кликали.

Ой люли, ой люли кликали!

Вы постояте, подождите,
Бывы руки подождите;

Ой люли, ой люли подождите!

Я пойду-ль, я спрошаю-ль

У матушки, у свекра-батюшки.

Ой люли, ой люли батюшки.

Свекорь-батюшка пусти погулять?

Свекровушка-матушка пусти погулять?

Ой люли, ой люли погулять!

Хотя пустимъ погулять,
Да безъ мужа не ходи.

Ой люли, ой люли не ходи!

Ужь, мой ли мужъ старой старичница
Не пускаетъ одну на игрища!

Ой люли, ой люли на игрища!

Я пойду-ль, я спрошусь
Своего старого мужа.

Ой люли, ой люли старого мужа!

Пусти на улицу погулять,

Съ ребятами поиграть.

Ой люли, ой люли поиграть!

Хоть я одну погуляю,

Прежде никуду дай одрать¹⁶.

Ой люли, ой люли одрать!

17.

Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!

Плыла лебедь, плыла лебедь,

Лебедь бѣлая, со лебедушками,

Со мальыми, со дитятими,

Ни тряхнется, ни ворохнется;

Плывши лебедь, встрепенулася,

Почъ ней вода всколыхнулася,

Плывши лебедь, выпала на берегъ.

Гдѣ ни взялася, гдѣ ни взялася,

Гдѣ ни взялася, гдѣ ни взялася, всень соколъ;

Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,

Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;

Онъ кровь пустилъ по спино морю;

Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,

Онъ пухъ пустилъ, по подѣ небесью;

Сорилъ перья, сорилъ перья,

Сорилъ перья по чисту полю.

Гдѣ ни взялася, гдѣ ни взялася

Красна дѣвица душа;

Брала перья, брала перья,

Брала перья лебедничи,

Клала въ шапку, клала въ шапку,

Клала въ шапку соболинную,

Милу дружку, милу дружку,

Милу дружку на подушечку,

Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,

Родну батюшкѣ на перинушку.

Гдѣ ни взялася, гдѣ ни взялася,

Гдѣ ни взялася добрый молодецъ.

Боже на помощь, Боже на помощь,

Боже на помощь красна дѣвица душа!

Она-жъ ему, она-жъ ему,

Она-жъ ему не поклонится.

Грозилъ паренъ, грозилъ паренъ,

Грозилъ паренъ красной дѣвицѣ:

Добро дѣвка, добро дѣвка,

Добро дѣвка, дѣвка красная!

Защлю свата, защлю свата,

Защлю свата, за себя возьму;

Будеть время, будетъ время,

Будеть время и поклониться мнѣ;

Будешь дѣвка, будешь дѣвка,

Будешь дѣвка у кроватушки стоять;

Будешь дѣвка, будешь дѣвка,

Будешь дѣвка бѣлы руки, руки цѣловати;

Будешь держать, будешь держать,

Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ.

Я думала, я думала,

Я думала, что не ты идешь,

Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;

Я думала, я думала,

Я думала, что поповской сынъ,

Что поповской сынъ, воръ Алешинка¹⁷!

18.

Какъ у насъ во дворѣ,

Какъ у насъ во широкомъ,

Люли браво, во широкомъ!

Стоять дѣвушки въ кругу,

Стоять красныя въ кругу,

Люли браво, въ кругу!

Одной-то нѣтъ, одной-то нѣтъ,

Одной-то нѣтъ свѣтъ Марьюшки!

Люли браво, свѣтъ Марьюшки!

Она ждетъ, пождетъ къ себѣ,
Друга мнѣлаго, суженаго.

Люли bravo, суженаго!
Стелю, стелю перинушку,
Стелю, стелю пуховую.

Люли bravo, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю:

Люли bravo, подарю!
Не дарикъ вольшой, а любовной,
Пуховую перинушку.

Люли bravo, перинушку!
И ты выди, свѣтъ Машинка,
Ты бери за вѣлы руки суженаго;

Люли bravo, суженаго!
Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряженаго перинушкой¹⁸.

Люли bravo, перинушкой!

19.

Взойду на церковь, на маковку,
Урюню шелковину серебряную.

Бхалъ Людинъ,
Селиванъ Петровъ,
Поднялъ шелковину серебряную.

Мы ему сулили,
Мы ему дарили:

Три коня Татарскихъ,
Три плети Бухарскихъ,
Три ковра,

Золоты мохра;
Онъ просилъ дѣвицу,
Да молоденькую.

Эта кума, эта лиса;
Эта вылезъ вошь¹⁹.

20.

Селезень, сизъ косатый,
Утѣха моя!

Молодецъ кудреватый,
Надежа моя!

Расчесалъ милый кудри,
Утѣха моя!

По лому кафтану,
Надежа моя!

По парчевому камзолу,
Утѣха моя!

Запгралъ милый во гусли,
Надежа моя!

Какъ струна струнъ молвить:
Утѣха моя!

Пора молодцу жениться,

Т. I. Ч. III.

Надежа моя!
На души ли, на вдовицъ?

Утѣха моя!
Не женись холостой,

Утѣха моя!
Не женись молодець,

Надежа моя!
На вдовъ своенравной.

Надежа моя!
Селезень, сизъ косатый,

Утѣха моя!
Молодецъ кудреватый,

Надежа моя!
Расчесалъ милый кудрый,

Утѣха моя!
По лому кафтану,

Надежа моя!
По парчевому камзолу.

Утѣха моя!
Запгралъ милый во гусли,

Надежа моя!
Какъ струна струнъ молвить:

Утѣха моя!
Пора молодцу жениться,

Надежа моя!
На души-ль красной дѣвицъ?

Утѣха моя!
Женись молодець,

Надежа моя!
Женись холостой,

Утѣха моя!
На дѣвицъ красной²⁰.

Надежа моя!

21.

Я пойду, пойду во зеленой садъ гулять,
Понцу я молодого соловья.

Соловей ты мой, батюшко!
Ты скажи, скажи мой младъ соловей:

Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,

Краснымъ дѣвицамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:

Да какъ первая кручинушка—
Слатъ пуховую перинушку;

А другая-то кручинушка—
Растворяй жена широкі ворота;

А какъ третья-то кручинушка—
Бдетъ, бдетъ мой ревнивый мужъ домой;

Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
Шелкову платку, гнута кнутовье,

Да ударитъ меня межъ вѣлыхъ плечь.

Стану съ мужа я кафтанъ скидывать,
Частыя пуговики растегивать;
Хоть и рученьки бѣлешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану разувать,
Про замужню жизнь вспоминать²¹.

22.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли браво, у воротъ!
Стоять двоекъ хороводъ,
Люли браво, хороводъ!
У точеныхъ у дверей,
Люли браво, у дверей!
Всѣ дѣвки веселы!
Люли браво, веселы!
Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Люли браво, лучше всѣхъ!
А вдовьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
По бережку гуляетъ,
Люли браво, гуляетъ!
Рукавчикомъ махаетъ,
Люли браво, махаетъ!
Сердечушкомъ вздыхаетъ,
Люли браво, вздыхаетъ!
Словечушко говорить:
Люли браво, говорить!
Ахъ, свѣтъ моя сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская свобода!
Люли браво, свобода!
Ужъ, мнѣ въ тебѣ не бывать,
Люли браво, не бывать!
Пивца, вина не пивать,
Люли браво, не пивать!
Сладкихъ яблокъ не ждуть,
Люли браво, не ждуть!
Съ молодцами не гулять!
Люли браво, не гулять²¹!

22.

Какъ у насъ во пѣру,
Какъ у насъ во бесѣдъ,
Ай люли, люли, во бесѣдъ!
Всѣмъ молодункамъ весело,
Всѣмъ Иваночкамъ весело;
Ай люли, люли, весело!
Одной молодункѣ грустно,
Одной молодункѣ скучно
Ай люли, люли, скучно!

Ужъ, у ней ли старый мужъ,
Ужъ, у ней ли старый грибъ;
Ай люли, люли, старый грибъ!
Молодушкѣ погулять,
Молодушкѣ побывать,
Ай люли, люли, побывать!
Съ ребятами поиграть,
Съ неженатыми потолковать,
Ай люли, люли, потолковать!
Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣднью побить,
Ай люли, люли, побить!
Слезы катятся, играть хочется,
А стару мужу не покорюсь.
Ай люли, люли, не покорюсь!
Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять?
Ай люли, люли, погулять!
Я пошла, млада, разгулялась,
Въ зеленомъ саду разыгралась,
Ай люли, люли, разыгралась!
Все съ ребятами, съ неженатыми;
Что заря пришла, я домой пошла;
Ай люли, люли, домой пошла!
Родной батюшка у воротъ стоитъ.
Ты поди, поди моя бѣдная,
Ай люли, люли, бѣдная!
Твой высокъ теремъ растворши стоитъ,
Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ,
Ай люли, люли, сидитъ!
Шелкова плетка на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ.
Ай люли, люли, передъ нимъ!
Я вошла во высокъ теремъ,
Мой высокъ теремъ затворяется,
Ай люли, люли, затворяется!
Мой ревнивый мужъ подымается,
За шелкову плетъ принимается,
Ай люли, люли, принимается!
Плетка свиснула, руда брызнула.
Ужъ, ты, гдѣ была жена страдница?
Ай люли, люли, страдница!
Я была молода въ зеленомъ саду,
Все съ ребятами, съ неженатыми²³.
Ай люли, люли съ неженатыми!

24.

Дѣвушки вино курили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человека,
По гостиннаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовниѣ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.

Дѣвушки пиво варили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовниѣ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.

Дѣвушки меды ставили,
Красныя меды ставили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовниѣ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня!

Дѣвушки баню топили,
Красныя баню топили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовниѣ приговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.

Дѣвушки приготоуили,
Красныя приготоуили:

Три дубины дубовыя,
Три хворостины березыныя,
Три прута жимолостныя.

Какъ идетъ молодецъ
На широкій къ шмѣ дворъ,
Шапочкой потряхиваетъ,
Зеленъ кафтанъ охорашиваетъ,
Сапоги на ножкахъ оправливаетъ.

Какъ учили молодца парити,
Въ три дубины дубовыя,
Въ три хворостины березыныя,
Въ три прута жимолостныя.

Какъ идетъ молодецъ съ широка двора,
Сапожки на ножкахъ не оправливаетъ.
Еще, дай Богъ, у дѣвушекъ
Вѣкъ не бывать,
Въ баньки у дѣвушекъ не париватися!
Щелокъ мылокъ,

Вѣшикъ мякокъ
Въ спину льветъ²⁶.

25.

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица.
По близехоньку сходился,
По низехоньку поклонился.
Да что возговоритъ добрый молодецъ:
Ты здорово-ль живешь, красна дѣвица?
Я здорова живу, мнѣ сердечный другъ;
Какое ты жмѣ безъ меня одинъ?
Давно мы съ тобою не видалися,
Говорить дѣвка умиляючися,
Что съ той поры, какъ разсталися.
Говорить ей добрый молодецъ:
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
За другой возьмемъ меду сладкаго,
А за третій возьмемъ пива пельнаго,
За двѣ гривеньки сладкихъ пряничковъ.

Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Я неѣду гулять на царевъ кабакъ;
Я боюсь, боюсь роднато батюшки,
Я боюсь, боюсь родной марушки.
Тутъ разсталися и прощалися,
Промежду себя цѣловалися.
Ты прости, прости добрый молодецъ,
Ты прости, мнѣ сердечный другъ!
Да что возговоритъ добрый молодецъ:
Ты прости, прости моя ладушка,
Ты прости, радость красна дѣвица²⁷!

26.

Передъ нашими вороты,
Передъ нашими вороты,

Люли, люли бурлаки!

Передъ нашими вороты
Разыгралися ребята.

Люли, люли бурлаки!

Всѣ ребята молодые,
Молодые, холостые;

Люли, люли бурлаки!

Они шуточку шутили,
Во новы свни вскочили,

Люли, люли бурлаки!

Во новы свни вскочили,
Новы свни подломли,

Люли, люли бурлаки!

Красну дѣвку подманили,
Во новы сани садли;

Люли, люли бурлаки!

Ты садися, дѣвка, съ нами,
 Ты побѣдешь, дѣвка, съ нами,
 Люли, люли бурлаки!
 Съ нами, съ нами молодцами,
 Съ понизовыми бурлаками;
 Люли, люли бурлаки!
 У насъ жить будетъ добренько:
 У насъ горы золотыя,
 Люли, люли бурлаки!
 У насъ горы золотыя,
 Въ горахъ камни дорогіе.
 Люли, люли бурлаки!
 На обманъ дѣвка сдалася,
 На бурлацкіе пожитки;
 Люли, люли бурлаки!
 А бурлацкіе пожитки,
 Что добры, да не велики,
 Люли, люли бурлаки!
 Что добры, да не велики:
 Одна ложка, да котомка,
 Еще третья-то обортка²⁶.
 Люли, люли бурлаки!

27.

Какъ у насъ въ околицѣ,
 Какъ у насъ во свѣтлицкѣ,
 Подъ окномъ дѣвица сидѣла
 Подъ краснымъ, косящетымъ,
 Буйну голову чесала,
 Свою русу косу плела,
 Свою русу косу плела,
 Къ себѣ друга мнлаго ждала.
 Погляжу млада въ окошко:
 Ужь, не идетъ ли милый другъ?
 Ужь, какъ мой милъ идетъ,
 Что ясебѣ совола летитъ,
 Шапочку охорашиваетъ,
 Бѣлыми рукави помакиваетъ,
 Черными вудрами потряхиваетъ.
 Я выходила, молада,
 Изъ высокаго терема
 На широкій дворъ,
 Встрѣчать друга мнлаго.
 За бѣлы руки хватала,
 Во высокъ теремъ вводила,
 Подъ косящето окно сажала.
 Ужь ты, милый другъ,
 Порадилося мной,
 Подивись мой русой косѣ!
 Ахъ, ты, косышка, дѣва,
 Коса, дѣвчѣ краса!

Ужь, какъ ты ли, русая коса,
 Изсушила меня молодца.
 Потускнѣли черны очи,
 Позавяль-румянецъ на лицѣ;
 Нѣту удали у добраго,
 Нѣту радости у молодника.
 Не плачь, не горюй,
 Другъ сердечный мой!
 Моя русая коса
 Не на горе рождена;
 Моя русая коса
 На роду твоѣ обречена.
 И по батюшкину велѣнью,
 И по матушкину согласью,
 Расплетаетъ мою косу
 Разладница сваха.
 Ужь, ты, русая коса,
 Расплетайся поскорѣй;
 Ужь, ты, красная дѣвица,
 Выдь скорѣй за меня²⁷.

28.

За моремъ Спичка не пышно жила,
 Не пышно жила, пиво варивала,
 Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла,
 Черной Дроздъ пивоваромъ былъ.
 Дай же намъ Боже, пиво-то сварить,
 Пиво-то сварить и вина накурить.
 Созовемъкъ себѣ гостей, мѣлкихъ пташечекъ.
 Совушка, вдовушка, не званая пришла.
 Синигрюшка по спичкамъ похаживаетъ,
 Соловушка голувишку поглаживаетъ.
 Стали всѣ птички межъ совою говорить:
 Что же ты, Синигрюшка, не женишься?
 Радъ бы я женился, да нѣкого взять!
 Взялъ бы я Пернатку—та matka мол;
 Взялъ бы я Четекку—та тетка мол;
 Взялъ бы я Синичку—сестричка мол;
 Взялъ бы я Сороку—щекотливая;
 Есть за моремъ Перепелочка,
 Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
 Ту я люблю, ту за себѣ возьму.
 Здравствуй хозяйнѣ съ хозяйоушкою,
 Со малыми дитятми²⁸!

29.

Подойду, подойду,
 Подъ Наръ-городъ подойду!
 Вышиву, вышиву,
 Копьемъ стѣну вышиву!
 Выкачу, выкачу

Съ казной бочку выкачу!
 Подарю, подарю,
 Люту свекру-батюшку!
 Будь добръ, будь добръ —
 Какъ родимый батюшка!
 Подойду, подойду,
 Подъ Царь-городъ подойду!
 Вышшеу, вышшеу,
 Копьемъ стѣну вышшеу!
 Вынесу, вынесу,
 Лпсью шуву вынесу!
 Подарю, подарю
 Люту свекровь-матушку!
 Будь добра, будь добра —
 Какъ родима матушка²⁹!

30.

Ходилъ нашъ свѣтлый князь,
 Ходилъ около своего города,
 Ходитъ около своего высокаго,
 Ищетъ нашъ свѣтлый князь,
 Ищетъ нашъ добрый князь,
 Свою ли свѣтлую княгиню,
 Свою ли добрую княгиню.
 Ходитъ, ходитъ князь,
 Ходитъ кругомъ города;
 Онъ съчетъ, онъ рубитъ
 Своимъ мечемъ ворота.
 Скоро ли, свѣтлый князь,
 Сыщемъ красну дѣвицу?
 Ужь я ли гдѣ найду
 Красну дѣвицу, княгиню,
 Ту ли дѣвицу княгиню,
 Златымъ перстнемъ подарю³⁰.

31.

Княжій сынъ хороберъ,
 Да ты что ходишь, гуляешь?
 Княжій сынъ хороберъ,
 Да мы что примѣчаешь?
 Скажу вамъ друзья, подруженьки:
 Какъ хожу я, какъ гуляю,
 Какъ хожу я, какъ примѣчаю
 Все свою лишь молодую.
 Вѣдь моя-то княгиня,
 Вѣдь моя-то молодая
 Во Новъ-городѣ гуляетъ,
 На Торговой сторонѣ играетъ:
 Ужь на моей ли княгинѣ,
 Ужь на моей ли молодой
 Красенъ вѣвчикъ слетѣть,

Сарафанъ на ней камчатный,
 Убрусецъ весь жемчужный,
 Алы бархатны башмачки,
 Два яхонта во серьгахъ,
 Два алмаза во глазахъ,
 Со походкой лебединой,
 Со поступью орлиной³¹.

32.

Жилъ курника у воротъ,
 Жилъ чижики у воротъ,
 Жилъ боробышекъ у воротъ,
 Воровышекъ маленькій,
 Чижики желтенькій.
 Ахъ! братцы, мало насъ!
 Голубчики, немножко!
 Вы собирайтесь, молодые,
 Вы сходитесь, холостые,
 Въ хороводъ людей мало,
 Веселиться не съ кѣмъ стало.
 Ахъ! братцы, мало насъ,
 Голубчики, немножко!
 Вы собирайтесь, молодые,
 Вы сходитесь, красныя.
 Еремѣй, сударь, иди къ намъ,
 Ивановичъ приступись!
 Ахъ! братцы, мало насъ,
 Голубчики, немножко!
 Чижики, пыжики у воротъ,
 Воровышекъ въ хороводъ³².

33.

Подъ берегомъ селезень,
 Подъ кремнистымъ селезень.
 Выди, выди селезень,
 Выди хохлатый селезень?
 Студено ли те, селезень?
 Мнѣ не то тепло,
 Мнѣ не то студено,
 Мнѣ не то одному.
 Придѣнься селезень,
 Вотъ со дѣвочки вѣнокъ,
 Со молодухи платокъ,
 Съ старой бабы щыкъ,
 Съ малаго дитяти пеленка,
 Съ мужика, бурлака,
 Поль-карапинецъ,
 Съ сѣрой утицы
 Сизой пухъ³³.

34.

Подъ рѣчки стоялъ часть ракитовъ кустъ,
 За кустомъ лежалъ спротивушка,

На кустикъ соловейка пѣсни пѣлъ,
 А сиротинушка высвистывалъ:
 У моего дружка у сердечнаго
 Былъ пиръ на весь миръ,
 Вся гости сходились, гости съѣзжались,
 Не было только одной голубушки!
 Подавъ рѣчки стоялъ часть ракивовъ кустъ,
 За кустомъ лежалъ сиротинушка,
 На кустикъ соловейка пѣсни пѣлъ,
 А сиротинушка высвистывалъ:
 Вотъ она идетъ, будто пава плыветъ,
 Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ!
 Мнѣ жалъ тебя, сиротинушку,
 А жалчей того батюшку,
 А жалчей того матушку;
 У батюшки со матушкой
 Я одна во дому всѣмъ ворушу;
 У мила дружка во терему
 Я послушница свекровушки;
 У тебя ли, сиротинушки,
 Я лежу у сердечушка⁵⁴.

35.

1. Бояре! да вы по что пришли?
 Молодые, да вы по что пришли?
2. Княгини! да мы невѣсть смотрѣть!
 Молодыя, да мы невѣсть смотрѣть!
1. Бояре! покажите жениха?
 Молодые, покажите жениха?
2. Княгини! во се нашъ женишокъ!
 Молодыя, во се нашъ женишокъ!
1. Бояре! покажите теремъ?
 Молодые покажите теремъ?
2. Княгини! во се дѣвичий теремъ!
 Молодыя, во се дѣвичий теремъ!
1. Бояре! покажите кафтанъ?
 Молодые покажите кафтанъ?
2. Княгини! во се нашъ кафтанъ!
 Молодыя, во се нашъ кафтанъ!
1. Бояре! покажите кушакъ?
 Молодые, покажите кушакъ?
2. Княгини! во се нашъ кушакъ!
 Молодыя, во се нашъ кушакъ!
1. Бояре! покажите сапоги?
 Молодые, покажите сапоги?
2. Княгини! во се нашъ сапожокъ!
 Молодыя, во се нашъ сапожокъ!
1. Бояре! идите во теремъ?
 Молодыя, идите во теремъ?
2. Княгини! поговораться!
 Молодыя, со всѣмъ поведомъ⁵⁵!

36.

Во саду ли было, подъ яблонью,
 Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей выщекочетъ,
 Молодой выщекочетъ.
 Въ терему-то
 Свѣтъ у красной дѣвицы,
 Во высокомъ-то у души,
 Красны дѣвицы играютъ.
 Ужь, ты слышишь ли,
 Красна дѣвица,
 Свѣтъ душа?
 Тебя батюшка кланчетъ,
 Тебя свѣтъ родной кланчетъ?
 Охъ! вы, свѣтъ мой подруженькѣ,
 За чѣмъ раньше не сказали,
 Я право не слыхала.
 Во саду ли было, подъ яблонью,
 Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей выщекочетъ,
 Молодой выщекочетъ.
 Въ хоровахъ красны дѣвицы
 У воротъ стоять,
 Въ хоровахъ красны дѣвицы
 Всей околишей играютъ.
 Ужь, ты слышишь ли,
 Красна дѣвица,
 Свѣтъ душа?
 Тебя подруженьки манять,
 Молодой по дороженькѣ идетъ.
 Охъ! вы, свѣтъ мои подруженьки,
 Я давно сама завидѣла,
 Я сама къ нему иду⁵⁶.

37.

У душечки, красной дѣвицы
 Зелень огородецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Чистой частоконецъ.
 Подъ тотъ-ли огородецъ,
 Подъ тотъ-ли частоконецъ,
 Ручеекъ течетъ.
 Покатился частоконецъ,
 Повалился частоконецъ,
 Къ землѣ приклонился.
 Отъ того частокольца
 Свѣто три тыночка,
 Отъ того отъ тынычка
 Лежать три слѣдочка.
 Ужь тѣ три слѣдочка
 Свѣжкомъ призапали.
 Три дружечка

Про красну дѣвицу
Небыль псказали,
Небыль, небыль, небылицу,
Небыльи рѣчи:
Будто красна дѣвица
Порану вставала,
По утру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,
Лентой первивала.
На зарѣ ранешенько
Друга провожала,
Друга провожала
До зеленого луга.
Со полу-дороги ворочалась,
Съ милымъ не прощалась⁵⁷.

38.

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растеть чернь черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Черень соволь скачетъ;
Люли, люли, скачетъ!
Поскачи, поскачи соволь,
Люли, люли, соволь!
По чисту полю,
Люли, люли, полю!
Поплови, попови утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю;
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себѣ друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себѣ любушку.
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растеть чернь черница,
Люли, люли, черница!
А во той-ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Красныхъ дѣвицъ хорождь.
Люли, люли, хорождь.
Скачите вы, дѣвушки, пляшите;
Люли, люли, пляшите!
Вы, холостые, не смотрите.
Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи, дѣвушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли, не взять по любви,

Люли, люли, по любви!
По батюшкину благословенью,
Люли, люли, благословенью!
По матушкину умоленью⁵⁸.
Люли, люли, умоленью!

39.

Изъ-за бору, бору,
Изъ-за зеленого,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,
Стучала, гремѣла
По кремнямъ острѣпмъ,
Обрастала быстра рѣчка
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебрала,
Свою буйну голову
Чесала,
Перебравши сизо перье,
Перечесавши буйну голову,
Сама взворковала:
Завтра по утру
Батюшка будетъ;
Хоть овъ будетъ, аль не будетъ,
Тоски не убудетъ;
Въ двое, въ трое у голубки
Печали прибудетъ⁵⁹.

40.

Со высокиихъ воротъ,
Со высокиихъ воротъ,
Вдоль по дороженькѣ,
Вдоль по пробойной,
Летить соколъ,
Вдѣтъ молодець.
Соколъ ли мой, соколъ,
Заметная пташка!
Ты провѣзжай, добрый молодець,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,
Вельяль, грозилъ молодой
Завьтъ родиму сторону.
Напишу-ль я грамотку
По вѣлomu бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлю я свою грамотку
Въ дальній городъ Астрахамъ,

Къ родимому батюшкѣ,
 Къ родимой матушкѣ,
 У меня-ли, у младой,
 Все горе, да кручинушка;
 У меня-ли, у младой,
 Все сердечушко извѣло;
 У меня-ли, у младой,
 Есть зазнобушка одна.
 Прикажи, сударь, батюшка,
 Прикажи, сударыня, матушка:
 Скакать, плясать, жировать?
 Скачи, пляши, дятятко,
 Жпруй, осударыня,
 Покажьсть старость не пришла!
 Ужъ какъ старость ли придетъ,
 Вся забавушки пришиветь⁴⁰.

41.

Какъ у насъ ли во селѣ
 Красны дѣвицы пригожи,
 Пригожи, да румяны,
 Ясны очи, заглядываты!
 Ужъ и что дѣвицы завидять,
 Все на ясны очи берутъ.
 А у нихъ мука мѣлка овсяна,
 Овсяна, мѣлко вытопчена,
 Мѣлко вытопчена,
 Въ рѣшето выстлана.
 Какъ у насъ во селѣ
 Есть вдовушка честна,
 У ней дочка умна, учена;
 Она во теремѣ сидитъ,
 Въ рукахъ палички держитъ,
 Вся узоры вышиваеть⁴¹.

42.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во широкомъ раздолѣ
 Стоять матры, стоять пологивныи!
 Во шатрахъ сидятъ князя, бояре,
 За шатромъ гостинѣ съвъ гуляеть.
 Онъ во гусли играетъ,
 Дѣвушку утѣшаетъ:
 Не плачь, не плачь, дѣвушка,
 Не плачь, не плачь, красная!
 Сопью тебѣ, дѣвушка,
 Шупку, юбку, тьлогрѣйку,
 Менисту со камнями,
 Серги съ жемчугами.
 Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во широкомъ раздолѣ
 Стоять матры, стоять пологивныи!
 Въ шатрахъ сидятъ князя, бояре,

За шатромъ красна дѣвица гуляеть.

Она рѣчи ведеть
 Къ гостинѣ молодцу:
 Не надобно, молодець,
 Ни шубки, юбки, тьлогрѣйки,
 Ни монисты со камнями,
 Ни серегъ съ жемчугами;
 Пусти меня, молодець,
 Ко дѣвичью стадинку!

Тогда я тебя отпущу,
 Когда рѣсу косу расплету⁴².

43.

Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала
 Тонка, гибка жердничка,
 Что никто по той жердничкѣ не пройдетъ.
 Только шлп, прошли стары бабы,
 Стары бабы старобразы.
 Еще смѣть ли спроситъ старыхъ бабъ,
 Еще что въ городѣ вздорожало?
 Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
 На овсяной блинѣ по три бабы,
 А четверта провожата,
 А пятая на придачу.

Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала
 Тонка, гибка жердничка,
 Что никто по той жердничкѣ не пройдетъ.
 Только шлп, прошли молоды бабы,
 Молоды бабы, пригожи.
 Еще смѣть ли спроситъ молодыхъ бабъ,
 Еще что въ городѣ вздорожало?
 Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
 Еще восемь молодцовъ на полденъги,
 А девятый провожатый,
 А десятый на придачу.

Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала
 Тонка, гибка жердничка,
 Что никто по той жердничкѣ не пройдетъ.
 Только шлп, прошли добры молодцы.
 Еще смѣть ли спроситъ добрыхъ молодцовъ,
 Еще что въ городѣ вздешевѣло?
 Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки:
 По сту рублей красна дѣвица,
 А по тысячѣ дѣвицъ на косицу⁴³.

44.

На горѣ калинушка стояла,
 Разноцвѣтомъ разцвѣтала,
 На калинушкѣ сидитъ соловейка,
 Веселыя пѣсни распѣваетъ,

Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
 Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
 Пойду ли я на матушку на Волгу,
 Къ навѣшному тамъ атаману.
 Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Гумною женою, неразумной:
 Я за гудокъ, а она за прялку;
 Я въ гудокъ играю, а она мотаетъ.
 Не зачѣмъ въ люди на кручину,
 Дома кручинушки довольно.

На горѣ калинушка стояла,
 Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
 На калинушкѣ сидитъ соловейка
 Веселья пѣсни распѣваетъ,
 Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
 Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
 Тебѣ, старой бабѣ, постричься.
 Пойду ли я на матушку на Волгу,
 Къ навѣшному тамъ атаману.
 Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Умною женою и разумной:
 Я за гудокъ, а она за пѣсни,
 Я въ гудокъ играю, а она плясати.
 Не зачѣмъ въ люди на веселье,
 Дома весельица довольно⁴⁵.

45.

Какъ за горницею, за повалушею
 Не въ гусли играютъ,
 Не въ свирѣли говорятъ;
 Говорятъ мои подруженьки
 На игрища идти.
 Ужъ меня, молодешеньку,
 Свекоръ не пускаетъ,
 Заставляетъ свекоръ батюшка:
 Гумно чистить,
 Метлой мести,
 Метлой мести,
 Дѣтей качать.
 Ужъ я ли въ сердце взойду,
 И метлу изломаю,
 И гумно истопчу,
 И дѣтей уложу.
 А сама-то молодешенька
 На игрище пойду:
 Наскачуся, напляшуся,
 Наиграюсь молода.

Какъ за горницею, за повалушею
 Не въ гусли играютъ,
 Не въ свирѣли говорятъ;
 Говорятъ мои подруженьки

Т. I. Ч. III.

На игрищи идти.
 Ужъ меня, молодешеньку,
 Свекоръ не пускаетъ,
 Заставляетъ свекоръ матушка:
 Красенца ткать,
 Конопля братъ,
 По воду ходитъ,
 Избы топить,
 Ребята кормить.
 Ужъ я ли въ сердце войду,
 Красна изорву, берды изломаю,
 Конопля изомну,
 Кувшины перебью,
 Дѣтей накормлю;
 А сама то молодешенька
 На игрище пойду:
 Наскачуся, напляшуся,
 Наиграюсь молода⁴⁶.

46.

Какъ во городѣ было Казани,
 Протекала тутъ Волга рѣка,
 По той-то, по Волгѣ рѣкѣ
 Прошывала осетръ рыба,
 Что осетръ рыба свѣжая.
 Ой вы, ребята молодые!
 Вы берите широки невода,
 Вы ловите осетръ рыбу свѣжую.
 Какъ бы эту осетръ рыбу
 По добру привелось изловить
 Хозяину на столы дубовые,
 Да на скатерти браныя,
 Да на блюда на серебряныя.

Какъ во городѣ было Казани,
 Протекала тутъ Волга рѣка,
 По той-то, по Волгѣ рѣкѣ
 Плывуть добры молодцы
 На волжаныхъ лоденчкахъ.
 Какъ передъ ними во дали,
 Что вдали, въ чистомъ полѣ,
 Разыгралися черныя соволи.
 Ой вы, ребята молодые!
 Вы берите широки пугы,
 Вы ловите черныя соволи.
 Какъ бы эти черныя соволи
 По добру привелось изловить
 Хозяюшки на шубу, да на бѣлыя плечи⁴⁶.

47.

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя, веселятесь!
 Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Вотъ со молодунки платокъ,
 Ужъ со старой старушки

6

Вотъ шелковой платокъ.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Чей вѣнокъ толочу, волочу,
 Чей вѣнокъ толочу, волочу,
 По подлавицью, по залавицью?
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я не дамъ вѣшка топтать,
 Я не дамъ вѣшка толочить!
 Я сама ли выскочу,
 Я сама ли выпляшу.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Чей платокъ толочу, волочу,
 Чей платокъ толочу, волочу
 По полицѣ, по скамѣйчкѣ?
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я не дамъ платка топтать,
 Я не дамъ платка толочить!
 Я сама ли выскочу
 Я сама ли выпляшу.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Чей шелковой толочу, волочу,
 Чей шелковой толочу, волочу
 По улицѣ, по задворницѣ?
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я не дамъ шелкова топтать,
 Я не дамъ шелкова толочить!
 Я сама ли выскочу,
 Я сама ли выпляшу.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Ты, старушка стара,
 Не подѣ силу молада,
 Ты станомъ коротка,
 Ты плечами широка.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я станомъ коротка,
 Я плечами широка,
 А на эти-то плеча
 Три рябиновыхъ дубца,
 Три дубца распареные,
 Три дубца разжареные.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, дѣвушки, веселитесь!
 А у те подборака долга,
 Что полусемь сажень цѣба,
 Повернуться пелья...

Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я повернула, пошла,
 Будто ягода красна,
 Будто земляпка хороша.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 А у те что за чеботы?
 Ты обейка чеботы,
 Ты прсвейка чеботы.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Мятъ не мужъ ихъ купилъ,
 Митъ никто заводилъ,
 Заводилъ Константинъ
 На свои шесть алтынь;
 Хотъ истопчутся,
 Хотъ износятся,
 Мой батюшка-то швецъ,
 Мой женихъ-то кузнецъ,
 Моя матушка прядеюшка,
 Митъ вервицу напрядетъ⁴⁷.
 Ужь вы, дѣвушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!

48.

По широкой по рѣкѣ,
 По раздольной по Окѣ
 Плыветъ селезень.
 Люли, люли, селезень!
 Ты стой, постой,
 Ты стой, постой
 Хохлатый селезень:
 Люли, люли, селезень!
 У тебя ли во дому
 Повернулось по бревну,
 По бревну, по основому.
 Люли, люли, селезень!
 По широкой по рѣкѣ,
 По раздольной по Окѣ
 Плыветъ суденышка:
 Люли, люли, селезень!
 На суденышкѣ дѣтнушка,
 На дѣтвушки рувашечка,
 Подъ сердечушкомъ зазнобушка.
 Люли, люли, селезень!
 У тебя ли во дому
 Сочинилася бѣда:
 Измѣнила молада⁴⁸.
 Люли, люли, селезень!

49.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ ливинка!

Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою бѣль шатеръ.
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица,
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травы,
 Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
 Вила вѣнокъ съ городы,
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.
 Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ износить?
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
 Носить вѣнокъ старому.
 Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ,
 Старому вѣнокъ не сносить,
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость не сдержатъ.
 Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ липника!
 Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою бѣль шатеръ,
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица,
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травы,
 Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
 Вила вѣнокъ съ городы,
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.
 Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ износить?
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
 Носить вѣнокъ милому;
 Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ,
 Милому вѣнокъ износить;
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость сдержатъ⁴⁹.

50.

У воровушки голубушка болѣла!
 Охъ, какъ болѣла?
 Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
 У воровушки сердечушко щемило!
 Охъ, какъ щемило?
 Такъ щемило, такъ щемило, такъ щемило!
 У воровушки спинушка болѣла!
 Охъ, какъ болѣла?
 Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!

У воровушки рученька болѣла!
 Охъ, какъ болѣла?
 Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
 У воровушки ноженька болѣла!
 Охъ, какъ болѣла?
 Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
 Ужъ сталъ воробей присѣдати!
 Охъ, какъ воробей присѣдати?
 Такъ присѣдати, такъ присѣдати, такъ при-
 сѣдати!
 Захотѣлъ воробей перемѣны!
 Охъ, какъ перемѣны?
 Такъ перемѣны, такъ перемѣны, такъ пе-
 ремѣны⁵⁰!

51.

Я посью бѣль ленъ,
 И тонокъ, и дологъ,
 И бѣль, волокнисть.
 Уродился бѣль ленъ,
 И тонокъ, и дологъ,
 И бѣль, волокнисть.
 Сталъ ленъ посѣвати,
 Сталъ бѣль созрѣвати,
 И тонокъ, и дологъ.
 А я млада горевати:
 Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
 Какъ свекоръ тутъ молвить:
 Я съ тобою,
 Я съ снохой молодою!
 Чортъ это, не бранье,
 Все лишь гореванье!
 Я посью бѣль ленъ,
 И тонокъ, и дологъ,
 И бѣль, волокнисть.
 Уродился бѣль ленъ,
 И тонокъ и дологъ,
 И бѣль волокнисть.
 Сталъ ленъ посѣвати,
 Сталъ бѣль созрѣвати,
 И тонокъ, и дологъ,
 И бѣль, волокнисть.
 А я млада горевати:
 Съ кѣмъ-то мнѣ мнѣ брати?
 Какъ свекоръ тутъ молвить:
 Я съ тобою,
 Съ снохой молодою!
 Чортъ это, не бранье,
 Все лишь гореванье!
 Я посью бѣль ленъ,
 И тонокъ, и дологъ,
 И бѣль, волокнисть.
 Уродился бѣль ленъ,

И тонокъ, и дологъ,
И бѣлъ волокнистъ.
Сталъ лень поспѣвать,
Сталъ лень созрѣвать,
И тонокъ, и дологъ,
И бѣлъ волокнистъ.
А я млада горевати:
Съ кѣмъ-то мнѣ лень брати?
Какъ ладушка моливтъ:
Я съ товою.
Съ моею дорогою!
Вотъ это-то бранье,
Все лишь цѣловашье³¹!

52.

Пошли дѣвки въ сыры боры
Пошли красны въ лѣсъ по лгодки!
Ой люли, люли, по лгодки!
Всѣ дѣвки понабрались,
Всѣ красны понабрались;
Ой люли, люли, понабрались!
Одна дѣвка не набралася,
Одна дѣвка не набралася.
Ой люли, люли, не набралася!
Сама ходючи, разтужилася,
Разтуживши, взмолилася.
Ой люли, люли, взмолилася!
Стала плакати,
Подругъ кликати:
Ой люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы голубушки,
Вы голубушки сложитесь,
Ой люли, люли, сложитесь!
Вы сложитесь по лгодкѣ,
Вы бросьте мнѣ по горсточкѣ;
Ой люли, люли, по горсточкѣ!
У меня ли, у младшеньки,
Не родной отецъ, не родная мать:
Ой люли, люли, не родная мать!
У меня ли, у младшеньки,
Свекорь-отецъ, свекорь-мать,
Ой люли, люли, свекорь-мать!
И бьютъ, и журятъ,
Понапрасну бранятъ.
Ой люли, люли, бранятъ!
Подруженьки не сложилися,
Голубушки не согласилися.
Ой люли, люли, не согласилися!
Въ отвѣтъ держать подруженьки,
Въ отвѣтъ держать голубушки:
Ой люли, люли, голубушки!
Не кто велѣлъ за кустомъ лежать,

Не кто велѣлъ по полямъ играть³².
Ой люли, люли, играть!

53.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли, люли, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли, люли, хороводъ!
Молодушекъ табунокъ,
Молодушекъ табунокъ,
Люли, люли табунокъ!
Мени дѣвки кликали,
Мени дѣвки кликали,
Люли, люли, кликали!
На улицу поиграти,
На улицу поиграти,
Люли, люли, поиграти!
Въ хороводъ поплясать,
Въ хороводъ поплясать.
Люли, люли, поплясать!
Мени свекоръ не пустилъ,
Мени свекоръ не пустилъ,
Люли, люли, не пустилъ!
Хотя пустилъ, пригрозилъ,
Хотя пустилъ, пригрозилъ:
Люли, люли, пригрозилъ!
Гуляй сноха да не долго,
Гуляй сноха да не долго!
Люли, люли, да не долго!
А я млада загуляла,
А я млада загуляла,
Люли, люли, загуляла!
До самненькихъ пѣтушковъ,
До самненькихъ пѣтушковъ;
Люли, люли, пѣтушковъ!
Какъ зорюшка занялась,
Какъ зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!
А я млада поднялася,
А я млада поднялася,
Люли, люли, поднялася!
На встрѣчу мнѣ дѣверекъ,
На встрѣчу мнѣ дѣверекъ,
Люли, люли, дѣверекъ!
Дѣверьюшка батюшка,
Дѣверьюшка батюшка,
Люли, люли, батюшка!
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
Люли, люли, домой!

До моего до двора,
 До моего до двора,
 Люли, люли, до двора!
 До высока терема,
 До высока терема.
 Люли, люли, терема!
 Подхожу я ко двору,
 Подхожу я ко двору,
 Люли, люли, ко двору!
 Свекоръ ходитъ по двору,
 Свекоръ ходитъ по двору,
 Люли, люли, по двору!
 Повѣсивши голову,
 Повѣсивши голову,
 Люли, люли, голову!
 Станетъ свекоръ младу вить,
 Станетъ свекоръ младу вить,
 Люли, люли, вить!
 А ты меня отними,
 А ты меня отними;
 Люли, люли, отними!
 Не отнимешь прочь поди,
 Не отнимешь прочь поди⁵³.
 Люли, люли, прочь поди!
 54.
 Какъ у нашихъ у воротъ
 Стоитъ озеро воды.
 Ой люли, ой люли,
 Стоитъ озеро воды!
 Молодецъ коня поилъ,
 Къ воротичкамъ приводилъ.
 Ой люли, ой люли,
 Къ воротичкамъ приводилъ!
 Къ веревочкѣ привязалъ,
 Красной дѣвкѣ приказалъ:
 Ой люли, ой люли,
 Красной дѣвкѣ приказалъ!
 Красна дѣвица, душа!
 Сбереги добра коня,
 Ой люли, ой люли,
 Сбереги добра коня!
 Сбереги добра коня,
 Коня семитысячнаго!
 Ой люли, ой люли,
 Коня семитысячнаго!
 Не сорбалъ бы поводъ,
 Не сломилъ бы удила.
 Ой люли, ой люли,
 Не сломилъ бы удила!
 Красна дѣвица идетъ,

Словно павушка пльветъ;
 Ой люли, ой люли,
 Словно павушка пльветъ!
 На ней платъе голубое,
 Лента алая въ костъ;
 Ой люли, ой люли,
 Лента алая въ костъ!
 На головушкѣ перо
 Хотя пять сотъ рублей дано,
 Ой люли, ой люли,
 Хотя пять сотъ рублей дано!
 Хотя пять сотъ рублей дано,
 Стоитъ тысячи опо.
 Ой люли, ой люли,
 Стоитъ тысячи опо⁵⁴!
 55.
 Стояло тутъ косово дерево,
 Лели, лели, лели!
 Во томъ деревцѣ тыночкѣ стоитъ,
 Лели, лели, лели!
 Во томъ тыночкѣ беседа сидитъ,
 Лели, лели, лели!
 Во той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
 Лели, лели, лели!
 Мимо тутъ вхалъ удалъ молодецъ;
 Лели, лели, лели!
 Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ,
 Лели, лели, лели!
 Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
 Лели, лели, лели!
 Дѣвка ему поклонилася,
 Лели, лели, лели!
 Красна ему руку подала.
 Лели, лели, лели!
 Взявши съ тыночка, за руку повелъ,
 Лели, лели, лели!
 За руку повелъ подѣ златѣ венецъ.
 Лели, лели, лели⁵⁵!
 56.
 Околѣ Дону, околѣ Дону,
 Околѣ тихаго Дувала,
 Добрый молодецъ гуляетъ,
 Добрый молодецъ гуляетъ,
 Табуны коней загоняетъ.
 Коня, коня вороные,
 На нихъ уздаи золотыя,
 Чепраки парчевыя,
 Подковы серебряныя.
 Ужь, ты дѣвица душа
 Догадайся, догадайся.
 Ужь я рада-въ догаться,
 Родного батюшки боюсь;

Я боюсь, боюсь отца,
 Да потышу молодца,
 Я за то его потышу,
 Что одинъ сынъ у отца³⁶.

57.

Запныка поскачи,
 Съяренкой попляши.
 Кружкомъ, бочкомъ повернись,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись!
 Запныка въ ладоши.
 Съяренкой въ ладоши.
 Кружкомъ, бочкомъ повернись,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись!
 Здѣсь города всь Нѣмецкiе,
 Закръпочки желтзныя;
 Кружкомъ, бочкомъ повернись,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись!
 Есть зайцу куда выскочить,
 Есть сврому куда выскочить.
 Кружкомъ, бочкомъ повернись,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись³⁷!

ВАРИАНТЫ

ХОРОВОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 2,
 мы имѣемъ четыре варианта, замѣчательныя
 по своимъ разнорѣчiямъ.

I.

А мы коповъ капали;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы просо съяли;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы просо вытопчемъ.
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А чѣмъ же вамъ вытоптатъ?
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы коней выпустимъ;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы коней изловимъ.
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А чѣмъ же вамъ изловить?
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 Шелковымъ поводомъ,
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы коней выкупимъ;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!

Да чѣмъ же вамъ выкупить?
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А мы дадимъ бѣлую кунницу;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 Не надо намъ бѣлую кунницу.
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А что же вамъ надобно?
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А намъ надо дѣвницу;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 За дѣвницу слова нѣтъ.
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 Вотъ же вамъ дѣвнца!
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А нашего полку убыло;
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 А нашего полку прибыло.
 Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
 Такъ этотъ вариантъ мы слышали въ
 Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губернии.

2.

А мы просо съяли;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А мы просо вытопчемъ.
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А чѣмъ вамъ вытоптатъ?
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А мы коней выпустимъ;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А мы коней сгонимъ;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А чѣмъ же вамъ согнатъ?
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А шелковымъ поясомъ;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А мы коней выкупимъ;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А чѣмъ же вамъ выкупить?
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А мы дадимъ веверицу;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А не надо намъ веверицу.

Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А что же вамъ надо?
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А намъ надо дѣвицу.
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А вотъ вамъ дѣвицу!
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А нашего полку убыло;
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 А нашего полку прибѣло.
 Ой Диди, калинка моя!
 Ой Ладо, малинка моя!
 Этотъ вариантъ списанъ нами со словъ
 поселенъ Каширскаго уѣзда, Тульской гу-
 бернии.

3.

А мы бродимъ воду;
 Ой Дидь, Ладо, бродимъ воду!
 А мы просо сѣяли;
 Ой Дидь, Ладо, просо сѣяли!
 А мы просо вытопчемъ.
 Ой Дидь, Ладо, вытопчемъ!
 А чѣмъ же вамъ вытоптать?
 Ой Дидь, Ладо, вытоптать!
 А мы коней выпустимъ;
 Ой Дидь, Ладо, выпустимъ!
 А мы коней переймемъ;
 Ой Дидь, Ладо, переймемъ!
 А чѣмъ же вамъ перенять?
 Ой Дидь, Ладо, перенять!
 Шелковымъ поводомъ.
 Ой Дидь, Ладо, поводомъ!
 А мы коней выкрадимъ;
 Ой Дидь, Ладо, выкрадимъ!
 А какъ же вамъ выкрасть?
 Ой Дидь, Ладо, выкрасть!
 А мы водой переймемъ;
 Ой Дидь, Ладо, переймемъ!
 А мы воду обойдемъ;
 Ой Дидь, Ладо, обойдемъ!
 А мы дадимъ кунь;
 Ой Дидь, Ладо, кунь!
 А намъ не надо кунь.
 Ой Дидь, Ладо, кунь!
 А что же вамъ надо?
 Ой Дидь, Ладо, надо!
 А намъ надо дѣвицу.

Ой Дидь, Ладо, дѣвицу!
 А мы выдадимъ дѣвицу;
 Ой Дидь, Ладо, дѣвицу!
 А мы беремъ дѣвицу.
 Ой Дидь, Ладо, дѣвицу!
 А нашего полку убыло;
 Ой Дидь, Ладо, убыло!
 А нашего полку прибѣло.
 Ой Дидь, Ладо, прибѣло!
 Этотъ вариантъ списанъ со словъ по-
 селенъ Жиждренскаго уѣзда, Калужской гу-
 бернии.

4.

А мы просо сѣяли;
 Ой Дидь со Ладой, сѣяли?
 А мы просо вытопчемъ.
 Ой Дидь со Ладой, вытопчемъ!
 А чѣмъ же вамъ вытоптать?
 Ой Дидь со Ладой, вытоптать!
 А мы коней выпустимъ;
 Ой Дидь со Ладой, выпустимъ!
 А мы коней переймемъ.
 Ой Дидь со Ладой, переймемъ!
 А чѣмъ вамъ перенять?
 Ой Дидь со Ладой, перенять!
 Шелковымъ поводомъ.
 Ой Дидь со Ладой, поводомъ!
 А мы коней выкупимъ;
 Ой Дидь со Ладой, выкупимъ!
 А чѣмъ же вамъ выкупить?
 Ой Дидь со Ладой, выкупить!
 А мы дадимъ сто гривенъ;
 Ой Дидь со Ладой, сто гривенъ!
 Не надо намъ тысячи.
 Ой Дидь со Ладой, тысячи!
 А мы дадимъ молодца;
 Ой Дидь со Ладой, молодца!
 У насъ молодецъ дома есть.
 Ой Дидь со Ладой, дома есть!
 А что же вамъ надошно?
 Ой Дидь со Ладой, надошно!
 А намъ надошно дѣвицу.
 Ой Дидь со Ладой, дѣвицу!
 А нашего полку убыло;
 Ой Дидь со Ладой, убыло!
 А нашего полку прибѣло.
 Ой Дидь со Ладой, прибѣло!
 Такъ этотъ вариантъ списанъ нами со
 словъ поселенъ Веневскаго уѣзда, Тульской
 губернии. Тотъ же самый мы слышали въ
 Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губернии; толь-

ко вмѣсто припѣва: «Ой Дидь со Ладой!» —
пѣли: «Ой Диде, Ладой!» —

Для пѣсни, напечатанной подъ № 3,
мнѣ известны только три варианта.

1.

Ай на горѣ ли макъ, макъ,
А подъ горою такъ, такъ!
Ахъ, свѣтъ мой маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Будеть у насъ макъ!

2.

У насъ на горѣ макъ, макъ;
У васъ подъ горою такъ, такъ!
Ой маки, маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте все въ рядъ,
Допросимъ про макъ!

3.

Маки, маки, маковички,
Золотыя головички!
Станемте мы такъ,
Спросимте про макъ!

Первый вариантъ списанъ со словъ по-
селенъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской гу-
бернии; второй подслушанъ въ Каширскомъ
уѣздѣ; а третій выписанъ изъ собрания Пра-
ча, ч. 2. стр. 67, гдѣ онъ причисленъ къ
Святочнымъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 4, мнѣ
известенъ одинъ вариантъ, слышанный отъ
поселенъ Тульскаго уѣзда.

Заплетися плетень, заберися;
Ты завейся, труба золотая,
Ты заберися, камка хрущатая!
Ахъ, свѣтъ свра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Ты въ меду и въ патоку,
И во вствѣ во сахарномъ!
Расплетися плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развейся камка хрущатая!
Ахъ, свѣтъ свра утица!
Выкупай малыхъ дѣтушекъ
Ты изъ меда, изъ патоки,
Ты изъ вства сахарнова!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 5,
мнѣ известны два варианта.

1.

Селезень, селезень,
Хохлатой селезень!
Ты выди, селезень,
Ты посмотри, селезень;
Гдѣ утушка твоя?
Гдѣ семеро утей?
Селезень догоняй утку,
Молодой догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сврая домой!
У те семеро дѣтей,
Осьмой селезень.

2.

Сизъ голубчикъ селезень,
Хохлатой селезень!
Селезень догоняй утку,
Молодой догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сврая домой!
У те семеро дѣтей
Осьмой селезень.
Будеть утушка нырять
По полямъ, по порямъ,
По кустамъ, по извамъ,
По чужимъ селезнямъ,
По завязкимъ гостямъ.

Первый вариантъ списанъ со словъ по-
селенъ Александровскаго уѣзда, Владимір-
ской губернии; а второй два раза слышанъ
въ селеняхъ Калужскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 6,
мнѣ известенъ одинъ вариантъ, слышанный
въ Тульскомъ уѣздѣ.

Ай на горѣ высоко,
Ладое мое, Ладое, высоко!
Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладое мое, Ладое, пиво варили!
Мы къ этому пиву въ кругъ соберемся,
Ладое мое, Ладое, въ кругъ соберемся!
Мы къ этому пиву все присядемъ;
Ладое мое, Ладое, все присядемъ!
Мы этого пива все выпьемъ;
Ладое мое, Ладое, все выпьемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ;
Ладое мое, Ладое, спать ляжемъ!
Мы къ этому пиву опять встанемъ,

Ладо мое, Ладо, опять встанемъ!
 Мы съ этого пива всъ въ ладоши ударимъ;
 Ладо мое, Ладо, въ ладоши ударимъ!
 Мы съ этого пива всъ перепьемся;
 Ладо мое, Ладо, всъ перепьемся!
 Мы съ этого пива всъ передеремся;
 Ладо мое, Ладо, всъ передеремся!
 Мы отъ этого пива домоу уберемся.
 Ладо мое, Ладо, уберемся!

Для пьсни, напечатанной подъ № 8,
 мы имѣемъ три варианта.

1.

Ужъ какъ звали молодца,
 Подзывали удалца,
 Ахъ вздунай, братцы! вздунай,
 Сынъ Ивановичъ вздунай!
 Что въ пиръ пировать,
 На игрище пограть;
 Ахъ...
 Ужъ какъ мнѣ ли, молодцу,
 Худо можется;
 Ахъ...
 Выходилъ нашъ молодецъ,
 На крутой красной крылецъ,
 Ахъ...
 Закричалъ нашъ молодецъ,
 Закричалъ нашъ удалой,
 Ахъ...
 Закричалъ нашъ удалой,
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 Ахъ...
 Ахъ вы слуги мои!
 Слуги верные мои!
 Ахъ...
 Вы берите ключи,
 Отпирайте сундуки,
 Ахъ...
 Вынимайте кафтанъ
 Золотой парчевой,
 Ахъ...
 Золотой парчевой
 Съ серебряной бахрамой.
 Ахъ...
 Какъ пошелъ нашъ молодецъ
 Вдоль по улицъ въ конецъ,
 Ахъ...
 Какъ сядися молодецъ
 Противъ вдовушки на скамью.
 Ахъ...
 Ахъ, ты вдовушка, вдова,
 Супротивница моя,

Т. I. Ч. III.

Ахъ...
 Супротивница моя,
 Супротивъ сидишь меня;
 Ахъ...
 Подыми шапку,
 Черну мурманку.
 Ахъ...
 Не слуга, сударь, твоя,
 Я не слушаю тебя:
 Ахъ...
 Я когда буду твоя,
 Такъ послушаю тебя.
 Ахъ...

Мы буквально выписали этотъ вариантъ
 изъ собрания Праца. Онъ помѣстилъ его
 въ числѣ Святочныхъ, и напечаталъ ноты
 для этой пьсни.

2.

Ахъ, какъ звали удалца,
 Позывали удалца.
 Ахъ! Дунай, братцы, Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 Какъ во пиръ пировать,
 На игрище пирать.
 Ужъ какъ мнѣ ли, молодцу,
 Мало можется,
 Мало можется,
 Играть хочется;
 И я выду, молодецъ,
 На свой новый на крылецъ,
 Закричу я молодецъ
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 Ахъ! какъ есть ли у меня
 Слуги верные мои?
 Вы берите ключи,
 Отмытайте сундуки,
 Вынимайте кафтанъ,
 Рудожелтъ камчатъ,
 Вынимайте шапку,
 Черную мурманку,
 Вы подайте гусли
 Звончатые мои.
 Какъ пошелъ нашъ молодецъ
 Ко вдовушкѣ на концы;
 Онъ сядися молодецъ
 Ко вдовушкѣ на скамью,
 Заиграетъ во гусли,
 Во звончатые свои.
 Уронилъ шапку,
 Черну мурманку.
 Ахъ! ты вдовушка моя,
 Молодая вдова,

Подними шапку,
Черпу мурманку.
Не твоя, сударь, раба,
Я не слушаю тебя.

Точно въ такомъ видѣ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ Чулкова, ч. 4, и въ Новиковскомъ, часть 4, стр. 166. По образцу этихъ двухъ пѣсенниковъ печатали все послѣдующіе издатели пѣсенъ, съ прѣвращеніемъ своего изданія. Мы не обращаемъ вниманія читателей на эти передѣлки; они сами могутъ встрѣтить ихъ въ пѣсенникахъ.

3.

Ахъ! звали молодца.
Позывали удальца
На игрище поиграть,
На святые вечера!

Дунай мой, Дунай,
Силвановичъ Дунай!

Во пирю онъ пировалъ,
Во бесѣдушкѣ свѣдѣлъ
На святыхъ онъ вечерахъ,
На игрищахъ поигралъ!

Дунай мой, Дунай.

Въ такомъ видѣ напечаталъ этотъ отрывокъ М. П. Макаровъ, въ своемъ сочиненіи: «Русскія преданія.» М. 1838, стр. 34. Еще задолго до изданія этого сочиненія, Г. Макаровъ въпечаталъ въ трудахъ Общества Любителей Русскаго Словесности статью: «О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ,» гдѣ въ третьемъ отдѣлѣ: «Рѣка Донъ» — на стр. 115 — было помѣщено иначе начало этой пѣсни:

Ахъ звали молодца,
Позывали удальца
На игрище поиграть
На Явлу посмотрѣть!

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Припѣвъ къ этой пѣсни по большей части подверженъ измѣненію. Кто поетъ — Донъ, кто — Дунай; одни прѣвращаютъ — Ивановичъ, другіе — Силвановичъ. Мною часто случалось слышать въ Москвѣ, въ Мѣрвонной роцѣ, какъ эту пѣсню пѣли сокращенно. Сокращеніе начиналось со словъ: «Ужъ какъ мнѣ дн молодцу» — и продолжается до слова: «Звончатые мои». Въ Тульской губерніи поютъ эту пѣсню всю до конца. Припѣвъ Донъ употребляютъ —

въ Москвѣ, въ Калугѣ, въ Тулѣ, въ Каширѣ, въ Веневѣ, въ Алексинѣ, въ уѣздахъ по селамъ Московскомъ, Тульскомъ, Рязанскомъ, Каширскомъ, Богородицкомъ, Тарусскомъ, Орловскомъ. Объ другихъ уѣздахъ я не могу ничего сказать, потому, что мнѣ тамъ не приходилось слышать эту пѣсню. Вслушиваясь въ напѣвъ этой пѣсни, я всегда находилъ его одинакимъ, и что всего замѣчательнѣе: по мѣрѣ удаленія отъ Москвы на сѣверъ, эта пѣсня начинаетъ измѣняться въ напѣвъ, но всегда съ сохраненіемъ своего характера.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 12, мнѣ известны три варианта.

1.

Ходилъ Борисъ да по хороводу,
Да по дѣвичью, да по молодичью:
Искалъ Борисъ ласковыя тещи,
Хорошия невѣсты.

Сыскалъ Борисъ и ласкову тещу
И добрую невѣсту.

Добрыя люди! пожалуйте на свадьбу,
Хлѣба съ солью покушать,
Бѣлова лебедя рущать,
Пива съ медомъ пшти.

Охти мнѣ горе! охти горевань!

Раскулили, да разговорили
Борисову-то тещу,
Пригожую невѣсту:
Будто Борисъ пьяница,
Будто онъ и пропойца.

Добрыя люди! не жалуйте на свадьбу,

Хлѣба съ солью кушать,
Бѣлова лебедя рущать,
Пива съ медомъ пшти;
Хлѣвъ, соль не пасено,
Вино не курено,
Пиво не варено.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ 1819 года, ч. 4, стр. 160.

2.

Какъ подѣ лѣсомъ, лѣсомъ шелкова трава,
Ходилъ, гулялъ Довской казакъ, самъ во
сващпку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ вып-
ралъ:
Хорошая, пригожая, поди за меня!

Не пойдешь ты, успокаешься, вспомнешь
 меня.—
 Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить
 про тебя:
 Сосѣдушки, голубушки! каковъ человекъ?
 Онъ пьяница, пропойца, пропьешь и тебя.
 Сосѣдушки, голубушки не хвалятъ тебя:
 Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.
 Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ
 пѣсенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ
 1814 г. въ четвертой части, стр. 491.

3.

Какъ подь лѣсомъ, лѣсомъ шелкова трава.
 Ой ли, ой ли, ой люшеньки! шелкова трава!
 Ходилъ, гулялъ, Донской казакъ, самъ въ
 скрипку игралъ.
 Ой ли, и проч.
 Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выи-
 бралъ:
 Хорошая, пригожая! поди за меня;
 Не пойдешь ты, успокаешься, вспомнешь
 меня:
 Поити было къ сосѣдушкамъ, спросить про
 тебя:
 Сосѣдушки, голубушки! каковъ человекъ?
 Онъ пьяница, пропойца, пропьешь и тебя.
 Сосѣдушки, голубушки не хвалятъ тебя:
 Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.

Какъ подь лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,
 Ходилъ, гулялъ Донской казакъ, самъ въ
 скрипку игралъ,
 Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выи-
 ралъ:
 Хорошая, пригожая! поди за меня;
 Не пойдешь ты, успокаешься, вспомнешь
 меня.
 Поити было къ сосѣдушкамъ, спросить про
 тебя.
 Сосѣдушки, голубушки! каковъ человекъ?
 Сосѣдушки, голубушки свалили тебя.
 Вино кури, пиво вари, вѣду замужъ за тебя.
 Ой ли, ой ли, ой люшеньки! вѣду за-
 мужъ за тебя!

Этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ пѣ-
 сенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ 1819
 г. ч. 4. стр. 57.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 13,
 мнѣ известны только одинъ вариантъ.

Не пой, не пой соловей,
 Не пой молодой при долинѣ,

Не бѣй соловей гнѣзда при теремѣ.
 Во теремѣ дѣвица коверъ вышпваесть,
 Коверъ золотомъ вышпваесть,
 Коверъ жемчугомъ унишпваесть.
 Доставаля коверъ старому мужу;
 Старому мужу ковра не надобно.
 Дѣвица коверъ убавляесть
 Съ угловъ золотыхъ, со вѣсхъ концовъ.
 Доставаля коверъ молоду;
 Молодому коверъ надобенъ.
 Дѣвица коверъ прибавляесть,
 Съ угловъ золотыхъ, со вѣсхъ концовъ.

Этотъ вариантъ списанъ со словъ посе-
 лянъ Алексинскаго уѣзда. Замѣчательно,
 что эту пѣсню пѣли тамъ на посидѣлкахъ;
 между тѣмъ, какъ эту же самую пѣсню я бо-
 лѣ двадцати разъ слышалъ въ хороводахъ.
 Съ Русскими пѣснями такое измѣненіе ча-
 сто случается. Желательно собрать мѣстные
 наблюденія о всѣхъ пѣсняхъ, имѣющихъ
 подобныя отличія. Другія пѣсни, какъ сва-
 дебныя, рѣшительно не имѣютъ такого из-
 мѣненія; между тѣмъ какъ хороводныя и
 плясовыя болѣе всѣхъ подвержены этому.
 Мѣстные обычаи здѣсь имѣютъ важное
 влияние какъ на развѣрчія самыхъ пѣсней,
 такъ и на принаровленія ко времени и объ-
 стоятельствамъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 14,
 мнѣ известны три вариантаъ.

1.

Въ кругъ летитъ утка,
 Въ нашъ хороводъ утка.
 Диди, калина моя!
 Диди, малина моя!
 Пора дѣвушекъ замужъ,
 Пора красныхъ замужъ.
 За крестьянскаго-ль сына?
 Диди, калина моя!
 Диди, малина моя!
 Крестьянской сыгъ
 Мелить, и толчетъ,
 И рышетомъ подсвѣаетъ.
 Диди, калина моя!
 Диди, малина моя!
 Въ кругъ летитъ утка,
 Въ нашъ хороводъ утка.
 Диди, калина моя!
 Диди, малина моя!
 Пора дѣвушекъ замужъ,
 Пора красныхъ замужъ

За боярскаго-ль сына?

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Боярскаго сына не великъ,
Лакеи босые, собаки борзья,
Окошки косья, верев точенья.

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Въ кругъ летитъ утка,
Въ нашъ хороводъ утка.

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ
За старостина-ль сына?

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Старостинъ сынъ молотить,
Кладетъ прянички сладенькие,
Медъ сыченой, груши паренныя.

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Дѣвушки съли, съли,
Красныя съли, да съли.

Дяди, калина моя!
Дяди, малина моя!

Такъ этотъ вариантъ записанъ былъ со
словъ поселенъ Мещевскаго уезда.

2.

Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.

Ай утица, утица!

Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За крестьянскаго сына, мужика.

Ай утица, утица!

Крестьянскаго сына токовать,
И толочь, и молодь, и молодь,
Рышетомъ подсывать, брану варить.

Ай утица, утица!

Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.

Ай утица, утица!

Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За боярскаго сына, барича.

Ай утица, утица!

Боярскаго сына токовать,
Во дому окошки косья,
Во терему лакеи босые,
Во двору собаки борзые.

Ай утица, утица!

Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.
Ай утица, утица!

Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За старостина сына, молодца.

Ай утица, утица!

Старостинъ сынъ воровать,
Даритъ прянички сладенькие,
Гоститъ медомъ сыченомъ,
Кормитъ орѣшками гладенькими.

Ай утица, утица!

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со
словъ поселенъ Веребскаго уезда.

3.

Черезъ кругъ летитъ утка,
Черезъ нашъ хороводецъ.

Лели, лели утка!

Дѣвушки понграйте,
Красныя понграйте!

Лели, лели утка!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.

Лели, лели утка!

Все приданое готово
И наряды припасены.

Лели, лели утка!

Пора дѣвушекъ замужъ
За крестьянскаго-ль сына?

Лели, лели утка!

У крестьянскаго сына
И толочь, и молодь,
Рышетомъ подсывать.

Лели, лели утка!

Черезъ кругъ летитъ утка,
Черезъ нашъ хороводецъ.

Лели, лели утка!

Дѣвушки понграйте,
Красныя понграйте!

Лели, лели утка!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.

Лели, лели утка!

Все приданое готово
И наряды припасены.

Лели, лели утка!

Пора дѣвушекъ замужъ
За боярскаго-ль сына?

Лели, лели утка!

У боярскаго сына
Окошки косья,

Лакеи босые,
Собаки борзые.

Лели, лели утра!

Черезъ кругъ летитъ утра,
Черезъ нашу хороводець.

Лели, лели утра!

Дѣвушки поиграйте,
Красныя поиграйте!

Лели, лели утра!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.

Лели, лели утра!

Все приданое готово
И наряды припасены.

Лели, лели утра!

Пора дѣвушекъ замужъ
За старостина-ль сына?

Лели, лели утра!

У старостина сына
Прянички сладенькие,

Медъ сыченой.

Лели, лели утра!

Такъ этотъ вариантъ записанъ быть со
словъ поселенья Серпуховскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 15,
мнѣ известны два варианта.

1.

Какъ у насъ было за дворьемъ,
Ой люли, люли, люли!

Росла трава шелковая.

Ой люли, люли, люли!

По той травѣ мужъ идетъ.

Ой люли, люли, люли!

Мужъ идетъ, жена бредетъ.

Ой люли, люли, люли!

Ты постой, жена моя,

Ой люли, люли, люли!

Ты подожди, жена моя!

Ой люли, люли, люли!

Я не жду тебя, сударь,

Ой люли, люли, люли!

Я иду къ родимому батюшкѣ.

Ой люли, люли, люли!

Какъ у насъ было за дворьемъ.

Ой люли, люли, люли!

Росла трава шелковая.

Ой люли, люли, люли!

Какъ шли, прошли молодцы,

Ой люли, люли, люли!

Добры молодцы, Московщички,

Ой люли, люли, люли!

Вели коня подъ ковромъ,

Ой люли, люли, люли!

Подъ золотымъ чепракомъ.

Ой люли, люли, люли!

Копь копытомъ землю выбивалъ,

Ой люли, люли, люли!

Бить камень выбивалъ;

Ой люли, люли, люли!

Во очиво камня вѣтъ.

Ой люли, люли, люли!

Моего мужа дома вѣтъ;

Ой люли, люли, люли!

Съ чужой женой водится,

Ой люли, люли, люли!

Со мной, молодой, ссорится,

Ой люли, люли, люли!

Чужой женой хвалится;

Ой люли, люли, люли!

Чужой женѣ подарочки,

Ой люли, люли, люли!

А мнѣ молодой побой;

Ой люли, люли, люли!

Чужой женѣ башмаки,

Ой люли, люли, люли!

А мнѣ, молодой, котикъ.

Ой люли, люли, люли!

Я сама его удружу,

Ой люли, люли, люли!

Я сама мужа подарю,

Ой люли, люли, люли!

Тонку вѣваю рубашку,

Ой люли, люли, люли!

Изъ дерюжнаго конца.

Ой люли, люли, люли!

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со
словъ поселенья Епифанскаго уѣзда, Туль-
ской губернии.

2.

Ай за дворьемъ, дворьемъ,

Росла трава шелковая;

Ой люли, шелковая!

Ай по травушкѣ мужъ идетъ,

По шелковой жена бредетъ.

Ой люли, шелковая!

Ты стой, постой, жена моя,

Ты подожди меня, жена моя.

Ой люли, шелковая!

Я ве жду тебя, сударь,

Я иду къ родимому батюшкѣ.

Ой люли, шелковая!

Ай за дворьемъ, дворьемъ,

Росла трава шелковая;
 Ой люли, шелковая!
 Ай шли, прошли молодцы,
 Молодцы, всѣ Московщикъ ;
 Ой люли, шелковая!
 Вели кова подѣ ковромъ,
 Подѣ золотымъ чепракомъ.
 Ой люли, шелковая!
 Конь коньтомъ землю выеивалъ,
 Бѣлъ камень выеивалъ.
 Ой люли, шелковая!
 На отцево камня нѣтъ,
 Въ моемъ мужѣ правды нѣтъ;
 Ой люли, шелковая!
 Съ чужой женой водитса,
 Со мной, молодой, споритса;
 Ой люли, шелковая!
 Чужой женой хвалитса,
 А мной, молодой, издѣвается;
 Ой люли, шелковая!
 Чужой женѣ подарочки,
 А мнѣ, молодой, пововица;
 Ой люли, шелковая!
 Чужой женѣ сарафанъ,
 А мнѣ, молодой, смуръ-кафтанъ
 Ой люли, шелковая!
 Ужь я-ль мужа удружу,
 Ужь я-ль мужа подарю:
 Ой люли, шелковая!
 Тонку бѣлую рубашку
 Изъ дерюжнаго конца.
 Ой люли, шелковая!
 Этоть вариантъ списанъ со словъ посе-
 лянь Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губернии.

Для пѣски, напечатанной подѣ № 17,
 мнѣ известны три варианта.

1.

Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
 Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
 Плыла лебедь, плыла лебедь,
 Лебедь бѣлая, со лебедушками,
 Со малыми, со дитятими.
 Ни тряхнетса, ни ворохнется,
 Ни откланнется, ни отзоветса;
 Плывши лебедь, встрѣчулася,
 Подѣ ней вода всколыхнулася,
 Подѣ ней вода возмутулася,
 Плывши лебедь, вышла на берегъ.
 Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!

Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
 Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
 Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
 Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
 Онъ пухъ пустилъ по подѣ небесью;
 Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
 Онъ кровь пустилъ по морю Хвалынскому;
 Сорнилъ перья, сорнилъ перья,
 Сорнилъ перья по чисту полю.

Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
 Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
 Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
 Гдѣ ни взялась красна дѣвица душа;
 Брада перья, брада перья,
 Брада перья лебедичья,
 Клала въ шапку, клала въ шапку,
 Клала въ шапку соболонную
 Милу дружку, милу дружку,
 Милу дружку на подушечку,
 Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
 Родну батюшкѣ на перинушкѣ.

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
 Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся, добрый молодець.
 Богъ на помощь, Богъ на помощь,
 Богъ на помощь красна дѣвица душа!
 Она-жъ ему, она-жъ ему
 Она-жъ ему не поклонится;
 Она-жъ ему, она-жъ ему,
 Она-жъ ему не откланнется.
 Грозилъ паренъ, грозилъ паренъ,
 Грозилъ паренъ красной дѣвицѣ,
 Грозилъ паренъ, грозилъ паренъ,
 Грозилъ паренъ лихой бѣдой:
 Добро дѣвка, добро дѣвка,
 Добро дѣвка, дѣвка красная!
 Зашлю свата, зашлю свата,
 Зашлю свата, за сева позьму;
 Будетъ время, будетъ время,
 Будетъ время и поклоннисьса мнѣ;
 Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
 Будешь дѣвка у кроватишки стоять;
 Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
 Будешь дѣвка бѣлы руки цѣловать;
 Будешь держать, будешь держать,
 Будешь держать шелкову плетъ въ рукахъ;
 Будешь просить, будешь просить,
 Будешь просить милости себѣ.
 Я думала, я думала,

Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься.

Этотъ вариантъ списанъ со словъ посе-
лянъ Тульскаго уѣзда.

2.

Ахъ, по морю! ахъ по морю!
Ахъ, по морю, морю сплему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая моя,
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Увишь, ушибъ, увишь, ушибъ,
Увишь, ушибъ лебедь бѣлую мою;
Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ перушки, онъ перушки,
Онъ перушки по чисту полю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подѣ небесью.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Красна дѣвица душа.
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя мои,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся доброй молодець.
Богъ на помощь, Богъ на помощь,
Богъ на помощь красна дѣвица душа.
Она-жь ему, она-жь ему,
Она-жь ему не поклонится.
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная моя!
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклониться мнѣ,
Будешь стоять, будешь стоять,
Будешь стоять у кроватушки моей,
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелковую нить въ рукахъ.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ
прежде въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, ч. 4,
стр. 216; а потомъ въ собраніи пѣсенъ Пра-
ча, ч. 2, стр. 6, въ числѣ Протяжныхъ.

3.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,

Плыла лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая, со лебедушками.
Плывши лебедь бѣлая,
Сама встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся
Младъ ясенъ соколъ,
Онъ плыль, подплыль,
Поверхъ волны, да широкой,
Увишь, ушибъ, увишь, ушибъ,
Лебедь бѣлую со дѣтями;
Онъ кровь пустилъ; по синю морю,
Онъ пухъ пустилъ по подѣ небесью,
Сорвалъ перья по чисту полю.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушкѣ.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся добрый молодець.
Богъ на помощь красна дѣвица душа!
Она-жь ему не поклонится.
Грозилъ паренъ красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Запши свата, за себя возьму;
Будетъ время и поклониться мнѣ;
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка почью дожидать;
Будешь дѣвка сапоги снимать;
Будешь дѣвка бѣлы руки цѣловать.

Она-жь и поклонится,
Она-жь и съ покорщцемъ
Въ отвѣтъ рѣчи держать.
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься.

Этотъ вариантъ записанъ со словъ посе-
лянъ Ливенскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 20,
мнѣ извѣстенъ одинъ вариантъ, напечатан-

ный въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, въ 4 ч. стр. 76. Онъ сходенъ съ напечатанною пѣнею, и по этому самому мы его не помещаемъ здѣсь.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 21, мнѣ известны два варианта. Изъ нихъ одинъ помещенъ въ собраніи пѣсенъ Чулкова, ч. 2, стр. 196.

1.

Я пойду, пойду въ зеленой садъ гулять,
Пойду я молодова соловья,
Соловюшко, ты мой, батюшко,
Ты скажи, скажи мой младой соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волошки,
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка
Слатъ пуховую перинушку,
А другая-то кручинушка
Раствори жена щюки ворота,
А какъ третья-то кручинушка
Ѣдетъ, ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой,
Онъ везетъ, везетъ гостиницъ дорогой:
Шелкову платку, гордово кнотовье.
Какъ ударилъ меня межъ вѣлыхъ плечъ,
Стану съ мужа кафтанъ скидывать,
Часты пюгошки растягивать,
Хоть и ручушки вьдешеньки,
Хоть и пальчики товешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану мужа разувать.

2.

Соловей мой, соловюшка,
Соловей, мой родной батюшка!
Полѣте, мой соловюшка
На мою дальнюю сторонушку;
Ты скажи, мой соловюшка:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять,
А молодушкамъ мужа не велятъ;
Гулять волошка у батюшки,
У родимыя у матушки;
У молодки три заботушки:
Ужь, какъ первая заботушка —
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка —
Мужъ удалая головушка;
А какъ третья-то заботушка —
Лиха и дурная сторонашка.
Не пущаетъ вѣдъ по воду одну.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Праца, ч. 2, стр. 20.

Для пѣсни напечатанной подъ № 22, мнѣ известны два варианта.

1.

У нашихъ то у воротъ, да у воротъ,
У точеныхъ у верей, да у верей,
Стоять дѣвокъ хоровадь, да хоровадь.
А всѣ дѣвки веселы, да веселы,
Одна дѣвка лучше всѣхъ, да лучше всѣхъ,
Авдотьюшка вдовина, да вдовина,
По бережку гуляла, да гуляла,
Рукавникомъ махала, да махала,
Сердечушкомъ воздыхала, да воздыхала,
Словечушко сказала, да сказала:
Ахъ свѣтъ мой сторона, да сторона,
Покровская слобода, да слобода!
Ужь мнѣ въ тебѣ не бывать, да не бывать,
Пивца, винца не пивать, да не пивать,
Сладкихъ ялокъ не ѣдать, да не ѣдать,
Съ молодцами не гулять, да не гулять.

Такъ онъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Чулкова, ч. 2, стр. 212.

2.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли браво, у воротъ!
Стоять дѣвокъ хоровадь,
Люли браво, хоровадь!
Какъ у нашихъ, у точеныхъ у верей,
Люли браво, у верей!
Стоять дѣвушки въ кругу,
Люли браво, въ кругу!
Всѣ дѣвушки веселы,
Люли браво, веселы!
Одна вдовушка лучше всѣхъ,
Люли браво, лучше всѣхъ!
Авдотьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
Изъ Паранина села.
Люли браво, села!
Вдовушка по бережку гуляетъ,
Люли браво, гуляетъ!
Рукавникомъ махаетъ,
Люли браво, махаетъ!
Сердечушкомъ воздыхаетъ,
Люли браво, воздыхаетъ!
Словечушко говоритъ,
Люли браво, говоритъ!
Ахъ свѣтъ мой сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская слобода,

Люли браво, свобода!
 Изъ Парашна села,
 Люли браво, села!
 Ужь мнѣ въ тебѣ не бывать,
 Люли браво, не бывать!
 Пивца, винца не пивать,
 Люли браво, не пивать!
 Сладкихъ яблочкѣ не ѣдать,
 Люли браво, не ѣдать!
 Въ хоровахъ не играть,
 Люли браво, не играть!
 Съ ребятами не плясать,
 Лоли браво не плясать!
 Съ молодцами не шутить,
 Люли браво, не шутить!

Такъ былъ записанъ этотъ вариантъ со
 словъ поселенца Моршавскаго уѣзда, Там-
 бовской губернии.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 23,
 мнѣ известны два варианта.

1.

Ай люли, во пиру,
 Ай люли, во бесѣдѣ,
 Всѣмъ молодущкамъ весело,
 Всѣмъ Иваловнамъ весело.
 Ай люли, во пиру,
 Ай люли, во бесѣдѣ,
 Одной молодущкѣ грустно,
 Одной молодущкѣ скучно.
 Ай люли, у ней ли старей мужъ,
 Ай люли, у ней ли старей грибъ
 Молодушки погулять,
 Молодушкѣ побывать,
 Съ неженатыми поиграть,
 Съ ребятами потолковать,
 Запрещаетъ, не велить,
 Грозить бѣдную побить.
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Слезы катятся,
 Играть хочется,
 А стару мужу не покоришь.
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Отпусти сударь батюшка
 На улицу погулять?
 Ай люли, млада разгулялась,
 Ай люли, въ зеленомъ саду разыгралась,
 Все съ ребятами, не женатыми!

Т. I. Ч. III.

Ай люли, зоря взошла,
 Ай люли, млада домой пришла!
 Родной батюшка у воротъ стоять,
 Самъ, младай, мнѣ говорить:
 Ты поди, поди моя бѣдная!
 У тебѣ теремъ растворенъ стоять,
 Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ,
 Шелкова плетъ на столѣ лежить,
 Толстая дубина передъ нимъ.
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Во высокѣ теремъ взошла,
 Высокѣ теремъ затворяется,
 Ревнивой мужъ осержается,
 За шелкову плетъ принимаетъ.
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Плетка свиснула,
 Руда брызнула.
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Гдѣ жена была?
 Гдѣ страдница гуляла?
 Ай люли, молода!
 Ай люли, молода!
 Была молода въ зеленомъ саду,
 Все съ ребятами, съ неженатыми.

2.

Поверхъ моря, поверхъ моря,
 Поверхъ сняго, поверхъ сняго,
 Разыгралась погодушка,
 Что погодушка верховая,
 Что верховая, Московская.
 Поверхъ луга, поверхъ луга,
 Поверхъ зеленого, поверхъ зеленого,
 Разыгралися дѣвушки,
 Распьясилися молодущки.
 Всѣмъ молодущкамъ весело,
 Всѣмъ Ивановнамъ весело.
 Одной молодущкѣ грустно,
 Одной Ивановнѣ скучно.
 Всѣ мужья добры,
 Всѣ мужья ласковы;
 Ужь, у ней-ли старей мужъ,
 Ужь, у ней-ли старей грибъ,
 Не велитъ поиграть,
 Не велитъ поплясать
 Съ ребятами, неженатыми,
 Запрещаетъ, не велить,
 Грозитъ бѣдную побить.
 Молодушкѣ играть хочется,
 Молодушкѣ плясать хочется.

8

Слезы горячи ка тятся,
 Сердце надрывается.
 Стара мужа не спрошусь,
 Стару мужу не покорюсь.
 Я спрошаюсь у батюшки,
 Я спрошаюсь у роднова:
 Отпусти, сударь, ватюшка,
 На улицу погулять?
 Какъ я-ли млада, разгуляюсь,
 Какъ я-ли, млада разыграюсь,
 Съ ребятами, съ неженатыми
 До поздней зари.
 Что заря взошла,
 Я гулять пошла;
 Что заря пришла,
 Я домой пошла.
 Мой батюшка у воротъ,
 Мой родимой у дубовыхъ
 Меня, младу, ждеть.
 Ты поди, дочь гуливая,
 Во свой высокой теремъ;
 Твой мужъ за столомъ сидитъ,
 Шелкова плетка на столъ лежить,
 Толстая дубенна передъ нимъ.
 Я взошла, млада, во теремъ,
 Теремъ златоверхъ пошатнулся,
 Мой мужъ ума рехнулся,
 За шелкову плеть ухватился.
 Плетка свиснула, руда брызнула.
 Гдѣ жена была?
 Гдѣ ты, страдница жидя?
 Я была, была въ зеленомъ саду,
 Я жила, жила съ ребятами.

Первый вариантъ списанъ со словъ посе-
 лянь Моршанскаго уѣзда, а второй со словъ
 поселень Алексинскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 26,
 мнѣ известны два варианта. Первый изъ
 нихъ помѣщенъ былъ въ собраніи пѣсенъ
 Чулкова, ч. I, стр. 223. безъ припѣва, по-
 чти слово въ слово, и, по этому самому,
 мы его здѣсь не помѣщаемъ. Второй вари-
 антъ, записанный со словъ поселень Ка-
 шинскаго уѣзда, помѣщаемъ здѣсь.

За широкими вороты,
 За широкими вороты,
 Люли, люли бурлаки!
 Вдоль по бережку крутому,
 Внизъ по матушкѣ Окѣ,
 Люли, люли бурлаки!

Поднимались ребята,
 Молодые, холостые,
 Люли, люли бурлаки!
 Они шуточку шутили,
 Во новы сѣни вскочили,
 Люли, люли бурлаки!
 Во новы сѣни вскочили,
 Новы сѣни подломели,
 Люли, люли бурлаки!
 Красну дѣвку подмавили,
 Во нову ладью сѣдили.
 Люли, люли бурлаки!
 Вдоль по бережку крутому,
 Внизъ по матушкѣ Окѣ,
 Люли, люли бурлаки!
 Внизъ по матушкѣ Окѣ
 Ты поведешь, дѣвка, съ нами,
 Люли, люли бурлаки!
 Съ нами, съ нами, молодцами,
 Съ понизовыми бурлаками.
 Люли, люли бурлаки!
 Наши дома на лодыжахъ,
 Наши сборы на водахъ,
 Люли, люли бурлаки!
 У насъ жить будетъ добренько:
 У насъ горы золотыя,
 Люли, люли бурлаки!
 У насъ горы золотыя,
 Въ горахъ камни дорогіе.
 Люли, люли бурлаки!
 Вдоль по бережку крутому,
 Внизъ по матушкѣ Окѣ,
 Люли, люли бурлаки!
 Во ладью дѣвка сѣдилась,
 Съ понизовыми бурлаки,
 Люли, люли бурлаки!
 На обманъ дѣвка сѣдилась,
 На бурлацкіе пожитки;
 Люли, люли бурлаки!
 Что бурлацкіе пожитки
 Ужъ добры, да не велики,
 Люли, люли бурлаки!
 Одна ложка, да котомка,
 Еще третья-то обортка.
 Люли, люли бурлаки.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 27,
 мнѣ известны два варианта.

1.

Подъ окномъ дѣвка сидѣла, подъ косяще-
 тымъ,

Буйну голову чесала и русу косу плела,
И русу косу плела, къ себѣ милова ждала.
Погляжу млада въ окошко, нейдетъ ли милой мой?

Ахъ, какъ мой милой идетъ, что ясенъ со-
колъ летитъ,

Своими бѣлыми ручками помахиваетъ,
Своими черными кудрями потряхиваетъ.
Я встрѣтила милова средь широкова двора,
И я съ радостью милова за бѣлы руки
взяла,

Повела свою милова во высокой во те-
ремъ,

Посадила я милова подъ косящетымъ ок-
номъ.

Подивися милой мой надъ моей русской ко-
сой!

Ахъ, ты, косынька, коса, коса, дѣвичья
краса!

Ужъ, какъ ты меня, коса, изсушила мо-
лодца,

И ты вынула румянецъ изъ бѣлова изъ лица,
Ахъ, изъ бѣлова изъ лица, изъ удала мо-
лодца!

Не круши ретивое, миль сердечной мой!

Моя русая коса не на горе рождена,

Моя русая коса на роду тебѣ обречена!

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со
словъ поселянъ Подольскаго уѣзда, Мо-
сковской губернии.

2.

Какъ у насъ было, на улицѣ,
Какъ у насъ было, на широкой,
Всѣ дѣвушки въ хоровахъ
Веселились и играли.

Ужъ какъ тутъ-ли вспомнили,
Что въ хоровахъ нѣтъ Парани,
Нѣту, нѣту, ни бывала,

Во теремъ горевала,
Подъ окномъ Парани сидѣла,
Подъ краснымъ косящетымъ,
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,

Къ себѣ друга милова ждала.

Погляжу млада, въ окошко,
Ужъ нейдетъ ли милой другъ?

Какъ у насъ было, на улицѣ,
Какъ у насъ было, на широкой,
Всѣ дѣвушки въ хоровахъ
Веселились и играли.

Какъ Параниль миль идетъ
Что ясенъ соколъ летитъ,

Шапочку охорашиваетъ,
Бѣлыми руками помахиваетъ,
Черными кудрями потряхиваетъ.

Выходила Параня

Изъ выиска терема

На супротивъ своего дружка,

Друга милова встрѣчала,

За бѣлы руки хватала,

Во высокъ теремъ вводила,

Подъ косящето окно сажала.

Ужъ ты, миль сердечной мой,

Ты порадуйся со мной,

Подивися моей русской косой!

Ахъ, ты, косынька, коса,

Коса, дѣвичья краса!

Ужъ, какъ ты-ли, русая коса,

Изсушила меня, молодца.

Потускнѣли черны очи,

Позавяла румянецъ на лицѣ;

Потерялась удалъ молодецка,

Нѣту радости у молодецка.

Ужъ давнымъ давно люди

Спровѣдали нашу тайну,

Ужъ разладница сваха

Расплетаетъ мою косу.

И по батюшкину бѣльенью,

И по матушкину благословенью

Моя русая коса

На роду тебѣ обречена.

Такъ этотъ вариантъ записанъ со словъ
поселянъ Крапивненскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 28,
мы не прилагаемъ вариантовъ. Бездѣ, гдѣ
я слышала эту пѣсню, всегда пѣли оди-
нако; даже въ самыхъ печатныхъ пѣсенни-
кахъ не произведено почти никакой пере-
мѣны. См. собраніе пѣсенъ Чулкова, ч.
стр. 232. Въ пѣсенникѣ изданномъ въ С.
Петербургѣ, въ 1819 г. въ тип. Глазунова,
П. Ш. во 2 ч. стр. 92, прибавлено послѣ
стиха:

—Черной дроздъ пивоваромъ былъ —

Сизъ орелъ винокуромъ смирѣ.

Тамъ послѣдній стихъ напечатанъ такъ:

Съ малыми дѣтками на многи лѣта!

Точно съ такими же дополненіями напе-
чатана была она въ книгѣ М. Н. Макарова:
«Русское національное пѣсовопѣніе,» стр. 41.
Еще вмѣсто стиха:

Взялъ бы я сороку—щекотливая,
У него напечатано:

Взялъ бы я сороку—языкъ не хорошъ.
Объ этой пѣсни, М. Н. Макаровъ при-
ложилъ свои объясненія. Мы выписываемъ
ихъ:

«Кто вѣрить изустнымъ преданіямъ, тотъ
повѣрить и тому, что За моремъ Синичка
неоспоримо заключаетъ въ себѣ какую ни-
будь важную проищу. Сказываютъ, что въ
государствованіе Царя Іоанна Грознаго, ко-
гда, можетъ быть, еще только первой шагъ
сдѣлала въ свѣтъ пѣсня сія, нѣкто, по ви-
димому не благоприятствующій автору ея,
предложилъ какому-то сильному боярину
изъясненіе дурнаго оборота пѣсни и—она
была запрещена: то-есть прославлено было
въ народѣ, что ежели де кто-нибудь будетъ
пѣть пѣсню: За моремъ Синичка, тотъ
подвергнетъ себя штрафу. — Тутъ За моремъ
Синичка умолкла, а долго ли хранилась въ
заточеніи, неизвѣстно. Говорятъ также, что
будто-бы одинъ изъ великихъ нашихъ Мо-
нарховъ, вѣроятно Петръ I, любилъ слы-
шать пѣсню сію и заставлялъ нѣрѣдко
при торжествахъ своихъ пропѣвать оную
хоромъ, составленнымъ изъ вѣрныхъ рат-
никовъ.»

Мы не вѣримъ этой сказкѣ. М. Н. Мака-
ровъ возводитъ эту пѣсню въ бытъ истори-
ческий; а исторія требуетъ фактовъ. Этого
нѣтъ и бытъ не было на самомъ дѣлѣ. Какія
историческія преданія мы имѣемъ изъ вре-
менъ Іоанна Грознаго? Кто ихъ намъ раз-
сказывалъ? Народъ сохранилъ только намъ
преданіе о его Казанской битвѣ. Все прочее
позабывъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 29, я
не знаю ни одного варианта. Одинъ только
разъ я слышалъ эту пѣсню въ Ефремовскомъ
уездѣ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 30,
мнѣ известны два варианта.

Ищеть Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

Ищеть Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ
въ запискахъ о Сибири, стр. 117. Тамъ
продолженіе этой пѣсни озаглавлено подъ
особеннымъ № 4.

Я хожу, хожу
Крутомъ города,
Я сѣку, рублю
Мечемъ ворота,
Еще все ли я
Красну дѣвицу ищю;
Еще гдѣ я
Краспу дѣвицу найду,
Тутъ ее
Златымъ перстнемъ подарю.

Безъ всякаго сомнѣнія, что эти двѣ от-
дѣльныя пѣсни составляютъ одно и тоже.
Время измѣнило, можетъ быть, самый об-
рядъ, и съ этимъ вмѣстѣ наши Сибирскіе
простолудины раздѣлили и самую пѣсню.

2.

Ходилъ князь по хороводу,
Ходилъ князь по дѣвичьему,
Ходилъ, ходилъ князь,
Да все смотреть князь,
Ищеть нашъ добрый князь
Свою-ли свѣтлую княгиню,
Свою-ли добрую княгиню.
Ходилъ князь кругомъ города;
Онъ съчеть, онъ рубить
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро-ли свѣтлый князь
Найдемъ свѣтлую княгиню?
Ужъ я-ли гдѣ найду
Свою-ли свѣтлую княгиню,
Златымъ перстнемъ подарю.

Такъ этотъ вариантъ былъ сообщенъ мнѣ
изъ Пензы, отъ Д. И. С.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 31,
мнѣ известны два варианта.

1.

Княжій сынъ хороводъ,
Да ты, что ходишь, гуляешь?
Царевъ сынъ хороводъ,
Да что ты примечаешь,
Царевъ сынъ хороводъ?

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моя-то Царевна,
 А моя-то Королева
 Во Новгородѣ гуляетъ,
 На ней вѣнчикъ сияетъ,
 Сарафанъ на ней камчатный.
 Ты войди, Царь, во городъ,
 Ты возьми ее за руку,
 Поклонитесь низенько,
 Подоровайтесь миленько.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ
 Запискахъ о Сибири, стр. 117

2.

Во се хороверь!
 Во се хороверь!
 Что ходишь, гуляешь,
 Что примѣчаешь?
 Я хожу, я гуляю,
 Я въ хороводѣ примѣчаю
 Свою подруженьку.
 Вѣдь, моя-то молодая,
 Вѣдь, моя-то княгиня
 Во Новгородѣ гуляетъ,
 На Торговой сторонѣ играетъ:
 Ужь на моей-ли княгини,
 Ужь на моей-ли молодой
 Красень вѣнчикъ сияетъ,
 Сарафанъ на ней камчатный,
 Урусецъ весь жемчужный,
 Алы бархатны багрячкіи,
 Два яхонта во серьгахъ,
 Два алмаза во глазахъ,
 Со походкой лебединой,
 Со поступию соволиной.
 Во се моя молодая,
 Во се моя княгиня!
 Ты войди, хороверь,
 Ты войди въ хороводъ,
 Ты возьми молодую,
 Ты возьми княгиню.

Такъ этотъ вариантъ былъ сообщенъ мнѣ
 изъ Старой Русы.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 32,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
 ный въ Зап. о Сибири, стр. 116.

Чижижъ, пыжижъ у воротъ,
 Воробышекъ маленькій!

Ахъ, братцы, мало насъ,
 Голубчики, немножко!
 Въ хороводѣ людей мало,
 Веселиться не съ кѣмъ стало.
 Ахъ, братцы, мало насъ,
 Голубчики, немножко!
 Максимъ, сударь, поди къ намъ,
 Егоровичъ приступись!
 Ахъ, братцы, мало насъ,
 Голубчики не множко!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 33,
 мнѣ известны два варианта.

1.

Подъ берегомъ селезень,
 Подъ кремнистымъ селезень.
 Ужь ты выди, селезень,
 Ужь ты выплыви, селезень!
 Студено ли те, селезень?
 Студено ли те, хохлатый?
 Мнѣ бы не было студено,
 Мнѣ бы было тепло,
 Я одинъ, одинъ селезень.
 Ужь ты выди, селезень,
 Ужь ты выплыви, селезень,
 Приодѣнься селезень—
 Такъ, такъ потеплей.
 Вотъ со двушки вѣнокъ,
 Со молодушки платокъ,
 Со старой бабы шлыкъ,
 Съ мужика, бурлака,
 Поль-кораблика,
 Съ сѣрой утицы
 Сизой пухъ,
 Изъ нашего хоровода
 Красну дѣвицу.

Такъ этотъ вариантъ былъ сообщенъ мнѣ
 изъ Владдайскаго уѣзда.

2.

Подъ коренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень,
 Тепло ли те, олень?
 Мнѣ не то тепло,
 Мнѣ не то студено,
 Приодѣнься олень,
 Прикутайся.
 Какъ со двушки вѣнокъ,
 Со молодушки платокъ,
 Съ старой бабы шлыкъ,
 Съ малаго ребеночка пеленочка,
 Съ мужичка, бурлачка,
 Поль-кораблика.

Такъ этотъ вариантъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Сибири стр. 118. Тамъ въ дополнение къ этой пьснѣ приложена народная игра, совершенно имѣющая въ Велико-Русскихъ губерніяхъ другой назначеніе; но какъ видно, изъ записокъ о Сибири, она соединяется съ пьснѣю, и имѣетъ свой припѣвъ: «Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ:

Сиди, сиди ящерь—ладу, ладу!
На золотѣ стулѣ—ладу, ладу!
Грызи, грызи ящерь—ладу, ладу!
Ореховы ядра—ладу, ладу!

Для пьснѣ, напечатанной подъ № 34, мнѣ известны два варианта.

1.

Надъ рѣчкою, надъ выстрою,
Стоитъ ракитовъ кустъ,
Вкругъ ракитова кусточка
Лежитъ сиротинушка,
Сиротинушка, горемычная.
Соловейка пьснѣ пѣлъ,
Сиротинушка высвистывалъ:
Во пирѣ ли, во бесѣдѣ
Много было гостей дорогихъ,
Не было только соловейшки,
Что соловейшки, голубушки.
Надъ рѣчкою, надъ выстрою
Стоитъ ракитовъ кустъ,
Вкругъ ракитова кусточка
Лежитъ сиротинушка,
Сиротинушка горемычная.
Соловейка пьснѣ пѣлъ,
Сиротинушка высвистывалъ:
Вотъ соловейка-голубушка
Идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ.
Мнѣ жаль тебя сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всѣмъ воруку;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка,
У чужихъ людей, моихъ забавецъ,
Я слыву гулевушкой.

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со словъ поселенца Орловскаго уѣзда.

2.

Подлѣ рѣчки стоялъ часть ракитовъ кустъ,
За кустомъ лежалъ сиротинушка,
На кустикъ соловейка пьснѣ пѣлъ,
А сиротинушка высвистывала:
Была званой пирѣ и бесѣдѣ,
Были гости всѣ званые,
Не было моей голубушки;
А моя-то голубушка
Идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ,
Слово молвить, радость дарить,
Сама-то голубушка говоритъ:
Мнѣ жаль тебя, сиротинушку,
А и жалчей того батюшку,
А и жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всѣмъ воруку;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка;
У моего мужа, лиходѣя,
Я слыву во постылыхъ.

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со словъ поселенца Тарусскаго уѣзда.

Для пьснѣ, напечатанной подъ № 35, мнѣ известны одинъ вариантъ, напечатанный въ запискахъ о Сибири, стр. 119.

Бояре! да вы по что пришли?
Молодые, да вы по что пришли?
Княгини! да мы невѣсть смотрѣть!
Молодые, да мы невѣсть смотрѣть!
Бояре! покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.
Княгини! во се нашъ женишокъ!
Молодые, во се нашъ женишокъ!
Бояре! покажите кафтанѣ,
Молодые, покажите кафтанѣ.
Княгини! во се нашъ кафтанѣ!
Молодые, во се нашъ кафтанѣ!
Бояре! покажите кушакъ,
Молодые, покажите кушакъ.
Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодые, во се нашъ кушакъ!
Бояре! покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги.

Книгини! во се нашъ сапожокъ!
Молодыя, во се нашъ сапожокъ!
Бояге! поздороваться!
Молодые, со вѣсѣмъ повѣдомъ!

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 36,
мнѣ известны два варианта.

1.

Во саду было, подѣ яблонью,
Въ зеленомъ, подѣ кудрявою,
Соловей выщекочеть,
Молодой выщекочеть.
Во терему-то
Свѣтъ у Марьи души
Въ высокомъ-то у Ивановны,
Красны дѣвицы играютъ.
Ужъ ты слышишь-ли,
Марья душа,
Ужъ ты слышишь-ли, Ивановна?
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ!
Охъ! свѣтъ-то мой подруженьки
Зачѣмъ раньше не сказали;
Я право не слыхала.

Такъ былъ напечатанъ этотъ вариантъ въ
Запискахъ о Сибири, стр. 112, гдѣ самая
пѣсня означена въ числѣ Плясовыхъ.

2.

Во саду-ли было, подѣ яблонью,
Въ зеленомъ, подѣ кудрявою,
Соловей щекоталь,
Молодой щекоталь.
Во терему златоверхомъ
У красной, свѣтъ, дѣвицы,
Во высокомъ-то у души,
Красны дѣвицы играютъ.
Ужъ, ты слышишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа?
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ?
Охъ! свѣтъ мой подруженьки
Зачѣмъ раньше не сказали,
Я право не слыхала.
Въ саду-ли было, подѣ яблонью,
Въ зеленомъ, подѣ кудрявою,
Соловей щекоталь,
Молодой щекоталь.
Въ хоровахъ красны
У воротъ стоять,
Въ хоровахъ красны дѣвицы

Всей околицей играютъ.
Ужъ, ты слышишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа,
Какъ подруженьки манятъ?
Ужъ, ты видишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа,
Молодой идетъ по дороженькѣ?
Охъ! вы, свѣтъ мой подруженьки,
Зачѣмъ раньше не сказали?
Я право не слыхала;
А какъ мнѣ идетъ,
Я давно сама завидѣла;
Я сама къ нему иду.

Такъ этотъ вариантъ былъ записанъ со
словъ поселенца Спасскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 37,
мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
ный въ Запискахъ о Сибири, стр. 113.

У души у красной дѣвицы
Новый огородецъ,
Новый, новый огородецъ,
Частой частоколецъ;
Попятился, повалился,
Къ землѣ приклонился.
Отъ того-же отъ тыночка
Лежать три сѣдочка,
Три сѣдочка, два сѣдочка,
Свѣшккомъ призапали,
Про меня, красну дѣвицу,
Небыль насаказали.
Небыль, небыль, небылицу,
Не былия рѣчи:
Будто я, красна дѣвица,
Порану вставала,
Попутру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,
Лявточку влетала,
Друга провожала;
Проводила мила друга
До зелена луга,
До зеленаго лужочка,
До полу-дороги;
Со полу-то я дорожки
Домой воротилась,
Съ милымъ не простилась.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 38,
мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
ный въ Запискахъ о Сибири, стр. 115.

Около сыра дуба

Растеть чернь черница,
 А во той-ли во черницѣ
 Черень соволь скачетъ;
 Поскачи, поскачи соволь
 По чистому полю,
 Поплови, попови утя
 По тиху Дунаю;
 Ищи себѣ друга,
 Котораго любишь.
 Скачите, вы, двушки, пляшите,
 Вы, холостые, не смотрите,
 Смотрючи, двушку не взять,
 Взять, не взять по любви,
 По батюшкину благословенью,
 По матушкину умоленью.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 39,
 мнѣ известны одинъ вариантъ, напечатан-
 ный въ Запискахъ о Сибири, стр. 114.

Изъ бору, бору,
 Изъ зеленого,
 Стучала, гремѣла
 Быстрая рѣчка.
 Обростала быстра рѣчка
 Калиной, малиной.
 На калиновомъ мосточкѣ
 Сидѣла голубка,
 Ноженьки мыла,
 Перемывала,
 Свое сизое перышко
 Перебирала.
 Перебравши сизо перье,
 Сама взворковала:
 Завтра, поутру,
 Батюшка будетъ;
 Хотѣ будетъ, аль не будетъ,
 Тоски не забудетъ,
 Въ двое, въ трое у голубки
 Печали прибудетъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 40,
 мнѣ известны одинъ вариантъ, напечатан-
 ный И. М. Снегиревымъ — во 2 ч. стр. 92,
 Русскихъ простонародныхъ праздниковокъ,
 подъ названіемъ Чухломской пѣсни.
 Соколъ-ли мой, соколъ,
 Залетная пташка.
 Ты прожжй, доброй молодецъ,
 Привезъ меня молодъ
 Въ чуждъ дальню сторону
 Сушилъ, крушилъ три года,

Нашину-ль я грамотку
 По бѣлому бархату
 Чистымъ, краснымъ золотомъ;
 Отошлю-ль я эту грамотку,
 Въ дальній городъ Астрахань,
 Къ родному батюшкѣ,
 Къ родимой матушкѣ.
 Прикажетъ ли, сударь, батюшка
 Скакать, плясать, танцовать?
 Скачи, пляши, дитятко,
 Танцуй сударыня,
 Покаместъ старость не пришла!
 Коли старость къ намъ придетъ,
 Такъ мы ее пришибемъ
 Сафьянникомъ вапмачкомъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 41,
 мнѣ известны два варианта. Первый изъ
 нихъ напечатанъ И. М. Снегиревымъ во 2
 ч. стр. 95, Русск. прост. праздниковокъ, а
 второй записанъ со словъ поселянъ Туль-
 ского уѣзда.

I.

Что мон-то ясны очи заглядываты!
 Еще что очи завидятъ, то на очи берутъ?
 Что мѣлка мука овсяна, мѣлко вытолчена.
 Мѣлко вытолчена, въ сито высѣяна,
 Что умна была дочь у честной вдовы,
 У честной вдовы умно выгчена;
 Она въ теремѣ сидѣла,
 Въ рукахъ пялочки держала,
 Всѣ узоры вышивала.

2.

Шли, прошли по околицѣ
 Красны двицы румяны;
 Очи ясны, заглядываты!
 Ужъ и что двицы завидятъ,
 Все на ясны очи берутъ,
 Все запримѣчаютъ;
 А у нихъ-ли мука озимовата,
 Еще мѣлка овсяна,
 Мѣлко вытолчена,
 Въ рѣшето высѣяна.
 Ужъ, какъ если въ околицѣ
 У вдовушкѣ салось,
 У вдовѣ дочка умна, учена;
 Она, вдовушка, учила
 Свою дочку молоду
 Въ рукахъ пялочки держать,
 Золоты ширинки вышивать,

Для пѣсни, напечатанной подъ № 42, мнѣ
извѣстенъ одинъ вариантъ, напечатанный въ
2 ч. стр. 93, Русск. прост. праздниковъ.

Во поле, поле, широко въ раздольѣ,
Стояли три шатра, три полотняные.
Во первомъ шатрѣ подъячье шпунтъ,
Во второмъ шатрѣ князь и бояре,
Во третьемъ шатрѣ гостинный сынъ гуляетъ,

Самъ въ гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сопью тебя, дѣвушка,
Шубку, юбку и тѣлогрѣйку;
Еще тебя, дѣвица, монисту со крестами,

Серги съ жемчугами.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни тѣлогрѣйки,
Ни монисту со крестомъ,
Ни серегъ съ жемчугомъ.
Ахъ! отпусти, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 43, мнѣ
извѣстенъ одинъ вариантъ, напечатанный во
2 ч. стр. 94, Русск. прост. праздниковъ.

Тонка, гибка жестянка,
Черезъ рѣчущку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли старыя бабы,
Старыя бабы старобрады.
Еще смѣть ли спросить старыя бабы,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молодыя бабы:
На овсяной блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Еще шли, прошли молодыя бабы,
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабы,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добрыя молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

Еще шли, прошли добрыя молодцы:
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молод-
цовъ:

Еще что въ городѣ вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красныя дѣвушки,

Со ступрулей красна дѣвушка,
А по тысячѣ дѣвицъ на косицу.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 44,
мнѣ извѣстенъ одинъ вариантъ, напеча-
танный во 2 ч. стран. 97 Русск. прост.
праздниковъ.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала,
На той ли на калинѣ сидитъ соловейка,
Веселье и пѣсни распѣваетъ,
Холоостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебя, молодецъ, жениться,
Тебя, красной дѣвушкѣ, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ навѣльному тамъ атаману;
Чѣмъ меня государь батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной;
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плесати.
Не за чѣмъ въ люди по веселью,
Дома весельица довольно.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 45,
мнѣ известны два варианта. Первый изъ
нихъ былъ напечатанъ во 2 ч. стр. 99,
Русск. прост. праздниковъ; а второй запи-
санъ со словъ поселянъ Алексинскаго
уезда.

I.

Какъ за горницею, за павлушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища пяти:
А меня ли, молодеценьку,
Свегоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свегоръ-батюшка
Гумво чистить,
Гумво чистить,
Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,

САМА ЛИ, МОЛОДЕШЕНЬКА,
 НА ИГРИЦА ПОЙДУ
 НАСКАЧУСА, НАПЛЯШУСА,
 НАИГРАЮСЬ МОЛОДА.
 А МЕНЯ, МОЛОДЕШЕНЬКУ,
 СВЕКРОВЬ НЕ ПУЩАЕТЪ,
 ЗАСТАВЛЯЕТЪ СВЕКРОВЬ-МАТУШКА
 КРАСЕНЦА ТКАТЬ.
 УЖЬ Я ВЪ СЕРДЦЕ-ТО ВЗОЙДУ,
 КРАСНА ИЗОРВУ, БЕРДО ИЗЛОМЛЮ,
 КАКЪ НА ИГРИЦЕ УЙДУ :
 НАСКАЧУСА, НАПЛЯШУСА,
 НАИГРАЮСЬ МОЛОДА !

2.

КАКЪ ЗА ГОРНИЦЕЮ, ЗА ПАВАЛУШЕЮ,
 НЕ ВЪ ГУСЛИ ИГРАЮТЬ,
 НЕ ВЪ СВИРЬЛИ ГОВОРЯТЬ,
 НЕ ВЪ ТРУБЫ ТРУБЯТЬ,
 ГОВОРЯТЪ МОИ ПОДРУЖЕНЬКИ,
 ГОВОРЯТЪ МОИ СОСЪДУШКИ,
 НА ИГРИЦА ИДТИ.
 УЖЬ МЕНЯ, МОЛОДЕШЕНЬКУ,
 СВЕКОРЪ УНИМАЕТЪ,
 ЗЛОДЪЙ ОНЪ НЕ ПУСКАЕТЪ,
 ЗАСТАВЛЯЕТЪ СВЕКОРЪ-БАТЮШКА :
 ВО ПОЛЪ ГУМНО ЧИСТИТЬ,
 ВО ДВОРЬ МЕЛОЙ МЕСТИ,
 ВО ИЗЪВЪ ДЪТЕЙ КАЧАТЬ.
 УЖЬ Я ЛИ ВЪ СЕРДЦЕ ВЗОЙДУ,
 И МЕЛЮ ИЗЛОМЛЮ,
 И ГУМНО ИСТОИЧУ,
 И ДЪТЕЙ УЛОЖУ ;
 А САМА-ТО, МОЛОДЕШЕНЬКА,
 НА ИГРИЦЕ ПОЙДУ :
 НАСКАЧУСА, НАПЛЯШУСА,
 НАИГРАЮСЬ МОЛОДА.

КАКЪ ЗА ГОРНИЦЕЮ, ЗА ПАВАЛУШЕЮ,

НЕ ВЪ ГУСЛИ ИГРАЮТЪ,
 НЕ ВЪ СВИРЬЛИ ГОВОРЯТЪ,
 НЕ ВЪ ТРУБЫ ТРУБЯТЪ,
 ГОВОРЯТЪ МОИ ПОДРУЖЕНЬКИ,
 ГОВОРЯТЪ МОИ СОСЪДУШКИ,
 НА ИГРИЦА ИДТИ.
 УЖЬ МЕНЯ, МОЛОДЕШЕНЬКУ,
 СВЕКРОВЬ УНИМАЕТЪ,
 ЗЛОДЪЙКА ОНА НЕ ПУСКАЕТЪ,
 ЗАСТАВЛЯЕТЪ СВЕКРОВЬ-МАТУШКА :
 И ТОЛОЧЪ, И МОЛОТЬ,
 КРАСЕНЦА СНОВАТЬ,
 ПО ВОДУ ХОДИТЬ,
 ИЗЪВЫ ТОНИТЬ,
 РЕБЯТЪ КОРИТЬ.

УЖЬ, ЭТО НЕ ПО МНѢ,
 УЖЬ Я ЛИ ВЪ СЕРДЦЕ ВЗОЙДУ,
 НЕ ТОЛКУ, НЕ МЕНЮ,
 КОНОПЛИ ИЗЛОМЛЮ,
 КРАСНА ИЗОРВУ,
 ДЪТЕЙ НАКОРМЛЮ ;
 А САМА-ТО, МОЛОДЕШЕНЬКА,
 НА ИГРИЦЕ ПОЙДУ :
 НАСКАЧУСА, НАПЛЯШУСА,
 НАИГРАЮСЬ МОЛОДА.

Для пѣсни, напечатанной под № 46,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
 ный во 2-й ч. стр. 98, Русск. прост. празд-
 никовъ.

ВЪ КАЗАНИ БЫЛО ГОРОДЪ,
 ПРОТЕКАЛА ТУТЪ ВОЛГА РѢКА,
 КАКЪ ПО ТОЙ ВОЛГѢ РѢКѢ
 ПРОПЛАВАЛА ОСЕТРЬ РЫБА,
 ЧТО ОСЕТРЬ РЫБА СВѢЖАЛ :
 КАКЪ БЫ ЭТА ДА ОСЕТРЬ РЫБА
 ХОЗЯИНУ ДА НА СТОЛЫ ДУБОВЫЕ,
 ДА НА СКАТЕРТИ ТКАЦКІЯ,
 ДА НА БЛЮДА СЕРЕБРЯНЫЯ !
 ДАЛЕЧЕ, ДАЛЕЧЕ ВО ЧИСТОМЪ ПОЛѢ,
 РАЗЫГРАЛИСЬ ЧЕРНЫЕ, ЧЕРНЫЕ СОБОЛИ.
 КАКЪ БЫ ЭТИ ДА ЧЕРНЫЕ СОБОЛИ
 ХОЗЯЮШКѢ НА ШУВУ, ДА НА ВЪЛЫ ПЛЕЧИ.

Для пѣсни, напечатанной под № 47,
 мнѣ известны два варианта. Первый изъ
 нихъ помѣщенъ во 2 ч. стр. 95, Русск.
 прост. праздниковъ, а второй поется въ
 селеніяхъ Чулымскаго уѣзда.

1.

СИДИТЪ ОЛЕНЬ ПОДЪ СЫРЫМЪ ДУБКОМЪ :
 ТЕПЛО ЛИ ТЕ, ОЛЕНЬ, СТУДЕНО ЛИ ТЕ, ОЛЕНЬ ?
 МНѢ ВО ЛѢТЪ ТЕПЛО, ВО ЗИМѢ ХОЛОДНО.
 ПРИОДѢНЬТЕ ОЛЕНЯ, ПРИКУТАЙТЕ :
 ЧТО СО ДЪВУШКИ ВЪНОКЪ, СО МОЛОДУШКИ
 ПЛАТОКЪ,
 СО СТАРЫЯ БАБЫ ШЕЛКОВЫЙ ПОЯСОКЪ,
 ЧЕЙ, ЧЕЙ ЭТО ВЪНОКЪ ТОЛОЧУ, ВОЛОЧУ,
 ТОЛОЧУ, ВОЛОЧУ ПО ПОДЛАВНИЧЬЮ, ПО ЗАВА-
 ЛНИЧЬЮ ?
 Я НЕ ДАМЪ ВЪНКА ТОПТАТЬ, Я НЕ ДАМЪ ВО-
 ЛОЧИТЬ ?
 САМА ВЫСКАЧУ, САМА ВЫПЛЯШУ,
 Я СВОИМЪ СТАВКОМЪ, Я КОРОТЕНКІМЪ.
 ХОТЯ СТАНЪ КОРОТОКЪ, НАЗОВУТЪ КОРОЛЕМЪ
 КОРОЛЕВНИЦЕМЪ.
 А ГДѢ УТКА ШЛА, ТУТЪ И ПЫЛЬ ПРОЦЛА,

А гдѣ я млада, тутъ и гожь густа,
Уколотица, умолотица,
Еще съ колосу маленька, съ зерна пирога.

Мы замѣчаемъ, что въ этой пѣснѣ смѣшаны совершенно двѣ разныя пѣсни: загляните въ Записки о Спбурѣ, на стр. 118 — тамъ помѣщено начало этой пѣсни; загляните же на стр. 121 той же книги, и вы увидите конецъ. Анализъ сдѣланъ вѣрный. Мы не беремъ на себя рѣшить задачу, кто первый смѣшалъ народныя пѣсни. Можетъ быть, это само собою разрѣшится, если мы обратимъ внимание на усвоение Русскихъ привычекъ, на тотъ способъ, какъ поселяне охотно принимаютъ отъ завѣжныхъ людей новости. Такія смѣшенія въ Русскихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ очень часто.

2.

Начало этого варианта, по словамъ И. М. Снегирева, то же самое, следовательно опять видимъ смѣшеніе новыхъ пѣсней. Конецъ же встрѣчаемъ другой.

Хотя стань коротокъ, да плечи широки,
А на эти плечи три рябиновыхъ дубца,
Три распаренные, три разжаренные,
Подпояска-то долга, о семи саженьъ изва,
Повернуться нельзя, повернулася пошла,
Будто ягода красна, какъ землянка хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!

Мнѣ не мужъ ихъ купилъ, и никто заводилъ,
Заводилъ Константинъ на свои шесть алтынъ;

Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-та швецъ, а женихъ кузнецъ,
Моя матушка прядеюшка, вервицу нарядить.

И въ этомъ вариантѣ есть, по видимому, много сокращеній, особенно послѣ стиха: «Будто ягода красна.» — Здѣсь очевидно чего-то не достаеъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 48, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ записанъ со словъ поселянъ Мещевскаго уѣзда, а второй Муромскаго.

1.

По широкой по рѣкъ,
По раздольной по Окъ

Плыветъ селезень.

Люли, люли, селезень!

По той рѣкъ, да широкой,
По той Окъ, да глубокой,
Бѣжить добрый молодець.

Люлю, люли, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень.

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.

Люли, люли, селезень!

Селезень не слушаетъ,
Селезень не туруетъ,
Селезень проплываетъ.

Люли, люли, селезень!

По широкой, по рѣкъ,
По раздольной по Окъ,
Плыветъ суденышка.

Люли, люли, селезень!

На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазвобушка.

Люли, люли, селезень!

Во садѣ суденышка
Бѣжить матушка,
Бѣжитъ, сама рѣчи ведетъ:

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда:
Изменила жолада.

Люли, люли, селезень!

Дѣтинушка не слушается,
Суденышка колышется,
Ко дну клонется.

Люли, люли, селезень!

2.

Ужъ какъ было по рѣкъ,
Ужъ какъ было по Окъ.

Гай, гай, селезень!

Плыветъ селезень,
Плыветъ молодой.

Гай, гай, селезень!

Будутъ молодые, удалые,
Вся Волжане, молодые.

Гай, гай, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Молодой селезень.

Гай, гай, селезень!

У ТЕБЯ ЛИ ВО ДОМУ
ПОВЕРНУЛОСЬ ПО БРЕВНУ,
ПО БРЕВНУ, ПО СОСНОВОМУ.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

УЖЬ КАКЪ БЫЛО ПО РѢКѢ,
УЖЬ КАКЪ БЫЛО ПО ОКѢ.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

ВЫЦЫЛЫВАЛЪ МОЛОДЕЦЪ,
ВЫЦЫЛЫВАЛЪ УДАЛОЙ.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

САМЪ СУДЕНЬШКОМЪ ВЕРТИТЬ,
САМЪ ВЕСЕЛЦАМИ ГРЕВЕТЬ.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

НА СУДЕНУШКѢ ДѢТИНУШКА,
НА ДѢТИНУШКѢ РУБАШЕЧКА,

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

ПОДЪ СЕРДЕЧУШКОМЪ ЗАСНОВУШКА,
ВО ДОМУ ОДНА СУДАРУШКА.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

У ТЕБЯ ЛИ ВО ДОМУ
СОЧИНИЛАСЯ БѢДА:

ИЗМѢНИЛА МОЛОДА.

ГАЙ, ГАЙ, СЕЛЕЗЕНЬ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 49, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ Собрании пѣсень Прача, ч. 2, стр. 57; а второй въ пѣсенникѣ, изданномъ въ СПб. въ типографіи Глазунова, П. Ш., въ 4, стр. 52. Оба эти варианта совершенно сходны съ пѣснейю, приложенною въ текстъ, а по этому самому мы и не помѣщаемъ ихъ здѣсь.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 50, мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатанный въ пѣсенникѣ П. Ш., изданномъ въ СПб. въ 1819 г. ч. 4, стр. 54.

У ВОРОБУШКИ ГОЛОСЪ ЦѢЛЪ, БОЛѢЛЪ.

КАКЪ БОЛѢЛА, КАКЪ БОЛѢЛА, КАКЪ БОЛѢЛА?

У ВОРОБУШКИ СЕРДЕЧУШКО ЦѢМЛО;

У ВОРОБУШКИ СПИНУШКА БОЛѢЛА;

У ВОРОБУШКИ РУЧЕНЬКА БОЛѢЛА,

УЖЬ КАКЪ СТАЛЪ ВОРОБЕЙ ПРИБѢДАТИ;

ЗАХОТѢЛЪ ВОРОБЕЙ ПЕРЕМѢНИ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 51, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПб. въ 1819 г. ч. 4, стр. 52, а второй записанъ со словъ поселенца Сергѣевского уезда. Мы помѣщаемъ только послѣдній.

КАКЪ ПОСВЮ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
КАКЪ ВЫРАЩУ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ ВЫРОСЪ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ ЛЕНЬ ПОСПѢВАЛЪ,
КАКЪ БѢЛЪ СОЗРѢВАЛЪ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ;
А Я, МЛАДА, ГОРЕВАЛА:
СЪ КѢМЪ-ТО МНѢ ЛЕНЬ БРАТИ?
СВЕКОРЬ-ТО МОЛВИТЬ:
Я СЪ СНОХОЮ, МОЕЙ МОЛОДОЙ!
ЧОРТЬ ЭТО, НЕ БРАНЬЕ,
ВСЕ ЛИШЬ ГОРЕВАНЬЕ!

КАКЪ ПОСВЮ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
КАКЪ ВЫРОЩУ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ ВЫРОСЪ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ ЛЕНЬ ПОСПѢВАЛЪ,
КАКЪ БѢЛЪ СОЗРѢВАЛЪ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ;
А Я, МЛАДА, ГОРЕВАЛА:
СЪ КѢМЪ-ТО МНѢ ЛЕНЬ БРАТИ?
СВЕКОРЬ-ТО МОЛВИТЬ:
Я СЪ СНОХОЮ, МОЕЙ МОЛОДОЮ!
ЧОРТЬ ЭТО, НЕ БРАНЬЕ,
ВСЕ ЛИШЬ ГОРЕВАНЬЕ!

КАКЪ ПОСВЮ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
КАКЪ ВЫРОЩУ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ ВЫРОСЪ БѢЛЪ ЛЕНЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ.
КАКЪ СТАЛЪ ЛЕНЬ ПОСПѢВАТЬ,
КАКЪ СТАЛЪ ЛЕНЬ СОЗРѢВАТЬ,
ТОНКОЙ, ДОЛГОЙ,
БѢЛЪ, ВОЛОКНИСТОЙ;
А Я, МЛАДА, ГОРЕВАЛА:
СЪ КѢМЪ-ТО МНѢ ЛЕНЬ БРАТИ?
КАКЪ МИЛОЙ-ТО МОЛВИТЬ:
Я СЪ ТОВОЮ, МОЕЙ ДОРОГОЮ!
ВОТЪ ЭТО-ТО БРАНЬЕ,
ВСЕ ЛИШЬ ЦѢЛОВАНЬЕ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 52, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ напечатанъ въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПБ. 1819 г., ч. 4, стр. 58. Въ этомъ вариантѣ есть только некоторые измѣненія, которыя и помещаемъ.

Вмѣсто: «Вся дѣвки понабрались» —
Вся понавилась.

Вмѣсто «Одна дѣвка не набралась» —
Одна дѣвка не павилась.

Пропущено въ пѣсенникѣ П. Ш. четыре стиха

У меня ли, у младшеньки,
Свекорь-отецъ, свекровь мать,
И вьютъ, и журятъ,
По напрасну бранятъ.

Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто: «Не кто велѣлъ по полямъ играть» — Не кто велѣлъ съ холостымъ играть.

Второй вариантъ записанъ со словъ поселенца Богородицкаго уѣзда Тульской губернии.

Какъ пошли дѣвки въ сыры боры,
Какъ загуляли красны въ лѣсъ по ягодки!
Ой люли, люли, по ягодки!

Ужъ вся дѣвки понабрались,
Ужъ вся красны нахваталась.

Ой люли, люли, нахваталась!

Какъ тутъ дѣвка не набралась,
Какъ тутъ красна не нахваталась.

Ой люли, люли, не нахваталась!

Какъ тутъ по сыру бору
Ходючи дѣвка, разтужилась;

Ой люли, люли, разтужилась!

Какъ тутъ разтужась, взмолилась,

Какъ взмолившись, окликала.

Ой люли, люли, окликала!

Стала дѣвка плакати,

Стала подругъ кликати:

Ой люли, люли, кликати!

Вы подруженьки, вы голубушки,

Вы мои голубушки сложитесь,

Ой люли, люли, сложитесь!

Вы сложитесь мнѣ по ягодки,

Вы бросьте по одной горсточкѣ;

Ой люли, люли, горсточкѣ!

У меня-то, у младшеньки,

У меня-то, у горемычной,

Ой люли, люли, горемычной!

Нужой отецъ, чужая мать,

Мнѣ отецъ свекорь, мнѣ мать свекровь.

Ой люли, люли, свекорь!

Меня, младу, забранятъ,

Меня, младу, зажурятъ.

Ой люли, люли, зажурятъ!

Ей подруженьки не сложились,

Ей подруженьки не скинулись.

Ой люли, люли, не скинулись!

Ръчи держатъ ей подруженьки,

Ръчи держатъ ей голубушки:

Ой люли, люли, голубушки!

Не кто велѣлъ по кустамъ бродить,

Не кто велѣлъ соловушекъ ловить!

Ой люли, люли, ловить!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 53, мнѣ известны одинъ вариантъ, напечатанный въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПБ. 1819, въ 3 ч. стр. 110.

Какъ у нашихъ у воротъ,

Ай люли, у воротъ!

Стоитъ дѣвокъ хороводъ,

Меня, младу, кликами

На улицу поигратъ,

Въ хороводъ попласатъ;

Меня свекорь не пустилъ,

Хотя пустилъ, пригрозилъ:

Гуляй сноха, да недолго!

А я, младя, гуляла

До самивьрихъ пѣтушковъ;

Какъ зорюшка занялась,

А я, младя, поднялась;

На встрѣчу мнѣ дѣверекъ:

Дѣверьгошка, душегѣба,

Проводи меня домой,

До высока терема.

Ставеръ свекорь младу етъ,

А ты меня отними,

Це отнимешь, прочь поди.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 54, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Д. Кашкина, во 2 ч. стр. 3, совершенно сходный съ пѣсней, напечатанною нами въ текстѣ. Второй записанъ со словъ Тульскихъ оружейниковъ.

Какъ у нашихъ у воротъ

Стоитъ озеро воды.

Ой люли, озеро воды!

Молодецъ коня понавъ,

Къ воротничкамъ приводилъ.

Ой люли, приводили.
Къ верюшкѣ привязали,
Красной дѣвкѣ приказали;
Ой люли, приказали!
Красна дѣвица, душа,
Ты умна и хороша!

Ой люли, хороша!
Сбереги ворона копя,
Кони богатырскаго.

Ой люли, богатырскаго!
Онъ рззовъ на полетъ,
Онъ силенъ на привязи.

Ой люли, на привязи!
Не сорбалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.

Ой люли, удила!
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ;
Ой люли, плыветъ!

На ней сарафанъ кумачной,
Лента алая въ косъ;

Ой люли, въ косъ!
Въ ушахъ серьги золотыя,
Подаренныце дружка!

Ой люли, дружка!
Въ Туль я еще слышалъ, какъ вѣсто:

Не сорбалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.

Пѣли:
Не оборвалъ бы повода,
Повода шелковыя,
Удила злаченныя.

Вѣсто:
На головушкѣ перо,
Хоть пять сотъ рубли дано.

Нѣли:
Какъ на дѣвицѣ фуру
Пятьдесятъ рубли дано,
Какъ на дѣвицѣ фуру
Семьтысячное.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 55,
мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
ный въ собраннн Прача, ч. I. стр. 53.

Стояло тутъ косово дерево,
Вью, вью, вью, вью, лелю!
Во томъ деревцѣ тыночкѣ стоитъ,
Во томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Во той бесѣдѣ плывутъ дѣвицы.
Мимо тутъ вѣдетъ удила молодець,

Снявши онъ шапочку, да дѣвкѣ челомъ,
Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
Дѣвка ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала,
Взявши съ тыночка, за ручку повелъ.
Вью, вью, вью, вью лелю.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 56,
мнѣ известны два варианта. Первый изъ
нихъ былъ напечатанъ въ собраннн пѣ-
сенъ Прача, ч. 2, стр. 56, а второй запи-
санъ со словъ послѣднн Богородицкаго
узда.

1.

Околъ Дону, околъ Дону, околъ тихова
Дунаю,
Околъ тихова Дунаю добрый молодець гу-
ляетъ,
Добрый молодець гуляетъ, табуи коней
загоняетъ,
Кони вороныя, на вихъ узды золотыя.
Догадайся, догадайся, душа, красна дѣ-
вица:
Ужъ я рада-бъ догадаться, роднова ба-
тюшки боюся.
Я боюся, боюся отца, да потышу мо-
лодца,
Я за тѣмъ его потышу, что одинъ сынъ у
отца,
Что одинъ сынъ у отца, зовутъ Ванюш-
кою.

2.

Околъ Дону, околъ Дону широкова,
Околъ Дону, околъ Дону тихова,
Добрый молодець загулялъ,
Табуи коней загонялъ.
Вы кони, кони вороныя,
Со уздами золотыми,
Повѣжите до тихова Дуналя,
Что до тихова Дуналя,
До прилукн молодой.
Околъ Дону, околъ Дону широкова,
Околъ Дону, околъ Дону тихова,
Вѣдетъ добрый молодець;
Подъ нимъ кони вороныя,
Со уздами золотыми.
Ужъ ты, дѣвица душа,
Догадайся, догадайся!
Ужъ я рада-бъ догадаться,
Роднова батюшки боюся,
Родной матушки стыжуся.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 57, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача, ч. 1, стр. 56; а второй записанъ со словъ поселенъ Касимовскаго уѣзда.

1.

Занька поскачи, стренькой попляши,
Кружкомъ, бочкомъ повернися.
Занька попляши, стренькой поскачи,
Державъ себя за бочки.
Занька въ ладоши, стренькой въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернися.
Здѣсь города всѣ Нѣмецкіе.
Закрѣпочки желѣзные.
Еще зайцу куда выскочить,
Строму куда выскочить.

Ой ли, занька поскачи,
Ой ли, занька попляши.
Кружкомъ, бочкомъ повернися,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Ой ли, занька въ ладоши,
Ой ли, стренькой въ ладоши.
Кружкомъ, бочкомъ повернися,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Здѣсь города всѣ Нѣмецкіе,
Закрѣпки желѣзные.
Кружкомъ, бочкомъ повернися,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть строуму куда уѣзжать.
Кружкомъ, бочкомъ повернися,
Вотъ такъ, такъ, такъ!

СРАВНЕНІЯ

ХОРОВОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Принимая во вниманіе многочисленность Русскаго народа, незнакомаго съ заморскою граматою, рѣшаюсь печатать сравнительныя пѣсни Русскими буквами. Предвижу напередъ, что это будетъ для ученыхъ очень неприятно. Точно, я самъ вижу, что это будетъ не по ихъ желанію; но, имѣя въ виду основательныя причины, предпочитаю общую пользу частной, и даже мѣлочной. У насъ, на Руси, изъ 50 милліоновъ читаютъ заморскую грамату едва

ли 2 милліона; а людей, сведущихъ въ Русской граматѣ, примѣрно можно положить до 20 милліоновъ. Что же прикажете дѣлать, гг. ученые, съ этими 20 милліонами? Неужели имъ должно отказаться отъ чтенія? Больше тысячи разъ видалъ, какъ наши, Русскіе грамотные люди бросали читать книги и журналы, единственно отъ того, что находили въ книгахъ заморскія слова, совершенно имъ незнакомыя. Отвѣчать у Русскихъ людей жажду къ чтенію какой изъ насъ, Русскихъ, согласится? Притомъ, помѣщая для сравненія Русскихъ пѣсень — пѣсни другихъ Славянскихъ поколѣній, имѣлъ въ виду ознакомить своихъ соотечественниковъ съ грамотностию ихъ соплеменниковъ. Это, кажется, имѣетъ полное вниманіе на подобныя требованія. Было же время, когда всѣ Славяне говорили однимъ языкомъ, имѣли одну грамату; но это время прошло невозвратно. Люди сильные заставили заграничныхъ Славянъ забыть родную грамату, принудили ихъ невольно употреблять чужія буквы. Между тѣмъ эти заграничныя Славяне съ жадностию читаютъ книги Кіевской печати. Такъ было при Снявинѣ въ 1807 году, въ Черногоріи; такъ теперь еще болѣе видимъ въ Богеміи, Галиціи и Сербіи. Въ Галиціи живутъ Русскіе, сохраняя всѣ свои обычаи и родной языкъ, и Галичане говорятъ съ Русскими однимъ языкомъ, употребляя только чужеземную букву въ писмѣхъ. Въ 1833 году Вацлавъ Олешка издалъ Галицкія пѣсни, и вмѣсто буквъ Славянскихъ употребилъ Римскія. Въ 1823 году Шаффарпкъ издалъ въ Пестѣ: Писне свѣтске лиду Словенскаго — Нѣмецкими Готическими буквами. Съ 1824 года Караджичъ началъ издавать въ Лейпцигѣ Народне Српске Писме — буквами Русскими, съ примѣсною изобрѣтенныхъ имъ другихъ буквъ, которыхъ не находится въ Русской азбукѣ. Теперь прошу покорно заставить прочесть это Вавилонское смѣшеніе Русскаго человека, незнакомаго съ заморскою граматою? Можетъ быть, скажутъ, что безграмотныхъ людей должно оставлять безъ вниманія въ такомъ случаѣ. Смѣло могу увѣрить васъ, людей ученыхъ, что эти безграмотные люди знаютъ одну Русскую грамату такъ, какъ

должно ее знать, какъ требуетъ этого ихъ общественная жизнь; чужеземнымъ же языкамъ не имѣли ни времени, ни средствъ выучиться; а читать и учиться имѣютъ сильное желаніе. Предоставляю вѣстѣи п каждому говорить, что угодно, о моемъ предпріятіи, а я рѣшился печатать пѣсни Славянскихъ поколѣній Русскими буквами. Пускай на ученой сторонѣ будутъ права учености, неоспоримыя, утвержденныя въ-ками; а на моей сторонѣ требованія 20 миллионовъ Русскихъ людей. Въ такомъ случаѣ съ восторгомъ принимаю всякую укоризну за свое предпріятіе, и гадоюсь, если изъ 20 миллионовъ успѣю хотя одному угодить въ его любованіи.

Печатаю пѣсни Славянскихъ поколѣній Русскими буквами, не рѣшаясь даже помѣщать ихъ въ переводѣ, я помѣщаю прямо, какъ они были напечатаны издателями, замѣняя только чужеземныя буквы — Русскими. Люди ученые могутъ сами прочесть всю заграничныя изданія Славянскихъ пѣсень; они имѣютъ къ тому и способы, и знанія, и свободное время. Сверхъ того я не имѣлъ ни цѣли печатать Славянскія пѣсни для ученыхъ людей; мое изданіе предназначено для Русскихъ людей, любящихъ свою родину, знающихъ только одинъ свой родной языкъ.

ПѢСНИ ГАЛИЦІЙСКІЯ.

Для сравненія Галиційскихъ пѣсень употреблены были пѣсни, изданныя въ Львовѣ Вацлавомъ Олешкою, въ 1833 году.

1.

А ми просо сяди, сяди,
Ой Дидь, Лада, сяди, сяди!
А ми просо видопчемъ, видопчемъ,
Ой Дидь, Лада, видопчемъ, видопчемъ!
Та чимже вамъ видоптать, видоптать?
Ой Дидь, Лада, видоптать, видоптать?
А ми кони випустимъ, випустимъ,
Ой Дидь, Лада, випустимъ, випустимъ!
А ми кони перемемъ, перемемъ,
Ой Дидь, Лада, перемемъ, перемемъ!
Та чимже вамъ перемять, перемять?
Ой Дидь, Лада, перемять, перемять?
Ой шелковомъ неводомъ, неводомъ,

Ой Дидь, Лада, неводомъ, неводомъ!
А ми кони викупимъ, викупимъ,
Ой Дидь, Лада, викупимъ, викупимъ!
Та чимже вамъ викупить, викупить?
Ой Дидь, Лада, викупить, викупить!
А ми дамо сто рубли, сто рубли,
Ой Дидь, Лада, сто рубли, сто рубли!
Не падо намъ тисячи, тисячи,
Ой Дидь, Лада, тисячи, тисячи!
А ми дамо дивницу, дивницу,
Ой Дидь, Лада, дивницу, дивницу!
Ой тото намъ надобно, надобно,
Ой Дидь, Лада, надобно, надобно!

2.

Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ виже зяць, зяць,
Товарищу мой!
Пуцай харти съ мисца,
Пихъ зайца ухвися,
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ виже серна, серна,
Товарищу мой!
Пуцай харти съ мисца,
Нехай серне ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ виже соболя, соболя,
Товарищу мой!
Пуцай харти съ мисца,
Нехай соболя ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви.
Товарищу мой!
Ажъ тамъ виже панна, панна,
Товарищу мой!

Пуццай харти съ мисца,
 Нехай панна ухнися.
 Товарицу мой!
 А терась же си дилемп, дилемп,
 Товарицу мой!
 Тоби заяць и серна,
 А мнѣ соволь и панна.
 Товарицу мой!
 А кидп си кривда, кривда,
 Товарицу мой!
 Тоби седло, а мнѣ конь,
 Терась же си земля гонь.
 Товарицу мой!
 А кидп си кривда, кривда,
 Товарицу мой!
 Моя сабля, а твой кнй,
 Терась же си земля бнй.
 Товарицу мой!
 Кидижь еще кривда, кривда,
 Товарицу мой!
 Твое гардло, а мой мпчь,
 Твоя голова пойдй прежь.
 Товарицу мой!

3.

Станьмо, братья, въ коло,
 Въ тймь колн весело,
 Вси въ разь заспнваймо,
 Нехай знаютъ люди,
 Що у насъ може буде,
 Охоту додаймо.
 А такъ пдеснемъ въ руки трась, трась,
 трась,
 Трпнимо ногами въ разь, въ разь, въ
 разь.
 Оберннмся въ коло,
 Вискожмо весело:
 Всякъ то въ дому того,
 Котори насъ знае,
 Щире насъ кохае,
 И ми любимъ его;
 Нехай приязнь наша статечна,
 Жие завсе съ нами сподечна.
 Хитрости облюдна,
 Будь отъ насъ одлюдна,
 Вонь прежь за ворота,
 Нехочи въ насъ зради,
 Въ насъ щирость безъ вади,
 И щира въ насъ зната;
 Облюдна въ Кайданахъ брень, брень, брень!
 Наша щирость чиста, якъ день, день!

Т. I. Ч. III.

4.

Ой на горн, ой тамъ левъ,
 На долини зеленнчка.
 По три гроши молодець,
 По таляру дивка,
 По тислячу жинка.
 Моц милн матинокки,
 Просимъ васъ паниночки,
 Потупайте въ разь, въ разь!

ПѢСНИ БОГЕМСКІЯ.

Для сравненія Богемскихъ пѣсень употреблены были пѣсни, издавныя Шлаффрикомъ въ Нестъ въ 1823 году.

1.

Шпроки горшокъ, бпстра водичка.
 Напой ми, мила, мого конечка!
 Верь бо не напоимъ,
 Лебо се бо бонмъ,
 Не сама мамлчка.
 Твой коникъ врани, остроковани,
 Покораль би ми подковками,
 Я би не наросла,
 Замужъ би не пошла,
 Межи горами.

2.

Ходила Зузанька около Дуная,
 Носила на рукахъ шварннго шугля,
 Шугаю, шугаю, чо ти мамъ оробить:
 Чи ти виховать, чи до води ходить?
 Мамко мота, мамко, левъ ме виховайте!
 Кедъ ми виховате, на вону ми дайте!
 Приде вамъ похвала до пани крадовне;
 Же будемъ боговать недалеко отъ негъ.
 Приде вамъ похвала отъ пана сизара:
 Же сте виховали по вону бузара.
 Гусари, гусари пекни коне мате,
 Та пойдемъ межи васъ, ктерого ми дате?
 Даме ти ми, даме съ тою червеного гривого,
 Чо се будетъ носить по таворъ съ милой.
 Даме ти ми, даме, чижми съ острогами,
 Чо ти буду вринкати горе долинами.

ПѢСНИ СЕРБСКІЯ.

Для сравненія Сербскихъ пѣсень мы употребили пѣсни, издаваемыя въ Лейпцигъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, съ 1824 года.

10

1.

Наша дода Бога моли,
 Ой додо, ой додо ле!
 Да удари рѣсна кнѣша,
 Ой додо, ой додо ле!
 Да покисну сви орачи,
 Ой додо, ой додо ле!
 Сви орачи и ковачи.
 Ой додо, ой додо ле!
 И по кунѣ пословачи.
 Ой додо, ой додо ле!

Поравпле девоике,
 Јело ле, јело, добра девоико!
 Поравпле на воду;
 Јело ле, јело, добра девоико!
 Рогомъ воду мучаще,
 Јело ле, јело, добра девоико!
 А очима вѣстраше.
 Јело ле, јело, добра девоико!

3.

Кралю, светли кралю!
 Кралю, светли кралю, лелью!
 Кральнице банице!
 Кральнице банице!
 Кральнице банице, лелью!
 Устај, те пошетај.
 Устај, те пошекај.
 Устај, те пошетај, лелью!
 Одъ двора до двора,
 Одъ двора до двора,
 Одъ двора до двора, лелью!
 До царева стола,
 До царева стола,
 До царева стола, лелью!
 Где царъ вино пије,
 Где царъ вино пије,
 Где царъ вино пије, лелью!
 Царица му служи,
 Царица му служи,
 Царица му служи, лелью!
 Изъ златна кондира.

4.

Соколъ гнѣздо вѣше у јеловој лѣви,
 У јеловој гори, на јеловој грани:
 Соколъ долазе изъ горе гнѣздо,
 Изъ гнѣзда, соколъ, баницу планцу,
 А ми демо изъ села девоику.

Аг је то зачула изъ села девоика,
 Брже је скочила, гору запалила.
 Горела је гора три дни и три ноци,
 Док је догорѣла соколу до гнѣзда.
 Соколъ гнѣздо гаси, а девоику куне:
 Ой дево, девоико, много девовала!
 Много девовала, мало невовала!
 И што невовала, и то боловала!

ПѢСНЯ ХОРВАТСКАЯ.

ПѢСНЯ ХОРВАТСКАЯ, ПРИЛАГАЕМАЯ НАМИ
 ДЛЯ СРАВНЕНІЯ СЪ НАШИМИ ХОРОВОДНЫМИ,
 НАХОДИТСЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ УПОТРЕБЛЕНІИ. ВЪ
 1818 ГОДУ, ВЪ ЗАГРЕБѢ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ИМ-
 ПЕРАТОРА И КОРОЛЯ ФРАНЦУСКА И ИМПЕРА-
 ТРИЦЫ КАРОЛИНЫ, ХОРВАТСКІЕ ДВОРЯНЕ, О-
 ДѢТЫЕ ВЪ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ, ПѢЛИ ЭТУ
 ПѢСНЮ. ПОЛАГАЮТЪ, ЧТО ОНА СОСНОВАНА
 ЕПИСКОПОМЪ М. ВЕРХОВЦЕМЪ; НО ОНЪ ТОЛЬ-
 КО ИЗМѢНИЛЪ ОДНО ОКОНЧАНИЕ, СООБРАЗНО
 ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ И ПРИСУТСТВІЮ ВЫСОЧАЙ-
 ШИХЪ ОСОБЪ.

Коло, коло, на около,
 Хитро, любно и весело!
 Дѣвушкѣ прискачите,
 Весело намъ понграйте,
 Хорватицы, Далматянки,
 Дщери лѣвля, и Славонки,
 Крѣпостью гласовите,
 Коло съ нами составите!
 Девъ веселия намъ, нынѣ у насъ,
 Око Божіе гледа на насъ,
 Два милыя гостя пришли,
 Отъ богатаго города Вѣны
 Богъ и счастье ине къ намъ жалюе.
 Око, лице нимъ свѣдоци,
 Ди су дошли намъ помочи.
 Боже, сохрани сихъ гостей!
 Къ намъ дошли для счастья.
 Кудъ се имъ пойти, дай имъ счастье.
 На край утесахъ, и край моря
 Да водила-бъ ихъ ясна зоря,
 Солнце свѣтло и ведро дня,
 Дарувало нимъ до нощета,
 Или пойдутъ лѣсомъ густымъ,
 Или пойдутъ горами пустымъ:
 Горы легко преицули,
 Лѣса засветло преицули.
 Вѣтеръ мли, сужи, тужи,
 Кудъ подуй съ нами,

Жизнь наглый, вихорь лютой,
 Дорогихъ гостямъ пути не змуты.
 Черезъ утесы, чащи, воды,
 Нехай мирно идутъ, переходятъ:
 Да Словонцы и Хорваты,
 Еще разъ енде до безврату,
 И въ судахъ ны увидятъ,
 Чего добра имъ желаютъ,
 Долго счастливо царствовать,
 И весело насъ управити.
 Учуй насъ, Цесарь и Крали мощный!
 Да нинѣ добро есъ желаемъ,
 Да що всегда вѣрны, послушны,
 Во неволѣ и силѣ
 Австрійскому дому были.
 Будь ти намъ Тить,
 А Каролина пакъ Гизелей,
 Изъ Баварскихъ кралей крови,
 Ку я ималъ Стефанъ первый.
 Боже, храни наши гости,
 Ки су намъ источникъ радости!

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Ся общенародная пѣсня известна повсюду. Нѣтъ мѣстечка, нѣтъ на Руси человека, гдѣ бы она не приводила въ восторгъ наше родное чувство. Наши археологи приписываютъ этой пѣсни безграничную древность; утверждаютъ безъ доказательствъ, что она принадлежала Славянамъ-язычникамъ. Слова: «Дядь, Лад» — были и будутъ камнемъ преткновенія для этихъ изыскателей, внутреннихъ твердо, что эти слова суть имена языческихъ боговъ, и что эта пѣсня осталась памятникомъ язычества нашихъ предковъ. Неясность этихъ предположеній мы изложимъ подробно въ обзорѣ исторіи Русской народной Литературы.

Русскіе люди поютъ эту пѣсню съ разными измѣненіями въ словахъ, указанными нами въ вариантахъ. Голосъ этой пѣсни, протяжной, сходной съ обрядовыми пѣснями, имѣетъ особенное отличие отъ всѣхъ другихъ. Старки рассказываютъ, что въ старину она была первою пѣсней при встрѣчѣ весны, первою народною радостію для всѣхъ сословій, первымъ началомъ лѣтняго веселья. Какъ пѣсня, сопряженная съ игра-

ми, она сопровождалась всеобщимъ весельемъ. Для игры этой пѣсни, собирались дѣвѣны и молодыя въ селеніяхъ изъ разныхъ деревень, въ городахъ изъ разныхъ дворовъ. Обыкновенно, предъ началомъ этой пѣсни, хороводница выступала на лугъ и запыкала первую сборную пѣсню; а игроки, постепенно сближаясь въ кружки, приготовлялись пѣть хороводныя пѣсни. Предъ началомъ пѣсни, игроки раздѣлялись на двѣ половины, сначала въ дальнемъ разстояніи, потомъ, при пѣніи, сближались постепенно одна къ другой. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть рѣзкія особенности: когда окончивали пѣсню, вторая половина, уступая дѣвицу первой, запыкала снова пѣсню, тѣмъ же порядкомъ до конца, и брала въ обменъ отъ первой также дѣвицу. Другіе совершали иначе: по окончаніи пѣсни, вторая половина уступала дѣвицу съ трудомъ, такъ что первая половина почти насильно исторгала изъ среды ея; а потомъ, при вторичномъ пѣніи этой пѣсни, отдавала добровольно вторую дѣвицу. Иныя допускали еще особенное: когда послѣ перваго пѣвья, вторая половина брчала первой дѣвицу, то ее встрѣчалъ отважный молодецъ и вводилъ за собою въ кругъ, при удареніи въ ладоши. При второмъ пѣніи первая половина сама уступала уже молодецъ, и его неохотно принимали во второй. Такія разнообразныя дѣйствія отличаютъ эту игру во все свои мѣстности, нежели измѣненіями древнихъ обрядовъ. Можетъ быть, наши предки имѣли свои причины въ этомъ дѣйствіи; но оно, какъ непоятное намъ, не можетъ допускать предположеній. Для исторіи нужны факты, а не ничтожныя догадки.

2. Ростить макъ — игра сельская и городская разыгрывается съ весны до осени. Мужчины и женщины облетаются руками въ кругъ. Въ срединѣ круга садится хороводница. Игроки ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсню. Провѣвши, игроки останавливаются и спрашиваютъ у хороводника: «Сыли ли макъ?» — Только землю вспахали — отвѣчаетъ онъ. Игроки запыкаютъ пѣсню и послѣ спрашиваютъ: «Сыли ли макъ?» — Отвѣтъ: «Сыли!» Хороводные то же поютъ и спрашиваютъ: «Взошелъ

ли макъ?»—Отвѣтъ: «Всходить!»—Игроки опять спрашиваютъ: «Зацвѣлъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Зацвѣлъ!»—Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣваетъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Поспѣваетъ!» Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣлъ ли макъ!»—Отвѣтъ: «Поспѣлъ; свивайтесь отряхать.»—Съ послѣднимъ словомъ хоровожникъ встаетъ и старается увѣжать изъ круга. Игроки ловятъ его. Поймавши, начинаютъ трясти всеми возможными образами. Часто случается, что хоровожникъ, лишенный отъ трясения волосъ, начинаетъ драку. Пожилая женщина, всесветная кума, является примирительницею, а иногда усиливаетъ еще болѣе ссору. Замѣчательно, что въ хоровожники для этой пѣсни часто выбираютъ дурачка, человека безответнаго, согласнаго за кусокъ пряника, выносить всякіе повои, миролюбиваго и послушнаго до послѣдней возможности.

3. Икра плетень, самая восхитительная для сельскихъ дѣвушекъ, сопровождается этою пѣснею. Молодицы, дѣвушки, мужчины становятся по-парно и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линию. Пѣсня раздѣляется на двѣ половины: во время пѣнія первой, игроки заплетаются въ плетень, а во второй первая пара поднимаетъ въ верхъ соединенныя руки; подъ эту арку начинаютъ проходить игроки и постепенно расплетаются.

4. Эта хоровожная пѣсня сопровождается игрою Селезень—въ которой два игрока изображаютъ Утку и Селезня. Вечеромъ игроки собираются на лугъ, составляютъ кружокъ, въ серединѣ кою становятся двое игроковъ: Селезень и Утка. Хоровожные поютъ пѣсню, ходятъ кругомъ Селезня и Утки, соединяя рука съ рукою. Въ это время Утка начинаетъ вырять изъ круга; игроки ее не пропускаютъ, Селезень старается поймать Утку. Нырание и ловля продолжаются до тѣхъ поръ, пока Селезень поймаетъ Утку. Часто случается, что игроки желя продолжить игру, удерживаютъ Селезня. Это называется у нихъ: «подзадогивай задоръ. Утка насмѣхается надъ Селезнемъ.

5. Въ Замосковныхъ губернияхъ эту пѣсню поютъ всегда осенью—когда изъ «новинны» варятъ новое пиво. Пѣсня сопро-

вождается игрою—Пиво варить. Веселый, комическій разгулъ нашей сельской жизни оживляетъ хорогодъ. Плавая браги къ «Бавьему луту», молодыя женщины выходятъ съ нею къ воротамъ, угощаютъ прежде старыхъ людей, а потомъ молодыхъ. Веселые гости, удовлетворенные брагою принимаютъ за игру—Пиво варить. Игроки, въ продолженіи всей пѣсни, выражаютъ движениемъ рукъ и разными положеніями (содержаніе пѣсни. При окончаніи пѣсни является на лугъ женщины съ ушатомъ браги и угощаютъ игроковъ.

6. Съ этою хоровожною пѣснею наши поселяне соединяютъ игру Воробышекъ. Игроки соединяются въ кружокъ, а хоровожникъ представляетъ изъ себя воробья. При началѣ каждаго куплета хоровожникъ стоитъ спокойно, а потомъ, сообразно словамъ пѣсни, изображаетъ мимами разные характеры людей, съ присоединеніемъ отъ себя всякъ возможныхъ кривляній. Продолженіе этой игры часто бываетъ безконечное. Игроки умѣютъ причитывать разные затѣи. Большею частью стараются изображать горбатыхъ, хромыхъ, людей ненавистныхъ. Здѣсь выказывается въ полной мѣрѣ сатирической характеръ нашего народа.

7. Въ доказательство, что въ этой пѣснѣ должно пѣть Донъ, а не Дунай, поселяне Тульской губернии сохраняютъ народную думу Иванъ-Озеро. Въ измѣненіи, происшедшія въ припѣвѣ этой пѣсни означены въ вариантахъ.

8. Не думаемъ, чтобы эта пѣсня была сочинена въ честь Дона Ивановича, рѣки, вытекающей въ Тульской губернии изъ Иванъ-озера. Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню, есть слѣды древности; но какъ разгадать, что самая пѣсня именно относится до рѣки Дона? Рѣка Донъ имѣетъ свою народную исторію—Велико Русскую, свое родство съ сестрою Волгою—по повѣрьямъ Велико-Русскимъ. Рѣка Донъ находится въ особенномъ почтеніи у казаковъ, составляетъ для нихъ была историческую въ отношеніи къ отцамъ. Вотъ всѣ народныя воспоминанія о Донѣ.

Эта народная пѣсня, сопровождаемая игрою, известна повсюду. Въ Москвѣ она распѣвается: въ Марьиной рошѣ, въ Тверской ямской, за Роговскою заставою. Игро-

ки сходятся вмѣстѣ, становятся въ кружокъ, а хороводникъ, находясь въ срединѣ, изображаетъ собою Дова Ивановича разными дѣйствіями, сообразными пѣснѣ. Отважные игроки сопровождаютъ пѣнне игрою на балалайкѣ. Когда игроки поютъ:

Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Хороводникъ, съ балалайкою въ рукахъ, садится на землю. Когда игроки стоятъ противъ него и поютъ продолженіе, онъ подыгрываетъ на балалайкѣ, кланяется вдовушкѣ, шапка съ него спадаетъ. Съ отказомъ вдовы, хороводникъ поднимаетъ свою шапку и встаетъ, а игроки продолжаютъ ходить хороводъ и пѣть. То же самое дѣйствіе совершается и при пѣніи стиховъ:

Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.

Въ это время дѣвица выходитъ изъ круга поднимать его шапку; хороводникъ, принимая изъ ея руки шапку, благодаритъ ее поцѣлуемъ.

Въ Замосковныхъ селеніяхъ эту пѣсню употребляютъ и на свадебныхъ вечеринкахъ. Если свадьба бываетъ весною или осенью, то игроки выходятъ на лугъ, или на погостъ, или на огородъ. Въ это время молодья дѣвицы—пѣвсты—подъ предводительствомъ свашеньки, веселятся съ женихомъ и его товарищами. Зимомъ же совершаютъ эту хороводную игру въ покояхъ. Въ Алексинѣ Тульской губерніи, при капустныхъ зарубкахъ, поютъ также эту пѣсню.

9. Въ хороводной игрѣ эта пѣсня принимаетъ особенное значеніе: «Женнина любовь». Мужчины и женщины составляютъ хороводный кругъ. Въ срединѣ становятся двое: мужъ и жена. Когда поютъ пѣсню, хороводные ведутъ свой обыкновенный кругъ, мужъ ухаживаетъ за женою, а жена, отворачиваясь отъ него, пренебрегаетъ ласками. Пѣсня разделяется на двѣ половины: въ первой мужъ ухаживаетъ за женою, съ обещаніемъ подарковъ, во второй жена, увидѣвши у мужа кнутъ, ласково приветствуетъ его и начинаетъ цѣловать. Въ Тульской губерніи эта пѣсня усвоена дворовыми людьми.

Во 186 части Сына Отечества, за 1837 г. стр. 401, объ этой игрѣ, существующей въ городѣ Ярославлѣ, писалъ г. Петровский: «Дѣвицы дѣлаютъ изъ себя кругъ, на средину коего выходитъ молодецъ и дѣвица, но чаще дѣт дѣвицы: занимающая мѣсто мужчины надѣваетъ на голову мужскую шляпу. Хороводъ и ходяще вокругъ поютъ:

Я поведу, жена,
Въ Китай городъ гулять!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебѣ, жена,
Кисей на рукава!

Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Вотъ тебѣ, жена
Кисей на рукава!

Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!

Въ продолженіи пѣнія, представляющая жену, ходитъ отворотясь и не глядитъ на представляющую мужа; при последнемъ стихѣ, мужъ подаетъ женѣ кисею; она вырываетъ у него изъ рукъ и бросаетъ; хоръ поетъ:

Посмотрите добрые люди,
Какъ жена мужа не любить!
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.

Я поведу, жена,
Въ Китай городъ гулять;
Я куплю тебѣ, жена,
Золото колечко.

Здѣсь также, какъ и выше сказано, жена продолжаетъ ходить отворотясь, и когда мужъ подаетъ ей кольцо, отталкиваетъ его прочь; хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любить,
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.

Я поведу, жена,
Въ Китай-городъ гулять;
Я куплю тебѣ, жена,
Шелковую платку.

Вотъ тебѣ, жена,
Дорогой подарокъ.

Жена ходитъ отворотясь; когда поютъ: шелковую платку, оборачивается къ мужу и смотритъ на него поласковѣе;

при последнем стихе, мужь хлещет жену плеткой, а она ему кланяется; хорь поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ:
Гдѣ ни сойдется, все поклонится,
Поцѣлуется.

Жена, моя женушка,
Отходчиво сердце твое!

10. Занька, игра, сопровождаемая пѣсней, замѣчена только мною въ одномъ Московскомъ уездѣ, по Троицкой дорогѣ. Тамъ игроки выбрали изъ среды себя несколько резвыхъ и отважныхъ людей для званій: заньки, тестя, тещи, шурна, сволчинницы. Эти избранные лица становились въ средину хоровода, а игроки, ходя кругомъ ихъ, пѣли пѣсню. Мужнина, представлявший собою жениха, первенствовалъ предъ всѣми, приглашалъ тестя, тещу, шурна, сволчинницу въ родство, и съ отысканьемъ невесты, изгонялъ новую родню. Въ селѣ Братовщинѣ находился въ срединѣ одинъ только женихъ; но когда нужно ему было находить новую родню, онъ указывалъ по избранію на хороводныхъ; подъ конецъ пѣсни выходила въ кругъ нареченная невеста, и целовалась съ женихомъ.

11. Съ этою хороводною пѣсней соединяется игра — Женнинъ-разладъ». — Старшинство мужа надъ женою въ сельской жизни выражается его гордою и спѣшию походомъ въ хороводъ; между тѣмъ униженная жена насильно выкупаешь у мужа себя волю. Игроки соединяются рука съ рукою, поютъ пѣсню и ходятъ кругомъ мужа съ женою. Но окончаніи пѣсни, жена удаляется изъ хоровода, а мужь, какъ бы въ отчаяніи, садится съ задумчивостію на лугъ. Въ Крапивненскомъ уездѣ Тульской губерніи сначала въ хороводъ ходитъ одинъ только мужь, а потомъ выступаетъ изъ хоровода женщина съ поклонами, и изгоняется мужемъ, когда игроки оканчиваютъ пѣсню.

12. Наши поселенцы для затѣяго гости поютъ пѣсню и играютъ игру — «Женихъ» въ отпущеніе за нихъ сватовство въ селѣ. Съ отважною смѣлостію, игроки, въ присутствіи гостя, поютъ пѣсню. Подговорка ихъ — «изъ пѣсни не выкинешь слова» — образъ даетъ ихъ отъ варемня. Сельские люди

въ свою очередь умѣютъ пошутить, но шутки ихъ высказываются прямо, — съ плеча; ихъ Сатира нечего не имѣть скрытаго; она вся обнажена. Хороводники собираются въ кругъ, поютъ пѣсню, а мнѣмый женихъ становится въ кругъ и всматривается въ дѣвлицъ и молодницъ. Когда запоютъ:

Выходила красна дѣвка,

Дѣвица выходитъ изъ хоровода и ходитъ въ противоположную сторону, около хороводныхъ отъ жениха. Когда игроки поютъ:

Охъ, ты, дѣвушка душа,
Идѣ замужъ за менъ!

Женихъ ударяетъ невесту по плечу. Игроки останавливаются, невеста, обращаясь къ нимъ, поетъ, а послѣ они ей отвѣчаютъ. Невѣста, получивши худой отвѣтъ, вступаетъ въ хороводъ. Женихъ остается одинъ. Игроки поютъ вторую половину пѣсни; невеста также выходитъ изъ круга, и, когда ей одобрятъ жениха, она подходитъ къ нему, женихъ принимаетъ дѣвицу за бѣлая руки и хороводъ оканчивается.

Во многихъ мѣстахъ мнѣ случилось видѣть, что только хороводники поютъ и играютъ одну половину пѣсни. Судя по этому, можно было бы подумать, что эта пѣсня изуродована, и что вторая половина есть только вариантъ первой; но выходитъ совершенно напротивъ. Одна половина не можетъ быть безъ другой, и что вторая половина есть продолженіе первой. Въ селеніяхъ по Троицкой дорогѣ отъ Москвы — даже вмѣсто: «затѣй гостя» — употребляютъ другія слова: «Довской казакъ.» Здѣсь только видно одно своевольное измѣненіе словъ; не на этомъ ли самомъ основывается и уничтоженіе второй половины?

13. Эта пѣсня употребляется во время осеннихъ свадебъ. Дѣвушки выходятъ на лугъ, или огородъ, составляютъ хороводъ, а въ срединѣ ходитъ дѣвица съ платкомъ въ рукѣ — ковромъ. Когда поютъ:

Доставался мой коверъ
Старому мужу.

Хороводники начинаютъ смѣяться, а дѣвица поетъ въ защиту себя:

Я могу ковра увѣвить.

Подъ конецъ пѣсни, хороводницы принимаютъ изъ рукъ дѣвicy коверъ и уводятъ ее подъ руку.

Въ этой хороводной пѣснѣ представлять невесту — жревицѣ всегда падаетъ на дѣйствительную невесту; отъ ней только принимаютъ коверъ; ее только выводятъ подъ руки изъ хоровода. После первой игры, дѣвушки поочередно принимаютъ на себя званіе невесты, и коверъ переходитъ отъ одной къ другой.

14. Дѣвцья разборчивость съ женихами, столь замѣтная въ семейной жизни, перешла въ хороводныя игры со всеми причудами. Сельская кумушка собираетъ дѣвцы и управляетъ хороводомъ. Дѣвушки поютъ пѣсню, а кумушка въ известныхъ мѣстахъ указываетъ на выборъ жениховъ. Въ Алексинскомъ уездѣ въ селѣ Павшицѣ мнѣ случилось видѣть, какъ кумушка притчивала отъ себя разныя поговорки хамъ, ни мало не принадлежащія къ пѣснѣ. Въ Калужскомъ уездѣ мнѣ случилось видѣть, что дѣвцы сами намекали на известныхъ жениховъ, называла ихъ по имени.

15. При пѣніи этой хороводной пѣсни выступаетъ въ кругъ мужъ; за нимъ вслѣдъ идетъ ревнивая жена. Пока игроки поютъ пѣсню, мужъ отворачивается отъ жены, потомъ обращается къ ней съ ласками; но ревнивая жена, всегда строга къ его дѣйствіямъ, ни чему не внимаетъ и указываетъ прямо на кого нибудь изъ хороводныхъ, что она только отвѣчаетъ у ней мужа. Только одинъ разъ я видѣлъ въ Бѣлевскомъ уездѣ, какъ мужъ, ревнивая жена и полюбовница ходили въ троѣхъ въ хороводъ.

16. Въ этой хороводной пѣснѣ народная игра изображала супружескую невірность. Кумушка становится въ средину хоровода и изображаетъ мншми то гуляющую жену, то намекаетъ на известный лица. Здѣсь Русскія замѣчаютъ скромность и пороки выставляются предъ глаза всѣхъ. Часто случается, что ревнивая жена здѣсь только является предъ мужемъ съ своими преступленіями. Обвиненный мужъ уводитъ свою жену изъ самой игры «для раздѣлки» покоевъ. Самое замѣчательное явленіе въ этой пѣснѣ есть то, что игроки съ начала не составляютъ хоровода, но раздѣляются на двѣ половины, и потомъ, сближаясь

одна съ другою, схватываютъ руки и составляютъ хороводъ. Въ этой игрѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, старушки всегда приближаются къ хороводу и смѣряютъ со всею внимательностію на игроковъ, ни мало не участвуя въ самой игрѣ. Самая пѣсня, при многочисленномъ собраніи хороводныхъ, принимаетъ величественный видъ. Мужчины молодые, недавно женившіяся, стоятъ въ трепетномъ ожиданіи. Эта была народная ярко отсвѣчиваетъ современное состояніе Заокскихъ поселенъ; эта была, до сихъ поръ еще незамѣченная крѣпъ, остается въ неизвестности.

17. Всеобщее употребленіе этой пѣсни заслуживаетъ особенное вниманіе. Кажется, что она менѣе всѣхъ претерпѣла замѣненій въ составѣ своемъ. Какъ любимая хороводная пѣсня, она равно пѣвлетъ и горожанъ и поселенъ. Въ Москвѣ у Тверскихъ воротъ, за Раговской заставой, въ Марьиной роцѣ всегда можно льтомъ слышать эту пѣсню. Въ свадьбахъ лѣтнихъ поселенныхъ, дѣвушки предъ вечеромъ всегда уже занимаютъ этою игрою. Мнѣ не случилось слышать эту пѣсню въ Калужской губерніи, точно такъ, какъ другихъ пѣсень не слышалъ въ Московской и Орловской. Можетъ быть, что онѣ и поются въ этихъ мѣстахъ.

При разыгрываніи этой пѣсни, дѣвцы и мужчины схватясь рука съ рукою, ходятъ свой обыкновенный кругъ, и поютъ пѣсню. Игра, сопровождающая эту пѣсню, называется: «Покорнице дѣвцы.» Замѣчательно, что для этой игры не выбираютъ хороводника, какъ въ другихъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось замѣтить этого. Голосъ этой пѣсни самый протяжный въ первомъ стихѣ, и потомъ ускоряется во второмъ. Поселенъ соблюдаютъ особенный тактъ удареніемъ ногъ.

18. Въ городскихъ веселныхъ и осеннихъ свадьбахъ всегда можно слышать эту хороводную пѣсню. Въ сельскихъ хороводахъ она не употребляется. Пѣсню поютъ не задолго предъ дѣвчичкомъ, когда уже изготовятъ приданое для невесты. Невѣстину пришею выносятъ на дворъ, кладутъ на траву, сваха садится на перину, кругомъ ея стоятъ дѣвушки и поютъ пѣсню. После словъ:

Она ждетъ, пождетъ къ себѣ
Друга милого, суженаго.

Сваха начинаетъ взвѣдать перину, а дѣвушки поютъ далѣе. По окончаніи пѣсни, невеста выходитъ изъ покоевъ и даритъ дѣвушкамъ подаркамъ. Сваха начинаетъ сомнѣваться: «Поно она ли невеста?» Невѣстина мать выноситъ красный платокъ и даритъ сваху. Невѣсту сажаютъ на перину и вносятъ въ комнату.

Въ припѣвъ къ этой пѣсни, какъ и въ другихъ, мы встрѣчаемъ слово: «Браво» не Русское. Мы твердо увѣрены, что это слово вставлено въ новѣйшее время; наши предки этихъ словъ не знали. Что же касается до пѣсни, то и въ ней есть перемѣны, какъ это отмѣчено въ вариантахъ.

19. Какъ осенняя хородовая пѣсня, она разыгрывается послѣ лѣтней уборки, когда отпразднуютъ Бабе лѣто. Дѣвушки собираются на лугъ, сговариваются напередъ—кому изъ нихъ быть невестой? Игра, сопровождающая эту пѣсню, называется—«Невеста.» Здѣсь нужна большая смѣтливость: сѣсть въ такомъ порядкѣ, чтобы послѣднее слово пѣсни именно падало на нее. Сваха, распорядительница игры, становится въ хороводъ, а дѣвушки поютъ пѣсню. По окончаніи пѣсни, дѣвушки выходятъ изъ хоровода. Потомъ снова поютъ ту же пѣсню, и также выходятъ. Выходъ дѣвницъ продолжается до трехъ, а иногда и болѣе разъ, по количеству игроковъ, или по сдѣланному условію. Дѣвницы-невесты становятся отдѣльно, сваха ходитъ кругомъ ихъ и поетъ, и та, на которую достается послѣднее слово пѣсни, остается невестою. Въ такомъ случаѣ, если она богатая, то ей только завидуютъ; если жъ бѣдная; то надъ нею насмѣхаются.

20. Сопровождаемая хородовою игрою—«Любовушка» пѣсня. Селезень принадлежитъ къ весеннимъ хорогодамъ. Составляется хороводъ изъ мужчинъ и женщинъ. Добрый молодецъ задумалъ жениться, и обходя хороводъ, выбираетъ себѣ невесту. Въ окрестно-Московскихъ селеніяхъ, мнѣ случилось видѣть, что добрый молодецъ ходилъ въ хороводѣ съ балабайкою; напротивъ этого приваженія, не видаль въ Заокскихъ селеніяхъ. Въ Тамбовскомъ уездѣ въ хороводѣ участвуютъ три лица: молодецъ,

вдова и дѣвица. По окончаніи первой половны пѣсип, вдова, отверженная мирскимъ советомъ, выходитъ изъ хоровода; дѣвица же остается до конца игры.

21. При пѣніи этой хородовой пѣсни, игроки соединяются вмѣстѣ, рука съ рукою, въ среднѣ ходитъ кума и своими тѣлодвиженіями старается выразить смыслъ пѣсни. Эта игра отправляется въ Велико-Русскихъ губерніяхъ осенью, когда начинаются въ селахъ свадьбы.

22. Наши поселые употребляютъ игру: Вдова—осенью, вспоминая прежнее замужнюю жизнь женщины. Въ этой игрѣ всегда принимаютъ участіе: «Свахи-вдовы, бабушки-балагурки, старухи-домосѣдки.» Хороводиница стоитъ на бугоркѣ, обращенная къ чужой деревнѣ, а игроки, окруживши ее, поютъ пѣсню.

23. Игра: Гуляй, гуляй—разыгрывается на деревенскихъ праздникахъ, когда—«Добренькіе мужа подвыпьютъ, храбрости наберутся, смѣливъ говорятъ.» Въ это время, они прежде всего начинаютъ учить женъ. Другіе, смотря на такихъ мужей, говорятъ: «Какое онъ ломается?» Свекрови, восхваляя своихъ сыновей, приговариваютъ: «Вотъ такъ мужъ! не даетъ потачки своей жентъ.» Досужливья тещи выводятъ своихъ дѣтокъ на лугъ и начинаютъ хородовую игру: Гуляй, гуляй съ пѣніемъ и припляскою.

44. Завѣжіе люди въ деревняхъ всегда почитаются людьми почетными, гостями.—Скупыхъ вездѣ не любятъ, а особливо въ селеніяхъ, гдѣ нужны люди тороватые. На большихъ дорогахъ всегда можно видѣть этихъ тороватыхъ гостивыхъ людей. Такъ величаютъ купцовъ, щедро награждающихъ услуги поселыевъ; амъ поютъ скупымъ пѣсню: Молодецкой сынъ. Лѣтомъ эта игра отправляется на лугу, а зимою въ большой сборной извѣ. Игроки, схватясь рука съ рукою, становятся въ кругъ, въ среднѣ ходитъ скупой молодецкой сынъ, а хородовые поютъ пѣсню.

25. Сходбище—сельская хородовая игра—разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для рабочей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ собираются прибывлые, и составляютъ хороводъ. Въ среднѣ

круга становятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ пѣсню.

26. Бурлаками Русскіе люди называютъ людей, находящихся на судахъ, управляющихся въ концѣ зимы въ низовыя губернии. Богатство этихъ людей, состоящее изъ палки, ложки, каточки; язькъ, вмѣщающей въ себя смѣсь разнородныхъ словъ; грубовость, превышающая границы вѣроятія—отличаютъ ихъ отъ всѣхъ сословій. Проходя толпами по городамъ и селамъ, они располагаются для обеда, ночлеговъ на площадяхъ и лугахъ. Вода, рѣдко квасъ, хлѣбъ, по большой части пшеничной, составляютъ ихъ вседневную пищу. Содержатели постоянныхъ дворовъ, цѣловальники и торговки ведутъ съ ними непрерывныя ссоры. Затѣйливые поселане поютъ про нихъ многія пѣсни. Въ хороводной игрѣ Бурлаки—поселянине, войкой молодецъ, становится въ кругъ, разными ломаньями представляетъ изъ себя бурлака и сманиваетъ по бурлацки «дѣвку-пезнавку.» Хороводные ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсни.

27. Въ Русской семейной жизни русая коса составляетъ неотъемлемную прелесть дѣвицы. Наши пѣсни: семейныя, хороводныя, еще болѣе свадебныя восхваляютъ эту косу. Всякая дѣвица вмѣняетъ себя въ обязанность держать свою косу. Для ней покупается алая лента, для ней есть въ запасѣ коровье масло, квасъ, а иногда, и что часто бываетъ, холодная ключевая вода, для ней бережется роговой гребень. Но это только бываетъ въ дѣвицѣй жизни. Является свать и, предъ вѣнчаніемъ, свахи расплетаетъ косу съ особенными обрядами. Русая коса—понимай какъ звали—забыта, теряетъ всю прелесть въ замужней жизни; она спрятана подъ кичку, подъ платокъ. Часто гнѣвной мужъ беретъ неучтиво за русую косу, и бьетъ жену, сколько есть силы. Можно ли думать о русской косѣ въ замужней жизни. Эти рѣзкія черты отличаютъ разные переходы Русской семейной жизни У насъ, на Руси, былъ еще: «Косной разводъ,» извѣстный намъ по свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича. Хороводная игра Русая коса употребляется осенью, во время свадьбы. Дѣвушки составляютъ кругъ,

хороводницы—дѣвушки и сваха—ходятъ въ кругу, а хороводные поютъ пѣсню. —

28. Русскіе поселане олицетворяли свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою Сингиря съ Перепелкою. Сингирка, какъ свекровь дѣлаетъ приготовления къ свадебнымъ пирамъ; Сингирь, какъ женихъ выбираетъ себя невестъ. Въ этой хороводной игрѣ женихъ—Сингирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ пѣсню. Есть еще другая, подобная пѣсня этой; но это полярная композиція въ родѣ застольныхъ пѣсенъ. Мнѣ часто случалось слышать эту пѣсню и на зимнихъ посидѣлкахъ, и въ это время пѣвцы измѣняли голосъ ея на тихій тонъ, между тѣмъ какъ въ хороводѣ она имѣетъ быстрый и веселый напѣвъ.

29. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ хороводные пѣли эту пѣсню, не соединяя рука съ рукою, а ходили кругъ въ рядомъ. При словахъ:—подарю, подарю—останавливались до окончанія первой половины. Голосъ этой пѣсни, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ хороводныхъ напѣвовъ, составляетъ особенный торжественный тонъ. Въ срединѣ хоровода не находилось хороводницъ, какъ обыкновенно бываетъ это при другихъ обрядахъ.

30. Въ срединѣ хоровода ходитъ молодецъ и указываетъ на игроковъ рукою. Когда хороводные пропоютъ:—скорю ли, светлый князь—онъ одинъ доканчиваетъ пѣсню; въ это время уже не ходитъ, а стоитъ въ срединѣ круга.

31. При пѣніи этой пѣсни хороводные раздвѣляются на двѣ половины, и стоятъ обѣ половины одна противъ другой. Между ими ходитъ Хороводъ, и поетъ вмѣстѣ съ игроками пѣсню. Подъ конецъ пѣсни хороводные сходятся вмѣстѣ, составляютъ кругъ и ходятъ обыкновеннымъ шагомъ.

32. Эту пѣсню поютъ въ весеннихъ хороводахъ, предъ начатіемъ игръ. Запѣвало начинаетъ прежде пѣть одинъ, къ нему присоединяются другіе. Поселяне Тульскаго уѣзда обыкновенно выражаютъ эту пѣсню: «кликнуть кличь.»

33. Составляются хороводъ. Селезень садится на землю между хороводныхъ, скорчившись, какъ старикъ. Когда пропоютъ хороводные:—Студено ли те, Селезень—онъ

встаетъ и поетъ слѣдующіе три стиха. После этого хороводные поютъ и бросаютъ ему разныя вещи. Селезень все это надѣваетъ на себя. Пѣсню пропѣли. Селезень хочеть удалиться изъ круга; но хороводные удерживаютъ его и отбираютъ вещи.

34. При пѣнии этой пѣсни — Сиротинка лежитъ на земь, кругомъ его ходятъ хороводные и поютъ пѣсню. Когда же запоютъ: — вотъ она идетъ — выходятъ къ нему изъ хоровода дѣвушка, останавливается передъ нимъ и поетъ пѣсню вмѣстѣ съ игроками.

35. Хороводные раздѣляются на двѣ половинны: въ первой отдѣляются мужичны во второй женщины дѣвушки. Въ срединѣ каждой половинны стоятъ женихъ. Обѣ половинны сближаются, поютъ попеременно пѣсню; первыя показываютъ вещи, послѣ пѣня стиховъ второй половинны. Подъ конецъ пѣсни игроки сближаются еще болѣе и цѣлуются.

36. Составляется хороводъ. Въ срединѣ круга ходитъ дѣвушка. Когда пропоютъ первую половину пѣсни — Тебя свѣтъ родной кличетъ — она отвѣчаетъ имъ пѣнемъ трехъ слѣдующихъ стиховъ. То же самое происходитъ и подъ конецъ второй половинны пѣснн.

37. Хороводные схватяся рука съ рукою, ходятъ обыкновенный кругъ, а въ срединѣ ходятъ или дѣвушки или свахи. Эта пѣсня употребляется въ хороводахъ, въ свадебныхъ вечеринкахъ и зимнихъ посидѣлкахъ.

38. При пѣнии этой пѣсни хороводные, схватяся рука къ рукою, ходятъ и поютъ приговаривая: *буаааа*, подъ конецъ пѣсни разнимаютъ руки и бьютъ въ ладоши. Конецъ этой пѣсни имѣетъ одинаковое окончаніе съ пѣсней, помѣщенною въ текстѣ подъ № 1.

39. Хороводные, во время пѣнія этой пѣсни, сначала, ходятъ только кругъ, а потомъ, раздѣлившись, вытягиваются въ линию и пляшутъ.

40. Составляется хороводъ. Дѣвица сидитъ на срединѣ и поетъ съ игроками пѣсню. Часто имъ случалось видѣть какъ эту пѣсню разыгрывали на зимнихъ вечеринкахъ и свадебныхъ посидѣлкахъ.

41. Во время пѣнія этой пѣсни хороводные не соединяются руками, а стоятъ всѣ на одномъ мѣстѣ.

42. Это хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикѣ и на Троицынъ день, когда забиваютъ вѣнки. Въ средину хоровода входитъ молодецъ и дѣвица, кругомъ ихъ ходятъ игроки и поютъ.

43. При пѣнии этой пѣсни хороводные раздѣляются на двѣ половинны, и стоятъ другъ противъ друга. Когда одна половинна пропоетъ: — Еще, что въ городѣ вздорозало? — другая отвѣчаетъ тремя стихами. Это повторяется три раза.

44. Составляется хороводъ. Въ срединѣ его ходятъ мужъ и жена, а игроки поютъ пѣсню.

45. Въ средину хоровода входитъ удалая жена и повторяетъ съ хороводными пѣсню.

46. Всего только два раза я слышала эту хороводную пѣсню, и два раза замѣчала особенныя обряды. Въ первой сопровождалась обыкновеннымъ хороводомъ; во второй я видѣла какъ поселяне разыгрывали эту игру въ честь своего барина, предъ домомъ боярскимъ на Успеневъ день. Бояринъ высылалъ послѣ пѣнія вино и закуски. Это обыкновеніе ведется изъ стари, какъ обрядъ.

47. Эта хороводная пѣсня принадлежитъ къ веселымъ праздникамъ, когда поселяне отправляютъ Никольщину. Въ это время собираются гости къ празднику, попить у знакомыхъ и родныхъ. Въ старину Никольщина отправлялась цѣлымъ миромъ. Поселяне собирали складчину, купили вино, брагу, пекли пироги, варили щи и кашу. Староста распоряжался всеми приготовлениями: послѣ обѣдни, когда собирались гости, староста угощалъ бѣдныхъ входящихъ даромъ, а богатые давали ему вкладу. Все это происходило подлѣ церкви, на открытомъ воздухѣ. Никольщина продолжалась дня по три и болѣе. Гости веселились на погостѣ, ходили по дворамъ и вездѣ пировали. Въ это время болѣе всего разыгрывалась эта пѣсня всѣмъ миромъ. Въ средину хоровода входитъ кумушка и своими тѣлодвиженіями увеселяетъ игроковъ.

48. Составляется хороводъ. Селезень, статный дѣтина, гуляетъ по хороводу, а игроки поютъ пѣсню. Селезень всегда намекаетъ ни кого небудь, своими тѣлодви-

женіями, и за то часто игра оканчивается неприяностями

49. Эта хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикъ и Троицынъ день, когда завиваютъ вѣнки.

50. Сатирическая хороводная игра, сопровождаемая этою пѣсню, разыгрывается на Успенщикоу, когда гости бываютъ на весельѣ. Она отправляется также и осенью, кромѣ этого дня.

51. Эта хороводная осенняя игра отправляется болѣе всего въ народный праздникъ Бабыяго лѣта.

52. Составляется хороводъ. Дѣвушка входитъ въ средину хоровода и ходитъ кругомъ игроковъ, касаясь каждаго рукою, а игроки поютъ пѣсню. —

53. Къ стр. 104. Въ Туль прежде бывало, что оружейники пѣвали эту пѣсню большими сборищами, ходя по улицамъ.

Въ селахъ разыгрываютъ этотъ хороводъ обыкновеннымъ образомъ.

54. При разыгрываніи этого хоровода, игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и поютъ. Такъ бываетъ это въ весеннихъ хороводахъ. На осеннихъ свадьбахъ дѣвушки свираются въ кружки на пустой дворъ, или лугъ, и поютъ пѣсню, несхватываясь руками.

55. Эта хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикъ и Троицынъ день.

56. Въ срединѣ хоровода гуляетъ добрый молодецъ, а дѣвушки ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсню. —

57. Сатирическая хороводная игра. Занька входитъ въ средину хоровода и, сообразно словамъ пѣсни, представляетъ своими тѣлодвиженіями разныя гримасы. Подъ конецъ хоровода занька падаетъ на землю и убѣгаетъ сквозь хороводъ.

РУССКІЯ

ПЛЯСОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчицкѣ идетъ,
 Ай, вдоль по широкой удаленькой.
 Ой, жги, ой жги! говори!
 Вдоль по широкой удаленькой идетъ.
 Какъ на молодцѣ-то смурь кафтанъ;
 Опоясачка-то шелковалъ;
 Ой, жги, ой жги! говори!
 Опоясачка шелковалъ.
 Руквички-то барановыя;
 Сапожки-то сафьяновыя;
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 На немъ шапочка-то бархатная,
 А околышекъ черна соболя.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 А околышекъ черна соболя.
 Подъ полою у молодца дуда,
 Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
 Какъ струна-то загула, загула,
 А дуда-то выговаривала:
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 А дуда-то выговаривала.
 Пора молодцу женцѣбу давать,
 Холостому время свататься.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Холостому время свататься.
 Стару бабу за себя-ль ему взять.
 Стару бабу напечи бы держать;
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Стару бабу на печи бы держать.
 Стару бабу киселемъ бы кормить,
 Сытой бабу припаивати.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Сытой бабу припаивати.
 Кабы бабѣ калача, калача:
 Стала-ль баба горяча, горяча.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Стала-ль баба горяча, горяча.
 Кабы бабѣ киселя, киселя:
 Стала-ль баба весела, весела.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Стала-ль баба весела, весела.
 Какъ бы бабѣ молока, молока:

Стала-ль баба молода, молода.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Стала-ль баба молода, молода.
 Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
 Пошла-ль баба въ три ноги, въ три ноги;
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Пошла-ль баба въ три ноги, въ три
 ноги,
 Затянула-ль баба пѣсенку
 Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
 Ты любнмая-ль пѣсня моя,
 Я любнма тѣбя въ двѣкахъ пѣвать;
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Я любнма тебя въ двѣкахъ пѣвать.
 Я люблю тебя и замужемъ,
 У мила дружка въ очахъ живучи.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 У мила дружка въ очахъ живучи.
 Ахъ, бѣда-ль моя, бѣда-ль моя,
 Ахъ, бѣда моя немаленькая!
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Ахъ, бѣда моя немаленькая!
 Что зовуть меня не дѣвушкою,
 Не дѣвушкою, не молодушкою,
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Не дѣвушкою, не молодушкою.
 Я со вечера-то дѣвица,
 Со полуночи молодушка,
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Со полуночи молодушка.
 Ко вѣлу свѣту хозяйошка,
 Черезъ сорокъ недѣль матушка.
 Ой, жги, ой, жги! говори!
 Черезъ сорокъ недѣль матушка.
 2.
 Во полѣ береза стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла.
 Люли, люли, стояла!
 Люли, люли, стояла!
 Не кому березу заломати,
 Не кому кудряву заломати.
 Люли, люли, заломати!
 Люли, люли, заломати!

Я пойду, погуляю,
 Я пойду, погуляю,
 Люли, люли, погуляю!
 Люли, люли, погуляю!
 Бѣлую березу заломаяю,
 Бѣлую березу заломаяю.
 Люли, люли, заломаяю!
 Люли, люли, заломаяю!
 Сръжу съ березы три пруточка,
 Сръжу съ березы три пруточка;
 Люли, люли, три пруточка!
 Люли, люли, три пруточка!
 Сдѣлаю три гудочка,
 Сдѣлаю три гудочка,
 Люли, люли, три гудочка!
 Люли, люли, три гудочка!
 Четвертую балалаечку,
 Четвертую балалаечку.
 Люли, люли, балалаечку!
 Люли, люли, балалаечку!
 Вы гудки не гудите,
 Вы гудки не гудите;
 Люли, люли, не гудите!
 Люли, люли, не гудите!
 Стара мужа не будите,
 Стара мужа не будите.
 Люли, люли, не будите!
 Люли, люли, не будите!
 Старой спитъ со похмѣлья,
 Старой спитъ со похмѣлья.
 Люли, люли, со похмѣлья!
 Люли, люли, со похмѣлья!
 Пойду-ль я на новы сѣни,
 Пойду-ль я на новы сѣни,
 Люли, люли, на новы сѣни!
 Люли, люли, на новы сѣни!
 Ставу-ль старова будити,
 Ставу-ль старова будити.
 Люли, люли, будити!
 Люли, люли, будити!
 Встань, мой старой, пробудися?
 Встань, мой старой, пробудися?
 Люли, люли, пробудися!
 Люли, люли, пробудися!
 Ой, борода съдая, пробудися?
 Ой, борода съдая, пробудися?
 Люли, люли, пробудися!
 Люли, люли, пробудися!
 Вотъ тебѣ помои, умойся,
 Вотъ тебѣ помои, умойся.
 Люли, люли, умойся!
 Люли, люли, умойся!

Вотъ тебѣ рогожка, утрися,
 Вотъ тебѣ рогожка, утрися.
 Люли, люли, утрися!
 Люли, люли, утрися!
 Вотъ тебѣ барана расчешнися,
 Вотъ тебѣ барана, расчешнися.
 Люли, люли, расчешнися!
 Люли, люли, расчешнися!
 Вотъ тебѣ лапотки, обуйся,
 Вотъ тебѣ лапотки, обуйся.
 Люли, люли, обуйся!
 Люли, люли, обуйся!
 Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
 Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
 Люли, люли, одѣнься!
 Люли, люли, одѣнься!
 Вотъ тебѣ дорошка, прогуляйся,
 Вотъ тебѣ дорошка, прогуляйся.
 Люли, люли, прогуляйся!
 Люли, люли, прогуляйся!
 Во полѣ береза стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла.
 Люли, люли, стояла!
 Люли, люли, стояла!
 Не кому березу заломати,
 Не кому кудряву заломати.
 Люли, люли, заломати!
 Люли, люли, заломати!
 Я пойду, погуляю,
 Я пойду, погуляю;
 Люли, люли, погуляю!
 Люли, люли, погуляю!
 Бѣлую березу заломаяю,
 Бѣлую березу заломаяю.
 Люли, люли, заломаяю!
 Люли, люли, заломаяю!
 Сръжу съ березы три пруточка,
 Сръжу съ березы три пруточка,
 Люли, люли, три пруточка!
 Люли, люли, три пруточка!
 Сдѣлаю три гудочка,
 Сдѣлаю три гудочка,
 Люли, люли, три гудочка!
 Люли, люли, три гудочка!
 Четвертую балалаечку,
 Четвертую балалаечку,
 Люли, люли, балалаечку!
 Люли, люли, балалаечку!
 Пойду-ль я на новы сѣни,
 Пойду-ль я на новы сѣни.
 Люли, люли, на новы сѣни!
 Люли, люли, на новы сѣни!
 Вы гудки загудите,

Вы гудки загудите.
 Люли, люли, загудите!
 Люли, люли, загудите!
 Встань, мой милый, пробудися?
 Встань, мой милый, пробудися?
 Люли, люли, пробудися!
 Люли, люли, пробудися!
 Вотъ тебѣ водица, умойся,
 Вотъ тебѣ водица, умойся,
 Люли, люли, умойся!
 Люли, люли, умойся!
 Вотъ тебѣ полотенцо, утрися,
 Вотъ тебѣ полотенцо, утрися,
 Люли, люли, утрися!
 Люли, люли, утрися!
 Вотъ тебѣ гребень, расчешися,
 Вотъ тебѣ гребень, расчешися;
 Люли, люли, расчешися!
 Люли, люли, расчешися!
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся;
 Люли, люли, обуйся!
 Люли, люли, обуйся!
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одвнися,
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одвнися.
 Люли, люли, одвнися!
 Люли, люли, одвнися!
 Войди въ теремъ, веселися,
 Войди въ теремъ, веселися.
 Люли, люли, веселися!
 Люли, люли, веселися!

3.

Во лужяхъ, во лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ!
 Выросла, выросла,
 Выросла трава шелковая,
 Выросла трава шелковая!
 Расцвѣли, расцвѣли,
 Расцвѣли цвѣты лазоревые,
 Расцвѣли цвѣты лазоревые!
 Съ той травы, съ той травы,
 И я съ той травы выкормлю коня,
 И я съ той травы выкормлю коня!
 Выкормлю, выкормлю,
 И я выкормлю, выглажу его,
 И я выкормлю, выглажу его!
 Поведу, поведу,
 Поведу я коня къ батюшкѣ,
 Поведу я коня къ батюшкѣ!
 Батюшка! батюшка!

Ахъ, ты, ватюшка, родимой мой!
 Ахъ, ты, ватюшка, родимой мой!
 Ты прими, ты прими,
 Ты прими слово ласковое,
 Полюби слово приветливое!
 Не отдай, не отдай,
 Не отдай меня за старова замужъ,
 Не отдай меня за старова замужъ!
 Старова, старова,
 И я старова на смерть не люблю,
 И я старова на смерть не люблю!
 Съ старынь, съ старынь,
 И я съ старынь гулять не пойду,
 И я съ старынь гулять не пойду!
 Во лужяхъ, во лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ!
 Выросла, выросла,
 Выросла трава шелковая,
 Выросла трава шелковая!
 Расцвѣли, расцвѣли,
 Расцвѣли цвѣты лазоревые,
 Расцвѣли цвѣты лазоревые!
 Съ той травы, съ той травы,
 И я съ той травы выкормлю коня,
 И я съ той травы выкормлю коня!
 Выкормлю, выкормлю,
 И я выкормлю, выглажу его,
 И я выкормлю, выглажу его!
 Поведу, поведу,
 Поведу я коня къ батюшкѣ,
 Поведу я коня къ батюшкѣ!
 Батюшка! батюшка!
 Ахъ, ты, ватюшка, родимой мой!
 Ахъ, ты, ватюшка, родимой мой!
 Ты прими, ты прими,
 Ты прими слово ласковое,
 Полюби слово приветливое!
 Не отдай, не отдай,
 Не отдай меня за младова замужъ,
 Не отдай меня за младова замужъ!
 Молодова, молодова,
 И я молодова на смерть не люблю,
 И я молодова на смерть не люблю!
 Со младынь, со младынь,
 И я со младынь гулять не пойду,
 И я со младынь гулять не пойду!
 Во лужяхъ, во лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ,
 Еще во лужяхъ, зеленыхъ лужяхъ!
 Выросла, выросла,
 Выросла трава шелковая,

ВЫРОСТАЛА ТРАВА ШЕЛКОВАЯ!
 РАСЦВѢЛИ, РАСЦВѢЛИ,
 РАСЦВѢЛИ ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ,
 РАСЦВѢЛИ ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ!
 СЪ ТОЙ ТРАВЫ, СЪ ТОЙ ТРАВЫ,
 И Я СЪ ТОЙ ТРАВЫ ВЫКОРМЛЮ КОНЯ,
 И Я СЪ ТОЙ ТРАВЫ ВЫКОРМЛЮ КОНЯ!
 ВЫКОРМЛЮ, ВЫКОРМЛЮ,
 И Я ВЫКОРМЛЮ, ВЫГЛАЖУ ЕГО,
 И Я ВЫКОРМЛЮ, ВЫГЛАЖУ ЕГО!
 ПОВЕДУ, ПОВЕДУ,
 ПОВЕДУ Я КОНЯ КЪ БАТЮШКѢ,
 ПОВЕДУ Я КОНЯ КЪ БАТЮШКѢ!
 БАТЮШКА! БАТЮШКА!
 АХЪ, ТЫ БАТЮШКА, РОДИМОЙ МОЙ!
 АХЪ, ТЫ БАТЮШКА, РОДИМОЙ МОЙ!
 ТЫ ПРИМИ, ТЫ ПРИМИ,
 ТЫ ПРИМЬ СЛОВО ЛАСКОВОЕ,
 ПОЛЮБИ СЛОВО ПРИВѢТЛИВОЕ!
 ТЫ ОТДАЙ, ТЫ ОТДАЙ,
 ТЫ ОТДАЙ МЕНЯ ЗАРОВНЮШКУ ЗАМУЖЬ,
 ТЫ ОТДАЙ МЕНЯ ЗАРОВНЮШКУ ЗАМУЖЬ!
 РОВНЮ Я, РОВНЮ Я,
 УЖЬ, Я РОВНЮ ДУШОЙ ЛЮБЛЮ,
 УЖЬ, Я РОВНЮ ДУШОЙ ЛЮБЛЮ!
 СЪ РОВНЕЙ Я, СЪ РОВНЕЙ Я,
 УЖЬ Я СЪ РОВНЕЙ ГУЛЯТЬ ПОЙДУ,
 УЖЬ Я СЪ РОВНЕЙ ГУЛЯТЬ ПОЙДУ!

4.

АХЪ, СЪНИ МОИ, СЪНИ,
 СЪНИ НОВЫЯ МОИ!
 СЪНИ НОВЫЯ, ШЛЕПОВЫ,
 ВЫ РѢШЕЧКАТЫ МОИ!
 УЖЬ КАКЪ ЗНАТЬ ЛИ МНѢ, МЛАДОЙ,
 ПО ВАСЪ, СЪНИЧКАМЪ, НЕ ХАЖИВАТИ,
 УЖЬ КАКЪ МНѢ МЛА ДРУЖКА
 ЗА РУЧЕНЬКУ НЕ ВАЖИВАТИ!
 ВЫХОДИЛА МОЛОДА
 ЗА НОВЫ ВОРОТА,
 ЗА НОВЫ, ДУБОВЫ,
 ЗА РѢШЕЧКАТЫ МОИ;
 ВЫПУСКАЛА СОКОЛА
 ИЗЪ ПРАВОГО РУКАВА
 ПОЛЕТИ ТЫ, МОЙ СОКОЛЪ,
 И ВЫСОКО, И ДАЛЕКО,
 И ВЫСОКО, И ДАЛЕКО,
 НА РОДИМУ СТОРОНУ;
 НА РОДИМОЙ СТОРОНѢ
 ГРОЗЕНЪ БАТЮШКА ЖИВЕТЬ;
 ОНЪ ГРОЗЕНЪ, СУДАРЬ, ГРОЗЕНЪ,
 И НЕ МИЛОСТИВЪ КО МНѢ

НЕ ВЕДИТЬ ПОЗДВО ГУЛЯТЬ,
 СЪ ХОЛОСТЫМЪ ПАРНЕМЪ ИГРАТЬ,
 НЕ ПОСЛУШАЛА ОТЦА;
 Я ПОТЪШУ-ЛЪ МОЛОДЦА,
 Я ЗА ТО ЕГО ПОТЪШУ,
 ЧТО ОДИНЪ СЫНЪ У ОТЦА;
 ЧТО ОДИНЪ СЫНЪ У ОТЦА,
 УРОДИЛСЯ ВЪ УДАЛЬЦА;
 ЗОВУТЬ ВАНЮШКОЮ
 ПИВОВАРУШКОЮ.
 ПИВОВАРЪ ВІНО ВАРИЛЪ,
 ЗЕЛЕНО ВІНО КУРИЛЪ,
 ЗЕЛЕНО ВІНО КУРИЛЪ,
 КРАСНЫХЪ ДЪВУШЕКЪ МАНИЛЪ:
 ВЫ, ПОЖАЛУЙТЕ, ДЪВУШЦЫ,
 НА ПОВАРНЮ НА МОЮ,
 НА ПОВАРНЮ НА МОЮ,
 УГОЩУ ВАСЪ, НАПОЮ.
 НА ПОВАРНѢ У МЕНЯ
 ПІВО ПЬЯНО НА ХОДУ,
 ПІВО ПЬЯНО НА ХОДУ,
 И НА СЛАДКОМЪ НА МЕДУ.
 Б.
 АХЪ, УТУШКА ЛУГОВАЯ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ЛУГОВАЯ!
 МОЛОДУШКА МОЛОДАЯ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, МОЛОДАЯ!
 ГДѢ СПАЛА ТЫ, НОЧЕВАЛА?
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, НОЧЕВАЛА!
 НОЧЕВАЛА Я ВЪ ЛУЖЕЧКѢ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ВЪ ЛУЖЕЧКѢ!
 ПОДЪ РАКПТОВЫМЪ КУСТОЧКОМЪ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, КУСТОЧКОМЪ!
 КАКЪ ШЛИ, ПРОВІЛИ ВЕСЕЛЫЕ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ВЕСЕЛЫЕ!
 ДВА МОЛОДЦА УДАЛЫЕ;
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, УДАЛЫЕ!
 ОНИ СРЪЗАЛИ ПО ПРУТОЧКУ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ПО ПРУТОЧКУ!
 ОНИ СДѢЛАЛИ ПО ГУДОЧКУ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ПО ГУДОЧКУ!
 АЙ, ВЫ ГУДКИ НЕ ГУДИТЕ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, НЕ ГУДИТЕ!
 МОЕГО БАТЮШКУ НЕ БУДИТЕ;
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, НЕ БУДИТЕ!
 МОЙ БАТЮШКА СНИТЪ СЪ ПОХМѢЛЬЯ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, СЪ ПОХМѢЛЬЯ!
 СО ВЕЛИКАГО ПЕРЕПОЮ;
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, СЪ ПЕРЕПОЮ!
 МОЯ МАТУШКА ЗА РѢКОЮ,
 ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ЗА РѢКОЮ!
 ВАРИТЬ ПІВО МОЛОДОЕ,

Люли, люли, молодое!
 Курить вино зеленое;
 Люли, люли, зеленое!
 Поптѣ зятя молодого,
 Люли, люли, молодого!
 Своего гостя дорогого,
 Люли, люли, дорогого!

6.

Я веперь млада
 Во пиру была,
 Во бесѣдушкѣ,
 Не у батюшки,
 Не у матушки:
 Я была млада
 У мила дружка,
 У мила дружка,
 У сердечнаго.
 Я не медь пила,
 И не полпивцо,
 Я пила млада
 Сладку водочку,
 Сладку водочку,
 Все вишнебочку,
 Я не рюмочкой
 Не стаканчикомъ;
 Я пила молада
 Изъ полубедра,
 Изъ полубеда
 Черезъ край пила.
 И я полемъ пила—
 Не валялася,
 И я лѣсомъ пила—
 Не шаталася,
 Ко двору пришла—
 Ишпатнулася,
 За верюшкку
 Ухватилася
 Веревъ-ль моя,
 Верюшкка!
 Поддержи меня,
 Бабу пьянулю
 И похмѣльну;
 Не увидѣлъ бы
 Свекоръ батюшка,
 Не сказалъ бы онъ
 Своему сыну,
 Моему мужу
 У меня ли мужъ
 Горькой пьяница,
 Онъ вида не имеетъ,
 Съ воды пьянъ живитъ.

Надо мной, молодой,
 Онъ ломается.
 У меня-ль, молодой,
 Въ домъ убрано:
 Ложки вымыла,
 Во щи вымыла;
 Пирогъ вымыла,
 Въ горохъ вымыла;
 Чашу вымыла,
 Въ кашу вымыла;
 Кослячки скревла,
 Пирогъ печла.

7.

Ходили дѣвушки по берегу,
 Сѣяли красныя лѣый хмѣль,
 Сѣяли хмѣль, приговаривали,
 Сѣяли хмѣль, приговаривали:
 Росту нашъ хмѣль по тычинокѣмъ вверхъ!
 Безъ тебя хмѣлюшки не водится,
 Пьяное пивошко не варится,
 Пьяное пивошко не варится,
 Добрыя молодцы не жепятся,
 Красныя дѣвушки замужъ нейдуть.
 Вздумала Дуниша, замужъ пошла,
 Вздумала Дуниша, замужъ пошла.
 Теща про зятя пирогъ печла:
 Соли да муки па четыре рубля,
 Сахару да пшному на восемь рублей,
 Сахару да пшному на восемь рублей.
 Сталъ весь пирогъ-то двѣнадцать рублей.
 Думала теща пятерымъ не съѣсть.
 Зять-то съѣлъ, за прѣствомъ съѣлъ,
 Зять-то съѣлъ, за прѣствомъ съѣлъ.
 Теща по горницѣ похаживаетъ,
 Тихонько зятюшкку побраниваетъ:
 Какъ тебя, зятюшкку, не рзорвало?
 Какъ тебя, зятюшкку, не рзорвало?
 Спасибо тещенька, на хмѣль, на соли,
 Да на сладкомъ пирогъ!
 Что ты, тещенька, употчивала,
 Что ты, тещенька, употчивала.
 Милости прошу объ великомъ посту;
 Я-жъ тебя, тещенька, отпотчиваю:
 Я тебѣ всю честь воздамъ,
 Я тебѣ всю честь воздамъ:
 Въ четыре дубны березывыла,
 Пятый кѣуть по заказу свѣтъ.
 Ходи, гуляй, тещенька!
 Ходи, гуляй, тещенька!
 Рвалася теща, чуть вырвалася;
 Бѣжала теща, наслула ушла.

Прибѣжала теща ко двору,
 Прибѣжала теща ко двору.
 Бросилась теща въ мѣвъ средѣ полу!
 Гляньте, ребята: не зять ли идетъ?
 Зять у воротъ, на похмѣлье зоветь,
 Зять у воротъ, на похмѣлье зоветь.
 Скажите зятю: со вѣчоръ хвѣльна,
 Съ пива да съ вина болить голова;
 Съ сладкаго меду, я вся-де больна,
 Съ сладкаго меду, я вся-де больна.

8.

Полоса-лъ мой, полосынька,
 Полоса-лъ моя непяхана,
 Непяхана, нескарожена!
 Заросла-лъ мой полосынька
 Частымъ ельничкомъ,
 Ельничкомъ, березничкомъ,
 Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
 Я гуляючи по ельничку,
 По ельничку, по березничку,
 Брала грибки рыжечки,
 По березничку въялочки,
 По березничку въялочки.
 Я брала, брала, аукалась:
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Никто въ лѣсъ не откланяется;
 Никто въ темномъ не аукнется!
 Никто въ темномъ не аукнется!
 Откланялись молодцы,
 Государевы охотнички!
 Моего батюшки-рыболовчики!

9.

Не будите молодцу
 Ранымъ рано поутру;
 Вы взбудите молодцу,
 Когда солнышко взойдетъ,
 Когда птички запоютъ,
 Когда выдетъ пастушечекъ,
 Заиграетъ въ рожокъ.
 Хорошо пастухъ пераветъ,
 Словно, выговариваетъ.
 Собирайте дѣвки красны,
 Свое стадо на лужокъ.
 Собралися красны дѣвки,
 Въ хороводъ пошли играть;
 Одна дѣвка весела,
 Въ хороводъ плясать пошла.
 Она пляшетъ, рукою манитъ
 Пастуха плясать съ совою.

Т. I: Ч. III.

Сюда, сюда, пастушокъ!
 Сюда, сюда, миленькой дружокъ!
 Бросилъ стадо, пастушокъ,
 Пошелъ съ дѣвчонкой въ кружокъ;
 Онъ часочникъ проплясалъ,
 Коровушку потерялъ;
 А другой какъ проплясалъ,
 И полстада потерялъ.
 Когда-бъ знала молода,
 Не манила-бъ пастуха!

10.

Во саду ли, въ огородѣ
 Дѣвица гуляла,
 Невеличка, круглолицка,
 Румяное личко.
 За ней ходить, за ней бродить,
 Удачный молодчикъ;
 За ней носить, за ней носить
 Дороги подарки;
 Дорогие тѣ подарки:
 Кумачи да китайки.
 Кумачу я не хочу,
 Китайки не надо.
 Принеси, моя надежа,
 Алаго гризету
 На двѣ шубки, на двѣ юбки,
 На двѣ тельогрей,
 Чтобъ не стыдно было дѣвкѣ
 На улицу выйти,
 Перешей, моя надежа,
 Во нѣмецко платъе.
 Спасибо те, молодчикъ,
 Снарядилъ дѣвицу!
 Я пойду ли, младененька,
 Во торгъ торговати,
 На рынокъ гуляти.
 Я куплю, млада, младенька,
 Пахучія мяты.
 Посажу я эту мяту
 Подъ своей хаты.
 Не топчи, вѣзь, кудряватый,
 Пахучія мяты.
 Я не для тебя садила,
 Не для тебя поливала;
 Для кого я поливала,
 Того обнимала.

11.

Солнце, солнце на закатъ,
 Время, время на утратъ.
 Семка дѣвки на лужекъ,
 Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
 Гдѣ мы съ вечера рѣзались,

12

Въ хороводѣ веселились.
Нутка примемтесь спать,
Тужь игорку играть.
Совспрались, разыгрались,
На лужкѣ всѣ расплясались,
Во приятной тишинѣ,
Подъ березкою однѣ.
Вдругъ сталъ слышенъ голосокъ,
Раздавался во лѣсокъ;
Гдѣ ты? Гдѣ ты? ау! ау!
Безъ тебя я здѣсь умру!
Тутъ всѣ дѣвки спохватились
И домой всѣ торопились.
Свѣтликъ Аннушка дружокъ,
Одна съѣла на лужокъ.
Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки
Парень удалой, краснчокъ,
Свѣтликъ Аннушкинъ дружокъ,
Подошелъ, къ ручкѣ прилежъ.
У Аннушки сердце ежъ!
Сердце сердцу покорилось,
Щечки альцемъ покрылись.
Парешъ дѣвку полюбилъ,
Во высокѣ теремъ вводилъ.

12.

Какъ пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять,
Вью, вью, вью, вью,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
По черную черничку,
По красну земляничку;
Вью, вью, вью, вью,
По красну земляничку!
Онѣ ягоды не набрали,
Подруженьку потеряли,
Вью, вью, вью, вью,
Подруженьку потеряли!
Любимую подружку,
Свѣтъ Катеринушку!
Вью, вью, вью, вью,
Свѣтъ Катеринушку!
Не въ лѣсу ли заблудилась?
Не въ травѣ ли заплелась?
Вью, вью, вью, вью,
Не въ травѣ ли заплелась!
Какъ вы въ лѣсъ заблудились,
То вы лѣсъ приклонились;
Вью, вью, вью, вью,
То вы лѣсъ приклонились!

Во травѣ бы заплелась,
Трава-бѣ шелкомъ повилась.
Вью, вью, вью, вью,
Трава-бѣ шелкомъ повилась!
Пойду-ль я по тропинкѣ,
Найду-ль я три елнчки!
Вью, вью, вью, вью,
Нуду-ль я три елнчки!
Подъ елнкою кровать,
На кровати-то перина;
Вью, вью, вью, вью,
На кровати-то перина!
На кровати-то перина,
На перинѣ-то свѣтъ Катерина,
Вью, вью, вью, вью,
На кровати-то свѣтъ Катерина!
Передъ ней свѣтъ дѣтина
Онѣ и просить Катерину:
Вью, вью, вью, вью,
Онѣ и просить Катерину!
Коли любишь, такъ скажи,
А не любишь откажи.
Вью, вью, вью, вью,
А не любишь откажи!
Я, любить, не люблю
Отказать не хочу.
Вью, вью, вью, вью,
Отказать не хочу.

13.

Елнчикъ, мой елнчикъ,
Частой мой березникъ,
Люшеньки, люли,
Частой мой березникъ!
Частой мой березникъ,
Глубокой колодезь,
Люшеньки, люли,
Глубокой колодезь!
Глубокой колодезь,
Студена водица,
Люшеньки, люли,
Глубокой колодезь!
Студена водица,
Стой, не разливайся,
Люшеньки, люли,
Стой, не разливайся!
Стой, не разливайся,
По мхамъ, по волотамъ,
Люшеньки, люли,
По мхамъ, по волотамъ!
По мхамъ, по волотамъ,
По стяжкамъ, дорожкамъ,

Люшеньки, люли,
 По стяжкамъ, дорожкамъ!
 По стяжкамъ, дорожкамъ,
 Мнѣ къ батюшкѣ вѣхать,
 Люшеньки, люли,
 Мнѣ къ батюшкѣ вѣхать!
 Мнѣ къ батюшкѣ вѣхать,
 Не вино курити,
 Люшеньки, люли,
 Не вино курити!
 Не вино курити,
 Мнѣ не пиво варити,
 Люшеньки, люли,
 Мнѣ не пиво варити!
 Мнѣ не пиво варити,
 Мнѣ свадьбу играти,
 Люшеньки, люли,
 Мнѣ свадьбу играти!
 Мнѣ свадьбу играти,
 Мнѣ брата женити,
 Люшеньки, люли,
 Мнѣ брата женити!
 Мнѣ брата женити,
 Сестру сговорити,
 Люшеньки, люли,
 Сестру сговорити!
 Сестру сговорити,
 Самой замужъ выйдти.
 Люшеньки, люли,
 Самой замужъ выйдти!
 Ельникъ, мой ельникъ,
 Частой березникъ.
 Люшеньки, люли,
 Частой березникъ!
 Недѣлю гостила,
 Я брата женила,
 Люшеньки, люли,
 Я брата женила!
 Я брата женила;
 Другую гостила,
 Люшеньки, люли,
 Другую гостила!
 Другую гостила,
 Сестру сговорила,
 Люшеньки, люли,
 Сестру сговорила!
 Сестру сговорила;
 Третью гостила,
 Люшеньки, люли,
 Третью гостила!
 Третью гостила,
 Сама замужъ пошла.

Люшеньки, люли,
 Сама замужъ пошла!

14.

Аѣ, на горѣ дубъ, дубъ,
 Что была береза;
 Промежъ дуба и березы
 Рѣчка протекала;
 Рѣчка, рѣчка неглубокая,
 Воднца студеная;
 Нельзя, нельзя воды пити,
 Нельзя почерннати.
 Какъ у стараго мужа
 Жена молодая;
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя поучити.
 Я билъ жену одну часъ
 А плакалъ недѣлю,
 Сушилъ, крушилъ ясны очи,
 По четыре ночи.

15.

Во Муромскихъ во лѣсахъ
 Стоитъ бражка на пескахъ,
 Молода брага и пьяна,
 И разымчива была.
 Веселая голова,
 Не ходи мимо двора,
 Милъ дорожку не торн,
 Худой славы не кладн.
 Милъ дорожку проторилъ,
 Худу славу положилъ.
 Отцу, матери безчестилъ,
 Роду племянн ногоръ,
 Мнѣ головушка долой,
 Мнѣ нельзя идти домой,
 Сказать матери родной.
 Скажу такъ, скажу слкъ,
 Скажу экакъ и вотъ такъ:
 Скажу въ саднку была,
 Скажу яблочки рвала,
 Все надмвчатя
 И разсыпчатя;
 На было блюдо клала,
 На серебряной подносъ,
 Ко милому относила
 Во высокой во теремъ.
 Милой яблкъ не беретъ,
 И отвѣта не даетъ,
 Не отказываетъ,
 Не приказываетъ.
 И я топнула ногой,

Сама съ терема долой,
Оставайся, чортъ съ товой!
Не ломайся надо мной,
Надъ дѣвчечей красотой,
Надъ моею русой жосой.
Я на лѣсенку вступила,
Да одумалася;
Ворочуся назадъ,
Другу выговорю:
Ты послушайка, негодный,
Погодай негодяй!
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Я за то тебя любила,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Со полночи гулять готовъ.

16.

Улица, улица, широкая моя!
Травка, муравка, зеленая моя!
Знать-то мнѣ по улничкѣ не хаживати,
Травку, муравку не таитьвати,
На свою милу не гадывати.
Какъ мол-то мила сидитъ одна,
Подъ окномъ сидитъ, рѣчь говоритъ:
Мальчикъ ты, мальчикъ молодецкой,
Удалая головушка твоя!
Не садися ты возлѣ меня,
Возлѣ меня, красной дѣвчцы дими,
Возлѣ меня, отечкой дочки.
Грозень, грозень батюшка,
Грозней того матушка,
Не пускаютъ на улицу гулять;
Пустятъ, не пустятъ при вечерѣ,
При вечерѣ, при вечерней при зарѣ;
А я, молодешенька, догадева была,
Прялочку взяла, на вшивдѣлочку пошла;
Курь вспяли, домой пошла;
Другия вспяли, не думаю идти;
Третьи вспяли, заря взошла,
Заря взошла, домой пошла.

17.

Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвкѣ веселую.
Надъ рѣжкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи гово-
ритъ:
Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за боярина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, за мужъ за крестьянина.
Крестьяннѣ, родича в, много пашни пашеть,

Много пашни пашеть, много засвѣаетъ,
Борозды глубокия, полосы широкія,
Серпы-то тупые, жинцы-то глупые.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвкѣ веселую.
Надъ рѣжкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи гово-
ритъ:

Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за боярина отдать;
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за боярина.
Бояринѣ охотникъ, много собакъ держитъ,
Собаки борзья, холопи босые,
Что бояринъ воевать, а я горе горевать,
Что бояринъ въ Москву, а я кинуся въ тоску.

Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвкѣ веселую.
Надъ рѣжкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи гово-
ритъ:

Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за земскаго отдать.
Иду, иду матушка, иду осударыня,
Иду, осударыня, замужъ за земскаго.
Что земской-то миромъ кутить,
А я млада, младешенька, посулы считать.

18.

За рѣченкой ярь хмѣль,
Ярь, ярь хмѣль!
Вкругъ кустика вѣтса;
Ярь, ярь хмѣль!
Перевейся нашъ ярь хмѣль,
Ярь, ярь хмѣль!
На нашу сторонку;
Ярь, ярь хмѣль!
На нашей сторонкѣ,
Ярь, ярь хмѣль!
Удача большая,
Ярь, ярь хмѣль!
Тычя золотыя,
Ярь, ярь хмѣль!
Вѣтя шелковыя.
Ярь, ярь хмѣль!
Я выщуплю хмѣлю,
Ярь, ярь хмѣль!
Хмѣлю яраго,
Ярь, ярь хмѣль!
Позову я гостя,
Ярь, ярь хмѣль!
Гостя дорогаго,

Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Батюшку роднаго,
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Мой батюшка вѣтъ, вѣтъ,
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Домой ѣхать хочеть;
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 А я, молодешенька,
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Горе горевати;
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Вѣдь, я не умѣю,
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Горе горевати;
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Только я умѣю,
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!
 Скакати, плясати.
 Ярѣ, ярѣ хмѣль!

19.

Ахъ, жилъ я, молодецъ,
 Жилъ во своей деревнѣ,
 Жилъ во своей деревнѣ,
 Живучи, не видалъ веселья;
 Заросла моя деревня
 И горами и долами,
 И горами и долами,
 И крутыми берегами.
 По задворью дѣвица
 Водицу носила,
 Коромысло внаписно,
 Ведерцы дубовы,
 Ведерцы дубовы,
 Обручи кедровы;
 Коромысла гнуты,
 Свѣжа вода льется.
 Дѣтинюшка вѣлъ кудрявъ,
 Изъ окошка смотреть,
 Изъ окошка смотреть,
 Ничего не молвить,
 Тяжко воздыхаетъ,
 Слезно возрыдаетъ:
 Кабы ты, дѣвица,
 Не эдакъ ходила,
 Не эдакъ ходила,
 Другихъ не любила,
 Другихъ не любила,
 Меня не сушила.
 Ахъ по лугу, лугу,
 Да по зеленому,
 Ходилъ, гулялъ молодецъ,

Не радошень, не весель,
 Не радошень, не весель,
 Дѣвушки не нашьель,
 Дѣвушки не нашьель,
 Самъ заплакалъ, да пошьель,
 Повѣсилъ головушку,
 На праву сторонушку,
 Потупилъ ясны очи,
 Во мать во сыру землю.
 Увидѣла матушка,
 Усмотрѣла родная
 Со высока терема,
 Со высока терема,
 Изъ косяцета окна:
 Дитя мое, дитятко,
 Дитя мое, милое!
 Что ходишь не весело;
 Гуляешь не радостно?
 Сударыня, матушка!
 Не ты меня засушила,
 Не ты меня засушила,
 Не ты меня сокрушила;
 Засушила, матушка,
 Чужая сторонушка,
 Чужая сторонушка,
 За рѣкой слободушка,
 Во слободушкѣ дворникъ,
 Во дворикѣ вдовушка;
 У вдовушки дѣвушка,
 Она меня засушила,
 Она меня сокрушила.

20.

По улицѣ мостовой,
 По широкой, столбовой,
 По широкой, столбовой,
 Шла дѣвица за водой;
 За ней парень молодой,
 Кричить дѣвицѣ: постой!
 Красавица подожди.
 Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
 Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
 За холодной, ключевой.
 Ахъ, ты, парень, паренекъ,
 Твой глупенькой разумокъ!
 Не кричи во весь народъ;
 Мой батюшка у воротъ,
 Зоветь меня въ огородъ,
 Чесноку, луку помоть,
 Маку свянова,
 Луку зеленюва.
 Возьму въ правую руку луку,
 А во лѣвую чесноку,

Я по цвѣтникамъ пойду,
 По лазоревымъ гулять,
 По лазоревымъ гулять,
 Цвѣта алаго искать.
 Не нашла цвѣта алаго,
 Супротивъ своего милого.
 Ахъ, мой миленькой хорошеъ,
 Чернобровъ, душа пригожеъ;
 Чернобровъ, душа пригожеъ,
 Мнѣ подарочикъ привнесъ,
 Подарочикъ дорогой,
 Съ руки перстень золотой,
 Съ руки перстень золотой.
 Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
 Дорога твоя любовь;
 Не хочу перся носитьъ,
 Хочу такъ, дружка, любитьъ.
 Собрался мой милый,
 Собрался дорогой,
 Что на Волгу на рѣку,
 На крутой на бережокъ,
 На крутой на бережокъ,
 Что на желтевкой песокъ.
 Ужъ я по воду пойду,
 На крутой берегъ взойду,
 Туда, сюда погляжу:
 Куда рѣченька бѣжитъ?
 Волга рѣченька быстра
 Скоро судно провесла,
 Суденьшко потонуло,
 А я млада воздохнула.

21.

Молодка, молодка молодая,
 Солдатка, солдатка полковая!
 Ужъ полно по улицѣ ходити,
 Ужъ полно по миленькомъ тужити!
 Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити?
 Такого друга не вѣжети.
 Хорошеъ, пригожеъ, милый уродился,
 Что ростомъ, дорожествомъ, красотою,
 Своей молодецкой поступкой.
 Вечоръ я со милымъ побранцлась:
 Побранка была небольшая;
 Не знаю, какъ со милымъ помериться?
 Самой покорится—не годится;
 Людей посылати—мнѣ нестати.
 Дождется я млада поры-время,
 Что поры ли, время, темной ночи,
 Что темныя воченьки, осенней.
 Сама я къ милому поывываю.
 Въ глаза дороному попеняю:
 Ахъ, любчикъ, мой миленькой голубчикъ!

Не слушай ты разума чужаго;
 Чужихъ, моя радость, наговоровъ.
 Люди-то смущаютъ, разлучаютъ:
 Людямъ-то завидно, что совѣтно.

22.

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
 Нигдѣ мѣста не найду;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Нигдѣ мѣста не найду.
 Отъ вды младу отбыло,
 Бражка въ горлышко нейдетъ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Бражка въ горлышко нейдетъ.
 Посидѣлки, хороводы
 Опостыляли ужъ мнѣ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Опостыляли ужъ мнѣ.
 Все мерещется дѣтина,
 На яву мнѣ и во снѣ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 На яву мнѣ и во снѣ.
 Какъ теленокъ за коровой,
 Такъ и я за нимъ бреду,
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Такъ и я за нимъ бреду.
 Какъ пастухъ, покниа стадо,
 Вездѣ парня я ищю.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Вездѣ парня я ищю.
 Когда встрѣтится со мною,
 Вздударажитъ все нутро;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Вздударажитъ все нутро.
 Мнѣ пройдесть, да не взглянетъ,
 Какъ морозомъ подеретъ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Какъ морозомъ подеретъ.
 Вдоль спины переволащеть
 Хворостинной, аль кнутомъ;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Хворостинной, аль кнутомъ.
 Мнѣ то-то за честь и небольшо,
 Хоть малиной не корми.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Хоть малиной не корми.
 Сяду прясть, пряжа рвется,
 Донцо вдетъ подо мной;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Донцо вдетъ подо мной.
 Вертено изъ рукъ валится,
 Мочки клочу, не чешу.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!

Мочки ключу, не чешу.
 Возьму ведры за водой,
 Къ парню въ избе забреду.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Къ парню въ избе забреду.
 Какъ не выгонитъ оттуда,
 Умирать хотъ рада съ нимъ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Умереть хотъ рада съ нимъ.
 Нутка къ яду!—онъ мнѣ скажетъ—
 Надобна ужъ ты мнѣ!
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Надобна ужъ ты мнѣ!
 Какъ проклята лихоманка
 Привязалася, отстань!
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Привязалася, отстань!
 Тутъ-то свѣта я не взвижу,
 Рада-бъ въ петлю, нѣ на пожъ.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Рада-бъ въ петлю, нѣ на пожъ.
 Посъ повѣшу, лобъ наморщю,
 И, потупись, поплетусь.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 И, потупись, поплетусь.
 А, куда?—Сама не знаю,
 Какъ безумная бреду,
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Какъ безумная бреду.
 Во расплохъ вчера у матки
 Я стянула новшю;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Я стянула новшю.
 А у батюшки роднаго
 Поубавила мошну;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Поубавила мошну.
 Я дождуся той почъ,
 Какъ наведутъ торгашн.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Какъ наведутъ торгашн.
 Шелковъ разныхъ и бумаги
 Накуплю я на торгу;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Накуплю я на торгу,
 Накрою рубахъ, ширенокъ,
 И посвойски настрочу,
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 И посвойски настрочу.
 Подойду ближе я къ дѣтннъ,
 Какъ пойдетъ сушить овннъ,
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!

Какъ пойдетъ сушить овннъ.
 Поклонюся дѣтннъ низко,
 Поднесу свои дары.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Поднесу свои дары.
 Авось ему любо будетъ,
 Вось поговоритъ со мной.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Вось поговоритъ со мной.
 Какъ не будетъ ему любо,
 И дары будутъ не въ честь;
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 И дары будутъ не въ честь.
 Чортъ возьми родню, сосѣдей,
 Вся деревня сгинь огнемъ!
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Вся деревня сгинь огнемъ!
 Ужъ тогда-то будетъ тошно,
 Я млада ряхнусь ума.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Я млада ряхнусь ума.
 И тогда-то свои руки
 Наложу я на себя.
 Ахъ, люли! Ахъ, люли!
 Наложу я на себя.

23.

Пряди моя пряжа,
 Пряди, не лѣвнися,
 И я рада-бъ прядла,
 Меня въ гости звали.
 Звали, позывали,
 Къ сосѣду въ бесѣду,
 На пиръ прироватъ;
 У сосѣда будетъ
 Мой милъ хорошій,
 Мой милъ пригожій,
 Холостъ, неженатый,
 Блѣднй, кудряватый.
 Вотъ ѣдетъ мой милый
 На ворономъ конѣ,
 Въ бѣломъ балахонѣ,
 Шапочка съ углами,
 Головка съ кудрями.
 Ко двору подъѣзжаетъ,
 Дѣвица встрѣчаетъ,
 За ручки хватаетъ,
 За столнкъ сажаетъ.

24.

Ахъ, ты, поченька,
 Ночка темная;
 Ты молодушка,
 Ты молоденька!

Ты головунка!
 Ты побѣдненька!
 Съ кѣмъ ночь темную
 Ночевать тебѣ?
 Съ кѣмъ осеннюю
 Коротать тебѣ?
 Лягу спать одна
 Безъ мила дружка;
 Безъ мила дружка
 Береть грусть, тоска;
 Береть грусть, тоска:
 Далеко мила живеть;
 Далеко живеть
 Онъ за рѣченкой.
 Ужъ я съ той со тоски
 Погулять пойду,
 Погулять пойду,
 Повидаюсь съ нимъ.
 Махнетъ милый мнѣ
 Ручкой правою,
 Ручкой правою,
 Шляпой черною.
 Перейди ко мнѣ
 Ты за рѣченку.
 Перешла-бы я:
 Перехода нѣтъ;
 Переходъ хоть есть:
 Тонка жордочка!

25.

Ахъ, молодость, молодость,
 Чѣмъ-то вспомнать тебѣ?
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Чѣмъ-то вспомнать тебѣ?
 Вспомню я молодость
 Тоскою, кручиною;
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Тоскою, кручиною.
 Тоскою, кручиною,
 Печалью великою.
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Печалью великою.
 Не пила, не ѣла я,
 Все милова ждала,
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Все милова ждала.
 Пойду млада по воду
 Съ ушатями, ведрами;
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Съ ушатями, ведрами.
 Пуцу ведры подъ горю,
 Сама взойду на горю.

Ай, лешеньки, лешеньки!
 Сама взойду на горю.
 Сама сяду на траву,
 Припнуся яблоню;
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Припнуся яблоню.
 Яблоню кудрявою,
 Грушею зеленою,
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Грушею зеленою.
 Мимо той ли яблонки,
 Протекала рѣченка,
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Протекала рѣченка.
 Какъ по той по рѣченкѣ
 Съзжались господа;
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Съзжались господа.
 Съзжались господа
 Съ семидесяти городовъ.
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Съ семидесяти городовъ.
 Срубили они яблонку,
 Подъ самой подъ корешокъ
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Подъ самой подъ корешокъ
 Раскололи яблонку
 На доски на тонкия;
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 На доски на тонкия.
 На доски на тонкия,
 Дѣлать гусли звончаты.
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Дѣлать гусли звончаты.
 Кому поиграть въ гусли?
 Кому поплясать бѣдѣть?
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Кому поплясать бѣдѣть?
 Играть въ гусли молодцу,
 Плясать красной дѣвцѣ.
 Ай, лешеньки, лешеньки!
 Плясать красной дѣвцѣ.

26.

Какъ на улицѣ шумятъ,
 Сарафанъ бабы дѣлать,
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодцы!
 Кому клинъ дать, кому стави,
 Кому весь вы сарафанъ?
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодцы!

А большимъ-вы господамъ
 На попоны лошадамъ?
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

А боярскимъ дочерямъ
 На обшточку къ рукавамъ?
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

Вышла дѣвка молодца,
 Поразхвасталась она:
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

Какъ вечеръ меня мплой
 Цѣловалъ, да миловалъ;
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

Крѣпко къ сердцу прижималъ
 Онъ сударушкою называлъ,
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

Ты, сударушка моя,
 Вѣрно любишь-ли меня?
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

Какъ мнѣ тебя не любить!
 Не могу тебя забыть!
 Ой, вы, дѣвки!
 Ой, вы, бабы молодья!

27.

Ты поди, моя коровушка домой,
 Пропади, моя головушка домой;
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
 Покупили жепамъ черные бобры,
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Лишь мой-то, некошмой муженекъ,
 Лишь мой-то, сердечной съ кулачекъ;
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Онъ кунцалъ-то мнѣ коровушку,
 Онъ сгубилъ-то моего ребеночка;
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Отворяй, жена, широки ворота,
 Принимай, жена, корову за рога.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Встану я, млада, равешенко,
 Я умоюся ввешенко сама;

Т. I. Ч. III.

Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Погоно я корову на росу,
 На встрѣчу мнѣ медведя изъ лѣсу;
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Я медведя испугалась,
 Я за кустикн, млада, бросалась.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Во лугахъ было, въ зеленыхъ лугахъ,
 Принимала я корову за рога.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Ты поди, моя коровушка, домой;
 Ты поди, моя недоена, домой.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

У насъ горенка нетоплена стоитъ,
 А ребятушки некормлены кричатъ.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Какъ ворчить-то мужъ супостатъ,
 Онъ велитъ мнѣ дѣтей кормить;
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

Приказалъ онъ коровушку доить,
 Ты, коровушку подои-ка, да подои!
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

А подоивнички помой-ка, да помой,
 А ребятушекъ: напои-ка, да напои.
 Ай диди, калинка моя!
 Въ саду ягода, малинка моя!

28.

Пойду млада по Дунаю,
 Ой люли, погуляю!
 Зайду, млада, въ бесѣду;
 Ой люли, во смѣренну!

Во бесѣдѣ сидитъ старой,
 Ой люли, постылой!
 На колѣняхъ держитъ гусли,
 Ой, люли, дубляны!

На гуслицахъ струны;
 Ой люли, мочальны!
 Старой въ гусли заиграетъ,
 Ой люли, заиграетъ!

Мое сердце поетъ, поетъ;
 Ой люли, занываетъ!
 Скоро ноги подломилсъ,
 Ой люли, подломилсъ,
 Бѣлы руки опустилсъ,

13

Ой люли, опустились!
 Ясны очи потупились,
 Ой люли, потупились!
 Пойду млада по Дунаю,
 Ой люли, погуляю!
 Зайду млада въ бесѣду;
 Ой люли, во веселую!
 Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
 Ой люли, мой любезной!
 На каляняхъ держитъ гусли,
 Ой люли, звончатые!
 На гуслицяхъ струвы,
 Ой люли, золотыя!
 Молодой въ гусли заиграетъ,
 Ой люли, заиграетъ!
 Мое сердце радо, радо,
 Ой люли взвеселилось!
 Скоры ноги распясались,
 Ой люли, распясались!
 Руки бѣлы размахались,
 Ой люли, размахались!
 Очи ясны разглядѣлись,
 Ой люли, разглядѣлись!

29.

У меня-ль во садочку,
 У меня-ль во зеленомъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Хорошо пташки пѣли,
 Хорошо воспѣвали,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 А я-ль, молоденька,
 Охоча гуляти,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Скакати, плясати,
 Въ зеленѣ садѣ ходити,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 За тв-ль меня скачки,
 За тв-ль поплясушки,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Меня батюшка билъ, билъ,
 Меня родной мой билъ, билъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Не легкимъ, тяжелымъ,
 Что изъ вивки пруточкомъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!

А я-ль, молоденька,
 А я-ль, веселенька,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Я съ тѣхъ ли побоевъ,
 Я съ тѣхъ ли тяжелыхъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Недѣлю лежала,
 Другую вставала.
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 У меня-ль во садочку
 У меня-ль во зеленомъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Хорошо пташки пѣли,
 Хорошо воспѣвали,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 А я-ль, молоденька,
 Охоча гуляти,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Скакати, плясати,
 Въ зеленѣ садѣ ходити,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 За тв-ль меня скачки,
 За тв-ль поплясушки,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Меня матушка билла,
 Меня родная билла,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Не легкимъ, тяжелымъ,
 Шелковымъ поясочкомъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 А я-ль, молоденька,
 А я-ль, веселенька,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Я съ тѣхъ ли побоевъ,
 Я съ тѣхъ ли тяжелыхъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Недѣлю лежала,
 Другую вставала.
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!

У меня-ль во сладотку.
 У меня-ль во зеленомъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Хорошо пташки пѣли
 Хорошо воспитывали.
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 А я-ль, молоденька,
 Охоча гуляти,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Скакати, плясати,
 Въ зеленъ садъ ходити;
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 За тѣ-ль меня скачки,
 За тѣ-ль поплясушки,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Меня миленькой билъ, билъ,
 Меня сердечной билъ, билъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Не тяжелымъ, а легкимъ,
 Дубовой дубиной.
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 А я-ль, молоденька,
 А я-ль, веселенька,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Я съ тѣхъ ли побоевъ,
 Я съ тѣхъ ли легкихъ,
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!
 Однѣй день лежала,
 На другой вставала.
 Люшеньки люли!
 Люшеньки люли!

30.

Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
 Изъ подъ вязава коренья,
 Ой калина! Ой малина!
 Изъ подъ вязава коренья
 Бѣжитъ зайка горностайка.
 Ой калина! Ой малина!
 Въ зубахъ несетъ вязенину,
 Небылицу небылицу,
 Ой калина! Ой малина!
 Про душу красную дѣвицу,
 Про любимую сестрицу;

Ой калина! Ой малина!
 Дѣвка стоя на плоту,
 Моетъ шелкову фату;
 Ой калина! Ой малина!
 Она мыла, колотила,
 Фату въ воду опустила,
 Ой калина! Ой малина!
 Фату въ воду опустела,
 За фатой въ воду скачила,
 Ой калина! Ой малина!
 Башмачки обронила,
 И чулочки обмочила.
 Ой калина! Ой малина!
 Мнѣ не жалъ, вѣдь, башмаковъ,
 А жалъ шелковыхъ чулковъ;
 Ой калина! Ой малина!
 Мнѣ эти ли башмачки
 Сударь батюшки купилъ,
 Ой калина! Ой малина!
 Бѣлы шелковы чулочки
 Милъ сердечной подарилъ
 Ой калина! Ой малина!
 Счастливъ выходъ мой:
 Идетъ любчикъ мой горой,
 Ой калина! Ой малина!
 Идетъ любчикъ мой горой
 Несетъ гуски подъ полой.
 Ой калина! Ой малина!
 Самъ въ гуски играетъ,
 Приговариваетъ:
 Ой калина! Ой малина!
 Ахъ, дѣвки къ намъ?
 Ахъ, молодицы къ намъ!

ВАРИАНТЫ

ПЛЯСОВЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Въ Русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ из-
 мѣненія словъ зависятъ часто отъ воли
 пѣсельниковъ. Поставая это на видѣ,
 какъ главное и необходимое условие въ из-
 ложении вариантовъ, я рѣшаюсь ограничи-
 ваться только одними главными измѣнени-
 ми. Большую часть плясовыхъ пѣсенъ при-
 своили себѣ Московскіе Цыганы. Голосъ
 ихъ, тѣлодвиженія, совершенно отличныя
 отъ характеристики Русскихъ, придали
 этимъ пѣснямъ особенное достоинство; но
 за то они измѣняютъ по своему слова пѣ-
 сенъ. Напѣвъ Русскихъ также измѣняется

по мѣстности; а съ этимъ вмѣстѣ замѣтно кое-гдѣ и измѣненіе словъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 1, мнѣ, известны три варианта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача, ч. 2, стр. 38, гдѣ два стиха соединены въ одинъ. Такъ:

Ай! по улицѣ молодчикъ идетъ, вдоль по широкой удалынькой.

Ай жги, ай жги, горорн, вдоль по широкой удалынькой.

Кромѣ того есть измѣненія въ словахъ:

«Черна соволя» — чернова соволя.

«Свататься» — обаветься.

«На печи бы» — на печи въ углу.

Пропущено въ среднѣй пѣсни съ стиха:

«Кавы бабѣ калача, калача»

до:

Я со вечера-то дѣвица.

Второй вариантъ напечатанъ въ собраніи пѣсень Капчина, ч. 3, стр. 119. Здѣсь измѣненіе находится въ словахъ: вмѣсто:

Подъ полою у молодца дуда—

—Подъ полою несетъ дуду загулу.—

Или вмѣсто:

Какъ струна-то загула, загула,

А дуда-то выговаривала.—

—Какъ струна-то загула, загула,

А другая-то выговаривала.—

Или вмѣсто:

Сытой бабу припапави—

—Молокомъ бабу подпапави.—

Третій вариантъ былъ записанъ со словъ поселенъ Богородицкаго уѣзда; въ немъ только въ припѣвѣ два стиха совершенно другіе:

Эй! эй! эй! жги, поджигай!

Эй! эй! эй! жги, говори!

Все прочее сходно съ пѣсней, помѣщенною въ текстѣ.

Есть еще особенные варианты этой пѣсни, напечатанные въ пѣсенникахъ, но мы не обращаемся къ нимъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 2, мнѣ известны два варианта. Первой напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача ч. 1, стр. 30, гдѣ два стиха соединены въ одинъ; а припѣвъ напечатанъ слѣдующій:

Люй, лю, лю, лю.

Въ среднѣй пѣсни пропущено съ стиха: «Вы гудки не гудите—до—Пойдуль я на но-вы стип.»

Кромѣ того еще пропущены стихи:

«Вотъ тебѣ дорожка, прогуляйся.»

«Вы гудки не гудите.»

Конецъ пѣсни у Прача пропущенъ.

Второй вариантъ былъ записанъ со словъ Московскихъ пѣсельниковъ, но измѣненія заключаются въ ничтожныхъ словахъ. Во всѣхъ за-Московныхъ селеніяхъ поютъ вмѣсто: «Во полѣ береза стояла»— Вы полъ береза стояла.—

Для пѣсни, напечатанной подъ № 3, мнѣ известны два варианта, первый напечатанъ у Прача, ч. 1, стр. 38, гдѣ два стиха соединены въ одинъ, а иногда три въ одинъ. Отъ этого самого потерялось всякое согласіе звуковъ — начало Русскаго народнаго стихосложенія. Слова пѣсни во всемъ сходны съ помѣщенного мною въ текстѣ. Второй вариантъ былъ записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ; въ немъ только особеннаго, кромѣ измѣненія словъ, народный разгульный напѣвъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого разгула въ пѣни нашихъ пѣсень, какъ въ этой. Поселяне соединяютъ еще съ пѣниемъ этой пѣсни свистъ, стараясь приноровить его въ тактъ; пляска, употребляемая при этой пѣсни, бываетъ многосложна, гдѣ каждый нѣтъ плясунъ старается выдѣлывать свое особенное па, болѣею частью по произволу. Заѣзжіе фялары, же-учители Русскихъ плясунъ, умѣли составить какую-то глупую пляску, совершенно противоположную нашей народности. Русскія пѣсни принялись не по плечу чужеземцевъ. Да и гдѣ имъ сладить съ нашею пляскою, когда природа не надѣлила ихъ нашими богатырскимъ разгуломъ, когда отказала имъ въ такнхъ ногахъ, которыя только могутъ быть у Русскаго мужичка, отъ которыхъ, во время пляски, дрожитъ земля, шатается изба, ключеть въ груди ретивое. Русской пляскѣ немезя выучется; она приходитъ на роду, говорятъ наши земляки. Родись плясунъ и будешь плясать—говорятъ наши старики. Мнѣ часто случалось видѣть и въ городахъ за-Московныхъ и въ Питерѣ, какъ чужеземцы обучаютъ Русскихъ плясать. Жалкіе

люди эти чужеземцы! Неужели они думают и въ этомъ уже уничтожить нашу народность? Ихъ ученики, вытѣнутые въ спичку, ходятъ не на ногахъ, а на ходуляхъ. Эта единственная карриатура на Русскія пляски. Православные наши дѣды сохранили намъ народность, и ни одна чужеземная затѣйливость не должна управлять Русскими плясками. Никакой изъ Русскихъ дозволить затѣжему филляру, скакателю денегъ и приключеній въ нашей родимой сторонѣ, искажать народныя пляски. Мы не думаемъ, чтобы Русскіе считали национальными тѣ народныя пляски, которыя онѣ обучились плясать по наставленіямъ чужеземца.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 4, мнѣ известны два варианта. Первый, записанный со словъ поселенца Кашинскаго уѣзда, имѣеть только въ концѣ слѣдующее прибавленіе:

На гумнѣ-ли у меня
Хлѣба, солоду вдоволь,
Хлѣба, солоду вдоволь,
И хмѣлю яраго подспорь.

Второй вариантъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Праща ч. 1, стр. 53, гдѣ каждый два стиха соединены въ одинъ. Въ самомъ текстѣ у него пропущены слѣдующіе стихи:

Сѣни новы, кленовы,
Вы рѣшетчаты мои!
Ужъ какъ звать-ли мнѣ, молодой,
За новы, дубовы,
За рѣшетчаты мои.

Вмѣсто:

Не велитъ поздно гулять,
Съ холостымъ парнемъ играть.
У него:
Не пускаетъ молоду поздно вечеромъ
одну.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 5, мнѣ известны только варианты, помѣщенные въ собраніяхъ Праща ч. 2, стр. 61, Кашина, ч. 3, стр. 23. Въ за-Московскихъ селеніяхъ поютъ эту пѣсню осенними праздниками, когда встрѣчаютъ Бабье лѣто и Погробь. Веселый разгулъ сельскихъ женщинъ въ пляскѣ, игривость добрыхъ мужичковъ выржаютъ въ полномъ блескѣ народное весе-

ліе, непмѣнное ничего подобнаго въ народности.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 6, мнѣ известны три варианта. Первый напечатанъ въ собраніи Кашина, ч. 3, стр. 86. Второй былъ подслушанъ мною въ Москвѣ, гдѣ замѣнены только немногія измѣненія.

Я со вечера молодя
Во пирѣ пировала,
Во бесѣдушкѣ,
Я со вечера молодя
Была не у батюшки,
Была не у матушки,
Я была молодя...

Третій вариантъ былъ записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ, гдѣ встрѣчались только измѣненія въ словахъ, и несегда докончивали пѣсню. Онѣ, по большой части ее прерывали на стихахъ:

Онѣ вина не пьеть,
Съ воды пльнѣ жьветъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 7, мнѣ известны одинъ вариантъ, напечатанный въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 11. Въ Тулѣ эта пѣсня удаляется отъ характера плясовыхъ. Тамъ прежде пѣвали ее оружейники, ходя по городу, не употребляя пляски. Въ селеніяхъ же эта пѣсня сопровождается веселою пляскою.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 8, мнѣ известны два варианта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 44; а второй нѣсколько разъ слышалъ я по селеніямъ, лежащимъ по Окѣ. Тамъ вечеромъ лодовники, плывя внизъ по Окѣ, поютъ эту пѣсню совершенно отличнымъ голосомъ. Въ селеніяхъ Тульской губернии мужчины и женщины всегда поютъ эту пѣсню съ пляскою, прѣвѣлая особенный къ концу стихъ:

Моей матушки любовнички!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 9, мнѣ известны три варианта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 51. Второй нѣсколько разъ слышалъ по селеніямъ Троицкой дороги отъ Москвы. Тамъ, въ селѣ Пушкинѣ, эта пѣсня имѣеть какое-то народное торжество. Вечеромъ, когда

притягиваютъ съ полей стада, собираются поселяне и странствующіе пилигримы. Пастухи играютъ въ рожки, поселянки пляшутъ. Добрые Москвитяне нарочно ѣздятъ слушать эту пѣсню въ село Пушкино. Въ селѣ Братовщинѣ, по той же дорогѣ, пляшутъ поселяне подъ эту же пѣсню; но ихъ пляска не имѣетъ такого очарованія, какъ Пушкинская. Третій вариантъ замѣченъ мною въ Тульскихъ селеніяхъ, гдѣ на осеннихъ праздникахъ эта пѣсня имѣетъ особенное преимущество. Впрочемъ, время употребленія этой пѣсни замѣтно тамъ болѣе весною. Въ этомъ вариантѣ есть слѣдующее въ концѣ прибавленіе.

Пастушокъ, ты мой дружокъ!
Сырай стадо на лужокъ,
Сырай стадо на лужокъ,
Поиграй ты во рожокъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 10, мнѣ известны два варианта. Первый напечатанъ въ собраніи Кашина, ч. 3, стр. 59. Второй записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ; но въ немъ встрѣчаются самыя ничтожныя перемѣны, какъ-то:

Вы саду лу, вы городъ,
Дѣвица гуляла;
Она ростомъ невеличка,
Своей круглоличка.
За дѣвцей ходитъ,
Удалый молодчикъ;
Онъ и носитъ, онъ и носитъ
Дороги подарки...

Другіе измѣняютъ эти стихи еще иначе:

Вы саду ли, вы городъ
Дѣвица гуляетъ;
Больше невеличка,
Мала, круглоличка.
По улицѣ ходитъ
Удалый молодчикъ;
На дѣвцу смотреть,
За дѣвцей ходитъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 11, мнѣ известны три варианта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсень Кашина ч. 3, стр. 143; второй въ собраніи Прача, ч. 1, стр. 3, гдѣ стихи размѣщены такъ:

Солнце на закатѣ, время на утрасть,
Сиди дѣвки на лужокъ, гдѣ муравка, гдѣ
цвѣтокъ,

Гдѣ мы съ вѣсела рѣзвились, въ хоровадъ
веселились,
На приятной тишинѣ, подъ березкою однѣ.
Только слышнень голосокъ, раздавался во
лѣсокъ:
Гдѣ красавица милая, свѣтикъ, радости,
дорогая?

Третій вариантъ записанъ былъ со словъ Московскихъ пѣсельниковъ. Здѣсь разнообразіе является до невѣроятной степени.

Солнце, солнце на закатѣ,
Время, время на утрасть.

Ой, ой, ой! время на утрасть!

Ой, ой, ой! время на утрасть!

Пошли дѣвки на лужокъ,
На муравку и цвѣтокъ

Ой, ой, ой! и цвѣтокъ!

Ой, ой, ой! и цвѣтокъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 12, мнѣ известны два варианта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача, ч. 1 стр. 48, гдѣ каждыя два стиха соединены въ одинъ. Второй былъ записанъ со словъ Веневскихъ поселянь.

Какъ пошли наши подружки,
Какъ пошли наши голубки,
Въ лѣсъ по ягоды гулять,
Цвѣты алые срывать.

Свю, ввю, цвѣты алые срывать!
Какъ пошли наши подружки,
Какъ пошли наши голубки,
По черную черничку,
По красну земляничку.

Свю, ввю, по красну земляничку!
Подружки ягоды не набрали,
Красну дѣвку потеряли,
Какъ любимую подружку,
Свѣтъ душу Катеринушку.

Свю, ввю, свѣтъ душу Катеринушку!
Не то въ лѣсѣ заблудилась,
Не то въ травѣ зацѣлалась,
Не то въ сыры боры отошла,
Не то въ круты горы утекла.

Свю, ввю, въ круты горы утекла!
Какъ бы въ лѣсѣ заблудилась,
То бы лѣсы приклонились;
Какъ бы въ травѣ зацѣлалась,
Трава-бѣ шелкомъ повилалась.

Свю, ввю, шелкомъ повилалась!

Какъ бы въ сыры боры отошла,
 Сыры боры разступились;
 Какъ бы въ круты горы утѣла,
 Круты-бъ горы пошатнулись,

Сью, вью, горы пошатнулись!
 Какъ пошли наши подружки,
 Какъ пошли наши голубки,
 Вдоль по улицъ тропинькой
 Прямо въ лѣсъ гулять.

Сью, вью, въ лѣсъ гулять!
 Во лѣсу нашли по елочки,
 Подъ елинкою кровать,
 На кровати-то перина,
 На перинѣ-то свѣтъ Катерина.

Сью, вью, свѣтъ Катерина!
 Передъ ней стоитъ дѣтина,
 Овъ и проситъ Катерину:
 Коли любишь, такъ скажи,
 А не любишь, откажи!

Сью, вью, откажи!
 Я любить, не люблю,
 Отказать не хочу;
 Полюбю тогда дружка,
 Когда вздумаю замужъ.
 Сью, вью, вздумаю замужъ!

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 13,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
 ный въ собраніи пѣсень Прача, ч. 1, стр.
 37, гдѣ каждый два стиха соединены въ
 одинъ.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 14,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ, записанный
 со словъ Зарайскихъ поселенъ.

Ой, на горѣ, горѣ дубъ,
 На горѣ была береза;
 Подъ горою, подѣ крутою
 Рѣчка протекала;
 Рѣчка, рѣчка неглубокая,
 Водница студеная;
 Нельзя, нельзя воды пить,
 Нельзя почерпнуть.

Ой на горѣ, горѣ дубъ,
 На горѣ была береза;
 Подѣ горою, подѣ крутою
 Деревня лежить;
 Какъ у стараго мужа
 Жена молодая;
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя поучити.
 Я видѣ жену одинъ часъ,

А плакала недѣлю,
 Сушила, крушила ясны очи
 По четыре ночи.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 15,
 мнѣ известны два варианта. Первый былъ
 напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача, ч.
 1, стр. 44; второй записанъ со словъ посе-
 ленъ Алексинскаго уѣзда. Измѣненія встрѣ-
 чаются самыя неважныя: вмѣсто—Во Му-
 ромскихъ во лѣсахъ—Во Донскихъ во лѣ-
 сахъ—Во Московскихъ во лѣсахъ. Конечъ
 пѣсни составляютъ такія выраженія, какія
 у насъ не печатаются.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 16,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ, напечатан-
 ный въ собраніи пѣсень Прача, ч. 1, стр.
 45. Въ селеніяхъ Тульскаго уѣзда эту пѣ-
 сню поютъ всегда на Успенскій день.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 17,
 мнѣ известны два варианта. Первый былъ
 напечатанъ въ собраніи пѣсень Прача ч. 1,
 стр. 46; второй записанъ со словъ посе-
 ленъ Одоевского уѣзда.

Ай, во садикъ, саду зеленомъ,
 Люблю, люблю садовую, ртуну зеленую,
 Люблю, люблю дѣвку веселую,
 На крутомъ берегу дѣвка стоитъ,
 Сама дѣвка рѣчи говорить:
 Аль я безсчастлива, дѣвка безталанна!
 Сговорила меня мать, за крестьянина от-
 дать,
 Не быть, не бывать, замужъ не отдать,
 Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
 Нейду, осударыня, замужъ за крестьянина.

Продолженіе пѣсни одинаково съ помѣ-
 щенною въ текстъ, только конечъ измѣненъ.

Иду, иду матушка, иду осударыня,
 Иду, осударыня, замужъ за барина,
 Что баринъ за охотой гонять,
 А я, младая, нѣ околицѣ гулять.

Для пѣсни, напечатанной подѣ № 18,
 мнѣ известенъ одинъ вариантъ напечатан-
 ный въ собраніи пѣсень Прача, ч. 1, стр. 49,
 гдѣ есть припѣва. Въ Тульскомъ уѣздѣ я
 два раза слышалъ, какъ эту пѣсню пѣли
 на праздникъ Бабьяго лѣта. Въ пляскѣ
 участвовали тогда однѣ женщины.

Для песни, напечатанной под № 19, мне известны три варианта. Первый был напечатан в собрании песен Праца, ч. 1, стр. 50. Второй записан со слов по-селян Мещерского уезда.

Какъ жилъ я молодецъ
Во своей деревнѣ,
Живучи, все горевалъ.
Какъ заросла деревня
Зеленымъ лѣсомъ,
Зеленымъ лѣсомъ,
Горькимъ осинничкомъ.
По задворью дѣвица
По воду ходила...

Продолжение одинаково съ помѣщенною въ текстѣ песнею. Третій вариантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Бѣлевскаго уезда.

Молодецъ, молодецъ,
Жилъ молодецъ
На краю во деревнѣ,
Жилъ, горевалъ,
Веселья не видалъ.
Заросла наша деревня
И горами и долами,
И крутыми берегами.
По деревнѣ дѣвица
Водичу носила —
Коромысло кипарисно,
Ведецы дубовы,
Обручи кедровы.
Дѣвица рыдаетъ
Коромысло гнется,
Свѣжа вода льется.
Дѣтинушка былъ кудрявъ
На дѣвицу смотреть,
Ничего не молвить,
Тяжко воздыхаетъ.
Кабъ ты, дѣвица,
Смирно ходила,
Другихъ не любила,
Меня не сушила.

Продолжение этой песни тамъ не известно. Въ песнѣ, помѣщенной нами въ текстѣ, очевидно, что вторая половина выражаетъ какую-то двойственность и по смыслу и по содержанию. Действительно ли соединены двѣ песни въ одной, или конецъ потерялся въ Бѣлевской песнѣ, мы не беремся рѣшить до открытiя другихъ вариантовъ этой же песни.

Для песни, напечатанной под № 20, мне известно болѣе десяти вариантовъ; во всѣ они имѣютъ неважные измѣненiя; кромѣ того, что конецъ этой песни во многихъ песенникахъ не печатали — Праца, Кашиинъ и другiе. Народная пляска — сельская, сопровождающая эту песню, имѣетъ всѣ прелести; напротивъ того городская, настроенная затѣжными филлярами, представляеть ужасную каррикатуру, смѣшную до послѣдней возможности. Удивительно, какъ Русские стараются перенимать всѣ нелѣпыя гримасы отъ филляровъ! Мы исчисляемъ здѣсь только одни прибавочные стихи:

По улицѣ мостовой,
Шла дѣвица за водой,
Въ шубочкѣ голевой,
И повязка голубая,
Въ косѣ лента золотая.

Красавица подожди.
Бѣлы руки подожди.

Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
Веселѣе намъ съ тобой;
Я рука съ рукой пойду,
Въ оранжерею я зайду,
Пару персиковъ сорву,
Тебя, мой другъ, подарю.

Волга рѣченька быстра
Скоро судно пронесла,
Суденышко вдаль, вдаль,
А мнѣ дружка жалъ, жалъ;
Суденышко во Москву,
А я, млада, во тоску;
Суденышко во вучилу,
А я, млада, во кручину.
Суденышко потонуло,
А я, млада, воздохнула.

Для песни, напечатанной под № 22, мне известенъ одинъ вариантъ, напечатанный въ песенникѣ, известномъ подъ заглавiемъ: «Русскiя песни, сочиненныя въ селѣ Спасскомъ.» Тамъ эта песня была напечатана съ сохраненiемъ народнаго правописанiя.

Для песни, напечатанной под № 23, мне известенъ одинъ вариантъ, записанный со словъ Тульскихъ крестьянниковъ:

Досуждал дзетка
 Всю ночку не спала,
 Сидѣла да прядла.
 Пряди, моя пряха,
 Пряди, не леняся,
 Пряхица не рвися.
 Я бы рада прядла
 Да льну не достало,
 Къ тому-жъ льнь падала,
 Мила друга ждала.
 Меня звали въ гости,
 Во шпръ во бесѣду
 Къ милому сосѣду.
 Приѣхали трои
 На вороныхъ коняхъ,
 Въ бѣлыхъ балахонахъ,
 Шапы-то съ углами,
 Головки съ кудрями.
 Какъ мой-то тутъ милый
 Бѣлой, кудряватой,
 Холость, неженатой.
 Бывало мой милый,
 Бывало хороший,
 Часто въ гости ходитъ,
 Гостинички поситъ:
 Прянички, грездочки
 На сладкомъ медочку,
 Орѣшки калены,
 Милымъ подарены,
 Съ Москвы привезены.
 Зеленая роца
 Всю ночь прошумѣла;
 Тесова кроватка
 Всю ночь проскрипѣла;
 А я, молоденька,
 Всю ночку не спала,
 Постелюшку стлала,
 Мила дружка ждала,
 Ждала, поджидала,
 Насилу дождалася,
 Цѣловать бросалася.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 26
 мы известень одинъ вариантъ, записанный
 со словъ поселенъ Касимовскаго уезда.

Вотъ на улицѣ шумятъ,
 Сарафанъ бабы дѣлятъ;
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Кому клинъ сулятъ, кому станъ,
 Кому весь ужъ сарафанъ!
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Ужъ большинъ-то господамъ

Т. I. Ч. III.

На поппы лошадемъ;
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣ
 ужъ боярскимъ дочерямъ,
 На шервинки женихамъ.
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Выходила молода
 На зелены на луга,
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Поразхвасталася она
 Передъ всеми людьми:
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Какъ вечеръ мой милый
 Провожалъ меня домой,
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Провожалъ меня домой,
 Цѣловалъ, да миловалъ,
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Крепко къ сердцу прижималъ,
 И подружкой называлъ.
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Ты, подруженька моя,
 Вѣрно любилъ-ли меня?
 Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
 Я дружка давно люблю,
 Не могу дружка забыть.
 Ой вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 28,
 мы известень одинъ вариантъ, записанный
 со словъ Крапивенскихъ поселенъ:

Пойду млада по Дунаю,
 Погуляю млада по тихому;
 Зайду млада во бесѣду,
 Зайду млада во смиренну.
 Во бесѣдъ свѣтъ старой,
 Мой мужъ постылой;
 На колѣняхъ держитъ гусли,
 Стары гусли, лубяныя,
 На гуслицяхъ струны,
 Стары струны, мочальбыя.
 Старой въ гусли играеть,
 Мое сердце поеть, забываеть,
 Мои ноги подломидся,
 Бѣлы руки овустидся,
 Ясны очи потупидся.
 Пойду млада по Дунаю,
 Погуляю млада по тихому;
 Зайду млада во бесѣду,
 Зайду млада во веселую.
 Во бесѣдъ сидитъ молодой,
 Мой-то милый, любезной;
 На колѣняхъ держитъ гусли,
 Новы гусли, звончатые,

14

На гуслицахъ струны,
 Новы струны, золотыя.
 Молодойъ въ гусли играетъ,
 Мое сердце шевелитъ,
 Скоры ноги разплясались,
 Бѣлы руки размахались,
 Очи ясны разглядѣлись.

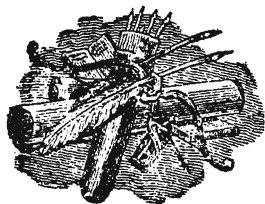
Для пѣсни, напечатанной подлѣ № 30,
 мнѣ извѣстенъ одинъ вариантъ, напечатан-
 ный въ собраніи пѣсень Праща, ч. 2, стр.
 50, гдѣ находится особенный припѣвъ.

Ой калина! Ой малина!

Верь, впрь, вьюны, вьюны, вьютъ,

Верь, впрь, вьюшки, вьюшки, вьютъ.

Ой калина! Ой малина!

РУССКІЯ

СВАДЕБНЫЯ ПЪСНИ.

1. ПЪСНИ СГОВОРНЫЯ.

1.

Ты камочка, камочка моя,
Ты камка мѣлкотравчатая!
Не давайся разсертываться
Ни по атласу, ни по бархату,
Ни по аксамиту на золотъ.
Какъ аксамитъ-то волю възьмь,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры высмотрѣль,
Всѣ круги позолоченые.
Ты, Машенька Ефимовна,
Не давайся насматриваться
Ни купцамъ, ни чернавцамъ,
Ни тому сыну боярскому.
Какъ боярской сынъ волю възьмь,
Онъ Машеньку за ручку брать,
Онъ Ефимовну за вѣлюю,
Онъ повелъ за дубовый столъ,
За скатерти бранныя,
За яства сахарныя.

2.

Звонко деревцо свирѣльное,
Звончей его во лѣсу нѣтъ;
Умное дитятко, Машенька,
Разумное дитятко, Ефимовна,
Умняй ее въ роду нѣтъ,
Крѣпче ее въ теремъ нѣтъ.
Вставала она ранешенько,
Умывалась бѣлешенько,
Румянилась алешенько,
Струнилась чернешенько,
Долго Богу молилась.
Будеть ли мой лютой свекоръ,
Каковъ родной батюшка?
Будеть ли лютая свекровушка,
Какова родная моя матушка?

Она думала, да и задумалась.
Приходила ее суженый Петръ,
Петръ, сударь, Петровицъ,
Онъ дарамн дарилъ,
Ласковыя рѣчи говорилъ.

3.

На зарѣ Иванъ, сударь, Петровицъ,
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь кудри,
Завивайтесь черныя!
Ужь, какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужь, какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ буду завивати,
Станеть завивати красна дѣвица.
А и матушка родимая
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну младому:
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ли мое, малое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадывай, не отгадывай.
Какова еще рука у дѣвцы?
Какова еще вѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ советъ да любовь,
Кудри сами стануть завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши, стануть развиваться.
Ужь, завьются-ли кудри,
Ужь, завьются-ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженныхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженныхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;

Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черны
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

4.

Какъ приходилъ батюшка во теремъ,
И онъ будилъ темнешенько,
Будилъ свое дитятко,
Будилъ свое милое:
Ты встань, Машенька,
Ты встань, Ефимов
Пойдемъ со мной за столъ.

Право, не слышу батюшка,
Право, мнѣ спать хочется;
Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.

Какъ приходила матушка во теремъ,
И она будила темнешенько,
Будила свое дитятко,
Будила свое милое:
Ты встань, Машенька,
Ты встань, Ефимовна,
Пойдемъ со мной за столъ.

Право не слышу матушка,
Право, мнѣ спать хочется;
Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.

Какъ приходилъ суженый во теремъ,
Приходилъ во высокъ ряженный,
И онъ будилъ темнешенько,
Будилъ Машеньку,
Будилъ свѣтъ, Ефимовну:
Я къ тебѣ, душа, приехалъ,
Я къ тебѣ гостей привезъ;
Пойдемъ со мной за столъ.

Право, слышу и вижу, сударь,
Право, встану, сударь,
Право, мнѣ спать не хочется;
Иду съ тобой, сударь, за столъ;
Мнѣ тамъ дѣло есть;
Безъ меня и людей тамъ нѣтъ.

5.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будила ее, побуживала
Ты, Машенька, пойдемъ домой?
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой?

Я неиду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:

Машенька, пойдемъ домой?
Ефимовна, пойдемъ домой?

Я неиду и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней Петръ,
Петръ, сударь, Петровицъ,
Будила ее, побуживала;
Машенька, пойдемъ домой?
Душа Ефимовна, пойдемъ домой?

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

6.

Какъ во Кремль было во городъ,
Во палатѣ въаокаменной,
На коврѣ на красномъ золотомъ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Какъ Петръ, сударь, чесалъ кудри,
Чесалъ кудри, приговаривалъ,
Какъ Петровицъ чесалъ черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Прилегайте кудри черныя,
Къ моему лицу вълому,
Къ моему-ль лицу румяному.
Привыкай душа Машенька,
Привыкай свѣтъ Ефимовна,
Къ моему уму разуму,
Ко нраву молодецкому,
Къ обычаю княженецкому.
Что Машенькѣ за досаду показалося,
Что Ефимовнѣ за великую показалося;
Привыкать ей не хотѣлося
Ко нраву молодецкому,
Ко обычаю княженецкому.

7.

Вдоль по улицѣ пыль летитъ,
Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;

Онъ весь въ позументахъ,
 Въ большихъ баргаментахъ.
 Не узнала теща,
 Не узнала голубка,
 Чѣмъ зятя даритъ.
 Подарю я своего зятя,
 Подарю я своего свѣта,
 Большимъ подаркомъ:
 Персидскимъ платочкомъ.
 Зять даровъ не принимаетъ,
 Спасиво не кажетъ,
 Челомъ не ударяетъ.

Вдоль по улицъ пыль летитъ,
 Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
 Онъ весь въ позументахъ,
 Въ большихъ баргаментахъ.
 Не узнала теща,
 Не узнала голубка,
 Чѣмъ зятя даритъ.
 Подарю я своего зятя,
 Подарю я своего свѣта,
 Большимъ подаркомъ:
 Конемъ воронымъ.
 Зять даровъ не принимаетъ,
 Спасиво не кажетъ,
 Челомъ не ударяетъ.

Вдоль по улицъ пыль летитъ,
 Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
 Онъ весь въ позументахъ,
 Въ большихъ баргаментахъ.
 Не узнала теща,
 Не узнала голубка,
 Чѣмъ зятя даритъ.
 Подарю я своего зятя,
 Подарю я своего свѣта,
 Большимъ подаркомъ,
 Большимъ, дорогимъ:
 Я милою дитятею,
 Марью Ефимовную.
 Зять дары-то принимаетъ,
 Спасиво-то говоритъ,
 И челомъ-то ударяетъ.

8.

Снаряжайся душа, Машенька,
 Снаряжайся душа, Ефимовна,
 Во цвѣтно платьѣ одѣвайся,
 Ключевой водой умывайся,
 Бѣлыми бѣлилами бѣлись,
 Алыми румянымъ румянься,
 Черными сурмилами сурмися,
 Предъ зеркальцомъ стоючи,
 На свою косу глядячи,

Свою-ль русую расплетаячи.
 Какъ приѣхали, душа Машенька,
 Какъ приѣхали, сестъ Ефимовна,
 Къ тебѣ князья, бояре всѣ,
 Привезли съ собою молодца,
 Того-ль сына княжеченскаго,
 Петра Петровича,
 Хорошо снаряженнаго,
 Хорошо больно изукрашеннаго.
 Тебѣ съ нимъ не часъ часовати,
 Ужъ, тебѣ-ль съ нимъ не годовати,
 А тебѣ-ль съ нимъ вѣкъ вѣковати,
 Красу дѣвичью не вспоминати,
 Пасъ, красныхъ дѣвухекъ, позарывати.

9.

Свѣтилъ мѣсяцъ изъ облаковъ.
 Какъ же ему не свѣтлу бытъ?
 Богъ даровалъ ему красный день!
 Весель спитъ, Иванъ, господишь,
 Иванъ, сударь, Петровичъ.
 Какъ же ему невеселу бытъ?
 Богъ даровалъ ему суженую,
 Тещу ласковую, тещу тароватого,
 Шурни добраго, свояченицу красную,
 Новую, почетную родню.

10.

Что Ефимовъ дворъ—море,
 Что Гавриловичевъ дворъ—море,
 Что круты берега—его тесаный теремъ,
 Что сильны вѣтры—его крѣпки стражи,
 А у него на морѣ бѣлая рыбаца,
 Машенька Ефимовна.

Ловили ловцы,
 Купцы молодцы;
 Тѣ ловцы неудальцы,
 Невода у нихъ не шелковые,
 Крючья у нихъ не серебряныя.

Что Ефимовъ дворъ—море,
 Что Гавриловичевъ дворъ—море,
 Что круты берега—его тесаный теремъ,
 Что сильны вѣтры—его крѣпки стражи,
 А у него на морѣ бѣлая рыбаца,
 Машенька Ефимовна.

Ловили ловцы,
 Бояре молодцы;
 Тѣ ловцы всѣ удалцы:
 Невода у нихъ шелковые,
 Крючья у нихъ серебряныя.
 Поймали они бѣлую рыбаца,
 Поймали Марью Ефимовну,

Поймавши, за столъ сажали
Со Петромъ да Петровичемъ.

11.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выросло деревцо кппарисное.
На то ли деревцо соловьямъ былъ слеть,
Молодымъ былъ слеть.
Какъ ко Ефиму во теремъ
Былъ боярамъ съзѣдъ,
Молодымъ былъ съзѣдъ;
Какъ у Ефима-то дитя,
Марья, душа, Ефимовна,
Умное, разумное,
Въжливое, привѣтливое.
По утру встанетъ ранешенько,
Умоется бѣлымъ-бѣлешенько,
Одвнется чистымъ-чистешенько,
Помолится Богу незешенько.
Ужь, про то ли бояре прослышали,
Ужь, про то ли провѣдали,
Приехали ко Ефиму во теремъ,
Ко Гавриловичу во высокъ,
Хотятъ ее съ собой взять:
Не близко, не далеко,
Во Божью церковь,
Съ молодымъ княземъ рядомъ поставити,
Со Петромъ Петровичемъ,
Золоты дѣвцы положить.

12.

Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдай въ дорого сѣдло,
Сядись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Повзжай къ тестеву двору;
Ты дари его бархатомъ,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Иванову.
Тестъ бархата не привимаешь,
И словечка не отвѣчаешь.

Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдай въ дорого сѣдло,
Сядись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Повзжай къ тецину двору;
Ты дари ее золотой парчей,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Иванову.

Теща золотой парчи не принимаетъ,
И словечка не отвѣчаетъ.

Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдай въ дорого сѣдло,
Сядись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Повзжай ко терему высокому,
Къ душѣ красной дѣвцѣ,
Къ Марьѣ Ивановнѣ.
Ты дари ее золотымъ кольцомъ,
Золотымъ кольцомъ съ алмазамъ,
Золотымъ вѣнцомъ съ яхонтами;
Ты зови ее съ собой.
Машенька беретъ дары,
Ивановна беретъ золоты,
Сама молвитъ словечушко:
Эти дары мнѣ по сердцу,
Эти золоты мнѣ по душѣ;
Хоть не хочется, а съ тобой ѣдется.

13.

Слетались соколы,
Слетались ясныя,
Во чисто поле, во зеленое,
Ко дубику ко высокому;
Съѣзжались князья, бояре,
Ко Ефимову двору,
Къ Гавриловичеву ко широкому,
Кликали громкимъ голосомъ:
Ой ты, Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ!
Къ тебѣ ли мы приехали
Не гостить, не праздновати,
Не больше пиры подымати,
Не крѣпку думушку думати;
А мы слышали, слышали,
Добры люди намъ сказывали:
У тебя ли во высокомъ терему,
У тебя ли въ изукрашенномъ,
Есть красна дѣвица душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна;
Ужь, она-ль хороша, пригожа,
Лучше ее въ городѣ нѣтъ,
Умнѣй ее въ роду нѣтъ!
Она-то намъ и надобна,
Для ней то мы и приехали
Съ Петромъ съ господиномъ,
Съ Петромъ Петровичемъ.

14.

У Ивана у Петровича
Новыя свини разрѣшетилися,

НОВЫЯ КРЫЛЕЧКИ ПОПАВѢСИЛИСЯ;
 ЧТО ИЗЪ ТѢХЪ ЛЯ, ИЗЪ НОВЫХЪ СЫНЕЙ
 ВЫЛЕТАЛА ПТАШЕЧКА, ПЕРЕПЕЛЫЧКА,
 ПЕРЕПЕЛЫЧКА, СВѢТЬ АННУШКА,
 ЗЛАТОКРЫЛАЯ ИВАНОВНА.
 КАКЪ НА ВСТРѢЧУ ЕЙ ИДЕТЬ
 БАТЮШКА РОДИМЫЙ,
 ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ,
 ИДЕТЬ, САМЪ ПРИГОВАРИВАЕТЪ:
 ТЫ ЗА ЧѢМЪ РАНО ВОШЪ ВЫЛЕТАЕШЬ?
 ВОШЪ ВЫЛЕТАЕШЬ ИЗЪ ВЫСОКАГО ТЕРЕМА,
 ИЗЪ ВЫСОКАГО ТЕРЕМА, ИЗЪ КОСЯЩЕТА ОКО-
 ШЕЧКА?

ОТВѢТЬ ДЕРЖИТЬ АННА, СВѢТЬ ИВАНОВНА:

НЕ САМА Я ВЫЛЕТАЮ,
 НЕ СВОЕЮ Я ОХОТЮ;
 ВЫДАЕТЪ МЕНЯ, СУДАРЬ, БАТЮШКА,
 СНАРЯЖАЕТЪ РОДНА МАТУШКА,
 КЪ ЧУЖОМУ ОЦУ, КЪ МАТЕРИ.
 КЪ ЧУЖОМУ РОДУ ПЛЕМЕНИ.

15.

СЪ РАННЕЙ УТРЕННЕЙ ЗАРИ
 СТОЯЛИ КОНИ НА ДВОРѢ.
 НИКТО ПРО ТѢХЪ КОНЕЙ НЕ ЗНАЕТЪ,
 НИКТО ПРО ТѢХЪ КОНЕЙ НЕ ВѢДАЕТЪ;
 ОДНА ЗНАЛА, СПОЗНАЛА МАШЕНЬКА,
 МАШЕНЬКА, СВѢТЬ ЕФИМОВНА.
 БРАЛА КОНЕЙ ЗА ПОВОДЫ,
 СТАВИЛА КОНЕЙ ВО СТОЙЛА,
 СЫПАЛА САХАРЪ ВМѢСТО ОВСА,
 ЛИЛА СЫТУ ВМѢСТО ВОДЫ,
 ОТОПЕДШИ, КОНЯМЪ КЛАНЯЛАСЬ:
 УЖЪ, ВЫ КУШАЙТЕ, ПЕЙТЕ КОНИ МОИ!
 ЗАВТРА ПО УТРУ СВЕЗИТЕ МЕНЯ
 ДАЛѢ, ПОДАЛѢ ОТЪ БАТЮШКИ,
 БЛИЖЕ ПОБЛИЖЕ КЪ СВЕКРУ ВЪ ДОМѢ.

СЪ РАННЕЙ УТРЕННЕЙ ЗАРИ
 СТОЯЛИ КОНИ НА ДВОРѢ.
 НИКТО ПРО ТѢХЪ КОНЕЙ НЕ ЗНАЕТЪ,
 НИКТО ПРО ТѢХЪ КОНЕЙ НЕ ВѢДАЕТЪ;
 ОДНА ЗНАЛА, СПОЗНАЛА МАШЕНЬКА,
 МАШЕНЬКА, СВѢТЬ ЕФИМОВНА.
 БРАЛА КОНЕЙ ЗА ПОВОДЫ,
 СТАВИЛА КОНЕЙ ВО СТОЙЛА,
 СЫПАЛА САХАРЪ ВМѢСТО ОВСА,
 БРАЛА СЫТУ ВМѢСТО ВОДЫ,
 ОТОПЕДШИ КОНЯМЪ КЛАНЯЛАСЬ:
 УЖЪ, ВЫ КУШАЙТЕ, ПЕЙТЕ КОНИ МОИ!
 ЗАВТРА ПО УТРУ СВЕЗИТЕ МЕНЯ,
 ДАЛѢ, ПОДАЛѢ ОТЪ МАТУШКИ,
 БЛИЖЕ, ПОБЛИЖЕ КЪ СВЕКРОВИ ВЪ ДОМѢ.

16.

КАКЪ ВЪХАЛЪ ИВАНЪ КО ТЕЩЕНУ ДВОРУ,
 КАКЪ ВЪХАЛЪ ПЕТРОВИЧЪ КО ШИРОКОМУ,
 КЛАНЯЛСЯ ТЕЩЕНЬКЪ НИЗЕХОНЫКО:
 СПРАШИВАЛЪ ТЕЩЕНЬКУ СМЫНХОНЫКО:
 ТЫ ТЕЩА МОЯ, ТЕЩА ЛАСКОВАЯ!
 ТЫ СКАЖИ МНѢ ПРАВДУ ВСЮ:
 ЗДОРОВА ЛИ МОЯ СУЖЕНАЯ?
 ПРЫГАЕТЪ ЛЯ МОЯ РЯЖЕНАЯ?
 ДА КОГДА-ЖЕ ОНА ПРИѢДЕТЬ КО МНѢ?
 ЗЯТЬ ТЫ МОЙ, ЗЯТЮШКА,
 ЗЯТЬ ТЫ МОЙ, ПОКЛОНИСТОЙ!
 СКАЖУ ТЕБѢ ПРАВДУ ВСЮ:
 ЗДОРОВА, НЕ ЗДОРОВА ОНА,
 ПРЫГАЕТЪ, НЕ ПРЫГАЕТЪ ОНА,
 А ПРИѢДЕТЬ, КОГДА БОГЪ ВЕЛИТЬ.

КАКЪ ВЪХАЛЪ ИВАНЪ КЪ ТЕЩЕНУ ДВОРУ,
 КАКЪ ВЪХАЛЪ ПЕТРОВИЧЪ КО ШИРОКОМУ
 КЛАНЯЛСЯ ТЕЩЕНЬКЪ НИЗЕХОНЫКО,
 СПРАШИВАЛЪ ТЕЩЕНЬКУ ТИШЕ ТОГО:

ТЫ ТЕЩА МОЯ, ТЕЩА ЛАСКОВАЯ!
 ТЫ СКАЖИ МНѢ ПРАВДУ ВСЮ:
 СПИТЬ ЛЯ, НЕ СПИТЬ ЛЯ ОНА?
 КОЛИ СПИТЬ, НЕ БУДИТЕ ЕЕ,
 КОЛИ НЕ СПИТЬ, ВСТРѢТИЛА БЫ МЕНЯ.
 ЗЯТЬ ТЫ МОЙ, ЗЯТЮШКА,
 ЗЯТЬ ТЫ МОЙ, ПОКЛОНИСТОЙ!
 СКАЖУ ТЕБѢ ПРАВДУ ВСЮ:
 НЕ СПИТЬ ОНА, А ДРЕМЛЕЕТЪ,
 А БУДИТЕ НЕ ВЕЛѢЛА СЕБЯ,
 НЕ СПИТЬ И НЕ ВСТРѢТИТЬ ТЕБЯ.

КАКЪ ВЪХАЛЪ ИВАНЪ КЪ ТЕЩЕНУ ДВОРУ,
 КАКЪ ВЪХАЛЪ ПЕТРОВИЧЪ КО ШИРОКОМУ,
 КЛАНЯЛСЯ ТЕЩЕНЬКЪ ДО ЗЕМЛИ.

СПРАШИВАЛЪ ТЕЩЕНЬКУ ПОЩЕПТОМЪ:
 ТЫ ТЕЩА МОЯ, ТЕЩА ЛАСКОВАЯ!
 ТЫ СКАЖИ МНѢ ПРАВДУ ВСЮ:
 ВО ПИРУ-ЛѢ МОЯ РЯЖЕНАЯ?
 НЕ ГУЛЯЕТЪ ЛИ ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ САДУ?
 НЕ СРЫВАЕТЪ ЛИ АЛЫ ЦВѢТЫ?
 НЕ РВЕТЪ ЛИ ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ?
 ОЙ ЗЯТЬ, ТЫ МОЙ ЗЯТЮШКА,
 ОЙ ЗЯТЬ, ТЫ МОЙ ПОКЛОНИСТОЙ!
 УЖЪ, КАКЪ ТЫ-ЛѢ ЗЯТЬ НИЗКО КЛАНЯЕШЬСЯ,
 НИЗКО, НИЗЕХОНЫКО, ДО ЗЕМЛИ.
 НЕ СКАЗАВШИ ПРАВДУ, СКАЖЕШЬСЯ,
 НЕ МОЛВИВШИ, МОЛВИВШЬ ВСЕ:
 ТВОЯ СУЖЕНАЯ, ТВОЯ ЛЯ РЯЖЕНАЯ
 ГУЛЯЕТЪ ВО ЗЕЛЕНОМЪ САДУ,
 РВЕТЪ ЦВѢТНИКИ АЛЕНЬКІЕ,
 СРЫВАЕТЪ ЦВѢТНИКИ ЛАЗОРЕВЫЕ,

Плететь вѣночекъ тебѣ,
Она ждетъ тебя къ себѣ.

17.

Стоитъ на горѣ вѣль шатеръ,
Шатеръ вѣль, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у васъ ли на снѣмѣ
Корабль плыветъ,
Корабль съ чистымъ серебромъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!

Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ вѣль шатеръ,
Шатеръ вѣль, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ:
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на снѣмѣ
Корабль плыветъ.

Корабль съ краснымъ золотомъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ вѣль шатеръ,
Шатеръ вѣль, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись,
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на снѣмѣ
Корабль плыветъ,
Корабль съ красной дѣвицей,
Машенькой, душой Ивановной.

Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.
И мы встанемъ те, пойдемъ те,
Къ себѣ въ домъ его перейдемъ те.

18.

Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пироги о пироги,
Не пробивайте вы меня вѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, къ чужой матети.
Какъ чужие-то отецъ съ матерью
Безжалостныи уродились:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусь-то я у нихъ, вѣдая,
Ко конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

19.

Голубушки мои вѣлыя, подруженьки!
Приступитесь ко мнѣ горько вѣдненькой,
Посоветуйте-ко мнѣ горюшко мыкать,
Не значай-то ко мнѣ горе привалилося,
Приключилося мнѣ горе немалое:
Запоручилъ-то меня, дѣвицу красную,
Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Запоручилъ-то меня вѣдну горькую,
Красно солнышко родима матушка,
За поруки за крѣпкия,
За замки вѣковѣчныя.

20.

Подит-ка ты сюда, родима тетюшка,
Тетюшка моя, ты, Анна Васильевна?
Не знаешь, не ведаешь моего горя великаго:
Ко мнѣ горе прикачнулося, да немалое,
Какъ продумали меня, вѣдну горькую,
Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка,
На чужу дальню сторонушку,
Къ чужому-то отцу, къ чужой матери.

21.

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Куда вы меня пробиваете?
Аль я у васъ не работница?
Аль я у васъ не заботница?

22.

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Полъ косящегымъ окопечкомъ,
Сидѣла красна дѣвица, душа,
Похвалялася похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:

Что не взять, не взять Алексью меня,
 Что не взять, не взять Васильевичу?
 Что ни стоишь рублей, ни тысячей,
 Ни поместьемъ, большой вотчиной?
 Какъ усилялся Алексѣй, господишь,
 Похваляю ея великую:
 Не хвалюся красна дѣвица, душа,
 Светъ Евросинья Васильевна!
 Я возьму тебя за себя,
 И безъ ста рублей, безъ тысячи,
 Безъ поместьевъ, большой вотчины;
 Я самъ-самъ приду съ боярами,
 Я восьмую возьму свашеньку,
 И девятую присватаю,
 Я десятую тебя за себя;
 Я возьму тебя за праву руку,
 Победу тебя къ суду Божьему,
 Къ суду Божьему, ко злату звенцу,
 Отъ злата звнца, къ себѣ на дворъ.
 Еще вотъ тебѣ, батюшка,
 Векочная ключница!
 Еще вотъ тебѣ, матушка,
 Векочная платьемойница!
 Ужь, какъ мнѣ ли, молодцу,
 Векочная молода жена!

23.

Какъ у Настеньки матушка,
 Недобра была, неласкова,
 У Васильевны родная
 Недобра, непривѣтлива;
 Посылала ея матушка
 Во сырой боръ по ягоды:
 Выбери себѣ, дитятко,
 Ты изъ ягоды ягоду,
 Изъ калины калинушку,
 Изъ черной ягоды смородинку.

Какъ у Настеньки матушка
 И добра была и ласкова,
 У Васильевны родная
 И добра и привѣтлива;
 Посылала ея матушка
 Во высокъ теремъ бояръ смотреть:
 Выбери себѣ, дитятко,
 Изъ князей себѣ князя,
 Изъ бояръ себѣ боярина,
 Изъ ратныхъ ратнаго,
 Изъ приказа приказныхъ,
 Или изъ чина посадскаго.

Какъ идетъ ея дитятко,
 Скоры ноги подгибаются,
 Былы руки опускаются,
 Очи ясны помутилися,

Т. I. Ч. III.

Горючи слезы катилися.
 Я не выбрала, матушка,
 Лучше чину посадскаго.

24.

Ты рѣка-ль моя, рѣченька,
 Ты рѣка-ль моя, винная,
 Ты по сахару рѣка текла,
 По патакѣ разлибалася;
 У тебя ли, у рѣченьки,
 Берега были хрустальные,
 А пески были жемчужные;
 Какъ на томъ-ли на бережку,
 Что стоялъ белоотонкой шатеръ,
 Ужь какъ вышла дѣвица изъ терема,
 Что пришла ко бѣлу шатру,
 Что будила, побуживала
 Удалаго, добраго молодца:
 И ты встань, пробудись молодець,
 Пробудись душа, радость моя;
 Я не пить къ тебѣ и не ѣсть пришла,
 Я пришла позабавиться
 Въ полнтавры во золоты.
 Проиграла красна дѣвица,
 Проиграла золотъ перстень.
 Не въ досаду ли дѣвица?
 Проигрался светъ молодець,
 Проигралъ золоты часы,
 Не въ досаду ли добрый молодець,
 Не въ досаду ли светъ молодець?
 Не въ досаду ли мнѣ, дѣвица,
 Проиграла я, светъ дѣвица,
 Проиграла руку косу?
 Не въ досаду ли дѣвица,
 Не въ досаду ли красная,
 Не въ досаду ли и добрый молодець?

25.

Виноградъ, виноградъ разцвѣтаеть,
 А ягоды, а ягоды поспѣваютъ.
 Виноградъ — Иванъ, сударь,
 Виноградъ — Петровичъ;
 А ягоды, а ягоды Маланюшка,
 А ягоды, а ягоды Ивановна.
 И имъ люди, и имъ люди дивовалися,
 Что въ советъ, что въ любви сочеталися;
 И вы люди, и вы люди не дивуйтесь,
 И вы сами, и вы сами хороши уродилися,
 И чинкомъ, личикомъ бѣлешеньки,
 А разумомъ, а разумомъ умненьеньки.

26.

По двору, двору,
 По широкому двору,
 Ходить, тутъ гуляетъ

15

Сиво-глинистый голубчикъ,
Передъ нимъ гуляетъ,
Сиво-глиниста голубка,
Кличетъ, покликаетъ
Сиво-глинисту голубку:
Полети, лети
Сиво-глиниста голубка;
Я тебя люблю
За полеточку твою.

По снѣжамъ, снѣжамъ,
Да по новымъ по снѣжамъ
Ходить, тутъ гуляетъ
Александръ, сударь,
Да Васильевичъ;
Передъ нимъ гуляетъ
Да и Вѣрушка
Да и Петровна.
Кличетъ, покликаетъ
Объ Вѣрушку,
И Петровну:
Подъ сюда, сюда
Ты и Вѣрушка,
Да и Петровна.
Я тебя люблю
За походочку твою,
Да за частенькую.
Пройдешь душа радость,
Ты утѣшишь меня;
Слово, душа, скажешь,
Ты накормишь меня.

27

Отъ горницы, отъ горницы,
Да и до горницы
Лежать брусля, лежать брусля,
Неотесанные,
Неоскобленные;
По тѣмъ брусьямъ, по тѣмъ брусьямъ,
Шла Хрисинька,
Шла Михайловна.
Въ рукѣ несла, въ рукѣ несла
Зеленое вино,
Въ другой несла, въ другой несла
Меды ставленые,
Подъ мышкою, подъ мышкою
Бѣлъ крупитчатый калачъ.
За нею идетъ, за нею идетъ
Иванъ, сударь,
Да Ивановичъ.
Ты стой, постой, ты стой, постой
Хрисинька,
Да Михайловна;
Ты дай испить, ты дай испить
Зеленаго вина.

Ты дай запить, ты дай запить
Меду ставленнаго,
Ты дай заѣсть, ты дай заѣсть
Бѣлъ крупитчатый калачъ.
Не для тебя, не для дева
Я вино курила,
Не для тебя, не для тебя
Я меды ставила,
Не для тебя, не для тебя
Я калачъ пекла,
Калачъ крупитчатый.
Вино курила, вино курила
Для батюшки своего,
Батюшки роднаго;
Меды ставила, меды ставила
Для матушки своей,
Для матушки родимой;
Калачъ пекла, калачъ пекла
Я для брата своего,
Для брата родимата.
Бѣлъ заюшка, горностаюшка,
Куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть гдѣ?
Примана есть гдѣ?
Прилука моя, прилука моя
Зеленые луга,
Примана моя, примана моя
Ключевал вода.
Ты, Хрисинька моя,
Ты, Михайловна моя,
Куда идешь, куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть гдѣ?
Примана есть гдѣ?
Прилука моя, прилука моя
Ты Иванъ, сударь,
Примана моя, примана моя
Ты Ивановичъ.

28.

Ты заря-ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ой ляли, ляли, ляли,
Зорюшка вечерняя!
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Ой ляли, ляли, ляли,
Солнышко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,

Ой яли, яли, яли,
 Далеко осветило!
 Черезъ чистое поле,
 Черезъ синее море,
 Ой яли, яли, яли,
 Черезъ синее море!
 Черезъ быструю рѣку,
 Черезъ широкую рѣку,
 Ой яли, яли, яли,
 Черезъ широкую рѣку!
 Какъ на той, на рѣченьки
 Да лежала досечка,
 Ой яли, яли, яли,
 Да лежала досечка!
 И тонкая, и гибкая,
 И досечка дубовая,
 Ой яли, яли, яли,
 И досечка дубовая!
 Какъ по той, по досечки
 Никто не хаживалъ,
 Ни кого не важивалъ,
 Ой яли, яли, яли,
 Ни кого не важивалъ!
 Перешелъ Михаилъ, сударь,
 Перешелъ Гавриловичъ,
 Ой яли, яли, яли,
 Перешелъ Гавриловичъ;
 Перевелъ Аносыньку,
 Перевелъ Гавриловну,
 Ой яли, яли, яли,
 Перевелъ Гавриловну!
 Переведши, оны ее
 И цѣлуетъ, и милуетъ,
 Крѣпко къ сердцу прижимаетъ,
 Ой яли, яли, яли,
 Крѣпко къ сердцу прижимаетъ!
 Крѣпко къ сердцу прижимаетъ,
 Надеждою называетъ,
 Ой яли, яли, яли,
 Аносынькою называетъ!
 Другъ ты мой, Аносынька,
 Радость моя, Гавриловна
 Ой яли, яли, яли,
 Радость моя, Гавриловна!
 Ты меня состарѣла,
 Безъ ума поставила,
 Безъ великаго разума,
 Ой яли, яли, яли,
 Безъ великаго разума!
 Медомъ, брагою поила,
 За гостинцами дарила,
 Ой яли, яли, яли,

За гостинцами дарила!
 Рубашечка полотняна,
 Аносынька молодая,
 Ой яли, яли, яли,
 Гавриловна молодая,
 Рубашечка подарена,
 Аносынька стоворена,
 Ой яли, яли, яли,
 Аносынька стоворена!

29.

Ой ни чарочки по столыку, гремѣть,
 Ни ядовочки погоды говорятъ,
 Свѣтъ Сашенька ходитъ по терему,
 Ивановна ходитъ по высоку;
 Она ходитъ увирается,
 Въ цвѣтно платьѣ наряжается,
 Увиравшись, въ гости просится:
 Ужъ ты, мнеленькой,
 Хорошенькой дружокъ,
 Николай Андреевичъ,
 Ты пусти меня въ гости побывать
 Ко родимому батюшкѣ, ко родимой матушкѣ.
 Я давно, сударь, въ гостяхъ не была
 Отъ весны, сударь, до осени,
 Отъ утра, сударь, до вечера.
 Ты, радость умная, разумная моя,
 Александра Ивановна,
 Въ добрыхъ людяхъ такъ не водится,
 Убравши, въ гости не просятъ.
 Ты сама у меня гостя во дворѣ,
 При бесѣдушкѣ хозяйюшка въ дому,
 При компаньи похвала мнѣ молодцу.
 Еще ты у меня пивушка не пьешь,
 Зеленаго вина въ ротъ не берешь,
 Только кушаешь сладкой медъ,
 Сладкой медъ да сладку водочку,
 Сладку водочку — анисовую,
 Черезъ сахаръ перегоненную.

30.

Катеринушку въ гости зовутъ,
 Иванову во бесѣдушку.
 Алексѣй, сударь, Спиридоновичъ,
 Прикажи коляску заложить,
 Прикажи, сударь, Английскую.
 Я сей часъ, сударь, въ гости уберусь,
 Я сей часъ, сударь, въ гости сваряжусь,
 Я заставляю тебя работу работать:
 Дѣтей малыхъ въ колыбели качать,
 Меня младу среди двора встрѣчать,
 Среди двора широкаго,
 Супротивъ крыльца высокаго.

Что-то на улице стучать?
 Не моя ли Катериничка катить?
 Не моя ли Ивановна катить?
 Не полъ ней ли колысочка греметь?
 Не полъ ней ли Английская греметь?

31.

Александра матушка породила,
 Гаврилыча, родная, на великх денх,
 Въ луно заутреню, ровномъ
 Во мнх колокольникх, во пени церковное;
 А сама приговаривала будь дитяшко
 И полъ и румки котору будь счастливо,
 Ис невестамъ талашкиво!

32.

Петесанъ теремъ, петесанъ,
 Только хорошо украшенъ,
 Разными красками разблещенъ.
 Не учень Лука, не учень, Ивановичъ
 Только хорошо снаряженъ;
 Снаряжала его матушка,
 Отпущала въ гости къ тещенькх.
 Зеленъ — сосенька, желтый цвѣтъ!
 Почто тебя, Лука, дома нѣтъ,
 Почто тебя, Ивановичъ, дома нѣтъ?
 Ждала я тебя день, ждала другой,
 Не бывалъ, писала-бъ письмо, не смѣю,
 Послала-бъ посла, не смѣю;
 Сама-бъ я пошла, стыжуся,
 Роднаго батюшки боюся,
 Родной матушки крѣпоси.
 Ты, заря-ль моя, зорюшка,
 Ты, душа-ль моя, Прасковьюшка,
 Ты, душа-ль моя, Андреевна.
 Гогодомъ пришла зарею,
 Ко двору пришла тучею,
 Вдарила въ ворота бурею,
 Пустила по двору сильный дождь,
 Сама пошлая тучею,
 На крыльцо взошла цавою,
 Во новы сѣни лебедемъ,
 Во высокъ теремъ соколомъ,
 Садилась за столъ съ молодцомъ,
 Махнула платкомъ во теремъ.
 Вы раздайтесь болре,
 Разступитесь дворяне!
 Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
 Печенымъ даромъ — теремомъ.
 Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
 Будь великимъ даромъ — женикомъ,
 Вывонымъ дружкомъ Лукой,
 Вывонымъ дружкомъ Ивановичемъ.

33.

У воротъ трава росла,
 У воротъ шелковал,
 Кто ту траву топталъ,
 Кто ту топталъ шелковую?
 Ой ляли, ой ляли,
 Топталъ шелковую!
 Ай топталъ Николай, сударь,
 Ай топталъ Ивановичъ,
 Ой ляли, ой ляли,
 Топталъ Ивановичъ
 Онь искалъ перепелокъ,
 Молодыхъ коростельокъ
 Не нашель перепелокъ,
 Молодыхъ коростельокъ,
 Только нашель Алимпидаушкх,
 Только нашель Ивановну,
 Ой ляли, ой ляли,
 Нашель Алимпидаушкх
 Коростельку на тарьлку,
 Перепелку на влюдишко,
 Перепелку на влюдишко,
 Алимпидаушкх на рученьку,
 Ивановну на нраву:
 Посиди Ивановна
 У друга у милаго,
 У сердца у ретиваго,
 У Николая Ивановича.
 Ты лежишь, какъ душечка,
 Ты дышешь, какъ кунычка.
 Другъ ты мой, Алимпидаушка,
 Радость моя Ивановна,
 Ты меня состарьла,
 Безъ ума поставила,
 Безъ ума, безъ разума,
 Безъ великой памяти.

34.

Во саду ли, въ огородъ, во вишенюю,
 Ходить голубь, ходитъ сизый, со голубуш-
 кою,
 Что у голубя, что у сизаго золотая голова,
 Что у голубушки позолоченная.
 Что голубь, что сизый, то Андрей, сударь,
 Что голубь, что сизый, то Андреевичъ.
 Что голубушка, то Аннушка,
 Что голубушка, то Ивановна.
 Приходить къ нему товарищъ,
 Позавидовалъ ему:
 Какъ бы этака жена у меня душа была,
 Я-бъ не билъ бы, не бранилъ,

Порошку румянъ ей купишь,
 Набьнись моя надежда,
 Парумянься душа;
 Потъжай моя Надежда,
 Куда надобно тебя.
 Конн, конн вороные,
 Извозники молодые,
 Сани писаные,
 Узды визанья,
 Шлен строченья, позолоченья,
 Возжи лептовья, позументныя,
 На извозничкахъ перчаточки
 Алы серебряныя.
 На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся,
 На веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся:
 И того будетъ съ тебя, что и я у тебя,
 И того будетъ съ меня, что и ты у меня.

35.

Кто у насъ уменъ?

Кто у насъ разуменъ?

Ой яли, яли, яли,

Кто у насъ разуменъ!

Александръ, сударь, уменъ,

Васильевичъ разуменъ,

Ой яли, яли, яли,

Васильевичъ разуменъ!

Онъ хорошо ходитъ,

Манежно ступаетъ,

Ой яли, яли, яли,

Манежно ступаетъ!

Чулокъ не валяется,

Ой яли, яли, яли,

Чулокъ не валяется!

Бо ковиошеньку заходитъ,

Ворона коя выводитъ,

Ой яли, яли, яли,

Ворона коя выводитъ!

Ворона коя выводитъ,

Самъ его сѣдуетъ,

Ой яли, яли, яли,

Самъ его сѣдуетъ!

Па кони то садится,

Подъ нимъ конь веселится,

Ой яли, яли, яли,

Подъ нимъ конь веселится!

Онъ по лугу ѣдетъ — лугъ зеленѣетъ,

Вода-то лелѣетъ,

Ой яли, яли, яли,

Вода-то лелѣетъ!

Ко двору привѣзжаетъ,

Сестрица встрѣчаетъ,

Ой яли, яли, яли,

Сестрица встрѣчаетъ!

За ручку принимаетъ,

Рюмку водки наливаютъ,

Ой яли, яли, яли,

Рюмку водки наливаютъ!

Своему братцу подносятъ.

Не пью я хмельнаго,

Вину зеленого,

Ой яли,

Вина зеленого!

36.

Во горнице, по скамьи,

На дубовомъ на столѣ,

На шелковомъ на коврѣ,

Люли, люли,

На коврѣ, на коврѣ!

Стоитъ чара золотая,

Яли, яли,

Чара золотая!

Полна сытой налита.

Кому чару выпивать?

Выпивать чару Карну,

Люли, люли,

Трифовичу!

Остаточки Катеньки,

Люли, люли,

Васильевной!

Ты, Катенька, мой дружокъ,

Ты, Васильевна, мой животокъ,

Роди сына сокола,

Люли, люли,

Сына сокола!

А дочерь лебедку,

Люли, люли,

Лебедку!

Учи сына граматъ,

А дочерь шелкомъ шить;

Учи сына торговать,

А дочерь тонко прясть,

Люли, люли,

Тонко прясть!

37.

Во моемъ во сладочку,

Во моемъ во зеленомъ,

Тутъ ходила, гуляла

Молодая боярыня,

Молодая боярыня,

Афросинья Федоровна,

Рвала она цвѣточки,

Плела дѣвущкамъ вѣночки.

Какъ сказала Афросинья,
 Что Подикаргъ вдетъ,
 Что Трифонычъ домой вдетъ;
 Она бросила цветочки,
 Потоптала вночки,
 Среди двора встрѣчала,
 Целовала, миловала,
 Да всей правды не сказала.
 Я скажу тебѣ правду,
 Дай на новыхъ на свилухъ,
 На частыхъ переходахъ;
 Я рожу тебѣ сына,
 Что вѣлаго сыра.
 Я рожу тебѣ дочку
 Что вѣлаго свѣжочку;
 Тебѣ сынъ перемѣна,
 А мнѣ дочь перепутѣе,
 Куда я ни поѣду,
 Къ своей дочкѣ заѣду.

38.

Перевью тыномъ рѣку,
 Я тыномъ тынникою,
 Въ третій рядъ крапивкою.
 Заговню лебедя съ лебедкою.
 Почему знать лебедя?
 Почему знать лебедку?
 У лебедя золота голова,
 У лебедки серебряная.
 Лебедь Козьма, сударь,
 Лебедь да Антиповичъ,
 Лебедка Анисья,
 Сударыня Васильевна.
 Какъ просилась Анисьюшка
 У Козьмѣ на улицу,
 А Антипыча на широкую.
 Другъ ты мой, Анисья,
 Радость моя, Васильевна,
 Я тогда тебя пушчу
 Погулять на улицу,
 Поиграть на широкую,
 Когда родишь девять сыновъ,
 Когда родишь десятую дочь.
 Я тогда сама не пойду,
 Я тогда не подумаю;
 Я тогда сына женю,
 Я тогда сноху пушчу
 Погулять на улицу,
 Поиграть на широкую.

39.

Звонко звонятъ во Новгородѣ,
 Звончей того во каменной Москвѣ.
 Звонила звоны Алембидушка,

Звонила звоны Гавриловна,
 Мимо ѣхалъ тутъ Лука господинъ,
 Мимо ѣхалъ тутъ Львовичъ.
 Звона ея онъ заслушался,
 Красоты ея засмотрѣлся;
 Прѣхалъ домой, сталъ рассказывать:
 Видѣлъ я, матушка, свою суженую,
 Видѣлъ я, сударыня, свою ряженую;
 Ростомъ она и тонка и высока,
 Лицомъ она и бѣла и румяна,
 Бровью она почернѣе меня.

40.

Ай на дубчику два голубчика сидятъ,
 Промежъ себя рѣчи говорятъ,
 Ай ляли, ляли,
 Рѣчи говорятъ!

Промежъ себя рѣчи говорятъ,
 Про удалаго молодца, про Александра,

Ай ляли, ляли,

Про Александровича!

Какъ нѣтъ такого молодца,
 Что Александра Александровича;

Ай ляли, ляли,

Александровича!

Онъ съ рубаника на рубникъ ступалъ,
 По пяти рублей на улицу кидалъ,
 Десятью вороты зашпиралъ,
 Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ,

Ой ляли, ляли,

Сиротъ обдѣлялъ!

Вы сироты, помолите обо мнѣ
 Объ удаломъ молодцѣ, Александрѣ.

41.

Соловей клянушку щипеть,

Ой ляли, люли,

Щипеть!

Клянушку щипеть,

Соловушку клячетъ,

Ой люли, люли,

Клячетъ!

Петръ по комнатамъ ходитъ,
 Ивановичъ по новой гуляетъ,
 Онъ Сашеньку свою выкликаетъ,
 Онъ крепко рученьку прижимаетъ

Ой люли, люли,

Прижимаетъ!

42.

Конь воду выпивалъ,

Копытами выбивалъ,

Карпа Максимыча

Дома не случилось.

Повхалъ Максимовичъ,

Во Казань городъ гулять,
Привезь дѣвку Казанку,
Казанку, Казанку, Казанку!

Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Карпа Максимыча
Дома не случилось.
Похвалъ Карпъ, сударь,
Похвалъ Максимовичъ,
Во Рязань городъ гулять.
Привезь дѣвку Рязанку,
Рязанку, Рязанку, Рязанку!

Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Карпа Максимовича
Дома не случилось.
Похвалъ Карпъ, сударь,
Похвалъ Максимовичъ,
Во Москву городъ гулять.
Привезь дѣвку Московку,
Московку, Московку, Московку!
Ты, дѣвка Казанка,
Стыли намъ постелюшку;
Ты, дѣвка Рязанка,
Клади возголовникъ,
Ты Алямпя да Петровна
Ложись на постелюшку;
Ты, дѣвка Московка,
Одѣвай насъ одѣяицею.

43.

Какъ у мѣсяца золотые рога,
Какъ у солнышка лучи ясные.

Ай люли, люли,
Лучи ясные!

Лучи ясные, распрекрасные.
Какъ на комъ курди русые,
Курди русые, самородные?

Ай люли, люли,
Самородные!

Самородные, ненаемные,
По плечамъ лежать,
Словно жаръ горять,
Жениться велятъ,

Ой люли, люли,
Жениться велятъ!

На Григорью курди русые,
На Андреевичу самородные,

Ай люли, люли,
Ненаемные!

Женись, женись Григорій, сударь,
Ты женись, женись Андреевичъ.
Ты возьми, возьми дочь купеческую;

Она умница и разумница,
Ай люли, люли,
Умница и разумница!

Разумница и тамбурица,
Она шьетъ ковры на добры кони,

Ай люли, люли,
На добры кони!

На добры кони, на Григорьевы,
Ай люли, люли,
Андреевича!

44.

Пантелей, государь, ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому,
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболя на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку,
Суженая смотритъ изъ подъ-полога,
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема;
Бояре-то молвятъ: чей-то такой?
Боярыни молвятъ: чей-то господинъ?
А сужена молвитъ: мой дорогой!

45.

Вънули вѣтры да по полю,
Грянули вѣслы да по морю!
Пролились слезы Катериныны,
Пролились горькия Яковлевны:
Съ кѣмъ-то мнѣ думу думать?
Думу думать со роднымъ батюшкой:
Та мнѣ дума ни вѣрна, ни крѣпка,
Тѣ словеса не понравилися.
Думать думу съ родной матушкой:
Та мнѣ дума ни вѣрна, ни крѣпка,
Тѣ словеса не понравилися.
Думать думу съ Гурымъ княземъ,
Съ Гуромъ княземъ, Сергѣевичемъ:
Та мнѣ дума ни вѣрна ни крѣпка,
Тѣ словеса мнѣ понравилися.

46.

Сободемъ Прасковьюшка всѣ лѣса прошла,
Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ,
Въ путь катила, въ путь катила золотымъ
кольцомъ,

Прикатила, прикатила ко синю морю,
Всвиснула, взгаркнула громкимъ голосомъ:
Кто у насъ на морѣ перевозникомъ?

Кто бы меня, кто бы меня, дѣвицу,
Кто бы меня перевезъ на ту сторону?

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся Иванъ, господъ-
день.

Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту сто-
рону;

Я за тобою, за тобою КОРАБЛЬ ПРИШЛО,
КОРАБЛЬ ПРИШЛО, СУДНО КРЫКОЕ, КОЛЫХ-
ЛИКОЕ.

НЕ ПРИСЫЛАЙ ЗА МНОЙ СУДНА КРЫКАГО, КО-
ЛЫХЛИВАГО;

Я у БАТЮШКИ ДИТЯ ПУГЛИВОЕ, ТОРОПЛИВОЕ.
Я за тобою, я за тобою САМЪ ПРИЛЕЧУ,
САМЪ ПРИЛЕЧУ, ПОДЪ КРЫЛОМЪ УНЕСУ.
МНѢ ТА СТОРОНА, МНѢ ТА СТОРОНА ДАВНО МИЛА,
МНѢ ДАВНО МИЛА, СУДНО ПРИЦЕСЛА.

47.

АЙ ВО САДИКУ, САДИКУ,
ВО ЗЕЛЕНОМЪ ВИНОГРАДИКУ,
ЧТО КАТАЛИСЯ ДВА ЯБЛОЧКА,
ДВА ЯБЛОЧКА, ДВА САХОРНЫЯ,
НА СЕРЕБРЯНОМЪ БЛЮДЦЫКЪ.
ЧТО ПЕРВОЕ-ТО ЯБЛОЧКО,
ТО НИКОЛАЙ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ,
А ДРУГОЕ-ТО ЯБЛОЧКО,
ТО НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА.
НИКОЛАЙ, СУДАРЬ, ВДОЛЬ ПО УЛИЦѢ ИДЕТЬ,
ПЕТРОВИЧЪ ВДОЛЬ ПО ШИРОКОЙ ИДЕТЬ,
ВЪ ПРАВОЙ РУКѢ ВОРОНА КОНЯ ВЕДЕТЬ;
РАЗЫГРАЛСЯ ЕГО ДОБРЫЙ КОНЬ,
ОНЪ РАЗБИЛЪ СЕДЛО ЧЕРКАЗСКОЕ,
ПЕРЕРВАЛЪ УЗДУ ТЕСМЕНУЮ.
НАДЕЖДА У ВОРОТЪ ЕГО СТОИТЬ.
ТЫ, НАДЕЖДА, ПЕРЕЙМИ МОЕГО КОНЯ,
ТЫ, ДМИТРИЕВНА, КОПЯ ВОРОНАГО.
ЗАХОЧУ Я, СУДАРЬ, ПЕРЕЙМУ КОНЯ,
ЗАХОЧУ Я, СУДАРЬ, НЕ ПЕРЕЙМУ КОНЯ,
ДАВНО, МОЙ ДРУГЪ, СЕРДИТА НА ТЕБЯ,
ЧТО НЕ ХОДИШЬ, ДРУГЪ, НЕ ЖАЛУЕШЬ КО МНѢ,
НИ ЦѢЛУЕШЬ, НИ МИЛУЕШЬ, ДРУГЪ, МЕНЯ.
БЕЗЪ ТЕБЯ, МОЙ ДРУГЪ, ПОСТЕЛЯ ХОЛОДНА,
ОДѢВАНЦЕ ЗАВНДИВѢЛО, ИЗГОЛОВНИЦЕ ПОТО-
НУЛО ВО СЛЕЗАХЪ;
ТЕБЯ, МОЙ ДРУГЪ, ДОЖИДАЮЧИ,
Я НАДОСЫЛАСЯ РЫДАЮЧИ.

48.

У НАСЪ НЫНѢ РАНО, НА ЗАРЬ,
ЩЕКОТАЛА ЛАСТОЧКА НА ДВОРѢ,
ПЛАВАЛА ЛЕБЕДУШКА ПО ВОДѢ,
СИДѢЛА СВѢТЪ МАШЕНЬКА НА КАМПѢ,
СИДѢЛА ИВАНОВНА НА БЪЛОМЪ,
НА БЪЛОМЪ НА КАМУШКѢ СИДУЧИ,
СВОИ БѢЛЫ РУЧЕНЬКИ СХВАТЮЧИ,
НА КРУТОЙ НА БЕРЕЖЕКѢ ГЛЯДУЧИ,
ПО БЕРЕЖКУ ЦВѢТКИ РАЗЦВѢЛИ,
ПО ЦВѢТКАМЪ БАТЮШКА ГУЛЯЕТЪ.
ГУЛЯЙ, ГУЛЯЙ БАТЮШКО НЕ ДОЛГО,
СНИМИ МЕНЯ СЪ КАМУШКА СЪ БѢЛАГО,

СКУПИ МЕНЯ СЪ ПРАВИЛА ДРАГАГО.
У БАТЮШКИ ЖАЛОСТИ НЕ МНОГО:
НЕ СНЯГЪ МЕНЯ СЪ КАМУШКА БѢЛАГО,
НЕ СКУПИЛЪ МЕНЯ СЪ ПРАВИЛА ДРАГАГО.
У НАСЪ НЫНѢ РАНО, НА ЗАРЬ,
ЩЕКОТАЛА ЛАСТОЧКА НА ДВОРѢ,
ПЛАВАЛА ЛЕБЕДУШКА ПО ВОДѢ,
СИДѢЛА СВѢТЪ МАШЕНЬКА НА КАМПѢ,
СИДѢЛА ИВАНОВНА НА БЪЛОМЪ,
НА БЪЛОМЪ НА КАМУШКИ СИДУЧИ,
СВОИ БѢЛЫ РУЧЕНЬКИ СХВАТЮЧИ,
НА КРУТОЙ НА БЕРЕЖЕКѢ ГЛЯДУЧИ,
ПО БЕРЕЖКУ ЦВѢТКИ РАЗЦВѢЛИ,
ПО ЦВѢТКАМЪ ДАНИЛА ГУЛЯЕТЪ.
ГУЛЯЙ, ГУЛЯЙ ДАНИЛО НЕ ДОЛГО,
СНИМИ МЕНЯ СЪ КАМУШКА СЪ БѢЛАГО,
СКУПИ МЕНЯ СЪ ПРАВИЛА СЪ ДРАГАГО.
У ДАНИЛА ЖАЛОСТИ МНОГО,
У ПАНТЕЛЕВВИЧА ЖАЛОСТИ МНОГО;
ОНЪ СНИЛЪ МЕНЯ СЪ КАМУШКА БѢЛАГО,
ОНЪ СКУПИЛЪ МЕНЯ СЪ ПРАВИЛА ДРАГАГО.

49.

КТО У НАСЪ ХОЛОСТЪ ХОДИТЬ?
А КТО-ЖЕ У НАСЪ НЕЖЕНАТЬ?
АНТИПЪЙ, СУДАРЬ, ХОЛОСТЪ ХОДИТЬ,
ИВАНОВИЧЪ, СУДАРЬ, НЕЖЕНАТЬ.
ПОРА ЕМУ ЖЕНИТЬСЯ, НА ДОБРЫЙ КОНЬ САДИТЬ-
СЯ,
ПОРА ЕМУ ТХАТИ КО ТЕСТЕВУ КО ДВОРУ,
КО ТЕСТЕВУ КО ДВОРУ, КО ТЕЩЕНУ ТЕРЕМУ,
КЪ ТЕЩЕНУ ТЕРЕМУ, КО ДѢВИЦЕЙ КОМНАТЪ.
ТЫ, ДѢВИЦА, ОТОПРИ, КРАСАВИЦА ОТОПРИ?
Я РАДА БЫ ОТПЕРЛА, БОЮСЬ БАТЮШКИ,
БОЮСЬ БАТЮШКИ, ОПАСАЮСЬ МАТУШКИ.
СЪВЪЗЛАЕТЪ АНТИПЪЙ СО ШИРОКАГО ДВОРА,
СО ШИРОКАГО ДВОРА, СО ВЫСОКАГО ТЕРЕМА.
ТУТЪ ДѢВИЦА ОТПЕРЛАСЯ, КРАСАВИЦА ОТПЕРЛАСЯ.
АНТИПЪЙ, СУДАРЬ, ВОРОТИСЬ, ИВАНОВИЧЪ ВО-
РОТИСЬ?
Я РАДЪ БЫ ВОРОТИЛСЯ, МОЙ ДОБРЫЙ КОНЬ ВЪ
СТОИТЬ,
МОЙ ДОБРЫЙ КОНЬ НЕ СТОИТЬ, БУЙНЫЙ ВЪТЕРЬ
ШЛЯПУ РВЕТЬ,
БУЙНЫЙ ВЪТЕРЬ ШЛЯПУ РВЕТЬ, КРАСНО СОЛНЦЕ
ВЪ ЛИЦЕ СЖЕТЬ.

50.

ПО ЗАРЬ, ПО ЗОРИНЬКѢ,
МОЙ МИЛЪ ГУЛЯЕТЪ,
ОЙ ЛЯЛИ, ЛЯЛИ,
ПО ЗОРѢ МИЛЪ ГУЛЯЕТЪ!
ОНЪ ВО СКРИПЧОЧКУ ИГРАЕТЪ,
ВО СКРИПЧОЧКУ ВО КАМЕРОВУЮ,

Во другую во малиновую,
Табунъ стада загоняетъ.
Понграйте дѣвушки,
Понграйте красныя,
У родимаго батюшки,
Ой ляли, ляли,
У родимаго батюшки!

Я была игриба и шутлива,
Я уходомъ ухотила,
Цвѣтно платье уносила.
Передайте лодочку
На мою сторонушку,
На моей сторонушкѣ.
Встъ мои забавушки.
По зарѣ, по зоринькѣ,
Александръ гуляетъ,
Ой ляли, ляли,
Васильевичъ!

Онъ коней пару запрягаетъ,
За ворота вытѣкаетъ,
Его Устиньюшка провожаетъ,
Александръ провожаетъ.

51.

Какъ по снѣжмъ, снѣжкамъ,
По новымъ снѣжмъ, рѣшетчатымъ,
Ай ляли, ляли,
По снѣжмъ рѣшетчатымъ!
Тутъ ходила, гуляла,
Молодая боярыня, Афросинья Никифоровна,
Ай ляли, ляли,
Афросинья Никифоровна!

Она будила, пробуживала
Своего друга милого,
Ай ляли, ляли,
Своего друга милого!

Петра Петровича,
Молодаго, пригожаго,
Ай ляли, ляли,
Молодаго, пригожаго!

Ты встань, проснись,
Мой милый другъ,
Ай ляли, ляли,
Пробудись душа моя!

Я скажу тебѣ
Диковинку немаленькую;
Ай ляли, ляли,
Немаленькую!

Какъ на нашемъ на широкоемъ дворѣ
Не достало ворона коня,
Ай ляли, ляли,
Ворона коня!
Не достало ворона коня,

Какъ засохъ зеленый садъ,
Ай ляли, ляли,
Зеленый садъ!
Что съ лезонькой, съ отросточкой,
Съ отросточкой, съ зеленой вѣточкой,
Ай ляли, ляли,
Съ зеленой вѣточкой!

52.

У насъ было по двору,
У насъ по широкому
Ходишь, гуляешь молодецъ,
Захаръ Пантелевичъ,
Ой люли, люшеньки,
Захаръ Пантелевичъ!
Связалъ онъ буйную голову
Тафтою зеленою,
Ой люли, люшеньки,
Тафтою зеленою!

Тафтою зеленою,
Лентою широкую,
Ой люли, люшеньки,
Лентою широкую!

Увидѣла матушка
Съ высокаго терема
Изъ окошечка изъ краснаго,
Ой люли, люшеньки,
Изъ окошечка изъ краснаго!

Да чье-жъ это дитятко?
Да чье-жъ это милое?
Ой люли, люшеньки,
Да чье-жъ это милое!

Твое, твоё дитятко,
Твое, твоё милое,
Ой люли, люшеньки,
Твое, твоё милое!

Что ходишь не весело?
Что гуляешь не радостно?
Ой люли, люшеньки,
Гуляешь не радостно!

Сударыня матушка,
Жениться мнѣ хочется,
Ой люли, люшеньки,
Жениться мнѣ хочется!

Женись мое дитятко,
Женись мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Женись мое милое!

Возьми, возьми дитятко,
Ты возьми купеческую дочь,
Ой люли, люшеньки,
Купеческую дочь!
Съ большими придаными,

Съ коврами со ткаными,
 Ой люли, люшеньки,
 Съ коврами со ткаными!
 Сударыня матушка,
 Она мнѣ не нравится,
 Ой люли, люшеньки,
 Она мнѣ не нравится!
 Есть у сосѣда дѣвушка,
 Она мнѣ давно понравилась,
 Ой люли, люшеньки,
 Она мнѣ давно понравилась!
 Женись мое дитятко,
 Женись на дѣвущкѣ сосѣдушкѣ,
 Ой люли, люшеньки,
 На дѣвущкѣ сосѣдушкѣ!
 53.

Пойду млада по двору,
 Взгляну млада по морю:
 Какой по морю рай плавить,
 По снѣму райошка плавить?
 Ахъ, ты, Анна Петровна свѣтъ!
 Сойди же ты съ терема высокаго,
 Поймай, поймай райошка дружка.
 На что же мнѣ райошка?
 У меня есть ладушка,
 Свѣтъ сударь, Иванъ Андреевичъ.
 54.

Ахъ, Дунюшка, люблюшка, Авдотья душа,
 Всѣмъ ты мнѣ, Дунюшка, по мысли при-
 шла,
 Головушку чепешь и косу плетешь,
 Бѣло лице моешь и брови сурмишь,
 Себя украшаешь, Петра веселишь.
 Брякнуло колечко серебряное,
 Вздрогнуло сердечко Авдотьюшкино,
 Хватала Авдотьюшка свѣчу со стола,
 Встрѣчала Михайловна Петра сокола,
 Петра сокола, и Петровица дружка.
 Ахъ, Петрушка-батюшка, ты гдѣ погулялъ?
 Петровицъ, надежа, ты гдѣ погулялъ?
 Вдѣ вылъ я у тещи въ гостяхъ;
 Дарила меня тещюшко стоялымъ конемъ,
 Дарила меня тещенька черказскимъ сѣдломъ,
 Большая своячевна шитымъ чепракомъ,
 Меньшая своячевна тесьмяной уздой.

55.

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
 Лѣсика темнаго,
 Изъ-за лѣсу конь бѣжить,
 Подъ конемъ земля дрожитъ,
 На конѣ узда гремитъ,
 За конемъ стрѣла летитъ,

За стрѣлой молодець бѣжить.
 У воротничекъ Афимьюшка стоитъ.
 Афимьюшка! перейми моего коня?
 Алексевна! перейми моего добра?
 Я захочу, сударь, перейму,
 А не захочу, не перейму;
 Я не твоя еще, сударь,
 Я Божья, да батюшкина.
 Изъ-за лѣсу, лѣсу,
 Лѣсика темнаго,
 Изъ-за лѣсу конь бѣжить,
 Подъ конемъ земля дрожитъ,
 На конѣ узда гремитъ,
 За конемъ стрѣла летитъ,
 За стрѣлою молодець бѣжить.
 У воротничекъ Афимьюшка стоитъ.
 Афимьюшка! перейми моего коня?
 Алексевна! перейми моего добра?
 Я захочу, сударь, перейму,
 А не захочу, не перейму;
 Я не твоя еще, сударь,
 Я Божья, да матушкина.
 Изъ-за лѣсу, лѣсу,
 Лѣсика темнаго,
 Изъ-за лѣсу конь бѣжить,
 Подъ конемъ земля дрожитъ,
 На конѣ узда гремитъ,
 За конемъ стрѣла летитъ,
 За стрѣлою молодець бѣжить.
 У воротничекъ Афимьюшка стоитъ.
 Афимьюшка! перейми моего коня?
 Алексевна! перейми моего добра?
 Я теперь, сударь, перейму,
 Я теперь Божья, да твоя.

56.

Какъ изъ гнѣздушка пташечка,
 Изъ гнѣздушка теплаго,
 Изъ вѣточки яловой
 Выпорхала, вылетала
 На чисто поле, на зеленое,
 Что на тѣ луга муравьины.
 Рвала травушку съ корешка,
 Бросала травушку на сторонушку;
 Рвала, вырывала пташечка,
 Вырывала маковъ цвѣтъ,
 Вырвавши, имъ любовалася.
 Какъ изъ терема, терема,
 Изъ терема краснаго, высокаго,
 Краснаго, высокаго, свѣтлаго,
 Изъ подъ присмотра матушкинъ
 Выходила, вылетала,
 Выходила красна дѣвица,

Красна дѣвица душа, Авдотьюшка,
 Что на тотъ на широкой дворъ,
 Выходила душа Авдотьюшка
 Во зеленый, кедровый садъ,
 Садилась свѣтъ Николаевна
 За новый, дубовый столъ,
 Смотрѣла встѣхъ приѣзжихъ гостей,
 Встѣхъ приѣзжихъ, незнакомыхъ:
 Выбирала себѣ суженаго.
 Уже никто-то ей не по сердцу,
 Выбирала себѣ Авдотьюшка,
 Выбирала свѣтъ Николаевна,
 Тебя ли Андрей, господишь,
 Андрей, сударь, Полнкарповичъ.
 Уже выбравши, любовалася,
 Любовалася, красовалася:
 Уже какъ то онъ мнѣ понравился;
 Уже какъ то онъ мнѣ по сердцу;
 Уже какъ-то мнѣ ли на него не наглядѣ-
 тся;
 Уже какъ мнѣ ли на него не посмотрѣ-
 тся;
 Уже какъ мнѣ ли съ нимъ не хочется и
 разстатся.

57.

Закатись ты, солнце красное,
 Ты взойди свѣтелъ мѣсяцъ,
 Ты свѣти во всю ноченьку,
 Ты свѣти во всю темную,
 Во весь путь, во всю дороженьку.
 Свѣтилъ бы моему суженому,
 Моему ли другу милому,
 Ивану, сударь, Николаевичу;
 Чтобъ съ дороженьки не свиялся,
 Чтобъ назадъ не воротился,
 Чтобъ въ лѣсу не заблудился,
 Чтобъ въ рѣкѣ не измочился,
 Лихіе бы люди не напали,
 Злы собаки не отогвали;
 Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
 Безъ него-то мнѣ грустнехонько.

58.

Настасья Илью съ крыльца провожала,
 Петровна Гаврилыча съ краснаго провожала,
 А сама наказывала:
 Приѣзжай на дѣвичникъ,
 На дѣвичій, сударь, вечеръ,
 Привези, сударь, коровью
 Дорогую, золотую;
 Что во той-ли, во коровьѣ,
 Мнѣ написана разлука,
 И десять алтынъ тутъ денегъ,

И десять аршинъ лентъ красныхъ,
 Голубыхъ атласныхъ,
 Пунцовыхъ княжикъ,
 Простыхъ дѣвичныхъ,
 Камчатой какошникъ,
 Тупейна рребенка,
 Жемчужный налобничекъ,
 Парчевыя чулочки
 И серебряныя пряжки.

59.

Ты взойди, взойди сопышко,
 Ты взойди, взойди красное,
 Ты горючей гори прежняго
 У Прасковьюшки во теремъ,
 У Феклистоны въ изукрашенномъ;
 У ней-ли будетъ нынѣ нирь,
 Князья вст со боярами,
 Хорошо вст изнаряжены,
 Кафтаны на встѣхъ бархатные,
 Алы бархатные съ позументами,
 Уже нарядные встѣхъ молодой князь,
 Молодой князь Иванъ, господишь,
 Иванъ, господишь, Васильевичъ.
 Уже и онъ-ли Еленушка,
 Уже и онъ-ли душа королевична,
 Молодой князь твой суженый,
 Твой суженый, твой ряженый.

60.

Цвѣти моя грушица,
 Цвѣти моя зеленая,
 Зеленымъ желехонько!
 Скоро тебя, моя грушица,
 Скоро тебя, моя зеленая,
 Станетъ поливати Катенька,
 Катенька Егоровна,
 Изъ своихъ рукъ изъ вѣлкихъ,
 Изъ чиста мѣдна ковшничка.
 Уже, она ли у батюшки
 Во саду во зеленомъ
 Всему хорошо выучена:
 И цвѣтики сажать
 И яблонки поливать.
 Уже, она ли у матушки
 Въ теремъ во высокомъ
 Всему хорошо выучена:
 И ткать, и прясть,
 И золотомъ шить
 По атласу, по бархату.
 Уже, и мнѣ ли, молодцу,
 Съ ней любо будетъ жить:
 Мнѣ ею ли любоватися,
 Мнѣ ею ли красоватися;

Ужъ, и мнѣ ли, молодцу,
 Вся стануть завидовати,
 Завидовати, перешептывати:
 Кабы и намъ такія суженыя,
 Кабы и намъ такія ряженыя—
 Съ нѣми бы мы были веселы,
 И веселы и радостны.

61.

Не долго цвѣтику во садку цвѣсти,
 Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣти,
 Не долго Марьюшкѣ во дѣвущахъ сидѣти,
 Не долго Ефимовнѣ во красныхъ сидѣти,
 Гордись, гордись, батюшка, не отдавай,
 Пока тебя, батюшка, зять подаритъ,
 Подаритъ тебя, батюшка, зять тремя сук-

Тремя сукнами, багрецовыми.

Не долго цвѣтику во садку цвѣсти,
 Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣти,
 Не долго Марьюшкѣ во дѣвущахъ сидѣти,
 Не долго Ефимовнѣ во красныхъ сидѣти.
 Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
 Пока тебя, матушка, зять подаритъ,
 Подаритъ тебя, матушка, зять тремя пар-

чами;

Изъ бѣленькой сшей мнѣ, матушка, сара-

фанъ,

Изъ голубенькой сшей мнѣ, матушка, ду-

шегрѣчку,

Изъ аленькой сшей мнѣ, матушка, епане-

ичку.

62.

Матушка Марьюшку учила,
 Душу Ефимовну учила:
 Не ходи, мое дитятко,
 Не ходи, мое милое,
 Въ отцовскій садъ по яблоки,
 Не лови пеструшекъ бабочекъ,
 Не пугай мелкихъ пташечекъ,
 Не мѣшай громку соловью.
 Ужъ, какъ ялочко-ль сорвешь,
 Та-ли яловыка засохнетъ;
 Пестру-ль бабочку возьмешь,
 Та-ли бабочка подохнетъ;
 Мелку-ль пташечку испугаешь,
 Та-ли пташечка улетитъ;
 Соловья-ль громку помѣшаешь,
 Тотъ-ли соловей не засыплетъ.
 А лови ты, мое дитятко,
 А лови ты, мое милое,
 Ясна сокола во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ, во зеленомъ.

Ловила душа Марьюшка,
 Ловила душа Ефимовна,
 Яснаго сокола во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ, во зеленомъ,
 Сажала его на бѣлу руку,
 Привосила его къ родной матушкѣ.
 Матушка моя, государыня!
 Изловила я яснаго сокола.

Ужъ какъ тотъ-ли соколъ,
 Ужъ какъ тотъ-ли яшень,
 Ты, Петръ, сударь, господинъ,
 Ты, Петръ, сударь, Петровичъ.

63.

Подъ горою стоитъ вѣль шатерьъ,
 Во шатрѣ сидитъ княженицкая дочь;
 Она думу думаетъ крѣпкую,
 Про друга милого, ненагляднаго:
 Про Юрья могучаго, Дмитриевича.
 Приходитъ къ ней братецъ.
 Ты, сестрица, сестрица моя!
 Юрій коня проситъ?
 И ты, братецъ, давай, не отказывай,
 А про меня ничего не сказывай.

Подъ горою стоитъ вѣль шатерьъ,
 Во шатрѣ сидитъ княженицкая дочь;
 Она думу думаетъ крѣпкую,
 Про друга милого, ненагляднаго.
 Про Юрья могучаго, Дмитриевича.
 Приходитъ къ ней братецъ.
 Ты, сестрица, сестрица моя!
 Юрій узды проситъ?

И ты, братецъ, давай, не отказывай,
 А про меня ничего не сказывай.

Подъ горой стоитъ вѣль шатерьъ,
 Во шатрѣ сидитъ княженицкая дочъ
 Она думу думаетъ крѣпкую,
 Про друга милого, ненагляднаго,
 Про Юрья могучаго, Дмитриевича.
 Приходитъ къ ней братецъ.
 Ты, сестрица, сестрица моя!
 Юрій тебя проситъ?

И ты, братецъ, давай, не отказывай,
 А про меня все сказывай;
 Зови гостей на почетный пиръ,
 А приданое давно лежитъ,
 Давно лежитъ припасеное,
 Родимой матушки моей,
 Во княжей казнѣ, дворецкой,
 Во укладычкахъ, большыхъ сундукахъ.

64.

Выводила матушка Марьюшку,
 Выводила, государыня, Ефимовну,

ИЗЪ ТЕРЕМА ИЗЪ КРАСНАГО,
 ИЗЪ КРАСНАГО, ИЗЪ ВЫСОКАГО,
 ВЫВОДИЛА МАТУШКА ЕФИМОВНУ,
 ВЫВОДИЛА, ГОСУДАРЫНЯ, МАРЬЮШКУ,
 ВО СВѢТЛУЮ СВѢТЛИЧКУ,
 ВО УБОРНУЮ ГОРНИЧКУ,
 КЪ ГОСТЯМЪ, ВСЕ НЕЗНАКОМЫМЪ,
 КЪ МОЛОДЫМЪ, ВСЕ НАРЯДНЫМЪ;
 САЖАЛА МАТУШКА МАРЬЮШКУ,
 САЖАЛА, ГОСУДАРЫНЯ, ЕФИМОВНУ,
 ВОЗЛѢ СЕБИ НА КРАЮЩКѢ.
 ВЫБИРАЙ МОЕ ДИТЯТКО,
 ВЫБИРАЙ МОЕ МИЛОЕ,
 ИЗЪ ГОСТЕЙ НЕЗНАКОМЫХЪ, ЗНАКОМАГО,
 ИЗЪ МОЛОДЫХЪ, МОЛОДАГО, НАРЯДНАГО;
 УЖЪ КАКЪ СЪ ТѢМЪ-ЛИ ТЕБѢ ГОСТЕМЪ ВЪКЪ
 ВЪКОВАТЬ,

ВЪКЪ ВЪКОВАТЬ И МЕНЯ ЗАБЫВАТЬ.
 УЖЪ КАКЪ ВЫБРАЛА МАРЬЮШКА,
 УЖЪ КАКЪ ВЫБРАЛА ЕФИМОВНА
 ИЗЪ ГОСТЕЙ НЕЗНАКОМЫХЪ, ЗНАКОМАГО,
 ИЗЪ МОЛОДЫХЪ, МОЛОДАГО, НАРЯДНАГО,
 ПЕТРА, СУДАРЯ, ПЕТРОВИЧА.
 УЖЪ, И Я ЛИ СЪ НИМЪ, МАТУШК
 СЪ НИМЪ ВЪКЪ ВЪКОВАТЬ БУДУ,
 А ТЕБЯ, МАТУШКА, НЕ ПОВАБУДУ.

65.

УЖЪ КАКЪ ПО МОРЮ, МОРЕУ,
 ПО СИНЮ МОРЕУ ХВАЛЫНСКОМУ,
 ЧТО ПЛЫЛА СВѢРА УТИЦА,
 ЗА СОБОЙ ВЕЛА СЕЛЕЗНЯ,
 МОЛОДАГО, ХОХЛАТАГО,
 ХОХЛАТАГО, МОХНАТАГО.
 УЖЪ КАКЪ ЕЙ УТУШКЪ ЗАВИДОВАЛИ,
 УЖЪ, И ЕЙ СВѢРОЙ, ЗАВИДОВАЛИ:
 АЙ ДА НАША УТУШКА!
 АЙ ДА НАША СВѢРА!
 ВОТЪ КАКОГО НАШЛА СЕБѢ СЕЛЕЗНЯ,
 СЕЛЕЗНЯ МОЛОДАГО, ХОХЛАТАГО
 А И ТУТЪ ГОВОРИТЬ УТУШКА,
 А И ТУТЪ ГОВОРИТЬ СВѢРА:
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ УТУШКИ,
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ СВѢРЫ!
 И У ВАСЪ БУДУТЪ СЕЛЕЗНИ,
 СЕЛЕЗНИ ЕЩЕ ЛУЧШЕ.

УЖЪ, КАКЪ ПО ТЕРЕМУ, ТЕРЕМУ
 ШЛА ПРОШЛА Машенька,
 ШЛА ПРОШЛА СВѢТЬ ЕФИМОВНА,
 ЗА СОБОЙ ВЕЛА МОЛОДЦА,
 МОЛОДЦА ХОРОШАГО.
 КАКЪ ЕЙ ДѢВУШКѢ ЗАВИДОВАЛИ:
 ДОБРО ТЕБѢ, МАРЬЮШКА,

ДОБРО ТЕБѢ, СВѢТЬ ЕФИМОВНА,
 ЧТО НАШЛА СЕБѢ МОЛОДЦА,
 МОЛОДЦА ХОРОШАГО!
 А И ТУТЪ ГОВОРИЛА Машенька,
 А И ТУТЪ ГОВОРИЛА ЕФИМОВНА
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ ДѢВУШКИ,
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ КРАСНЫИ!
 И ВАМЪ БУДУТЪ МОЛОДЦЫ,
 МОЛОДЦЫ ЕЩЕ ЛУЧШЕ.
 ТОГДА ВАМЪ НЕ ПОЗАВИДУЮ,
 И ПОЗАВИДОВАТЬ НЕ ВЗДУМАЮ,
 А ПОРАДУЮСЬ РАДОСТНО,
 ПОВѢДУ ЗА ВАМИ ВЪ ПОВѢЖ.

66.

ХОДИЛА Машенька,
 ГУЛЯЛА ГАВРИЛОВНА,
 ВО САДУ СО ДѢВЦАМИ,
 ВО ЗЕЛЕНОМЪ СЪ КРАСНЫМИ:
 ОНА РВАЛА ЦВѢТОЧКИ,
 ЛАЗУРЕВЫЕ ВАСИЛЕЧКИ.
 КАКЪ НЕ ЗНАЮЧИ, НЕ ВѢДАЮЧИ,
 ПРИХОДИТЬ КЪ НЕЙ МАТУШКА,
 БЕРЕТЪ ЕЕ ЗА БѢЛЫ РУКИ,
 ПРИВОДИТЬ ВО СВѢТЛИЧКУ,
 САЖАЕТЪ ЗА ДУБОВЫЙ СТОЛЪ,
 ПОДАѢ ЕЯ СУЖЕНАГО,
 ПОДАѢ ЕЯ РЯЖЕНАГО,
 ИВАНА ДА ПЕТРОВИЧА.
 ТЫ ЖИВИ, МОЕ ДИТЯТКО,
 ТЫ ЖИВИ-ЛЬ, МОЕ МИЛОЕ,
 НЕ СЪ РОДИМОЮ МАТУШКОЮ,
 А СЪ СВОИМЪ-ЛИ СУЖЕНЫМЪ.
 ТЕБѢ МОЕ БЛАГОСЛОВЕНЬЕ!

67.

СТУЧИТЬ, ГРЕМИТЬ НА УЛИЦѢ,
 У ТЕРЕМА У ГАВРИЛОВНИНА,
 У ВЫСОКАГО У МАЛАНЬЮШКИНА,
 ВѢДЕТЬ-ТО ЕЕ СУЖЕНЫИ,
 ВѢДЕТЬ-ТО ЕЕ РЯЖЕНЫИ,
 ПАФНУТІИ, СУДАРЬ, ТРИФОНОВИЧЪ,
 НА ДОБРЫХЪ КОНЯХЪ, НА ВОРОНЫХЪ,
 ВЕЗЕТЪ СЪ СОБОЙ АТЛАСУ И БАРХАТУ,
 ЗОВЕТЪ СЪ СОБОЙ МАЛАНЬЮШКУ:
 ТЫ ДУША-ЛЬ МОЯ, КРАСНА ДѢВЦА,
 МАЛАНЬЕНКА, СВѢТЬ ГАВРИЛОВНА,
 ПОВѢЖАЙ КО МНѢ, ПОВѢЖАЙ?
 Я ПРИВЕЗЪ КЪ ТЕБѢ АТЛАСУ И БАРХАТУ,
 ДОРОГОЙ САРАФАНЪ, САМОЦВѢТНЫИ.
 НЕ ПОВѢДУ, НЕ ПОВѢДУ ГОСПОДИНЪ,
 ПАФНУТІИ, СУДАРЬ, ТРИФОНОВИЧЪ;
 ТВОЕГО САРАФАНА МНѢ НЕ НАДОВНО;
 Я У БАТЮШКИ НИ НАГА, НИ БОСА.

Стучить, гремятъ на улицѣ
У терема у Гавриловнина,
У высокаго у Маланьюшкина,
Бдѣть-то ея суженый,
Бдѣть-то ея ряженый,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
На добрыхъ коняхъ, на вороныхъ,
Везеть съ собою каменье въ п жемчугу,
Крупное зарукавище,
Зоветь съ собою Маланьюшку:
Ты душа моя, красна дѣвица,
Малашенька, свѣтъ Гавриловна,
Повзжай ко мнѣ, повзжай?
Я привезъ тебѣ каменье въ п жемчугу,
Крупное зарукавище.

Не поѣду, не поѣду господице,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
Твои каменья п жемчуги,
Твое крупно зарукавище
Не пужны мнѣ, не надобны;
Я у матушки безъ нихъ пригожа.

Стучить, гремятъ на улицѣ,
У терема у Гавриловнина
У высокаго у Маланьюшкина,
Бдѣть-то ея суженой,
Бдѣть-то ея ряженой,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
На добрыхъ коныхъ, на вороныхъ,
Везеть съ собою золотъ перстень,
Золотъ перстень, золотъ вѣнецъ,
Зоветь съ собою Маланьюшку:
Ты душа-я моя, красна дѣвица,
Малашенька, свѣтъ Гавриловна,
Повзжай со мной, повзжай?
Я привезъ къ тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень п золотъ вѣнецъ.

Бла, вду господице,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ:
Мнѣ тѣмъ-ли вѣнцомъ вѣнчатися;
Возьму теперь и атласы п бархаты,
Надѣну сарафанъ самоцвѣтный,
Уберусь въ каменья п жемчуги,
И въ крупное зарукавище.

68.

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На выстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети лебедь мой,
Ты лети, лети бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушка,
Рѣчка не такъ течеть,
Въ полѣ трава не зелена,
Въ теремѣ Марьюшка плакала,

Во високомъ Ефимовна плакала.
Ты иди, иди суженый мой,
Ты иди, иди ряженый мой,
Скорый иди Петръ, господице,
Петръ, сударь, Петровичъ!
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Темно красное солнышко;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
На ясенѣ свѣтелъ мѣсяцъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Теремъ не такъ стоитъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Сахарны яства на умъ не идутъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Сладкаго меду не хочется;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Денечекъ весь пасмуренъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвице,
Не спится темною ночью.

69.

Во горницѣ, во свѣтлицѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ, любятся,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ,
Марьюшку забавляютъ,
Ефимовну утѣшаютъ.
Марьюшку ватюшка кличетъ,
Ефимовну, сударь, кличетъ.
Ой вы, дѣвушки, голуушки,
Право не слыхала,
Красныя право не дослышала!
Во горницѣ, во свѣтлицѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ, любятся,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ,
Марьюшку забавляютъ,
Ефимовну утѣшаютъ.
Марьюшку матушка кличетъ,
Ефимовну, сударыня, кличетъ.
Ой вы, дѣвушки, голуушки,
Право не слыхала,
Красныя право не дослышала!
Во горницѣ, во свѣтлицѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ, любятся.

Во честномъ пиру красуются.
 Для нихъ во литавры бьютъ,
 Во цымбалы играють,
 Марьюшку забавляютъ,
 Ефимовну утѣшаютъ.
 Марьюшку суженый кличетъ,
 Ефимовну ряженный кличетъ,
 Петръ, господишъ, Петровишъ.
 Ты выдь сюда, Марьюшка,
 Ты выдь сюда, Ефимовна!
 Ой вы, дѣвушки, голубушки,
 Право давно слышу,
 Красныя, право давно слышу!

70.

Не ходитъ было Марьюшкѣ,
 Не ходитъ было Ефимовнѣ
 На широкій дворъ гулять,
 Въ хороходы играть;
 Не смотрѣть было Марьюшкѣ,
 Не смотрѣть было Ефимовнѣ
 На молодыхъ молодцовъ,
 На молодыхъ, изнаряженныхъ.
 Приглянулся Марьюшкѣ,
 Приглянулся душѣ Ефимовнѣ
 Молодой молодецъ,
 Молодой, изнаряженный,
 Петръ, сударь, Петровишъ.
 Не хочеть съ нимъ и разстатися,
 А хочеть насъ оставити,
 Позабывши батюшку и матушку.

71.

Иванъ, сударь, по двору гуляеть,
 Съ батюшкой добра коня выбираеть,
 Съ матушкой его всемъ снаряжаеть,
 Ко тещену двору подъѣзжаеть.
 Ты теща, теща моя ласковая!
 Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
 Ты пусти меня къ моей суженой?
 Я ли сарафанъ ей привезъ,
 Сарафанъ самоцветный.
 Ей сарафанъ не надобенъ,
 А надобно другое что;
 У ней сарафанъ дома есть.

Иванъ, сударь, по двору гуляеть,
 Со батюшкой добра коня выбираеть,
 Со матушкой его всемъ снаряжаеть,
 Ко тещену двору подъѣзжаеть.
 Ты теща, теща моя ласковая!
 Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
 Ты пусти меня къ моей суженой?
 Я ли жемчугъ ей привезъ,
 Жемчугъ со алмазами,

Со алмазами и со яхонтами.
 Ей жемчугъ и со алмазами
 И со яхонтами не надобенъ,
 А надобно другое что;
 У ней-ли то и дома есть.

Иванъ, сударь, по двору гуляеть,
 Со батюшкой добра коня выбираеть,
 Со матушкой всемъ его снаряжаеть,
 Ко тещену двору подъѣзжаеть.
 Ты теща, теща моя ласковая:
 Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
 Ты пусти меня къ моей суженой?
 Я ли золотъ перстень привезъ,
 Золотъ перстень со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами.
 Изволь къ своей суженой,
 Изволь, сударь, въѣзжать;
 Ей золотъ перстень надобенъ,
 Ей надобенъ и со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами,
 Ей тѣмъ перстнемъ обручатися.

72.

Палагея, матушка,
 Васильевна, государыня,
 Николаюшкѣ сынку говаривала,
 Ивановичу милому наказывала:
 Ты спи, мое дитятко,
 Ты спи, мое милое,
 Ты спи, не засыпайся,
 Поранѣ просыпайся,
 Во соборныя заутрени,
 Въ громкій ранишъ благовѣсть,
 Поскорѣшеньку одѣвайся,
 Бѣлешенько умывайся,
 Частымъ гревешкомъ чепиися,
 Прилежно Богу молися,
 Да дастъ Онъ тебѣ суженую!
 Чтобы твоя суженая-ряженая
 Была хороша, пригожа,
 Была бы умна, да въжидна,
 Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
 Свекру-батюшкѣ покорлива,
 Свекровъ-матушкѣ послушлива,
 Деверьюшкамъ услужлива,
 Золушкамъ досужлива,
 Тебѣ, милому другу, любовная!

73.

Какъ сказали Иванъ грозень,
 Онъ грозень, сударь, не милостивъ,
 Онъ вхалъ мимо тестева двора,
 Прихалъ ко широкимъ воротамъ,
 Ударилъ копьемъ въ ворота.

Дома ли тещь или тещи:
 Или шурины, ясенъ соколъ?
 Или была лебедь, свояченица?
 Или душенька, Машенька,
 Машенька, свѣтъ, Ивановна?
 Если спитъ, не будите ее,
 А не спитъ, встрѣтила бы меня.
 Марьюшка по снямъ шла,
 Въ рукахъ золоты ключи несла,
 Она красныхъ дѣвущекъ побуживала:
 Вы вставайте, красны дѣвушки, дуню,
 Вы берите злоты мои ключи,
 Отпирайте кованы сундуки,
 Вынимайте багрецовога сукна.
 Кройте Ивану новъ кафтанъ,
 Ни дологъ, ни коротокъ,
 Ни узокъ, ни широкъ,
 Во подолъ раструбистой,
 Къ ретиву сердцу прижимистой.
 Ай спасею, Машенька,
 На твоємъ хорошемъ кафтанъ!
 Мнѣ ни дологъ, ни коротокъ,
 Мнѣ ни узокъ, ни широкъ,
 Во подолъ раструбистой,
 Къ ретиву сердцу прижимистой.
 Ужь, мнѣ не лъзя на добра коня вскочить,
 Ужь, мнѣ не лъзя въ стремя ногу положить.

74.

Собирается Иванъ, господинъ,
 Иванъ, сударь, Петровичъ,
 Ко тещю въ домъ ѣхати,
 Ко тещѣ во теремъ иди,
 Садится на ворона коня,
 Береть съ собой дороге дары,
 Дороге дары, что Московские,
 На правую руку сажаетъ сокола.
 Прѣзжаетъ на царской дворъ,
 Сходить съ ворона коня,
 Входить во свѣтлую свѣтличку.
 Государь, ты тещь, ватюшка?
 Прими отъ меня багрецовое сукно.
 Государыня тещи, матушка!
 Прими отъ меня золоту парчу.
 Ты ли, шурины дорогой!
 Прими отъ меня ясна сокола.
 И ты, тещь ватюшка,
 И ты, тещи матушка,
 Покажите мнѣ мою суженую,
 Покажите мнѣ мою риженую,
 Отпустите съ мной ее.
 Ты ли, шурины дорогой,
 Проводи ее ко мнѣ.

Мнѣ ясенъ соколъ не надобенъ,
 Мнѣ надобнѣй его Марьюшка.
 Мнѣ надобнѣй его душа Ивановна
 Она у меня ясенъ соколъ.

75.

Около шатра вълаго, полотнянаго,
 Машенька садила цвѣточки,
 Ивановна разсаживала алые;
 Въ томъ шатрѣ спалъ, почпвалъ,
 Спалъ, господинъ, Иванъ,
 Иванъ, сударь, Петровичъ;
 Онъ клнчетъ, покликаеть:
 Машенька подь ко мнѣ въ шатеръ,
 Сердце мое, Ивановна?
 Я не иду, сударь, не слушаю.
 Я слышала, люди сказывали,
 Люди сказывали: у тебя отецъ гордъ.
 Душенька, Машенька,
 Будь сама добра!
 Держи голову поклонную,
 А сердце покорное.
 Я не иду, сударь, не слушаю.
 Люди сказывали: у тебя мать гордая
 Душенька, Машенька,
 Будь сама добра!
 Держи голову поклонную,
 А сердце покорное.
 Я не иду, сударь, не слушаю.
 Я еще слышала, люди сказывали,
 Добрые говорили: у тебя братья лихи,
 Братья лихи, сестры злы.
 Душенька, Машенька,
 Будь сама добра!
 Будь ласкова, прѣветлива,
 Во всемъ догадлива, да смѣтлива,
 Въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
 А въ своихъ проста, да умѣтлива.

76.

Воротися соколъ, воротися,
 Воротися ясенъ, воротися.
 Что-жь ты, за соколъ,
 Летншь ты безъ голубки,
 Безъ голубки безъ сизой?
 Воротися женихъ, воротися,
 Воротися молодой, воротися.
 Что-жь ты, за женихъ,
 Идешъ ты безъ невѣсты?
 Еще ты позабылъ щипу на стопкѣ,
 Еще позабылъ ты голлицы на полицѣ.

77.

Чарочка медяная
 Гостей упомла,

Съ честью, съ любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косылька!
Хотятъ косу расплетати,
Свекровь конь подковать:
Свекровь конь не рзювь.
Машеньку не везеть.
Ко суду Божьему.
Ко златому вѣнцу.

Чарочка медяная
Гостей уповла,
Съ честью, съ любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косылька!
Хотятъ косу расковать,
Ивановъ конь подковать:
Ивановъ конь рзювь.
Машеньку везеть.
Ко Божьему суду.
Ко златому вѣнцу.

78.

Жить тебѣ добромъ, красна дѣвица,
Машенька, душа, Ефимовна!
Уповла добра молодца,
До коня провожаючи,
А сама спрашиваючи:
Ты когда, сударь, ко мнѣ будешь?
Ты когда по меня прилетишь?
Ты когда, сударь, къ себѣ возьмешь,
Къ своему-ль отцу, къ матери?
Ужъ, какъ вышолвилъ Петръ, господинь,
Петръ, сударь, Петровичъ:
Я въ субботу къ тебѣ буду,
Въ Воскресенье по тебя пришлою,
Я тебя, мой свѣтъ, къ себѣ возьму.

79.

Неправдива малина!
Сказывала: будто цвѣсти не будешь,
Зеленаго листика не пустишь,
Алаго цвѣтика не выцвѣтишь.
Какъ пришла та пора,
Малинушка разцвѣла,
Зеленые листики пустила,
Алые цвѣтики разцвѣтила.
Неправдива Машенька,
Неправдива Ивановна!
Сказывала она: замужъ не пойду;
Сказывала она: не подумаю;
Сказывала она: Ивана не люблю,
Ивана Петровича.

Т. I. Ч. III.

Какъ пришла та пора,
Машенька замужъ пошла.
Ты на что, душа, прельстилася?
Молодца-ль себѣ довилася?
На его-ль лице бѣлое?
На его-ль лице румяное?
На его-ль брови черныя?
На орѣшки-ль, на прянички-ль:
На пизюмъ ли, сладки-ль ягодки

80.

На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невесту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю.
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ милъ, милешенекъ,
Батюшка родимой.
Невеста моя, неправда твоя!
На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невесту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю.
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ мила, милешенька,
Матушка родимая.

Невеста моя, неправда твоя!
На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невесту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ милъ, милешенекъ,
Ты, господинь.
Невеста моя, то правда твоя!

81.

Какъ на морѣ, на синемъ,
На крутомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняныя,
Дорогие, всѣ тафтяныя;
Мимо ѣхалъ ее суженой.
Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольцы.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:

18

Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я еще, сударь, не твоя,
Божья, сударь, да батюшкина!

Какъ на морь, на синемъ,
На кругомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогие, всѣ тафтяные;
Мимо вхалъ ее сужевой,
Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися скоры ноги
Приломалися золоты кольца.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:

Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я еще, сударь, не твоя;
Божья, сударь, да матушкина!

Какъ на морь, на синемъ,
На кругомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогие, всѣ тафтяные;
Мимо вхалъ ее сужевой.
Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольца.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:
Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я Божья, сударь, да теперь твоя!

82.

Черезъ ручейку черемуха лежала,
Да никто по черемухѣ не ходитъ,
Лишь одинъ Иванъ переходитъ,
Свѣтъ Федоровичъ переходитъ,
Душу Дарьюшку переводитъ,
Свѣтъ Николаевну переводитъ,
Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
Черезъ визаное ожерелье,
Черезъ пуговики золотыя.

83.

Кормилецъ мой, батюшка,
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро!
Кормилца моя, матушка,
На цвѣтно платѣ!

Запоручили вы меня, горькую,
За поруки за крѣпкія,
Молодохоньку,
Зеленехоньку.
Ахъ, кормилецъ мой, батюшка!
Ахъ, кормилца моя, матушка!
Не принимайте вы, вѣнной чарочки;
Не посолъ вашъ, вѣнная чарочка,
Не посолъ, не перемѣнушка;
Своего посла вы пзбываете,
Посла вольнаго,
Слугу вѣрнаго,
Безответнаго.

84.

Прилетѣли вольныя пташечки
Изъ-за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки
По чисту полю, по кустникамъ,
Все любятъ по парочкѣ.
Только добрый молодецъ,
Иванъ Петровичъ,
Въ свѣтъ бѣломъ сиротинушка;
Онъ тоскуетъ, какъ горька кокушечка,
Горючьми слезами заливаеця,
Безпріютная головушка;
Никто къ дѣтннушкѣ вѣдному,
Никто въ свѣтъ не пришатнется,
Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ,
Сиротинушку не радуеця,
Онъ пройдець ли въ поле чистое,
Чтобъ размыкать тамъ кручинушку,
Свое горе и тоску печаль;
Тоски, горе безответныя.
Онъ пойдець ли во темны лѣса,
Не скрываетъ тамъ кручинушки,
Изнываетъ все сердечушко.
Отъ печали въ добромъ молодцѣ,
Вянеть, сохнетъ въ одиночествѣ,
Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ.
Одна Марья Ефимовна сжалилась
Надъ вѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Безпріютную головушку;
Полубила красна дѣвушка
Ивана Петровича, дѣтннушку,
Приодѣла фатой шелковойю,
Назвала его дружкоймъ миленькимъ.
Прошла печаль-кручинушка,
Веселье сталъ дѣтннушка!

85.

Черна ягода смородина

Прилегла къ круту бережку;
 Прилеглаи кудри русыя
 Къ лицу бѣлому, румяному;
 Приглядывали красны дѣвицы
 За румянымъ молодцомъ.
 Русы кудри по плечамъ лежатъ
 На Ивану, да Ивановичу;
 Брови черны, что у собола,
 Очи ясны, что у сокола.
 Слышешь ли, Иванъ Ивановичъ?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ,
 По отчеству величаемъ;
 Станешь дарить,
 Станемъ хвалить;
 Не станешь дарить,
 Станемъ корить.

86.

Ужъ, ты, свашенька умная,
 Ужъ, ты, хорошя боярыня,
 Въ большо мѣсто посажена,
 Авдотья Ивановна!
 Слышала ли, свашенька?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ,
 По отчеству величаемъ.
 Станешь дарить,
 Станемъ хвалить;
 Не станешь дарить,
 Станемъ корить.

87.

Ужъ, ты, сватушка родимый,
 Ужъ, ты, умная головушка,
 Ты окладиста бородушка,
 Александръ Петровичъ!
 Ты охочь по пирамъ ходить.
 Пѣсни слушати;
 Ты досужь по свадебкамъ гулять,
 Дѣвушекъ сманивати;
 Ты охочь ли дѣвушекъ дарить?
 Не дари рублемъ, не полтиною,
 Ты дари золотою гривною.
 Слышешь ли, сватушка,
 Александръ Петровичъ?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ,
 По отчеству величаемъ;
 Станешь дарить,
 Станемъ хвалить;
 Не станешь дарить,
 Станемъ корить.

88.

Какъ на Иванушкѣ кудри русыя
 По плечамъ лежатъ;
 Какъ на эти кудри дивоватися
 Слѣзжались купцы и бояре;
 Ужъ, они-ль дивовалися,
 Ужъ, они-ль у людей спрашивали:
 Чѣ это дитятко!
 Чѣ это милое?
 Оно пѣжное и манежное,
 Оно чистое и рѣчистое,
 Оно ясное и прекрасное.
 Сидитъ ли, красуется,
 Во пирю ли величается.
 Это дитятко матушкино,
 Натальи, свѣтъ, Ивановны;
 Это дитятко батюшкино,
 Ивана, свѣтъ, Ивановича.

89.

Ты, Иванъ, сударь,
 Ты, Иванъ Ивановичъ,
 Какъ породила тебя матушка
 Въ Воскресенье, на великъ день,
 Во самюо заутреню,
 Пеленала тебя матушка
 Во пеленочки камчатныя,
 Положила тебя матушка
 Въ колыбельку багряцовую,
 Раскачала тебя матушка
 Отъ востока до запада,
 А сама приговаривала:
 Баю, баю, мое дитятко!
 Баю, баю, мое милое!
 Ты, Иванъ, сударь,
 Ты, Иванъ Ивановичъ.

90.

Александрюшка, господишь,
 Ивановичъ бояринъ,
 Рубилъ яблонь подь корень,
 Тесалъ доски тонкия,
 Дѣлалъ гусли звонкия.
 Кому эти гусельцы?
 Кому эти звончаты?
 Аннушкѣ гусельцы,
 Ивановнѣ звончаты.
 Ей ли во гусли не сыграть?
 Ее ли молодости не свѣсть?
 Нѣтъ не свѣсть, не свѣсть!

91.

Ужъ, ты лебедь,
 Ужъ, ты сизый,
 Ты скажи: гдѣ былъ?

Быль я, лебедь,
На снемъ моръ,
Жилъ я, лебедь,
Во красномъ терему.

Ужь, ты лебедушка,
Ужь, ты спзая,
Ты скажи: гдѣ была?
Была я, лебедка,
На снемъ моръ,
Жила я, лебедка,
Во высокомъ терему.

А что же таково случилось,
А что же таково приключилось,
Какъ живутъ-то нынче
Лебедь съ лебедкой вместе,
Какъ и клонютъ-то нынче
Одну зеленую травушку,
Какъ и пьютъ-то нынче
Одну чистую водицу?

Ужь, ты, Иванъ, сударь,
Ужь, ты, Ивановичъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
А былъ ли я, добры люди,
А жилъ ли я, добры люди,
Во матушкѣ каменной Москвѣ.

А гдѣ росла Марьюшка?
А гдѣ повзросла Ивановна?
Она ли росла у батюшки,
Она ли повзросла у матушки,
Во томъ во высокомъ терему.

И вы, люди, веселитесь,
И вы, люди, порадайтесь,
Какъ нынче Иванъ съ Марьею
За однимъ столомъ сидятъ;
Какъ нынче Иванъ съ Марьею
Все одни яства ѣдятъ;
Какъ нынче Иванъ съ Марьею
Все одни рѣчи говорятъ.

92.

Какъ не яхонтъ по горницѣ катился
Какъ не жемчужина за яхонтомъ увивался,
А Иванъ, сударь, на стоворѣ снаряжался,
А Ивановичъ на стоворѣ убирался;
Хорошо его матушка родная убрала,
Гребешкомъ кудри русыя чесала,
Жестко ему матушка наказывала,
Жестко ему родимая приказывала:

Ужь, какъ будешь ли Иванъ на стоворѣ,
Ужь, какъ будешь ли Ивановичъ на стоворѣ,

Ужь, какъ будешь ли тебя дѣвнцы величати,

Ужь, какъ будешь ли тебя по имени называти,
Ужь, какъ стануть тебя отчествомъ
возвышать,

И ты дари, сударь, дѣвнцы не скупился,
И ты дари, сударь, золотою гривною,
И ты дари, сударь, гривною Московскою.

93.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не раскачивайте вы звонкіе колокола,
Не пускайте вы звону по родной землѣ,
Не будите вы молодую жену
У Николая свѣтъ Алексѣевича,
Не будите вы Марью Андріановну!
Какъ вечеръ ли она у матушки была,
Къ вѣлу свѣту она сына породила,
Что сына-та Николая Николаевича.
Во тѣ поры Николая дома не случилось,
Во тѣ поры его Государь-Царь жаловалъ:
Тремя городами, тремя столпыми.
Какъ во-первомъ городу вино курятъ,
Какъ во-второмъ городу пиво варятъ,
Какъ во-третьемъ городу его сына крестятъ.

94.

Леталъ соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По частому, по березничку,
Залеталъ соловьюшка
Во зеленой садъ не знаячи,
Садился соловьюшка
На вѣточку не вѣдаючи.
Ужь, та-ль вѣточка приманчивая,
Ужь, та-ль залетая прилюбовчивая,
Соловью показалася,
Громкому повравилася,
Не хочеть съ ней и разстатися.

Гулялъ, Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петровичъ
По чистому полю, по зеленому,
По зеленому, по широкому;
Загулялъ, господинъ, Петръ,
Петръ, сударь, Петровичъ,
Къ Ефиму въ домъ не знаячи,
Къ Гавриловичу не прошучи;
Смотрѣлъ на дѣвнцу красную,
Машеньку, душу Ефимовну.
Ужь, она-ль, Машенька,
Ужь, она-ль, свѣтъ Ефимовна,
Хороша-пригожа уродилася,
Ему собою приглянулася,
Не можетъ съ ней разстатися,
А хочеть съ ней обвѣчатися,

95.

Бѣла-каменна палата грановита!
 Не дубовые столы застучали,
 Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
 Что серебряны приборы загремѣли,
 Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
 А бабушка идетъ со здоровьемъ,
 Проздравляютъ Василья со дитею, со малюю:
 Какъ жена тебѣ сына породила,
 Государю Царю служиваго,
 А тебѣ, сударь, перемѣна.

Бѣла-каменна палата грановита!
 Не дубовые столы застучали,
 Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
 Что серебряны приборы загремѣли,
 Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
 А бабушка идетъ со здоровьемъ,
 Проздравляютъ Василья со дитею, со ма-
 лою:
 Какъ жена тебѣ дочку породила,
 Государынь Царицѣ золотопшвейку,
 А тебѣ, сударь, перепутье.

96.

Чарочка мѣдвяная,
 Во пирѣ ходила,
 Рюмочка походя говорила,
 Ни кто за чару не примется,
 Принялся за чару Василій господинь,
 Подносилъ чару Федосьѣ душѣ.
 Ты прими, ты прими чару, Федосья душа?
 Отойди прочь, отойди прочь Василій гос-
 подинь,

Отойди прочь Федюловичъ,
 Мнѣ-ль, молодой, худо можется,
 Худо можется, мало спалося,
 Мало спалося,
 Много видлося:
 Будто у насъ среди двора,
 Среди двора выростала трава шелковая,
 На той на травѣ расцвѣли цвѣты,
 Всѣ лазоревые,
 По тѣмъ по цвѣтамъ
 Ходить свѣтъ павлинъ,
 Съ синзою павушкѣю.

Федосья душа я тебѣ совѣ разсужу,
 Я на словахъ тебѣ разскажу:
 Синзою павлинъ, то ужъ я господинъ,
 Синзая павушка, то ты у меня,
 Лазоревые цвѣты, то дѣти у насъ,
 Шелковая травушка, то слуги у насъ.

97.

Леталъ голубь, ворковалъ,

Ко терему припадалъ,
 Что въ теремъ говорятъ?
 Говорятъ, сударь, говорятъ.
 Василій женѣ говорилъ:
 Жена, моя барыня,
 Федосья Тарасьевна!
 Роди сына сокола
 Личкомъ во себя,
 А разумомъ умомъ во меня.
 За услугу за твою
 Солью перстень золотой,
 Солью тебѣ и другой,
 Со вставочкой дорогой,
 Бриллиантомъ осмынной.
 Носи, мой другъ, не жалѣй,
 Качай сына, да лѣвѣй.

Леталъ голубь, ворковалъ,
 Ко терему припадалъ,
 Что въ теремъ говорятъ?
 Говорятъ, сударь, говорятъ,
 Василій женѣ говорилъ:
 Жена, моя барыня,
 Федосья Тарасьевна!
 Роди дочку лебедку
 Личкомъ во себя,
 А разумомъ умомъ во меня.
 За услугу за твою
 Сошью тебѣ пару голубу,
 Сошью тебѣ и другѣ.
 Носи, мой другъ, не жалѣй,
 Качай дочь, да лѣвѣй.

98.

Какъ по снѣжкамъ Федосья ходила,
 Какъ по новымъ Тарасьевна гуляла,
 Во рукахъ она палички носила,
 Она три узора вышивала:
 Ужъ какъ первой-то узоръ вышивала,
 Что свѣтель мѣсяцъ со звѣздами,
 А другой-то узоръ вышивала,
 Что красно солнце со лучьями,
 Ужъ какъ третій-то узоръ вышивала,
 Что грозна туча со дождями.
 Какъ свѣтель-то мѣсяцъ со лучами,
 То свѣтъ Василій господинъ съ сыновьями,
 Свѣтъ Федюловичъ съ соколами;
 Какъ красно солнце со лучьями
 Свѣтъ Федосья душа съ дочерями;
 Какъ грозна туча со дождями
 Свѣтъ Федосья душа со слугами.
 Свѣтъ Тарасьевна съ крепостными.

99.

Какъ по снѣжамъ, по снѣжкамъ,

Что ходила, что похаживала
 Молодая боярыня, свѣтъ Феодосья Тарасьева,
 Будила, побуживала
 Своего друга милаго,
 Свѣтъ Василья Федуловича:
 Ужъ ты встань, пробудися же,
 Государь-то въ походъ пошелъ,
 А къ тебѣ-то посолье пришелъ,
 Буйная голова нечесаная,
 Русы кудри незавиты,
 Кони вороны не осѣдланы,
 Вѣрныя слуги не сварижены.
 Не пугайся ты, любушка,
 Свѣтъ Феодосья Тарасьева!
 Будеть дѣло все сдѣлано!
 Ужъ, я встану скорешенько,
 Я умоюсь вълащенько,
 Причешу буйную голову,
 Я завью кудри русыя,
 Прикажу осѣдлать коней,
 И слугамъ снарядятся,
 Только свѣсть да повѣхати
 Мнѣ на службу Царскую.
 100.

Еще во саду, саду,
 Во зеленомъ саду,
 Какъ подъ яблонью кровать,
 Подъ кудрявою тесова,
 Позолоченная —
 На кровати-то перина
 Пуховая постлана,
 Какъ кисейно изголовьице
 Со алыми со бантиками,
 Одеяльце соболонно постлано,
 Что подъ тѣмъ ли одеяломъ
 Свѣтъ Игнатій лежить,
 Свѣтъ Петровичъ.
 Ужъ какъ около его слуги,
 Слуги вѣрныя его,
 Разубаюють, раздѣваюють,
 Спать укладываюють,
 Уговариваюють:
 Ужъ, ты ляжь, сударь, усни,
 Хотя на малой часъ, на минуту!
 Ужъ какъ малой часъ прошелъ,
 Скороходъ къ нему пришелъ.
 Ужъ, ты встань, сударь,
 Свѣтъ Игнатій господинъ,
 Свѣтъ Петровичъ,
 Хотя на малой часъ, на минуту!
 Ужъ, какъ на морь корабль
 Съ чистымъ серебромъ ушелъ,
 П

Съ чистымъ серебромъ,
 П съ крупнымъ жемчугомъ.
 Не могу я встать,
 Головы поднять,
 Скорыя ноги не бѣгутъ,
 Бѣлыя руки не берутъ.
 Еще во саду, саду,
 Во зеленомъ саду,
 Какъ подъ яблонью кровать,
 Подъ кудрявою тесова,
 Позолоченная —
 На кровати-то перина
 Пуховая постлана,
 Какъ кисейно изголовьице
 Съ алыми со бантиками,
 Одеяльце соболонно постлано,
 Что подъ тѣмъ ли одеяломъ
 Свѣтъ Игнатій лежить,
 Свѣтъ Петровичъ.
 Ужъ, какъ около его слуги,
 Слуги вѣрныя его
 Разубаюють, раздѣваюють,
 Спать укладываюють,
 Уговариваюють:
 Ужъ ты ляжь, сударь, усни,
 Хотя на малой часъ, на минуту!
 Ужъ какъ малой часъ прошелъ,
 Скороходъ къ нему пришелъ.
 Ужъ ты встань, сударь,
 Свѣтъ Игнатій господинъ,
 Свѣтъ Петровичъ,
 Хотя на малой часъ, на минуту!
 Ужъ какъ на морь корабль
 Съ красной дѣвицей ушелъ.
 101.

У голубя голова,
 Вся серебрянная,
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!
 У голубушки головка,
 Позолоченная!
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!
 У Василья голова
 Всегда причесанная,
 У Федуловича голова
 Приглаженная.
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!
 У Феодосья голова
 Въ жемчугахъ украшена,
 У Тарасьева голова

Въ кокошникъ уерана,
 То-то голубь,
 То-то сизый голубокъ!
 Ужь какъ этой головъ
 Дивовался боярннъ,
 Дивовался молодой,
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!
 Дивовался молодой,
 Не жеватой, холостой;
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!
 Какъ бы эта голова,
 У меня въ домъ была.
 То-то голубь
 То-то сизой голубокъ!
 Я бы лѣтомъ сталъ
 Во каретушкахъ катать,
 А зимою-бъ во рѣшетчатыхъ саняхъ
 На воронныхъ лошадахъ.
 То-то голубь,
 То-то сизой голубокъ!

102.

Вдоль по рѣчкѣ, по рѣчкѣ,
 Вдоль по рѣчкѣ суденышко плыветь,
 Вдоль по быстрой раскрашенное;
 Въ томъ ли суденышкѣ
 Свѣтъ Василий сидитъ,
 Свѣтъ Федуловичъ.
 По берегу шла
 Свѣтъ Федосья Тарасевна.
 Звонко, громко кричить,
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Воротися, соколъ,
 Воротися, мой милый другъ!
 Свѣтъ Василий Федуловичъ!
 Я тебѣ радость скажу,
 Я тебѣ сына рожу
 Я тебѣ сына ясна сокола.
 Вдоль по рѣчкѣ, по рѣчкѣ,
 Вдоль по рѣчкѣ суденышко плыветь,
 Вдоль по быстрой раскрашенное;
 Въ томъ ли суденышкѣ
 Свѣтъ Василий сидитъ,
 Свѣтъ Федуловичъ.
 По берегу шла
 Свѣтъ Федосья Тарасевна.
 Звонко, громко кричить,
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Воротися, соколъ,
 Воротися, мой милый другъ!
 Свѣтъ Василий Федуловичъ!

Я тебѣ радость скажу,
 Я тебѣ дочку рожу,
 Я тебѣ дочку лебедь въуюю.
 Эта радость мнѣ не велика!
 Ужь какъ сыпъ-то у меня хозяйннъ въ дому,
 Ужь какъ дочь у меня гостинна въ дому.

103.

Ужь, какъ Петръ господннъ,
 Петръ, сударь, Дмитриевичъ,
 Матушки своей послушался,
 Спалъ онъ, не засыпалъ,
 А по ранѣ просыпался
 Въ соворныя заутрени,
 Въ громкнй ранннй благовѣсть,
 По скорешеньку одѣвался,
 Бѣлешенько умывался,
 Частымъ гребешкомъ чесался,
 Въ чисто зеркало смотрѣлся,
 Во чистое во хрустальное.
 Прплежно Богу молился,
 На колына онъ становился:
 Да дай же мнѣ Богъ суженую,
 Что-бъ суженая моя, ряженая,
 Была хороша, пригожая,
 Была бы умна, да веселивая
 Къ добрымъ людянь привѣтливая,
 Свекры-батюшкѣ покорявая,
 Свекрови-матушки послушнвая,
 Деверьямъ-братьямъ услужнвая
 Мнѣ молодцу любовная.
 Ой Петръ, сударь, Дмитриевичъ!
 Ужь, какъ дажь тебѣ Богъ суженую,
 Ужь какъ дажь тебѣ ряженую,
 Ту ли душу Прасковьюнну,
 Ту ли свѣтъ Васильевну,
 Ужь, какъ въ теремъ ли войдетъ.
 Свекоръ батюшка усмѣхнется,
 Ужь съ терема-ль долой сойдетъ,
 Свековъ-матушка возрадуется,
 По свѣтелочкѣ ли пройдетъ,
 Деверья-братья не насмотрятся
 Во зелень ли садѣ пойдеть,
 Сестры-золовки прочъ нейдуть.
 Ужь ты ли, господннъ,
 Петръ, сударь, Дмитриевичъ,
 Ею ты неналюбнешься,
 Ею ты ненакрасуешься,
 Тебѣ ее мнѣе нѣтъ.

104.

Долго по долгу соколъ не летнть,
 Знать что соколъ за лѣсъ замѣтль;

Долго по долгу къ намъ Петра пѣть.
 Ъдетъ Петръ-то, ѡдетъ Петръ-то,
 Ъдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ,
 Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
 Грива у коня златомъ перевита,
 Хвостъ у коня какъ лютая змѣя,
 Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
 Какъ соколъ на рукѣ.
 Разыгрался разыгрался Петровъ-то конь,
 Разыгрался разыгрался Васильевичевъ конь,
 Онъ перескочилъ черезъ тынъ въ зеленъ
 садъ,

Переломилъ, переломилъ,
 Переломилъ онъ железную тынъ,
 Отломилъ онъ у яблони сукъ,
 Отломилъ, отломилъ,
 Отломилъ у кудрявыя сукъ.
 Возговорить свѣтъ, Василій господинъ,
 Возговорить свѣтъ, Васильевичъ:
 Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
 Кто железну тынъ переломилъ?
 Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ?
 Кто безъ меня у кудрявыя сукъ сломилъ?
 Возговорить свѣтъ, Петръ, господинъ,
 Возговорить свѣтъ, Васильевичъ:
 Я безъ тебя въ зеленомъ саду былъ,
 Я безъ тебя железну тынъ сломилъ,
 Я безъ тебя у яблони сукъ сломилъ,
 Я безъ тебя у кудрявыя сукъ сломилъ.

Долго по долгу соколъ не летить,
 Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ;
 Долго по долгу къ намъ Петра пѣть.
 Ъдетъ Петръ-то, ѡдетъ Петръ-то,
 Ъдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ
 Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
 Грива у коня златомъ перевита,
 Хвостъ у коня, какъ лютая змѣя,
 Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
 Какъ соколъ на рукѣ.
 Разыгрался, разыгрался Петровъ-то конь,
 Разыгрался, разыгрался
 Разыгрался Васильевичевъ конь,
 Расшеталя дубовыя веревъ,
 Разогналъ красныхъ двѣушекъ,
 Душу Пашеньку съ собою взялъ.
 Возговорить свѣтъ, Василій господинъ,
 Возговорить свѣтъ, Васильевичъ:
 Кто безъ меня въ домѣ былъ?
 Кто безъ меня веревочки расшеталя?
 Кто безъ меня красныхъ двѣушекъ разо-
 гналъ?
 Кто безъ меня Прасковьюшку взялъ?

Возговорить свѣтъ, Петръ господинъ,
 Возговорить свѣтъ, Васильевичъ:
 Я безъ тебя въ домѣ былъ,
 А мой конь веревочки расшеталя,
 Я безъ тебя красныхъ двѣушекъ разогналъ,
 Я безъ тебя Прасковьюшку душу взялъ.

105.

Повѣяли со Волги вѣтры буйныя,
 Вѣтры буйныя, все осення,
 Зашумѣла грушица въ зеленомъ саду,
 Понеслись вѣспи по каменной Москвѣ,
 Понеслись вѣспи по широкому терему.
 Какъ у Тараса радость сочинилася,
 Какъ у Ивановича въ дому сочинилася.
 Породила его молодая жена,
 Свѣтъ Наталья Васильевна,
 Сына умнаго, разумнаго,
 Свѣтъ Ивана Тарасовича.

106.

Ужъ, ты гдѣ былъ, побывалъ
 Свѣтъ нашъ, тысящій воевода?
 Ужъ, ты гдѣ былъ, побывалъ
 Свѣтъ Иванъ Ивановичъ, воевода?—
 Я былъ, побывалъ,
 Во каменной Москвѣ.
 А что же ты, воевода, подвывалъ?
 Я, двинцы, тамъ торговалъ,
 Я, красныя, тамъ торговалъ.
 А чѣмъ же ты торговалъ?
 А чѣмъ же ты за товаръ бралъ?—
 Я торговалъ дорогими парчами.
 Я бралъ не кунами, не черными соболя-
 ми,
 Я бралъ все со русыми со косами,
 Я бралъ со двинскими красотами.

107.

То Михайлъ пѣсенка,
 Да что лѣному соколу
 И со белой лебедушкой,
 Свѣтъ, Ириною Григорьевной!
 Слышншь ли, Михайло, господинъ?
 Слышншь ли, Федотовичъ?
 Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ,
 Еще какъ мы тебя величаемъ, величаемъ,
 Мы по имени тебя называемъ, называемъ,
 По отчеству тебя возносимъ, возносимъ;
 Да что сыръ молодой на блюду, на блюду,
 Что зелено вино съ шафраномъ, съ шаф-
 раномъ,
 Да что сладкой медъ съ кордамономъ, съ
 кордамономъ.

Во саду вшпенне садовое, садовое,
 Во саду яблоко наливное, наливное.
 Ты, Михайло господиць, не скупися, не
 скупися,
 Съ золотой гривной разступися, разступися!

Ай спасибо Михайло, господиць,
 Ай спасибо Федотовиць, сударь!
 И мы медь твой выпили,
 Мы челомъ тебе ударили,
 По поклону, по инскому,
 Мы по слову, по ласковому.
 У Михайлы въ гостяхъ не бывали, не бы-
 вали,
 И мы меду его не пивали, не пивали,
 А что медь то его, то водица, то водица,
 А что дары-то его, то тряпица, то тряпица.

108.

Воротися соколъ, воротися, воротися,
 Позабылъ ты шляпу на стопкѣ, на стопкѣ,
 Позабылъ ты пеньсту цѣловать, цѣловать.

109.

Какъ ходила душа Марьюшка,
 Гуляла свѣтъ Ивановна,
 У себя ли во терему,
 У себя ли во высокомъ;
 Брала золоты ключи,
 Отпирала кованы дарцы,
 Выпимала дороги подарочки:
 Свѣкру-батюшкѣ шелковъ платокъ,
 Шелковъ платокъ—Персидской,
 Свѣкровъ-матушкѣ цвѣтенъ грезеть,
 Цвѣтенъ грезеть, яхонтовой,
 Свѣту деверню косыночку,
 Косыночку тонку полотняную,
 Дорогой золовущкѣ подвязочки,
 Подвязочки шнты золотомъ,
 А другу ли своему суженому,
 Милому своему ряженому,
 Ивану Петровичу,
 Подарила цвѣточекъ,
 Лазуревой василечекъ.
 Береги его Иванъ, господиць,
 Береги его, сударь, Петровиць:
 Для тебя я его востыла,
 Для тебя я его вѣвила,
 Для тебя я его ледвила.

110.

И вы, гости наши, посидите у насъ,
 И вы, свѣтлы наши, побесѣдуйте у насъ!
 Ты вонди туча грозная,
 Ты пролей сильный дождикъ.

Т. I. Ч. III.

Чтобы наши гости
 Посидѣли у насъ,
 Чтобы наши свѣтлы
 Побесѣдовали у насъ.

111

Вьюнъ на водѣ извивается,
 А зять у воротъ увивается.
 Ахъ, тесть мой, тесть ласковый!
 Отдай ты мой даръ, мое суженое.
 Тесть тутъ ему высылаетъ коня,
 Ласковый тутъ ему высылаетъ въ узлѣ.
 Ахъ, то не мое, то несуженое!
 Ахъ, то не мое, то переженое!
 Вьюнъ въ водѣ извивается;
 А зять у воротъ увивается.
 Ахъ, теща моя, теща ласковая!
 Ахъ, теща моя, теща привѣтливая!
 Ты отдай мой даръ, мое суженое.
 Теща даетъ ему даръ, свой ларець.
 Ахъ, то не мое, то не суженое!
 Ахъ, то не мое, то не ряженое!

Вьюнъ на водѣ извивается,
 А зять у воротъ увивается.
 Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!
 Ты отдай мой даръ, мое суженое,
 Мое суженое, мое ряженое.
 Шуринъ ему даритъ даръ,
 Шуринъ ему да Ульяну, душу,
 Ульяну, душу, да Антонову.
 Ахъ, вотъ ли мой даръ, мое суженое!

112.

Не свивайся, не свивайся твѣра со вы-
 инкой,
 Не лѣстися, не лѣстися голубъ со голубкой,
 Не свикайся, не свикайся молодецъ съ дв-
 вицей;
 Хорошо было свикается, тяжкоразставаться.
 Со полудни до вечерей голубчикъ летаетъ,
 Овъ летаетъ, овъ летаетъ, голубушкы
 ницеть:
 Не долетая голубки, у людей-то спроцаеть:
 Гдѣ видали, гдѣ слыкали про мою голубку?
 А моя-то свѣтъ голубка очень знакома:
 Очи ясны, брови черны, личкомъ вѣднѣ-
 ка.
 Пробиралася голубка на синѣ морѣ,
 Черезъ лѣса, волоты, и черныя грязи;
 Съла, пала надъ водою, плакала слезно,
 Утѣрала ручьи слезъ русою косою;
 Звала меня, позывала Наталья въ гости,
 Сушила мнѣ, посуливала конопель двѣ гор-
 сти,

19

КОНОПЕЛЬ ДВА ГОРСТИ, ПШЕНИЦЫ ПОЛГОРСТИ.
КАКЪ У ТОЙ, У ВАСИЛЬЕВНЫ КРОВАТЬ ТЕСО-
ВАЯ,
НА КРОВАТИ ПЕРИНУШКА ЛЕЖИТЬ ПУХОВАЯ.
ЗАЛИБАЛАСЯ НАТАЛЬЯ ГОРОЧЬИМИ СЛЕЗАМИ,
ПРОЩАЛАСЯ СЪ ПЕТРОМЪ, УМИЛЬНО ВЗДЫХАЮЩИ.

113.

МАТУШКА, МАТУШКА,
МАТЬ ТЫ МОЯ, ГОСУДАРЬНЯ!
МНѢ ЛИ НЫНЧЕ СОНЪ ПРИВИДѢЛСЯ:
КАКЪ У НАСЪ ЛИ ВО ЗЕЛЕНОМЪ САДУ
ВЫРОСЛО ДЕРЕВЦО КИПАРИСНОЕ;
НА ТО ЛИ ДЕРЕВЦО СЛЕТАЛИСЬ СОКОЛЫ,
СЛЕТАЛИСЬ ВСЕ МОЛОДЫЕ.
УЖЕ ОДИНЪ ЛИ СОКОЛЪ ЛУЧШЕ ВСѢХЪ,
ЛУЧШЕ ВСѢХЪ, БЫСТРѢ ВСѢХЪ:
ОНЪ ВЗВИСЯ ПОДЪ ОБЛАКА,
СПУСКАЛСЯ СТРѢЛКОЮ,
НАЛЕТАЛЪ НА УТУШКУ,
НАПАДАЛЪ ОНЪ НА СВЯГУЮ,
УНОСИЛЪ СЕБѢ ВЪ ГВѢЗДО.
ЧТО ВОЗГОВОРИТЬ ЕЯ МАТУШКА,
ЧТО ВОЗГОВОРИТЬ ГОСУДАРЬНЯ:
ТЫ ДИТА ЛИ МОЕ, ДИТЯТКО,
ТЫ ДИТА ЛИ МОЕ, МИЛОЕ,
Я ЭТОТЪ СОНЪ РАЗСУЖУ,
ПО СЛОВАМЪ ТЕБѢ РАЗСКАЖУ:
ЧТО ЗЕЛЕНЫЙ САДЪ, ТО ШИРОКІЙ НАШЪ ДВОРЪ,
КИПАРИСНОЕ ДЕРЕВЦО, ТО Я У ТЕБЯ,
СОКОЛЫ МОЛОДЫЕ, ТО ГОСТИ У НАСЪ,
ГОСТИ ПРІВѢЖЕ, НЕЗНАКОМЦЕ;
УЖЕ ОДИНЪ ЛИ СОКОЛЪ, ТО ТВОЙ СУЖЕНЫЙ,
УЖЕ ОДИНЪ ЛИ БЫСТРЫЙ, ТО ТВОЙ РЯЖЕНЫЙ;
СВЯГАЯ УТУШКА, ТО ТЫ У МЕНЯ;
УВЕЗЕТЪ ТЕБЯ ТВОЙ СУЖЕНЫЙ,
УВЕЗЕТЪ КЪ СЕБѢ ДОМОЙ,
РАЗЛУЧИТЬ ТЕБЯ СО МНОЮ.

114.

УЖЕ КАКЪ ВОЗГОВОРИТЬ ВЪ ТЕРЕМѢ
СВѢТЪ УЛИТА СОФРОНОВНА:
ЧТО ЯСЕНЬ-ЛИ СВѢТЕЛЪ МѢСЯЦЪ?
ЧТО ВЕСЕЛЪ-ЛИ МОЙ МИЛЫЙ ДРУГЪ,
СВѢТЪ СТЕПАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ?
И ОНЪ ПЬЕТЪ, ПРОХЛАЖДАЕТСЯ,
И ОНЪ МНОГО ПОХВАЛЯЕТСЯ:
У МЕНЯ ЖЕНА РАЗУМНАЯ,
ЧТО НЕ ПЬЕТЪ ПИВА ЦѢЛНЯГО,
ЗЕМЛЕВА ВИНА ВЪ РОТЪ НЕ БЕРЕТЪ;
У НЕЕ РЫБЪ ЛЕБЕДИНА,
А ПОХОДКА НАДАННАЯ,
ОНА ПРОЙДЕТЪ — УТѢШИТЬ МЕНЯ,
СЛОВО МОЛВИТЬ — НАКОРМИТЬ МЕНЯ.

115.

МАРЬЯ ИВАНА СЪ КРЫЛЬЦА ПРОВОЖАЛА,
ИВАНОВНА СЪ ВЫСОКАГО ПРОВОЖАЛА,
А САМА ПРИКАЗЫВАЛА:
ТЫ, ИВАНЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ.
ТЫ ПРИѢДЕШЬ НА ДѢВИЧНИКЪ,
НА ДѢВИЧИЙ, СУДАРЬ, ВЕЧЕРЪ,
ПРІВЕЗИ, СУДАРЬ, ШКАТУЛКУ;
БЫЛО БЫ ВО ШКАТУЛКѢ
ДЕЛИКАТНОЕ УБРАНСТВО:
ПОЛТОРАСТА АРШИНЪ ЛЕНТЬ.
ВСЯКАГО, РАЗНАГО ЦВѢТА:
РОЗОВЫХЪ, АЛЫХЪ,
ГОЛУБЫХЪ, ВАСИЛЬКОВЫХЪ.
ПОМЕРАНЦОВЫХЪ, ЖЕЛТЫХЪ,
ФИОЛЕТОВЫХЪ, БѢЛЫХЪ,
ПУРПУРОВЫХЪ, ЗЕЛЕНЫХЪ.
МНѢ ИЗЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ ЛЕНТЬ
НА ГРУДИ УБРАТЬ БАНТЬ;
ЕЩЕ МНѢ ЗЕРКАЛЬЦЕ СТѢННОЕ,
ГРЕБЕНЬ, СУДАРЬ, РЪЗНОЙ,
МНѢ ВЪЕРЪ РЪЗНОЙ,
ДВОЕ ШЕЛКОВЫХЪ ЧУЛКОВЪ.
ЧЕРЕВИЧКИ БАРХАТЦЫЯ,
ПЕРЧАТОЧКИ ШЕЛКОВЫЯ,
МНѢ КОРИЦЫ, ГВОЗДИКИ,
МНѢ МЯТНАГО МАСЛА,
МНѢ ГВОЗДИШНАГО МАСЛА,
МНѢ ДВѢНАДЦАТЬ ГОРШЕЧКОВЪ
ПОРОШКОВЫХЪ РУМЯНЪ,
ПОРОШКУ СТО БУМАЖЕКЪ,
ПЯТЬДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ДЕНЕГЪ,
ЧѢМЪ ДАРИТЬ КРАСНЫХЪ ДѢВУШЕКЪ.

116.

МАШЕНЬКА ПО ГОРЕНКѢ ХОДИЛА,
ЕФИМОВНА ПО НОВОЙ РУДЛА,
МИНДАЛЬНЫЕ ОРЕШКИ ШЕЛКАЛА,
СКОРЛУПКУ ВЪ ОКОНЕЧКО КИДАЛА,
ПЕТРУ ВЪ КУДРИ ПОПАДАЛА,
ПЕТРОВИЧУ ВЪ ЧЕРНЫ ПОПАДАЛА;
УЖЕ, ОНЪ ЛИ ОГЛЯНУЛСЯ,
А САМЪ УСМѢХНУЛСЯ:
ДОБРО-ЖЕ ТЫ, МАШЕНЬКА
ДОБРО-ЖЕ ТЫ, СВѢТЪ ЕФИМОВНА!
ЗА ТВОИ ЛИ ОРЕШКИ
ОТСМѢЮ ТЕБѢ НАСМѢШКИ,
НЕ СТАНЕШЬ НАДЪ СУЖЕНЫМЪ СМѢЯТЬСЯ.
СКОРЛУПОЙ ВЪ НЕГО БРОСАТЬСЯ,

II ПѢСНИ ДѢВЦЪ

НА
ДѢВЧИЧЬИКУ.

117.

ПЕРЕКАТНО КРАСНО СОЛНЫШКО,
Ты звезда перекатная,
За облакъ звезда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
ПЕРЕПЛА НАША ДѢВЦА
Изъ горницы во горницу,
Изъ столовой во новую;
ПЕРЕШЕДЪ, ОНА ЗАДУМАЛАСЯ,
А ЗАДУМАВШИСЯ, ЗАПЛАКАЛА,
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно-ль того сдѣлать,
Меня, дѣвицу, не выдать?

118.

НЕ лежи черныи боръ у крутыи бере-
говъ,

Черная куна воздъ быстрой рѣки;
Не сиди Севастьянъ во чужомъ пиру,
Севастьянъ господинъ и Созонтовичъ;
Снаряжай ты свадьбу Федосьину,
Что Федосьину Севастьяновнину.
Глупые люди, неразумные!
Ужъ у меня свадебка снаряжена
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пшена наварено,
Десятъ четвертей зелена вина,
Ужъ у меня придавно приготовлено
Девять городовъ съ пригородами.

119.

Во полѣ лебедушка кликала.
Во теремѣ Хавроньюшка плакала.
Богъ суди родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаеть!
Остается зеленъ садъ безъ меня,
Завянуть все цвѣточки во саду:
Аленькій мой, вечерній цвѣтокъ,
Голубый, лазоревый василекъ.
Накажу своему батюшкѣ родному:
Вставай ты, мой батюшко, раненько,
Поливай все цвѣтики частенько,
Утренней, вечерней зарею.

120.

Я сидѣла во теремѣ,
Я низала себѣ шапочку,

Я по алому по бархату;
Гдѣ нѣ взялася ясенъ соколъ,
Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ.
Онъ задѣлъ за тарелочку,
Онъ задѣлъ за серебряную,
Онъ просыпалъ крупенъ жемчугъ
До единого зернышка.
Какъ расплакалась дѣвушка,
Передъ батюшкой стоячи.
Ты не плачь, мое дитятко!
Созову тебѣ князей, бояръ,
Подберутъ твой крупенъ жемчугъ
До единого зернышка.

121.

Поверхъ моря, поверхъ синяго,
Поверхъ синяго, поверхъ Хвалынскаго.
Надеглись туманы со морянами,
Невидно ни лодочки, ни молодчикъ
Надъ душею, красною дѣвицею,
Надъ Марьею, свѣтъ Ивановною
Поселенася не мала бѣда,
Помрачнло ретиво сердце.
Облегло тоской со кручиною.
Государь мой, родный батюшка,
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ!
Ты возьми булатный ножъ,
Ты соймай мою бѣду грудь,
Посмотри въ ретиво серце.
Охъ, ты, мое дитятко милое,
Свѣтъ Марья Ивановна!
Ужъ, за чѣмъ брать булатный ножъ,
Ужъ, за чѣмъ соймай бѣду грудь,
Ужъ, за чѣмъ соймай бѣду грудь,
Бѣда по твоему бѣду лѣну
Встѣмъ дознать тебѣ, дитятко:
Какъ было лице потусмнилось,
Какъ брови черныя приусмягнули,
Какъ алы румянцы призакрылись.
Какъ очи ясны помутилися.
Какъ изъ очей слезы покатилися

122.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
Летить стадо лебединое,
А другое гусиное,
Отставала лебедь бѣлая,
Прочь отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣть лебедушка
По гусиному кликати:
Не щипите меня, лебедь,

Ой вы, гуси сырые!
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесло меня погодою.
 Отставала Федорушка,
 Отставала Ивановна,
 Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
 Приставала Федорушка,
 Приставала Ивановна
 Къ молодымъ молодушкамъ;
 Не умѣть Федорушка
 Ни головушки оправити;
 Ее стали бабы журити,
 А Федорушка плакати:
 Не журите, бабы старыя!
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Не своею охотою;
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони Ивановы,
 Что Ивана Максимовича.

123.

Сборы, сборы Аннушкины,
 Велики сборы Ивановины:
 Сбирала подружекъ за свой столъ,
 Сажала подружекъ высоко,
 Сама садилась выше всѣхъ,
 Клонила головушку ниже всѣхъ,
 Думала думушку крѣпче всѣхъ.
 Ахъ, вы дѣвушки, вы подруженьки!
 Придумайте, пригадайте:
 Какъ мнѣ быть да житьъ съ чужихъ лю-
 дякъ?

Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
 Какъ величать свекровь лютую?
 Мнѣ свекромъ назвать—осердится;
 Мнѣ батюшкѣмъ назвать—не хочется;
 Мнѣ свекровью назвать—осердится;
 Мнѣ матушкой назвать—не хочется.
 Увѣраю я свекра, поладити,
 Принеблю я ума-разума;
 Назову я свекра—батюшкой,
 А люту свекровь—матушкой.

124.

Какъ не пава свѣтъ по двору ходитъ,
 Не паваньяны перья роняетъ,
 Какъ ходила тутъ, гуляла
 Аفسоньюшка вкругъ терема,
 Свѣтъ Ивановна вкругъ высокаго,
 Говорила таковы слова небельныя:
 Отложися мой Нѣмецкій замокъ, отомк-
 нися,
 Отложися полуценая пѣшь, отложися,
 Отворися калитая дверь, отворися,

Распахнися шнтой, брапой положекъ, рас-
 пахнися,
 Пробудися моя матушка, пробудися,
 Ужъ не вѣкъ мнѣ у васъ вѣковати,
 Не недѣлюшку мнѣ гостити,
 Одну поченьку ночевати,
 И той мнѣ во тоскъ, во слезахъ не видати.
 На молитвъ-ль мнѣ ее простоятн?
 Иль съ батюшкой думу думати?
 Иль съ матушкой гадати?
 Иль съ подружками рѣчь говоритн?

125.

При послѣднемъ было вечеръ,
 У Настасьи на дѣвичнику,
 У Андреевичъ на дѣвичнику,
 Прилеталъ къ пей ясенъ соколъ
 Онъ садился на окошечко,
 На дубовую причепнику,
 На серебряну перекладнику.
 Какъ увидѣла матушка,
 Изъ высокаго терема,
 Изъ косяцатаго окошечка,
 Закричала громкимъ голосомъ.
 Ты, дитя-ль мое, дитятко,
 Дитя, Настасья Андреевна!
 Ты прійай яснаго сокола,
 Яснаго сокола, залетнаго,
 Добраго молодца, забѣзгаго,
 Карпа Трифонича.

Родимая моя матушка!
 Мое сердце не оборотится,
 Уста кровью запекаются,
 Сердце кровью обливається,
 Мнѣ пріять яснаго сокола,
 Приголубить добраго молодца!

126.

На бережку зеленъ садикъ стоитъ,
 Въ томъ садикѣ канарѣйка поетъ,
 Слетались къ ней мелки пташки.
 Свѣтъ ты, наша канарѣчка!
 Ужъ знать намъ къ тебѣ не летати,
 Пшеница съ прѣсомъ не клевати.

На бережку высокъ теремъ стоитъ,
 Въ томъ теремѣ свѣтъ Настасья свѣтитъ,
 Сходились къ ней красны дѣвушки.
 Ахъ, ты, свѣтъ наша, Настасьюшка!
 Ужъ знать намъ къ тебѣ не хаживати,
 Темныхъ почекъ не почевывати,
 Тайныхъ рѣчей не говоривати.

127.

По горамъ, по горамъ ходила,
 Вся цвѣты, цвѣты видѣла;

ОДНОГО ЦВѢТА, ПѢТЬ КАКЪ ПѢТЬ,
УЖЬ КАКЪ ПѢТЬ ЦВѢТУ АЛАГО,
АЛАГО, САМАГО МОЕГО ПРЕКРАСНАГО.
ИЛЬ ЕГО, КРАСНЫМЪ СОЛНЦЕМЪ ВЫПЕКЛО?
ИЛЬ ЕГО ЧАСТЫМЪ ДОЖДЕМЪ ВЫВЯЛО?
ИЛЬ ЕГО СОВСѢМЪ ВО САДУ НЕ БЫЛО?
ПО ДВОРУ, ПО ДВОРУ ХОДИЛА,
ВСѢХЪ ГОСТЕЙ, ГОСТЕЙ ВИДѢЛА;
ОДНОГО ГОСТЯ, ПѢТЬ, КАКЪ ПѢТЬ,
УЖЬ КАКЪ ПѢТЬ ГОСТЯ МИЛАГО,
МИЛАГО, МОЕГО БАТЮШКИ РОДИМАГО;
НѢТЬ НИГДѢ ЕГО, СОВСѢМЪ ЗДѢСЬ НЕ БЫЛО,
МОЕГО ГОСТЯ МИЛАГО, БАТЮШКИ РОДИМАГО.
ИЛЬ МНѢ ПОСЛАТЬ БЫЛО НЕ КОГО?
ИЛЬ МНѢ САМОЙ СХОДИТЬ БЫЛО ГДЕКОГДА?

128.

ТЫ ЗАРЯ-ЛЬ МОЯ, ТЫ ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ,
ТЫ МАРЬЯ, ТЫ ВАСИЛЬБЕНА.
ПОИГРАЙТЕ ДѢВУШКИ, ПОИГРАЙТЕ КРАСНЫЯ,
ПОИГРАЙТЕ КРАСНЫЯ, У МЕНЯ НА ДѢВЧИШКУ.
БАТЮШКА У ВОРОТЬ СТОИТЬ, БАТЮШКА ДОМОЙ
КЛИЧЕТЬ.

БАТЮШКИ НЕ СЛУШАЮ, ОТЪ ИГРЫ ДОМОЙ НЕЙДУ;
НЕ ДОИГРАНА ИГРА, НЕ ДОПѢТА ПѢСЕНКА.

ТЫ ЗАРЯ-ЛЬ МОЯ, ТЫ ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ,
ТЫ НИКОЛАЙ, ТЫ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.
ПОИГРАЙТЕ ДѢВУШКИ, ПОИГРАЙТЕ КРАСНЫЯ,
ПОИГРАЙТЕ КРАСНЫЯ, У МЕНЯ НА ДѢВЧИШКУ.
МАТУШКА У ВОРОТЬ СТОИТЬ, МАТУШКА ДОМОЙ
КЛИЧЕТЬ.

МАТУШКИ НЕ СЛУШАЮ, ОТЪ ИГРЫ ДОМОЙ НЕ
ИДУ;

НЕ ДОИГРАНА ИГРА, НЕ ДОПѢТА ПѢСЕНКА.

ТЫ ЗАРЯ-ЛЬ МОЯ, ТЫ ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ,
ТЫ ИГРА МОЯ, ТЫ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.
НИКОЛАЙ У ВОРОТЬ СТОИТЬ, ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ДОМОЙ КЛИЧЕТЬ.

ХОТЬ НЕ РАДА, ДА СЛУШАЮ, ОТЪ ИГРЫ ДОМОЙ
ПОЙДУ;

ХОТЬ НЕ ДОИГРАНА ИГРА, ХОТЬ НЕ ДОПѢТА ПѢ
СЕНКА.

129.

ВЕЧЕРЬ НАША ПЕРЕПЕЛУШКА
ВСЕЕ НОЧЕНЬКУ ПРОПЛАКАЛА;
ВСЕЕ ТЕМНУЮ ПРОКЛИКАЛА,
КАКЪ ЗАУТРА, РАШЕШЕНЬКО
НИ ЧУТЬ НЕ СТАЛО СЛЫШАТИ,
ЗОЛОТОЙ КЛѢТКИ НЕ ВИДАТИ;
ЗВАТЬ СОКОЛЫ КЪ НЕЙ ПРИЛЕТАТИ,
ПЕРЕПЕЛУСКУ СЪ СОБОЙ ВЪЗЯТИ.
КАКЪ ВЕЧЕРЬ НАША ПРАСКОВЬЮШКА,
КАКЪ ВЕЧЕРЬ СВѢТЬ ГРИГОРЬБЕНА,

ВСЕЕ НОЧЕНЬКУ ПРОПЛАКАЛА;
КАКЪ РАНО, РАШЕШЕНЬКО,
НИ ЧУТЬ НЕ СТАЛО СЛЫШАТИ,
НИ ЧУТЬ ЕЕ ВО ТЕРЕМѢ НЕ ВИДАТИ;
ЗНАТЬ БОЛѢЕ КЪ НЕЙ ПРИВЪЖАТИ,
ПРАСКОВЬЮШКУ СЪ СОБОЙ ВЪЗЯТИ.

130.

ВЫСОКО Я ВЪ ТЕРЕМѢ СВЯЖУ,
ДАЛЕКО Я ПО ЗАРѢ СЛЫШУ,
КАКЪ ЛЕБЕДЬ ЛЕБЕДУШКУ КЛИЧЕТЬ:
ТЫ ЛЕБЕДУШКА, МОЙ ДРУЖЕЧЕКЪ,
ПРИЛЕТИ КО МНѢ НА ЧАСОЧЕКЪ!
У МЕНЯ ВЪ ГНѢЗДЫШКѢ ТЕПЛЕНЬКО,
ПОДЪ КРЫЛЫШКОМЪ ГОРЯЧЕНЬКО.

ВЫСОКО Я ВЪ ТЕРЕМѢ СВЯЖУ,
ДАЛЕКО Я ПО ЗАРѢ СЛЫШУ,
КАКЪ НИКОЛАЙ АГРАФЕНУ КЛИЧЕТЬ,
КАКЪ ИВАНОВИЧЪ НИКОЛАЕВНУ КЛИЧЕТЬ:
ТЫ, АГРАФЕНУШКА, МОЙ ДРУЖЕЧЕКЪ,
ПРИДИ КО МНѢ НА ДЕНЕЧЕКЪ!
У МЕНЯ ПОДВОРЬЕ ШИРОКОЕ,
У МЕНЯ ХОРОМЫ ВЫСОКІЕ,
У МЕНЯ КРОВАТЬ ТЕСОВАЯ,
ПЕРИНУШКА ПУХОВАЯ,
ОДЪЯЛИЦО СОБОЛИНОЕ.

131.

ЗАЛѢТАЛА ПТАШЕЧКА
ВО СОЛОВЬЮ КЛѢТОЧКУ,
ЗА СЕРЕБРЯНУЮ СѢТОЧКУ,
ЗА ЗОЛОЧЕНУЮ РѢШЕТОЧКУ,
ЗА ЖЕМЧУЖНУ ПЕРЕПЛЕТОЧКУ;
А САМА-ТО ВОЗТОСКУЕТСЯ,
А САМА-ТО ВОЗГОРЮЕТСЯ:
ОХЪ-ТИ МНѢ, ОХЪ ТОШНУХОНЬКО!
ОХЪ-ТИ МНѢ, ОХЪ ГРУСТНУХОНЬКО!
У СОЛОВЬЯ ВО КЛѢТОЧКѢ,
ЗА СЕРЕБРЯННОЙ СѢТОЧКОЙ,
ЗА ЗОЛОЧЕНОЙ РѢШЕТОЧКОЙ,
ЗА ЖЕМЧУЖНОЙ ПЕРЕПЛЕТОЧКОЙ,
БЕЗЪ ТРАВЫ-ТО ЗЕЛЕНЬЯ,
БЕЗЪ ВОДЫ-ТО КЛЮЧЕВЬЯ!
УЖЬ МЕНЯ ВОЕЪ НЕ ВЫПУСКАТЬ,
А САМА ВОЕЪ НЕ ВЪЛѢЧУ.
ЗАВЪЖАЛА НАТАЛЬЮШКА,
ЗАВЪЖАЛА БОРИСОВНА
КО ПЕТРУ ВО ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ,
ВЪ ИЗУГРАШЕВНОЙ КЪ ВАСИЛЬБЕНИЧУ;
А САМА-ТО ВОЗТОСКУЕТСЯ
А САМА-ТО ВОЗГОРЮЕТСЯ:
ОХЪ-ТИ МНѢ, ОХЪ ТОШНУХОНЬКО!
ОХЪ-ТИ МНѢ, ОХЪ ГРУСТНУХОНЬКО!
ВЪ ЧУЖИХЪ ЛЮДЯХЪ, ВЪ ЧУЖОМЪ ТЕРЕМУ.

Во чужомъ, незнакомомъ мнѣ,
 Безъ батюшки, безъ матушки,
 Безъ сестрицы-то голубушекъ,
 Безъ красныхъ безъ дѣвушекъ!
 Ужъ меня вонъ не выпускай,
 А сама вонъ не выйду.

132.

Разлилась, раздѣлялась
 По лугамъ вода вешняя
 Унесло, улеяло
 Чудо милое, дочь отъ матери.
 Оставалась матушка
 На крутомъ, красномъ берегу;
 Закричитъ она громкимъ голосомъ:
 Воротись, мое дитятко,
 Воротись, мое милое!
 Позабыла трои ключи,
 Трои ключи золоты,
 Со кольцомъ со-серебрянымъ,
 А внутри вызолоченымъ;
 Какъ первый-то ключикъ
 Отъ зеленого садика,
 А другой-то ключикъ
 Отъ высокаго терема,
 А третій-то ключикъ
 Отъ кована ларчика.
 Государыня матушка!
 Позабыла я не трои ключи,
 Не трои ключи золоты:
 Позабыла я матушка
 Волю батюшкину,
 Ныгу матушкину,
 Приятство сестрицы.

133.

Ужъ какъ во теремѣ дѣвушки,
 Ужъ какъ во высокомъ красныя,
 Разыгрались, разпотѣшились,
 Расскакалися, разплясались,
 Одна лишь душа Катериноушка,
 Катериноушка, свѣтъ Васильевна,
 Задумалась, подгорюнилась:
 Она плачетъ, что рѣка льется.
 Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
 Ужъ ее ли красныя приголубивали:
 Ты не плачь, не плачь Катенька,
 Ты не плачь, не плачь Васильевна,
 Что идетъ къ тебѣ батюшка!
 Батюшка тоски моей не вѣдаетъ;
 Онъ грусти моей не размыкаетъ;
 Онъ горю моему непомощъ.
 Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
 Ужъ какъ въ высокомъ красныя,

Разыгрались, разпотѣшились.
 Расскакалися, разплясались,
 Одна лишь душа Катериноушка,
 Катериноушка, свѣтъ Васильевна,
 Задумалась, подгорюнилась;
 Она плачетъ, что рѣка льется.
 Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
 Ужъ ее ли красныя приголубивали:
 Ты не плачь, не плачь Катенька,
 Ты не плачь, не плачь Васильевна,
 Что идетъ къ тебѣ матушка!
 Матушка тоски моей не вѣдаетъ;
 Она грусти моей не размыкаетъ;
 Она горю моему непомощъ.
 Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
 Ужъ какъ въ высокомъ красныя,
 Разыгрались, разпотѣшились,
 Расскакалися, разплясались,
 Одна лишь Катериноушка,
 Катериноушка, свѣтъ Васильевна,
 Задумалась, пригорюнилась;
 Она плачетъ, что рѣка льется.
 Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
 Ужъ ее ли красныя приголубивали;
 Что идетъ къ тебѣ твой суженый,
 Твой суженый, твой ряженный,
 Что Григорій, сударь, Александровичъ.
 Какъ вскрикнетъ Катериноушка,
 Душа свѣтъ Васильевна:
 Ужъ какъ онъ-то тоску мою вѣдаетъ;
 Я съ нимъ грусть свою размыкаю;
 Ужъ онъ-то моему горю помочь;
 Ужъ онъ-то сердцу не насада;
 Ужъ какъ онъ-то только и во мысляхъ былъ!

134.

Съ Оки вѣтры понавѣяли,
 Незваные гости на дворъ взѣхали,
 Подломили, подломили сѣни новыя,
 Подломили съ переходами,
 Раздавили, раздавили чару золотую,
 Раздавили со финистрою,
 Выпутали, выпутали соловья изъ сада,
 Изъ сада молодого, зеленого!
 Что встужется, что восплачется,
 Александрюшка, душа Николаевна:
 Свѣтъ вы мои, сѣни новыя,
 Свѣтъ вы мои, съ переходами!
 Ужъ мнѣ по васъ не каживати,
 Ужъ мнѣ по васъ не гуливати!
 Свѣтъ ты моя, чара золотая,
 Свѣтъ моя со финистрою!
 Ужъ мнѣ изъ тебя не каживати!

Свѣтъ ты мой, соловей во саду!
 Кто-то меня будетъ поранешеньку будить?
 Поранешеньку будить, скору дѣлу учить?
 Что возговорить Гаврила, господинь,
 Гаврила, сударь, Григорьевичъ:
 Ты не плачь, свѣтъ Николаевна,
 Я сострою тебѣ стѣни новыя,
 Стѣни новыя съ переходами;
 Я солюю тебѣ чару золотую,
 Чару золотую со финнстрою.
 Я у тебя соловей во саду;
 Я стану тебя порану будить;
 Я стану тебя скору дѣлу учить.

135.

Ужь какъ жарко во теремѣ свѣчи горять,
 Горять свѣчи воску яраго,
 Ужь, какъ горько плачетъ свѣтъ Аннушка,
 Унимаешь ее родной батюшка,
 Уговариваешь родна матушка:
 Не плачь, не плачь, мое дитятко!
 Ужь я тебя не въ полонь даю,
 Не въ полонь даю, не поинить хочю;
 Ужь я тебя замужь отдаю
 За умнаго, за разумнаго,
 За вѣлаго, за румяннаго.
 Вѣдь, я тебя не одну пуцу,
 Не одну пуцу, возжань пошлаю,
 Возжань пошлаю, сважу сваряжу.
 Государыня моя матушка!
 Я сама знаю, про то вѣдаю;
 Въ гостяхъ гости всѣ разѣдутся,
 И сватьюшки всѣ разойдутся;
 Одна я, младшенька, остануся,
 На чужой дальней стороушкѣ,
 У чужаго отца, матери,
 У чужаго роду племенн.

136.

Ой вы, гуси, гуси,
 Сизые, Китайскіе!
 Ужь, гдѣ вы, гуси были?
 Сизые Китайскіе побывали?
 И что вы видѣли?
 Мы были на синемъ морѣ,
 Мы видѣли диво большое.
 Что сѣрая утушка купалася,
 На вѣло она полоскалася,
 Купавшися утушка,
 Полоскавшися утушка,
 Подожила она крылушки
 На вѣлѣ рорючѣ камешекъ!
 Ой вы, бояре, бояре,
 Молодые, Московскіе!

Ужь, гдѣ вы были, побывали?
 Да, что-жь вы видѣли?
 И мы были, и мы были
 У Ипата на дворѣ,
 И мы видѣли диво большое
 Ипать ходить по двору,
 Онъ дворъ быметаетъ,
 Онъ коврами устплатъ,
 Удьянущка ходитъ, да плачетъ,
 Къ ларчику припадаетъ:
 Ларчикъ, ты мой ларчикъ,
 Кованый ты мой, дубовый!
 Я годъ тебѣ копила,
 На другой сваряжала,
 Я въ часѣ одинѣ раздарила:
 Свежгу сорочку,
 Свежрови другую,
 Заловкамъ по алонъ лентѣ.
 Красуйтесь золовущи
 Во моей лентѣ алонъ!

137.

Катилось солнце красное,
 По синю своду, небесному,
 Бросало лучи яркіе
 На лѣса густые, на поля широкія.
 Ходила душа Настасьиушка,
 Гуляла свѣтъ Полицарьовна
 По высокому терему,
 Возводила очи ясныя,
 Всѣ заплаканныя,
 На подружекѣ голубушекъ,
 На красныхъ дѣвушекъ:
 Ужь, не годъ мнѣ тождовати,
 Ужь, не недѣлю съ вами нировати,
 Одинѣ денечекъ гостевати,
 Да и тотъ весь горевати,
 Во слезахъ его не видати.
 Придутъ люди незнакомые
 Увезутъ меня отъ батюшки,
 Увезутъ отъ родной матушки,
 Разлучатъ съ вами, дѣвушками.

138.

Раскачалася-гуляница,
 Предъ ялонькой стороуци;
 Расплакалася Аннушка,
 Предъ батюшковой стороуци:
 Государь ты мой, батюшка!
 Ты къ чему рано вино куришь?
 Ты къ чему рано пиво варишь?
 Ты къ чему рано становишь меды сладкіе?
 Ты, дитя ли мое, дитятко,
 Ты, дитя ли мое, милое!

Я хочу тебя замужь отдать
 Не за князя, не за барина,
 За того ли сына гостинного.
 Государь ты мой, батюшка!
 Не лезь-ль думу раздумати,
 А меня бы замужь не выдати?
 Ты, дитя ли мое, дитятко,
 Ты, дитя ли мое, милое!
 У насъ дѣлю-то сдѣлапо,
 По рукавъ у насъ ударено,
 Быть сговору, дѣвчанику,
 Дѣвчѣму вечеру;
 Въ Воскресенье тебѣ, дитятко,
 Къ суду Божьему ѣхати,
 Подъ златымъ вѣвцомъ стоять,
 Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
 Съ Петромъ Ивановичемъ.

139.

Не зеленая травушка,
 Не мягкая мурабушка,
 Во чистомъ полѣ подъ дубинкомъ
 Отъ дождичка отъ крупнаго,
 Отъ вихоря отъ бурнаго
 Ко сырой землѣ прилегаешь,
 Бурюшки пройти не чаешь.
 Приходила Аннушка
 Къ родимому батюшкѣ,
 Помутились очи ясные,
 Возмутились въ горючихъ слезахъ,
 Во слезахъ она не молвишь,
 Одно словечушко промолвила:
 Ой ты, батюшко родимый!
 Ты за что, за что, прогнѣвался?
 Ты за что, за что, разгнѣвался?
 На свое ли дитя милое,
 На свою ли дочь родимую,
 Что отдать хочешь не чужимъ людям,
 Въ чужимъ людѣ, незнакомѣ,
 Ничужь дальню сторону?
 Ужъ и я-ль тебѣ помѣха въ чемъ,
 Изгоняешь съ очей долой?
 Износила ль платѣе цветное?
 Перевила-ль кусокъ сахарный?
 Выпила ли меды сладкіе?
 Вытоптала ли сады зеленые?
 Превалила ли цвѣты лазуревы?
 Искупала-ль янголку наливчату?
 Что сговорить ее батюшка,
 Батюшка ее родимый,
 Петръ, господавъ, Федоровичъ,
 Ты дитя ли мое, дитятко!

Ты дитя ли мое, милое!
 Не клади ты на меня жалобу,
 А клади Богу жалобу
 На сваху-ль ту, разлушницю,
 Что на заую-ль стару подговорщицу;
 Мнѣ не вѣкъ тебя поить, кормить,
 Мнѣ не вѣкъ тебя лелѣвить,
 А пора ужъ замужь выдати.
 Чужа дальняя сторонущка
 Досадитъ тебѣ лишь въ первы дни:
 Пославъ та сторонущка полюбится,
 Чужа дальняя понравится;
 А ужъ и во той-ли, во сторонущкѣ,
 Позабудешь ты и батюшку.

140.

Какъ у насъ во садикѣ
 Много было цвѣтовъ посажено.
 А не много ихъ уродилось,
 Какъ у насъ-ли во теремѣ
 Много было красныхъ дѣвушекъ,
 А теперь не много ослѣлося.
 Какъ не было у насъ измышницы,
 Проявилася у насъ пзмѣнница,
 Елизавета Васильевна.
 Ты на что, душа, прельстилася?
 На орешки-ль, аль на прянички?
 Или на его слова ласковыя?
 Ты хотѣла въ монастырь идти,
 А насъ, красныхъ дѣвушекъ,
 Ты хотѣла насъ съ собой взять.
 Которую во клюшницы,
 Которую во ларешницы,
 Которую во казначей,
 А сама во Игуменѣ.

141.

Наставало времячко,
 Ужъ наставало непогодиливое,
 Что родимой матушкѣ,
 Надеждѣ Ивановѣ,
 Отпускать свою доченьку,
 Свое ли дитя милое,
 Маланьюшку душу Гавриловну,
 На чужудальню сторону,
 Что на чужую, незнакомую;
 Ужъ, какъ слезно восплачется,
 Ужъ, какъ грустно восторюется:
 Ты дитя-ли мое, дитятко,
 Ты дитя-ли мое, милое,
 Повзжай на чужую сторону,
 Въ чужимъ людѣ, незнакомѣ!

КАКЪ ВЪ ДОБРѢ ТЫ ЖИТЬ СТАНЕШЬ,
И МАТУШКУ ЗАБУДЕШЬ;
ВЪ ХУДѢ ЛИ ЖИТЬ СТАНЕШЬ,
И МАТУШКУ ВСПОМЯНЕШЬ.

142.

ПОДРУЖЕНЬКИ, ГОЛУБУШКИ,
ПОДРУЖЕНЬКИ МОИ МНЫЯ!—
ГОВОРИЛА МАЛАНЬЮШКА,
СВѢТЬ ГАВРИЛОВНА ПЛАЧУЩИ,
ГОВОРИЛА КРАСНЫМЪ ДѢВУШКАМЪ,
ГОВОРИЛА, САМА МОЛВИЛА:
НЕ ОТПИРАЙТЕ, НЕ ОТПИРАЙТЕ,
НЕ ОТПИРАЙТЕ ВОРОТЪ ГОСТЯМЪ,
ЧУЖИМЪ ГОСТЯМЪ, НЕЗНАЕМЫМЪ;
НЕ ПУСКАЙТЕ, НЕ ПУСКАЙТЕ
ЧУЖИХЪ ГОСТЕЙ, НЕЗНАЕМЫХЪ,
ГОСТЕЙ НА ШИРОКОЙ ДВОРЪ;
ЗАПИРАЙТЕ, ЗАПИРАЙТЕ,
ЗАПИРАЙТЕ СЪВНУЮ ДВЕРЬ,
СЪВНУЮ ДВЕРЬ ВО СВѢТЕЛОЧКѢ;
НЕ ОТВОРЯЙТЕ, НЕ ОТВОРЯЙТЕ.
НЕ ОТВОРЯЙТЕ ДВЕРЬ КО ТЕРЕМУ,
КО ТЕРЕМУ-ЛѢ МОЕМУ ВЫСОКОМУ;
НЕ ПУСКАЙТЕ, НЕ ПУСКАЙТЕ,
НЕ ПУСКАЙТЕ ЧУЖИХЪ ГОСТЕЙ,
ЧУЖИХЪ ГОСТЕЙ, НЕЗНАЕМЫХЪ.
ОЙ НЕ ПЛАЧЬ, НЕ ПЛАЧЬ,
НЕ ПЛАЧЬ, ДУША МАЛАНЬЮШКА,
НЕ ПЛАЧЬ, СВѢТЬ НАША ГАВРИЛОВНА,
НЕ ЧУЖОЙ ГОСТЬ, НЕ ЧУЖОЙ,
НЕ ЧУЖОЙ ИДЕТЬ, ТВОЙ СУЖЕНЫЙ,
ИДЕТЬ КЪ ТЕБѢ ТВОЙ РАЖЕНЫЙ!

143.

ПРІѢХАЛИ, МАШЕНЬКА,
ПРІѢХАЛИ, ДУША ЕФИМОВНА,
БОЯРЕ НА ДВОРѢ КО БАТЮШКѢ
ДОБРА КОНЯ ТОРГОВАТИ.
МНѢ ДОБРЫЙ КОНЬ НЕ НАДОБЕНЪ,
МНѢ НА НЕМЪ НЕ ТѢДИТИ,
А НАДОБЕНЪ ОНЪ БАТЮШКѢ.

ПРІѢХАЛИ, МАШЕНЬКА,
ПРІѢХАЛИ, ДУША ЕФИМОВНА,
БОЯРЕ НА ДВОРѢ КО БАТЮШКѢ
ЯСНА СОКОЛА КУПИТИ.
МНѢ ЯСЕНЬ СОКОЛЪ НЕ НАДОБЕНЪ,
МНѢ ИМЪ НЕ ТѢШИТЬСЯ,
А НАДОБЕНЪ ОНЪ БАТЮШКѢ.

ПРІѢХАЛА, МАШЕНЬКА,
ПРІѢХАЛА, ДУША ЕФИМОВНА,
СВАШЕНЬКА КО МАТУШКѢ,
СВАШЕНЬКА НЕМИЛОСТИВАЯ,
СВАШЕНЬКА НЕЖДАЛОСТИВАЯ,

Т. I. Ч. III.

ХОЧЕТЬ ТВОЮ КОСЫНЬКУ РАСПЛАТАТИ,
СЪ РУСОЙ ЖЕМЧУГЪ РАЗЫПАТИ,
СЪ ВЫСОКАГО ТЕРЕМА СВОДИТИ,
НА ЧУЖУ СТОРОНУ УВОЗИТИ,
ВЪ ЧУЖИ ЛЮДИ, НЕЗНАКОМЫЕ,
КЪ ЧУЖОМУ ОЦУ, КЪ МАТЕРИ,
КЪ ДЕВЕРЬЯМЪ, КЪ ЗОЛОВУШКАМЪ.

144.

ВЫСОКО ЗВѢЗДА ВОСХОДИЛА,
ВЫШЕ СОЛНЦА, ВЫШЕ МѢСЯЦА.
КАКЪ У НАСЪ ВО ТЕРЕМѢ
МАРЬЮШКА ГОРЬКО ПЛАКАЛА,
ЕФИМОВНА СЛЕЗНО ВОПИЛА,
ПОМНИЛА ПРО ЧУЖУ СТОРОНУ,
ПРО ЧУЖАГО ОТЦА СЪ МАТЕРЬЮ:
КАКЪ ЧУЖОЙ-ТО ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ
БЕЗЖЕЛАННЫЕ УРОДИЛСЯ.
ПОСЫЛАЛИ МЕНЯ ПО ВОДУ,
ПОСЫЛАЛИ МОЛОДУ НА МОСКВУ РЕКУ.
КАКЪ СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНУШКИ
ПОДЫМАЛАСЯ ПОГОДУШКА,
НАЛЕТАЛИ ГУСИ СЪРЫЕ,
ВОЗМУТИЛИ ВОДУ СВѢЖУЮ;
Я МОЛОДА БЕЗЪ ВОДЫ ДОМОЙ ПРИШЛА.
СВЕКОРЬ-БАТЮШКА ЖУРИТЬ, БРАННТЬ,
СВЕКОРЬ-МАТУШКА БИТЬ ХОЧЕТЪ;
СПАСИБО ЗОЛОВУШКѢ,
ЗА МЕНЯ СЛОВО ЗАМОЛВИЛА:
ОЙ ТЫ, ГЛУПАЯ НЕВѢСТУШКА,
НЕРАЗУМНАЯ ТВОЯ ГОЛОВУШКА!
КАКОВА БЫ ВОДА СЛУЧИЛАСЯ,
ВЪ ВЕДРАХЪ БЫ УСТОЯЛАСЯ.

145.

ЧЕРНЫ КУДРИ ЗА СТОЛЪ ПОШЛИ,
РУСУ КОСУ ЗА СОБОЙ ПОВЕЛИ.
ЧЕРНЫ КУДРИ У РУСОЙ КОСѢ СПРАШИВАЛИ:
РУСАЯ КОСА, НЕ УЖЪ-ЛИ ТЫ МОЯ?
ЕЩЕ ЖЕ ЧЕРНЫ КУДРИ Я НЕ ТВОЯ,
БОЖЬЯ ДА БАТЮШКИНА.

ЧЕРНЫ КУДРИ ЗА СТОЛЪ ПОШЛИ,
РУСУ КОСУ ЗА СОБОЙ ПОВЕЛИ.
ЧЕРНЫ КУДРИ У РУСОЙ КОСѢ СПРАШИВАЛИ:
РУСАЯ КОСА, НЕ УЖЪ-ЛИ ТЫ МОЯ?
ЕЩЕ ЖЕ ЧЕРНЫ КУДРИ Я НЕ ТВОЯ,
БОЖЬЯ ДА МАТУШКИНА.

ЧЕРНЫ КУДРИ ЗА СТОЛЪ ПОШЛИ,
РУСУ КОСУ ЗА СОБОЙ ПОВЕЛИ;
ЧЕРНЫ КУДРИ У РУСОЙ КОСѢ СПРАШИВАЛИ:
РУСАЯ КОСА, НЕ УЖЪ-ЛИ ТЫ МОЯ?
Я БОЖЬЯ ДА ТЕПЕРЬ ТВОЯ.

146.

ЛЕТЛА ПТАШЕЧКА ПО САДУ,

90

ПОРХАЛА ЛЕГКАЯ ПО ЗЕЛЕНУ,
 ВЗВѢВАЛАСЯ ПОДЪ ОБЛАКА,
 СПУСКАЛАСЯ СТРѢЛОЮ.
 КАКЪ ЛОВАТЬ ПТАШЕЧКУ,
 САЖАЮТЬ ВО КЛѢТОЧКУ.
 УЖЕ НЕ ЛЕТАТЬ-ТО МНѢ, ПТАШЕЧКЪ,
 НЕ ЛЕТАТЬ, ЗНАТЬ, ПО САДУ,
 НЕ ЛЕТАТЬ, ЗНАТЬ, ПО ЗЕЛЕНОМУ,
 НЕ ВЗВѢВАТЬСЯ, ЗНАТЬ, ПОДЪ ОБЛАКА.
 НЕ СПУСКАТЬСЯ, ЗНАТЬ, СТРѢЛОЮ.
 КАКЪ ГУЛЯЛА МАРЬЮШКА ПО ТЕРЕМУ,
 КАКЪ ГУЛЯЛА ЕФИМОВНА ПО ВЫСОКОМУ,
 ИГРАЛА СО ДѢВЦАМИ,
 ИГРАЛА СЪ ПОДРУЖКАМИ КРАСНЫМИ.
 КАКЪ ОДАЮТЬ МАРЬЮШКУ,
 КАКЪ ОДАЮТЬ ДУШУ ЕФИМОВНУ
 ВО ЧУЖОЙ ДВОРЪ, ВО ЧУЖИ ЛЮДИ,
 ВО ЧУЖИ ЛЮДИ, ВЪЗНАКОМЫЕ,
 КЪ ЧУЖОМУ ОТЕЦУ, ЖѢ МАТЕРИ.
 ЧТО ВОЗПЛАЧЕТСЯ, ЧТО ВОЗТОСКУЕТСЯ:
 УЖЕ НЕ ГУЛЯТЬ МНѢ ПО ТЕРЕМУ,
 УЖЕ НЕ ГУЛЯТЬ МНѢ ПО ВЫСОКОМУ!
 УЖЕ НЕ ИГРАТЬ, ЗНАТЬ, СЪ ПОДРУЖКАМИ,
 СЪ ПОДРУЖКАМИ, СЪ КРАСНЫМИ ДѢВУШКАМИ!
 УЖЕ НЕ НАЖИТЬ МНѢ, НЕ НАЖИТЬ,
 НЕ НАЖИТЬ, ЗНАТЬ, ПРЕЖНЕЙ ВОЛЮШКИ!
 ЧУЖИЕ ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ
 НЕ ДАДУТЪ ДОЛГО СПАТЬ;
 А ДЕВЕРЬЯ СЪ ЗОЛОВКАМИ
 СТАНУТЪ ВКОСЬ СМОТРѢТЬ.

147.

КАТИЛОСЬ СОЛНЫШКО КО ЗАПАДУ,
 КАТИЛОСЬ КРАСНОЕ КО ТЕРЕМУ,
 КО ТЕРЕМУ БОЯРСКОМУ, КНЯЖЕВЦЕКОМУ,
 ВОСХОДИЛЪ СВѢТЛЪ МѢСЯЦЪ КО ВОСТОКУ,
 ОНЪ СВѢТИТЬ ЯСНО, И НЕ МЕРКНЕТЬ,
 А КИДАЕТЪ ЛУЧИ ЯСНЫЕ
 КЪ МАШЕНЬКѢ ВО ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМУ,
 КЪ ЕФИМОВНѢ ВЪ ВЪЗКРАЩЕННЫЙ.
 ПРИѢЗЖАЛИ КНЯЗЬЯ, БОЯРЕ
 КО ЕФИМУ НА ШИРОКІЙ ДВОРЪ,
 ВОСХОДИЛИ ВЪ СВѢТЛАЮ СВѢТЛЯЧКУ;
 ОНИ БОГУ МОЛИЛИСЯ,
 ХОЗЯИНУ ЧИННО КЛАНЯЛИСЯ,
 ВСѢ РЯДОМЪ САДИЛИСЯ;
 ОДНО МѢСТЕЧКО ОСТАВИЛИ,
 ВПЕРЕДИ ПОДЪ ИКОНАМИ.
 ЗВАЛИ КЪ СЕБѢ, ВЫКЛИКАЛИ,
 ВЫЗЫВАЛИ КРАСНУЮ ДѢВЦУ,
 МАРЬЮШКУ, ДУШУ, ЕФИМОВНУ.
 ТЫ ВЫДѢ, ДУША, МАРЬЮШКА,
 ТЫ ВЫДѢ, СВѢТЪ, ЕФИМОВНА?

ПОКАЖИ НАМЪ СВОЕ ЛИЦЕ БѢЛОЕ,
 ПОКАЖИ НАМЪ СВОЕ ЛИЦЕ РУМЯНОЕ!
 ДЛЯ ТЕБЯ ЛИ МЫ ПИРОМЪ ПРИѢХАЛИ.
 ТЫ СЯДЪ СЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦЕМЪ,
 СЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦЕМЪ, СЪ ТВОИМЪ СУЖЕ-
 ННЫМЪ,
 СЪ ТВОИМЪ СУЖЕНЫМЪ, СЪ ТВОИМЪ РЯЖЕ-
 ННЫМЪ,

СЪ ПЕТРОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ,
 ПОДЪ СВЯТЫМИ ИКОНАМИ,
 ПОДЪ БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ.
 ТЕБѢ ЗАВТРА СЪ НИМЪ ОБРУЧАТСЯ,
 ЗОЛОТЫМЪ КОЛЬЦОМЪ МѢНЯТСЯ,
 ЗОЛОТЫМЪ ВѢНЦОМЪ ВѢНЧАТСЯ,
 ВЪКЪ ТЕБѢ СЪ НИМЪ НЕ РАЗСТАВАТСЯ.

148.

НА МОРЪ СЕЛЕЗЕВЪ КОСУ ВЪЕТЬ,
 СВѢРАЯ УТУШКА ПОЛОЩЕТСЯ.
 КУДА-ЖЕ ОНА ТОРОНИТСЯ?
 ЗНАЕТЪ БАТЮШКА СО МАТУШКОЮ,
 ДОБРОЙ МОЛОДЕЦЪ СО СВАШЕНЬКОЮ.
 КАКЪ УТУШКА ПОЛОСКАЛАСЯ,
 ЕЙ ВСѢ УТУШКИ ЗАВИДОВАЛИ.
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ УТУШКИ,
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ СВѢРЯ;
 И У ВАСЪ БУДУТЪ СЕЛЕЗНИ
 МОЛОДЫЕ, ХОХЛАТЫЕ.
 ПРОТИВЪ ЗЕРКАЛЬЦА ЧИСТАГО,
 ПРОТИВЪ ЗЕРКАЛЬЦА ХРУСТАЛЬНОГО,
 ЧЕСАЛЪ МОЛОДЕЦЪ КУДРИ ЧЕРНЫ,
 ДѢВЦА БѢЛЫТСЯ, РУМЯНЕТСЯ,
 ЗА НИМЪ ЖЕ ТОРОНИТСЯ.
 ЕЙ ВСѢ ДѢВУШКИ ЗАВИДОВАЛИ,
 ЕЙ ВСѢ КРАСНЫЯ ЗАВИДОВАЛИ.
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ ДѢВУШКИ,
 НЕ ЗАВИДУЙТЕ КРАСНЫЯ!
 И У ВАСЪ ТАКІЕ-ЖЕ БУДУТЪ МОЛОДЦЫ,
 ТАКІЕ-ЖЕ БУДУТЪ ХОРОШЕ,
 ТАКІЕ-ЖЕ БУДУТЪ ПРИГОЖЕ,
 ТАКІЕ-ЖЕ БѢЛОРУМЯНЫЕ.

149.

МАШЕНЬКА ДѢВУШКАМЪ ГОВАРИВАЛА,
 ЕФИМОВНА КРАСНЫМЪ НАКАЗЫВАЛА:
 НЕ КИДАЙТЕ, НЕ БРОСАЙТЕ
 ВЫ БАТЮШЕКЪ И МАТУШЕКЪ,
 ЖИВИТЕ ВЪ ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМУ,
 НЕ ХОДИТЕ КЪ ЧУЖИМЪ ОЦАМЪ,
 КЪ ЧУЖИМЪ ОЦАМЪ, КЪ МАТЕРЯМЪ!
 УЖЕ ЧУЖИЕ-ТО ОЦЫ-СВѢТЛЫ
 ВСѢ ЖУРЯТЪ, ВСѢ БРАНЯТЪ,
 ВСѢ БРАНЯТЪ, ВСѢ ВОРЧАТЪ;
 УЖЕ ЧУЖИЕ-ТО МАТЕРИ-СВѢТЛЫ,

НЕ ДАДУТЪ МЛАДШЕНЬКЪ ВЫСПАТЬСЯ,
 ВЫСПАТЬСЯ, ВЫЛЕЖАТЬСЯ,
 ВЫЛЕЖАТЬСЯ, ВЫИЖАТЬСЯ;
 УЖЬ ЧУЖИЕ-ТО БРАТЯ-ДЕВЕРЬЯ,
 ИЗЪ УГЛА ВКОСЬ ГЛЯДЯТЪ;
 УЖЬ ЧУЖИЯ-ТО СЕСТРЫ-ЗОЛОВУШКИ
 ВЪ ГЛАЗА ЛЕСТЬЮ ЛЬСТЯТЪ,
 ЗА ОЧЬЮ ПОВДОМЪ СЪБЪСТЬ ХОТЯТЪ.
 А ТЕБЕРЬ НАША МАШЕНЬКА,
 ДУША, СВѢТЬ, ЕФИМОВНА,
 САМА КИДАЕТЪ, БРОСАЕТЪ,
 КИДАЕТЪ РОДНАГО БАТЮШКУ,
 БРОСАЕТЪ РОДНУЮ МАТУШКУ;
 НЕ МИЛЪ ЕЙ ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ,
 НЕ НРАВИТСЯ ЕЙ ИЗУКРАЩЕНЬИЙ;
 А МИЛЪ-ТО ЕЙ СУЖЕНЬИЙ,
 НРАВИТСЯ ЕЙ РАЖЕНЬИЙ,
 ПЕТРЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ;
 ИДЕТЬ КЪ ЧУЖОМУ ОТЦУ,
 ЧТО КЪ ЧУЖОМУ ОТЦУ-СВЕКОРУ.
 УЖЬ, СВЕКОРЪ ТЕПЕРЬ НЕ ЖУРИТЬ, НЕ БРАНИТЬ,
 НЕ БРАНИТЬ, НЕ ВОРЧИТЬ;
 ИДЕТЬ КЪ ЧУЖОЙ МАТЕРИ КЪ СВЕКРОВИ;
 УЖЬ, СВЕКРОВЬ ЛИ ТЕПЕРЬ ДАЕТЪ ВЫСПАТЬСЯ,
 ДАЕТЪ ВЫСПАТЬСЯ, ВЫЛЕЖАТЬСЯ;
 УЖЬ, ЧУЖИЕ-ЛЪ БРАТЯ-ДЕВЕРЬЮШКИ
 ИЗЪ УГЛА ТЕПЕРЬ ВКОСЬ НЕ ГЛЯДЯТЪ;
 УЖЬ, КАКЪ ЧУЖИЯ-ЛЪ СЕСТРЫ-ЗОЛОВУШКИ
 ВЪ ГЛАЗА ТЕПЕРЬ НЕ ЛЬСТЯТЪ,
 ЗА ОЧЬЮ ПОВДОМЪ СЪБЪСТЬ НЕ ХОТЯТЪ.
 УЖЬ, КАКЪ ОНИ ЛИ ЕЙ ПОЛЮБИЛИСЯ,
 УЖЬ, КАКЪ ОНИ ЛИ ЕЙ ВРЪЖАЛИСЯ,
 НЕ ХОЧЕТЪ СЪ НИМИ ЛІ ВЪСТАТЬСЯ.
 И ВЫ, КРАСНЫЯ ДѢВУШКИ, ПОДРУЖЕНЬКИ,
 И ВЫ — ЧТО ПРО-ЧТО ПРИПЪВАЕТЕ?
 ВСѢ ВАШИ РЪЧИ ДѢВИЧЬИ, НЕЗНАЕМЫЯ,
 НЕЗНАЕМЫЯ, ДѢВИЦАМЪ НЕВѢДОМЫЯ.
 ПРИДЕТЬ ПОРА И ВРЕМЯ ДОРОГОЕ,
 И ВЫ САМИ ЗАДЪВНИТЕ ПО МОЕМУ.
 И ВЫ САМИ ПОЕДИТЕ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ,
 КЪ СВЕКРУ-БАТЮШКУ, КЪ СВЕКРОВИ-МАТУШКУ,
 КЪ СВОЕМУ СУЖЕВОМУ, РАЖЕВОМУ.

150.

УЖЬ, НЕ ВЪСХЛЪДЪ РЪЧЬИ РАЖЕВАЛИ,
 УЖЬ, НЕ СОЛНЦЕ КРАСНОЕ ЗАМЕТЕВАЛИ,
 УЖЬ, НЕ СВѢТЕЛЬ МѢСЯЦЪ ЗАТМѢВАЛИ,
 УЖЬ, НЕ ТУЧИ ГРОЗНЫЯ ВУШЕВАЛИ,
 УЖЬ, НЕ ТУМАНЫ ДОЖДЕВЫЕ ВОСНИЛИСЯ;
 А МАРЬЮШКА ЕФИМОВНА ВО ТЕРЕМУ
 СЯДЕ, ВО ВЫСОКОМЪ ПОМРАЧИЛАСЯ,
 СВОЕЙ ПЕЧАЛЮЮ, ГОРЬКОЮ,
 СВОЕЙ НЕСНОСНОЮ КРУЧНОЮ.

МАРЬЮШКА ГОРЬКО ПЛАЧЕТЪ,
 ЕФИМОВНА, КАКЪ РЪКА ЛЬЕТСЯ.
 ОНА ВЕЧЕРЬ ПОЗДНО СЛЫШЛА:
 КАКЪ ХОЧЕТЪ ЕЕ БАТЮШКА,
 КАКЪ ХОЧЕТЪ ЕЕ МАТУШКА,
 ЧТО ОДАТЬ-ЛИ ВО ЧУЖИ ЛЮДИ,
 ВО ЧУЖИ ЛЮДИ, НЕЗНАКОМЫЕ,
 НА ЧУЖУДАЛЬНУЮ СТОРОНУШКУ.
 КО ЧУЖОМУ ОТЦУ, КЪ МАТЕРИ.
 ОЙ НЕ ПЛАЧЬ НАШЕ ДИТЯТКО,
 ОЙ НЕ ПЛАЧЬ НАШЕ МИЛОЕ!
 ЧУЖАЯ СТОРОНУШКА СЛЮБИТСЯ,
 ЧУЖАДАЛЬНЫЯ ПОЛЮБИТСЯ!

151.

МАШЕНЬКА ДѢВУШКАМЪ ГОВАРИВАЛА,
 ИВАНОВНА КРАСНЫМЪ НАКАЗЫВАЛА:
 ПОДРУЖЕНЬКИ МОИ, КРАСНЫЯ ДѢВИЦЫ!
 ПРИКАТАЙТЕ ТУ ГОРУ КРАСНУЮ, ПЕСЧАВУЮ,
 ЧТОБЫ НЕ ЛЬЗА БЫЛО НИ ВЗОЙТИ, НИ СЪЪХАТИ,
 ЧТОБЪ НИ КОННОМУ, НИ ПЪШЕКУ,
 НИ КОНЯ ВВЕСТИ ВЪ ПОВОДУ.
 А ГОВАРИЛА ЕЙ ВЕЧЕРЬ СУЖЕНЬИЙ,
 ИВАНЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ:
 Я НА ТУ-ЛИ ГОРУ ПЪШЪ ВЗОЙДУ.
 ПЪШЪ ВЗОЙДУ И КОНЯ ВВЕДУ,
 Я КОНЯ ВВЕДУ ВЪ ПОВОДУ,
 А РУКАМИ ПОНЕСУ ТЕБЯ НА ПЛЕЧУ,
 КО ДВОРУ ПРИДУ, ВЪ ТЕРЕМЪ ПОСАДУ,
 КЪ СВОЕМУ БАТЮШКУ, КЪ МАТУШКУ.

152.

ШЛО СОЛНЫШКО ПО ЗАЛЪСЬЮ,
 ШЛО ОНО, ОСТАВОВИЛОСЬ;
 ШЛА КРАСНА ДѢВИЦА ПРО ТЕРЕМУ,
 КРАСНА ДѢВИЦА, МАШЕНЬКА,
 МАШЕНЬКА, ДУША ИВАНОВНА,
 ШЕДШИ ОНА, ОСТАВОВИЛАСЯ,
 КИДАЛА КЛЮЧИ НА КОВАНЫ ЛАРЦЫ.
 БАТЮШКА, СУДАРЬ, РОДИМЫЙ МОЙ!
 Я ТЕПЕРЬ НЕ КЛЮЧНИЦА.
 МАТУШКА МОЯ РОДИМАЯ,
 Я ТЕБЪ ТЕПЕРЬ НЕ ЛАРЦЕВНИЦА!
 КЛЮЧНИЦА Я И ЛАРЦЕВНИЦА
 ЧУЖОМУ ОТЦУ, ЧУЖОЙ МАТЕРИ.

153.

КАКЪ У НАСЪ-ЛИ ВО ТЕРЕМЪ,
 КАКЪ У НАСЪ-ЛИ ВО ВЫСОКОМЪ,
 ДѢВУШКАМЪ БИТЬ СЮРЪ,
 КРАСНЫМЪ БОЛЫШОЙ.
 ПРИШЛИ НЕ ДАЛЬКО ДѢЛАТИ,
 НЕ КРѢПКУ ДУМУ ДУМАТИ,
 ПРИШЛИ КЪ ДУШѢ МАШЕНЬКЪ,
 СОШЛИСЯ КЪ СВѢТУ ИВАНОВЪ,

Вечериночку сдатьъ,
Двѣнчій вечеръ весь пропѣтъ,
Князей, бояръ потышнги,
Гостей привѣзжихъ позабавити,
Повеличать, душу, Машеньку,
Повеличать, душу, Ивановну,
Повеселитъ въ послѣдній день,
Позабавитъ въ послѣдній часъ.

154.

Ой ты, мать моя, матушка,
Ой ты, мать моя, государыня!
Ты войди, моя матушка,
Во высокой во теремъ,
Ты во светлую горницу,
Во уборную светлицку;
Ты сядь, моя матушка,
Впереди подь окопечкомъ,
Подь святыми иконами;
Погляди моя матушка,
На мою на русу косу,
На двѣнчю красу;
Ужь, не долго мнѣ, матушка,
Ужь, не долго мнѣ, государыня
Во красѣ любоватися,
Во русой косѣ красоватися,
Отъ субботы до субботы,
До двѣнчяго вечера;
Въ Воскресенье мнѣ, матушка
Къ суду Божьему ѣхати,
Подь золотымъ вѣнцомъ стояти,
Съ удалымъ, добрымъ молодцомъ,
Иваномъ Петровичемъ.

155.

Играло солнце красное,
Играло да затмилось;
Светилъ светилъ мѣсяць
Светилъ да померкнулъ;
Веселилась душа двѣнча,
Веселилась да приуныла;
Играла душа Машенька,
Играла да пригорюнилась,
Играла свѣтъ Ивановна,
Играла да прикручинилась.
Ужь, не одна ли я у батюшки,
Ужь, не одна ли я у матушки,
Да и ты взвидѣть не хотятъ,
Да и ты гонять съ очей долой!
Двѣнчки обо мнѣ не потужать,
Красныи обо мнѣ не пожалуютъ.
Пожалуютъ ли мой милый другъ,
Мой милый другъ, мой суженый,
Иванъ, сударь, Петровичъ?

Онъ глазикомъ мигнетъ,
Вся печаль моя пропадетъ;
Онъ за бѣлу руку возьметъ,
Всю мнѣ радость подастъ;
А душой какъ назоветъ,
Въ сердце радость изольетъ.

156.

Ужь, какъ жарко было камню самоцвет-
ному

Лежать на горѣ противъ солнышка,
Ужь, какъ тошно было сердцу Машенькину,
Тожно сердцу Ивановниной,
Живучи у батюшки въ послѣдніи часы,
Живучи у матушки въ послѣдніи дни,
Смотрючи, глядучи на русу косу,
На русу косу, на двѣнчю красу,
Слышати про Ивановъ отъѣздъ,
Про Ивана да и Петровича,
На чужудальню сторону,
За покупкою дорожныхъ парчей,
Дорожныхъ парчей и бархатовъ.

157.

У насъ ли было во теремъ,
У насъ ли было во высокомъ,
Стоялъ столникъ невеликъ
Алымъ бархатомъ покрытъ,
Позументомъ обложенъ,
Со шпрокой бахромой,
На немъ зеркальцо хрустальное,
Покрывалище тафтяно;
Противъ зеркальца сидитъ двѣнча,
Противъ чистаго красная,
Машенька, душа Ефимовна.
Она бѣлится, румянится,
Во цвѣтное платьѣ одѣвается,
Во алмазы убрывается,
Ко вѣнцу-ль она свѣряжается,
Со двѣнцами прощается,
Съ красавицами разлучается.
Вы подружки, вы голубушки,
Подруженьки мои чилыя!
Не тужите вы, не плачьте,
Не слезите лице бѣлое;
Не на вѣки я съ вами прощаюсь;
Скоро я опять къ вамъ буду,
Безъ русыя ужъ косы,
Безъ двѣнчней моей красы.

158.

Машенька съ терема выходила,
Ефимовна съ високаго выходила,
Съ яблонки вточку сланивала,
Коню подь коныто бросила.

Красное, дѣвчище слово молвила:
 Стой яблонька въкъ безъ верха,
 Живи, мой батюшка, въкъ безъ меня!
 Не чаял меня, батюшка, въ въкъ избѣить,
 Избылъ меня, батюшка, единымъ часомъ,
 Единою, одною минутою.
 Машенька съ терема выходила,
 Ефимовна съ высокаго выходила,
 Съ яблонки вѣточку слагивала,
 Ковню подъ копыто бросила,
 Красное, дѣвчище слово молвила:
 Стой яблонька въкъ безъ верха,
 Живи, моя матушка, въкъ безъ меня!
 Не чаял меня, матушка, въ въкъ избѣить,
 Избыла меня, матушка, единымъ часомъ,
 Единою, одною минутою,
 Избыла меня съ очей долой.

159.

Ужь, ты Марья Ивановна,
 Не клади Богу жалобу
 Ни на батюшку, ни на матушку.
 Ты клади Богу жалобу
 На сваху ту, разлушницу,
 Что хаживала, говаривала.
 Говорила по тихохоньку,
 Твою матушку уговаривала.
 Хвалила, выхвалявала
 Чуждальню сторонущку:
 Какъ чужая-то сторонущка
 Сахаромъ изнастьяна,
 Сытою поливана.
 Что возговоритъ ее матушка,
 Надежда Ивановна:
 Ты полно, обманщица,
 Ты полно, подговорщица!
 Я сама знаю чужую сторону,
 Чуждальнюю, незнакомую;
 Ужь, какъ чужая-то сторонущка
 Горемъ вся изнастьяна,
 Она слезами поливана,
 Печалью огорожена.

160.

Ужь, что это у насъ нынѣ
 Во терему, дѣвчище, за дѣво,
 Во высокомъ, красавья, за дѣво?
 Такого дѣва никогда не бывало.
 Душа наша, Машенька,
 Свѣтъ наша, Ефимовна,
 Ходитъ задумавшись,
 Сидитъ подгорюнившись,
 Ни можется, ни радится,
 Ни вѣлется, ни румящется,

Т. I. Ч. III.

Только слезами обливається.
 Къ ней ли вѣсточки приходили,
 Ей матушка приносила:
 Ужь, какъ будутъ ли гости незнакомые,
 Князья, бояре, чужие, незнаемые;
 Станутъ ее косыньку расплетати,
 Съ русой жемчугъ обсыпати,
 На двѣ сторонущки раздѣляти.

161.

Цѣла группица во саднку,
 Цѣла моя во зеленомъ,
 Жило мое дятято,
 Жило мое милое,
 Во терему во высокомъ,
 Во высокомъ, въ изукрашенномъ;
 Не все тебѣ жить во теремъ,
 Не все тебѣ жить со дѣвцами,
 Не все тебѣ быть со красными.
 Какъ придетъ Иванъ, господинъ,
 Иванъ, сударь, Петровищъ,
 Завезетъ тебя къ себѣ домой,
 Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
 Къ молодымъ ли все молодущкамъ.
 Молодыя ли ужъ молодущи
 Родились всѣ примѣтливы,
 Всѣ примѣтливы, всѣ пармѣшливы;
 Ступишь ли ногой?
 Поглядятъ всѣ за тобою;
 Махнешь ли рукою?
 Засмѣются надъ тобою;
 Молвишь ли словечко?
 Передражнивать начнутъ;
 Сядешь ли за столъ?
 Всѣ куски во рту сочтутъ;
 Станешь ли молчать?
 Станутъ дурочкой вѣлчать:

162.

Красно солнышко зашло,
 И темна ночь наступила,
 А гостей не бывало въ Ефимовъ домъ,
 Во Ефимовъ домъ, свѣтъ Гавриловщичевъ.
 Машенька душа, Ефимовна,
 Суженаго себѣ ожидаетъ,
 Петра, сударя, Петровища,
 Во цвѣтно платѣ снаражяется,
 Во цвѣтное, во шелковее.
 Ужь, какъ придетъ ли мой суженый,
 Ужь, какъ придетъ ли мой ряженый.
 И вы, дѣвушки, голубушки.
 Подружки мои милыя,
 Запойте погромче, повеселѣте,
 Повеселѣте, да порадоститѣ;

21

Чтобы суженому моему не соскучилося,
Чтобы ряженому моему не взгрустнулося.

163.

Ужь, ты, громкой соловей
Пой во всю темну ноченьку,
Пой мой громкой
Во всю мѣсячную!
Ужь, не долго мнѣ тебя слушати,
Ужь, не долго тебѣ меня тѣшити!
Скоро повезуть меня изъ терема
Изъ высокаго, изъ краснаго,
Къ чужому отцу, къ матери,
Ко свекору, ко свекровушкѣ,
Къ недобрымъ деверьямъ,
Ко злымъ, лихимъ золовущкамъ;
Жаль-то мнѣ роднаго батюшку,
Жаль-то мнѣ родную матушку,
Жаль-то мнѣ тебя, соловьюшка,
А жалчей того русой косы,
Моей ли дѣвицей красы.

164.

Не кличь, не кличь лебедушка,
Не кличь въ полѣ бѣлая!
Не плачь, не тужи Машенька,
Не плачь, не грусти душа Ивановна,
По батюшкѣ и по матушкѣ,
По громкомъ соловью во саду!
Какъ свекоръ ли батюшка
Къ тебѣ будетъ милостивъ,
Какъ свекровь ли матушка
Къ тебѣ будетъ милостива.
Иванъ, сударь, Петровичъ
У тебя соловей во саду,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ, изукрашенномъ;
Денечекъ онъ кричитъ,
И всю ноченьку поетъ;
Тебя ли, Машенька,
Тебя ли, свѣтъ Ивановна,
Забавляетъ, утѣшаетъ,
Спать долго не мѣшаетъ,
Къ обеднямъ разбужаетъ.

165.

Леталъ ясенъ соколъ по-нодѣ небесью,
Садился младъ ясенъ соколъ на оконницу;
Оконница отворялася,
Младъ ясенъ соколъ вострепенулся.
Нѣвѣстѣ дѣвушки говорили:
Красна дѣвица приучай сокола.
Ахъ, вы, красныя дѣвицы!
Ужь, я рада ны приучила сокола;
Ужь, этотъ соколъ не прилука моя,

Ужь, этотъ соколъ разлука моя,
Разлучить меня съ отцемъ съ матерью,
И съ вами, съ красными дѣвицами.

166.

Ой вы, дѣвушки, голубушки,
Вы, подружки мои красныя!
Не пойте весело и радостно,
Запойте пожалостливѣ, поунывнѣ:
Ужь, какъ хотять-ли увести меня,
Чужи люди, незнакомые,
Не на пиръ пировать,
Не веселье исправлять;
Ужь, везуть-ли меня, красныя,
Къ чужому отцу, къ матери
Не спать, не дремать,
Не гулять, а работать.

167.

Лебедь наша бѣлая,
Лебедушка молоденькая!
Боишься ли ты мороза?
Я мороза боюся,
Я за бѣлый спѣтъ скоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты свекора?
Я свекора-то боюся,
Я за батюшку скоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты свекрови?
Я свекрови-то боюся,
Я за матушку скоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты Петра,
Петра, господина, Петровича?
Я его не боюся,
Я съ нимъ обоймуся.

168.

Ты, рѣка ли моя, рѣченька,
Ты, рѣка ли моя, быстрая,
Ты течешь, не колыхнешься,
На ровкѣ съ желтымъ пескомъ не возму-
тишься;
Ты, дитя мое, дитятко,
Ты, дитя мое, милое,
Сидишь ты, не усмѣхнешься,
Что возговоришь, не улыбнешься.
Дѣвушки, голубушки!
Да чему же мнѣ смѣяться?
На что глядя, радоваться?
У меня полный дворъ гостей.

У мѣня поана горница гостей,
 Снарядить мѣня есть кому,
 Отпустить мѣня нѣкому:
 Нѣтъ у мѣня батюшки родимаго.
 Ой ты, братецъ мой, родной!
 Ты поиди къ Божьей церкви,
 Ты ударь трижды въ колоколъ,
 Разбуди моего батюшку,
 Разбуди моего родимаго.

169.

Какъ разгнѣвался Ефимъ, господинъ.
 Ефимъ, сударь, Гавриловичъ.
 А кто у мѣня во саду былъ?
 Мелкихъ пташечекъ спугалъ?
 Любимую соловушку съ собою взять?
 Какъ разгнѣвался Ефимъ, господинъ.
 Ефимъ, сударь, Гавриловичъ.
 А кто у мѣня на дворѣ былъ?
 Любвы береюшки раскачалъ?
 Широки воротнички разломалъ?
 На дворѣ конемъ штурмовалъ?
 По высокъ теремъ смѣло взошелъ:
 Красныхъ дѣвушекъ разогналъ?
 Любимую дѣвушку съ собою взять?

170.

Яблонка моя, яблонка,
 Яблонка моя, зеленая,
 Не пѣвти теперешней весной,
 Не плоди сладкихъ яблочковъ!
 Я скажу моему батюшкѣ,
 Я скажу моей матушкѣ:
 Что ты худо поливана,
 Что ты худо лѣзяна,
 Отъ того и яблочковъ нѣтъ:
 Что сама я стану поливати,
 Сама корешокъ обчищати,
 Сама червячковъ обметати.
 Авось, авось, батюшка и сжалется,
 Авось, авось, матушка и взмилуется.
 Не отдадутъ мѣня нынѣшній годъ
 На чуждальнюю сторону,
 На чуждальнюю, незнакомую,
 Безъ горя горе мыкати,
 Безъ слезъ горько плакати,
 Безъ думы крѣпко думать,
 Безъ скуки скучати,
 Безъ грусти горевати.

171.

Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
 Дорогой гость, батюшка.

Пускай онъ будетъ,
 А моей тоски не убудеть!
 Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
 Дорогой гость, матушка.
 Пускай она будетъ,
 А моей тоски не убудеть!

Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 Къ тебѣ будетъ немилый гость.
 Немилый гость, твой суженый
 Пускай онъ будетъ,
 И моя тоска вся убудеть!

172.

Съ реченьки утушка слетывала,
 Съ тихой сѣрая вспархивала.
 Прилетала утушка,
 Прилетала сѣрая
 На бурное, на спие море:
 Не знала утушка,
 Не знала сѣрая:
 Гдѣ ей опуститися?
 Отъ вихоря уклонитися
 Гуси стали щипати.
 А утушка громко кликати:
 Ой ты, рѣчка моя, реченька
 Ты, рѣчка ли моя, твоя!
 Главы знала я, да вѣдала
 Такую надъ собою невзгодушку,
 Разстаться бы съ тобою не подумала.
 Сходила съ берега Машенька,
 Сходила съ высокаго Ефимовна,
 Приехала ко свекрови въ домъ:
 Свекоръ-батюшка неласковый,
 Неласковый, не какъ родной.
 Входила къ свекрови во теремъ:
 Свекровь-матушка угрюмая,
 Угрюмая, не какъ родная.
 Девѣрья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
 Объ ней все поговариваютъ:
 Ужъ, какъ наша ли невѣстка
 Не хороша, не пригожа,
 Не ласкова, не привѣтлива;
 Зодовушки перешептываютъ:
 Ужъ, какъ наша ли невѣстка
 Негоразда ни чему:
 Ни ткать, ни прясть,
 Ни золотомъ шить,
 Ни щей сварить, ни пирога испечь,
 Ни пѣсенку запѣть,
 Ни во лудочку, ни поплясати.

А словечушко промолвить,
 За другимъ въ карманъ поидеть.
 Ужь, не знала Машенька,
 Ужь, не вдала Ефимовна,
 Куда ей дватися,
 Куда ей укрытися,
 Отъ насмѣшекъ, отъ зависти?
 Что всплачетъ, что возгорюется,
 Что возгорюется, что востоскуется:
 Ой ты, теремъ мой у батюшки,
 Ой ты, высокой мой у матушки!
 Кабы знала я, да вдала
 Здѣсь себѣ таково житье,
 Растаясь бы съ тобой я не подумала,
 Выйти бы изъ тебя не помыслила;
 Я жила бы въ тебѣ смиреншенько,
 Я была бы въ тебѣ веселешенька,
 Не знала бы я тоски и горести.

173.

Какъ во терему сидѣла Машенька,
 Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
 Она шила шелками въ пляичкахъ,
 Она шила цвѣтными во новыихъ,
 А шила, сама приговаривала:

Ты гори, гори солнышко,
 Ты гори ясное, красное!
 Не скоро закатывайся,
 По залѣсью останавливайся,
 А я пляички дошью.

Какъ вхалъ мимо того терема суженый,
 А вхавши, молвилъ: Богъ на помощь, крас-
 на двница!

Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?

Шью, сударь, дорогъ платокъ,
 Не для тебя, а для батюшки!

Какъ во терему сидѣла Машенька,
 Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
 Она шила шелками въ пляичкахъ,
 Она шила цвѣтными во новыихъ,
 А шила, сама приговаривала:

Ты гори, гори солнышко,
 Ты гори ясное, красное!
 Не скоро закатывайся,
 По залѣсью останавливайся,
 А я пляички дошью.

Какъ вхалъ мимо того терема суженый,
 А вхавши, молвилъ: Богъ на помощь, крас-
 на двница!

Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?

Шью, сударь, цвѣтно платице
 Не для тебя, а для матушки.

Какъ во теремѣ сидѣла Машенька,

Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
 Она шила шелками въ пляичкахъ,
 Она шила цвѣтными во новыихъ,
 А шила, сама приговаривала:

Ты гори, гори солнышко,
 Ты гори ясное, красное!
 Не скоро закатывайся,
 По залѣсью останавливайся,
 А я пляички дошью.

Какъ вхалъ мимо того терема суженый,
 А вхавши, молвилъ: Богъ на помощь, крас-
 на двница!

Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?

Шью, сударь, сердечько золотцомъ,
 Для себя и для тебя.

174.

Родимый ты, мой батюшка,
 Родима ты, моя матушка!

Не мечитесь на золото, на серебро,
 Не кидайтесь на сладки прянички,
 Не берите вы вдали вѣлыхъ,
 Не принимайте румянъ красныхъ,
 Не мняйте меня ни на-что!
 Безъ золота я у васъ богатеюнька,
 Безъ сластей-то у васъ сытеевонька,
 Безъ вдали-то у васъ вѣлеевонька,
 Безъ румянъ-то у васъ краснеевонька.

175.

Свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка,
 Красно солнышко—родимая матушка!
 Вы разставляйте столы дубовые,
 Накрывайте скатерти бранья,
 Вы сажайте красныхъ дѣвушекъ,
 Утощайте моихъ вѣлыхъ подружекъ.

176.

Полно-ка, сватьюшка, плакати,
 Перестань, родная, кручиниться!
 Берит-ко ты золоту казну,
 Покупай себѣ добрыхъ коней
 Къ намъ въ гости вѣзити,
 Медъ, вино, да пиво кумати.
 Знай, вѣди, не лѣнись,
 Ышь, пей, да веселись,
 И насъ въ гости къ себѣ позывай.

177.

Безъ вѣтра, безъ вихоря
 Береюшка пошатнулася,
 Воротички отворилися,
 И бояре во дворѣ вѣвхали,
 Молодые на крыльцо взошли;
 Женихъ Богу молится;

Всѣмъ онѣ низко кланяется.
 Закидался, забросался
 Дѣвицы-красавицы;
 Свѣтъ невѣстушка
 За дѣвушку скоронилася.
 Скороните меня вы, дѣвушки,
 Скороните вы, подруженьки!
 Прибыль погубитель мой,
 Разлучилъ мою головушку
 Съ отцемъ, съ матерью,
 Съ родомъ, съ племенемъ.

178.

Свѣтъ ты, моя волюшка,
 Свѣтъ ты, моя вѣгушка,
 У родимой матушки!
 Куда-то свою волюшку
 Мнѣ пустить будетъ?
 Пущу я мою волюшку
 Во чистое поле;
 Пущу я свою волюшку
 Во темный лѣсъ.
 Во темномъ лѣсѣ она заплутается.
 Нѣтъ—пущу я мою волюшку
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйтея, подруженьки,
 Покрасуйтея, любезныя,
 Поколь вы у батюшки,
 Поколь вы у матушки!
 А я горькая, горемычная,
 Я уже открасовалася;
 Отпугила съ вами я
 Всѣ шутки шутливыя.

179.

По морю корабль плыветь,
 По кругу бережку каретушка,
 Во корабliku Иванушка плыветь,
 Во каретушкѣ Дарьюшка ѣдетъ.
 Какъ Иванъ-то Богу молится,
 Всѣмъ святымъ обретається:
 Совеси корабль со каретушкой,
 Сочини невѣсту съ женихомъ,
 Ивана съ Дарью!
 По морю корабль плыветь,
 По кругу бережку каретушка,
 Во корабliku Иванушка плыветь,
 Во каретушкѣ Дарьюшка ѣдетъ.
 Какъ Дарья-то Богу молится,
 Всѣмъ святымъ обретається:
 Разлучи корабль со каретушкой,
 Разнеси женика со невѣстой,
 Ивана-то съ Дарью!

180.

Ты, сосна-ль моя, сосенушка!
 Много-ль у тебя отросточковъ?
 Только нѣту одной макован.
 Есть ли у Дарьюшки родъ племени?
 Только нѣту одной матушки.
 Благословить меня есть кому,
 А снарядить меня нѣкому.
 Благословяеть-то родной батюшка,
 А снаряжаютъ-то все чужи люди,
 Чужи люди, незнакомые.
 Какъ чужой отецъ мнѣ не батюшка,
 А чужая-то мать мнѣ не матушка,
 А деверья-то мнѣ не родные братья,
 А золовунки то мнѣ не родныя сестрицы!
 Какъ свекоръ-то журить, бранить,
 А свекровь то велить повѣть.

181.

Ужъ, какъ широко Волга рѣка разлива
 лася,
 Ужъ, какъ далеко камка Бурская по мосту
 разстлалася;
 Ужъ, какъ Волгу-то рѣку провѣжалъ
 Иванъ, сударь, на воровомъ конѣ,
 Ужъ, какъ переѣхавши Волгу Петровичи.
 Съ ворона коня долой славивалъ,
 Вѣлъ ворона коня подъ уздечку шестую,
 Что по той ли не камкѣ Бурской
 Прямо къ терему высокому,
 Прямо къ Марьюшкѣ Ивановной.
 Во томъ ли во теремѣ высокому,
 Во томъ ли теремѣ княженицкомѣ,
 Свѣтъ Марья Ивановна снаряжалася,
 Снаряжалася, сама горько плакала:
 Ужъ, какъ будетъ-то жить во чужихъ лю-
 дяхъ?
 Ужъ, какъ будетъ-то звать свекра батюш-
 кою?
 Ужъ, какъ будетъ-то звать свекровь матуш-
 кою?
 Ужъ и мнѣ звать его батюшкою не хочет-
 ся,
 Ужъ и мнѣ звать ее матушкою не хочет-
 ся,
 Во чужихъ людяхъ такъ не водится.
 Чужи люди все свѣсны, ломливы;
 Что ломливы, непривтливы.
 Ужъ, убавлю я спѣси, гордости,
 Ужъ, прибавлю я ума-разума,
 Буду звать: свекоръ-батюшка,
 Буду звать: свекровь-матушка.

182

КАКЪ У ЕФИМА НА ДВОРѢ,
У ГАБРИЛОВИЧА НА ШИРОКОМЪ,
ВЫРОСТАЛА ЗЕЛЕНА ТРАВА,
ТРАВА ШЕЛКОВАЯ;
КАКЪ ПО ТОЙ-ЛИ, ПО ТРАВѢ
РАСЦВѢТАЛИ ЦВѢТЫ,
ЦВѢТЫ ЛАЗОВЕБЫЕ;
КАКЪ ПО ТОЙ, ПО ТРАВѢ
РАЗОСЛАНЫ БЫЛИ КОВРЫ,
КОВРЫ ЗОЛОТЫЕ,
КРАЯ ВЫШИТЫЕ;
КАКЪ ПО ТѢМЪ-ЛИ, ПО КОВРАМЪ
ТУТЪ ШЛА, ТУТЪ ПРОШЛА
СВѢТЪ МАШЕНЬКА, ДУША;
ВЪ РУКАХЪ ОНА НЕСЛА
ВОСКА ЯРАГО СВѢЧУ,
НЕСУЧИ, СЛОВО МОЛВИЛА:
ТЫ ГОРЬ, МОЯ СВѢЧА,
ВОСКА ЯРАГО СВѢЧА,
ПРОТИВЪ СОЛНЕЧНА ЛУЧА!
УЖЬ, НЕ БЫТЬ ТЕБѢ, СВѢЧА,
ПРОТИВЪ СОЛНЕЧНА ЛУЧА!
УЖЬ, НЕ БЫТЬ ТЕБѢ, СВЕКРУ,
ПРОТИВЪ БАТЮШКИ РОДНАГО!
УЖЬ, НЕ БЫТЬ ТЕБѢ, СВЕКРОВИ,
ПРОТИВЪ МАТУШКИ РОДНОЙ!
УЖЬ, НЕ БЫТЬ ТЕБѢ, ДЕВЕРЮ,
ПРОТИВЪ БРАТЦА РОДИМАГО!
УЖЬ, НЕ БЫТЬ ТЕБѢ, ЗОЛОВКИ,
ПРОТИВЪ СЕСТРИЦЫ РОДИМОЙ!

183.

СВѢТЕЛЪ МѢСЯЦЪ—РОДИМЫЙ БАТЮШКА,
КРАСНО СОЛНЫШКО—РОДНАЯ МАТУШКА!
МНѢ НЕ НАДОВНО НИ ЗОЛОТА, НИ СЕРЕБРА,
ПРОШУ ВАШЕГО ЧЕСТНАГО БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

III. ПЬСНИ ШУТОЧНЫЯ.

184.

ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ!
КАКЪ НА ДРУЖКѢ КАФТАНЪ БАГРЕЦОВАГО СУК-
па,
КАКЪ НА ДРУЖКѢ КАМЗОЛЪ
ЗОЛОТОЙ НАРЦЕВОЙ;
КАКЪ НА ДРУЖКѢ ШТАНЪ
ЧЕРНЫ БАРАТЦЕВЪ,

КАКЪ НА ДРУЖКѢ ЧУЛКИ,
БѢЛЫ ШЕЛКОВЫЕ;
КАКЪ НА ДРУЖКѢ БАШМАКЪ
ЧЕРНЫ ЗАМШЕВЫЕ;
ПРЯШКИ СЪ ИСКОРКАМИ,
ВОНЪ ПОВЫСКАКАЛИ.
ОНЪ ПРИ ТРОСТОЧКѢ СТОИТЪ,
ПРИБОДРЯСЯ ГОВОРИТЪ;
НА НЕМЪ ШЛЯПА СЪ ПЕРОМЪ
И ПЕРЧАТКИ СЪ СЕРЕБРОМЪ;
КОЛИ ХОЧЕШЬ ВЪ РАЙ,
ПЕРЕДАЙСЯ НАМЪ?
ЕЩЕ ЕСТЬ ПРО ТЕБЯ
У НАСЪ СКЛЯПНИЦА ВІНА,
И СКЛЯВИЦА ВІНА,
И ПИВА ЯНДОВА,
ЕЩЕ КРЫНКА МОЛОКА
И КОНЕЦЪ ПИРОГА.

185

НА ДРУЖКѢ-ТО КАФТАНЪ
ВЕСЬ ПО НИТКѢ СВЕРАНЪ
КАКЪ НА ДРУЖКѢ-ТО КАФТАНЪ
СО ФАЛЬШИВОЙ БАХРАМОЙ;
КАКЪ НА ДРУЖКѢ-ТО ШТАНЪ
ПОСЛѢ ДЯДИ САТАНЫ;
ЧУЛКИ ВЯЗАВЫЕ,
И ТѢ КРАДЕНЫЕ;
БАШМАЧКИ ХОРОШИ,
ЛИШЬ ПОДОШВЫ ИЗОШИ;
ПРЯШКИ СЪ ИСКОРКАМЪ
ВОНЪ ПОВЫСКАКАЛИ;
НА ДРУЖКѢ-ТО ШЛЯПЕНКА,
ПОСЛѢ СВАТУШКИ ЧЕРТЕНКА.
ОНЪ ПО ГОРНИЦѢ ПРОШЕЛЪ,
ТРОИ ШОЛУДИ НАШЕЛЪ;
НА ПОЛАТИ-ТО ВЗГЛЯНУЛЪ,
ТРОИ ЛАПТИ СТЯНУЛЪ,
НА ПОВАРѢ ЖИВАЛЪ,
И ОНЪ ЛОЖКИ МЫВАЛЪ,
ПОМОИ ПИВАЛЪ,
МОЧАЛКИ СОСАЛЪ.
ПОСАДИМЪ ТЕБЯ ЗА СТОЛЪ,
ПРИШИВЕМЪ ТЕБЯ ПЕСТОМЪ
НА ЗАКУСОЧКУ
КОЛОТУШЕЧКУ.
СКАЖЕМЪ ПО ВОДУ ПОШЕЛЪ,
СКАЖЕМЪ ПОДЪ ЛЕДЪ УЩЕЛЪ.
ДРУЖЕНЬКА ПО ГОРИНКѢ ПОКАЖИВЪДЕЛЪ,
ЧАСТЕХОНЬКО ПОГОВАРИВАЕЛЪ:
УЖЬ КУДА Я, БРАТЦЫ, ХОРОШЪ,
НА ЛИХУ ВОЛѢТЬ ПОХОЖЪ!
РОЖА ПРЯСЛИЦЕО,

Ты садись на коня, не шатайся,
 Поведешь домой, не валяйся,
 Надъ Аннушкою не ломайся;
 Вьдъ, Аннушка дитя молодое,
 Певановна не устарокъ,
 Обычья твоего не знаетъ,
 Ко праву твоему не привыкла,
 Разувать, раздѣвать не обывла,
 Въ уста цѣловати не достанеть,
 На лавочку станеть, такъ достанеть.

190.

Во саду не лукъ-ли?
 А дружка у насъ не глухъ ли?
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Во саду не чеснокъ ли?
 А дружка у насъ не безъ ногъ ли?
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой?
 На дворъ не снѣгъ ли?
 А дружка у насъ не слѣпъ ли?
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Сказали про дружка: богатъ онъ!
 Сказали про него: тороватъ онъ!
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Будто съ гривны на гривну ступаетъ,
 Рублемъ ворота запираеть.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Да, что жъ его за богатство?
 Онъ съ щепки на щепку ступаетъ,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Онъ съ щепки на щепку ступаетъ,
 Коломъ ворота запираеть.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Позвалъ дружка воевать
 Вокругъ печи на лопать,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Со лютыми со зверями,
 Съ тараканами, со свербками.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Пять лѣтъ онъ воевалъ,
 Ни одного не поймалъ;
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 На шестомъ году воеу онъ уекъ,

И ту чуть-чуть не упустилъ.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!

191.

Пойдемъ-ко мы по ряду,
 По всей честной бесѣдъ,
 Дойдемъ-ка до умнаго,
 До разумнаго до сватушки,
 До Петра Даниловича.
 Онъ охочъ по пирамъ ходитъ,
 Онъ охочъ и пѣсенъ слушать,
 Да гораздъ, вьдъ, и дѣвицъ даритъ.
 Не рублемъ дари а полтинною,
 Золотой своєю гривною,
 Изъ гривны по три денежки,
 На дѣвицу по коптечекъ.

192.

Слышешь-ли чувешь-ли,
 Петръ, свѣтъ Даниловичъ?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ мы честь воздаемъ.
 Какъ вѣлый сыръ па блюдѣ лежитъ,
 Что сахарный кусъ на тарелочкѣ,
 Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоитъ,
 То сватушка нашъ за столомъ сидитъ.

193.

Ты, сватушка, дари,
 Расхорошенькой дари!
 Станешь насъ даритъ,
 Не будемъ-тя бранить.
 Какъ Петра-то жена
 На дѣвичникъ сряжала,
 Въ платъ полтину завязала,
 Отпущаючи, приговаривала:
 Ты, поведешь, другъ, на свадьбу,
 Тамъ тебѣ дѣвицы красныя
 Стануть пѣсни правити,
 Тебя, моего друга, величати.
 Ты дари ихъ, не скупися,
 Золотой казноу разступися,
 Ворона коня тебѣ не купиши,
 По гостямъ тебѣ не гостити.
 Ты, сватушка, догадайся,
 Разхорошенькой смегни!
 Разпахни шубу овчинну,
 Даставай мошну сабляну,
 Вымай-ко гривну золотую,
 Изъ гривны по три денежки,
 На дѣвицу по коптечекъ.

194.

Спасиво тебѣ, сватушка, на дару твоёмъ!
 Ужъ, твой ковшикъ мы весь выпили,

Золотую гривну вынули;
То намъ на белые вынули,
То намъ на красные румяны.

195.

Что вы-те свату по миру ходить,
По миру ходите, силу волочить!
Ужь, какъ свать по бережку похаживаетъ,
Въ чисту рвченьку поглядываетъ,
Да вѣдь, самъ себя похваливаетъ:
Ужь, и какъ же я хорошъ!
Ужь, и какъ же я пригожь!
Самъ-то шестомъ, голова пестомъ,
Рожа пряслицею, глаза раковницею.

196.

Ты, сватушка, не вѣдай, догадайся,
Ко двора мъ скорѣй подымайся.
Ужь, какъ свать-то, не вѣдь
Съѣлъ корову, да быка,
Насѣдку съ цыплятами;
Какъ у свата-то косые глаза
По полямъ все глядятъ,
Они каше знать хотятъ,
Каше масляной, ложки крашеной.

197.

Александръ, не гляди подь столъ;
У насъ нѣтъ масловъ.
Хоть и были маслы,
Да кошки унесли,
Да ковель пестры,
Да всѣ твои сестры.

198.

Какъ свашенька, молвить:
Не въ могути свѣдѣти
Подъ большимъ народомъ!
Золотой кокошникъ
Головушку ломить,
Къ сырой землѣ клонить;
Алмазы серги
Мнѣ ути оттянули;
Бурмитской жемчугъ
Мнѣ шею понатеръ;
Соболиная шубка
Мнѣ плечи обдавила.

IV. ПѢСНИ СЕМЕЙНЫЯ.

199.

По городу, по городу звоны пошли,
По терему, по терему дары понесли.

Т. I. Ч. III.

Дарила дары, дарила дары душа дѣвица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары,
Добрый молодець!

На мои дары, на мои дары не потѣвайся;
Мои-то дары, мои-то дары непасенные,
Моя-то свадьба, моя-то свадьба незнаемая.

200.

Кони вы мои, кони,
Кони воровые,
Сослужите мнѣ службу,
Сослужите мнѣ вѣрную:
Завтра, порану, привезете ко мнѣ,
Завтра по утру примчите ко мнѣ
Мою суженую, мою ряженую,
Ту-ли душу, красну дѣвицу,
Анисью Львовну;
Какъ у насъ дѣло-то сдѣлано,
Какъ у насъ-ли помолвлено,
Помолвлено, на словъ положено,
По рукамъ у насъ ударено
Со отцемъ и матерью:
Быть сговору дѣвичьему,
Завтра къ суду Божьему вѣсти,
Подъ златымъ вѣнцомъ стоять.

201.

Соколы мои, соколы,
Соколы мои залетѣли!
Вы гдѣ же летали?—
И мы летали, летали
Съ города на городъ,
Летали съ поля на поле.
И вы что же тамъ видали?—
И мы видали, видали
Стру утицу на морѣ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?—
Хоть мы ее и не взяли,
Крылья, перья повывищали.
Иванъ, господинъ, выходилъ на ново крыль-
цо,
Онъ бояръ, господъ всѣхъ спрашивалъ:
И вы гдѣ бояре взяли?—
И мы взяли, взяли
Съ городу на городъ.
И вы что же тамъ видали?—
И мы видали, видали
Красну дѣвицу въ терему,
Свѣтъ Настасью душу,
Настасью Петровну.
Для чего же вы ее не взяли?
Хоть мы ее и не взяли,
Къ Воскресенью примолвили.

22

202.

КАТЕЛЕСЯ МѢСЯЦЪ ЯСНЫЙ
 ПО ЛАЗОРЕВОМУ ВЕВУ,
 КИДАЛЪ ЛУЧИ СВѢТЛЫЕ
 НА РѢКИ НА БЫСТРЫЯ, ГЛУБОКІЯ.
 ХОДИЛЪ, ИВАНЪ, ГОСПОДИНЪ,
 ИВАНЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ,
 ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ САДУ ПО ЗАРЬ,
 ВЗВОДИЛЪ ОЧИ ЯСНЫЕ,
 НА КУСТОЧКИ ЧАСТЫЕ,
 НА ЦВѢТОЧКИ АЛІЕ,
 НА ЦВѢТНИКИ ЛАЗОРЕВЫЕ.
 УЖЬ, НЕ ДОЛГО МНѢ ВАСЪ РАСТИТИ,
 УЖЬ, НЕ ДОЛГО ВАСЪ ЛЕЛѢЯТИ,
 ПО ЗАРЯМЪ ПОЛПВАТИ.
 КАКЪ ПРИДЕТЬ МОЯ СУЖЕНАЛЪ,
 КАКЪ ПРИДЕТЬ МОЯ РЯЖЕНАЯ.
 АКУЛІЦА ДУША ТРИФОНОВА,
 УЖЬ, МНѢ-ЛИ БУДЕТЬ НЕ ДО ВАСЪ,
 НЕ ДО ВАСЪ, А ДО МОЛОДОЙ ЖЕНЫ.

203.

УЖЬ, ПОЙДУ ЛИ Я КЪ ТЕСТЮ ВЪ ДОМЪ,
 УЖЬ, ПОЙДУ ЛИ Я КЪ ТЕТЦѢ ЛАСКОВОЙ
 ВОЗЬМУ МОЮ СУЖЕНУЮ,
 ВОЗЬМУ МОЮ РЯЖЕНУЮ,
 ДУШУ МАШЕНЬКУ,
 МАШЕНЬКУ, СВѢТЪ ЕФИМОВНУ,
 ВОЗЬМУ ЗА БѢЛЫ РУКИ,
 ЗА БѢЛЫ РУКИ, ЗА РУМЯНЫЯ,
 ПОСАЖУ ЗА ДУБОВЫЙ СТОЛЪ,
 ПОСАЖУ Я ВОЗЛѢ СЕБЯ;
 ПОЦѢЛЮ, ПОЦѢЛЮ МАШЕНЬКУ,
 ПОЦѢЛЮ ДУШУ ЕФИМОВНУ,
 НАЗОВУ ЕЕ ДУШОЙ СВОЕЙ,
 ДУШОЙ СВОЕЙ И РАДОСТЬЮ.

204.

ТЫ, ИВАНЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ,
 ТЫ У НЕИ ТРОИЦЫ ЛАСКОВО ПРИГОЖЪ,
 ДОСЪЛЕНЬ, ВЪЗЛЕНЬ, П ТАЛАНТИНЬ,
 А КАКЪ КО ТЕТЦѢ ВЪ ДОМѢ ПРИДЕШЬ,
 СПЕРВА БОГУ ПОМОЛИСЬ,
 ТЕСТЮ НИЗКОВЬКО ПОКЛОНИСЬ,
 ЧТОБЪ БЫЛЪ НИ СВЯРѢПЪ, НИ УГРОМЪ;
 А КАКЪ КО ТЕТЦѢ ВЪ ТЕРѢМѢ ВОЙДЕШЬ,
 ПОМОЛИСЬ БОГУ ЛУЧШЕ ТОГО,
 ТЕТЦѢ ПОКЛОНИСЬ НИЖЕ ТОГО,
 ЧТОБЪ БЫЛА НИ СЫСЫВА, НИ ГОРДА,
 ЧТОБЪ БЫЛА ДОБРА ДА ЛАСКОВА,
 НЕ БУДЕШЬ МНѢ ТВОЮ СУЖЕНОЮ,
 НЕ БРУСИШЬ МНѢ, НЕ СЖЕШЬ МНѢ
 МАРЬЮШКА, ДУША ИВАНОВНА,
 УЖЬ, ОНА-ЛИ У ВАСЪ ОНИ НА ВѢТѢ ВЫРОСЛА;

УЖЬ, ОНА-ЛИ У МАТУШКѢ
 СЛЕЗІНКИ НЕ ВЫРОНИЛА.
 А КАКЪ КЪ СУЖЕНОЙ ПОЙДЕШЬ,
 БЕРИСЬ ЗА БѢЛЫ РУКИ,
 ПОЗДОРОВАЙСЯ, ПОВИДАЙСЯ,
 СПРАВЬ ПОКЛОНЫ ОТЪ ОЦА И МАТЕРИ,
 САЖАЙ СЪ СОБОЙ ЗА ДУБОВЫЙ СТОЛЪ,
 ТЫ ТѢШЬ ЕЕ ОРѢШКАМИ, ПРЯНИЧКАМИ;
 А КАКЪ СЯДЕШЬ ЗА КРАСНЫЙ СТОЛЪ,
 ВЕЛИ ЧЕСТНОЙ СВАШЕНЬКИ
 ПОДАВАТЬ КРАСНЫМЪ ДѢВУШКАМЪ
 ГОСТИВЦЫ, ЯСТВА САХОРНЫЯ,
 ЧТОБЫ ОНИ ТЕБЯ ВЕЛИЧАЛИ,
 ТВОЮ СУЖЕНУЮ ВОЗВЫШАЛИ.

205.

КАКЪ ХОДИЛЪ ИВАНЪ, ГОСПОДИНЪ,
 РАЗХАЖИВАЛЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ,
 У СЕБЯ ЛИ ВО СВѢТЛИЧКѢ,
 ВО СВѢТЛИЧКѢ НОВОЙ, ИЗУКРАЩЕННОЙ,
 ВЫНИМАЛЪ ИЗЪ КОВАНА ЛАРЦА,
 ИЗЪ КОВАНА, ИЗЪ ДУБОВАГО,
 ДАРЫ, ПОДАРКИ ДОРОГІЕ:
 ТЕСТЮ-БАТЮШКѢ СУКНО,
 СУКНО БАГРЕЦОВОЕ,
 ТЕТЦѢ-МАТУШКѢ ПАРЧУ,
 ПАРЧУ ЗОЛОЧЕНУЮ,
 СВѢТУ ШУРВНУ КАФТАНЪ,
 КАФТАНЪ АЛА БАРХАТА,
 ДОРОГОЙ СВОЯЧИНЪ ЛЕНТОЧКУ,
 ЛЕНТОЧКУ СОЮЗНУЮ,
 ДУШѢ ЛИ СВОЕЙ СУЖЕНОЙ,
 СВѢТУ ЛИ СВОЕЙ РЯЖЕНОЙ,
 МАРЬ ИВАНОВНЪ
 ЗОЛОТЪ ПЕРСТЕНЪ СО АЛМАЗАМИ,
 СО АЛМАЗАМИ И СО ЯХОНТАМИ.
 ТЫ НОСИ, МОЯ ДУШЕНЬКА,
 ЧТО НА ПРАВОЙ ЛИ НА РУЧЕНЬКѢ,
 ЧТО НА БѢЛОМЪ ЛИ НА МИЗІПЧЕКѢ,

206.

КАКЪ У ЕФИМА ЛИ ВО СВѢТЛИЧКѢ,
 У ГАВРИЛОВИЧА ВО СВѢТЛОЙ,
 ПРЕДЪ СВЯТЫМЪ ОБРАЗОМЪ,
 ЗАГОРАЛИСЯ СВѢЧИ,
 ВОСКА ЯРАГО СВѢЧИ,
 ЗАГОРАЛИСЯ СВѢТЛЕХОВЬКО,
 ЗАСВѢТИЛИСЯ ЯРКОХОВЬКО.
 ЧТО ВОЗГОВОРИТЬ ЕФИМЪ, ГОСПОДИНЪ,
 ЕФИМЪ, СУДАРЬ, ГАВРИЛОВИЧЪ:
 ТЫ, ДИТЯ ЛИ МОЕ, ДИТЯТКО,
 ТЫ, ДИТЯ ЛИ МОЕ, МНЮШЕ,
 МАШЕВЬКА, ДУША ЕФИМОВНА,
 ПОДОЙДИ КЪ СВЯТОМУ ОБРАЗУ,

Поклонись трижды до земли,
Помолись по прилежнѣ;
Чтобы далъ Богъ тебѣ суженаго:
Ласковаго, привѣтливаго,
Любовнаго, совѣтливаго,
Чтобы годъ шелъ за недвлюшку,
Недвлюшка за денечекъ шла.

207.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выростало деревцо кипарисное,
На то ли деревцо соколамъ былъ слѣтъ,
Подъ то ли деревцо бояромъ былъ свѣздъ.
Они думу думали,
Думушку крѣчкую:
Ужъ, какъ намъ взойдти
Ко Ефиму на дворѣ,
Ко Гавриловичу на широкъ?¹
Ужъ, какъ бы намъ взять
У Ефима дитя,
У Гавриловича милое?
Гдѣ ни взялся смѣлый
Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Ивановичъ.
Семь-ко я найду,
Семь-ко я возму
У Ефима-то дитя,
У Гавриловича милое.
А и слышала то его батюшка,
А и слышала то его матушка.
Ты, дитя наше милое!
Мы всѣмъ повздомъ повдемъ,
Мы съ честнымъ дѣломъ взведемъ,
Помолясь, взойдемъ,
Поклонясь, возьмемъ.

208.

Какъ Ивана матушка
Въ Воскресенье породила
Во соборнѣ во заутрени;
На роду она слово молвила:
Ой ты будь, мое дитяго,
Ой ты будь, мое милое,
И талантливо и счастливо,
Ко добрымъ людямъ привѣтливо!
Какъ задумашь жениться,
Какъ придешь ты къ тестю на дворѣ,
Ты отдай коня конюху,
Чтобы свелъ на конюшенный дворѣ,
Накормилъ бы пшеницею,
Напоилъ бы сытицею;
Какъ взойдешь на ново крыльцо,
Не владь плеточку,
Ты повѣсь ее на ступочку;

Какъ взойдешь во новы сѣни,
Не владь просто шляпонецку,
Ты отдай ее друженькѣ;
Какъ взойдешь во свѣтлу свѣтлицку,
Ты низко тестю кланяйся,
Ты ниже того тещенькѣ;
Какъ взойдешь ли во высокъ теремъ
Къ краснымъ дѣвушкамъ,
Узнавай твою суженую:
Твоя суженая наряжена,
На ней платьѣ всѣхъ цвѣтнѣй.

209.

Ты была моя, соседушка,
Голубушка Настасья Ивановна!
Оставляешь ты меня, горькобѣдную
На чужой дальшой сторонущкѣ;
Поклонися ты, моя голубушка,
Родному моему батюшкѣ,
Поклонися ты, моя соседушка,
Родимой-то моей матушкѣ.
Иванъ, сударь, Васильевичъ!
Не покинь меня, горькобѣдную,
На чужой дальшой сторонущкѣ.

210.

Ты послушай, голубушка,
Ты, умная, догадайся,
Какъ отца съ матерью
Во чести содержать!
Какъ добра мужа почитать!
Ужъ, я-ль тебя буду:
Сытно кормить,
Сытно кормить,
Сытой поить,
Къ отцу къ матери пускати,
Въ обовы одѣвать,
Чужимъ людямъ хвалить.
И ты, голубушка,
Раздѣвайся запросто,
Живи во новой семьѣ,
Какъ въ своей роднѣ.
Ты кланяйся батюшкѣ,
Ты поклонися матушкѣ,
Ты поклонися хорошему.

V ПЬСНИ ОБРАДНЫЯ.

211. На подарки новой годни.

Гусли мои, гусельцы,
А гдѣ гусли были? —

У Хавроньи во теремъ.
 Что Хавронья дѣлаеть?—
 Плачетъ, възрыдаеть,
 Къ ларцу припадаеть:
 Ты, ларчикъ мой, ларчикъ,
 Кованой, приданой!
 Не годъ я копила,
 Пришла пора, время;
 Я въ часъ роздарила:
 Я свекру сорочку,
 Свекрови дружку,
 Деверьямъ платочки,
 Золовкамъ вѣпочки;
 Красуйтесь золовки,
 Красуйтесь голубки!
 Какъ я красовалась,
 Косой похвалялась.
 Гусля мои, гусельцы!

212. На покупку кесы у невесты передъ
 повздомъ.

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
 Свѣтъ дѣвица плакала по русской косѣ:
 Вечоръ мою косыньку перевели,
 И жемчугомъ косыньку унизали,
 Какъ Богъ суди, Ивана Назаровича
 Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
 Учала мою косыньку рвать, порывати,
 И золото съ косыньки обрывать,
 И жемчугъ съ русыя разсыпати.

213. При привѣздѣ свахи къ повзду.

Я не знала, не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха привѣдала:
 Сваха гордая, спѣсивая,
 Молодая, домливая;
 Она ступитъ, не ступитъ,
 Да хоти она ступила
 По атласу, по бархату,
 По аксамиту на золотѣ,
 Она молвила, не молвила,
 Да хоти она молвила
 Со княжною, съ боярыней,
 Съ Анною Фаддеевной:
 Одрвайся ты, умная,
 Спаряжайся разумная!
 Не свѣщи, сваха гордая!
 Мнѣ куда спаряжатся
 Отъ роднаго батюшки,
 Отъ родной матушки!

214. При отпускѣ невесты къ вѣнцу.

Матушка, что во полѣ пыльно?
 Сударыня, что во полѣ пыльно?—
 Дитятко, кони разыгрались,
 Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
 Матушка, на дворѣ гости ѣдутъ?
 Сударыня, на дворѣ гости ѣдутъ?—
 Дитятко, не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
 Матушка, на крылечко гости идутъ?
 Сударыня, на крылечко гости идутъ?—
 Дитятко, не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
 Матушка, въ нову горницу идутъ?
 Сударыня, въ нову горницу идутъ?—
 Дитятко, не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
 Матушка, за дубовый столъ садятся?
 Сударыня, за дубовый столъ садятся?—
 Дитятко, не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
 Матушка, образъ со стѣны снимаютъ?
 Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ?—
 Дитятко, не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
 Матушка, меня благославляютъ?
 Сударыня, меня благославляютъ?—
 Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
 Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою!

215. При отпускѣ приданого.

Разлилась, разливалась
 По лугамъ вода вешняя,
 Вода вешняя, рѣчная,
 У Ивана Михайловича,
 Ахъ, вѣда учинилась:
 Какъ безъ вѣтра, безъ вихоря
 Воротъ растворились,
 Три кораблика уплыли:
 Какъ первый корабль съ золотомъ,
 А другой съ чистымъ серебромъ,
 А третій съ красной дѣвицей.
 Какъ не жаль-то мнѣ ни золота,
 Мнѣ ни чистаго серебра,
 Да что жаль-то мнѣ дѣвицы,
 Свѣтъ Надежды Ивановны,
 Моей дочери родныя.
 У Ивана Васильевича,
 Да что за радость учинилась?
 Что безъ вѣтра, безъ вихоря

Ворота растворились,
Три кораблика прибыли:
Какъ первый корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвницей.
Мнѣ не дорого золото,
Мнѣ не дорого чисто серебро,
Мнѣ дорога дѣвица,
Свѣтъ Надежда Ивановна,
Моя будущая невѣста.

216. При уборѣ къ вышцу.

На морѣ утушка купалася,
На синемъ сѣрая полоскалася,
Поласкавши утушка, встрепенулася,
Встрепенувши утушка, вышла на берегъ.
Вышедши утушка, да вскрикнула:
Какъ-то мнѣ съ синимъ моремъ расста-
тися?
Какъ-то мнѣ съ крутыхъ береговъ подни-
матися?
Въ теремъ дѣвушка умывалася,
Въ высокомъ красная снаряжалася,
Бѣлыми бѣлцами бѣлцалася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами сурмилася,
Насурмивши, она заплакала:
Какъ-то мнѣ съ батюшкой разстатися,
Съ родной матушкой прощатися?

217. При уборкѣ приданого.

Яблочко въ саду растетъ,
Наливное на вѣточкѣ.
А кто-жъ у насъ яблочко?
А кто-жъ у насъ наливное?
Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!
Яблочко Катинька,
Ой свѣтъ Гавриловна.
Какъ за Катинькой батюшка
Даетъ приданого:
Гусака чубараго,
Да и гусыню свѣжую,
Да и коня съ кобылкою,
Да и село съ помѣстьями.
Государь ты, мой батюшка!
Какъ гусака пѣла моя,
Какъ гусыня краса моя,
Какъ конь гульба моя,
Ой ляли, ляли,
Село съ помѣстьями!

Т. I. Ч. III.

218. При заплетаннн косы у невѣсты.

Дѣв рѣки сотекалися,
Дѣв свахи совѣжались;
Думали думу надъ русой косой:
Какъ намъ расплетать русу косу?
Какъ разложить косу на двое?
Вы постоитѣ, свахи гордые,
Дайте мнѣ посидѣть у батюшки,
У родимой у матушки,
Дайте поучитися какъ домоу жить:
Домоу жить—много вѣдать надобно.

219. Въ жениховомъ домѣ при новадѣ
за русою косою.

Кони вы мои, кони,
Кони вороные!
Сослужите мнѣ службу,
Сослужите мнѣ вѣрною:
Завтра по рану привезите ко мнѣ,
Завтра по утру примчте ко мнѣ
Мою суженую, мою ряженую,
Ту-ли душу, красну дѣвицу,
Анисью Панкратьевну;
Какъ у насъ дѣло-то сдѣлано,
Какъ у насъ-ли помолвлено,
Помолвлено, на словѣ положено,
По рукамъ у насъ ударено
Со отцемъ и матерью:
Быть сговору дѣвичьему,
Завтра къ суду Божьему вхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стоять.

220. При новадѣ къ свадьбѣ.

Подымалася погодушка,
Что со Московской сторонушки,
Уносила лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую, черноногую,
Со желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ.
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ,
Гнала, гнала лебедь бѣлую,
Гнала, гнала черноногую,
Гнала въ бурно море синѣе.
Синѣе море взволновалося,
Лебедь вѣлая востоковалася.
Ой ты, буря непогодушка,
Унесла меня съ моей сторонушки,
Съ желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!
Ужъ не жаль-то мнѣ желтыхъ водъ, клю-
чевыхъ,

23

Ужъ не жалъ-то мнѣ тихихъ рѣчекъ, голу-
бокнхъ,

Ужъ не жалъ-то мнѣ бѣлыхъ лебедушекъ:

Жаль-то мнѣ своей сторонущи,

Жаль-то мнѣ своихъ бѣлыхъ перушкокъ,

Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!

Какъ изъ славной Тверской улицы

Подымался князь, бояре всѣ,

Совзжались ко Иванову двору:

Ворота дубовыя отворяются,

Входятъ гости на широкій дворъ;

Идутъ гости на ново крыльцо.

Въ терему-ли видятъ дѣвицу,

Во высокомъ видятъ красную,

Еленушку душу Иванову.

Ужъ берутъ-ли ее за бѣлыя рѣки,

Ужъ уводятъ-ли отъ дѣвушекъ,

Ужъ уводятъ-ли отъ красныхъ.

Какъ сажаютъ душу Еленушку,

Еленушку свѣтъ Иванову,

Что за тотъ-ли за дубовый столъ,

Что за тѣ-ли скатерти бранныя;

Послѣ увезли домой къ себѣ,

Къ свекору, чужему батюшкѣ,

Къ свекрови, чужой матушкѣ,

Къ чужимъ сестрамъ, золовущкамъ,

Къ чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.

Свекоръ батюшка осержается,

Свекровь матушка разгнѣвается,

Умные деверья вкось глядятъ,

Глухыя золовнички съестъ хотѣтъ.

Душа Еленушка востоскуется,

Свѣтъ Ивановна взгорюется,

Въ горячихъ слезахъ восплачется:

Ой, вы гости незнакомые!

Увезли меня отъ батюшки

Увезли отъ родимаго,

Увезли меня изъ терема,

Увезли изъ высокога,

Разлучили со дѣвницами,

Со дѣвницами ли красными

Со мои-ль подружками.

Ужъ, не жалъ-то мнѣ и терема,

Ужъ, не жалъ-то мнѣ высокога,

Ужъ, не жалъ-то мнѣ красныхъ дѣвушекъ:

Жаль-то мнѣ роднаго батюшку,

А жалчей того русской косы,

Что мое-ли дѣвичей красы.

221. При передачѣ своей сестры.

Братецъ, постарайся,

Братецъ, помози!

Не продавай сестру

Ни за рубль, ни за золото.

Брату мила сестра,

А золото милѣй.

Братецъ, Татаринъ,

Продай сестру за таларъ,

Русу косу за полтину!

222. При провожаніи невесты изъ бани.

При дѣвичьемъ было при вечерѣ,

При Марьиномъ-то дѣвичникѣ,

Не трубушка трубила ряно на зарѣ,

То плакала Марьюшка по русской косѣ;

Свѣтъ мол косынька, русая коса!

Развьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,

Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы.

Дотоль ты, косыньку, дѣвушки плели,

Тепереча косыньку свахѣ ужъ плести;

Укрутятъ ты, косыньку, вокругъ головы,

Повяжутъ по косынькѣ бабу красоту,

Бабу красота на печи въ углу,

Дѣвичья красота во полѣ, на лугу.

223. Коровайная.

Коровай катается,

Коровай валяется,

Коровай на лопату съѣлъ,

Коровай на ножки всталъ,

Коровай гряды досталъ.

Ужъ, нашъ-то коровай

Для всей семьи годенъ,

Для всей семьи, чужой родни:

Чужому батюшкѣ завѣсть,

Чужой матушкѣ закушать,

Молодой княгинѣ нашей,

Свѣтъ Марьѣ Ефимовнѣ,

Утричкомъ прикушать,

Молодому-то князю нашему,

Свѣту Петру Петровичу

Сыто насыто навѣстся.

224. При поѣздѣ къ вѣнчанью.

Родимо мое дитятко,

Иванушка, свѣтъ Петровичъ!

Какъ поѣдешь ты жениться-то,

Привезешь себѣ ты молодую жену,

Не покинь ты меня, вѣдну, горькую,

При старости и при хворости;

Не мѣняй меня, горемычную,

На свою молодую-то жену.

225. ПРИ ОБУВАНИИ КЪ ВЪНЦУ.

Родимой ты мой, братецъ,
Куда ты меня обуваешь?
Куда ты меня снаряжаешь?
Обуваешь меня, снаряжаешь,
Въ чужу дальнюю сторонушку,
Къ чужому отцу съ матерью,
Къ чужому роду племени.
Али я, была у васъ не работницею?
Али я, была у васъ не заботницею?

226. ПРИ РАЗГЪВЪЗЫВАНИИ КОРОВАЯ.

Свети, свети мѣсяць
Нашему короваю;
Проглянь, проглянь солнице
Нашему короваю.
Вы, добрые люди, посмотрите,
Вы нашего короая отвѣдайте.
Вы, князь съ княгиней покушайте.

227. ПОСЛѢ БАНИ.

Спасибо тебѣ, родимый братецъ,
На дровцахъ сухихъ, перелѣтовыхъ!
Спасибо тебѣ, родная невѣстушка,
На пару, на баньку,
На мягкомъ на вѣничекъ!

228. ПРЕДЪ ВЪНЧАНИЕМЪ КЪ РОДИНЫМЪ.

Родимый ты, мой батюшка!
Спалось ли тебѣ, мой родной?—
Не спалось мнѣ во всю темну ночь,
Во всю ноченку я думу думала.
Не темно стало на дворѣ уже,
Заря занимается,
Мои недруги-разлучники собираются;
Разлучаютъ меня съ отцомъ, съ матерью,
Съ своимъ родомъ-племенемъ.

Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы мои недруги
Нельзя было ни пройти, ни проехать.

Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогнѣвайся, моя любезная,
Что тебя я не встрѣтила
Посреди пути-дороженьки,
Посреди двора широкаго,
Супротивъ крыльца высокаго,
Не по снѣси, не по гордости,
За своимъ горемъ великимъ.

Вы не будете ко мнѣ ходить,
Звать на улицу широкую;
Заростетъ ваша дороженька
Травкой муравною,
Западутъ ваши слѣдиночки
Бвлопуховымъ снѣжкомъ.
Ты поди-ка, моя милая,
Аграфена Ивановна!
Я спрошу тебя, надѣючи,
Ты скажи, меня жалѣючи:
Какъ жить въ чужихъ людяхъ?

229. ОТВѢТНАЯ НЕВѢСТЬ.

Ладушка наша милая,
Анна Ивановна!
Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.
Чужихъ людей словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ морозу сердце выязветъ,
Безъ вѣды глаза выхолятъ.
Въ чужихъ людяхъ будь:
И покорна,
И послушна.

230. ПРИ ВЪѢЗДѢ ПОВЪЗДА НА ДВОРЪ.

Не поляя вода на широкій дворъ
Къ моему батюшкѣ-взлѣзала;
Взлѣзали мои недруги,
Хотятъ они разлучить меня
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.
Встрѣчай ты, мой батюшка,
Встрѣчай ты, моя матушка,
Своихъ друзей, моихъ недруговъ,
Недруговъ, разлучниковъ;
Разлучать они меня
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.

231. ПРИ ЗАПЛЕТАНИИ КОСЫ.

Свѣтъ ты, моя коса русая!
Свѣтъ ты, мой индишской косникъ!
Плети ты, моя невѣстушка,
Плети косу мелко на мелко,
Вяжи узлы крышко на крѣпко!

232. ПРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ ПОВЪЗДА.

Не было вѣтру, да повянуло,
Не было гостей, да нахвало
Помонь дворъ золотыхъ каретъ,
И бояръ и князей.

Выпугали, выпугали
Соловья изъ саду зеленого.
Расплакались дѣвочки,
Растужились красныя;
О своемъ соловушкѣ,
О красѣ дѣвичьей.
Не плачте, не тужите,
Поймають соловья въ саду.

233. Предъ вѣнчаніемъ.

Матушка родимая моя,
Мать ты моя, государыня!
Князь, бояре на дворъ. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князь бояре Богу молятся. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей такъ водится;
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князь, бояре за дубовый столъ садятся. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей такъ водится;
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князь, бояре тебя зовутъ,
Зовутъ къ себѣ, позываютъ.
Дитя-ли, мое дитятко,
Дитя-ли, мое милое,
Князь бояре не меня зовутъ,
Не меня зовутъ, позываютъ,
Не ко мнѣ они приехали;
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовутъ они, позываютъ,
Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ;
Къ тебѣ они приехали,
Увезти тебя съ собою хотятъ,
Къ своему ли то суженому
Къ Ивану-то Петровичу.

234. На распусканіе косы.

Ай, спасибо тебѣ, царочка золоченая!
Ай, спасибо тебѣ, косничекъ серебряной!

И вы дѣвцу красную употчивали;
Помогли мнѣ распустить русу косу.

235. Отъ невѣсты своей матери.

Родима ты, моя матушка,
Поучи меня уму разуму!
Какъ мнѣ жить да бить на чужой сторонѣ?
Ты, родимо мое дитятко!
Ужъ, живи, да привыкай-то ты
Къ чужой дальней стороушкѣ,
Къ чужому отцу, матери.

236. Отъ матери по отбѣздѣ ея дочери
къ вѣнцу.

Прощай, родимо дитятко!
Щопа было я, кормила тебя,
Лелѣла мою дитятку,
Думала, чалаа, что будешь ты
При старости мнѣ, при хворости,
На радость, да на сбереженъе.
Оставила ты меня при старости,
Покинула ты меня при хворости,
Бросила ты меня, сироту одинокую.

237. При заплетаніи косы.

Ты красота моя, красота,
Красота-ль моя дѣвчья,
Мнѣ куда красу дѣть будетъ?
Мнѣ куда положить будетъ?
Если въ лѣсъ пущу—забудется,
Въ зеленъ садъ—загуляется;
Я возьму свою красоту
Во свои руки бѣлыя
Во перстни во злаченые,
Унесу во чисто полѣ
Во чисто полѣ на травушку,
Отошедши, послушаю,
Не тоскуеть-ли руса коса,
Дѣвчья красота?
Ужъ, какъ шли люди добрые,
Люди добрые, прохожие,
Мужички деревенскіе,
Подкосили эту травушку,
Увидали русу косу:
Еще чья эта красота
У бережи ношена,
Не у мѣста положена?
Я возьму свою красоту
Во свои руки бѣлыя,
Понесу во высокъ теремъ
Я своей сестрѣ милой
Натальѣ Ивановнѣ.

238. ПРИ ОБУВАННІ НЕВѢСТЫ БРАТОМЪ.

Какъ по саду, по саднику,
 Что ходила тутъ, гуляла
 Молодая боярыня,
 Во рукахъ она носила
 Двѣ серебряныя тарелочки,
 Подходила ко яблочкѣ.
 Ахъ, ты яблонька, яблонька,
 Зелена и кудревая
 Наклонись-ко пониже мнѣ,
 Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
 Я сорву съ тебя два яблочка,
 Положу на тарелочку,
 Понесу во высокъ теремъ,
 Во высокъ теремъ къ милу братцу
 Алексѣю Ивановичу.
 Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
 Ясенъ соколъ,
 Ты прими-ко два яблочка,
 Ты принявъ, разрушай-ко,
 Поразрушивши, покрушай-ко,
 Моего горя послушай-ко,
 Неоставь меня, милой братъ,
 На чужой на сторонушкѣ
 У чужова отца, матери,
 У чужова роду племени.
 Ты сестра, моя милая,
 Ты носи платье, не спашивай,
 Тѣри горе, не сказывай,
 Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
 Носи платье, сносится,
 Потерпи горе, скажешься.

239. ПРИ ВЫДАЧѢ НЕВѢСТЫ:

Какъ вечеръ кинарейка
 Да громко щекотала,
 Поутру ее рано
 Не слышать ее стало —
 Щекотать перестала;
 Знать, что къ нашей кинарейкѣ
 Соколы прилетали,
 И съ собой ее взяли.
 Соколу въ руки дали,
 Молодому вручили.
 Ты владѣй, владѣй соколъ —
 Нашей кинареечкой;

Не давай ее въ обиду
 Ты ни ласточкамъ ни касаточкамъ,
 Ни молоденькимъ пташечкамъ.
 Да вечеръ свѣтъ Наталья
 Да громко говорила,
 Поутру ли рано
 Не слышать ее стало,
 Говорить перестала;
 Знать что къ нашей Наташѣ
 Да бояре приѣзжали
 И съ собой ее взяли,
 Молодцу въ руки дали,
 Молодому вручили
 Ты владѣй, владѣй Александра
 Еще нашей Натальей,
 Алексѣевою душою.
 Не давай ее въ обиду
 Ты ни свекру, ни свекрови
 Ни деверьямъ, ни золовущкамъ;
 Ты давай высыпаться ей
 До девятаго часу.

240. ПРИ ВСТРѢЧѢ ПОВѢДА.

Какъ изъ трубки въ трубку лядося
 Изъ серебряной въ золотую,
 Вылетала изъ трубки голубка
 И со спырымъ голубочкомъ,
 Со яснымъ соколочкомъ,
 Сидилася голубка на окошко,
 А голубъ на другое,
 Ужъ, какъ зачалъ голубъ воробати,
 А голубушка щекотати
 Всякими разными голосами,
 Человѣчьими словесами.
 Да свѣтъ Наташенька
 По горинкѣ ходила
 Да ходила, да ходила, да ходила!
 Во рукахъ она жалобу носила,
 Она къ батюшкѣ приносила.
 Еще батюшко жалобу не принялъ,
 Къ ретиву сердцу не прижалъ.
 Натальюшка по горинкѣ ходила,
 Во рукахъ она жалобу носила,
 Къ Василью приносила,
 Къ Алексѣевичу приносила.
 Какъ Василий-то жалобу принялъ,
 Къ ретиву сердцу прижалъ.

СРАВНЕНІЯ

СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПѢСНИ МАЛО-РУССКІЯ.

Для сравненія Мало-Русскихъ пѣсень съ нашими Русскими мы выписываемъ изъ книги: Малороссійскія и Червоно-Русскія народныя думы и пѣсни, Спб. 1836, стр. 93.

1.

Теперь у насъ да двѣичъ вечеръ,
Рано, рано, да двѣичъ-вечоръ, — хороше
изрженъ,

Да не такъ изрженъ, якъ обсаженъ:
У три стѣны каменныи, четвертая золотая
А на той стѣнѣ теремъ стоитъ,
А на теремочку маковочка,
А на маковочкѣ ластовочка:
Да свела гнѣздечко съ чорнаго шовку,
Да вывели дѣтки—однолѣтки,—
Перво дѣтятко молодой Ивашкѣ,
А друге дѣтятко молада Марусенька.

2.

Слава зоря да мѣсяца:
«Ой мѣсяцу, мой товаришу!
Не заходь ты, равтѣ мене,
И зайдемо обое разомъ
Освяtimo небо и землю —
Срадується звѣрь у полѣ, жость у дорозѣ.
Слава Марусечка да до Ивасечка,
Ой Ивасе! мой суженый,
Не свдай на посаду равтѣ мене,
Обсадимо обое разомъ:
Съвеселимо два двора разомъ,
Ой первый дворъ, батька твого,
А другой дворъ, батька моего.

3.

Плыве утонька, безъ утиняты,
На море почевати,
А проти ей сизый селезень,
Съ чорными косицами:
Ой постой утко!
Да не шкряби утко,
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я ни славу,
Чувъ я славуныку —

И про тебе, сира утонько!

Да плетуть сѣтки
Да на твои дѣтки—
И на тебе, сира утонько!
Да нехай же плетуть
И приплетують:
Яжъ того не боюся,
Я на дно порву,
И сѣти порву,
И дѣточокъ повыпускаю.
Идутъ дружечки
У два рядочка,
А Марусечка посереду;
Проти неи молодой Ивасечко,
Съ своими боярями:
Ой постой, постой Марусечко!
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я на мѣсть
Чувъ же я вѣсти—
И про тебе молада Марусенько!
Да не купують чепци
И кивалочки,
Да на твою головочку.
Да нехай купують
Да нехай торгують:
Яжъ того не боюся
Я у недѣленьку, да у вечерѣ
Я у тее, приверуся.

4.

Выйди, матерько, огляди,
Що тебѣ бояре привезли:
Да привезли скрыню и перину,
И молодую княгиню.

5.

Ой кони, наши вороны!
Чи чуєте на сплу?
Чи съвезете княгиню
Да на тую гороньку крутую,
Да у тую свѣтлоньку новую,
А у той свѣтлоньцѣ медъ, вино пьмють:
Да вже жъ нашу Марусеньку давно ждуть.

6.

Мати Марусеньку родила,
Мисяцемъ обгородила,

Солнечкомъ подперезала,
Да свекорка выпровожила.

7.

Да сказали Марусенька не пряха
А чи матицька не трахла:
Ажъ вона раненько вставала,
Тонкій рушники напярла,
У тихого Дуная бѣлила,
Молодыхъ бояръ дарыла.

8.

Засвѣти, Боже, изъ раю,
Нашему короваю:
Щобъ було видесенько,
Крѣпкѣ дронесенько.

9.

Пойду я до Дуная,
Стану, подумаю:
Да чи минѣ до воду брати,
А чи минѣ коровай бгати?

10.

Старша дружечко,
Подивися у окопечка:
Чи високо солнечко на небѣ,
Чи богато бояръ на дворѣ?
Богато, не богато, тилько всѣхъ
Красчій Ивашкѣ ото всѣхъ.
Ой вы бояре! ясныи соколоньки,
Чомъ же вы до насъ не рано прѣхали?
Чи вы бояре кониковѣ добували,
Чи вы бояре жупановѣ позычали?
Ой вы дружечки, сивыи голубочки!
У насъ коники просѣдани стояли
У насъ жупаны побганы лежали,
То у Ивасечка, ласковый панѣ отченько,
Забаривъ насъ ласковыми словами
Наповавъ насъ сладкими медами,
Прохавъ насъ прозьбою и грозьбою,
Щобъ мы привезли Марусеньку съ собою.

ПЬСНИ ЧЕРВОНО-РУССКІЯ

или

ГАЛИЦІЙСКІЯ.

Для сравненія Червоно-Русскихъ пѣсней
съ нашими Русскими, мы выпиываемъ
изъ пѣсенника Вацлава Олешки.

1.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,

Никуда переихати

Федуневи ни заручени!

Его тостонько любить,
Ему мостоньки мостить
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.

Вода луги позаливала,

Дороги позабирала,

Никуда переихати

Федуневи на заручени!

Его тещенька любить,
Ему мостоньки мостить
Съ камня дорогого
Съ перстня золотого.

Вода луги позаливала,

Дороги позабирала,

Никуда переихати

Федуневи на заручени!

Его дивонька любить,
Ему мостоньки мостить
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.

Вода луги позаливала,

Дороги позабирала,

Никуда переихати

Федуневи на заручени!

Его сватовька любить,
Ему мостоньки мостить
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.

Вода луги позаливала,

Дороги позабирала,

Никуда переихати

Федуневи на заручени!

Его родонько любить,
Ему мостоньки мостить
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.

2.

Черная галенько, черненька,

Дежъ-бо ты сокола завела?

Ой нигдѣ я его не вела!

Самъ за мной летѣлъ,

За мной летаньемъ тихинькимъ,

И перонькомъ черненькимъ.

Красная Марусенько, красна,

Дежъ-бо ты Ивасенька завела?

Нигдѣ-жъ я его не вела,

Самъ вонъ за мною прѣхавъ,

За мной ходонькомъ дроненькимъ,

За мной личенькомъ бѣленькимъ.

3.

Короваеве тѣсто
 Не смѣшилося въ мѣсто,
 Но ся вѣззало на рынокъ,
 Зацѣтло якъ калинокъ.
 Ой годъ, годъ пшеницъ,
 Семь лѣтъ въ стозѣ стояти,
 Чась изъ тебе коровай опхати;
 Ой себѣ Петруненко
 То ся тый круснывъ удавъ:
 Подошва ему желѣзна,
 Обручи ему сребрныи
 А на вершочку жовтый цвѣтъ:
 Славный нашъ коровай на весь свѣтъ!

4.

Повхавъ староста на ловы
 Въ темныи лѣсы, дубровы
 Тамъ его дровный дощъ нагонивъ,
 Лысыи шубовьки помочивъ.
 Ажъ ся староста сдумавъ
 Учла тое свашенька:
 Не журися старостоньку
 Я твои суконьки посушу,
 Я твое личенько прекрашу.

5.

Розточено, поволочено по сѣняхъ,
 Розстелено ленны скатерти по столу.
 Куда мишла красна Марусенька на посагъ,
 Пытается, дождается вотъ батенька,
 А вотъ кого, мой батеньку посагъ ставъ?
 Бошъ Бога, бошъ добрыхъ людей, дѣятко,
 Послуgetъ самъ Господь Богъ съ ангелами,
 Послуgetъ тя, мое дѣятко, съ друзьями.

6.

Благослови Боже и ты родный батеньку!
 Дежь твой, Марусеньку, старший братъ,
 Що твои косы розлетавъ?
 Де твои бѣлѣхы, похававъ?
 Чи на тихий Дунай попускавъ,
 Чи молодой сестренца даровавъ?
 Де твои, Марусенько, ковали
 Що твою кососенку ковали?
 Та нехай прийдуть, розкують,
 Все совѣ сребро, золото заверуть.

7.

Ой Татаръ, братчикъ Татаръ,
 Продамъ сестру за таларъ,
 Русу косу за шостагъ,
 Румѣно личико таки такъ!

8.

А не рѣй матѣ въ ловы,

Повѣй по дорожъ,
 Розвѣй русу косу,
 По червонымъ поясу!

9.

Ивасева мати дѣбри подхпѣла
 И съ зорою розмавлѣла:
 Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
 Тожесть ми присвѣтила:
 До дому мытницю,
 До поля работницю,
 До коморы ключницю.

10.

Назхали гостеньки
 Изъ чужой стороненьки,
 Взляи си подпивати
 Иди, Марусеньку,
 Въ нашу стороненьку;
 Въ сторонѣ на тми
 Гороньки золотыи,
 Травоньки шовковыи
 Рѣченьки медовыи.
 Прѣлетѣла зазуленька
 Съла си въ окопочку.
 Той стала ковати,
 Всимъ правду казати:
 Свѣтъ же я облетѣла.
 А того не видала:
 Всьогода торы земляныи,
 Травоньки зеленыи,
 Рѣченьки водяныи.

ПѢСНИ СЛОВАКЦІЯ.

ДѢЛЪ СРАВНЕНІЯ СЛОВАКСКИХЪ ПѢСЕНЪ СЪ
 НАШИМИ РУССКИМИ, МЫ ВЫПИСЫВАЕМЪ ИЗЪ
 ПѢСЕННИКА ЯНА КОЛЛАРА: NARODNĚ SRIE-
 WANKY SĪLI PĪSNE SWETSKE SLOWAKU
 W UNVACSH. W BUDINE. 1834.

1.

Тече вода, тече вода, тече мутна,
 Отъ чего же ты, моя мила смутна?
 Ако я мамъ, ако я мамъ весела бытъ?
 Строгъ же мой, строгъ мой суженой не-
 вется.
 Кедъ же строгъ, нехъ се строгъ, нехъ здравъ
 буде.

О рокъ, о два, о рокъ, о три, обещеюсь,
 О рокъ, о два, о рокъ о три, о десяти.
 Предка меня онъ, предка меня може зяти,
 Кедъ ни панну, кедъ ни панну а спонъ
 вдову,
 Предка будемъ, предка будемъ его жену.

2.

ДѢВКА, ДѢВКА ВЪ МЛОДОМЪ ЦВѢТѢ,
НѢТЬ ТИ ПАРЫ ВЪ ЦѢЛОМЪ СВѢТѢ?

КАВЫ САМЪ ТИ ПАРУ НАШЕЛЪ,
БЕЗЪ ТЕБИ БЫ САМЪ ЗАЖИЛЪ.

ДѢВКА, ДѢВКА РАДЪ БЫ ТЕ ВЗЯТЬ,
ЖЕНИ МАМА, НЕЧУ ТЕ ДАТЬ;
ОТЕЧЬ БИ ДАЛЪ, А МАТЬ НЕДА,
ЖЕ ЕЙ ДѢВКА ДОМА ТРЕБА.

МАТИ, МАТИ, ДОЗВОЛЬ ДѢВЧЕ,
НЕХЪ МИ ПОДА РУКУ, СЕРДЦЕ,
НЕХЪ МИ ПОДА РУКУ, СЕРДЦЕ,
ЖЕ НЕ БЛИДНЕ МОЕ ЛИЦЕ.

3.

ЗАСВѢТИЛО СОЛНЦЕ НА СОСѢДОВЪ ДОМЪ,
ВЪТЮ, УЖЪ НЕ БУДЕШЬ ДѢВЧА-ТО ДОЛГО ВЪ
НЕМЪ.

4.

ПОДЪ МУРАНОМЪ ВЪ ТЕ ДОЛИНѢ
СВІЙ ГОЛУБЬ ВОДУ ПИЕ,
БЫЛА РОЗА ПРОЦВѢТАЛА,
МАТКА ДОЧЕРЬ ЗАПЛЕТАЛА.
НЕ ПЛЕТИ ЖЕ МАТКА ТУГО,
УЖЪ НЕ БУДЕТЬ ВАША ДЛУГО,
МОГЛА ВПШЬ ПЛЕСТЬ СЛАБЖЕ.
ЧЬЯ БУДЕШЬ МОЯ ДѢВКА?
СУГАКОВА ШВАРНА ЖЕНКА.
А КАКЪ ЖЕ ЕГО БУДЕШЬ ЗВАТЬ?
АНГЕЛЬЧОКЪ МОЙ, РИПТОКЪ ЗЛОТЫЙ.

5.

ЕЩЕ СЯ ВАСЪ, МАМУШЕЧКА, СПЫТАТЬ МАЮ:
ЧИ Я СЪ ВАМИ ЕЩЕ ДАЛЕ БЫВАТЬ МАЮ?
ЖЕ БЫЛА ДОМА ДОЛЖИЕ.
АХЪ, НИ СО МНОЙ, ДѢВКА МОЯ, НИ СО МНОЙ;
КОГО СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА, ТОЙ СЪ ТОБОЙ.
А Я САМА СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА СЪ РОЗЫ ЦВѢТЪ,
ЛЪПШІЙ ЖЕ МОЙ, НАПМИЛЪПШІЙ, ЕСТЬ ТОЙ
ЦВѢТЪ.

ЕЩЕ ЖЕ ВАСЪ, МАТЕЧКУ, СПЫТАТЬ МАЮ:
ЧИ Я СЪ ВАМИ ЕЩЕ ДАЛЕ БЫВАТЬ МАЮ?
АХЪ, НИ СО МНОЙ, ДИЩЕРЬКА МОЯ, НИ СО МНОЙ;
КОГО СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА, ТОЙ СЪ ТОБОЙ.—
А Я САМА СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА СОКОЛА,
ЗАВТРА ПОЙДЕМЪ КЪ НЕМУ ВЪБАТЬ СЪ КО-
СТЕЛА.

ЕЩЕ СЯ ТЕ, МОЙ БРАТРИЧКУ, СПЫТАТЬ МАЮ:
ЧИ Я СЪ ТОБОЙ ЕЩЕ ДАЛЕ БЫВАТЬ МАЮ?
АХЪ, НИ СО МНОЙ, СЕСТРА МОЯ, НИ СО МНОЙ;
КОГО СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА, ТОЙ СЪ ТОБОЙ.
А Я САМА СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА ПЕРЛІЧКУ,
ЗАВТРА МЫ СЪ НИМЪ ОСОВАША БРАТРИЧКУ.
ЕЩЕ ЖЕ СЯ ТЕ, СЕСТРИЧКУ, СПЫТАТЬ МАЮ:

ЧИ Я СЪ ТОБОЙ ЕЩЕ ДАЛЕ БЫВАТЬ МАЮ?
АХЪ НИ СО МНОЙ, СЕСТРА МОЯ, НИ СО МНОЙ;
КОГО СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА, ТОЙ СЪ ТОБОЙ.
А Я САМА СЕБЪ ВЫЙВОДИЛА МУЖЕЧКА.
СЪ БОГОМЪ МАТКА, ОТЕЦЪ, БРАТЬ И СЕСТРИЧКА!

6.

ДВѢНАДЦАТЬ ТРУБАЧЕЙ ТРУБИЛО,
ЕЩЕ КЪ ТОМУ ДВѢНАДЦАТЬ
ПАШАЛАТОКЪ ШВАРНЫХЪ
СЛУЖИЛО.

ТРУБИТЕ ТРУБАЧИ ВЕСЕЛІЕ!
КОМУ ЖЕ МОЙ ВѢНОКЪ
И ЗЛАТЫЙ ПЕРСТЕНЕКЪ
НА СТОЛѢ?

ШЛА ДО КАМОРЫ ПЛАКАЛА,
СВОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ВѢНОКЪ
И ЗЛАТЫЙ ПЕРСТЕНЕКЪ
СКЛАДАЛА.

ЕЙ МЛАДА НЕВѢСТА, ПЕКНЕШЬ ПРИПРАВЛЕНА,
ВИЩЕСКА ТВОЯ ГЛАВА ШВАРНА ОЗДОБЕНА?
АЛИ Ю НЕ БУДЕШЬ УЖЪ ДОЛГО ПОСЛІТИ,
ВЪ ТУТО ШВИЛОЧКУ МОЖЕШЬ Ю СЛОЖИТИ,
КІМЪ СИ ТУТО ПАРТУ НА ГЛАВЪ НОСИЛА,
ДОТЮЛЪ СИ СЛОБОДНЕ ШЛА, ХОДИЛА.
АЛЕ УЖЪ НА ПАРТЪ ШТУЧКИ РОЗВЯЗУЕМЪ,
А СЪ ТЫМЪ ТИ, ПАНЕНШКЕ, СВОБОДУ СВАЗУЕМЪ.
ДА, ДА ДОЛОЙ СЪ ГЛАВЫ ТЪ ПАРТУ СЛОЖИ,
КАКЪ И НЕ СМЪЕШЬ КЛАСТИ ВѢКЪ НА СВОЮ
ГЛАВУ,

А КОГДА РАЗПЛЕТЕМЪ ТВОИ ВЛАСЫ,
БУДЕШЬ СЯ ЗВАТЬ ЖЕНОЙ НА БУДУЩИ ЧАСЫ.

8.

ПОДЪТЕ ЖЕ УЖЪ, ВЪДЪТЕ, ДРУЖИЦЫ МОИ,
БУДЕТЬ РОСПЛЕТАТЬ КОСЫЛКУ МОЮ.
О МЕДЫЕ МОИ, ВЫ ЖЕЛТЫ ВЛАСЫ!
УЖЪ МНѢ ИХЪ ПРИКРЫЕ ЧЕПЕЦЪ БЫДЕСЫЙ.

9.

АХЪ, УЖЪ САМА СЛОЖИЛА ПАНЕНСКУ ОЗВОДУ,
А СЪ ТЫМЪ СКОНЧАЛА ВСЯКУ НУ СВОБОДУ,
ЗДРАВА БУДЪ И ПОРТА И ВѢНОКЪ ЗЕЛЕНЫЙ,
УЖЪ ВѢКЪ НЕ ИМАТЬ ПРИ МНѢ!
ДОБРА НОЧЬ ДВѢЦАТА, Я ДАСЬ ОДИВІТУЕМЪ,
УЖЪ ДНЕСЬ ВЪ ПОСЛАДНІЙ РАЗЪ СТОИМЪ МЕЖЪ
ВАМИ,

ЗАВТРА БУДЕМЪ СІДѢТЬ УЖЪ МЕЖЪ ЖЕНАМИ.
НА МНѢ И ВЪ МАЩЕЛСТВѢ НЕ ЗАПОМИНАЙТЕ,
А ЕДНА ПО ДРУГОЙ ТѢЖЪ СЯ ВЫДАВАЙТЕ!

10.

ЗА НАШИМИ ГУИНЫ ЛУГЪ ШИРОКЪ,
ТРАВА ВЫСОКА,
ПО НЕЙ СЯ ПРОХОДИ ДѢВКА ГУМИНА,
ПЕКНЯ ЧЕРБЕНА.

Ахъ, мамнчко, мамко, кому меня отдашь?
 За кого меня выдашь?
 Ахъ дочеречко, сватаю за младова,
 Отдамъ тебя за младова.
 Ахъ мамнчко, мамко, то мнѣ не въ волю;
 Главка моя болитъ!
 Ахъ, дочеречко, дочерко, сватаю за старого,
 Отдамъ за младова.
 Ахъ мамнчко, мамко—то мнѣ въ волю!
 Нѣтъ у меня боли!

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

Для сравненія Сербскихъ пѣсепъ съ нашими Русскими, выпишемъ изъ пѣснника Вука Караджича.

1.

Ой и два свата и два упросника!
 Ле, леля, ле!
 Куда вы идете, что вы ищете?
 Ле, леля, ле!
 И мы идемъ, мы ищемъ двѣйки!
 Ле, леля, ле!
 У насъ она есть не прошенная.
 Ле, леля, ле!
 Мы пришли за тѣмъ, просить ее!
 Ле, леля, ле!
 Вы за тѣмъ пришли, да мы не даемъ!
 Ле, леля, ле!
 Ой! дадите же, будетъ нашею!
 Ле, леля, ле!
 Свекоръ придетъ ли, принесетъ сукна?
 Ле, леля, ле!
 Женихъ придетъ ли, принесетъ кольцо?
 Ле, леля, ле!
 И женихъ будетъ и кольцо будетъ.
 Ле, леля, ле!
 Деверь придетъ ли, принесетъ вѣнецъ?
 Ле, леля, ле!
 Будетъ деверь, вѣнецъ принесетъ.
 Ле, леля, ле!

2.

Пора, Павле, пора, милый брате!
 Пора тебѣ перстневать невесту,
 Когда будешь у тещина двора,
 Когда взвидишь льпоту—дѣвочку,
 Не гляди ей ни въ вѣнецъ, ни въ серьги,
 Не гляди ей на цвѣтное платье,
 Не гляди на шитье рукава.
 Швецъ сдѣлаетъ ей цвѣтно платье,
 Рукава ей вышивала швей,
 Кузнецъ сковалъ ей золотъ вѣнецъ,

А смотри ей въ лицѣ и осанку.
 Съ тѣмъ-то, брате, вѣкъ вѣковать!

3.

Ой, орлови, орлови!
 Вы летаете високо,
 Вы летаете високо,
 Вы видите далеко,
 Видите-ль вы сватовъ?
 Ведутъ ли намъ сношеньку?
 Товка-ль она, висока?
 Бѣла-ль она, румяпа?
 Не комышется-ль на ней новъ вѣнецъ?
 Не вѣтся ли надъ кумомъ червонъ бархатъ?
 Здоровы ли подъ младоженемъ конь-земленко?

4.

Росла яблонка предъ дворомъ Ранка,
 Серебряный стевель, золотыя вѣтви,
 Золотыя вѣтви, бисерныя листьа,
 Бисерныя листьа, кораллово яблочно.
 Летитъ стадо спзыхъ голубей,
 Садятся голубки, воркуютъ,
 Воркуютъ, да бисеръ зоблютъ.
 Одинъ голубъ не воркуетъ, не зоблетъ,
 Вопить его Ранкова мамка:
 Лети дальше, сизой голубъ,
 Ту ли яблонку садилъ Ранко,
 Самъ садилъ, самъ поливалъ,
 Чтобъ подъ ней сидѣли сваты,
 Сидѣли сваты, да вино пили.

5.

Золоты пушки загемѣли,
 Льпу Мару со двора везутъ.
 Лепа Мара, не жалъ тебѣ матки?—
 За что-жъ бы мнѣ было жалъ матки?
 У моего милова есть матка по лучше.
 Лепа Мара, не жалъ тебѣ отца?—
 За что-жъ бы мнѣ было жалъ отца?
 У моего милова есть отецъ по лучше.
 Лепа Мара жалъ тебѣ брата?—
 За что-жъ бы мнѣ было жалъ брата?
 У моего милова есть братъ по лучше.
 Лепа Мара, не жалъ тебѣ сестры?
 За что-жъ бы мнѣ было жалъ сестры?
 У моего милова есть сестра по лучше.

6.

Отломилась ветка отъ бузины,
 Лепа Смиля отъ своей матки,
 Отъ своей матки, отъ своего рода.
 Воротись Смиля, зоветь теби матка,
 Зоветь матка и дастъ кошумо.
 Было время, матка, прежде звати,
 Прежде звати, кошумо давати,

Пока не отдала милому куму,
Милому куму и деверю,
Пока еще не было перстня на руку,
Перстня на руку, вьнца на глаза.

7.

Не плачь же, душа дубойка!
Пускай твой матка плачеть,
Вечно плачеть, по тебе жалеетъ;
Какъ подружки пойдутъ за водою,
А лепой Розы на воду вьтъ.
Пить Розы, не свѣжа вода!

8.

Какъ летятъ цвѣтокъ съ чиста поля,
Какъ падетъ цвѣтокъ двѣситъ на зеленъ
внѣць,

На зеленъ внѣць, на русу косу.
Ужь-то не листъ летитъ съ чиста поля,
То была марама невестина,
Была марама, горемычница!
Называть мнѣ своей чужу матку,
Забывать мнѣ свою родиму матку!
Называть мнѣ своимъ чужа брата,
Забывать мнѣ братца родимаго!

9.

Бьетса облакъ по ясному небу,
Падетъ Ранко по белому двору,
Проситъ Ранко прощенья у матки,
У своей матки, у своего отца.
Прости меня, мила матка,
Мила матка, была церковь,
Дай прощенье, дай благословенье.
Ужь я иду на чуже село,
Во чуже село, за чужой сестрой,
За чужой сестрой, за моей любовью.

10.

Ахъ, сосѣдка, наша другарица,
Другарица наша, невестница!
Не вечеръ ли намъ закаялась:
Не пойду, сосѣдки, ко чужому,
Не стану цѣловать чужу руку,
Не надѣву я чужаго перстня!
А теперь ты идешь къ чужому
И ты цѣлуешь чужу руку,
Надѣваешь чужой перстень.

11.

Выводи, братъ, сестру на погляденье!
Я бы вывелъ, да мнѣ ее жалко!
Жаль, не жаль, а выводить надо.
Выводи же, отдавай скорѣе,
Отдавай намъ, вѣдь она ужь наша.

12.

Моложене, румяная роза!

Даемъ тебѣ стручокъ розмарина!
Коли свянетъ стручокъ розмарина,
Тебѣ стыдно, а намъ грѣшно будетъ!
Поливай же стручокъ розмарина!
Чтобъ не завянулъ стручокъ розмарина!

ВАРИАНТЫ

СВАДЕБНЫХЪ ПЬЕСЪ.

Русскія Свадебныя Пьесы, собранныя
А. П. Кастернымъ отъ пѣсельницъ Поше-
хонскихъ.

1.

Вы цвѣтики мои, цвѣтики,
Голубы цвѣты лазоревы,
Много васъ было посвяно,
Да не много уродилось.
Вы подружки, вы голубушки,
Много васъ было во теремъ,
Да не много оставалось;
У насъ не было нѣмѣнницы
Свѣтъ души-ль красны двѣнцы,
Хавроньи Пелагеены.
Ты сказала, что замужь нейдешь,
Ты сказала — не подумаешь;
Ты сказала — въ монастырь пойдешь,
Въ монастырь пойдешь, во игуменьи,
А васъ, двѣнчки, съ собой возьмутъ:
Я любимую во ключницы,
Котору во ларешницы,
Сама буду игуменья;
А теперь сама замужь идешь.
Ты на что, душа, пожелтелася?
На удалаго-ль добра молодца
Сидора Пафнютыча,
На его ли лице было?
На его ли щеки румяныя?
На его ли брови черныя?

2.

Виноградъ въ саду растеть,
Виноградъ въ зеленомъ растеть,
А ягода, ягода поспѣваетъ;
Виноградъ, Иванъ господнѣ,
Да Петровичъ сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По водѣ рыба плаветь, извивается,
Да мнѣ молодой мало можеться,
Батюшкина хлѣба тѣсть не хочеться;
Батюшкинъ хлѣбъ полынью пахнетъ,
Горькоко горчицей отзывается.

Виноградъ въ саду растеть,
Виноградъ въ зеленомъ растеть,
А ягода, а ягода поспѣваетъ;
Виноградъ Иванъ господинъ,
Да Петровичъ сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По водѣ рыба плыветь, пзвняется,
Да мнѣ молодой много можется
Да Ивановна хлѣба кушать хочется,
Его хлѣбъ сахаромъ пахнетъ
И разными духами отзывается.

3.

Во Китаѣ Крымъ городъ,
На ковръ, на красномъ золотъ,
Свѣтъ Петръ чесалъ кудри,
Чесалъ кудри, приговаривалъ:
Самъ съ Сашенькой разговаривалъ:
Свѣтъ Сашенька первой кудри!
Захочу я, сударь, перевью,
Захочу, сударь, не перевью:
Еще я, сударь, не твоя—
Я Божья, сударь, да батюшкина,
Государыни матушки.
Во Китаѣ Крымъ городъ,
На ковръ, на красномъ золотъ,
У стола, стола убранова,
Противъ зеркала хрустальнова,
Петръ чесалъ кудри,
Чесалъ кудри приговаривалъ:
Ты, Сашенька, первой кудри,
Ивановна, кудри русыя!
Я теперь, сударь, перевью,
Я теперь, сударь, вся твоя.

4.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Конь бежитъ, земля дрожитъ,
Подъ конемъ трава шумить,
На конѣ приворъ гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой добрый молодецъ идетъ;
Онъ идетъ, шляпой помахиываетъ,
Во высокъ теремъ поглядываетъ,
Самъ съ Пашенькой разговариваетъ:
Ты, Поливька, перейми моего коня?
Захочу, сударь, перейму.

Изъ-за лѣсу, лѣсу, темнаго,
Конь бежитъ, земля дрожитъ,
Подъ конемъ трава шумитъ,
На конѣ приворъ гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,

За стрѣлой добрый молодецъ идетъ,
Онъ идетъ, шляпой помахиываетъ,
Во высокъ теремъ поглядываетъ,
Самъ съ Пашенькой разговариваетъ,
Осиповну уговариваетъ:
Поливька, перейми моего коня?
Я теперь тебя послушаю;
Перейму я коня вороного,
Захвачу за узду значевую,
Подведу я къ добру молодцу,
Къ Ивану сударь Петровичу.

5.

Матушка, что во полѣ пыльно?
Государыня моя, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгались.
Матушка, чьи же эти кони?
Дитятко, свѣтъ Алексѣебы кони.
Матушко, каретушка ѣдетъ?
Дитятка, ни къ намъ, ко сосѣду.
Матушка, на широкой дворъ выѣзжаетъ?
Дитятко, не бойсь, не пугайся!
Матушка, къ намъ въ горницу идутъ?
Матушка, меня благословляютъ?
Государыня моя, во каретушку сажаютъ?
Дитятко садися, крестись!

6.

Стелется и вьется,
По лугамъ зеленѣетъ,
Цвѣлетъ, милуетъ,
Алексѣй жену цвѣлетъ,
Ивановичъ милуетъ,
Душечкой называетъ:
Душечка Онечка,
Сердце мое, Львовпа душа!
Роди сына сокола:
Личикомъ во себя,
Умомъ, разумомъ во меня.
За услугу за твою,
Сарафанъ тебѣ сошью.

7.

Я кладу млада жалобу,
Не на батюшку, не на матушку,
Я кладу, млада, жалобу
Я на сваху на сводницу;
На нее подговорщицу,
Что ходила частешенько,
Говорила гладешенько,
Выхваляла чужу сторону:
Какъ чужая сторонушка,
Она сахаромъ посвяна,
Виноградомъ огорожена.
Не жила тамъ я, не вѣдала,

Какова чужая сторонущка ;
Она горемъ посвяана—
И кручнѡй огорожена ;
У Петра широкой дворъ
Онъ стоитъ на семи шагахъ,
На семи съ половиною ,
Да и то воробьиныхъ.
Зазову сваху въ гости къ себѣ,
Напою сваху до пьяна,
Я столкну ее съ лѣстницы.
Околѣть бы тебѣ свашенька,
Безъ кадила, безъ факела,
Безъ пона и безъ дьякона.

8.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою светелочка,
Во светелочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвица душа.
Приходилъ къ ней батюшка,
Онъ и звалъ ее съ собой домой :
Ты пойдемъ, Сашенька, домой,
Ты пойдемъ, Петровна, домой?
Я неѣду, не слушаю ;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, караулы нѣтъ.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою светелочка,
Во светелочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвица ;
Приходилъ къ ней, Алексѣй господицъ,
Ты пойдемъ, Аннушка, со мной,
Я иду, иду и слушаю,
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозки есть,
Лѣса темны, караулы есть.

9.

Своры мои, сворички.
Сбирала подругъ
За свой столъ,
Сажала подругъ высоко,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думишку краше всѣхъ.
Подружки мои, голубушки !
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Еще какъ идти въ чужи люди?
Еще какъ назвать люда свекра?
Батюшкой назвать — не хочется,
Свекромъ назвать — осердится ;
Убавлю спеси, гордости,
Привавлю ума разума,

Назову свекра — батюшкой,
А свекровушку — матушкой.
Чей, чей зеленъ садъ,
Онъ стоитъ, поблекнувши ?
Чья, чья молода вдова,
Да свѣтъ Дарья Семеничъ ?
Мой зеленъ садъ,
Онъ стоитъ поблекнувши,
Я, молода вдова,
Безъ друга, безъ милаго.

10.

Александра душа домѣ строила,
Съ оградой со каменною,
Со хрустальными воротничками,
Сама хвалилася:
Что не взять, не взять меня,
Не со стомъ, не съ тысячами,
Не съ столичнымъ городомъ,
Не съ храбрымъ войскомъ.
Ужъ какъ ѣхалъ Василий князь,
Услыхалъ похвалу эту.
Возьму я, возьму тебя
Безъ съ стомъ, безъ тысячей,
Не столичнымъ городомъ,
И безъ храбрыхъ воиновъ.

11.

Какъ по двору, дворнику,
Дворнику широкому,
Ходилъ, гулялъ молодецъ—
Иванъ Алексѣевичъ—
Повѣспалъ головушку,
На праву сторонущку.
Увидѣла матушка,
Съ высокаго терема—
Дитя-ль мое, дитятко,
Дитя-ль мое, милое,
Что ходишь не весело,
Говоришь перадочно?
Родимая матушка!
Задумалъ женицца.
Женись, женись дитятко,
Женись мое милое!
Возьми, возьми дитятко
Съ высокаго терема,
Большую боярню.
Родимая матушка,
Та мнѣ не хозяйюшка.
Какъ по двору, дворнику,
Дворнику широкому,
Ходилъ, гулялъ молодецъ—
Иванъ Алексѣевичъ,
Повѣспалъ головушку,

На праву сторонушку.
 Увидѣла матушка
 Съ высокаго терема—
 Дитя-ль мое, дитятко,
 Дитя-ль мое, милое,
 Что ходишь не весело,
 Говоришь нерадочно?
 Родимая матушка,
 Задумалъ, жевитесь.
 Женнись, женнись, дитятко,
 Женнись мое милое!
 Возьми, возьми, дитятко,
 Съ высокаго терема,
 Дочь купца богатаго.
 Возьму, возьму матушка;
 Эта мнѣ, матушка,
 Въ домъ хозяйюшка.

12.

Ужъ мать ты, моя матушка,
 Ужъ ты мать, государыня!
 Мнѣ вѣчоръ мало спалоса,
 На зарѣ приуспалоса,
 Мнѣ великой сонъ видѣлся:
 Будто у насъ среди двора,
 Среди двора банничка,
 Что худынь-то худышенъка;
 Она вся развалилася,
 По бревну раскатилася.
 Среди бани печница стоитъ,
 На печницѣ котелище лежитъ,
 По полу ходитъ гусыня,
 А по лавочкамъ ласточки,
 По окошечкамъ голубки.
 Ты дитя-ль мое, дитятко,
 Я тебѣ этотъ сонъ раскажу:
 Что баня вся раскатилася,
 То тебя, мое дитятко,
 Увезутъ съ широка двора;
 Что на печницѣ котелище лежитъ,
 То лютой свекорѣ батюшка;
 Что по полу ходитъ гусыня,
 То люта свекровь матушка;
 Что по лавочкамъ ласточки,
 То золовки голубушки;
 Что по окошечкамъ голубки,
 То дѣверья ясны соколы.

13.

Какъ подѣ ялонью кровать,
 Ехи!
 Подѣ кудрявою тесова,
 Ехи!

Кровать точеная,
 Ехи!
 Позолоченая,
 Ехи!
 На кровати перина,
 Ехи!
 Пуховая постлана,
 Ехи!
 На перинѣ простыня,
 Ехи!
 Батистова постлана,
 Ехи!
 Три подушечки,
 Ехи!
 На перинѣ молодець,
 Ехи!
 Да свѣтъ Петръ господинь,
 Ехи!
 Алексѣевичъ, сударь,
 Ехи!
 Ужъ какъ около его,
 Ехи!
 Слуги върныя его,
 Ехи!
 Разубають, раздѣвають,
 Ехи!
 Спать укладывають.
 Ехи!
 Ужъ ты ляжь-ко, усни,
 Ехи!
 Да свѣтъ Петръ господинь,
 Ехи!
 Алексѣевичъ сударь,
 Ехи!
 Скоро часъ тебѣ дошелъ,
 Ехи!
 Корабль съ холстомъ.
 Ехи!
 Охъ, вы братцы мои!
 Ехи!
 Ужъ какъ этого добра,
 Ехи!
 Много въ домѣ у меня.
 Ехи!
 Какъ подѣ ялонью кровать,
 Ехи!
 На кровати молодець,
 Ехи!
 Да свѣтъ Петръ господинь,
 Ехи!
 Алексѣевичъ сударь.
 Ехи!

Ужъ какъ около его,
Ехн!
Слуги вѣрные его,
Ехн!
Разубаюють, раздѣваюють,
Ехн!
Спать укладываюють.
Ехн!
Ужъ ты ляжъ-ко усни.
Ехн!
Да свѣтъ Петръ господнѣвъ,
Ехн!
Александрѣвичъ сударь.
Ехн!
Сборо часъ тебѣ дошелъ,
Ехн!
Корабль съ дѣвушками пришелъ,
Ехн!
Ахъ теперь могу я встать,
Ехн!
И головушку поднять,
Ехн!
Скоро ноженьки вбѣгутъ,
Ехн!
Бѣлы рученьки берутъ.
Ехн!
Ужъ какъ этого добра,
Ехн!
Нѣту въ домъ умаля.
14.
Кто у насъ хорошъ,
Люшеньки, люли!
По горницѣ ходитъ,
Люшеньки, люли!
Манежно ступаетъ,
Люшеньки, люли!
Чулочкѣ не мараетъ,
Люшеньки, люли!
Башмакъ не ломаетъ,
Люшеньки, люли!
На широкой дворъ выходитъ,
Люшеньки, люли!
Ворона коня выводитъ,
Люшеньки, люли!
Онъ коня сѣдаетъ,
Люшеньки, люли!
Конь-то съ нимъ играетъ,
Люшеньки, люли!
На коня садится,
Люшеньки, люли!
Конь подъ нимъ водрится,
Люшеньки, люли!

Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Луги зеленѣютъ,
Люшеньки, люли!
Къ садамъ подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Цветы разцвѣтають,
Люшеньки, люли!
Къ рѣкамъ подъѣзжаютъ,
Люшеньки, люли!
Рѣка разливается,
Люшеньки, люли!
Къ терему подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Красны дѣвушки встрѣчаютъ,
Люшеньки, люли!
За бѣлы руки принимаютъ,
Люшеньки, люли!
За уборной столѣ сажаетъ,
Люшеньки, люли!
Стаканъ водки наливаютъ.
Люшеньки, люли!
Я не пью хмѣльнова,
Люшеньки, люли!
Вина зеленова.
Люшеньки, люли!
Выпью ли, не выпью,
Люшеньки, люли!
Для своего прихода,
Люшеньки, люли!
Стаканъ сладкова меда.
15.

Какъ по улицамъ, улицамъ,
По частымъ переулочкамъ,
Какъ вѣднѣ тутъ, развѣзжалъ
Удалый, добрый молодецъ,
Свѣтъ Василій Александрѣвичъ!
Заглядѣлася дѣвушка,
Засмотрѣлася невѣста его,
Позабыла узорѣ шить,
Всѣ узоры узорчатые,
И круги позолоченые.
Перепутала ниточки,
Приломала иголочки,
Притеряла булабочки.
Мнѣ не жалко-бы ниточекъ,
И не жалко булабочекъ,
Только жалъ добра молодца,
Свѣтъ Василья Александрѣвича.
16.
Какъ по снѣгамъ, по снѣжкамъ,
По частымъ переходичкамъ,

Что ходила, тутъ гуляла,
 Молодая боярыня,
 Свѣтъ Дарья Ивановна,
 Въ рукахъ она носила,
 Да два яхонта,
 Дѣв алмазные запанки,
 Песучи, приготоаривала:
 Ахъ, вы яхонты, яхонты
 И алмазные запанки!
 Полежите малешенько,
 Поколь молодешенька,
 Я взойду въ нову горницу,
 Изъ столовой въ уборную,
 Погляжу я въ окошечко:
 Ужъ какъ свѣтель-ли, свѣтель мѣсяць?
 Что красно-ль, красно солнышко?
 Ужъ какъ весель-ли, мой милый другъ,
 Николай Кузьмичъ?
 Во честномъ пнру сидючи,
 Онъ сидитъ, прохлаждается,
 Самъ женой похвалается:
 У меня жена умная,
 Молодая, разумная,
 Безъ бѣдыль лицо бѣлое,
 Безъ румянъ щеки алые,
 У ней рѣчь лебединая,
 А походка павлиная;
 Она пройдетъ—утѣшитъ меня,
 Слово молвить—обрадуетъ.

17.

Какъ у мѣсяца золоты рога,
 А у солнышка лучи ясные,
 У Ивана кудри русыя,
 У Алексѣвича по плечамъ лежать,
 Но его плечамъ могучимъ,
 Сбывались князья и бояре,
 Дивовалися на это дитя!
 Еще чье это дитя милое?
 Хорошо очень вспорожено,
 Да не солнышко-ли вспородило?
 Не свѣтель-ли мѣсяць, вспонилъ, вскор-
 милъ?
 Нечастыль звѣзды взлѣвляе?
 Возмоветъ дитя милде:
 Ужъ вы, князья, бояре,
 Вы разумные, люди добрые!
 Вспородила меня родна матушка,
 Вскормилъ, вспонилъ родной батюшка,
 Возлѣвляе мамки, нянюшки,
 Завила кудри сестра милдая.

18.

Надъ рѣкою было, надъ Иорданью,
 Что стояло тутъ древо святое,
 Что святое оно, кипарисное;
 Какъ на этомъ древѣ, кипарисѣ,
 Что спавла тутъ птица немалая,
 И немала она, небелпка,
 Она славпла славу вольшую:
 Ужъ какъ быть-то Петру воеводой,
 Алексѣвичу воеводой!
 Да носить ему шубу соболью,
 А на шубѣ цѣпи золотыя.
 На цѣпяхъ звѣри лютые,
 У Петра слуги молодые.
 Ужъ вы гой еси, вѣрные слуги:
 Вы пригрѣвте беслави поскорѣ,
 Литва къ городу пристынаеть.
 Ужъ какъ надо Литву порубити,
 Честь, хвалу молодцу получити.

19.

Вдоль по рѣчкѣ, рѣкѣ
 Суденцо плыветь,
 Во суденцѣ сидитъ
 Удамой, доброй молодець,
 Алексѣй Ивановичъ;
 По бережку идетъ молода боярыня,
 Анисья Львовна душа,
 Шипко, громко кричитъ,
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Воротися соколь,
 Воротися мой милый другъ!
 Я тебѣ радость скажу,
 Я веселье великое:
 Я тебѣ сына рожу,
 Я тебѣ сына, ясна сокола.
 То-то—радость моя,
 То веселье великое!
 Ужъ какъ сынъ-то у насъ,
 Сынъ-то хозяинъ во дому.
 Вдоль по рѣчкѣ, рѣкѣ,
 Суденцо плыветь,
 Во суденцѣ сидятъ
 Удамъ, доброй молодець,
 Алексѣй Ивановичъ;
 По бережку идетъ молодая боярыня,
 Анисья Львовна душа,
 Шипко, громко кричитъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Воротися соколь,
 Воротися мой милый другъ!
 Я тебѣ радость скажу,
 Я веселье великое.

Я дочку рожу,
 Дочь лебедь вьлую!
 То-то радость моя,
 То веселье великое!
 Ужъ какъ дочь-то у насъ
 Хозяйка въ дому.

20.

На морѣ утушка купалася,
 На морѣ страя полоскалася.
 Въ теремѣ дѣвца мылася,
 Бѣлыми бѣлками бѣдилася,
 Алыми румянами румянилася,
 Черными сурмянами брови сурмяла.
 Умывшись она, снарядившись она,
 За столъ сѣла,
 За столомъ дѣвушка презадумалася,
 Презадумавши, заплакала,
 Во слезахъ слово промовила:
 Богъ судья, родному батюшкѣ,
 Молоду, зелену отдаетъ меня!
 Остается зеленой садъ безъ меня,
 Безъ меня, безъ милова дѣтя,
 Остается два цвѣтика безъ меня.
 Встань мой батюшка равенъко,
 Полей два цвѣтика маленько,
 Свѣжею, ключевою водою,
 А сверхъ того горючими слезами.

21.

Какъ у чарочки серебряной,
 Золотой ее вьночекъ,
 Какъ у нашего у свѣта,
 У хозяина, дорогой его обычай,
 Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни всть,
 Гдѣ ни кушаетъ, сударь,
 Домой вдетъ ночевати.
 Среди двора широкаго,
 Молодую жену кличетъ:
 Ужъ ты, Сашенька, встрѣчай,
 Ивановна отворяй,
 Боротички поскорѣй!
 Не досугъ, сударь, встрѣчать,
 Мнѣ не время отворять,
 Ужъ я сына-то качаю,
 Перепутъ себя чаю,
 Перепутъ дорогаю,
 Я невѣстку молодую.
 Какъ у нашего у свѣта,
 У хозяина, дорогой обычай,
 Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни всть,
 Гдѣ ни кушаетъ, сударь,
 Домой вдетъ ночевати.
 Среди двора широкаго,

Молодую жену кличетъ:
 Ужъ ты, Сашенька, встрѣчай,
 Ивановна отворяй!
 Боротички поскорѣй!
 Не досугъ, сударь, встрѣчать,
 Мнѣ не время отворять,
 Ужъ я дочку-то качаю,
 Перепутъ себя чаю,
 Перепутъ дорогаго,
 Зятя молодаго.

22.

Какъ въ горницѣ, да во свѣтлицѣ,
 Да на канопели,
 Два голубя сидѣли:
 Два сизеньки, два бѣленьки,
 Перьями разноцвѣтны.
 И льютъ, и пьютъ,
 Въ цимбалы играють.
 Да свѣтъ Наташенька
 Алексѣевна,
 Тебя батюшка кличетъ?
 Подружки мои,
 Голубушки,
 Право не слыхала.

Какъ во горницѣ, да во свѣтлицѣ,
 Да на канопели,
 Два голубя сидѣли,
 Два сизеньки, два бѣленьки,
 Перьями разноцвѣтны.
 И льютъ, и пьютъ,
 Въ полкитавры бьютъ,
 Въ цимбалы играють.
 Да свѣтъ Наташенька,
 Алексѣевна,
 Тебя Александръ кличетъ?
 Подружки мои,
 Голубушки,
 А я вотъ и пду,
 Сей часъ я вьгу,
 Къ нему поскорѣй.

23.

Рано, но рано, на зарѣ,
 Стояли коники на дворѣ;
 Никто кониковъ не напоитъ,
 Звала, позывала Федора душа,
 Сыпала иппеницу, замѣсь овса,
 Дала ситницы, замѣсь водицы.
 Пейте, вы кушайте, кони мои!
 Завтра пораньше, везите меня,
 Далъ, по далъ отъ батюшки,
 Ближе, поближе ко сверку на дворѣ.

24.

КАКЪ АЛЕКСѢЯ-ТО, МАТУШКА,
 ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ СПОРОДИЛА,
 НА КОЛѢНЯХЪ ЕГО ДЕРЖАЛА,
 ПО ГОЛОВУШКИ ГЛАДИЛА,
 УМУ РАЗУМУ УЧИЛА:
 ТЫ ДИТЯ-ЛЪ МОЕ, ДИТЯТКО,
 ТЫ ДИТЯ-ЛЪ МОЕ, МИЛОЕ,
 БУДЬ СЧАСТЛИВЪ, ТАМАВНИВЪ!
 КО НЕВѢСТАМЪ БУДЬ СЧАСТЛИВЫЙ,
 КО ЛЮДЯМЪ ПРІПВѢТЛИВЫЙ,
 КО ЦАРЮ БУДЬ УСЛУЖЛИВЫЙ,
 ТЫ ЗАДУМАЕШЬ ЖЕНИТЬСЯ,
 ТЫ ПРИДЕШЬ КО ТЕСТЮ НА ДВОРЪ,
 НЕ ПУСКАЙ КОПЯ ПО ДВОРУ,
 ТЫ ОТДАЙ КОНЯ КОНЮХУ,
 ЧТОБЫ СВЕЛЪ ВО КОНЮШЕНКУ;
 ТЫ ВЗОЙДЕШЬ ВО НОВЫ СѢНИ,
 ОБИРАЙ НОЖКИ СКОРЯИ;
 ТЫ ВЗОЙДЕШЬ ВО СТОЛОВУЮ,
 СКИДАВАЙ ШЛЯПУ ПУХОВУЮ;
 ТЫ ВОЙДЕШЬ ВО УБОРНУЮ,
 ТЫ МНОГО БОГУ МОЛИСЯ,
 ТЫ НИЗКО ТЕСТЮ КЛАНЯЙСЯ,
 А ПОНИЖЕ ТОГО ТЕЩЕНЬКЪ,
 ЧТОБЫ ВЫВЕЛА СУЖЕНОЮ;
 ТВОЯ СУЖЕНА СНАРЯЖЕНА,
 ЗА УБАВНЫЙ СТОЛЪ ПОСАЖЕНА,
 ДА ОНА СИДИТЬ СЪ ГОРОДОМЪ,
 НА ГОЛОВУШКѢ СЪ ТЕРЕМОМЪ.

25.

ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
 ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ!
 КАКЪ НА ДРУЖКѢ-ТО ШТАНЫ
 ЧЕРНЫ ВАРХАТНЫ.
 ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
 ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ.
 БЫЛИ ШЕЛКОВЫ ЧУЛКИ,
 СМАЗНЫЕ ВАШМАКИ,
 ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
 ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ,
 ПРЯЖКИ СЪ ВЫСКАКАМИ,
 ВОВЪ ПОВЫСКАКАЛИ.
 ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
 ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ!
 ПУХОВА ШЛЯПА СЪ ПЕРОМЪ,
 И ПЕРЧАТКИ СЪ СЕРЕБОМЪ,
 ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!
 ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ!
 ОНЪ ПРИ ТРОСТОЧКИ СТОИТЬ,
 ПРИБОДРИВШИ, ГОВОРИТЬ:

ДРУЖЕНЬКА ХОРОШЕНЬКОЙ!

ДРУЖЕНЬКА ПРИГОЖЕНЬКОЙ!

Я УЖЪ, БРАТЦЫ, ХОРОШЪ,
 Я НА КУПЧКА ПОХОЖЪ.

26.

ТЫ РѢКА-ЛЪ МОЛ, РѢЧЕНЬКА,
 ТЫ РѢКА-ЛЪ МОЯ, БЫСТРАЯ,
 ТЕЧЕТЬ РѢЧЬКА, НЕ КОЛЫХНЕТСЯ,
 СО ЖЕЛТЫМЪ ПЕСКОМЪ НЕ ВЗМУТНТСЯ.
 ТЫ ДИТЯ-ЛЪ МОЕ, ДИТЯТКО,
 ЧТО СИДИШЬ ТЫ, НЕ УЛЫБНЕШЬСЯ,
 ГОВОРИШЬ, НЕ УСМѢХНЕШЬСЯ?
 УЖЪ ТЫ МАТЬ МОЯ, МАТУШКА!
 ДЛЯ ЧЕГО МНѢ ВЕСЕЛИТСЯ?
 У НАСЪ ГОРНИЦА ПОЛНА ГОСТЕЙ,
 УЖЪ КАКЪ НѢТУ ГОСТЯ МИАГО,
 МОЕГО БАТЮШКИ РОДИМАГО.

27.

НА МОРЪ, НА КРУТОМЪ БЕРЕГУ,
 ВЫСОКЪ ДУБЪ СТОИТЬ,
 НА ЭТОМЪ ДУБѢ ВѢСИТЬ КЛѢТОЧКА,
 ВЪ КЛѢТОЧКИ КАНАРЕЕЧКА;
 СБИРАЛИСЬ КЪ НЕЙ ПТИЧКИ, ПТАШЕЧКИ.
 СВѢТЬ ТЫ, НАША КАНАРЕЕЧКА,
 ЗНАТЬ НАМЪ КЪ ТЕБѢ НЕ ЛЕТАТИ,
 СЫТВИЧКУ, ПШЕННИЧКУ НЕ КЛЕВАТИ!
 НА МОРЪ, НА КРУТОМЪ БЕРЕГУ,
 ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ СТОИТЬ,
 ВО ТОМЪ ТЕРЕМѢ,
 КРАСНА ДѢВИЦА СИДИТЬ.
 СОБИРАЛИСЬ КЪ НЕЙ ВСЕ ПОДРУЖЕНЬКИ.
 СВѢТЬ ТЫ, НАША ПОДРУЖКА,
 ЗНАТЬ КЪ ТЕБѢ НАМЪ НЕ ХАЖИВАТИ!
 КРѢПКИХЪ ДУМЪ НЕ ДУМЫВАТИ,
 ТАЙНЫХЪ РѢЧЕЙ НЕ ГОВАРИВАТИ.

28.

НЕДОЛГО ЦВѢТОЧКУ
 ВО САДИКѢ ЦВѢСТИ,
 ПОРА ЦВѢТОЧИКЪ
 НА ВЪНОЧКИ ПЛЕСТИ.
 НЕ ДОЛГО ФЕДОРИШКѢ ВО ДѢВУШКАХЪ СИ-
 ДѢТЬ,
 НЕ ДОЛГО КАРПОВИТЪ РУСУ КОСУ ПЛЕСТЬ. —
 ГОРДИСЬ, ГОРДИСЬ, БАТЮШКО, ДА НЕ ОТДА-
 ВАЙ;
 ГОРДИСЬ, ГОРДИСЬ, МАТУШКА,
 ПОКОЛЪ ТЕБЯ, МАТУШКА, ЗАТЬ НЕ ПОДАРИТЬ:
 ТРЕМЯ ПАРЧАМИ, ОБЪЕЗЬЮ НА ЗЛОТѢ.
 ГОРДИСЬ, ГОРДИСЬ, БРАТЕЦЪ,
 ПОКОЛЪ ТЕБЯ ЗАТЬ НЕ ПОДАРИТЬ:
 ТРЕМЯ СУКНАМИ,
 ТРЕМЯ АНГЛІЙСКИМИ.

29.

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
 На синемъ камени,
 Бояре въ трубу трубить,
 Молодые въ золоченую,
 Никто трубы не слушаетъ.
 Только слушала трубушку,
 Наталья матушка,
 Алексевна сударыня.
 Пробѣжала по новымъ по снѣжамъ,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 Не трубите трубы радости,
 Возтрубите трубы жалости,
 Отъ меня-то дитя везутъ —
 Отъ меня благословеннаго,
 Отъ меня надѣленнаго.

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
 На синемъ на камени,
 Бояре въ трубу трубить,
 Молодые въ золоченую.
 Никто трубы не слушаетъ,
 Только слушала трубушку,
 Наталья матушка,
 Алексевна сударыня.
 Пробѣжала по новымъ по снѣжамъ,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 Не трубите трубы жалости,
 Затрубите трубы радости,
 Что ко мнѣ дитя везутъ,
 Ко мнѣ благословеннаго,
 Ко мнѣ надѣленнаго.

30.

Какъ разсвѣтится соловей:
 Да кто у меня въ саду былъ,
 Зеленую травушку приотпалъ,
 Лазоревые цвѣтики приломалъ,
 Канареекъ, пташечекъ разгонялъ,
 Любимую пташечку съ совой взялъ,
 Любимую пташечку, канареечку?
 Какъ возговорить Иванъ господишь:
 Да кто у меня въ домѣ былъ,
 Широкиѣ воротички растворялъ,
 Во высокъ теремъ входилъ,
 Красныхъ дѣвушекъ испугалъ,
 Любимую дѣвушку съ совой взялъ,
 Любимую дѣвушку Федорушку?
 Какъ возговорить Карпъ:
 Да я у тебя въ домѣ былъ,
 Широкиѣ воротички растворялъ,
 Во высокъ теремъ входилъ,
 Красныхъ дѣвушекъ испугалъ,

Любимую дѣвушку съ совой взялъ,
 Любимую дѣвушку, Федорушку.

31.

Изъ-за мѣсяца, мѣсяца,
 Изъ-за свѣтлаго свѣтлѣ.
 Ужъ какъ зять къ тещѣ идетъ,
 На воронныхъ лошадакахъ.
 Изумлася теща!
 Чѣмъ мнѣ зять дарити,
 Молодаго просити?
 Подарю зять свѣта
 Я платкомъ дорогимъ.
 И то зять не принимаетъ,
 За дары не считаетъ.
 Подарю зять свѣта
 Я конемъ вороннымъ,
 И то зять не принимаетъ
 За дары не считаетъ.
 Подарю зятю свѣту
 Марью душу.
 Это зять-то принимаетъ,
 За дары почитаетъ.

32.

Какъ сказали, что Иванъ негрозень,
 Онъ грозень, грозень, немилостивъ,
 До Ульянушки нежалостивъ,
 Ужъ онъ бралъ руку объ руку,
 Приломалъ золотыѣ перстни,
 Золоты перстни со яхонта,
 Съ дорогими брильянтами.
 Какъ расстужется Ульянушка,
 Расплачется Ивашона:
 Еще какъ сказать батюшекъ?
 Еще какъ солгать матушекъ?
 Я скажу, скажу батюшекъ,
 Я солгу родимой матушекъ:
 Вынимала золотыѣ ключи,
 Отпирала кованы сундуки,
 Вынимала сукно Англійское,
 Я кронила Ивану кафтанъ,
 Кроючи, по немъ примѣривала,
 Чтобъ не длиненъ, не коротокъ былъ,
 Во подолничекъ распушенней былъ,
 Чтобъ легко было на коня вскочить,
 Вдоль по улицѣ пробѣжать,
 Тестя-батюшку утѣшить,
 Тещу-матушку обрадовать.

33.

Соловей, соловьюшко,
 Изъ саду вылетаетъ;
 Канарейка, пташечка,
 Напередъ заметала,

Соловья вочахла.
 Воротись, соловьюшко,
 Воротись, молоденькой!
 Безъ тебя въ саду пусто;
 Канарейки пташечки,
 Всѣ спяты, припечаливши.
 Ужъ какъ Степань-то
 Копя съдлалъ,
 Михайловнчъ со двора съвзжалъ,
 Молодая боярыня,
 Степанида Ивановна,
 Во новы сѣни выходила,
 Молодыхъ слугъ кликала:
 Вы слуги мои, вѣрныя!
 Подавайте каретушку?
 Во карету садилася,
 Напередъ захлала,
 Да Степана, вочахла.
 Воротись, мой милый другъ!
 Да Степанъ свѣтъ Михайловнчъ!
 Безъ тебя-то въ домъ пусто,
 Всѣ рабы не слушаютъ.

34.

Раступися, раступися,
 Мать сыра земля,
 Расколися гробова доска!
 Пробудися родной батюшка!
 Мнѣ не годокъ у васъ годовать,
 Не недѣлюшку прогостить —
 Одну ноченьку почитать —
 И ты проплакать, прогоревать.
 Раступися, раступися,
 Мать сыра земля!
 Расколися гробова доска,
 Пробудися родна матушка!

35.

Шла Прасковья въ городъ тучю,
 А изъ города зарею —
 Къ широку двору пришла лебедушкою,
 Во новы сѣни взошла красной дѣвишкой,
 Махнула вихремъ во весь теремъ.
 Нетесанъ теремъ, нетесанъ,
 Только хорошо раскрашенъ,
 Всякими разными красками,
 Всякими, алыми, голубыми.
 Неучень Гурей Еремеевичъ,
 Неучень, только хорошо сваряженъ,
 Сваряжала его матушка,
 Отпущала къ тещѣ въ домъ,
 Чтобы его тещинка полюбилъ,
 Свѣтъ Прасковей душой наградила.

Русскія свадебныя пѣсни, собранныя Г.
 П. Парихинимъ въ Тихвинѣ.

1.

Ужъ какъ во полѣ калинушка стоитъ,
 Да эхе!
 На камнѣ соловей птица сидитъ,
 Да эхе!
 Горьку ягоду калинушку клюетъ,
 Да эхе!
 Онъ малиною закусываетъ:
 Да эхе!
 Прибѣгали къ соловью два сокола,
 Да эхе!
 Взяли, брали соловья съ собой,
 Да эхе!
 Посадили въ зеленомъ саду,
 Да эхе!
 Что-ль во садичку во клеточку,
 Да эхе!
 За серебряну рѣшеточку;
 Да эхе!
 Какъ заставили всю ночь воспѣвать,
 Да эхе!
 При кручинѣ молодца утѣшать,
 Да эхе!
 При кручинѣ, не при радости.
 Да эхе!
 Молодецъ во всю ночь не спалъ,
 Да эхе!
 Душу красну дѣвицу утѣшалъ.
 Да эхе!
 Утѣшаетъ, уговариваетъ:
 Да эхе!
 Ты не плачь, красна дѣвица душа!
 Да эхе!
 Тебѣ душенька чужая сторона,
 Да эхе!
 Еще мнѣ неродимая моя,
 Да эхе!
 Что-ль дородному молодцу.
 Да эхе!
 Заговаривала красна дѣвица душа:
 Да эхе!
 Ужъ какъ нѣту такова молодца,
 Да эхе!
 Что-ль Ивана Ивановича,
 Да эхе!
 Ни въ Казани нѣтъ, ни въ Астрахани,
 Да эхе!
 Нѣтъ въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ,
 Да эхе!

Что Иванъ да Ивановичъ,
 Что Иванъ да Ивановичъ:
 Не тужи ко, красна дѣвица душа,
 Не тужи-ко, красна дѣвица,
 Да что-ль Анна Ивановна,
 Да что-ль Анна Ивановна?
 Буде Богъ насъ помилуетъ,
 Буде Богъ насъ помилуетъ,
 Государь, Царь пожалуетъ,
 Государь, Царь пожалуетъ,
 И мы будемъ на святой на Руси,
 И мы будемъ на святой на Руси,
 Что-ль во городѣ во Тихвинѣ,
 Что-ль во городѣ во Тихвинѣ,
 Наживемъ мы зеленой садъ,
 Наживемъ мы зеленой садъ,
 Что-ль со калиной, со малиною,
 Что-ль со калиной, со малиною,
 Съ черной ягодой смородиною,
 Съ черной ягодой смородиною.
 Что-ль со грушею зеленою,
 Что-ль со грушею зеленою.
 Я пошлю свата свататься,
 Я пошлю свата свататься
 Ко твоему ко батюшкѣ,
 Ко твоему ко батюшкѣ,
 Къ государынѣ матушкѣ,
 Къ государынѣ матушкѣ;
 Я тебя за себя возьму,
 Я тебя за себя возьму,
 Душу красную дѣвицу,
 Душу красную дѣвицу,
 Да что-ль Анну Ивановну,
 Да что-ль Анну Ивановну.
 Заговорила красна дѣвица душа,
 Заговорила красна дѣвица душа,
 Да что-ль Анна Ивановна,
 Да что-ль Анна Ивановна:
 Охъ, ты мать моя, матушка,
 Охъ, ты мать моя, матушка!
 Мать родима, государыня моя,
 Мать родима, государыня моя!
 Ты бери, мать, золотые ключи,
 Ты бери, мать, золотые ключи,
 Отмыкай оковапы сундуки,
 Отмыкай оковапы сундуки,
 Вынимай сукно малиновое,
 Вынимай сукно малиновое,
 И ты крой жениху кафтанъ,
 И ты крой жениху кафтанъ,
 Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
 Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,

Во подолъ былъ раструбистой,
 Въ подолъ былъ раструбистой,
 Къ ретиву сердцу прижимистой,
 Къ ретиву сердцу прижимистой,
 Чтобъ полегче на добра коня вскочить,
 Чтобъ полегче на добра коня вскочить,
 Поскорѣ въ стремена ноги вложить,
 Поскорѣ въ стремена ноги вложить,
 Чтобъ побаче проѣхати,
 Чтобъ побаче проѣхати,
 Мимо тестева широка двора,
 Мимо тестева широка двора,
 Мимо тещена висока терема,
 Мимо тещена висока терема,
 Мимо невѣстнина окошечка,
 Мимо невѣстнина окошечка,
 Чтобъ увидѣла красна дѣвица душа,
 Чтобъ увидѣла красна дѣвица душа,
 Да что-ль Анна Ивановна,
 Да что-ль Анна Ивановна,
 Что-ль дороднаго молодца,
 Что-ль дороднаго молодца,
 Что-ль Ивана, да Ивановича,
 Что-ль Ивана, да Ивановича.

3.

Да что-ль по мосту, мосточку,
 По калинову мосточку,
 Да что-ль вхала карета,
 Каретушка золотая,
 Что-ль во той-ли во каретѣ
 Душа Анна сидѣла,
 Душа Ивановна голубка;
 Сидючи, она жалко плачетъ,
 Пожалычье причитаеть,
 Что-ль по батюшкиной воли,
 Что-ль по матушкиной нѣги,
 По любезномъ гулявѣ.
 Не соколъ ее облетаетъ,
 Что-ль Иванъ князь овѣзжаетъ,
 Что-ль Ивановичъ голубчикъ,
 Ко каретѣ припадаетъ,
 Душу Анну унимаетъ,
 Что-ль Ивановну голубку:
 Ты не плачь, не плачь Анна,
 Не плачь Ивановна голубка!
 У меня будетъ вольнѣ,
 Что-ль вольнѣ и нѣжнѣ;
 Куда пойдешь, отпросися,
 Отпросившися, доложися,
 Доложившися, поклонися.
 Отпусти, сударь, пожалуй,
 Меня къ батюшки въ гости,

Къ родной матушки въ гости,
 Къ роднымъ братьямъ погостити,
 Ко сестрицамъ посидѣти,
 Со подружками повидатися?
 И то, что-жь это за боля?
 И то, что жь это за нега?
 Мнѣ у батюшки вольнѣе,
 Мнѣ у матушки нѣжнѣе,
 Со подружками беседе.

4.

Ахъ вы дѣвки, дѣвушки,
 Голубины гвѣздышки!
 Много васъ посвѣно,
 Да не много выросло:
 Одно поле Киевско,
 А другое Черниговско.
 Промежъ тѣхъ двухъ полей
 Не лебедь вскрикала,
 Не куна разыграла,
 Да что-ль Анна всплакала,
 Что-ль Ивановна всплакала,
 По своей русой косѣ,
 Что-ль по красной-то красотѣ:
 Ты коса-ль, краса моя,
 Коса безручинная,
 Коса безпечальная!
 Какъ вчера русу косу
 Въ парной бани парили,
 А сего дня русу косу,
 Подъ вѣнецъ поставили,
 Женою называли:
 Женою Ивана князя,
 Женою Ивановича.

5.

Какъ на синемъ на морѣ,
 Что-ль на вѣломъ каменѣ
 Строила Анна душа,
 Строила Ивановна,
 Строила себя широкой дворѣ,
 Со высокими теремомъ,
 Строючись, она похвалялася,
 Похваляю великого,
 Что-ль не взятъ моего широка двора,
 Со высокими теремомъ,
 Что-ль ни стоишь, ни тысячей,
 Что-ль ни стоишь, ни городовъ,
 Что-ль ни славнымъ Киевомъ.
 Какъ услышалъ ту
 Похвалу великую
 Иванъ князь, да Ивановичъ:
 Не хвалился Анна душа,
 Не хвалился Ивановна,

Своими широкими дворомъ,
 Со высокими теремомъ;
 Я возьму твой широкой дворѣ,
 Со высокими теремомъ,
 Я безъ ста, безъ тысячи,
 Я безъ стольна города,
 Я безъ славна Киева;
 Я возьму твой широкий дворѣ,
 Со высокими теремомъ,
 Я самъ другъ со священникомъ,
 Самъ третій со диакономъ,
 Самъ четверть со тысяцкимъ,
 Самъ шестой со боярами,
 Самъ восьмой со подружками,
 Самъ девять со свахою,
 Да тебя десятую,
 Душу красну дѣвицу,
 Да что-ль Анну Ивановну.

6.

Ты труба-ль, моя трубушка,
 Трубушка серебряная;
 Воструби по ратному
 Кавалерскимъ голосомъ,
 Чтобъ никто трубу не слышалъ,
 Лишь единъ услышалъ бы
 Да что-ль Аннинъ батюшко
 Святъ души Ивановны;
 Въ кой-бы часъ услышалъ-бы
 Въ тотъ-бы часъ восплакалъ-бы;
 Бояра-ль, мой бояра,
 Бояра-ль Анны души
 Святъ души Ивановны,
 Задвигайте дубовы столы,
 Вы снимайте браны скамейки,
 Понесите хлѣбъ и соль;
 Отъ меня дочь ведутъ,
 Отъ меня молодую ведутъ,
 Душу красную дѣвицу
 Да что-ль Анну Ивановну;
 Со двора сундуки везутъ,
 Со терема ларцы несутъ,
 Во ларцахъ дары лежатъ,
 Всѣ дары бѣльчатые,
 Все атласы, бархаты,
 Все алмазы, золото! . .
 Ты труба-ль, моя трубушка,
 Трубушка серебряная,
 Воструби по ратному
 Кавалерскимъ голосомъ,
 Чтобъ никто трубу не слышалъ,
 Лишь единъ услышалъ бы
 Что-ль Ивана батюшка,

Свѣтъ князя Ивановича.
 Въ кой часъ услышала бы,
 Въ тотъ бы часъ возрадовалася.
 Бояра-ль, мой бояра,
 Бояра — да Ивана княвля,
 Бояра-ль Ивановича,
 Раздвигайте дубовы столы,
 Растягайте браны скатерти,
 Становите хлѣбъ и соль,
 Ко мнѣ сноху ведутъ,
 Ко мнѣ молодую ведутъ,
 Молодую боярыньку,
 Да что-ль Анну Ивановну,
 Что-ль во дворе сундуки везутъ,
 Во теремъ ларцы несутъ,
 Во ларцахъ дары лежать,
 Все дары бѣльчатые
 Все атласы, бархаты,
 Все алмазы, золото,
 И мнѣ тѣмъ дарами дарить
 Что-ль дороднова молодца,
 Что-ль Ивана Ивановича!

7.

Соловей, соловьюшко,
 Соловей мой младенькой,
 Младенькой, косматенькой
 Съ саду вонъ вылетывала;
 Перепелка пташечка
 Напередъ залетала,
 Соловья воровчала.
 Воротись соловьюшко,
 Воротись мой младенькой,
 Младенькой, косматенькой!
 Безъ тебя въ саду пусто,
 Безъ тебя невесело,
 Да все птички пташечки
 Головки повѣсили,
 Крылышки опустили.
 Что-ль дородный молодецъ,
 Что-ль Иванъ Ивановичъ
 Съ дому вонъ выезживалъ,
 Душа красная дѣвица
 Кляску закладала,
 Напередъ заѣзжала,
 Молодца воровчала.
 Воротись мой миленькой,
 Что-ль дородный молодецъ,
 Что-ль Иванъ Ивановичъ?
 Безъ тебя въ домъ пусто,
 Безъ тебя невесело.
 Все рабы, работнички,
 Безъ тебя не слушаютъ,

Безъ дородного молодца,
 Безъ Ивана Ивановича.

8.

Да что-ль по сѣнямъ, сѣничкамъ,
 По частымъ переходичкамъ,
 Да что-ль ходила, гуляла,
 Молодая боярынька,
 Да что-ль Анна Ивановна,
 Во бѣлыхъ рукахъ носила,
 Два серебряныхъ блюдечка,
 Что-ль на тѣхъ ли на блюдечкахъ,
 Да два червчатыхъ камышка,
 Два алмазныхъ запавки.
 Ужъ вы яхоты, яхоты,
 Брильянты граненые!
 Полежите, малешенько,
 Я схожу молодешенька
 Я во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горвицу,
 Посмотрю-ль молодешенька
 Я на младъ на свѣтелъ мѣсяць.
 Что-ль свѣтелъ ли, свѣтелъ мѣсяць?
 Печеть-ли красное солнышко?
 Весель, весель ли мой суженой,
 Что-ль дородной-то молодецъ,
 Что-ль Иванъ да Ивановичъ?
 За дубовымъ столомъ стоячи,
 Онъ чару наливаючи,
 Что-ль женой похваляючи,
 У меня жена умная,
 У меня жена разумная,
 Молодая боярынька,
 Да что-ль Анна Ивановна.

9.

Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
 Да вилося, да вилося, да вилося!
 Изъ серебряной въ золотую;
 Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
 Выливалась изъ трубки голубка;
 Да голубка, да голубка, да голубка!
 Приледалъ изъ долины соловейко;
 Соловейко, соловейко, соловейко!
 Какъ садился соловейко на окошко,
 На окошко, на окошко, на окошко!
 А голубушка подъ окошко;
 Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
 Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати,
 Горкотати, горкотати, горкотати!
 А голубушка щелкотати.
 Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
 Душа Марфушка по сѣничкамъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!

Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила,
 Да носила, да носила, да носила!
 Она батюшки жалобу дарила;
 Да дарила, да дарила, да дарила!
 У ней, батюшка жалобы не приметъ
 Да не приметъ, да не приметъ, да не при-
 метъ!

Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
 Да вилося, да вилося, да вилося!
 Изъ серебряной въ золотую;
 Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
 Выливалась изъ трубки голубка;
 Да голубка, да голубка, да голубка!
 Прилетала изъ долины соловейко
 Соловейко, соловейко, соловейко!
 Какъ садился соловейко на окошко;
 На окошко, на окошко, на окошко!
 А голубка подъ окошко;
 Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!

Ужъ какъ стала соловейко горкотати,
 Горкотати, горкотати, горкотати!

А голубка щелкотати,
 Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
 Душа Марфушка по свѣчкѣмъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила;
 Да носила, да носила, да носила!
 Она матушки жалобу дарила;
 Да дарила, да дарила, да дарила!
 У ней матушка жалобы не приметъ,
 Да не приметъ, да не приметъ, да не
 приметъ!

Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
 Да вилося, да вилося, да вилося!
 Изъ серебряной въ золотую,
 Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
 Выливалась изъ трубки голубка,
 Да голубка, да голубка, да голубка!
 Прилетала изъ долины соловейко;
 Соловейко, соловейко, соловейко!
 Какъ садился соловейко на окошко,
 На окошко, на окошко, на окошко!
 А голубка подъ окошко;
 Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
 Ужъ какъ стала соловейко горкотати,
 Горкотати, горкотати, горкотати!
 А голубка щелкотати;
 Щелкотати, щелкотати, щелкотати!

Душа Марфушка по свѣчкѣмъ гуляла;
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила,
 Да носила, да носила, да носила!
 Она братцамъ жалобу дарила,
 Да дарила, да дарила, да дарила!
 У ней братья жалобы не примутъ;
 Да не примутъ, да не примутъ, да не
 примутъ!

Какъ изъ трубки въ трубку вилося
 Да вилося, да вилося, да вилося!
 Изъ серебряной въ золотую,
 Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
 Выливалась изъ трубки голубка,
 Да голубка, да голубка, да голубка!
 Прилетала изъ долины соловейко,
 Соловейко, соловейко, соловейко!
 Какъ садился соловейко на окошко,
 На окошко, на окошко, на окошко!
 А голубка подъ окошко,
 Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
 Ужъ какъ стала соловейко горкотати,
 Горкотати, горкотати, горкотати!
 А голубка щелкотати,

Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
 Душа Марфушка по свѣчкѣмъ гуляла,
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Что-ль Ивановна по новымъ гуляла;
 Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
 Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила;
 Да носила, да носила, да носила!
 Она сестрицамъ жалобу дарила;
 Да дарила, да дарила, да дарила!
 У ней сестрицы жалобы не примутъ,
 Да не примутъ, да не примутъ, да не
 примутъ!

Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
 Да вилося, да вилося, да вилося!
 Изъ серебряной въ золотую,
 Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
 Выливалась изъ трубки голубка;
 Да голубка, да голубка, да голубка!
 Прилетала изъ долины соловейко;
 Соловейко, соловейко, соловейко!
 Какъ садился соловейко на окошко,
 На окошко, на окошко, на окошко!
 А голубушка подъ окошко;
 Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
 Ужъ какъ стала соловейко горкотати;
 Горкотати, горкотати, горкотати!

А ГОЛУБКА ЩЕЛКОТАТИ,
ЩЕЛКОТАТИ, ЩЕЛКОТАТИ, ЩЕЛКОТАТИ!
ДУША МАРФУШКА ВО СТѢЧКАМЪ ГУЛЯЛА,
ДА ГУЛЯЛА, ДА ГУЛЯЛА, ДА ГУЛЯЛА!
ЧТО-ЛЬ ИВАНОВНА ЧО НОВЫМЪ ГУЛЯЛА,
ДА ГУЛЯЛА, ДА ГУЛЯЛА, ДА ГУЛЯЛА!
ВО БѢЛЫХЪ РУКАХЪ ЖАЛОБУ НОСИЛА,
ДА НОСИЛА, ДА НОСИЛА, ДА НОСИЛА!
ЧТО-ЛЬ ГРИГОРЬЮ-ТО ЖАЛОБУ ДАРИЛА,
ДА ДАРИЛА, ДА ДАРИЛА, ДА ДАРИЛА!
ЧТО-ЛЬ ИВАНОВИЧУ ДА ДАРИЛА;
ДА ДАРИЛА, ДА ДАРИЛА, ДА ДАРИЛА!
ЧТО-ЛЬ ГРИГОРЕЙ-ТО ЖАЛОБУ ПРИНЯЛЪ;
ТАКИ ПРИНЯЛЪ, ТАКИ ПРИНЯЛЪ, ТАКИ ПРИ-
НЯЛЪ!

ЧТО-ЛЬ ИВАНОВИЧЪ ТАКИ ПРИНЯЛЪ! . . .

Ю.

УШЬ КАКЪ ВО САДУ, САДУ,
ДА ВО ЗЕЛЕНОМЪ САДУ,
ДА, ЧТОЛЬ ПОДЪ ЯБЛОНЬЮ КРОВАТЬ,
ДА ПОДЪ КУДРЯВОЙ ТЕСОВА,
ДА ЧТОЛЬ НА ТОЙ-ЛИ НА КРОВАТИ
ДА ЧТОЛЬ ПЕРИНА ЛЕЖИТЬ,
ДА ЧТОЛЬ НА ТОЙ-ЛИ НА ПЕРИНѢ
ДА ИЗГОЛОВЬЕ ВЫСОКО,
ДА ЧТО НА ТОМЪ НА ИЗГОЛОВЬЕ
ДА ОДВЯЛО СОВОЛѢ,
ДА ЧТО ПОДЪ ТѢМЪ ПОДЪ ОДВЯЛОМЪ
ДА ЧТОЛЬ ИВАНЪ, СУДАРЬ, СПИТЬ,
ДА ЧТОЛЬ ИВАНОВИЧЪ СПИТЬ.
ДА УЖЕ КАКЪ ОКОЛО НЕГО
ДА ВСЕ ЛАКЕН-ТО ЕГО
ДА РАЗКРУЧАЮТЬ, РАЗДѢВЯЮТЬ,
ДА РАСПОЯСЫВАЮТЬ,
ДА СПАТЬ УКЛАДЫВАЮТЬ,
ДА ТЫ ИВАНЪ, СУДАРЬ, СПИ,
ДА ТЫ, ИВАНОВИЧЪ УСНИ!
ДА ЧТО МАЛЫЙ ЧАСЪ ПРОШЕЛЪ,
ДА ЧТОЛЬ ЛАКЕЙ СКОРО ПРИШЕЛЪ,
ДА СКОРУ ВЪСТОЧКУ ПРИНЕСЬ.
ДА ТЫ ИВАНЪ, СУДАРЬ, ВСТАВАЙ,
ДА ТЫ, ИВАНОВИЧЪ ВСТАВАЙ!
ДА СКОРЫ НОГИ ОБУВАЙ,
ДА БѢЛО ЛИЦЕ УМЫВАЙ,
ДА РУСЫ КУДРИ РАЗЧЕШИ,
ДА ЧЕРНУ ШЛЯПУ НАДѢВЬ,
ДА НА СИНЕ МОРЕ БѢГИ,
ДА ГРОМКИМЪ ГОЛОСОМЪ КРИЧИ.
ДА НА СИНЕМЪ МОРЕ КОРАБЛЬ,
ДА КОРАБЛЬ СЪ ЗОЛОТОМЪ УНОСЬ
ДА КОРАБЛЬ СЪ ЧИСТЫМЪ УНОСЬ,
ДА НЕ МОЖЪ Я, БѢДНИЦА, ВСТАТЬ,

ДА НЕ РУКИ, НОГИ ПОДНЯТЬ,
ДА НЕ БУЙНОЙ ГОЛОВЫ,
ДА ЧТОЛЬ ВО САДУ САДУ,
ДА ВО ЗЕЛЕНОМЪ САДУ
ДА ЧТОЛЬ ПОДЪ ЯБЛОНЬЮ КРОВАТЬ,
ДА ПОДЪ КУДРЯВОЙ ТЕСОВА,
ДА ЧТОЛЬ НА ТОЙ ЛИ НА КРОВАТИ
ДА ЧТОЛЬ ПЕРИНА ЛЕЖИТЬ,
ДА ЧТО НА ТОЙ ЛИ НА ПЕРИНѢ
ДА ИЗГОЛОВЬЕ ВЫСОКО,
ДА ЧТО-ЛЬ НА ТОМЪ НА ИЗГОЛОВЬѢ
ДА ОДВЯЛО СОВОЛѢ,
ДА ЧТО ПОДЪ ТѢМЪ ПОДЪ ОДВЯЛОМЪ
ДА ЧТО-ЛЬ ИВАНЪ, СУДАРЬ, СПИТЬ,
ДА ЧТО-ЛЬ ИВАНОВИЧЪ СПИТЬ!
ДА УЖЕ КАКЪ ОКОЛО НЕГО,
ДА ВСЕ ЛАКЕН-ТО ЕГО
ДА РАЗКРУЧАЮТЬ, РАЗДѢВЯЮТЬ,
ДА РАСПОЯСЫВАЮТЬ,
ДА СПАТЬ УКЛАДЫВАЮТЬ.
ДА ТЫ ИВАНЪ, СУДАРЬ, СПИ,
ДА ТЫ, ИВАНОВИЧЪ УСНИ,
ДА ЧТО МАЛЫЙ ЧАСЪ ПРОШЕЛЪ,
ДА ЧТОЛЬ ЛАКЕЙ СКОРО ПРИШЕЛЪ,
ДА СКОРУ ВЪСТОЧКУ ПРИНЕСЬ:
ДА ТЫ ИВАНЪ СУДАРЬ ВСТАВАЙ,
ДА ТЫ ИВАНОВИЧЪ ВСТАВАЙ!
ДА СКОРЫ НОГИ ОБУВАЙ,
ДА БѢЛО ЛИЦЕ УМЫВАЙ,
ДА РУСЫ КУДРИ РАЗЧЕШИ,
ДА ЧЕРНУ ШЛЯПУ НАДѢВЬ,
ДА НА СИНЕ МОРЕ БѢГИ,
ДА ГРОМКИМЪ ГОЛОСОМЪ КРЫЧИ:
ДА НА СИНЕМЪ МОРЕ КОРАБЛЬ,
ДА КОРАБЛЬ СЪ ДѢВЦАМИ УШЕЛЪ,
ДА КОРАБЛЬ СЪ КРАСНЫМИ УШЕЛЪ,
ДА СЪ ТВОЕЙ СУЖЕНОЮ,
ДА СЪ ТВОЕЙ РЯЖЕНОЮ
ДА ПО СКОРЕШЕНЬКОМУ ВСТАВАЛЪ,
ДА СКОРЫ НОГИ ОБУВАЛЪ,
ДА БѢЛО ЛИЦЕ УМЫВАЛЪ,
ДА РУСЫ КУДРИ РАЗЧЕСАЛЪ,
ДА ЧЕРНУ ШЛЯПУ НАДѢВАЛЪ,
ДА НА СИНЕ МОРЕ БѢЖАЛЪ,
ДА ГРОМКИМЪ ГОЛОСОМЪ КРИЧАЛЪ:
ДА ВЫ ПОСТОЙТЕ КОРАБЛИ,
ДА ВОРОТИТЕСЬ ДОРОГИ,
ДА СЪ МОЕЙ СУЖЕНОЮ
ДА СЪ МОЕЙ РЯЖЕНОЮ.

11.

ДА ЧТОЛЬ ПО ДВОРУ, ДВОРУ,
ДА ПО ШИРОКОМУ ДВОРУ,

Да чтоль Иванъ, сударь, ходить,
 Чтоль Ивановчъ голубчикъ,
 Да ворона коня водить,
 Да по тучнымъ бедрамъ гладить.
 Да охъ ты, комонь мой, комонь,
 Да комонь, добрая лошадь!
 Да ты куда комонь ъздилъ?
 Да ты, кого комонь видѣлъ?
 Да ужъ я ъздилъ, да ъздилъ
 Да я изъ города въ городъ,
 Да я изъ орды во орду,
 Да ужъ я видѣлъ, да видѣлъ
 Да я высокій теремъ,
 Да тамъ гордииву, гордииву,
 Да я тамъ Анну спесиву,
 Чтоль Ивановну голубку.
 Да чтоль гордиива, гордиива,
 Да душа Анна спесива,
 Чтоль Ивановна гордиива,
 Да она ступить, не ступить,
 Да слово молвить, не молвить,
 Да чтоль хотя она ступить,
 Да сковра на поволоку,
 Да чтоль хотя она молвить,
 Да со великия горды.
 Какъ на ѡлицъ комарь
 На дворъ, сударь, грязницъ.
 Какъ во теремъ порошье,
 Да я на то ли комарь,
 Да я шпшой браной ноголъ,
 Да я на то ли грязницъ
 Да я коиновой мостикъ,
 Да я на то ли порошье
 Да я шелковый вѣникъ,
 Да я на Анну спесиву
 На Ивановну гордииву,
 Да я шелковую платку,
 Да на тебя ли мой комонь,
 Да я шелкову уздечку.

РУССКІЯ СВАДЕБНЫЯ ПЬЕСЫ, СОБРАННЫЯ Н. Т.
 ЯКОВЛЕВЫМЪ НА ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КУПЧЕСКИХЪ
 СВАДЕБАХЪ.

1.

Не трубушка трубила рано по зору,
 Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
 Вечоръ-то мою косынку дѣвухи плели,
 И золотомъ перевили,
 И жемчугомъ русую унизали;
 Какъ Богъ суди Ивана Тарасьевича!
 Прислалъ сваху немилостиву,

Учала мою косынку рвать, порывать,
 И золото съ косынки оборвала все,
 И жемчугъ съ русой поразсыпала весь.

2.

У Тараса Яковлевича
 Ахъ бяда учинилася,
 Какъ безъ бури, безъ вихря,
 Воротчки растворились,
 Три кораблика уплыли:
 Какъ первой-то корабль съ золотомъ,
 А другой съ чистымъ серебромъ,
 А третій съ красной дѣвицей.
 Кникъ не жалъ-то мнѣ золота,
 Мнѣ ни чистаго серебра,
 Да что жалъ-то мнѣ дѣвицы,
 Свѣтъ Прасковьи Тарасьевичи,
 Моей дочери родими.

У Петра Васильевича
 Да что за радость учинилася?
 Что безъ бури, безъ вихря,
 Ворота растворились,
 Три кораблика приплыли,
 Какъ первой-то корабль съ золотомъ,
 А другой съ чистымъ серебромъ,
 А третій съ красной дѣвицей.
 Мнѣ не дорого золото,
 И ни чисто серебро,
 Дорога красна дѣвица,
 Свѣтъ Прасковьи Тарасьевичи,
 Моя будущая невестушка.

3.

Черны кудри за столъ пощипи,
 Русую косу за собой повели.
 Черны кудри у русой косы спрашивали:
 Русая коса, не уже-ль ты моя?
 Еще же черны кудри я не твои,
 Божья да батюшкины.
 Черны кудри за столъ пощипи,
 Русую косу за собой повели.
 Черны кудри у русой косы спрашивали:
 Русая коса, уже-ль ты моя?
 Я Божья, да теперь твои.

4.

На моръ утица купалася,
 На моръ сврая поласкалася,
 Вышедши на берегъ утица, встряхнулася,
 Встряхнувшись утица, воскликнула:
 Какъ-то мнѣ съ синимъ моремъ разставатися
 будетъ?
 Какъ-то мнѣ съ крутыхъ береговъ поды
 матися будетъ?
 Придетъ зима холодная,

Придутъ морозы жестокиѣ,
Выпадутъ снѣги глубокиѣ,
Не-хотя съ сивнымъ моремъ разстанешься,
Не-хотя съ крутыхъ береговъ подымешься.
Въ теремъ Прасковьюшка умывалася,
Во высокомъ Тарасевна умывалася,
Горючими слезами обливалася:
Какъ-то мнѣ съ батюшкой разстатися бу-
детъ?

Какъ-то мнѣ съ матушкой прощатися будетъ?
Придетъ Игнатій со всемъ повоздомъ,
Придетъ Петровицъ со всемъ повоздомъ,
Возметъ Прасковью душу за праву руку,
Поведетъ Тарасевну ко суду Божью;
Отъ суда Божьяго ко себѣ на дворѣ.

5.

Какъ у Ивана рай мой, рай!
У Тарасевича на широкомъ
Выростала тутъ трава,
Трава шелковая;
Какъ по той ли травѣ
Разцвѣли тутъ цвѣты,
Цвѣты лазоревые;
Какъ по той ли по травѣ,
Разостланы были ковры,
Ковры золотые,
Края вышитые,
Какъ по тѣмъ ли по коврамъ
Тутъ шла, тутъ прошла
Святъ Прасковьюшка душа,
Святъ Васильевна;
Въ рукахъ она несла
Свѣчу воску ярова.
Ужъ не горѣтъ свѣчѣ
Противъ луча солнечна;
Ужъ не быть тебѣ свекру
Противъ батюшки роднаго;
Ужъ не быть тебѣ свекрови
Противъ матушки родной;
Ужъ не быть тебѣ деверю
Противъ брата роднаго;
Ужъ не быть тебѣ золовке
Противъ сестрицы моей.

6.

Звонко звонятъ во Казани городъ,
Звончей того звонятъ во Каменной Москвѣ,
Звонили звоны красна дѣвица душа;
Мимо вѣлъ ея суженой,
Отъ звона ея заслушался,
Красоты ея посмотрѣлся,
Прижавши долой, похваляется:
Государыня матушка!

Видѣлъ свою суженую,
Видѣлъ я свою ряженую.
Глаза у ней какъ у яснаго сокола,
Брови у ней черна собола,
Ростомъ она повыше меня,
Краше ее въ теремъ нѣтъ,
Умнѣе въ городѣ нѣтъ,

7.

Охъ, ты умная головушка,
Ты удалый, добрый молодецъ!
Ты охочь по нпрямъ ходить,
По сговорамъ, по дѣвичникамъ,
По дѣвичьимъ вечерамъ;
Ты охочь пѣсенъ слушати,
Ты охочь, сударь, дѣвицъ дарити;
Не рублемъ, не полтиною,
Золотыми червонцами.

8.

Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Ты по лавкамъ скакалъ,
Пирогъ съ полочкѣ таскалъ,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Пирогъ съ полочкѣ таскалъ,
И за пазуху соваль;
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
По-подъ лавочью бродилъ,
Да мышей наловилъ,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Да мышей наловилъ,
Свахъ шубу спилъ.
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Ужъ какъ сваха на свадьбу спѣшила,
Что на ней была шуба мышина.

9.

Проснися, пробудися,
Ты мой батюшка родимый!
Ужъ не годъ мнѣ у тебя годовати,
Не недѣлюшку гостити, одну ноченьку,
Одну ноченьку почевати, да и той мнѣ
Во тоскахъ, во слезахъ не видати,
Мнѣ дѣвичью красу вспоминати.

10.

По городу, городу звоны пошли,
По терему дары понесли,
Дарила дары душа красна дѣвица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь,
Дары добрый молодецъ!

Но мнѣ-то дары не прогнѣвайся,
 На мнѣ-то дары не прогнѣвайся ;
 Мнѣ-то дары непасены,
 Мнѣ-то дары непасены,
 Моя свадьба, моя свадьба невзначай.

11.

Ты труба ли моя, трубушка,
 Ты труба-ль моя, серебряная!
 Воструби громко, звонко,
 Громко, звонко, жалостно
 Къ моему родному батюшкѣ.
 Со двора сундуки везуть,
 Со крыльца ларцы несутъ,
 Со терема Прасковьюшку вѣдутъ,
 Со высокаго Тарасѣвну.
 Ты труба-ль моя, серебряная!
 Воструби громко, звонко,
 Воструби громко, звонко, жалостно,
 Къ моему-ль свекру батюшкѣ.
 На дворъ сундуки везуть,
 На крыльцо ларцы несутъ,
 Во высокъ теремъ дѣвцу вѣдутъ.

12.

Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
 Кармазиннаго сукна,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Какъ на дружкѣ-то камзолъ
 Золотой парчевой,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Какъ на дружкѣ-то штаны,
 Червы бархатны,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Какъ на дружкѣ-то чулки
 Бѣлы шелковы,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Смазные бацмаки,
 Пряжки съ искарками,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 И шляпа съ перомъ,
 И перчатки съ серебромъ.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Коли хочешь въ рай,
 Передайся къ намъ.
 Друженька хорошенькой!

Друженька пригоженькой!
 Какъ у насъ про тебя
 И стекляница вина,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 И стекляница вина
 И пива ендова,
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!
 Кувшинъ молока,
 И конецъ порога.
 Друженька хорошенькой!
 Друженька пригоженькой!

13.

Ты моя краса-ль, красота,
 Красота ли моя, дѣвчья,
 Мнѣ куды красу дѣть будеть?
 Мнѣ куды положить будеть?
 Положу-ль я красу свою дѣвчью
 Далеко, во чисто поле, на травушку мура-
 бушку,
 На цвѣты алги, лазоревые;
 А сама отойду млада,
 Отошедши, послушаю:
 Не тоскуеть ли по мнѣ красота,
 Что по мнѣ, красной дѣвцѣ?—
 Ужъ какъ шли тутъ люди добрые,
 Люди добрые, господа пригожи,
 Они красъ дивовалися;
 Ужъ чья эта красота,
 Что у бережи пошена,
 Не у мѣста положена?—
 Я возьму свою красоту,
 Во свои руки вьлѣчу,
 Во перстни золоченыя,
 Понесу свою красоту въ высокъ теремъ,
 Во высокъ теремъ къ родной матушкѣ,
 Положу свою я красоту
 На столы дубовы, убранные,
 На бѣлы скатерти, камчатныя,
 На серебряную тарелочку.
 Ужъ и тутъ ли красъ не мѣстечко?
 Я отдамъ свою красоту,
 Своимъ милымъ подруженькамъ.
 Ужъ и тутъ ли красъ не мѣстечко,
 Красованью не лежавнѣце?—
 Тѣ дѣвушки на возрастъ,
 Красота ихъ на выность;
 И отдамъ красоту свою
 Родной сестрицѣ голубушкѣ.
 Ужъ какъ тутъ-ли красъ мѣстечко?
 Ужъ та дѣвушка молодешенька,

КРАСОТА ЕЕ ГЛУШЕШЕНЬКА,
 ТЫ СЕСТРИЦА МОЯ ГОЛУБУШКА,
 БЕРЕГИ МОЮ КРАСОТУ,
 ТАКЪ КАБЫ Я ЕЕ БЕРЕГЛА;
 УЖЪ Я ЕЮ КРАСОВАЛАСЯ,
 КРАСОЮ СВОЕЮ ПОХВАЛЯЛАСЯ.

14.

ВЫ ЦВѢТЫ ЛИ МОИ, ЦВѢТНИКИ,
 ВЫ ЦВѢТЫ АЛЫ, ЛАЗОРЕВЫЕ,
 ЛАЗОРЕВЫЕ, ВАСИЛЬКОВЫЕ,
 МНОГО БЫЛО ВАСЪ ПОСѢЯНО,
 ДА НЕМНОГО ВАСЪ УРОДИЛОСЬ.
 ВЫ ДУШЦЪ ЛИ, КРАСНЫ ДѢВИЦЫ—
 МНОГО БЫЛО ВАСЪ ВО ТЕРЕМѢ,
 ДА НЕ МНОГО ОСТАВАЛОСЬ.
 ВЫ НА ЧТО, НА ЧТО-ЖЕ ОСЕРДИЛИСЬ?—
 НЕ БЫЛО У НАСЪ ИЗМѢНИЦЫЦЪ,
 НЕ БЫЛО У НАСЪ ОБМАННИЦЫЦЪ,
 А ТЕПЕРЬ ПРОЯВИЛАСЬ,
 ЧТО ДУША-ЛЪ КРАСНА ДѢВИЦА,
 СВѢТЬ УЛЪЯНА ПЕТРОВНА,
 ЧТО ТЕПЕРЬ ЗА СТОЛОМЪ СИДИТЬ,
 ЧТО ТЕПЕРЬ ЗА СТОЛОМЪ СИДИТЬ,
 СЪ УДАЛЫМЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦОМЪ,
 СВѢТЬ ИГНАТЬЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.
 ТЫ НА ЧТО ДУША ПРЕЛЪСТИЛАСЬ?
 НА ЕГО-ЛЪ ЛИЦО ВЪЛОЕ?
 НА ЕГО-ЛЪ ЛИЦО РЪМЯНОЕ?
 НА ЕГО-ЛИ КУДРИ РУСЫЯ?
 НА ЕГО-ЛЪ СЛОВА ЛАСКОВЫЯ?

15.

АХЪ, СВѢТЬ ЛИ МОИ АЛЕНЬКИ ЦВѢТОЧКИ,
 СВѢТЬ ЛАЗОРЕВЫЕ ВАСИЛЕЧКИ!
 ЫИ КЪ ЧЕМУ ТАКЪ РАНО ПРИВЛЕКЛИ?
 НА ВАСЪ ЛЮТЫЕ МОРОЗЫ НЕ БЫВАЛИ,
 ЧАСТЫЕ ДОЖДИ НЕ ЛИВАЛИ.
 АХЪ СВѢТЬ ЛИ НАША, МИЛАЯ ПОДРУЖКА,
 ПРАСКОВЬЯ ДУША СВѢТЬ ТАРАСЬБЕНА?
 КЪ ЧЕМУ ТАКЪ РАНО ПРИУНЫМА?
 ОТЪ ИГНАТЬЯ ГРОЗЫ НЕ ВИДАЛА,
 СВѢТЬ ОТЪ ПЕТРОВИЧА НЕ СЛЫХАЛА.
 АХЪ, ВЫ СВѢТЬ ЛИ МОИ МИЛЫЯ ПОДРУЖКИ!
 УЖЪ КАКЪ ВИДНО СОКОЛА ПО ПОЛЕТУ,
 А ИГНАТЬЯ ВИДНО ПО ПОСТУПКИ;
 ОНЪ ЛЕГОШЕНЬКО НА НОЖЕНЬКУ СТУПАЕТЪ,
 ПОЧАСТЕШЕНЬКУ ВЪ ЯСНЫ ОЧИ ВЗІРАЕТЪ,
 БЪДЫ РУЧЕНЬКИ ПОЖИМАЕТЪ,
 ВЪКОВѢЧНОГО СУПРУГОГО НАЗЫВАЕТЪ.

16.

НА ГОРѢ СТОИТЬ ЕЛОЧКА,
 ПОДЪ ГОРОЙ СВѢТЕЛОЧКА,
 ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ПРАСКОВЬЯ СИДИТЬ,

ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ТАРАСЬБЕНА.
 ПРИХОДИЛЪ КЪ НЕЙ БАТЮШКА,
 ЗВАЛЪ, ПОЗЫВАЛЪ ОНЪ ДОЧЬ СВОЮ,
 ПРАСКОВЬЮ СВѢТЬ ТАРАСЬБЕНУ!
 ТЫ ПРАСКОВЬЯ ПОЙДЕМЪ ДОМОЙ?
 Я НЕЙДУ, НЕЙДУ, НЕ СЛУШАЮ,
 НОЧЬ ТЕМНА, НЕМѢСЯЧНА,
 РѢКИ БЫСТРЫ, ПЕРЕВОЗА НѢТЬ,
 УЛИЦЫ ГРЯЗНЫ, ПЕРЕХОДА НѢТЬ,
 ЛѢСА ТЕМНЫ, КАРАУЛА НѢТЬ.
 НА ГОРѢ СТОИТЬ ЕЛОЧКА,
 ПОДЪ ГОРОЙ СВѢТЕЛОЧКА,
 ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ПРАСКОВЬЯ СИДИТЬ,
 ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ТАРАСЬБЕНА.
 ПРИХОДИЛА КЪ НЕЙ РОДНАЯ МАТУШКА,
 ЗВАЛА ЕЕ ПОЗЫВАЛА,
 СВѢТЬ ПРАСКОВЬЕЙ НАЗЫВАЛА,
 СВѢТЬ ДОЧЬ МОЯ ТАРАСЬБЕНА:
 ТЫ ПОЙДЕМЪ ДОМОЙ?—
 Я НЕЙДУ, НЕЙДУ, НЕ СЛУШАЮ.
 НОЧЬ ТЕМНА, НЕМѢСЯЧНА,
 РѢКИ БЫСТРЫ, ПЕРЕВОЗА НѢТЬ,
 УЛИЦЫ ГРЯЗНЫ, ПЕРЕХОДА НѢТЬ.
 ЛѢСА ТЕМНЫ, КАРАУЛА НѢТЬ,
 НА ГОРѢ СТОИТЬ ЕЛОЧКА,
 ПОДЪ ГОРОЙ СВѢТЕЛОЧКА,
 ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ПРАСКОВЬЯ,
 ВО СВѢТЕЛОЧКѢ ТАРАСЬБЕНА СИДЕТЬ.
 ПРИХОДИЛЪ КЪ НЕЙ ИГНАТІЙ ГОСПОДИНЬ,
 ПРИХОДИЛЪ КЪ НЕЙ СВѢТЬ ПЕТРОВИЧЬ.
 ТЫ ПОДИ, ПРАСКОВЬЯ, СО МНОЮ
 ТЫ ПОДИ ДУША, ТАРАСЬБЕНА?—
 Я ПОЙДУ И ПОСЛУШАЮ ТЕБЯ,
 НОЧЬ СВѢТЛА И МѢСЯЧНА
 РѢКИ ТИХИ, ПЕРЕВОЗЫ ЕСТЬ,
 УЛИЦЫ СУХИ, ПЕРЕХОДЫ ЕСТЬ,
 ЛѢСА ТЕМНЫ, КАРАУЛЫ ЕСТЬ.

17.

КАКЪ ПО ДВОРУ, ДВОРИКУ, ПО ШИРОКОМУ ДВОРИКУ,
 ХОДИЛЪ, ГУЛЯЛЪ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ,
 ХОДИЛЪ ОНЪ НЕВЕСЕЛЪ,
 ГУЛЯЛЪ ОНЪ НЕРАДОШЕНЬ.
 УВИДАЛА ЕГО МАТУШКА СЪ ВЫСОКАГО ТЕРЕМА,
 ИЗЪ ВЫСОКА ТЕРЕМА ИЗЪ КОСИЩАТАГО ОКНА,
 ДИТА ЛИ МОЕ, ДИТЯТКО,
 ДИТЯ-ЛЪ МОЕ, МИЛОЕ!
 ЧТО ХОДИШЬ НЕВЕСЕЛЪ, НЕРАДОШЕНЬ?
 ПОВѢСИЛЪ ГОЛОВУШКУ,
 НА ПРАВУ СТОРОНУШКУ.
 ГОСУДАРЫНЯ МОЯ МАТУШКА!
 ЖЕНИТЬСЯ МНѢ ХОЧЕТСЯ.
 ЖЕНИСЬ, ЖЕНИСЬ ДИТЯТКО.
 ЖЕНИСЬ МОЕ МИЛОЕ!

Возьми, возьми дитятко
 Съ высокаго терема
 Придворную Фрейлену.
 Родная матушка.
 Съ высокаго терема
 Придворная Фрейлена
 Та въ домъ не хозяйюшка.
 Возьми, возьми дитятко
 Купеческую дочку.
 Возьму, возьму, матушка,
 Купеческую дочку;
 Та въ домъ хозяйюшка.
 А мнѣ будетъ мила жена.—

18.

Что ни низко, не высоко,
 Соловей гнѣздо совиваетъ,
 Молодой тепло согрѣваетъ.
 Что не близко, не далеко,
 Тарасъ дитю снаряжаетъ.
 Что не пава, что не пава,
 Что не павушка по двору ходитъ,
 Не павлиньи перья роняетъ,
 Что ходила свѣтъ Прасковья душа,
 Кругъ терема высокаго;
 Она била, колатила
 Золотымъ кольцомъ въ замочекъ,
 Она бивши, колотивши,
 Сама рѣчи говорила:
 Отоприся, отоприся,
 Нѣмецкой замокъ отоприся?
 Отложися, отложися,
 Полушенная цѣвь отложися?
 Растворися, растворися,
 Кипарисная дверь растворися?
 Распахнися, распахнися,
 Широкой враной положекъ распахнися?
 Ты проснися, ты проснися,
 Родной батюшка пробудися?
 Мнѣ-ль не годъ у тебя годовати,
 Мнѣ-ль не вѣкъ у тебя вѣковати,
 Мнѣ недѣлюшку погостить,
 И ту во тоскѣ, въ слезахъ не видати,
 Не вѣкъ ходя, красу проходитьи,
 Не вѣкъ сидя, красу просидѣти,
 И мнѣ съ батюшкой думу думатьи,
 Не вѣкъ мнѣ съ матушкой горевати,
 Что съ подружкой послѣдѣти.

19.

Воротится, соколъ, воротится,
 Пыльвалъ шляпу на стопкѣ,
 По забывѣ ты невѣсту цѣловати, цѣловати!

20.

Во саду-ль было, во садку,
 Въ зеленомъ виноградку,
 Что ходила, тутъ гулила,
 Свѣтъ душа красна дѣвица,
 Красна дѣвица, свѣтъ Прасковья Тарасевна;
 Въ рукахъ она носила блюдо серебряное,
 Подходила она къ яблони,
 Говорила она яблонкѣ:
 Кудрявая яблонка,
 Наклонися низеховько,
 Низеховько, до сырой земли;
 Я сорву съ тебя два яблочка,
 Два яблочка, наливчатые,
 Два наливчатые, разсыпчатые,
 Поднесу я два яблочка
 Во высокъ теремъ къ мноуму братцу,
 Свѣтъ Ивану Тарасевичу.
 Ахъ, ты братецъ мой, голубчикъ,
 Ты прими-ка два яблочка,
 Ты принявши, разрушай-ка,
 Ты разрушавши, покушай-ка,
 Моего горя послушай-ка,
 Моего горя великаго:
 Не покинь меня милой братецъ,
 Свѣтъ Иванъ Тарасевичъ!
 Ты сестрица, голубушка,
 Свѣтъ Прасковья Тарасевна,
 Развѣ Богъ не помилуетъ,
 Государь не пожалуетъ,
 Я тогда тебя позаду.

21.

Вотъ Китаѣ Кремль городъ,
 На ковръ красномъ золотъ,
 У стола, стола убранаго,
 Противъ зеркала хрустальнаго,
 Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
 Свѣтъ Петровичъ чесалъ червы,
 Чесалъ кудри, приговаривалъ,
 Самъ съ Прасковьею разговаривалъ:
 Прасковьюшка, перевей кудри,
 Тарасевна, перевей черны?
 Захочу я перевейю,
 А захочу—не перевейю,
 Я еще, сударь, не твоя,
 Я еще, сударь, батюшкина.
 Во Китаѣ Кремль городъ,
 На ковръ красномъ золотъ,
 У стола, стола убранаго,
 Противъ зеркала хрустальнаго,
 Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
 Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны?

ЧЕСАЛЪ, КУДРИ ПРИГОВАРИВАЛЪ,
 САМЪ СЪ ПРАСКОВЬЕЮ РАЗГОВАРИВАЛЪ :
 ПРАСКОВЬЮШКА, ПЕРЕВЕЙ КУДРИ,
 ТАРАСЬЕВНА, ПЕРЕВЕЙ ЧЕРНЫ?
 ЗАХОЧУ Я—ПЕРЕВЬЮ,
 А ЗАХОЧУ— НЕ ПЕРЕВЬЮ,
 Я ЕЩЕ, СУДАРЬ, НЕ ТВОЛ,
 Я ЕЩЕ, СУДАРЬ, МАТУШКА.
 ВО КИТАЪ КРЕМЛЪ ГОРОДЪ,
 НА КОВРЪ КРАСНОМЪ ЗОЛОТЪ,
 У СТОЛА, СТОЛА УБРАНАГО,
 ПРОТИВЪ ЗЕРКАЛА ХРУСТАЛЬНАГО,
 СВѢТЪ ИГНАТІЙ ЧЕСАЛЪ КУДРИ,
 СВѢТЪ ПЕТРОВИЧЪ ЧЕСАЛЪ ЧЕРНЫ,
 ЧЕСАЛЪ КУДРИ ПРИГОВАРИВАЛЪ,
 САМЪ СЪ ПРАСКОВЬЕЮ РАЗГОВАРИВАЛЪ:
 ПРАСКОВЬЮШКА, ПЕРЕВЕЙ КУДРИ,
 ТАРАСЬЕВНА, ПЕРЕВЕЙ КУДРИ?
 А Я ТЕПЕРЬ, СУДАРЬ, ВСЯ ТВОЯ!
 ДАВАЙ Я КУДРИ ПЕРЕВЬЮ,
 ДАВАЙ Я ЧЕРНЫ ПЕРЕВЬЮ.

22.

ПРАСКОВЬЯ РОЗАНОЧКИ РАЗСАЖИВАЛА,
 ПРОТИВЪ БѢЛА ШАТРА ПОЛОТНЯНАГО,
 ИЗЪ БѢЛА ШАТРА СВѢТЪ ИГНАТІЙ ВЫХОДИЛЪ,
 ЗВАЛЪ, ПОЗЫВАЛЪ ПРАСКОВЬЮШКУ ДУШУ:
 ПРАСКОВЬЮШКА, ПОДЪ КО МНѢ ВЪ ШАТЕРЬ?
 ТАРАСЬЕВНА, ПОДЪ КО МНѢ ВО БѢЛОЙ?
 Я НЕЙДУ, НЕЙДУ, НЕ СЛУШАЮ,
 СЛЫШАЛА Я, ЛЮДИ СКАЗЫВАЛИ:
 У ТЕБЯ ОТЕЦЪ ГРОЗЕНЬ!
 СЕРДЦЕ МОЕ, ПРАСКОВЬЯ ДУША,
 БУДЬ САМА ДОБРА,
 САМА ЛАСКАВА!
 ТЫ ДЕРЖИ ГОЛОВУ ПОКЛОННѢ,
 РЕТИВОЕ СЕРДЦЕ ПОКОРЛИВОЕ,
 БУДЕШЬ МИЛА МОЕМУ БАТЮШКИ.
 ПРАСКОВЬЯ ДУША РОЗАНОЧКИ РАЗСАЖИВАЛА,
 ПРОТИВЪ БѢЛА ШАТРА ПОЛОТНЯНАГО,
 ИЗЪ БѢЛА ШАТРА СВѢТЪ ИГНАТІЙ ВЫХОДИЛЪ,
 ИЗЪ ПОЛОТНЯНАГО СВѢТЪ ТАРАСЬЕВИЧЪ ВЫХОДИЛЪ,
 ЗВАЛЪ, ПОЗЫВАЛЪ ПРАСКОВЬЮ ДУШУ:
 ПРАСКОВЬЮШКА, ПОДЪ КО МНѢ ВЪ ШАТЕРЬ?
 ТАРАСЬЕВНА, ПОДЪ КО МНѢ ВО БѢЛОЙ?
 Я НЕЙДУ, НЕЙДУ, НЕ СЛУШАЮ.
 СЛЫШАЛА, ЛЮДИ СКАЗЫВАЛИ,
 У ТЕБЯ МАТУШКА ЗЛА.
 СЕРДЦЕ МОЕ, ПРАСКОВЬЯ ДУША,
 БУДЬ САМА ДОБРА,
 САМА ЛАСКОВАЯ!
 ТЫ ДЕРЖИ ГОЛОВУ ПОКЛОННѢ,

РЕТИВО СЕРДЦЕ ПОКОРЛИВОЕ,
 БУДЕШЬ МИЛА МОЕЙ МАТУШКЪ.
 ПРАСКОВЬЯ ДУША РОЗАНОЧКИ РАЗСАЖИВАЛА,
 ПРОТИВЪ БѢЛА ШАТРА ПОЛОТНЯНАГО,
 ИЗЪ БѢЛА ШАТРА СВѢТЪ ИГНАТІЙ ВЫХОДИЛЪ,
 ИЗЪ ПОЛОТНЯНАГО СВѢТЪ ПЕТРОВИЧЪ ВХОДИЛЪ,
 ЗВАЛЪ, ПОЗЫВАЛЪ ПРАСКОВЬЮ ДУШУ:
 ПРАСКОВЬЮШКА, ПОДЪ КО МНѢ ВЪ ШАТЕРЬ?
 ТАРАСЬЕВНА, ПОДЪ КО МНѢ ВО БѢЛОЙ?
 Я ИДУ, ИДУ И СЛУШАЮ,
 СЛЫШАЛА, ЛЮДИ СКАЗЫВАЛИ:
 У ТЕБЯ ОТЕЦЪ ДОБРЪ,
 А МАТУШКА ЛАСКОВАЯ.

23.

ОТЛЕДѢЛА, ОТЛЕДѢЛА ВОЛГА,
 БЫСТРА РѢЧЕНЬКА СЪ КРУТЫМЪ БЕРЕЖКОМЪ,
 ОТЖИЛАСЯ, ОТНѢЖИЛАСЯ СВѢТЪ
 ПРАСКОВЬЯ ДУША У БАТЮШКИ.
 КАКЪ ПОШЛО МОЕ ДИТЯТКО,
 СЪ ВЫСОКАГО ТЕРЕМА,
 ПО ЧАСТЫМЪ ПО СТУПЕНИЧКАМЪ,
 ВПЕРЕДИ ИДЕТЬ СЕВЧИЧЕКЪ,
 ПО БОКАМЪ ПОВѢЖАПЫЕ ГОСТИ,
 ПОЗАДИ ИДЕТЬ МАТУШКА.
 ВОРОТИСЬ, МОЕ ДИТЯТКО?
 ПОЗАБЫЛО ТЫ, ДИТЯТКО,
 ТРОЕ КЛЮЧКИ
 НА ШЕЛКОВОМЪ ПОЯСКЪ.
 НЕ ОДНИ Я ПОЗАБЫЛА КЛЮЧИ,
 ПОЗАБЫЛА Я, МАТУШКА,
 ВОЛЮ БАТЮШКИНУ,
 ДА И НѢГУ МАТУШКИНУ,
 ПРИГОЛУБКИ МИЛЫХЪ БРАТЬЕВЪ,
 ДА И ЛАСКИ СЕСТРИЦЫНЫ,
 Я ЕЩЕ ПОЗАБЫЛА КРАСУ СВОЮ ДѢВИЧЬЮ,
 Я КОСУ СВОЮ РУСУЮ.

24.

НА БЕРЕГУ НА ЮРДАНЪ,
 ЧТО ТУТЪ СТОЯЛО ДРЕВО СВЯТОЕ,
 СВЯТОЕ, НЕПРОСТОЕ,
 НЕПРОСТОЕ ОНО, КИПАРИСНОЕ,
 ЧТО НА ТОМЪ ЛИ НА ДРЕВЪ,
 СИДѢЛА ПТИЦА НЕ МАЛА,
 ЧТО НЕ МАЛА ОНА, ВЕДИКА;
 ОНА СЛАВИЛА СЛАВУ БОЛЬШУЮ,
 УЖЪ КАКЪ БЫТЬ-ТО:
 ИВАНУ ВОЕВОДОЙ;
 УЖЪ КАКЪ БЫТЬ-ТО
 ТАРАСЬЕВИЧУ ВОЕВОДОЙ!
 УЖЪ НОСИТЬ ЕМУ ШУВУ СОВОЛЮ,
 А НА ШУВЪ ЦѢНИ ЗОЛОТЫЯ!
 У ИВАНА КОНИ ВОРОНЫЕ,

У Тарасевича воронье,
Вѣрны слуги его, молодые.
25.

Ужъ какъ чей зеленой садъ
Безъ цвѣтовъ лазоревыхъ?
Ужъ какъ чей золотъ теремъ безъ крыши,
Безъ золотой?
Ужъ какъ чей золотъ перстень безъ встав-
ки, безъ яхонта?

Ужъ какъ чья голубушка
Безъ сизаго голубя?
Какъ возговорить Федосья,
Какъ возговорить свѣтъ Никитишна:
Ужъ какъ мой зеленой садъ
Безъ цвѣтовъ лазоревыхъ;
Ужъ какъ мой теремъ безъ крыши, безъ
золотой;
Ужъ какъ мой золотъ перстень безъ встав-
ки, безъ яхонта;
Ужъ какъ я голубушка безъ друга сердеч-
наго.

26

Не лежи черной воберъ
На крутомъ берегу,
Не седи Тарасъ, господинъ,
Во чужомъ пирѣ,
Не седи свѣтъ, Яковлевичъ,
Во чужомъ пирѣ,
Снаряжай свадьбу снаряжену.
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!
У меня свадьба снаряжена,
Девять варей пиво сварено,
Десятая варя сладкихъ медовъ.
Не гуляй птица въ чужомъ саду,
Не седи, Федосья, во чужомъ пирѣ,
Не седи Тарасева во чужомъ пирѣ,
Снаряжай свадьбу снаряжену.
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!
У меня свадьба снаряжена,
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь сладкихъ пироговъ.

27.

Какъ у мѣсяца золоты рога,
Какъ у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У Тарасевича по плечамъ лежать,
Ужъ ему люди дивовалися:
Не красно-ль солнце воспроиздило?
Не свѣтелъ-ли его мѣсяцъ воспоилъ, вос-
кормилъ?
Не частыя-ли свѣзды возлелѣвали?
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!

Т. I. Ч. III.

Воспроиздила меня родная матушка;
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣвали меня няньки, мамушки.
28.

Въ воскресенье Ивана-то родная матуш-
ка спородила,
Въ воскресенье Тарасевича родная матуш-
ка спородила,

Во воскресенку заутреню,
Уму, разуму учила:
Ужъ ты будь, мое дитятко,
Таланливой и счастливой,
Государю услужливой,
Къ невѣстамъ счастливой!
Ты поведешь жениться:
Не пускай коня по двору,
Ты сведи коня ворона
На конюшенку придворную,
Ты отдай коня ворона
Ты придворнымъ конюхамъ,
Напоили-бы его сытницею,
Накормили-бы пшеницею;
Ты взойдешь во новы сѣни,
Скидавай пухову пляну,
Обтирай кудри русыя,
Вытирай ноги до суха;
Ты взойдешь въ новы горницу,
Ты долго Богу молися,
Ты низко тестю кланяйся,
Поклонися пониже тещенькѣ,
Узнавай свою сужену,
Твоя сужена снаряжена,
Выше всякъ она посажена,
Что сидитъ она съ городемъ,
На головушкѣ теремъ,
А въ ухахъ дороги серыи,
Дороги, брильянтовы.

29.

Изъ за мѣсяца свѣтитъ, ой, реди, реди!
Изъ за свѣтлаго свѣтитъ, ой реди, реди!
Свѣтитъ мѣсяцъ по рошѣ, ой реди, реди!
Еще вдетъ зять къ тещѣ, ой реди, реди!
Во придворной во конюшкѣ, ой реди, реди!
На манежныхъ лошадакахъ, ой реди, реди!
Изумилася теща, ой реди, реди!
Изумилася голубка, ой реди, реди!
Чѣмъ мнѣ зять свѣта даритъ, ой реди,
реди!
Подарю ужъ зять свѣта, ой реди, реди!
Золотыми часами, ой реди, реди!
Зять часы принимаетъ, ой реди, реди!
За дары не считаетъ, ой реди, реди!

27

Онъ со стула не встанетъ, ой реди, реди!
 Благодарствуй не скажетъ, ой реди, реди!
 Изъ за мѣсяца свѣтитъ, ой реди, реди!
 Изъ за свѣтлаго свѣтитъ, ой реди, реди!
 Свѣтитъ мѣсяцъ по роцѣ, ой реди, реди!
 Еще вѣдетъ зятя къ тещѣ, ой реди, реди!
 Въ придворной коляскѣ, ой реди, реди!
 На манежныхъ лошадакахъ, ой реди, реди!
 Изумилася теща, ой реди, реди!
 Изумилася голубка, ой реди, реди!
 Чѣмъ мнѣ зятя свѣта дарити, ой реди, реди!
 Подарю зятя свѣта, ой реди, реди!
 Свѣтъ Парасковью душою, ой реди, реди!
 Надвлю зятя свѣтъ Тарасьевною, ой реди,
 реди!
 Зятя въ дары Парасковью принимаетъ, ой
 реди, реди!
 За честь считаетъ, ой реди, реди!
 Онъ со стула встанетъ, ой реди, реди!
 Благодарствуй скажетъ, ой реди, реди!

30.

Ахъ, заря, заря, свѣтъ Парасковья душа!
 Ахъ, заря, заря, свѣтъ Тарасьевна!
 Зарю она въ городѣ шла,
 Ко двору она пришла тучю,
 На широкой дворѣ взошла дождечкомъ,
 На круто крылечко взошла солнышкомъ,
 Во высокъ теремъ взошла дѣвцей,
 Съла за столомъ съ молодцомъ,
 Махнула въеромъ во весь теремъ,
 Становитесь всѣ князья рядомъ,
 Говорите съ батюшкой всѣ ладомъ.
 Чѣмъ меня батюшка даруетъ?
 Даруетъ батюшка тремя теремами,
 Сунетъ батюшка жениха.
 Ахъ, заря, заря, свѣтъ Парасковья душа,
 Ахъ, заря, заря, свѣтъ Тарасьевна!
 Зарю она въ городѣ шла,
 Ко двору она пришла тучю,
 На широкой дворѣ взошла дождечкомъ,
 На круто крылечко взошла солнышкомъ,
 Во высокъ теремъ взошла дѣвцей,
 Съла за столомъ съ молодцомъ,
 Махнула въеромъ во весь теремъ,
 Становитесь князья всѣ рядомъ,
 Говорите съ матушкой всѣ ладомъ.
 Чѣмъ меня матушка даруетъ?
 Даруетъ матушка тремя сундуками,
 Сунетъ матушка жениха.

31.

Какъ по свѣтамъ, по свѣчкѣмъ,
 По частымъ перекопчкѣмъ,

Золотые были выходы,
 Что по тѣмъ по выходамъ,
 Разостланы куньи, соболи,
 Что по тѣмъ куньямъ, соболямъ,
 Все сидѣли красны дѣвушки,
 Педагеины подруженьки,
 Все Петровны голубушки.
 Посидите дѣвушки,
 И вы съ утра день, до вечера,
 Со вечера, до бѣла свѣта,
 Со бѣла свѣта, до суда Божья.
 И вы сдайте, дѣвушки,
 И вы съ рукъ, да на руки,
 Къ Ивану на вѣки,
 Къ Петровичу на вѣки.
 Золотыя метелочки,
 Что мѣли, повывали?
 Три горницы, три новыя,
 Одну не вымѣли,
 Угловую ногу горницу,
 Гдѣ сидитъ лютой свекоръ,
 Со лютой со свекровушкой.
 Ужъ они умѣютъ судить, рядить,
 Про чужое мило дѣтище,
 Что недавно приведенное,
 Что идетъ дремливое,
 Много бѣдъ навѣдло,
 Много искотъ нанскотила,

32.

Что безъ вѣтра, безъ вихоря,
 Боротички отворотилися.
 Какъ въезжалъ на широкой дворѣ
 Свѣтъ Игнатій, господинъ,
 Свѣтъ Петровичъ, сударь.
 Увидѣла Парасковья душа,
 Изъ косячатого окошечка,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 Сберегите, подружки, меня!
 Сберегите голубушки!
 Вонъ идетъ разоритель мой,
 Вонъ идетъ погубитель мой,
 Вонъ идетъ расплети косу,
 Вонъ идетъ увести красу.
 Какъ возговорить свѣтъ Игнатій господинъ,
 Какъ возговорить свѣтъ Петровичъ:
 Не пугайся, Парасковья душа,
 Не пугайся, Тарасьевна!
 Ужъ не я разоритель твой,
 Ужъ не я погубитель твой,
 Ужъ не я расплету косу,
 Ужъ не я увезу красу;
 Разоритель твой батюшка,

ПОГУБИТЕЛЬНИЦА МАТУШКА,
РАСПЛЕТЕТЪ КОСУ СВАШЕНЬКА,
УВЕЗЕТЪ КРАСУ ДРУЖЕНЬКА;
МОЕ ДЪЛО ПОСТОРОННЕЕ,
ПОСТОРОННЕЕ, МНѢ ТЕБЯ ВЗЯТЬ.

33.

НЕ КЛАДУ СУДНУ ЖАЛОБУ
НИ НА БАТЮШКУ,
НИ НА МАТУШКУ,
ПОЛОЖУ Я СУДНУ ЖАЛОБУ
НА СВАХУ ЧУЖЕСТРАВНИЦУ,
НА ТУ ПОДГОВОРЩИЦУ:
ЧТО ХОДИЛА ПОЧАСТХОНЬКУ,
ГОВОРИЛА ПОЛЕГОХОНЬКУ,
ЧУЖУ СТОРОНУ НАХВАЛИВАЛА,
НАХВАЛИВАЛА, НАГОВАРИВАЛА:
КАКЪ ЧУЖАЯ-ТО СТОРОНУШКА—
ОНА САХАРОМЪ ПОСЪЯНА,
СЛАДКОЙ ВОДНИЦЕЙ ПОЛПЬЯНА,
ВЬНОГРАДОМЪ ОГОРОЖЕНА,
ОНА РАДОСТЬЮ ПОДВЯЗАНА.
У ПЕТРА ШИРОКОЙ ДВОРЬ,
У ПЕТРОВИЧА ШИРОКОЙ ДВОРЬ,
ОНЪ СТОИТЬ НА СЕМИ ВЕРСТАХЪ,
НА СЕМИ СЪ ПОЛОВИНОЮ,
СРЕДИ ДВОРА НОВЬ ТЕРЕМЪ,
ЧТО НОВЫМЪ ОНЪ, ПОВЕНЕНЕКЪ.
НЕ ЖИЛА, ТАКЪ НЕ ВЪДАЛА,
ПОЖИЛА, ТАКЪ СПРОВЪДАЛА:
КАКЪ ЧУЖАЯ-ТО СТОРОНУШКА
ОНА ГОРЕМЪ НАСЪЯНА,
ГОРЮЧИМИ СЛЕЗАМИ ПОДПЬЯНА,
А ПЕЧАДЬЮ ОГОРОЖЕНА.
А СКОРЬБЮ ПОДВЯЗАНА,
У ИГНАТЬЯ ШИРОКОЙ ДВОРЬ,
ОНЪ СТОИТЬ НА СЕМИ ШАГАХЪ,
НА СЕМИ СЪ ПОЛОВИНОЮ,
СРЕДИ ДВОРА БАВЮШКА,
ЧТО ГНИЛЫМЪ, ГНИДЕШЕВЬКА,
УГЛЫ ПРОЧЬ ОТВАЛИЛИСЯ,
А БРЕВНЫ РАСКАТИЛИСЯ,
ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ПРОЙТИ, НИ ПРОЖАТИ,
МНѢ КЪ РОДИМОМУ БАТЮШКИ.
ПОЗОВУ СВАХУ ВЪ ГОСТИ,
НА ПОХО СВАХУ ДО ПЬЯНА,
Я СЛОМЛЮ СВАХЪ ГОЛОВУ.
ВОТЪ ТЕБѢ, СВАШЕНЬКА,
ЗА ТВОЕ СТАРАНЬИЦЕ!
ГОВОРИЛА ВСЕ, НАГОВАРИВАЛА,
НАГОВАРИВАЛА, ОБМАНЫВАЛА.

34.

Я НЕ ЗНАЛА, НЕ ВЪДАЛА,
КО МНѢ СВАХА ПРИЖАЛА,
МОЛОДАЯ, ГОРДИВАЯ,
МОЛОДАЯ, СПЪСИВАЯ,
НЕ СТУПИЯ, ОНА СТУПИЛА,
НЕ МОЛВЯ, СЛОВО МОЛВИЛА,
ХОТЬ ОНА И СТУПИЛА
ПО АТЛАСУ, ПО БАРХАТУ,
ЧТО ПО ТОЙ ПАРЧѢ, НА ЗОЛОТЪ,
ХОТЬ ОНА СЛОВО МОЛВИЛА
СО КНЯЗЬЯМИ, СО БОЯРИНИ,
ЧТО СО МНОЮ, КРАСНОЙ ДВѢЩЕЙ,
СВѢТЬ ПРАСКОВЬЕЙ ТАРАСЬЕВНОЙ:
СОБРАЙСЯ, ТЫ, УМЧАЯ,
СНАРЯЖАЙСЯ РАЗУМЧАЯ,
ПРОЧЬ ОТЪ БАТЮШКИ, ОТЪ МАТУШКИ,
ПРОЧЬ ОТЪ КРАСНЫХЪ ДВѢУШЕКЪ,
МИЛЫХЪ ПОДРУЖЕНЕКЪ.
ПОДЪ СУДОМЪ МНѢ ТОШЕКОВЬКО,
ОТЪ ВЪНЦА ГОЛОВА БОЛЕТЪ,
БЪЛЫ РУКИ ОПУСТИТСЯ,
СКОРЫ НОГИ ПОДКОСЯТСЯ,
ОЧИ ЯСНЫЯ ПОМУТЯТСЯ.

35.

РАСТОПИСЯ БАВЮШКА,
РАСКАЛИСЯ ТЫ КАМЕНКА;
ТЫ РАЗСЫПИСЯ КРУПЕНЬ ЖЕМЧУГЪ
ПО АТЛАСУ, ПО БАРХАТУ,
ЧТО ПО ТОЙ ПАРЧѢ, НА ЗОЛОТЪ.
КАКЪ РАСПЛАЧЕТСЯ, СВѢТЬ ПРАСКОВЬЯ ДУША,
КАКЪ РАСПЛАЧЕТСЯ, СВѢТЬ ТАРАСЬЕВНА,
ПЕРЕДЪ РОДНЫМЪ СВОИМЪ БАТЮШКОЙ!
ГОСУДАРЬ МОЙ, РОДИМЫЙ БАТЮШКА:
ТЫ НА ЧТО ВЬНО КУРИШЬ?
ТЫ НА ЧТО ПЬВО ВАРИШЬ?
ТЫ НА ЧТО МЕДА СТАВИШЬ?
ТЫ ДИТЯ-ЛЪ МОЕ, ДИТЯТКО!
ПОВЪЖАНЪ ДАРИО, ДРУГА МИЛАГО,
ЧТО СВЕКРА, СО СВЕКРОВУШКОЙ,
ДЕВЕРЬЕВЪ, СО ЗОЛОВУШКАМИ.
РАСТОПИСЯ БАВЮШКА,
РАСКАЛИСЯ ТЫ КАМЕНКА;
ТЫ РАЗСЫПИСЯ КРУПЕНЬ ЖЕМЧУГЪ
ПО АТЛАСУ, ПО БАРХАТУ,
ЧТО ПО ТОЙ ПАРЧѢ, НА ЗОЛОТЪ.
КАКЪ РАСПЛАЧЕТСЯ, СВѢТЬ ПРАСКОВЬЯ ДУША,
КАКЪ РАСПЛАЧЕТСЯ, СВѢТЬ ТАРАСЬЕВНА,
ПЕРЕДЪ РОДНОЮ СВОЕЮ МАТУШКОЙ:
ГОСУДАРИНЯ МОЯ, РОДНАЯ МАТУШКА!
ТЫ НА ЧТО ХОЛСТЫ НОСИШЬ?
ТЫ НА ЧТО ДАРЫ КРАИШЬ?

Ты дитя-ль мое, дитятко!
 Потѣжавъ дарю, друга милого,
 Что свекра, со свекровушкой,
 Деверевъ, со золовущками.

36.

По частымъ переходичкамъ,
 Что ходила, тутъ гуляла,
 Молодая тутъ боярыня,
 Свѣтъ Федосья Тарасьевна;
 Во рукахъ она носила
 Да два яхонта чистые,
 Два алмаза граненые,
 Изумруды зеленые,
 А сама приговаривала:
 Ахъ, вы яхонты, яхонты,
 Да алмаза граненые,
 Изумруды зеленые!
 Полежите маленьенько,
 Пока я, молодешенька,
 Ужъ я-ль, молодешенька,
 По утру встану ранешенько,
 Я умоюся бѣлешенько,
 Я одѣнуся чистешенько,
 Я пойду, молодешенька,
 Изъ горницы, въ горницу,
 Изъ свѣтелочки, въ теремную,
 Я открою въ садъ окошечко,
 Погляжу я во окошечко:
 Что свѣтель-ли мѣсяцъ,
 Что красно-ль красно солнышко,
 Что ужъ весель-ли милый другъ,
 Свѣтъ Василій Федуловичъ?
 Въ честномъ перу сидючи,
 Онъ пѣть, прохлаждается,
 Самъ женой похвалается.
 У меня жена умная,
 Свѣтъ Федосья Тарасьевна;
 Она пива и меда не пьетъ,
 Зелена вина въ ротъ не беретъ,
 Она ходитъ какъ навушка,
 Говоритъ какъ лебедушка,
 Она пройдетъ, утѣшитъ меня,
 Слово молвить, обрадуетъ.

37.

Стелется и вѣтсы,
 По лугамъ трава зеленѣтсы.
 Цѣлуеть, милуеть,
 Федуловичъ милуеть,
 Василій жену цѣлуеть,
 Душенькой называетъ,
 Разлапушкой величаетъ.
 Душенька Федосья,

Сердце мое Тарасьевна!
 Спороди ты сыночка,
 Сына яснаго соколочка,
 И личикомъ во меня,
 И разумомъ и умомъ.
 За услугу за твою
 Солью перстень золотой,
 Солью тебѣ и другой,
 Со вставочкой дорогой,
 Брильянтномъ осыпной.
 Носи, мой другъ, не жалей,
 Качай сына, да дельей.

Стелется и вѣтсы,
 По лугамъ трава зеленѣтсы.
 Цѣлуеть, милуеть,
 Василій жену цѣлуеть,
 Федуловичъ милуеть,
 Душенькой называетъ,
 Разлапушкой величаетъ:
 Душенька Федосья,
 Сердце мое Тарасьевна!
 Спороди дочку
 И дочь въду лебедушку,
 И личикомъ во себя,
 И разумомъ и умомъ.
 За услугу за твою
 Сошью тебѣ пару голубу,
 Сошью тебѣ и другу,
 Левантинovu голубу.
 Носи, мой другъ, не жалей,
 Качай дочь, да дельей.

38.

Не вѣйте, не вѣйте,
 Вѣтры буйные,
 Не раскачивайте
 Звонки колоколы,
 Не разбудите
 У Василья жену,
 Не разбудите
 У Федуловича жену.
 Вечеръ его жена
 Во перу была,
 По утру рано
 Сына родила!
 Бабушка была
 Съ Шереметьева двора;
 Кумомъ былъ Долгоруковъ сынъ;
 Кума-то была,
 Трувецкаго жена.
 За то его Царь,
 За то его Государь
 Много жаловалъ:

ТРЕМЯ ГОРОДАМИ,
СЪ ПРИГОРОДОЧКАМИ,
СЪ ПРИТЕРЕМОЧКАМИ.

39.

Ужъ я думала, подумала,
Я путемъ слово молвила,
Полно жить мнѣ у батюшки,
Работать на матушку,
Мнѣ пора молодой замужъ идти.
Услыхала мой батюшка
Слова мои грубыя,
Отдалъ меня батюшка
За семь сотъ два городовъ,
За двѣнадцать монастырей.
Не велѣлъ мнѣ батюшка
Не тужить и не плакать,
Ни къ себѣ въ гости ѣздить.
Я годъ жила, не тужила,
Я другой жила, не плакала,
Я на третій годъ стосковалася,
На четвертой годъ свиралася,
Я собравшись, поѣхала.
Какъ встрѣчалъ меня батюшка
Среди поля чистаго,
На пути, на дороженьки,
А родимая матушка
У широкихъ воротчиковъ,
А какъ братцы, ясны соколы,
Среди широкаго двора;
А сестрицы голубушки
Среди-то крутаго крыльца.
Какъ возговорить батюшка:
Ты за чѣмъ дочь прѣвжала?
Государь, родной батюшка!
Живучи, столковалася
У чужаго отца, матери,
У чужаго роду, племени.

40.

Ахъ, вы гуси.
Ахъ, вы лебеди,
Вы куды, гуси летали?
А мы ужъ летали, летали
Съ моря, да на морь.
Да ужъ что вы гуси видѣли?
Свру утицу на морь.
Для чего-жъ вы ее не взяли:
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вонъ повыщипали,
Горячую кровь пролили;
Ужъ теперь же наша.
Вы князья, вы бояре:
Вы куды, князья ѣздили?

А мы ѣздили, ѣздили,
А мы изъ города, въ городъ.
Ужъ и что князья видѣли?
А мы видѣли, видѣли:
Душу Полиннѣку, въ теремъ,
Свѣтъ Тарасьевну въ высокомъ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
По рукамъ ударили
Быть сговору, дѣвешнику,
Быть дѣвичьему вечеру,
Мы русу косынку расплели,
Мы по плечекамъ распустили,
Ужъ теперь она наша стала.

СИБИРСКАЯ СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ПОМѢЩЕН-
НЫЯ ВЪ ЗАПИСКАХЪ О СИБИРИ.

1.

Волга рѣка
Разливается,
Широка какъ
Растилается;
Григорій на конѣ,
Петровичъ на добромъ,
Спотыкается.
Матрена въ теремъ,
Матрѣвна въ высокомъ,
Спаряжается.
Спарядилася,
Горько плакала,
Какъ будетъ идти
Во чужие люди;
Какъ будетъ звать
Свекра батюшкѣмъ.
Батюшкѣмъ звать мнѣ не хочется,
Свекромъ звать такъ не водится.
Убавлю я спѣси, гордости,
Прибавлю я ума, разума,
Буду звать
Свекоръ батюшка.

2.

Какъ во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во столовой, новой горнице, ой ре-ди-ди!
За столомъ владубовымъ,
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
Свѣтъ Анна Ивановна, ой ре-ди-ди!
Ко столу припадаетъ,
Ко отцу причитаеъ:
Государь, родной батюшка,
Свѣтъ Иванъ, сударь, Петровичъ?
Ты спиши лице владѣ

На столѣ вълодубовомъ.
У тебя гости будутъ,
У тебя меня спросятъ,
У тебя меня нѣтъ.
Ты на столѣ-то взглянешь,
Меня двѣицу вспоминаешь,
Свѣтъ Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ снѣга,
Вокругъ снѣга, моря Хвалынскаго,
Облегая туманы, со маренами.
У души, у красной двѣицы,
У Матрены души Дмитриевны,
Вокругъ ея ретиваго сердца,
Облегла тоска со брзчиною.
Государь мой, родной батюшка,
Свѣтъ Дмитрій Степановичъ!
Ты возьми саблю острую,
Ты соьми мою вълую грудь,
Смотри ретивое сердце.
Свѣтъ мое дѣтято любезное,
Свѣтъ Матрена, душа Дмитриевна!
Нечего брать саблю острую,
Нечего снимать твою вълую грудь,
Нечего смотреть ретивое сердце,
Знать тебя, дѣтято,
По вълому лицу:
Вълое лицо приусмягнуло,
Алыя румянцы прикрывлися,
Ясныя очи помутилися,
Изъ очей слезы покатилися.

4.

Ахъ, ты свѣтъ мой, свѣтлая свѣтлица,
Ахъ, ты свѣтъ-ли моя, столовая горница,
Во сыромъ-то бору свѣтлица рубленна,
По тихому Дону свѣтлая плавлена,
На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена,
Косицкими окошкми во зеленой садъ,
Круглымъ краснымъ крылечкомъ во широкій
дворъ.
Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ,
Наставлены столы-то все дубовые,
Разостланы скатерти бранья;
А за тѣмъ ли столомъ вълодубовымъ
Сидѣлъ удалой, добрый молодецъ,
Какъ по имени Василій сударь Григорье-
вичъ.

Онъ игралъ въ гусли звончатыя,
Онъ наигрывалъ волю, волю батюшкину,
Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
Приходила гусли свѣтлицѣ Ольга душа,

Приходила гусли слушать Афанасьева;
Она слушала гусли, сама вошь пошла,
Сама вошь пошла, горько заплакала.
Ахъ ты свѣтъ-то воли, воли батюшкина,
Ахъ ты свѣтъ-то нѣга, нѣга матушкина.
Отставать-то будетъ отъ воли, воли батю-
шкиной,
Отставать-то будетъ отъ нѣги, нѣги мату-
шкиной,
Привыкать-то будетъ ко праву свѣтъ Васи-
ли, лия,
Привыкать-то будетъ ко праву свѣтъ Гри-
горьевича.

5.

Дорогая наша гостейка,
А свѣтъ Марья, душа Ивановна,
На добрыхъ коняхъ приѣхала,
Во атласт она, въ бархатъ,
Соболями гостя обвѣшаная,
Жемчугомъ гостя унизанная.
Вы берите тое гостейку,
За тѣ-то ручки бѣлыя,
За тѣ-то перстни злаченые,
Вы ведите тое гостейку
Во столовую новую горницу;
Вы садите тое гостейку
За столы-то, за дубовые,
Вы за скатерти, за бранья,
Вы за вѣства, за сахарыя,
Вы за питья, за медвяныя,
Ты покупай наша гостейка,
У любезнаго у сватушки,
У любезной своей сватьюшки.

Русскія свадебныя пѣсни, собранныя въ
Олонецкой губернии.

1.

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ,
Ужъ ты гдѣ меня повисмотришь,
Ужъ ты гдѣ меня повиглядишь,
На горочкѣ катающаясь,
О христовомъ дни качающаясь,
Аль на тихой-смирной бесѣдущкѣ?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку принабавлено,
Было росту принаставлено,
Накладно да лицо вълое
И бѣлымъ было набѣлено
Алымъ да нарумянено.»

2.

«Не дари-ка, чужой чужбининъ,
Ты нищенскими подарками.»

На церковномъ крыльцѣ выпроси—
 Ужъ я шпала молодешенька
 У родимаго у батюшки,
 Я носила молодешенька
 По хрестовымъ воскресеньцамъ
 Я башмачки козюбые,
 Чулочки бумажные;
 По годовымъ по праздничкамъ
 Я чулочки шелковые
 И башмачки сафьянные!
 Ты послушай, чужой чужбининъ:
 Съ моимъ родомъ познатся
 Прозакладать все житье-бытье, имъвнѣ,
 И хоромное строеньеце.
 Какъ дарить тебѣ, одаривать
 Мой родъ, племя великое?
 У меня родня широкая:
 Сорокъ тетюшекъ,
 Сорокъ дяденекъ
 Шестьдесятъ желанныхъ дядюшекъ.
 Въ моемъ-де роду племени
 Вся попы, отцы духовные
 И причетники церковные,
 По губерціямъ—губернаторы,
 По городамъ—городничіе,
 По уездамъ—исправники,
 По правленьямъ—славныя головы
 Да по земскимъ—пятисотские!

3.

Охти мнѣ, да охти мнѣ-шненько!
 Хоть мнѣ долго издѣваться,
 Будетъ вѣдной покоритесь!
 Подойди да молодешеньки
 Ко столу-да ко княжескому,
 Ко кругу-да молодецкому,
 Поклонитесь-да низешенько
 Ужъ мнѣ снять фату алую.
 Не помни, чужой чужбининъ
 Ты ни лихой моей лихости,
 Да не грубой моей грубости;
 Ты гляди, чужой чужбининъ,
 Господень души, отцовкой сынъ,
 Мнѣ прямо во бело лице,
 Въ точь, во ясны очи
 Я дѣвушка не корыстная!
 Тебѣ брать, чтобы не каяться
 Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
 На чужой дальней сторонущкѣ!

4.

Прости, красно мое солнышко,
 Желанный кормилецъ, батюшка,
 И родительница матушка!

Охти мнѣ—да охти мнѣ-шненько
 Дочь кручинную головушка.
 По последнему денечку
 Я спала молодешенька
 Я во светлой своей свѣтлицѣ,
 Во высокой новой горницѣ.
 Ужъ я шпала волю золотомъ,
 Обшивала чистымъ серебромъ,
 Я смотрѣла молодешенька
 Изъ косяцата окошечта,
 На озеро на Онежское;
 Изъ-за озера за Онежскаго
 Летять птицы заморскія,
 Соловей, птица свистуцка,
 Орелъ, птица говоруцка.
 Орелъ свѣль да на окошечко
 Соловей свѣль подъ окошечкомъ;
 Орелъ сталъ да выговаривать,
 Соловей сталъ да высвистывать:
 Не сиди, наша голубушка,
 Подъ косяцатымъ окошечкомъ,
 Ты не трать да чиста серебра
 И не порти красна золота:
 По сегодвашнему денечку
 Быть саду да полоненному,
 Всему роду покоренному;
 Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
 Дѣвушкѣ быть во свѣтушкѣ.
 Незадолго поры-времени
 Проскрыпывай дубовыя сани,
 Пробренчала золота узда,
 Просиястала шелковая пѣть:
 Приѣжалъ злодѣй, большой сватъ,
 Насулить оубъ батюшкѣ
 Много пива, много пьянато.
 Говорилъ желанный батюшка:
 Мнѣ-ка пить, да не запитесь;
 Не промѣняю любовь дочери
 Я за винную за рюмочку.
 Быводилъ да злодѣй большой сватъ
 Много злата, много серебра,
 Много скатнаго жемчуга.
 Говорить родимая матушка:
 Серебромъ та не слюзы слюзите
 Золотомъ-да не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить.—
 Пропилась да промоталась
 Желанные мои родители,
 Пропили мою головушку,
 Не запивую за рюмочку:
 Вѣрно я да молодешенька
 Надовла, да наскучила!

Видно вѣдная я напрокутила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глупымъ, малымъ ребячествомъ!
 Я прѣшла молодешенька
 Вся я стоги пятигодовые,
 Да засѣки неисходныя!
 Принесила молодешенька
 Вся я цвѣтныя платьица,
 Придержала молодешенька
 Всю безсмѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ молодешенька
 У моихъ свѣтѣ, у родителей
 Ужъ какъ въ полѣ не родилось,
 На дворѣ да не плодилось,
 На столѣ да не спарилось!
 Изживають меня вѣдную,
 Будто ворога изъ города,
 Люта зѣвря изъ темна лѣса!
 Погоди, родима матушка,
 Схватись да догадаешься,
 Коль не будетъ меня вѣдной
 И по бережку выходишься,
 Камешкомъ наприблжаешься,
 И къ сердцу прижмашься!
 Рада будешь, красно-солнышко,
 Черезъ поле въ глаза ведти,
 Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
 Черезъ рѣчку рѣчь говорить.
 У меня у молодешеньки
 Будетъ волюшка спрошоная
 Красота да доложная;
 Мнѣ захочется тошнешенько
 На родимую сторонку,
 Да отхочется скорошенько.
 У меня день пройдетъ спрашачути,
 Другой день да вздохажучись,
 Недѣлька снаряжаучись,
 На родимую сторонку,
 Осенью—да бездорожьеце,
 А весной—да безполеце,
 Лѣтомъ—лѣтня работушка,
 Зимою—зимущка студеная.
 И не спустятъ меня, вѣдную,
 На родимую сторонку...
 Ужъ мы свидимся—наплачемся,
 Разойдемся—натоскуемся.

5.

По последнему денечку,
 Навьси тучку черную
 Со громами со трескучими,
 Со молниями со сверкучими:
 На батюшковъ высьеь теремеь,

На матушкину горенку.
 Прѣзжалъ чужой чужбининъ
 Съ храбрымъ своимъ повозомъ
 Съ повъжанами молодыми.
 Гдѣ то есть у молодешеньки
 Соколя братъ, братецъ родименькой,
 Голувчикъ златокрыленькой,
 Запонка, да воротовая
 Сердоликъ дорогой камень?
 Наряжу я молодешенька
 Службицу я небеликою;
 Да работу нетяжелую:
 Ты сходи-ка, братецъ, соколя мой,
 Въ постоянную конюшеньку,
 Ты возми-ка, братецъ, соколя мой,
 Что лошадь самую лучшую,
 Запряги-ка, братецъ, соколя мой,
 Въ саночки, да въ самокаточей,
 Повъжай-ка, братецъ, соколя мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговыя.
 Закупи-ка, братецъ, соколя мой,
 Горнетуру мнѣ чернаго,
 И шелковъ семи разныхъ,
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Тайны, милые подруженьки,
 Дорогия поравеночки
 Вы повышейте, голубушки
 Заузорчатую занавѣсь;
 Вы на первомъ углу вышейте:
 Вы Литву да со Татарями;
 На другомъ углу вышейте
 Вы Москву да со боярами;
 Вы на третьемъ углу вышейте:
 Царя да со Царицею;
 На четвертомъ углу вышейте
 Короля съ королевцею;
 На середочкѣ вы вышейте
 Красно солнышко со мѣсяцомъ
 Да со частыми звѣздочками.
 Ты повѣсь-ка, братецъ, соколя мой,
 Заузорчатую занавѣсь:
 Ко крыльцу, да ко перильному
 И ко столыку точеному,
 Ко колечку золоченому;
 Какъ повѣдетъ да чужой чужбининъ—
 Въ городахъ онъ не бывающій,
 Мудрости мало-видающій—
 Разглядится, да разсмотрится
 На узорчатую занавѣсь
 И оставить молодешеньку
 На родимой сторонкѣ

У желанныхъ родителей...
 Глупая я, красна дѣвица,
 Неразумная головушка!
 Какъ поведетъ да чужой чуженинъ—
 Впереди его вожатые,
 Позади же провожатые,
 По сторонѣ да свережатые;
 Въ городахъ они бывалые,
 Много мудрости видалые,
 Не отпустятъ молодешеньку
 На родимую сторонушку!

6.

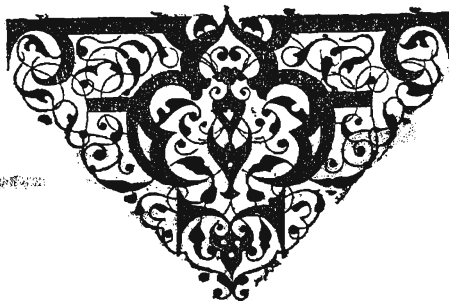
Не пускай-ка, братецъ, соколъ мой,
 Безъ допросу на круто крыльце
 Безъ доклада къ красной дѣвицѣ!
 «Я не знала, не вѣдала,
 Когда сваха прѣехала,
 Спѣсивая, гординая.
 Она ступить—неступила,
 Слова не смолила;
 Хотя жъ она ступила,
 Хотя жъ она смолила:
 Наряжайся-ка, умная,
 Снаряжайся, разумная,
 Что ль во-ту-ль Божію церковь,
 Что ль къ тому-ль Божію суду
 Отойди же прочь сѣманница,
 Отойди подговорница
 Мнѣ и такъ ужъ тошнохонько
 Разставаться съ родителыми
 У суда вѣдь ноги ломать,
 Подъ вѣнцомъ голова болеть.»

Про тебя-ль это красна дѣвица
 Рѣчь не добрая, да не хорошая»

Что ступила ты да добра молодца,
 Что ни злыями, да ни кореньями,
 Что ступила ты, да красотой своей?
 Чернымъ оченкамъ съ пуролокого
 Грудью вѣлою, лебединою,
 Станомъ, поступью, да что-ль павлиною.
 Люди добрые лѣзя-ли въры няять,
 Что ступила я да добра молодца?
 Ахъ не я, не я, голова своя
 Голова своя, да молодецкая,
 Своя волюшка, да безъотечкая
 Зелено вино, да брага пьяная.

8.

Ужъ какъ сталъ меня свекрушко побра-
 нивате,
 А свекровка на опештеи перебарчиваетъ,
 А золовки колотовки колотовничаютъ
 А деверья соколы насмѣхаются!
 Мила лада на полатяхъ изъ подлобынца
 глядять,
 Изъ подлобынца глядять,ничего не говорите!
 Я осмѣлилася, оцѣтенилася,
 Свекру—батюшку сказала: кеслемъ вы за-
 давнися!
 А свекровушки сказала: молокомъ вы залк-
 ласы—
 А золовущкамъ гулувущкамъ: самими въ
 люди идти;
 А деверьямъ соколамъ: будутъ жены таковы;
 Милой лады на полатяхъ изкосно-бы глаза,
 Притуманиковы, присаберасло вы!

РУССКІЯ

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ бы знала, какъ бы вѣдала
 Неприятство друга милого,
 Нелюбовь друга сердечнаго,
 Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
 Я не жгла-бъ свѣчу воску яраго,
 Не ждала бы я друга милого,
 Не топила бы красна золота,
 Не лила бы золота кольца,
 И не тратила бы золотой казны.
 Я смѣла бы себѣ крылушки,
 Полегла бъ на иной городъ,
 Что исхать себѣ друга милого.
 И я стала бы среди площади,
 И я стала бы кланчѣ кланчати.
 Кто бы сталъ со мной совѣтывать,
 Какъ бы мнѣ забыть друга милого,
 Проклинала-бъ я разлучника,
 Что разлучилъ меня со милымъ дружкоймъ,
 Со милымъ дружкоймъ, со сердечнымъ.

2.

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва моя, зеленя!
 Ты къ чему равно зашумѣла,
 Приклонила свои вѣточки?
 Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
 Мелкии пташечки вонъ вылетали,
 Одна пташечка оставалася,
 Горемышная кукушечка.
 Что кукуетъ она день и ночь,
 Ни на малой часъ перемолку нѣтъ,
 Жалобу творить кукушечка
 На залетнова ясна соколатъ.
 Разорилъ онъ ее тепло гнѣздышко,
 Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ.
 Что по ельничку, по березничку,
 По часту лѣску, по оршничку.
 Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
 Что во высокомъ сидитъ красная,
 Но въ косыщатымъ подъ окошечкомъ;
 Она плачетъ, какъ рѣка льется;
 Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
 Жалобу творить красна дѣвица
 На завѣжева добраго молодца.

Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
 Что отъ батюшки и отъ матушки,
 И завезъ онъ красну дѣвицу
 На чужудальню сторону,
 На чужудальню, незнакомую,
 Что завезши, хочетъ покинуть.

3.

Ужъ какъ полно красна дѣвица тужитъ,
 Не наполнишь ты синя моря слезами,
 Не воротншь друга милого словами!
 Говорила я милому, говорила,
 Я въ упросъ ли друга милого просила:
 Не женися ты, мой милой, не женися?
 Не послушался, душа моя, женился!
 Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печалю,
 И онъ налилъ очи ясныя слезами
 Запечаталъ уста алмаи онъ кровью.

4.

Стругалъ стружки добрый молодець,
 Брала стружки красна дѣвица,
 Бравши стружки, на огонь клала,
 Все змѣй пекла, зелье дѣлала,
 Сестра брата извѣсть думала;
 Выходила по середѣ двора,
 Наливала чару прежде времени,
 Подносила брату милому.
 Ты пей сестра, напередъ меня.—
 Пила, братецъ, наливаючи,
 Тебя, братецъ, поздравляючи.
 Канула капля коню на гриву,
 У коня грива загорѣлася.
 Сходить молодець съ добра коня,
 Вынималъ свою саблю острую,
 И соймалъ съ сестры вуйну голову.
 Не сестра ты мнѣ родимая,
 А змѣя ты подколодная.—
 Онъ клалъ дрова среди двора,
 И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
 Что до самаго до пепла;
 Онъ развѣялъ пухъ по чисту полю.
 Заказалъ всѣмъ тужить и плакати.

5.

Ужъ какъ палъ туманъ на синя морѣ,
 А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;

Не скондить туману съ синя моря,
Ужь не выдти кручинъ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда влестить далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикъ лежить удалъ добрый молодець,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горячую;
Подъ молодца стоитъ тутъ его добрый
конь.

И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сы-
ру землю,
Будто слово хочеть вымолвить своему хо-
зяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый мо-
лодецъ!

Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дятункамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый моло-
децъ;

Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая,
Тутъ промолвила добрый молодець своему
коню:

Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать камена стрѣла.

6.

Сторона-ль моя, сторонущка,
Сторона-ль моя, незнакомая!
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не доброй-де конь меня завезъ;
Завезла меня, доброва молодца,
Прыткость, вѣрность молодецкая,
И хитринущка кабанья.
Породила меня матушка
Во безчастной день, во пятницу,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Что подѣ крѣпшею подѣ зеленою,
Что подѣ яловью подѣ кудрявою;
Пеленала-де меня матушка
Во свивальничекъ алой бархатной;
Одѣвала меня матушка

Одѣяльницею соголеннымъ;
Берегла меня матушка
И отъ вѣтру и отъ вихора,
Что отъ часта, мелка дождинка;
Не спасла меня матушка
Что отъ службы Государевой,
Отъ чужедаальной сторонущки.

7.

Ужь не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травки, шелковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ,
Закрывала очи ясныя
Снѣговьялымъ рукавомъ,
Проливала слезы кручинны,
Думала думу крѣпкую.
На кого меня покинулъ ты,
Милъ сердечной другъ?
Для тебя отстала я отъ вѣсхъ,
И отъ батюшки и отъ матушки,
Я покинула родиму сторонущку,
Распела я косу русую,
Повѣривши другу милому.
Ахъ, раскройся мать-сыра земля!
Поглоти меня, несчастную;
Ужь мнѣ солнышко не светить,
Ужь меня милый другъ не любить!

8.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взонла, когда выросла?—
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда выцвѣла?
Я весной взонла, летомъ выросла,
Я весной цвѣла, летомъ выцвѣла.
Подѣ товою ли, рябинушкой,
Что не макъ цвѣтеть, не трава ростеть,
Не трава ростеть, не огонь горить,
Не огонь горить—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горить, горить, какъ смола кинить,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не просившиися съ отцемъ, съ матерью,
Не ведавшиися съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенние!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно!

Прялетайте вы, вѣтры вуйные,
 Что со сѣверной со стороншки,
 Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
 И развѣвши по чисту полю,
 По чисту полю, по широкому,
 Вы разкройте мнѣ гробову доску,
 Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
 Распроцатися съ моею милою,
 Съ моею милою, съ душой дѣвницей!
 Окропивъ ея горючей слезой,
 Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

9.

Ахъ палъ туманъ на синемъ морѣ,
 Вселилася кручина въ ретиво сердце,
 Не скажнвать туману со снѣга моря
 Злодынкъ кручинъ съ ретива сердца.
 Что далече, далече, во чистомъ полѣ
 Стояла тутъ дубровушка зеленая,
 Среди ея стоялъ золотой курганъ,
 На курганъ раскладены были огонечекъ,
 Возлѣ огонечка посланъ войлочекъ,
 На войлочкѣ лежить ли доброй молодецъ,
 Припекаетъ свои ранушки боевыя,
 Ранушки боевыя, кровавыя.
 Что изъ далеча, далеча, изъ чистаго поля
 Приходятъ къ нему братцы товарищи,
 Зовутъ ли доброва молодца на святую Русь.
 Отвѣтъ держитъ доброй молодецъ:
 Поидте, братцы, на святую Русь,
 Приидите, ли мнѣ смерть скорая,
 Отцу матери скажите чловнтыице,
 Роду, племени скажите по поклону всѣмъ,
 Молодой женѣ скажите волюшку свою,
 На всѣ ли, на четыре на стороншки,
 Малымъ дѣтушкамъ скажите благосло-
 веньице.

Ахъ не жалѣ-то мнѣ роду племени,
 Не жалѣ-то мнѣ молодой жены,
 Мнѣ жалѣ-то малыхъ дѣтушекъ,
 Остались дѣтушки малененьки,
 Малененьки дѣтушки, глупешеньки,
 Натерпятся колода и колода.

10.

Какъ у каючика у гримтчева,
 У колодезя у студенова,
 Доброй молодецъ самъ коня поилъ,
 Красна дѣвица воду черпала,
 Подвинувъ воды, поставила,
 Какъ поставивши, призадумалась,
 А задумавшись, заплакала,
 А заплакавши, слово молвила:
 Хорошо тому жить на сѣмъ свѣтѣ,

У кого есть отецъ и мать,
 Отецъ и мать, и братъ сестра,
 Ахъ, и братъ, сестра, что и родъ племни.
 У меня-ль, у красной дѣвницы,
 Ни отца нѣту, ни матери,
 Какъ ни брата, ни родной сестры,
 Ни сестры, ни роду племенн,
 Ни того ли мила друга,
 Мила друга—полюбовника.

11.

Ахъ далече, далече, во чистомъ полѣ
 Стояло тутъ деревцо вельми высоко,
 Подъ тѣмъ ли подлѣ деревцомъ выросла
 трава,
 На той ли на травоньки разцвѣтали цвѣты,
 Разцвѣтали цвѣты, все лазоревые;
 На тѣхъ ли на цвѣтахъ разостланъ коверъ,
 На томъ ли на коврѣ два братца сидятъ,
 Два братца сидятъ, два родимые;
 Большой-то братецъ пѣсно припѣвалъ:
 Породила насъ матушка двухъ-то сыновей,
 Вспоила, вскормила батюшка, какъ двухъ
 соколовъ.

Вспонивши, вскормивши, ни чему насъ не
 училъ,

Научила молодца чужедальняя сторона,
 Чужедальняя сторона, понизовыя города.
 Чужедальняя сторона безъ вѣтру сушить,
 Безъ вѣтру сушить, безъ морозу знобить.
 Какъ думала матушка насъ вѣкъ не
 вѣтъ,

Избыла насъ родимая единымъ часомъ;
 А теперь тебѣ, матушка, насъ вѣкъ не
 видать,

А намъ на родимой сторонѣ не бывать.

12.

Ахъ, вы вѣтры, вѣтры вуйные,
 Вы вуйные—вѣтры осенние!
 Потяните вы во ту сторону,
 Во ту сторону, во восточную,
 Отнесите вы къ другу вѣсточку,
 Что нерадостную вѣсть, печальную;
 Какъ вечеръ-то молоденькѣ,
 Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
 Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
 Ужъ кабы у меня, у малененьки,
 На правой рукѣ на мизинчикѣ,
 Распаялся мой золотѣ перстень,
 Выкатился дорогой камень,
 Расплеталась моя руса коса,
 Выплеталась лента алая,
 Лента алая, Ярославская,

ПОДАРЕНЫЦЕ ДРУГА МЫШОЛ,
СВЕТЪ ДОРОДНА ДОБРА МОЛОДЦА.

13.

Ахъ! конь ли мой, конь, лошадь добра!
Ты не ходи, мой конь, на Дунай рѣку,
Ты не пей, конь, изъ ручья воды;
Изъ ручья красна дѣвица умывалася,
Она бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Она алыми румянами румянилася,
Она черными сурмянами сурмялася,
Во хрустально чисто зеркало гладилася,
Красотъ своей дѣвичьей дивовалася.
Красота-ль моя, красота дѣвичья!
Ты кому-то красота достанешься?
Какъ досталася красота моя мужу старому.
Я могу ли красота тебя убавити?
Да что краснаго золота увѣсити?
Да что крупнаго жемчугу разсыпати?

14.

Какъ у доброва молодца зеленъ садикъ,
Посвяля добрый молодець цвѣточки,
Посвявши цвѣточки, самъ заплакалъ:
Ахъ, я свѣтъ мой лазоревы цвѣточки!
Кому-то васъ цвѣточки поливати,
Онъ любухъ отъ морозовъ укрывати?
Отецъ и мать у молодца старевьян,
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай рѣку за водицей.
Во Дунай ли рѣкѣ она потонула?
Въ темномъ ли лѣсу заблудилася?
Сѣрые-ль ее волки разорвали?
Аль злы Татары ее половили?
Какъ она въ Дунай рѣкѣ потонула,
Дунай рѣка съ пескомъ возмутилася;
Какъ ее сѣры волки разорвали,
Косточки бы по чисту полю разметали;
Какъ бы ее Татары половили,
Ужъ бы мнѣ, добру молодцу, вѣсточка была.

15.

Не бывавушка въ чистомъ полѣ зашата-
талася,
Запугалася безпріютная голубушка,
Безпріютная голубушка, молоденькая;
Ужъ куда я, добрый молодець, не кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпкія караулы;
Они меня ловятъ, стерегутъ;
Что кадо-то ни пойду, братцы, ни повду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу,
нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, доброй молодець, воро-
чуся,

ГОСУДАРЫНЬ СВОЕЙ МАТУШКѢ СПРОШУСЯ.
Ты скажи, скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звездой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

16.

Ахъ, ты солнце, ты солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катилася?
У меня въ глазахъ сердечной другъ,
Не гоститъ онъ, не жалуетъ,
Все домой снаряжается.
Провожу ли я друга мылаго
Черезъ два поля чистыя,
Черезъ три луга зеленые,
Черезъ матушку камениу Москву.
Я тутъ съ другомъ разставалася,
Я слезами обливалася,
Во слезахъ ему слово молвила:
Колн лучше меня найдешь— позабудешь;
Колн хуже меня найдешь— вспомнешь.

17.

Не спала то я, младешенька, не дре-
мала,
Я ни думала, младешенька, ни гадала,
Съ правой руки яснаго сокола опустела;
Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу,
Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
Опускался младъ ясенъ соколъ на сини
море,
Онъ садился младъ ясенъ соколъ на кора-
биль;
По кораблику гостинный сынъ гуляеть,
Во звончатыхъ онъ гусельяхъ играеть,
Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣ-
вица,
Наживай себѣ друга мылаго, много.
Буде лучше меня найдешь— позабудешь;
Буде хуже найдешь— вспомнешь,
Вспомнувъ меня, душа моя заплачешь.

18.

Какъ у насъ было, во прошломъ году,
Уродилася сильна жѣлда въ есѣу,
Заблудилася красна дѣвица въ лѣсу,
Она вышла на Оку рѣку,
Сама свѣла на крутомъ берегу,
Она крѣчитъ перевозчика къ себѣ:
Первозчикъ, перевозчикъ молодой,
Перевези меня скорешенько домой?
У меня дома нѣтъ никого;
Родной батюшко къ обѣдни пошелъ,
Родна матушка во честной цѣрь.
Прилеталъ тутъ къ ней синъ голубчикъ,

И онъ свѣль, взлетѣль на молодой на дубокъ;
Поклеваль голубѣ желуди вѣсь,
Отъ сыра дуба отросточки,
Разсыпались ея косточки.

19.

Вострепенется соколъ,
На дубу сидючи,
Какъ расплачется дѣвица,
Во терему сидючи:
Не давай, сударь, батюшко,
Замужъ за Волгу рѣку,
Государыня матушка,
Ты меня за Волжанина?
Какъ захочется, батюшко,
Мнѣ у тебя побывать,
Государыня матушка,
Мнѣ у тебя погостить,
Я на Волгу приду
Я суденца не найду,
Хоть суденцо найду,
Весельца не сыщу,
Хоть весельцо сыщу,
Я гребца не найду,
Хоть гребца я найду,
Волга рѣка протечетъ;
А меня, младешеньку,
Въ низъ по рѣкѣ помесеть.
Ахъ, свѣтъ мой красной день.
Ужъ мнѣ тебя не видать;
Ты, молодежь сердечный другъ,
Мнѣ у тебя не быгать.
Я пойду молодешенька
Въ зеленые луга,
Закричу млада громко:
То-то мнѣ злая беда!
Ахъ вы, лютые звѣри,
Соеграйтесь ко мнѣ.
Вотъ вамъ сладкая пища—
Терзайте меня;
Хоть только оставьте.
Ретиво сердце,
Вы отдайте мнѣ другу
Во бѣлыя руки.
Ахъ, пускай милѣ посмотреть,
Какъ я его любила!

20.

У дорожнаго, добра молодца
Въ три ряда кудри завивались,
Во четвертой рядъ по плечамъ лежать;
Не сами кудри завивались,
Завивала красна дѣвица,
По единому, русомъ водосу.

Завивши кудри, сама задумалась:

Кабы знала я, вѣдала
Про свое горе, про несчастіе,
Про замужье про бездѣльное,
Я бы сидѣла въкѣ въ дѣвушкахъ
У родимаго своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу,
Вплетала-бъ ленту алую,
Ленту алую, шелку краснаго,
Шелку краснаго, Шемаханскаго.
Какъ бы знала я, млада, вѣдала,
Что просватали меня батюшко
Не въ любимую сторонушку,
Не за прежняго полюбовника,
Не за ладушку за милаго,
А отдалъ меня батюшко,
Не въ согласную семью,
Не въ покрытую избу,

21.

Какъ по крутому, по красному берегу,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
Она рыла себѣ кореньяца, зелье люток,
Напоила она кореньяца въ меду, въ па-
токъ,
Напоила добра молодца до пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица, насмѣхалася:
Ты спишь ли, моя надежа, иль такъ ле-
жишь?—
Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ
лежу;
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и скоронить меня;
Не клади меня, красна дѣвица, у Божіей
церкви,
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ
полѣ,
При широкой, дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золо-
той крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену-отрѣду,
Подъ бока клади звончатые гусли,
Въ ногахъ поставь, красна дѣвица, моего
ковня.
Буде старъ человекъ поидеть—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники пойдутъ — такъ настрѣ-
лятся;

БУДЕ МЛАДЪ ЧЕЛОВѢКЪ ПОЙДЕТЬ — ВЪ ГУСЛИ
НАИГРАЕТСЯ;
КАКЪ ПОВѢДУТЬ МОИ ДРУЗЬЯ, БРАТЯ И ТОВА-
РИЩА,
НА МОЕМЪ ДОБРОМЪ КОНѢ НАВЗДЯТСЯ.

22.

У ДУШЕЧКИ, У КРАСНОЙ ДѢВУШКИ
МНОГО ГОРЯ, МНОГО КРУЧИНУШКИ,
ВЪ РЕТИВОНЪ СЕРДЦѢ ЗАБНУШКИ,
НѢТУ РАДОСТИ НИ НА МАЛОЙ ЧАСѢ,
ЕЩЕ ТОЛЬКО У НЕЙ И РАДОСТЬ,
ЧТО ВЪ УМѢ У НЕЙ СЕРДЕЧНЫЙ ДРУГЪ.
ВО СЫРОМЪ БОРУ ГУЛЯЛА,
СЪ МИЛИМЪ ДРУЖКОМЪ НЕ ВИДАЛАСЯ,
КРАСОТОЮ НЕ ЛЮБОВАЛАСЯ,
ОНА ХОЧЕТЪ СЪ НИМЪ УВИДѢТЬСЯ,
СЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦОМЪ ПЕРЕКЛИКНУТЬСЯ;
АУ, АУ, МОЙ СЕРДЕЧНЫЙ ДРУГЪ!
ПЕРЕДАЙ ГОЛОСОКЪ ЧЕРЕЗЪ ТЕМНОЙ ЛѢСЪ,
ЧЕРЕЗЪ МАТУШКУ ОКУ, ВЫСТРУЮ РѢКУ.
ТЫ, ДУША-ЛЪ МОЯ, КРАСНА ДѢВУШКА!
Я И РАДЪ БЫ ТЕБѢ ОТКАПНУТЬСЯ,
ЗА МНОЙ ХОДЯТЬ СТРОГИ СТОРОЖИ,
СТРОГИ СТОРОЖИ, ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ,
ЕЩЕ СЪ НИМИ МОЛОДА ЖЕНА,
МОЛОДА ЖЕНА, МОЯ ПОСТЫЛАЯ.

23.

ПРО МЕЖДУ ДВУМА ВЫСОКИМИ ГОРАМИ
ВЫРОСТАЛА ТОНКА ВЪЛКА БЕРЕЗА,
ЧТО ТОНКА БЕРЕЗА, КУДРЯВАТА,
ГДѢ НЕ ГРѢТЬ ЕЕ СОЛНЫШКО, НИ МЯСЯЦЪ,
И НЕ ЧАСТЫЯ ЗВѢЗДЫ УСЫНАЮТЬ,
ТОЛЬКО КРУПНЫМИ ДОЖДЕМЪ УЛѢВАЮТЬ,
ЕЩЕ ВЪЙНЫМИ ВѢТРАМИ ПОДУШАЮТЬ.
ПРО МЕЖДУ ТО БЫЛО НАШИМИ СОСѢДАМИ
ВЫРОСТАЛА ТУТЪ КРАСОТОЧКА,
ПРОСЛАВЛЯЛАСЯ КРАСОТОЮ И ОПРЯТСТВОМЪ,
ЕЩЕ РОСТОМЪ, ДЕРОДСТВОМЪ И ПРИГОЖСТВОМЪ;
ВСѢХЪ ВОЛННОСТЮ ОНА БЫЛА ВОЛННѢ,
И ПОСТУПКАМИ ОНА ВСѢХЪ ВЕСЕЛѢ.
ГДѢ СОБРАЛИСЯ СОСѢДИ ВЕСЕЛѢТЬСЯ,
ТУТЪ НЕ БЫЛЪ МИЛЪ ДРУГЪ ЕЕ НАДЕЖА;
СТАЛА ТУТЪ КРАСОТОЧКА ГРУСТИТЬ,
ЕЕ ДОМОЙ ТУТЪ НИКОГДА НЕ БЫЛО ВОРОТѢТЬСЯ,
И ВЪ ПОСТЕЛЮШКУ СЪ КРУЧИНУШКИ ЛОЖИТЬСЯ;
ТАМЪ НЕ СПИТСЯ, КРАСНОЙ ДѢВУШКѢ КОРНИТСЯ,
ПОДЪ ГОЛОВУШКОЙ ПОДУШЕЧКА ВЕРТЯТСЯ,
ОДВЯЛЦО СОВОЛНО СЪ ПЛЕЧЪ КАТИТСЯ.
КАКЪ НЕ ГРѢЮТЪ ЕЕ СОВОЛИ, КУПИЦЫ,
НИ СИБИРСКИ ЧЕРНОВУРЬЯ ЛИСИЦЫ,
ТОЛЬКО ГРѢТЬ ЕЕ МЯЛЕНКОЙ ДРУЖЕЧЕЦЪ,
МОЛОДЕЦКОЮ СЕРДЕЧНОЮ ЛЮБОВЬЮ.

ВЪГОВОРИЛА ОНА СЪ ГРУСТИ И СЪ ПЕЧАЛИ,
СО ВЕЛИКИЯ ТОСКИ ЗЛОЙ И СО КРУЧИНЪ:
КАКЪ НЕ ЛАСОЧКА КЪ НЕЙ СЪ ВѢСТЬЮ ПРИ-
ЛѢТАЛА,
НЕРАДОСТНУЮ КАСАТОЧКА ВѢСТЬ ПРИНОСИЛА,
ЧТО ЛЕЖИТЬ МОЯ НАДЕЖДА ТРУДЕНЬ-БОЛЕНЬ,
ТРУДЕНЬ-БОЛЕНЬ МИЛЪ, МОЯ НАДЕЖДА, ВЪ ПО-
СТЕЛѢ,
ЧТО НА МЯГКОЙ НА ПУХОВОЙ НА ПЕРИНѢ,
ПОДЪ СОВОЛНЫМЪ КАМЧАТНЫМЪ ОДВЯЛЦОМЪ;
ПО ПРАВУЮ РУКУ ТУТЪ СТОЯТЪ ОТЕЦЪ И МАТЬ,
ПО ЛѢВУ РУКУ ТУТЪ СТОЯТЪ БРАТЪ СЪ СЕ-
СТРОЮ,

ВЪ ГОЛОВАХЪ СТОЯТЪ ДРУЗЬЯ И БРАТЯ,
СУПРОТИВЪ СЕРДЦА КРАСНА ДѢВУШКА,
СО СЛЕЗАМИ ОНА БОГУ МОЛИТСЯ:
ЧТО ПОДАЙ БОЖЕ МИЛУ ДРУГУ ЗДОРОВЬЯ,
ХОТЬ НА ЕДИНОЙ, НА МАЛЕНЬКОЙ ЧАСОЧКѢ,
ХОТЬ НА ЕДИНОЙ, НА ЛИШНІЙ НА ДЕНЕЧКѢ!
УЖЪ КАКЪ БЫ Я СЪ МИЛИМЪ ДРУГОМЪ ПО-
ГУЛЯЛА,

Я БЫ ТРАВУШКИ МУРАВУШКИ ПОТОПАЛА,
Я БЫ ЦВѢТОЧКОВЪ ЛАЗОРЕВЫХЪ НАРЕЛА,
Я БЫ ВЪНОЧКѢ МИЛУ ДРУГУ СОБРАЛА,
НА ГОЛОВКУ НАДЕЖѢ НАДѢВАЛА,
ВЕСЕЛЯСЯ, ПРОВОДИЛА БЫ ДО ДОМУ,
Я СКАЗАЛА БЫ: НАДЕЖА МОЯ ЛЮБИМЫЙ!
МЫ ПОЙДЕМЪ СЪ ТОВОЮ ЛЮБИМЫЙ, ВЪ ОДНО
МѢСТО,

НЕ РАЗЛУЧИМСЯ, НАДЕЖА, МЫ ДО СМЕРТИ,
МЫ ПРОСТИМСЯ СО БѢЛЫМЪ СВѢТОМЪ НА ВЪНИ.
КАКЪ ОСТАНУТСЯ ТАКИЯ ПРО НАСЪ ВѢСТИ,
ЧТО ЛЮБИЛИСЯ СЪ ТОВОЮ ХОРОШЕНЬКО,
МЫ И УМЕРЛИ СЪ ТОВОЮ, ДРУГЪ, ВЪРЕНЬКО.

24.

НА УЛИЦѢ ТО ДОЖДЬ, ТО СНѢГЪ,
ТО ДОЖДЬ, ТО СНѢГЪ, ТО ВЪЛАНЦА,
ТО ВЪЛАНЦА, ТО МЕТЕЛИЦА,
КУТИТЬ, МУТИТЬ, ВЪ ГЛАЗА НЕСЕТЪ,
МЕНЯ МЛАДУ СВЕКОРЪ ЗОВЕТЪ.
ДЛЯ СВЕКРОВУШКА, ДЛЯ БАТЮШКА
САМА СЪ МѢСТА НЕ ТРОНУСЯ,
НЕ ТРОНУСЯ, НЕ ВОРОХНУСЯ.

НА УЛИЦѢ ТО ДОЖДЬ, ТО СНѢГЪ,
ТО ДОЖДЬ, ТО СНѢГЪ, ТО ВЪЛАНЦА,
ТО ВЪЛАНЦА, ТО МЕТЕЛИЦА,
КУТИТЬ, МУТИТЬ, ВЪ ГЛАЗА НЕСЕТЪ,
МЕНИ МЛАДУ СВЕКРОВЪ ЗОВЕТЪ.
ДЛЯ МУТУШКИ, ДЛЯ СВЕКРОВУШКИ
САМА СЪ МѢСТА НЕ ТРОНУСЯ,
НЕ ТРОНУСЯ, НЕ ВОРОХНУСЯ.

НА УЛИЦѢ ТО ДОЖДЬ, ТО СНѢГЪ,

То дождь, то снѣгъ, то вьдлица,
То вьдлица, то метелица,
Кутить, мутить, въ глаза несеть,
Мени младу милъ другъ зоветь;
Для друженька, для милаго
Иду, иду скорешенько,
Скорешенько, торопешенько.

25.

Туманно красно солнышко, таманно,
Что краснаго солнышка не видно?
Кручина красная дѣвица, печальна;
Никто ее кручинушки не знаетъ:
Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.
Печальна красная дѣвица, печальна.
Не можешь ты залу горю посовѣтъ,
Не можешь ты мила друга позабыть,
Ни дѣвкою порою, ни вочвою,
Ни утренней зорею, ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возговорить дѣвица:
Я въ те поры мила друга забуду,
Когда подмянется мой скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песнами,
Закроются бѣлы груди досками.

26.

Какъ по садку, по зеленому
Доброй молодецъ похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Колену стрѣлу выкалываетъ,
Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
Ты лети, лети калена стрѣла,
Выше лѣсу по поднебѣсью,
Пронзи, убей калена стрѣла
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Сверху утѣчу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвицу во высокѣ терему,
Чтобъ доставалась ми мнѣ и ни кому,
Ни разлучнику злодѣю моему,
Чтобы доставалась она матери сырой землѣ,
Чтобъ доставалась сырой землѣ, гробовой
доскѣ.

27.

Калину съ малиною вода попила:
На ту пору матушка меня родила;
Не совравшись съ разумомъ, замужь отдала,
На чуждеиного на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сунуть;
Чужая олицъ съ матерью безвѣнно кру-
шить;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матери пташкой полечу,

Горемышною пташечкою, кукушечкою.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезамъ горячими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по свѣчкѣ похаживаетъ,
Невѣстухекъ-ластухекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстухи, голуби мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, залевшись слезами,
Молвила: не ваша-ль горяша сюда
Прелетѣла пташкой съ чужой стороны?
28.

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ залу тоску кру-
чину!

Посвѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ времяя, ни отъ лѣтъ, все отъ без-
временья;

Я родился во слезахъ, во слезахъ кре-
стился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ на-
ветовъ;

Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня молодца полюбнла;
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Исыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ возды-
ханій.

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ залу тоску кру-
чину!

29.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошла, прошла наша красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсыпал ихъ по чисту полю!
Сонзволнѣлъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горять въ нѣвѣ по два солнышка,
Не свѣтять по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залелась слезами красна дѣвица,

Во слезахъ она слово молвила:
 Ахъ, ты, милой мой, ненаглядной мой!
 Не жилица я на вѣломъ свѣтѣ
 Безъ тебя, моя надеженька!
 Нѣтъ у горлянки двухъ голубчиковъ,
 У лебедушки двухъ лебедиковъ,
 У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!—
 Не сидитъ она поздно вечеромъ,
 А горитъ свѣча воску яраго,
 На столѣ стоитъ новъ тесовой гробъ,
 Во гробу лежить красна дѣвица.

30.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
 Ты раздолбе мое, широкое!
 Ахъ, ты всемъ, поле, изукрашено:
 Ты травушкой и муравушкой,
 Ты цвѣточками, василечками;
 Ты однимъ полемъ обезчещено,
 Что посреди тебя, поля чистаго,
 Выросталъ тутъ часть ракитовъ кустъ,
 Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
 Какъ сидитъ тутъ младъ свѣз орелъ,
 Въ когтихъ держитъ черна ворона;
 Онъ точитъ кровь на сыру землю.
 Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
 Что лежитъ, убить добрый молодецъ,
 Извѣтъ, извѣнѣтъ, исколотъ весь.
 Что не ласточки, не касаточки
 Крутъ тепла гнѣзда увиваются,
 Увивается тутъ родная матушка;
 Она плачетъ—какъ рѣка льется,
 А родна сестра плачетъ—какъ ручей те-
 четь,
 Молода жена плачетъ—какъ роса падеть,
 Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

31.

Ужъ ты, душечка, добрый молодецъ,
 Удадакъ твой головушка,
 Что умилны твои очи ясны,
 Ты куда, родимый, снаряжаешься?
 Во чужу-ль дальню сторону,
 Во чужудальню, незнакомую?
 Аль во Новгородъ, аль во Ярославъ?
 Во Казань ли городъ, аль въ Астрахань?
 Иль во матушку каменну Москву?
 Ты возьми, возьми меня съ собой,
 Назови меня родной сестрой,
 Иль душечкой молодой женой.
 Ужъ ты, красна дѣвица дѣсна,
 Прилука, зазубушка молодецкая!
 И я радъ бы тебя взяти съ собой,
 Про меня тамъ люди вѣдаютъ,

Да что нѣтъ у меня родной сестры,
 Нѣтъ ни душечки молодой жены,
 Лишь одна у меня матушка,
 Да и та уже старешенька.

32.

Говорилъ то мнѣ милъ сердечный другъ,
 Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
 Съ инымъ гулять не приказывалъ:
 По смиренъ живи любушка,
 Моя бѣлая лебедушка.
 Я наказу не послушалась,
 Съ инымъ дружкой повадилась,
 Повадившись, разбранилась,
 Разбранившись, слезно плакала,
 Во слезахъ слово промолвила:
 Погляди, сердечный другъ,
 У насъ на дворѣ туманъ,
 Что сухой дымъ со частымъ дождемъ,
 Во чистомъ полѣ буйны вѣтры,
 На синемъ морѣ погодунка;
 Есть у молотца зазубушка,
 Зазнобилъ сердце дѣтнушка,
 Зазнобивши онъ, въ путь пошелъ,
 Что во путь, на чужую сторону.

33.

Ахъ, вы горы, горы крутыя!
 Ничего-то вы горы не породили,
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;
 Ужъ вы только породили круты горы
 Бѣлы горючы камень, великъ добръ,
 Что на камушкѣ растеть ли часть кн-
 говъ кустъ,
 Что подъ кусточкомъ лежитъ убить до-
 брый молодецъ,

Разметавъ свои руки бѣлыя,
 Растрепавъ свои кудри черныя,
 Изъ реверъ его поросла трава,
 Ясны очи его пескомъ засыпались.
 Что не ласточка, не касаточка
 Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
 Увивается его матушка родная.
 Ахъ! какъ я тебя, сынь, говоривала:
 Не водись, мой сынь, со бурлаками,
 Что со бурлаками, со ярынами;
 Не ходи, мой сынь, во царевъ кабакъ;
 Ты не пей, мой сынь, зелена вина;
 Потерять тебя, сыну, буйну голову!

34.

Ахъ, ты сердце мое, сердце
 Ретивое, молодецкое!
 Къ чему ноешь, занываешь,

Ничего мнѣ не скажешь,
 Что ни радости, ни печали,
 И ни одной бѣды и напасти?
 Привязалось ко мнѣ горе,
 Къ молодому молодцу,
 Я не знаю какъ и бытьи,
 Своему горю посовети,
 Не могу горя избыти,
 Ни завѣсть и ни запнѣти;
 Я пойду ли лучше въ поля,
 И разсыю мое горе,
 По всему по чистому полю.
 Уроднся мое горе,
 Ты травкою польнѣею;
 Какова трава польнѣе горька,
 Таково-то горе сладко!

35.

Грушица, грушица моя,
 Грушица зеленѣе моя!
 Подѣ грушею свѣтлиця стоитъ,
 Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
 Слезну рѣчь говорить:
 Катнсь мѣсяцъ за мѣсь, не свѣти,
 Вскходи красно солнце, не пеки;
 Стань мой сердечный въ памяти;
 Полно глаза мои жечь,
 Полно изъ глаза слезы точить,
 Полно было-лице мочить!
 Я и такъ много терплю,
 Грусть прѣвѣликую держу,
 Грусть къ злодѣю отошлю;
 Пусть злодѣй спознаетъ самъ,
 Какъ жить на свѣтѣ тяжело,
 Безъ мила друга своего.
 Пойду-ль во зеленый садъ гулять,
 Сорву со грушицы цвѣтокъ,
 Совею на голову вѣнокъ:
 Поду-ль на выстрѣлѣ на Дунай,
 Стану на мелкомъ на берегу,
 Брошу вѣнокъ мой во рѣку,
 Погляжу во ту сторону:
 Тонетъ ли, тонетъ ли вѣнокъ?
 Тужитъ ли, тужитъ ли дружокъ?
 Не тонетъ мой аленькой вѣнокъ.
 Знать-то иная у него,
 Знать-то иную полюбилъ,
 Знать-то получше меня,
 Знать-то поубѣлѣе,
 Знать-то попривѣтливѣе.

36.

У залетнаго яснаго сѣкола
 Подопрѣло къ правому крылошко,

Правое крылошко, правильно перышко.
 У завѣжева добра молодца,
 Что волить его буйная головушка,
 Что щемить его ретиво сердце,
 Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ,
 Ни по братцѣ, ни по родной сестрѣ,
 Ни по душечкѣ, по молодой женѣ;
 А болеть его буйная головушка,
 А щемить его ретиво сердце,
 Что по душечкѣ, красной дѣвицѣ,
 Что по прежней ли полюбовницѣ.
 Во зеленомъ его саду,
 У любовной его лелоньки,
 Отвалился что не лучший сукъ,
 Покатилась сладки яблочки,
 Что по матушкѣ по сырой землѣ.
 Подбирала сладки яблочки,
 Что душа ли, красная дѣвица,
 Его прежняя полюбовниця,
 Уколола правую ноженьку
 Объ сучекъ сладкой яблоньки;
 Что болить, волить ея ноженька,
 Отъ того щемить ретиво сердце
 У дороднаго, добра молодца,
 У младого ея полюбовника.

37.

Ой ты, дума моя, думушка,
 Ужъ ты-ль, дума крѣпкая!
 Не могу я думы крѣпкия
 Ни придумати, ни раздумати,
 Приложить ума разума;
 Какъ вечеръ мой милъ, сердечный другъ,
 Загадалъ ли мнѣ загадочку,
 Хитру, мудру, неотгадливу,
 Неотгадливу, непридумчиву,
 Непридумчиву, ужастную,
 Онъ сказале мнѣ про свою затѣю:
 Застрѣлил моего не любя въ зеленомъ
 саду.

Не тужу я о постыломъ,
 О постыломъ моемъ мужѣ;
 Лишь тужу я о любимыхъ,
 О любимыхъ моихъ дѣтихъ,
 Весь вѣкъ будутъ сиротами,
 Сироты и горемыки.

38.

Ужъ какъ видно, это видно,
 Да кто кого любить,
 Во бесѣдушку приходитъ,
 Противъ друга и садится,
 На дубовой на скамѣчкѣ,
 На кленовой на дощечкѣ,

Тяжелехонько вздыхаетъ,
 Про кручинушку не скажеть.
 И я съ горя, со кручины,
 Со великия печали,
 Я пойду гулять на Волгу,
 Что на приставъ корабельнх.
 Посмотрю млада, младенька,
 Внизъ по матушкѣ по Волгѣ:
 Не плыветь ли легкой кораблнкъ?
 Уже и тамъ ли моя радость гуляетъ,
 Купцомъ проживааетъ,
 Во звонку дудочку играетъ,
 Товарищей забавляетъ.
 Вы не плачете, ребята,
 Не тужите, молодые,
 Не однимъ вамъ больно, тошно;
 А мнѣ молодцу тошноѣ,
 По душъ-ль красной дѣвицѣ,
 По названой ли сестрицѣ.
 Ты, душа-ль, красна дѣвица,
 Ты, названая сестрица!
 Либо выди, либо выгляни,
 Или открой, душа окошко,
 Хоть окошечка немножко.

Со восточной со сторонки
 Поднимались буйны вѣтры,
 Буйны вѣтры со вихорями;
 Прибивало новъ корабль
 Ко калинову мосточку,
 Ко ракитову кусточку.
 Выходила красна дѣвица
 Съ ковцомъ по водичку,
 Съ овананнымъ со ведромъ;
 Размахнула, почерпнула,
 Кудри черны зачерпнула,
 По примѣтамъ узнавала:
 Ой, я со этими кудрями
 На одномъ перу бывала,
 Вино, медъ, пиво пивала,
 Сладкимъ медомъ задала,
 Сладче меду тутъ видала,
 И къ сердечку прижимала.

39

Ахъ, ты, душечка, удалый молодець,
 Ты гораздъ, душа, огонь высѣкать!
 Часты искры сыплются,
 Скоро трутъ загарается,
 Въ ретиво сердце вселяется,
 Сиротою называется.
 Сиротинушку я люблю,
 Сиротникъ губашечку сошью,
 Я дружку ли голубочкѣ золотой.

Сиротинушка, мой свѣтиль дорогой!
 Я не знаю, что мнѣ дѣлать надъ собой?
 Кабы красной дѣвки волюшка своя,
 Я бы вышла за широки ворота,
 Я взяла-бъ за праву руку,
 Повела бы во нову горницу тебя,
 Посадила-бъ на тесовую кровать,
 Я бы стала сиротину цѣловать.

40.

Красна дѣвица, надежа,
 Во саднку гуляла,
 Она въ саднку гуляла,
 Грушницу ломала,
 Она грушницу ломала,
 Другу отсылала,
 Къ милу другу отсылала,
 Словомъ наказала:
 Ты не во время, другъ, ходишь,
 Не въ пору гуляешь;
 Приходи, моя надежа,
 Иною порою,
 Какъ иною-то порою
 Вечерней зарею:
 Когда батюшки нѣтъ дома,
 А матушка въ гостяхъ,
 Милы братья на охотѣ,
 Сестры въ посидѣлкахъ,
 Невѣстухи голубушки
 Пойдутъ по восвѣдямъ.
 Какъ пошелъ моя надежа
 Самъ прочь отъ окошка,
 Запѣваетъ моя радость
 Любимую пѣсню:
 Ахъ, не дай же Боже жити,
 Жити безъ покою,
 Безъ покою-то мнѣ жити,
 Чужимъ жемъ любви!
 Темна ноченька не спится,
 Сердечушко кружится,
 Золота казна сорится,
 По милой тошнится.

41

Возьмь саднку млада хожу,
 Возьмь зедена млада гуляю,
 Соловьевыхъ пѣсень слушаю:
 Хорошо въ саду соловей поетъ,
 Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
 Къ моему горю примѣняючи,
 Къ моему житю ко несчастному.
 Не певяю я, молодешенька,
 Ни на батюшку, ни на матушку,
 Ни на братья, на янова сокола,

Ни на сестрицу, лебедь вваюю;
 Что пенью я, младшенька,
 На долю ли участь горькую,
 На свои ли очи ясны.
 Ахъ! вы очи, очи ясны,
 Вы глядели, да заглядывали,
 Вы смотрели, да засмотрелись;
 Не по мысли вы друга выбрали,
 Не по моему по обычаю.

42.

Ахъ, ты садъ ли, ты мой садочикъ,
 Садъ да зеленой виноградае!
 Ты къ чему садъ рано развѣтаешь,
 Разцвѣвши, садъ засыхаешь?
 Землю листьемъ садъ устилать,
 Не пришло еще поры-времени?
 Я сама тебя, садъ, садила,
 Я сама тебя поливала,
 Животъ, сердце надрывала,
 Я не для кого пнова,
 Для своего ли друга милова.
 Что въ тебѣ ли, да во садочкѣ,
 Соловей пѣсни воспѣваетъ,
 Что и тотъ ли вонъ вылетаетъ,
 А тебя, садикъ, пусть оставяетъ.
 Ахъ, ты, другъ ли мой, дружечикъ,
 Сердце, радость, мой животочикъ!
 Не въ досаду ли тебѣ будетъ,
 Не противно ли твоему сердцу,
 Что я стану тебѣ говорить.
 Ты за чѣмъ ко мнѣ въ гости не ходишь?
 Что не жалуешь, не гуляешь?
 Али батюшка запрещаешь?
 Али матушка не пуцаешь?
 Иль я тебѣ не по мысли?
 Буде хочешь другъ—водися,
 А не хочешь—откажися.
 Я вечеръ, вечеръ молодежка
 Долго вечеръ просидѣла,
 Я до самого до разсвѣта,
 Всю лучинишку припала,
 Всѣхъ подружекъ утомила,
 Все тебя, мой другъ, дожидалась.

43.

Ни въ умъ было, ни въ разумъ;
 Въ помышленъ того не было,
 Чтобъ красной дѣвцѣ за мужъ идти.
 Сосвоила такъ сударь батюшка,
 Похотѣла такъ моя матушка
 Ради ближневъ перекутица;
 И я въ торгъ пошла, повывать зайдя,
 Изъ торгу пойдя, похотѣла зайдя.

Я спрошу у своей дитятки:
 Каково жить въ чужихъ людяхъ?—
 Государыня моя матушка!
 Отдавши въ люди, стала спрашивать:
 Во чужихъ людяхъ жить умючи,
 Держать голову поклонную,
 Ретиво сердце покорное.
 Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ билъ,
 А свекоръ ходя, похваляется:
 Хорошо учить чужихъ дѣтей,
 Нероженьихъ, нехоженыхъ,
 Невпоеныхъ, и нескормленныхъ.

44.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
 И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
 Ахъ, кабы на меня да не кручина,
 Ни о чѣмъ бы я не тужила,
 Не сидѣла бы я подпершия,
 Не глядѣла бы я во чисто поле.
 И я батюшки говорила:
 Не давай меня, батюшка, замужъ,
 Не давай, государь, за неровню;
 Не мѣйся на большое богатство,
 Не гляди на высоки хоромы.
 Не съ хоромами жить—съ челоукомъ,
 Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.
 Я по свѣтлѣ шла, я по новымъ шла,
 Подняла шубку соболонную,
 Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
 Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
 Не услышалъ бы свекоръ батюшко,
 Не сказалъ бы онъ своему сыну,
 Своему сыну, моему мужу.

45.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
 Иль участь моя горькая,
 Иль звѣзда моя злосчастная?
 Высоко звѣзда возходила,
 Выше свѣтлова мѣсяца,
 И затмило красное солнышко.
 Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
 Иль участь моя горькая?
 На роду ли мнѣ написано,
 На дѣлу ли мнѣ досталось,
 Во всю жизнь несчастье видѣти?
 Аль въ людяхъ людей не было?
 Полюбить ли было нѣкого?—
 По несчастьямъ то случилось,
 Что въ мила друга влюбился.
 Онъ казался мнѣ милѣй всего,
 Такъ взяла вѣру божь его;
 А нынѣ ли мой сердечной другъ

Покидает меня, бдуню,
Изменяет мнѣ душа моя.

46.

Какъ на дубчичу два голубчика
Цѣловались, миловались,
Сизыми крыльями обнимались,
Огколь ни влялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушнѣтъ, увиавъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова;
Онъ кровь пустиавъ по сыру дубу,
Онъ кидавъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустиавъ по поднебесью.
Какъ растужетса, разворкуетса,
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикъ мохноноговнѣкомъ.
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь сиза голубушка,
Сиза голубушка по всемъ голубчикъ?
Полечу ли я на синѣ море,
Пригоню ли тебѣ голубей стадо,
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети соколъ на синѣ море,
Не говни ко мнѣ голубей стадо:
Вбав то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятникамъ не родной отецъ.

47.

Тебѣ полно, лапушка, ко мнѣ ходить,
Тебѣ полно, сударушка, меня любить.
Отойди, отстань ты, доброй молодецъ,
Тебѣ полно другъ ко мнѣ ходить!
Отецъ и мать дозналися,
И родъ, племя догадалися,
Какъ ссылаютъ красну дѣвицу
Съ широка двора долой.
Пошелъ прочь сердечной другъ,
Залилася дѣвка горячими слезами.
Не рыбушка въ неводѣ развѣталася,
Красна дѣвица по молодцу стосковалася,
Стосковавши, красна дѣвица слезно плакала:
Прогрѣвила я друга милова;
Я побуду ли ко мнѣ другу съ новинною:
Ты прости, прости душа моя,
Ты прости, прости сердечной другъ!
Не въ досаду тебѣ я сдѣлаю,
Я хотѣла тебѣ извѣдати—
Что любишь ли меня, какъ я тебя?

48.

Не ходи холостъ поздно вечеромъ,
Поздно вечеромъ вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ, вдоль по широкой,

Не маши, холостъ, рукой правую,
Не отсѣчивай золотымъ перстнемъ,
Дорогою ставочкой со яхонтомъ.
Коли я тебѣ полюбилася,
Полюбилася, показалася,
Засмылай ко мнѣ свата сватати,
Свата доброва, алаю родова.
У тебѣ много ума, разума,
У меня много есть приданова,
Пять сотъ рублей въ голѣмъ деньгами,
Пятьдесятъ дворовъ со крестьянкамъ,

49.

Ахъ, ты камень мой, камышекъ,
Самоцветной мой, лазоревой!
Излежался мой дорогой камень,
На крутой горѣ противъ солнышка:
Ни лучья нѣту, ни искорки;
У моего ли друга милова,
Нѣту правды въ ретивомъ сердцѣ;
Говоритъ онъ, все обманываеетъ,
Изъ ума меня выведываеетъ:
Одного ли я его люблю?

50.

Ахъ, рѣченъки, рѣченъки, холодныя во-
дынен!
Вы дѣвушки, сударушки пособиѣ плакати,
Пособиѣ плакати, мила друга кликати.
Что мой милой не вѣдетъ, али кто его
держитъ?
Его прежняя милая за ручку держала,
А другая-то милая въ уста цѣловала,
Его третья-то милая съ двора провожала.
Есть у моего милога три зеленые сада:
Въ первомъ саду кукуличка жаловѣ ку-
куеть,
Въ другомъ саду соловейко громко воспѣ-
ваетъ,
Въ третьемъ саду грушица вельми зеленая.
Подъ грушею зеленою дѣвица сидѣла,
Она плачетъ, возрыдаеетъ, къ землѣ припа-
даеетъ,
Миткаливимъ платочкомъ слезы утираеетъ,
На милога во свѣтъичку частенько взираеетъ:
Еще знать-то у милога дома не здорово,
Что закрыты у милога косяцаты окна,
Занавѣшаны окошки черною тафтою!
Не стало примѣты на косяцатомъ окнѣ:
Хрустального стакана съ алыми цветочекъ,
Серебрена вороночка, съ коришневой водкой;
Изъ того ли вороночка мы съ милымъ пи-
вали,
Лили, али, прохлажалисъ, и съ милымъ
цѣловалисъ.

51.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
 У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
 Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
 Нѣтъ у молодца заботушки,
 Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
 Зазнобилъ меня любезный другъ,
 Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
 Безъ краснова солнца высушилъ,
 Безъ морозу сердце вызнобилъ.
 Я сама дружка повысушу!
 Не зельями, не кореньями;
 Безъ морозу сердце вызноблю,
 Безъ краснова солнца высушу!

Схороню тебя, мой миленькой,
 Въ зеленомъ саду подѣ грушею;
 Я сама сяду, послушаю:
 Не стонеть ли мать сыра земля?
 Не вскрывается-ль гробова доска?
 Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
 Зарости моя могилашка
 Ты травушкой, муравушкой!
 Не достанься, мой любезный другъ,
 Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
 Ни своей змѣѣ полюбовницѣ!
 Ты достанься, мой любезный другъ,
 Сырой землѣ, гробовой доскѣ!

РУССКІЯ

РАЗГУЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ во городѣ было во Суздаляхъ,
 Во Ефимьевой славной слободѣ,
 Во высокомъ теремѣ, состроенномъ,
 Жилъ угрюмой мужъ, жена ласкова,
 Жилъ боярской сынъ, слуги добрыя,
 Жилъ извожчикъ глупъ, кони скорые,
 Всего было много, а вѣтъ нѣчего,
 Всѣхъ въ гости зовутъ, а никто неидеть
 Отъ хозяйскаго нрава грубаго,
 Отъ приема вѣснъ изневаженнаго.
 Ужъ какъ привчалъ гостя зазваной
 За обѣденной столѣ, во великъ день.
 Ужъ не буря тутъ взволновалася,
 А кровь въ козыньтѣ разыгралася,
 Принахлѣвъ, слезы брови сырыя,
 Руки старыя въ кулаки согнулъ,
 Учлѣ зоритъ гостя зазванаго,
 Безъ вины, безъ разума.
 Ужъ вступилася ли жена добрая
 За обиду за гостиную:
 Ужъ ты, мужъ, что-по-что бранишь
 Гостя зазванаго во пиру своемъ?
 Не женѣ учить старова мужа,
 Борчалъ злой старикъ за столомъ;
 Гость-то училъ обиду крайнюю:
 Онъ сѣмъ за-разомъ калачъ большой,
 Калачъ большой, двухъ копейшной.
 Съ той поры, съ крутой бѣды,
 Запустѣлъ теремъ состроенной.

2.

Собирались дѣвки въ Ивановъ домъ,
 Собирались красныя на супрядку,
 Собирались гости съ чужихъ волостей,
 Затирали вина семьей полковша,
 Зазывали гостей всю Ивановщину,
 Всю Никольщину, всю Успенщину:
 Позабыли позвать Ильинскихъ ребятъ.
 Ужъ какъ пришелъ гость да незваной,
 Посадили гостя на загнеточкѣ,
 На загнеточкѣ, противъ яндовочки.
 Стаканъ браги поднесутъ, за вихоу по-
 расутъ;
 Къ яндовѣ подведутъ, за ухо потрясутъ;
 Ко водѣ подведутъ, за бородку трясутъ;
 За бородку трясутъ, по извѣ волокутъ,
 По сѣничкамъ гонятъ вѣвничкомъ.

3.

Молода по сѣнямъ шла, по новынямъ,
 По новынямъ шла, тяжело несла,
 Тяжело несла рѣшето овса,
 Сушила, молола, хлѣбъ пекла,
 Напекла, молола, овсяныхъ сухарей.
 Заставилъ мужъ добру-молоду
 Рыбу Семушку варить, гостей подчивать.
 Молода въ сѣни вошла. туты сѣмъ, сюды
 сѣмъ,
 Будто Сему варила, гостей подчивала.
 Заставилъ мужъ добру-молоду
 Леща рыбу варить, гостей подчивать.

Молода въ сѣни вошла, руками плеча,
Будто леща рыбу варила, гостей подчи-
вала.

Заставилъ мужъ добру-молоду
Строить круглый пирогъ, гостей подчи-
вать.

Молода въ гости пошла, кругомъ обошла:
Будто пирогъ строила, гостей подчивала.
Ужъ вы гости мои, дорогие мои,
Вы покушайте, не чинитесь!
Моя стрепня—рукова стрехня,
Мой доспѣхъ—всѣмъ на смѣхъ.

4.

Ужъ не та ли на меня, молодца, бѣда,
Бѣда нашла, кручинушка злая:
Всѣ-то мои братья поженились, молодцы,
Только я одна холостъ, не женатъ;
Всѣ-то, бѣда, чужія жены
Умны злодюшки, прелестьавы;
Какъ злодюшка чужа жена
Прельстила добра молодца, меня.
Я за колечко брякъ, брякъ, брякъ!
Собакушка тяфъ, тяфъ, тяфъ!
Молодецкое сердечушко юкъ, юкъ, юкъ!
А мужъ жидовникъ присмотрѣлъ,
Окъ съ плетью приспѣлъ, подоспѣлъ.
Мою спинушку набухали,
Большими четырьмя оубухами;
А какъ пятой-то кистень
По бокамъ жонмъ свистѣлъ.

5.

Я жила-была у матушки,
Дроченое дитя.
Не пускала меня, матушка,
На улицу гулять.
Ужъ мнѣ хочется, младешенькѣ,
Въ зелены сады ходить.
Я ведерочки возьму,
Сама по воду пойду,
Сама по воду пойду
На Москву на рѣку,
На Москву на рѣку,
Къ Разгуляю кабаку,
По студеную воду.
Чѣмъ мнѣ по воду идти,
Лучше къ милому зайти.
Мой милый сердце радъ,
Воротнички отворялъ,
Воротнички отворялъ,
За бѣлы руки принималъ,
Во свѣтличку ведеть,
Всѣ веселя даеть.

Я у мила забавлялась
До вечерня заря;
Я ведерки подняла,
На Москву рѣку пошла,
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
Несучи я младешенька, раздумалася:
Какъ домой молодой придти?
Какъ мнѣ матушкинъ сказать?
Не умѣла какъ сказать,
Почулилася солгать:
Скажу гуси прилетали,
Скажу серенькие;
Скажу воду возмущали,
Скажу свѣженькью;
Я стояла на Москвѣ на рѣкѣ,
На крутомъ берегу,
Дожидалася младенка,
Пока устоялася вода.
Мой батюшка родимой не повѣрилъ тому,
Моя матушка родимая принечаламлася.

6.

Ахъ ты, душечка, молодой ямщикъ!
Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабацѣ идешь, самъ спатаешься,
Изъ кабака идешь, самъ валешься,
Возмъ стѣвочки пробираешься,
За береюшку самъ хвататься.
Берея-ль ты моя, берейонка,
Берея-ль ты мой, сосновля!
Не сама въ землю становилася,
Становили тебя добры молодцы,
Добры молодцы, Володимирцы.
Какъ у сирова млада-селезня
Не сами перья заломались;
Заломала ихъ свѣра утица
По единому сизу перушку.
Какъ у доброва малодца
Не сами кудри завивались,
Завивала ему красна дѣвца
По единому черву волосу,
Завивши кудри, сама завивалася.
Кабы знала млада, бѣдѣла,
Вѣкъ сидѣла бы въ дѣвущакѣ.

7.

Скокнугъ я,
Спрыгнугъ я
Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
Встрѣчу мнѣ,
Встрѣчу мнѣ
Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
Они мнѣ дають,
Они мнѣ сулятъ

Яснаго сокола обнашивать.
 Я-жь не умю,
 Я-жь не гораздъ
 Яснаго сокола обнашивать.
 Пущу сокола,
 Пущу сокола,
 Пущу сокола по поднебесью летать.
 Скокнулъ я,
 Спрыгнулъ я
 Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
 Встрѣчу мнѣ,
 Встрѣчу мнѣ
 Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
 Они мнѣ даютъ,
 Они мнѣ сулятъ
 Добра коня объѣзживать.
 Я-жь не умю,
 Я-жь не гораздъ
 Добра коня объѣзживать.
 Пущу я коня,
 Пущу я коня,
 Пущу я коня по чисту полю гулять.
 Скокнулъ я,
 Спрыгнулъ я
 Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
 Встрѣчу мнѣ,
 Встрѣчу мнѣ
 Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
 Они мнѣ даютъ,
 Они мнѣ сулятъ
 Старую старуху трепать; цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою.
 Я-жь не умю,
 Я-жь не гораздъ
 Старую старуху трепать, цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою.
 Скокнулъ я,
 Спрыгнулъ я
 Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
 Встрѣчу мнѣ,
 Встрѣчу мнѣ
 Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
 Они мнѣ даютъ,

Они мнѣ сулятъ
 Красну дѣвицу трепать, цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою.

Я-жь то умю,
 Я-жь то гораздъ
 Красну дѣвицу трепать, цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою

8.

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
 Золотой гребешокъ!
 За чѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь?
 И я встану, младшенька,
 Ранымъ, рано, раненько.
 Я умоюся, младшенька,
 Шуйскимъ мыльцомъ бѣленько,
 Я взойду ли подъ настѣточку,
 Пѣтушка возьму за крылышко,
 За правильное за перышко.
 Я ударю объ настѣточку:

Еще вотъ ты пѣтушокъ,
 За ночной за смѣшокъ!
 За чѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь!

9.

Леталъ голубъ со голубкой,
 Голубъ сизенькой,
 Сизокрыленькой.
 Гдѣ ты голубъ былъ?
 Гдѣ голубчикъ побывалъ?
 Былъ у душечки.—
 Красной дома не засталъ,
 У кровати простоялъ.
 Кровать точеная,
 Позолоченая,
 Широкой браной положекъ
 Тафтою обложекъ,
 Разными шелками разстроченъ.
 Я во горенку взопелъ,
 Я сударушку напелъ:

Что сидитъ красна дѣвица
 За дубовымъ за столомъ,
 Разстилаетъ полотенецъ
 Полушелковое,
 Кроятъ милому рубашку.
 Какъ не стало рукавца,
 Я послала молодца;
 Молодецъ съ рукавцомъ
 Очень долго не бывалъ.
 Рукавъ правинькой
 Молодецъ бравинькой
 Мнѣ не жалъ рукавца,
 Мнѣ жалъ удалова молодца.

10.

Ахъ, ты мальчикъ, кудряччикъ мой,
 Кудреватая головушка твоя!
 Еще кто тебя спородилъ молодца?
 Спородила родна матушка меня,
 Вспонилъ, вскормилъ родной батюшка меня,
 Бѣло вымала Валдайская вода,
 Завила кудри разлапушка моя,
 Разлапушка, красна дѣвица душа,
 Заивала, приговаривала:
 Когда рѣченьки разольются,
 То черны кудри разовьются.
 Я съ того горя въ зеленый садъ пойду,
 Я построю новъ гореньку въ саду,
 Съ тремя красными оконечками:
 Первымъ окномъ на Москву рѣку,
 Вторымъ окномъ къ Государеву дворцу,
 Третьимъ окномъ въ Ямскую слободу,
 Ко славному ко Патрикееву ямщику.
 У славныхъ Петричьихъ ямщика,
 Жила-была дочь хороша,
 Разлапушка свѣтъ, Аннушка.
 Выходила молода,
 За новыя ворота.
 Ахъ, какъ мой-то милъ
 Онамедни черевички купилъ:
 Черевички, невелички,
 Алы бархатныя.
 Ужъ я вышла молода
 За новыя ворота,
 Черевички скрипятъ,
 Молодчики глядятъ,
 Гулять со мной хотять,
 Меня въ гости зовутъ,
 Въ карманъ золото кладутъ.

11.

Ступнуло, грянуло въ лѣсъ,
 Комаръ съ дуба свалился,
 Упалъ онъ на коренищъ,

Зналъ онъ до голу плечище.

Слетались мухи горюхи,
 Славныя грохотухи;
 Стали онъ возглашать,
 О комаръ вспоминать:
 Ахъ, ты нашъ свѣтикъ комаръ,
 Жаль намъ тебя не мало!
 Какъ будешь ты умирати,
 Гдѣ намъ тебя погребати?
 Схороните меня въ полѣ,
 Въ зеленой дугровъ;
 Тамъ-то ребяты бывають,
 Зелено вино распивають,
 Туды, сюды зазирають,
 Про комара воспоминають:
 Тутъ-то лежатъ комарище,
 Удалой паревъ, ребятыще,

12.

Ахъ, Иванушка на печкѣ лежитъ,
 А Ульянушка на печку глядеть;
 Какъ пришла ли ея мать,
 Учала ея ломать,
 Учала ея ломать,
 Лишь кости гремятъ,
 Лишь кости гремятъ,
 И суставы говорятъ.
 Ахъ, Суздальцы, Володимирцы,
 Ни сказать, ни даяти отъ колокольчичажи,
 Съ колокольчичажи, болобольчичажи!
 Ахъ, станемъ говорить, выговаривати,
 Черно на бѣло выворачивати.
 Ахъ! медъ посылъ, медъ сыгченой;
 Ахъ! я была молодка, дѣ молоденька,
 А мужа-тъ мой онуча невоженая.
 Какъ у Карнова двора,
 Да окатана гора;
 Какъ не Карпъ ея каталь,
 И не Карпова жена;
 Укатали бояре семи городовъ,
 Поставили избушку семи локотковъ,
 А одна-то доска поперещицлася,
 Поперещицлася, потрескацлася,
 Я ударю во косокъ,
 Про между пяти достокъ,
 Какъ повесся голосокъ,
 Изъ избушки во лѣсокъ,
 Какъ отдакъ голосокъ
 Въ самой тотъ же во часокъ,
 Что Ульяна отъ побою переставилася,
 А и нѣкому по ней повопить, покричать,
 Повопить, покричать, попочалиться.
 Государь Матвей,

Покричи звончей;
А и вотъ тебѣ полтина,
Женѣ твоей холстина,
Ужъ сыну коня,
Заломи голова,
А дочери коза лубяные глаза.

13.

По подѣ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубь, леталъ сизой,
Отлетаетъ, самъ воркуетъ:
Полети голубь, полети сизой,
На мою на родную сторонушку,
Отнеси голубчикъ батюшкѣ ввосточку:
Вчера меня, младу, лада билъ,
Онъ бьетъ дурака, причитываетъ:
Покинь жена волю, волю батюшкину. —
Хотя я згину, воли не покину.

По подѣ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубь, леталъ сизой,
Онъ летаетъ, самъ воркуетъ:
Полети голубь, полети сизой,
На мою родную сторонушку,
Отнеси голубь, отнеси сизой,
Ко матушкѣ ввосточку;
Вечеръ меня, младу, лада билъ,
Онъ бьетъ дурака, причитываетъ:
Покинь жена волю, волю матушкину.
Хотя я згину, воли не покину.

14.

Чарочки по столику похаживаютъ,
Ядова походя, говорить,
Старымъ бабамъ полено сулить.
Въ старыхъ бабахъ корысти-то нѣтъ,
Только ихъ и дѣло на печи сидѣть.
Чарочки по столику похаживаютъ,
Ядова походя, говорить,
Молодымъ молодымъ платку сулить.
Та ли платка о семи хвостакъ:
Первой разъ ударить, такъ семь рубцовъ,
Другой разъ ударить, такъ четырнадцать,
Третий разъ ударить, такъ двадцать одинъ.

Чарочки по столику похаживаютъ,
Ядова походя, говорить,
Краснымъ дѣвушкамъ лозу сулить;
Та ли лоза въ лѣсу выросла.
Хотя выросла, да не вывезена,
Мнѣ, красной дѣвущкѣ, виной не быть.

15.

Вотъ какъ мужъ жену любилъ,
Щепетный водила,
По морозу лагачомъ,
По крапивѣ босикомъ.

Какъ жена-то мужа любила,
Щепетный того водила,
Щепетный того водила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Пятьдесятъ рублей дала.
Такъ вотъ же тебѣ, муженекъ,
Въковѣчной уголокъ;
Не толки, не мели,
Только руку протяни,
Только руку протяни,
Да . . . вспомни,
Ты . . . вспомни,
И готовое прими.

16.

У колодезя, у студенова купался боберъ,
Купался боберъ, купался черной,
Покупавшись боберъ, на гору пошелъ,
Овсушается, обтрехается.
Охотнички ѣдятъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра убить, облупить,
Да шубку шить, бобромъ опушить,
Пастуховой жена подарити.
Пастухова женѣ неурядливая,
Шубку наденетъ, животину поронитъ,
А дома-то шубку скинетъ,
Потопчетъ, да подѣ лавку кинетъ.

У колодезя, у студенова купался боберъ,
Купался боберъ, купался черной,
Покупавшись боберъ, на гору пошелъ,
Овсушается, обтрехается.
Охотнички ѣдятъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра убить, хотятъ облупить,
Да шубку шить, бобромъ опушить,
Красной дѣвицѣ подарити.

17.

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куда ползешь?
Куда ежешься? —
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ? —
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ? —
Попутать, подранить,
Позабавиться, попросить.
Что принесть? —
Сто рублей!

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ежа за сто рублей не берутъ.

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куда ползешь?
Куда ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?—
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Попутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесешь?—
Триста рублей!

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ежа за триста рублей не берутъ.

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куда ползешь?
Куда ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?—
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Попутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесешь?—
Пять сотъ рублей!

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;

А нынѣ ежа за пять сотъ не берутъ.

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куда ползешь?
Куда ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Попутить, подрянить,
Позабавиться, попросить,
Что принесешь?
Тысячу рублей!

Взяли ежа во высокъ теремъ,
Положили ежа на тесову кровать,
Стали ежа цѣловать, мнать,
И душею называть, и къ сердцу прижимать,
Оглаживати, охорашивати,
Ужимать, укрывать,
Прихватывать.

18.

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ,
На людей люди улаживаютъ,
На свекровь споноравливаютъ;
У меня молодой свекровушка лиха,
Что лиха, лиха, немасковая,
Кривошлыка неприветливая,
Посылаетъ и туда и сюда,
Какъ на все ли на четыре стороны,
Въ темной погребе во зелено вино:
Въ погребу водка анисовая,
Тесова кровать, расписаная,
На кровати перинушка лежить,
На перинушки дитинушка сидеть.
Въ погребу млада замѣшалась,
Холостому стаканъ поднесла,
Неженатому зеленого вина.
Холостой стаканъ меду приниматьъ,
Ко стакану ежу ежу, прижимать;
И онъ при людяхъ сестрою называетъ,
Безъ людей то своего дунечкою.
Ахъ, ты, дунечка, молодущка моя,
Показалась покодочка твоя!
Какъ пройдешь—утѣшишь ты меня,
А промолвишь—радость моя.
Я еду ли, молада, по широкому двору,
Иду, еду, да пошатываюсь;
А моя то кривошлыкая свекровь

По новымъ снѣжмъ похаживаетъ,
Коблукомъ снѣи проламываетъ,
Своимъ сыномъ мнѣ угроживаетъ.
Еще, дай Боже, до вечера дожить,
Своего сына дожидаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую певѣстущку.
Я велю сынку во Новгородъ сходить,
Я велю ли шелковую пѣть купить,
Съ головы кожу до ногъ спустить.
Ахъ, ты, мать моя, матушка,
Ахъ, мать, государыня моя!
Не устать-то мнѣ во Новгородъ сходить,
Вѣдь невторова шелковую пѣть купить,
Не вѣда, вѣдь, мнѣ жену свою учить,
Съ головы кожу до пѣть спустить,
Да, вѣдь, съ ней-то мнѣ вѣкъ будетъ из-
жить.

19.

Ахъ! Пашенька, Прасковьяшка,
Счастливая Параня, таланливая!
Она разворить квашонку на доньшкѣ,
Что на доньшкѣ, во ведернышкѣ,
По угорамъ-то мука, среди квашни вода;
Три недѣли квашня кисла, не выкисла,
На четвертую педѣлю замолаживалась,
Ахъ! на пятую недѣлю стала хлѣбушки
валать;
Она по полу валила, по подлавицѣ катала,
На печи пекла, кочергой згребла,
Кочергой згребла, кулаки прижала;
Она склала въ коробокъ, поухала въ го-
родокъ,
Приехала въ городокъ и расклала на полокъ.
Ахъ, никто хлѣбы не купить, никто не
торгуешь!
А Казанскіе купцы пересмѣшливые;
Они хлѣбомъ не купили, только цѣну-то
набили;
Она склала въ коробокъ, поухала во домокъ.
Ахъ, на встрѣчу Паранѣ еще тотъ да иной,
Ахъ, тотъ да иной, дворянинъ молодой.
Что Паранюшка везешь? что Прасковья
продаетъ?
Я не камень везу, ни кирпичи продаю,
Ужъ я хлѣбы везу, мягки, вѣлинькіе,
Мягки, вѣлинькіе, востроксиленькіе.
Приехала въ домокъ, склала хлѣбы въ уго-
докъ;
У нихъ свѣдая свинья-то догадливая была:
Она хлѣбъ-то не вѣла, только корочки
измяла,

Только корочки измяла, три недѣли про-
лежала,
На четвертой на недѣли свою душу отдала.
20.

Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была?
Я была, сударь, была у попа въ гостяхъ.
Ахъ, что жена пила, что волярыня пила?
Я пила, сударь, пила много пива и вина,
За твое, сударь, здоровье покалъ меду вы-
пила.
Ахъ, спасибо те жена, не забыла ты меня.
Ахъ, какъ тебя забыть, не могу тебя из-
быть!
Сударь, ты вѣдь у меня, какъ бѣльмо на
глазу,
Какъ бы вѣра-то была, продала бы я тебя.
Я купила бы молодичка молоденькова,
Что молоденькова и хорошенькова.

21.

Во Архангельскомъ во градѣ
Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ,
Еще аленьки цвѣточки,
Еще дѣвушки, дружочки.
Ахъ! у насъ было на свозѣ,
На Буяновой горѣ,
Во Прешлой слободѣ,
У столба да у версты,
Какъ стоялъ тутъ дворокъ,
Невысокой теремокъ,
Ахъ во томъ ли терему
Красны дѣвушки сидятъ:
Дуня да и Маша Александровны,
Что охочи за окошечко поглядывати,
Холостныхъ ребятъ приманивати.
Случилось молодцу въ вечеру поздно нати,
Что на тѣ поры окошко отворяется,
Ахъ, Дуняша-то въ окошкѣ усмѣхается.
Случилось молодой за водой идти одной,
Подъ Буяновой горой,
Стоитъ парень молодой,
Идетъ Дуня съ колодца,
Увидѣла молодца,
Не дошедъ Дуня къ Ванюшѣ, поклоняется.
Рѣчи Ваня говоритъ,
Постоять Дуня велитъ.
Ахъ, не въ гусельцы играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ,
Говорятъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ:
Про насъ люди говорятъ,
Разлучить съ тобой хотятъ.
Еще гдѣ тому вѣвать,

Что намъ порозну живать;
Еще гдѣ же тому статься,
Чтобы намъ съ тобою разстаться.
На погнѣбь въ тому,
Кто завидуетъ кому!

22.

Заваруй, варуй, варуйко,
Сила маленькой дѣтинка!
Проложилъ Сила дорогу,
Мимо вала землянова,
Мимо саду зеленова,
Архирейскова, большова,
Во Чудинскую слободку,
Ко Чуриллову подворью,
Ко Варварину здорью.
А Варвара залежала,
Платомъ голову связала.
Привъжали, навѣщали,
Трои сани съ козырми
Привозили, приносили,
Трои дороги подарки.
Ахъ, какъ первые подарки—
Шестьдесятъ аршинъ китайки;
А другіе-то подарки,
Пятьдесятъ аршинъ грѣзету—
Голубова, дорогова;
Ахъ, какъ третьи-то подарки,—
Золотой водки два штофа.
Ты вставай душа Варвара,
Отправляйся мое сердце,
Ко второму часу ночи.
Не звезда съ неба упала,
Варваръ вѣстка перервала,
Заварушки не стало:
На вою Силу убили,
Со раскату застрѣляли,
Молодцово платье спяли.
Тутъ Варварушка вставала,
Пятьдесятъ рублей хватала,
Силѣ платье выкупала.
Я те, Сил', говорила:
Не водись, Сила, съ ребятами,
Съ двумя двушнѣными ребятами,
Не теверещице воры,
По ночамъ часто ходили,
Они окны выбивали,
Красныхъ дѣвок доставали,
Доставали, дѣловали.

23.

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гуджи и волюнки поващиваютъ,
Промежду собой весело разговариваютъ:

Да гдѣ же веселымъ будетъ спать, поче-
вать?—

Мы ночуемъ у старой бабѣ во келейкѣ.
У старой бабѣ во келейкѣ бесѣдушка была,
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денегъ полтинна, у кого двѣ, три,
У меня ли, у старой бабы, четыреста руб-
леѣ,
Въ подпольѣ на полкѣ, въ кубышкѣ ле-
жатъ.

Веселые-то ребята злы, догадливы:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ,
И кубышечку стянулъ.

Пойдемтетко ребята

Подъ ракивовъ частой кустъ,
Станемъ денешки дѣлать,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи баба подоль,
Ты копи денегъ поболь,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдѣмъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмѣмъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ.

24.

Ахъ, какъ по лугу, лугу, по зеленому
лугу,

Какъ шли, прошли двѣ родны сестры,
Что большая та меньшую уговаривала;
Не сиди, моя сестрица, ты одна въ терему,
Не отерывай, моя голубушка, окошечка,
Неравно къ тебѣ, сестрица, соколъ залетитъ,
Что соколъ заметитъ, молодецъ забѣжитъ;
Онъ ставѣтъ-те, сестрица, изъ ума выво-
днить,

Изъ ума вонъ выводить, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати;

Не мечись моя голубка на его ты слова,
Вѣдь его-то слова все обманчивыя;
А его-то красота великая сухота.

Еще погода маленько къ ней молодецъ
пришелъ,

Онъ сталъ красну дѣвицу изъ ума вонъ вы-
водить,

Изъ ума вонъ выводить, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати:

Мы пойдемъ, пойдемъ дѣвица во зеленой
садъ гулять,

Заламаемъ, заламаемъ мы зеленъ вино-
градъ.

Ахъ! ялочко я съѣла, позадумалася,
Винограду я повѣла, тутъ разсудокъ поте-
рѣла.

Еще погода маленько, больша сестра идетъ,
Что больша сестра идетъ, съ себя волосы
деретъ.

Ахъ, по роду, сестрица, ты родная мнѣ была,
По теперешней досадѣ супостатка ты моя,
Отцу, матери, сестра, ты безчестье прине-
сла.

25.

Какъ у нашего сосѣда
Весела была весѣла,
Да всѣ гости полюбовны,
Молодыя молодицы,
Души брасныя дѣвицы.
Ахъ! всѣ дѣвушки смирненьки,
Одна дѣвушка рѣзвенька,
Пошла съ молодцомъ плясать.
Занграла, зашутила,
Парню на ногу ступила;
Стала ноженька болѣти,
Стала дѣвица тужити,
Часто по воду ходити,
На окошечко смотрѣти,
Тяжелехонько вздыхати.
Не вздыхай, моя надежа,
И я самъ-то про то знаю,
Съ молодицей поводитъся,
Нагу, босу находитья,
А съ дѣвицей поводитъся,
Въ цвѣтномъ платьѣ находитья.
Износилъ я отъ дѣвицы
Черномуръ кафтанъ съ бобрами,
Кутнакъ алый съ полосами,
~~Пестрядицею, вѣзеньки.~~
Съ кумачемъ и съ выстрочками.

26.

Протекло синее море,
Слетались птицы стадами,
Саделися птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу, синицу:
Гой еси малая птица,
Малая птица, синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія,
Кто у насъ на морѣ меньшия?—
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица, синица:

Глупые вы, мелки платки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшия.
Орелъ на морѣ воевода,
Перепелъ на морѣ подблѣчій,
Пѣтухъ на морѣ цѣловальникъ,
Журавль на морѣ годоливецъ:
Тото долги ноги,
Тото армяжное платье!
По овсяному зернышку ступаетъ.
Чижь на морѣ живописецъ,
Клестъ на морѣ портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ воеводша:
Тото высокія брови!
Тото веселые взгляды!
Тото хорошая походка!
Тото желтые сапожки!
Съ ношки на пошку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утятя на морѣ дворяне,
Чирята на морѣ крестьяне,
Воробьи на морѣ холодня, —
Бездъ воробейко срываетъ,
Бить воробейко не бываетъ;
Лебеди на морѣ князи,
Лебедушки на морѣ княгини;
Желна у насъ на морѣ трубачъ;
Воронъ на морѣ игумень —
Живетъ онъ всегда позадь гуменъ,
Грачики на морѣ старцы,
Галочки старочки, чернички,
Ласточки молодички,
Касаточки красныя дѣвушки;
Красная рожа ворона,
Лѣтомъ ворона по застрѣжамъ;
Рыболовъ на морѣ харчевникъ;
Дятель на морѣ плотникъ;
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хочетъ намъ храмъ соорудитъ;
Сокола у насъ на морѣ наездникъ,
На всякую птицу налетаетъ,
Грудью ее побиваетъ;
Куликъ на морѣ разсыльщикъ,
Кокушка та вздорная кликушка,
Блиинница на морѣ цапля,
Чечетъ гостя торговой,
Сорока-то у насъ щеголиха,
Бездъ калача не садится,
Бездъ милова спатъ не ложится,
Бездъ сладкаго меду не встаетъ,

Пѣшая къ обѣднѣ не ходитъ,
 Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
 Все бы она во нарядахъ,
 Все бы кони ей вороные,
 Все бы ей кольца золотые,
 Все бы ей ребята молодые,
 Все бы молодые, холостые.
 Бѣдная малая птичка,
 Малая птичка, синичка,
 Съна косить не умѣетъ,
 Стадо ей водить не по силѣ,
 Съ голоду я птичка померлаю.

27.

У Спаса къ обѣднѣ звонятъ,
 У прихода часы говорятъ,
 По монастырямъ благоговѣять.
 Теща къ обѣднѣ спѣшитъ,
 На мутовкѣ рубашку сушитъ
 На поваренкѣ кокошнички.
 А и теща къ обѣднѣ пошла—
 Что вдетъ помалешеньку,
 Ступаетъ потихошеньку,
 Съ ноги на ногу поступаетъ,
 На башмачки посматриваетъ,
 Чеботы наколачиваетъ.
 А всѣ церкви теща прошла,
 А зашедъ-то Николай челомъ,
 А Николай Мясницкому;
 Всѣ люди теща прошла,
 А зашелъ-то она зятю челомъ,
 Да Денису Борисовичу.
 А и зять на нее не глядитъ,
 Господинъ слово не говоритъ.
 А и вижу я, вижу сама,
 А что есть на немъ бѣшеная!
 Бить зятю дочь мою,
 Прогнѣвить сердце матерно,
 И пролить ему горячу кровь.
 А и чѣмъ будетъ зять дарить,
 Чѣмъ господина дарить?
 Есть-то у меня, у вдовы,
 Есть-то у меня, у молодой,
 Будетъ съ него живота!
 Поѣду млада въ торгъ,
 Куплю млада камки,
 Сошью ли я зятю кафтанъ,
 Сошью дочери сарафанъ,
 Чтобы зять дочь не билъ,
 Не гнѣвилъ сердце матерно,
 Не проливалъ бы горячу кровь.
 У Спаса къ обѣднѣ звонятъ,
 У прихода часы говорятъ,

По монастырямъ благоговѣять.
 Теща къ обѣднѣ спѣшитъ,
 На мутовкѣ рубашку сушитъ,
 На поваренкѣ кокошнички.
 А и теща къ обѣднѣ пошла—
 А вдетъ помалешеньку,
 Ступаетъ потихошеньку,
 Съ ноги на ногу поступаетъ,
 На башмачки посматриваетъ,
 Чеботы наколачиваетъ.
 А всѣ церкви теща прошла,
 А зашедъ-то Николай челомъ,
 А Николай Мясницкому;
 Всѣ люди теща прошла,
 А зашедъ-то она зятю челомъ
 Да Денису Борисовичу.
 А и зять на нее не глядитъ,
 Господинъ слово не говоритъ.
 А и вижу я, вижу сама,
 А что есть на немъ бѣшеная!
 Бить зятю дочь мою,
 Прогнѣвить сердце матерно,
 Пролить ему горячу кровь.
 А и чѣмъ будетъ зять дарить,
 Чѣмъ господина дарить?
 Есть-то у меня, у вдовы,
 Есть-то у меня, у молодой,
 Будетъ съ него живота!
 А три палаты, три камены,
 А и маковицы серебряны,
 Крыши позолочены;
 Промежу тѣмъ палатами
 Протекла быстрая рѣка,
 А на той на быстрой рѣкѣ
 Много гусей, лебедей,
 Много сврыхъ малыхъ уточекъ;
 А и тѣмъ-то буду зять дарить,
 Мнѣ-то тѣмъ господина дарить,
 А Дениса Борисовича!
 А и зять на нее поглядѣлъ,
 Господинъ слово выговорилъ:
 Теща ты, теща моя,
 Богоданная матушка!
 Ты поди-ко живи у меня,
 А работы не робѣй на меня;
 Только ты баню топилъ,
 Только ты воду носи,
 Еще мнѣ робенга качай!

28.

Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть!
 А и горе горе, гореваньеце!
 Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть!

Нагому ходить—не стыднѣсь,
 А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
 Появилась гривна—передъ злыми дни.
 Не бывать плашкау кудрявому,
 Не бывать гуляки богатому,
 Не отростить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго,
 Не утѣшить дитя безъ матери,
 Не скроить атласа безъ мастера.
 Ай горе, горе, гореваньще!
 А и лыкомъ горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны!
 А я отъ горя въ темны лѣса—
 А горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
 А я отъ горя въ почестной пирь—
 А горе зашелъ, впереди сидить;
 А я отъ горя на царевъ кабакъ—
 А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
 Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

29.

У дороднаго, добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 На печи было въ волю полежано;
 Дослужился я доброй молодець до край печи

И увидѣлъ корыто предолгое,
 Что опросилъ я у товарищевъ:
 Не та ли то Волга, широка и долга,
 Широка и долга, крутобережна?
 Какъ увидѣлъ въ ставчикѣ ложечки:
 Не тѣ ли-то веслы, чѣмъ на Волгѣ гребуть?
 У дороднаго, добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 Съ кнутомъ за свиньями похожено,
 Много цвѣтнаго платья повошено,
 По подъ оконью онучь было попрошено,
 И сахарнаго куса поядено,
 У ребять корокъ отымано;
 На добрыхъ коняхъ повъзжено,
 На чужія дровни присѣдаючи,
 Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
 У дороднаго, добра молодца
 Много было на службѣ послужено,
 На поварняхъ было посижено,
 Кусковъ и оглодокъ попрошено,
 Потихоньку, безъ просу, потаскано,
 Голикками глаза выбиты,
 Ожегомъ плеча поранены.

РУССКІЯ

УДАЛЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ахъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
 Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
 На горѣ стоишь, на всей красотѣ
 Промежъ двухъ рѣкъ, промежъ выстринихъ,
 Промежъ Волги рѣки, промежъ Котрасли.
 Съ лѣвовой бѣлы съ сторонки,
 Протекла тутъ Волга матушка,
 Съ нагорной-де со сторонушки
 Провѣгала тутъ, рѣка Котрасля;
 Что сверху-то было Волги матушки,
 Что плыветъ, гребетъ легка лодочка:
 Хорошо-то была лодка изукрашена,
 У ней носъ, корма раззолочены,
 Что расшита легка лодочка
 На двенадцатеры веселочки;
 На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
 На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
 По крайнѣ лодки добры молодцы,
 По средѣ лодки красна дѣвица,
 Есаулова родная сестрица,
 Атаманова полкововница;

Она плачетъ, какъ рѣка льется,
 Въ возрыданѣ слово молила:
 Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся,
 Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
 На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
 Распаялся мой золотъ перстень,
 Выкатился дорогой камень,
 Расплеталася моя коса руса,
 Выплеталася лента алая,
 Лента улая, Ярославская;
 Атаману быть пойману,
 Есаулу быть повѣшену,
 Добрымъ молодцамъ годовы срубятъ,
 Красной дѣвицѣ въ темницѣ быть.

2.

Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
 Отъ дворца, дворца Государева,
 Что до самой ли Красной площади,
 Пролегла тутъ широкая дорожка,
 Что по той ли, по широкой дороженькѣ,
 Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,

Добра молодца, большаго боярина,
 Что большаго боярина, атамана стрѣлцаго,
 За измѣну против Царскаго Величества.
 Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
 Что быстро на всѣхъ людей—озирается,
 Что и тутъ Царю не покоряется.
 Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
 Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
 А за нимъ идетъ отецъ и мать,
 Отецъ и мать, молода жена;
 Они плачутъ, что рѣка льется,
 Возрыдають, какъ ручьи шумять,
 Въ возрыданьи выговаривають:
 Ты, дитя ли наше милое,
 Покорися ты самому Царю,
 Принеси свою повинную;
 Авось тебя Государь Царь пожалуетъ,
 Оставитъ буйну голову на могучихъ плеч-
 чакъ.

Каменъетъ сердце молодецкое;
 Онъ противится Царю, упрямствуеъ,
 Отца, матери не слушаетъ,
 Надъ молодой женой не сжалится,
 О дѣтяхъ своихъ не волнуеъ.
 Привели его на красную площадьъ,
 Отрубилъ буйну голову,
 Что по самы могучи плечи.

3.

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой
 дубравой

Сама протекла matka быстрая рѣка,
 Урываючи круты, красны бережки,
 Осыпаячи желты пески, сыпучи,
 На томъ, на крутомъ, на красномъ бережкѣ,
 Само выросло свято дерево кипарисно,
 На томъ, на святомъ деревѣ кипарисномъ
 Молодой соловей тепло гвѣздо свиваетъ,
 Малыхъ дѣтушекъ выводитъ;
 Онъ жалобно свищетъ, хорошо воспѣваетъ,
 Вспоминаючи красное, теплое лѣто.
 Нѣгдъ мнѣ, соловьюшке, тепла гвѣзда свити?
 Нѣгдъ мнѣ малыхъ дѣтокъ вывести?
 Какъ тутъ растужено, какъ расшачется,
 Удалый добрый молодецъ,
 Сидючи онъ во темной темницѣ,
 Вспоминаючи свою родимую сторонушку:
 Ужъ нѣгдъ мнѣ на своей сторонѣ побы-
 вать?

Съ отцомъ съ матерью не видѣться,
 Съ родомъ, съ племенемъ не свыкаться,
 Молодой женой не любоваться,
 Малыхъ дѣтушекъ не вспоить;

Т. I. Ч. III.

Знать-то мнѣ, добу молодцу,
 Во темницѣ головушку свою положить.

4.

Еще что же вы, братцы призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились?
 Что повѣсили свои буйны головы,
 Что потупили очи ясны во сыру землю?
 Еще ходимъ мы, братцы, не первой годъ,
 И мы пьемъ, ядѣмъ на Волгѣ все готовое,
 Цѣтно платѣ носимъ припасеное;
 Еще ли лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
 Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
 Высылаеъ изъ Казани часты высылки,
 Высылаеъ все высылки стрѣлцкия,
 Они ловятъ насъ, хватають добрыхъ мо-
 лодцовъ,
 Называютъ насъ ворами, разбойниками.
 И мы братцы, вѣдъ, ни воры, ни разбой-
 ники,

Мы люди добрые, ребята все поволжские;
 Еще ходимъ мы по Волгѣ не первой годъ,
 Воровства, гравительства довольно есть.

5.

Голова-ль ты моя, головушка,
 Голова ты моя, послушливая!
 Послужила ты, моя головушка,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года,
 Съ добра коня не стѣваючи,
 Изъ стремятъ ногъ не вынимаючи;

А не выслужила ты головушка
 Ни корысти себѣ, ни радости,
 Какъ ни слова себѣ добраго,
 И ни славы высокой;
 Только выслужила головушка
 Два столбика высокие,
 Перекладнику клевоюю,
 Еще петельку шелковую.
 По Мясницкой славной улицѣ,
 За Мясницкими за воротами
 Ведуть князя боярина;
 Предъ нимъ идутъ поны, дѣтконоы,
 Во рукахъ несутъ волебу книгу;
 А за нимъ идетъ стрѣльцовъ рота,
 На голо несутъ бердыши острые;
 А по правую по сторонушку
 Идетъ его грозенъ палачъ,
 Во рукахъ несетъ топоръ широкій;
 А по лѣвую сторонушку
 Тутъ идетъ его родна сестра;
 Она плачетъ, что рѣка льется,
 Возрыдаеъ, что ручьи текутъ;
 Унимаеъ ее родимый братъ:

31

Ты не плачь, не плачь родна сестра,
 Не слези свои очи левныя,
 Не руди своего лица благаго,
 Не надсажай своего сердца ретиваго.
 Какъ чего-жъ тебѣ хочется?
 Иль помѣстій моихъ, иль вотчинны?
 Иль имѣннй тебѣ богатаго?
 Иль злата, иль серебра?
 Иль моего тебѣ здоровьца?
 Ахъ, ты, свѣтъ мой, любезный братъ!
 Ничего-то мнѣ не хочется:
 Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
 Ни имѣній твоихъ богатыхъ,
 Ни злата, ни серебра,
 Ужъ какъ только мнѣ, братецъ, хочется
 Твоего, сударь, здоровьца.
 На что возговорить родимый братъ:
 И ты, свѣтъ моя родна сестра!
 Тебѣ плакать, не выплакать,
 Молить Бога, не вымолить,
 У Царя просить, не выпросить.
 И такъ меня Богъ помилуесть,
 Государь Царь пожалуесть,
 Велишь срубить вуйну голову
 По мои плечи могучія.
 Какъ взвели князя на срубъ высокъ,
 На его мѣсто показанно,
 Онъ молился Спасу чудному образу,
 Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
 Вы простите меня миръ и народъ Божій,
 Помолитесь за мои грѣхи,
 За мои-ль грѣхи тяжкіе.
 Не успѣлъ лишь народъ взорити,
 Какъ отскани вуйну голову,
 По его плечи могучія.

6.

У меня ли, молодца, змѣя жаба,
 Змѣя жаба, лада околосойка,
 Моя-то змѣя изъ норы ползеть, озирается,
 По песку ползеть, извивается,
 По травѣ ли ползеть, всю траву сушить;
 Иссушила моя лада травушку,
 Да что травушку, муравушку.
 Ты, душа-ль, душа, красна дѣвица,
 Иссушила ты добра молодца,
 Какъ вылиночку во чистомъ полѣ,
 Довела ты его до погибели,
 Что до той ли темной темницы.
 Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
 Что изъ того ли приказа Государева,
 Что вели казнить добраго молодца,
 Что казнить его, повѣситъ;

Его вѣлы руки и ноги скованы,
 По праву руку падеть страшень палачъ,
 По лѣвую идетъ его мать родная,
 Позади идетъ красна дѣвица,
 Его милая полюбовница,
 Что зазноба его ретива сердца,
 Погубительница живота его.

7.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темныя!
 Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
 Ахъ, станы ли вы, становочки, станы теп-
 лыя!
 Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повижжены,
 Еще всѣ наши становочки поразорены,
 Еще всѣ наши товарищи переиманы.
 Какъ и первой-то товарищъ въ градъ Кие-
 въ,
 А второй-то нашъ товарищъ въ камешной
 Москвѣ,
 Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ
 Питерѣ,
 Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ
 лѣсахъ;
 Закружилася моя головушка, закружилася!
 Какъ увидѣлъ я, добрый молодецъ, пере-
 вошниковъ:
 Перевезите меня, братцы, вы на ту сто-
 рону,
 За перевозъ-то я награжу золотымъ коль-
 цомъ.
 Перѣхалъ я, доброй молодецъ, на ту сто-
 рону,
 На ту сторону, на далекую, самъ кончатъ-
 ся сталь.
 Вы положите меня, братцы, между трехъ
 дорогъ:
 Между Киевской, Московской, славной Му-
 ромской;
 Въ ногахъ-то поставьте мнѣ моего коня,
 Въ головушки поставьте животворящій
 крестъ,
 Въ руку правую дайте саблю острую.
 И поидеть-ли, иль повѣдетъ кто — остано-
 вится,
 Моему кресту животворному онъ помолитъ-
 ся,
 Моего коня, моего ворона — испугается,
 Моего-то меча — меча остраго — устращается
 онъ.
 Что не тотъ ли тутъ похорошесть воръ роз-
 бойникъ,

СЫНЪ РАЗБОЙНИКА, СЫНЪ УДАЛОГО СТЕПЬКИ
РАЗНА.

8.

КАКЪ ДОСЕЛЪ, БРАТЦЫ, ЧЕРЕЗЪ ТЕМНЫЙ
ЛЪСЬ
НЕ ПРОПАРХИВАЛЪ ТУТЪ, БРАТЦЫ, МЛАДЪ БЪ-
ЛЫЙ КРЕЧЕГЪ,
НЕ ПРОЛЕТЫВАЛЪ ТУТЪ, БРАТЦЫ, НИ СИЗОЙ
ОРЕНЬ;
А КАКЪ НЫНЧЕ У НАСЪ, БРАТЦЫ, ЧЕРЕЗЪ
ТЕМНЫЙ ЛЪСЬ
ПРОЛЕГЛА, ЛЕЖИТЬ ДОРОЖЕВКА ШИРОКАЯ!
ЧТО ПО ТОЙ ЛИ, ПО ШИРОКОЙ ПО ДОРОЖЕВКЪ
ПРОЪЖАЛЪ ЛИ МЛАДЪ УДАЛЪ, ДОБРЫЙ МОЛО-

ДЕЦЪ.

НА ЗАРЬ-ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА УТРЕННЕЙ,
НА ВОСХОДЪ БЫЛО, БРАТЦЫ, СВѢТЛА СОЛНЫШ-
КА,
НА ЗАКАТЪ БЫЛО, БРАТЦЫ, СВѢТЛА МЪСЯЦА,
КАКЪ УБИТЬ, ЛЕЖИТЬ УДАЛЪ ДОБРЫЙ МОЛО-

ДЕЦЪ;

ЧТО ГОЛОВУШКА У МОЛОДЦА ПРОЛОМАНА,
РЕТВО СЕРДЦЕ У МОЛОДЦА ПРОСТРЕЛЕНО,
ЧТО ПОСТЕЛНОШКА ПОДЪ МОЛОДЦЕМЪ КАМЫШЪ
ТРАВА,
ИЗОГОВОЛЕЦО ПОДЪ ДОБРЫМЪ ЧАСТЬ РАКИ-

ТОВЪ КУСТЪ,

ОДТЯЛИЧКО НА МОЛОДЦЪ НОЧЬКА ТЕМНАЯ,
НОЧЬКА ТЕМНАЯ, ОСЕННЯЯ, ХОЛОДНАЯ.
ПРИЛЕТАЛИ КЪ ДОБРОМУ МОЛОДЦУ ТРИ ЛА-
СТОЧКИ:

УЖЪ КАКЪ ПЕРВАЯ-ТО ПТАШКА РОДНАЯ МА-
ТУШКА,

А ДРУГАЯ ТО ПТАШЕЧКА МИЛА СЕСТРА,
А КАКЪ ТРЕТЬЯ-ТО ПТАШЕЧКА МЛАДА ЖЕНА;
ОНЪ ВЪЯЛЪ МЕРТВО ТѢЛО ЗА БѢЛЫ РУКИ,
ПОВЕСИЛЪ ОНЪ ТО ТѢЛО ВО ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ.

9.

НЕ ШУМИ МАТИ ЗЕДЕНАЯ ДУБРОВУШКА,
НЕ МЪШАЙ МНѢ, ДОБРОМУ МОЛОДЦУ, ДУМУ ДУ-
МАТИ,
КАКЪ ЗАУТРА МНѢ, ДОБРОМУ МОЛОДЦУ, ВО ДО-
ПРОСЪ МАТИ,

ПЕРЕДЪ ГРѢБНАГО СУДЬЮ, САМАГО ЦАРЯ.
ЕЩЕ СТАНЕТЪ МЕНЯ ЦАРЬ ГОСУДАРЬ СПРАШИ-
ВАТИ:

ТЫ СКАЖИ, СКАЖИ, ДЪТИНУШКА, КРЕСТЬЯНСКОЙ
СЫНЪ,

УЖЪ КАКЪ СЪ КѢМЪ ТЫ ВОРОВАЛЪ, СЪ КѢМЪ
РАЗБОЙ ДЕРЖАЛЪ?

ЕЩЕ МНОГО ЛИ СЪ ТОБОЙ БЫЛО ТОВАРИЩЕЙ?
Я СКАЖУ ТЕБѢ, НАДЕЖА, ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ,

ВСЮ ПРАВДУ Я СКАЖУ ТЕБѢ, ВСЮ ИСТИНУ:
ЧТО ТОВАРИЩЕЙ У МЕНЯ БЫЛО ЧЕТВЕРО,
УЖЪ КАКЪ ПЕРВОЙ МОЕЙ ТОВАРИЩЕЦЪ — ТЕМНАЯ
НОЧЬ,
А ВТОРОЙ МОЕЙ ТОВАРИЩЕЦЪ — БУЛАТНЫЙ ВОЖЪ,
А КАКЪ ТРЕТІЙ ТОВАРИЩЕЦЪ МОЙ — ДОБРЫЙ КОВЬ,
А ЧЕТВЕРТОЙ МОЕЙ ТОВАРИЩЕЦЪ — ТУГОЙ ЛУКЪ,
ЧТО РАЗСЫЛЫЩНИКИ МОИ — КАЛЕНЫ СТРЕЛЫ.
ЧТО ВОЗГОВОРИТЬ, НАДЕЖА, ПРАВОСЛАВНЫЙ
ЦАРЬ:
ИСПОЛАТЬ ТЕБѢ, ДЪТИНУШКА, КРЕСТЬЯНСКОЙ
СЫНЪ!

ЧТО УМЪЛЪ ТЫ ВОРОВАТЬ, УМЪЛЪ СТРЕВЪ ДЕР-
ЖАТЬ;

Я ЗА ТО ТЕБѢ, ДЪТИНУШКУ, ПОЖАЛУЮ
СРЕДИ ПОЛЯ ХОРОМАМИ ВЫСОКИМИ,
ЧТО ДВУМЯ ЛИ СТОЛБАМИ СЪ ПЕРЕКЛАДНИКОМЪ.

10.

АХЪ, ТУМАНЫ ВЫ, ТУМАНУШКИ,
ВЫ ТУМАНЫ МОИ, НЕПРОГЛЯДНЫЕ,
КАКЪ ПЕЧАЛЬ, ТОСКА НЕВАБИСТЫ!
ИЗСУШИЛИ ТУМАНУШКИ МОЛОДЦОВЪ,
СОКРУШИЛИ УДАЛЫХЪ ДО КРАЙНОСТИ!
ТЫ ВЗОЙДИ, ВЗОЙДИ КРАСНО СОЛНЫШКО,
НАДЪ ГОРОЙ ВЗОЙДИ КЛАДЪ ВЫСОКОЮ,
НАДЪ ДУБРОВУШКЕЙ НАДЪ ЗЕЛЕНЮЮ,
НАДЪ УРОЧНИЦЕМЪ ДОБРАГО МОЛОДЦА,
ЧТО СТЕПАНА СВѢТЪ ТИМОФЕЕВИЧА,
ПО ПРОЗВАНЬЮ СТЕПЬКИ РАЗНА.
ТЫ ВЗОЙДИ, ВЗОЙДИ, КРАСНО СОЛНЫШКО,
ОБОВРЪЙ ТЫ НАСЪ, ЛЮДЕЙ ВЪДВЫХЪ:
МЫ НЕ ВОРЫ И НЕ РАЗБОЙНИЧКИ,
СТЕПЬКИ РАЗНА МЫ РАБОТНИЧКИ;
МЫ ВЕСЛОМЪ МАХНЕМЪ — КОБАКЪ ВОЗЬМЕМЪ,
КИСТЕНЕМЪ МАХНЕМЪ — КАРАВАНЪ СОБЬЕМЪ,
МЫ РУКОЙ МАХНЕМЪ — ДЪВЦУ ВОЗЬМЕМЪ.

11.

НА ЗАРЬ ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА УТРЕННЕЙ,
НА ВОСХОДЪ КРАСНАГО СОЛНЫШКА,
НА ЗАКАТЪ СВѢТЛАГО МЪСЯЦА,
НЕ СОКОЛЪ ЛЕТАЛЪ ПО ПОДНЕБЕСЬЮ,
ЯСАУЛЪ ГУЛЯЛЪ ПО НАСАДЦУ;
ОНЪ ГУЛЯЛЪ, ГУЛЯЛЪ, ПОГУЛИВАЛЪ,
ДОБРЫХЪ МОЛОДЦОВЪ ВОБУЖИВАЛЪ;
ВЫ ВСТАВАЙТЕ, ДОБРЫ МОЛОДЦЫ,
ПРОБУЖДАЙТЕСЬ КАЗАКИ ДОВСКИ!
НЕ ЗДОРОВО НА ДОНУ У НАСЪ,
ПОМУТИЛЪ СЛАВНОЙ ТИХОЙ ДОНЪ,
СО ВЕРШИННЫ ДО ЧЕРНА МОРЯ,
ДО ЧЕРНА МОРЯ, АЗОВСКАГО.
ПОМЪШАЛЪСЯ ВЕСЬ КАЗАЧИЙ КРУГЪ;
АТАМАНА БОЛЬШЕ НѢТЪ У НАСЪ;
ЕЩЕ МНОГО ЛИ СЪ ТОБОЙ БЫЛО ТОВАРИЩЕЙ?

Нѣтъ Степана Тимофеевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили вѣдуну голову.

12.

Во градѣ было во Кіевѣ,
Жила, была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любящая;
Ее братья возлележали,
Возлележавъ, замужъ выдали
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина.
Повѣдали онъ съ нею за море;
Тамъ годъ живутъ, и другой живутъ,
На третій годъ востосковались,
Повѣдали къ своей матушкѣ;
Они день ѣдутъ, и другой ѣдутъ,
На третій день остановились
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны налетали,
Злы разбойники наѣхали,
Морянина смерти предали,
Морянченка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли.
Разбойники послѣ спать легли.
Однѣхъ изъ нихъ не спитъ, ве лежить,
Не лежить онъ, Богу молится,
Самъ морянку выспрашиваетъ:
Морянка, морянка, морянушка,
Изъ котораго ты города?
Ты каковаго отца, матери?
Я города, сударь, Кіева,
Жила, была вдова богатая,
У ней было девять сыновей,
Десятая я несчастная.
Меня братья возлележали,
Возлележавъ, замужъ выдали
За младаго, за морянина,
За хорошаго боярина.
Взвощалъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
Вы братья, вы братья родимые!
Не морянина мы зарѣзали,
Мы зарѣзали зятя младаго!
Не морянченка въ море бросили.
А морянушка мы родная!
Не морянушку въ полонъ взяли,
Что взяли сестру родимую!
Что казнить старшину родимая!

Не сказывай нашей матушкѣ;
Опять тебя отдадимъ замужъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго.
Что возговорить во слезахъ сестра:
Вы чѣмъ меня не надѣлите,
Мила друга не воскресите.

13.

Ты воспой, воспой младѣ жавороночкѣ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодецъ сидитъ во темницѣ,
Пишетъ грамотку къ отцу, къ матери,
Онъ проситъ того жавороночка:
Отнеси ты, младѣ жавороночкѣ,
На мою ли, ахъ, на дальнюю сторону,
Ты мое письмо къ отцу, къ матери.
Во письмѣ пишеть доброй молодецъ:
Государь, ты мой родной батюшка!
Государыня, ты моя родна матушка!
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, своего родимаго.
Какъ отецъ и мать отказались,
И весь родъ племя отрекались,
Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было и разбойниковъ.

Ты воспой, воспой младѣ жавороночкѣ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодецъ сидитъ въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Въ другой разъ проситъ жавороночка,
Чтобъ отнесъ письмо къ красной дѣвицѣ.
Во письмѣ пишеть доброй молодецъ:
Ты душа-ль моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Выкупай, выручай добра молодца,
Своего прежняго полюбовника.
Какъ возговорить красна дѣвица:
Ахъ, вы нянюшки, мои мамушки
Мои свѣтлыя, вѣрные дѣвушки!
Вы берите мои золотыя ключи.
Отмыкайте скорѣй ковады ларцы,
Вы берите казны, сколько падобно,
Выкупайте скорѣй добра молодца,
Моего прежняго полюбовника.

14.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ До-
ну,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалой, доброй молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.
Во казачій кругѣ Степанушка не хаживалъ,

Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;
Ходилъ, гулялъ Стенанушка во царевъ ка-
бакъ,

Онъ думалъ крѣпкю думушку съ голудвою.
Сударь мой, братцы, голь кабацкая!
Повдѣмъ мы, братцы, на синѣ морѣ гулять,
Розовѣмъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казвы сколько на-

двою,
Повдѣмте, братцы, въ каменну Москву,
Покупимъ мы, братцы, платьѣ цвѣтнѣ,
Покупивши цвѣтно платьѣ, да на низѣ
поплывемъ.

15.

Не вечерняя заря, братцы, притухала,
Полуношная звезда, братцы, восходила.
Что во славномъ городѣ было Казани,
Что на крутецкомъ, на красномъ бережеч-

кѣ,
Что на желтомъ, на сыпучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черныя вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкю думушку за едино.
Ахъ, состронимъ мы, ребятушки, гребной стег-

жокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грядемъ, ребятушки, въ низъ по

Волгѣ,
Останемся, ребятушки, среди Волги,
Сопротивъ того стольникова дому,
Что у стольничья приващика дочь хоро-

ша.
Что просилася дочь у батюшки погуляти,
Ай! пусти, пусти меня батюшка погуляти,
На низовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти?
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну дѣвицу до пьяна,
Ужъ какъ та ли красна дѣвица уснула,
У поволжскаго атамана на волъняхъ;
Да что возговорить поволжской атаманъ:
И мы грядемъ - те, ребятушки, внизъ по

Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника погони.
Ото сна ли красна дѣвица пробудилася;
И за очи съ отцемъ, съ матерью прости-

ласъ,
Ты прости, прости батюшка родимой,
Ты скажи отъ меня матушкѣ челобитье!

16.

Ты несчастный, добрый молодецъ,
Везлазанная твоя головушка;

Что не бѣ чемъ то мнѣ, братцы, талану,
нѣтъ,

Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищакѣ,
Что ссылають меня съ корабля долой!
Ты сойди, сойди съ корабля долой,
Отъ тебя ли, отъ безчастнова,
Синѣ морѣ взволновалосъ,
Всѣ войны въ морѣ разыгралися!
Ужъ какъ возговорить безчастной моло-

дѣцъ:
Мы пригрядемъ-те всѣ въ веселочки,
Мы пригрядимъ-те ко бережку,
Ко частому кусту, ракитовому,
И мы срядимъ-те по прутнику,
И мы сдѣлаемъ-те по жеребью,
Ужъ мы кинемъ-те во синѣ морѣ.
Ужъ какъ всѣ жеребьи по верху воды,
А безчастнова какъ ключъ коду.

17.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ за горъ, да горъ высокихъ,
Не красно солнце выкатилось,
Выкатился былъ горячю камень,
Выкатившись, самъ разсыпался
По мелкому зерну, да по маковому.
Во Изюмѣ славномъ городѣ,
На стѣнѣ на Саратовской,
Разнемогалася тутъ дѣвочкой молодецъ.
Онъ проситъ своихъ товарищей:
Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Не покинь-те добра молодца при бѣдѣ,
Что при бѣдѣ и при хворостѣ;
А хотя меня и покинете,
Какъ придетъ во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Родной матушкѣ челобитье,
Молодой женѣ своя воля;
Хоть вдовой сяди, хоть за мужъ поиди;
Мои мѣтушкамъ благословеньице.

18.

У Троицы, у Сергия было, подъ горою
Стояла новая, темная темница;
Во той ли, во новой, темной темницѣ,
Сидѣлъ удаленькой, добренькой молодецъ;
Никто къ нему не зайдетъ, никто не за-

йдетъ,
Друзья, братья, товарищи всѣ прочь отсту-

пилися.
Зашла къ нему, забрала матушка родная.—
Дитя ли мое, ты дитятко, дитя чадо мое!
Кому тебя, мое дитятко, будетъ выгучати?

Друзья, братья, товарищи все въ томъ от-
казали;
Семь разъ тебя я, мое дитятко, выручала,
Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ издер-
жала;
Осьмой-то тысячи у меня не достало:
Такъ знать тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ въ-
ковати!

19.

Что далече, далече, во чистомъ полѣ,
Что при пути, при широкой дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудрявата;
Подъ той, подъ кудрявою березой
Стояли тутъ станицы воровскія,
Во той ли во станицѣ красна дѣвица;
Не прѣсенки красна дѣвица воспѣваетъ,
Что кричатъ красна дѣвица, воетъ, плачетъ:
Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душою погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не спустила,
И родъ, красна дѣвица, потрѣвила.
Не голуби промежъ себя воркуютъ,
Промежъ себя разбойники рѣчь говорили:
Не стало у насъ, братцы, атамана,
Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
Во темную темницу, заключенъ;
Не въ саду нашъ атаманъ гуляеть,
Гуляеть нашъ атаманъ по темницѣ,
По темной темницѣ заключенной;
Тяжко, больно нашъ атаманъ воздыхаетъ;
Къ сердечушку бѣлы руки прижимаетъ,
Любимую свою роццу вспоминаеть:
Ой, свѣтъ же ты, моя всровская роца!
Ужъ какъ мнѣ по тебѣ, роца, не тужити,
Подъ широкой дорожкой не стояти,
Купеческихъ людей не разбивати,
Столько злата и серебра не отврати.

20.

Какъ прошла ли про меня, дѣвицу, небелица:
Будто я батюшку обезславилла,
Родную матушку обезчестилла,
Что сама-то я къ милу другу приходилла.
Ахъ! за то на меня батюшка осердился,
Родная матушка разгнѣвалась;
Что построилъ мнѣ, сударь батюшка, тем-
ницу,
Безъ дверей-то онъ построилъ, безъ око-
шекъ,
Что одна трѣпка у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:

Проруби ты мнѣ, сударь батюшка, три око-
шка:
Ужъ какъ первое окошко въ чисто полѣ,
А другое-то окошко въ садѣ зеленый,
Ахъ, какъ третье-то окошко къ синю мо-
рю.

Какъ поутру я, дѣвица рано встану,
Погляжу я, красна дѣвица, въ чисто полѣ—
Ничего-то я, красна дѣвица, не видала.
Погляжу-то я, красна дѣвица, въ садѣ зе-
леной—

Жалобнехонько въ саду пташки разпѣ-
вали.

Погляжу-то я, красна дѣвица, на синѣ мо-
ре—

Какъ плыветь, тутъ выплываетъ новъ ко-
рабликъ,

Какъ на томъ корабликѣ мой дружечикъ.

Я во окошечко милу другу кричала,

Я платкомъ милу другу махала:

Какъ не слышетъ, мой сердечный другъ,
не видитъ,

Такъ я ручишкой милу другу махнула,

Въ окошечко милу другу поклонилась:

Ты прости, моя надежда, другъ сердечной!

Ужъ какъ знать-то мнѣ съ тобою не ви-
даться!

21.

Гулялъ молодецъ по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву;
Король молодца любилъ, жаловалъ,
Королевна не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодецъ упиватися,
Буйными словами похвалятися:
Ужъ попию, братцы, поведею,
Въ краснѣ, въ хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платяя поношено,
Королеву за рученьку повожено,
Съ королевной на перинушкѣ полежано.
Ужъ какъ злы, лихи на молодца своя
братья!
Доносили на молодца самому королю.
Ты гой еси, нашъ батюшка, грозной ко-
роль!

Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:

Живеть королевна съ добрымъ молодцемъ.

Король на молодца вдругъ прогнѣвался,

Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:

Какъ если у меня слуги вѣрные?

Вы возьмите удалова добра молодца,

Посадите его въ темну темницу,
 А сами подите во чисто поле,
 Вы ройте двѣ ямы глубокия,
 И вы ставьте два столбика высокіе,
 Перекладнику кладите кленовую,
 Вы петельку повѣсите шелковую.
 Поведите удалова добра молодца;
 Не водите его вооль по улицѣ,
 Поведите его позади двorca,
 Не увидѣла бы королевишна.
 На первую ступень ступилъ молодецъ:
 Прости, прости мой отецъ и мать!
 На другую ступень ступилъ молодецъ:
 Прости, прости весь родъ, племя!
 На третью ступень ступилъ молодецъ:
 Прости, мой свѣтъ королевишна!
 Далеко королевна голосъ слышала,
 Бѣжала во свой въ высокѣ теремъ,
 Брама она свои золоты ключи,
 Отпирала шкатулку серебряную,
 Вынимала два ножечка булатные,
 Порола свои груди бѣлыми.—
 Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
 Королевишна на ножечкахъ кончается.
 Пришелъ къ ней скоро родной батюшка.
 Не успѣлъ король лишь взозрѣти,
 Увидѣлъ увиту королевишну.
 И онъ билъ свои руки объ дубовой столѣ:
 Ахъ, свѣтъ ты моя, дочь любезная!
 Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
 Что жила въ любви съ добрыми молодцомъ?
 Ужъ я бы доброва молодца пожаловалъ,
 Отъ смерти бы добра молодца помилу-

валъ.—

Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
 Ужъ если у меня слуги вѣрные?
 Вы пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ пала-

чей,

Чтобъ рубили они головы донощикамъ,
 Что доносили они мнѣ на дочь мою.

22.

Ахъ, ты душечка, жена моя молодая!
 Что на улицѣ застоялась?
 На приказъ, мой свѣтъ, заглядывалась,
 На приказное ли на окошко?
 Ахъ, ты душечка, мой сердечной другъ!
 Я на улицѣ застоялась,
 На приказъ, мой свѣтъ, заглядывалась:
 Во приказъ во Государевомъ,
 Что во той ли, темной темницѣ,
 За желѣзною рѣшеткою,
 Сидитъ душечка, доброй молодецъ.

И онъ виситъ себѣ граматку,
 Не перомъ пишетъ, не чернилами,
 Онъ своими горючими слезами,
 Ни ко батюшкѣ, ни ко матушкѣ,
 Онъ ко душечкѣ молодой женѣ:
 Ахъ, ты душечка, молода жена!
 Продавай свое житѣе, бытъе,
 Выкунай меня изъ неволюшки,
 Какъ изъ той ли, темной темницы;
 Буде мало тебѣ покажется,
 Въ кабалу отдай малыхъ дѣтушекъ.—
 На отвѣтъ пишетъ, молода жена:
 Ахъ, ты душечка, мой сердечной другъ!
 Не продамъ своего житѣя, бытъя,
 Не отдамъ въ кабалу малыхъ дѣтушекъ;
 Ужъ и такъ тебя Богъ помилуетъ,
 Государь Царь тебя пожалуетъ.
 Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
 Стоять два столбика высокіе,
 Перекладника лежатъ кленовая,
 И петелька виситъ шелковая.
 Ужъ какъ я тебѣ, другъ, говорила,
 Честью и лестью упрашивала:
 Не сѣдай коня поздно вечеромъ,
 Не съезжай съ двора по полуночи,
 Не вози платье кровавое!
 Ужъ какъ ты, мой другъ, не послушался,
 Ты сѣдалъ коня поздно вечеромъ,
 Ты съезжалъ съ двора по полуночи,
 Привозилъ платье кровавое;
 Ты за то сидишь въ темной темницѣ:
 Не цѣтай меня женой своей.

23.

Ужъ, какъ по морю, по морю синему,
 Заувиная дугай, морю синему!
 По синему было морю, по Хвалынскому,
 Туда плыветъ Соколъ корабль по тридцать

лѣтъ,

Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаи-

валъ,

Къ крутому бережечку не причаливался,
 И онъ желтаго песку въ глазахъ не видѣлъ.
 А бока то свѣдены по туринному,
 А носъ, да корма по змѣиному,
 Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
 А на Муромцѣ капитанъ рудожелтый цвѣтъ,
 На капитанъ были пуговки злаченыя,
 А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву.
 И напали на Соколъ корабль разбойнички,
 Ужъ, какъ злые-то Татары со Калмыками,
 И хотятъ они Соколъ корабль разбить, раз-

громить,

Илью Муромца хотѣли въ полонѣ полонить,
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ поважи-
ваетъ:

Его пуговицы златыя разгорѣлись,
Его лютыя лъвы да разгвѣзлися,
Ужъ, какъ злые-то Татары испугались,
Во синемъ морѣ Татары повросались.

РУССКІЯ

СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Вечеръ то мнѣ матушка малымъ мало
спалоса,
Что малымъ мало спалоса, много видѣло-
ся;
Какъ привидѣлась мнѣ, матушка, крута го-
ра во снѣ,
Что на крутой на горѣ былъ горячъ камень
лежить;
А на камнѣ выросла часть ракитовой
кусть,
Какъ на кустикѣ сидитъ птица, младъ си-
зой орелъ,
Во когтиахъ своихъ онъ держитъ черна во-
рона.
Что возговоритъ родная ее матушка:
Ты дитя мое, дитя милое,
Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
Что крута гора, то каменна Москва,
Былъ горячъ камень, то нашъ Кремль го-
родъ,
А ракитовъ кустъ, то Кремлевской дво-
рецъ,
Сизой орелъ, то нашъ батюшка православ-
ный Царь,
А черной воронѣ, то Шведской Король.
Повѣдать нашъ Государь землю Швед-
скую,
И самаго Короля во полонѣ возьметъ.

2.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до была свѣта;
Все ты прлѣтѣся за облаки,
Укрепившись тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,

Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра перваго,
Петра перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ Государевой,
Государя Петра перваго;
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся гробова доска,
Развернися золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудись батюшка, православной Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилили.

3.

Изъ славнаго города изъ Пскова,
Подымался Царевъ вольшой бояринъ,
Графъ Борисъ, сударь, Петровичъ Шерем-
тевъ;
Онъ со конницею и со драгуны,
Со пѣхотными солдатскими полками,
Не дошедши Красной мызы, становился,
Хорошо добра полкамъ приполчился.
Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,
То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
Что не золотая трубушка возтрувила,
Да что возговоритъ Царевъ вольшой боя-
ринъ,
Графъ Борисъ, сударь, Петровичъ Шерем-
тевъ:
Ой вы, дѣтушки, драгуны и солдаты,
Можно ли мнѣ на васъ понадеяться?
Супротивъ неприятели постояти?
Да что возговорять драгуны и солдаты:

МЫ РАДИ ГОСУДАРЮ ПОСЛУЖИТИ,
 ЕДИНЪ ЗА ЕДИНАГО УМЕРЕТИ.
 ТУТЬ СКОРО БОЯРИНЪ ПОДЫМАЛСЯ
 СО КОННИЦЕЙ И СО ПѢХОТОЙ;
 НАШЛИ ОНИ НА ШВЕДСКІЕ КАРАУЛЫ.
 ОНИ ШВЕДСКІЕ КАРАУЛЫ САМИ СКРАЛИ,
 МАЮРА ВЪ ПОЛОНЪ КЪ СЕБѢ ВЗЯЛИ;
 ПРИВЕЛИ ОНИ МАЮРА КЪ ГЕНЕРАЛУ,
 КО ПОЛЕВОМУ КАВАЛЕРУ.
 ПРИКАЗАЛЪ ЕГО ГЕНЕРАЛЪ ДОПРОСИТИ?
 СКАЖИ ТЫ, МАЮРЪ ЗЕМЛИ ШВЕДСКОЙ,
 СКАЖИ НАМЪ ВСЮ ИСТИННУЮ ПРАВДУ,
 НЕ МОГИ ТЫ У ЦАРЯ УТАИТИ:
 ДАЛЕЧЕ ЛИ СТОИТЬ ВАША СЯДА?
 И МНОГО ЛИ СИЛЫ СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ,
 СЪ САМЫМЪ ГЕНЕРАЛОМЪ ШЛИПЕНБАХОМЪ?
 ЧТО ВОЗГОВОРИТЬ ГЕНЕРАЛЪ ЗЕМЛИ ШВЕДСКОЙ:
 АХЪ! ТЫ ГОИ ЕСИ ЦАРЕВЪ БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ,
 ГРАФЪ БОРИСЪ, СУДАРЬ, ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕ-
 МЕТѢВЪ!

НЕ МОГУ Я У ЦАРЯ УТАИТИ,
 СКАЖУ ВСЮ ИСТИННУЮ ПРАВДУ:
 СТОИТЬ НАША СИЛА ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ,
 ЗА ТЪМИ ЗА МХАМИ, ЗА БОЛОТЫ,
 ЗА ТОЙ ПРЕВЕЛИКОЙ ПЕРЕПРАВой,
 ПО КРАЙ БЛИЗЪ ВАРЯЖСКОГО МОРЯ;
 А СИЛЫ СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ СОРОКЪ ТЫСЯЧЪ,
 СЪ ЛЮБИМЫМЪ ГЕНЕРАЛОМЪ ШЛИПЕНБАХОМЪ.
 И ТОГО БОЯРИНЪ НЕ УСТРАШИЛСЯ.
 И ОНЪ СКОРО СЪ ПОЛКАМИ ПОДЫМАЛСЯ.
 НЕ ДВѢ ГРОЗНЫЯ ТУЧИ НА НЕВѢ ВСКОДИЛИ,
 СРАЖАЛИСЬ ДВА ВОЙСКА БОЛЬШИЯ,
 МОСКОВСКОЕ ВОЙСКО СО ШВЕДСКИМЪ;
 ЗАПАЛИЛА ТУТЬ ШЕРЕМЕТЕВА ПѢХОТА
 ИЗЪ МЕЛКАГО РУЖЬЯ И ИЗЪ МОРТИРОВЪ.
 КАКЪ НЕ ГРОМЪ ПРЕДЪ ТУЧЕЮ ГРЯНУЛЪ,
 ТРОИЛЪ ПУШКА РАЗРОДИЛСЯ,
 У БОЯРИНА СЕРДЦЕ РАЗЪЯРИЛОСЬ;
 НЕ СЫРА МАТЬ ЗЕМЛЯ РАЗСТУПИЛАСЯ,
 НЕ СИНЕ МОРЕ ВСКОЛЕБЕЛОСЬ;
 ПРИМЫКАЛИ ШТЫКИ НА МУШКЕТЫ,
 БРОСАЛИ РУЖЬЯ НА ПОГОНЫ,
 ВЫНИМАЛИ САВЛИ ОСТРЫЯ,
 ПРИКЛОНЯЛИ КОНЫ БУЛАТНЫЯ,
 ГНАЛИСЬ ЗА ШВЕДСКИМЪ ГЕНЕРАЛОМЪ,
 ДО САМАГО ГОРОДА ДО ДЕРПТА.
 КАКЪ РАЗПЛАЧУТСЯ ШВЕДСКІЕ СОЛДАТЫ,
 ВО СЛЕЗАХЪ ЕДВА СЛОВО ПРОМОЛВЯТЪ:
 ЛИХАЯ-ДЕ МОСКОВСКАЯ ПѢХОТА!
 ЧТО ЧАСТО НА ВЫЛАЗКУ ВЫСТУПАЕТЪ,
 БЕЗЪ ВОЮ НАСЪ ЖЕСТОКО ПОВѢЖДАЕТЪ.
 ТУТЬ МНОГО МЫ ШВЕДОВЪ ПОРУВИЛИ,

Т. I. Ч. III.

А ВЪ ТРОЕ БОЛЬШЕ ВЪ ПОЛОНЪ ВЗЯЛИ,
 ГОСУДАРЮ ТѢМЪ ПРИБЫЛЪ УЧИВИЛИ.

4.

НЕ ОТЪ ТУЧИ, НЕ ОТЪ ГРОМА, НЕ ОТЪ СОЛ-
 НЫШКА,
 ОТЪ ВЕЛИКАГО ОРУЖІЯ СОЛДАТСКАГО
 ЗАГОРАЛАСЯ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ КАВЫЛЪ ТРАВА,
 ДОБИРАЛАСЯ ДО БЛАГО КАМЕШКА;
 ЧТО НА КАМЕШКѢ СИДИТЬ МЛАДЪ ЯСЕНЪ СО-
 КОЛЪ,
 ПОДПАЛИЛЪ ОНЪ СВОИ БЫСТРЫЯ КРЫЛЫШКИ,
 ОВОЖЕГЪ ОНЪ СВОИ СКОРЫЯ ВОЖЕНЬКИ.
 ПРИЛЕТѢЛО КЪ СОКОЛУ СТАДО ВОРОНОВЪ,
 ЧТО САДИЛИСЬ ЧЕРНЫ ВОРОНЫ ВО КРУГЪ ЕГО,
 И ВЪ ГЛАЗА ЛИ ЯСНОМУ СОКОЛУ НАСМѢХАЛИСЯ,
 НАЗЫВАЛИ ОНИ СОКОЛА ВОРОНОЙ:
 ТЫ ВОРОНА, ТЫ ВОРОНА ПОДГУМЕНЕННАЯ!
 ДА ЧТО ВЪЗГОВОРИТЬ ВЪ КРУЧИНѢ МЛАДЪ ЯСЕНЪ
 СОКОЛЪ:

КАКЪ ПРОЙДЕТЬ МОЯ БѢДА СО КРУЧИННОЮ,
 ОТРОЦУ Я СВОИ КРЫЛЫ, КРЫЛЫ БЫСТРЫЯ,
 ОЖИВЛЮ Я СВОИ НОГИ СКОРЫЯ;
 Я ВЗОВЬЮСЯ, МЛАДЪ ЯСЕНЪ СОКОЛЪ, ВЫШЕ
 ОБЛАКА,
 ОПУЩУСЯ ВЪ ВАШЕ СТАДО Я СКОРЫЙ СТРЕЛЫ,
 ПЕРЕБѢЮ Я ЧЕРНЫХЪ ВОРОНОВЪ ДО ЕДИНАГО.
 АХЪ! КОГДА БЫЛЪ КРАСНОЩЕКОВЪ ВО НЕВО-
 ЛЮНЬКѢ,
 ОНЪ ВСКРИЧАЛЪ ЛИ, ОНЪ ВЗВОПИЛЪ ГРОМНЫМЪ
 ГОЛОСОМЪ:
 ОЙ, ВЫ ГО ЕСИ, ДРУЗЬЯ, БРАТЯ, ТОВАРИЩИ!
 НЕ ПОКИНИТЕ ДОБРОВА МОЛОДЦА ПРИ ЕДИНО-
 СТИ;
 УЖЕ КАКЪ БУДЕТЪ ВРЕМЯ ВРИГОЖУСЯ, БРАТЦЫ,
 ВАМЪ,
 ЗАМѢНЮ Я ВАШУ СМЕРТЬ ЖИВОТОМЪ МОИМЪ,
 ЖИВОТОМЪ МОИМЪ И ГРУДЬЮ БЪЛОЮ.

5.

КАКЪ У ЛАСТОЧКИ, У КАСАТОЧКИ,
 НА ЛЕТУ КРЫЛЬЯ ПРИМАХАЛИСЯ!
 КАКЪ У ДУШЕЧКЪ КРАСНОЙ ДѢВНИЦЫ
 НА ХОДУ НОГИ ПОДЛОМЛИЛИСЯ;
 У ДОРОДНАГО ДОБРА МОЛОДЦА
 ВЪ ТРИ РЯДА КУДРИ ЗАВИВАЛИСЯ,
 ВО ЧЕТВЕРТОЙ РЯДЪ ПО ПЛЕЧАМЪ ЛЕЖАТЬ,
 ОЙ ВО ПЯТОЙ РЯДЪ СЪ ПЛЕЧЪ ВАЛИЛИСЯ.
 ОЙ ПОЧУЯЛИ ЧЕРНЫ КУДРИ,
 ЧТО НЕВЗГОДУШКУ ВЕЛИКУЮ,
 ЧТО СЛУЖИТЬ СЛУЖБУ ГОСУДАРЕВУ.
 ПОВЕЛИ ТУТЬ ДОБРА МОЛОДЦА
 ВЪ КАНЦЕЛЯРІЮ ГОСУДАРЕВУ,
 ЗАПИСАЛИ ДОБРА МОЛОДЦА

32

Въ драгуны Государевы.
 Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
 Только жаль мнѣ своей стороны!
 На сторонушкѣ три зазвобушки:
 Ой какъ первая зазвобушка—
 Раставался я съ отцемъ, съ матерью,
 Съ отцемъ, съ матерью,
 Съ молодой женой,
 Съ сиротами, ребятами,
 Съ мопи малыми детками.

6.

Не бушуйте вы, вѣтры вуйные,
 Вы вуйные вѣтры, осенние!
 Успокойся ты, море синее,
 Не волнуй ты море средиземное!
 Ты постой, постой лѣто теплое,
 Не теки, постой солнце красное;
 Не я самъ вею, вамъ указъ велить,
 Съ страны указъ пришелъ, съ страны съ-
 верной.

Хоть давно течетъ солнце красное,
 Давно вѣютъ вѣтры вуйные,
 Не видали вы такого вида:
 По указу ли Царя бѣлаго,
 Наказать врага вѣроломнаго,
 На восточную дальнюю сторону
 снаряжался флотъ съ бѣлой Руси,
 Со береговъ Певы рѣки славныя,
 снарядившись, протекалъ моря,
 Вся препятства ни во что вмѣнялъ.
 Приближаясь къ Царю граду,
 Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
 Ой ты гой еси, невѣрной царь!
 Прогнѣвилъ ты своего гордостью
 нашу мудрую Государыню,
 Прогнѣвляешь ты самаго Творца;
 Я за то присланъ наказать тебя;
 Поспѣши спасъ ты къ стопамъ ея,
 Ты успѣй просить прощенья;
 Не успѣешь ты просить прощенья,
 Опровергну тронъ невѣрнаго.

7.

Ахъ, по морю, морю синему,
 По синему морю, по Хвалынскому,
 Что плывутъ тутъ, vyplывають тридцать
 кораблей,
 Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, на
 передъ вѣжить,
 Впереди вѣжить корабль, какъ соколъ лѣ-
 вить.
 Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ,
 Паруса на кораблѣ были тафтяные,

А тетивочки у корабля шемаханскова шелку,
 А подзоры у кораблика рытова бархату,
 На гулю сидѣлъ нашъ батюшка, правосла-
 ный Царь.

Что не золотая трубушка вострубила,
 Да что возговорить нашъ батюшка, право-
 славный Царь:

Ахъ, вы гой еси, матросы легкіе,
 Вы мечитесь на мачты корабельныя,
 Вы смотрите во трубочки подзорныя,
 Что далеко ли до Стекольнаго?

8.

По утру-то было ранымъ рано,
 На зорѣ-то было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
 со лузѣй, озеръ подымались,
 Подымались добрые молодцы,
 Добрые молодцы, люди вольные,
 Все бурлаки понизовые,
 На канавушку на Ладожску,
 На работушку государеву;
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцовъ:
 Отцы, матери, молоды жены,
 И со малыми со детками.

9.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за
 кручина,
 На канунъ было свѣтлаго Воскресенья,
 Заунывно въ Царь колоколъ звонили,
 Съѣзжались князья и вся бояре
 во Успенской во соборъ Богу молиться.
 Молились они Господу со слезами,
 Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
 Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ;
 По частешеньку вонъ изъ церкви высту-
 плеть,
 Ко бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
 Горючими слезами обливаясь,
 Миткалевымъ онъ платочкомъ утирается.
 Ужъ тошно мнѣ, боярину, тошнехонько,
 Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало!
 Что болятъ, болитъ у боярина головка,
 Шемить ретивое сердечко,
 Что сказала боярину царска служба,
 Указанъ путь, широкая дорожка,
 Подъ славною подъ городъ подъ Полтаву,
 Какъ быть-то мнѣ боярину убиту,
 Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Пол-
 табой,
 На чистомъ на полѣ лебединномъ.

10.

По Московской, по широкой по доро-
женькѣ

Не кавылъ трава, братцы, зашаталася,
Не алы цвѣты, братцы, развивалися,
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія, Царя бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю Прусскую,
На чуждальню на сторонущку,
На чуждальню, незнакомую,
Развивалися знамена бѣлыя:
Напередъ идуть новокорпусны,
Въ серединѣ везуть артиллерію,
Позади ѣдутъ сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Ужъ какъ всѣ веселы идуть,
Веселы идуть, припапудрены,
Что одинъ изъ нихъ не веселъ ѣдетъ,
Не веселъ ѣдетъ, призадумавшись,
Что за нимъ ѣдетъ красна дѣвица,
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Ужъ какъ взговорить удалой, добрый мо-
лодецъ:

Ты не плачь, не плачь красна дѣвица,
Не слези лица румянаго,
Не вздыхай моя разумная!
Не одной-то, вѣдь, тебѣ тошно,
И мнѣ, молодцу, грустнѣхонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чуждальню, незнакомую,
Что на службу я иду Государеву.

11.

Ахъ ты поле, поле чистое,
Ты чистое поле, Бугжацкое!
Ужъ когда мы изойдемъ тебя,
Всѣ бугры твои перевалимся?
Какъ давно пора сойтися
Что со той ордой невѣрною,
Что со той силой Турецкою,
Намъ исполнить волю Царскую,
Нашей мудрой Государыни.
Что не облаки подымалися,
Не грозны тучи сохотѣлися,
Собирались тѣмы невѣрныхъ врагѣ,
Что острили мечи черные,
Мечи черные, булатные,
И хвалилися, нахавши:
Не срубити, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія.
Не трюмка труба воскликнула,
Какъ возговорить Румянцовъ графъ:

Добры молодцы, товарищи,
Наши добрыя солдатшкы!
Не дадимъ врагамъ хвалитися,
Пойдемъ сами противъ злости ихъ.
За нимъ двинулася вся армія.

12.

Какъ во славномъ было городѣ Колы-
ванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты,
Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
Какъ стояли тутъ столы дубовые,
За столомъ сидитъ Шведская Королева,
Передъ ней стояли Шведскіе генералы.
Что возговорятъ Шведскіе генералы:
Ахъ, ты гой еси, наша Шведская Королева!
Ты за чѣмъ къ Королю брату не пишешь,
Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
Что за силою прислалъ бы провіанту?
Что возговоритъ тутъ Шведская Королева:
Ахъ, вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
Ужъ я и такъ къ Королю брату писала,
Чтобъ прислалъ онъ мнѣ си-ы на подмогу,
А за силою прислалъ бы провіанту.
Не успѣла Королевна слова молвить,
Ужъ какъ Бѣлой Царь къ городу подсту-
паеть,

И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,
Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городѣ армію свою выпускаетъ,
И онъ Шведскіе караулы всѣ спинаетъ,
Онъ Россійскіе караулы раставляетъ.

13

Ахъ, вы бѣдныя головущки, солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою
нѣтъ!

Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ
былъ,

Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко вѣлу свѣту солдаты въ строю стоятъ.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебрянна сиповочка разыграла,
Что возговорить нашъ батюшка, православ-
ный Царь:

«Ахъ, вы гой еси, всѣ князья и бояре!
Вы придумаите мнѣ думушку, пригадайте,
Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Еще князи и бояре промолчали.
Еще-жъ самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!
Вы придумаите мнѣ думушку крѣпкую,
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?
Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,
*

Что возговорятъ солдаты и драгуны:
Взять ли намъ, не взять ли бѣлой грудью.
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступѣ пошли,
Подъ тотъ ли, подъ славной подъ Азовъ

городъ,

Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты подъ вы-

сокие.

Что съ горъ не бѣлы камни покаталися,
Покаталися со стѣнъ неприятели,
Не бѣлы снѣги въ поляхъ забвѣлися,
Забвѣлися бѣлы груди басурманскія;
Ахъ не съ дождика ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечестивая.

14.

Ужъ какъ шли, прошли солдаты,
Они шли, прошли слободкой,
Во слободкѣ становилися;
У вдовушки попросилися:
Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати
Ночевати, постояти!
Насъ немножко, малевько:
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ.
А вдова имъ отвѣчала,
Ночевать ихъ не пустила;
— У меня дворокъ маленекъ,
А горенка не величка;
У меня дѣтей семейка! —
Они силой ворвалися
Во горенку ворвалися.
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,

А большой гость впереди съѣлъ,
Впереди съѣлъ подъ окошкомъ.

А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Стоитъ она, слезно плачетъ.

А большой гость унимаетъ:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?»

— И я въ горь позабыла.—
«Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ?»

— У меня дѣтокъ четверо.—

«Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?»

— У меня хлѣба осьмина. —

«Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?»

— У меня денегъ полтина.

«Подойди, вдова, поближе!

Поклонися мнѣ пониже!

Ты скинь, вдова, съ меня киверъ—

Во киверъ полотенце:

Не твое ли рукодѣльница?

На правой рукѣ колечко—

Не твое ли обрученья?»

А вдова-то испугалась,

Во новы сѣни бросалась,

Малыхъ дѣтушекъ будила:

Вы — вставайте, мои дѣти!

Вы вставайте мои малы!

Не свѣтель-то мѣсяць свѣтитъ,

Не красное солнце грѣетъ,

Пришелъ батюшка родимый! —

А большой гость отвѣчаетъ:

Не буди ты малыхъ дѣтокъ!

Я пришелъ къ вамъ не надолго:

На одинъ я на денечикъ!

Что на одинъ на часочикъ!»

РУССКІЯ

КАЗАЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекла, пролегла мать Камышенка рѣка;
Какъ съ собою она вела круты, красны бе-
рега,
Круты, красны берега и зеленые луга;

Она устьицею впадала въ Волгу матушку
рѣку;

Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ
рѣкѣ;

Какъ плывутъ, тутъ выплываютъ два сна-
рядные стружка,

Хорошо были стружечки изукрашены,

Они копьями, знамены, будто лѣсомъ по-
росли;
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые мо-
лодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе;
На нихъ шапочки соболя, верхи бархат-
ные,
Еще смурые кафтанъ кумачемъ подложены,
Астраханскіе кушаки, полушелковые,
Пестрядивныя рубашки съ золотымъ голу-
номъ,
Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каб-
луки,
И съ зачосами чулки, да всѣ гарусные;
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго
Царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что съ женою, и съ дѣтьми и со внуца-
тами
Завдаетъ воръ собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще же не пускаетъ насъ по Волгѣ по-
гулять,
Внизъ по Волгѣ погулять, съ дувинаю
воспѣвать.

2.

Внизъ-то было по матушкѣ Камышенкѣ
рѣкѣ,
Супротивъ-то было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка каломенка,
Что въ той ли лодочки сидитъ младъ по-
сланникъ Царевъ,
Карамышевъ князь Семень, сударь Кон-
стантиновичъ,
Во лѣвой рукѣ держитъ Государевъ указъ.
Что по крутому, красному берегу,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Что ходили тутъ, гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе ка-
заки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славные казаки, братцы, Яицкіе,
Они думали крѣпку думушку за едино,
Что сказали всѣ словечушко во единой
гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку.
Ни кого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного Царскаго посланника.

3.

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донь!
Ой, что же ты, тихой Донь, мутнехонекъ
течетъ?
Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному
течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи
выютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбаца
мутить,
Поверхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
Другая рота шла—то знамена провесали,
А третья рота шла—то дѣвица съ молод-
цомъ.
Молодецъ красну дѣвицу угovarиваетъ:
Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь кра-
сная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго
слугу,
Слугъ будешь ладунка, мнѣ миленкой
дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю спать, со мной
вмѣстѣ спать.
Что возгоритъ дѣвица удалому молодцу:
Кому буду ладунка, тому миленкой дру-
жокъ,
Подъ слугу буду постелю спать, съ слугою
вмѣстѣ спать
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю
рѣку.

4.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ такой!
Или участь моя горькая,
Ты звезда моя злосчастная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлова, млада мѣсяца,
Что затмѣло солнце красное.
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ такой!
Или участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлѣ ли мнѣ досталось,
Что со младости до старости,
До сѣдова бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горѣ мыкати,
Что до самой гробовой доски.
Во Азовъ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ бѣдокаменной,
Какъ тутъ была темна темница,
Безъ дверей и безъ окошечекъ.

Ай! во той ли темной темнице,
 Что сидитъ тутъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, Донской казакъ,
 Въ заключеніе, ровно двадцать лѣтъ,
 Ровно двадцать лѣтъ и два года.
 Случилось тутъ мимо тхати
 Самому Царю Турецкому,
 Что султанскому величеству;
 Что возговоритъ добрый молодецъ:
 Ай, ты гой еси, Турецкой Царь,
 Ты султанское величество!
 Прикажи меня поить, кормить;
 Не прикажешь ты поить, кормить.
 Прикажи скорѣй казнить;
 Не прикажешь ты меня скорѣй казнить,
 Прикажи на волю выпустить;
 Не прикажешь ты вонъ выпустить,
 Напишу я вскорѣ грамату,
 Не перомъ и не чернилами,
 Я своими горячими слезами,
 Ко товарищамъ на тихой Донъ;
 Славной тихой Донъ взволнуется,
 Бесъ казачій кругъ взвзвунуется,
 Разовьютъ силу Турецкую,
 И тебя царя въ полонъ возьмутъ.
 Ай, что возговоритъ Турецкой царь,
 Что султанское величество,
 Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ:
 Выпускайте добра молодца,
 Добра молодца, Донскаго казака,
 Во его ли землю Русскую,
 Ко его ли Царю вѣдому.

5.

Мимо славнаго города Воронежа,
 Пролегала тамъ широкая дороженька,
 Что ко славному ко городу, ко Слани-
 теру;
 Что по той было, по широкой по дорожень-
 къ
 Ужъ какъ шли, прошли казаки съ тиха
 Дона,
 Что съ тиха, братцы, Дона со Ивановича;
 Ужъ какъ вѣсь, братцы, казаки съвозъ Мо-
 скву прошли,
 Что одинъ изъ нихъ казакъ остается,
 Онъ заходитъ на кружало Государево,
 Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна со-
 боля,
 Онъ и молится Спасителю образу,
 Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
 Государевымъ цѣловальникамъ особливъ по-
 клонъ

Ахъ, вы здравствуйте Государевы цѣло-
 вальники!
 Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублей,
 А товарищамъ моимъ на тысячу.
 Промежду собой цѣловальники взглянулись:
 Ужъ какъ экого питуха у насъ не было,
 Ужъ какъ знать это, братцы, не Донской
 казакъ,
 Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
 Вывозили имъ поила, сколько надобно.
 Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ
 хочется! —

6.

Подымался съ Москвы большой бояринъ
 Онъ на тихой Донъ Ивановичъ гуляти.
 Не дохавши тиха Дона, становился,
 Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣщать.
 Казаки, братцы, тотчасъ догадались,
 Во единой кругъ они свиралися.
 Среди круга становился Царевъ бояринъ,
 Онъ сталъ читать Государевы указы:
 Дочитался онъ до Царскаго титула,
 Казаки всѣ шапки снимали,
 А большой Царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
 Отъ того казаки взволновались,
 На боярина они бросались,
 Буйну голову его срубили,
 А вѣло тѣло въ тихой Донъ бросили,
 И убивши, тѣлу говорили:
 Почитай ты, бояринъ, Государя,
 Не гордись ты передъ нимъ и не слався.
 Ко Царю они съ повинной приходили.
 Ты гой еси, батюшка православной Царь!
 Ты суди насъ праведной расправой,
 Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
 Ты воленъ надъ нашими буйными голо-
 вами.

7.

Ужъ какъ внизъ было, по матушкѣ по
 Волгѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ три сла-
 рядные стружка,
 Ужъ на тѣхъ ли на стружкахъ удалые мо-
 лодцы;
 Удалые молодцы, все Донскіе казаки;
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархат-
 ные;
 На нихъ штаники кумашны въ три строч-
 ки строчены,
 Александрѣвскіе рубашки съ золотымъ галу-
 номъ,

На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны са-
пожки.
Они съли, да гребнули, сами пѣсенки за-
пѣли,
Что про князя и съ дѣтьми и со внучатами;
Завдаеть, онъ, воръ собака, наше жалованье,
Кормовое, годовое, третье денежное;
Ужъ на тѣ ли онъ на денежки палаты ста-
новить,
За мучнымъ большимъ рядомъ, за Неглин-
ною рѣжой,
Что не хуже и не лучше Государева дворца,
Только тѣмъ они похуже, что верхи не зо-
лочены.
Похвалялся этотъ князь во Казани побы-
вать,
Во Казани побывать, верхи вызолотить.
Ужъ какъ тамъ, братцы, князекъ и голов-
ку положилъ,
Онъ головку положилъ, его громъ тамъ
убилъ.

8.

Какъ со славной, со восточной со сторо-
нушки,
Протекла быстра рѣчушка, славный тихій
Донъ;
Онъ прорылъ, прокопалъ, молодецъ, горы
крутыя,
А по правую-то сторонушку лѣса темные.
На Дону-то все живутъ, братцы, люди
вольные,
Люди вольные живутъ—то Донские казаки.
Совирались казаки други во единой кругъ,
Они стали межъ, собою да все *дубанъ*
дѣлать:
Какъ на первой-атъ пай они клали пять
сотъ гублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,
А на третій становил красну дѣвицу.
Какъ разстужится, какъ расплачется доб-
рый молодецъ:
Голова-ль ты моя, головушка, несчастная!
Ко бою-то, ко батальцѣ ты найпервая,
На пай-то, на дубанъ ты послѣдняя.
Какъ возговорить красна дѣвица добру мо-
лодцу:
Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ добрый
молодецъ!
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пять
сотъ рублей,
А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу,

А третій-то коверъ я сотку, что и смѣты
нѣтъ.

9.

У насъ, братцы, на Дону, во Черказскомъ
городу,
Проявилась у насъ, братцы, пригожая
тума,
Онъ изъ тумъ, братцы, тума, Сенька Ма-
ноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не ду-
мывалъ;
Думывалъ крѣпкую онъ думушку съ ярыж-
ками.
Перекинулся, собака, ко Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша сталъ его спрашивать:
Ты скажи, скажи пріяель, правду истин-
ную:
Что-то думаютъ у васъ, во Черказскомъ
городу?
Да у насъ-то на Дону, во Черказскомъ го-
роду,
Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдуш-
камъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ
говорятъ:
Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того:
Не поставили-бъ они башенки на усть-
рѣчки Каланчи,
Не перекинули бы цѣпи черезъ славный
тихій Донъ,
Не подвели бы они струны ко збонкимъ
колоколамъ.
Ужъ не лѣзя намъ, братцы, будеть во синее
море пройтись,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доста-
вать.
Какъ у насъ было на Дону, во Черказскомъ
городу,
Войсковой пашѣ атаманъ во всю ночьку
не спалъ:
Какъ со вечера соколъ нашъ Роговыя про-
являлъ,
Ко былъ свѣту соколъ нашъ по синю морю
гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разви-
валъ.

10.

На зарѣ-то было, на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было, на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Не вуйные вѣтры подымались,
Не синее море всколыхалось,

Не фузюшка въ полѣ прогрянула,
 Не люта змѣя въ полѣ просеиснула,
 Просвѣстала пулечка свинчатая;
 Она падала, пуля, не на землю,
 Не на землю, пуля, и не на воду,
 Она падала, пуля, въ казачій кругъ,
 На урочную то на головушку,
 Что да на перваго есаулушку;
 Попадала пулечка промежъ бровей,
 Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;
 Упалъ мадець коню на черну гриву,

11.

Не травушка, не кабылушка въ полѣ шата-
 талася,
 Какъ шаталася, волочилася удалъ добрый
 молодець,
 Въ одной тоненькой, въ полотняной во ру-
 башечкѣ,
 Что во той-то было во кармазиновой черке-
 сочкѣ;
 У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
 И гамчатны его полочки назадъ застегнуты,
 Бусарманскою онъ кровию позабрызганы:
 Онъ идетъ удалъ добрый молодець, самъ
 шатается,

Горючей онъ слезою обливается,
 Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
 Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
 Какъ никто-то съ добрымъ молодцомъ не
 встрѣчается:

Лишь встрѣчалася съ добрымъ молодцемъ
 родная матушка:
 Ахъ, ты чадо мое, чадушко, чадо милое
 мое!

Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешь-
 ся?

До сырой-то до земли все приклоняешься,
 И за травушку, за кабылушку все хватаешь-
 сл?

Какъ возговоритъ добрый молодець родной
 матушки:

Я не самъ такъ добрый молодець напи-
 ваюся,

Напоялъ-то меня Турецкой царь тремя пой-
 лами,

Что тремя-то было пойлами, тремя разными:
 Какъ и первое то его пойло—саеля острая,
 А другое его пойло—копье мѣткое было,
 Бвое третье-то пойло—пуля свинчатая.

12.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донъ,
 Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ:

Про тебя лежить слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая.
 Какъ бывало ты все выстеръ въжишь,
 Ты выстеръ въжишь все чистехонекъ:
 А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ те-
 чешъ,
 Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
 Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
 Ужъ какъ-то мнѣ все мутно не быть,
 Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
 Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ;
 Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
 Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пе-
 скомъ.

13.

Не великой тамъ огонюшекъ горитъ,
 То-то въ полѣ кипарисный гробъ стоитъ,
 Во гробу лежить удалый молодець:
 Во рѣзвыхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
 У вуйной головушки душа добрый конь.
 Какъ и долго ли въ рѣзвыхъ ногахъ сто-
 ятъ,

Какъ и долго ли желты пески глотать?
 Вывилъ яму по колено онъ.

Конь мой, конь, товарищъ вѣрный мой!
 Ты веселье мое въ чистомъ полѣ!

Бѣги, мой конь, ты къ моему двору,
 Бѣги ты, конь мой, все не стежкою,
 Ты не стежкою, не дорожкой;

Бѣги мой конь тропинкою,
 Ты тропинкою, все звѣриною,
 Куда травушка кобылушка лежить,
 Тамъ холодная кринеченка въжить.
 Злодѣй Турчинъ не поймаетъ тебя,
 И Татаринъ не осмѣляетъ тебя.

Привѣгжи конь къ моему ты ко двору,
 Вдарь копытомъ у вереничкѣ;

Выдетъ къ тебѣ старая вдова,
 Старая вдова, родная мать моя,
 Станетъ тебя про сына спрашивать:
 Не убилъ, не утопилъ ли ты его?
 Ты скажи: твой сынъ жениться захотѣлъ,
 Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его,
 Обнимаетъ поле чистое теперь.

14.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Са-
 ратовскихъ,
 —Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Камышина,
 Собирались казаки-други, люди вольные,
 Собирались они, братцы, во единый кругъ:
 Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яцккіе;

АТАМАНЪ У НИХЪ ЕРМАКЪ, СЫНЪ ТИМОФЕЕ-
ВИЧЪ,
ЕСАУЛЪ У НИХЪ АСТАШКА, СЫНЪ ЛАВРЕНТЬЕ-
ВИЧЪ;

ОНИ ДУМАЛИ ДУМУШКУ ВСЕ ЕДИНУЮ:
УЖЪ КАКЪ ЛѢТО ПРОХОДИТЬ, ЛѢТО ТЕПЛОЕ,
А ЗИМА НАСТАЕТЪ, БРАТЦЫ, ХОЛОДНАЯ,
КАКЪ И ГДѢ-ТО НАМЪ, БРАТЦЫ, ЗИМОВАТЬ БУ-
ДЕТЬ?

НА ЯИКЪ НАМЪ ИДТИТЬ, ДА ПЕРЕХОДЪ ВЕ-
ЛИКЪ,
ДА НА ВОЛГѢ ХОДИТЬ НАМЪ, ВСЕ ВОРАМИ
СЛЫТЬ,
ПОДЪ КАЗАНЬ ГРАДЪ ИДТИ, ДА ТАМЪ ЦАРЬ
СТОИТЬ,

КАКЪ ГРОЗНОЙ-ДЕ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ;
У НЕГО ТАМЪ СИЛЫ МНОГО МНОЖЕСТВО.
ДА ТЕБѢ, ЕРМАКУ, БЫТЬ ТАМЪ ПОВѢЩЕНУ,
А НАМЪ, КАЗАКАМЪ, БЫТЬ ПЕРЕЛОВЛЕННЫМЪ,
ДА ПО КРѢПКИМЪ ПО ТЮРМАМЪ ПОРАЗСАЖЕН-
НЫМЪ.

КАКЪ НЕ ЗОЛОТАЯ ТРУБУШКА ВОСТРУБИЛА,
НЕ СЕРЕБРЯНАЯ РѢЧЬ ГРОМКО ВОЗГОВОРИТЬ,
РѢЧЬ ВОЗГОВОРИТЬ ЕРМАКЪ СЫНЪ ТИМОФЕЕ-
ВИЧЪ:

ТѢЙ ВЫ ДУМАЙТЕ, БРАТЦЫ, ВЫ ПОДУМАЙТЕ,
И МЕНЯ ЕРМАКА, БРАТЦЫ, ПОСЛУШАЙТЕ:
ЗАБИВАЕМЪ МЫ БРАТЦЫ, ВСѢ ВЪ АСТРАХАНИ,
А ЗИМОЮ МЫ, БРАТЦЫ, ПОСПРАВИМЪСЯ,
А КАКЪ ВСКРОЕТСЯ ВЕСНА КРАСНАЯ,
МЫ ТОГДА-ТО, ДРУГИ БРАТЦЫ, ВО ПОХОДЪ ПОЙ-
ДЕМЪ,

МЫ ЗАСЛУЖИМЪ ПРЕДЪ ГРОЗНЫМЪ ЦАРЕМЪ ВИ-
НУ СВОЮ:

КАКЪ ГУЛЯЛИ МЫ, БРАТЦЫ, ПО СИНЮ МОРЮ,
ДА ПО СИНЕМУ МОРЮ, ПО ХВАЛЬИНСКОМУ;
РАЗБИВАЛИ МЫ, БРАТЦЫ, БУСЫ, КОРАБЛИ,
КАКЪ И ТѢ-ТО КОРАБЛИ, БРАТЦЫ, НЕ ОРЕ-
НЫЕ,

МЫ УБИЛИ ПОСЛАПНИЧКА ПЕ ЦАРСКАГО,
КАКЪ ТОГО-ТО, ВѢДЪ, ПОСЛАПНИЧКА ПЕРСИД-
СКАГО.

КАКЪ ВО СЛАВНОМЪ БЫЛО ГОРОДѢ ВО АСТРА-
ХАНИ,

НА ШИРОКОЙ, НА РОВНОЙ БЫЛО ПЛОЩАДИ,
СОБИРАЛИСЬ КАЗАКИ-ДРУГИ ВО ЕДИНОЙ КРУГЪ,
ОНИ ДУМАЛИ ДУМУ КРѢПКУЮ,
ДА И КРѢПКУЮ ДУМУШКУ ЕДИНУЮ:

КАКЪ ЗИМА-ТО ПРОХОДИТЬ ВСЕ ХОЛОДНАЯ,
КАКЪ И ЛѢТО НАСТАЕТЪ, БРАТЦЫ, ЛѢТО ТЕПЛОЕ,
ДА ПОРА УЖЕ НАМЪ, БРАТЦЫ, ВЪ ПОХОДЪ
ИДТИТЬ.

РѢЧЬ ВОЗГОВОРИТЬ ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ:
ОЙ ВЫ ГОЙ ЕСИ, БРАТЦЫ, АТАМАНЫ МОЛОДЦЫ,
ЭЙ ВЫ ДѢЛАЙТЕ ЛОДОЧКИ КАМОМЕНКИ,
ЗАБИВАЙТЕ ВЫ КОЧЕТА ЕЛОВЫЕ;
НАКЛАДАЙТЕ БАБАЯЧКИ СОСНОВЫЕ,
МЫ ПОВДЕМЪ-ТЕ, БРАТЦЫ, СЪ БОЖЕЙ ПОМО-
ЩЬЮ,
МЫ ПРИГРЯНЕМЪ-ТЕ, БРАТЦЫ, ВВЕРХЪ ПО ВОЛ-
ГѢ ПО РѢЧЬ,

ПЕРЕЙДЕМЪ-ТЕ МЫ, БРАТЦЫ, ГОРЫ КРУТЫЯ,
ДОБЕРЕМЪСЯ МЫ ДО ЦАРСТВА БАСУРМАНСКАГО,
ЗАВОЮЕМЪ МЫ ЦАРСТВО СИБИРСКОЕ,
ПОКОРИМЪ ЕГО МЫ, БРАТЦЫ, ЦАРЮ БѢЛОМУ,
А ЦАРЯ-ТО КУЧУМА ВЪ ПОЛОНЬ ВОЗЬМЕМЪ,
И ЗА ТО-ТО ГОСУДАРЬ ЦАРЬ НАСѢ ПОЖАЛУЕТЪ.
Я ТОГДА-ТО ПОЙДУ САМЪ КО БѢЛУ ЦАРЮ,
Я НАДѢВУ ТОГДА ПУБУ СОБОЛВНУЮ,
Я ВОЗЬМУ КУВЪЮ ШАПОЧКУ ПОДЪ МЫШЕЧКУ,
ПРИНЕСУ Я ЦАРЮ БѢЛОМУ ПОВИНУЮ:
ОЙ ТЫ ГОЙ ЕСИ НАДЕЖА, ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ!
НЕ ВЕЛИ МЕНЯ КАЗНИТЬ, ДА ВЕЛИ РѢЧЬ ГОВО-
РИТЬ:

КАКЪ И Я-ТО ЕРМАКЪ, СЫНЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ;
КАКЪ И Я-ТО ВОГОВСКОЙ ДОНСКОЙ АТАМА-
НУШКА;

КАКЪ И Я-ТО ГУЛЯТЬ, ВѢДЪ, ПО СИНЮ МОРЮ,
ЧТО ПО СИНЮ МОРЮ, ПО ХВАЛЬИНСКОМУ;
КАКЪ И Я-ТО РАЗБИВАЛЪ ВѢДЪ БУСЫ, КОРАБЛИ,
КАКЪ И ТѢ-ТО КОРАБЛИ ВСѢ НЕОРЛЕННЫЕ;
А ТЕПЕРИЧА НАДЕЖА ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ
ПРИНОШУ ТЕБѢ БУЙНУЮ ГОЛОВУШКУ,
И СЪ БУЙНОЙ ГОЛОВОЙ ЦАРСТВО СИБИРСКОЕ.
РѢЧЬ ВОЗГОВОРИТЬ НАДЕЖА ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦАРЬ.

КАКЪ И ГРОЗНОЙ-ТО ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕ-
ВИЧЪ:

ОЙ ТЫ ГОЙ ЕСИ ЕРМАКЪ СЫНЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ,
ОЙ ТЫ ГОЙ ЕСИ ВОЙСКОВОЙ ДОНСКОЙ АТАМА-
НУШКА!

Я ПРОЩАЮ ТЕБЯ ДА И СО ВОЙСКОМЪ ТВОИМЪ:
Я ПРОЩАЮ ТЕБЯ ДА ЗА ТВОЮ СЛУЖБУ,
ЗА ТВОЮ-ТО ЛИ СЛУЖБУ МЕНѢ ЗА ВѢРНУЮ,
И Я ЖАДУЮ ТЕБѢ ЕРМАКЪ СЛАВНОЙ ТИХОЙ
ДОНЬ.

15.

ПРИУНЫЛО, ПРИУМОКЛО ВОЙСКО ДОНСКОЕ,
ПРИУЖАСНУЛАСЬ АРМЕЮШКА ЦАРЯ БѢЛАГО,
БЕЗЪ ВѢРНАГО СЛУЖИТЕЛЯ ГОСУДАРЕВА,
БЕЗЪ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА КРАСНОЦОКОВА.
ВЪЯЛИ КРАСНОЦОКОВА ВЪ ПОЛОНЬ ШВЕДЫ,
ПОВЕЛИ ДОБРАГО МОЛОДЦА КЪ ЛИВЕНГАУПТУ.
КАКЪ И СТАЛЪ ЕГО ЛИВЕНГАУПТЪ СПРАШИВАТИ:

«Ты скажи, скажи добрый молодецъ, не
утаи ничего:

Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому, какъ ты
жалованъ?

Сотникомъ, полковникомъ, или бригадирш-
кой?»

Рѣчь возговоритъ Краснощочковъ Ливенгауп-
ту:

«Я служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать
лѣтъ,

И не сотникомъ, полковникомъ, бригади-
рушкой,

Я служилъ Царю Бѣлому рядовой казакъ.»

Нѣтъ, не правду разудалой открываешь
мнѣ;

На тебѣ, молодецъ, управушка не казачая,
На тебѣ-то управушка командирская;

Я хочу тебя, молодецъ, просить просѣбою:

Ты служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать
лѣтъ,

Послужи ты царю Шведскому хоть три
года.—

Какъ воскликнулъ Краснощочковъ Ливен-
гаупту:

«Ахъ, если бы была при мнѣ сабля острая,
Послужилъ бы я надъ твоей вуйной голо-
вухой.»

16.

По горамъ-то было по Индерскимъ,
По раздольцамъ было по широкимъ,¹

Собиралися тутъ собраньице Киргизское:
Не мало ихъ было и не много: сорокъ ты-
сячъ;

Предводителемъ былъ у нихъ ханъ султанъ
Сержалинъ отецъ;

По выше крѣпости Калашиной, по ниже
яру Чепушинскаго

Пикетные казаки ихъ скараулили,
Попадали ввстынку и вверхъ и внизъ до
войсковова.

Тутъ казаки-братцы собралися,
Всѣ Яицкіе съѣзжалися,

Думали-то они думу крѣпкую за единого
Черезъ Яикъ рѣку переправлятися;

Во глухую полночь съѣзжалися,
Распустили они полковое знамя,

Поставили они распятыя образа,
Чутко Богу молилися, низко кланялися.

Помолившись Богу, распростлалися,
Распростѣвшись, на ударъ пошли.

Напередъ-то въѣхитъ дорожей доброй мо-
лодецъ,

Васильюшка Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя.

Возговорилъ-то Василий таковы слова:
«Ой, вы, гой еси казаки-братцы, Яицкіе!

Вы не робейте, казаки, не развѣгайтесь.»

На крылѣ у Киргизъ въѣхитъ злодѣй басур-
манинъ,

Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечыи у него турка цѣльная;

Онъ стрѣлялъ въ дорожаго добра молодца,
Убивалъ-то его въ бѣлую грудь,

Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы на мать сыру землю.

Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице
Киргизское,

И разбивши стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одеждѣ
По сѣнной копнѣ.

17.

Въ сенокосную пору
Собиралъ Мимбай толпу.

Вотъ онъ съ собранной толпой,
Не дасть вамъ всегда покоя,

Перелезъ Уралъ въ Красномъ Яру,
И надѣлалъ намъ вреду.

Калмыковские казаки
Во походъ за нимъ пошли;

На узеньяхъ его догоняли,
У насъ кони всѣ повстали,

Мы секретно подѣвжали;
Ни Мимбай вора били

Черезъ Кушумъ рѣчку плыли,
Тяжело Тапгай вздохнулъ.

И Мимбай онъ спихнулъ.
Мимбай при смерти лежалъ,

Пѣшкомъ въ лугъ въжалъ.
Не узналъ прежнюю власть

И еще взялъ такую же власть,
Также съ собранной толпой,

Не дасть опять покоя.
Вотъ онъ нынѣшнюю зиму

Сдѣлалъ намъ такое дѣло:
Мимбай былъ такой ниспокойникъ,

А Пролубещиковъ былъ у насъ полковникъ,
Вверхъ за Каршу затжалъ,

И онъ вошь Мимбай на него напалъ,
Такъ Мимбай тутъ поступилъ,

Его до смерти изрубилъ.
Калмыковская команда,

Верхнимъ форпостомъ шла,
Скоро на скоро собралась,

Во походъ за нимъ пошла,

Во походѣ за нимъ пошла
 На Борзултъ рѣчки его нашла;
 На Борзултъ его съѣзжала,
 И тамъ Мимбая поймала,
 И сайдакъ съ него снимала,
 Сайдакъ съ него снимала,
 Рѣзвы ноги заковала,
 Рѣзвы ноги заковала,
 Въ Калмыкову представляла,
 Въ калмыкову представляла.
 Гдѣ Мимбай не воровалъ,
 А калмыковскихъ не миновалъ.
 Канцелярскіе суды
 Произвели Тангаева въ чины.

18.

За славной за рѣченкой Утою,
 По горамъ было Утвинскимъ,
 По раздольцамъ по широкимъ,
 Распахана была пашенка яровая;
 Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
 А вострыми Мурзавецкими копьями;
 Не бороною была пашенка взборнована,
 А коневыми рѣзвыми ногами;
 Не рожью посѣяна была пашенка, не пше-
 ницей,

А посѣяна была пашенка яровая
 Казачьими вуйными головами;
 Ни поливой она всполивана,
 Ни осеннимъ, сильвымъ дождечкомъ,
 Всполивана была пашенка
 Казачьими горючьими слезами.

19.

На зарѣ-то бывало, на зоренькѣ,
 На зарѣ утренней;
 На восходѣ солнца краснова
 Воевода большой по садикъ гулялъ,
 Онъ гулялъ, погуливалъ въ однихъ чул-
 кахъ безъ чоботокъ,
 Азямчекъ на парпашечку.
 Дотолева зеленый садъ зеленъ стоялъ,
 А нынѣ зеленый садъ присохъ, привлекъ
 И пригубили въ саду пташечки.
 Дотолева-то воевода большой
 Казаковъ любилъ,
 Онъ любилъ и много жаловалъ;
 А нынѣже воевода на казаковъ прогнѣвался,
 На казаковъ прогнѣвался, разсердился.
 И сталъ казаковъ казнить, въшати,
 И сажать по темнымъ тюрьмамъ.
 Выходилъ нашъ большой воевода
 На широкій дворъ,
 Во рукахъ держалъ бумаженку—

Имянной указъ—повелѣньице;
 Ужъ онъ всѣхъ казаковъ пересматривалъ,
 По имянно ихъ переключивалъ,
 Одного-то изъ нихъ не дощитывался,
 Что ни лучшаго въ полку боярина,
 Казачьяго ихъ атаманушку,
 Иванушку Ивановича,
 По прозваньицу сына Карыгина.
 Какъ у казачьяго атаманушки
 Была жена умная, разумная,
 Узнала она о несчастьицѣ;
 Выходила она на красевъ крылецъ,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 Ужъ, вы, гой еси, слуги вѣрные,
 И казаки ординарные!
 Вы кидайтесь и бросайтесь
 На конюшенъ дворъ,
 Вы запрегайте-ка коней вороныхъ
 Во каретушку золотую,
 Я поѣду по Москвѣ гулять,
 По Московской большой улицѣ
 И по мелкимъ переулочкамъ,
 Буду искать своего друга милого,
 Иванушку сына Ивановича!
 Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
 Горкій пьяница—прощидца.
 Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
 Ужъ, ты, гой еси, горькій пьяница,
 Разудаленькій, добрый молодецъ!
 Не видалъ ли ты, друга моего милова,
 Иванушку Иваныча,
 По прозваньицу сына Карыгина?
 Твой-то милый другъ,
 Казацкой атаманушка,
 Въ кабацкѣ сидитъ за кружаломъ Госуда-
 ревымъ,
 Онъ пьетъ вино все безденежно.
 Подъѣзжала она ко Цареву кабаку,
 Подъѣхавши, она восплакала:
 Ужъ, ты, гой еси милый другъ,
 Иванушка Ивановичъ,
 По прозваньицу сынъ Карыгинъ!
 Несчастьице надъ нами случилось:
 На насъ воевода большой осердился и про-
 гнѣвался;
 Всѣ твои друзья-братя
 Порублены и всѣ повѣшены!—
 Онъ взялъ съ собою топоръ и плаху
 Пошелъ къ воеводѣ съ повинною.
 Ужъ, ты, ватюшка, воевода большой!
 Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
 Принесъ съ собою топоръ и плаху.

Мои друзья и братья все порублены
И все повешены—прикажи и мнѣ
Отрубить буйну мою голову!

20.

До толева про Окианъ море не слышано,
А нынѣ на Окианъ море собираются,
Собирался на Окианъ море Новоторженцевъ,
Убиралъ онъ тридцать кораблей безъ еди-

наго.

Украшалъ себя Соколъ корабель,
Ужъ онъ деревцы становилъ кипарисовы,
Снасточки, вичевочки шелковыя,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ;
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина.
Отваливали они Соколъ корабель
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
Отъ камышку зеленаго;
Плыли они по синю морю,
И несчастье случилось:
Былъ ихъ Соколъ корабель
Сизой орель—и отъ духу его
Соколъ корабель чуть не залился.
Стенька Разинъ возговоритъ:
Ужъ, ты, общий большой братъ,
Илья Муромецъ!
Ты подай-ко мнѣ лукъ,
Во пятнадцать пудъ?
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ камену стрѣлу
Убивалъ сиза орла
Во право крыло, въ реживо сердце.

21.

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яццкими.
У казаковъ атаманушка
По имени Ермилъ сынъ Тимофеевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возгово-
рила,
Говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ:
Ужъ, вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мнѣ Ермилу думушку придумать:
Проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная,
Еще дѣла же намъ казакамъ зиму зимовать?
Намъ на Волгѣ быть—все ворами слѣтъ,
На Яикъ идти—вереходъ великъ,

Подъ Казань идти—грозень Царь стоитъ,
Грозень Царь, Иванъ Васильевичъ;
У него много силы, армии,
Не мало, не много, сорокъ тысячъ.
Иди-ль, не иди-ль, братцы, намъ
На Иртышъ рѣку;
Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
И пойдемъ къ Царю съ повинною,
Возьмемъ тоноръ съ пиккою.
Ловилъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ
Своего не лучшаго коня,
Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
Накладывалъ портинки бѣлы бумажны;
И прикладывалъ свое сѣдельцо Черказское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелко-
выхъ;—

Не для красы, а для крѣпости.
Садился Ермилъ на своего добра коня,
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу ве-
детъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехохоньку,
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку, къ Царскому,
Ко крылечку окрашенному.
Онъ слезъ Ермилъ съ добра коня,
Потихохоньку и по частехохоньку;
Онъ пошелъ Ермилъ
Во Царски бѣлыя палатушки.
Онъ идетъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ
Потихохоньку и почастехохоньку,
Онъ взошелъ во Царски бѣлы палатушки—
Ты, здорово батюшка, нашъ православный
Царь,

Иванъ сынъ Васильевичъ!
Я прѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною,
Я шатался, мотался Ермилъ
По чисту полю и по синю морю,
Разбивалъ я, Ермилъ, бусы, корабли,
И Таксырскіе и Басурманскіе,
А больше корабли Государевы,
Государевы карабелычки безъ примѣтушекъ,
Безъ Царскаго герба.
Да возговорилъ нашъ батюшка, православ-
ный Царь:
Ужъ, вы, гой еси, князья, бояре,
И думные мои боярушке!
Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
Иль казнити, иль въшати?
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
Еще мало намъ Ермила
Казнити, въшати!

Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ:
Злодѣй бояринъ, не Царскій думчій.
Безъ суда хочешь меня казнить, вѣшати!
Богатырска его сила подымалася,
И богатырская его кровь разгарается,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саб-
лю острую.
Буйна голова отъ плечъ могучихъ отвалилася
И по Царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ вѣдъ сидеть, вѣдой крутить,
А думчье боярушки испугалися,
Изъ Царскихъ палатюшекъ разбѣжалися,
А Царская хорангина перемѣнилася.

22.

Возмутился славный нашъ тихій Донъ,
Возмутился и совершился
До славнаго до устьяца,
До города до Черказскаго,
Возмутилъ его Донской казакъ,
Но няни и по отечеству Игнатьюшка
Иванычъ,

По фамильицѣ Некрасовъ;
Онъ-то ушелъ, увелъ силы рати сорокъ
тысячъ;

Окромя стариковъ староженныхъ,
Опримъ малолѣтковъ малолѣтнихъ,
И отъ тумовъ прироженныхъ.
Да со вечера они собиралися,
А до полуночь они во походъ пошли,
На бѣлой зарѣ проходили
Славной тихой Донъ;
На славную Двѣпрѣ рѣку они становилися,
Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ
расположилися

Казаченьки теплыми лагерями.
Распускали Царску значичку позлащевую,
Соберался къ значичку казачій кругъ,
Во кругу стоять хорошенькой, раздвижной
стулъ,

На стулъ сидеть ихъ молодой атамануш-
ка,
Игнатьюшка Ивановичъ сынъ Некрасовъ,
Передъ нимъ стоять его сотники любимые;
Онъ же пишетъ на скоро граматку,
Ни перомъ пишетъ, ни чернилами,
А онъ пишетъ своими горячими слезами,
Къ графу Долгорукому:

Ты спасено, нашъ батюшка!
Понялъ, кормилъ, берегъ и жаловалъ,
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка про-
гнѣвался,

Захотѣлъ старикамъ усы, бороды сбрить;
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать,
Ты прѣехалъ къ намъ на тихой Донъ,
Безъ указу-то насъ разорять сталъ.
Ужъ мы, бросили свое бытѣе богатство,
Съ того-то мы со тиха Дона долой по-
шли,
Мы пошли къ Турецкому хану въ поддан-
ство,
Онъ принялъ насъ со честью, со славою,
И пожаловалъ намъ по коню, коню хоро-
шему,
И свидѣльчику Черказскому.

23.

По морю, морю по Берейскому,
По тому морю, по морю Турецкому,
Плывуть, выплывають три кораблика,
Одинъ корабль на передъ плыветь—
Какъ соколъ летитъ,
У него носъ, корма по зѣриному,
Водяные бока по змѣиному,
Въ томъ кораблѣ разкрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакъ столники стоять, черны
дубовые,

На столахъ разосланы скатерти бѣлы-бра-
ныя,

На скатертахъ стоять яства сахарныя,
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король,
А предъ нимъ стоять два невольничка,
Съ тиха Дона два полковничка;
Одинъ держитъ Царское знамечко позлаще-
ное,

А второй держитъ золотой поднось,
На поднось стоять двѣ рюмочки серебря-
ныя,

Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.
Ты, ужъ гой еси, Шведской король!
Изволь принять—изволь выкупать.

Да не намъ бы предъ тобою-то стоять,
И не намъ бы тебѣ подносить.
Да возговорилъ Шведскій король:

Мнѣ пить, вѣстъ—не хочется,
Гульба, прохлада на умъ нейдетъ,
Новѣсь—вечеръ мало спалось
И во снѣ много видѣлось,
Привидѣлся мнѣ некорыстный сонъ:
Во снѣ привидѣлася мнѣ кругая гора,
На той на горѣ часть ракивовъ кустъ
стоитъ,

На томъ кустѣ тепло гвѣздышко,
Тепло гвѣздышко, соколинное.

Да возговорить душечка Шведской король:

Ужь вы, гой еси мои невольнички,
Со тиха Дона полковнички!
Кто сонъ мой отгадаеть,
Того я выпущу на волюшку?

Да возговорили раздушечки два полков-
ничка:

Со тиха Дона два невольничка:
Устойшь-ли въ своемъ словѣ Королевскомъ?
Выпустишь-ли насъ невольничковъ на во-
люшку?

Ужь мы сонъ твой отгадаемъ:
Крута гора—наша Россіюшка,
А кустикъ ракетовъ — наша каменна Мо-
сква,
А гвѣздышко соколиное — Россійская ар-
міюшка.

24.

Во горахъ, долахъ, во раздолбцахъ, снѣ-
ги вѣлые,
Во лугахъ, во лугахъ, во зеленыхъ, вода
полая.

Протекала тутъ Яикъ рѣка выстрая,
Она мыла, вымывала вѣлъ горюче камень,
Изъ подъ камешка изъ подъ вѣлаго—
Чисте ракетовъ кустъ.

Какъ подъ кустикомъ, подъ ракетовымъ,
Разудаленьки, добры молодцы—
Дуванъ дуванили,
Дѣлили они золоту казну пуховой шляпой;
Доставалось имъ разудалинькимъ

По пять сотъ рублей,
Атаманушки съ Есаулушкой вся тысяча;
Одного они добра молодца задуванили,
Золотой казной призабѣдили:
На пай пала ему, добру молодцу,
Красна дѣвица:

Навѣла, нарумянила,
Во цвѣтно-платѣ принаряжена,
Золотой лентой подпоясана.

И на то-то добрый молодецъ пріосердился.
Онъ взялъ красну дѣвицу за праву руку,
И повелъ ее на круту гору;
Онъ хотѣлъ ей рубить буйну голову.

Раздушца моя, красна дѣвица заплакала:
Не руби ты мнѣ, доброй молодецъ, буйну
голову!

У меня есть кунья шуба во пять сотъ руб-
лей,
Есть жемчужная моя поднизочка во всю
тысячу;

А я тебѣ, дѣвица, въ барышахъ пришла.

25.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя;
Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ, разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
Отъ чего наша каменна Москва загоралась?
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ вольшаго господина,
Графа Шереметева.
Выходила его ключница
Во новые выхода,
Заронила она искру
Воскояровой свѣчей:

Оттого у насъ каменна Москва загоралась,
Письмо пишетъ король Шведской,
Къ Государыни самой:
Милосердная ты Государыня!

Померимся мы съ тобой?
Если хочешь ты со мной помириться,
Отдай славны мои города:
Первый Ригу, второй Ревель, третій Крон-
штатъ.

Если не отдашь ты мои городочки,
Я къ тебѣ въ гости приду,
Какъ я въ Питеръ побѣдаю,
Въ Москву ужинать приду.

26.

Ахъ ты, батюшка воеводушка!
Ты за что на насъ прогнѣвался?
Или сдѣлали тебѣ измѣнушку,
Измѣнушку, перемѣнушку?
Ты за чѣмъ у насъ коней обралъ,
Ты коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
Ты по тѣмъ полкамъ, по гусарскимъ?
Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
Есаулушковъ на часы ставилъ.
Аль мы въ чемъ тебѣ прослужились?
Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
А на всѣхъ полкахъ кони выпали,
Генералушки всѣ пріопѣшали,
Ковонерушки цѣпкомъ идутъ,
Они ляпочки на плечахъ несутъ,
А орудія на себѣ везутъ.

27.

Ахъ, служили мы на границѣ три го-
дочка,

Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону
нѣту,

И словеснаго чловѣтѣнца намъ нѣ при-
слано,

На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
Не полуночная звѣзда съ небесъ упала,
А скорая почта прибѣгала

Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову:

Ужъ ты здравствуй, походный нашъ ата-
манъ!

Ужъ ты здравствуй, съ походными старши-
нами!

Ужъ ты здравствуй, со служащими казаками!

Какъ у насъ-то на тихомъ Дону не здо-
рово:

Какъ приѣхали къ намъ на тихой Донѣ все
разсылщичики,

Во разсылщичакѣ были два боярина,
Безъ указа-то они Государева насъ разо-
ряютъ,

И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
Молодыхъ-де малолетокъ берутъ во солдаты.

Отъ того-то нашъ славный, тихій Донъ воз-
мутился,

Возмутился славный, тихій Донъ вплоть
до устьяца,

Какъ и до славнаго до города Черкаскаго.
28.

На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Среди торгу, базару, красной площади
Собиралися казаченьки во единый кругъ,
Во кругу-то стоитъ добрый молодецъ,
Онъ стоитъ, стоитъ, самъ не тряпнется,
И русы-то его кудряшки не ворохнутъся;
Передъ нимъ-то стоитъ воеводушка;
Онъ не вѣетъ его, ни пытается, крѣпко
спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,

Скажи ты правду истинну:

Не атаманъ ли ты, разудаленькій, или
атаманскій сынъ?

Не воевода ли ты, разудаленькій, воевод-
скій сынъ?

Не съ иной ли земли ты, разудаленькій,
грозеиъ посоль?

Отвѣтъ держалъ добрый молодецъ воеводѣ:

Не тебѣ, собацѣ, меня, молодца, спрашивать,

А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать,

Распросилъ бы меня батюшка, православ-
ный Царь,

Я сказалъ бы ему батюшкѣ правду истин-
ну:

Разорилъ ты прежде войско Донское,

А другое войско Оренбургское.

Приѣхалъ ты къ намъ разорять въ городѣ,

Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.

29.

Кукушечка соловушку журила, бранила!
Ты глупенькой, неразумненькой, молодой
соловей!

Не вей ты, не вей гвѣздышко, не вей при
дорожкѣ,

Ты свей тепло гвѣздышко, ты свей при
долинкѣ,

При зеленой при травинкѣ, при мелкомъ
лѣсочкѣ;

Никто твое теплое гвѣздышко, никто не
разорить.

На Дону подъ горой стояла темна темница,
Безъ дверей, омошекъ, съ одной трубочкой,
съ дышовой,

Сидѣлъ тутъ посаженной разудалъ добрый
молодецъ.

Никто-то къ нему не взойдетъ, никто не
заѣдетъ,

Взошла къ нему да захвала гостя доро-
гья,

Не гостя дорогая, матушка родная.

За что тебя, мило дитятко, въ тюрьму по-
садили?

Посадили меня, добра молодца, за каза-
цку дочку.

Еще долго-ль, мое дитятко, во тюрьмѣ си-
дѣть тебѣ?

Сидѣть-то мнѣ, родна матушка, тридцать
три годочка.

Не можно-ль тебѣ, родна матушка засту-
пится?

Не можно-ль тебѣ, родна матушка, отку-
питься?

За выкупку, родна матушка, ровно восемь
тысячъ.

Золотой казны у насъ, дитятко, не доста-
ветъ,

Добры кони у насъ, дитятко, приотмилась,
Цветно платье у насъ, дитятко, приноси-
лось.

Друзья, братья, товарищи отступились.

30.

Изъ за лѣсу было, лѣсу темнаго,

Изъ за горь-то было, горь высокихъ,

Не вѣлая заря занималась,

Не красно солнце выкатилось,
 Не двѣ арміюшки собѣжались,
 Перва армія отъ Царя Бѣлаго,
 Втора армія славна Франція,
 Въ авангардѣ пошли полки казачьи,
 Во казачьемъ полку несчастье случилось:
 Сраженъице у нихъ прилучилось.
 Изъ подъ кустика, куста ракетнаго
 Не люта-то змѣя выползала,
 Свинцовая пуля тутъ вылетала;
 Упала она въ казачій полкъ,
 Ни кого-то въ полку не ранила,
 Убила пулечка въ полку урядника,
 Ферисанушку, сына Григорьевича,
 По фамили сына Манскаго;
 Упалъ онъ коблю на черну гриву,
 Со черной гривы на мать сыру землю.
 Ужъ онъ друзьямъ, братьямъ наказывалъ:
 Ужъ вы гой еси, братья товарищи!
 Вы коли въѣдете на святую Русь,
 Вы скажите моему батюшкѣ низкой по-
 клонъ,
 Родной матушкѣ челобитнице,
 Молодой женѣ своя волюшка,
 Остаюсь я, молодецъ, на чужой сторонѣ.

31.

Во полѣ, полѣ чистомѣ, стояло тутъ де-
 рево,
 Тонко, высоко, тоненько, высокоенько,
 Подъ этимъ, подъ деревцомъ травка выро-
 стала,
 На той на травонькѣ цвѣты разцвѣли,
 На тѣхъ на цвѣтикахъ разставленъ ша-
 теръ,
 Во томѣ во шатерикѣ разостланъ коверъ,
 На томѣ на коврикѣ столики стоятъ,
 На тѣхъ на столикахъ скатерти лежатъ,
 На тѣхъ на скатертяхъ поилище стоятъ,
 У того у столика два стула стоятъ,
 На тѣхъ на стулкахъ два братца сидятъ,
 Два братца, два родные.
 Большой-то меньшему ту рѣчь говорить:
 Братецъ, ты мой братецъ, родимый, род-
 ной!
 Единая насъ матушка, братецъ родила,
 Не научила уму, разуму, въ службу пу-
 стила;
 Чужадаленья сторонюшка безъ встрѣ су-
 шить,
 Безъ встрѣ, безъ вины, безъ краснаго сол-
 нышка,
 Чужой отецъ съ матерю безъ вины журять.

32.

Долина, долинушка, широкое мое раздо-
 льице!
 Не пѣшь-то я по тебѣ кожу, сѣдельце за
 плечьми ношу,
 Цветное платѣ въ торакахъ вожу,
 Добра коня въ поводу веду,
 За тоненькій поводъ, шелковый,
 За ту узду за тесмяную,
 За то кольцо за серебряно.
 Хозяинъ-то рѣчь возговорить:
 Что ты добрый конь не веселъ стоишь,
 Повѣсилъ ты свою буйну голову?
 Аль я на тебѣ тяжелъ сижу?
 Аль тяжела моя сѣрва ратная?
 Аль остро копье булатное?—
 Конь хозяину рѣчь возговорить:
 Хозяинъ ты мой ласковый!
 Не тяжелъ ты на мнѣ сидишь,
 Не тяжела сѣрва ратная;
 Тяжелы мнѣ дальны переходушки,
 Безъ водицы коню, безъ кормища,
 А мнѣ коню идти по неволюшкѣ,
 А тебѣ доброму молодцу по охотушкѣ;
 Тяжела мнѣ служба Чуманова,
 Чуманова сына Урманова.

33.

Одинъ-то былъ у отца, у матери единый
 сынъ,
 И того-то берутъ разудалаго въ службу
 Царскую,
 По указу берутъ его Государеву;
 Онъ со вечера добрый молодецъ собирается,
 Со полночи, разудаленькій, сталъ коня
 сѣдлать,
 На бѣлой зарѣ, добрый молодецъ, со дво-
 ра съѣзжать;
 Провожаетъ его разудалаго и отецъ и мать
 И отецъ и мать его добра молодца,
 Весь и родъ племя;
 Позади-то идетъ горюшенька, молода жена,
 Позади идетъ, слезно плачетъ она.
 Разудаленькій, доброй молодецъ ее уговари-
 ваетъ:
 Ты не плачь жена, не плачь душа лебе-
 душка бѣлая!
 Впереди, то у насъ, у добрыхъ молодецѣв
 разливалася вода поляя.
 Разудаленькій мой, добрый молодецъ,
 Милъ сердечный другъ меня не обманывай;
 Изъ твоихъ очей, сердечный другъ, слезы
 катятся.

Разудаленькій добрый молодець опять ее
уговариваетъ:
Воротись ты, жена, воротись душа, лебе-
душка бвлая!
Впереди-то у насъ, у добрыхъ молодець,
огни горять,
И огни горять негасимые.
Разудаленькій, милъ сердечный другъ, меня
не обманывай;
То горитъ, то пылаетъ у тебя, милъ сер-
дечный другъ, гетиво сердце;
А ты видно, сердечный другъ, ко мнѣ не
воротнисься.

34.

А за славнымъ было батюшкою за Бай-
каломъ моремъ,
А и вверхъ было по маткъ Селенгу по рѣ-
кѣ,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ, Селенгинскимъ каза-
камъ:
А вторая высылка посольскимъ стрѣль-
цамъ;
На поддачу имъ даны были табуночки му-
жики,
Табуночки мужики, люди ясашины.
Воевода походилъ у нихъ Федоръ молодой
Дементьяновичъ,
Ясауломъ походилъ у него братъ родной,
А по имени Прокофій Козвевъ молодець.
Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
Опуцались на улусы на Мунгалские.
По грѣхамъ надъ улусами учинилося,
А Мунгаловъ въ домахъ не годилося,
Они ѣздили за звѣрями облавами,—
Они тутъ казаки усмѣхаются,
Разорили все улусы Мунгалские:
Они женъ, дѣтей Мунгаловъ въ полонъ
взяли,
Шкареж и животъ у нихъ обрали весь.
Они стали казаки переправляться
На другу сторону за Селенгу за рѣку,
Опились кумысу—кобыльаго молока.—
Изъ-за того было бвлаго камня
Кавы не черные вороны налетывали,
Набвгали тутъ Мунгалы изъ чиста поля—
Учинилася, бой, драка тутъ великая:
Они женъ, дѣтей Мунгалокъ отбили на-
задъ;
А привели казаконъ много до смерти,

Т. I. Ч. III.

Вдвое, втрое казаконъ ихъ перегранили;
Табуночки мужики на побѣгъ побѣгли,
Достальныхъ казаконъ своихъ выдали.—
А приблудутъ казаки въ Селенгинской ост-
рогъ,
По базарамъ казаки они похаживаютъ,
А ихвастаютъ казаки, Селенгинские молодцы,
А своими вѣдъ широкими бердышными.

35.

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ Дону-то тихаго,
На крутомъ, красномъ бережку,
На желтыхъ, разсыпныхъ пескахъ
А стоитъ крѣпкой Азовъ городъ
Со стѣной бвлокаменною,
Земляными раскатами и рвами глубокими
И со башнями караульными.
Среди Азова города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было во темной темницѣ,
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А прови были вулатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю вѣти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ:
«А ты гой еси, Турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить, кормить—
Либо казнить, либо на волю выпустить.»
Постоялся Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ:
«А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту.»
А и мурзы, улановья метался черезъ го-
лову,
Привели его уланове они старосту тюрем-
наго;
И сталъ онъ Турецкой царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
«Еще что за человекъ сидитъ?
Ему староста рассказываетъ:
«А и ты гой еси, Турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!

34

Что сидитъ у насъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.

И приказалъ скоро Турецкой царь:

«Вы мурзы, улановья!»

Ведите Донскаго казака

Ко палатамъ монмъ царскимъ.»

Еще втапоры Турецкой царь

Напоилъ, накормилъ добраго молодца

И тошно сталъ его спрашивать:

«А ты гдѣ еси, Донской казакъ!

Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?

Разказалъ ему Донской казакъ:

«А и посланъ я изъ каменной Москвы

Къ тебѣ царю въ Азовъ городъ,

А и посланъ былъ скорымъ посломъ,

И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;

А на заставахъ твоихъ всего ^{меня} ограби-
ли

Мурзы, улановья, а монхъ товарищей

Разсадили добрыхъ молодцевъ

И по разнымъ, темнымъ темницамъ.»

Еще втапоры Турецкой царь

Приказалъ мурзамъ, улановьямъ

Собрать добрыхъ молодцевъ

Стенки Разина товарищей.

Опущаютъ добрыхъ молодцевъ,

Стебьку въ каменну Москву;

Снарядилъ добраго молодца

Степана Тимофеевича,

Наградилъ златомъ, серебромъ,

Еще витьями заморскимъ.

Отлучился Донской казакъ отъ Азова го-
рода,

Загулялся Донской казакъ

По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;

Не явился въ каменну Москву.

36.

Промежъ было ~~казакъ~~, промежъ Аст-
раханью,

А пониже города Саратова,

А повыше города было Царицына,

Изъ толъ ли было нагорной сторонюшки,

Какъ бы прошла, протекла Камышенка рѣка,

Своимъ устьемъ она пала въ матушку
Волгу рѣку.

А по славной было матушкѣ Камышенкѣ
рѣкѣ

Выгребали, выщипывали пятьдесятъ легкихъ
струговъ,

Воровскихъ казакѣвъ:

А на всякомъ стружечку по пятьдесятъ
гребцовъ,

По пятьдесятъ гребцовъ — воровскихъ каза-
ковъ.

Заплывали, загребали въ Коловинскіе ост-
рова,

Становились, молодцы, во тихихъ заво-
дяхъ,

Погулять они на зеленые луга.

Разставили майданы Терскіе

И раздвернули ковры Сорочинскіе;

А играли казаки золотыми они деньгами,

Кто-де костью, кто-де картами—всѣ удалы
молодцы.

Посмотрятъ молодцы въ низъ по Волгѣ
рѣкѣ,

Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,

А идутъ гребные изъ Астрахани.

Дожидались казаки, удалые молодцы,

Воеводу изъ Астрахани Репнина,

Князя Данилу Александровича.

А на что душа рожаена, того Богъ и далъ.

Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе ост-
рова,

И бросали казаки они потѣхи всѣ,

И бросались во свои легоньки стружки,

Напущались казаки на гребные струги;

Они всѣ туто торговыхъ перещупали,

Они спрашиваютъ воеводу изъ Астрахани:

А то коли онъ съ вами, покажите его
намъ?

А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ,
и дѣла нѣтъ.

Потаили купцы воеводу,

А прятали его подъ товары подъ свои.

Говорили молодцы, воровскіе казаки:

А вы сами себя враги, за что его спряты-
вали?

Обыскали подъ товарами воеводу,

Репнина князя Данилу Александровича,

Изрубили его во части медки,

Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;

А его-то госпожу, воеводу жену.

И со малыми дѣтушками

Они всѣ молодцы, воровскіе казаки, поми-
ловали;

А купцовъ молодцовъ ограбили,

Насыпали червонцами легки свои струги,

Пошли по Камышенкѣ рѣкѣ.

37.

Во Сибирскій во украинъ,

Во Даурской сторонѣ,

Во Даурской сторонѣ—

А на славной на Амурѣ рѣкѣ;

На устьи Комары рѣки
 Казаки Царя Бѣлаго
 Острогъ себѣ поставили,
 Острогъ себѣ поставили,
 Ясакъ Царю собирали.
 Изъ-за сабли острья,
 Изъ-за сабли острья—
 Изъ-за крови горячи казаки.
 Кругъ острогу Комарскаго
 Они глубокой ровъ вели,
 Высокой валъ били,
 Рогатки ставили,
 Частоколъ колотили,
 Смолье приготовили.
 Потру рано, ранешенько,
 Ровно двадцать пять человекъ,
 Выходили молодцы
 На славу Амуръ рѣку,
 Съ неводочками шелковыми
 Они по рыбу съезжую.
 Несчастье случилось
 Надъ удалыми молодцы:
 Изъ далеча, изъ чиста поля,
 Изъ раздолья широкаго,
 Изъ хребта Шивгальскаго,
 Изъ-за бѣлаго камня,
 Изъ-за ручья глубокаго
 Выкатилоса знамечко,
 Выкатилоса знамечко—
 Большое Богдойское;
 А знамя за знамемъ идеть,
 А рота за ротами валить,
 Идетъ Богдойской князецъ
 Онъ со силою поганую,
 Со силою поганую—
 Ко острогу Комарскому.
 Какъ не вешня вода
 По лугамъ разливалася,
 Овладеѣла-сила поганая
 Вкругъ острогу Комарскаго.
 Отрѣзали у казакоевъ
 Ретиво сердце со печенью,
 Помонили молодцовъ
 Двадцать пять человекъ,
 Съ неводочки шелковыми
 И съ рыбою съезжую.
 А и вѣдять Богдойской князецъ,
 На своемъ на добромъ конѣ,
 Какъ черной воронъ летаетъ
 Кругъ острогу Комарскаго;
 Кричить Богдойской князецъ
 Ко острогу Комарскому:

«А сдайтеся казаки
 Изъ острогу Комарскаго!
 А и буду васъ жаловать
 Златомъ, серебромъ,
 Да и женки прелестными,
 А женки прелестными—
 И душами красными дѣвцами.»
 Не сдаются казаки,
 Во острогъ сидючи,
 Кричатъ они казаки
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Отъѣзжай, Богдойской князецъ
 Отъ острогу Комарскаго.»
 А втапору Богдойской князецъ,
 Со своею силою поганую,
 Плотной приступъ чинить
 Ко острогу Комарскому.
 Казаки они справилися,
 За ружье ставилися,
 А было у казакоевъ
 Три пушки мѣдныя,
 А ружье долготѣрогъ:
 Три пушечки гунули,
 А ружьемъ вдругъ грянули,
 А привили они казаки
 Тѣ силы Богдойскія,
 Тѣ силы Богдойскія—
 Будто мушки Ильинскія,
 Тое силы поганыя.
 Закливался Богдойской князецъ,
 Бѣгучи отъ острогу прочь,
 Отъ острогу Комарскаго,
 А самъ заклинается:
 «А не дай, Боже, напередки бывать!»
 На славнои Амуръ рѣкѣ
 Крѣпость поставлена,
 А и крѣпость поставлена крѣпкая,
 И сдѣланъ гостинной дворъ,
 И лавки каменны.

38.

Привыли, привыли на Дону Донскіи казаки,

А Яницкіе, Донскіе, Запорожскіе;
 А и что казаки увыли?
 Привыли на Дону Донскіи казаки,
 Да что взялъ у нихъ Государь Царь го-
 родъ,
 Со тремя съ тѣми со малыми съ пригород-
 камн,
 А и со славною со Кубавью, съ крѣпкимъ
 Лютикомъ.

А во славномъ да въ Черкаскомъ земля-
номъ городкѣ
А стоить у казаковъ золотой бунчукъ,
А на бунчукѣ стоить чуденъ золотъ крестъ,
А передъ крестомъ тутъ стоить войсковою
ихъ атаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Ко кресту тутъ собрались Донски казаки,
А и Донские, Гребенские, Запорожски хо-
хлаци;
Становились молодцы во единой войскои
кругъ,
Среди круга стоить войсковою атаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говорить, будто въ трубу
трубитъ:
«А и вы, братцы, казаки, вы Яицкие,
Донски, Запорожские!
Посовите мнѣ атаману вы думу думати,
Челобитну ли намъ писати, Государю по-
давать?
Самому ли мнѣ атаману въ Москву ѣзати?
Перемирьѣ вы намъ взять передъ самимъ
Царемъ:

Залегли пути дороги за сине море гулять,
Еще отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Залегли пути дороги за сине море,
А и не стало намъ добычи на снемъ морѣ
И на тихомъ Дону на Иванычѣ.»
И повхалъ атаманъ въ каменну Москву.—
Еще будетъ атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выгово-
рилъ:
«Ахъ, ты свѣтъ нашъ, надежда благовер-
ный Царь!
А и грозенъ, Осударь, Петръ Алексѣевичъ!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормиться?
Залегли пути дорожки на сине море
Отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Еще тѣ наши дороги убойныя ли.
«Ай и гой еси атаманъ и съ Донскими
казаки!
У тебя, у атамана, есть казачій судъ,
Если не порядочно живеть
Суди правдой по тому суду,
Потому суду, да правому,
Живи съ казаками на Дону во миру.

РУССКІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старикѣ, будемъ сказывать,
Про грознаго Царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Ка-
зань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подво-
дилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ ка-
талъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ раз-
ставлялъ.
А Татарѣ по городу похаживаютъ,
И всяко глумленство оказываютъ,
Они грозному Царю насмѣваются,
А и не быть нашей Казани за Бѣлымъ за
Царемъ!
Ахъ, какъ тутъ нашъ Государь разгнѣ-
вался,

Что подрывъ такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то пушкарѣй казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ все тутъ пушкарѣи призадумались,
А одинъ пушкаръ поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выгово-
рить?
Не успѣлъ пушкаръ слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку.
Все Татарѣ тутъ, братцы, устрашился,
Они Бѣлому Царю покорилися.

2.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда начинался и грозный Царь,
Что грозный Царь Иванъ, Осударь, Васи-
льевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,

Подъ Казань городъ и подъ Астрахань,
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Половилъ Царя и съ Царицею,
Выводилъ измѣну изъ Пскова,
Изъ Пскова и изъ Новагорода.
И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изъ Пскова,
Изъ Пскова и изъ Новагорода.
Ахъ, какъ бы вывести измѣну изъ камен-

ной Москвы?

Что возговоритъ Малюта злодѣй Скурлато-
вичъ:

Ахъ, ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывести измѣнушки до вѣку,
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носить съ одного плеча.
И тутъ Царь догадается,
На Царевича злобно осержается;
Что возговоритъ грозной Царь Иванъ Ва-

сильевичъ:

Ахъ, вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите Царевича подъ бѣлы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На ту ли лужу на поганую;
Вы предайте его скорой смерти.
Вся бояре испугались,
Изъ палаты вонъ разбѣжались,
Большой за меньшаго хоронятся.
Однѣмъ остался Малюта злодѣй;
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное;
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу.
Какъ закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Гой еси батюшка, Никита Романычъ,
Ты пьешь, ѣшь и прохлаждаешься,
Надѣ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго,
Не становится у насъ млада Царевича.
Никита Романычъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,

Что на ту ли на лужу поганую.
Ударилъ онъ Малюту по щеку.
Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
Не за свой ты кусъ принимаешься:
Ты этимъ кусомъ подавишься.
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
И повелъ его, куда надобно.
Что возговоритъ грозной Царь:
Ахъ, вы гой еси, князья мои и бояре!
Надѣвайте на себя платье черное,
Совирайтесь ко заутрени,
Слушать по Царевичъ паннихиду.
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.
Вся бояре испугались;
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутрени,
Слушать по Царевичъ паннихиду.
Приѣхалъ Никита Романычъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада Царевича,
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ грозной Царь:
Ахъ, ты гой еси, Никита Романычъ!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ упала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску яраго,
Не стало у меня млада Царевича.
Что возговоритъ Никита Романычъ;
Ахъ, ты гой еси надежа, православный
Царь!
Мы не станемъ пѣть по Царевичъ панни-
хиду,
А станемъ мы пѣть молебень задранный.
Онъ бралъ Царевича за бѣлу руку,
Выходилъ изъ за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ грозной Царь:
Ты Никита, Никита Романычъ!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Иль тебѣ полцарства дать?
Иль тебѣ золотой казны сколько надобно?
Ахъ, ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не падо мнѣ полцарства, ни золотой ка-
зны,
Только дай мнѣ злодѣя Скурлатова,
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты.

3.

Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осемой тысящи,

А и дьялось, учинилось,
 Кругомъ сильна царства Московскаго
 Литва облегла со всѣ четыре стороны;
 А и съ нею сила: Сорочина долгополая,
 И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
 Еще ли Калмыки съ Татарами,
 Со Татарами, со Башкирцами,
 Еще Чушки со Люторами.
 Какъ были въ Москвѣ припасы многіе,
 А и царскіе и княжещенскіе,
 Боярскіе и дворянскіе,
 А не лѣзя ни пройти, ни прохати,
 Ни конному, ни пѣшему,
 И ни соколомъ вонь вылетати.
 А изъ сильнаго Царства Московскаго,
 Изъ великаго Государства Россійскаго,
 А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
 Онъ правитель Царству Московскому,
 Оберегатель миру крещеному
 И всей нашей земли свѣтло-Русскія,
 Какъ ясенъ соколъ вонь вылетывалъ,
 Какъ вълой кречетъ вонь выпархивалъ.
 Вызжалъ воевода Московскій, князь Ско-

пинъ,
 Князь Михайло Васильевичъ,
 Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
 Какъ и будетъ Скопинъ во Новугородѣ,
 Призжалъ онъ Скопинъ на съезжий дворъ,
 Входилъ въ избе во съезжую,
 Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
 А и беретъ чернилицу золотую,
 А и въ ней то перо лебединое,
 И беретъ онъ бумагу бѣлую,
 Писалъ ярлыки скорописчаты
 Въ Свицкую землю, заморскую,
 Ко любимому брату названому,
 Ко Свицкому королю Карлусу.
 А отъ мудрости слово поставлено:
 • А и той еси, названой братъ,
 А ты Свицкой король, Карлусъ!
 А и смилуйся, смилосердуйся,
 Смилосердуйся, покажи милость,
 А и дай мнѣ силы на подмочь!
 Наше шильно Царство Московское
 Литва облегла со всѣ четыре стороны,
 Приступила Сорочина долгополая,
 А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
 А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
 А и тѣ Чушки со Люторами;
 И не можешь мнѣ съ ними управиться:
 Я закладываю три города Русскіе.
 А съ ярлыками послалъ скорого ямщика,

Своего любимаго шурина
 А того Ивана Ивановича.
 Какъ и будетъ ямщикъ въ Свицкой землѣ,
 У честна Короля, честнаго Карлуса,
 Онъ съзжаетъ прямо на королевской
 дворъ,
 А ко Свицкому королю Карлусу,
 Среди двора королевскаго
 Скочилъ ямщикъ со добра коня,
 Вязалъ коня къ дубову столбу,
 Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
 Ни за чѣмъ ямщикъ не замѣщался.
 Приходить во палату вълокаменну,
 Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
 Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
 Принимавши король, распечатываетъ,
 Распечатываетъ, самъ разсматриваетъ,
 И печальное слово повѣсворилъ:
 Отъ мудрости слово поставлено,
 Отъ любимаго брата названаго,
 Скопина князя Михайлы Васильевича,
 Какъ проситъ силы на подмочь,
 Закладываетъ три города Русскіе.
 А честной король, честной Карлусъ
 Показалъ ему милость великую,
 Отправляетъ силу со трехъ земель:
 А и первыя силы то Свицкія,
 А другія силы Саксовскія,
 А третія силы Шродскія—
 Того ратнаго люду, ученаго,
 А не много, ни мало—сорокъ тысячей.
 Прибыла сила ко Новугороду,
 Изъ Новугорода въ каменну Москву.
 У ясна сокола крылья отросли,
 У Скопина князя думушки привыло.
 А по утру, рано ранешенько,
 Въ советъ Скопинъ онъ заутреню отслу-
 шалъ,
 Отслушалъ, самъ въ походъ пошелъ,
 Подымавши знаменье Царское;
 А на знаменье написано:
 Чуденъ Спасъ со Пречистою;
 На другой стонѣкъ было написано:
 Михайло и Гаврило Архангелы,
 Еще вся тутю сила небесная.
 Во восточную сторону походомъ пошла,
 Они вырвали Чудъ въоглазую,
 И ту Сорочину долгополую;
 Въ полуденную сторону походомъ пошла,
 Прекрашили Черкесъ Пятигорскихъ,
 А не много дралися, скоро сами сдались;
 А на съверну сторону походомъ пошла,

Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западну сторону походомъ пошли,
Прирубили Чукши со Лиоторами;
А кому будетъ Божья помочь?
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу!
Онъ очистилъ царство Московское
И велико Государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной
Москвѣ;

Отслуживши обѣдн съ молебнами,
И всю литургию великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великой столъ
У Скопина князя Михайла Васильевича
Про весь православной миръ.
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю, Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили млада княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малиютина,
Того Малиюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ почетной столъ,
Тутъ было много князей и бояръ и зва-
ныхъ гостей.

Будетъ пиръ во полу пиръ,
Княжевецкой столъ во полу столъ,
Какъ пьявеньки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатаеть хвастаетъ богатствомъ,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не отъ большаго хмѣлю онъ похваляется:
«А вы, глупой народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлницей:
Я Скопинъ, Михайло Васильевичъ,
Могу смѣло похваляться,
Что очистилъ царство Московское
И велико Государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ старата до малаго,
Отъ малаго, до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за вѣду стало.
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
Поддержали зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ въ меды сладкіе,

Подавали кумѣ его крестовой,
Малиютиной дочери Скурлатовой.
Она-то, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утро вѣ не ловко добръ! —
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малиютина дочь Скурлатова;
А знаваючи, мнѣ со зельемъ стаканъ по-
дала.»

Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»
Голова на плечахъ зашаталася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пѣру по-
шелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Повѣжалъ въ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися.
А матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла здѣтъ ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малиютина дочь Скурлатова.»
Онъ къ вечеру Скопинъ и представился.

То старина и дѣльце.
Какъ бы сипему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Кабы добрымъ людемъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣ-
шенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино.
Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь возда-
емъ,

Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

4.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячь пол-
ковъ.
Накоплевши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
Па три города, на три столенные:

На первый то городъ на Полотскій,
 На другой-то городъ на Велики Луки,
 На третій-то на ватюшку на Опсковъ градъ
 Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ
 взялъ,
 А Велики Луки онъ на сквозь прошелъ;
 Подходилъ онъ подъ ватюшку подъ Оп-
 сковъ градъ,
 Становилса собака въ зеленыхъ лугахъ,
 Садилса онъ собака во золотъ стулъ,
 Смекаль-то онъ силушку по-три дни,
 По три-дни и по-четыре:
 Много-ли силушки убьло,
 А много-ли силушки прибыло?
 Убыло силушки сорокъ сотъ,
 А прибыло силушки сорокъ полковъ;
 Тутъ же онъ собака возрадуется:
 «Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
 Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
 Мечитесь скоро въ зеленые луга,
 Въ зеленые луга Государевы!
 Посылаеть онъ воеводу своего
 А самъ крѣпко наказываетъ:
 Бери свою коня Бахмута,
 Цовъжай во ватюшку во Псковъ градъ:
 Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
 Ко двору подѣзжай, не докладывай,
 Во палаты возходи, не бей челомъ,
 Клади ярыки на дубовы столы.»
 За стѣлами сидитъ воевода Царевъ,
 Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
 «Охъ, ты гой еси воевода Царевъ,
 Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
 Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
 Безъ бою и безъ драки великия,
 Безъ того уголовия смертнаго?
 Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
 На другомъ часу стану чистить,
 На третьемъ часу стану столъ становить,
 Стану пить, веселиться, прохлажаться;
 Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ по-
 беру,
 Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ пре-
 клоню,
 А я тебя, воеводу, казнить буду!»
 Возговоритъ воевода Царевъ,
 Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
 Благень сынъ король съ королевичемъ,
 Съ павомъ гетманомъ Хоткевичемъ,
 И съ войскимъ коземъ Вороновичемъ!
 Не отдамъ я тебе городъ безъ бою,
 Безъ бою и безъ драки великия,

И безъ того уголовия смертнаго!»
 Какъ со вечера ратные прищались,
 Со полуночи ружья чистили,
 Ко бѣлой зарѣ, какъ курь пропѣли,
 Не туча съ тучей сходилса,
 Не заря со зарей сомыкалася,
 Сходилса два войска, два великия,
 Бѣлаго Царя съ королевскимъ.
 Тутъ вѣдять, развѣзжаетъ, удалый добрый
 молодець,
 Еще тотъ ли же воевода Царевъ,
 Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
 Кому у насъ на бою, бартцы, Божья по-
 мочь?
 Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
 Шуйскому князю Ивану Петровичу!
 Побить силу королевскую:
 Всѣхъ латвичковъ, сиповщниковъ,
 Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
 На силу король самъ третей увѣждалъ.
 Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
 Не дай Боже, мнѣ во Руси бывать!
 Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
 И ни внучатамъ, я ни правнучатамъ.

5.

А что свѣтелъ, радощень во Москвѣ
 Благовѣрный Царь Алексѣй, Царь Михай-
 ловичъ?
 Народилъ Богъ ему сына Царевича, Петра
 Алексѣевича,
 Перваго Императора по землѣ.
 Всѣ-то Русскіе какъ плотники мастера
 Во всю ноченьку не спали, колыбель, люль-
 ку дѣлали
 Они младому Царевичу,
 А и нянюшки, мамушки, свнвныя красныя
 дѣвушки
 Во всю ноченьку не спали, одѣялицо вы-
 шивали,
 По бѣлу рыту бархату они краснымъ зо-
 лотомъ;
 Бояре тюрьмы съ покаянными есъ разпу-
 щали;
 А погребы Царскіе они всѣ разтворяли.
 У Царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на
 радости,
 А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и
 дворяне сходилса.
 А все народъ Божій. На пиръ пьютъ, вѣдять,
 прохлаждаются,
 Во весельи, въ радости не видали, какъ
 дни прошли,

Для младаго Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

6.

А подѣ славнымъ было городомъ подѣ
Ригюю
Что стоялъ Царь Государь по три годы,
Ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ.
Изволимъ Царь Государь наряжаться,
Наряжается Царь Государь въ каменну
Москву,

А ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ.

Что по утру было рано, ранешенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ, на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ бы гуси, лебеди воскликали,
Говорили солдаты новобранные:

«А свѣтъ Государь благоверной Царь,
А и ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ!
Ты изволишь наряжаться въ каменну Мо-
скву,

Не оставь ты насъ, вѣдныхъ, подѣ Ригюю,
Ужъ и такъ намъ Рига наскучила,
Она наскучила намъ Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того.»

Что не злата труба подѣ Ригюю протрубила,
Прогласилъ Государь, благоверный Царь:

«А и дѣтушки, вы солдаты новобранные!
Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
Самому мнѣ, Государю, напрокучила;
Жогда Богъ насъ привнесетъ въ каменну
Москву,

А забудемъ вѣдность, нужду великую,
А и выставлю вамъ погребы Царскіе,
Что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе.

7.

За рѣкою, переправою, за деревнею Со-
сновкою,

Подѣ Конотопомъ подѣ городомъ, подѣ
стѣною бѣлокаменной,

На лугахъ, лугахъ зеленыхъ,

Туть стоять полки Царскіе,

Все полки Государевы,

Да и роты были дворянскія.

А изъ далеча, изъ чиста поля,

Изъ того ли изъ раздолья широкаго,

Кабы не черныя вороны табуномъ табунились,

Совирались, сѣзжались Калмыки со Баш-
кирцами,

Напуцались Татарове на полки Государевы;

Они спрашиваютъ Татарове

Изъ полковъ Государевыхъ себѣ сопротив-
ника.

А изъ полку Государева сопротивника

Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ
солдатъ молодцовъ.

Втапору выѣзжалъ Пожарской князь,

Князь Семень Романовичъ,

Овъ бояринъ большой слыветъ,

Пожарской князь,

Выѣзжалъ онъ на вылазку

Сопротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;

А Татаринъ у себя держитъ копье острое,

А славной Пожарской князь

Одну саблю острую во рученькѣ правой.

Какъ не два ясна сокола во чистомъ полѣ
слетались,

А сѣзжались въ чистомъ полѣ

Пожарской бояринъ съ Татариномъ.

Помогай Богъ князю Семену Романовичу
Пожарскому!

Своею саблей острою онъ отводилъ остро
копье Татарское,

Изрубилъ ему голову, что Татарину наѣз-
нику.

А завѣли злы Татарове, поганые,

Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго
Татарина.

А злы Татарове Крымскіе, они злы, да ду-
кавые,

Подстрѣлили добра коня у Семѣна Пожар-
скаго:

Падаетъ окорачъ доброй конь.

Возгрячить Пожарской князь во полки Го-
сударевы:

«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣль-
цы Государевы!

Подведите мнѣ добра коня, увезите По-
жарскаго,

Увезите во полки Государевы.»

Злы Татарове Крымскіе, они злы, да ду-
кавые,

А метались грудюю, полонили князя По-
жарскаго.

Увезли его во свои степи Крымскія

Къ самому Хану Крымскому — деревенской
шишиморѣ.

Его сталъ онъ допрашивать:

«А и гой еси, Пожарской князь,

Князь Семень Романовичъ!

Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою,
правдою,

Тою ли за очью непзмѣнною,

ЕЩЕ КАКЪ ТЫ ЦАРЮ СЛУЖИЛЪ, ДА ЦАРЮ
 СВОЕМУ БЪЛОМУ,
 А И ТАКЪ-ТО ТЫ МНѢ СЛУЖИ, САМОМУ ХАНУ
 КРЫМСКОМУ.
 Я, ЕЩДЬ, БУДУ ТЕБЯ ЖАЛОВАТЬ ЗЛАТОМЪ И СЕ-
 РЕВРОМЪ,
 ДА И ЖЕНКИ ПРЕЛЕСТНЫМИ, И ДУШАМИ КРА-
 СНЫМИ ДВѢЦАМИ.»
 ОТВѢЧАЕТЪ ПОЖАРСКОЙ КНЯЗЬ САМОМУ ХАНУ
 КРЫМСКОМУ:
 «А И ГОЙ ЕСИ, КРЫМСКОЙ ХАНЪ — ДЕРЕВЕН-
 СКОЙ ШИШМОРА!
 Я БЫ РАДЪ ТЕБѢ СЛУЖИТЬ, САМОМУ ХАНУ
 КРЫМСКОМУ,
 КАБЫ НЕ СКОВАНЫ МОИ РЪЗВЫ НОГИ,
 ДА НЕ СВЯЗАНЫ БЫЛИ РУКИ ВО ЧЕМБУРЫ
 ШЕЛКОВЫЕ,
 КАБЫ МНѢ САВЕЛЬКА ОСТРАЯ,
 ПОСЛУЖИЛЪ БЫ ТЕБѢ ВЪТРОЮ НА ТВОЕЙ БУЙ-
 НОЙ ГОЛОВѢ,
 Я СРУБИЛЪ БЫ ТЕБѢ БУЙНУ ГОЛОВУ.»
 СКРИЧИТЬ ТУТЪ КРЫМСКОЙ ХАНЪ, ДЕРЕВЕН-
 СКОЙ ШИШМОРА:
 «А И ВЫ ТАТАРЫ ПОГАНЬЕ!
 УВЕЗИТЕ ПОЖАРСКАГО НА ГОРЫ ВЫСОКІЯ, СРУ-
 БИТЕ ЕМУ ГОЛОВУ,
 ИЗРУБИТЕ ЕГО БЪЛО ТѢЛО ВО ЧАСТИ ВО МЕЛКІЯ,
 РАЗБРОСАЙТЕ ПОЖАРСКАГО ПОДАЛЕЧЕ ЧИСТУ
 ПОЛЮ.»
 КАБЫ ЧЕРВЫЕ ВОРОНЫ ЗАКРИЧАЛИ, ЗАГЛАЖАЛИ,
 УХВАТИЛИ ТАТАРОВЕ КНЯЗЯ СЕМЕНА ПОЖАР-
 СКАГО,
 ОТРУБИЛИ БУЙНУ ГОЛОВУ,
 ИЗЪЯЛИ БЪЛО ТѢЛО ВО ЧАСТИ ВО МЕЛКІЯ,
 РАЗБРОСАЛИ ПОЖАРСКАГО ПОДАЛЕЧЕ ЧИСТУ
 ПОЛЮ,
 ОНИ САМИ УХАЛИ КЪ САМОМУ ХАНУ КРЫМ-
 СКОМУ.
 ОНЪ ДЕНЬ, ДРУГОЙ НЕЙДЕТЬ, НИКТО НЕ ПРО-
 ВЪДАЕТЪ.
 А ИЗЪ ПОЛКУ БЫЛО ГОСУДАРЕВА КАЗАКИ ДВОЕ
 ВЫБРАЛСЯ,
 ТЪ ЛИ КАЗАКИ БЫЛИ МОЛОДЦЫ,
 ОНИ НА ГОРУ ПЫШКОМЪ ПОШЛИ,
 И ВЗОШЛИ ТУТО НА ГОРУ ВЫСОКУЮ,
 И УВИДѢЛИ ТЪ МОЛОДЦЫ ТО ЕЩДЬ ТѢЛО ПО-
 ЖАРСКАГО:
 ГОЛОВА ЕГО ПО СЕБѢ ЛЕЖИТЬ, РУКИ, НОГИ РАЗ-
 БРОСАВЫ,
 А ЕГО БЪЛО ТѢЛО ВО ЧАСТИ ИЗРУБЛЕНО
 И РАЗБРОСАНО ПО РАЗДОЛЮ ШИРОКОМУ.
 ТЪ КАЗАКИ-МОЛОДЦЫ ЕГО ТѢЛО СОБРАЛИ,
 ДА ВЪ ОДНО МѢСТО СКЛАДЫВАЛИ;

ОНИ СНЯЛИ СЪ ДРЕВА ЛИПОВОЙ ЛУБЪ,
 ДА И ТУТЪ ПОЛОЖИЛИ ЕГО,
 УВЯЗАЛИ ЛИПОВОЙ ЛУБЪ НА КРѢПКО,
 ПОНЕСЛИ ЕГО ПОЖАРСКАГО КЪ КОНОТОПУ КО
 ГОРОДУ.
 ВО КОНОТОПѢ ГОРОДѢ ПРИГОДИЛСЯ ТАМЪ ЕПИ-
 СКОПЪ БЫТЬ,
 СОБИРАЛЪ ОНЪ ЕПИСКОПЪ ПОПОВЪ, И ДЬЛКО-
 НОВЪ
 И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРИЧЕТНИКОВЪ,
 И ТѢМЪ КАЗАКАМЪ, УДАЛЫМЪ-МОЛОДЦАМЪ,
 ПРИКАЗАЛЪ ОБМЫТЬ ТѢЛО ПОЖАРСКАГО.
 И СКЛАДИ ЕГО БЪЛО ТѢЛО ВЪ ДОМОВИЩЕ ДУ-
 БОВОЕ,
 И ПОКРЫЛИ ТОЮ КРЫШКОЮ БЪЛОДУБОВОЮ.
 А И ТУТЪ ЛЮДИ ДИВОВАЛИСЯ,
 ЧТО ЕГО ТѢЛО ВЪ МѢСТО СРАСТАЛОСЯ.
 ОТПѢВШИ НАДЛЕЖАЩЕЕ ПОГРЕБЕНІЕ,
 БЪЛО ТѢЛО ЕГО ПОГРЕБЛИ ВО СЫРУ ЗЕМЛЮ,
 И ПРОПѢЛИ ПѢТЬЕ ВѢЧНОЕ
 ТОМУ КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ.

8.

ВО СЛАВНОМЪ ГОРОДѢ ОРЕШКѢ,
 ПО НИВЪШНЕМУ ЗВАНІЮ ШЛЮЩЕНБУРГѢ,
 ПРОЛЕГЛА ТУТО ШИРОКАЯ ДОРОЖКА,
 ПО ТОЙ ПО ШИРОКОЙ ДОРОЖКѢ
 ИДЕТЬ ТУТЪ ЦАРЕВЪ БОЛЬШОЙ ВОЯРИНЪ,
 ГРАФЪ БОРИСЪ СЫНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕ-
 ТЕВЪ,
 СО ТѢМИ ОНЪ СО ПЪХОТНЫМИ ПОЛКАМИ,
 СО КОВНИЦЕЙ И СО ДРАГУНАМИ,
 СО УДАЛЫМИ ДОПСКИМИ КАЗАКАМИ.
 ВОШЛИ ОНИ ВО КРАСПУЮ МЫЗУ
 ПРОМЕЖУ ТѢМИ ВЫСОКИМИ ГОРАМИ,
 ПРОМЕЖУ ТѢМИ ШИРОКИМИ ДОЛАМИ —
 А ВСѢ ПОЛКИ СТАНОВИЛИСЯ.
 А ВТАПОРЫ БОРИСЪ СЫНЪ ПЕТРОВИЧЪ
 ВЪ ОБЪѢЗДѢ ОНЪ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ ПОСЫ-
 ЛАЕТЪ,
 ДОНСКИХЪ, ГРЕБЕНСКИХЪ ДА И ЛЯЦКІНХЪ.
 КАКЪ СКРАЛИ ОНИ ШВЕДСКІЕ КАРАУЛЫ,
 МАЙОРА СЕБѢ ВЪ ПОЛОНЪ ПОЛОННИИ,
 ПРИВЕЗЛИ ЕГО ВЪ ЛАГЕРИ ЦАРСКІЕ.
 НЕ ЗЛАТА ТРУБА ВЪ ПОЛѢ ПРОТРУБИЛА,
 ПРОГЛАСИЛЪ ГОСУДАРЬ, СЛОВО МОЛВИЛЪ,
 ГОСУДАРЬ МОСКОВСКИЙ — ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ:
 «А И ГОЙ ЕСИ, БОРИСЪ СЫНЪ ПЕТРОВИЧЪ!
 ИЗВОДЬ ТЫ МАЙОРА ДОПРОСИТИ ТИХОВЬКО, ПО-
 МАЛЕШЕНЬКУ:
 А СКОЛЬКО-ДЕ СИЛЫ ВЪ ОРЕШКѢ
 У ВАШЕГО КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО?
 ГОВОРИТЬ ТУТЪ МАЙОРЪ НЕ СЪ УТАЙКОЮ

А СТАЛЪ ОНЪ СЛУХЪ РАЗКАЗЫВАТЬ:
 «СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ ВЪ ПОЛѢ СОРОКЪ ТЫСЯЧЕЙ,
 СЪ КОРОЛЕМЪ ВЪ ПОЛѢ СМѢТЫ НѢТЬ.»
 А ВТАПОРЫ ЦАРЕВЪ БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ,
 КНЯЗЬ БОРИСЪ СЫНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕ-
 ТЕВЪ,
 А САМЪ ОНЪ ЦАРЮ РАПОРТУЕТЪ:
 «ЧТО МНОГО ДЕ СИЛЫ ВЪ ПОЛѢ ТОЙ ШВЕД-
 СКОЙ:
 СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ СТОИТЬ СИЛЫ СОРОКЪ ТЫСЯ-
 ЧЕЙ,
 СЪ КОРОЛЕМЪ ВЪ ПОЛѢ СИЛЫ СМѢТЫ НѢТЬ.»
 НЕ ЗЛАТА ТРУБА ВЪ ПОЛѢ ПРОТРУБИЛА,
 ПРОГЛАСИЛЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ:
 «А И ГОЙ ЕСИ, БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ!

НЕ УСТРАШИСЯ МАЙОРА ДОПРОСИТИ,
 НЕ КОРМИ МАЙОРА ЦѢЛЫ СУТКИ,
 ПОВТОРИТЕ ВТОРОЙ ДОПРОСЪ,
 ДРУГИЯ СУТКИ НЕ КОРМИТЕ,
 И СЛАДКО ОНЪ РАСКАЖЕТЪ,
 СКОЛЬКО У НИХЪ СИЛЫ ШВЕДСКІЯ.»
 А ВТАПОРЫ БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ,
 НА ТО-ТО БОЛНО БЫЛЪ ДОГАДИВЪ,
 А ДВОЕ-ДЕ СУТКИ МАЙОРА НЕ КОРМИЛИ,
 ВО ТРЕТЬИ ВИНЦА ЕМУ ПОДНОСИЛИ;
 А ВТАПОВЫ МАЙОРЪ РАЗКАЗАЛЪ:
 ВСѢХЪ СЪ КОРОЛЕМЪ НАШИМЪ И ГЕНЕРАЛОМЪ
 СИЛЫ СЕМЪ ТЫСЯЧАЙ, А БОЛѢ ТОГО НѢТУ.
 И ТУТЪ ГОСУДАРЬ ВЗВЕСЕЛИСЯ.

РУССКІЯ

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

ПѢСНИ ОВСЕНЮ.

1.

АЙ ВО БОРЬ, БОРЬ,
 СТОЯЛА ТАМЪ СОСНА,
 ЗЕЛЕНА, КУДРЯВА.
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 БѢХЛИ БОЯРЕ,
 СОСНУ СРУБИЛИ,
 ДОЩЕЧКИ ПИЛЛИ,
 МОСТОЧНИКЪ МОСТИЛИ,
 СУКНОМЪ УСТИЛАЛИ,
 ГВОЗДЬМИ ОБИВАЛИ
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 КОМУ-ЖЪ, КОМУ БѢХАТЬ
 ПО ТОМУ МОСТОЧКУ?
 БѢХАТЬ ТАМЪ ОСЕНЮ,
 ДА НОВОМУ ГОДУ.
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!

3.

ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 ПОХОДИ, ПОГУЛАЙ
 ПО СВЯТЫМЪ ВЕЧЕРАМЪ,
 ПО ВЕСЕЛЫМЪ ТЕРЕМАМЪ!
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 ПОСМОТРИ, ПОГЛЯДИ,
 ТЫ ВЗОЙДИ, ПОСѢТИ
 КЪ ФИЛИМОНУ НА ДВОРЬ.
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!

ПОСМОТРЕВЪ, ПОГЛЯДЪВЪ,
 ТЫ НАШЕЛЪ, ТЫ ВЗОШЕЛЪ
 КЪ ФИЛИМОНУ НА ДВОРЬ!
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 КАКЪ ВЪ СРЕДИНѢ МОСКВЫ
 ЗДѢСЬ ВОРОТЫ КРАСНЫ,
 ВЕРЕИ ВСѢ ПЕСТРЫ.
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 ФИЛИМОНОВЪ ВЕСЬ ДВОРЬ
 ОВЕДЕНЪ, ЗАТЫВЕНЪ
 КИПАРНЫМЪ ТЫНОМЪ
 ОЙ ОВСЕНЬ! ОЙ ОВСЕНЬ!
 ФИЛИМОНОВЪ-ТО ТЫПЪ
 СЕРЕБРОМЪ ОБЛОЖЕНЪ,
 ПОЗОЛОТОЙ УВІТЪ!
 НА ДВОРѢ У ФИЛИМОНА
 ТРИ ТЕРЕМЧИКА СТОЯТЬ:
 И СВѢТЛЕНЬКИ И КРАСНЕНЬКИ,
 ЗОЛОТЫЕ ТЕРЕМА!
 ПЕРВЫЙ ТЕРЕМЪ
 СВѢТЪЛЪ МѢСЯЦЪ;
 ДРУГОЙ ТЕРЕМЪ
 КРАСНО СОЛНЦЕ;
 ТРЕТІЙ ТЕРЕМЪ
 ЧАСТЫ ЗВѢЗДЫ.
 СВѢТЪЛЪ МѢСЯЦЪ
 ХОЗЯИНЪ НАШЪ,
 КРАСНО СОЛНЦЕ
 ЖЕНА ЕГО,

Часты звѣзды
Ихъ дѣтушки.

3.

Овсень, Овсень! я тетерю гоню,
Овсень, Овсень! полевою гоню;
Она подѣ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ начала хвостъ,
Анѣ денегъ горсть.

4.

Петръ въ Орду собирается.
Коляда Овсень!
Александръ у ногъ увивается.
Коляда Овсень!
Ты не ѣди въ Орду, не служи королю.
Коляда Овсень!
Служи Бѣлому Царю.
Коляда Овсень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя хлѣба соли не
ѣдать.

Коляда Овсень!
На постели не сыпать.
Коляда Овсень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ, на голыхъ
доскахъ,

Коляда Овсень!
На горячей печи, на девятомъ кирпичъ.
Коляда Овсень!

ВЕСНЯНКИ.

1.

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ прѣехала?—
На сопочкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ;
Сидитъ она во теремъ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесмянную,
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

2.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью.

Съ великою милостию:
Со льномъ высокиимъ,
Съ корнемъ глубокиимъ,
Съ хлѣбами обильными.

ПѢСНИ СЕМИЦІЯ.

1.

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дядо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты соривать;
Ай Дядо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ поидемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совлемъ,
Ай Дядо! ой Ладо!
Свекору батюшкѣ,
Свекровѣ матушкѣ,
Свекору батюшкѣ малиновой,
Свекровѣ матушкѣ калиновой.
Ай Дядо! ой Ладо!
Пойду-ль я тшпомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломаю-ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю реченьку.
Ай Дядо! ой Ладо!

Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка,
Свекровъ матушка.

А Дядо! ой Ладо!

2.

Луговая корстель,
Ладо, Ладо, корстель!
Не кричи рано по зарѣ!
Не буди меня рано на зарѣ,
У меня матушка—мачиха;
Она меня поздно спать кладетъ,
Она меня рано взбуживаетъ,
Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ
Луговая корстель,
Закричи рано по зарѣ,
Разбуди меня рано на зарѣ!
У меня матушка—родная;
Она меня рано спать кладетъ,

Она меня поздно побуживаетъ,
Къ тяжкому дѣлу — къ пядцамъ.

3.

Копопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, не велело стоишь?
Ахъ, какъ мнѣ, копоплъ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ!
Дѣвка, ты дѣвушка красная!
Что-жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
Ахъ, какъ мнѣ, дѣвущкѣ, веселенькой бытъ?
Мой батюшка хочетъ замужъ меня отдать,
А мачиха хочетъ въ черницы постричь!
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачиха пошла за игуменьею.
Скрыпнули ворота растворчаты,
Брехнула собака ворзая на цѣпи.
Мнѣ чела батюшка съ боярами!
Ажно—моя матушка съ игуменьею!
Садись, мое дятятко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постырать?
Смоешь, мое дятятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавомъ!

4.

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодець удалой.
Ой, Туръ, молодець удалой!
Онъ изъ города большова
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ поворотися.
Ой, Дидъ, Ладо, поворотися!
Вышла красна дѣвица
И молодеца поворола,
На муравку уронила.

Ой, Дидъ, Ладо, уронила!
Доброй молодець вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы;
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ людямъ объявить!
Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! объявить.

5.

Каравонъ красныхъ дѣвущекъ!
Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Троицыцъ день,
А третій праздникъ—Купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ

Въ кабакъ напивается,
Какъ милый мой другъ
По зеленой травкѣ валяется.
А Орина подходила,
Никиту своего будила:
Встань, убедися, Никита,
Встань, убедися, волокита?
Сосвди смѣются,
Въ безчестье-то ставятъ.
Всталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

6.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
На той на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
Четыре были веточки, ой Дидо, Ладо!
На тѣхъ ли на веточкахъ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аянушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катенька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машенька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо,
Ладо!
Для ради н. для ради н. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися, ой Дидо, Ладо!
Для ради н. для ради н. ой Дидо, Ладо!
Всѣ гости съѣзжались, ой Дидо, Ладо!
Яства становилися, ой Дидо, Ладо!

ПЬСНИ РАДУНИЦКІЯ.

1.

Ой Лелю, молодая, о Лелю!
Ты вьоная, о Лелю!
Ты по горницѣ пройди, о Лелю!
Покажи свое лице, о Лелю!
Да въ окошечко, о Лелю!
Покажи намъ молодеца, о Лелю!
Своего-то вьюнца, о Лелю!
Да пожалуйо яичко, о Лелю!
Еще красневькое, о Лелю!
Что на красномъ блюду, о Лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о Лелю!

3.

Ты вставай-ка, молодець,
Ты вставай, нашъ вьюнецъ!
Ты расчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты взгляни въ окошко,
Кослицетое!

Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
Награди ко насъ подаркомъ,
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

2.

Какъ въ деревни у Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ тутъ теремъ
Со крутымъ верхомъ,
Со косящатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Противъ косящатаго окна,
Выросло дерево трехъ угодливое.
Что во томъ ли терему
Дубовы столы стоятъ,
Дубовы столы стоятъ,
Бранныя скатерти лежатъ;
На тѣхъ ли на столахъ
Медвяныя яствы стоятъ.
За тѣми ли столами
Князья, бояре сидятъ,
Медвяныя яствы ѣдятъ,
Сахарныя питья пьютъ.
Се катайтесь, бояре,
Съ высокаго терема!
Не спивите дерева
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода —
Подъ корень дерева,
А другая-то угода —
Посередѣ дерева,
А третья-то угода —
Подъ вершину дерева.
Соловей гнѣздо вѣетъ,
Онъ и яйца несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
Посередѣ дерева
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меда наносятъ.
Подъ корень дерева
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова;
На той ли кроватишкѣ,
Ефимушка лежатъ,
Съ молодой своей женой,
Съ Оксиньюшкой душой;
А у нихъ въ головахъ
Звончатыя гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть?
Кому тѣшить?
Играть въ эти гусли

Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку свою душу.
Чѣмъ васъ, молодцовъ,
Станутъ жаловати?
Пивомъ ендовой, или стекляницей вина,
Или золотой казной?
Ничего намъ не подати,
Мы со двора поидемъ,
Мы осердимся.
Три вѣды мы сокуримъ:
Первую вѣду:
Ворота мы растворимъ,
Ковей пару уведемъ;
А другую-то вѣду:
Избы, двери растворимъ,
Мы гостей ознобимъ;
Третью-то вѣду:
Во теремъ зайдѣмъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи остудимъ,
Гостей омолодимъ,
И васъ, молодыхъ,
На стыдъ наведемъ.
Еще здравствуй молодой,
Съ молодой своей женой!
И спасибо тебѣ хозяинъ,
На жалованьи!
Вьюнецъ, молодецъ — молодой!
Вьюнецъ, молодецъ — молодая!
Вьюнецъ, молодецъ — молодая!
Вьюнецъ, молодецъ — молодой!

ПѢСНИ ПЕТРОВСКІЯ.

1.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганъ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
Иволга развиваетъ;
Хоть ты вѣй, не вѣй соловей,
Не бывать твоему гнѣзду святому,
Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубровъ,
Не клевать имъ яророй пшевицы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо!

2.

Во ржи береза зеленка стояла,
Ой Дидъ и Ладо, зелена, кудревата!
Подъ той березой соловейко щекочетъ,
Ой Дидъ и Ладо, молодое щекочетъ.

Соловейко батько, скажи мнѣ всю правду,
Ой Дидь и Ладо, ты скажи мнѣ всю пра-
вду:
Не утай, молодое, да что первая Лада?
Ой Дидь и Ладо! да что первая Лада?
«Какъ первая-то Лада золотъ съ руки
перстень,
«Ой Дидь и Ладо! золотъ съ руки пер-
стень.»

Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дидь и Ладо! да что друга Лада?
«Другая-то Лада кунья съ плеча шуба,
«Ой Дидь и Ладо! кунья съ плеча шуба.»
Не утай молодое, да что третья Лада?
Ой Дидь и Ладо! да что третья Лада?
«А третья-то Лада другъ милой сердечной,
«Ой Дидь и Ладо! другъ милой сердечной.»

РУССКІЯ

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

1.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Приди котикъ ночевать,
Моего Сашеньку качать,
Баю, баюшки, баю!
Баю, Сашеньку, баю!
Моего Сашеньку качать,
Качать, прибаюкивати.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Колыбель хороша:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю Сашеньку, баю!
У котъ, кота
Перинишка мягка;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Мягче его,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньки, баю!
У котъ, кота
И подушечка вѣла;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!

У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котъ, кота
Одвѣялицо тепло:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Соволинное лежить;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Плетка подъ подушечкой лежить,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
На стѣночкѣ висить.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
2.
По горамъ, горамъ,
По высокимъ,
По раздольцамъ,
По широкимъ,
Тутъ огни горять
Негасимые,
Злы Татарове
Тутъ полонъ дѣлять.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнь;

Онъ отвезъ ее
 Къ молодой женѣ.
 «Ахъ и вотъ тебѣ,
 Молода жена,
 Полоняночка
 Съ Руси Русская!
 Ты заставь ее
 Три дѣла дѣлать:
 Что и первое
 То дѣтя качать,
 А другое то
 Тонкій кужель прѣсть,
 Что и третье
 То цыпалъ пасти.»—
 «Ты баю, баю,
 Мое дитятко!
 Ты по батюшкѣ
 Злой Татарченкокъ,
 Ты по матушкѣ
 Милѣ внученочекѣ:
 Вѣдь твою-то мать
 Мнѣ родная дочь;
 Семи лѣтъ она
 Во полонѣ взята,
 На правой рукѣ
 Нѣтъ мизинчика.
 Ты баю, баю,
 Мое дитятко!»
 Какъ услышала
 Тутъ Татарочка,
 Она кинулась,
 Она бросилась
 На вѣды руки
 Къ своей матушкѣ:
 «Ахъ, родимая
 Моя матушка!
 Выбѣрай себѣ
 Коня лучшаго:
 Мы вѣжнимъ съ тобой
 На святую Русь,
 На святую Русь,
 Нашу родину!»

3.

На горѣ, горѣ, да крутой,
 Огни горятъ, да все свѣтае,
 Баю, баюшки, баю!
 На тѣхъ огняхъ, да свѣтлыхъ,
 Котлы кипятъ, да кипуче,
 Баю, баюшки, баю!
 Вокругъ огня, да свѣтлыхъ,
 Сидятъ Татары, да все заые,
 Баю, баюшки, баю!

Сидятъ, дѣлать да все животы
 Твоего отца, да родимаго.

Баю, баюшки, баю!

Встань, пробудись, да дитятко,
 Соимай со стѣны сабельки,

Баю, баюшки, баю!

Соимай со стѣны сабельки.

И вѣсь-то мечи булатные;

Баю, баюшки, баю!

Ты коли, руби сабельками
 Злыхъ Татаръ съ Татарченками;

Баю, баюшки, баю!

Ты сѣки, кроши губителей

Все мечами да булатными.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

4.

Спи, усни, мое дитятко!

Покуль гроза пройдетъ,

Покуль бѣда минеть.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Спи, усни, мое дитятко!

Гроза пройдетъ страшная,

Бѣда минеть наносная.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Спи, усни, мое дитятко!

Твоя матушка полночка,

Твой батюшка поляночкѣ.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Злы Татарове набѣгали,

Домы, теремы сожигали,

Старыхъ стариковъ убивали,

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Молодыхъ въ полонѣ полонили,

Животы по себѣ дѣлили.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Разлучилъ тебя, титятко,

Съ родимой-ли матушкой,

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Отогнали прочь, дитятко,

Твоего ли батюшку родимаго.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!

Ты расти, расти, дитятко,

Во крѣпости и младости.

Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!
 Ужъ у тебя ли на дворѣ
 Состоитъ теремъ однихочикъ
 Безъ ватюшки и матушки,
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!
 Безъ твоей молодой жены;
 Ты съдлай коня воропато,
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!
 Ты скачи въ орду золотую,
 Вывози ватюшку роднова,

Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!
 На святую ли Русь;
 Вывози матушку родиму,
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!
 На широкой ли дворѣ
 Вывози молоду жену
 Во теремъ изукрашенный.
 Баю, баюшки, баю!
 Баю, мое дитятко!

СРАВНЕНІЯ.

ЧЕРВОНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Гей летала завуленька по Украинѣ,
 Гей роняла сивы перья по долину,
 Ой якъ тяжело сивымъ перьямъ по долину
 Еще тяжче соротивць на чужинѣ.
 Ходить голубь надъ водою гукаючи,
 Своей милой голубеньки шукаючи:
 «Та чи спишь ты, сердце мое, та чи чуешь,
 Чомъ до меня, сердце мое, не говоришь?
 Якъ я маю, сердце мое, не говориш:
 Лежить не любь на ручонцѣ, буде бити.»
 «Ой вотсунься, сердце мое, вотъ нелюба,
 Застрѣлю нелюба за лука—якъ голуба.»
 Ой чи забьешь, сердце мое, чи не забьешь,
 «За все ты сердцу моему жалю до даешь.»
 «Покинь отца, покинь маму и всю родину,
 Иди съ нами казаками на Украину:
 На Украинѣ суха рыба и съ шафраномъ,
 Будешъ жити за казакомъ якъ за паномъ;
 А на Польщѣ суха рыба и съ подою,
 Будешъ жити съ вражымъ лякомъ якъ съ

вѣдою.»

2,

Да теперь ночка
 Та темнал,
 Да дороженька
 Та далекал.
 Ой, припну коня
 Коло калиночки,

Г. I. Ч. III.

А самъ ляжу спати
 На край могилочки.
 Де тамъ дѣвчина
 Молода ея взяла,
 Ударилъ казака,
 Таи такъ промолвила:
 «Ой встань, казаче,
 Ой встань годъ спати!
 Наступае горда,
 Хоче коня взяти.
 Та коня возьмутъ,
 Та конь другій буде;
 Тебя порубають
 На свѣтъ небуде!»

3:

Хорый казакъ, хорый казакъ, выдай хо-
 че смерти!
 «Ой идите, приведите дѣвчину до смерти.»
 «Ой выдай ты, казаченьку, не въ правду
 вмираешь,
 Шо ты собѣ передъ смертю дѣвчину же-
 даешь!»
 Умеръ казакъ, умеръ казакъ и казацка
 мова,
 А лепився конь вороный и лсна зброю.
 Ой сошлися казаченьки до одной хаты,
 Ой сошлися казаченьки, кому коня дати.
 Сотпковни коня дати, гетманови зброю,
 Щобъ позволивъ поховати казака съ стрѣ-
 вою.

36

Тыло vezetъ, коня ведутъ, конь головою-
ку клонитъ,
А дѣвчпца за казакомъ бѣлы руки ло-
митъ,
Ломитъ руки, ломитъ руки и мизельны
пальцы:
«Ахъ вже-жъ нема и не буде такого ко-
ханья!
Чомусь мене моя мати, рано не свудила,
Комп его компания съ мѣста выходила?
«Для того тя, моя добою, рано не свудила?
Любилась съ ихъ компанчика, то-вись не
тужила.
Піднявся, моя дошо, въ вышнюю кваты-
ру,
Спускаются казаченьки съ горы на до-
дну....

4.

Сидитъ казакъ на могилѣ, тай думку
думаетъ,
На Украинну поглядае, тяжеленко вздыхаетъ:
А ни вѣтеръ ни вѣ, ни солнце ни грѣ,
Ено краемъ край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила съ вѣтромъ говорила:
«Не вѣй вѣтре буйнесевькій — щобъ-мъ не
чортила!»
«Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
Що мене молодого въ чужій край занесла;
Бодай тота рыбокъ не сродила,
Що мене молодого съ милою разлучила.»
Тамъ на горѣ рѣченца, на рѣченцѣ клад-
ка:
«Не погидай, мой миленькій, старенькаго
батька:
Якъ батька покинешь, марненько загнинешь,
Блестричкою рѣченкою на Дунай попли-
нешь,
И весельце студишь, будешь потопати,
Я в влодѣ не смогу бѣлу ручку дати!»
5.
«Ой де йнемо спати, дѣвчино моя?»
Ой подъ сосною, подъ зеленою,
Мой нелюбе съ тобою!
«А що мы собѣ постелемо, дѣвчино моя?»
Ой поселется намъ трава-мурава,
Мой нелюбе съ тобою!
«А що насъ окрые, дѣвчино моя?»
Окрые насъ почка темненка,
Мой нелюбе съ тобою!
«Що насъ пробудить, дѣвчино моя?»
Ой пробудить насъ пташка дробненка,
Мой нелюбе съ тобою!

«Чемъ-же мы ся вмыемо, дѣвчино моя?»
Ой вмыешься ты росною, я слезною,
Мой нелюбе съ тобою!
«Що-жъ мы йнемо постѣдковати, дѣвчи-
но моя?
Ой ты ягодоньки, а я слезеньки,
Мой нелюбе съ тобою!
«Де-жъ мы ся гозойдемо, дѣвчино моя?»
Ой ты до вѣса, а я до лѣса,
Мой нелюбе съ тобою!

6.

Ой за горою за високою,
Тамъ сидитъ голубъ и съ голубкою,
Ой сидятъ они тай цѣлуются,
Сивыми крыльцями обоймаются;
Надлетѣвъ орелъ съ чорною хмары:
Розбивъ, розгнавъ голубы изъ пары;
Забивъ голуба тамъ на ровнищѣ,
Розливъ кровь его по всей долищѣ;
Голубка сидитъ жаловно гуде,
Що вже съ голубомъ жьти не буде.
«Сива голубка, въ щожъ ты думаешь,
Чи не на вроду, що красну маешь?»
«Щожъ ми по молодости,
Коли не маю ни съ кѣмъ милости.»
«Ой маешь во ты семь паръ голубовъ,
Выбирай собѣ, который ти любый.»
«Ой най же буде двадцать и три,
Нема такого, якъ мѣй бувъ милый!»

II. ШУТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ой стукнуло въ буйномъ лѣтѣ,
Комаръ съ дуба повалився,
И стовкѣ собѣ головищѣ,
О дубово коренищѣ.
Вылетѣла муха съ хаты
Комаровька рятовати:
«Ой комарию, господарю,
Жаль ми тебе не помалу!
Де ся скажешь поховати
Кости твои шаповати?»
«Пожодайте-жъ мене въ лѣтѣ,
Въ буйномъ лѣтѣ, при горостѣ;
Посѣйте на мѣв руточку,
Съ зеленого барвиночку;
Кто ту руту буде врати,
Буде мене споминати.»
«Ой тутъ лежить комарищѣ
Той великій гулящѣ,

НЕ ЕДИНОМУ ГРАВЪ НА НОСЪ,
ТЕПЕРЬ ТЬМО ЕГО ВЪ ПРОСЪ. »
ОЙ, ДУ, ДУ, ДУ, ДУ, ДУ, ДУ!
КОМАРЕНЬКА НЕ ЗАЛУДУ:
ОЙ ТУТЬ ЛЕЖИТЬ ЕГО ТЬМО
ЩО ВЧЕРА СЪ ДУБА СЛЕТЬМО.

2.

ОЙ ПОДЪ ЛЪСОМЪ, ДУБНИОЮ,
КОСИВЪ ЯЧМЕНЬ СЪКРОЮ,
А ДЪВЧИНА ГРОМАДИЛА,
КАЗАЧЕНЬКА ПРИПАДИЛА:
« ОЙ КАЗАЧЕ ЧЕРНОВУСЫЙ,
ЧОМЪ У ТЕБЕ ЖУПУНЪ КУЦІЙ? »
— МЕНЕ ДЪВКИ ПОДПОЛИЦ,
ЖУПАЙ МЕНЕ ПОДКРОЛИЦ.

3.

ЯКЪ Я БУЛА МОЛОДА,
БУЛА ВЪ МЕНЕ УРОДА;
А ТЕПЕРЬ Я УРОДУ
И ВЪ ЗЕРКАЛЪ НЕ СПАЙДУ.
ГЕЙ, ГЕЙ, ДОКУЧИЛО БРОВОНЬКАМИ МОРГАТИ!
АХЪ, АХЪ, ДАЙ-ЖЕ БОЖЕ, ТОГО МУЖА ДО-
ЖДАТИ!

ПОДЪ ФАРБЫ НАКУПЛЮ,
ЛИЦЕ СОВЪ ПОВЪЛЮ;
ЧИ НЕ СПАЙДУ ТАКОГО,
ЩО ПОЛЮБИТЬ МЯ МНОГО.
ГЕЙ, ГЕЙ, ДОКУЧИЛО БРОВОНЬКАМИ МОРГАТИ!
АХЪ, АХЪ, ДАЙ-ЖЕ БОЖЕ, ТОГО МУЖА ДО-
ЖДАТИ!

ПРИПНУ ФАРТУХЪ ДОРОГІЙ,
ЗОЛОТЫИ СЕРЕГИ,
А СЕРЕБРЕНАЯ СЕРЕДИНА:
ЧИ НЕ КРАСНА Я ДЪВЧИНА?
ГЕЙ, ГЕЙ, ДОКУЧИЛО БРОВОНЬКАМИ МОРГАТИ!
АХЪ, АХЪ, ДАЙ-ЖЕ БОЖЕ, ТОГО МУЖА ДО-
ЖДАТИ!

БОЗЪМУ ШУВУ СЪ АКСАМИТУ,
СОБОЛЯМИ ПОДШИТУ,
ЗОЛОТЫИ ГАЛОНЫ,
А СРЕБРЕНЬИИ ЗАПОНЫ.
ГЕЙ, ГЕЙ, ДОКУЧИЛО БРОВОНЬКАМИ МОРГАТИ!
АХЪ, АХЪ, ДАЙ-ЖЕ БОЖЕ, ТОГО МУЖА ДО-
ЖДАТИ!

ЧОБОТКИ СЪ САФЬЯНУ,
ЗА СЕМЪ ЗОЛОТЫХЪ ДОСТАНУ
ДА ВЫКРЕШУ ГУЛУБЦА:
ЧИ НЕ СВАБЛЮ МОЛОДЦА.
ГЕЙ ЕЙ, ДОКУЧИЛО БРОВОНЬКАМИ МОРГАТИ!
АХЪ, АХЪ, ДАЙ-ЖЕ БОЖЕ, ТОГО МУЖА ДО-
ЖДАТИ!

III. ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

ХОРА, Я ХОРА, МУСИТЬ Я УМУР,
ПАДЬТЕ-ЖЕ, ПРИСЕДИТЬ, КОГО Я ЛЮБЛЮ,
ПРИВИДИТЬ-ЖЕ МИ ПОПА, ПРИВЕДИТЬ МЯ ДЯ-
КА,
ПАЙ Я СПИШУ ХУДОБОНЬКУ ЗА СВОЕГО ЖИТЬЯ.
МАЮ Я ЧТЕРИ ВОЛОНЬКИ,
ЩО-БЫ МЕНЯ ХОВАЛИ ЧТЫРИ ПОПОДЬКИ;
А ДОВЬКАМЪ ДАМЪ СЪ ШЫИ КОРАЛИ,
ЩО-БЫ МЕНЕ ПОЛОЖИЛИ КРАСНО НА ЛАВЪ;
А НЕВЪСТКАМЪ ДАМЪ СКРЫНО И ПОДУШЕНЬ-
КИ,
ЩО-БЫ ЗА МНОЮ ЗАВОДИЛИ ЯКЪ ЛАСТОНЫ-
КИ;

СЫНОВИ ДАМЪ СЪРУ КОРОВУ,
ЩО-БЫ МЕНЕ ВЫПРОВОДИТЬ КРАСНО ДО ГРОБУ;
А ПОДЗВОННУМУ ДАМЪ СЕМЪ МЕРЪ ПОЛОТНА,
ЩО-БЫ МЕНЕ ДЗВОНИВЪ ЦЪЛЫЙ ТЫЖДЕНЬ ЩО-
ДЛЯ;
А ДЪЛКОВИ ДАМЪ ПЯТЬ МЕРЪ ПОЛОТНА,
ЩО-БЫ НА МЕНЕ НЕСЫПАТЬ ВЕЛИКУ МОГЕЛУ,
А СУСЪДЯМЪ ДАМЪ КОРЕЦЪ ПШЕНИЦА,
ЩО-БЫ МЕНЕ СПОМИНАЛИ ПРИ ПЪЯТИЦЪ.

2.

ВЫЙДИ ПАВОНЬКУ ДО НАСЪ,
ВЫКУПЪ СИ ВЪНЕЦЪ У НАСЪ,
ПОЛОЖИ ЧЕРВОНОВОГО,
ВОТЬ ВЪНЦІ ПОЛОВОГО;
БО ЯКЪ НЕ ВЫЙДЕШЪ ДО НАСЪ,
НЕ ВЫКУПИШЪ ВЪНЦА У НАСЪ,
ДО КОРЧЫ ПОНЕСЕМО,
ГОРЬВКИ НАПЬЕМО
ЗАНЕСЕМО ДО ЖИДА—
БУДЕ, ПАВЕ, ОГИДА.

3.

КАЗАЛА НАМЪ НИВКА,
ЩО Е ВЪ ПАНА ГОРЬВКА,
ВЪ КОМОРЪ НА ПОЛНЦЪ,
ВЪ КРЕСТАЛЕВЫЙ СКАЛНИЦЪ;
ВЪ КОРМЪ ПОДЪ ЛАВОЮ,
ПРИПРОСА МУРАВОЮ.

4.

НА ГОРЬ КРЕНЦА,
КОЛО НЕИ ПШЕНИЦА;
ЖАЛИ ИИ ЖЕНЦИ.
ТА САМИ МОЛОДЦИ,—
ХЛОПЦИ ВУСАТЫИ,
И ДЪВКИ КОСАТЫИ.
ДОБРА НИВОНЬКА БУЛА,
СТО КОПЪ ВЗРОДИЛА:

Що пока, то колода,
Панови нагорода,
Запрягайте волю,
Б'дьте по подпоры,
Скиртоньки подперати,
Вязальничковъ поспрашати.

5.

У нашего пана,

Золотая брама,
Золотая приспа,
Сила — вязальничковъ триста:
Добру долецьку мае,
Рано съ поля свережае,
Только тужаночки,
Що женки не мае.

МАЛО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Вьють вѣтры, вьють вѣины,
Ажъ деревья гнуться;
Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются!
Трачу лета въ лютомъ горѣ
И конца не бачу;
Тоньки минь й легче стане,
Якъ трощки по плачу!
Не помогутъ слезоу счастью —
Серцю легче буде!
Хто счастливей буде хоть часочокъ,
По вѣкъ не забуде!

Есть же люди, що и моей
Завидуютъ долѣ:
Чи счастливѣе-жъ та быльвица,
Що росте у полѣ?

Ой у полѣ на песочку,
Безъ росы на сонце....
Тяжко жити безъ милого,
На чужой сторонцѣ!
Безъ милого доли нема,
Стане свѣтъ тюрмою;
Безъ милого счастья нема,
Нема и покою!
Де ты милый, чернобривый?
Де ты? озвися!

Якъ безъ тебе я горюю —
Приди подивися!
До кого я пригорнуса,
И хто приглубить —
Кои нема того тута
Якій мене любить!
Полетѣла-бъ я до тебе,
Да крыльце не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе.

Всякъ часъ умпраю.

2.

Ой сама я, сама пшевиченьку жала;
Ой приду я до домоньку — нема моего пана!
Челлдонька у дому — ой що-жъ мене по
тому?

Дала-жъ бы я бѣлы руки — да нема кому!
Пойду я до комнаты постелоньки слати:
Постель бѣла, стѣна нѣма, не съ кѣмъ
розмовляти!

Ой постель бѣленька, а стѣна нѣменька:
Сжалься, сжалься, милый Боже! ще я мо-
лоденька.

Ой выйду я, выйду на кругую гору;
Ой стану я, ой гляну я на быстреньку во-
ду:

Щука рыба въ водѣ до воли гуляе;
А я стою да думаю, що пары не маю.
Милѣ только пары, що оченьки кары!
Толькп-жъ минѣ всей любви, що черныи
брови!

Очп-жъ мои кары, бѣда минѣ зъ вами:
Не хочете привыкати безъ милого сами!
Хоть хочете, не хочете — треба привыкати,
Уже-жъ ео вамъ миленькаго по вѣкъ не
видати!

3.

Въ огородѣ хмельнонька
Грядки устплае;
Про-межъ людьми дѣвчинонька
О, горько рыдае.
Що-жъ хмельна зелененька,
Що не вѣется въ гору?
Що-жъ дѣвчина молоденька
Проклинае долю?
Якъ хмельнѣ въ гору виться —
Тычны немае!

Якъ двѣцпнѣ не журиться—
Казакъ покидае!

4.

Ой летѣла зозуленька
Черезъ поле, гай;
Да ѣ згубила рябе перце
На тихій Дунай.
Ой якъ тому рявенькому
Перцю на Дунаю—
Ой такъ минѣ спротнѣ
На чужому краю!
Ой покочу золотій перстень
По крутой горѣ—
Пойшли моп лѣта зъ свѣта
Якъ листъ по водѣ?...

5.

Ой плавала свѣра утка по водѣ,
Клпкала вона матенку п къ совѣ:
Прнебудь моя матенко п къ минѣ,
Ой дай минѣ порадоньку, бѣдной сиротѣ!
Ой рада-бѣ я, дитя мое, прибути къ то-
бѣ—
Засыпано сырої земли на груди моп,
Склепнлися черны очи на вѣс ночи,
Заклпчили уста кровлю—не промовлю!
Ой корисл, дитя мое, чужой сторонѣ:
Нехай дае прадоньку бѣдной сиротѣ.—
Корилася, моя матенко, не разъ п не два—
Да не дае порадоньки чужа сторопа!

6.

По за садомъ дорога
До самого порога;
По за садомъ стежечка
Да до мого сердечка.
Ой пойду я брукати,
Своего роду шукати;
Да не нашла родины,
Ни вирноп дружины:
Пашла въ полѣ ланну,
Матенцину могилу.—
Устань нене до мене!
Горѣ мене безъ тебе!
Горѣ менѣ на чужинѣ,
Не ма родипу при менѣ,
Не ма роду, родины,
Ни вѣрной дружины!
Соловейко маленький,
Въ тебѣ голосъ топецькій:
Защережи ты менѣ,
Що я въ чужой сторонѣ,
Нема роду, родины,
Ни вѣрной дружины.

Да вже-жѣ си вороги
Кругомъ хату сбили,—
Не такъ хату, ще й свини
Вороженьки обстлн.

7.

Ой полети галко, де мой родвий батько:
Нехай мене одвѣдае, коли мене жалко!....
Галочка немае, батепька не буде!
Ой де-сь мене несчастую на вѣки забл!
Чи ихъ порубано, чи въ полонѣ завято?
Уже-жѣ минѣ свѣтѣ не милый, ни въ
будденѣ, ни въ свято!
Ой полети орле, де мой братикъ оре:
Нехай воловъ покидае—мене одвѣдае!
И орла немае, братика не буде!
Полетнѣ синици де родны сестрици:
Нехай мене одвѣдають, моп жалобници!
И синиць немае, п сестриць не буде!
Плыви, плыви утко, противъ воды пруд-
ко:
Скажи моей матенцѣ, що я умру хутро!
Утенки немае, матенки не буде!....
Ой на горѣ верба, подѣ горюю кормча;
Ой тамъ мой родъ нѣе, гуляе, мене помп-
цае:
Ой де-сь наша несчастная въ свѣтѣ по-
гнѣе!

8.

Не жалѣ минѣ на голюнку,
Минѣ жалѣ на вирононьку:
Завезь мене мой мленькій
На чужую стороненьку!
А на чужой сторонѣ
Зовуть мене заволокою,—
Кажуть плысти черезъ рѣченьку,
Быстренькую п глыбокую.—
Чи мнѣ плысти, чи мнѣ вресте,
Чи мнѣ въ веп утопитися?
Бѣда-жѣ минѣ на чужинѣ:
Нѣ до кого прихлнитися?...
Прихлнюся до дубонька:
Мнѣ дубонька—да не батенька:
Втерѣ вѣе, голя мае,
А вонѣ стоить не промовляе!
Усе горы, усе лѣси!
Нѣгдѣ воды напнитися!—
Бѣда минѣ безъ матеньку:
Нѣ до кого прихлнитися!—
Прихлнюся до липоньки:
Мнѣ липонька да не матепка:
Втерѣ вѣе, голя мае—
А вонѣ стоить, не промовляе.

Усе горы, усе лѣсы!
 Нѣгде воды напнтися!—
 Бѣда мнѣ безъ братика:
 Нѣ до кого прихлѣнтися?
 Прихлѣюся до явора:
 Мнѣ яворъ да не братичокъ;
 Вѣтеръ вѣе, голѣя мае—
 А вонъ стоитъ, не промовляе!
 Усе горы, усе лѣсы!
 Нѣгде воды напнтися!
 Бѣда мнѣ безъ сестрици:
 Нѣ до кого прихлѣнтися!
 Прихлѣюся до березоньки:
 Мнѣ березонька да не сестронька:
 Вѣтеръ вѣе, голѣя мае—
 А вона не промовляе.
 Усе горы, усе лѣсы!
 Нѣгде воды напнтися!
 Бѣда мнѣ безъ родины:
 Нѣ до кого прихлѣнтися!
 Прихлѣюся я до ялны:
 Мнѣ ялина не родина:
 Вѣтеръ вѣе, голѣя мае,
 А вона не промовляе,
 Бѣдна душа моя пропадае!

II. ШУТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ой густой очеретъ, да ѣ лепеховатый:
 Чи ты жъ мене не познавъ, пришелепобатый?
 Ты думаешь, дурню, що я тебе люблю?
 А я тебе, дурню, словами голублю!
 Ты думаешь, дурню, що я женихаться?
 А я зъ тебе, дурню, абы посмѣяться!
 У городъ бузина перерублена;
 Одступися, преподаный—я полюблена!
 У городъ бузина, на ѣй листу нема:
 Не ходи и не любви, коли толку нема!

2.

Чи я-жъ бѣ мужа не жена,
 Чи не господиня:
 Семь день хаты не мела,
 Сметля не восила!
 За що-жъ мене, мужу, бьешь,
 За яки вчинки?
 Чи я-жъ тобѣ не направила
 За роки твѣ почивки?
 Одинъ прѣла до Роздѣя,
 Другій до Миколая.

А якъ третій почала—
 Будей ѣ до Покровы!
 Да не сама прѣла,
 Кума помогала;
 Кумъ дала мыску пшона
 И три куски сала.
 Да не сама прѣла,
 Були помощники—
 То за хлѣбъ, то за соль,
 То за пальники.
 Ой ты пьешь, мене бьешь!
 Може-бъ я робила;
 Накупивъ веретень—
 Нема мотовила.
 Въ печи дрова не горятъ,
 Такъ я подпала;
 Таки тобѣ недоверку
 Борщю наварила!
 Де я зросла, де ты зросъ,
 До-купы пасъ лхій знесъ.
 А ни я, а ни ты
 Не выведемъ робити!
 Ой ты пьешь, мене бьешь—
 Розпытаймосъ за що:
 Охъ и я, охъ и ты—
 Овое ледащо!

3.

Да оре Семень, оре
 Да чорными волами;
 Его женка Катеринка
 Гуляе за Москолями.
 Да оре Семень, оре,
 Да ѣ на сонце поглядае:
 Его женки Катеринки
 И зъ овѣдомъ немае.
 До орався-жъ той Семень
 Да ѣ до нового лану;
 Пустивъ воловъ до дубровы,
 А самъ пошовъ до дому.
 Якъ пришовъ-же той Семень
 Да до новыи хаты;
 Пытается своихъ дѣтей:
 А де, дѣти, ваша мати?—
 Ой пошла наша мати
 Да у лугъ по телѣты:
 Завожилась, заклѣлася,
 Що не ваша дѣти мати?
 Ой якъ кинется Семень
 Да до новои скрынки.
 Нема добра, нема ѣ скрынки,
 А не жонки Катеринки!
 Якъ ударяться-жъ Семень

Да обь полы руками:
 «Дѣтки мои, кѣтки мои!
 О, пронавъ я зъ вами!
 Ой ударьте морозы
 Да на тѣ густыя лозы
 Побій Боже Катерину
 За Семеновы слезы!»
 А Семеновы слезы
 Марне не пропали:
 На камни вѣдьми задала
 Бѣлы камни розбивала!

4.

Сосѣдъ уже жнто съе,
 У сосѣда зеленѣе;
 А у менѣ не сѣлно,
 А ни поле не орано.
 У сосѣда хата бѣла,
 У сосѣда жонка мила;
 А у мене ни хатынчки,
 А ни счастья, а ни жонки!
 За сосѣдомъ молодици,
 За сосѣдомъ и вдовици,
 И дѣвчата поглядуютъ,
 Що сосѣда всѣ кохають.
 Одна була полюбила
 И рученьку заручила,
 И та потомъ такъ сказала:
 Що я тебѣ не кохала!
 Чи безъ счастья уроднися,
 Чи безъ счастья окрестнися?
 Чи такіи кумы брали—
 Счастья, доли не вгадали!
 Ой на ставу, на ставочку,
 Тамъ плавають черипочки.
 Одна другу догоняе—
 Кожна собѣ пару мае!
 Ой на ставу, на ставинѣ,
 Тамъ плавають да два льни:
 Одинъ другого догоняе—
 Кождѣй собѣ пару мае!

5,

Бѣла жонка мужика,
 Пошла позывати;
 Присудили мужику
 Ще жонки прохати.
 Сидитъ жонка на причечку,
 Ножки подобгавши;
 Стоитъ мужикъ у порога,
 Шапочку изнявши.
 Прости мене, моя мила,
 Що ты мене бѣла;
 Куплю товѣ гарниць меду,

Коновучку пива.—
 Ой одъ пива болить спина,
 Одъ меду голова:
 Купи мишь горблячки,
 Що-бъ була здорова.
 Да ще, мужичище,
 Вячни мою волю:
 Поскачи ты гайдуйка
 Да передо мною!—
 Кричать мужичище,
 Взляши за бочнище:
 Гойя! гойя! моя мила—
 Отъ и гайдучище!—
 Не дивится, панове!
 Що жонка вчинила.—
 Що своего мужика
 Гайдуйка навчила!
 Бо вже така пора прийшла,
 Що ще й не бывало:
 Якій дѣдъко ни побее—
 То й пиши пропало!

III. ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

1. ВЕСНЯНКИ.

1.

Розлилися воды
 На чотыре броды:
 У першому бродѣ
 Соловейко цвѣтавъ,
 Зелены сады розпшавъ;
 У другому бродѣ
 Зазулька ковала,
 Лѣтечко казала;
 У третьему бродѣ
 Конничокъ заржавъ,
 Вовѣ дороженьку почавъ;
 А въ четвертомъ бродѣ
 Да дѣвчина плаче,
 За пѣякового идучи.
 Собѣ лихо чуочи.

2.

Свѣти, зоре, на все поле,
 Заколю мѣсяць зыйде,
 Заколю до мене миленькій
 Вечерати прийде.
 Ой чи прийде, чи не прийде
 На вечерю тую;
 А я ему ранесенько
 Свѣдати зготую!—
 Цвѣли лозы при дорожѣ

СИНЕСЕНЬКИМЪ ЦВѢТОМЪ.
ИШОВЪ КАЗАКЪ ИЗЪ УЛИЦИ
БѢЛЕСЕНЬКИМЪ СВѢТОМЪ.
НЕ ЖАЛЬ ТОМУ КАЗАЧЕНЬКУ
ПОСВѢАТИ ДАТИ,
ЩО ВОНЪ ИДЕ ИЗЪ УЛИЦИ,
ЯКЪ СТАНЕ СВѢТАТИ.

3.

НЕМА ЛЕДУ, НЕМА ЛЕДУ,
НЕМА Й ПЕРЕХОДУ;
КОЛИ ТОБѢ ЛЮБА МИЛА—
БРЕДИ Й ЧЕРЕЗЪ ВОДУ!
ПЕРЕБРЕЛА ДВѢ РѢЧЕНЬКИ
Й ПОЛОВИНУ СТАВУ:
НЕ ВОДЬ МЕНЕ, КАЗАЧЕНЬКУ,
ВЪ ВЕЛИКУЮ СЛАВУ!
ОЙ САМА-ЖЪ ТЫ, ДѢВЧИПОНЬКО!
СЕБЕ ВЪ СЛАВУ ВВОДИШЬ
ЩО ПОЗНОПЬКО, ПЕРАНЕЦЬКО
ИЗЪ УЛИЦИ ХОДИШЬ.
ОЙ ЯКЪ МНѢ КАЗАЧЕНЬКУ,
ДА РАНЬШЕ ХОДИТИ?
ЯКЪ ВОЗЬМЕШЬ ТЫ ЗА РУЧЕНЬКУ,
НЕ МУСИШЬ ПУСТИТИ!

ТРОПЦІЯ.

1.

ОЙ БѢЖИТЬ, БѢЖИТЬ МИЛА ДѢВЧОКА,
А ЗА НЕЮ ДА РУСАЛОЧКА.
ТЫ ПОСЛУХАЙ МЕНЕ, КРАСНО ПАННОЧКА!
ЗАГАДЬВЛЯЮ ТОБѢ ТРИ ЗАГАДОЧКИ:
ЯКЪ УГАДАЕШЬ—ДО БАТЬКА ПУЩУ,
КОЛО-ЖЕ НЕ ВГАДАЕШЬ—ДО СЕБѢ ВОЗЬМУ.
ОЙ ЩО РОСТЕ БЕЗЪ КОРЕНЯ,
А ЩО ЦВѢТЕ БЕЗЪ ВСЯКАГО ЦВѢТУ?
КАМЕНЬ РОСТЕ ДА БЕЗЪ КОРЕНЯ,
ВОДА БѢЖИТЬ ДА БЕЗЪ ПОБОДА,
ПАПОРОТЬ ЦВѢТЕ БЕЗЪ ВСЯКАГО ЦВѢТУ!...
ПАННОЧКА ЗАГАДОЧКИ НЕ ВГАДАЛА:
РУСАЛОЧКА ЕЕ ЗАЛОСКОТАЛА.

2.

ОЙ ЗАБЬЮ ВѢНКИ ДА НА ВСѢ СВЯТКИ!
ОЙ НА ВСѢ СВЯТКИ—НА ВСѢ ПРАЗДНИЧКИ!
ДА РАНО, РАНО, НА ВСѢ ПРАЗДНИЧКИ.
А ВЪ БОРУ СОСНА КОЛЫХАЛАСЯ,
ДОЧКА БАТЕНЬКА ДОЖИДАЛАСЯ.
ОЙ МОЙ БАТЕНЬКУ, МОЙ ГОЛУБЧИКУ!
ТЫ ПРИЕДУЕШЬ КО МНѢ ХОТЬ НА ОДНО ДѢТО!
У МЕНЕ ВЪ ТѢНѢ ПЕРЕДЪ ВОРОТАМИ
СИНЕЕ МОРЕ РОЗЛИВАЕТСЯ.

ПАВЫ И ГЕТЬМАНЫ ИЗБѢГЛИСЯ,
ВСЕ СЕМУ ДИВУ ДИВОВАЛИСЯ.

3.

ПРЯЛЕЛА ЗОЗУЛЕНЬКА
ЗЪ ТЕМНОГО ЛѢСОЧКУ:
СЪЛА, ПАЛА, ЗАКОВАЛА
ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ САДОЧКУ.
ОЙ ЯКЪ ВЫЙШЛА МАРУСЕНЬКА
ВЪ НЕИ ЗАПЫТАЛА:
СКАЖИ МНѢ, ЗОЗУЛЕНЬКО,
ДОВОГ ОУДУ ВЪ БАТЬКА?—
БУДЕШЬ МИЛА МАРУСЕНЬКА
СЕЙ ДЕНЬ ДО ВЕЧОРА!—
БО-ДАЙ ЖО ТЫ, ЗОЗУЛЕНЬКО,
СВМѢ ЛОТЪ НЕ КОВАЛА,
ЩО ТЫ МНѢ МОЛОДЕПЬКОЙ
ПРАВДЫ НЕ СКАЗАЛА!

3. КУПАЛЬСКІЯ.

1.

ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ,
НЕ ПЕРЕХОДЬ ДОРОЖЕНЬКУ.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ЯКЪ ПЕРЕЙДЕШЬ—БИНОВАТЬ БУДЕТЬ.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ЗРОБИЮ Я ТОБѢ У ТРЕХЪ ЗЕЛѢХЪ.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ПРИЙШЛОСЬ ДѢВКАМЪ ЗА ДУНАЙ ПЛЫСТИ.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ВСѢ ДѢВЧОЧКИ ПЕРЕПЛЫЛИ;
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
А СПРОТОЧКА УТОПЛА.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ДОШЛИ СЛУХИ ДО МАЧУХИ.
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ДА НЕ ЖАЛЬ ЖЕ МНѢ ДОЧКИ,
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ДА НЕ ДОЧКИ Н—ПАДЧЕРОЧКИ:
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
ЖАЛЬ ПЛАХОЧКИ-КРЕЩАТОЧКИ
ИВАНЕ, ИВАШЕНЬКУ!
И ЗАПАСОЧКИ СПИЯТОЧКИ!

2.

ТОРОХЪ, ТОРОХЪ ПО ДОРОЗѢ!
ЩО ЗА ГОМОНЪ ПО ДУБРОВѢ?...
ОЙ БРАТЬ СЕСТѢУ ВБИВАТЬ ХОЧЕ;
СЕСТРА ВЪ ВРАТА ПРОХЛАЛАСЯ:
МОЙ БРАТЕЧКУ, ГОЛУБЧИКУ!
НЕ ВБИВАЙ МЕНЕ У ЛѢСОЧКУ.
УВИЙ МЕНЕ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ;

Ой якъ убьешь, поховай мене!
 Обсади мене тремя зельями:
 Першимъ зельемъ—гвоздичками,
 Другимъ зельемъ—васильками,
 Третьимъ зельемъ—стрѣлочками!
 Дѣвочки идутъ—гвоздички рвутъ
 И мене зпомянуть;
 Молодички идутъ—василечки рвутъ
 И мене зпомянуть;
 Парабочки идутъ—стрѣлочку рвутъ
 И мене зпомянуть!

3.

А въ борку на клнцку
 Чій-же то лень да не полотый?
 То Марусинъ лень, да не полотый.
 Чому-жъ вона да не выполола?
 То за симъ, то за тымъ,
 То за сномъ товстымъ.
 Ой чия жъ то сножать да не кошечая?
 То Грицькова сножать да не кошечая—
 То за симъ, то за тымъ,
 То за сномъ товстымъ.

4.

Стояла ту поля вкрай чистаго поля,
 Стій ту полянцко, стій, ни развивайся,
 Буйному витроньку на подавайся!
 На нашихъ ту поли, четьри сокола:
 Первый соколко, молодой Иванко,
 А другой соколко, молодой Николко,
 А третій соколко, молодой Михайло,
 Четвертый соколко, молодой Василько.

5.

Ой! ни стій, вербо, надъ водою,
 Та не пускай зелья по Дунаю.
 Ой! дунай море разивае,
 И день и ночь прибувае,
 Въ вирби корень пидмывае,
 А сверхи вершоць усыхае,
 Колю верби листьа опадае,
 Стань соби, вербо, на рыночку,
 У крищатому барвиночку,
 У запашиимъ васильку.

6.

Ой! купаючка купалася,
 Та на бережку сушилася,
 Тай тому люди дивовалися;
 Ой! ни дивуйтесь симу, люди,
 Бо я бачила дивнийшоє!
 Щука рыба красно ткала,
 А ракъ на буеракъ дивки сучить,
 А муха горюха дежу мисить,
 Комаръ причить, водицу несеть.

7.

Наши подоляни церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ намалевали,
 Та намалевали три мѣсяцы ясныхъ:
 Ой! первый мѣсяць молодой Иванко,
 А другой мѣсяць молодой Василько,
 А третій мѣсяць молодой Михайло.
 Наши подоляни церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ намалевали,
 Та намалевали три зирочки ясныхъ, три
 дивочки красныя:

Ой! первая зирочка млада Маричка,
 А другая зирочка млада Галичка,
 А третя зирочка млада Влагачка.

8.

Солнце сходє, прає,
 Иванко коника сидлає,
 На стременички ступає,
 На сидѣлицко злегає,
 Тяжинко, важинко вздыхає,
 А его батюшко пыта;
 Що ты сыночекъ гадаєшь,
 На сцо ты коника сидлаєшь?

9.

Що тобі батюшко до сего,
 Сидлаю коника ни твсего;
 Пойду до тєстя до своего;
 Пуцу я коника по двору
 Своему тєстєви на хвору;
 Ой! у моего тєстя новый дворъ,
 И барвинчкомъ стили дєвєрь,
 И василчкомъ мєти дєвєрь,
 Щобъ мене тєщинка хвалєла,
 Щобъ мене дєвчинна любєла.—

10.

Ой! чє то жито пидъ гору стояло,
 Иванкове жито пидъ гору стояло,
 Пидъ гору зелєнєцько, по мѣсяцу виднєн-
 ко.

Молода Маричка ходи жито жати?
 Молодой Иванко! ни всмию я жати,
 Якъ я тебъ возмю, жито жати научу,
 Пидъ гору зелєнєцько, по мѣсяцу виднєнко
 сєрдєнко!

11.

Ой! вербо, вербо вербица—
 Часъ тобі вербице розвѣтцѣ!—
 Ой! ище ни часъ ни пора,
 Часъ тобі Иванку живиться.
 Ой! ище ни часъ, ни пора,
 Ощєжъ мои дєвчинна молода,
 Та нехай до лѣта, до Ивана;

Щобъ моя дивчина погуляла,
На нехай до лета, до Петра,
Щобъ моя дивчина подросла.
12.

Иваньско цвѣдѣ, Петровско,
Ивань га бере те бере,
Мащц га баце у криво,
А маика скрала ня землю.
13.

Купала на Ивана.
Купался Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала на Ивана.
Та и шли дѣвочки, и толго дочки,
Слйи вода чорна хмара; на долину роса
пала,

На улицѣ Купала на Ивана.
А въ перипидички вижки нивилнички,
И на гору визойде, на долини ни ставе,
Купала на Ивана.

Сего дня Купала, а завтре Ивана:
Чимъ мени моя мати торговати?
Сего дня Купала, а завтре Ивана,
Чимъ мени моя мати торговати?—
Повызу я свекорка продоваты,
Риднаго бытынька куповаты;
Здишевыла свекорка, здишевыла,
Риднаго матынька не купыла.

Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мени моя маты торговати?—
Повызу я свекруха продоваты
Ридную матыньку куповаты;—
Здишевыла свекруха, здишевыла,
Ридной матыньки не купыла.—

Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мени моя маты торговати?
Повызу я диверька продоваты,
Риднаго братика куповати;
Здишевыла диверька, здишевыла,
Риднаго братика не купыла.—

Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мени моя маты торговати?
Повызу я зывцю продоваты—
Ридную сестрыцу куваты;
Здишевыла зовыци, здишевыла,
Ридной сестрыци не купыла!

ПОСЫПАЛЬНЫЯ.

1.
Ходить Илья
На Василия,

Носить пугу
Житявную,
Де замане—
Жито росте.
Роди, Боже!
Жито, пшеницю,
У поля ядро,
А въ поля добро!

ЗАЖИВНЫЯ.

1.
Ой чѣ-жъ то поле
Зажовтѣло стоя?
Иванове поле
Зажовтѣло стоя;
Женьци молодыи,
Серпы золотыи!
Ой чѣ-жъ то поле
Задремало стоя?
То Грлицькове поле
Задремало стоя;
Женьци все старыи,
Серпы все стальныи—
Задремало стоя,—
А мы свому пану
Изробили славу:
Житечко пажали,
Въ снопы привязали,
У копы покляли.
А мы свому пану
Изробили славу!
Ой, паноньку нашъ,
Обжиночковъ часъ!

2.
Ой въ чужого Господаря обѣдать пора,
А въ нашего Господаря ще й думки нема.
Ой паноньку нашъ! обѣдати часъ!
У чужого Господаря горьлочку пьютъ,
А въ нашего Господаря воды не дають.
Ой паноньку нашъ! обѣдати часъ!
У чужого Господаря полудновать пора,
А въ нашего Господаря ще й на думъ нема.
Ой паноньку нашъ! полудновать часъ!
У чужого Господаря пополудновали,
А въ нашего богатого ще й не думали.
Ой паноньку нашъ! полудновать часъ!

3.
Закатилось да сонечко
За виноградный садъ:
Цѣлуйтѣся, вилуйтѣся

Да хто кому радъ!
 Ой Маруся и зъ Ивашикомъ
 Цѣловалась, миловалась
 И рученьку дала:
 От-се товѣ, Ивашеньку,
 Рученька моя!
 Ой якъ пождешь до осени,
 Буду я твоя!...

IV. ВОЕННЫЯ ПЪСНИ.

1.

Мазепо гетьмане, израдливыи пане!
 Эле починаешъ, зъ Шведомъ накладеши
 И на Царя восточного руки подймаешъ.
 Поднявъ еси Орду, изробивъ тревогу!—
 А при той измѣнѣ бувъ Кочубей да Искра:
 Пошли-жъ вовы зъ-подъ Полтавы да до
 Царя знишка.
 А Царь вѣры не донявъ, до Мазепы одо-
 славъ:
 Скоро-жъ ихъ Мазепа взрѣвъ— барзо изве-
 селився;
 А Кочубей изъ Искрою слезами облився.
 Усѣ паны сенаторы, усѣ венкеты мали;
 Кочубей жъ изъ Искрою барзо забували.
 Тольки ты ихъ не забудь, Миргородскій
 пане,
 Що Кочубей изъ Искрою за Вкраину ста-
 ли!—
 У Киевѣ на Подолѣ поруганы груши;
 Погубивъ же песь Мазепа невинныя души!
 Ой выгорѣвъ весь Батуринъ, зосталася ха-
 та;
 Да вже-жъ твою, псе Мазепо, и душа про-
 клята.
 Бувъ у тебе, псе Мазепо, одинъ хлопецъ
 Нѣмецъ.
 Пошло жъ твое Мазепо, усѣ добро нивецъ!

2.

У Глуховѣ у городѣ у всѣ дзвоны дзво-
 нють;
 Да вже напихъ казаченьковъ на лнвю
 гонють.
 У Глуховѣ у городѣ стрѣляли за гарма-
 ты;
 Не по одномъ казаченьку заплакала мати.
 У Глуховѣ у городѣ стрѣляли зъ ручни-
 ци;
 Не по одномъ казаченьку плакали сестри
 ци.

У Глуховѣ у городѣ поплетены сѣтки;
 Не по одномъ казаченьку заплакали дѣтки.
 На быстромъ на озерѣ — геть плавала кач-
 ка;
 Не по одномъ казаченьку плакала казачка.—
 У Грицковѣ огни горять, а въ Полтавѣ
 дымно;
 На могилѣ Гетьманѣ сидитъ—геть-тамъ его
 видно!
 Допевнай-жъ, нашъ гетьмане, допевняйся
 платы!
 Якъ не будешь допевняти, будемо вте-
 кати.
 Ой идѣть-же вы, панове, Петра до свата—
 Ой тамъ буде вамъ, панове, велика запла-
 та:
 По за ступу у рученьки, да ще и лопата!
 Сидитъ казакъ на могилѣ, сорочку латае,
 Ой кинувся до черешка—копѣйки немае.
 Сидитъ пугачъ на убогу, на вѣтеръ надувся:
 Иде казакъ въ Украину, на лихо здобувся.
 Ишовъ казакъ на лнвю да й велими на
 дувся,
 Ишовъ казакъ изъ лнвѣи — якъ лихо зо-
 гнувся.

3

Высоко сонце зходить, низенько ложится,
 Ой де-сь то панъ Палѣй Семень тепера
 журится?
 Высоко сонце зходить, низенько заходить,
 Ой де-сь то панъ Палѣй Семень по Сви-
 ру бродить!
 «Ой чуро, мой чуро, мой вѣрный Стоусю!
 Ой ходѣмо у каплицю, Богу помолюся!»
 Ой Богови молюся, Святымъ поклонюся.
 Змладащѣвъ-же я понурый, старенькимъ
 здаюся!
 Старенькимъ здаюся, молитися мѣшу:
 Хай милуе Милостивый мою грѣшну ду-
 шу!»
 Ой натягнувъ ему чура да сѣрѣю свѣту,
 Да давъ ему да у руку еловю вѣту.
 Пойшовъ панъ Палѣй Семень Богови мо-
 литься,
 Не то Богови молитися, й а не то журить-
 ся.
 Пришовъ панъ Палѣй до-дому, да свѣъ
 у наметѣ,
 На бапдурцѣ выграваетъ: «Лихо жити въ
 свѣтѣ!
 Той, душу заклавши, свѣту бачъ гаптуе;
 А той по Свиру—мовъ въ лузѣ дубуе.»

4.

Ой хто въ Крыму не бубавъ,
Той и дива не видавъ;
А мы въ Крыму бубали,
Мы тамъ диво видали.
Перекопскій комендантъ
Запорожьцямъ дае знати:
— Ой годѣ-жъ вамъ, Запорожьци,
Въ Кавантѣ пробовать,
Ой ходѣмо на Ялы
Казачепькое рятовать. —
Запорожьци якъ пошли:
Впередъ голову найшли;
А въ Жадченка Степана
Облауплена голова,
Въ Московскаго копитавъ
Спина ободрана.
Лежать наши казаченьки
Якъ бѣленькіе сибѣчки;
А въ Жадченка у Степана
По за ногтѣми спѣчки.

Б.

Ой на морѣ, на морѣ синенькомъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ маленькими лебедятами,
Де ся взявъ сизоперый орелъ,
Сгавъ лебедку вѣти й забивати,
Стала лебедка до его промовляти:
Ой не ей мене, сизоперый орлоньку,
Скажу тобѣ всю щирую правдоньку:
«Якъ у томъ мѣсцѣ у Кистринѣ
Да бѣется Орда уже три дни,
Бѣется вона три дни и три годины,
Розбѣлася вона на три половини.
Течуть рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мостять мосты,
Мостять мосты, да все головками,
Головками, да все Московскими.

6.

Зепрался комисары подѣ царски палаты,
Пшуть листы на Вкрапну подѣ аршинны
Брати.
Написали на Вкрапнѣ вдовного сына:
Ой тожъ казакъ уродливый, доходить ар-
шинна.

Ой зачѣе-жъ стара пенька, Ивасева мати:
«Ой де-жъ тебѣ, мой сыноньку, я маю
сховати!»

— На що-жъ мене, матусенько, ты маешь
ховати,
Буду тобѣ изъ столици червоныи слати! —
«На що-жъ мене, мой сыноньку, черво-
ныи твои?»

Що вѣкому поховати головоньки менѣ!»
— Поховають, моя нече, тебе добри люди,
Ой якъ мене молодого до тебе не буде. —
Вдовинѣ сынокъ вдовиченко коня наповае;
Его пенька старесенька въ окно поглядае.
Вдовинѣ сынокъ вдовиченько конька свд-
дае;

Его пенька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинѣ сынокъ вдовиченко зъ двора вы-
вѣжае;

Его пенька старесенька за стремѣнь хапае.
Ой въ городѣ въ Очаковѣ вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тобѣ, вдовинѣ сыну, зъ матерью
розлука,

У городѣ въ Очаковѣ вдарили зъ граматы:
Уже жъ тобѣ, вдовинѣ сыну, матки не ви-
дати!

7.

Ой годѣ намъ журитися, пора перестати!
Дождатися отъ Царици за службу запла-
ты!

Дала хлѣбъ-соль и граматы за вѣрныи слу-
жды;

Ать-теперѣ мы, милн братца! забудемъ все
нужды.

Въ Таманѣ жить, вѣрне служить, горницію
держати,

Рыбу ловить, горьлку пить, ще й будемъ
богати.

Да вже треба женитися и хлѣба робити;
А хто прійде изъ невѣрныхъ, то якъ чорта
вѣти.

Славу Богу и Царицѣ, а покой гетьману!
Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую
рану.

Благодаримъ мы Царицію, молемося Бугу,
Що вона намъ указала на Таманѣ дорогу!

СРЪБИЈА

РУСКОГО НАРОДА.

КНИГА ЧЕТВРТА.

ВЫЛІНЬ

РУССКІЕ ЛЮДИ.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

СКАЗАНИЕ

О НАШЕСТВИИ ЗАРКИ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

СЛОВО

ДАНИИ ЗАТОЧНИКА.

СКАЗАНИЕ

О МАШАВВОМЪ НОВОУМЦѢ.

A decorative border with a repeating floral or geometric pattern surrounds the central text.

ВЫДѢЛЫ

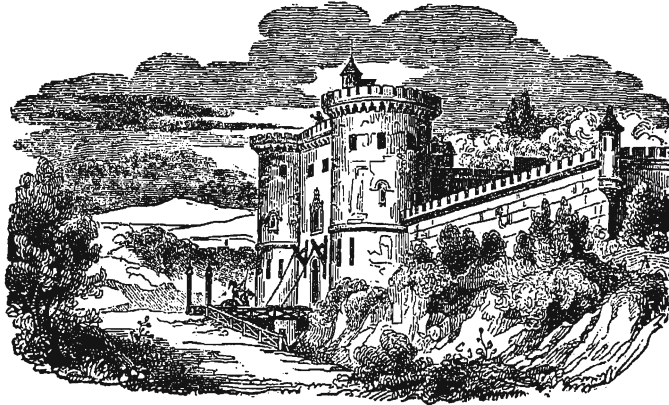
РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Для изданія Русских Быльиъ былъ принятъ за основаніе текстъ, помѣщенный въ рукописи, принадлежавшей Тульскому купцу Бѣльскому. Вариантами служили: 1. Русскія Быльиъ, собранныя поэтничѣйшимъ В. Н. Далемъ изъ устныхъ преданій жителей Каванскихъ и Оренбургской губерній по Уралу 2. Сборникъ Демидова, изданный прежде А. О. Якубовичемъ, а потомъ К. О. Калайдовичемъ, подъ ложнымъ именемъ Киришъ Данилова. При печатаніи, Быльиъ Русскія иудей были мною раздѣлены на семь отдѣльныхъ тѣсей такъ, какъ онѣ были помѣщены въ рукописи Бѣльскаго.

БЫЛИНЫ

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ДОБРЫНЯ ИГНАТИЧЪ.

ВО СТОЛЬНОМЪ ЛИ ВО ГОРОДѢ ВО КИЕВѢ,
У СЛАВНАГО, ОСУДАРЬ, КНЯЗЯ У ВЛАДИМИРА
ТРИ ГОДА ДОБРЫНЮШКА СТОЛЬНИЧАЛЪ,
А ТРИ ГОДА НИКИТИЧЪ ПРИВОРОТНИЧАЛЪ,
ОНЪ СТОЛЬНИЧАЛЪ, ЧАШНИЧАЛЪ ДЕВЯТЬ ЛѢТЬ,
НА ДЕСЯТОЙ ГОДЪ ПОГУЛЯТЬ ЗАХОТѢЛЪ
ПО СТОЛЬНОМУ ПО ГОРОДУ ПО КИЕВУ.
ВЗЯВШИ ДОБРЫНЮШКА ТУГОЙ ЛУКЪ,
А И КОЛЧАНЪ СЕБѢ КАМЕННЫХЪ СТѢЛЪ,
ИДЕТЬ ОНЪ ПО ШИРОКИМЪ ПО УЛИЦАМЪ,
ПО ЧАСТЫМЪ, МѢЛКИМЪ ПЕРЕУЛОЧКАМЪ,
ПО ГОРНИЦАМЪ СТѢЛЯЕТЪ ВОРОБУШКОВЪ,
ПО ПОВАЛУШАМЪ СТѢЛЯЕТЪ СИЗЫХЪ ГОЛУБЕЙ.
ЗАЙДЕТЬ ВЪ УЛИЦУ ИГНАТЬЕВСКУ,
И ВО ТОТЪ ПЕРЕУЛОКЪ МАРИНИНЪ,
ВЗГЛЯНЕТЪ КО МАРИНѢ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ,
НА ЕЯ ВЫСОКІЕ ТЕРЕМА,
А У МОЛОДОЙ МАРИНЫ ИГНАТЬЕВНЫ,
У ЕЯ НА ХОРОШЕМЪ, ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМУ,
СЯДЯТЪ ТУТЪ ДВА СИЗЫЕ ГОЛУБЯ,
НАДЪ ТѢМЪ ОКОШКОМЪ КОСЯЦАТЫМЪ;
ЦѢЛУЮТСЯ ОНИ, МИЛУЮТСЯ,
ЖЕЛТЫ НОСАМИ ОБНИМАЮТСЯ.

Тутъ Добрыня за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются;
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А свѣла, вѣдь, тетивка у туга лука,
Звѣла, да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилось,
Лѣвая нога его поскользнула,
Правая рука удрогнула:
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей;
Что попалъ онъ въ окошечко косяцатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую;
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошатались,
Что питья медвяныя возплеснулись.
А вѣтапоры съ Мариной безвременье было:
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкой дворъ.
«А кто это невѣжа на дворъ заходитъ?
А кто это, невѣжа, въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?»

И втапору Маринѣ за бѣду стало:
Брала она слады горячіе, молодецкіе,
Набрала Марина берема дровѣ,
А берема дровѣ бѣлодуховныхъ,
Клала дровца въ печку муравленую
Со тѣми слады горячими,
Разжигаетъ дрова палицатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгораются,
Со тѣми слады молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое,
Какъ у молода Добрынюшки Никитѣвича!
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко!»

Взяла Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ со вечера, Добрыня, хлѣва не ѣстъ,
Со полночи Никитичу не уснетса,
Онъ бѣла-то свѣта не дождетса.
По его-то щаски великія,
Рано зазвонили ко заутренямъ:
Встаетъ Добрыня равешенько,
Подпоясалъ себѣ сабѣлку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворѣ,
У високаго терема послушаетъ:
А у молодой Маринѣ вечеринка была,
А и собраны были душечки, красны дѣвицы,
Сидятъ и молодецкіи молодушки:
Всѣ были дочери отцевія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ, Добрыня, во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она, молода Марина, отказываетъ и при-
браниваетъ.

Втапору Добрыня ни во что положилъ,
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ.
А стала его Марина въ окошко бравить,
ему больно пѣнть.
Завидѣлъ Добрыня онъ Змѣя Горычница.
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Себяжалъ на крыльчико на красное;
А двери у терема желѣзные
Заперла Марина Игнатѣвна.
А и молодой Добрыня Никитичъ младъ,
Ухватить брешно онъ въ охватѣ толщину,
А ударилъ во двери желѣзные,
Не долдомъ изъ паты онъ выпилъ вонъ,
И себяжалъ онъ на сѣни косяцаты.
Бросилася Марина Игнатѣвна
Бравить Добрыню Никитича.

«Деревенщина ты, дѣтина, запельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на дворѣ заходилъ,
Проломилъ мою оконницу стекольчатую,
Ты разшилъ у меня зеркало стекольчатое.»

А бросится Змѣища Горычница,
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ.
А и самъ тутъ Змѣй почалъ бравить его,
Больно пѣнати: «не хочю я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичемъ;
Называю-те: дѣтиною, деревенщиною и за-
пельщиною.

Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
Проломилъ ты оконницу стекольчатую,
Разшилъ зеркало стекольчатое?»

Ему тутот-ко, Добрынь, за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.

Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
«А и хочешъ ли тебя, Змѣя, изрулю я
Въ мѣлкія части, пирожныя,
Разбросаю далече по чистому полю?»

А и тутъ Змѣй Горычничъ хвостъ поджалъ;
Да и вонъ повѣжалъ;

Взяла его страсть, такъ зачалъ вѣжать,
Околышки металлъ, по три пуда.

Бѣгучи онъ, Змѣй, заклинается:
«Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у ней не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣжливѣе.»

А молода Марина Игнатѣвна
Она высунулася по поясъ во окно,
Во одной рубашкѣ, безъ пояса;
А сама она Змѣя уговариваетъ:

«Воротись милъ надежа, воротись другъ!
Хоще я Добрыню оберну клячею водовоз-
ною?»

Станеть-де Добрыня па меня и на тебя
воду возить;

А еще хоще я Добрыню оберну гнѣдымъ
туромъ?»

Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,

А гдѣ-то хоятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ—золоты рога.

Безвѣстно стало богатыря молодого,
Добрыни Никитѣвича,

Во стольномъ во городѣ во Киевѣ.

А много-де прошло поры, много времени:
А и не было Добрыни шесть мѣсяцевъ,

По нашему-то Сибирскому слыветь полгода.

У Великаго Князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова, Аѳимья Александровна;
А другая честна вдова, молода Анна Ива-

новна,

Что Добрынина матушка крестовая.

Промежу собою разговоры говорятъ,
Всѣ были рѣчи прохладныя.

Неотколѣ взялась тутъ Марина Игнатьевна,

Водилася съ дѣтятиами княженецкими,

Она больно Марина упивалася,

Голова на плечахъ не держится,

Она больно Марина похваляется:

«Гой еси вы, княгини, боярыни!

Во стольномъ во городѣ во Киевѣ

А и нѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе:

А и я-де обернула девять молодцовъ,

Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми
турами;

А и нынѣ я-де отпустила десятаго молодца

Добрыню Никитѣевича,

Онъ вѣсьмѣ атаманъ—золоты рога.»

За то-то слово избирается

Добрынина матушка родимая,

Честна вдова, Аѳимья Александровна;

Наливала она чару зелена вина,

Подносила любимой своей кумушкѣ,

А сама она за чарою заплакала:

«Гой еси ты, любимая кумушка,

Молода Анна Ивановна!

А и выпей чару зелена вина,

Поминай ты любимаго крестника,

А и молода Добрыню Никитѣевича;

Извела его Марина Игнатьевна,

А и нынѣ на пиру похваляется.»

Проговорить Анна Ивановна:

«Я-де сама эти рѣчи слышала,

А слышала рѣчи ея похваленныя.»

А и молода Анна Ивановна

Выпила чару зелена вина,

А Марину она по щекѣ ударила,

Спивела она съ рѣзвыхъ ногъ,

А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,

Сама она Марину больно бранитъ:

«А и сука ты злая еретница!

Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,

Сижу я на пиру, не хвастаю.

А и хошь ли я тебя сукой оберну?

А станешь ты, сука, по городу ходить,

А станешь ты, Марина, много за собой
посоѣ водить.»

А и женское дѣло прелестное,

Прелестное, перепадчивое;

Обернулась Маринка косаточкой,

Полетѣла далече, во чисто поле,

А гдѣ-то ходять девять туровъ,

Девять братаниковъ,

Добрыня-то ходитъ десятой туръ;

А съѣла она къ Добрыню на правой ногѣ,

Сама она Добрыню уговариваетъ:

«Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,

Тебѣ чистое поле наскучило,

И зыбучія волота напрокучили.

А и хошь, Добрыня, жениться?

Возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?

«А право возьму, ей Богу возьму!

А и дамъ-те, Марина, поученьце,

Какъ мужья женѣ своихъ учать.

Тому она, Марина, повѣрля.

Обернула его добрымъ молодцомъ,

По старому, по прежнему,

Какъ бы сильнымъ, могучимъ богатыремъ;

Сама она обернулась дѣвницею.

Они въ чистомъ полѣ женились,

Кругъ рубятова куста вѣнчались.

Пошелъ онъ ко городу ко Киеву,

А за нимъ идетъ Марина.

Пришли они ко Маринѣ во высокъ теремъ,

Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:

«А и гой ты еси, моя молодая жена,

Молодая Марина Игнатьевна!

У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ

Нѣту Спасова образа,

Не кому у тя помолитися,

Не за что стѣнамъ поклонитися.

А и чай моя острая сабля заржавѣла?»

А и сталь Добрыня жену свою учить,

Онъ молodu Марину Игнатьевну,

Еретницу, злую безбожницу;

Онъ въ первое ученье ей руку отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ:

«Эта мнѣ рука не надобна;

Трепала она рука Змѣя Горынчища.»

А во второе ученье ноги ей отсѣкъ:

«А и эта-де нога мнѣ не надобна;

Оплеталася со Змѣемъ Горынчищемъ.»

А въ третье ученье губу ей обрѣзалъ и съ

носомъ прочь:

«А эти-де губы не надобны мнѣ;

Цѣловали онъ Змѣя Горынчища?»

Въ четверто ученье голову ей отсѣкъ и
съ языкомъ прочь:

«А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ не надобенъ;
Зналъ онъ дѣла еретическія.»

Во стольномъ городѣ во Киевѣ,
Что у ласкова, Осударь, Князя Владимира,
Было пированье, почестной пирѣ,
Было столованье, почестной столѣ
На многие князья и бояре
И на Русскіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дни,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владимиръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридницѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Есть ли въ Киевѣ таковъ человекъ,
Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
А кто бы сослужилъ службу дальнюю,
А и дальнюю службу, заочную?
Кто бы съвздилъ въ Орды немирныя,
И очистилъ дороги прямозѣжія
До моего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйло-
вича,

Вывулъ Чудь вълоглазую,
Прекрошилъ Сорочину долгополюю
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ бы и Алоторы?»

Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣтъ.

«Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выскакиваетъ удалъ, добрый молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичъ младъ.
«Гой еси, Осударь, ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимиръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Киевѣ охотниковъ
Быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную,
Слѣзжу я въ Орды немирныя,
Очищу дороги прямозѣжія
До твоего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйло-
вича;

А и вывулъ Чудь вълоглазую,
Прекрошу Сорочину долгополюю,

А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ и Алоторы.»

Втапоры Владимиръ Князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ
полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья
ведра.

Подавали Добрыня Никитичу.
Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.

И пошелъ онъ, Добрыня Никитичъ младъ,
Съ княженцаго двора ко своей сударынѣ
матушкѣ,

Просить благословение великое:
«Благослови меня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
Бѣхатъ въ дальны Орды, немирныя.
Дай мнѣ благословение на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.»

Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь молодую жену,
Молоду Настасью Микулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебныя,
Не успѣлъ ты отпраздновати радости своей,
Да передъ Княземъ разхвастался въ походѣ
идти.»

Говорилъ ей Добрынюшка Никитичевичъ:
«А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честная вдова, Афимья Александровна!
Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
Изъ чего же насъ богатырей Князю и жа-
ловати?»

И даетъ ему матушка свое благословение
великое

На тѣ годы уреченныя.

Прощается Добрыня Никитичъ младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей
Микулишной,

Самъ молодой женою наказываетъ:
«Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
А естли во не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
Хотя за Князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названата,
За молода Алешу Поповича.»

И потхалъ Добрыня Никитичъ младъ
Въ славныя Орды, немирныя.
А и вѣзды Добрыня недѣлю въ нихъ,

Въ тѣхъ Ордахъ немирныхъ,
А и ѣздить уже другую,
Рубить Чудь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
И Чюшки всѣ и Алюторы—
Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямовѣзую
До его-то тестя любимаго,
До грознаго Короля Этмануѣла Этмануѣ-
ловича.

А втапоры Настасья шесть лѣтъ прошло;
И не мало время замѣшкавши,
Прошла ей Микулишна всѣ сполна двѣ-
надцать лѣтъ.

А никто уже на Настасья не сватается,
Посватался Владимиръ Князь стольной Киев-
ской,

А за молода Алешиньку Поповича,
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.

Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Киевъ градъ.

Старые люди переговариваютъ:
Знать-де полетка соколиная,
Видѣть и повѣдка молодецкая,
Что быть Добрыня Никитичъ.
И прохалъ молодецъ на вдовій дворъ,
Привхать къ ней среди двора,
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Привязалъ къ дубову столцу,
Ко тому кольцу булатному.

Матушка его старехонька;
Не кому Добрынюшку встрѣтити.
Приходилъ Добрыня во свѣтлу грядню,
Онъ Спасову образу молится,
Матушки своей кланяется:
«А ты, здравствуй, сударыня матушка,
Матера вдова Аѣимья Александровна!
Въ домъ ли жевушка моя?»

Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковыя слова:
«Гой еси, мое чѣдо милое!
А твоя-ли жена замужь пошла,
За молода Алешу Поповича;
Нынѣ они у вѣнца стоять.»

И приходять онъ Добрыня Никитичъ
младъ

Ко Великому Князю поавитися.
Втапоры Владимиръ Князь съ тою свадьбою
Привхалъ отъ церкви на свой княжевицкой
дворъ?

Пошли во свѣтлы грядни,
Садилася за убранные столы;
Приходилъ же тутъ Добрыня Никитичъ
младъ;

Онъ молится Спасову образу,
Кланяется Князю Владимиру и Княгинѣ
Апраскѣевнѣ,

На всѣ четыре стороны.
«Здравствуй ты, Осударь, Владимиръ Князь,
Со душою Княгининею Апраскѣевиною!
Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю служ-
бу заочную,

Съѣздилъ въ дальны Орды, немирныя,
И сдѣлалъ дорогу прямовѣзую
До твоего тестя любимаго,
До грознаго Короля Этмануѣла Этмануѣ-
ловича.

Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекрошилъ Сорочину долгополую,
И тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкчи всѣ и Алюторы.»

Втапоры за то Князь похвалилъ:
«Исполать тебѣ, доброй молодецъ!
Что служишь Князю вѣрою и правдою.»

Говорить тутъ Добрыня Никитичъ младъ:
«Гой еси, Осударь, мой дянюшка,
Ласково солнце, Владимиръ Князь!
Не диво Алешѣ Поповичу,
Дивно Князю Владимиру,
Хочетъ у жива мужа жену отнять.»

Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.
Говорить Добрыня Никитичъ младъ:
«А и ты, душка, Настасья Микулишна!
Прямо не скачи, не безчести столы;
Будетъ пора, кругомъ обойдешь.»
Взялъ за руку ее и вывелъ изъ-за убранныхъ
столовъ,

Поклонился Князю Владимиру,
Да и молоду Алешѣ Поповичу
Говорилъ таково слово:
«Гой еси, мой названой братъ,
Алеша Поповичъ младъ!
Здравствуй, женившися! — да не съ кѣмъ
спать.»

Какъ изъ славнаго города Киева
Повзжали два могучие богатыри:
Повзжалъ Илья Муромецъ.
Со своимъ братомъ названнымъ,

Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.
А и будутъ они во чистомъ полѣ,
Какъ бы сверхъ той рѣки Череди,
Какъ бы будутъ они у матушки у Сафаты
рѣки,

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«Гой еси ты, мой названой братъ,
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ!
Повзжай ты за горы высокія,
А и я, дескать, поведу подлѣ Сафаты рѣки.»
И повжалъ Добрыня на горы высокія,
И нахалъ онъ, Добрынюшка Никитичъ
младъ, вѣлъ шатеръ,
И показался Добрыня сильной могучъ бо-
гатырь.

Изъ того вѣла шатра полотнянаго
Выходила тутъ баба Горынынка;
Заздорилася баба Горынынка;
Молодой Добрыня Никитичъ
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Напущался онъ на бабу Горынынку;
Учинилася, вой, драка великая:
Они тяжкими пальцами ударились,
У нихъ тяжкія пальцы разгорались;
И бросили они пальцы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
А вѣдиль онъ подлѣ Сафаты рѣки,
И нахалъ онъ тутъ бродячій слѣдъ
И повжалъ по тому слѣду бродячему,
А наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ
полѣ,

Онъ Звута Бориса Королевича.
А втапору Звудъ Королевичъ младъ
И отвязывалъ стремя вожья выжлока,
Со руки опускаетъ ясна сокола,
А самъ ли-то выжлоку наказываетъ:
«А тебѣ мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣ-
самъ;

И корми ты свою буйну голову.»
И ясна соколу онъ наказываетъ:
«Полети ты соколъ на синѣ морѣ,
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.»
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ.
Какъ два ясна сокола слетались—
И нахалъ Звудъ Королевичъ младъ,
Напущается онъ на старого,
На стара казака Илью Муромца,
И стрѣляетъ Илья во вѣлы груди,
Въ вѣлы груди вѣлъ тутъ лука;

Утодилъ Илья онъ во вѣлы груди..
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Не вѣетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Звута Бориса Короле-
вича—

Его только схватилъ во вѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго.
Не видалъ онъ Звуть Борисъ Королевичъ,
Что того ли святу вѣлаго,
И тоя-то матушки сырой земли—
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ.
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичъ,
На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю;
И сталъ Илья Муромецъ спрашивать:
«Ты скажись мнѣ, молодець, дѣдину, от-
чиму?»

Говоритъ Звудъ Борисъ Королевичъ младъ:
«Кавы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
Я споролъ бы тебѣ, старому, груди вѣлмя.»
И до того его Илья билъ, покуда правду
сказалъ.

А и взговоритъ Звудъ Борисъ Королевичъ
младъ:
«Я того Короля Задонскаго.»

А втапору Илья Муромецъ Ивановичъ,
Глядячи на свое чадю милое—
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«Повзжай ты Звуть Борисъ Королевичъ
младъ,
Повзжай ты ко своей, ты ко своей суда-
рынѣ матушкѣ.
Кавы ты попалъ на нашихъ, Русскихъ во-
гатырей,
Не отпустили бы тебя они живаго отъ
Кіева.»

И повжалъ тутъ Звуть Королевичъ младъ,
И прѣхалъ тутъ Звуть Королевичъ младъ
Ко тому Царю Задонскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матушкѣ сталъ свою удачу рассказывать:
«А и гой еси, сударыня матушка!
Вѣдиль я, Звуть Королевичъ младъ,
Къ Великому Князю Владимиру;
На его потѣшныхъ лугахъ
И нахалъ я въ полѣ старого
И стрѣлялъ его во вѣлы груди—
И схватилъ меня старой въ чистомъ полѣ,
Меня чуть онъ не забросилъ за облако—
И опять подхватилъ меня на вѣлы груди.»

Еще втапоры его матушка
Того Короля Задонскаго
Разилася о сыру землю,
И не можеть во слезахъ слово молвити:
«Гой еси ты, Звуть Борисъ Королевиць
младъ!

Почто ты напуцался на старого?
Не надобно бы тебъ съ нимъ драться,
Надобно бы съвхаться въ чистомъ полѣ,
И надо бы тебѣ ему поклониться
О праву руку до сырой земли;
Онъ по роду тебѣ батюшка, старой казакъ.»

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И повхалъ онъ на горы высокия,
А искати онъ брата названого,
Молода Добрынюшку Никитича.
А дерется онъ съ бабой Горыниной—
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуеть.
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
«Гой еси, мой названой братъ,
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ!
Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дра-
тися,

А вей ты бабу дурницу по щекѣ,
Пинай все по мягкой ли мякоти;
А женскій полъ отъ того пухоль.»

А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говоритъ она баба таковы слова:
«Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ
младъ,

Повилъ меня старой казакъ,
Илья Муромецъ единымъ словомъ.»

И скочилъ ей Добрыня на вѣлмъ груди,
И выдерживалъ чингалище булатное,
Хочеть споротъ ей груди вѣлми.

И молится баба Горынинка:
«Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди вѣлми,
Много у меня въ землѣ останется злата и
серебра.»

И схватилъ Илья Добрыню за вѣлмы руки.
И повела ихъ баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Гдѣ лежить золота казна,
И довела Илью съ Добрынею.
И стали они у погребца глубокаго,
Они сами тутъ богатыри дѣвуются,
Что много злата и серебра,
А цвѣтнаго платя все Русскаго.

Отглянулся Илья Муромецъ Ивановичъ
Во тѣ во раздолѣ широкія—
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ

Втапоры бабѣ голову срубилъ.
То старина, то и дѣянъе.

Доселева Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жнлъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитю;
Живучи-то Никита состарѣлся, перестав-
вися.

Послѣ вѣку его долгаго
Осталось житъе бытѣе, богатство,
Осталась его матера жена,
Амелѣа Тимофеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовѣ,
Присадила его матушка грамотъ учится,
А грамота Никитичу въ наукѣ пошла;
Присадила его матушка пирожъ писать.
А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною храброю,
Во тѣ жары Петровскіе.

Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Сафатъ рѣку.
Она вдова многообразумная,
Добрыня матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дасть:
«Гой еси ты, чадо милое,
А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на рѣку,
Въ Израй рѣкѣ станешь купатися,
Израй рѣка быстрая,
А быстрая она, сердитая;
Не плавай Добрыня за перву струю,
Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.»
Добрыня-то матушки не слушался,
Надѣвалъ на себя шляпу земли Греческой,
Надъ собой онъ Добрыня вѣзодѣтъ не вѣ-
дасть.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинышкѣ храбрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ воду грѣть, не мнѣ тѣшити ея.»
А всѣ молодцы разболочались,
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Никто, молодцы, не смѣеть, никто нейдетъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Перекрѣстясь Добрынюшка, въ Израй рѣку
пошелъ;

А поплыль Добрынюшка за первую струю,
 Захотѣлось молодцу и за другую струю,
 А дѣв-то струя самъ переплывалъ,
 А третья струя подхватывала молодца,
 Унесла во пещеры вълокаменны.
 Нпотколь взялся тутъ лютой звѣрь,
 Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича.
 А самъ-то говорятъ Горынчище,
 А самъ онъ Змѣй приговариваетъ:
 «А стары люди пророчили,
 Что быть змѣю убитому
 Отъ молода Добрынюшки Никитича,
 А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.»

Молился Добрыня Никитичъ младъ:
 «А и гой еси Змѣище, Горынчище!
 Не честь, хвала молодецкая,
 На нагое тѣло напущаешься.»
 И тутъ Змѣй Горынчище
 Мимо его пролетѣлъ.
 А стали его ноги рѣзвыя
 А молода Добрынюшки Никитича;
 А гравится онъ ко желту песку,
 А вывѣжалъ доброй молодецъ,
 А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Нагрѣвъ онъ шляпу песку желтаго,—
 Налетѣлъ на его Змѣй Горынчище.
 Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
 Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить.
 На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
 Бросаетъ шляпу земцѣ Греческой
 Со тѣми пески желтыми
 Ко лютому Змѣю Горынчищу;
 Глаза заporошилъ и два хвота ушибъ.
 Упалъ Змѣй Горынчище
 Во ту во матушку во Израй рѣву;
 Когда ли Змѣй исправляется,
 Во то время и во тотъ же часъ
 Схватилъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до
 смерти.

А вытѣцилъ Змѣя на берегъ,
 Его повѣсилъ на осину на кляпаю.
 «Сущися ты, Змѣй Горынчище!
 На той-то осинѣ на кляпалъ.»
 А поплыль Добрынюшка
 По славной матушкѣ по Израй рѣвѣ,
 А заплылъ въ пещеры вълокаменны,
 Гдѣ жилъ Змѣй Горынчище.

Засталъ въ пещѣхъ его малыхъ дѣтушекъ,
 А всѣхъ прибилъ, по полалъ перевервалъ;
 Нашелъ въ пещерахъ вълокаменныхъ,
 У лютаго Змѣища Горынчища,
 Нашелъ онъ много золота, серебра,
 Нашелъ во палатахъ у Змѣища
 Свою онъ любимую тетушку,
 Той-то Марью Дивовну—
 Выводить изъ пещеры вълокаменны.
 И собралъ золота и серебра,
 Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей;
 А матушки дома не годилось,
 Сидитъ у Князя Владимира.
 Пришелъ-де онъ во хоромы свои,
 И спряталъ онъ свою тетушку,
 И пошелъ ко Князю явиться.

Владимиръ Князь запечалился,
 Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
 Пришелъ Добрынюшка
 Къ Великому Князю Владимиру,
 Онъ Спасову образу молится,
 Владимиру Князю поклоняется;
 Скочилъ Владимиръ на рѣзвыя ноги,
 Хватя Добрынюшку Никитича,
 Цѣловалъ его во уста сахарныя.
 Бросилася его матушка родимая,
 Схватила Добрыню за бѣлыя руки,
 Цѣловала его во уста сахарныя.
 И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
 А стали у Добрыни выспрашивать:
 А гдѣ пробывалъ, гдѣ ночевалъ?
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 «Ты гой еси, мой Осударь, дядюшка,
 Князь Владимиръ, солнце Киевско!
 А былъ я въ пещерахъ вълокаменныхъ,
 У лютаго Змѣища Горынчища,
 И всю породу Змѣиною его я убилъ
 И дѣтей всѣхъ погубилъ,
 Родимую тетушку повыручилъ.»
 А скоро послы повѣжали по хѣ,
 Ведутъ родимую его тетушку,
 Привели ко Князю во свѣтлѣ гридню.
 Владимиръ Князь свѣтелъ, радошенъ;
 Пошла-то у нихъ, пиръ, радость великая,
 А дѣя ради Добрынюшки Никитича,
 Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

ВЪ КЛАДЕТЬ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУ—
РОМА,

ИЗЪ ТОГО СЕЛА КОРОЧАЕВА,
КАКЪ БЫЛА-ДЕ ПОВѢДКА БОГАТЫРСКАЯ—
НАРЯЖАЛСЯ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ИВАНОВИЧЪ
КО СТОЛЬНОМУ ГОРОДУ КО КИЕВУ,
ОНЪ ТОЮ ДОРОГОЮ ПРЯМОВЪЗЖЕЮ,
КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЬ,
ЧРЕЗЪ ТѢ ЛѢСА БРЯНСКІЕ,
ЧРЕЗЪ ЧЕРВЫ ГРЯЗИ СМОЛЕНСКІЯ,
И ЗАЛЕГЪ ТУ ДОРОГУ СОЛОВЕЙ РАЗВОЙНИКЪ.

И КЛАДЕТЬ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУ:
ЧТО ПРОѢХАТЬ ДОРОГУ ПРЯМОВЪЗЖЮ,
КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЬ,
НЕ ВЫМАТЬ ИЗЪ НАЛУШНА ТУГОЙ ЛУКЪ,
ИЗЪ КОЛЧАНА НЕ ВЫМАТЬ КАЛЕНУ СТРЕЛУ.»
БЕРЕЖЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ ВЕЛИКОЕ У ОЦА СЪ
МАТЕРЬЮ.

А И ТОЛЬКО ЕГО ИЛЬЮ ВЕДѢЛИ.
ПРОЩАЛСЯ СЪ ОЦЕМЪ, СЪ МАТЕРЬЮ,
И САДНУСЯ ИЛЬЯ НА СВОЕГО ДОБРА КОНЯ,
А И ВЫѢХАЛЪ ИЛЬЯ СЪ ДВѢРА СВОЕГО
ВО ТѢ ВОРОТА ШИРОКІЯ;
КАКЪ СТЕГНЕТЪ ОНЪ КОНЯ ПО ТУЧНЫМЪ ВЕД-
РАМЪ—

А И КОНЬ ПОДЪ ИЛЬЕЮ РАЗСЕРЖАЕТСЯ,
ОНЪ ПЕРВУ СКОКЪ СТУПИЛЪ ЗА ПЯТЬ ВЕРСТЬ,
А ДРУГАГО УСКОКА НЕ МОГЛИ НАЙТИ.
ПОЖАЛЪ ОНЪ ЧЕРЕЗЪ ТѢ ЛѢСА БРЯНСКІЕ,
ЧЕРЕЗЪ ТѢ ГРЯЗИ СМОЛЕНСКІЯ.

КАКЪ БЫ БУДЕТЬ ИЛЬЯ ВО ТЕМНЫХЪ ЛѢ-
САХЪ,

ВО ТЕМНЫХЪ ЛѢСАХЪ, ВО БРЯНСКИХЪ,
НАВѢЖАЛЪ ИЛЬЯ НА ДЕВЯТИ ДУБАХЪ,
И НАВѢЖАЛЪ ОНЪ ИЛЬЯ СОЛОВЬЯ РАЗВОЙНИКА.
И ЗАСЛЫШАЛЪ СОЛОВЕЙ РАЗВОЙНИКЪ
ТОГО ЛИ ТОНУ КОВИНАГО,
И ТОЯ ЛИ ОНЪ ПОВѢДКИ БОГАТЫРСКІЯ;
ЗАСВѢСТАЛЪ СОЛОВЕЙ ПО СОЛОВЬИНОМУ,
А ВЪ ДРУГОЙ ЗАШПЫТАЛЪ РАЗВОЙНИКЪ ПО ЗВѢ-
РЬНОМУ,

А ВТРЕТЬИ ЗРЯВКАЕТЪ ПО ЗВѢРЬНОМУ.

ПОДЪ ИЛЬЕЮ КОНЬ ОКОРАЧИЛСЯ,
И ПАДАЛЪ ВѢДЪ НА КУКОРАЧЪ.
ГОВОРИТЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ИВАНОВИЧЪ:
«А ТЫ ВОЛЧЬЯ СЫТЬ, ТРАВЯНОЙ МѢШОКЪ!
НЕ БЫВАЛЪ ТЫ ВЪ ПЕЩЕРАХЪ ВЪЛОКАМЕН-
НЫХЪ,

НЕ БЫВАЛЪ ТЫ КОНЬ ВО ТЕМНЫХЪ ЛѢСАХЪ,¹
НЕ СЛЫХАЛЪ ТЫ СВИСТУ СОЛОВЬИНАГО,²
НЕ СЛЫХАЛЪ ТЫ ПИИУ ЗВѢРЬНАГО,
А ЗВѢРЬНАГО КРИКУ ТУРЬНАГО.»

РАЗРУШАЕТЪ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУЮ,
ВЫМАЕТЪ КАЛЕНУ СТРЕЛУ
И СТРЕЛЯЕТЪ ВЪ СОЛОВЬЯ РАЗВОЙНИКА;
И ПОПАЛЪ СОЛОВЬЯ, ДА ВЪ ПРАВОЙ ГЛАЗЪ.
ПОЛЕТѢЛЪ СОЛОВЕЙ СЪ СЫРА ДУВА
КОМОМЪ КЪ СЫРОЙ ЗЕМЛИ.
ПОДХВАТИЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ СОЛОВЬЯ НА
ВЪЛКИ РУКИ,

Привязалъ Соловья ко той ко лукъ ко се-
дальныя;
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взвѣгла она на чердаки на вышніе.
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи
верстахъ,

Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынчикъ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія.
Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молода жена.
И увидѣла добраго молодца, Илью Муромца.
И бросилась съ чердака во свои высокіе
терема,

И будила она девять сыновей своихъ:
«А встаньте, обудитесь добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!
Вы подите въ подвалы глубокие,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой дворъ,
И встрѣчайте удача, добраго молодца;
А и здеть, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашего въ торокахъ везеть.»

А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокие,
Не берутъ ея золотой казны;
А худомъ, вѣдь, свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными—
Они хочутъ разклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.

Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворян-
скому.

И бросилась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удача, доброй молодецъ!
Бери ты у насъ золотой казны сколько
надобно,

Отпусти Соловья разбойника,
Не вози Соловья во Киевъ градъ.»
А его-то дѣти Соловьевы
Неумиво они поговариваютъ.

Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.—

И стѣгаетъ Илью онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ ведрямъ;

Какъ бы конь подъ нимъ осержается—
Поѣжалъ Илью, какъ соколъ летитъ.
Прѣзжаетъ Илью онъ во Киевъ градъ,
Среди двора княженецкаго
И скочилъ онъ Илью со добра коня,
Привязалъ коня къ дубовому столбу.
Приходилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистому,
Поклонился Князю со Княгинею—
На всѣ на четыре стороны.
У Великаго Князя Владимира,
У него Князя былъ почетной пиръ;
А и много на пирѣ было князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Илью, чару зелена вина
въ полтора ведра.

Принимаетъ Илью единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владимиръ Князь:
«Ты скажись молодецъ, какъ именовъ зо-
вуть?»

А по имени твѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати.»

И отвѣчаетъ Илью Муромецъ Ивановичъ:
«А ты ласковой, стольной Владимиръ Князь!
А меня зовутъ Илью Муромецъ, сынъ Ива-
новичъ;

И проѣхалъ я дорогу прямовѣзную
Изъ стольнаго городъ изъ Муромъ,
Изъ того села Корочаева.»

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владимиръ Князь!
Въ очахъ дѣтина завирается;
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямовѣзною?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника.»

Говоритъ Илью Муромецъ:
«Гой еси ты, Осударь, Владимиръ Князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ
къ твѣ.»

И втапору Илью Муромецъ
Пошелъ съ Великимъ Княземъ на широкій
дворъ,

Смотрѣть его удачу богатырскія.
Выходили тутъ князья, бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Доманъевичъ,
Свѣтогоръ богатырь и Пожланъ другой,
И семь-то братьевъ Зеродовичи,
Еще мужики были Залешана,

А еще два брата Хашпловы;
Только было у Князя ихъ тридцать молод-
цовъ.

Выходилъ Илья на широкой дворъ
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
«Ты послушай меня, Соловей разбойникъ
младъ!

Просвисти Соловей по соловьиному,
Пошипи змѣй по змѣиному.
Зрякай звѣрь по туринному,
И потѣшь Князя Владимира».

Засвисталъ Соловей по соловьиному.
Оглушилъ онъ въ Киевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ змодѣй по змѣиному,
Онъ втретѣ зрякаетъ по туринному.

А князья и бояре испужались,
На корачкахъ по двору напозлалися.
И все сильны богатыри могуче.
И накурилъ онъ вѣды несносныя:
Гостины кони съ двора разбѣжались—
И Владимиръ Князь едва живъ стоитъ,
Со душой Княгиней Апраксѣвной.
Говорилъ тутъ ласковой Владимиръ Князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ
Ивановичъ!

Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта штука намъ не надобна».

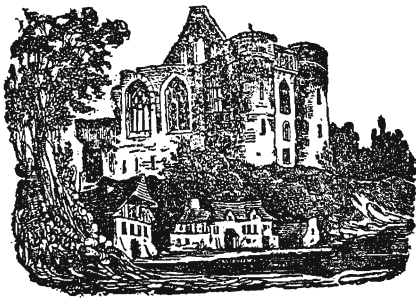
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ въ полѣ шле-
тается,
А и вѣдять въ полѣ старъ, матеръ человекъ,
Старой ли казакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ, вѣдь, денегъ не годилось:
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь
тысячей,

Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню, вѣдь, подъ старымъ цѣны не было;
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на старого станишники,
По нашему Русскому разбойнику,
Кругомъ его старого обלאдили,
Хотятъ его старого ограбити,
Съ душей, съ животомъ его разлучить хо-
тятъ.

Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой еси вы, братцы, станишники!
Убить меня старого вамъ не зашто,
А взыти у старого нечего.»
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой дубъ,
Вынималъ онъ, вѣдь, стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ, старой, по сыру дубу;
А опѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряквястой дубъ,
Изломала въ черенъ въ ножевые дубъ.
Отъ того-то, вѣдь, грому богатырскаго,
Того-то станишники испужались,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ—
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Семла встаетъ, пересемываетъ,
А Спиря встаетъ, то поспириваетъ,
А все они станишники бѣютъ челомъ:
«Ты старой казакъ, Илья-Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство възовѣчвое,
Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
А и гой еси вы, братцы, станишники!
Повѣжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилъ, сыну Пленковичу,
Про старого казака Илью Моромца.

ВАСИЛИЙ БУСЛАВЕЦЪ.

Во славномъ Великомъ Новѣгородѣ,
 А и жилъ Буслай до девятиста лѣтъ;
 Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
 Со мужики Новгородскими
 Поперегъ словечка не говаривалъ.
 Живучи Буслай состарился,
 Состарился и переставился.
 Послѣ его вѣку долгаго
 Оставалось его житье-бытье
 И все пѣньи дворянское;
 Осталась матера вдова,
 Матера Амелѣа Тимофеевна,
 И осталось чадо младое,
 Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
 Будетъ Васинька семи годовъ,
 Отдавала матушка родимая,
 Матера вдова Амелѣа Тимофеевна,
 Учитъ его во грамотѣ,
 А грамота ему въ наукѣ пошла;
 Присадила перомъ его писать,
 Письмо Василью въ наукѣ пошло;
 Отдавала пѣнью учить церковному;
 Пѣнью Василью въ наукѣ пошло.
 А и пѣть у насъ такова пѣвца
 Во славномъ Новѣгородѣ,
 Супротивъ Василья Буслаева.
 Поводился, вѣдь, Васяка Буслаевичъ
 Со пѣвцы, со безумныи,
 Съ веселыми, удалыми, дивными молодцы,
 До пѣвца ужъ сталъ напиваться;
 А и ходитъ въ городъ, уродуетъ:

Котораго возьметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго заденетъ за ногу,
 То въ ногу выломитъ;
 Котораго хватитъ поперегъ хребта,
 Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ.

Пошла-то жалоба великая.

А и мужики Новгородские,
 Посадские, богатые,
 Приносили жалобу они великую
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимофеевнѣ
 На того на Василья Буслаева.

А и мать-то стала его журить, бранить,
 Журить, бранить, его на умъ учить.
 Журьба Васякъ не влюбилася,
 Пошелъ онъ Васякъ во высокъ теремъ,
 Садился Васякъ на ременчатой стулъ,
 Писалъ ярлыки скорописчаты.
 Отъ мудрости слово поставлено :
 «Кто хочетъ нить и эсть изъ готоваго,
 Валися къ Васякъ на широкой дворъ;
 Тотъ пей и эшь готорое
 И носи платъ разноцвѣтное.»
 Розсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
 На тѣ улицы широкия
 И на тѣ частые переулочки.
 Въ то же время поставилъ Васякъ чашъ сре-
 ди двора,
 Наливалъ чашъ полонъ зелена вина,
 Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.
 Во славномъ было въ Новѣградѣ,

Грамотны люди шли,
 Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
 Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
 Къ тому чану, зелену вину.
 Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
 Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ.
 Василий тутъ его опробовалъ,
 Сталъ его бити червленымъ влзомъ,
 Въ половинѣ было налито
 Тяжела свинца Чебурацкаго,
 Влзомъ тотъ влзъ былъ во двѣнадцать пудъ,
 А вбѣтъ онъ Костю по буйной головѣ.
 Стоитъ тутъ Костя, не шевелѣнится,
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутса.
 Говорилъ Василий, сынъ Буслаевичъ:
 «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
 А и будь ты мнѣ названой братъ,
 И паче мнѣ брата родимаго.»
 А и мало время позамѣшкавши,
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Монсей, дѣти боярскіе,
 Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ.
 Молодой Василий сынъ Буслаевичъ
 Тѣмъ молодцамъ сталъ радощень и веселе-
 шенекъ.
 Пришли тутъ мужики Залешана,
 И не смѣлъ Василий показатися къ нимъ.
 Бще тутъ пришло семь братьовъ Сбродовичи.
 Собиралися, сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Онъ самъ Василий тридцатой сталъ.
 Какой зайдетъ, убьютъ его,
 Убьютъ его, за ворота вросятъ.
 Послышалъ Васивька Буслаевичъ
 У мужиковъ Новгородскихъ
 Кануъ варенъ, пива ячныя,
 Пошелъ Василий со дружиною,
 Пришелъ во братчину въ Никольщину.
 «Не малу мы тебѣ сыне платимъ,
 За всякаго брата по пяти рублевъ.»
 А за сева Василий дасть пятьдесятъ рублевъ.
 А и тотъ-то староста церковной
 Припималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
 А и зачали они тутъ кануъ варевъ цитъ,
 А и тѣ-то пива ячныя.
 Молодой Василий, сынъ Буслаевичъ
 Бросился на Царевъ кабакъ,
 Со своею дружиною храврою;
 Напилися они тутъ зелена вина,
 И пришли во братчину въ Никольщину.
 А и будетъ день ко вечеру,
 Отъ малаго до стараго

Начали ужъ ребята боротися,
 А въ вномъ кругу въ кулаки битись;
 Отъ той борьбы отъ ревячя,
 Отъ того вою отъ кулачнаго,
 Началася драка великая;
 Молодой Василий сталъ драку разнимать,
 А иной дуракъ зашелъ съ носка,
 Его по уху оплелъ.
 А и тутъ Василий закричалъ громкимъ
 голосомъ.

«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
 И Лука, Монсей, дѣти боярскіе!
 Уже Ваську меня вьютъ.»
 Поскакали удалы добры молодцы,
 Скоро они улицу очистили,
 Привили уже много до смерти,
 Вдвое, втрое перековеркали,
 Руки, ноги переломали.
 Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе.

Говорить тутъ Василий Буслаевичъ:
 «Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
 Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
 Напущаюсь я на с съ Новгородъ
 Битися, драться
 Со всею дружиною храврою;
 Тако вы меня съ дружиною побьете Но-
 вымъ городомъ,
 Буду вамъ платитъ дань, выходы по смерти
 свою,

На всякой годъ по три тысячи;
 А буде же я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь,
 То вамъ платитъ мнѣ такову же дань.»
 И въ томъ-то договоръ руки они подписали.

Началася у нихъ драка-бой великая.
 А мужики Новгородскіе,
 И вся купцы богатые,
 Встъ они вмѣстѣ сходилися,
 На млада Васютку напущались;
 И дерутся они день до вечера.
 Молодой Василий, сынъ Буслаевичъ,
 Со своею дружиною храврою
 Привили они во Новгородъ,
 Привили уже много до смерти.
 А и мужики Новгородскіе догадалися;
 Пошли они съ дорогими подарки
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.
 «Матера вдова Амела Тимофеевна!
 Прими у насъ дорогомъ подарочки,
 Уйми свое чадо милое,
 Василья Буслаевича.»

Матера вдова Амела Тимофеевна

Принимала у нихъ дороги подарочки,
 Посылала дѣвушку чернавушку
 По того Василья Буслаева.
 Привѣжала дѣвушка чернавушка,
 Сохватила Ваську во пѣлы руки,
 Потатила къ матушки родимыя,
 Притащила Ваську на широкой дворъ;
 А и та старуха неразмышлена,
 Посадила въ погреба глубокиѣ
 Молода Василья Буслаева,
 Затворяла дверьми желѣзными,
 Запирала замки булатными.

А его дружина хорабрая
 Со тѣми мужиками Новгородскими
 Дерутся, бьются день до вечера.

А и та-то дѣвушка чернавушка
 На Волховъ рѣку ходила по воду.
 А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
 «Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
 Не подай насъ у дѣла у ратнаго,
 У того часу смертнаго.»

И тутъ дѣвушка чернавушка
 Бросала она ведро клецовое,
 Брала коромысло кипарисово,
 Коромысло тѣмъ стала она помахивати
 По тѣмъ мужикамъ Новгородскимъ.
 Привила ужъ много до смерти.
 И тутъ дѣвка запыхалася,
 Повѣжала ко Василью Буслаеву,
 Срывала замки булатные,
 Отворяла двери желѣзные:
 «А спишь ли Василій, или такъ лежишь?
 Твою дружину хорабрую
 Мужики Новгородские
 Всѣхъ привили, переранили,
 Булавами буйны головы провиваны.»

Ото сна Василій пробуждается,
 Онъ вскочилъ на широкой дворъ,—
 Не попалъ палица желѣзная,
 Что попалъ ему ось тележная,
 Повѣжалъ Василій по Новгороду,
 По тѣмъ по широкимъ улицамъ.

Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
 На могучихъ плечахъ держитъ колоколь,
 А вѣсомъ тотъ колоколь во триста пудъ.
 Кричатъ тотъ старецъ Пилигримища:
 «А стой ты, Васька, не попаркивай,
 Молодой глупырь не полетывай,
 Изъ Волхова воды не выпити,
 Во Новгородѣ людей не выбити;
 Есть молодцовъ сопротивъ тебѣ,
 Стоимъ мы молодцы не хвастаемъ.»

Говорилъ Василій таково слово:
 «А и гой еси, старецъ Пилигримища!

А и бился я о великъ закладъ
 Со мужики Новгородскими,
 Опричь почестнаго монастыря,
 Опричь тебя, старца Пилигримища,
 Въ задоръ войду—тебя убью.»

Ударилъ онъ старца во колоколь
 А и той-то осью тележною.
 Качается старецъ, не шевелится;
 Заглянулъ онъ Василій старцу подъ коло-

коль,

А и во лѣвъ глѣзъ—ужъ вѣку нѣту.

Пошелъ Василій по Волховъ рѣкѣ,
 А идетъ Василій по Волховъ рѣкѣ,
 По той Волховой по улицѣ;
 Завидѣли добры молодцы,
 А его дружина хорабрая,
 Молода Василья Буслаева.
 У ясныхъ соколовъ крылья офросли,
 У нихъ-то молодцовъ думушки привыло.
 Молодой Василій Буслаевичъ,
 Пришелъ-то молодцамъ на вырубку;
 Со тѣми мужиками Новгородскими
 Онъ дерется, бьется день до вечера.

А ужъ мужики покорилися,
 Покорилися и помирился;
 Повесли они записи крѣвкия
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ;
 Насыпали чашу чистаго серебра,
 А другую чашу краснаго золота,
 Пришли ко двору доряжскому,
 Бьютъ челомъ, поклоняются:
 «Осударыня матушка!

Примай ты дороги подарочки,
 А уѣми свое чадо милое,
 Молода Василья со дружиною;
 А и ради мы платитъ
 На всякой годъ по три тысячи,
 На всякой годъ будетъ тебѣ носитьъ:
 Съ хлѣбниковъ по хлѣбну,
 Съ калачниковъ по калачику,
 Съ молодицъ поввечное,
 Съ дѣвицъ повалешно,
 Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
 Опричь поповъ и дьяковъ.»

Втапоры матера вдова,
 Амелѣ Тимофеевна
 Посылала дѣвушку чернавушку,
 Привести Василья со дружиною.
 Пошла та дѣвушка чернавушка.
 Бѣжавши та дѣвка, запыхалася,

Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
 Что полтен по улицѣ валяются
 Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.
 Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
 Сохватила Василья за бѣлыя руки,
 А стала ему разсказывать:
 «Мужики пришли Новгородские,
 Принесли они дороги подарочки,
 И принесли записи заручныя
 Ко твоей сударынь матушкѣ,
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.»

Повела дѣвка Василья со друженою
 На тотъ на широкой дворѣ,
 Привела-то ихъ къ зеленому вину;
 А сѣли они молодцы во единой кругъ,
 Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
 Со того уразу молодецкаго,
 Отъ мужиковъ Новгородскихъ.
 Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
 «У моста и у пьяницы,
 У млада Васютки Буслаевича,
 Не упшто, не уѣдено,
 Вкраснѣ хорошо не ухажено,
 А цвѣтнаго платя не уношено,
 А увѣче на бѣкѣ залечено.»
 И повелъ ихъ Васильи обѣдать
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.

Взапоры мужики Новгородские
 Принесли Василью подарочки:
 Вдругъ сто тысячей.
 И за тѣмъ у нихъ мирова пошла.
 А и мужики Новгородские
 Покорилися и сами поклонилися.

Подъ славнымъ, великимъ Новымгоро-
 домъ,

По славному озеру по Ильмену
 Плаваетъ, поплаваетъ свръ селезень,
 Какъ бы дрой гоголь пѣныриваетъ;
 А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль,
 Какъ бы молада Василья Буслаевича,
 А и молада Василья, со его дружиною хо-
 рѣброю,

Тридцать удалыхъ молодцовъ:
 Костя Никитинъ корму держитъ,
 Маленькой Потавя на носу стоитъ,
 А Васильи-то по коравлю похаживаетъ,
 Таковыя слова поговариваетъ:
 «Свѣтъ, моя дружина хорѣбрая,
 Тридцать удалыхъ молодцовъ!

Ставьте корабль понерегъ Ильменя,
 Приставляйте, молодцы, ко Новугороду.»

А и тычками къ берегу притыкалися,
 Сходни бросали на крутой бережокъ,
 Приходили тутъ Васильи ко своему онѣ дво-
 ру дворянскому,

И за нимъ идетъ дружинишка хорѣбрая;
 Только караулы оставили.

Приходите Васильи Буслаевичъ
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынь матушкѣ,
 Матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.

Какъ вьонѣ около ея увивается,
 Просите благословение великое:
 «А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
 Матера вдова Амелѣ Тимофеевна!

Дай мнѣ благословение великое:
 Идти мнѣ Василью въ Иерусалимъ градъ
 Со всею дружиною хорѣброю,
 Мнѣ ко Господу помолитися,
 Святой святынь приложитися,
 Во Егдавѣ рѣкѣ искупатися.»

Что взговоритъ матера вдова,
 Матера Амелѣ Тимофеевна:

«Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Васильи Буслаевичъ!
 То коли ты пойдешъ на добрыя дѣла,
 Тебѣ дамъ благословение великое;
 То коли ты, дитя, на разбой пойдешъ,
 И не дамъ благословенія великаго.
 А и не носи Василья сыра земля!»

Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жагу рѣстопляется,
 Материно сердце разпуцается;
 И дасть она много свинцу, пороху,
 И дасть Василью запасы хлѣбныя,
 И дасть оружье долготѣрное:
 «Побереги ты, Васильи, буйну голову свою.»

Скоро молодцы собираются,
 И съ матерой вдовой прощаются.
 Походили они на червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы, полотняные,
 Побѣжали по озеру Ильмену.

Бѣгутъ они ужъ сутки другия,
 А вбгуть уже недѣлю другую,
 Встрѣчу имъ гости корабельщики:
 «Здравствуй Васильи Буслаевичъ!
 Куда молодецъ поизволилъ погулять?»

Отвѣчалъ Васильи Буслаевичъ:
 «Гой еси вы, гости корабельщики!
 А мое-то вѣдь гулянье неохотнож
 Со мрлоду бито много, гравлено,

Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
Ко святому граду Іерусалиму?»

Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:

«А и гой еси, Василий Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
Бвжать семь недѣль,

А окольной дорогой полтора года.

На славномъ морѣ Каспійскомъ,
На томъ острову на Куминскимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоять атаманы казачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червленны корабли.»

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:

«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни
въ чохъ,

А и вѣрую въ свой червеной вязъ;
А вѣдите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ.»

И завидѣвъ Василій гору высокую,
Приставалъ скоро ко кругу берегу,
Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хоробрая.

Будетъ Василій въ полу горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.
Пнулъ Василій тою голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова человѣческая:

«Гой еси ты, Василий Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Умю я, молодецъ, ваятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, молодецкая,
И лежатъ будетъ голова Васильевой.»

Плонулъ Василій, прочь пошелъ.
«Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,
Или нечистой духъ.»

Пошелъ на гору высокую.
На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ,
Въ вышину три сажени печатный,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ длину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:

«А кто-де у камня станеть тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будетъ вѣдну голову.»
Василій тому не вѣруетъ.

Приходятъ со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того камению поскакивати,
А вдоль-то его не смѣютъ скакати.

Пошли со горы Сорочинскія:

Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы, полотнояны,
Повѣжали по морю Каспійскому,
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ казаки разбойники,
А стары атаманы казачіе;
На пристани ихъ стоятъ сто человекъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на кругъ бережокъ,—
И скочилъ-то Буслай на кругъ бережокъ,
Червенымъ вязомъ подпирается.

Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулъ испугалися;
Много его не дожидаются,
Повѣжали съ пристани корабельныя,
Къ тѣмъ атаманамъ казачинимъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
«Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго;
Это-де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать-де полетка соколняая,
Видѣть-де поступка молодецкая.»

Пошагалъ-то Василій со дружиною,
Гдѣ стоятъ атаманы казачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ.
Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачіе!
А скажите вы мнѣ прямого пути
Ко святому граду Іерусалиму?»

Говорятъ атаманы козачіе:
«Гой еси Василий Буслаевичъ!
Милости тебѣ просимъ за единой столъ хлѣ-
ва кушати.»

Втапоры Василій не ослаждался,
Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зелена вина въ полтора
ведра,

Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ.
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить.
И хлѣва съ солью откушали,
Сбирается Василій Буслаевичъ
На свой червленъ корабль;
Даютъ ему атаманы казачіе подарки свои:

Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.
За то Василий благодаритъ и кланяется,
Просить у нихъ до Иерусалима провожатаго.
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощались.

Собралися Василий на свой червленъ ко-
рабль

Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы, полотняные,
Повѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ерданъ рѣкъ,
Бросили якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василий Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Въ Иерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдно съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ,
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молеб-
нами

Про удалыхъ молодцовъ,
Что съ молodu вито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданъ рѣкъ искупался.
И расплатился Василий съ попами и съ
дьяконами

И которые старцы при церкви живутъ:
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походить Василий ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль;
Втапоры его дружина хорабрая
Купалася во Ерданъ рѣкъ.
Приходила къ нимъ баба злѣзная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ерданъ рѣкъ?
А не кому купатися, опричь Василья Бус-
лаевича.

Во Ерданъ рѣкъ крестился самъ Господь
Иисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.»
И они говорятъ таково слово:
«Нашъ Василий тому ни вѣруеть ни въ
сонъ, ни въ чохъ.»
И мало время поизойдучи,

Пришелъ Василий ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ерданъ рѣки;
Подняли тонки парусы, полотняные,
Повѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.
Приходили тутъ атаманы казачіе,
И стоять всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочатъ Василий Буслаевичъ,
Изъ своего червленнаго корабля.
Поклонились ему атаманы казачіе:
«Здравствуй Василий Буслаевичъ!
Здорово ли създилъ въ Иерусалимъ градъ?»
Много Василий не баятъ съ ними,
Подаль письмо въ руки имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ мо-
лодцовъ.

Втапоры атаманы казачіе
Звали Василья обѣдаты,
И онъ не пошелъ къ нимъ;
Прощался совѣями тѣми атаманы казачь-
ными.

Подымали тонки парусы, полотняные,
Повѣжали по морю Каспійскому къ Нову-
городу.

А и вдутъ недѣлю споряду,
А и вдутъ уже другую;
А завидѣлъ Василий гору высокую, Сорочин-
чинскую.
Захотѣлось Василью на горы побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору,
Пошелъ Василий со дружиною.

И будетъ онъ въ полѣ-горы,
А на пути лежитъ пуста голова, чelовѣчья
кость,
Пнулъ Василий тою голову съ дороги прочь.
Провѣщитца пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевичъ!
Къ чему меня голову прививалъ ты,
И къ чему поврасывалъ?»
Я, молодець, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ Сорочин-
скія;

Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой голова.»
Пиюнулъ Василий, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,

И ЧРЕЗЪ НЕГО ТОЛЬКО ТОПОРОМЪ ПОДАТЬ,
 ВЪ ДОЛИНУ ТРИ АРШИНА СЪ ЧЕТВЕРТЮ;
 А ВЪ ТОМЪ-ТО ПОДПИСЬ ПОДПИСАНА
 « А КТО-ДЕ У КАМЕНЯ СТАНЕТЪ ТЪПИТЬСЯ,
 А И ТЪПИТЬСЯ, ЗАБАВЛЯТЬСЯ,
 ВДОЛЬ СКАКАТЬ ПО КАМЕНИЮ,
 СЛОМИТЬ БУДЕТЬ БУЙНУ ГОЛОВУ. »
 ВАСИЛІЙ ТОМУ НЕ ВЪРУЕТЪ;
 СТАЛЪ СО ДРУЖИНОЮ ТЪПИТЬСЯ И ЗАБАВЛЯТЬСЯ,
 ПОПЕРЕГЪ КАМЕНЯ ПОСКАКИВАТИ;
 ЗАХОТЪЛОСЬ ВАСИЛІЮ ВДОЛЬ СКАКАТЬ .
 РАЗЪЕЖАЛСЯ, СКОЧИЛЪ ВДОЛЬ ПО КАМНЮ,
 А НЕ ДОСКОЧИЛЪ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРТИ,
 И ТУТЪ УВИДЛСЯ ПОДЪ КАМЕНЕМЪ.
 ГДѢ ЛЕЖИТЬ ПУСТА ГОЛОВА,
 ТАМЪ ВАСИЛІЯ СКОРОНИЛИ.
 ПОВЕЖАЛА ДРУЖИНА СЪ ТОЙ СОРОЧИНСКОЙ ГОРЫ
 НА СВОЙ ЧЕРВЛЕНЪ КОРАБЛЪ,
 ПОДЫМАЛИ ТОНКИ ПАРУСЫ, ПОЛОТНЯНЫЕ,
 ПОВЕЖАЛИ КО НОВОГОРОДУ.
 А БУДУТЪ У НОВОГОРОДА,
 БРОСАЛИ СЪ НОСУ ЯКОРЬ И СЪ КОРМЫ ДРУГОЙ,
 ЧТОБЫ КРѢПКО СТОЯЛЪ И НЕ ШАТАЛСЯ ОНЪ.
 ПОШЛИ КЪ МАТЕРОЙ ВДОВѢ КЪ АМЕЛѢ ТИ-
 МОФЕЕВНѢ,

ПРИШЛИ И ПОКЛОНИЛИСЯ,
 ВСѢ ПИСЬМО ВЪ РУКИ ПОДАЛИ.
 ПРОЧИТАЛА ПИСЬМО МАТЕРА ВДОВА , САМА ЗА-
 ПЛАКАЛА,
 ГОВОРИЛА ТАКОВЫ СЛОВА;
 « ГОЙ ВЫ ЕСИ, УДАЛЫ ДОБРЫ МОЛОДЦЫ !
 У МЕНЯ НЫНѢ ВАМЪ ДѢЛАТЬ НЕЧЕГО;
 ПОДИТЕ ВЪ ПОДВАЛЫ ГЛУБОКІЕ,
 БЕРИТЕ ЗОЛОТОЙ КАЗНЫ НЕ СЧИТАЮЧИ.
 ПОВЕЛА ИХЪ ДѢВУШКА ЧЕРНАВУШКА
 КЪ ТѢМЪ ПОДВАЛАМЪ ГЛУБОКИМЪ,
 БРАЛИ ОНИ КАЗНЫ ПО МАЛУ ЧИСЛУ;
 ПРИШЛИ ОНИ КЪ МАТЕРОЙ ДВОРѢ,
 ВОЗГОВОРИЛИ ТАКОВЫ СЛОВА :
 « СПАСИБО, МАТУШКА АМЕЛѢ ТИМОФЕЕВНА !
 ЧТО ПОИЛА , КОРМИЛА , ОБУВАЛА И ОДѢВАЛА
 ДОБРЫХЪ МОЛОДЦОВЪ. »
 ВТАПОРЫ МАТЕРА ВДОВА , АМЕЛѢ ТИМОФЕЕ-
 ЕВНА,
 ПРИКАЗАЛА НАЛИВАТЬ ПО ЧАРѢ ЗЕЛЕНА ВИНА.
 ПОДНОСИТЬ ДѢВУШКА ЧЕРНАВУШКА
 ТѢМЪ УДАЛЫМЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦАМЪ.
 А И ВЫПИЛИ ОНИ, САМИ ПОКЛОНИЛИСЯ.
 И ПОШЛИ ДОБРЫ МОЛОДЦЫ,
 КОМУ КУДА ЗАХОТѢЛОСЯ.

ВЪ СЛАВНАГО РОСТОВА, КРАСНА ГОРОДА,
 КАКЪ ДВА ЯСНЫЕ СОКОЛЫ ВЫЛЕТЫВАЛИ,
 ВЫЕЗЖАЛИ ДВА МОГУЧЕ БОГАТЫРЯ,
 ЧТО ПО ИМЕНИ АЛЕШЕНЬКА ПОПОВИЧЪ МЛАДЪ
 А СО МОЛОДОМЪ ЕКИМОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ.
 ОНИ ѢЗДЯТЪ БОГАТЫРИ ПЛЕЧО О ПЛЕЧО,
 СТРЕМЛЯНО ВЪ СТРЕМЛЯНО БОГАТЫРСКОЕ;
 ОНИ ѢДИЛИ, КУДАЛИ ПО ЧИСТУ ПОЛЮ,
 НИЧЕГО ОНИ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ НЕ НАѢЗЖИВАЛИ,
 НЕ ВИДАЛИ ПТИЦЫ ПЕРЕЛЕТНЫЯ,
 НЕ ВИДАЛИ ОНИ ЗВѢРЯ ПРЫСКУЧАГО;
 ТОЛЬКО ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ НАТКАЛИ:
 ЛЕЖАТЪ ТРИ ДОРОГИ ШИРОКІЯ,
 ПРОМЕЖЪ ТѢХЪ ДОРОГЪ ЛЕЖИТЬ ГОРЮЧЪ КА-
 МЕНЬ,
 А НА КАМЕНѢ ПОДПИСЬ ПОДПИСАНА.
 ВОЗГОВОРИТЪ АЛЕША ПОПОВИЧЪ МЛАДЪ:

« А И ТЫ, БРАТЕЦЪ, ЕКИМЪ ИВАНОВИЧЪ !
 ВЪ ГРАМАТѢ ПОУЧЕНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ:
 ПОСМОТРИ НА КАМЕНЮ ПОДПИСИ,
 ЧТО НА КАМЕНЮ ПОДПИСАНО? »
 И СКОЧИЛЪ ЕКИМЪ СО ДОБРА КОНЯ,
 ПОСМОТРѢЛЪ НА КАМЕНЮ ПОДПИСИ,
 РОСПИСАНЫ ДОРОГИ ШИРОКІЯ:
 « ПЕРВАЯ ДОРОГА ВЪ МУРОМѢ ЛЕЖИТЬ,
 ДРУГАЯ ДОРОГА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ ГРАДѢ,
 ТРЕТЬЯ КО ГОРОДУ КО КІЕВУ,
 КО ЛАСКОВУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ. »
 ГОВОРИЛЪ ТУТЪ ЕКИМЪ ИВАНОВИЧЪ:
 « А И БРАТЕЦЪ, АЛЕША ПОПОВИЧЪ МЛАДЪ,
 КОТОРОЙ ДОРОГОЙ ИЗВОЛИШЪ ѢХАТЬ? »
 ГОВОРИЛЪ ЕМУ АЛЕША ПОПОВИЧЪ МЛАДЪ:
 « ЛУЧШЕ НАМЪ ѢХАТЬ КО ГОРОДУ КО КІЕВУ,
 КЪ ЛАСКОВУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ. »

Втапоры поворотили добрыхъ коней,
И поѣхали они ко городу ко Киеву;
Не доѣхавши они до Сафаты рѣки,
Ставовились на лугахъ на зеленыхъ.
Надо Алешу покормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволил Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ-то добры кони,
Стреножнмиши, въ зеленъ лугъ пустякъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ
держать.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано, равешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ повтъ на Сафатъ на рѣку.
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней.
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Киеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожей:
Лапки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу Чебурац-
каго.

Говорилъ таково слово:
«Гой вы еси, удалецъ добрыхъ молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ камена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ вадить.»

Привязался Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, калика перехожея!
Дай мнѣ платье каличее,
Возьми мое богатырское:
Лапки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубку свою соболиною, долгополую,
Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,

Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу Чебу-
рацкаго.»

Даетъ свое платье калика Алешу Поповичу,
Не отказываючи, а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается.
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.

Завидѣвъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповича едва жить видѣть.

Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси, калика перехожея!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.»

Говоритъ тутъ Алеша каликою:
«А и ты, гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ
младъ!

Подѣзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь.»
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ
младъ.

Сверстался Алеша Поповичъ младъ.
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлещулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшивъ ему буйну голову.
И упалъ Тугаринъ на сыру землю.
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугаринъ Змѣевичъ
младъ:

«Гой еси, ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ,
Семь повратуемся съ тобой.»
Втапоры Алеша брату не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цветное
На сто тысячей—и все платье на себя на-
дѣвалъ;

Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ вѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣвъ Екимъ Ивановичъ
И калика перехожея,
Испужалися его, съѣли на добрыхъ коней,
Повѣжали ко городу Ростову.
И настигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ

Обернется Екимъ Ивановичъ,
 Онъ выдергивалъ палицу боевую въ трид-
 цать пудъ,
 Бросалъ назадъ себя:
 Показалось ему, что Тугаринъ Змбевичъ
 младъ.
 И угодилъ въ груди вѣлья Алеша Попо-
 вича,
 Спивъ изъ сѣделечка Черказскаго,
 И упалъ онъ на сыру землю.
 Втапору Екимъ Ивановичъ
 Скочился со добра коня, свѣлъ на груди ему,
 Хочетъ пороть груди вѣлья—
 И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ.
 Самъ заплакалъ, говорилъ калекъ перехо-
 жему:
 «По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинился,
 Что увидѣлъ своего брата родимаго.»
 И стала его оба трясти и качать,
 И потомъ подали ему питья заморскаго;
 Отъ того онъ здравъ сталъ.
 Стали они говорить и между собою платъ-
 емъ мѣняли:
 Калекъ свое платъ надѣвалъ каличье,
 А Алеша свое богатырское,
 А Тугарина Змбевича платъ цвѣтное
 Клади въ чемоданъ къ себѣ.
 Съли они на добрыхъ коней,
 И поехали всѣ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласковому Князю Владиміру.
 А и будутъ они во городѣ во Кіевѣ
 На княженецкомъ дворѣ,
 Скочили со добрыхъ коней,
 Привязали коней къ дубовымъ столбамъ,
 Пошли во свѣтлы гридни.
 Молятся Спасову образу,
 И вьютъ челомъ, поклоняются
 Князю Владиміру и Княгинѣ Анфраксевичѣ
 И на всѣ четыре стороны.
 Говорилъ имъ ласковой Владиміръ Князь:
 «Гой вы еси, добры молодцы!
 Скажитесь, какъ васъ по имени зовуть:
 А по имени вамъ можно мѣсто дать,
 По изотчеству можно пожаловати.»
 Говорятъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
 «Меня, Осударь, зовуть Алешою Попови-
 чемъ,
 Изъ города Ростова, стараго поца согор-
 наго.»
 Втапору Владиміръ Князь обрадовался,
 Говорилъ таково слово:
 «Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

По отечеству садися въ большое мѣсто, въ
 передній уголокъ,
 Въ другое мѣсто богатырское,
 Въ дубову скамью противъ меня,
 Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.»
 Не садился Алеша въ мѣсто большое,
 И не садился въ дубову скамью,
 Сълъ онъ со своими товарищи на палат-
 ной брусъ.
 Мало время позамѣшкавши,
 Несуть Тугарина Змбевича
 На той доскѣ красна золота,
 Двѣнадцать могучихъ богатырей,
 Сажали въ мѣсто большое—
 И подлѣ его сидѣла Княгиня Анфраксевична.
 Тутъ повары были догадливы:
 Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
 А питья все заморскія.
 Стали тутъ пить, вѣсть, прохладжати;
 А Тугаринъ Змбевичъ нечестно хлѣва вѣсть:
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
 Тѣ ковриги монастырскія;
 И нечестно Тугаринъ питья пьеть:
 По цѣлой чаши охлестываетъ,
 Котора чаша въ полтретья ведра.
 И говорилъ втапору Алеша Поповичъ
 младъ:
 «Гой еси ты, ласковой Осударь, Владиміръ
 Князь!
 Что у тебя за болванъ пришелъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Нечестно у Князя за столомъ сидѣть,
 Ко Княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху
 кладеть,
 Цѣлуеть во уста сахарныя,
 Тебѣ Князю насмѣхается;
 А у моего, сударя, бѣтешки
 Была собачица старая,
 Насла по подстолью таскалася,
 И костью та собака подавилася—
 Взялъ ее за хвостъ, пѣдѣ горъ махнулъ.
 Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»
 Тугаринъ почернѣлъ, какъ осенняя ночь,
 Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣ-
 сяцъ.
 И опять втапору повары были догадливы:
 Несли яства сахарныя;
 И принесли лебедушку вѣлую,
 И ту рушила Княгиня лебедѣ вѣлую,
 Обрвала рученьку вѣлую,
 Завернула рукавцомъ, подѣ столъ опустила;
 Говорила таково слово:

«Гой вы еси, Княгини, боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо стотрѣть на миль животь,
На молода Тугарина Змѣевича.»

Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую.

Говорить Алеша на палатномъ брусу:
«Гой еси, ласковой Осударь, Владиміръ
Князь!

Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣсть:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
У моего, сударя, батюшки,
Федора попа Ростовскаго,
Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Завилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсной.
Отъ того она лопнула,—
Взялъ за хвостъ, подѣ гору махнулъ.
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»

Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осення ночь—
Выдернымъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича.
Алеша на то-то вертокъ былъ:
Не могъ Тугаринъ попасть въ него.
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичъ:
«Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ
велишь?»

«Нѣтъ! Я самъ не бросаю и тебѣ не велю.
Завтра съ нимъ перевѣдаюся:
Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
А бьюсь о своей вуйной головѣ.»

Втапоры князя и бояре
Скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ за Тугарина поруки держать.
Князь кладутъ по стѣ рублевъ,
Бояре по пятидесять, крестьяне по пяти
рублевъ;

Тутъ же случилися гости купеческіе,
Три корабля свои подписываютъ
Подѣ Тагарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоять на быстромъ Двѣпрѣ.
А за Алешу подписывалъ владыка Чер-
ниговской.

Втапоры Тугаринъ взвился и вонь ушелъ:
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ, по под-
небесью летать.

Скочила Княгиня Апраксѣвна на рѣзвы
ноги,

Стала пенять Алешѣ Поповичу:
«Деревенична ты, засельщина!
Не далъ посидѣть другу милому.»

Втапоры того Алеша не слушался,
Звился съ товарищи в вонь попель,
Садился на добры кони,
Повхали къ Сафатъ рѣкъ,
Поставили вѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.

Тутъ Алеша всю ночь не спалъ—
Молился Богу со слезами:
Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучу-то, съ градомъ дождя.
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу, съ градомъ дождя.
Замочило у Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру
землю.

Приходитъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что увидѣлъ Тугарина на сырой землѣ.

И скоро Алеша наряжается;
Садился на добра коня,
Взялъ одну савельку острую
И повхалъ къ Тугарину Змѣевичу.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу
Поповича,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:

«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хошь ли я тебя огнемъ спалю?
Хошь ли, Алеша, копьемъ стоичу?
Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ:
Биться, драться единъ на единъ,
А за тобою силы смѣты нѣтъ
На меня, Алешу Поповича.»

Оглянется Тугаринъ назадъ себя.
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову
срубилъ.

И пала глава на сыру землю, какъ певной
котель.

Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,

И прокололъ уши у головы Тутарина Змѣ-
вича,

И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Киевъ на княжеческой дворъ,
Бросилъ среди двора княжеческаго,
И увидѣлъ Алешу Владиміръ Князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранны столы.
Тутъ для Алешы и столъ пошелъ.
Сколько время покушавши,
Говорилъ Владиміръ Князь:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часъ ты мнѣ, свѣтъ, дадь,
Пожалуй ты живи въ Киевѣ,
Служи мнѣ Князю Владиміру:

До любви тебя пожалую.»

Втапору Алеша Поповичъ младъ Князя
не ослушался,

Сталъ служить върою и правдою.

А Княгиня говорила Алешѣ Поповичу:

«Дереженщина ты, засельщина!

Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,

Съ молодымъ Змѣемъ Тутарнымъ.»

Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:

«А ты гой еси, матушка, Княгиня Апрак-
севна!»

Чуть не назвалъ я тебя сурою,

Сурою то, волочайкою.»

То старина, то и дѣянье!

СОЛОВЕЙЪ БУДИМИРОВИЧЪ.

В

ЫСОТА ЛИ, ВЫСОТА ПОДНЕБЕСНАЯ,
ГЛУБОТА, ГЛУБОТА ОКЕАНЪ МОРЕ;
Широко раздолье по всей земли,
ГЛУБОКИ ОМУТЫ Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь, заморскаго,
Выбѣгали, выбѣгали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль получше всѣхъ;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено:
По дорогу камню, по яхвту;

Вмѣсто бровей было прибивано
По черному совою Якутскому;
Вмѣсто уса было воткнуто:
Два острые ножики булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто:
Два остра конья Мурзамецкаго,
И два горностаея повѣшаны,
И два горностаея, два земные;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано:
Два лисицы бурнастые;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколъ корабль:
Два медвѣдя евые, заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Киеву,

Къ ласкову Князю Владимиру.
 На томъ Соколѣ кораблѣ
 Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
 Въ чердакъ была бесѣда — дорогъ рыбий
 зубъ,

Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
 На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ.

Говорилъ Соловей таково слово:
 «Гой еси вы, гости корабельщички,
 И всѣ цѣловальники любимые!
 Какъ буду я въ городѣ Киевѣ,
 У ласкова Князя Владимира,
 Чѣмъ мнѣ-то будетъ Князя дарить,
 Чѣмъ свѣта жаловати?»

Отвѣчаютъ гости корабельщички,
 И всѣ цѣловальники любимые:
 «Ты славной, богатой гость,
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ!
 Есть, сударь, у васъ золота казна:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
 Есть, сударь, дорога камка,
 Что недорога камочка—узоръ хитеръ:
 Хитрости были Царяграда,
 А и мудрости Иерусалима,
 Замыслы Соловья Будимировича;
 На златѣ, на серебрѣ—не прогнѣваться.»

Привѣжали корабли подъ славной Киевъ
 градъ,

Якори метали въ Днепръ рѣку,
 Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 Товарную пошлину въ таможенъ платили
 Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
 Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
 Бралъ Соловей свою золоту казну:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.

Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владимиру,
 Идетъ во гридню, во свѣтлую;
 Какъ бы на пятю двери отворялся,
 Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ,
 Спасову образу молится,
 Владимиру Князю кланяется,
 Книгинѣ Апраксивѣ на особицу,
 И подноситъ Князю свои дороги подарочки:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
 Книгинѣ поднесъ камку вълохрущатую,
 Недорога камочка—узоръ хитеръ:
 Хитрости Царяграда,

Мудрости Иерусалима,
 Замыслы Соловья, сына Будимировича;
 На златѣ и серебрѣ—не прогнѣваться.

Князю дары полюбилися,
 А Книгинѣ наипаче того.
 Говоритъ ласковой Владимиру Князь:

«Гой еси ты, богатой гость,
 Соловей, сынъ Будимировичъ!
 Заимуй дворы княженецкіе,
 Заимуй ты боярскіе,
 Заимуй дворы и дворянскіе.»

Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
 «Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
 И не надо дворы боярскіе,
 И не надо дворы дворянскіе;
 Только ты дай мнѣ заговъ земли,
 Непаханая и неораная,
 У своей, Осударь, княженецкой племенницы,
 У молодой Запавы Путатишной;
 Въ ея, Осударь, зеленомъ саду,
 Въ вишенѣ, въ оршениѣ,
 Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ.»

Говоритъ, Осударь, ласковой Владимиру
 Князь:
 «На то тебѣ съ Книгинемо подумаю»
 А подумавши, отдавалъ Соловью заговъ
 земли,

Непаханая и неораная.
 Приходилъ Соловей на свой червленъ ко-
 рабль,

Говорилъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
 «Гой еси вы, мои люди работные!
 Берите вы топорыки булатные,
 Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
 Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,
 Въ вишенѣ, въ оршениѣ.»

Съ вечера, позднею поздно,
 Будто дятлы въ деревѣ пощолкивали,
 Работала его дружина хоробравъ
 Ко полуночи и дворъ поспѣвалъ:

Три терема златоверховаты,
 Да трои сѣни косящаты,
 Да трои сѣни рѣшетчаты.

Хорошо въ теремахъ изукрашено:
 На тебѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря—
 И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени—
 Ото сна-то Запавъ пробуждалася,
 Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,

Въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ,
 Во свой, вѣдь, хорошій, зеленой садъ.
 Чудо Запавъ показалося:
 Въ ея хорошехъ, зеленомъ саду,
 Что столтъ три терема златоверховаты.
 Говорила Запавъ Путятиншна:
 «Гой еси, нянюшки и мамушки!
 Подтет-ко, посмстритет-ко,
 Что мнѣ за чудо побазалося,
 Въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ?»
 Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
 И свенныя красныя дѣвушки:
 «Матушка, Запавъ Путятиншна!
 Изволь-ко сама посмотришь:
 Счастье твое на дворѣ къ тебѣ пришло.»
 Скоро-де Запавъ наряжается,
 Надвала шубу соболиную,
 Цѣна-то шубѣ три тысячи,
 А пуговки въ семь тысячей,
 Пошла она въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ,
 Во свой во хорошехъ, во зеленой садъ.
 У перваго терема послушала:
 Тутъ въ теремъ шелчить, молчить—
 Лежитъ Соловьева золота казна.
 Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремъ потихоньку говорятъ,
 Помаленьку говорятъ, все молитву творять:
 Молится Соловьева матушка
 Со вдовы честны, многоразумными.
 У третьяго терема послушала:
 Тутъ въ теремъ музыка грѣмитъ.
 Входила Запавъ въ сѣни косяцатыя,
 Отворила двери на пятю,—
 Больно Запавъ испугалася,
 Рѣзвы ноги подломилися,
 Чудо въ теремъ показалося:
 На небѣ солнце, въ теремъ солнце;
 На небѣ мѣсяць, въ теремъ мѣсяць;
 На небѣ звѣзды, въ теремъ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремъ заря—
 И вся красота поднебесная.
 Подломилися ея ноженъки рѣзвыя.
 Втапоры Соловей, онъ догадивъ былъ,
 Бросилъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
 Кладъ на кровать слоновыхъ костей,
 Да на тѣ-ли перныя пуховыя:
 «Что-де ты, Запавъ, испужалася?
 Мы-де ова на возрастѣ.»
 «А и я-де дѣвица на выдавѣхъ,
 Пришла-де сама къ тебѣ свататься.»
 Тутъ они и помѣнялись.

Цѣловалися они, миловалися,
 Золотыми перстнями помѣнялися.
 Провѣдала его Соловьева матушка,
 Честна вдова Амелѣа Тимофеевна,
 Свадьбу кончители посрочила:
 «Създи-де за моря синія,
 И когда-де тамъ разторгуешься,
 Тогда и на Запавъ женишься.»
 Отвѣзжалъ Соловей за моря синія.
 Втапоры повжалъ и голой Шапѣ Давидъ
 Поповъ.
 Скоро за морями исторгуется,
 А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣзжалъ.
 Приходилъ ко ласкову Князю съ подарками,
 Принесъ сукно смурое,
 Да крашенину печатную.
 Втапоры Князь сталъ спрашивать:
 «Гой еси ты, голой Шапѣ Давидъ По-
 повъ!
 Гдѣ ты слыхахъ, гдѣ видывалъ,
 Про гостя богатаго, про молода
 Соловья, сына Будимировича?»
 Отвѣчалъ ему голой Шапѣ:
 «Я-де объ немъ слышалъ,
 Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ
 Леденцѣ,
 У того царя заморскаго:
 Соловей у царя въ протаможѣ попалъ,
 И за то посаженъ въ тюрьму,
 А корабли его отобраны
 На его-же царское величество.»
 Тутъ досковой Владимірѣ Князь закручи-
 нился.
 Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
 Что отдать Запаву за голого Шапа Давида
 Попова.
 Тысяцкой—ласковой Владимірѣ Князь,
 Свашила—княгиня Апраксеевна,—
 Въ поѣзду князья и болре
 Повѣзжали ко церкви Божьей.
 Втапоры-жъ въ Кіевъ корабль пришелъ
 Богатаго гостя, молода
 Соловья, сына Будимировича,
 У городу, у Кіева,
 Якори метали во выстрой Днѣпрѣ,
 Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ.
 Выходилъ Соловей со дружиною,
 Изъ Сокола корабля съ каликами:
 Во бѣломъ платьѣ сорокъ каликъ со ка-
 ликою.
 Приходили они ко честной вдовѣ, Амелѣѣ
 Тимофеевнѣ,

Правятъ челоуице отъ сына ея, гостя бо-
гатаго,
Отъ молада Соловья Будимировича,
Что прибылъ флотъ въ девяностъ корабляхъ,
И стонтъ на быстромъ Днѣпрѣ, подѣ го-
родомъ Кіевомъ.
А оттуда пошли ко ласкову Князю Вла-
диміру,

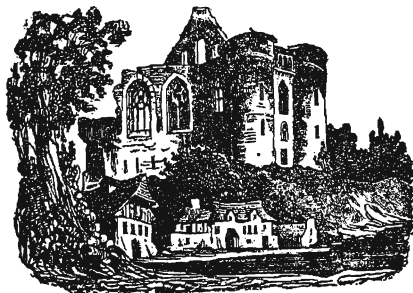
На княженецкой дворѣ,
И стали во единой кругъ.
Втапоры слѣдовамъ со свадьбою
Владиміръ Князь въ домъ свой,—
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы вьлодубовыя,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со
каликкою.

Тогда ласковой Владимиръ Князь
Велѣлъ вина имъ заморскія подносить
И меда сладкія.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознавали,
Приводили его ко княжевецкому столу,
Сперва говорила Зава Путятишна:

«Гой еси мой, Осударь, дядюшка,
Ласковой, Осударь, Владимиръ Князь!
Тотъ-то мой прежній, обрученной жевихъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ.
Прямо, Осударь, скачу—обезещу столы.»
Говорить ей ласковой Владимиръ Князь:
«А ты гой еси, Зава Путятишна!
А ты прямо не скачи—не безчести столы.»
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ.
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку вьлау,
И пошла за столы вьлодубовыя,
И съли они за яства сахарныя, на большо
мьсто.

Говорила Зава таково слово
Голому Шапу Давиду Попову:
«Здравствуй! жѣнмиши, да не съ кѣмъ
спать.»
Втапоры ласковой Владимиръ Князь веселъ
сталъ,

А Княгиня наипаче того.
Поднимали пирущку вьднкую.

О стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя Владимира
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князья и бояре,
И на Русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половиу дня,
Будетъ пиръ во полу пиръ;

Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Гой еси, князья и бояре
И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
Есть ли во Кіевѣ таково челоуѣкъ,
Кто въ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на трѣ жеребца по-
хваленыя»

Сивъ жеребець, да кологривъ жеребець,
И которой полоненъ воронко во Большой
Ордъ,

Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича—
Изъ Кіева бѣжать до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею?»

Какъ бы меньшей за большаго хоронятся,
Отъ меньшаго ему тутъ Князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступаетъ Иванъ гостинной сынъ
И спочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричить онъ, Иванъ, зычнымъ голо-
сомъ:

«Гой еси ты, Осударь, ласковой Владиміръ
Князь!

Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
А и быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
И на три жеребца похваленые:
А сивъ жеребець, да кологривъ жеребець,
Да третій жеребець полоненъ воронко,
Да которой полоненъ во Большой Ордъ.
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
Ѣхать дорога не ближняя,
И скакать изъ Кіева до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдней и заутрени,
Ускоки давать конинные,
Что вымѣтывать раздолья широкія:
А бьюсь я, Иванъ, о великѣ закладѣ,
Не о стѣ рублихъ, не о тысячѣ,
О своей вуйной головушкѣ.»

За Князя Владимира держать поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князья и бояре, тутъ-де гости ко-
рабальщики,
Закладу они за Князя кладутъ на сто тысячей.
А никто-де тутъ за Ивана поруки не дер-
жить,—

Пригодился тутъ Владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держать,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто
тысячей.

Подписался Молодой Иванъ гостинной сынъ,
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора
ведра,

Приходитъ онъ на конюшню блодубову,
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, трюмъточкѣ,

Падаль ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течеть:
«Гой еси ты, мой добрый конь,
Бурочко, косматочко, трюмъточко!
Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
Со тобою добрымъ конемъ;
Бился съ Княземъ о великѣ закладѣ,
Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
Захвастался на триста жеребцовъ,
А на три жеребца похваленые:
Сивъ жеребець, да кологривъ жеребець,
И третій жеребець полоненъ воронко,
Бѣгать, скакать на добрыхъ на коняхъ,
Изъ Кіева скакать до Чернигова,
Промежу обѣдней, заутрени,
Ускоки давать конинные,
Что вымѣтывать раздолья широкія.»

Провѣщется ему доброй конь бурочко,
Косматочко, трюмъточко,
Человѣчьимъ Русскимъ языкомъ:
«Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блодусь,
Въ задоръ войду—у воронка уйду:
Только меня води по три зарн,
Медвяною сытою пои
И сорочинскимъ пшеномъ корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные,
И тѣ часы урочные,
Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
По тебя-то, Ивана гостиннаго,
Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на ко-
вляхъ.»

Не сдѣлай ты меня, Иванъ, добра коня,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соволиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей.
Какъ поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посасывать,
И по черному соболю выхватывать,
На всѣ стороны поберасывать,—
Князья, болре подивуются,
И ты будешь живъ—шубу наживешь,
А не будешь живъ, будто нашивалъ.»
По сказанному и по писанному:
Отъ Великаго Князя посолъ пришелъ
А зоветь-то Ивана на княженецкой дворъ

СКОРО-ДЕ ИВАНЪ НАРЯЖАЕТСЯ,
И ВЪЗДВАЛЪ НА СЕБЯ ШУБУ СОВОЛИННУЮ,
КОТОРОЙ ШУБЪ ЦѢНА ТРИ ТЫСЯЧИ,
А ПУГОВКИ ВАЛЯЩАТЫЯ ВЪ ПЯТЬ ТЫСЯЧЕЙ,
И ПОВЕЛЪ ОНЪ КОНЯ ЗА ШЕЛКОВЪ ПОВОДОКЪ.
ОНЪ БУДЕТЬ-ДЕ, ИВАНЪ, СЕРЕДИ ДВОРА КНЯ-

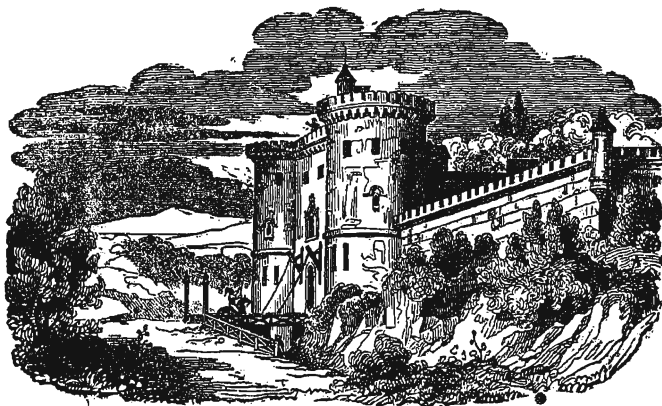
ЖЕНЕЦКАГО,
СТАЛЪ ЕГО БУРКО ПЕРЕДОМЪ ХОДИТЬ
И КОПЫТАМИ ОНЪ ЗА ШУБУ ПОСАПЫВАТИ,
И ПО ЧЕРНОМУ СОВОЛЮ ПОХВАТЫВАТИ,
ОНЪ НА ВСѢ СТОРОНЫ ПОБРАСЫВАТИ.
КНЯЗЬЯ И БОЯРЕ ДИВУЮТСЯ,
КУПЕЦКІЕ ЛЮДИ ЗАСМОТРЕЛИСЯ
ЗРЯВКАЕТЪ БУРКО ПО ТУРПНОМУ,
ОНЪ ШИПЪ ПУСТИЛЪ ПО ЗМЪИНОМУ,
ТРИСТА ЖЕРЕБЦОВЪ ИСПУГАЛИСЯ,
СЪ КНЯЖЕНЕЦКАГО ДВОРА РАЗБѢЖАЛИСЯ:
СВѢЗ ЖЕРЕБЕЦЪ ДВѢ НОГИ ИЗЛОМИЛЪ,
КОЛОГРИВЪ ЖЕРЕБЕЦЪ ТУТЬ И ГОЛОВУ СЛОМИЛЪ,
ПОЛОНЕНЪ ВОРОНКО ВЪ ЗОЛОТУ ОРАУ БѢЖИТЬ,

ОНЪ ХВОСТЪ ПОДНЯЛЪ, САМЪ ВСКРАПЫВАЕТЪ.
А КНЯЗЬЯ-ТО И БОЯРЕ ИСПУЖАЛИСЯ,
ВСѢ ТУТЬ ЛЮДИ КУПЕЦКІЕ,
ОКАРАЧЪ ОНИ ПО ДВОРУ НАПОЛЗАЛИСЯ;
А ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ СО КНЯГИНЕЮ ПЕЧАЛЕНЪ

СТАЛЪ;
КРИЧИТЬ САМЪ ВЪ ОКОШЕЧКО КОСЯЦАТОЕ:
«ГОЙ ЕСИ ТЫ, ИВАНЪ, ГОСТИНОУ СЫНЬ!
УВЕДИ ТЫ УРОДЕА СО ДВОРА ДОЛОЙ;
ПРОСТЫ ПОРУКИ-КРѢЦКІЯ, ЗАПИСИ ВСѢ ИЗО-

ДРАНЫ.»
ВТАПОРЫ ВЛАДЫКА ЧЕРНИГОВСКОЙ,
У ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА ПОЧЕСТНОМЪ ПИРУ,
ВЕЛѢЛЪ ЗАХВАТИТЬ ТРИ КОРАБЛЯ НА БЫСТРОМЪ
ДВЪПРЪ,

ВЕЛѢЛЪ ЗАХВАТИТЬ КОРАБЛИ
СЪ ТѢМИ ТОВАРЫ ЗАМОРСКИМИ,
А КНЯЗЬЯ-ДЕ И БОЯРЕ НИКУДА ОТЪ НАСЪ НЕ
УЙДУТЬ.

О СТОЛЬНОМЪ ВО ГОРОДѢ ВО КИЕВѢ,
У ЛАСКОВА, ОСУДАРЬ, КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,
БЫЛО ПИРОВАНИЕ, ПОЧЕСТНОЙ ПИРЪ,
БЫЛО СТОЛОВАНИЕ, ПОЧЕСТНОЙ СТОЛЪ
НА МНОГИ КНЯЗЬЯ И БОЯРЕ
И НА РУССКІЕ МОГУЧИЕ БОГАТЫРИ.
БУДЕТЬ ДЕНЬ ВЪ ПОЛОВНИЦУ ДНЯ,
А И БУДЕТЬ СТОЛЪ ВО ПОЛУ СТОЛЪ,

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ РАСПОТВЪШИАСЯ—
А НЕЗНАЕМЫ ЛЮДИ КЪ НЕМУ ПОЯВИЛАСЯ:
ЕСТЬ МОЛОДЦОВЪ ЗА СТО ЧЕЛОВЕКЪ,
ЕСТЬ МОЛОДЦОВЪ ЗА ДРУГОЕ СТО,
ЕСТЬ МОЛОДЦОВЪ ЗА ТРЕТЬЕ СТО:
ВСѢ ОНИ ИЗБИТЫ, ИЗРАНЕНЫ,
БУЛАВАМИ ВЪИНЫ ГОЛОВЫ ПРОБИВАЮЩИ,
КУШАКАМИ ГОЛОВЫ ЗАВЛЗАЮЩИ;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
 «Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь!
 Ъздили мы по полю по чистому,
 Сверхъ тоя рѣки Черегѣ,
 На твоємъ, Осударевомъ, займищѣ,
 Ничего мы въ полѣ не навъживали,
 Не навъживали звѣря прыскучаго,
 Не видали птицы перелетныя,
 Только навъхали во чистомъ полѣ
 Есть молодцовъ за триста и за пять сотъ:
 Жеребцы подъ ними Латинскіе,
 Кафтаны на нихъ камчатныя
 Однорядочки-то голубѣ скурлатъ,
 А и колпачки-то золоты плаши;
 Они собои, кунницы повывовили,
 И Печерски лисицы повыгнажи,
 И насъ избилѣ, избранили—
 А тебѣ, Осударь, добычи нѣтъ—
 А отъ тебѣ, Осударь, жалованья нѣтъ.
 Дѣти, жены осиротѣли,
 Пошли по міру скитатися.»

А Владиміръ Князь стольной Кіевскій,

Пьетъ онъ, вѣсть, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ.
 А и та толпа со двора не сошла,
 А иная толпа появилась:
 Есть молодцовъ за триста,
 Есть молодцовъ за пять сотъ.
 Пришли охотники рыболовныя,
 Всѣ избиты, избранены,
 Булавами буйныя головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
 «Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь!
 Ъздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
 На твои щаски княжевецкія
 Ничего не поймавали;
 Нашли мы людей: есть молодцовъ
 За триста и за пять сотъ,
 Всю они бѣлую-рыбицу повывовили,
 Щуки, караси повывовили-жъ
 И мѣлкую рыбицу повывывовили,
 Намъ въ томъ, Осударь, добычи нѣтъ,
 Тебѣ, Осударю, приносу нѣтъ.
 Дѣти, жены осиротѣли,
 Пошли по міру скитатися;
 И насъ избилѣ, избранили.»

А Владиміръ Князь стольной Кіевской,

Пьетъ онъ, вѣсть, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ.
 А и та толпа со двора не сошла,
 Двѣ толпы вѣдуть прииди:

Первая толпа — молодцы сокольникѣ,
 Другіе молодцы кречетникѣ,
 И всѣ они избиты, избранены,
 Булавами буйныя головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
 «Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь!
 Ъздили мы по полю чистому,
 Сверхъ тоя рѣки Черегѣ,
 По твоємъ, Осударевомъ, займищу,
 На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ;
 На твои щаски княжевецкія
 Ничего не поимывали, не видали
 Сокола и кречета перелетнаго,
 Только навъхали мы молодцовъ
 За тысячу человекъ;
 Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повывывовали,
 И бѣлыхъ кречетовъ повывовили,
 А насъ избилѣ, избранили;
 Называются дружиною Чуриловою.»

Тутъ Владиміръ Князь за то слово спохва-
 тится:

«Кто это Чурила есть таковъ?»

Выступился тутъ старой Бермята Василье-
 вичъ:

«Я-де, Осударь, про Чурилу давню вѣдаю,
 Чурила живеть не въ Кіевѣ,
 А живеть онъ пониже малаго Кіевца.
 Дворъ у него на семи верстахъ,
 Около двора желѣзной тынъ,
 На всякой тынникъ по маковкѣ,
 А и есть по жемчужникъ;
 Среди двора свѣтлицы стоятъ,
 Грядни бѣлодубовыя
 Покрыты сѣдымъ бобромъ,
 Потолокъ черныхъ соболей,
 Матица-то волженая,
 Полъ середа одного серебра,
 Крюки да пробои по булату злачены.
 Первые у него ворота вальщатые,
 Другіе ворота хрустальные,
 Третьи ворота оловянные.»

Втапоры Владиміръ Князь и со Книгиною

Скоро онъ сваряжается,
 Скорѣе того повздуку чинятъ;
 Взаяъ съ собою князей и бояръ
 И могучихъ богатирей, Добрыню Никитича
 И стараго Бермяту Васильевича,—
 Тутъ ихъ собралось пять сотъ человекъ,
 И повъхали къ Чурилѣ Пяенковичу.
 И будуть у двора его,
 Встрѣчаютъ ихъ старой Пяень—

Для Князя и Княгини

Отворяетъ ворота вальщатые,
А князьямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные.
И навъхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сыроженинъ
Приступилъ ко Князю Владимиру
И ко Княгинѣ Апраксѣвнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто по-
честное;

Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ Русскихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія
Чѣмъ бы князя развеселить
Веселая бесѣда на радости день.
Князь со Княгинею веселъ сидеть,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатовъ
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
«По грѣхамъ надо мною Княземъ учинилося,
Князя меня въ домъ не случилось,
Бдетъ ко мнѣ король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ.»

Старой Пленка Сыроженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ подчиваетъ:
«Изволь ты, Осударь, Владимиръ Князь со
Княгинею

И со всеми своими князя и бояры кушати,
Что-де бдетъ не король изъ Орды
И не грозенъ посолъ,
Бдетъ-де дружина хорабрая съна моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, Осударь, бдетъ предъ товою-жъ,
Бдетъ пиръ во полу пиръ
Бдетъ столъ во полу столъ.»

Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Вся уже они безъ памяти сидятъ.
На дворъ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ свирается,
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть и до тысячи;
Бдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ;
Чтобы не запекло солнце бѣла его лица.
И приѣхалъ Чурила ко двору своему,
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,
А и вѣкуда Чурилу на дворъ ѣхати

И стоять со своимъ промысломъ.
Повъхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися и со всемъ убралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ
Береть золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ онъ золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другой сорокъ Печерскихъ лисиць,
И брать же камку вълохрущату,
А цѣна камкъ сто тысячей,
Принесъ онъ ко Князю Владимиру.
Клалъ передъ нимъ на убраной столъ.
Втапоры Владимиръ Князь, стольной Киевской,
Больно со Княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилу, въ Киевѣ жить,
Князю служить.»

Втапоры Чурила Князя Владимира не о-
слушался,
Приказалъ тотчасъ коня остѣдлатъ,
И повъхали они вся въ тотъ стольной Ки-
евъ градъ,

Ко ласкову Князю Владимиру,
Въ добромъ здоровьи ихъ Богъ перенесъ.
А и будутъ на дворъ княженецкомъ,
Скочили они со добрыхъ ковей,
Пошли во свѣтлыя гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылаетъ Владимиръ стольной Киевской
Молода Чурилу Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго приказалъ брать со всякаго по
десяти рублевъ.

Обходилъ онъ Чурилу князей и бояръ
И собралъ ко Князю на почетной пиръ.
А и зайдетъ онъ Чурилу Пленковичъ
Въ домъ ко старому Бермятъ Васильевичу,
Ко его молодой жевъ, къ той Катеринѣ
прекрасной,

И тутъ онъ позамѣшкался.
Ожидаетъ его Владимиръ Князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время позойдучи,
Пришелъ Чурилу Пленковичъ;
Втапоры Владимиръ Князь ни во что по-
ложилъ—
Чурилу пришелъ и столъ пошелъ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Вся Князья и бояре до пьяна напевалися

Для новаго столбника Чурлы Пленковича,
 Всѣ они напивались и домой разъѣзжались.

По утру рано ранешенко.

Рано зазвонили ко заутрени;

Вязья и бояре пошли къ заутрени ;

Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго

И нашли они свѣжій слѣдъ,

Сами они дивуются:

Либо зайка скакалъ , либо вѣлъ горюстай;

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:

Знать это не зайка скакалъ, не вѣлъ горюстай,

Это шель Чурла Пленковичъ

Къ старому Бермятъ Васильевичу,

Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

С Л О В О

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Да постыдятся и посрамятся вси глаголющіе на ны!

Текст Слова о полку Игоревъ перепечатанъ
здѣсь съ перваго изданія. Всѣ тѣ мѣста, которыя не
такъ были прочтены первыми издателями, напечатаны
курсивомъ. Самое слово раздѣлено мною на *Вѣ*
тисень.

С Л О В О

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

ПѢСНЬ 1.

Е ЛЬНО ЛИ НЫ БЯШЕТЪ, БРАТІЕ,
НАЧАТИ СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ТРУДНЫХЪ ПОВѢСТІЙ О ПѢЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ СВЯТЬСЛАВЛИЧА.

Начати же ся тѣи пѣсни по вышнамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо въщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сърымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облагы. Помняшеть бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобиць; тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, хлаброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, нъ своя въщія прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокохату.

Ночнемъ же, братіе, повѣсть сию отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игора; иже истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пѣлки на землю Половецкую за землю Русьскую.

ПѢСНЬ 2.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! лучшежъ

бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои бръзны комоны, да позримъ синего Дону. Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. Хошу бо, рече, кони приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русьзи, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа пѣлки ушероталъ, снача славию по мыслену древу, летая умомъ подь облагы, свивая славы оба помы сего времени, рица въ трону Трояню чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспити было въщій Бояне, Велесовъ внуче.

Комони ржуть за Сулою; звенитъ слава въ Кыевъ; трубы трувятъ въ Новградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, ола есвѣ Святъславличю! Сѣдай, брате, свои бръзны комоны, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на череди. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подь трубами повити, подь шеломи възлельяны, конецъ боя въскрѣмлени, пѣли имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напяржени, тули отворени, сабли изьострени; сами скачуть аны сърыи вѣщы въ полѣ, ишучи себе чти, а князю славы.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь, и поуха по чистому

полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птицъ убуди; свистъ звѣригъ въ стазби. Днѣвъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Влѣзъ, и Поморию, и по Сулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскій блѣванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлгы полунощы, рци лебеди роспушени.

Игорь къ Дону вон ведетъ. Уже бо бѣды его пасеть птицъ; подобно влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисницѣ врѣшутъ на чръленныя щиты. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!.. Длѣго ночь мркенчѣ; заря свѣтъ зацала; мѣгла поля покрыла, щеготъ славий усне, говоръ галичъ убуди. Русичи великая поля чръленными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

ИЗЪСНЪ 3.

Съ зараня въ пяткѣ потоптана поганья плѣкы Половецкыя; и рассушѣсь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орѣтѣмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочи Половецкыми. Чрълень стѣгъ, вѣла хорюговъ, чрълена чолка, сефевренѣ стружѣ — храврому Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло... не было нѣ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ възжитъ сѣрымъ влѣкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучы съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца а въ нихъ трепещутъ сини мльни. Бѣти грому великому! ити

дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копшемъ приламати, ту ся савлями потручяти о шелома Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!.. Се втри, Стривожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храврыя плѣкы Игоревы! земля тутнетъ; рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Русскыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храври Русичи преградиша чръленными щиты.

Яръ турѣ Всеволоде! стоиши на борони, прыщепи на вон стрѣлами, грѣмлеши о шелома мечи харалужными. Камо Турѣ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежатъ поганья головы Половецкыя; поскепаны савлями калеными шелома Оварьскыя отъ тебе, Яръ Турѣ Всеволоде. Каю раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣвовны свѣчая и обычая?

ИЗЪСНЪ 4.

Были свѣчи Трояни; минула лѣта Ярославля; были плѣци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златѣ стрѣмень въ градъ Тьмутораканъ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ; а сынъ Всеволожъ, Владимѣръ по вся утра уши закладаше въ Чръниговъ. Бориса же Вячеславличя слава на судѣ приведе, и на канину зелену наполому постла, за обиду Ольгову, хравра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повезъ я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софиѣ къ Киеву. Тогда при Ользѣ Гориславличѣ, сѣяшется и растяшеть усобицами; погивашеть жизнь Даждъ - Божя влика; въ княжихъ крамолахъ вѣди че-

ЛОВЬНОМЪ СКРАТИШАСЬ. ТОГДА ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ РЪДКО РАТАЕВЪ КИКАХУТЬ: НЪ ЧАСТО ВРАНИ ГРАЯХУТЬ, ТРУША СЕБЪ ДЪЛЯЧЕ; А ГАЛИЦИ СВОЮ РЕЧЬ ГОВОРИХУТЬ, КОТЯТЬ ПОЛЕТѢТИ НА УЛДѢ. ТО БЫЛО ВЪ ТЫ РАТИ, И ВЪ ТЫ ПЛѢКЫ; А СИЦЕѢ РАТИ НЕ СЛЫШАНО.

ИГОРЕВЪ 5.

СЪ ЗАРАНА ДО ВЕЧЕРА, СЪ ВЕЧЕРА ДО СВѢТА, ЛЕТАТЬ СТРѢЛЫ КАЛЕННЫЯ, ГРЕШЛЮТЬ САВЛИ О ШЕЛОМЫ, ТРЕЩАТЬ КОПЦА ХАРАДУЖНЫЯ, ВЪ ПОЛѢ НЕЗНАЕМЪ, СРЕДИ ЗЕМЛИ ПОЛОВОЦКЫЯ. ЧРЪНА ЗЕМЛЯ ПОДЪ КОНЫТЫ, КОСТЫИ БЫЛА ПОСВЯНА, А КРОВИЮ ПОЛЪЯНА; ТУГОЮ ВЗЫДОША ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ. ЧТО МИ ШУМИТЬ, ЧТО МИ ЗВЕИТЬ ДАЛЕЧЯ РАНО, ПРЕДЪ ЗОРЯМИ? ИГОРЬ ПЛѢКЫ ЗАВОРОЧАЕТЪ; ЖАЛЬ БО ЕМУ МЕЛА БРАТА ВСЕВОЛОДА. БИШАСЯ ДЕНЬ, БИШАСЯ ДРУГЫЙ: ТРЕТЬЯГО ДНИ КЪ ПОЛУДНИЮ ПАДОША СТЫЗИ ИГОРЕВЪ. ТУ СИ ВРАТА РАЗЛУЧИСТА НА ВРЕЗЪ ВЫСТРОЙ КАЯЛЫ. ТУ КРОВАВАГО ВИНА НЕ ДОСТА; ТУ ЦИРЬ ДОКОНЧАША ХРАБРІИ РУСИЧИ: СВАТЫ ПОВОИША, А САМИ ПОЛЕГОША ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. НИЧЕИТЪ ТРАВА ЖАЛОЩАМИ, А ДРЕВО СЪ ТУГОЮ КЪ ЗЕМЛИ ПРЕКЛОНИЛОСЬ.

ИГОРЕВЪ 6.

УЖЕ ВО, БРАТЕ, НЕ ВЕСЕЛАЯ ГОДИНА ВЪСТАЛА; УЖЕ ПУСТЫНИ СИЛУ ПОКРЫЛИ. ВЪСТАЛА ОБИДА ВЪ СИЛАХЪ ДАЖДЬ-БОЖА ВНУКА; ВСТУПИЛА ДВЪЮЮ НА ЗЕМЛЮ ТРОЯНО; ВЪСПЛЕСКАЛА ЛЕБЕДИНЫМИ КРЫМЫ НА СПИВЪМЪ МОРЕ, У ДОНУ ПЛЕЩУЧИ. УБУДИ ЖИРНА ВРЕМЕНА. УСОБИДА КНЯЗЕМЪ НА ПОГАНЫЯ ПОГИБЕ. РЕКОСТА БО БРАТЬ БРАТУ: СЕ МОЕ, А ТО МОЕ ЖЕ. И НАЧАША КНЯЗИ ПРО МАЛОЕ СЕ ВЕЛИКОЕ ПЛѢВИТИ, А САМИ НА СЕБѢ КРАМОЛУ КОВАТИ; А ПОГАНИИ СЪ ВОСХЪ СТРАНѢ ПРИХОЖДАХУ СЪ ПОВѢДАМИ НА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ.

О! ДАЛЕЧЕ ЗАЙДЕ СОКОЛЬ, ПТИЦЪ БЫА КЪ МОРИЮ.... А ИГОРЕВА ХРАБРАГО ПЛѢКУ НЕ КРЪСИТИ! ЗА НИМЪ КЛИКНУ КАРНА И ЖЛЯ, ПОСКОЧИ ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ, СМАГУ МЫЧЮЧИ ВЪ ПЛАМЯНѢ РОЗЪ.

ЖЕНЫ РУССКІЯ ВЪСПЛАКАШАСЬ, А РКУЧИ: УЖЕ НАМЪ СВОИХЪ МИЛЫХЪ ЛАДЪ НЕ МЫСЛИО СМЫСЛИТИ, НЕ ДУМОЮ СДУМАТИ, НИ ОЧИМА СЪГЛЯДАТИ, А ЗЛАТА И СРЕБРА НИ МАЛО ТОГО ПОТРЕПАТИ. А ВЪСТАНА БО, БРАТЕ, КІЕВЪ ТУГОЮ, А ЧЕРНИГОВЪ ПАНАСТЪМЪ; ТОСКА РАЗЛІЯСЯ ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ; ПЕЧАЛЬ ЖИРНА ТЕЧЕ СРЕДЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. А КНЯЗИ САМИ НА СЕБѢ КРАМОЛУ КОВАХУ; А ПОГАНИИ САМИ ПОВѢДАМИ НАРИЩУЩЕ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ, ЕМЛЯХУ ДАНЬ ПО ВЪЛѢ ОТЪ ДВОРА.

ТИѢ БО ДВА ХРАБРАЯ СВЯТЪСЛАВЛІЧА, ИГОРЬ И ВСЕВОЛОДЪ, УЖЕ ЛЖУ УБУДИ, КОТОРУЮ ТО БЫАШЕ УСПІТЬ ОТЕЦЪ ИХЪ СВЯТЪСЛАВЪ ГРОЗНЫИ, ВЕЛИКЫИ КІЕВСКЫИ. ГРОЗОЮ БЯШЕТЬ; ПРИГРЕПАТАТЬ СВОИМИ СИЛЬНЫМИ ПЛѢКЫ И ХАГАЛУЖНЫМИ МЕЧИ НАСТУПИ НА ЗЕМЛЮ ПОЛОВОЦКУЮ; ПРИТОПТА ХЛѢМН И ЯРУГЫ; ВЗМУТИ РЪКИ И ОЗЕРЫ; ИССУШИ ПОТОКИ И БОЛОТА; А ПОГАНАГО КОБЯКА ИЗЪ ЛУКОМОРЬЯ ОТЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ВЕЛИКНХЪ ПЛѢКОВЪ ПОЛОВОЦКІХЪ, ЯКО ВИХРЬ ВЫТОРЖЕ: И НАДЕСЯ КОБЯКЪ ВЪ ГРАДѢ КІЕВЪ, ВЪ ГРИДВИЦѢ СВЯТЪСЛАВЛИ!

ТУ НѢМЦИ И ВЕНЕДИЦИ, ТУ ГГЕЦИ И МОРАВА ПОКОТЬ СЛАВУ СВЯТЪСЛАВЛЮ, КАЮТЬ КНЯЗЯ ИГОРІА, ИЖЕ ПОГРУЗИ ЖИРЬ ВО ДНѢ КАЯЛЫ РЪБИ ПОЛОВОЦКЫЯ, РУССКАГО ЗЛАТА НАСЫШАША.

ТУ ИГОРЬ КНЯЗЬ ВЫСЪДЪ ИЗЪ СЪДЛА ЗЛАТА, А ВЪ СЪДЛО КОЩУБЕВО.

ИГОРЕВЪ 7.

УНѢША ПО ГРАДОМЪ ЗАБРАЛЫ, А ВЕСЕЛИЕ ПОВИЧЕ. А СВЯТЪСЛАВЪ МГТЕНЬ СОНЪ ВИДЪ: ВЪ КІЕВЪ НА ГОРАХЪ СИ НОЧЬ СЪ ВЕЧЕРА ОДЪВАХУТЕ МЯ, РЕЧЕ, ЧРЪНОЮ ПАПЛОМОЮ, НА КРОВАТЫ ТИСОВЪ. ЧРЪПАХУТЬ МИ СИНЕЕ ВИНО СЪ ТРУДОМЪ СМѢШЕНО; СЫПАХУТЬ МИ ТЪЩИМИ ТУЛЫ ПОГАНЫХЪ ТЛЪКОВИНЪ ВЕЛИКЫИ ЖЕМЧЮГЪ НА ЛОНО, И ВЪГУЮТЬ МЯ; УЖЕ ДЪСКИ БЕЗЪ КНЕСА ВО МОЕМЪ ТЕРЕМЪ ЗЛАТОВРЪСЪМЪ. ВСЮ НОЧЬ СЪ ВЕЧЕРА БОСОВИ ВРАНИ ВЪЗГРЯХУ, У ПЛЪСНЬСКА, НА БОЛОНИ, БЪША ДЕВРЬ КИСАНЮ, И НЕ СОПЛИ КЪ СИНЕМУ МОРИЮ.

И рѣша бояре князю: уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмуторокана, а любо испити шелономъ Дону. Уже соколама крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую онутоша въ путини желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста; оба багряная стѣгна погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каяль тьма свѣтъ покрыла: по Русской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо, и въ морь погрузиста; и великое буйство подаста Ханови. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса дивѣ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезвѣ синему морю. Звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ мѣсть Шароканю. А мы уже, дражна, жадни весели.

Тогда Великий Святѣславъ изронилъ злато слово, слезами смѣшено, и рече: о мои сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цѣлвити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролисте! Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створисте моей серебряной сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильного и богатаго. И много вой брата моего Ярославъ, съ Черниговскими Бѣлями, съ Моугты, и съ Татарны, и съ Шельверы, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тин бо безъ щитоѣвъ, съ засапожники, бликомъ плѣкы повѣждають. Звонячи въ правѣдную славу, нѣ рекосте: *мужайтеса* сами! Преднюю славу сами похитимъ, заднюю ся сами подѣлимъ! А чи диво ся, братіе, стару помолодичи? Коли соколъ въ вѣтрехъ бываетъ, высоко птицѣ въ зенитѣхъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

ИРОСЛАВЪ С.

Нѣ се зло! Княже ми не пособіе: на нѣче ся години обратити.

Се у Римъ кричатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову.

Великий княже Всеволоде! не мыслию ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можешни Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощый по резанъ. Ты бо можешни по суху живыми шерешныи стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы турки, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступити, Господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича.

Галичкы Осмомысле Ярославле! высоко сѣдиши на своемъ златоконаньемъ столѣ; подиерь горы Угорскыи своимъ желѣзными плѣкы, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяши Клеву врата; стрѣляши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй, Господине, Кончака, поганого кощья за землю Русскую, за раны Игоревы буюго Святѣславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить ваши умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подѣ шелома Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Ханова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци ступица своя поврѣгоша, а главы своя поклонити подѣ тѣмъ мечѣ харалужныи.

НѢ УЖЕ, княже Игорю, утрѣ солн-
цю свѣтъ, а древо не вологомъ лист-
вѣе срони: по Руси и по Сули гради
подълиша; а Игорева храбраго плѣку
не крѣсити. Дождь ти, княже, клычетъ,
и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи
храбрыи князи доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три
Мстиславичи, нехуда гнѣзда шесто-
крыльци! не побѣдными жребии собѣ
власти расхытѣсте. Кое ваши златыи
шеломы и сулицы Ляцкии и щиты! За-
городите полю ворота своими остры-
ми стрѣлами за землю Русскую, за
раны Игоревы, бугею Святъславича!

ЖЕБЕНЪ 9.

Уже бо Сула не течетъ сребренны-
ми струями къ граду Переяславлю, и
Двина болотомъ течетъ онымъ гроз-
нымъ Полочаномъ подъ кликомъ по-
ганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Василь-
ковъ, позвони своими острыми мечи о
шеломы Литовския; притрепа славу
дѣду своему Всеволоду, а самъ подъ
чръленными щиты на кровавъ травъ
притрепанъ Литовскими мечи. И ско-
ти ю на кровать, и рекъ: дружину
твою, княже, пять крылы приодъ, а
звѣри кровъ ползаша.

Не бысть ту брата Брячеслава, ни
другаго Всеволода; единъ же изрони
жемчюжну душу изъ храбра тѣла,
черезъ злато ожереліе. Унылы голоса,
попиче веселіе. Трубы трувятъ Горо-
денскіи.

Ярославе, и вси внуче Всеславли!
уже поизитъ стязи свои, вѣнзитъ свои
мечи вержежи! уже бо выскочисте
изъ дѣдней славы. Вы бо своими бра-
молами начѣсте наводити поганыя на
землю Русскую, на жизнь Всеславлю.
Которое бо вѣше насиліе отъ земли
Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже
Всеславъ жребій о дѣвнцю съѣ лю-
бу. Тѣй влоками подпрѣся о кони, и
скочи къ граду Киеву, и дочтеса
спружнемъ злата стола Киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ
Т. I. Ч. IV.

плѣночи изъ Бѣлаграда, овѣсяся си-
нѣ мъглѣ, утрѣ же возни стрикусы,
отвори врата Новуграду, разшише сла-
ву Ярославу, скочи влѣкомъ до Не-
миги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ голова-
ми, молотятъ чепи харалужными, на
тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу
отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не
вологомъ бяхуть посяни, посяни
костями Русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше, а самъ въ
ночь влѣкомъ рыскаше, изъ Бѣева
дорыскаше до Куръ Тмутараканя;
великому хрѣсови влѣкомъ путь пре-
рыскаше. Тому въ Полотскѣ позво-
ниша заутреню рано у Святѣя Со-
феи въ колъколы: а онъ въ Бѣевѣ
звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ
другѣ тѣла, нѣ часто вѣды страдаше.

Тому вѣщей Болнѣ и прѣвое при-
пѣвку смысленный рече: ни хытру,
ни горазду, ни птицю горазду, суда
Божіа не мнугти.

О! стонати Русской земли, помяну-
ше прѣвую годину, и прѣвыхъ кня-
зей. Того стараго Владимира не лъзе
въ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ:
сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы,
а друзи Давидовы... нѣ рози воссящымъ
хоботы напугутъ; коня поютъ на Ду-
наи.

ЖЕБЕНЪ 10.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зег-
зицею незнаемъ, рано бычетъ: поле-
чу, рече, зегзицею по Дунаеву; омо-
чу беврянъ рукавъ въ Каялъ рѣдъ,
утру князю кровавыи его раны на
жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путив-
лѣ на забралѣ, а ркуче: о вѣтрѣ
вѣтрило! чему, господине, насильно
вѣени? Чему мычеши Хановскыи
стрѣлы на своюю не трудною крылицю
на моя лады вои? Мало ли ти вѣ-
шеть горъ подъ облаки вѣяти, мѣль-
чи корабли на синѣ морѣ? Чему, гос-
подине, мое веселіе по кобылицю раз-
вѣя?

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заворолѣ, а ркучи: о Днѣ-пре словотицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую; ты ледьялъ еси на себѣ Свято-славли носады до плѣку Ковякова: вѣзлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладъ вон? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съ-пряже, тугою имъ тули затче.

ПѢСНИ 11.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣлами; Игоревя князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русскую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру заря. Игорьъ спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ мыслю поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонъ въ полуночи. Овлуръ свесну за рѣкою, велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не быть.

Кликну, стугну земля; вѣзшумѣ трава. Вежи ся Половецкии подвизаша-ся; а Игорьъ князь поскочи горностаемъ къ тростию, и вѣлымъ гоголемъ на воду; вѣврѣжеса на брѣзъ комонъ, и скочи съ него восьмъ вѣлкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколкомъ подъ мѣлами, избивая гуси и лебеди, завтраку, и обѣду и ужичѣ. Коли Игорьъ соколкомъ полетѣ, тогда Овлуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу; претрѣгоста бо своя вѣрзая комоня.

Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку челоуби, а Русской земли веселиа.

Игоръ рече: о Донче! не мало ти величия, ледьявшу князя на вѣлкахъ, ставашу ему зелену траву на своихъ сѣверныхъ брезяхъ, одввавшу его тѣлѣми мѣлами подъ сѣню зелену древу; стрѣжаше е гоголемъ на во-

дѣ, чайцами на струяхъ, чрѣндѣми на ветрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрыши чужьи ручьи, и стругы ростре на кусту?

Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславѣ.

Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли преклонило, а жне со-роки втрескоташа.

На слѣду Игоревъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галнци помлѣкоша, сороки не трескоташа, по лозю ползоша только; дялоче текомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, солови веселыми пѣсьми: свѣтъ повѣдають. Млѣвнѣ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколвча рострѣляевъ своими значеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевъ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама будетъ соколвца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птица бити въ полѣ Половецкомъ.

ПѢСНИ 12.

Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣснворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя: хотя тяжко ти головъ, кромѣ шлѣчу; зло ти тѣлу, кромѣ головы; Русской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесъ. Игорьъ князь въ Русской земли. Дѣвици по-куютъ на Дунаи. Вьются голоса чрезъ море до Киева. Игорьъ тѣдетъ по Боричеву къ Святой Богородици Пирогощей Страны ради, гради весели, пѣше пѣснь старымъ княземъ, а по томъ молодымъ пѣти.

Слава Игорю Святѣславличю, буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за Христьяны на поганья вѣлки. Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

СРАВНЕНІЕ

О НАШЕСТВІИ БАТЫЯ

НА

РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

Сказаніе о нашествіи Батые на Рускую землю взя-
то изъ Софійскаго временника и Костромской лето-
писи.

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

ОЩУ РЕЩИ, О ДРУЗИ И БРАТИЕ! ПОВѢСТЬ, ЯКЕ НЕ ТОЧЮ ЧЕЛОВѢКИ, НО И БЕЗСЛОВЕСНЫЕ СКОТЫ И НЕЧУВСТВЕННОЕ КАМЕНІЕ МОЖЕТЪ ПОДВИГНУТИ НА ПЛАЧЪ, И ГЛАГОЛАНІЕ: *горе и звы!* Но паче, кто можетъ словомъ представить на сущихъ тогда Христіанъ измянную чашу *пльни* Божія суда, или серпъ оный, его-же Пророкъ видѣ, пожинаяй и искореняяй все нещадно, или мечъ, ниже не точю обезчадствовавши многій, но съ чады и родившихъ пожинаяй немилостивно! И кто можетъ словомъ представить, Христе милостивый! постигая тогда злая Христіанскій родъ, за умноженіе грѣхъ нашихъ — глаголю, безбожнаго Батыя нашествіе на Русскую землю!

— Придоша отъ Восточныя страны, зимъ, на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожнии Татарове съ Царемъ Батыемъ, и пришедше сташа первѣе станомъ по Онузъ, и взяша ю; и оттолѣ послаша Послы своя, жену чародѣицу и два мужа съ нею, ко Княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: въ Князехъ, и въ людехъ и въ конехъ, въ вѣлыхъ, въ вороныхъ, въ бурыхъ, въ рыжихъ, въ пѣгихъ. Князи же Рязанстїи, Юрій Ингоровичъ, братъ его Олегъ Ингоровичъ, и Муромскіе и Пронскіе, не пустячи къ городомъ, сташа противу, выхавъ въ Воронежъ, и рекоша Князи: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ.» И оттолѣ пустиша ихъ къ Юріеву въ Володимиръ. И начаша воевати землю Рязанскую, и плѣниша ю до Пронска; а изъ Володимира пустиша ихъ отъ *Нухльва* Татары въ Воронежъ. Послаша-же Князи Рязанстїи ко Князю Юрію Володимирскому, просящи же себѣ помощи, или самому подойти. Юрій самъ

не пойдѣ, ни послуша Князей Рязанскихъ мольбы, но восхотѣ самъ особь брань сотвориши. Но ужѣ вѣше Божю гнѣву не противитися, яко же речено бысть древле Іисусу Навину Господемъ, егда веде я Господь на землю Обѣтованную: «тогда,» рече «азъ пошлю на ны преже васъ недоумьне и грозу, и страхъ, и трепеть.» Тако же и преже свѣхъ отъ насъ Господь силу отня, а недоумьне, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи въ насъ за грѣхи наша.

И кто, братіе, о семъ не поплачется, кто ся насъ осталъ живыи, како ону нужную и горькую смерть подыша; да и мы то видѣвши утрапилися выхомъ, и грѣховъ своихъ плакалися, съ въздыханіемъ день и ноцъ, пекущесе не о имъни, ни о ненависти братни!

Услышавъ Князь Великій Георгій Ингоровичъ, что вѣтъ ему помощи отъ Великаго Князя Георгія Всеволодича Владимірскаго, и вскорѣ посла по братю свою, по Князя Давида Ингоровича Муромскаго, и по Князя Гльба Ингоровича Коломенскаго, и по Всеволода Пронскаго, и по прочіе Князи, и по Князя Ольга Краснаго. И начаша совѣщавати, яко нечестиваго подобаетъ дары утляти. И посла сына своего Князя Феодора Георгиевича, къ нечестивому Царю Батыю, съ дары, и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Князь-же Феодоръ приде къ Батыю на Воронежъ, съ дары и моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Безбожный-же Царь Батый, лъстивъ и немилостивъ, дары прия, и охавися лѣстпо, что не воевати Рязанскія земли, и ярься и хваляся воевати Рус-

скую землю. И нача просити у Рязанскихъ Князей дочерей и сестръ себя на ложе. И нѣкии отъ вельможъ Рязанскихъ, завистию *насоги* везвожному Царю Батыю на Князя Феодора Георгиевича Рязанскаго, яко имѣеть у себя Княгиню отъ Царскаго рода, а льпотою красна зѣло. Царь-же Батый, лукавъ сынъ и не милосердъ, въ невѣрїи своемъ порѣваемъ, и въ похоти плоти, рече Князю Феодору Георгиевичу: «Даждь ми, Княже, видѣти жены твоея красоты.» Благовѣрный-же Князь Феодоръ посмѣявся, и рече: «Не подобно есть намъ, Христианамъ, къ тебѣ, нечестивому Царю, водити жены своя на блудъ; аще преодолѣши, то и женами нашими владѣти начнеша.» Безбожный-же Царь Батый разъярився, и повелъ благовѣрнаго Князя Феодора Георгиевича убити вскорѣ и иныхъ многихъ.

По нѣколѣцъ-же днехъ убїенїя его, благовѣрная Княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцѣмъ *храмѣ* своемъ, и держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное чадо свое, Князя Ивана Феодоровича *Постника*, и поглядящи ласковаго и любимаго своего супруга, благовѣрнаго Князя Феодора Георгиевича, да видить его въ радости, когда придетъ отъ нечестиваго Царя Батыя. И абие, вмѣсто радости, услыша таковыя смертоносныя глаголы, яко сожителъ ея, благовѣрный Князь Феодоръ Георгиевичъ, любви ея ради и красоты, отъ Батыя убїенъ бысть. И абие наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего, и съ сыномъ своимъ со Княземъ Ивановъ, на средѣ земли, и заразися до смерти. И оттолъ прозвася мѣсто то *заразъ*, зане-же заразися ту Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ. Слышавъ-же Князь Великій Георгій Ингоровичъ убїенїе возлюбленнаго сына своего Князя Феодора, и иныхъ Князей и нарочитыхъ людей многое повѣненїе отъ нечестиваго Батыя, и начаша плакаться жалостно, съ Великою Княгинею, и съ

братіею своею. И начаша съ братіею своею, и съ прочими тѣми Князи, совокупляти войско. И учредиша полки, и рече къ брати своей: «Господи моя, милая братія! аще блага прїяхомъ отъ руки Господни, то злыхъ ли не потерпимъ? Лучше намъ смертїю животоъ купити, нежели въ поганой вѣрѣ быти. Се убо братъ вашъ напередъ васъ испивъ чашу смертнїю за святѣя Божїя церкви, и за вѣру Христианскую, и за свое отечество.» И подоша въ Соборную церковь Успенїя Пресвятѣя Богородицы, молящєся со слезами. И даде послѣднее цѣлованїе Княгинѣ Агриппинѣ Ростиславнѣ. И примъ благословенїе отъ Епископа, и отъ всего священнаго собора. И подоша противъ нечестиваго царя Батыя. И срѣтоша его влизъ предѣлъ Рязанскихъ. . . И нападоша на поганыхъ, и начаша битися крѣпко и мужественно. И бысть свѣча ужасна, и мнози Батыевы сильни полци падоша. Но обаче Батыевъ силъ вѣлице сущи зѣло, яко единому Рязанцу битися со стомъ Татариновъ, и абие добїено бысть Рязанское воинство, и благовѣрный Великій Князь Георгій Ингоровичъ, и братія его, Князь Давидъ Муромскій, и Князь Глѣвъ Коломенскій, и Князь Всеволодъ Пронскій, и иные Князи, и мѣстные воеводы, и вси *удальцы* Рязанскїе, вси купно умроша, и ни единъ отъ нихъ всїять возвратися; единаго Князя Ольга Краснаго живаяша, взнемогающа отъ великихъ ранъ. Видѣвъ-же его Царь Батый красна вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити; Князь-же Олегъ Ингоровичъ нарече его безбожна, и врага Христианскаго; окаянный же Батый разъярився, и повелъ вскорѣ Князя Ольга ножи на части разнати. И видѣ силы своя много повѣнно, и разгнѣвася зѣло, и нача Рязанскую землю воевати, и повеле бити, и свѣщи, и жещи безъ милости. И градъ Пронскъ, и Бѣлградъ, и Иже-славецъ разори до основанїя, и вся

люди безъ милости изъскоша. И те-
чаше кровь Христіанская, яко рѣка
сильная за грѣхи наша. И пойдоша
ко граду Рязани, и обступиша градъ,
и начаша битися меотступно пять
дней. Батыево воинство примѣняю-
щеся, а граждане истомнишася, и мно-
зи побиты быша и уранены. А въ
шестый день рано придоша погани
ко граду, овии со огни, а инии съ то-
поры, а инии съ пороки, и съ *токма-
ги*, и съ лѣтвицами; и взяша градъ
Рязань, мѣсяца Декабря въ 21 день.
И придоша въ соборную церковь Пре-
святыя Богородицы, и Великую Кня-
гиню Агрипшину, мать Великаго
Князя, и съ снохами и съ прочими
Княгинями, изъскоша, и священничес-
кій и мнишескій чинъ огню предаша;
жены-жь, и иногини, и дѣвицы ос-
кверниху предъ всемъ народомъ; и
церкви и монастыри пожгоша; и лю-
ди вся изъскоша, мужи и жены и ча-
да. И не въ стонущаго, ни плачуща-
гося, ни отцу, ни матери о любимыхъ
чадехъ, ни брату по братъ, ни ближ-
нему роду, но вси вкупѣ мертвы ле-
жаще. Ся вся найдоша грѣхъ ради
нашихъ. Епископа-жь тогда не бысть
во градъ; Татарове-жь все узорочье
и богатство Рязанское и *Черниговское*
взяша, и градъ сожгоша, и пойдоша
къ Коломни.

То-еже зимы поиде Всеволодъ, сынъ
Юривъ, внукъ Всеволожь, и Князь
Романъ Ингоровичъ, съ своими вой,
изъ Володимира противу Татарамъ;
Князь-же Юрій Володимирскій посла
Еремья Глябовича въ сторожѣхъ
воеводою, и снися со Всеволодомъ
и съ Романомъ и оступиша ихъ Та-
тарове у Коломны, и бившася крѣпко,
и въ сѣча велика, и прогнаша ихъ къ
надолбамъ, и ту убиша Князя Романа,
а у Всеволода воеводу его Еремья, и
иныхъ много мужей побивша, а Всево-
лодъ въ малѣ дружинѣ прибѣжа въ
Володимиръ. А Татарове поидоша къ
Москвѣ, и взяша Москву, и воеводу
увивша Филипа Нянка, за правоввр-
ную вѣру Христіанскую, и Князя Во-

лодимира гуклами яша, сына Юрива,
а люди избивша, отъ старецъ и до
младенецъ, и много имѣния взяша и
отыдоша. То-еже зимы вывѣха Князь
Юрій изъ Володимира, урядивъ сыны
своя въ свое мѣсто, Воеволода и
Мстислава, и вѣха на Волгу съ сы-
новцы своими, съ Василькомъ, и со
Всеволодомъ, и съ Володимиромъ, и
ста на Свищи станомъ, ждучи къ себе
братью свою, Князя Ярослава и Свя-
тослава съ полки. И нача Князь Все-
володичъ полки совокупляти противу
Татаромъ, а Жирославу Михайлови-
чу приказа воеводство въ дружинѣ
своей. Тогда придоша множество
кровопролицъ Христіанскихъ, безъ
числа, аки друзи, къ Володимиру, мѣ-
сяца Февраля въ 3-й день, во втор-
никъ, прежде мясопуста за недѣлю,
а Володимирци затворишася во градъ
со Всеволодомъ и Мстиславомъ; а во-
евода бѣ у нихъ Петръ Осладубо-
вичъ. Володимирцамъ-же не отворя-
ющимся, Татарове же прѣвѣхаша къ
Золотымъ воротамъ, ведящи съ собою
Княжича Володимира Юривича, и на-
чаша вопрошати: «Великій Князь Юрій
есть-ли въ городѣ?» Володимирци пу-
стиша по стрѣль на Татары; Та-
тарове противу пустиша тако же по
стрѣль на городокъ, и на Златыя вра-
та; и посемь рекоша Володимирцамъ
Татарове: «Нестрѣляйте.» Они-же
престаша стрѣляти, и придоша близъ
къ вратамъ, и показаша имъ Володи-
мира, и рекоша Татарове Володимир-
цамъ: «знаете-ли Княжича вашего?»
Бѣ бо уныль лицемъ, и изнемогъ
вѣдою отъ нужа. «Всеволодъ-же и
Мстиславъ, стояста на Златыхъ во-
ротехъ, познаста брата своего Во-
лодимира. О умлненное брата видѣние и
слезъ достойно! Всеволодъ-же и Мсти-
славъ, съ Бояры своими, и вси гра-
ждане, плакахуся, зряще Володимира;
Татарове-же отступиша отъ Золотыхъ
воротъ, и обвѣхаша весь градъ, и
станы сташа предъ Златыми вороты,
яко зрѣемо, и много множество вой
около всего града. Всеволодъ-же и

Мстиславъ сжалостася, брата дѣля своего Володимира, и рекоша всей дружинѣ, и Петру воеводу: «БРАТІЕ! ЛУЧЕ НЫ ЕСТЬ УМРЕТИ ПРЕДЪ ЗЛАТЫМИ ВРАТАМИ, ЗА СВЯТУЮ БОГОРОДИЦУ И ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВѢРУ, ПЕЖЕ ВЪ ВОЛИ ИХЪ БЫТИ?» Воевода же ПЕТРЪ ОSLATИИ, и оба Князя, рекоша: «СИ ВСЯ НАВЕДЕ БОГЪ НА НЫ ГРѢХЪ РАДИ НАШИХЪ! ЯКО-ЖЕ ПРОРОКЪ Глаголетъ: нѣсть человеку мудрости, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеву. Се створися зло въ Суздальской земли велико, яко-же таково зло отъ крещенія не бывало, яко-же бысть нынѣ; но мы то оставимъ, на преднее возвратимся. Татарове же станы своя урядивъ около града Володимира, а сами педше взяша градъ Суздаль, и святую церковь Богородицу разграбша, а дворъ Княжъ огнемъ пожгоша; а что людей, старые и молодые черницы и черницы, и слышые, и хромые, и глухые, тѣхъ всѣхъ изсвоша; а проче люди, и жены, и дѣти, босые, безкровенные взяша, издыхающимъ имъ отъ мразя; и въ тогда видѣти трепеть велий зль: то все множество полона сведоша въ станы своя.

Точно сохрани Господь Богъ преславнымъ образомъ дѣвнич монастырь Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы, въ немъ же иноческое божение прохожаше страдално блаженная Февдудія, со овыми спосницами, дщи Великаго Князя Михаила Черниговскаго и мученика, цареченная въ иноческомъ чину Евросинія, погыбо Господь той монастырь преславно, молитвъ ради ея, яко же мри Моисей Синайскую гору мракомъ. Елицы же въжаша во градъ, и въ иные монастыри, тѣ вси взяты быша, и посвячены; инии-же плѣвены быша, и водемы безбожными Татары восы и безъ погрова, мразомъ, и гладомъ измираху.

А сами вридоша къ Володимиру въ суетовъ Мясопустнию, и начаша лѣсы и пороки ставити, отъ утра и до вечера, а на ночь огородеша тыномъ

около всего города. И бысть наутри, увидѣвъ Князь Всеволодъ и Владыка Митрофанъ, яко уже взату быти граду, и внидоша въ церковь Святую Богородицу, и стригомася вси въ Ангельскій образъ отъ владыки Митрофана. И приступиша къ городу, въ недѣлю Мясопустную, по заутрени, безбожнии Татарове, Февраля въ 7 й день, и заидоша отъ Златыхъ воротъ, у Святаго Спаса, и внидоша по примету въ градъ чрезъ стѣну, а сюду отъ сѣверныхъ стороны, отъ Лыбеди, ко Ирриннымъ воротамъ, а отсюду, отъ Клязмы, къ Волжскимъ воротамъ, и тако взяша вскорѣ градъ до овѣда Новый, и запалиша огнемъ. Бѣжа-же Всеволодъ и Мстиславъ, и вси люди въ Печерный городъ; а Епископъ Митрофанъ, и Княгиня Юрѣева, съ дочерю, и съ снохами, и со внучаты, и прочия Княгини, и множество Бояръ, и людей, затворишася въ церкви Святыя Богородицы въ палатахъ, и тамо огнемъ безъ милости запалиша. Помоли-же ся боголюбивый Епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи Боже силъ, Свѣтодавче, сяди на Херувимехъ, и научивый Иосифа, и укрѣпивый Давыда Пророка на Голѣфа, воздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку твою невидимую, и прими съ миромъ души рабъ твоихъ!» Татарове же отывше и отвориша двери церковныя, и наволочивше лѣса около церкви и въ церковь, и зажгоша, и издохашася отъ великаго зноя вся суцая ту люди; инии-же огнемъ скончашася, а иныхъ оружемъ до конца предаша смерти; а святую церковь разграбша, и чудную икону самыя Богоматери одраша. И поидоша на Великаго Князя Юрѣя оттолъ, овн же идоша къ Ростову, а инии къ Ярославлю, а инии на Волгу, и на Голдѣцъ, и тѣ поплѣвниша все по Волзѣ и до Галича Володимирскаго; а инии идоша къ Переяславлю, и тотѣ градъ взяша; оттолъ всю ту страну и городы поплѣвниша мнози: Юрьевъ, Дми-

ТРОВЪ, Волокъ, Тверь (ту-же и сына Ярославля убиша), и до Торжка. Нѣсть мѣста, гдѣ не воеваша; а на всей Ростовской и Суздальской землѣ взяша городовъ 14-ть, опричь свободѣ и погостовѣ, въ одинъ мѣсяцъ Февраль. Кончавающуся лѣту 45-му, приде вѣсть великому Князю Юрлю: яко Володимиръ взятъ, и церковь Соборная, и Епископъ, и Княгиня, съ дѣтьми и снохами, и со внуцаты, огнемъ скончашася, а старѣйшая сына твоя, Всеволодъ съ братомъ, въ Новомъ городѣ убиена быста, а люди избывши къ тебѣ идуть.» Онъ-же си слышавъ, возопи гласомъ великимъ съ плачемъ и съ слезами, по правѣрной вѣрѣ Христанстей, паче и о церкви, и Епископа ради, и людей (блже бо милостивѣ), нежели себя, ни жены, ни дѣтей; и восклицаше изъ глубины сердца съ воздыханіемъ, глаголаше: «Господи! се-ли годъ бысть твоему милосердію?» Новый бысть Ювъ терпѣннѣмъ и вѣрою, еже къ Богу. И сице ему молящуся со слезами, а иное много въ тузѣ си глаголаше: «Охъ мнѣ, Владыко! нынѣ-же что ради остахъ азъ единъ!»

Безбожнѣ-же Татарове стояще станы, и около Владимира и по Суздальстей земли вся поштѣниша, и огню предаша, и мечи изыкоша.—Въ то же время, нѣкто отъ вельможъ Русскихъ, именемъ Евпатій Коловратъ, былъ въ Черниговѣ, съ Княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ; и услыша приходъ на Русскую землю зловѣрнаго Царя Батюя, иде изъ Чернигова съ малою дружиною, и гнаша скоро, и привхаша въ землю Рязанскую, и видѣ ю опустѣвшу, грады разорены, и церкви и дожове пожжены, и люди поветы, а инѣи пожжены, а инѣи въ водѣ истоплены. Евпатій-же, видя сѣя, воскряча въ горести души своей и распаяясь сердцемъ: бѣ-во хравръ зѣло. И собра мало дружины, тоию 1700 человекъ, которые Богомъ со-влюдены быша въ града; и погнаша во слѣдъ безбожнаго Царя Батюя, Т. I. Ч. IV.

хотяще мстити кровь Христанскую, и угнаша его въ земли Суздальской. И внезапно нападоша на станы Батюевы, и начаша свѣщи безъ милости. И смятошася полки Татарскіе: Татарове-же сташа яко пьяны, или несто-вы. Евпатій же тако ихъ быше нещадно, яко и мечи его притупишася, и земля Татарскіе мечи, съчаше ихъ, Татарскіе полки провѣжая; они-же мняще, яко мертвыи возсташа, яко и самому Батюю Царю возобоятсѣ. И едва повмаша отъ полка Евпатіева пять человекъ воинскихъ, утргдншихся и изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ Батюю. Онъ-же вопроси ихъ: «Коя вѣры есте, и коя земли, что мнѣ зло творите?» Они же гъша: «Вѣры есмь Христанскія, а рабы есмь Великаго Князя Георгія Ингоревича Рязанскаго, а полку Евпатіева Коловратова; посланы есмь тебя, Царя сильнаго, почтити, и честно проводить.» Царь-же удивися отъвѣту ихъ и мудрости, и посла на Евпатія шурина своего Хоздоврула, и съ нимъ многие полки Татарскіе. Хоздоврулъ-же похвались Батюю Царю, хотя Евпатія жива-ти, и къ нему привести. И ступишася полки. Евпатій-же, исполнивъ сѣй силою, навъха на Хоздоврула богатыря, и разсѣче его на полы до сѣдла, и нача свѣщи сѣлу Татарскую, и многихъ богатырей и Татаръ побѣвъ: оны на полы просѣкая, а инѣе до сѣдла кроише. И возвѣстиша сѣя Батюю; онъ же, слышавъ сѣя, оскорбися по шуринѣ своемъ, и повеле навести на Евпатія множество *пороковъ*, и начаша биши по немъ, и едва убиша крѣпкоругаго и дерзосердаго, и льво-яростнаго Евпатія, и принесоша его мертва ко Царю Батюю. Онъ же видѣвъ его, и дивися со Князи своими храврости его и мужеству; и повеле тѣло его отдать оставшей дружинѣ его, которые на томъ бою пойманы, и повеле ихъ отпустить, и ничимъ-же вредити.

Князь-же Ингоръ Ингоревичъ въ то время былъ въ Черниговѣ, у брата

своего у Князя Михаила Всеволодича Черниговскаго; тамо бо соблюде его Богъ отъ злаго отмѣтника и отъ врага христіанскаго Батыя. И въ то время приде во градъ Рязань, и видѣ Рязань и прочіе грады раззорены и поожжены, и видѣ матеръ свою, и снохи своя, и прочая сродники своя, и всѣхъ людей множество побито, и градъ раззоренъ, и церкви поожжены, и инокнии и дѣвицы осквернены и побиты, и плакаса зело, плачемъ велимъ, и едва отдохну душа его въ немъ. И повелъ матеръ свою, Великую Княгиню Агрипину Ростиславну, и снохи своя, погребсти со псалмы и пѣсньми пресвитеромъ, которыхъ Богъ соблюде, самъ стоя и плачась жалостно. И очисти градъ, и церкви освати; и собращася къ нему мало людей, и даде имъ малое утѣшеніе, и плачась безпрестани, поминая матеръ свою, и братію, и родъ свой, яко вси вскорѣ погибаша. Потомъ-же поиде Князь Ингоръ Ингоревичъ по братію свою, идѣ-же побиты отъ нечестиваго Царя Батыя; и видѣ братію свою, и многи Князи мѣстные, и бояре и воеводы, и все воинство Рязанское побѣнно, лежаще на землѣ пустѣ, на травѣ ковыль, снѣгомъ и льдомъ померзше, никимъ-же брегомомъ, точно отъ звѣрей тѣлеса ихъ снѣдаемы, и отъ множества птицъ растерзаемы; вси уже купно лежаще мертви, едину чашу смертнующу пиша. Видѣвъ-же сія Князь Ингоръ Ингоревичъ, и воскрича горькимъ и великимъ гласомъ, яко труба, распалаясь, и въ перси вѣя, и ударяся о землю; слезы-же его, яко струя течаху, и жалостная словеса прослашаше. И нача разбирати трупи мертвыхъ, и обрете братію свою Ингоревичевъ, Великаго Князя Георгия Рязанскаго, и Князя Давида Муромскаго, и Князя Глѣба Коломенскаго, и иныхъ многихъ бояръ, и воеводъ, и бѣдѣннхъ и знаемыхъ; и принесе ихъ во градъ Рязань, и похраняше честно, со псалмы и пѣсньми; а иныхъ собращаше, и на пустѣ мѣстѣ погребаше,

съ погребательными пѣсньми. Потомъ-же поиде Князь Ингоръ Ингоревичъ ко граду Пронску, и собра раздробленныя уды брата своего, благовернаго Князя Ольга Ингоревича Краснаго и принесе его во градъ Рязань, и положи его съ Великимъ Княземъ Георгиемъ во единой рацѣ; а Князя Давида, да Князя Глѣба близъ гроба ихъ, въ другой рацѣ. И по семъ поиде Князь Ингоръ Ингоревичъ на рѣку на Воронежъ, и взя тѣло блаженнаго Князя Феодора Георгиевича Рязанскаго, и принесе его въ его область, къ великому чудотворцу Николѣ Корсунскому, и его благоверную Княгиню Евпраксию, и сына ихъ Князя Ивана Феодоровича Постника, погребе честно, и положи ихъ во едино мѣсто. И постави надъ ними три кресты каменные, и отъ сея вины зовется великій чудотворецъ Николай *Заразскій*, яко ту благоверная Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ Княземъ Иваномъ, сама себя зарази. Сей убо Князь Великій Юрій Ингоревичъ Рязанскій, съ братією, года Владимира Святославича, сродницы Бориса и Глѣба, внучата же Великаго Князя Святослава Олеговича Черниговскаго. И вѣху родомъ христіанскими, и благочестивы, и милостивы, и во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ исправлены быша, и мученически скончашася. И по нихъ съде на столѣ отца своего, Великаго Князя Ингоря Святославича, Князь Ингоръ Ингоревичъ, нареченный во святомъ крещеніи *Козма*; и обнови землю Рязанскую, церкви постави, в монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость оставшимъ православнымъ Христіанамъ, избавившимъ отъ нечестиваго Царя Батыя.

Князь-же Юрій посла Дорожа въ *просоки*, въ 3-хъ мужъ, и прибыжа Дорожъ, рече: «А уже, Княже, обопли суть насъ около Татаровъ! Тоже слышавъ Князь Юрій, всѣдъ па конь свой, съ братомъ своимъ Святосламомъ, и съ сыновцею своимъ, съ

Василькомъ Константиновичемъ, и со Всеволодомъ и Володимиромъ, и съ мужи своими, и пойдоша противу поганыхъ. И нача Князь полки ставити около себѣ, и се внезапно приспѣша Татарове на Сить, противу Князю Юрью; Князь же Юрій отложивъ всю печаль, и поиде къ нимъ, и соступшася обоихъ полци, и бысть съча зла и велика, и побѣгоша предъ иноплеменики, и ту убивъ бысть Великий Князь Юрій Всеволодичъ, на рѣцѣ на Сити, и вой его много побѣша. А Василька Константиновича руками яша, и ведоша въ станы своя съ великою нужею; и дошедше Рѣнскаго лѣса, и сташа станы ту, и нудѣша Василька много прокляти, везбожнѣе Татарове въ поганской быти воли ихъ, и воевати съ ними. Онъ же не повинуюся обычаю ихъ никако-же, не покорися беззаконю ихъ, ни бравина, ни пития ихъ не прия, но сице противу имъ глаголаше: «О глухое царство и скверное! никако-же меня отлучите отъ Христіанскія вѣры; аще и въ велице бѣдѣ есмь велими, но се ми Богъ надеде, грѣхъ моихъ ради; Богу како отвѣтъ дасте, занеже мнози есте безъ правды побѣдили души, ихъ-же ради мучите вы, имать Богъ въ безконечныя звѣи; истязаетъ во Господѣ души тѣхъ, ихъ-же есте погубил!» Они же скрежеташа нанѣ зубы своими, желаяще насытитися крови его. Бѣ во лице его уныло отъ многого томления отъ поганыхъ, и весь разлинаяшеся слезами, поминая прежде сотворенныя грѣхи; и тако возведъ очи свои на него, и рече: «Господи! ты вѣси вся тайная сердца моего, и вся мои мысли, и сице годѣ бысть твоему милосердію!» И второе помолися, глаголя: «Господи Иисусе Христе, помогавый мнѣ многаяжды! избави мя отъ шестоудецъ сихъ, Господи Вседержителю и нерукотворенный Царю, спаси любящихъ тя! Прощение еже азъ прошу, дайже ми; помози Христіанамъ, и спаси раба твоего, чада моя Бориса и Глѣба, и отца моего Епи-

скопа Квирилла, и жену мою Марію.» И пакы третіе помолися, глаголя: «Благодарю тя, Господи, Боже мой! кую похвальную память свою вижу, яко влагая моя память желѣзомъ погибаетъ, и тонко ми тѣло увядаетъ!» И прочее въ мысли сердца своего тайно въздыхаше, и моляшеся Богу: «Господи Иисусе Христе, Вседержителю! прими духъ мой, да и азъ почию въ славу твою!» И се рече, и ту аще убивъ бысть. Си злѣва ключася мѣсяца Марта въ 4-й день, въ четвергъ, четвертыя недѣли Поста. Блаженный же Епископъ Квирилъ, иде съ Бѣла-озера (тамо пьывѣтъ ратныхъ), прииде на мѣсто, гдѣ Великаго Князя Юрія убили, и обрѣте тѣло его, и принесе въ Ростовъ, и прѣвъ надъ нимъ обычная пѣнія, съ игумены, и съ попы, и клирошаны, со многими плачемъ положиша и во гробъ, въ церкви Святыя Богородицы. Васильку же убиену, и повержену на лѣсъ, и видѣ *стѣра* [нѣкая] жена върна, и повѣда мужу богобоязливу, и взяша тѣло его, и плащаницею обвѣвъ, и положиша и въ скровеннемъ мѣствѣ, и увѣдавше-же се Епископъ Квирилъ, и Княгиня Василькова, послаше взяша тѣло его. Яко понесоша въ градъ Ростовъ, и многое множество народа изыдоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше такового утѣшения. Видѣше-же, возлюбленнѣи, сію суету житія человѣчя, иже вчера славою украшенъ, и гордѣся въ боярехъ, а нынѣ персть и прахъ вмасть является, и скорѣе погибаетъ, помянемъ своя грѣхи и покаемся. *Платѣ* же бысть много народа правобѣрныхъ, зряще отца сирыхъ и кормителя, отходящимъ и печальнымъ великое утѣшение, омраченнымъ звѣзду светлосному зашедшу; на весь во священскій чинъ отверзты имуще очи сердечны, и ко всемъ церковникомъ, и къ нищимъ, и печальнымъ, яко возлюбленнѣи быше отецъ; паче и на милостыню, поминая слово Господне, глаголюще: блаженъ милостивъ, *яко*

ТИ ПОНЦЛОВАНИ БУДУТЬ. СОЛОМОНЪ ГЛАГОЛЕТЬ: МИЛОСТЫНЕЮ И ВЪРОЮ ГРѢХИ ОЧИЩАЮТСЯ. ТѢМЪ-ЖЕ НЕ ПОГРѢШИ НАДЕЖА, ЕГО-ЖЕ ПРОСЯШЕ У БОГА ГОСПОДА: СПАСИ ЛЮБЯЩИХЪ ТЯ! СЕГО ВО БЛАЖЕННАГО ВАСИЛЬКА ПРИЧТЕ БОГЪ СМЕРТЦІ АНДРЕЕВЪ, КРОВІЮ МУЧЕНИЧЕСКОЮ ОМЫВЪ СВОЯ СОГРѢШЕНІЯ, СЪ ОТПЦЕМЪ СВОИМЪ ГЕОРГИЕМЪ И СЪ БРАТОМЪ СВОИМЪ; СЕ-БО ЧУДНО ЕСТЬ: И ПО СМЕРТИ СОВОКУПИТЬ БОГЪ ТѢЛЕСА ИХЪ. И ПРИНЕСОША ВАСИЛЬКА, И ПОЛОЖИША И ВЪ ЦЕРКВИ СВЯТЫЯ БОГОРОДНИЦЫ, ИДЪ-ЖЕ МАТИ ЕГО ЛЕЖИТЬ; НЕ БЪ СЛЫШАТИ ПѢВІЯ ВО МНОЗЪ ПЛАЧЪ. БѢЖЕ ВАСИЛЬКО ЛИЦЕМЪ КРАСЕНЪ, ОЧМА СВѢТЕЛЪ, И ГРОЗЕТЪ ВЗРОМЪ, ПАЧЕ МІВРЫ ХРАБРЪ, НА ЛОВѢХЪ *вазновъ*, СЕРДЦЕМЪ ЛЕГОКЪ; А КТО ЕМУ СЛУЖИЛЪ, И ХЛѢБЪ ЕГО ЪЛЪ, ЧАШУ ЕГО ПЦЛЪ, ТОЙ ЗА ЕГО ЛЮБОВЬ НИКАКО ЖЕ НЕ МОЖАШЕ У ИНОГО КНЯЗЯ БЫТИ И СЛУЖИТИ, ИЗЛИШЕ-БО СЛУГИ СВОЯ ЛЮБЛЯШЕ; МУЖЕСТВО И УМЪ ВЪ НЕМЪ ЖИВЯШЕ; ПРАВДА-ЖЕ И ИСТИНА СЪ НИМЪ ХОДИСТА; ВЪ-БО ВСЕМУ ХИТРЪ, И ПЪСЪДЕ ВЪ ДОБРЫХЪ ДЕНЕХЪ НА ОТИВЪ СТОЛЪ И ДЪДНЪ. И ТОГДА-ЖЕ ПРИНЕСОША ГЛАВУ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЮРИЯ, И ВЛОЖИША Ю ВЪ ГРОВЪ КЪ ЕГО ТѢЛУ. ПО НЕ ПРЕДА-ЖЕ НАСЪ ДО КОНЦА ИМЕНИ ТВОЕГО РАДИ: ТАКО ТИ СКОНЧАШАСЯ СУДОМЪ БОЖИИМЪ, ЯКО-ЖЕ СЛЫШАСТЕ, А ИНЫИ-ЖЕ КНЯЗЕМЪ БОГЪ ПОВЕЛЕ ЖИТИ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕМЪ СВОИМЪ ВЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, ХРИСТИАНСКАГО РАДИ ЯЗЫКА, АБЫ ДО КОНЦА НЕ ОСКУДѢЛА ВЪРА ХРИСТИАНСКАЯ; ГОНЯША ПОГАНИ ПО НИХЪ, И НЕ ОБРѢТОША И, БОГЪ ИЗБАВИ ИХЪ ОТЪ РУКУ ИНОПЛЕМЕННОИКИ: БЛАГОЧЕСТИВАГО И ПРАВОВѢРНАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА, И СЪ ПРАВОВѢРНЫМИ ЕГО СЫНАМИ; ВЪ БО У НЕГО СЫНОВЪ ШЕСТЬ: АЛЕКСАНДРЪ, АНДРЕЙ, КОНСТАНТИНЪ, АФАНАСІЙ, ДАНИЛО, МИХАЙЛО, СВЯТОСЛАВЪ, СЪ СЫНОМЪ ДМИТРИЕМЪ, И ИВАНЪ ВСЕВОЛОДИЧЪ, И ВАСИЛІЙ, И ВОЛОДИМИРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ, И ВАСИЛЬКОВИЧА ДВА, И СИ ВСИ СОХРАНЕНЫ БЫША МОЛИТВАМИ СВЯТЫЯ БОГОРОДНИЦЫ. ОТТОЛЪ ПРИДОША ОКАЯННИИ ИЗМАИЛЬЯНЕ, ОСТУПИША ГОРОДЪ ТОРЖОКЪ, НА СВОРЪ ПО ОЕ-

ДОРОВЪ НЕДѢЛИ, И БИШАСЯ ПОРОКИ ПО ДВѢ НЕДѢЛИ, И ИЗНЕМОГОША ЛЮДЕ ВЪ ГОРОДѢ, А ИЗЪ НОВАГОРОДА НЕ БЫСТЬ ИМЪ ПОМОЧИ (НО УЖЕ КОЙ-ЖЕ СТАЛЪ СЕБѢ ВЪ НЕДОУМВІИ И СТРАСЪ). П ТАКО ПОГАНИ ВЗЯША ГРАДЪ ТОРЖОКЪ, И ИЗСЪКОША ВСЯ, ОТЪ МУЖЕСКА ПОЛУ И ДО ЖЕНСКА, И ПЕРЕЙСКІЙ ЧИНЪ, И ЧЕРНОРИЗСКІЙ, И ВСЕ ИЗОБНАЖЕНО И ПОРУГАНО, ВЪДНОЮ И НУЖНОЮ СМЕРТІЮ ПРЕДАША ДУША СВОЯ ГОСПОДЕВЦІ, МЪСЯЦА МАРТА ВЪ 5-Й ДЕНЬ, НА СРЕДОХРИСТИЕ. ТУ-ЖЕ УБИЕНИ БЫША ИВАНКО ПОСАДНИКЪ НОВГОРОДСКІЙ, ЯКИМЪ ВЛУНКОВИЧЪ, ГЛѢБЪ БОРИСОВИЧЪ, МИХАЙЛО МОИСЕВИЧЪ. ТОГДА ЖЕ ГОЯШЕСЯ БЕЗБОЖНИИ ОТЪ ТОРЖКА *Серезерскимъ* ПУТЕМЪ, ПОЛНЫ ДО ИГНАЧА КРЕСТА, И ВСИ ЛЮДИ СЪКУЩИ, АКИ ТРАВУ, ЗА СТО ВЕРСТЪ ДО НОВАГОРОДА НЕ ДОШЛИ; НОВГОРОДЪ ЖЕ ЗАСТУПИ СВЯТАЯ СОФІЯ, СОБОРНАЯ АПСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ, И СВЯТЫЙ ВЕЛИКІЙ ПРЕПОДОВНЫЙ КЯРИМЪ, АРХІЕПИСКОПЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ, И СВЯТЫХЪ ПРАВОВѢРНЫХЪ АРХІЕПИСКОПЪ МОЛИТВА, И БЛАГОВѢРНЫХЪ КНЯЗЕЙ, И ПРАВОВѢРНЫХЪ ЧЕРНОРИЗЕЦЪ И ПЕРЕЙСКАГО СОБОРА. ДА КТО, ОЦЫ, И БРАТІЯ, И ДѢТИ ВИДѢВШЕ БОЖІЕ ПОПУЩЕНІЕ СЕ НА ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, И НЕ ПЛАЧЕТСЯ? БАТЫЙ-ЖЕ ОТСЕЛЪ ВОРОТИСЯ, И ПРИДЕ КЪ ГОРОДУ КОЗЕЛЬСКУ. БУДУЩУ ВЪ НЕМЪ КНЯЗЮ МЛАДУ, ИМЕНЕМЪ ВАСИЛЮ. УВѢДАВШЕ-ЖЕ ОКАЯННИИ, ЯКО УМЪ КРѢПКОДУШЕВЕНЪ ЛЮДЕ ИМѢЮТЬ ВЪ ГОРОДѢ, СЛОВАМИ ЛЕСТНЫМИ НЕВОЗМОЖНО ЕСТЬ ПРИЯТИ ГРАДА; КОЗЛЯНЕ-ЖЕ СОВѢТЪ СОВТОРИША: НЕ ВДАТСЯ БАТЫЕВИ, РЕКОША КЪ СЕБѢ: «АЩЕ КНЯЗЬ НАШЪ МЛАДЪ ЕСТЬ; НО ПОЛОЖИМЪ ЖИВОТЪ СВОЙ ЗАПЪ, И АДЪ СЛАВУ СЕГО СВѢТА ПРИЕМПИ, И ТАМО НЕБЕСНЫЕ ВЪЯЦА ОТЪ ХРИСТА БОГА ПРИИМЕМЪ.» ТАТАРОМЪ-ЖЕ БПОЩИМСЯ У ГРАДА, ПРИЯТИ ХОТЯЩИМЪ, РАЗБИВШИМЪ СТѢНЫ ГРАДНЫЯ, И ВЪЗДОША НА ВАЛЪ: КОЗЛЯНЕ ЖЕ НОЖИ РЪЗАХУСЯ СЪ НИМИ; СОВѢТЪ ЖЕ СОВТОРИША ИЗЫЙТИ ИЗЪ ГРАДА ПРОТИВУ ИМЪ НА ПОЛКИ РАТНЫЕ, И ИСПЕДШЕ ИЗЪ ГРАДА, И ИЗСЪКОША ПРАЦА ИХЪ НАПАДШЕ НА ПОЛКИ ИХЪ, И УБИША ОТЪ ТА-

таръ 4,000, а сами избени-же быша. Батый-же взя градъ Козельскъ и избени; не пощаде и до отротать, сосущихъ млеко; а о Князи Василии невѣдомо есть; ини глаголаху, яко въ крови утонулъ есть, понеже убо въ младѣ. Оттоль же въ Татарехъ не смѣяху рещи *градъ Козельскъ*; но звахуть я: *злый градъ*, понеже вишетъ бился у града того по семь недѣль, и убиша отъ Татаръ три сыны Темничя; Татарове искахуть ихъ, и не обрѣтоша и въ множествѣ трупцѣ мертвыхъ. Батыевъ-же вземшю Козельскъ, и поиде въ землю Половецкую.

Нача Батый посылати на грады Русскіе. Послание-же Батыевы, пришедше въ Русь, взяша градъ Переяславль, и церковь Архангела Михаила сокрушиша, и Епископа Симеона убиша, и люди вся сущая въ градѣ, овыхъ избивша, а иныхъ плѣниша, а сосуды церковныя безчисленныя, золотыя и серебряныя, и драгоценныя взяша. А иную рать посла на Черниговъ; пришедши-же посланнии остушиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ; слышавше Князь Мстиславъ Глѣбовичъ нападеніе иноплеменихъ на градъ, и прииде на нѣ съ своимъ вой, и бившимся имъ крѣпко [лють-бо бой имъ бысть у Чернигова], и оже и тараны на нѣ поставиша, и меташа нѣмъ каменемъ въ полтора перестрѣла, а камень яко-же можяху четыре мужи поднять. И повѣженъ бысть Мстиславъ, и множество отъ вой его избивено бысть, и градъ взяша и запалиша огнемъ, а Епископа оставиша жива, и ведоша въ Глуховъ. А оттоль придоша къ Киеву съ миромъ, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володимиромъ, и съ Даниломъ.

Менгу-Канови-же пришедшю сгладяши Киева, и ставшю ему на оной странѣ рѣки Днѣпра, у градка Песочнаго, и видѣвъ градъ, и удивися красота его и величеству его; и присла послы своя къ Михаилу, и къ горожанамъ, хотя прельстити ихъ, и не послушаша его. Потомъ Михаилъ вѣжа

по сыну своему предъ Татары въ Угры; а Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ Смоленскаго, съиде въ Киевъ. Данилъ же вѣха нѣмъ, и ятъ его, и дасть Киевъ въ рудъ Дмитрови, обдержати противу иноплеменихъ языкъ, безвожныхъ Татаръ. Въ то-же лето прииде Батый къ Киеву въ силѣ тяжцѣй, много множество силы его, и окружи градъ, и остуши сыла Татарская, и бысть градъ въ обдержаніи велице; и въ Батый у града, и вся сила его безвожная обсъдаху градъ, и не въ слышати во градѣ глаголюща другъ къ другу въ скрепаній тѣлѣтъ его, и множество ревеня вельлюдъ его, и ржанія отъ гласа коннаго стады его, и въ исполнена земля Русская ратныхъ. И яша отъ нихъ Татарина, именовъ Торвула, и той исповѣда всю силу безвожнаго Батыя; а се вѣяху его братія, сильнии воеводы: Урдоу, Байдаръ, Бюрюй, Кайданъ, Бячекъ, и Менгуй, и Кююкъ [иже вратися, о смерти увѣдавъ Кановъ, и бысть Канъ, не отъ роду его, но въ воевода его первый.] Севдѣй Богатуръ, и Бурудай, и Бастыръ, иже взяша Болгарскую землю и Суздальскую, и иныхъ воеводъ много, ихъ же не писахомъ здѣ. Постави-же Батый пороки къ городу, подѣвъ врата Лядская (ту-бо вѣяху дѣбри); порокомъ-же вѣющимъ день и ночь безпрестани, и выбиша стѣны; и ту въ видѣти ломъ конейный, и цитомъ скрепаніе, и стрѣлы омрачаша свѣтъ. Повѣжденнымъ бывшимъ горожанамъ, и Дмитрови ранену бывшю, и въздоша Татарове на стѣны, и съдоша того деня и до ноци; гражане-же создана другій градъ, около Святыя Богородицы. На утро-же придоша на нѣ, и въ сѣча велика межю има; людемъ же инымъ възвѣгшымъ на комары церковныя съ товары своими, и отъ тягости людей повалишася комары, и стѣны церковныя съ ними, и приятъ бысть градъ безвожными на Николинъ день. Дмитра-же взведоша язвена, и не убиша его, мужества ради. Батыю-же вземъ-

шу градъ Киевъ, и слышавшу ему о Даниилѣ, яко въ Угрехъ есть, и поиде самъ къ Володимиру, и прииде къ городу Колодажену, и поставивъ пороковъ дванадесять, и не може проразити стѣнъ городскихъ, и нача перемолвливати люди; они же, послушавше злаго совѣта его, предашася, и сами избени быша. Оттоль же прииде къ Каменцу, граду Изяславлю, и взя его; и видѣвъ же Кременецъ, градъ Даниловъ, и не возможе взяши его (въ-бо крѣпокъ вельми), и отыде отъ него. И прииде къ Володимиру, и взя его копемъ, взви вся, не пощаде ни единаго же; тако-же и градъ Галичъ взя Волынский, и иныхъ градовъ Русскихъ много взя, имъ же и числа нѣсть. Дмитрови-же, Киевскому Тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: «Не мози *стрипати* въ земля сей долго; время ти уже иди на Угры; аще ли стрипаеши, земля та есть сильна, свергуться на тя, и не впусять тя въ землю свою» [про то-же рече ему, видѣ землю гибнущу Русскую отъ нечестиваго]. Батый же послуша совѣта Дмитрова, и идевъ Угры. Король же Бѣла, и Коломанъ, срътоша Батыя у Солоныя рѣки, и вившимся обоимъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрове; Татарове-же гнашася по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по повѣдѣ три лѣта, и воеваша до Володавы и по озерамъ, возвратишася въ землю свою, много зла сотвориша Христіанамъ.

Увы мнѣ! сія убо злая содѣяшася на насъ Божиимъ поущеніемъ и великимъ его гнѣвомъ, за не-же умножишася беззаконія веля, сребродлюбная зависть, междоусобныя брани и к мерзская нечистота блудная, естественная и чрезъестественная, и волхвованныя кови, и иные грѣси; и се-го ради таковая лютая бѣда прииде на вся страны православныхъ Христіанъ, по Пророка Давида слову: *Бр азлами и уздою востягнеши челюсти въприближающимся къ тебѣ, Господи!* » Великия убо церкви опустѣша,

яко и дивны звѣрїе въ нихъ плодишася; градомъ-же и монастыремъ разореніе и пожженіе; священникомъ же и всемъ сановитымъ тяжки узы бяху на хрестехъ, и нужныя смерти; честнѣйшимъ-же инокомъ и инокинямъ лютое и немилостивное закланіе; всемъ-же православнымъ Христіанамъ тяжкое ярмо поганское имущимъ на шеяхъ. И не токмо сіе едино, но и младенца ссущая отторгающе отъ пазухъ и недръ матернихъ, и о землю и о стѣны ударяху, и на полы пресѣкаху и оружїи прободаху. Скверняху-жъ и чистоты дѣвство, юныхъ дѣвъ растлѣваху, и брачныхъ женъ разлучающе отъ мужей, и честнѣйшия невѣсты Христовы, инокини блудомъ оскверняху. И мнози тогда отъ православныхъ сами ся порѣзываху, и въ воду вметахуся, и смерти приимаху, дабы не осквернитися отъ поганыхъ, видяще-бо лютое ихъ скверненіе, и немилостивное безчеловѣчіе, велико творяху руганіе и немилосердіе окаянїи надъ православными. Главными убо власы вмѣсто вязаху, аки скоты, и остны бодуще поганяху. И убо достойна есть плача страсть жителей земель тѣхъ, подвизающа на рыданіе челоувколюбивыхъ. Языкъ бо не можетъ въпачи, ни уста исповѣдати тоя бѣды, превѣсхожаше-бо Виолемскаго многостонаннаго рыданія: тамо-бо едни младенцы закалахуся убійственными дланьми; здѣ-же престарѣвшіеся, и сѣди, и цвѣтущіе юноши, и жены благообразныя, и чистозрачныя отроковицы и младенцы вкукъ раздробляхуся. Аще-бо и Давидъ о Іерусалимѣ глаголетъ, во Псалмѣ, сътуя: «Боже! придоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою, и разориша Іерусалима,» и прочая. И та убо страсть велика, но сія тмами большїи, понеже не едину церковь оскверниша, но тысящами и тмами сугубо. Но въ той убо древней, стни служажу, и на требу животная закадаху; въ нашихъ-же Христіанскихъ церквахъ истинъ слу-

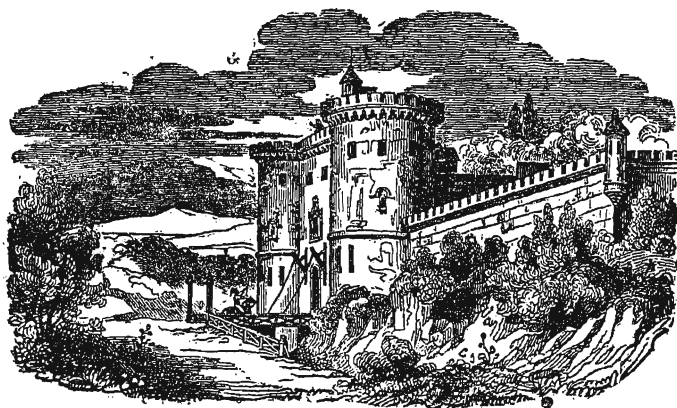
ЖАХУ, и самого Животворящаго Агнца, Сына Божия, пожрашу. А не единъ градъ раззориша, но многи земли, Рязанскую, и Владимирскую, и Нижегородскую, и Галицкую, и Ростовскую, и Тверскую, и полъ Новгородскія, и Киевскую, и Черниговскую, и Волынскую, и Подольскую, и Угорскую, въ нихъ-же великіе, господственные самодержавныхъ грады, и со окрестными ихъ градовы, и странами и властми. По всѣмъ тѣмъ землямъ пролиша погани кровь Христіанскую, яко воду. Положиша убо труши рабъ Божихъ, священниковъ, въ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ иноковъ и инокинь звѣремъ и чадомъ земнымъ. И не въ погребавоющихъ всѣхъ православныхъ Христіанъ, и не въ о нихъ приношения, ни молитвы: не въ-бо церквей, ни священниковъ, ни кадила, ни мѣста, еже-бы кому и гдѣ принести ко Господу Богу жертву спасенную о душахъ ихъ, заве-же за многое согрѣшеніе преданы въкомъ Царю законопреступну, неправедну, и лукавѣйшу паче всея земли, и поганому, и немилостивому языку варварскому. Сице убо тѣ великии земли, и градове, и власти многочеловѣчныя въ поле запустѣнія положены быша. И быша гробове всемертвенныя, и смертная врата, и многозаяющая адова утроба всепріемница; рыданіе въ повсюду и плачъ велегласенъ; горы убо и холмы плѣнениымъ и малооставшимъ плавающимъ сопротивъ возглагошаху; рѣки-же волнами сопрепшумяху; садовныя-же дрѣвеса, и вся боры и дубравы, вмѣсто рыданія и плача, вътѣвми повѣвающе, умилно проглашающе, и вмѣсто слезъ листвіе отъ себѣ спущаху. Но и общія наша мати, земля, яко же и плотская чадолюбивца мати, восплакася, жерломъ великимъ стоящи, маниемъ глаголющи: «Сынове, сынове Русіи! почто ходисте предъ Господомъ Богомъ, сотворшимъ васъ, въ похотехъ сердечъ вашихъ! Или не слышасте

Пророка Господня, глаголюща сице: «Аще хотите, и послушаете мене, благая земная снѣсте; аще ли не хотите, ни послушаете мене, оружіе васте поясть — уста-бо Господня глаголашася. «Чада мои! Чада мой прогнѣваше и Господа своего, и моего Творца и Бога: вижу васъ отъ моего пазухи отторгаемыхъ, въ поганскія руки немилостивно впадша, праведнымъ судомъ Божиимъ, и иго работно ииуде на плещяхъ вашихъ. Азъ уже къ тому остаюсь тиши васъ, чадъ своихъ любивыхъ, бывшихъ мнѣ; къ тому убо вѣдная вдова быхъ и безчада! Но кое первое сътую и плачу? Мужа-ли, или любимыхъ моихъ чадъ? Вдовство бо мое есть опустѣніе многихъ градовъ, и честныхъ монастырей, и святыхъ церквей; лишене же чадъ, учителей, и священникъ, и властелей, и прочаго народа. Къ тому уже не терплю жалости моея и лютыя сея бѣды; но возопи ко обрѣзку Творцу, Господу Богу, умилнымъ гласомъ: Боже, содѣтелю всѣхъ, сотворивый вся своимъ пречистымъ хотѣніемъ! Презри нынѣ беззаконіе людей сихъ, помилуй ихъ, Милосерде! и утоли праведный свой гнѣвъ, возврати плѣнныя ихъ во своя, да ми творидею послѣдять повѣлѣніемъ твоимъ, Господи! яко Ты еси единъ Богъ безгрѣшенъ, милуйи грѣшныхъ, и прощайи кающихся!»

Мы же, Православныи, прочитающе умилную повѣсть сію, и слушающе ея, да глаголемъ изъ глубины сердца: О Владыко Христе, Царю въкомъ и содѣтелю твари, не хотяи грѣшникомъ смерти! избави ны отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваръ, и отъ прочихъ иноплеменныхъ, и укрѣпи на нихъ православныхъ Царей нашихъ, и устрои въ насъ сущая междоусобныя брани, и церковныя раздоры, и всему православному Христіанству полезная устрои, да въ мирѣ и въ тишинѣ славимъ тя истиннаго Христа Бога нашего, слави-

ГО ВЪ ТРОИЦѢ! СУЩИХЪ-ЖЕ ОТЕЦЪ И БРАТІЙ НАШИХЪ, ВО ВСЯКОМЪ ВОЗРАСТѢ СКОНЧАВШИХСЯ ВЪ ТО ЛЮТОЕ ВАРВАРСКОЕ ПЛѢНЕНІЕ, ИЗБАВИ ОТЪ ВЪЧВЫЯ МУКИ, И ПОКОЙ ИХЪ СО ВСѢМИ ОТЪ ВЪКА УГОДВИШИМИ ТЕБѢ, ЯКО ТВОИ СУТЬ СУ-

ДОВЕ НЕИСПЫТАННИ, И ПУТИ ТВОИ НЕИЗСЛѢДОВАНЫ, И ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО НЕПРЕМѢННО, И ДЕРЖАВА НЕПРИКЛАДНА, И ТЕБѢ ПОДОБАЕТЪ ВСЯКАЯ СЛАВА, И ЧЕСТЬ, И ДЕРЖАВА, НЫНѢ, И ВСЕГДА, И ВО ВѢКИ ВѢКОВЪ, АМИНЬ.

С Л О В О

Д А Н И Ш Л А З А Т О Ч Н И Б А .

Кто такой был Даниилъ и когда онъ жилъ? Досе-
лѣ не известно. Знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ за-
точеніе на Ладъ озеро, въ нынѣшнюю Олонецкую гу-
бернію. Свѣдѣнія о заточеніи его находимъ въ нашихъ
лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Отрывки изъ Слова Да-
ниилова Н. М. Карамзинъ помѣстилъ въ 1777 г.
своей исторіи. К. О. Калайдовичъ напечаталъ его вполнѣ,
въ памятникахъ XII вѣка, съ увѣреніемъ, что Даниилъ
написалъ его къ Георгію Волгоруцкому.

Текстъ Даниилова Слова напечатанъ здѣсь по
стиску, сообщенному мнѣ Н. П. Морозовымъ.

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧНИКА.

В ОСТРУБИМЪ, БРАТИЕ, ЯКО ВО ЗЛА-
ТОВАННЫЯ ТРУБЫ, ВЪ РАЗУМЪ УМА
СВОЕГО, И НАЧНЕМЪ ВЪИТИ ВО СРЕБРЕННЫЕ
ОРГАНЫ, И ВОЗВЪЕМЪ МУДРОСТИ СВОЯ.
БОЖЕ, БОЖЕ МОЙ! ВСКЮЮ МЯ ЕСИ О-
СТАВИЛЪ? ВОСТАНИ СЛАВА МОА, ВОСТАНИ
ВЪ ПСАЛТЫРИ И ВЪ ГУСЛЕХЪ; ВОСТАНУ
РАПО, ИСПОВЪМЪТЯСЯ. ДА РАЗВЕРЗУ ВО
ПРИТЧАХЪ ГАДАНИЕ МОЕ; ПРОВЪЩАЮ ВО
ЯЗЫЦАХЪ СЛАВУ МОЮ. СЕРДЦЕ БО СМЫ-
СЛЕННАГО УКРЫЛЯЕТСЯ ВЪ ТЪЛЕСИ ЕГО
МУДРОСТИЮ. БЫСТЬ ЯЗЫКЪ МОЙ ЯКО ТРОСТЬ
КНИЖНИКА СПОРОНИСЦА, И УВЪТЛНВА
УСТА, АКИ РЪЧНАЯ БЫСТРОСТЬ; СЕГО
РАДИ ПОКУШАХСЯ НАПИСАТИ ВСЯКЪ СО-
ЮЗЪ СЕРДЦА МОЕГО, И РАЗВЪХЪ ЗЛЪ, АКИ
ДРЕВНЯЯ МЛАДЕНЦА О КАМЕНЬ. НО БОЮ-
СЯ, ГОСПОДИНЕ, ПОХУЛЕНИЯ ТВОЕГО НА
МЯ; АЗЪ БО ЕСМЪ ЯКО ТА СМОКОВНИЦА
ПРОКЛЯТАЯ, НЕ ИМЪЯ ПЛОДА ПОКАЯНЮ:
ИМЪЮ БО СЕРДЦЕ АКИ ЛИЦЕ БЕЗЪ ОЧИЮ,
И БЫСТЬ УМЪ МОЙ ЯКО НОЩНЫЙ ВРАЩЪ
НА НАРИЩИ ЗАВЪДЪХЪ, И РАЗСЫПАСЯ ЖИ-
ВОТЬ МОЙ АКИ ХАНАОНСКИ ЦАРЬ БУЕ-
СТИЮ, И ПОКРЫ МЯ НИЩЕТА АКИ ЧЕРМ-
НОЕ МОРЕ ФАРАОНА. СЕЖЕ ВЪХЪ НАПИСА-
ХЪ, ВЪЖАХЪ ОТЪ ЛИЦАХЪ ХУДОЖЕСТВА
МОЕГО, АКИ АГАРЯ РАВЫНЯ ОТЪ САРРЫ
ГОСПОЖИ СВОЕЯ. НО ВИДЪХЪ, ГОСПОДИ-
НЕ КНЯЖЕ, ТВОЕ ДОБРОСЕРДЦЕ КЪ СЕБЪ,
И ПРИТЕКОХЪ КО ОБЫЧНОЙ ТВОЕЙ ЛЮБВЕ,
ГЛАГОЛЕТЪ ВО ПИСАНИЕ: ПРОСЯЩЕМУ У
ТЕБЕ ДАЙ, ТОЛКУЩЕМУ ОТВЪРЗИ, ДА НЕ-
ЛИЩЕНЪ БУДЕШИ ЦАРСТВА НЕБЕСНАГО;
ПИСАНО ВО ЕСТЬ: ВОЗВЕРЗИ НА ГОСПОДА
ПЕЧАЛЬ СВОЮ, ТОЙ ТЯ ПРЕПЯТАЕТЪ ВО ВЪ-
КЫ. АЗЪ БО ЕСМЪ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ,
ЯКО ТРАВА ВЪЕЦАННА, РАСТУЩЕ ЗА СТЬ-
НИЮ, НА НИЖЕ НИ СОЛПЦЕ СЯЕТЪ, НИ
ДОЖДЬ ВЪДЕТЬ: ТАКО И АЗЪ, КНЯЖЕ ГО-
СПОДИНЕ, ВСЪМИ ОБЫДНМЪ ЕСМЪ, ЗАНЕ

Т. I. Ч. IV.

ОГРАЖЕНЪ ЕСМЪ СТРАХОМЪ ГРОЗЫ ТВО-
ЕЯ, ЯКО ОНЛОТОМЪ ТВЕРДЫМЪ. НО НЕ
ВОЗРИ НА МЯ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, ЯКО
ВОЛКЪ НА ЯГНЯ; НО ВОЗРИ НА МЯ, ГОС-
ПОДИНЕ МОЙ, АКИ МАТИ НА МЛАДЕНЦА.
ВОЗРИ, ГОСПОДИНЕ, НА ПТИЦЫ НЕВЕС-
НЫЯ, ЯКО ТИ НИ ОКОУТЬ, НИ СЪЮТЬ, НИ
ВЪ ЖИТНВЦУ СОБИРАЮТЬ, НО УПОВАЮТЬ
НА МИЛОСТЬ БОЖЮ; ТАКО И МЫ, КНЯЖЕ
ГОСПОДИНЕ, ЖЕЛАЕМЪ ТВОЕЯ МИЛОСТИ:
ЗАНЕ, ГОСПОДИНЕ, КОМУ ЛЮБОВЬ, А МНЪ
ГОРЕ ЛЮТОЕ; КОМУ БЪЛО ОЗЕРО, А МНЪ
ЧЕРНЫЕ СМОЛЫ; КОМУ ЛАЧЪ ОЗЕРО, А
МНЪ, НА НЕМЪ СЪДЯ, ПЛАЧЪ ГОРКИ; КО-
МУ ТИ ЕСТЬ НОВГОРОДЪ, А МНЪ УГЛЫ
ОПАЛИ, ЗАНЕ НЕ ПРОЦЪВЪТЕ ЧАСТЬ МОА.
ДРУЗИ ЖЕ МОИ И БЛИЖНИИ МОИ И ТИ
ОТВЕРГОШАСЯ МЕНЕ: ЗАНЕ НЕ ПОСТАВИЛЪ
ПРЕДЪ НИМИ ТРАПЕЗЫ МНОГОРАЗЛИЧНЫХЪ
ВРАЩЕНЪ. МНОЗИ БО ДРУЖАТСЯ СО МНОЮ,
А ПОЧЕТАЮЩЕ РУКИ ВЪ СОДЕЛО, А ПРИ
НАПАСТИ АКИ ВРАЗИ ОБРЪТАЮТСЯ, И ПА-
БЫ ПОМОГАЮЩЕ ПОДРАЗНИТИ НОЗИ МОИ:
ОЧИМА БО ПЛАЧЮТЬ СО МНОЮ, А СЕРД-
ЦЕМЪ СМЪЮТЯСЯ. ТЪМЪЖЕ НЕ ИМУ ДРУ-
ГУ ВЪРЪ; НЕ НАДЪЮСИ НА БРАТА. НЕ
ЛГАЛЪ БО МНЪ РОСТИСЛАВЪ КНЯЗЬ: ЛЪП-
ШИ БЫ МНЪ СМЕРТЬ, А НЕ КЪРСКОЕ КНЯ-
ЖЕНИЕ. ТАКОЖЕ И МУЖЕВИ: ЛЪПШЕ БЫ
МНЪ СМЕРТЬ, НЕЖЕЛИ ПРОДОЛЖЕНЪ ЖИ-
ВОТЬ ВЪ НИЩЕТЬ; ЯКО ЖЕ БО СОЛОМОНЪ
РЕЧЕ: НИ БОГАТЕСТВА, НИ УБОЖЕСТВА
НЕ ДАЙ МНЪ, ГОСПОДИ; АЩЕЛИ БУДУ БО-
ГАТЪ, ГОРДОСТЬ ВОСПРИМУ; АЩЕЛИ БУДУ
УБОГЪ, ПОМЫШЛЯЮ НА ТАТЬБУ И НА
РАЗБОИ, А ЖЕНЫ НА ВЛЯДНО. ТЪМЪЖЕ
ВОШЮ КЪ ТЕБЪ, КНЯЖЕ МОЙ, ГОСПОДИ-
НЕ МОЙ, ОДЕРЖИМЪ ЕСМЪ НИЩЕТОЮ: ПО-
МИЛУЙ МЯ, СЫНЕ ВЕЛИКАГО ЦАРЯ ВЛА-
ДИМЕРА! ДА НЕ ВОСПЛАЧЪСЯ РЫДАЯ, ЯКО
АДАМЪ РАЮ. ПУСТИ ТУЧЮ ХУДОЖЕСТВА

МОЕГО НА ЗЕМЛЮ: ЗАНЕ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, БОГАТЪ МУЖЬ ВЕЗДЪ ЗНАЕМЪ ЕСТЬ И ВЪ ЧУЖОЙ ЗЕМЛѢ ДРУЗИ ИМѢТЬ, А УБОГЪ И ВО СВОИХЪ НЕВѢДНО ХОДИТЬ. БОГАТЪ ВОЗГЛАГОЛЕТЪ, ВСИ ВОЗМОЛЧАТЬ И СЛОВО ЕГО ВОЗНЕСУТЬ ДО ОБЛАКЪ; А УБОГЪ ВОЗГЛАГОЛЕТЪ, ВСИ НАНЪ КЛЯНУТЬ И УСТА ЕМУ ЗАГРАДЯТЬ: ИХЪ ЖЕ РЫЗЫ СВѢТЛЫ, ТѢХЪ И РЪЧЪ ЧЕСТНА. КНЯЖЕ МОЙ, ГОСПОДИНЕ МОЙ! ИЗВАНИ МЯ ОТЪ НИЩЕТЫ СЕЛ, ЯКО СЕРНУ ОТЪ ТЕНЕТА, ЯКО ПТИЦУ ОТЪ КЛЯПЦЫ, ЯКО УТИ ОТЪ НОГТЕЙ ИССИМАГО ЯСТРЕБА, ЯКО ОВЦУ ОТЪ УСТЪ ЛЮБОВЫХЪ. АЗЪ БО ЕСМИ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, ЯКО ДРЕВО ПРИ ПУТИ: МНОЗИ ПОСЪКАЮТЬ ЕГО И НА ОГНѢ ВМЕЩУТЬ; ТАКОЖЕ И АЗЪ ВСѢМИ ОБИДНУЪ ЕСМЪ, ЗАНЕ ОГРАЖЕНЪ ЕСМЪ СТРАХОМЪ ГРОЗЫ ТВОЕЯ. ЯКОЖЕ БО ОЛОВО ГИНЕТЪ, ЧАСТО РАЗВАРЯЕМУ: ТАКО И ЧЕЛОВѢКЪ ПРИЕМЛЕТЪ МНОГИЯ ВѢДЫ. НИ КТОЖЕ МОЖЕТЪ СОЛИ ЗОВАТИ, НИ ВЪ ПЕЧАЛИ СМЫСЛИТИ; ВСЯКЪ БО ЧЕЛОВѢКЪ ХИТРИТЬ И МУДРИТЬ О ЧУЖОЙ ВѢДѢ, А О СВОЕЙ НЕ МОЖЕТЪ СМЫСЛИТИ. ЗЛАТО ИСКУШАЕТСЯ ОГНЕМЪ, А ЧЕЛОВѢКЪ НАПАСТЬМИ; ПШЕНИЦА БО, МНОГО МУЧИМА, ЧИСТЪ ХЛѢБЪ ПОДАЕТЪ, А ВЪ ПЕЧАЛИ ОБВРТАЕТЪ ЧЕЛОВѢКЪ УМЪ СОВЕРШЕНЪ. МОЛЕВЕ РЫЗЫ ИЗЪДАЮТЬ, А ЧЕЛОВѢКА ПЕЧАЛЬ; ПЕЧАЛНУ МУЖУ ЗАСУШУТЬ КОСТИ. АЩЕ КТО ЧЕЛОВѢКА ВЪ ПЕЧАЛИ ПРИЗРИТЬ, КАКЪ СТУДЕНОЮ ВОДОЮ НАПОШЪ ВО ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ. ПТИЦА БО РАДУЕТСЯ ВЕСНѢ, А МЛАДЕНЕЦЪ МАТЕРИ, ТАКО И АЗЪ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, РАДУЮСЯ ТВОЕЙ МИЛОСТЮ; ВЕСНА УБО УКРАШАЕТЪ ЦВѢТЫ ЗЕМЛЮ, А ТЫ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, ОЖИВЛЯЕШИ ВСЯ ЧЕЛОВѢКА СВОЕЮ МИЛОСТЮ, СПРОТЫ И ВДОВИЦЫ, ОТЪ ВЕЛЬМОЖЬ ПОГРУЖАЕМИ. КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ! ЯВИ МИ ЗРАКЪ ЛИЦА ТВОЕГО, ЯКО ГЛАСЬ ТВОЙ СЛАДОКЪ, И ОБРАЗЪ ТВОЙ ГОСУДАРЕВЪ КРАСЕНЪ, И ЛИЦЕ ТВОЕ СВѢТЛО И БЛАГОЛЮБНО, И РАЗУМЪ ТВОЙ ГОСУДАРЕВЪ ЯКОЖЕ ПРЕКРАСНЫЙ РАЙ МНОГОПЛОДОВИТЬ. АЗЪ ЖЕ ХУДЫЙ ЛОВЪ ДИВЛЮСЯ. НО ЕГДА ВЕСЕЛИШИСЯ МНОГИИ ВРАШНЫ, А МЕНЕ ПОМЯНИ СУХЪ ХЛѢБЪ ДАЩА, ИЛИ ПИЩИ СЛАДКОЕ ПИТЬЕ, А МЕНЕ ПОМЯНИ ТЕПЛУ ВОДУ

ПЬЮЩА, И ПРАХА НАПАДША ОТЪ МѢСТА ЗАВѢТРЕНА. ЕГДА ЛЯЖЕШИ НА МЯГКИХЪ ПОСТЕЛЯХЪ ПОДЪ СОВОЛЬНИИ ОДЕЯЛЫ, А МЕНЕ ПОМЯНИ ПОДЪ ЕДИНЫМЪ ПЛАТОМЪ ЛЕЖАЩА, И ЗИМОЮ УМПРАЮЩА, И БАЛДЯМИ ДОЖДЕВНЫИ ЯКО СТРЕЛАМИ СЕРДЦЕ ПРОНИЗАЮЩЕ. ДА НЕ БУДИ, КНЯЖЕ, РУКА ТВОЯ СОБЕБНА НА ПОДАНИЕ УБОГИМУ: НИ ЧАШЕЮ БО МОРЯ РАСЦЕРПАТИ, НИ НАШЕМЪ ВМАНЕМЪ ТВОЕГО ДОМУ ИСТОЩИТИ. ЯКОЖЕ БО НЕВОДЪ НЕ УДЕРЖИТЬ ВОДЫ, НО ТОЧНО ЕДИНЫ РЫБЫ: ТАКО И ТЫ, КНЯЖЕ ГОСПОДИНЕ, НЕ ВОЗДЕРЖИ ЗЛАТА И СРЕБРА, НО РОЗДАЙ ЛЮДЕМЪ. ПАВОЛОКА, ИСПЕЩРЕНА МНОГИМИ ШЕЛКИ, КРАСНО ЛИЦЕ ЯВЛЯЕТЪ: ТАКО И КНЯЗЬ МНОГИИ ЛЮДЬМИ ЧЕСТЕНЪ И СЛАВЕНЪ ПО ВСѢМЪ СТРАНАМЪ; ЯКОЖЕ РЕЧЕ СОЛОМОНЪ: СЛАВА ЦАРЮ ВО МНОЗЕХЪ ЯЗЫЦѢХЪ; ТАКО И ТЕБѢ, КНЯЖЕ, СЛАВА И ПОБѢДА ВЕЛИКА ВО МНОЗЕХЪ ЯЗЫЦѢХЪ; ТАКО И ТЕБѢ, КНЯЖЕ, СЛАВА И ПОБѢДА ВЕЛИКА ВО МНОЗЕХЪ ЛЮДѢХЪ. ЯКОЖЕ БО ПОХВАЛИСЯ ЕЗИКЪИ ЦАРЬ ПОСЛОМЪ ЦАРЯ ВАВИЛОНСКАГО, И ПОКАЗАША ИМЪ МНОЖЕСТВО ЗЛАТА И СРЕБРА; ОНѢ ЖЕ РЫЩА ЕМУ: НАШЪ ЦАРЬ БОГАТЪЕ ТЕВЯ, НЕ МНОЖЕСТВОМЪ ЗЛАТА, НО МНОЖЕСТВОМЪ ВСЯ: ЗАНЕЖЕ МУЖИ ЗЛАТО ДОБУДУТЬ, А ЗЛАТОМЪ ЛЮДЕЙ НЕ ДОБЫТИ. ЯКОЖЕ РЕЧЕ СВЯТОСЛАВЪ КНЯЗЬ ПГОРЕВЪ, ИДЫИ НА ЦАРИ СЪ МАЛОЮ ДРУЖИНОЮ И РЕЧЕ ИМЪ БРАТІЕ! НАМЪ ЛИ ОТЪ ГРАДА ПОГИБНУТИ, ИЛИ ГРАДУ ОТЪ НАСЪ ПЛВНЕНУ БЫТИ? ЯКОЖЕ БОГЪ ПОВЕЛПЪ, ТАКО И БУДЕТЬ: ПОЖЕНЕТЪ БО ЕДИНЪ СТО, А ОТЪ СТА ДВИГНЕТСЯ ТЫСЯЩА; НАДѢЯСЯ НА ГОСПОДА, ЯКО ГОРА СЮНЪ НЕ ПОДВИЖЕТСЯ ВО ВѢКЫ. ДИВО ЛИ ЗА БУИНОМЪ КОНИ ПАСТВИТИ, А ЗА ДОБРЫМЪ КНЯЗЕМЪ ВОЕВАТИ. МНОГАЖДЫ БО БЕЗНАРЯДЕМЪ ПОЛЦЫ ПОГИБАЮТЬ. ВИДѢХЪ ВЕЛИКЪ ЗВѢРЬ, А ГЛАВЫ НЕ ИМѢТЬ: ТАКО И ДОБРЫЯ ПОЛКИ БЕЗЪ ДОВАГО КНЯЗЯ ПОГИБАЮТЬ. ГУСЛИ БО СТРОЯТСЯ ПЕРСТЫ, А ТѢЛО ОСНОВАЕТСЯ ЖИЛАМИ, А ДУВЪ КРѢПИТСЯ МНОЖЕСТВОМЪ КОРЕНІЯ: ТАКО И ГРАДЪ НАШЪ КРѢПИТСЯ ТВОЕЮ ДЕРЖАВОЮ: ЗАНЕ КНЯЗЬ ЩЕДРЪ ОТЕЦЪ ЕСТЬ ВСѢМЪ; СЛУЗИ БО МНОЗИ ОТЦА И МАТЕРИ ЛИШАЮТСЯ И КЪ ШЕМУ

привыкають. Добру бо господину служа, дослужится свобода; а злу господину служа, дослужится болшиа работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозъ дубрабы, напоюще не токмо чловѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, велкъ берегъ имуще каменны не лза пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезь солонъ. Не имъй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: Тигнь бо его яко огонь трепетицю наклады, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, по отъ искры не можешъ устрещися жжения портъ. Княже, господине мой! не лишн хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ камиъ сосудъ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки наволочитое зголовье, соломы патгано. Господине мой! не зри видниная моя, но зри внутреная: азъ бо одьяниемъ емъ скуденъ, но разумомъ облененъ; юнъ возрастъ имью, а старъ смысломи; быхъ мысляю яко огель паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капиа языка моего, да накаплотъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ; якоже рече Давидъ. Сладка словеса твоа наче меда устомъ моихъ; Соломонъ рече словеса добра напоютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному. Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не льпнися по немъ ити. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣвие умныхъ, нежели безумныхъ наказыше. Дай премудру виану, премудрѣ будетъ. Не съи бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни ориють, ни съютъ, ни въ житницы содырають, но сами ся рожаютъ. Какъ во утель мѣхъ воду лнги, такъ безумнаго учити; несмъ и свинямъ не-

надобно злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разспити, ни безумна наказати. Дѣти бѣгають урода, а Господь пьяного чловѣка. Коли пожретъ синица орла, коли каменн восплыветъ по водѣ, коли свиня почнетъ на бѣлку лалти, тогда безумный умъ научится. Или ми речеши: отъ безумия ми еси молвилъ: то не видаль еси неба польстiana, ни звездъ латовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. Или ми речеши: солга ми еси аки песь: доброто бо пса князи и боляре любить. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать, аще быхъ умель украсти, толико бы не скорѣхъ. Дѣвица погубляетъ красоту свою владнею, а мужъ мужество свое татьбою. Княже мой господине не море топить корабли, но ветри; а не огонь творить разжжение желѣзу, но надымание мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многя въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думается, и малаго стола лишень будетъ. Глаголетъ бо въ мискахъ прычашъ не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ потопыръ, а не мужъ въ мужѣхъ, ктѣмъ своя жена владѣтъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа владѣтъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити. Дивне дива, кто поймаеть жену злообразну, привытка радн. Некогдаже видѣхъ жену злообразну, привычюще къ зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей не зри въ зеркало, видѣвши печаль приниши себѣ. Зане большую печаль приниши себѣ. Или речеши: женися у богата теста, чти дѣля, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена повяти: волъ бо не молвить, ни зла мыслить; а злая жена бѣема, бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осуждаеть. Что есть

ЖЕНА ЗЛА? ГОСТИНИЦА НЕУСЫПАЕМАЯ, КУПИНИЦА БѢСОВСКАЯ. ЧТО ЕСТЬ ЖЕНА ЗЛА? МИРСКІЯ МЯТЕЖЬ, ОСЛѢПЛЕНИЕ УМУ, НАЧАЛНИЦА ВСЯКОЙ ЗЛОБѢ, ВО ЦЕРКВИ БѢСОВСКАЯ МЫТНИЦА, ПОБОРНИЦА ГРѢХУ, ЗАСАДА СПАСЕНІЮ. АЩЕ КОТОРЫЙ МУЖЪ ПИЩЕТЪ СМОТРИТИ НА КРАСОТУ ЖЕНЫ СВОЕЙ И НА ЕЯ ЛАСКОВАЯ СЛОВЕСА, А ДѢЛЪ ЕЯ НЕ ИСПЫТАЕТЪ: ТО ДАЙ БОГЪ ЕМУ ТРИСЦЕЮ БОЛѢТИ. Но по сему раз-смотрите злу жену, иже речеть мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обвоумираю, и возрождать мя уды тѣла моего. Послушайте жены слова Апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у церкви стоятъ молящеся Богу и святыи Богородицы; а чему ся хотите учти, и вы учитесь въ домѣхъ у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо оврѣсти добрыхъ женѣ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаль; а зла жена люта печаль, изощаніе дому. Червь бо древо глѣть, а злая жена домъ мужа своего теряеть. Лучи есть во утлѣ лодѣ по водѣ вѣдти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодѣя порты помощь, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити; или желѣзо варити: желѣзо уварити, а злы жены не научити; злая бо жена ни учени слушаетъ, ни Бога боитъ, ни людей стыдится, но вся угоряетъ и вся осужаеть. Что лва злѣе въ четвероногихъ? и что зміи лютейши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли волши женскія злобы: женою бо сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рай; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради Пророка Данила въ ровъ вверже, и львы ему

нози лизаху. О злое орудіе, остро дьяволе! Нѣкоему же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати, люди же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будетъ родилси въ матеръ, и они возрастше, меня продадутъ. Еще возвратимся на передняя словеса. Азъ во, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философѣ научилси, но выхъ яко падаѣя пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвенный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ Божіа промысла. Си суть словеса, да не уже много глаголю.—

Си словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніе на Бѣль озерѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбагемъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сѣ написаніе, и повелъ Данила свободити отъ горкаго заточенія.— Не отмай безумному прямо безумія его, да не подовенъ ему будещи. Уже во престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытити; да не возненавидѣнъ буду миру со мноюю вѣстою. Якоже во птица учащаеть пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываеть. Глаголетъ бо въ мирскихъ притчахъ: рѣчь продолжена недобро, продолжена паволога. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломону, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся челоуки подъ руку его. Лютъ въснующемуся дати ножъ, а лукавому власть. Паче всего ненавижъ сторонника перетерплива. Аминь.

СРЪЗАНІЕ

О

МАШАЕВОМЪ ПОБОИЩЪ.

Текст сказанія о Мамаевомъ побитіи напечатанъ
здѣсь по списку XVIII вѣка, сообщеннаго мнѣ Н. П.
Морозовымъ.

С К Р А З А Н И Е

0

М А М А Е В О М Ъ П О Б О И Щ Ъ .

Се повѣдай, Уранъ, намъ повѣсть како случися на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными Татары, како возвыся Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же и тогда Гедьономъ Мадиамъ изложи, и православнымъ Моисеомъ Фараона. И нынѣ подобаетъ вѣдати намъ величье Божіе, како творить Господь волю боящимся его, и како посови Господь Богъ православному, Великому Князю Дмитрію Ивановичю Владимірскому надъ безбожными Татары. Дѣла же того поупущениемъ Божиимъ, отъ наученія дьяволя, воздвигся царь отъ восточныхъ странъ, именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый, христіанскій ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его дьяволъ подстрекаяй, иже всегда пакости дѣетъ христіаномъ, и наустя его разорити православную вѣру всему христіанству, да не славится въ нихъ имя Господне въ людяхъ тѣхъ. Господь что хошетъ, то и творить. Тойже безбожнѣйшій царь Мамай нача завидѣти первому Батыеви, и второму безбожному Батюю, и нача испытывати старыхъ Татаринъ: како Батый пленилъ Кіевъ, и Володиміръ, и всю землю Русскую? како уби Князя Юрія Дмитріевича, и мнози православные Князи извѣ? Како мнози монастыри плѣни и оскверни вселенскую пречистую церковь, разграби злато? И

Т. I. Ч. IV.

бысть ослѣвленъ очима. Тогоже не разумѣша нечестивый, яко Господу годъ, тако да и будетъ, якоже во многы дни Іерусалимъ плененъ бысть Титомъ, а потомъ мерскимъ царемъ Навходоносоромъ Вавилонскимъ за ихъ согрѣшеніе. Но не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ. Слышавъ же безбожнѣйшій царь Мамай то отъ Татаръ, нача дьяволомъ палимъ быти непрестанно, ратуя на христіанство, нача глаголати ко своимъ Евнамъ и Княземъ и воеводамъ: яко нехошу азъ тако творити Руси, како Батый; азъ Князей ихъ изведу; а которые государи красные, тѣхъ хошу вѣдати тѣхъ и безмятежно. Но рука Божія высока. По малехъ же днѣхъ, по глагоলেখъ его, царь Мамай перевезеся великую рѣку Волгу со всеми силами своими и многи орды совокупи съ собою и глаголя имъ: «Се обогатите Рускыи златомъ.» И пойдъ на Русь, сердитую яко левъ, пылая яко неуголимая ехидна. Дойдеже до усть рѣки Воронежа и распустя облаву свою. Заповѣда улусникомъ своимъ: «Яко да ни единъ у васъ панеть хлѣба: будите готови на Русскую землю на хлѣбъ!» Слыша же то Олегъ Рязанскій, яко царь Мамай близъ кочуетъ, а идетъ на Русь ратію, стоятъ на Воронежъ; а идетъ на Великаго Князя Дмитрія Ивановича. Бысть же у Олга Князя Рязанскаго скл-

9

дость ума во главѣ, и сатана ухиревше вложи въ сердце его; нача посылати послы къ Мамаю царю со мноюю честию и дарами; ярлыкъ же свой писа къ нему сице: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ Олегъ Рязанскій. Слышахъ ты господина моего милостива, хочещи иди на Русь, на своего посаженника и служебника, на Князя Дмитрия Московскаго, огрозитися ему хочещи; нынѣ же, господине, приспѣ время есть, злата и богатства наполни земля его. И тако во вѣмъ, всесвѣтлый царю, яко кротокъ есть человекъ Дмитрій; егда же услышишь и имя ярости твоея, то отвѣжишь отъ тебя въ дальний утекъ, гдѣ есть мѣсто пусто и неключимо; злато же и богатство все будетъ во твоихъ рукахъ. Меня же, раба твоего, царю, держава твоя пощадитъ; азъ бо ти Русь велики утрашу и Князя Дмитрія. Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и твоимъ именовъ погрожу ему; а онъ о томъ не радеть; еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о томъ о всемъ молю тя, царю, не презри моления моего.» Ярлыкъ списавъ, посла же не пославъ, но посла посольство къ великому и ведеръчивому и къ вельбунному Олгерду Литовскому, смысливше худымъ своимъ умоумъ, и писа грамату сице: «Великому Князю Олгерду Литовскому Олегъ Рязанскій пишу радоватися. Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго Князя Дмитрія изгонити его, а Москвою владѣти: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великій царь Мамай идетъ на него и хочетъ плѣнити землю его. Нынѣ же приложимся и мы къ нему, да тебѣ дастъ Москву и иные присяжные грады, а мы Коломну и которые вблизи Мурема и Володимира. Ты же и азъ пошлемъ послы къ нему и дабы блико имать какіе, и пиши грамату къ нему, блико самъ въси паче мени. Азъ же писавъ, но не послахъ, хощу единаго съ тобою и жду твоего посла.» Приидеже посоль и вдасть гра-

мату Олгерду отъ Олега. Олгердъ же прочеть грамату, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олега великою похвалою. Посла посоль свой ко царю съ дары безчисленны, и грамату писавъ къ нему сице: «Великому восточному царю Мамаю Князь Олгердъ Литовскій многу милость. Слышавъ, господине, хочети улусъ свой казнити и Московскаго Князя Дмитрія, того ради молю тя, царю, яко онъ обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мы тако же пакостя дѣя; по молвѣмъ ты оба. Да при державѣ царствия твоего идишь твое смотрѣние нашу грубость отъ Московскаго Князя Дмитрія. Все же глаголють лестно на великаго Князя Дмитрія, и ркучи въ себѣ: егда услышишь имя твое цареве и нашу присягу къ тебѣ: то отвѣжишь въ великии Новградъ, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь же придетъ, не имей кто его сряще. Царь же возвратится, и мы и княжение Московское раздѣлимъ кто къ Виленъ, шной къ Рязань. И и вѣдаемъ, яко царь имаеть ярлыкъ дати намъ и родомъ нашимъ.» Но сами ся невѣдають, что глаголють, яко не смыслени и млади умоумъ, акы не вѣдуще Божия силы и владычныя смотрѣния. Богъ даетъ власть, ему же хочеть. Но истинне бо рече: аще кто держится добродѣтели, то не можетъ безъ многихъ враговъ быти. Князь же Дмитрій Ивановичъ образъ смиренномудрія нося и смиренія въ высокихъ ищетъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совѣщаша на него, ближнии его. О таковыхъ бо рече Пророкъ: не помысли ближнему своему зла, тебѣ не постыгнетъ. Той же пакы рече: изрыи яму, самъ впадется въ юю. Приидоша же послы по реченному словеси отъ Олгерда Литовскаго и отъ Олега Рязанскаго къ великому царю Мамаю и дары многи честныя вдаша ему и граматы писавы. Безбожнѣй же возрѣвъ писанія и рече: «послушаемъ сие писаніе.» И нача думати со воеводы своими; они же

РАЗУМЬША, ЯКО ПРИЛЪЖНО ПИСАНІЕ ИХЪ. И РЕЧЕ ЦАРЬ: «АЗЪ ЧАЯХЪ, ЯКО ВО ЕДИНО СОВОКУПЛЕНИ БУДУТЬ НА МЯ; НЫНѢ ЖЕ РАЗУМЬЮ, ЯКО РАЗНОСТЬ МЕЖДУ ЦХЪ ВЕЛИКА ЕСТЬ. ИМАМЪ УБО НА РУСЬ БЫТИ.» ПОСЛОВЪ ЖЕ ТѢХЪ ЧЕСТВОВАХЪ, ОТПУСТИ ИХЪ, А ПИСАНІЕ ПИСА ОЛГЕРДУ ЛИТОВСКОМУ И ОЛЕГУ РЯЗАНСКОМУ: «ЕЛИКО ПИСАСЯ КО МНѢ, ПОЗНАХЪ, А НА ДАРѢХЪ ВАШИХЪ ХВАЛЮ ВАМЪ. КОЛИКО ХОЩЕТЕ РУССКІЯ ВОТЧИННЫ, ТѢМЪ ВАСЪ ОДАГО; ТОКМО ПРИСЯГУ КО МНѢ ИМЪЙТЕ; НЫНѢ ЖЕ СРЪТІТЕ МЯ СЪ СВОИМИ СИЛАМИ, ГДѢ УСПЕТЕ, ДА ОДОЛЪЕТЕ СВОЕГО НЕДРУГА, А МНѢ ВАША ПОСОБЪ НЕДОБРЪ НАДОБНА. АЩЕ БЫ ХОТѢЛЪ, ТО И СВОЕЮ СИЛОЮ ДРЕВНІЙ ІЕРУСАЛИМЪ ПЛЪНИЛЪ БЫХЪ. НО ЧТИ ВАШЕЯ ХОЩУ, А МОИМЪ ИМЕНЕМЪ И ВАШЕЮ РУКОЮ РАСПУЖЕНЪ БУДЕТЬ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МОСКОВСКІЙ, ДА ОГРОЗИТСЯ ИМЯ ВАШЕ ВО СТРАНАХЪ ВАШИХЪ. А МНѢ БО ДОСТОИТЪ ПОБѢДИТИ ЦАРЯ СЕБѢ ПОДОБНА И ДОВЛѢТЬ МИ ЦАРСКА ЧЕСТЬ. СИЦЕ КНЯЗЕМЪ ОВЪНІМЪ РЦЫТЕ.» ПОСЛЫ ЖЕ ВОЗВРАТИШАСЯ КЪ НИМЪ, И ПОВѢДАНА, ЯКО ЦАРЬ ЗДРАВІТЬ, ВЕЛИКИ ХВАЛІТЬ. ОНИ ЖЕ ВОЗРАДОВАШАСЯ О СУЕТВѢМЪ, ПРИВѢТЬ СКУДНЫМЪ СВОИМЪ УМОМЪ, ЧТО УБУ СІХЪ НАРЕКУ. АЩЕ БЫ ВРАЗИ БЫЛИ СЕБѢ: ТО ОСОБНУЮ БРАНЬ СОТВОРИЛИ, НЫНѢ СИ ГЛАГОЛЫ ЧТО ЕСТЬ ЕДИНА ВѢРА И ЕДИНО КРЕЩЕНІЕ, А ПОГАНОМУ ПРИЛОЖИЛИСЯ И ВКУПЪ СЪ БЕЗБОЖНЫМЪ ХОТЯТЬ ГОНИТИ ПРАВОСЛАВНУЮ ВѢРУ. О ТАКОВЫХЪ РЕЧЕ ПАТЕРИЦЪ: ПО ИСТИННѢ БО ОТСВѢОШАСЯ СВОЕЯ МАСЛИНЫ И ПРИСАДИШАСЯ КЪ ДИКОЙ МАСЛИНѢ. И ТАКО СИ БЕЗБОЖНЫИ ОТВЕРГОШАСЯ ВѢРЫ ХРИСТИАНСКІЯ, ПРИЛЪПІШАСЯ КЪ БЕЗБОЖНОМУ. ОЛЕГЪ ЖЕ НАЧА ПАЧЕ ПОСВѢЩАТИ И СЛАТИ ПОСЛЫ КЪ МАМАЮ ЦАГЮ, И РЕЧЕ: «ПОВИЗАЙСЯ СКОРО.» О ТАКОВЫХЪ БО РЕЧЕ ПИСАНІЕ: О НЕРАЗСУЖЕНІЯ ПУТИ БЕЗЗАКОННЫХЪ НЕ СЛЮЮТЬ, НО СБИРАЮТЪ СЕБѢ ДОСАДУ И ПОНОСЪ; ПРАВЫХЪ ЖЕ ПУТЕ СЛЮЮТЬ. НЫНѢ СЕГО ОЛЕГА НАРЕЧЕ ВТОРАГО СВЯТОПОЛКА.

СЛЫШАВЪ ЖЕ ТО КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ, ЯКО ГРЯДЕТЬ НА НЕГО БЕЗБОЖНЫИ ЦАРЬ МАМАИ, И НЕ УКЛОНЯМАЯ

РАТЬ НА ХРИСТОВУ ВѢРУ, ПОРЕВНОВАВЪ НЕИЗГЛАГОЛАННОМУ БАТЬЕВИ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ОНЕЧАЛИВСЯ ВЕЛМИ ОТЬ БЕЗБОЖНАГО НАХОЖДЕНІЯ И СТАВЪ ПРЕДЪ ИКОНОКУ, ИЖЕ СТОИТЬ ВЪ ВОЗГЛАВІИ ЕМУ И ПАДЪ НА КОЛѢНО, ПОКЛОНІВСЯ, НАЧА МОЛИТИСЯ ПРЕДЪ ОБРАЗОМЪ И РЕЧЕ: «АЩЕ, ГОСПОДИ, СМЪЮ МОЛЮТСЯ СМІРЕННІЙ РАБЪ ТВОИ, ПРОСТРИ УНЫНІЕ МОЕ, НА ТЯ УНОВАЮ, БОЖЕ МОИ, РАЗВЕРЗИ, ГОСПОДИ, НЕЧАЛЪ МОЮ! ТЫ БО ЕСИ СВИДѢТЕЛЬ НАМЪ, ВЛАДЫКО! НЕ СОТВОРИ НАМЪ, ЯКОЖЕ ОЦЕМЪ НАШИМЪ, ЯКОЖЕ НАВЕДѢ НА ГРАДЪ НАШЪ ЗЛАГО БАТІЯ И ЕЩЕ ТОТЪ СТРАХЪ И ТРЕПЕТЪ ВЪ НАСЪ ВЕЛИКЪ ЕСТЬ. НЫНѢ ЖЕ, ГОСПОДИ, НЕ ДО КОВЦА ПРОГНѢВАЙСЯ НА НЫ; ВЪМЪ БО, ЯКО МЕНЯ РАДИ ГРѢШНАГО ХОЩЕШИ ИСТРЕБИТИ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. АЗЪ БО СОГРѢШИХЪ ПРЕДЪ ТОВОЮ ПАЧЕ ВСѢХЪ ЧЕЛОВѢКЪ. СОТВОРИ, ГОСПОДИ, РАДИ СЛЕЗЪ МОИХЪ МИЛОСТЬ СВОЮ И УКРѢПИ СЕРДЦЕ МОЕ КО СВѢРЪШОМУ, ЯКОЖЕ. ВЪЗВЪИ ВОЗВЫСИВСЯ И РЕЧЕ: НА ГОСПОДА УЛОВАХЪ И НЕ ИЗНЕМОГУ.» И ПОСЛА ПО БРАТА СВОЕГО ПО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА; ОНЪ ЖЕ БЪ ВО СВОЕЙ ДЕРЖАВѢ БОРОВСКЪ И ПОСЛА ПО ВСЯ ВОЕВОДЫ, И ПО МѢСТНЫИ КНЯЗИ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПРИВЪХАВЪ БОРЗО ВО ГРАДЪ МОСКВУ И МНОЗИ КНЯЗИ И ВОЕВОДЫ СЪБѢХАШАСЯ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ПОИМЪ БРАТА СВОЕГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА, ИДЕ КО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ КИПРИЯНУ И РЕЧЕ: «ВЪСИ ЛИ, ОТЕЧЕ, ГОСПОДИНЕ, НАСТОЯЩУЮ БѢДУ НА НАСЪ, ЯКО ЦАРЬ МАМАИ ИДЕТЬ НА НАСЪ ВЪ НЕОУКРОТНМЪ ОБРАЗѢ И ЯРОСТИ.» ПРЕСВЯЩЕННЫЙ ЖЕ МИТРОПОЛИТЪ КИПРИЯНЪ РЕЧЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ: «ПОВѢЖЕ МѢ, ГОСПОДИНЕ, ЧѢМЪ ЕСИ НЕИЗПРАВИЛСЯ КЪ НЕМУ?» КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ РЕЧЕ: «ИСПРАВИЛЪ БО СЯ, ОТЕЧЕ, ВСѢМЪ ДО ВЕЛИКА КЪ НЕМУ, НО УСТАВУ ОТЕЦЪ СВОИХЪ; НО ЕЩЕ И ВОЛЕ ТОГО ВОЗДАХЪ ЕМУ.» ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЖЕ МИТРОПОЛИТЪ РЕЧЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ: «ВИДИШИ ЛИ, ГОСПОДИНЕ, ПОПУЩЕНІЕМЪ БОЖИИМЪ, НАШИХЪ РАДИ ГРѢХОВЪ, ИДЕТЬ ПЛЪНИТИ ВЪ

Рускую землю. Но вамъ подобаетъ Русскимъ Княземъ тѣхъ утолити ради крестьянскаго роду четверицею стубою, дабы не разрушилъ христовы вѣры. Аще ли не смирится: то Господь гордымъ противится, писано есть, а смиреннымъ благодать даетъ. Господь Богъ смиритъ его, якоже иногда случися великому Василию въ Кесарии. Идый на него злый преступникъ изъ Персь, хотя разорити градъ его; онъ же помолися Богу со всеми Христіяны, и собраша злата много, дабы отступника утолити. Онъ же болѣе возярився, и Господь посла на него война своего Меркурия: онъ же уби гонителя мечемъ невидимо. Нынѣ же возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему.» Еще Князь Великій Дмитрій Ивановичъ слышавъ отъ Митрополита, иде съ братомъ своимъ въ казну свою и вземъ злата много, нача избирати юныхъ отъ двора своего, и избра юношу доволна смысломъ, имянемъ Захарію Тошкова, и давъ ему два толмача, умьющу языку Татарскому и злата много отпусти съ нимъ ко Царю. Захарія же долде до земли Рязанскія, и слышавъ то, яко Олегъ Рязанскій и Олегъ Литовскій приложилися къ Мамаю Царю, и посла къ Великому Князю тайно посла. Князь же Великій слышавъ то съ братомъ своимъ, начаша сердцемъ двизатися, оба ярости и горести наполнивша, ставъ нача молитися: «Господи Боже мой, на тя надѣюся въ правду, ты во еси волю твориши любящимъ тя; аще ми врагъ пакости дѣя, то подобаетъ ми противу его итти, яко сконци есть врагъ христіанству. Но съ нимъ друзи мой и ближнии мой тако на мя умыслиша. Суди, Господи, по правдѣ между ихъ и мною, азъ бо ни единого зла сотворихъ имъ, развѣ чти и даровъ отъ нихъ пряхъ, имъ и воздахъ. Но суди, Господи, по правдѣ моею, да не скончается злоба грѣшныхъ.» Повѣ же брата своего Князя Владиміра и иде вѣдруге къ Пре-

освященному Митрополиту Кипріану, повѣдай ему, какъ приложилися и совокупилися съ Мамаемъ. И рече Преосвященный Митрополитъ Кипріанъ: «То и самъ паки, Князь, еже въспкою обиду сотворилъ еси имъ?» Князь же Великій прослезився, рече: «Азъ есмь, господине, грѣшный человекъ предъ Богомъ, а къ нимъ ни единою чертою не преступихъ по отечъ своихъ уставу, но и самъ, отче всси, яко доволенъ есмь отчиною своею. Но къ нимъ кою обиду сотворилъ, не вѣмъ; что ради умножимися стужающей мнѣ?» Преосвященный же Митрополитъ рече къ Великому Князю: «Просвети, господине, очи свои веселемъ. Ты самъ, господине, разумѣши законъ Божій. Кто творяй правдѣ, неподвижутся на него человекъ, яко праведенъ Господь и правду возлюбъ: нынѣ обыдоша, аки вси мнози; пустошныхъ суетно и тщетно поучаются Ты же именемъ Господнимъ противися итти, и Господь правдивъ будетъ ти помощникъ; аще ли ни, то отъ всевидящаго ока его гдѣ можеша укрытися и отъ крѣпкія руки его?» Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ Княземъ Владиміромъ и со всеми Русскими князи и воеводы, яко уставити стражу тверду, и послаша на сторожу крѣпкаго юношу Родіона Ржевскаго, Якова Усатаго Андреева сына, Василия Тулика, и повѣль имъ вхати близъ орды и до быстрья Сосны, повѣль имъ языка добывати, дабы истинно слышали царева хотѣнія. Граматы же разославъ Князь Великій по всѣмъ градомъ, да будете готови на брань и свирятеся на Коломну битися съ безбожными Татари. Все бо на мя собираеша супостати, но помощю Божіею и молитвами святыя Богородица, изыдемъ имъ во срѣтѣніе. Сторожи же въ поле замедлиша, онъ же другія сторожи посла и повѣль имъ вскорѣ возвратитися, а посла Климентя Полянника, да Ивана Свяслова, да Григорія Судока и иныхъ много съ нимъ. Они же срѣ-

тоша Василія Тупица, еще близъ Оки рѣки везуще языкъ къ Великому Князю. Языкъ же повѣда Великому Князю, яко не ложно идетъ Царь на Русь, совокуився со многими ордами и еще съ нимъ совокупился Олегъ Рязанскій и Олегъ Литовскій. Не слышавъ бо Царь того дѣла, яко осени ждеть, хоцетъ быти на Русскія хлѣбы. Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ слышавъ неизложное таковое востаніе безбожныхъ и нача утѣшати о Бозѣ, укрѣпляя брата своего Князя Владимира и всѣ Русскіе Князи, ркучи имъ тако: «Братія моя, Русскіи князи и воеводы и бояря, гнѣздо есмь Князя Владимира Киевскаго, иже изведе насъ отъ страсти Еллинскія; ему же откры Господь православную вѣру, якоже оному страплату и паки опъ же заповѣда намъ ту вѣру крѣпце держати и поборати по ней; но азъ, братіе, за вѣру христіанскую готовъ есмь умерети.» И рече Князь Владимиръ Андреевичъ и вси Русскіе Князи: «Воистинну, господине, законную заповѣдь крѣпко совершаеши, и святому Евангелію послѣдуеши. Писано бо есть, аще кто постраждетъ за имя мое, азъ упокою его. Мы же, господине готовимся умерети и главы своя сложити за святія церкви и за Христову вѣру и за твою обиду Великаго Князя.» Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ слышавъ отъ брата своего и отъ всѣхъ Русскихъ Князей, яко дерзають и поворають по православной вѣрѣ Христовѣ. Князь же Великій рече всѣмъ Князямъ и воеводамъ: быти на Успіиіе святѣй Богородицы на Коломну; яко да преберете полки и дамъ коемуждо полку воеводу. Въ тоже время присидѣли Князи Бѣлозерскіи подобни суть воиномъ крѣпкимъ, велими досившии и кони воински наряжены подъ ними; приде Князь Феодоръ Семёновичъ Бѣлозерскій, Князь Семёновъ Михайловичъ, Князь Андрей Кемской, Князь Глебъ Пороцскій. И придоша Князи Ярославскіе со

всѣми силами: Князь Андрей Ярославскій, Князь Романъ Прозоровскій, Князь Левъ Серпуховскій, Князь Дмитрій Ростовскій и иные многие Князи.

Уже бо, братіе, не стужъ стужитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ, стужитъ рать Великаго Князя Дмитрія Ивановича. Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ поехъ съ собою Володимира Андреевича и вси Князи Русскіи пресловенни и иде ко Живоначальной Троицѣ ко отцу своему Сергію Преподобному и благословеніе получи отъ всей обители святыхъ, и моли Преподобный Сергіи его, дабы слышалъ Князь Великій литургию святую. Присѣже день воскресенія на память Св. Флора и Лавра. По отпустѣ же святой литургии, моли его святой со всею братією, дабы вкуспилъ хлѣба святого. Великому Князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, яко сближають поганые, и моли святого Сергія, дабы ему ослабилъ. И рече ему Преподобный старецъ: «Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ. Но уже бо ти, господине, еще внець сея победы носити и минувшихъ лѣтъхъ, а инымъ симъ многимъ плетутся вѣдцы.» Князь Великій вкуспилъ хлѣба ихъ. О нѣже въ то время повелѣ воду освящати съ мощми святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь Великій скоро отъ трапезы воставъ. Преподобный же окропи его священною водою и все христоволюбивое войско его, и дасть Великому Князю крестъ Христовъ знаменіе на чель. Онъ же ему рече «Елико ти дозаветь твоему Государству, что ти будетъ пригоже; и рече ему Князь Великій: «Дай ми, отче, два стара мниха воеводы отъ полку своего: то и ты съ нами пособствуй. И рече ему преподобный старецъ: «О кихъ, господине?» Рече же ему Князь Великій о двою братехъ Брянскихъ, боярехъ Пересвѣтъ и братъ его Ослабъ. Преподобный же повелѣ имъ вогрзе готовитися. Они же, яко вѣдоми суть ратници, послушаніе

ОКОРО СОТВОРИША; ПРЕПОДОБНЫЙ ЖЕ СЕРГИИ ДАСТЬ ЖЕ ИМЪ ОТЪ ТЛЪННЫХЪ ОРУЖИЕ ВМѢСТО НЕТЛЪННЫХЪ, И МНОГО ТВЕРДЪ ДОСПѢХЪ КРЕСТЬ ХРИСТОВЪ НАШИТЬ НА СХИМЪ. И ПОВЕЛЪ ИМЪ ВМѢСТО ДОСПѢХА ВОЗЛАГАТИ НА СЕБЯ, И ДАСТЬ ИХЪ ВЪ РУЦЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И РЕЧЕ ЕМУ: «СЕ ТИ ОРУЖИИЦЫ, А ТВОИ ИЗЛЮБЛЕННИЦЫ.» И РЕЧЕ ИМЪ: «МИРЪ ВАМЪ, БРАТІЯ МОЯ, ПОСТРАЖДЕТЕ, ЯКО ДОБЛИИ ВОИНИ ХРИСТОВИ.» И ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ ДАСТЬ ХРИСТОВО ЗНАМЕНИЕ, И ДАСТЬ ИМЪ МИГЪ, И БЛАГОСЛОВЕНИЕ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ОБВЕСЕЛИСЯ СЕРДЦЕШЪ, НЕПОВѢДА НИ КОМУЖДО, ЕЖЕ РЕЧЕ ЕМУ СТАРЕЦЪ, И ПОЙДЕ КО ГРАДУ СВОЕМУ МОСКВЪ, АКИ НЪКОЕ МНОГОЦѢННОЕ СОКРОВИЩЕ ОБРЪТЕ, РАДУЯСЯ О БЛАГОСЛОВЕНИИ СТАРЦА. ПРИДЕ ЖЕ ВО ГРАДЪ МОСКВУ, ПОИТЬ БРАТА СВОЕГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА, И ИДЕ КО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ КИПРИЯНУ И ПОВѢДА ЕДИННОМУ МИТРОПОЛИТУ, ЕЖЕ РЕЧЕ ЕМУ СВЯТЫЙ СТАРЕЦЪ, И КАКО ДАСТЬ ЕМУ БЛАГОСЛОВЕНИЕ. ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЖЕ МИТРОПОЛИТЪ РЕЧЕ ЕМУ: «НИКОМУ ЖЕ, ГОСПОДИНЕ, НЕПОВѢДАЙ СЕГО!» КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ ИДЕ ВЪ ЛОЖНИЦУ СВОЮ, ЯКО ЖЕ ВЕЧЕРУ СУЩУ. ПРИСПѢВШУ ЖЕ ДНИ ЧЕТВЕРТКУ, МѢСЯЦА АВГУСТА ВЪ 22 ДЕНЬ, НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ АРАФОНИКА И ЛУПЦА, ВОСХОТЬ УЖЕ ИЗЫТИ, КНЯЗЬ ЖЕ ДИМИТРИЙ ПРОТИВУ БЕЗВОЖНЫХЪ ТАТАРИНЪ, И ПОИТЬ БРАТА СВОЕГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА, И ИДЕ ВЪ ЧЕРКОВЬ СВЯТЫЙ БОГОРОДИЦЫ, СТАВЪ ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ ГОСПОДИМЪ И СОГНУВЪ РУЦЪ СВОИ КЪ ЧЕРЕМЪ, И РЕЧЕ ВО УМИЛЕНИИ СЕРДЦА, СЛЕЗЫ ОТЪ ОЧНО ЕГО, ЯКО ИСТОЧНИКИ ПРОЛИВАЮЩЕСЯ, ГЛАГОЛЯ: МОЛЮТСЯ, ВЛАДЫКО БОЖЕ ПРЕЧУДНЫЙ, СТРАСТНЫЙ, И КРОТОКЪ ВО ИСТИННУ ЕСИ ЦАВЬ СЛАВЫ! ПОМИЛУЙ НАСЪ ГРѢШНЫХЪ И КЪ ТЕБѢ ПРИВЪГАЕМЪ ЕДИННОМУ, КДА УНЫВАЕМЪ ОТЪ СКОРБЕЙ НАШИХЪ, СПАСИТЕЛЮ НАШЕМУ, ТЕБѢ БО ЛЪПО ЕСТЬ ИСПОМОГАТИ И СПАСИ НАСЪ ПОДЪ ТВОЕЮ РУКОЮ БОСЪ. ВЪМЪ, ГОСПОДИ, ЯКО МОЯ СОГРѢШЕНІЯ СОТРОША МИ ГЛАВУ МОЮ, НО ТЕБѢ, ГОСПОДИ, ОСТАВЛЯЮЩЕМУ НАСЪ

НАМЪ ТЕБЯ ВЪЗЫСКАЮЩИМЪ. И ИНАЯ МНОГАЯ ЕМУ ГЛАГОЛЮЩЕ И МОЛЯЩЕСЯ, ПРИИМЪ ПСАЛОМЪ 34 И РЕЧЕ: «СУДИ, ГОСПОДИ, ОБВИДЯЦАЯ МЯ И ВОЗБРАНИ ВОЮЮЩИМЪ СО МНОЮ, ПРИИМИ ОРУЖИЕ И ШИТЬ, ВОСТАНИ ВЪ ПОМОЩЬ МИМЪ, ДА ПОСТЫДЯТСЯ И ПОСРАМЯТСЯ ЯВЛЯЮЩЕ РАБОМЪ ТВОИМЪ ЗЛАЯ; ДАЙ ЖЕ МИ, ГОСПОДИ, ПОМОЩЬ НА ПРОТИВНЫЯ, ДА И ТЪ ПОЗНАЮТЪ СЛАВУ ИМЕНИ ТВОЕГО.» И ПАКИ ИДЕТЬ ПЕРЕДЪ ОБРАЗЪ ЧУДОТВОРНЫЯ ИКОНЫ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ЮЖЕ ЛУКА ЕВАНГЕЛИСТЪ ПИСАЛЪ ПРИ ЖИВОТЪ СВОЕМЪ, И ПАЧА УМИЛНО ВЪЩАТИ КО ПРЕЧЕСТНОМУ ЕЯ ОБРАЗУ, И РЕЧЕ: «О ЧУДОТВОРНЫЯ ГОСПОЖЕ ЦАРИЦЕ, ВСЕГО ЖИВОТА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КОРМИТЕЛЬНИЦА! ТОБОЮ ПОЗНАХОМЪ ИСТИННАГО БОГА НАШЕГО, РОЖДАЮЩАГОСЯ ОТЪ ТЕБѢ; НЕ ДАЙ ЖЕ, ГОСПОЖЕ, ВЪ РАЗОРЕНІЕ ГРАДА НАШЕГО ПОГАННОМУ ЦАРЮ МАМАЮ, НИЖЕ ОСКВЕРНИШИ СВЯТУЮ ТВОЮ ЦЕРКОВЬ. МОЛИ СЫНА СВОЕГО И БОГА НАШЕГО ВЛАДЫКУ, ТВОРЦА И СОЗДАТЕЛЯ НАШЕГО, И ДАСТЬ НАМЪ ГОСПОДЬ РУКУ СВОЮ, СМЕРИТЬ СЕРДЦЕ ВРАГОМЪ НАШИМЪ И НЕ БУДЕТЬ РУКА ИХЪ ВЫСОКА, И СВОЮ ПОМОЩЬ ПОСЛИ, ГОСПОЖЕ, СЪ НАМИ НЕТЛЪННУЮ СВОЮ РИЗУ, ДА ВЪ НЮ ОДЪЕМСЯ И НЕ СТРАШЛИВИ БУДЕМЪ КЪ РАПАМЪ, И МОЛИТВОЮ, ЕЖЕ КЪ СЫНУ СВОЕМУ ПОМОЛВСЯ ЗА НЫ: ЯКО ТВОИ ЕСТЬ РАВИ. ТЫ БО, ГОСПОЖЕ, БОГОМЪ РОЖДЕНА ЕСИ, РОДИТЕЛЯ ЖЪ ТВОЯ ЕДИНАГО АВРААМА, НО ВЪНУЦЫ СЪ НАМИ. ВЪМЪ БО, ГОСПОЖЕ, ЯКО ХОЩЕШИ НАМЪ ДАТИ ПОМОЩЬ НА ПРОТИВНЫЕ ВРАГИ; ОНИ БО НЕ ИСПОВѢДАЮТЪ ТЕБЯ, ВЛАДЫЦЕ, НО АЗЪ НА ТВОЮ ПОМОЩЬ НАДЪЮСЯ И ПОДВИЗАЮСЯ ПРОТИВУ БЕЗВОЖНЫХЪ СЯХЪ, ДА БУДЕТЬ УМИЛЕТЬ ТОВОЮ СЫНЪ ТВОИ И БОГЪ ПАШЪ.» И ИДЕ КО ГРОБУ ВЛАЖЕННАГО ЧУДОТВОРЦА НОВАГО ПЕТРА И ЛЮБЕЗНО РЕЧЕ: «О ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ, ЧУДОТВОРНЫЙ СВЯТИТЕЛЮ! И ПО СМЕРТИ ПОЖИВЪ ЕСИ, ЧУДЕСА ТВОРИШИ НЕПРЕСТАННО; НИНѢ ВО ТИ ПРИСПѢ ВРЕМЯ МОЛИТСЯ ЗА НЫ КО ОБЩЕМУ ВЛАДЫЦЪ ВСѢХЪ; ДНѢСЪ БО ЗЛЫЯ ВЕЩИ НАЛЕЖАТЬ МИ, ПОГАНИ БО ИДУТЪ НА МЯ, НА ПРЕСНАГО РАВА ТВОЕГО, И КРЪВНО ОМОЛЧАШАСЯ НА ГРАДЪ

твой Москву напрасно вооружаются, тебе во Господь прояви последнему роду нашему, вжечь ты светло яко свѣчу на свѣщницѣ, и тебе подобаетъ молиться о насъ, да не придетъ на ны рука грѣшница: ты во правыхъ нашъ еси водитель и страже, яко твоя есмь пастыня.» Скопчавъ же молитву и поклонися Митрополиту: онъ же благослови его и отпусти, и дастъ ему хвалу знамение на чель, пославъ же освященные соборы съ крылосы во градныя врата во Фроловскія врата, Константинскія, Алексѣевскія врата, Никольскія врата съ честными кресты и съ чудотворными иконами, да всякъ же воинъ благословенъ будетъ Князь же Великій Димитрій пойде съ братомъ своимъ въ церковь небеснаго воеводы Архистратига Михаила, и много молився святому образу его и приступихъ ко гробомъ православныхъ Князей, прародителей своихъ, рекущи: «Воистину есте хранители въры, православныя поворицы, аще имаете дерзновения къ Богу молитися о нашемъ унынии: яко велико востаніе приключися намъ, выны убо подвижайтеся съ нами.» Сиречь, взыде изъ церкви.

Княгиня же великая Евдокия и княгини Князя Владимира и иныхъ православныхъ Князей княгини съ воеводскими женами ту стоячи, проводу дѣють, а въ слезахъ заклиная ко сердечному, ни единая не можетъ словеси рещи. Княгини же Великая Евдокия отдасть конечное цѣлованіе Государю своему Великому Князю Димитрію Ивановичю, а въ слезахъ не можетъ слова промолвити. Князь же Великій Димитрій мало удержася отъ слезъ, не прослезивъ бо ся народа ради, а сердцемъ скривно плача, тышаше свою Великую Княгиню и рече: «Но аще Господь по насъ, то кто можетъ на насъ зло помыслити?» и прочал. Княгини и боярыни и воеводскія жены своимъ княземъ и бояромъ отдаша конечное цѣлованіе и возвратишася съ честію.

Князь же Великій Димитрій Ивановичъ вступи во златокованное стрѣмя и сѣде на своего любовнаго коня. Все же Князи и Воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрѣць тихъ и теплъ по нпхъ вѣетъ: уже во тогда яко соколи отъ золотыхъ колодець рвахуся. Выѣхали Князи Бѣлозерскіе изъ каменна града Москвы своимъ полкомъ урядъ: не во полцы ихъ видѣти, яко достовѣтн имъ избивати стада лебедина: въ во храбро воинство ихъ. Князь Великій Димитрій Ивановичъ рече брату своему Князю Владимиру Андреевичю и инымъ княземъ и воеводамъ: «Братія моя милая! не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую.» И говоритъ Князь Владимиръ Андреевичъ: «Господние Князь Димитрій Ивановичъ! воеводы у насъ велики брѣвцы, а Русскіе удалцы свѣдоми, ижыють подъ собою борзы кони, а досыхы ижыють велики тверды, злаченные колаптыри и булатныя байданы, и колчары Фряжскія, корды Лятцкіе, сулицы Немецкія, шиты черленныя, конья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велики свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены хотятъ головы своя сложити за вѣру Христіанскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ отпусти брата своего Князя Владимира Андреевича на Брашево дорогою, а Бѣлозерскіе Князи отпусти Болванскою дорогою, речше Деревскою, а самъ пойде на Котель Спереди ему солнце сияетъ и добрь грѣеть, а по немъ кроткій вѣтрѣць вѣетъ. Не пошла во того дѣля единою дорогою, яко не вѣститися имъ. Княгиня же Великая Евдокия съ своею спохю и иными княгинями и съ воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережній и сѣде подъ южными окны и рече «Уже во конечно зрю на твоя Великаго Князя!» А въ слезахъ не можетъ словеси рещи: слезы бо

отъ очю льются аки рѣчныя быстрны. Воздохнувъ печално и снше рущъ свои къ персемь, и рече: «Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего видѣти славнаго во полцѣхъ, Великаго Князя Дмитрія Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкия руки твоея, да повѣдитъ противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калѣхъ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погвннхъ оставшему Христіянству; отъ той бо рати Русская земля уныла; ни на когоже бо надежи неимамъ, токмо на тева всевидущаго Бога. Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли Князя Василія, да Юрья, но еще и тѣ мали сущѣ. Егда пожити ихъ вѣтръ съ юга или съ запада: то не могу терпѣти, ни на чтоже опираяся, ихъ или зной поразити, такоже имъ погвннхъ; а противу сему что сотворять? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здоровью: то и земля ихъ по здоровью будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.»

Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ поять съ собою отъ Сурожанъ, рече имъ отъ гостей, яко 10 мужей повѣданія ради дальнихъ земель, да аще что случитъ Господь Богъ, тѣже имаютъ вѣдати въ дальнихъ земляхъ, яко гостевницы сущи перва: гостя Василія Капица, Сидора Алферьева, Константина Волкова, Козму Коверю, Семена Кортоноса, Михаила Самарева, Тимофея Весеякова, Дмитрія Чернова, Ивана Шиха, Дементія Сагаева.

Тогдаже возвѣяша силны вѣтры по велицѣй широтѣ, воздвигошеся велицы Князи, а по нихъ Русскіи сынове уславно грядуть, аки медвяныя чашы винны и стевлевинныя ясти. Но не медвяныя чашы пѣти, ни стевлевинныя ясти грядуть: хотять укунити чти и славнаго имени во вѣки земли Рус-

кой, Великому Князю Дмитрію Ивановичю похвалу и многимъ Государемъ. Дивно и грозно бо въ то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо ся поволокою ратныя трубы трувятъ, многогласно во конѣ ржуть. Звѣнитъ слава по всей Русской земли, велико вѣче бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софѣи премудрости Божія, а рѣчи между собою таковое слово: «уже намъ, братіе, на помощь не поспѣти къ Великому Князю Дмитрію; уже бо яко орли слеталися со всей Русской земли, съѣхалися дивныя удалцы, храбрыхъ своихъ бытати.» Не стукъ стучать, не громъ грѣмѣть, но соръ стучать и гремѣть Русскіе удалцы. Князь Володимиръ Андреевичъ возится рѣку на Красномъ перевозѣ въ Боровскѣ, Гнязь же Великій Дмитрій Ивановичъ приидъ на Коломну, на память святаго Отца Монасы Мурина, въ среду, Августа 28 день. И ту быша мнози воеводы и ратницы срѣтоша его на рѣцѣ на Сѣверкѣ. Епископъ же Евонимей срѣте его во вратехъ градныхъ съ честными кресты и съ чудотворными иконами и со вѣсьми крылосы, оградивъ его крестомъ, и молитву сотвори: спаси Боже люди своя и благослови достоянше свое,—всю до конца.

Во утри же день Князь Великій повелъ вѣсьмъ воиодамъ выѣхати на поле Двнчѣхъ и вѣсьмъ людемъ сниматися въ токѣ Августа 29 день на память Успенвенія главы Ивана Крестителя по заутрени. И начаша мнози класи трубъ ратныхъ гласити и варганы бити и стязи ревутъ поволочени въ саду Памѣловѣ; синовеже Рустин наступаютъ поля Коломенскаго, яко немощно въ никому же презрѣти ихъ. Князь же Великій выѣхавъ съ братомъ своимъ и видѣвъ множество людей, возрадосася радостно и обвеселяся сердцемъ, урядивъ коемуждо полку воеводу, а себѣ приимъ Князи Бѣлозерскіе, храбри бо сущѣ въ ратное время; а брату своему

Князю Владимиру дастъ Ярославскіе Князи; съ правую же руку себѣ урядивъ брата своего Князя Владимира Андреевича, а съ лѣвую руку себѣ уряди Князя Глѣба Брянскаго; передовой же полкъ Дмитрій Всеволожь, да Володимиръ братъ его. Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичъ, Володимирскаго же полку воевода Тимофей Волгуевичъ. Костромскаго полку воевода Иванъ Родоновичъ Квашня. Переславской воевода Андрей Сергизовъ. У Князя Владимира воевода Данило Белевуть, да Константинъ Коцоновичъ, Мещерской воевода Князь Ѳеодоръ Елецкій, Муромскій же Князь Юрій и Князь Андрей. Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ урядивъ полки и повелъ за Оку рѣку возитися. Заповѣдавъ же всякому человеку, и рече: «Кто же ни пойдетъ по земли Рязанской и по улусомъ, да никто же не приткнется ни ко единому власу, въ землю ихъ.» Самъ же взявъ благословеніе отъ Блжсѣна Коломенскаго и перевезеся Оку рѣку и посла трехъ сторожей, избранныхъ витязей, и рече имъ: «Нелны своимъ очима видѣтися съ Татарскими полками.» А посла Семена Мелника, да Игнатія Крвня, Фому Твинна, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ съ ними, а посла и рече Князь Великій брату своему Князю Владимиру: «Поспешимъ, братіе, противу безбожныхъ сихъ, не утулимъ лица своего отъ поганыхъ; аще смерть случится намъ, тамо дома живучи едина кому умрети же: отъ смерти бо, братіе, не избыти.» Всякъ же идый путемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Русскіе Князи Бориса и Глѣба.

Слышавъ же то Князь Олегъ Рязанскій, что Князь Дмитрій Ивановичъ собра много рати, и иде во срътеніе безбожному Царю Мамаю, а сердцемъ печально и твердою своею върою крѣпко хоцетъ съ погаными видѣтися, имѣя упованіе на Бога все-

Т. I. Ч. IV.

держителя. Князь Олегъ Рязанскій нача переходити отъ мѣста на мѣсто и глаголати со всеми бояры: «Начальному дѣлу неудобъ быти разумну, аще бо мощно послати ко многоразумному Олгерду таковаго вѣстника, како мыслити намъ; уже бо заступили пути наша; но азъ убо по правиломъ чаяхъ, яко же не подобаетъ великому царю Русскому противу безбожному царю ити. Нынѣ убо что се суждаль? Откуда себѣ помощи чаяти емаль, яко противу трехъ насъ вооружимся?» И рекоша ему бояре его: «Мы слышашомъ, Княже, за осмь дней до сего дни и не смѣли тебѣ повѣдати. Сказывають, есть въ вотчинѣ его калугерь, именовъ Сергій, и святъ и прозорливъ вельми: той-де его благословилъ и вооружилъ противу намъ, да еще де и отъ своихъ калугерь далъ ему пособника.» Слышавъ же то Князь Олегъ Рязанскій, устранивъ сердцемъ и распадоея мыслю, нача молитися Бога и сердитовати на бояре своя: «Почто ми есте ижеже сего дни не сказали, дабы шедъ умолилъ нечестиваго царя, ничтоже бо зла сотворилъ Русской земль; но изгубихъ умъ свой и не азъ единъ оскудѣхъ умомъ: боже меня есть Олгердъ; и тотъ ся продумаль; съ меня же воле его Богъ възыщеть. Онъ бо имѣеть законъ гупниваго Петра, азъ же разумѣхъ истинныя въры законъ, но что гадн зло сотворихъ, того бо ради рече: Аще габъ не соизодеть заповѣди Господина своего, то вѣщъ будетъ. Нынѣ же убо азъ что сотворихъ и которому худому умъ вдахъ себѣ? нынѣ убо что суждаете ми? Приложилъ бы ся къ Великому Князю и поборалъ бы по немъ: то отиуду не приметъ мя; вѣдаеть бо мою измѣну. Аще предложуся царю: то по истиннѣ древній гонитель буду на провославную въру Христову, яко же иногда Святюполка земля жива пожреть мя. Аще ли Господь не нихъ: то кто можеть зло думати на нихъ? Но и еще молитва онаго прозорливаго мнѣе къ

Богу. Или ни единому помощи не сотворю: то впереди како могу отъ обояхъ прожити? Нынѣ же кому Господь поможетъ, къ тому присягу имѣю.»

Олгердь же по уреченному словеси и уроку совокупн Литвы много и Жемогн иже многн и поиде на помощь къ Мамаю царю, приидъ же въ Одобевъ. И слышавъ, яко Олегъ убоявся итти; Олгердь же пребысть въ Одобевъ; не подвижеся пнидъ же и нача размышляти суетныя свои помыслы и впадъвъ совокупленне свое разнo, нача рватися и сердитовати, и нача имати паны своя: елико недостоятъ человеку своего ума и мудрости, то все требовати чужаго ума мудрости. «Николиже Литва хульна отъ Рязани. Нынѣ же изведе мя отъ ума Олегъ Рязанскій, а самъ преже мене погнбъ. Нынѣ убо пребуду здѣ, дондеже услышу повѣду Князя Дмитрия Московскаго.»

Въ тоже время слышавъ Князь Андрей Половецкій и Князь Дмитрій Ярославскій Олгердовичи, что велико належаице Князю Дмитрию Московскому належитъ отъ безбожнаго Царя Мамаля, и рече Князь Андрей Олгердовичъ: «Идемъ и мы съ братомъ своимъ къ Великому Князю Дмитрию на полощъ.» И писавъ грамоту къ брату своему Князю Дмитрию: «Вси ли, брате мой милый, отколъ отецъ нашъ отверже отъ себя, но паче отецъ нашъ небесный присвои насъ къ себѣ и дастъ намъ Господь законъ свой ходити по немъ, отгнни насъ пустошныя суеты, и что воздадимъ ему противу такового дарованія. Скончаемъ, брате, подвигъ добро-подвижнику Христову. Но поидемъ, брате, на помощь къ Великому Князю Московскому: велика бо ему брате, тута належитъ отъ поганыхъ Татаръ; но еще и отецъ нашъ повораецъ по нихъ. А Олегъ Рязанскій привождетъ ихъ на Русь; намъ же поадаецъ проорочество совершити: брате, пособницы бывайте въ вѣдахъ; мы же, братие, то помыслимъ, что намъ отцу противитися. Евангелистъ

Лука рече усты Спасителя нашего: предани будутъ дѣти родителями своими на смерть, и братиею своею и умертвятъ, пляни моего ради; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Но излземъ, братие, отъ плавающей терниа сего и подавляющаго насъ и присадемся истинному винограду плодovitому и христьянскому, дѣтельному рукою Христовою. Нынѣ убо подвизаемъ, братие. Прочетъ же Князь Дмитрій грамоту и нача плакати отъ радости сердца своего и рече «Господи и Владыко животу моему, дай же, Господи, рабомъ своимъ хотѣше совершити всемъ почетнымъ подвигомъ добраго, еже открылъ еси брату моему, своему Князю Андрею: днесъ, Господине, готовъ есми по твоему наказанію и колпко естъ воинства моего, готови вкупе со мною. Божнимъ промысломъ совокупленн быша иныи люди брани дѣля належащія отъ Дунайскихъ Варягъ. Нынѣ же слышашъ, братие, придохъ бо ко мнѣ медокормцы съ сѣвера и кажутъ уже Великому Князю Дмитрию Ивановича быти на Дону, яко ту уже день пребысть, и ту хоцетъ ждати сыроядецъ злыхъ; и подоваецъ ти итти къ сѣверу, и совокупимся ту подъ коимъ путемъ отца своего утаимся, да не возбранитя пашъ трудно.»

По малыхъ же днехъ, снадохася къ желанно два брата со всѣми силами своими и силу свою видѣвше, возрадoвашеся, яко же Юснoвъ съ Веньямипомъ. Видѣвше у себя множество людей и единосердечно уряжене, яко парочитые суть ратницы, присѣвша же на Донъ вбoрзе и пашаша Великому Князю у Дону на брѣзѣ стояща: и ту совокупнишася величые Князи. Князь же Великій Дмитрій съ братомъ своимъ великии возрадoвашеся великой силъ Божии, яко неудобъ быти мочно такому востанію, яко дѣти оставша отца и поугашеся ему, яко же иногда воисви Проду. Князь же Великій Дмитрій многими дарами почтивъ ихъ, вдаху

въ путь свой, радуящися и веселящися о святѣмъ душѣ, земнаго же ничто же помышляюще, но всего отвергошася, чающе себя много времени. Рече бо имъ Князь Димитрій Ивановичь: «Братія милая, коея ради потгевы придоша ко мнѣ; востпнну есте ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лотовы вскорѣ испита и подобни есте доблественному Великому Князю Ярославу, яко той есть отмисти обиду вскорѣ брату своему.» И отославъ Князь Великий ко Преосвященному Митрополиту, и рече: «Олгердовичи придоша ко мнѣ на пособъ со многими силами, отца своего оставиша поруганна.» Скороже вѣстникъ прихаль ко Преосвященному Митрополиту Киприяну. Митрополитъ ставъ предъ образомъ Господнимъ и прослезився отъ радости, нача молитву творити: «Господи владыко человеколюбче, яко сопротивники наши вѣтри на тишину предлагаши.» И пославъ во вся соборы церковные и во обители святыя, повелѣть молитвы творити день и ночь; борзѣе всехъ посла во обитель гуглена Сергия, яко Ангели молитвъ ихъ послушаютъ. Книжныя же Великая Евдокия слышавше толико Божие милосердие и много молитвы сотвориша убогимъ; сама же непрестанно ходяще къ церкви день и ночь. Но се пакы оставимъ. Князь же Великий бывъ на мѣстѣ реченномъ Березѣ, присивъшу же дни четвертку, на память святаго Пророка Захаря, Сентября въ 5 день на память сродника своего убиения Князя Глѣба Владимировича, прихаша два отъ сторожей Петръ Горский, да Барышъ Олексинъ и приведоша языкъ нарочить, яко отъ вельможъ тѣхъ царевыхъ; той же языкъ повѣда Великому Князю, яко уже Царь на Кузминѣ гать, но ожидаеть Олега Рязанскаго и Олгерда Литовскаго, твоего же собрания и срытениа Царь не знаетъ; а три дни имаетъ быти на Дону. Князь же Великий вопроши о силѣ его. Онъ же ре-

че: «Нѣсть мощно никому же вчестисилы его.» Князь же Великий нача думати съ братомъ своимъ и съ новонареченною братиею съ Литовскими Князи: здѣ ли намъ пребыти, или Донъ перевеземся? И рѣкоша ему Олгердовичи. «Аще хоцеши крѣпкаго бою, то повели сего дни рѣку возитися, да не будетъ ти ни единого мыслящаго назадъ; всякъ бѣется везомльствѣ; а великий силѣ его рѣчеть нѣсть вѣровати, яко не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ. Ярославъ перевезеся рѣку, Святополка побѣди и прадедъ твой Александръ Князь перевезеся рѣку, Короли побѣди. И ты, нарекъ Бога, такоже твори. Аще побиемъ воганыхъ, то все живи будемъ. Аще ли онъ насъ побюють, то все же общую смерть примемъ отъ простыхъ людей и до князей. Мы убо, господине, видимъ, яко множество избранцыхъ вѣтъязь въ войску твоёмъ.

Князь же Великий повелѣть вою своему Донъ возитися: сторожи же мнози ускариваютъ, яко близутся Татарове. Мнози же Русские удалцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вжелаша. За многе же дни придоша на то мѣсто мнози волцы, во вся ноци воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрыи полкомъ сердца утвержаеть, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе грають, галцы же своєю рѣчью говорятъ и мнози орли отъ усть Дону присиѣша, дясцы на кости вѣршуть, ждучи дни грознаго, Богомъ извѣстнаго, въ онъже имать настися множества труна человеческаго и кровопролетия, аки морскимъ водамъ. Отъ таковаго страха и отъ великия грозы деревья приклоняются и трава постилаеться, и много овокъ унываетъ, видяще предъ очима смерть. Погани же начаша студомъ омрачатися опогнѣе ли живота своего, правоберни же челоуѣцы паче процвѣтоша, чающе оного совершеннаго обѣтованія и цѣлы красныхъ вѣнецъ отъ Христа Бога

Вседержителя, о нихъ же повѣда пре-
подобный старецъ. Вѣстницы же ус-
коряють, яко вѣжкати погани; уже
бо напрасно приѣже 7 сторожей, въ
6 часу дни въ субботу, приѣже Се-
мень Меликъ съ дружиною своею и
за нимъ гнашеся мнози отъ Татаръ
и то напрасно и безстудно гонишася,
одно о полцы Великаго Князя. Ви-
дѣвше же полцы, возвратишася скоро
ко царю, и повѣдаша ему: Русскіе
Князи ополчишася при Дону многое
множество людей, сколько же видѣ-
ша, а царю въ четверо боля того по-
вѣдаша. Онъ же нечестивый разженъ
бысть диволомъ, напрасно крикнувъ
и рече: «Коль велика сила моя, аще
сего не одолѣю, то како могу возвра-
титься во свояси.» И повелъ напра-
сно вооружатися. Семень же Меликъ
повѣдавъ Великому Князю: «Яко уже
царь бредеть на Гусину вроду; уже
бо одна ночь между ихъ полки и на-
ше, да подобаеть тебѣ Великому Кня-
зю вооружатися сего дни: утре бо ра-
но ускорять на насъ Татарове.»

Князь же Великій Димитрій Ивано-
вичъ съ братомъ своимъ Княземъ
Владиміромъ Андреевичемъ, съ ново-
нареченною братією съ Литовскими
Князи нача отъ шестаго часа полцы
уряживати. Есть же нѣкто воевода
приде съ Литовскими Князи именовъ
Дмитрій Бобровъ, родомъ Волынецъ;
и тотъ въ нарочитый воевода и пол-
ководець великъ, по достойноу полцы
урядити, елико гдѣ кому подобаеть по
достойноу быти. Князь же Великій
поймъ брата своего Князя Владимира
и Литовскіе Князи и воеводы и вся
мѣстныя Князи, выѣха на высокое
мѣсто и видѣ образъ святыи же И-
суса въображенъ христіанскимъ зна-
меніемъ, аки солнце свѣтящеся и стя-
зи ребутъ наволочени простирающе-
ся, аки облаци тихо трещещуци, хо-
теши аки живи пахтѣся, а досѣсь
Русскіе аки воды во вся вѣтри коле-
блѣшася, иже томы на главахъ ихъ зла-
томъ украшени, аки утренняя заря
во время вѣдѣши солнца свѣтящеся,

ловцы же шеломавъ ихъ, аки пламя
огневно пахется. Мысленно бо есть
видѣти, ужасно зрѣти таковыхъ Рус-
скихъ Князей, и ихъ удалныхъ дѣ-
тей боярскихъ собранія и учреждени.
Удивишася же Литовскіе Князи, рку-
чи: «Ни есть быти достойну при насъ,
ни преже насъ, ни по насъ таковому
воинству: много бо множество есть,
якоже Гедеоновыхъ союзницъ, но и
боле того есть: Господь Богъ силою
своею вооруже ихъ.» Князь же Вели-
кій Димитрій Ивановичъ, видѣвъ пол-
ки своя достойно уряжены, обвесели-
ся сердцемъ, и спедъ съ коня паде
на колено прямо великому полку и
черному знамени, на немже въ воо-
браженъ образъ Владыки нашего И-
суса Христа, и нача изъ глубины
сердца звати велегласно: «О влады-
ко Господи Вседержителю, видѣ
смотрялнымъ окомъ на люди своя,
иже твоєю рукою сотворени суть и
внуши, Господи, гласъ молитвы моея,
обрати, Господи, лице свое на нече-
стивыхъ съ яростию, иже злая творятъ
рабомъ твоимъ.» И пна ему много
глаголющу и молящеся.

Скончавъ же молитву и съде на
конь, нача ѣздити по полкомъ со Кня-
зи и съ воеводами и коемуждо полку
рече: «Братія моя милая, Русскія сы-
нове, отъ мала и до велика! уже бо
ночь приспѣ, а день приближися гроз-
ный, всю же ночь вдите и молитесь,
мужайтесь и крѣпитесь. Силенъ бо
во брани Господь и пребудите на мѣ-
стехъ своихъ, немятущеся. Утре во
не поспѣти тако урядитися. Миръ
вамъ да будеть, братія мои: утре во
ускоряють на насъ Татарове, а мы
все готови будемъ противу ихъ.» Бра-
та же своего Князя Владимира Андре-
евича отпусти въ верхъ по Дону и съ
нимъ отпусти известнаго воеводу
Димитрія Бобра Волынскаго. Уже
есть быти противу святоноснаго дни
праздникъ Роджества святей Богороди-
цы; осни же тогда одождившеся
днемъ лѣтнимъ. И бысть же теплота
и тихость въ ноци той и мрацы ро-

снѣ являшеся. Понстивнѣ бо рече: ношъ не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрій Волинецъ Великому Князю примѣту: «Войску же во вечерняя заря потухла.» Дмитрій же сѣдъ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выхавъ на поле Куликово и ставъ посредь обоихъ полковъ, обратився на полки Татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аби торзи снѣмаются, аки города ставятъ, трубы гласяще. И бысть же назадъ Татарскихъ полковъ волцы воють вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галлицы безпреставно кричаше; и бысть великъ трепетъ, птицамъ прелетающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горами и грающе, противу же имъ на гвицъ на Непрядвѣ гуси, и лебеди и утята крилами плещуть необычно и велику грозу подають. Рече же Волинецъ Великому Князю: «Что еси, Господине Княже, слышавъ?» И рече Князь великій: «Слышавъ, брате, гроза велика есть.» И рече Волинецъ: «Обратишеся, Князь же, на полки Русскіе.» И яко же обратишася и бысть тихость велика. Волинецъ же рече Великому Князю: «Что еси, Господине, слышалъ?» Онъ же рече: «Ничто же, брате слышатъ, но тобою видѣхомъ отъ множества огней зари ималася.» И рече Дмитрій Волинецъ: «Княже Господине, добра суть примѣта и знаменія! Призывай Бога небеснаго и не оскудѣвай вѣрою.» И пакы рече: «Еще ми примѣта есть.» Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое ухо, предлежа на долгъ часъ и ставъ авѣ поничъ. И рече ему Князь Великій: «Что есть, брате, примѣта?» Онъ же не хотѣ сказать ему. Князь же Великій нудивъ его добръ, онъ же рече ему: «Едина ти есть на пользу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущую на двое, едина страна аки ѣвская жена плачущеся чадъ своихъ Елдинскимъ языкомъ, другая же страна, аки ѣвская дѣвица, просоу аки въ свѣрль, едина плачевнымъ гла-

сомъ. Азъ уже множество тѣхъ примѣтъ испытахъ сего ради надѣюся на Бога и на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ. Азъ чаю победы на поганыхъ, а християнъ множество падеть.» Слышавъ же то Князь Великій, прослезився, рече: «Да будетъ воля державѣ Господне.» И рече ему Волинецъ: «Невдобааетъ ти, Государю, того нинюму въ полцѣхъ повѣдати, но комуждо молити Бога вели, и святыхъ его на волю призывать.»

Въ туже ношъ нѣкто мужъ вѣсѣръ разбойникъ, именемъ Фома Хаверневъ поставленъ сторожемъ отъ Великаго Князя, мужъ роденъ, а поставленъ на крѣпкѣ сторожу отъ поганыхъ; сего же человека уверяя Богъ и откры ему видѣніе въ ношѣ: той видѣвъ на высоко облакъ изрядно идяше отъ востока, изъ него же изыдоша два юноши свѣтлы, имуще во обоехъ рукахъ мечи остры и ризы полковниками. «Кто вамъ повелѣ трѣбити отечество наше: намъ бо дарова Господь.» И навхана ихъ стѣчи. Оттолже уверенъ бысть человекъ той, и нача быти цѣломудръ. На утри же побѣда Великому Князю единому. Онъ же рече ему: «Никомуждъ сего повѣдай. Самъ же воздвѣ рудъ на небо и паца молитися глаголя: «Господи владыко, человекѣлюбче, молитвою святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, помози Господи, яко Моисею на Амаллика и Давиду на Голиага и первому Ярославу на Святополка и правду моему, Великому Князю Алесандру на хвалѣцагоса Короля Римскаго. Воздай же ми Господи, не по грѣхѣ моему; но издѣй на ны милость свою, и просвѣти насъ благоутробіемъ твоимъ, да не порадуются врази наши въ насъ и не рекутъ во странахъ вѣрныхъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша?»

Приспѣвже Сентября Великому Празднику и началному дни спасенія роду християнскому Рождеству святыи Богородицы, свѣтающеся Христоу Воскре-

СЕНЮ СВѢТЛОМУ И ВОСХОДЯЩУ СОЛНЦУ, БЫВШЕ ЖЕ УТРА ТОГО МГЛА: НАЧАША ГЛАСЫ ТРУБНЫЯ ОТЪ ОБОИХЪ СТРАНЪ СНИМАТИСЯ. ТАТАРСКІЯ ЖЕ ТРУБЫ АКЦ ОНѢМЪША, РУССКІЯ ЖЕ ПАЧЕ УТВЕРДИШАСЯ: ПОЛКЫ ЖЕ ЕЩЕ НЕВИДЯТСЯ, ЗАНЕЖЕ УТРО МГЛЯНО, НО ВЕЛМИ ЗЕМЛЯ СТОИТЕТЬ, А ТУ ГРЕЗУ ПОДАЕТЪ НА ВОСТОКЪ ДО МОРЯ, НА ЗАПАДЪ ЖЕ ДО ДУНАЯ. ПОЛЕ ЖЕ КУЛПОВО ПРЕГИБАЮЩЕСЯ, ВОСТРЕПЕТАША ЛУЗП И БОЛОТА, РѢКИ ЖЕ И ОЗЕРА ИЗЪ МѢСТЪ СВОИХЪ ВЫСТУПИША: НО НИКОЛИ ЖЕ УБО ТОЛКИМЪ ПОЛКОМЪ БЫТИ НА МѢСТѢ ТОМЪ. ВЕЛИКОМУ ЖЕ КНЯЗЮ ПРЕСѢДАЮЩЕ НА ВОЗКОМЪ КОНѢ И ѢДУЩУ ПО ПОЛКОМЪ СВОИМЪ И ГЛАГОЛЮЩЕ ПОЛКОВНИКОМЪ: «ОТЦЫ И БРАТІЯ, ГОСПОДА РАДИ, ПОДВІЗАЙТЕСЯ И СВЯТЫХЪ РАДИ ЦЕРКВЕЙ И ВѢРЫ ХРИСТИАНСКІЯ: СІЯ БО СМЕРТЬ НѢСТЬ ВЪ СМЕРТЬ, НО ЖИВОТЬ ВѢЧНЫЙ, ДА НИЧТО ЖЕ БРАТІЯ ЗЕМНАГО НЕ ЖЕЛАЙТЕ, ДА ВДЦЫ ПОВѢДЫМИ УВЪЗЕМСЯ ОТЪ ХРИСТА БОГА СПАСА НАШЕГО.» УТВЕРДИВЪ ЖЕ ПОЛКИ РУССКІЕ, И ПАКИ ПРИДЕ ПОДЪ СВОЕ ЧЕРНОЕ ЗНАМЕНИЕ И СНИДЕ СЪ КОНЯ НА ПРЪИЙ КОНЬ, СОВЛАЧАЯ СЪ СЕБЯ ПРИВОЛОКУ ЦАРСКУЮ И ВО ПНЮЮ ОБЛЕЧЕСЯ, ТОТЪ ЖЕ КОНЬ ДАСТЪ ПОДЪ МИХАЙЛА ПОДЪ АНДРЕЕВИЧА ПОДЪ БРЕНКА, И ТУ ПРИВОЛОКУ НА НЕГО ЖЕ ОБЛЕЧЕ, ИЖЕ БЪ ЕМУ ЛЮБИМЪ ПАЧЕ МЪРЫ. И ТО ЗНАЯ ПОВЕЛЪ РЫНДЪ СВОЕМУ ВОЗТИ ПЕРЕДЪ НИМЪ; ПОДЪ ТѢМЪ ЖЕ ЗНАМЕНЕМЪ И УБИЕНЪ БЫСТЪ ЗА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ СТАВЪ НА МѢСТѢ СВОЕМЪ, И ВОЗДѢВЪ РУЦЪ СВОИ НА НЕБО И ВЛОЖИ НЪ НЪДРА СВОЯ, ВЪ НИХЪ ЖЕ БЪ ЖИВОНОСНЫИ КРЕСТЪ, НА НЕМЪ ЖЕ БЪ ВО ОБРАЖЕНІИ СТРАСТИ ХРИСТОВЫ, И РЕЧЕ ВО УМИЛЕНИИ СЕРДЦА: «ТЕБЪ УЖЕ НАДѢЮСЯ КОНЕЧНОЕ ЖИВОНОСНОМУ КРЕСТУ, ИЖЕ СИМЪ ОБРАЗОМЪ ЯВИСЯ ПРАВОСЛАВНОМУ ГРЕЧЕСКОМУ ЦАРЮ КОНСТАНТИНУ И ДАДЪ ВСИ НА БРАНЬ СІЮ СУЩУ ПОВѢДУ. НЕ МОГУТЪ БО ОБРЪЗАНІИ ЧЕЛОВѢЦЫ ПРОТИВЪ ОБРАЗУ ТВОЕМУ СТОЯТИ. ТАКОЖЕ И ЖИВНЪ УДИВИ, ГОСПОДИ, МИЛОСТЬ СВОЮ НА НАСЪ.» ВЪ ТОЖЕ ВРЕМЯ ПРИНЕСОНА ГРАМАТУ ОТЪ ПРЕПОДЪБНАГО ИГУМЕНА СЕРГІЯ, ВЪ НЕИЖЕ НАПИСАНО БЫТЪ: «ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВЕЛИКИМЪ РУССКИМЪ КНЯ-

ЗЕМЪ МІРЪ И БЛАГОСЛОВЕНІЕ ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОИПСТВУ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ СЛЫШАВЪ ПИСАНІЕ ОТЪ ПРЕПОДЪБНАГО СТАРЦА И ЦѢЛОВАВЪ ПОСЛАННИКА ТОГО ЛЮБЕЗНО. ТѢМЪ ЖЕ ПИСАНІЕМЪ АНГЕЛЪНЫМИ БРОСИМЪ ТРЕГДЫМИ УКРѢПИСЯ, И ЕЩЕ ДАСТЪ ЕМУ СТАРЕЦЪ ДАРЪ ПОСЛАННЫЙ ОТЪ ИГУМЕНА СЕРГІЯ СВЯТЫЙ ХЛѢБЕЦЪ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОМАТЕРИ. КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ СІЯДЪ ХЛѢБЕЦЪ СВЯТЫЙ, И ПРОСТЕРЪ РУЦЪ СВОИ НА НЕБО, ВОЗОПІ ВЕЛЕГЛАСНО: «О ВЕЛИКО ПИЯ СВЯТЫЯ ТРОИЦЫ! ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, ПОМОГАЙ НАМЪ ТВОИМИ МОЛІТВАМИ И ПРЕПОДЪБНАГО ИГУМЕНА СЕРГІЯ.» ПРИНІМЪ ЖЕ КОНЬ СВОЙ КРЪНКО И ВЪЗЕМЪ ПАЛЦУ СВОЮ ЖЕЛЕЗНУЮ, ПОДВІЗАВСЯ ИЗЪ ПОЛКУ ВОИЪ, ВОСХОТЬ ПЕРЕЖЕ САМЪ НАЧАТИ ОТЪ ГОРЕСТИ ДУША СВОЕЯ. МНОЗИЖЕ КНЯЗИ РУССКІЕ И ВОЕВОДЫ УДЕРЖАША ЕГО, ГЛАГОЛЮЩЕ: «НЕ ПОДОВАЕТЪ ТЕБЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ САМОМУ И ВЪ ПОЛКУ БЫТИ, ПОДОВАЕТЪ ТЕБЪ ОСОБЪ ПОЛКОМЪ СТОЯТИ И НАСЪ РАСМОТРЯТИ. ТО ПРЕДЪ КѢМЪ НАМЪ ЯВИТИСЯ БЫЮЩЕСЯ, ЕГДА УПАСЕТЪ ГОСПОДЬ ТЕБЯ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ; А НАМЪ ЧТО СЛУЧИТЪ БОГЪ КОМУ СМЕРТЬ ПЛИ ЖИВОТЬ, И ТЫ ПОЧЕМУ ХОЩЕШИ РАЗУМѢТИ, КАКЪ КОГО ЧТИТИ И ЖАЛОВАТИ. МЫ ВСИ ГОТОВИ ВСМИ ГОСУДАРЬ ГОЛОВЫ СВОЯ СЛОЖИТИ ЗА ТЕБЯ, ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ТЕБЪ ЖЕ ГОСУДАРЮ ПОДОВАЕТЪ ПАМЯТИ ТВОРИТИ, КТО СЛОЖИТЪ ГОЛОВУ СВОЮ И ВЪ КНИГИ СОВОРНЫЯ ПИСАТИ, ПАМЯТИ ДѢЛА, РУССКИХЪ СЫНОВЪ, ИЖЕ ПО НАСЪ БУДУТЪ, ЯКОЖЕ ОДЕНТИЙ ЦАРЬ ФЕОДОРУ ТИГОНУ ПАМЯТИ ТВОРИЛЪ. АЩЕ ЛИ ТЕБЯ ЕДИНАГО ИЗГУБИМЪ: ТѢ ОТЪ БОГО ПАМЯТИ ЧАЕМЪ, АЩЕ ВСЪ ЖИВНЪ БѢСЪ, А ТЕБЯ ИЗГУБИМЪ: ТО КІИ УСПѢХЪ БУДЕТЪ НАМЪ, АКИ СТАДА ОВЧА, НЕИМУЩЕ ПАСТЫРЯ, УЧНЕВЪ ВОЛОЧИТИСЯ, НИ НА ЧТО ЖЕ ВЗІРАЯ, ПРИШЕДЪ ЖЕ ВОЛЦЫ И РАСПУДЯТЪ НАСЪ, И КТО ХОЩЕТЪ СПАСТИ НАСЪ. ТЕБЪ ГОСУДАРЮ ПОДОВАЕТЪ СПАСТИ СЕБЯ И НАСЪ.» КНЯЗЬ ЖЕ ВЕЛИКІЙ РЕЧЕ ИМЪ: «БРАТІЯ МОЯ МИЛАЯ, ДОБРЫ ВАШИ РЪЧЕ, НЕМОГУ ВАМЪ ПРОТІВУ ОТВѢДАТИ: ИЗВѢСТНО БО ГЛАГОЛЕТЕ, ТОКМО ЖЕ И О СЛОВЕСЕХЪ ВАШИХЪ ПОХВАЛЮ НАСЪ, КТО БО

ВОЛѢ МЕНЕ БЫЛЪ ВЪ ВАСЪ ВЪ РУССКИХЪ КНЯЗЕХЪ? Но азъ былъ вамъ глава, и всегда прежде васъ благая восприяхъ. И нынѣ такожь прежде васъ хочу почати: благая отъ Бога прияхъ, а злыхъ ли не могу терпѣти? Мень бо ради всякие собраныи на Русь воздвигошася и како могу видѣти васъ погнѣаемыхъ, а самъ стояти; прочее къ тому не терплю, да общую чашу имамъ пити съ вами. Аще ли умру, вмѣстѣ съ вами, аще ли живъ буду, вмѣстѣ съ вами же.» Передовые же полки ведетъ Димитрій Всеволожь, а съ правую руку ему идетъ Николай Чаславевичъ со многими людьми. Погани же бредутъ оба полъ, нѣдѣ бо имъ раступятся, мало есть мѣста имъ. Безбожнѣй же царь Мамай выѣха на высоко мѣсто съ темными своими князи, зря пролитіе челоувѣчскія крови. Уже бо близъ себѣ сходишася и выѣдетъ же Печеньгъ сзади изъ полку Татарскаго, предо всми мужествова, похваляясь и хвабгуя, подобенъ бысть древному Голибу. Видѣвъ же его Игнресвятъ чернецъ, иже въ въ полку у Димитрія Всеволожа и двигся изъ полку вошь, рече: се челоувѣкъ иже себѣ подобна шеть, азъ же хочу съ нимъ видѣтися. Бъ же шелоу на главъ его Архангельскаго образа вооруженъ схиною, по повельшиу Игумена Сергія. И рече: Отцы и братія, простите мя грѣшнаго и, брате, Ослава, моли за ми Бога; Преподобне отче Игуменъ Сергіи, помогай ми молитвою своею. И устремися противу ему. Христиане же вси кликнуша: Боже помози рабу своему. Онъ же ударившася копъи, едва удержашеся, что непреломившеся земля подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Онъ же оба спадоша съ копей на землю, ту и скончашася. Наставшу же второму часу дни, видѣвъ же то Князь Великій и рече своимъ полковникомъ: «Видите, братія, гости наша ближуются, уже бо время приближися и часъ присконъ.» Ударивша каждо по коню своему и крикнуша вси единогласно: «Бо-

же христианскій, помози намъ!» Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася: треснуша копия харалужная, звѣнѣтъ доспѣхи значенные, стучать щиты черленые, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли и много напрасно бьющеся неточно оружіемъ бьющеся, но и сами о себѣ извѣвахуся и подъ копейными ногами умпраху, отъ великія тѣсноты задыхавшася, яко немощно въ вмѣстѣтихся имъ. На полъ Куликовъ между Дюномъ и Мечею сильни полки вступишася, изъ нихъ же вытекають кровавые ручьи и тренетали силни молнии отъ облитания мѣннаго и отъ сазлѣи булатныхъ, и бысть, яко громъ отъ копейнаго слоуженія. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго во единомъ часѣ и въ мгновениіи ока. О koliko тысящъ челоувѣкъ погиваетъ созданія Божія! воля бо Господня совершается, Въ то же время тутошныя рѣки мутно коили, вострепѣташа лужи и волота, езера выступиша изъ мѣстѣ своихъ, протопташеся холми высоко, траву же кровию подмывало, льющеся кровемъ аки рѣчны быстринамъ на всю страну. До пятаго часа бьющеся неослабѣющу, 6-му же часу наставшу, Божиимъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣховъ, начаша одолювати погани: мнози бо отъ вельможъ Русскихъ повиеши суть, и Русскіе удалцы повиеши суть, аки сильни древа слоужшася. Не турове возрѣвѣша, возрѣвноваша мнози удалцы урѣвѣющеся на землю подъ колскія копыта, и мнози же сынове Руски скончашася. Самого же Великаго Князя вельми уязвивша, оиъ же уклонися съ коня и соиде съ повоища едва моги. Татарове же мнози стязи Великаго Князя подсыкоша, но Божию силою до конца неистребишася, паче крѣвишася. Яко же 6-му часу минующе погани же всюду задойша и около христианъ обступиша Татарове. Уже бо мало есть полковъ христианскихъ: всѣ полки Татарскіе. Видѣвъ же то Князь Володиміръ Андреевичъ, не могъ по-

БѢДЫ ТЕРПѢТИ. И РЕЧЕ ДИМИТРИЮ ВОЛЫНЦУ: «БРАТЕ ДИМИТРИЙ, ЧТО УБО ПОЛЪЗЕТЕ НАШЕ СТОЯНИЕ, ДА КОМУ ХОЩЕМЪ ПОМОЩИ?» И РЕЧЕ ЕМУ ДИМИТРИЙ ВОЛЫНЕЦЪ: «БѢДА ВЕЛИКА, КНЯЖЕ; НЕ УЖЕ БО ЕЩЕ ПРИШЛА ГОДИНА, НАЧИНАЯ БО БЕЗЪ ВРЕМЕНИ, БѢДУ СЕБѢ ПРИЕМЛЕМЪ. МАЛО УБО ПОТЕРПИМЪ, ВОНЪ ЖЕ ЧАСЪ ИМАМЪ ВДАДЕ ОТДАТИ ПРОТИВНИКОМЪ; ТОКМО НЫНѢ ПРИЗЫВАЙТЕ БОГА И ЖДИТЕ ОСМАГО ЧАСА, ВОНЪ ЖЕ ИМАТЬ БЫТИ БЛАГОДАТЬ БОЖИИ И ХРИСТИЯНСКАЯ ПОМОЩЬ.» КНЯЗЬ ЖЕ ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВОЗДѢВЪ РУЦЪ СВОИ НА НЕБО И РЕЧЕ: «БОЖЕ ОТЕЦЪ НАШИХЪ, СОТВОРИВШИЙ НЕБО И ЗЕМЛЮ! НЕ ДАЙ ЖЕ, ГОСПОДИ, ПОРАДОВАТИСЯ ВРАГОМЪ НАШИМЪ О НАСЪ!» СЫНОВЕ ЖЕ РУССКІЕ ВЪ ПОЛКУ ЕГО ПЛАЧУЩЕСЯ, ВИДЯЩЕ ДРУГИ СВОИ ПОБВЯЕМЫ, НЕПРЕСТАННО ПОРЫВАЮЩЕСЯ, АКИ ЗВАННЫЕ НА БРАКЪ СЛАДКАГО ВИНА ПИТИ. ДЪНО БО ЕСТЬ ВЪ ТО ВРЕМЯ И СТАРУ ПОМОЛОДИТИСЯ, А МОЛОДУ ХРАБРОСТИ ИСПЫТАТИ. ВОЛЫНЕЦЪ ЖЕ ВОЗБРАНЯШЕ ПМЪ, РЕЧЕ: «МАЛО ПОЖДИТЕ, БУЯНИИ СЫНОВЕ РУСКИИ, ЕСТЬ БО ВАМЪ ЕЩЕ СЪ КВМЪ УТѢШИТИСЯ, ПИТИ И ВЕСЕЛИТИСЯ!» — ПРИСПѢВШУ ЖЕ ОСМОМУ ЧАСУ И ПОВѢЯ ВЪТРЕЦЪ ЮЖНЫЙ ПОВАДИ ИХЪ. ВОЗОНИ ЖЕ ВОЛЫНЕЦЪ ГЛАСОМЪ ВЕЛИКИМЪ, И РЕЧЕ: «КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ, ВРЕМЯ ПРИДЕ И ЧАСЪ ПРИСПѢ. И ПАКИ РЕЧЕ: ДЕРЗАЙТЕ, БРАТІЯ И ДРУЗИ, СИЛА БО СВЯТАГО ДУХА ПОМОГАЕТЪ НАМЪ. И ВЪЗЪДОША ИЗЪ ДУБРАВЫ ЕДИНОМЫСЛЕННЫЕ ДРУЗИ, АКИ СОКОЛЫ ИСПУЩЕНИ, И УДАРИШАСЯ НА СТАДА ЖУРАВЛИНА. И ТАКО СТЕЛИ НАПРАВЛЕНИ КРЪВКИМЪ ВОЕВОДОЮ; БЛХУ БО ЯКО ОТГОЦЫ ДАВИДОВИ, ИМЪ ЖЕ СЕРДЦА БЫША АКИ ЛЬВОМЪ, И АКИ НА ОВЧА СТАДА УДАРИШАСЯ НАПРАСНО. ПОГАНИИ ЖЕ ВИДѢВШЕ И КРИВНУША ГЛАГОЛЮЩЕ: «УВЫ НАМЪ, ПАКИ РУСЬ НАСЪ УМУДРИША! ХУДИТЕ ЖЕ СЪ НАМИ ВИПСАЯ, И ЛУЧШЕ СОБЛЮДОШАСЯ.» И ОБРАТИШАСЯ ПОГАНИИ, ДАША ПЛЕЩИ СВОИ. СЫНОВЕ ЖЕ РУССКІЕ СИЛОЮ СВЯТАГО ДУХА БЛХУ ИХЪ И ПОМОЩЮ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ БОРИСА И ГЛѢБА, АКИ ДѢСЪ КЛОНЯХУ, АКИ ТРАВА ОТЪ КОСЫ ПОСЪТЪАЕТСЯ, РУССКИИ МЕЧИ СВЪКУТСЯ ТАТАРСКИИ ЖЕ ПОЛКИ. БѢЖАША ЖЕ

ТАТАРОВЕ, ГЛАГОЛЮЩЕ СВОИМИ ЯЗЫКИ: «УВЫ И ТЕБѢ ЧЕСТНИЙ ЦАРЮ МАМАЮ ВИСОКО ВОЗНЕСЕЯ ЕСИ, И ДО АДА СПЕЛѢ ЕСИ!» — МНОЗИ ЖЕ И УЯЗВЕНИ НАШИХЪ ПОМОГАХУ, СВЪКУЩЕ БЕЗЪ МЛОСТИ, НИ ЕДИНОМУ ЖЕ ИХЪ НЕ МОГУЩУ УБѢЖАТИ, ПОНЕЖЕ КОНИ ИХЪ ИСТОМНИШАСЯ. МАМАЙ ЖЕ ЦАРЬ ВИДѢВЪ НАПРАСНО СВОИХЪ ПОБВЯЕМЫХЪ И НАЧА ПРИЗЫВАТИ БОГИ СВОИ: ПЕРУНА, САВАНА, ТАМОКОША, РАКЛИЯ, ГУРСА И ВЕЛИКАГО СВОЕГО ПОМОЩНИКА АХМЕТА. И НЕ БЫСТЬ ЕМУ НИЧТО ЖЕ ПОМОЩИ ОТЪ НИХЪ; СИЛА БО СВЯТАГО ДУХА АКИ ОГНЕМЪ ПОЖИГАЕТЪ ИХЪ. МАМАЙ ЖЕ ЦАРЬ РЕЧЕ ЕВПАТОМЪ СВОИМЪ: «ПОВЪГНЕМЪ, БРАТІЯ, НИЧТО ЖЕ УБО ДОВРА ЧАЯТИ ИМАМЪ, ХОТИ, БРАТІЕ, ГОЛОВЫ СВОИ УНЕСЕМЪ.» АБИЕ ПОВЪЖЕ СЪ ЧЕТЫРЕМИ МУЖА. МНОЗИ ЖЕ ОТЪ ХРИСТИЯНЪ ГОНЯШАСЯ ЗА НМЪ, НО КОНИ ИХЪ НЕ ОДОЛЪША; ДѢЛИ БО КОНИ ПОДЪ НИМИ, ЯКО НЕ БЫША НА БОЮ. ВОЗВРАТИЖЕСЯ И ОБРЪТЕ ТРУПЦА МЕРТВЫХЪ ТАТАРЪ ОБЪОНЪ СТРАНУ РЪКИ НЕПРЯДВИ, ИДѢЖЕ НЕ БЫША РУССКІЕ ПОЛКИ. СІЯ БО ВИТЫ СУТЬ ОТЪ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ БОРИСА И ГЛѢБА, О НИХЪ ЖЕ ПРОВИДЪ ООМА ХАБЕРЦЕВЪ. ИНЫЕ ЖЕ УДАЛЫЕ ЛЮДИ ГОНЯШАСЯ; ЕГДА ВСѢХЪ ДОСТУПША, ТОКМО ЦАРЬ МАМАЙ УВЪЖЕ СЪ ЧЕТЫРЕМИ МУЖИ И ВОЗВРАЩАХУЖЕСЯ РУССКІЕ СЫНОВЕ КОИЖДО ПОДЪ ЗНАМЯ СВОЕ.

КНЯЗЬ ЖЕ ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, СТАВЪ НА КОСТЬХЪ ПОДЪ ЧЕРНЫМЪ ЗНАМЕНЕМЪ, И НЕ ОБРЪТЕ КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ ИВАНОВИЧА БРАТА СВОЕГО, И ПОВЕЛЪ СОБРАННОЮ ТРУБОЮ ТРУБИТИ, И ЖДА ЧАСА, НЕ ОБРЪТЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, НАЧА ПЛАКАТИСЯ И ПО ПОЛКОМЪ ВЪДИТИ, ГЛАГОЛАТИ: «БРАТІЯ, КТО ВИДѢДЪ ИЛИ СЛЫШАЛЪ ЕСТЬ ГОСУДАРЯ СВОЕГО КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ? СЕ БО, БРАТІЕ, ПОДОБНО ЯКО ЖЕ ПИСАНО ЕСТЬ: ПОРАЖЕНЪ ПАСТЫРЬ И РАЗЫДУТСЯ ОВЦЫ. КОМУ СІЯ ЧЕСТЬ ДОВЛѢЕТЪ?» И РЕКОША ЛИТОВСКІЕ КНЯЗИ: «МЫ ЧАЕМЪ, ЯКО ЖИВЪ ЕСТЬ, НО УЯЗВЕНЪ ВЕЛИКИ, ЕГДА ВО ТРУПЦЪ БУДЕТЬ; А ИНОЙ РЕЧЕ: АЗЪ ВИДѢХЪ ЕГО ВЪ ПЯТЫЙ ЧАСЪ БЮЩЕСЯ КРЪВКУ; А ИНОЙ РЕЧЕ: АЗЪ ВИДѢХЪ ЕГО, ЕЩЕ ПОЗДНѢ ТОГО БЮЩЕСЯ, НО ЧЕТЫРЕ ТАТАРИНА НАЛЕЖАХУ ЕМУ.» И-

кто же Юрьевской юноша Князь Стефанъ Новоселской ту стоя, рече: «Азъ видѣхъ его предъ самыми твоими прѣздомъ, пѣша по побойцу идуща, и уязвлена вельми, и еще ему стужаютъ четыре Татарина, азъ же бился съ Татаринომъ и помощю Божию борзо побѣдихъ его и погнахся за тѣми, иже стужаютъ Великому Князю: немощно бо въ борзо гонитися, неможе конь итти по трупу человѣчу борзо. Но сугонивъ Татарина убилъ, три же ихъ на мя нападоша много ми стужаху, и по милости Божии два отъ нихъ убихъ, третій же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ. Узрѣвъ же иные Татарове навхаша на мя, и многими стужаши и раны многи нанесоша ми, крѣпко отъ нихъ пострадахъ, едва изыдохъ отъ нихъ, и въ трупу прѣбыхъ дондеже ты приспѣ.» Рече же ему Князь Владимиръ Андреевичъ: «Извѣстно есть, брате Стефане, видѣние твое; аще кто нынѣ обрящетъ Великаго Князя, поистиннѣ чѣстнѣ будетъ.» Нарочитые же отроцы разсунушася по великому грозному побойцу, ищуще побѣдителя. Ови же наидоша Михайла Андреевича Бренка, и чающе Великимъ Княземъ; а иные навхаша Князя Федора Семеновича Бѣлозерскаго, чающе Великимъ Княземъ. Два же воина, великие витязи, уклонившася на десную страну въ дубраву, единого зовутъ Сабуромъ, а другой Григорій Хлопичевъ, родомъ же оба Костромичи; мало же выѣхавъ съ побойца, навхаша Великаго Князя бита вельми и съчена отдыхающа подъ посъщеннымъ древомъ подъ березою. Видѣвше же его, скочивша съ коней и поклонившася ему съ радостію; Сабуръ же возвратися и повѣда Великому Князю Владимиру Андреевичу: «Князь Великій Дмитрій Ивановичъ здравитъ и во вѣки царствуетъ.» Вся же князи и бояре скоро сунушася, скочивша съ коней и поклонившася Великому Князю, глаголюще: «Наше древо Ярославле, новыи Александре, силъ повѣда тебѣ Государю чѣсть повѣдается!»

Т. I. Ч. IV.

Князь Великій едва нуждею промолвилъ, рече: «Повѣдайте ми повѣду сию?» Рече же братъ его Князь Владимиръ Андреевичъ: «По милости Божией и Пречистыя его Матери, молитвами и помощю сродникъ нашихъ Бориса и Гльба, молениемъ Русскаго Святителя Петра и его способника Игумена Сергія, и всѣхъ тѣхъ святыхъ молитвами, супостати наши побѣждени суть, а мы спасохомся.» Слышавъ же то Князь Великій, ставъ на нозъ свои, и рече: «Сей день сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонѣ.» И привелоша ему конь кротокъ. Онъ же иная многая рече со князи и съѣдъ на конь и выѣхавъ на побойцу, видѣвъ многое множество биты воинства своего, а поганыхъ въ четверо того волѣ битыхъ. Обративъ къ Волинцу и рече: «Брате Дмитрій, воистинну разумлявъ еси, и неложена примѣта твоя! Подобаеть ти всегда бити воеводою.» И нача съ братомъ своимъ и съ новонареченною братиею, съ Литовскими Князи, и съ иными оставшими ѣздити по побойцу, а сѣдцемъ кричаше и слезами умываяся, навхалъ на мѣсто, идѣже лежатъ Князи Бѣлозерстѣи вси вкупе посъчени и ту лежить влѣзъ Миклула Васильевичъ. Надъ ними же ставъ Государь, проплакавъ и рече: «Братія моя, Князи Русскіе, аще имате дерзновение ко Господу, молитесь и о насъ, да вкупе съ вами будемъ!» И пакы на иное мѣсто привде, найдъ своего наперстника Михайла Андреевича Бренка и влѣзъ его Семена Мелнка крѣпкаго сторожа, влѣзъ его Тимофѣй Валувичъ и туто же влѣзъ Пересвѣтъ чернецъ влѣзъ нарочитаго богатыря лежаща. Видѣвъ же его Князь Великій рече: «Видите, братіе, своего починальника! той побѣди подобна себѣ чловѣка, отъ него же было пѣти многимъ горькую чашу.»

Стоявъ же Князь Великій за Дономъ 50 дней, дондеже разобраша христіанская тѣлеса съ нечестивыми; христіане же похраниша, колко успѣша, а нечестивыи повержени зѣремъ на рас-

КНИЖЕНІЕ. Поганому царю Мамаю от-
сель събжавши и довѣже, идѣже есть
градъ Кафа: имя же свое потацѣ
баше и познанъ бысть цѣкомъ гос-
темъ купцемъ Фряжскимъ, ту и ушенъ;
удальцы восплескаше въ Татарскихъ
узорочяхъ, везучи въ землю уюсы и
насычи бутай коне и вола и вельлю-
ды, меды и вина и сахары! Предвоз-
несеса слава Русская надъ поганыхъ
землею, ревутъ рози великаго Князя

по всемъ землямъ. Пойдѣ по всемъ
градомъ ко Орнату Криму къ Кафѣ
къ желѣзнымъ вратомъ, ко Царю
граду на похвалу: Русь поганыхъ одо-
лѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ на
Непрядвѣ. Воздадимъ хвалу Русской
земли. Кой градъ глава встѣмъ гра-
домъ, Володимиръ и Ростовъ, хвалу
воздаютъ Богу со всеми грады. Про-
славлю милость Божию во вѣки въ
ковѣ. Аминь.

